

ОКСФОРДСКАЯ
ИСТОРИЯ
СОЕДИНЕННЫХ
ШТАТОВ АМЕРИКИ

Джеймс
МАКФЕРСОН

БОЕВОЙ
КЛИЧ
СВОБОДЫ

Гражданская
война
1861—1865

ОКСФОРДСКАЯ ИСТОРИЯ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Джеймс МАКФЕРСОН

БОЕВОЙ КЛИЧ СВОБОДЫ

Гражданская война 1861—1865

ОКСФОРДСКАЯ ИСТОРИЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Robert Middlekauff
THE GLORIOUS CAUSE
The American Revolution, 1763—1789

Gordon S. Wood
EMPIRE OF LIBERTY
A History of the Early Republic, 1789—1815

Daniel Walker Howe
WHAT HATH GOD WROUGHT
The Transformation of America, 1815—1848

James M. McPherson
BATTLE CRY OF FREEDOM
The Civil War Era

David M. Kennedy
FREEDOM FROM FEAR
The American People in Depression and War,
1929—1945

James T. Patterson
GRAND EXPECTATIONS
The United States, 1945—1974

James T. Patterson
RESTLESS GIANT
The United States from Watergate to Bush vs. Gore

George C. Herring
FROM COLONY TO SUPERPOWER
U.S. Foreign Relations Since 1776

James M. McPHERSON

BATTLE CRY OF FREEDOM

The Civil War Era

OXFORD
UNIVERSITY PRESS
1988

Джеймс МАКФЕРСОН

БОЕВОЙ КЛИЧ СВОБОДЫ

Гражданская война
1861—1865

Екатеринбург
ГОНЗО
2012

УДК 94(7)
ББК 63.3(7)
М17

Перевод с английского
Д. Голубцова
Battle Cry of Freedom:
The Civil War Era
(Oxford History of the United States)
by James McPherson

Макферсон, Дж.

М17 Боевой клич свободы : Гражданская война 1861—1865 / Джеймс Макферсон ; [пер. с англ. Д. Голубцова]. — Екатеринбург : Гонзо, 2012. — 976 с.

ISBN 978-5-904577-08-7

Тридцать лет назад под общим руководством одного из выдающихся американских историков современности Вэнна Вудворда (1908—1999) началось издание оксфордской «Истории Соединенных Штатов». Впечатляющая серия состоит из отдельных томов, составленных в хронологическом порядке, каждый из которых посвящен определенному периоду (к настоящему времени выпущены в свет восемь из намеченных двенадцати книг).

В этом томе профессор Макферсон подробно рассматривает социально-политические, экономические и культурные противоречия, сделавшие Гражданскую войну неизбежной, рисует широкую панораму военных операций, промышленной мобилизации и дипломатических маневров сторон, набрасывает краткие, но выразительные портреты основных деятелей эпохи. Живой стиль изложения в сочетании со строгостью научного исследования, ведущегося в опоре на огромный массив документов и исторической литературы, делают «Боевой клич свободы» равно интересным как специалистам, так и любителям истории.

УДК 94(7)
ББК 63.3(7)

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without the prior permission of Oxford University Press

© 1988 by Oxford University Press
© ООО «Издательско-гуманитарное
агентство «Александрия», 2010
© ООО «Издательство Гонзо», 2012

Содержание

Предисловие редактора	8
Предисловие автора	11
Пролог. От дворцов Монтесумы	17
Песня	20
1. Соединенные Штаты в середине XIX столетия.	21
2. «Мексика отравит нас».	68
3. Рабовладельческая империя	103
4. Рабство, пьянство и папизм	147
5. Преступление против Канзаса.	179
6. «Низы общества и засаленные мастерские за Авраама Линкольна»	208
7. Революция 1860 года	245
8. Контрреволюция 1861 года.	281
9. На распутье: дилемма Верхнего Юга	328
10. Война дилетантов	365
11. Прощание с девятистодневной войной.	400
12. Блокада и десантные операции: война на море в 1861—1862 годах	432
13. Речная война в 1862 году.	458
14. Движущие силы войны.	499
15. «Чикахомини-блюз» янки Билли.	529
16. «Или мы освободим рабов, или сами станем рабами»	568

17.	«Верни меня в Виргинию домой»	592
18.	Виргинская кадрили «Джона Булля»	630
19.	Три реки зимой 1862—1863 годов	654
20.	Пожар в тылу	679
21.	Незабываемое лето 1863 года	717
22.	«Чаттануга-блюз» мятежника Джонни	761
23.	«Когда эта ужасная война закончится...»	786
24.	«Если это займет все лето...»	818
25.	После четырех лет неудач	853
26.	«Нас сотрут с лица земли»	877
27.	«Южная Каролина должна быть разрушена»	911
28.	«Мы все американцы»	937
	Эпилог. Подводные камни победы	960
	Послесловие	970
	Список сокращений	975

Карты

Экономика Юга	129
Выборы 1860 г. и сецессия Юга	283
Сражение при Булл-Ране (Манассасе), 21 июля 1861 г.	405
Военные действия в Кентукки и Теннесси, зима — весна 1862 г.	466
Битва при Шайло, 6—7 апреля 1862 г.	479
Кампания Джексона в долине Шенандоа, май — июнь 1862 г.	535
Кампания на Полуострове, апрель — май 1862 г.	541
Семидневная битва, 25 июня — 1 июля 1862 г.	541
Операции южан на западе, лето — осень 1862 г.	603
Второе сражение при Манассасе (Булл-Ране)	613
Битва при Энтитеме, 17 сентября 1862 г.	626
Битва при Фредериксберге, 13 декабря 1862 г.	659
Попытка северян взять Виксберг, зима 1862—1863 гг.	669
Битва при Стоунз-Ривер (Мерфрисборо), 31 декабря 1862 — 2 января 1863 г.	669
Виксбергская кампания, апрель — июль 1863 г.	722
Битва при Ченселлорсвилле, 2—6 мая 1863 г.	736
Битва при Геттисберге, 1—3 июля 1863 г.	752
Движение к Чикамоге, июнь — сентябрь 1863 г.	768
Действия под Чаттанугой, октябрь — ноябрь 1863 г.	776
Сражение в Глуши и при Спотсильвании, 5—12 мая 1864 г.	828
От Спотсильвании к Питерсбергу	837
Атлантская кампания, май — сентябрь 1864 г.	848
Теннессийская кампания Худа, октябрь — ноябрь 1864 г.	919
Сражение под Нашвиллом, 15—16 декабря 1864 г.	919

Предисловие редактора

Ни один период американской истории не предъявляет к историку больших требований, чем эпоха Гражданской войны. Для того чтобы справиться с этой невероятной задачей, все классические исследования на эту тему представляют собой многотомные издания. Алану Невинсу, например, потребовалось восемь объемистых томов. Одним из замечательных аспектов настоящего издания стало то, что автору удалось всесторонне осветить эту эпоху в рамках одного тома. Естественно, получился настоящий фолиант, и, возможно, он окажется самым объемистым среди десяти томов Оксфордской «Истории Соединенных Штатов», а тот факт, что он (несмотря на этот объем) охватывает самый короткий период в истории страны, требует некоторых пояснений со стороны редактора.

Прежде всего, возникает вопрос о несоответствии объема книги краткости рассматриваемого временного отрезка. Между важностью, запутанностью, количеством исторических событий и промежутком времени, в котором они произошли, связь весьма слабая. Одни исторические события раскрывают свою огромную значимость век за веком, тогда как другие, не менее важные, происходят с ошеломляющей быстротой. В этой книге мы, несомненно, имеем дело со вторым типом событий. В своем предисловии к данному труду Джеймс Макферсон описал поколение Гражданской войны как жившее «в тот период, когда понятия „время” и „сознание” обретали новые оттенки». Историки, описывающие те времена, должны принимать во внимание эти «новые оттенки». Если уж участникам тех событий казалось, «будто за один год они прожили всю жизнь», то историкам, что вполне резонно, понадобится больше страниц, больше места для того чтобы отдать должное такой эпохе. Это также помогает объяснить, почему про годы Гражданской войны написано больше, чем про какой-либо иной период: чем больше написано, тем больше открывается перед

нами и тем больше спорных вопросов могут разрешить современные историки.

В период Гражданской войны сохраняются все давние «тренды» американской истории: освоение и заселение земель Дикого Запада, переселение и сопротивление индейских племен, экономический рост, волны иммиграции из Европы, непоследовательность дипломатии — во время войны эти тенденции никуда не делись, и все они в какой-то мере освещаются в книге. Однако они, естественно, подчинены главной теме или, по крайней мере, переплетаются с ней. Действительно, нелегко представить находящегося в здравом уме историка, который бы вставил целую главу, посвященную, скажем, внутренним усовершенствованиям или экспансии на Запад, между описанием канонады при Геттисберге и падением Виксберга. Подобно своим коллегам-историкам, задействованным в работе над Оксфордской *«Историей Соединенных Штатов»*, Джеймс Макферсон заключил соглашение с авторами предыдущих и последующих томов, касающееся ответственности за всестороннее освещение «пересекающихся» событий.

Из десяти эпох, охваченных этой серией, вы не найдете ни одной, когда бы американцы не оказались вовлечены в ту или иную войну. Две из них — мировые, а еще в трех исследованиях анализируется война за независимость в XVIII веке. Чем же тогда можно объяснить пристальное внимание и большой объем, выделенный под эту конкретную войну? Существует множество параметров для оценки сравнительной значимости войн. Среди них численность войск или количество судов, вовлеченных в боевые действия, длительность конфликта, размер потраченных на него средств, перечень достигнутых или же недостигнутых целей и т. д. Одним из самых простых и красноречивых критериев является количество потерь сторон. В конечном счете, количество американцев, погибших в Гражданскую войну, превышает количество павших во всех остальных войнах вместе взятых, считая и мировые, так что пристальное внимание к этой странице американской истории можно оправдать и таким образом.

К. Вэнн Вудворд

*Вэнну, Вилли,
а также памяти
Гленна и Билла,
познакомивших меня с миром истории
и научным сообществом
в те старые добрые дни
в Хопкинсе*

Предисловие автора

Обе противоборствовавшие во время Гражданской войны в США стороны декларировали борьбу за свободу. Юг, как в 1863 году говорил Джефферсон Дэвис, был «вынужден взять в руки оружие, чтобы отстоять политические права, свободу, равенство и государственный суверенитет, что является наследием, доставшимся нам ценой жизни наших предков, завоевавших независимость». Но если Конфедерация осуществит этот замысел, утверждал Авраам Линкольн, то Союз, теми же самыми предками основанный как «последняя и наилучшая надежда» на сохранение республиканских свобод во всем мире, будет уничтожен. «Мы должны немедленно определиться, — говорил Линкольн в 1861 году, — имеет ли меньшинство в свободном государстве право разваливать это государство, когда этому меньшинству заблагорассудится».

Журналисты-северяне подняли на смех призыв Конфедерации сражаться за свободу. Как заявил поэт и издатель Уильям Каллен Брайант: «Их лозунг — не столько свобода, сколько рабство». Однако сами северяне поначалу не вели борьбу за освобождение рабов. «У меня нет цели прямо или косвенно препятствовать рабовладению в тех штатах, где оно уже существует», — заявлял Линкольн в начале конфликта, а союзный Конгресс в июле 1861 года подавляющим большинством одобрил такую позицию. Правда, не прошло и года, как Линкольн и Конгресс сделали вопрос об освобождении рабов в штатах Конфедерации ключевым среди целей войны. А уже к моменту произнесения Геттисбергской речи в ноябре 1863 года Север сражался за «возрождение свободы», за превращение Конституции, дарованной отцами-основателями, согласно которой Соединенные Штаты превратились в крупнейшее рабовладельческое государство в мире, в хартию освобождения республики, где, как гласил северный вариант «Боевого клича свободы»: «Никто не должен быть рабом».

Многозначность терминов «рабство» и «свобода», их исчезновение и новое обретение в горниле войны являются лейтмотивом данной книги. Несколько штатов, кое-как связанных рамками федерального Союза, возглавляемого слабым центральным правительством, превратились в новую *Нацию*, закаленную в огне войны, унесшей жизни большего количества американцев, чем все прочие войны вместе взятые.

Американцы поколения Гражданской войны жили в тот период, когда понятия «время» и «сознание» обретали новые оттенки. «Это пугающие, переломные, тревожные дни, когда судьба целого континента определяется на сотни лет вперед», — эта фраза современника событий вполне типична для бесчисленного множества дневников и писем эпохи. «Мы просто возбуждены войной, жгучий интерес к ее событиям отодвинул все на задний план. Мы не можем ни думать, ни говорить ни о чем другом», — писал виргинский сецессионист Эдмунд Раффин в августе 1861 года; три дня спустя эту мысль практически воспроизвел мудрый Ральф Уолдо Эмерсон, сторонник Севера: «Война... приняла столь огромные размеры, что угрожает поглотить нас всех — от нее не отгородиться никаким иным занятием и не укрыться ни в каком убежище». Один обыватель-северянин писал в 1865 году, что конфликт «за несколько лет вместил в себя переживания целой жизни». После битвы при Геттисберге генерал Джордж Мид говорил своей жене, что за последние десять дней «прожил столько же, сколько и за последние тридцать лет». В далеком Лондоне молодой Генри Адамс, бывший личным секретарем своего отца в американской дипломатической миссии, размышлял: «Сможет ли хоть кто-нибудь из нас спокойно жить во времена мира и праздности? Бурлит все наше поколение, начиная с самых низов общества, и каждый из нас будет отмечен историей до самой смерти. Мы уже не сможем быть заурядными людьми... Мы без всяких раздумий каждый день совершаем поступки, которые в другое время могли бы стать событиями года, если не событиями жизни». В 1882 году Сэмюэл Клеменс заметил, что Гражданская война остается в центре сознания южан: «Это как „от Р. Х.“ во всем мире — все события отсчитываются от войны». Едва ли этому стоило удивляться, писал Твен, так как война «полностью перетряхнула вековой уклад... изменила жизнь половины общества и так глубоко преобразовала национальный характер, что это влияние будет прослеживаться еще в двух, а то и трех поколениях».

Минуло уже пять поколений, а эта война по-прежнему с нами. Проводятся сотни круглых столов и процветают сотни линкольнов-

ских обществ. Каждый год тысячи американцев надевают синие или серые мундиры, берут модели «спрингфилдов» и разыгрывают битвы Гражданской войны. С полдюжины популярных и специализированных исторических журналов продолжают описывать любой маломальски значимый эпизод войны. Каждый год из печати выходят сотни книг, посвященных конфликту, в дополнение к более чем 50 тысячам изданий по данной теме, что превратило Гражданскую войну в самое освещаемое событие американской истории. Некоторые из этих трудов (особенно многотомные серии) стали классикой: семитомная *History of the United States* Джеймса Форда Родса, охватывающая события от Компромисса 1850 до Компромисса 1877 года; четырехтомник Алана Невинса *Ordeal of the Union*, повествующий о периоде с 1847 по 1861 год, и второй четырехтомник этого же автора *The War for the Union*; 600-страничное исследование Дэвида Поттера *The Impending Crisis 1848—1861*; трехтомник Брюса Кэттона, посвященный Поттомаской армии (*Mr. Lincoln's Army; Glory Road; A Stillness at Appomattox*), его же три дополнительных тома *The Centennial History of the Civil War* плюс двухтомник, посвященный карьере Улисса Гранта; блестящая четырехтомная биография *R. E. Lee* и дополнительный трехтомник *Lee's Lieutenants*, принадлежащие перу Дугласа Саутхолла Фримена, а также захватывающий трехтомник Шелби Фула *The Civil War* общим объемом почти в три тысячи страниц.

По сравнению с этими монументальными исследованиями моя попытка вместить саму войну и ее причины в один том представляется поистине скромной. Тем не менее я постарался интегрировать политические и военные события этой эпохи в важные общественные и экономические процессы и представить некий системный взгляд, синтезирующий как современную науку, так и мои собственные исследования и трактовки событий. За исключением первой главы, где очерчены контуры американского общества и экономики в середине XIX века, для изложения дальнейших событий и суждений мной был избран нарративный метод. Этот выбор обусловлен не только самой идеей серии *Oxford History*, но и моими представлениями о том, как целесообразнее описывать эти годы, когда кризисы следовали один за другим, перемены были стремительными, события драматическими, а сам ход истории — динамичным. Событийный или тематический подход к описанию не учел бы весь динамизм, сложную причинно-следственную связь, насыщенность переживаний, особенно в четыре военных года,

когда сразу в нескольких областях почти одновременно имело место стремительное развитие событий, влиявших друг на друга столь сильно и быстро, что участникам этих событий казалось, будто за один год они прожили целую жизнь.

Для примера: вторжение армий Конфедерации в Мэриленд и Кентукки в конце лета 1862 года происходило на фоне активных дипломатических маневров, имевших целью возможное вмешательство в войну европейских держав, решения Линкольна выпустить Прокламацию об освобождении, бунтов, направленных против чернокожих и против призыва в армию, введения военного положения на Севере и надежд «мирных демократов» на установление контроля над Конгрессом после осенних выборов. Каждое из этих событий напрямую влияло на остальные, и ни одно из них невозможно проанализировать в отрыве от прочих. Событийный или тематический подход, который распределил бы военные действия, усилия дипломатии, вопросы рабства и освобождения рабов, взгляды противников войны и гражданские свободы, а также политику северян по отдельным главам, вместо того чтобы сплести все события воедино (как попытался сделать я), оставил бы читателя в неведении относительно того, почему, например, битва при Энтитеме оказалась решающей в определении исхода всех прочих событий.

Важность битвы при Энтитеме и некоторых других для определения «судьбы целого континента на сотни лет вперед» оправдывает и тот объем, который выделен в данной книге под описание военных кампаний. Очень многое из того, что мы считаем значимым для той эпохи в истории США — судьба рабства, структура общества как на Севере, так и на Юге, вектор американской экономики, судьбы северного и южного национализма, определение «свободы», да и само существование Соединенных Штатов, — несли на своих плечах усталые люди в синих и серых мундирах, четыре года сражавшиеся за эти понятия с жестокостью, не имевшей аналогов в западном мире в период между наполеоновскими войнами и Первой мировой войной.

Наиболее приятной обязанностью при написании книги является выражение благодарности тем людям и учреждениям, которые помогали автору. Большая часть исследовательского материала, на котором базируется книга, была найдена в фондах Файерстоунской библиотеки Принстонского университета и Хантингтонской библиотеки в Сан-Марино (Калифорния). Год, проведенный в Центре специальных исследований при Школе поведенческих наук в Стэнфорде,

где была написана часть книги, вкупе с более ранним творческим отпуском, проведенным в Хантингтонской библиотеке, дали мне время и возможность читать, исследовать и писать о Гражданской войне. Мое пребывание в Калифорнии в течение этих двух насыщенных и плодотворных лет частично финансировалось Принстонским университетом, частично — с помощью стипендий, учрежденных Национальным фондом гуманитарных наук, и частично — Хантингтонской библиотекой и Центром поведенческих наук. Всем этим учреждениям я бесконечно обязан за поддержку, сделавшую возможным написание «Боевого клича свободы». Также я выражаю признательность Гарднеру Линдзи, Маргарет Амара и персоналу Центра поведенческих наук, которые обеспечили мне доступ к сокровищам библиотек в Стэнфорде и Беркли. Сотрудники Собрания рукописей Библиотеки Конгресса и Ричард Соммерс, хранитель архива Института военной истории армии США в Карлайле (Пенсильвания), любезно оказывали мне всяческую помощь при посещении этих замечательных фондов. Я также благодарен персоналу отделов фотографий и печати в библиотеках, где мне удалось найти иллюстрации для книги. С опозданием я выражаю благодарность и Армстеду Робинсону за любезное разрешение процитировать материал из рукописи его будущей книги *Bitter Fruits of Bondage*.

Джордж Фредриксон прочитал черновой вариант моей книги и внес ценные замечания по его улучшению, равно как и мой коллега Алан Куликофф, который любезно согласился прочесть первую и двадцатую главы. Шелдон Мейер, старший вице-президент *Oxford University Press*, был вовлечен в проект от начала до конца, внося свою лепту в качестве эксперта. Ведущий редактор в Оксфорде, Леона Кэйплесс, аккуратно вычитала рукопись, попутно оказывая мне эмоциональную поддержку. Вэнну Вудворду я обязан большим, чем могу выразить здесь. Наставник, друг, ученый, редактор, он чутко следил за моим профессиональным ростом на протяжении почти тридцати лет, подавая пример филигранного мастерства; он сделал для выхода этой книги в свет больше, чем кто-либо другой. Также я многим обязан и Вилли Ли Роузу, моему другу и однокурснику в Университете Джонса Хопкинса, который сделал больше всех (исключая Вэнна), чтобы посвятить меня в тайны цеха историков.

Если бы не любовь и понимание моей жены Патрисии, этот том, возможно, никогда бы не вышел из печати. Она не только помогала мне в исследованиях и читала наброски книги, выискивая свежим

взглядом неясности или чрезмерно патетические места, но и разделила со мной утомительную, но необходимую работу по правке корректуры, а кроме того, предложила название книги. Наконец, я от всей души выражаю признательность Дженни, Далии и ее друзьям за то, что они помогли мне осознать как потенциал, так и проблемы использования кавалерии в Гражданской войне.

Принстон, июнь 1987 года
Дж. М. М.

Пролог.

От дворцов Монтесумы¹

Утром 14 сентября 1847 года яркий солнечный свет пронзил дымку, окутавшую Мехико. Поднявшийся ветерок рассеял пороховую гарь, которой был наполнен воздух еще с начала кровавой Чапультепекской битвы. Небритые, в поношенных и покрытых грязью мундирах солдаты армии Соединенных Штатов маршировали по направлению к площади Пласа-де-Армас, то и дело выбиваясь из колонны. Вот они, уставшие до предела, встали навтыжку, увидев пробитый пулями американский флаг, который взвился над древней ацтекской столицей. Местные жители смотрели на солдат с разочарованием. И эти оборванцы одержали победу над блестящей армией Санта-Анны?

Внезапно с улицы, ведущей к площади, раздалась громкая военная музыка. Лихие драгуны с обнаженными саблями галопом влетели на площадь вслед за гнедым жеребцом, на котором восседал высокий генерал при полном параде, включая золоченые эполеты и шляпу с белым плюмажем. Мексиканцы невольно зааплодировали. Уж если им и суждено испытать унижение от завоевания своей страны, то пусть хотя бы завоеватели выглядят соответствующе. После того как оркестр сыграл «Янки Дудл» и «Салют командиру», генерал Уинфилд Скотт спешил и официально принял сдачу города. Морские пехотинцы вскоре отправились патрулировать дворцы Монтесумы, в то время как в находящемся неподалеку Гвадалупе-Идальго американский представитель Николас Трист заключил договор, согласно которому территория Соединенных Штатов увеличилась практически на четверть, а территория Мексики, в свою очередь, уменьшилась вдвое. В течение шестнадцати предшествовавших тому месяцев американские войска под командованием генералов Уинфилда Скотта и Закари Тейлора выиграли десять больших сражений, в основном

1 Первая строка гимна морской пехоты США. — Прим. пер.

против превосходящих их численно мексиканских армий, оборонявших укрепленные позиции. Сам герцог Веллингтон назвал кампанию Скотта по захвату Мехико самой блестящей операцией в истории современного военного искусства.

Однако насмешки и скандалы испортили впечатление от триумфа. Война была инициирована президентом-демократом в интересах территориальной экспансии; ему противостояли виги, чья антивоенная позиция помогла им завоевать контроль над Палатой представителей во время выборов в Конгресс в 1846 году. Интересно, что оба генерала, сыгравшие ключевую роль в этой победоносной войне, были как раз вигами. Президент-демократ Джеймс Полк освободил генерала-вига Скотта от должности после того, как Скотт отдал под трибунал двух генералов-демократов, которые спровоцировали ряд статей в прессе, где приписывали себе победы американской армии. Также президент отозвал собственного представителя в Мексике за то, что тот якобы был слишком уступчив; Трист проигнорировал отзыв и заключил-таки договор, по которому Полк получил от Мексики все, о чем мечтал до войны, но чего ему уже было недостаточно сейчас. Тем не менее, Полк направил договор на утверждение в Сенат, где виги, не претендовавшие на мексиканские земли, объединившись с демократами, которые хотели получить еще больше, не пожелали ратифицировать его после четырех туров голосования. Антивоенная партия выдвинула героя войны Закари Тейлора кандидатом в президенты на выборах 1848 года и выиграла их. Та же самая партия выдвинула Уинфилда Скотта кандидатом в президенты четыре года спустя и проиграла. Конгрессмены из северных штатов пытались включить в договор пункт о запрете рабовладения на полученных в результате войны территориях, хотя две трети волонтеров, участвовавших в войне, были выходцами как раз из рабовладельческих штатов. Генерал Тейлор и сам был рабовладельцем, однако, став президентом, выступил против распространения рабства. Разногласия, порожденные американо-мексиканской войной, пятнадцать лет спустя вылились в гораздо более глубокий конфликт, главный герой которого стал президентом страны всего лишь через два десятилетия после того, как он, тогда простой лейтенант Сэм Грант, участвовал в решающей битве под Чапультепеком, в войне, которую сам считал «одной из самых несправедливых из тех, которые более сильное государство вело против более слабого»².

2 Personal Memoirs of U. S. Grant. 2 vols. NY, 1885. I. P. 53.

Погрязшие в раздорах американцы выиграли войну с мексиканцами потому, что их противники были расколоты еще сильнее. Также причинами их победы стали меткая стрельба и боевой кураж, но прежде всего — профессионализм и храбрость младших офицеров. Однако по иронии судьбы последним следствием мексиканской кампании стало то, что многие лучшие впоследствии воевали друг против друга. Так, под началом Скотта вместе служили два блестящих лейтенанта Пьер Борегар и Джордж Макклеллан. Капитан Роберт Ли своими дерзкими разведывательными рейдами по тылам мексиканцев фактически обеспечил своей армии две решающие победы. В одном из рапортов капитан Ли особо отметил лейтенанта Гранта. Последний получил официальную благодарность за штурм Мехико, а передал ему эту благодарность лейтенант Джон Пембертон, который шестнадцать лет спустя сдается Гранту под Висксбергом. Лейтенанты Джеймс Лонгстрит и Уинфилд Скотт Хэнкок сражались плечом к плечу в битве при Чурубуско, а шестнадцать лет спустя Лонгстрит будет командовать наступлением на корпус Хэнкока у Семитри-Ридж; южан в атаку поведет Джордж Пикетт, несомненно вспомнивший тот день, когда во время штурма Чапультепека он подобрал знамя 8-го пехотного полка, выпавшее из рук раненого лейтенанта Лонгстрита. Альберт Сидней Джонстон и Джозеф Хукер вместе сражались под Монтереем; волонтеры из Миссисипи под командованием полковника Джефферсона Дэвиса остановили наступление мексиканцев под Буэна-Вистой, а артиллерийские офицеры Джордж Томас и Брэкстон Брэгг бились друг за друга с тем же энтузиазмом, с каким они, уже командующие армиями, будут сражаться друг против друга за тысячи миль отсюда, в Теннесси. Ли, Джозеф Джонстон и Джордж Гордон Мид служили у Скотта военными инженерами во время осады Веракруса, в то время как в открытом море лейтенант флота США Рафаэль Семмс делил каюту с лейтенантом Джоном Уинслоу, чей шлюп северян «Кирсардж» семнадцать лет спустя и в пяти тысячах миль отсюда потопит конфедератский крейсер «Алабама» капитана Семмса.

Американо-мексиканская война помогла Соединенным Штатам осознать доктрину «явного предназначения», согласно которой страна должна простереться «от вод до светлых вод»³. Но к середине XIX века растущие противоречия внутри молодой республики угрожали развалить ее еще до того, как она вступит в пору зрелости.

3 Строка из песни *America the Beautiful*. — Прим. пер.

Боевой клич свободы

Оригинальные слова и музыка этой энергичной песни были написаны летом 1862 года Джорджем Фредериком Руттом, одним из лучших композиторов Севера. Мелодия оказалась настолько захватывающей, что жившие на Юге композитор Шрайнер и поэт Барнс переделали эту песню для армии Конфедерации. Здесь приведены третий куплет и припев из обоих вариантов.

КУПЛЕТ 3

Северяне:

Мы призываем в наши ряды всех верных стране храбрецов,
Пропоем же боевой клич свободы!
Никто, каким бы бедным он ни был, не должен быть рабом,
Пропоем же боевой клич свободы!

Южане:

Они отдали жизни на кровавом поле брани,
Пропоем же боевой клич свободы!
Мы будем сопротивляться до конца и не сдадимся на милость тиранов,
Пропоем же боевой клич свободы!

ПРИПЕВ

Северяне:

Союз навсегда! Ура ему, ура!
Покончим с изменниками, да здравствует наш флаг!
Мы все как один сплотимся вокруг него,
Распевая боевой клич свободы!

Южане:

Диксиленд навсегда! Он не сдастся никогда!
Долой орла, да здравствует крест!
Мы все как один сплотимся вокруг нашего флага,
Распевая боевой клич свободы!

1.

Соединенные Штаты в середине XIX столетия

I

Отличительной чертой Соединенных Штатов всегда было развитие. Американцы обычно измеряют этот процесс в количественных характеристиках. Как никогда подходящим это было в первой половине XIX века, когда был зарегистрирован беспрецедентный рост по трем направлениям: приток населения, расширение территории, подъем экономики. В 1850 году Закари Тейлор — последний президент США, родившийся до принятия Конституции — стал свидетелем глобальных перемен, произошедших за время его сознательной жизни. Население Соединенных Штатов увеличилось в четыре раза. Неуклонно продвигаясь в западном и южном направлениях, американцы в те же четыре раза увеличили и размеры своей территории, заселяя, завоевывая, аннексируя и скупая земли, где тысячами жили индейцы и на которые претендовали Франция, Испания, Великобритания и Мексика. В течение первой половины XIX века валовой национальный продукт вырос в семь раз. Никакой другой народ того времени не мог сравниться с американцами хотя бы по одному параметру такого бурного роста, а сочетание трех вышеуказанных направлений превратило Америку в «вундеркинда» XIX столетия.

Хотя большинство американцев считают такой процесс «прогрессом», неконтролируемый рост имеет как позитивные, так и

негативные последствия. Индейцам, например, этот процесс несущее ущемление, а не расширение прав, а их жизнелюбивая культура стала зависимой и апатичной. Чернокожие — одна седьмая часть населения — также в основном несли бремя прогресса, вместо того чтобы пользоваться его плодами. Зерновые культуры, выращивавшиеся рабами, вносили весомый вклад в экономическое развитие и территориальную экспансию. Мировой рынок был завален хлопком с американского Юга; именно хлопок придал импульс промышленной революции в Англии и Новой Англии и затянул ручные кандалы на афроамериканцах крепче, чем когда бы то ни было.

Даже для белых американцев рост экономики далеко не всегда означал прогресс. Хотя в первой половине XIX века доходы на душу населения и возросли вдвое, не всем слоям общества достался равный кусок пирога. Как богатые, так и бедные радовались росту доходов, однако имущественное неравенство стало очень заметным. По мере миграции населения из сельской местности в города фермеры переориентировались на производство зерна для нужд рынка, а не для домашнего потребления. Производство тканей, одежды, кожаных изделий, инструментов и других товаров переместилось из дома в мастерскую, а оттуда — на фабрику. В ходе процесса многие женщины из производителей превращались в потребителей, меняя, как следствие, статус. Некоторые ремесленники страдали от того, что теряют квалификацию, ибо разделение ручного и механического труда существенно ослабило позиции традиционного кустарного способа производства и превратило их из индивидуальных предпринимателей в наемных работников. Таким образом, это могло привести к потенциальному конфликту, угрожавшему общественному устройству «дивной новой республики».

Более существенной, однако, была угроза межэтнических конфликтов. За исключением небольшого количества немецких фермеров в Пенсильвании и в предгорьях Аппалачей, подавляющее большинство белых американцев до 1830 года были британцами по крови и протестантами по вероисповеданию. Недорогая, плодородная земля и нехватка рабочих рук в бурно растущей экономике в сочетании с недовольством населения ограниченностью ресурсов Северной Европы вызвали сначала слабый, а затем все более массовый приток немецких и ирландских эмигрантов в Соединенные Штаты после 1830 года. Большинство этих «новых американцев» получили воспитание в лоне католической церкви, поэтому прирост такого населения насторожил некоторых протестантов. Стали

появляться многочисленные организации «нативистов»¹, оказавшихся на передовой сопротивления многообразию культур, путь к которому был долгим и тернистым.

Однако наибольшую опасность для жизнеспособности США в середине XIX века таили не классовая борьба или этническая разобщенность, а конфликт интересов Севера и Юга по вопросу о рабстве. Для многих американцев институт рабства казался несовместимым с основополагающими идеалами республики. Если все люди созданы равными и Создатель наделил их неотчуждаемыми правами, такими как свобода и стремление к счастью, то что может послужить оправданием для порабощения нескольких миллионов мужчин и женщин? Поколение, сражавшееся за независимость, отменило рабство в штатах к северу от линии Мэйсона—Диксона²: новые штаты к северу от реки Огайо вошли в состав Союза как свободные, однако к югу от этих границ рабство превратилось в существенный компонент экономики и культуры региона.

Между тем в первой трети XIX века страну захлестнула волна возрождения протестантизма, известная как Второе Великое пробуждение. В Новой Англии, северной части штата Нью-Йорк и в тех регионах Старого Северо-Запада (выше 41-й параллели), которые были заселены потомками янки из Новой Англии, этот религиозный пыл вызвал множество преобразований в сфере нравственности и культуры. Наиболее заметным и противоречивым из них являлся аболиционизм. Развивая пуританскую доктрину коллективной ответственности, согласно которой каждый человек являлся «сторожем брату своему», эти реформаторы-янки отказались от кальвинистской идеи предопределения, проповедовали достижимость искупления грехов всеми, кто истинно его жаждет, побуждали каяться в грехах и направляли свои усилия, чтобы «отмыть» от них все общество. А самым отвратительным общественным злом было рабство. Согласно мысли реформаторов, пред Господом все люди равны, и души черных людей столь же драгоценны, сколь и души белых; порабощение одного Божьего дитя другим является нарушением высшего закона, даже если оно закреплено в Конституции.

- 1 В данном случае под нативизмом понимается идеология превосходства «природных» граждан над иммигрантами и соответствующая политика. — *Прим. пер.*
- 2 Граница, проведенная двумя британскими астрономами по широте 39° 43' 26,3" для разрешения спора между владельцами земель Пенсильвании и Мэриленда. — *Прим. пер.*

К середине столетия антирабовладельческое движение влилось в политическую жизнь и постепенно разделило страну на два лагеря. Рабовладельцы отнюдь не считали себя отъявленными грешниками, и им удалось убедить большинство белых южан, невольников не имевших (две трети населения Юга), что освобождение рабов повлечет за собой крах экономики, социальный хаос и межрасовые столкновения. Рабство с этой точки зрения вовсе не является злом, каким его изображают фанатики-янки; напротив, это несомненное благо, основа процветания, мира и превосходства белой расы, необходимый инструмент для того, чтобы чернокожие не превращались в варваров, преступников, нищих.

Возможно, проблема рабства при любых обстоятельствах вызвала бы решающую схватку Севера и Юга, но именно бурный рост США сделал проблему столь взрывоопасной. Два миллиона квадратных миль к западу от Миссисипи — было ли их «явным предначертанием»³ стать свободной или рабовладельческой территорией? В 1820 году Конгресс принял поистине соломоново решение по этому вопросу, разделив территорию, отошедшую к Соединенным Штатам в результате Луизианской покупки⁴, надвое по 36-й параллели (36° 30' с. ш.), причем в Миссури, расположенном севернее этой границы, рабство было легализовано в порядке исключения. Однако такая мера лишь отсрочила кризис. Если в 1850 году Конгрессу вновь удалось отсрочить его посредством нового компромисса, то к 1860 году уже ничто не могло помочь. Вполне возможно, что одного лишь «разбухания» могло быть достаточно для создания центробежной силы, которая угрожала бы развалом страны. Однако в середине столетия такую опасность усугубило рабство.

II

Ко времени Луизианской покупки в 1803 году Соединенные Штаты были незначительным государством на периферии европейской жизни, с населением, сопоставимым по численности с населением Ирландии. Томас Джефферсон полагал, что «империи свободы», которую он выкупил у Наполеона, будет достаточно для размещения

3 *Manifest Destiny* — выражение впервые использовано в 1845 г. демократом Джоном О'Салливаном, отстаивавшим мысль, что США должны простираться от Атлантического до Тихого океанов, и вошло в широкое употребление. — *Прим. пер.*

4 На территории купленных французских владений впоследствии полностью или частично расположились пятнадцать штатов. — *Прим. пер.*

сотен поколений будущих американцев. Однако уже к 1850 году, всего через два поколения, американцы не только заселили эти территории, но и освоили новые на тихоокеанском побережье. Всего несколько лет спустя Соединенные Штаты превзошли Великобританию по числу жителей, став самым густонаселенным государством Запада после России и Франции. К 1860 году в стране проживало 32 миллиона жителей, из которых четыре миллиона были рабами. В течение первой половины столетия население США росло в четыре раза быстрее, чем население Европы, и в среднем в шесть раз быстрее, чем население всего остального мира⁵.

Этот феномен объяснялся тремя факторами: в полтора раза большей, чем в Европе, рождаемостью; несколько более низкой смертностью; иммиграцией. Все три фактора были связаны с относительным благоденствием американской экономики. Соотношение земельных площадей к количеству населения было гораздо выше, чем в Европе, что позволяло делать достаточные запасы пищи, а также заключать более ранние браки и рожать больше детей. Хотя по Северной Америке нередко прокатывались эпидемии, жертв среди ее преимущественно сельского населения было меньше, чем в более густонаселенной Европе. Именно выгодное соотношение «земля / население» приводило к росту заработной платы и открывало новые возможности, что в первой половине XIX века привлекло в страну пять миллионов иммигрантов.

Хотя Соединенные Штаты в это время оставались преимущественно аграрной страной, городское население (горожанами считались люди, жившие в населенных пунктах с числом жителей выше 2500 человек) росло в период с 1810 по 1860 год в три раза быстрее сельского (его доля выросла с 6 до 20%). Это были наивысшие темпы урбанизации во всей американской истории. В течение этих же десятилетий доля рабочей силы, занятой в не-сельскохозяйственных профессиях, выросла с 21 до 45%⁶. Тем временем естественный прирост населения хотя и оставался выше, чем в Европе, но стал замедляться, так как родители, желая обеспечить отпрысков лучшим питанием и образованием, предпочитали заводить меньше детей. С 1800 по 1850-е годы рождаемость в Америке

5 McClelland P. D., Zeckhauser R. J. Demographic Dimensions of the New Republic. Cambridge (Mass.), 1982. P. 87.

6 Lebergott S. Labor Force and Employment, 1800—1960 // Output, Employment and Productivity in the U.S. after 1800. Princeton, 1966. P. 119.

упала на 23%. Смертность также несколько сократилась, но, видимо, не более чем на 5%⁷. Однако рост населения продолжался теми же темпами в течение всего рассматриваемого периода (около 35% каждое десятилетие), поскольку рост иммиграции компенсировал упадок рождаемости. В течение всей первой половины XIX века рост населения на три четверти обеспечивался за счет перевеса рождаемости над смертностью, а иммиграция давала оставшуюся четверть⁸.

Экономический рост подхлестывал демографические изменения. Население удваивалось каждые 23 года, а валовой национальный продукт — каждые пятнадцать. Историки, занимающиеся экономикой, не могут прийти к согласию относительно того, когда начался этот «интенсивный» рост, так как количественные данные до 1840 года носят фрагментарный характер. Ясно только то, что до начала XIX века рост экономики был «экстенсивным», практически совпадая с приростом населения. Только после англо-американской войны 1812—1814 годов (возможно, в результате преодоления депрессии 1819—1823 годов) экономика начала расти быстрее, чем население. Ежегодный рост совокупного продукта и национального дохода на душу населения в период с 1820 по 1860 год оценивается в среднем в 1,7%⁹. Наибольшие темпы роста были зафиксированы в 1830-е и 1850-е годы, сменявшиеся глобальной депрессией 1837—1843 годов и менее выраженной в 1857—1858 годах.

Хотя выгоды от роста доходов получало большинство американцев, верхушка приобрела гораздо больше, чем находившиеся внизу социальной лестницы. Если средний доход вырос на 102%, то реаль-

-
- 7 Улучшение питания и качества жизни должны были еще больше понизить уровень смертности, но оказались частично уравновешены темпами урбанизации и иммиграции. До XX столетия уровень смертности всегда оставался выше в городской среде и изначально был высоким у многих иммигрантов, так как те прибывали в среду, где бытовали новые для них болезни. У большого количества иммигрантов из Ирландии иммунитет был ослаблен из-за плохого питания, к тому же они компактно селились в беднейших городских районах.
- 8 McClelland P. D., Zeckhauser R. J. Op. cit. P. 101, 108—109; Wells R. V. *Revolution in Americans' Lives: A Demographic Perspective on the History of Americans, Their Families and Their Society*. Westport (Conn.), 1982. P. 92—104.
- 9 Обзор недавних исследований по этому вопросу см.: Lee S., Passell P. *A New Economic View of American History*. NY, 1979. P. 52—62; Gallman R. E. *Economic Growth / Encyclopedia of American Economic History*. 3 vol. NY, 1980. P. 133—150; Engerman S. L., Gallman R. E. *U.S. Economic Growth, 1783—1860 // Research in Economic History*. 1983. 8. P. 1—46.

ные заработки рабочих — только на 40—65%¹⁰. Все увеличивающийся разрыв между богатыми и бедными, как кажется, характеризует большинство капиталистических экономик в первые десятилетия их роста и промышленного подъема. В этом отношении американские рабочие, скорее всего, все же преуспели больше, чем их европейские собратья, ведь до сегодняшнего дня идут споры о том, пострадали или нет британские рабочие от абсолютного падения реальной заработной платы в первые полвека промышленной революции¹¹.

Предпосылкой экономического развития в такой крупной стране, как Соединенные Штаты, стало развитие транспортных путей. До 1815 года единственным рентабельным средством перевозки грузов на большое расстояние были парусники и плоскодонные баржи. Большинство американских дорог представляло собой грязные разбитые тропы, практически непроходимые в сырую погоду. Стоимость транспортировки тонны товара на тридцать миль по суше из любого американского порта была эквивалентна стоимости доставки того же груза через Атлантику. Путешествие из Цинциннати в Нью-Йорк занимало минимум три недели, а единственным возможным способом отправить туда груз был сплав по Огайо и Миссисипи, а затем перевозка через Мексиканский залив и морем вдоль атлантического побережья — на такое путешествие требовалось не менее семи недель. Не вызывает, таким образом, удивления, что трансатлантическая торговля США превалировала над внутренней, что большинство промышленных товаров приобреталось в Англии, что ремесленники продавали на местном рынке товары, сделанные главным образом на заказ, а фермеры, жившие в стороне от судоходных водоемов, сами потребляли продукты своего труда. В результате экономический рост почти не превышал демографический.

Такая ситуация изменилась после 1815 года в результате транспортной революции, как ее без всякого преувеличения называют

-
- 10 Такие оценки даны в трех исследованиях на данную тему, и все они основаны на отрывочных сведениях: *Hansen A. H. Factors Affecting the Trend of Real Wages // American Economic Review. 1925. 15. P. 27—41; Adams D. R. Prices and Wages // Encyclopedia of American Economic History. P. 229—246; Adams D. R. The Standard of Living During American Industrialisation: Evidence from the Brandywine Region, 1800—1860 // Journal of Economic History. 1982. 42. P. 903—917.*
- 11 Обзор этих споров в Великобритании и других странах см.: *Komlos J. Stature and Nutrition in the Habsburg Monarchy: The Standard of Living and Economic Development in the Eighteenth Century // AHR. 1985. 90. P. 1149—1151.* Также см.: *Adams D. R. Some Evidence on English and American Wage Rates, 1790—1830 // Journal of Economic History. 1970. 30. P. 499—520.*

историки. Частные компании, власти штатов, даже федеральное правительство финансировали строительство мощных щебнем дорог, по которым можно было ездить в любую погоду. Еще более важным было то, что в штате Нью-Йорк был прорыт первый канал — канал Эри — между Олбани и Буффало, соединивший город Нью-Йорк с северо-западом страны. Эта стройка вызвала настоящий бум: к 1850 году общая протяженность каналов составляла 3700 миль. В те же годы исполнилась мечта Роберта Фултона: пароходы вспенили все судоходные реки. Однако романтика и прибыльность от пароходов в 1850-х годах уступили «железному коню». К 1850 году США с их девятью тысячами миль железных дорог занимали первое место в мире, однако это достижение меркнет по сравнению с 21 тысячей миль рельсов, уложенных в следующее десятилетие, в результате Соединенные Штаты к 1860 году имели большую протяженность железных дорог, чем весь остальной мир. Железные ленты пронзили массивы Аппалачей и соединили мостами берега Миссисипи. Еще одно новое изобретение — телеграф, по медным проводам которого информация доходила до адресата мгновенно, — обогнал железные дороги и к 1861 году полностью опутал континент своей сетью.

Все эти открытия перевернули жизнь американцев. Они вполноценно сократили наземные транспортные расходы (до 15 центов за тонно-милю), и вскоре обычные дороги, за исключением рейсов на короткие расстояния и локальных поездок, перестали играть значимую роль. Расценки за пользование каналами упали до одного цента за тонно-милю, за речные перевозки — и того меньше, а тарифы на перевозки по железной дороге к 1860 году составляли менее трех центов за тонно-милю. Несмотря на более высокие тарифы, скорость транспортировки и надежность железных дорог (большинство каналов зимой замерзали, а реки становились несудоходными в периоды низкой воды или наводнений) стимулировали их развитие. Города, через которые не проходили железнодорожные пути, теряли свое значение, а те, что располагались близ магистралей, процветали (особенно если там был развит и водный транспорт). Чикаго, выросший на болотистых берегах озера Мичиган, к 1860 году превратился в конечный пункт пятнадцати железнодорожных веток, а его население за предшествующее десятилетие выросло на 375%. Развивая головокружительную скорость в 30 миль в час, «железный конь» позволил добираться из Нью-Йорка до Чикаго за два дня вместо трех недель. Крушение поездов вскоре стало основной причиной смерти от несчастного случая, обогнав взрывы пароходов, но совместное использование этих видов транс-

порта позволило сократить время перевозки грузов из того же Цинциннати в Нью-Йорк с пятидесяти дней до пяти. Цинциннати стал мясной столицей: разница в оптовой цене свинины с Запада между Цинциннати и Нью-Йорком уменьшилась с 9,53 до 1,18 доллара за бочонок¹², а муки — с 2,48 доллара до 28 центов.

С помощью телеграфа эти и другие изменения цен становились известны всей стране. Наряду с железными дорогами и технологическими новшествами в печатном деле и производстве бумаги, телеграф существенно увеличил влияние газет — основного средства общения со страной. Цена одного газетного номера упала с шести центов в 1830 году до одного-двух к 1850-му. Тиражи росли вдвое быстрее населения, а «свежие новости» были уже новостями последних часов, а не дней. Скорые поезда распространяли еженедельные столичные издания (вроде *New York Tribune* Хораса Грили) среди живших в глуши фермеров, способствуя появлению у тех политических пристрастий. В 1848 году несколько влиятельных газет объединились в агентство *Associated Press*, дабы контролировать информацию, отправляемую по телеграфу¹³.

Транспортная революция видоизменила экономику. Еще в 1815 году жители США производили на своих фермах или в своих хозяйствах большинство того, что они потребляли, использовали или носили. Большую часть одежды изготавливали матери и дочери фермеров из тканей, которые сами ткали и пряли при свете самодельных свечей (или естественном освещении) в домах, построенных местными плотниками или каменщиками или просто мужчинами своих семей из материалов, взятых на ближайших лесопилке или кирпичном заводе. Обувь из кожи, заготовленной местными кожевенниками, также делали сами или прибегая к помощи сапожника. Кузнецы ковали инструменты и сельскохозяйственную утварь для нужд хозяйства. Местные ремесленники изготавливали даже оружие. В более крупных городах портные, сапожники, краснодеревщики и колесники заправляли небольшими лавками, работая там вместе с несколькими наемными рабочими и одним-двумя подмастерьями и производя высококачественные товары или изделия на заказ для состоятельных покупателей. В эпоху медленного и дорогостоящего

12 Американский «сухой баррель» — примерно 115 л. — Прим. пер.

13 Литература, освещающая и анализирующая перемены на транспорте и в средствах коммуникации, колоссальна; быть может, наиболее яркий обзор: *Taylor G. R. The Transportation Revolution, 1815—1860.* NY, 1951.

наземного транспорта лишь немногие из этих изделий продавались дальше, чем за 20 миль от места их производства.

Такой мир не мог, разумеется, сохраниться после транспортной революции, сделавшей возможным разделение труда и ориентацию продукции на более крупные и отдаленные рынки. Фермеры все больше и больше осваивали производство тех культур, для которых конкретные почва и климат наиболее подходили. На деньги, вырученные от продажи произведенного зерна, они покупали еду, одежду и промышленные товары, но произведенные уже не по соседству, а где-то далеко и доставленные по воде или железной дороге. Для того чтобы сеять и жать специализированные культуры, фермеры покупали недавно изобретенные рядовые сеялки, культиваторы, косилки и жатки, которые растущая сельскохозяйственная промышленность производила во все большем количестве.

В больших и маленьких городах предприниматели, которых стали называть «торговыми капиталистами» или «промышленниками», реорганизовали и стандартизировали производство множества товаров для продаж крупными партиями на региональных и, впоследствии, национальных рынках. Некоторые из этих новых предпринимателей были выходцами из рядов ремесленников, руководя ныне наемными служащими, которым платили поденную или сдельную заработную плату вместо того, чтобы совместно изготавливать и продавать изделие, делясь процентом от выручки. Иные «торговые капиталисты» и промышленники имели слабое знакомство с «ремеслом» (сапожным, портняжным и т. п.) или вообще никогда ничем подобным не занимались. Они были бизнесменами, которые вкладывали денежные средства и привлекали квалифицированных работников для реструктуризации предприятий. Такая реструктуризация могла принимать различные формы, но имела одну общую деталь: процесс производства изделия (например, обуви или мебели), который раньше осуществлялся одним или несколькими умельцами-ремесленниками, был теперь разбит на множество этапов, на каждом из которых был задействован конкретный узкий специалист. Иногда работник выполнял свою задачу вручную, но все чаще и чаще использовались различные механизмы.

В высокомеханизированных производствах, таких как текстильная промышленность, к фабричной схеме, где все операции совершаются в одном помещении с использованием одного источника энергии (обычно воды, реже — пара), чтобы приводить в движение механизмы, пришли достаточно рано. Такая система позволила текстильной промышленности Новой Англии увеличить годовой объем выпуска

хлопковой ткани с 4 миллионов ярдов в 1817 году до 308 миллионов в 1837-м. В менее технологичных отраслях, таких как пошив одежды, работа делалась в небольших мастерских, причем частью отдавалась разнорабочим (зачастую женщинам и детям) на дом. Такое положение вещей сохранялось и после изобретения в 1840-х годах швейной машины, на которой можно было работать как дома, так и на фабрике.

Каким бы ни было соотношение механизированного и ручного труда или централизованного производства и надомной работы, основными характеристиками нового способа производства было разделение и специализация труда, стандартизация продукции, возросшая дисциплина работников, рост эффективности труда, увеличение объемов выпуска и снижение расходов. Все эти факторы повлияли на снижение оптовых товарных цен на 45%, а розничных — даже на большую цифру (по оценке — на 50%) в период с 1815 по 1860 год¹⁴.

К 1860 году стали видны контуры зарождающейся американской экономики массового потребления, массового производства и капиталоемкого сельского хозяйства. Развитие экономики происходило неравномерно в различных регионах и отраслях промышленности. Даже в наиболее развитых регионах, таких как Новая Англия, оно было далеко не завершено: как и встарь, там можно было встретить деревенских кузнецов и сапожников. Что уж говорить о землях фронта¹⁵ к западу от Миссисипи и тех зонах, куда не добралась транспортная революция: например, нагорьях и сосновых рощах южных штатов или лесах Мэна и Адирондакских гор, где экономический прогресс был едва заметен. Многие американцы по-прежнему жили в условиях обособленного ремесленничества и дорыночной экономики, как и их предки. Однако самые развитые сектора экономики уже вывели США на первое место по уровню жизни и на второе — по объему промышленного производства; таким образом, американцы

14 Adams D. R. Prices and Wages. P. 234. Выбор 1815 г. в качестве отправной временной точки несколько искажает картину, так как на ценообразовании этого года все еще сказывается англо-американская война 1812 г. Но даже если выбрать депрессивный 1819 г., упадок оптовых и розничных цен составил бы впечатляющие 24 и 41% соответственно.

15 Фронт — в истории США зона освоения, которая постепенно расширялась и перемещалась на запад вплоть до Тихоокеанского побережья. Бюро переписи населения США определяло фронт как границу, за которой плотность населения была менее двух человек на квадратную милю. — Прим. пер.

стали наступать на пятки своим британским собратьям, несмотря на их полувековой гандикап от начала промышленного переворота¹⁶.

Озадаченные «родичи» начали посматривать на Соединенные Штаты с интересом. Победа «Америки» над четырнадцатью английскими яхтами в устроенной Королевской яхтенной эскадрой гонке 1851 года повергла ведущую морскую державу мира в шок. Гонка происходила в дни проведения международной промышленной выставки в лондонском Хрустальном дворце, где американские изделия вызвали искреннее любопытство. Британцев изумило не столько качество американских ружей, жаток, замков и револьверов, сколько то, что они были произведены из взаимозаменяемых деталей машинной обработки. Понятие взаимозаменяемости не было новостью в 1851 году, не было это и американским ноу-хау — уже в 1780-е годы французские оружейники изобрели взаимозаменяемые детали для ружей. Однако большую часть таких деталей высококвалифицированные мастера выгачивали вручную, и их взаимозаменяемость была в лучшем случае приблизительно. Новой для европейских экспертов была американская техника производства с помощью специального механизма, который мог воспроизвести бесконечное количество одинаковых деталей с более высокой точностью, чем та, которой мог добиться самый искусный мастер. Англичане назвали этот процесс «американской системой производства» — под таким названием он известен и поныне¹⁷.

Правда, полная взаимозаменяемость деталей, изготовленных по такой «системе», была в некотором роде рекламным ходом — ручная обработка по-прежнему была порой необходима для получения точной копии. Прецизионные и калибровочные станки, доводящие точность до тысячной доли дюйма, появились лишь одно-два поколения спустя. Тем не менее, проверка десяти произвольно выбранных ружей, изготовленных на заводе в Спрингфилде (штат Массачусетс) с 1844 по 1853 год (каждое изделие имело свой год выпуска) окончательно убедила британских скептиков: рабочий разобрал мушкеты на детали, перемешал их в ящике и без затруднений вновь собрал все ружья.

Тот факт, что взаимозаменяемость деталей была усовершенствована именно в производстве стрелкового оружия, не случаен.

16 *Martin E. W. The Standard of Living in 1860: American Consumption on the Eve of the Civil War. Chicago, 1942. P. 400—401.*

17 Лучшими исследованиями истоков американской системы производства являются: *The American System of Manufactures. Edinburgh, 1969; Hounshell D. A. From the American System to Mass Production 1800—1932. Baltimore, 1984; Yankee Enterprise: The Rise of the American System of Manufactures. Washington, 1981.*

Во время войны армия нуждается в большом количестве вооружения и, кроме того, поврежденные детали оружия необходимо срочно заменять. Государственные арсеналы США в Спрингфилде и Харперс-Ферри постепенно модернизировали этот процесс еще до 1850 года. Во время Крымской войны англичане закупили американские механизмы и построили оружейный завод в Энфилде. Сэмюэл Кольт также открыл в Лондоне завод, оборудованный машинами, выпущенными в Коннектикуте. Эти события символизировали переход лидерства в станкостроении от Британии к Соединенным Штатам.

В течение 1850-х годов делегации британских промышленников, посещавшие Америку, сообщали домой о широком ассортименте изделий, произведенных с помощью специализированных механизмов: настенные и карманные часы, мебель и множество других деревянных изделий, гвозди и шурупы, гайки и болты, железнодорожные костыли, замки, плуги и т. д. «Нет ничего, что нельзя произвести с помощью машин», — говорил Сэмюэл Кольт парламентской комиссии в 1854 году, и к тому времени англичане уже склонны были ему поверить¹⁸.

Массовое производство в США захватило и такие малоподходящие для этого отрасли, как строительство зданий. Именно в этот период был изобретен деревянный балочно-стоечный каркас дома, и сегодня по меньшей мере три четверти всех зданий Америки построены именно так. Однако до 1830 года здания в большинстве своем строились одним из трех способов: из грубо отесанных топорами бревен; из кирпича или камня; из толстых деревянных балок, обработанных плотником, соединенных шипами в гнездах. Дома первого типа обходились недорого, но зато по ним гуляли сквозняки, что вряд ли могло устроить стремительно растущий и богатеющий средний класс; здания второго и третьего типа были надежны, но дороги, и к тому же строительство их было долгим делом, для которого требовались квалифицированные каменщики и плотники, каковых всегда не хватало в бурно развивающихся городах, таких как Чикаго, где требовалось строить много и в сжатые сроки. Для решения этой проблемы в 1830-е годы в Чикаго и Рочестере — быстрорастущем городе на канале Эри — были построены первые дома балочно-стоечного типа. Они были сконструированы с помощью хорошо известного теперь соединения распиленных машиной досок, скрепленных заводскими

18 Ferguson E. S. *Technology as Knowledge // Technology and Social Change in America*. NY, 1973. P. 23.

гвоздями, образующего каркас дома. Распиленные машиной обшивка и гонт, сделанные заводским способом двери и оконные рамы этот каркас дополняли. Скептики посмеивались над такими «легкими каркасами», утверждая, что их сдует первый же сильный порыв ветра. Однако в действительности дома эти оказались весьма устойчивыми, потому что доски были прибиты гвоздями так, что любая деформация происходила против направления волокон древесины. На возведение таких домов требовалось гораздо меньше времени и средств, чем на здания, построенные традиционным способом. Популярность таких «чикагских домов» была настолько велика, что этот метод распространился по всей стране¹⁹.

Дома с балочно-стоечным каркасом иллюстрируют четыре фактора, которыми и тогда, и в наше время объясняют зарождение американской системы производства. Первым фактором было то, что экономисты называют спросом, а социальные историки могли бы назвать демократией потребления: потребность или желание растущего и мобильного населения получать множество готовых потребительских товаров по приемлемым ценам. Причисляя себя к членам «среднего класса», американцы 1850-х годов имели желание и возможность покупать готовую обувь, мебель, мужскую одежду, часы, оружие, даже дома. Если этим вещам и недоставало качества, законченности, стиля и прочности изделий ремесленников, они, тем не менее, были вполне функциональными и доступными. На рынке возникло новое понятие «универсальный магазин», предлагавший товары народного потребления широкой публике. Гости из Европы, отмечавшие (причем не всегда с одобрением) связь политической системы со всеобщим избирательным правом (белых) мужчин и социально-экономической модели стандартизованного потребления, были правы в своих предположениях. Вопиющая нищета низов и роскошь богатой верхушки никуда из жизни Соединенных Штатов не ушли, но большинство иностранных наблюдателей были поражены развитием среднего класса.

Другим фактором, давшим толчок американской системе, была нехватка рабочих рук и, как следствие, высокая стоимость труда. Так, например, недостаток умелых плотников спровоцировал бурный рост домов с балочно-стоечным каркасом. «Рабочий класс относительно немногочислен, — сообщила британская комиссия по промышленности, посетившая США в 1854 году, — и именно нехваткой

19 Boorstin D. J. *The Americans: The National Experience*. NY, 1965. P. 148—152.

рабочих рук можно объяснить замечательную изобретательность, отраженную в сберегающих труд механизмах, чье автоматическое действие полностью покрывает потребность в более затратном ручном труде промышленных держав прошлого». Европейцы удивленно отмечали слабое противодействие механизации труда со стороны американских рабочих: в Америке рабочей силы не доставало, поэтому новые машины не выгоняли рабочих на улицу, как часто происходило в Европе, а, скорее, увеличивали производительность труда каждого отдельного рабочего. Американские «рабочие приветствуют новые механизмы, — сообщал (впрочем, несколько преувеличивая) один английский промышленник, — освобождающие самих рабочих от тяжелого неквалифицированного труда; их важность и значение работника помогает понять и оценить обучение»²⁰.

Не отрицая тезис о нехватке рабочих рук, некоторые историки делают упор на третьем факторе капиталоемкости американской системы: богатых природных ресурсах Соединенных Штатов. Ресурсы также являются разновидностью капитала, и тремя самыми яркими примерами этой эпохи служили земля, леса и гидроэнергия (особенно в Новой Англии). Высокое соотношение свободной земли к количеству населения поощряло такую форму ведения сельского хозяйства, которая была бы убыточной везде, кроме Соединенных Штатов, где она как раз была экономически оправданна, так как использование механизмов приводило к скромным результатам на акр земли, однако к высоким — на человеко-час работы. Америка изобиловала лесами, тогда как Европе их не доставало, соответственно, древесину использовали множеством разных способов: как топливо для пароходов и локомотивов, как стройматериал, как материал для изготовления запчастей для машин и т. д. Станки внедрялись прежде всего в деревообрабатывающей промышленности, где на них обрабатывали едва ли не любое деревянное изделие: мебель, ложки ружей, рукоятки топоров, колесные спицы, двери и сотни других изделий. Машинная обработка приводила к большому расходу древесины, чем ручное производство, но там, где древесина была дешева, а человеческий труд — дорог, это было экономически целесообразно. Лидерство США в деревообрабатывающей промышленности заложило основы и для превосходства в металлообработке

20 Цит. по: *Habakkuk H. J. American and British Technology in the Nineteenth Century.* Cambridge, 1967. P. 6—7; *North D. C. The Economic Growth of the United States 1790—1860.* Englewood Cliffs, 1961. P. 73.

в период после 1850 года. Быстрые реки обеспечивали мельницы дешевым источником энергии, что до 1870 года закрепило за водой статус основного гаранта промышленной мощи Соединенных Штатов²¹.

Четвертым фактором эффективности американской экономики, отмеченным британскими наблюдателями, была система образования, благодаря которой американские рабочие приобретали высокий уровень грамотности и «адаптивной разносторонности». Это резко контрастировало с положением английского рабочего, долгими годами учившегося «в цеху», а не в школе, лишенного «гибкости ума и готовности принимать новшества» и «не желавшего менять методы работы, к которым он привык», — это слова одного английского промышленника. Институт подмастерьев ходил в Соединенных Штатах на нет, так как большинство детей на Северо-Востоке посещало школу вплоть до четырнадцати или пятнадцати лет. «Образованный гораздо лучше, чем многие его сверстники, даже стоящие в Старом Свете на более высокой социальной ступени... любой [американский] рабочий склонен к изобретению усовершенствований, облегчающих ему труд — отсюда налицо сильное желание... быть в курсе любой новинки»²².

Возможно, подобное утверждение было излишне категоричным, но многие изобретения и вправду были предложены именно американскими рабочими. Пример Элиаса Хоу, квалифицированного станочника из Бостона, изобретателя швейной машины, — один из многих. Это и было тем, что современники называли изобретательностью янки, причем словечко «янки» использовалось ими во всех трех значениях: американцы вообще, жители северных штатов в частности и собственно население Новой Англии. Из 143 важных изобретений, запатентованных в США с 1790 по 1860 годы, 93% было сделано в свободных штатах, и около половины из них — в Новой Англии. Многие предприятия станкостроительной промышленности и большинство фабрик и заводов, где применялись наиболее совершенные разновидности американской системы производства, были расположены в Новой Англии. Один аргентинец, посетивший США

21 David P. A. *Technical Choice, Innovation and Economic Growth: Essays on American and British Experience in the Nineteenth Century*. Cambridge, 1975. P. 87—90; *The American System of Manufactures*. P. 58—59; Greenberg D. *Reassessing the Power Patterns of the Industrial Revolution: An Anglo-American Comparison* // AHR. 1982. 87. P. 1237—1261.

22 *The American System of Manufactures*. P. 203; Sawyer J. E. *The Social Basis of the American System of Manufacturing* // *Journal of Economic History*. 1954. 14. P. 377—378.

в 1847 году, писал, что люди, разъехавшиеся из Новой Англии по всей стране, переносили «на другие территории Союза... нравственные и интеллектуальные способности, [а] также... умение работать руками, что превратило рядового американца в этакую ходячую мастерскую... Именно они основали и поднимали крупные колониальные и железнодорожные предприятия, банки и корпорации»²³.

Связь между «адаптивной разносторонностью» янки и их образованием, отмеченная британскими наблюдателями, действительно существовала. В середине XIX века Новая Англия занимала первое место в мире по предоставлению образовательных услуг и грамотности населения. Более 95% взрослого населения умели читать и писать, три четверти детей в возрасте от 5 до 19 лет числились в школах, куда они ходили в среднем шесть месяцев в году. Прочие северные штаты старались не отставать, а вот на Юге всего лишь 80% белых жителей были грамотными, и лишь треть белых детей числились в школах, которые они посещали в среднем три месяца в году. Рабы, естественно, не ходили в школу, и лишь одна десятая часть их умели читать и писать. Даже с учетом рабов в 1850-е годы грамотными были почти четыре пятых населения Соединенных Штатов, по сравнению с двумя третями населения Британии и Северо-Западной Европы и четвертью населения Южной и Восточной Европы. Считая же только свободных жителей, 90%-ный уровень грамотности в США был сопоставим лишь со Швецией и Данией²⁴.

Подъем образования в этих странах, начавшийся в XVII веке, был связан с Реформацией. Духовенству всех деноминаций нужно было знать, как читать и понимать Слово Божье. В XIX веке религия продолжала играть важную роль в образовании американцев. Большинство колледжей и многие средние школы спонсировались различными конфессиями, и даже государственное образование по-прежнему отражало протестантские воззрения. С 1830 года быстрое распространение и усовершенствование системы государственного

23 *Burlingame R. March of the Iron Men: A Social History of Union Through Invention.* NY, 1938. P. 469—476; *Sarmiento D. S. Sarmiento's Travels in the United States in 1847.* Princeton, 1970. P. 198.

24 *Fishlow A. The Common School Revival: Fact or Fancy? // Industrialization of Two Systems.* NY, 1966. P. 40—67; *A Compendium of the Seventh Census in the United States.* Washington, 1854. P. 141—151; *Cippolla C. M. Literacy and Development in the West.* Harmondsworth (Eng.), 1969; *Kaestle C. F. Pillars of the Republic: Common Schooling and American Society, 1780—1860.* NY, 1983. P. 13—74; *Soltow L., Stevens E. The Rise of Literacy and the Common School in the United States: A Socio-economic Analysis to 1870.* Chicago, 1981. P. 89—142.

образования шло на запад и на юг от Новой Англии, хотя эта система еще не проникла южнее Огайо. Руководство этим процессом осуществлял глава бюро по делам образования Массачусетса и неутомимый публицист Хорас Манн. Реформа включала в себя учреждение педагогических курсов для обучения учителей, введение стандартного поэтапного учебного плана, превращение различных типов сельских и городских благотворительных школ в единую систему государственных школ и распространение государственного образования на среднюю школу.

Важной целью реформы образования оставалось привитие протестантских моральных ценностей, таких как «порядок, пунктуальность, постоянство и усердие», путем «моральных и религиозных наставлений, даваемых ежедневно», — заявлял главный школьный инспектор Массачусетса в 1857 году. Ценности эти, помимо того что давали когнитивные навыки и знания, также служили нуждам растущей капиталистической экономики. Школы являлись «основным фактором, влияющим на развитие или прирост национальных ресурсов, более действенным в производстве и достижении общего благосостояния страны, чем все остальные факторы, упомянутые в книгах о политической экономии»²⁵. Текстильный магнат Эббот Лоуренс говорил своему другу из Виргинии, желавшему повторить промышленную революцию Новой Англии в своем штате: «Вы не сможете заняться развитием своих ресурсов без введения генеральной системы народного образования — вот стержень всех реформ». «Образованный рабочий, — добавлял в 1853 году другой бизнесмен-янки, чьи слова словно перекликались с отзывами британских гостей, — способен преумножить капитал, вовлеченный в бизнес, в отличие от невежественного»²⁶.

III

Недавние научные исследования поставили под сомнение процитированные выше утверждения о том, что американские рабочие с готовностью и охотой приняли новый промышленный

25 Katz M. B. *The Irony of Early School Reform: Educational Innovation in Mid-Nineteenth Century Massachusetts* Cambridge (Mass.), 1968. P. 43; Mann H. *Annual Report of 1848* // *The Life and Works of Horace Mann*. 5 vols. Boston, 1891. IV. P.245—251.

26 Lawrence A. *Letters to William P. Rives of Virginia*. Boston, 1846. P. 6; Ekirch A. A. *The Idea of Progress in America, 1815—1860*. NY, 1944. P. 197.

порядок²⁷. По-видимому, квалифицированные ремесленники все же сопротивлялись определенным аспектам развития капитализма. Они объединялись в профсоюзы и рабочие партии, которые представляли немалую силу в 1830-е годы, когда противоречия, вызванные капиталистической ломкой локальной «ремесленной экономики», были наиболее остры. Споры о заработной плате и контроле над рабочим процессом приводили к забастовкам и другим формам протеста. Активность рабочих пошла на убыль после 1837 года, когда депрессия, вызвавшая безработицу, вынудила их поумерить пыл. После оздоровления экономики резкий всплеск иммиграции усилил межэтнические и религиозные разногласия в среде рабочего класса. Нативизм, пропаганда трезвости и увеличивающийся антагонизм между Севером и Югом возобладали над экономическими проблемами, которые стояли во главе угла в 1830-е годы. Как бы то ни было, трения на производстве имели место, и порой они проявлялись в таких акциях, как забастовка сапожников в Массачусетсе в 1860 году.

Технические инновации не были главной причиной волнений среди рабочих. Естественно, станки заняли места некоторых ремесленников или обесценили их квалификацию, однако большинство машин той эпохи выполняли простые монотонные действия, ранее осуществлявшиеся низко- или среднеквалифицированными рабочими. Даже когда им на смену пришли более сложные механизмы, ремесленники пополняли ряды других квалифицированных работников: станочников, инструментальщиков, монтажников, инженеров-строителей и механиков — в 1850-е годы их число выросло вдвое²⁸. Транспортная и коммуникационная революции создали и новые профессии, некоторые из них весьма почетные и высокооплачиваемые: пароходный

27 Этот и следующий абзацы посвящены анализу некоторых из многочисленных исследований положения рабочего класса перед Гражданской войной, которые появились в последние годы: *Dawley A. Class and Community: The Industrial Revolution in Lynn*. Cambridge (Mass.), 1976; *Wallace A. F. P. Rockdale: The Growth of an American Village in the Early Industrial Revolution*. NY, 1978; *Dublin T. Women at Work: The Transformation of Work and Community in Lowell, Massachusetts, 1826—1860*. NY, 1979; *Prude J. The Coming of Industrial Order: Town and Factory Life in Rural Massachusetts, 1810—1860*. Cambridge, 1983; *Wilentz S. Chants Democratic: New York City and the Rise of the American Working Class, 1788—1850*. NY, 1984; *Licht W. Working for the Railroad: The Organisation of Work in the Nineteenth Century*. Princeton, 1983; *Ross S. J. Workers on the Edge: Work, Leisure, and Politics in Industrializing Cincinnati, 1788—1890*. NY, 1985; *Stansell C. City of Women: Sex and Class in New York, 1789—1860*. NY, 1986.

28 Подсчитано по переписям населения 1850 и 1860 гг.

лоцман, железнодорожный служащий, телеграфист (численность последних двух категорий в 1850-е годы увеличилась в пять раз). Стремительный рост городов, отодвигавших фронтир все дальше на запад, необычайная мобильность американцев и региональные различия в темпе технологического прогресса означали, что квалифицированные рабочие, вынужденные под натиском новых технологий уйти с предприятий в одной части страны, могли отправиться на запад и найти работу там. Словом, европейцы, противопоставлявшие неприятие рабочими инноваций в своих странах восприимчивости рабочих к переменам в Соединенных Штатах, были не так уж далеки от истины.

Волнения также не провоцировались сокращением доходов. Несмотря на скачки инфляции в середине 1830-х и 1850-х годов и периоды роста безработицы, вызванные спадом производства, долгосрочный график реальной заработной платы шел вверх. Разумеется, жизнь человека коротка, и условный рабочий, пытавшийся свести концы с концами во время спадов, скажем, 1841 и 1857 годов, смотрел на ситуацию не из смягчающего ее драматизм далёка, как историк. Более того, жалование некоторых мужчин-ремесленников становилось более скудным, когда внедрение новых технологий или механизмов позволяло работодателям нанимать новичков или неумех, зачастую женщин и детей, чтобы те производили отдельные детали в рамках последовательного процесса, ранее целиком находившегося под контролем квалифицированных рабочих. Поэтому неудивительно, что недовольство перерастало в волнения в среде довольно узких специалистов, испытавших на себе тяготы дисквалификации: сапожников, портных, ткачей, краснодеревщиков, печатников.

Нельзя пройти и мимо того, что, несмотря на общий рост реальной заработной платы, работники с нижних этажей иерархической лестницы, особенно женщины, дети и недавние иммигранты, проводили многочасовой рабочий день на потогонном производстве или на душных фабриках за жалкие гроши. Они могли заработать на кусок хлеба только в том случае, если другие члены их семей тоже работали. Однако для некоторых из них те гроши, которые они зарабатывали в качестве прислуги, фабричных рабочих, портовых грузчиков, швей, подсобников или строителей, были лучшей долей по сравнению с полуголодным существованием, которое они влачили в Ирландии. Тем не менее, нищета была широко распространена, особенно в крупных городах со значительной долей иммигрантов. В Нью-Йорке многочисленная беднота была загнана в зловонные

«клоповники», что обеспечило городу практически двукратное превосходство над Лондоном по уровню смертности²⁹.

Хотя беднейшие рабочие Нью-Йорка в 1863 году и устроят самый ужасный бунт во всей американской истории, эти люди никогда не стояли в первых рядах протестующих в предвоенную эпоху. Протест тогда подогревался не столько уровнем зарплаты, сколько самой ее идеей. Наемный труд был своего рода формой зависимости, противоречившей республиканским принципам, на которых стояли Соединенные Штаты. Сутью республиканизма была свобода — драгоценное, но хрупкое неотчуждаемое право, которому постоянно угрожали бессовестные манипуляции властей. Идеолог республиканизма Томас Джефферсон определял сущность свободы как независимость, требующую наличия продуктивной собственности. Человек, чье благополучие зависит от других, не может быть по-настоящему свободным, а зависимые классы не могут служить опорой республиканского правления. Женщины, дети и рабы являются зависимыми, и это выводит их за рамки государства свободных республиканцев. Наемные рабочие также зависимы, вот почему Джефферсон опасался развития промышленного капитализма с его потребностью в наемном труде. Он мечтал об Америке фермеров и ремесленников, владевших собственными средствами производства и экономически самостоятельных.

Однако американская экономика развивалась другим путем. Квалифицированные ремесленники, имевшие собственный инвентарь и продававшие продукты своего труда по «справедливой цене», постепенно оказались перед необходимостью продавать свой труд. Вместо того чтобы работать на себя, они работали на кого-то. Вместо того чтобы получать справедливую оплату за свое искусство, они получали жалованье, которое было обусловлено не действительной ценностью их труда, а требованиями неуклонно отдаляющегося «рынка сбыта». Понятия *master* и *journeymen* (подмастерье) больше не были связаны ни общностью торговых интересов, ни надеждами наемного работника самому в будущем стать мастером. Все больше и больше они разделялись как «наниматель» и «наемный работник» с различными и иногда противоречивыми интересами. Работодатель хотел получить максимальную прибыль, что означало повышение эффективности труда и контроль над производственными расходами, включая заработную плату. Работник становился зависимым от

29 Martin E. W. Standard of Living in 1860... P. 174.

«босса» в отношении не только заработной платы, но и средств производства — машин, владеть которыми работник теперь не мог и мечтать. Таким образом, с зарождением в 1815—1860 годах промышленного капитализма начала складываться новая система классовых отношений между капиталистами, владевшими средствами производства, и рабочими, в чьем распоряжении была лишь рабочая сила. Наемным ремесленникам, попавшим в орбиту таких отношений, они не пришлись по душе. И сами рабочие, и те, кто говорил от их лица, остро критиковали рост капитализма.

Они настаивали на том, что капитализм несовместим с республиканскими принципами. Зависимость от заработной платы лишает человека независимости и, как следствие, свободы. Наемные труженики ничуть не лучше рабов, отсюда выводился термин «наемное рабство», а начальник представлял рабовладельцем. Именно он определял длительность, темп, разделение труда и уровень заработной платы; он мог принимать на работу и увольнять с нее по своему усмотрению. Ремесленник допромышленной эпохи мог работать много или мало — как ему заблагорассудится. Он работал в зависимости от наличия работы, а не от звонка до звонка. Если ему хотелось отдохнуть и пропустить стаканчик с друзьями, он так и делал. Однако при новом распорядке режим труда для всех работников был одинаково строг — система превратила их в машины, в рабов времени. Владельцы предприятий поощряли движение за трезвость, которое набрало силу после 1830 года, так как его протестантские лозунги о воздержанности, пунктуальности, надежности и бережливости абсолютно соответствовали качествам сознательного рабочего при новом порядке. Некоторые работодатели запрещали употребление спиртного во время работы и пытались даже запретить своим рабочим пить во *внерабочее* время. Для людей, считавших выпивку три раза в день своим правом, это было еще одним признаком порабощения.

По мнению рабочих-реформаторов, капитализм также попирает и прочие устои республиканизма: добродетель, всеобщее благо и равенство. Добродетель требовала от членов общества ставить интересы этого общества превыше собственных; капитализм же превозносил эгоизм и погоню за выгодой. Всеобщее благо подразумевало то, что республика должна вознаграждать всех своих граждан, а не только избранные классы, но, предоставляя права и выделяя средства на учреждение банков, корпораций, рытье каналов, строительство железных дорог, сооружение плотин и прочие проекты,

имеющие целью экономическое развитие, государство и местные органы власти поддерживали одни слои общества в ущерб другим. Они образовывали *монополии*, концентрировавшие в своих руках могущество, угрожавшее свободе. Также они усугубляли все возрастающее имущественное неравенство: к 1840-м годам в крупнейших американских городах 5% богатейших жителей владели примерно 70% всей налогооблагаемой собственности, в то время как беднейшие слои не владели почти ничем. Несмотря на то, что в сельской местности неравенство проявлялось менее рельефно, в масштабах всего государства к 1860 году верхушка из 5% взрослого свободного мужского населения владела 53% всех богатств, а малообеспеченная половина населения — всего лишь 1%. Линию такого неравенства также корректировали возраст и классовая принадлежность: большинство 21-летних не обладали практически ничем, тогда как у поколения 60-летних кое-что за душой имелось; средний же человек мог рассчитывать на пятикратное увеличение состояния за время своей жизни. Тем не менее, обладание собственностью для тех американцев, которые находились на низших ступенях экономической лестницы, становилось эфемерной целью³⁰.

Осуждение подобного положения вещей сопровождалось истинно республиканской риторикой. Наемный труд «воспроизводил цепи рабства, все прочнее и прочнее сковывающие свободных тружеников», — вещал один оратор. Фабрики вязали рабочих «по рукам и ногам с помощью системы мелкого деспотизма, такого же беспардонного, как и тирания по отношению к рабочим в Старом Свете»³¹. Один стихотворец даже провел параллель между борьбой за независимость в 1776 году и борьбой рабочих полвека спустя:

Сражались наши деды за свободу,
Что обошлась так дорого народу,
Теперь народ тиранят на заводах...
Беда Британии — теперь наша беда:
Корона виновата не всегда³².

30 Pessen E. *Riches, Class and Power Before the Civil War*. Lexington (Mass.), 1973; Soltow L. *Men and Wealth in the United States 1850—1870*. New Haven, 1975. P. 99, 180, 183; Ross S. J. *Workers on the Edge...* P. 75; Williamson J. G., Lindert P. H. *American Inequality: A Macroeconomic History*. NY, 1980. P. 36—39.

31 Dawley A. *Class and Community...* P. 82; Ashworth J. *Agrarians and Aristocrats: Party Political Ideology in the United States, 1837—1846*. London, 1983. P. 31.

32 Prude J. *The Coming of Industrial Order...* P. 120.

Чтобы противостоять могуществу этой новой тирании, рабочий мог только воздержаться от труда: то есть либо уволиться и идти на все четыре стороны, либо бастовать. Конечно, рабочие имели больше прав, чем рабы, но с тех пор и до наших дней идут жаркие споры, является ли такая альтернатива достаточной для восстановления баланса отношений с предпринимателями. Радикалы так не думали. Они предлагали множество схем для того, чтобы уравнивать богатство и собственность или перехитрить систему жалований путем создания производственных кооперативов. В 1830-х и 1840-х годах развернулись эксперименты по созданию коммун: от довольно робкой попытки трансценденталистов (Брук-Фарм) до пресловутой коммуны Онейда, где общей была не только собственность, но и супруги.

Но все это было, так сказать, «покусыванием капитализма под одеялом». Более существенной акцией стала кампания против монополий, проведенная силами джексоновской Демократической партии. Это движение объединило профсоюзы, выразителей интересов рабочих и мелких фермеров, стоявших на пороге рыночной революции и испытывавших страх быть вовлеченными в этот водоворот. Эти группы демонстрировали самосознание производителей, основанное на трудовой теории стоимости: все истинные материальные ценности исходят от труда, с помощью которого они порождены, и доходы от их реализации должны возвращаться к тем, кто их создал. Такие «производительные классы» не включают в себя банкиров, юристов, торговцев, перекупщиков и прочих «капиталистов», которые являются «кровососами» или «паразитами», «манипулирующими „общими ценностями”» и «разжиревшими за счет заработков изнуренных непосильным трудом рабочих»³³. Из всех «пиявок», высасывающих соки из фермеров и рабочих, банкиры были самыми отвратительными. Банки вообще и Второй банк Соединенных Штатов в частности стали главными символами капиталистического развития в 1830-е годы и главным же козлом отпущения за все мыслимые его грехи.

Американская промышленная революция частично финансировалась государственной и местной властью, субсидировавшей строительство дорог, каналов и образовательные проекты. Часть средств шла из-за рубежа — иностранные инвесторы надеялись получить

33 Prude J. *The Coming of Industrial Order...* P. 218; Dawley A. *Class and Community...* P. 44.

большую отдачу от бурно развивающейся американской экономики, чем у себя в странах. Наконец, еще одна часть складывалась из нераспределенной прибыли американских компаний. Однако преобладающим источником капитала становились банки штатов. С 1820 по 1840 годы их количество увеличилось втрое, а активы — впятеро. После паузы, вызванной депрессией 1840-х годов, с 1849 по 1860 год количество банков и их активы удвоились. В предвоенную эпоху именно банковские обязательства были основным видом денежных средств³⁴.

Банки были важны не только как инструмент экономического развития — росла и их политическая роль. Двухпартийная система из вигов и демократов сформировалась в период обсуждения вето президента Эндрю Джексона на продление полномочий Второго банка Соединенных Штатов в 1832 году. Десять с лишним лет после Паники 1837 года банковский вопрос оставался наиболее противоречивым в государственной политике, противопоставляя ратовавших за банки вигов демократам. Последние рассматривали концентрацию богатств в руках банков как самую серьезную угрозу свободе со времен Георга III. Они заявляли: «С самого основания республики банки являлись безусловными ее врагами, двигателем новой формы угнетения... наследием аристократических тенденций прошлого, институтом, пришедшим на смену дворянскому своеволию и феодальным пошлинам». Банки послужили причиной «искусственного неравенства в распределении средств, нищеты и преступности, упадка морали и многих других общественных зол... Во имя равноправия давайте упраздним банки»³⁵.

В ответ сторонники банковской системы высмеивали подобные мнения как несерьезные и даже реакционные. «Кредитная система, — заявляли они, — является порождением свободы», фактором экономического роста, принесшего беспрецедентное процветание всем американцам. Один виг из Огайо говорил в 1843 году: «Мы нуждаемся в капитале. Мы хотим посредством хорошо контролируемых... банков развивать колоссальные ресурсы нашей страны». Тот, «кто сегодня выступает за полное упразднение нашей кредитной системы», является не меньшим ретроградом, чем «тот, кто пытается

34 Bureau of the Census. *Historical Statistics of the United States*. Washington, 1960. P. 623—625.

35 Sharp J. R. *The Jacksonians versus the Banks: Politics in the States after the Panic of 1837*. NY, 1970; Shade W. G. *Banks or no Banks: The Money Issue in Western Politics, 1832—1865*. Detroit, 1972. P. 151, 117, 124.

заменить локомотивы или пароходы фургонами или пройти против бурного течения Миссисипи на барже»³⁶.

Северные виги и их преемники-республиканцы после 1854 года вывели логическое обоснование своих взглядов на проблему свободного труда в условиях капиталистического развития. В ответ на аргументы ремесленников, что система заработной платы и разделения труда отчуждает рабочих от работодателей, виги замечали, что возрастающая эффективность труда выгодна обеим сторонам, так как зарплаты растут вместе с доходами. «Интересы капиталиста и рабочего... прекрасно гармонируют друг с другом, — писал филаделфийский виг, экономист Генри Кэрри. — Каждый получает свою выгоду из любого фактора, способствующего... росту»³⁷. На заявление о том, что все материальные ценности создаются трудом, виги отвечали, что и банкир, который пустил капитал в оборот, и предприниматель, который заставил деньги работать, и торговец, который нашел рынки сбыта, являются «работниками», так же создающими ценности. На утверждение, что жалованье превратило рабочего в раба, идеологи свободного труда возражали, что зависимость от заработной платы будет временной и что в условиях бурного экономического роста в обществе равных возможностей и бесплатного государственного образования молодой человек, обладающий добродетелями трудолюбия, самодисциплины, самосовершенствования, бережливости и трезвости, сможет пробиться в жизни и стать независимым работником или даже успешным предпринимателем.

Американцы середины XIX века могли рассказать достаточно правдивых или вымышленных историй о людях, которые добились всего самостоятельно посредством «усердия, терпения, настойчивости и рачительности», что помогло им стать «обеспеченными, а затем и просто богатыми»³⁸. С избранием Авраама Линкольна они стали ссылаться на его пример человека, перебравшегося из бревенчатой хижины в Белый дом. «Мне не стыдно признаться в том, что двадцать пять лет назад я был наемным рабочим, клал рельсы, работал на барже — словом, прошел обычную школу сына бедняка!» — произнес Линкольн в Нью-Хэйвене в 1860 году. Но в свободном штате

36 *Sharp J. R. Jacksonians versus the Banks... P. 198; Ashworth J. Agrarians and Aristocrats... P. 82.*

37 *Foner E. Free Soil, Free Labor, Free Men: The Ideology of the Republican Party before the Civil War. NY, 1970. P. 19.*

38 *Ashworth J. Op. cit. P. 66—67.*

человек сознает, что «всегда может улучшить свое положение... просто не существует такой вещи, как пожизненное прикрепление человека к наемной работе». «Наемное рабство», по словам Линкольна, это понятие, состоящее из двух противоположных терминов. «Человек, в прошлом году работавший на другого, в этом работает на себя самого, а в следующем уже будет нанимать других, чтобы те работали на него». Если человек «продолжает оставаться наемным тружеником всю свою жизнь, то дело не в системе, а либо в том, что сам он является натурой зависимой, выбирающей такой путь, либо в недалёковидности, недомыслии или исключительном невезении». «Система свободного труда, — подытожил Линкольн, — открывает возможности для всех, дает всем людям надежду, энергию, стимулы и улучшение жизненных условий». Именно отсутствие такой надежды, энергии и стимулов в штатах рабовладельческого Юга и превратило Соединенные Штаты в «дом разделенный»³⁹.

Какой бы идеализированной ни представлялась линкольновская картина «американской мечты»⁴⁰, такая идеология «восходящей мобильности» смягчила классовые противоречия в Соединенных Штатах. «Нет ни одного рабочего парня хотя бы средних способностей (по крайней мере, в штатах Новой Англии), который бы не имел представления о новых машинах или усовершенствовании производства, с помощью которых он в будущем надеется улучшить свою жизнь или достичь богатства или признания в обществе», — отмечал заезжий британский промышленник в 1854 году. Одна из газет Цинциннати сообщила в 1860 году, что «из всего множества молодых людей, занятых на различных производствах в нашем городе, нет ни одного, который

39 CWL, II. P. 364; III. P. 478—479; IV. P. 24. «Дом разделенный» — образ из Нового Завета (Мф 12: 25), использованный Линкольном в его речи в Конгрессе 16 июня 1858 г. — *Прим. пер.*

40 *Themstrom S. The Other Bostonians: Poverty and Progress in the American Metropolis, 1880—1970. Cambridge (Mass), 1973. P. 220—261.* В этом труде собраны сведения о различных исследованиях изменения профессиональной структуры населения Соединенных Штатов, показывающие, что в XIX в. около трети американцев сменили свой профессиональный статус с более низкого на более высокий (а одна десятая проделала путь в обратном направлении), причем доля их сыновей, преуспевших в жизни, была еще выше. Разумеется, не стоит путать этот процесс с тем, когда рабочий, продвинувшийся от неквалифицированного до квалифицированного или даже до «белого воротничка», по-прежнему оставался наемным служащим. В этих исследованиях уделяется внимание карьерам только тех людей, которые в промежуток от одной переписи до другой жили на одном месте. Не имевшая аналогов географическая мобильность американцев может свидетельствовать даже о более высоком уровне восходящей социальной мобильности, так как люди переезжали с целью улучшения своих жизненных условий.

бы не желал и даже с уверенностью бы не надеялся разбогатеть»⁴¹. Такое «Евангелие от Успеха» породило целую лавину нравоучительной литературы, где молодым людям давались различные советы, как преуспеть в жизни. Следствием стал не только определенный динамизм жизни американцев, но и — в сочетании с неразборчивым материализмом, отталкивавшим некоторых европейцев и причинявшим неудобства многим американцам — просто бешеный темп жизни.

Виги и республиканцы были сторонниками всяческих «усовершенствований», стимулирующих экономический рост и «восходящую мобильность»: «внутренних усовершенствований» в виде строительства дорог, каналов, железных дорог и т. п.; протекционистских тарифов, защищающих американскую промышленность и трудящихся от иностранных конкурентов, готовых работать за низкую зарплату; централизованной, рациональной банковской системы. Многие из них одобряли кампании за трезвость, сделавшие американскую нацию менее пьющей: потребление алкоголя взрослыми сократилось на душу населения с эквивалента семи галлонов чистого алкоголя в год (1820-е годы) до менее двух галлонов (1850-е годы). В те же годы потребление чая и кофе на душу населения удвоилось. Виги также поддерживали государственные школы, считая их отличным стимулом социальной мобильности. Начальная школа, говорил губернатор Нью-Йорка, виг Уильям Сьюард, является «величайшим уравнителем нашей эпохи... но уравнителем не на базовом уровне, а на уровне, объединяющем всех на стезе разума и блага». Хорас Манн считал, что образование «делает больше, чем просто лишает бедняков враждебного отношения к богатым, — оно не дает им стать бедняками»⁴².

Люди, разделявшие принципы вигов и республиканцев, были в массе своей теми, кто преуспел на ниве рыночной экономики или мечтал об этом. Многочисленные исследования довоенных предвыборных предпочтений показали, что виги и республиканцы пользовались наибольшим успехом среди «протестантов-карьеристов» из числа конторских служащих, квалифицированных работников и фермеров, живших поблизости от транспортных коммуникаций, вовлекавших их в рыночную экономику. Это были, так сказать, «свои люди», приветствовавшие капиталистическую трансформацию экономики XIX века и в большинстве своем получившие от этого выгоду. Хотя многие демократы (особенно южные) также варились

41 The American System of Manufactures. P. 204; Foner E. Free Soil... P. 14.

42 Ashworth J. Agrarians and Aristocrats... P. 165; Mann H. Annual Report of 1848. P. 251.

в этом котле, в основном приверженцы приходили к ним со стороны: демократов поддерживали рабочие, возмущенные упадком престижа ремесленных специальностей и зависимостью от наемного труда; иммигранты-католики, находившиеся в самом низу социальной и профессиональной лестницы и затаившие обиду за попытки протестантов-янки изменить их привычку к выпивке и заставить их детей посещать государственные школы; сторонники президентов Джефферсона и Джексона, с подозрением относившиеся к банкам, корпорациям и другим институтам, сосредотачивавшим у себя материальные ценности, что угрожало республиканским свободам; мелкие фермеры внутренних или удаленных районов, не переносившие городских щеголей, торговцев, банкиров, янки и всех тех, кто мог помешать им жить как заблагорассудится⁴³.

По причине непоследовательности американской политической жизни подобные обобщения нужно делать со множеством оговорок. Несмотря на всю свою маргинальность, микроскопическое число чернокожих, проживавших в той полудюжине северных штатов, где они имели право голоса, формировали стойкий электорат вигов. Весь декларируемый Демократической партией эгалитаризм адресовался только белому населению. Ее приверженность сохранению рабства и расизму оставалась неприкрытой как на Юге, так и на Севере, тогда как идеология вигов частично вышла из того же евангельского реформизма, что породил аболиционистское движение. На другом конце социальной иерархии находились лидеры демократов в Нью-Йорке, среди которых было много банкиров и торговцев, не разделявших с ютившимся в трущобах ирландско-американским простонародьем ничего, кроме общей партийной привязанности. Следовательно, обобщения предыдущего абзаца указывают на тенденцию, отнюдь не являвшуюся аксиомой.

43 Исследований, на которых основаны выводы данного абзаца, слишком много для подробного перечисления; назову сравнительно недавние и наиболее исчерпывающие: *Foner E. Free Soil...*; *Ashworth J. Agrarians and Aristocrats...*; *Wilentz S. Chants Democratic...*; *Howe D. W. The Political Culture of the American Whigs. Chicago, 1979*; *Formisano R. P. The Transformation of Political Culture: Massachusetts Parties 1790's—1840's. NY, 1982*; *Cole D. B. Jacksonian Democracy in New Hampshire, 1800—1851. Cambridge (Mass.), 1970*; *Thornton M. Politics and Power in a Slave Society: Alabama, 1800—1860. Baton Rouge, 1978*; *Hahn S. The Roots of Southern Populism: Yeoman Farmers and the Transformation of the Georgia Upcountry, 1850—1890. NY, 1983*; *Watson H. L. Jacksonian Politics and Community Conflict: the Emergence of the Second American Party System in Cumberland County, North Carolina. Baton Rouge, 1981.*

Эта тенденция была, наверное, более выражена в старых штатах Северо-Запада: Огайо, Индиане и Иллинойсе. Большинство тамошних первопоселенцев были выходцами с Верхнего Юга и из Пенсильвании. Они населяли южную часть региона, выращивали кукурузу, разводили свиней и гнали виски, продавая незначительные излишки на рынках, образовавшихся на речной сети Огайо—Миссисипи. Их называли «конскими каштанами», «верзилами», «простофилями», они носили домотканую одежду, прокрашенную маслом грецкого или серого ореха, и от этого получили еще одно прозвище — «серые». Они оставались сельскими жителями, симпатизировали южанам, отстаивали местные интересы, враждебно относились к «янки» — выходцам из Новой Англии, заселившим северные районы этих штатов после введения в эксплуатацию канала Эри в 1825 году. Янки занялись выращиванием пшеницы, разведением овец и рогатого скота, а также производством молока, налаживая связи с рынками восточной части страны благодаря все расширяющейся после 1850 года железнодорожной сети. Железные дороги, стремительно множащиеся банки, промышленные предприятия, крупные и мелкие города, где всем владели или заправляли «янки», обусловили более быстрый рост этой части штатов, чем районов, заселенные «серыми». Количественный анализ социально-экономического и культурного разнообразия в Иллинойсе в 1850 году показал, что на территориях, заселенных янки, упор делался на производство пшеницы, сыра и шерсти, принимались во внимание стоимость продукции, получаемой с акра, процент мелиорированных земель и стоимость сельскохозяйственного оборудования, отмечалось положительное отношение к банкам, урбанизация, рост населения, школ, грамотности, действовали конгрегационалистская и пресвитерианская церкви, общества борьбы с пьянством и рабовладением. Регионы, где проживали «серые», характеризовались производством кукурузы, сладкого картофеля и виски; население к банкам и чернокожим относилось враждебно, было малограмотным, а господствовала там баптистская церковь. Не приходится и говорить о том, что «серые» районы в подавляющем большинстве голосовали за демократов, тогда как округа, где жили янки, — за вигов, а после 1854 года — за республиканцев⁴⁴.

44 *Shade W. G. Banks or No Banks... P. 136—137; см. Также: Hubbart H. B. The Older Middle West, 1840—1860. NY, 1936; Power R. L. Planting Corn Belt Culture: The Impress of the Upland Southerner and Yankee in the Old Northwest. Indianapolis, 1953.*

Другим электоратом Демократической партии были подлинные аутсайдеры — иммигранты. В первые сорок лет существования республики приток иммигрантов был слаб. Даже в 1820-е годы он в среднем не превышал 13 тысяч человек в год. Однако уже в следующем десятилетии иммиграция выросла вчетверо. Избыток населения по отношению к ограниченным ресурсам в Великобритании, Ирландии и западных землях Германии буквально выдавливал тысячи людей, заполнявших корабли и плывших в Новый Свет за длинным долларом или дешевыми землями. Несмотря на экономический кризис, в начале 1840-х годов ежегодный приток иммигрантов в страну даже вырос на 40% по сравнению с бумом иммиграции десятилетием ранее. Выход из депрессии в Соединенных Штатах совпал с заболеванием картофеля в Ирландии и политическими волнениями в континентальной Европе, связанными с революциями 1848 года. Такие обстоятельства привели к въезду трех миллионов иммигрантов, пересекавших Атлантику с 1845 по 1855 год. В пропорциональном исчислении это был пик притока иностранцев во всей истории Америки.

До 1840 года три четверти иммигрантов были протестантами и прибывали главным образом из Великобритании. Половина из них, выходя на рынок труда, становилась квалифицированными рабочими или конторскими служащими, а еще треть — фермерами. Но иммиграция в течение двух последующих десятилетий выросла в шесть раз, поэтому конфессиональный и профессиональный состав иммигрантов кардинально менялся. Из новой волны иммигрантов две трети были католиками из Ирландии и немецких земель, и если количество фермеров (преимущественно, немцев) выросло, то процент прочих упомянутых категорий резко снизился⁴⁵.

Бедность, религия и культурное отчуждение делали ирландцев аутсайдерами втройне. В 1830—1840-х годах в некоторых северо-восточных городах проходили антикатолические и этнические бунты. Самый кровопролитный из них вспыхнул в Филадельфии в 1844 году, когда произошли трехсторонние столкновения между протестантами, католиками-ирландцами и гражданским ополчением. На поле боя осталось по меньшей мере шестнадцать трупов, многие были

45 North D. P. Capital Formation in the United States during the Early Period of Industrialization: A Reexamination of the Issues // *The Reinterpretation of American Economic History*. NY, 1971. P. 279; Adams W. F. Ireland and Irish Emigration to the New World from 1815 to the Famine. New Haven, 1932; Murphy R. J. The Catholic Church in the United States During the Civil War Period // *Records of the American Catholic Historical Society*. 1928. 39. P. 293—294.

ранены; две церкви и десятки других зданий были разрушены. Во многих городах открывались отделения «нативистских» групп, требовавших увеличить период натурализации для иммигрантов перед получением ими гражданских и избирательных прав и ужесточить правила занятия государственных должностей приезжими. Этим группам удалось сделать своего кандидата мэром Нью-Йорка, а также избрать трех конгрессменов от Филадельфии. Такой нативизм на деле был больше направлен против католиков, нежели иммигрантов, так как протестантские иммигранты (особенно из северной части Ирландии) были в рядах наиболее воинствующих «нативистов». Хотя это движение в основном привлекало активистов из среднего класса, к нему присоединялись и квалифицированные рабочие-протестанты. Их этническая вражда с такими же, как они сами, рабочими внесла большую лепту в провал джексоновских мечтаний о рабочей солидарности. Однако именно вследствие провигской направленности нативизма католические иммигранты еще теснее сплотились вокруг Демократической партии. Разрушительная сила политического нативизма проявится еще сильнее в 1850-е годы, когда он повлияет на распад двухпартийной системы перед Гражданской войной⁴⁶.

Видоизменение экономики оказало противоречивое влияние и еще на одну группу политических аутсайдеров — женщин. Перенос рабочего процесса из дома в мастерскую или на фабрику поменял функции многих семейств: вместо единицы производства на первый план вышла единица потребления. Такое же, хотя и менее выраженное, действие оказало на семьи фермеров переориентирование сельского хозяйства с собственных нужд на потребности рынка. Эти сдвиги превратили большинство свободных женщин из производителей в потребителей, изменив, таким образом, их основную роль в экономике (рабыни, естественно, продолжали работать в поле, как и всегда). Вместо того чтобы прясть, ткать одежду, варить мыло и изготавливать свечи, занимаясь этим у себя дома, женщины все чаще и чаще стали покупать эти изделия в лавках.

Справедливости ради заметим, что некоторые женщин устраивались работать на текстильные фабрики или становились надомными швеями, модистками, сшивали обувь и т. д. Хотя единицы из

46 *Feldberg M.* The Turbulent Era: Riot and Disorder in Jacksonian America. NY, 1980. P. 9—32; *Billington R. A.* The Protestant Crusade 1800—1860: A Study of the Origins of American Nativism. NY, 1938. P. 193—237; *Montgomery D.* The Shuttle and the Cross: Weavers and Artisans in the Kensington Riots of 1844 // *Journal of Social History.* 1972. 5. P. 411—446; *Wilentz S.* Chants Democratic... P. 315—325.

них (помимо рабынь) и нанимались на работу в сельском хозяйстве (правда, жены фермеров всегда работали не покладая рук), строительстве, горной промышленности или на транспорте, большинство по-прежнему заполняли «вакансии» домашней прислуги или прачек. В середине столетия четверть занятых на производстве составляли женщины, а в текстильной промышленности женщины и девушки составляли практические две трети всех наемных рабочих. Тем не менее, всего лишь 25% белых женщин работали вне дома до замужества и менее 5% — после свадьбы. Многие одинокие молодые женщины (как, например, знаменитые «девушки из Лоуэлла», трудившиеся на текстильных фабриках этого города) работали на производстве лишь два-три года, пока не накапливали себе на приданое. Идеальной женщиной для представителя среднего класса была хранительница очага и воспитательница детей, а колоссальная популярность женских журналов (в ту пору их существовало больше сотни, а самым известным был *Godey's Lady's Book*) распространяла этот идеал в обществе.

Экономические преобразования заставили мужчин работать не дома, а в офисе или на фабрике. Такое разделение места работы и места проживания ввело понятие разных «сфер» мужского и женского труда. Мужчина погружался в оживленный, динамичный, полный конкуренции мир бизнеса, политики и государственных дел, а уделом женщины стали дом и семья. Ее функции — выносить и выкормить детей, а также превратить дом в уютную гавань, где супруг, возвращавшийся с работы, мог чувствовать любовь и заботу у домашнего очага. Этот «культ семьи» отчуждал женщину от «реального мира», ограничивал сферу ее деятельности бытовыми вопросами, и, таким образом, требования равных прав и статуса женщин терпели фиаско⁴⁷.

47 Список важной литературы по этому вопросу слишком длинен для упоминания; среди прочих на мою работу повлияли следующие труды: *Clinton C. The Other Civil War: American Women in the Nineteenth Century*. NY, 1984; *Cott N. F. The Bonds of Womanhood: „Woman's Sphere” in New England, 1780—1835*. New Haven, 1977; *Sklar K. K., Beecher C. A Study in American Domesticity*. New Haven, 1973; *Ryan M. P. Cradle of the Middle Class: The Family in Oneida County, New York, 1790—1865*. Cambridge, 1981; *Degler C. N. At Odds: Women and the Family in America from the Revolution to the Present*. NY, 1980; *DuBois E. C. Feminism and Suffrage: The Emergence of an Independent Women's Movement in America 1848—1869* (Ithaca, 1978); *Lebsock S. The Free Women of Petersburg: Status and Culture in a Southern Town, 1784—1860*. NY, 1984; *Clinton C. The Plantation Mistress: Woman's World in the Old South*. NY, 1982.

Однако можно ли было становление культа семьи считать неудачей? Историки уже начали ставить под сомнение такое утверждение. Преобразования в экономике совпадали с переменами (отчасти и вызывали их) относительно как качества семейной жизни, так и количества детей. По мере того как семья все меньше и меньше считалась экономической единицей, у нее появилось больше возможностей жить в любви и согласии и воспитывать детей. Идеал романтической любви все больше обуславливал выбор будущего партнера, причем этот выбор все чаще делали сами молодые люди, а не их родители. И если сейчас роль женщины в экономике уменьшилась, то в семье, наоборот, увеличилась. Господство мужчины в городской среде ослабло, так как отцы семейств уходили из дома на большую часть суток, и матери брали на себя ответственность за общение с детьми и их воспитание. Любовь и поощрение самодисциплины заменили в семьях среднего класса бытовую тиранию и телесные наказания в качестве предпочтительных мер общения родителей с детьми. Эти семьи ставили во главу угла интересы ребенка — такое явление отметили и многие европейцы. Детство рассматривалось как отдельный этап жизни. И по мере того как родители проявляли большую заботу о своих отпрысках, они старались заводить меньше детей, но тратить больше ресурсов на их образование, отправляя их в школы в большем количестве и на больший срок.

Это помогает объяснить одновременное падение рождаемости и всплеск уровня образования в XIX веке. Женщины играли ключевую роль в этих процессах и извлекли из них значительные выгоды. Браки в среднем классе теперь чаще, чем прежде, заключались по принципу равного партнерства, и в определенном смысле женщина занимала главенствующую позицию. Если мужчина был главным в вопросах, не относящихся к хозяйству, то за женщиной было решающее слово по вопросам быта. Так, решение не заводить много детей было совместным, но, пожалуй, в большинстве случаев его инициатором становилась женщина. Такое решение требовало от мужчины поступиться своими сексуальными прерогативами. Основные методы контрацепции — воздержание и прерванный половой акт — возлагали ответственность за контроль желаний на мужчину. Меньшее количество детей в семье в 1850-е годы означало и то, что женщина из среднего класса будет озабочена беременностью, родами и выкармливанием ребенка меньше, чем ее мать и бабушка. Это позволяло ей не только проявлять к своим детям больше внимания, но и вести какую-то деятельность вне дома.

Ибо несомненный парадокс состоял в том, что идея о занятости женщины исключительно делами семьи стала отправной точкой для расширения сферы ее деятельности. Если женщины были хранителями благопристойного поведения и морали, если они стояли на страже благочестия и воспитания детей, почему бы им не распространить свою религиозную и образовательную деятельность за пределы семьи? Так они и сделали. В течение долгого времени женщины составляли большинство прихожан церкви, а во время Второго Великого пробуждения они лишь упрочили свое положение. Это евангельское возрождение помимо прочего породило и «империю благотворительности», состоящую из библейских обществ, организаций нравственных реформ и разного рода ассоциаций общественного возрождения, наиболее заметными из которых были движения за трезвость и аболиционизм. Женщины проявляли активность во всех начинаниях, сначала в рамках отдельных женских обществ, а потом все чаще в «смешанных» организациях, после того как в 1830-х годах женщины-аболиционистки отстаивали свои права.

Прогресс женщин в образовании был даже более впечатляющим. До XIX столетия девочки в Америке, как и в других странах, получали гораздо более поверхностное образование, чем мальчики, и неграмотных женщин было значительно больше, чем мужчин. К 1850 году в Соединенных Штатах ситуация изменилась: девочки стали ходить в начальную школу, а их грамотность поднялась примерно на один уровень с мальчиками — на то время США были единственной страной с подобным положением вещей. Высшее образование по-прежнему оставалось привилегией мужчин, но во второй четверти XIX века было основано несколько своего рода женских «семинарий» для углубленного среднего образования. Оберлинский колледж стал принимать и мужчин и женщин вскоре после своего основания в 1833 году, но даже более важным явлением была «феминизация» профессии учителя. Подобно большинству прочих социальных и экономических перемен, этот процесс стартовал в Новой Англии — к 1850 году почти три четверти учителей государственных школ Массачусетса составляли женщины — и постепенно распространился в западном и южном направлениях.

В этот период для женщин стало доступным и другое занятие образовательного характера: писательство. Вследствие интереса к домашней жизни и семейным ценностям появилась огромная аудитория для статей и книг по домоводству, воспитанию детей, кулинарии и другим подобным занятиям. Тиражи дамских журналов быстро

росли, чтобы соответствовать запросам, а труд авторов стал оплачиваемым. Растущая грамотность и появившийся у женщин досуг вкупе с романтизмом и сентиментализмом викторианской культуры обеспечивали прибыльный сбыт для чтива, основной сюжет которого составляли превратности любви, брака, домашние заботы, семья и смерть. Ряд женщин-авторов выпустили множество сентиментальных бестселлеров (Натаниэл Готорн, возможно, завидуя гонорарам, называл их «проклятая банда бумагомарательниц»).

Таким образом, если представление о женщинах как домохозяйках закрыло им парадную дверь в «большой» мир, то оно же помогло им попасть в расширяющиеся сферы религиозной жизни, реформ, образования и писательства с черного хода. Это с неизбежностью привело к тому, что женщины, умевшие писать и излагать свои мысли, преподавать и издавать журналы, начали задаваться вопросом, почему им не платят столько же, сколько их коллегам-мужчинам, и почему они не могут так же проповедовать, заниматься юриспруденцией или медициной, владеть собственностью независимо от своих мужей и, наконец, голосовать. Таким образом, «кухонный феминизм», как его окрестили некоторые историки, извилистым путем привел к феминизму куда более радикальному, требовавшему равноправия во всех сферах. В 1848 году конференция, состоявшаяся в местечке Сенека-Фолс в северной части штата Нью-Йорк, послужила отправной точкой современного движения за права женщин. Принятая там Декларация общественного мнения, сходная по стилю с Декларацией независимости, объявляла, «что все мужчины и женщины созданы равными» и достойны «неотчуждаемых прав», включая избирательное. Конференция собралась в церкви; одна из двух главных ее организаторш — Элизабет Кэди Стэнтон — получила образование в первой женской семинарии в Трое (штат Нью-Йорк), другая — Лукреция Мотт — начала свою трудовую деятельность в качестве школьной учительницы; обе являлись также активистками аболиционистского движения. Их деятельность позволила «кухонному» феминизму, пробиравшемуся черным ходом, проделать крохотную трещину уже и в парадной двери⁴⁸.

48 В добавление к исследованиям *DuBois E. C. Feminism and Suffrage...* и *Lebsock S. Free Women of Petersburg...* см.: *Medler K. Ladies Bountiful: Organized Women's Benevolence in early Nineteenth Century America // New York History. 1967. 48. P. 231—254; Kelley M. Private Woman, Public State: Literary Domesticity in Nineteenth Century America. NY, 1984; Epstein B. The Politics of Domesticity: Women, Evangelism, and Temperance in Nineteenth Century America. Middletown (Conn.), 1981.*

IV

Эволюция семьи, в которой на первый план вышел ребенок и любовь к нему, помогли аболиционистам сосредоточиться на самом очевидном грехе американского рабства: горькая ирония состояла в том, что рабовладение одновременно поощряло браки рабов и угрожало разрушением их семьям.

Брак между рабами не имел в Соединенных Штатах законной силы. В 1850 году более половины невольников жили на фермах или плантациях с числом рабов меньше двадцати. Естественно, для них тяжело было найти брачных партнеров в той же местности, тем не менее рабы женились и заводили большие семьи. Большинство рабовладельцев поощряли этот процесс, отчасти потому, что запрет ввоза рабов из Африки в 1807 году сделал их зависимыми от естественного прироста, необходимого для удовлетворения потребности в рабочей силе на полях расширяющейся хлопковой империи. Рабовладельческие экономики большинства других стран Западного полушария, в отличие от Соединенных Штатов, достигли кульминации своего развития во времена процветания импорта рабов. Для постоянного пополнения рабочей силы они ввозили в два раза больше мужчин, чем женщин, и не одобряли браки между рабами. Как следствие, если в Соединенных Штатах численность рабов естественным путем увеличивалась вдвое каждые 26 лет, то численность рабов в других странах Нового Света естественным образом падала⁴⁹.

Однако североамериканское рабовладение подрывало тот самый институт семьи, который само же и поощряло. Ответственные хозяева прилагали все усилия для того, чтобы не допустить распада семей рабов путем их продажи или вывоза. Однако не все рабовладельцы сознавали свою ответственность, кроме того, часто они в любом случае не могли тянуть время и избегать продаж, потому что нужно было удовлетворить иски кредиторов за счет распродажи имущества. Постоянное расширение плантаций на новых землях вело к распаду семей, так как рабы, переселяясь на запад, оставляли семьи на старом месте. Недавние исследования браков среди рабов показали, что примерно четверть семей была разбита владельцами или их наследниками, которые продавали или переселяли мужа или

49 Curtin P. D. *The Atlantic Slave Trade: A Census*. Madison, 1969; Woodward P. V. *American Counterpoint: Slavery and Racism in the North-South Dialogue*. Boston, 1971. P. 78—106.

жену отдельно друг от друга⁵⁰. Продажа малолетних детей отдельно от родителей если и не стала тенденцией, то случалась с пугающей частотой.

Такое насильственное разделение семей было самой большой брешью в броне защитников рабства, и сквозь эту брешь аболиционисты начали наносить свои удары. Одно из наиболее веских моральных обвинений институту рабства было предъявлено трудом Теодора Уэлда «Американское рабство без прикрас», впервые опубликованным в 1839 году и выдержавшим несколько переизданий. Составленная преимущественно из отрывков рекламных объявлений и статей в южной прессе, книга обличала рабство устами самих рабовладельцев. Среди сотен похожих заметок в книге выделяются объявления о вознаграждении за поимку беглых рабов, содержащих такие пассажи: «Скорее всего, он подается в Саванну, так как, по его словам, его дети живут в тех краях», или рекламные объявления, подобные взятому из нью-орлеанской газеты: «ПРОДАЖА НЕГРОВ. Негритянка 24 лет от роду, с двумя детьми восьми и трех лет. Указанные негры продаются оптом или в розницу в зависимости от желания покупателя»⁵¹.

Гарриет Бичер-Стоу использовала книгу Уэлда как источник для некоторых сцен «Хижина дяди Тома» (о которой речь пойдет ниже). В написанной в сентиментальном стиле, ставшем популярным благодаря хорошо продаваемым женским романам, «Хижине дяди Тома» основной упор делался именно на разделении семей, с наибольшей вероятностью способном растрогать сердца читателей из среднего класса, которые холили и лелеяли своих детей и супругов. Сцены, когда Элиза бежит через скованную льдом Огайо, чтобы спасти своего сына от лап работорговца, и когда Том оплакивает своих детей, оставшихся в Кентукки, тогда как его самого продали на Юг, стоят в ряду незабываемых сцен американской литературы.

50 Исследования показали, что от одной пятой до одной трети семей были разделены в результате действий рабовладельцев, см.: *Blassingame J. W. The Slave Community*. NY, 1972. P. 82—92; *Gutman H., Sutch R. The Slave Family: Protected Agent of Capitalist Masters or Victim of Slave Trade? // Reckoning with Slavery*. NY, 1976, P. 127—129; *Gutman H. The Black Family in Slavery and Freedom*. NY, 1976. P. 146—147; *Escott P. D. Slavery Remembered: A Record of the Twentieth-Century Slave Narratives*. Chapel Hill, 1979. P. 46—48; *Ripley P. The Black Family in Transition: Louisiana, 1860—1865 // JSH*. 1975. 41. P. 377—378.

51 *Weld T. American Slavery as It Is: Testimony of a Thousand Witnesses*. NY, 1839. P. 165, 168.

Хотя многие читатели на Севере и прослезились, узнав о горькой судьбе Тома, политические и экономические аспекты рабства вызвали больше разногласий, чем моральные и общечеловеческие. Рабство казалось все более странным институтом в демократической республике, переживавшей стремительный переход к промышленному капитализму, основанному на свободном труде. По мнению растущего числа янки, рабство подрывало ценность труда, замедляло экономическое развитие, препятствовало образованию и порождало господствующий класс рабовладельцев, претендующий на управление страной в интересах этого отсталого строя. Рабство подрывает «разум, законность и энергию», — утверждал в 1840-х годах лидер вигов Нью-Йорка Уильям Генри Сьюард. Рабство оставило на Юге «истощенную землю, старые, приходящие в упадок города, ужасные, заброшенные дороги... полное отсутствие предприятий и новшеств». Это явление «несовместимо с... безопасностью, благосостоянием и величием нации». Рабство и свободный труд, как сказал Сьюард в своей самой знаменитой речи, являются «системами-антагонистами», между которыми зреет «неотвратимый конфликт», который должен привести к упразднению рабства⁵².

Однако было ли рабство отсталым и неэффективным институтом (как заявлял Сьюард) или нет, никто не мог оспорить его необычайную производительность. Урожай хлопка-сырца с начала XIX века удваивались каждое десятилетие — рекорд среди всех видов сельскохозяйственной продукции. Хлопок с американского Юга, выращиваемый преимущественно невольниками, составлял три четверти всех мировых поставок. Товары с Юга обеспечивали три пятых американского экспорта, принося в страну деньги, игравшие важную роль в экономическом росте. Безусловно, рабство сделало Старый Юг «отличающимся» от Севера, однако вопрос о том, перевешивали ли эти отличия сходство этих регионов и порождали ли они «неотвратимый конфликт», остается спорным. В конце концов, Север и Юг имели один язык, одну Конституцию, одно законодательство, равную приверженность республиканской форме правления, господствующую протестантскую религию, британскую кровь в жилах, единую историю и воспоминания об общей борьбе за государственность.

52 Foner E. *Free Soil...* P. 41, 51; *The Works of William H. Seward*. 5 vols. NY, 1853—1884. IV. P. 289—292.

Однако к 1850-м годам американцы по обе стороны невидимой линии, отделявшей свободу от рабства, стали делать упор как раз на различиях, а не на сходстве. «Янки» и «южане» (southrons), конечно же, говорили на одном языке, но стали все чаще употреблять эти прозвища с намерением оскорбить. Законодательная система также стала фактором раздора, а не единства: северные штаты приняли законы о личной свободе, игнорирующие государственный закон о беглых рабах, пролоббированный южанами; находящийся под контролем южан Верховный суд отклонил право Конгресса воспрещать распространение рабства на новых территориях, и это постановление многие северяне сочли позорным. Что касается общих протестантских ценностей, раздоров и тут было больше, чем согласия. Две крупнейшие деноминации — методисты и баптисты — раскололись по вопросу о рабстве на враждующие церкви; третью по популярности, пресвитерианскую, также терзали распри. Принципы республиканизма понимались опять-таки противоречиво, а не одинаково, ибо большинство северян интерпретировали их как принципы свободного труда, а южане настаивали на том, что одним из ключевых понятий республиканской свободы является право на собственность, в том числе и на рабов.

Деятели с обеих сторон с гордостью или тревогой оперировали количественными показателями, выражавшими различия между Севером и Югом. С 1800 по 1860 год на Севере присутствие рабочей силы в сельском хозяйстве сократилось с 70 до 40%, тогда как на Юге осталось прежним — 80%. Лишь десятая часть южан проживала в городах (по оценке переписей), по сравнению с четвертью северян. Семь из восьми иммигрантов селились в свободных штатах. Среди мужчин, достаточно (до войны) известных, чтобы впоследствии попасть в «Словарь биографий выдающихся американцев», военная профессия пользовалась вдвое большим спросом на Юге, нежели на Севере, тогда как среди выдающихся литераторов, врачей, деятелей искусства и образования это соотношение было прямо противоположным. Янки в три раза больше были представлены в бизнесе и в шесть раз больше среди инженеров и изобретателей⁵³. Доля посещающих школы детей была на Севере в два раза больше; практически половина жителей Юга (с учетом рабов) была

53 Vance R. B. *The Geography of Distinction: The Nation and Its Regions, 1790—1927 // Social Forces.* 1939. 18. P. 175—176.

неграмотна, тогда как среди населения свободных штатов таковых было всего 6%.

Многие консервативные южане высмеивали веру янки в образование. *Southern Review* задавалась вопросом: «Это что, способ производить производителей? Обучение всех детей грамоте — это поможет людям, зарабатывающим на жизнь своим трудом, приобрести профессию?»⁵⁴ Священник из Массачусетса Теодор Паркер в 1854 году отвечал на это: «Юг является противником промышленности Севера: наших шахт, предприятий, нашей торговли... противником демократической политики нашего штата, демократической культуры наших школ, нашему демократическому общественному труду»⁵⁵. Гусь свинье не товарищ, соглашался юрист и плантатор из Саванны Чарльз Джонс-младший. Янки и южане «настолько отличаются по климатическим условиям, моральным установкам, религиозным воззрениям, имеют столь различные точки зрения по вопросам чести, истины и мужества, что дальнейшее сосуществование их в одной стране невозможно»⁵⁶.

Но в основе всех этих различий лежало существование вполне определенного института. «По вопросу о рабстве, — отмечал *Charleston Mercury* в 1858 году, — Север и Юг... образуют не просто две различные нации, но две соперничающие, враждебные нации»⁵⁷. Такое соперничество ставило под угрозу будущее республики. Для американцев XIX века Запад знаменовал собою будущее, а освоение западных земель являлось источником жизненной силы. Пока противоречия по вопросу о рабстве касались моральных аспектов рабовладения, двухпартийной системе удавалось сдерживать страсти, но когда в 1840-х годах встал вопрос об экспансии рабства на новые территории, конфликт стал неизбежен.

«На запад расширяется Империя», — писал о Новом Свете епископ Джордж Беркли в 1720-х годах. На запад смотрел и Томас Джефферсон, чтобы сберечь «империю свободы» для будущих поколений американских фермеров. Даже ректор Йельского университета Тимоти Дуйат, который, будучи федералистом из Новой Англии, принадлежал к региону и политической организации, выразившим

54 Цит. по: *Kaestle C. F. Pillars of the Republic...* P. 207.

55 Цит. по: *Slavery Attacked: The Abolitionist Crusade.* Englewood Cliffs, 1965. P. 149.

56 Цит. по: *Myers R. M. The Children of Pride: A True Story of Georgia and the Civil War.* NY, 1972. P. 648.

57 *McCardell J. The Idea of a Southern Nation: Southern Nationalists and Southern Nationalism, 1830—1860.* NY, 1979, 270—271.

наименьший энтузиазм в отношении экспансии на запад, красноречиво высказался в своем стихотворении 1794 года:

Приветствую тебя, о западная даль!
 Промыслен небесами сей пример,
 Что человечество готовит к жизни новой.
 Пересекут весь континент твои сыны,
 Им брег далекий океанский станет домом.
 И вера наша, и культура, и устои
 Свободу пронесут до Азии границ.

Полвека спустя другой янки, который никогда не был на Западе, также нашел его притягательность неотразимой. «На восток я всегда еду по принуждению, — писал Генри Дэвид Торо, — но на запад я всегда еду свободным. Человеческий прогресс движется с Востока на Запад»⁵⁸.

«Отправляйся на Запад, юноша», — советовал Хорас Грили во время депрессии 1840-х годов. И действительно, они шли на запад, эти миллионы в первой половине XIX века, повинаясь неодолимому побуждению. Один отправляющийся на Запад переселенец писал: «Запад — вот наша цель, ибо больше ничего не осталось. Для бедняков существует только новая страна». «Старая Америка, кажется, рушится, и люди едут на Запад», — писал один из пионеров, направляясь в Иллинойс в 1817 году. «Мы редко теряем друг друга из виду на большой дороге, ведущей к реке Огайо, наши семьи идут с нами, то обгоняя, то отставая»⁵⁹. С 1815 по 1850 год население региона к западу от Аппалачей выросло втрое относительно населения тринадцати первых штатов. В течение этого периода в среднем каждые три года в состав Союза входил новый штат. До 1840-х годов фронтир перемещался с использованием речной сети, в основном Огайо, Миссисипи и Миссури с их притоками, по которым переселенцы плыли до своих новых пристанищ и которые помогали им налаживать первые связи с остальным миром.

После того как в 1840-х годах за Миссисипи были образованы новые штаты, фронтир простерся на добрую тысячу миль к западу по

58 *Smith H. N. Virgin Land: The American West as Symbol and Myth.* NY, 1957. P. 11; *Baritz L. The Idea of the West // AHR.* 1961. 66. P. 639.

59 *Saum L. O. The Popular Mood of Pre-Civil War America.* Westport (Conn.), 1980. P. 205; *Rohrbough M. J. The Trans-Appalachian Frontier: People, Societies, and Institutions 1775—1850.* NY, 1978. P. 163.

полупустынным Великим равнинам и причудливым горным хребтам, до тихоокеанского побережья. Сквозь него были проложены наземные маршруты (можно было плыть и вокруг мыса Горн), здесь торговали бобровыми шкурами с гор, серебром из рудников Санта-Фе и шкурами скота из Калифорнии. В 1840-х годах там стали появляться и фермеры, так как тысячи американцев продали свое имущество по бросовым ценам, впрягли волов в фургоны-«конестоги» и в поисках новой жизни направились на запад по Орегонской, Калифорнийской и Мормонской тропам на земли, принадлежавшие Мексике или оспаривавшиеся Великобританией. Государственная принадлежность этих земель не особенно заботила большинство американцев, считавших «явным предначертанием» включить их в состав Соединенных Штатов. Безбрежные перспективы ожидали поселенцев, которые превратят «дикие леса, бездорожье равнин и нетронутые долины» в «великую страну бесконечных изобретений, важнейших инициатив и бурной торговли», — обещал автор одного проспекта для мигрантов в Орегон и Калифорнию. «Изобильные долины прогнутся под тяжестью плодов; по многочисленным рекам один за другим будут курсировать пароходы... весь край пересекут широкие тракты, железные дороги и каналы»⁶⁰.

Несомненно, самой известной миграцией на запад до калифорнийской золотой лихорадки 1849 года стало переселение мормонов к бассейну Большого Соленого озера. Первая религия, зародившаяся на американской земле, мормонство стало следствием духовного энтузиазма, вызванного Вторым Великим пробуждением в среде второго поколения новоанглийских янки в «полностью обращенной земле» севера штата Нью-Йорк. Основатель и пророк этой религии Джозеф Смит создал не только церковь, но и утопическую комму-ну, в которой, подобно десяткам прочих в ту эпоху, практиковались коллективная собственность и необычные брачные отношения. В отличие от большинства других утопий, мормонство развилось и процвело.

Однако дорога к такому процветанию пролегла через тернии. Теократическая иерархия мормонов была одновременно их силой и слабостью. Заявляя о своем непосредственном общении с Богом, Смит ввел в своей общине железную дисциплину. Массы неустанных тружеников, истово верующие мормоны создавали процветающие

60 *Hastings L. Emigrants' Guide to Oregon and California. 1845* (цит. по: *Starr K. Americans and the California Dream. NY, 1973. P. 15*).

коммуны везде, где селились. Однако мания величия Смита, его заявления о том, что только мормонство является истинной религией и что оно получит власть над миром, его требование абсолютного подчинения породили раскол внутри движения и вызвали негодование окружающего населения. Изгнанные из Нью-Йорка и Огайо, мормоны двигались на запад, планируя построить Град Божий на территории Миссури. Однако миссурийцы не пожелали иметь дело с этими святыми янки, которые получали откровения прямо от Бога и подозревались в аболиционизме. Шайки миссурийцев в 1838—1839 годах убили многих мормонов, а оставшихся изгнали через Миссисипи в Иллинойс, где община процветала в течение нескольких лет, несмотря на общий спад экономики. Странствующие миссионеры обращали тысячи людей в свою веру. Мормоны превратили местечко Наву на берегу Миссисипи в типичный процветающий новоанглийский город с населением в 15 тысяч человек, однако жившие в округе «язычники» завидовали процветанию мормонов и боялись их ополчения — Легиона Наву. Когда после откровения Смита, в котором Господь будто бы одобрил многоженство, в общине случился очередной раскол, пророк приказал разрушить типографию раскольников. Власти Иллинойса арестовали Смита и его брата, а в июне 1844 года толпа ворвалась в тюрьму и растерзала обоих⁶¹.

Преемник Смита Бригам Янг изрек, что святым не пристало строить Град Божий в окружении враждебных язычников, и возглавил исход единоверцев к бассейну Большого Соленого озера на мексиканских территориях — району настолько неприветливому, что никто из белых не желал селиться там. Единственными соседями стали индейцы, которые, согласно вероучению мормонов, являлись потомками исчезнувших колен Израилевых, так что обратить их в истинную веру было долгом мормонов.

Бригам Янг проявил себя как один из самых эффективных администраторов XIX столетия. Как и Джозеф Смит, он родился в Вермонте. Если Янгу и недоставало харизмы Смита, то это более чем компенсировали железная воля и необычайные организаторские способности. Он продумал переселение мормонов до мельчайших деталей. Создав теократическую структуру управления, введя цен-

61 Этот и последующий абзацы основаны на исследованиях Stegner W. *The Gathering of Zion: The Story of the Mormon Trail*. NY, 1964; Arrington L. J. *Great Basin Kingdom*. Cambridge (Mass.), 1958; Arrington. *Brigham Young: American Moses*. NY, 1985; Bringham N. G. *Brigham Young and the Expanding Frontier*. Boston, 1985; Furniss N. F. *The Mormon Conflict 1850—1859*. New Haven, 1960.

трализованное планирование и организовав коллективную ирригацию посевов, подведя воду из горных источников, Янг помог мормонам не умереть с голоду в первые две зимы на берегах Соленого озера и буквально заставил пустыню цвести, посеяв там пшеницу и высадив овощи. По мере притока тысяч обращенных из Европы и Соединенных Штатов население Града Божия в Большом Бассейне к 1860 году достигло 40 тысяч человек. Янгу даже удалось уберечь свою паству от соблазнов золотых лихорадок в Калифорнии в 1849 году и в районах Вирджиния-Сити и Денвера в 1859-м. Мормоны выручили от торговли с золотоискателями, которые добирались до месторождений, больше, чем большинство старателей заработали после того, как туда попали.

Самой большой угрозой общине был конфликт с властями Соединенных Штатов, которые получили эту территорию от Мексики как раз в то время, когда мормоны возводили свой Град Божий у Соленого озера. В 1850 году Янг убедил Вашингтон назначить его губернатором новой территории Юта. Такой шаг на какое-то время привел к согласию секты и государства и обеспечил мир, однако судьи и другие чиновники, не бывшие мормонами, вскоре стали жаловаться на то, что их полномочия существуют только на бумаге, а население подчиняется законам, провозглашаемым церковными иерархами. Напряженность в отношениях между мормонами и «язычниками» иногда выливалась в кровавые столкновения. Общественное мнение Соединенных Штатов резко осудило мормонов в 1852 году, когда церковь Святых последних дней открыто одобрила полигамию как божественное предписание (у самого Бригама Янга было 55 жен). В 1856 году в первой предвыборной платформе Республиканской партии полигамия была названа «варварством» и приравнена к рабству. В 1857 году президент Джеймс Бьюкенен объявил мормонов мятежниками и послал войска для того, чтобы заставить их подчиниться новому губернатору. В ходе партизанской войны против этих войск осенью 1857 года группа мормонов-фанатиков близ Маунтин-Медоуз убила 120 переселенцев, направлявшихся в Калифорнию, что побудило правительство усилить воинский контингент. Будучи реалистом, Янг смирился с неизбежным, оставил государственный пост и, умирив своих сторонников, заключил неустойчивый мир с центральным правительством. Когда следующего президента Авраама Линкольна спросили, что он намерен предпринять в отношении мормонов, тот ответил, что предполагает «оставить их в покое» как наименьшую из всех проблем.

Подобно большей части истории Соединенных Штатов, освоение Запада являет собой пример развития и успеха, однако для коренных американцев — индейцев — это горькая летопись ущемления прав и военных поражений. К 1850 году болезни, занесенные белыми колонистами, и войны сократили индейское население, жившее севернее Рио-Гранде, вдвое от того миллиона, который проживал там двумя веками раньше. В Соединенных Штатах все индейцы, за исключением нескольких тысяч, были депортированы западнее Миссисипи. Администрации демократов в 1830-х годах осуществили насильственное переселение 85 тысяч индейцев пяти «цивилизованных племен» (чероки, чокто, крик, чикасо и семинолы) из юго-восточных штатов на Индейскую территорию, созданную для них к западу от Арканзаса. Также в 1830-х годах безжалостный разгром восстания Черного Ястреба, пыгавшегося отвоевать земли предков в Иллинойсе, и окончательное подавление сопротивления семинолов во Флориде положили конец более чем двухсотлетнему периоду «индейских войн» к востоку от Миссисипи.

К этому времени правительство решило установить «постоянную границу с индейцами», проходящую примерно по 95-му меридиану (западная граница Арканзаса и Миссури). За пределами этой границы индейцы могли бы свободно передвигаться по Великой американской пустыне (как назвал ее исследователь Зебулон Пайк). Однако идея такой границы не прожила даже десятилетие. Наземная миграция на запад, завоевание мексиканских территорий и обнаружение золота в Калифорнии включили и эти обширные земли в число тех, что «явно предначертаны» белым американцам. Правительство возобновило практику ведения фарсовых переговоров с вождями племен об уступках больших участков территории в обмен на ежегодные выплаты, которые потом возвращались обратно в оплату за «огненную воду» и другую продукцию «бледнолицых», которую всучивали хитрые торговцы. Так как западной границы, за которую можно было бы выдворить индейцев, за исключением тихоокеанского побережья, больше не было, политика в их отношении изменилась. Индейцы были расселены по «резервациям», где могли либо научиться жить как белые, либо вымереть. Большая часть резерваций располагалась на неплодородных землях, а большинство индейцев не испытывали никакой склонности жить как белые. И они вымирали — в одной Калифорнии болезни, недостаточное питание, «огненная вода» и убийства сократили численность индейцев с 150 тысяч в 1845 году до 35 тысяч в 1860-м.

Несмотря на то, что Великие равнины и пустыни Юго-Запада не были к тому времени объектом вождления переселенцев, учреждение резерваций предопределило судьбу гордых воинов этих земель, настигшую их десять — двадцать лет спустя⁶².

«Явное предначертание», олицетворявшее для белых американцев надежду, для американцев краснокожих обернулось гибелью. Это был еще один фитиль для пороховой бочки, взорвавшей Соединенные Штаты в 1861 году.

62 *Utley R. M. The Indian Frontier of the American West 1846—1890. Albuquerque, 1984. P. 31—64.*

2.

«Мексика отравит нас»

I

Джеймсу Полку удалось приобрести территорию большую, чем любому другому президенту Соединенных Штатов. Во время всего лишь одного его президентского срока страна приобрела до двух третей территории вследствие присоединения Техаса, заселения пограничья Орегона и захвата всех мексиканских территорий к северу от 31-й параллели. Обещая в своей предвыборной платформе отодвинуть северную границу территории Орегон до 54° 40', а Техаса — до самой Рио-Гранде, Полк пошел на компромисс с Великобританией, установив границу Орегона по 49-му градусу, зато с Мексикой он начал войну за Техас, по итогам ее вознаградив себя еще и Калифорнией с Нью-Мексико. Здесь стоит подробно остановиться на том, почему конфликт различных политических группировок во время этой войны полтора десятилетия спустя привел к войне гражданской¹.

«Война мистера Полка» вызвала в Конгрессе оппозицию вигов, голосовавших против решения об объявлении войны Мексике в мае 1846 года. Однако после того как демократическое большинство приняло эту резолюцию, многие виги поддержали выделение средств

1 Подробнее о побуждениях и действиях Полка см.: Sellers Ch. G. James K. Polk, Continentalist 1843—1846. Princeton, 1966.

на действующую армию. Бывший свидетелем исчезновения с политической арены партии федералистов после того, как та противостояла англо-американской войне 1812 года, один конгрессмен от вигов язвительно заметил, что теперь уж он будет голосовать за «войну, эпидемии и голод». Как бы то ни было, виги продолжали обвинять Полка в том, что тот спровоцировал военные действия, послав американские войска на территорию, на которую притязала Мексика. Они иронизировали по поводу методов ведения войны администрацией и были против аннексии мексиканских земель. Воодушевленные выборами 1846 и 1847 годов, на которых виги получили 38 мест и приобрели контроль над Палатой представителей, они усилили критику Полка. Один из новых конгрессменов-вигов, долговязый представитель Иллинойса с морщинистым лицом, серыми глазами, всклокоченными волосами и в плохо сидящей одежде, вносил проекты резолюций, в которых требовал предоставить данные о точном месте, где мексиканцы пролили американскую кровь — эпизод, послуживший предлогом для начала войны. Хотя проекты Линкольна в Палате клали под сукно, вигам удалось провести другую резолюцию, гласившую, что война была «развязана президентом без всякого повода и в нарушение Конституции»².

Как война, так и «явное предначертание» являлись во многом лозунгом демократов. С того дня, когда Томас Джефферсон преодолел сопротивление федералистов по вопросу о покупке Луизианы, демократы настоятельно требовали распространения американских ценностей по всей Северной Америке, хотели того проживавшие там индейцы, испанцы, мексиканцы и канадцы или нет. Когда Господь увенчал Америку победой в Войне за независимость, снисходительно пояснял один конгрессмен-демократ в 1845 году, Он не «провидел, что первые тринадцать штатов останутся единственным вместилищем свободы на земле. Наоборот, Он провидел, что эти штаты станут великим источником, откуда волны цивилизации, религии и свободы будут растекаться по континенту, покуда весь он не воспримет их благость». «Да, дальше, дальше, дальше! — вторил ему Джон О'Салливан, автор понятия „явное предначертание“. —

2 CG, 30 Cong., 1 Sess., P. 64, 95 и Appendix, P. 93—95. Лучшее исследование оппозиции войне: *Schroeder J. H. Mr. Polk's War: American Opposition and Dissent, 1846—1848.* Madison, 1973. О том, как популярна была эта война в обществе за пределами Новой Англии и нескольких других районов атлантического побережья, см.: *Johanssen R. W. To the Halls of the Montezumas: The War with Mexico in the American Imagination.* NY, 1985.

Дальше... пока мы не выполним предначертанное нашему народу и... весь беспредельный континент не станет нашим»³.

Виги, впрочем, не были против распространения благ американской свободы, пусть даже на мексиканцев и индейцев, но они не одобряли применения насилия. Не расходясь с евангельскими истоками многих аспектов своей доктрины, виги предпочитали миссионерский путь завоеваниям. «Будучи своего рода Градом на холме», Соединенные Штаты, считали многие виги, должны насаждать идеи «истинного республиканизма» своим примером, а не силой оружия. Хотя «для человечества было бы благом, сумей мы экспортировать американскую идею о том, что все люди рождены свободными и равноправными, в Мексику, но первым делом нам нужно воплотить эту идею в реальность у себя дома», — говорил Теодор Паркер, религиозный деятель и противник рабства. Если для демократов понятие прогресса подразумевало распространение существующих ценностей в *пространстве*, то для вигов — во *времени*. «На другом полюсе инстинкта безудержного поглощения находится инстинкт внутреннего совершенствования, — говорил Хорас Грили. — Государство не может одновременно тратить энергию на пожирание других территорий и совершенствование своей собственной»⁴.

Главной стратегической целью Полка был захват мексиканских территорий. Желание американских поселенцев в Орегоне и Калифорнии присоединиться к Соединенным Штатам ускорило кризис в отношениях как с Мексикой, так и с Великобританией. Превознося этих поселенцев как «уже вовлеченных в благое дело самоуправления в долинах, по которым реки текут к Тихому океану», Полк пообещал распространить американские законы на «далекие края, которые они избрали себе для проживания»⁵. С Англией договориться удалось — территория Орегона простиралась теперь до 49-й параллели, — но вот попытки убедить Мексику продать Калифорнию и Нью-Мексико успехом не увенчались. Полк решил использовать силу. Вскоре после своего прихода к власти он отдал приказ Тихоокеанскому флоту быть готовым к захвату калифорнийских портов в случае начала войны с Мексикой. Осенью 1845 года консул

3 Цит. по: *Merk F. Manifest Destiny and Mission in American History: A Reinterpretation*. NY, 1963. P. 28, 52.

4 *Schroeder J. H. Mr Polk's War...* P. 75—76; *Collins R. E., Parker Th. American Transcendentalist*. Metuchen (NJ), 1973. P. 252; слова Грили цит. по: *Howe D. W. The Political Culture of the American Whigs*. Chicago, 1979. P. 21.

5 *Sellers Ch. G. Polk...* P. 210.

США в Монтерее получил от Полка указание поощрять стремление к аннексии среди американских поселенцев и недовольных властями мексиканцев.

Американцы, жившие в Калифорнии, вряд ли нуждались в подстрекательстве, особенно если учесть, что среди них был известный своим честолюбием капитан корпуса военных топографов Джон Фримонт. Прославившийся своими исследованиями западных земель, Фримонт также являлся зятем влиятельного сенатора от Миссури Томаса Харта Бентона. Когда до долины Сакраменто дошли слухи о войне с Мексикой, Фримонт предоставил помощь восставшим поселенцам, провозгласившим независимость Калифорнии. Эта «Республика Медвежьего флага» (на ее флаге был изображен гризли) просуществовала недолго, а ее жители с восторгом встретили официальное объявление войны, которая означала их присоединение к Соединенным Штатам.

А пока разворачивались эти события, волонтеры из Миссури и полк регулярной армии маршировали по тропе Санта-Фе, чтобы захватить столицу Нью-Мексико. 18 августа 1846 года эти двузильные драгуны под командованием Стивена Уоттса Карни заняли Санта-Фе без единого выстрела. Оставив в городе гарнизон, Карни всего с сотней солдат отправился через всю пустыню в Калифорнию, где присоединился к нескольким сотням матросов, морских пехотинцев и волонтеров, которым к январю 1847 года удалось сломить сопротивление мексиканцев. В течение нескольких последующих месяцев череда оглушительных побед американских войск к югу от Рио-Гранде, завершившаяся взятием Мехико, гарантировала переход новых земель к США. Единственным вопросом было лишь то, сколько же отрезать от этого пирога.

Первоначально аппетиты Полка ограничивались Нью-Мексико и Калифорнией. В апреле 1847 года он направил в Мексику Николаса Триста в качестве уполномоченного по заключению договора о приобретении именно этих провинций. Однако легкость, с которой американские войска одерживали победы, заставила Полка замахнуться на большее. К осени 1847 года требование демократов по присоединению «всей Мексики» или хотя бы нескольких ее провинций выглядело триумфально. Перетягивание каната между алчущими всех мексиканских земель демократами и противившимися расширению Соединенных Штатов вигами поставило Триста, находившегося в Мехико, в крайне затруднительное положение — гордый генерал Санта-Анна не желал уступать половину своей страны.

Полк встал на сторону приверженцев жесткой линии и в октябре 1847 года отозвал Триста, однако как раз в тот момент переговоры сдвинулись с мертвой точки, и Трист решил игнорировать приказ, подписав договор в точном соответствии с первоначальными инструкциями Полка. В обмен на выплату 15 миллионов долларов и принятие Соединенными Штатами на себя долгов мексиканского населения американским гражданам Мексика признавала границу Техаса по Рио-Гранде и уступала Нью-Мексико и Северную Калифорнию⁶. Когда в феврале 1848 года текст этого договора, подписанный в Гвадалупе-Идальго, прибыл в Вашингтон, Полк поначалу с негодованием отверг его. Однако поразмыслив, он направил его в Сенат, где виги, имевшие достаточно голосов, чтобы провалить любой договор, отторгавший еще больше мексиканской территории, вполне могли принять документ, по которому вместо завоевания нужно было заплатить Мексике за Калифорнию и Нью-Мексико. Такой замысел сработал, и Сенат 38 голосами против 14 ратифицировал договор; пять голосов «против» принадлежали демократам, которые хотели большего, а семь — вигам, которые не хотели от Мексики ничего⁷.

Этот триумф «явного предначертания» мог вызвать в памяти некоторых американцев пророчество Ральфа Уолдо Эмерсона о том, что «Соединенные Штаты проглотят Мексику и уподобятся человеку, принявшему мышьяк, который отравит его самого. Так и Мексика отравит нас»⁸. Он оказался прав, только яд назывался рабством. Джефферсоновская империя свободы превратилась в империю рабства. Территориальные приобретения, совершенные со времен Войны за независимость, привели к появлению в составе Союза рабовладельческих штатов Луизианы, Миссури, Арканзаса, Флориды и Техаса, и лишь Айова, только что (в 1846 году) ставшая штатом, была свободна от рабства. Многие северяне опасались такого же будущего и для новой обширной юго-западной территории. Они осуждали войну как элемент «заговора рабовладельцев», желающих распространения рабства. Разве президент Полк не является рабовладельцем? Разве не было в его предвыборной программе обещаний о расширении

6 На уступленной территории расположены нынешние штаты Калифорния, Невада и Юта, большие части Нью-Мексико и Аризоны, части Оклахомы, Колорадо и Вайоминга, а также третья часть Техаса.

7 Senate Executive Docs., 30 Cong., 1 Sess. № 52. P. 36. Два других противника договора были демократами, отвергнувшими его по иным причинам.

8 Journals of Ralph Waldo Emerson. 10 vols. Boston, 1909—1914. VII. P. 206.

рабовладельческой территории путем присоединения Техаса? Разве не поборники рабства из числа южан находятся в числе самых агрессивных сторонников «явного предначертания»? Разве большинство территорий (включая Техас), отторгнутых у Мексики, не лежат к югу от параллели 36° 30' с. ш. — традиционной демаркационной линии, установленной по Миссурийскому компромиссу и отделявшей свободные штаты от рабовладельческих?⁹ Легислатура Массачусетса заклемила эту «неконституционную» войну как преследующую «тройную цель расширения рабства, упрочения могущества рабовладельцев и установления контроля над свободными штатами». Персонажа Джеймса Рассела Лоуэлла, деревенского философа Осию Биглоу, беспокоило, что рабовладельцы хотят

Калифорнию оттяпать,
Чтобы рабство насадить,
Унижать вас тихой сапой,
Грابتь и веревки вить¹⁰.

Полк никак не мог взять в толк, чем питается несогласие с его политикой. Применительно к войне с Мексикой, писал он в своем дневнике, рабство — «вопрос абстрактный. Нет никакой вероятности, что к нам отойдет от Мексики та или иная территория, на которой утвердятся рабовладение». Поэтому весь этот ажиотаж является «не только вредным, но и безнравственным». Однако большое число конгрессменов, даже некоторые из партии Полка, не разделяли убеждений президента. Они считали пристальное внимание к этому вопросу необходимым, и в период между 1846 и 1850 годами эта проблема заслонила собой все другие. Сотни конгрессменов считали нужным высказаться по данному вопросу. Некоторые соглашались с Полком, называя этот вопрос «абстрактным», так как «природные условия» не позволят внедрить подневольный труд на этих землях. «Право отправлять рабов в Нью-Мексико или Калифорнию не является предметом для спора, — заявлял конгрессмен от Кентукки Джон

-
- 9 К 1820 г. Миссури был принят в Союз как рабовладельческий штат, но одновременно был принят вновь образованный свободный штат Мэн. Было решено в дальнейшем принимать в Союз одновременно по два штата: один свободный и один рабовладельческий. Тогда же было достигнуто соглашение о том, что севернее определенной границы рабство запрещается. — *Прим. пер.*
- 10 State Documents on Federal Relations. Philadelphia, 1906. P. 241—242; The Works of James Russell Lowell. 11 vols. Boston, 1890. VIII. P. 46—47.

Криттенден, — ибо никакому здравомыслящему хозяину не придет в голову переселять туда своих рабов»¹¹. Однако многие южане ему возражали. Они заметили, что в речных долинах Нью-Мексико уже выращивается хлопок, а рабы в течение столетий работали в рудниках и показали себя идеальными рудокопами. «Калифорния — превосходный край для использования невольников, — таково было решение съезда южан. — Право на [живую] собственность, гарантированное на этой территории — это не просто абстракция». Публикация в одной газете в Джорджии, где перечислялись более глобальные выгоды от внедрения на этих территориях рабовладельческого уклада, только усилила подозрения аболиционистов в заговоре рабовладельцев: завоевание «должно склонить чашу весов на сторону Юга и на долгое время... предоставить Конфедерации контроль над всеми действиями правительства»¹².

Свыше половины всех конгрессменов, высказывавшихся по этой проблеме, выражали уверенность (южане) или испытывали страх (северяне), что если допустить это, то рабство неминуемо распространится на новые земли¹³. Многие из них признавали, что рабство вряд ли пустит глубокие корни в регионе, представлявшим собой пустыни и гористую местность, но для того, чтобы быть в этом уверенными, конгрессмены с Севера голосовали за резолюцию, запрещающую распространение там рабства. Это и было пророческое «условие Уилмота». Жарким субботним вечером 8 августа 1846 года, когда работа Конгресса близилась к концу, новый член Конгресса от Пенсильвании, Дэвид Уилмот, в разгар дебатов по вопросу об ассигнованиях на военные нужды взял слово и предложил поправку о том, «что непрямым и основополагающим условием приобретения каких бы то ни было территорий у Мексиканской Республики... будет являться запрет рабства или иных форм подневольного труда в любом месте данных территорий»¹⁴.

За этим демаршем стояло больше, чем казалось на первый взгляд. Уилмотом и его сторонниками руководили не только аболиционистские убеждения, но и желание свести старые политические

11 The diary of James Polk during His Presidency, 1845 to 1849. 4 vols. Chicago, 1910. II. P. 308; Holt M. F. The Political Crisis of the 1850s. NY, 1978. P. 77.

12 Starobin R. S. Industrial Slavery in the Old South, 1970. P. 18—20; Milledgeville Federal Union. 1846. Nov. 10, цит. по: Schroeder J. H. Mr. Polk's War... P. 55.

13 Hart D. D. The Natural Limits of Slavery Expansion: The Mexican Territories as a Test Case // Mid-America. 1970. 52. P. 119—131.

14 CG, 29 Cong., 1 Sess. P. 1217.

счета. Уилмот представлял интересы фракции северных демократов, возмущенных политикой Полка и по горло сытых господством южного крыла партии. Недовольство их уходило корнями в 1844 год, когда южане отказались поддержать Мартина Ван Бюрена в качества кандидата в президенты, так как тот высказался против аннексии Техаса. В Нью-Йорке администрация Полка покровительствовала противникам Ван Бюрена — так называемым «упрямцам». Снижение пошлин по тарифу Уокера в 1846 году раздражало пенсильванских демократов, которые считали, что им обещаны повышенные (протекционистские) пошлины на определенные товары. Вето Полка по законопроекту о реках и гаванях вывело из себя демократов из района Великих озер и с западных территорий, богатых реками. Компромисс президентской администрации по вопросу о северной границе Орегона разгневал тех демократов, чьим лозунгом было: «54-я параллель или война!». Проголосовав за присоединение Техаса с его спорной границей по Рио-Гранде, рискуявязаться в войну с Мексикой, они воспринимали отказ Полка от войны с Англией за весь Орегон как предательство. «Наши права на Орегон ущемлены позорным компромиссом, — вещал один демократ из Огайо. — В администрации собраны южане, только южане и исключительно южане!.. Так как Юг установил границы для свободных штатов, настало время для того, чтобы и Север ограничил рабовладельческие территории»¹⁵. С этим соглашался и конгрессмен от Коннектикута Гидеон Уэллс: «Настало время, когда северная демократия должна выступить против того, что всякое явление общественной жизни обращено в пользу южан и подчинено их устремлениям вот уже долгие годы». «Мы должны, — подытожил Уэллс, — доказать населению северных штатов... что не собираемся расширять господство рабовладения в результате текущей войны»¹⁶.

Уилмот, выступив со своим условием, выразил сдержанный гнев северных демократов, многие из которых заботились не столько о нераспространении рабства на новых территориях, сколько о своем влиянии в партии. Северные виги, стоявшие на более последовательных антирабовладельческих позициях, с готовностью

15 Цит. по: *Maizlish S. E. The Triumph of Sectionalism: The Transformation of Ohio Politics 1844—1856.* Kent, 1983. P. 56, 60—61

16 Цит. по: *Sewell R. H. Ballots for Freedom: Antislavery Politics in the United States 1837—1860.* NY, 1976. P. 143. См. также: *Foner E. The Wilmot Proviso Revisited // JAH. 1969. 56. P. 262—279 .*

поддержали эту поправку. В Палате представителей эта двухпартийная северная коалиция перевесила объединенную оппозицию южных демократов и вигов. Это было зловещим предзнаменованием. Обычно разногласия в Конгрессе соответствовали партийной принадлежности и касались вопросов о тарифах, банках, федеральных ассигнованиях на «внутренние усовершенствования» и тому подобного. «Условие Уилмота» превратило партийный конфликт в конфликт по географическому признаку, и расстановка сил в Конгрессе уже никогда не вернулась к прежним шаблонам. «Словно по волшебству, — комментировала *Boston Whig*, — обострилась важнейшая проблема, угрожающая разделить весь американский народ»¹⁷.

Вся важность этой поправки стала заметна не сразу, так как Конгресс закончил свою работу в 1846 году раньше, чем Сенат успел проголосовать по ней. Однако северные демократы вновь внесли ее на рассмотрение во время новой сессии, что вызвало горькие стенания президента, похоже начавшего осознавать, какую бурю он пожинает в результате своей войны. «Вопрос о рабстве принимает тревожный... оборот, — отметил Полк в своем дневнике, — угрожает разрушить Демократическую партию, и хорошо еще, если не сам Союз»¹⁸. И вновь Палата представителей приняла поправку Уилмота, разделившись по географическому принципу, но превосходство южан в Сенате (в 1847 году в Союз входили пятнадцать рабовладельческих и четырнадцать свободных штатов) позволило заблокировать ее. Давление со стороны администрации в конце концов сыграло свою роль — достаточное количество северных демократов поменяло свои взгляды, и законопроект об ассигнованиях на армейские нужды был принят без «условия Уилмота». Несмотря на это, кризис оставался лишь вопросом времени.

Противников распространения рабства — фрисойлеров — на новые территории в 1847 году можно представить в виде трех концентрических кругов. Ядро составляли аболиционисты, считавшие рабство нарушающим права человека грехом, который необходимо немедленно искупить. Их окружал и от них получал своеобразную идеологическую подпитку более широкий круг, рассматривавший рабство как зло, порождающее социальное угнетение, способствующее экономической отсталости и наносящее политический вред

17 Цит. по: *Potter D. Impending Crisis*. P. 23.

18 *Diary of Polk...* II. P. 305.

интересам свободных штатов¹⁹. В этот круг входили в основном виги (и некоторые демократы) из «пояса янки», состоявшего из штатов и районов, расположенных к северу от 41-й параллели; они считали вопрос о рабстве важнейшим в американской политике. Самый широкий круг объединял всех тех, кто голосовал за «условие Уилмота», но не обязательно считал его ключевым в вопросе судеб страны и потому был открыт для компромисса. В этот внешний круг входили такие виги, как Авраам Линкольн, видевший в рабстве «безусловное зло для негров, белых и всего государства», которое «сводит на нет несомненное влияние нашего республиканизма на весь мир, позволяя врагам свободы открыто насмехаться над нами как над лицемерами», но также полагавшего, что «обнародование аболиционистской доктрины скорее приведет к упрочению, нежели смягчению этого зла», заставив Юг сплотиться в защиту этого института²⁰. Во внешний круг входили и такие демократы, как Мартин Ван Бюрен, которого мало волновали последствия рабства для самих рабов и который был союзником рабовладельцев, пока те не заблокировали выдвижение его кандидатом в президенты в 1844 году.

Все фрисойлеры (может быть, за исключением сторонников Ван Бюрена) сходились на следующих утверждениях: свободный труд эффективнее подневольного, так как использует в качестве поощрения заработную плату и амбиции, ведущие к восходящей мобильности, а не удар хлыстом. Рабство нивелирует достоинство ручного труда, который ассоциируется с прислуживанием, и, как следствие, пока существует рабство, труд белого человека обесценивается. Рабство тормозит процессы образования и усовершенствования общества, что держит белых бедняков в невежестве, как и рабов. Таким образом, рабство держит всех южан, за исключением плантаторов-рабовладельцев, в нищете и подавляет развитие многоотраслевой

19 Невольники учитывались при подсчете численности населения с целью определения представительства штатов в Конгрессе с «понижающим коэффициентом» (пять рабов «приравнивались» к трем белым). Это придавало южанам-избирателям относительно большее влияние на национальную политику, чем их противникам с Севера. В силу того, что в среднем население рабовладельческих штатов было меньше, чем свободных, равное представление каждого штата в Сенате в лице двух сенаторов давало Югу непропорционально больший перевес и там. А так как представительство штата в коллегии выборщиков равнялось общему числу сенаторов и конгрессменов от этого штата, то южане оказывали значительно большее влияние на президентских выборах: в 1848 г. в рабовладельческих штатах проживало только 30% населения, имеющего право голоса, но их кандидат получил 42% голосов выборщиков.

20 CWL. I. P. 74—75; II. P. 255; III. P. 92.

экономики. Следовательно, рабство нельзя допускать на новые земли, которые должны стать вотчиной свободного труда.

Некоторыми представителями двух последних кругов такие заявления делались не из «тошнотворной отзывчивости или нездорового сочувствия к положению рабов» — по выражению Дэвида Уилмота. «Негритянская раса уже изрядно распространена на нашем прекрасном континенте... Я хотел бы сохранить всю мою страну для свободного труда белого человека... где труженики одной со мной расы и одного цвета кожи смогут жить, не боясь унижения идеи свободного труда, которую сейчас порочит рабство негров». Если рабство распространится на новые территории, писал разделявший идеи фри-сойлеров издатель и поэт Уильям Каллен Брайант, «то свободному труду туда дороги нет». Но если запретить там рабство, «то свободные труженики свободных штатов [устремятся] туда... и через несколько лет в стране будет изобилие активного и энергичного населения»²¹.

Южан весьма раздражали такие нападки на их социальное устройство. Одно время довольно большое число южан из-за боязни расовых волнений после эмансипации рабов разделяли убеждение в том, что рабство является злом, но в настоящее время злом «необходимым». Однако к 1830 году чувство причастности к «злу» у южан исчезло, ибо рост мирового спроса на хлопок ускорил ползучее распространение плантаторской экономики Юга. В результате нападков аболиционистов на рабовладельческий строй южане стали выдвигать встречные возражения. К 1840 году рабство уже было не «необходимым злом», а «величайшим нравственным, общественным и политическим благом — как для раба, так и для его хозяина». Рабство цивилизовало африканских дикарей, обеспечивая безопасность в течение всей их жизни, что выгодно контрастировало с ужасающей нищетой «свободных» рабочих в Великобритании и на Севере. Освободив белое население от прислуживания, рабство поднимает престиж труда белого человека и защищает его от конкуренции со свободными неграми. Классовые конфликты, которые угрожают в конце концов разрушить общество свободных тружеников, рабство также устраняет, так как «поощряет равенство между свободными людьми, распределяя их по сословиям, сохраняя тем самым республиканские принципы»²². При рабства-

21 CG, 29 Cong., 2 Sess., Appendix, P. 314—317; New York Evening Post. 1847. Nov. 10.

22 Слова сенатора от Миссисипи Альберта Галлатена Брауна цит. по: Donald D. Charles Sumner and the Coming of the Civil War. NY, 1960. P. 348; резолюция конвента по правам Юга в Монтгомери (март 1852 г.) цит. по: Thornton J. M. Politics and Power in a Slave Society: Alabama, 1800—1860. Baton Rouge, 1978. P. 206—207.

дельческом укладе образовался высший класс джентльменов — поклонников искусств, литературы, культивирующих гостеприимство и имеющих склонность к государственной службе. Словом, создано гораздо более рафинированное общество, чем общество «вульгарных, отвратительных приказчиков-янки». В самом деле, размышлял виргинский сенатор Роберт Хантер, «история не знает ни одной достойной цивилизации, которая бы не основывалась на практике домашнего рабства». «Рабство является не злом, — резюмировал Джон Кэлхун точку зрения южан, — а безусловным благом... наиболее безопасной и стабильной основой свободы в мире»²³.

Естественно, поборники рабства желали распространить это благо на новые территории. Даже те, кто не ожидал, что рабовладение будет на этих землях процветать, негодовал по поводу попыток северян запретить его, расценивая это как пощечину доброму имени Юга. «Условие Уилмота» является «унизительным проявлением неравенства» в отношении Юга, заявлял представитель Виргинии: «Фактически северяне говорят нам: „Идите прочь! Вы нам не ровня и поэтому должны уйти, запятнанные позором рабства“». Снарядив большую часть войск, завоевавших мексиканские территории, южане особенно возмущались предложением отказаться от добытых выгод. «Когда истерзанный войной солдат вернется домой, — задавался вопросом один деятель из Алабамы, — у кого повернется язык сказать ему, что он не может перевезти свою собственность на земли, обгаренные его кровью?»²⁴ «Ни один настоящий житель Юга, — говорили многие из них, — не подчинится социальному и территориальному унижению... Лучше уж смерть, чем признание неполноценности»²⁵.

Помимо чести, рабовладельцы ставили на кон «жизнь и состояние их самих и своих семейств». Принятие «условия Уилмота» будет означать включение десяти свободных штатов в Союз, предупредил Джеймс Хэммонд из Южной Каролины, и тогда Север «вытрет о нас ноги» в Конгрессе, «объявит наших рабов свободными или еще что-то вроде этого, а нас превратит в какое-нибудь Гаити... Единственным нашим спасением является равенство сил. Если мы

23 Хантер цит. по: *Donald D.* Op. cit. P. 349; Кэлхун цит. по: CG, 25 Cong., 2 Sess. Appendix. P. 61—62 .

24 Цит. по: *Morrison Ch. W.* Democratic Politics and Sectionalism: The Wilmot Proviso Controversy. Chapel Hill, 1967. P. 65.

25 *Ibid.*; *Fehrenbacher D. E.* The South and Three Sectional Crises. Baton Rouge, 1980. P. 26; *Cooper W. J.* The South and the Politics of Slavery 1828—1856. Baton Rouge, 1978. P. 239.

не начнем действовать сейчас, то мы просто-напросто пожертвуем нашими детьми, причем не последующими поколениями, а именно наших детей пошлем на заклание»²⁶.

Южане подвергли сомнению конституционность поправки Уилмота. По правде говоря, прецеденты, когда Конгресс запрещал рабство на тех или иных территориях, уже были. Первый Конгресс, собравшийся после принятия Конституции, подтвердил Северо-Западный ордонанс, запрещавший там рабство. Последующие конгрессы принимали сходные ордонансы для каждой новой территории, образующейся в границах этого обширного региона. Миссурийский компромисс 1820 года запрещал рабство к северу от 36° 30' с.ш. в отношении Луизианской покупки. Южные конгрессмены голосовали за эти законы, но в феврале 1847 года сенатор Джон Кэлхун предложил резолюцию, отвергавшую право Конгресса запрещать рабство. «Высокорослый, обуреваемый думами, с лихорадочным выражением лица, впалыми щеками и горящими глазами», как его описывал Генри Клэй, Кэлхун настаивал на том, что территории являются «общей собственностью» суверенных штатов. Действуя на правах «совместного агента» этих штатов, Конгресс более не мог препятствовать рабовладельцу переселять на новые территории своих невольников, как не мог запретить перегонять туда своих лошадей или свиней. Если северяне будут настаивать на том, чтобы протащить «условие Уилмота», замогильным голосом вещал Кэлхун, то результатом будет «революция, анархия, гражданская война»²⁷.

В Сенате резолюция Кэлхуна не прошла — по мере приближения президентских выборов 1848 года обе основные партии старались зацементировать трещины, появившиеся в них в результате разделения по географическому признаку. Традиционным выходом из положения было бы продление линии Миссурийского компромисса по центру новых территорий до Тихого океана — такое решение поддерживал и кабинет Полка. Больной, преждевременно состарившийся президент не собирался выставлять свою кандидатуру на второй срок. Госсекретарь Джеймс Бьюкенен построил свою кампанию по выдвижению кандидатом в президенты на отстаивании границы по 36° 30' с.ш. Несколько раз в 1847—1848 годах Сенат принимал тот или иной вариант подобного предложения при поддержке боль-

26 *Barney W. L. The Road to Secession: A New Perspective on the Old South.* NY, 1972. P. 105—106.

27 CG, 29 Cong., 2 Sess. P. 453—455. Описание Клэем Кэлхуна цит. по: *Neuins A. Ordeal*, I. P. 24.

шинства сенаторов-южан, готовых поступиться распространением рабства на всех землях ради сохранения его легитимности на части из них. Однако северное большинство Палаты представителей раз за разом проваливало этот проект.

Водоворот президентской гонки породил еще одну доктрину — «народного суверенитета». Ее в 1848 году выдвинул сенатор от Мичигана Льюис Касс, основной соперник Бьюкенена в выдвижении от Демократической партии. Утверждая, что поселенцы на новых территориях также способны осуществлять самоуправление, как и граждане штатов, Касс предлагал им самим решать, допускать рабство или нет. Эта идея привлекала своей политической двусмысленностью: Касс не уточнял, *когда именно* избиратели должны высказываться за или против рабства — еще будучи жителями территории или принимая конституцию штата. Большинство современников предполагали первый вариант, и поэтому Кэлхун был противником доктрины «народного суверенитета», считая, что та может привести к нарушению прав поселенцев-южан на собственность. Однако достаточное число южан находили в идее Касса здоровое зерно, что могло помочь ему стать кандидатом в президенты, хотя в платформе демократов и не одобрялся народный суверенитет. Правда, платформа эта отвергала как «условие Уилмота», так и резолюции Кэлхуна — Демократическая партия, как обычно, следовала традиции сохранять единство между северной и южной фракциями, не формулируя четкую позицию по вопросу о рабстве.

Так же поступили и виги. Они вообще не приняли никакой предвыборной платформы, а кандидатом в президенты выдвинули героя недавней войны, хотя большинство вигов были его противниками. Пример выдвижения Закари Тейлора как нельзя лучше иллюстрирует случайность выбора союзников в американской политике. Коренастый, с короткими ногами и густыми, постоянно нахмуренными бровями, небрежно одевавшийся, этот кадровый армейский офицер (не учившийся, однако, в Вест-Пойнте) не имел каких-либо известных политических убеждений и казался неподходящим для президентского кресла. Статный, внушительный главнокомандующий американской армией Уинфилд Скотт, компетентный профессионал, любитель парадных церемоний и убежденный виг, выглядел гораздо более предпочтительной кандидатурой на пост президента, если бы антивоенная партия хотела улучшить свою репутацию, выдвинув в Белый дом кандидата из действующей армии. Однако недостатки Скотта были продолжением его достоинств. Критики считали его

напыщенным, также он питал слабость к написанию косноязычных открытых писем, делавших его мишенью для насмешек. Прозвище «Суматоха в перьях» (Old Fuss and Feathers) верно передавало суть его политических пристрастий. Достоинства же Тейлора, напротив, проистекали из его недостатков, как явствует из его прозвища *Rough and Ready*²⁸. По-видимому, многие граждане в эту новую эпоху всеобщего избирательного права (белых) мужчин предпочитали, что называется, неотесанных кандидатов. Будучи героем войны, Тейлор претендовал на всеобщее обожание. Хотя именно Скотт задумал и возглавил кампанию 1847 года, окончившуюся взятием Мехико, победы Тейлора в 1846 году в районе Рио-Гранде и его необычайный триумф при Буэна-Виста в феврале 1847 года, когда он разгромил второе превосходившие его силы мексиканцев, сделали его очень популярным еще до возвышения Скотта.

Победа под Буэна-Виста разогнала «омнибус» Тейлора до космической скорости. Вторым основным соперником старого вояки перед праймериз был Генри Клэй. Остроумный и популярный политик с изысканными манерами, 70-летний Генри Клэй имел прозвище «Мистер Виг» — он был основателем партии и архитектором «американской системы», предусматривавшей стимулирование экономического роста путем введения протекционистского тарифа, учреждения национального банка и федеральных ассигнований на «внутренние усовершенствования». Однако трижды проиграв на президентских выборах, Клэй изведal все розы и шипы долгой политической карьеры. Как и большинство членов своей партии, он был против присоединения Техаса и ведения войны с Мексикой²⁹, но виги не могли рассчитывать выиграть выборы, не завоевав большинство голосов в штатах, где аннексия и война пользовались популярностью. И при такой стратегии кандидатура Тейлора была оптимальной.

Генерал был настоящей находкой и для южных вигов, столкнувшихся с резким падением популярности в своих штатах вследствие последовательной поддержки северных однопартийцев в отношении «условия Уилмота» (а большинство северных демократов склонялось в пользу доктрины «народного суверенитета» Касса). Лидеры южных вигов, в особенности сенатор от Кентукки Джон Криттенден и конгрессмен от Джорджии Александр Стивенс, пытались использовать

28 Примерно так: действующий грубо, но энергично. — *Прим. пер.*

29 По грустной иронии судьбы один из сыновей Клэя был убит под Буэна-Виста. Другой видный виг и противник мексиканской кампании Дэниел Уэбстер также потерял в этой войне сына.

популярность Тейлора в интересах Юга. Тот факт, что Тейлор владел крупными плантациями в Луизиане и Миссисипи и более чем сотней рабов, казалось, гарантировал его лояльность по самому животрепещущему для южан вопросу. «Правда в том, — заявлял сенатор от Джорджии Роберт Тумбз, — что Клэй с потрохами продан северным вигам, противникам рабства». С другой стороны, Тейлор был «южанином, рабовладельцем и хозяином хлопковых плантаций, по рождению, образу и убеждениям» ассоциируясь с Югом³⁰. Южные делегаты конвента вигов не отдали свои голоса Клэю в первом раунде голосования, зато помогли Тейлору стать кандидатом в президенты в четвертом раунде.

Кандидатура Тейлора сделала болезненное давно назревавший нарыв в среде северных вигов. «Разумеется, мы не можем и ни при каких обстоятельствах не будем поддерживать генерала Тейлора, — писал сенатор от Массачусетса Чарльз Самнер. — Мы не имеем права поддерживать любого кандидата, позиция которого по вопросу о распространении рабства неизвестна», — убеждал Самнер фракцию своей партии, вошедшую в историю как «совестливые виги». Эта группировка противостояла другой, более консервативной, из-за преобладания в ней текстильных магнатов прозванной «хлопковыми вигами». «Хлопковые виги» были противниками мексиканской кампании и поддерживали «условие Уилмота», однако их позиция по этому вопросу не отличалась четкостью, и в 1848 году они объединились с южными вигами в поддержку Тейлора и общей победы. Будучи не в силах примириться с альянсом «хозяев ткацкого станка» и «хозяев хлыста», «совестливые виги» покинули партию. Их целью, по словам Самнера, было не больше не меньше как «выкристаллизовать новую партию — великую Северную партию Свободы»³¹.

Такое намерение было своевременным. В Нью-Йорке фракция демократов Ван Бюрена была уже готова взбунтоваться. Прозванная «поджигателями амбаров» (выражение навеяно историей о голландском фермере, сжегшем амбар, чтобы избавиться от крыс), эта группировка послала на национальный конвент демократов своих

30 The Correspondence of Robert Toombs, Alexander H. Stephens, and Howell Cobb // Annual Report of the American Historical Association. 1911. Vol. 2. Washington, 1913. P. 103—104; газеты *New Orleans Bee* и *Charleston Mercury* цит. по: *Rayback J. G. Free Soil: The Election of 1848*. Lexington (Ky.), 1970. P. 42, 43.

31 Chase Papers, Library of Congress. О развитии внутрипартийного конфликта вигов Массачусетса см.: *Brauer K. J. Cotton versus Conscience: Massachusetts Whig Politics and Southwestern Expansion, 1843—1848*. Lexington (Ky.), 1967.

представителей. Когда конвент проголосовал за то, чтобы делегаты от Нью-Йорка сидели одной группой, «поджигатели амбаров» демонстративно покинули зал и созвали свой «конклав», выдвинув кандидатом в президенты Ван Бюрена на платформе «условия Уилмота». Демократы из числа противников рабства и виги из других северных штатов одобрили такой шаг. Конвент «поджигателей амбаров» высек искру пламени политической борьбы против рабства, а Партия свободы предложила себя в роли хвоста.

Основанной в 1839 году убежденными аболиционистами Партии свободы удалось завоевать лишь 3% голосов избирателей Севера на президентских выборах 1844 года. С тех пор между лидерами партии шли споры относительно будущей стратегии. Радикальная фракция хотела объявить новую доктрину, по которой Конституция побуждала правительство отменить рабство во всех штатах, но более прагматичное большинство, возглавляемое Салмоном Чейзом, предпочитало двигаться в другом направлении: образовать коалицию с вигами и демократами — противниками рабства. Талантливый юрист, защищавший в суде беглых рабов, Чейз сочетал в себе строгие религиозные убеждения, помноженные на отсутствие чувства юмора, с неутолимой честолюбием и острым политическим чутьем. Чейз считал, что хотя сторонники Партии свободы и далее должны провозглашать своей целью повсеместное упразднение рабства, наилучшей отправной точкой к этой цели будет объединение с теми, кто считает невозможным распространение рабства на новые территории, каковы бы ни были их убеждения. Если такой коалиции удастся аккумулировать достаточно ресурсов в Огайо, а Чейз будет избран в Сенат — тем лучше. Весной 1848 года Чейз попытался прозондировать почву среди «совестливых вигов» и «поджигателей амбаров», что в августе вылилось в конвент Партии фрисойлеров, уже после того как основные партии определились со своими кандидатами (Кассом и Тейлором), а противники рабства освободились от своих предвыборных привязанностей.

Фрисойлерский конвент в Буффало больше всего напоминал молитвенное собрание на свежем воздухе. 15 тысяч пылких «делегатов» набились в изнывающий от жары город. Собравшись под огромным тентом, растянутым в парке, они завели бесконечную песнь, клеймившую власть рабовладельцев, пока исполнительный комитет, состоявший из собравшихся в церкви 465 человек, занимался делом. Этому комитету удалось совершить настоящее чудо, объединив фракции трех различных партий, имевших противоречивые мнения

по вопросам банковской системы, тарифам и другим экономическим проблемам. По словам ветерана партии вигов, конгрессмена от Огайо Джошуа Гиддингса, эти темы, ключевые для американской политики вот уже два десятилетия, должны теперь уступить место вопросу куда более важному: «Наши политические споры в будущем должны касаться выбора между рабством и свободой»³². Комитету удалось создать из различных группировок партию, выдвинувшую «поджигателя амбаров» в президенты, а «совестливого вигга» — в вице-президенты, дав им программу Партии свободы, составленную главным образом Чейзом. «Молитвенный конвент» в парке выразил бурное одобрение деятельности комитета.

Членам Партии свободы и «совестливым виггам» признание Мартина Ван Бюрена кандидатом в президенты далось нелегко. Будучи джексонианцем и сторонником рабства, «маленький волшебник» еще в 1830-е годы вызвал к себе стойкое предубеждение со стороны аболиционистов и виггов. Но в 1848 году началась новая эпоха. Ныне Ван Бюрен высказывался за недопущение рабства на новые территории и упразднение его в округе Колумбия. Его сторонники из числа «поджигателей амбаров» называли рабство «величайшим моральным, общественным и политическим злом, пережитком варварства, которое необходимо устранить с пути прогресса христианской цивилизации». Обращаясь к своим соратникам-виггам, Самнер утверждал, что «мы должны голосовать не за Ван Бюрена образца 1838 года, но за Ван Бюрена *сегодняшнего*»³³. Наличие в предвыборном списке Чарльза Фрэнсиса Адамса в качестве кандидата в вице-президенты работало на реноме фракции «совестливых виггов». Чарльз Фрэнсис унаследовал антирабовладельческие взгляды своего отца, Джона Квинси Адамса, скончавшегося несколькими месяцами ранее. Джошуа Левитт, основатель Партии свободы и союзник Джона Квинси Адамса в его борьбе с клакерами Конгресса, нападавшими на его петиции против рабства, растрогал многих членов конвента в Буффало своей эмоциональной речью, в которой поведал о бесстрашии первых аболиционистов. Затем Левитт предложил благословить новую фри-сойлерскую коалицию. «Партия свободы не умерла, — с пафосом произнес он, — она *преобразована*». Поклявшись «сражаться впредь и сражаться вечно» за «свободную землю, свободу слова, свободный

32 Maizlich S. E. Triumph of Sectionalism. P. 89.

33 Rayback J. G. Free Soil... P. 211, 247.

труд и свободных людей», делегаты разъехались по домам умирать за правое дело³⁴.

Фрисойлеры сделали вопрос о рабстве ключевым в своей предвыборной кампании, поэтому обе главные партии вынуждены были отказаться от игнорирования этого вопроса. Вместо этого они избрали тактику запутывания избирателей, надеясь снискать поддержку как на Севере, так и на Юге. Так, демократы опубликовали два различных варианта биографии Касса. Для северных избирателей упор был сделан на доктрине «народного суверенитета» как наилучшем средстве для запрета рабства на новых территориях. На Юге же демократы цитировали обещание Касса наложить вето на «условие Уилмота» и с гордостью сообщали об успехе своей партии (в противовес оппозиции вигов) в деле приобретения территорий, куда *может* распространиться рабство.

Не имея предвыборной программы и кандидата, вынужденного отстаивать свои политические убеждения, виги находились в более выигрышном положении и пытались понравиться всем. На Севере они упирали на обещание Тейлора не налагать вето на любое решение Конгресса по вопросу о рабстве на новых территориях. Те виги из числа противников рабства, которые поддерживали Тейлора, полагая, что позже он примет их сторону (например, Уильям Сьюард и Авраам Линкольн), оказались правы. Южанам следовало уделить больше внимания речи Сьюарда в Кливленде. Обходительный, хитрый, проницательный человек и политик с прекрасной интуицией, также слышавший принципиальным противником рабства, Сьюард вскоре стал одним из основных советников Тейлора. «Свобода и рабство являются двумя антагонистами для общества», — говорил он в Кливленде. «Рабство можно ограничить уже существующими границами», а в конечном счете «можно и нужно отменить»³⁵. Однако на Юге репутация Тейлора — героя Буэна-Виста и крупного рабовладельца — ослепила многих. «Нам по нраву старина Зак с его сахарными и хлопковыми плантациями и четырьмя сотнями негров», — заявляла *Richmond Whig*. «Будут ли жители [Юга] голосовать

34 Отчет о конвенте фрисойлеров цит. по: Rayback J. G. *Free Soil...* P. 201—230; Morrison Ch. W. *Democratic Politics and Sectionalism...* P. 145—155; Blue F. J. *The Free Soilers: Third Party Politics 1848—1854*. Urbana, 1973; Brauer K. J. *Cotton vs. Conscience...* P. 229—245; Sewell R. H. *Ballots for Freedom...* P. 142—158; Mayfield J. *Rehearsal for Republicanism: Free Soil and the Politics of Antislavery*. Port Washington (NY), 1980. P. 111—119.

35 Nevins A. *Ordeal*. I. P. 212; Rhodes J. F. *History of the United States from the Compromise of 1850...* 7 vols. NY, 1893—1906. I. P. 162.

за президента с Юга или с Севера?» — задавалась вопросом одна газета из Джорджии³⁶.

Большинство из них проголосовали за южанина. Тейлор победил в восьми из пятнадцати рабовладельческих штатов, набрав 52% голосов. Также он победил и в семи из пятнадцати свободных штатов, несмотря на то, что за вигов на Севере проголосовало всего 46% избирателей — следствие вмешательства в гонку фрисойлеров. Последние, набрав 14% на Севере и потеснив демократов со второго места в Вермонте и Массачусетсе, тем не менее не смогли победить ни в одном штате. Не повлияли они и на исход выборов: хотя Ван Бюрен и отобрал достаточно много голосов демократов в Нью-Йорке, обеспечив там победу Тейлору, фрисойлеры взамен этого оттянули на себя и потенциальных избирателей вигов в Огайо, где победил Касс. Несмотря на все напряжение, спровоцированное полярными мнениями по вопросу рабства, центростремительные партийные тенденции возобладали над центробежной силой размежевания³⁷.

Тем не менее разногласия довели систему до критического состояния. Фрисойлеры, рассчитывавшие превратить американскую политическую жизнь в борьбу между свободой и рабством, сделали вид, что удовлетворены итогами выборов. «Общественное мнение взволновано проблемой рабства как никогда ранее», — писал Самнер. «Прошедшие выборы, — соглашался один из его коллег, — это лишь своего рода Банкер-Хилл³⁸ нравственной и политической революции, которая может завершиться единственно лишь победой сил свободы»³⁹.

II

Еще одно драматическое событие, случившееся в 1848 году и практически незамеченное на востоке страны, послужило провозвестником дальнейшего расшатывания двухпартийной системы. В январе рабочие, строившие близ Сакраменто лесопилку для некоего Джона Саттера, нашли в русле реки крупинки золота. Несмотря на усилия Саттера сохранить это событие в тайне, новость

36 Цит. по: Cooper W. J. The South... P. 265, 262.

37 Подробные данные итогов выборов и их анализ см.: Rayback J. G. Free Soil... P. 279—302.

38 Первое крупное сражение Войны за независимость США в 1775 г. — Прим. пер.

39 Chase Papers, Library of Congress; Sumner Papers, Houghton Library, Harvard University.

дошла до Сан-Франциско. К июню золотая лихорадка превратила порт в «город-призрак», так как все население отправилось к подножиям Сьерры. В августе слух достиг и атлантического побережья, где поначалу к нему отнеслись скептически, так как были уже пресыщены различными небылицами с запада. Однако уже в декабре вся страна обратила внимание на то, что Полк в своем последнем ежегодном обращении к Конгрессу упомянул о «необычайных» находках в Калифорнии. Как по заказу, два дня спустя в Вашингтон прибыл человек, привезший 320 унций чистого золота в банке из-под чая. Всяческие сомнения рассеялись: отныне каждый свято верил в золотую жилу, многие мечтали разбогатеть, и сотысячная толпа отправилась на запад. Тонкий ручеек переселенцев в Калифорнию превратился в могучий поток во время великой золотой лихорадки 1849 года, воспетой в песнях, увековеченной в книгах и, в конце концов, отраженной в десятках голливудских фильмов. В течение этого первого года Калифорнии достигло порядка 80 тысяч из них, прочие умерли в дороге (немало из них от эпидемии холеры). Немногим золотоискателям удалось разбогатеть, большинство же из них испытали тяжкий труд, лишения и разочарования. Однако пока они прибывали и прибывали, и в 1850 году, когда состоялась перепись населения, в Калифорнии проживало больше населения, чем во Флориде или Делавэре. Стремление этой территории стать 31-м штатом США вызвало новый виток напряженности между Севером и Югом.

В чем эти «ревущие станы»⁴⁰ старателей нуждались больше всего, так это в законе и порядке. Поначалу каждый «стан» избирал своих собственных официальных лиц, вершивших «правосудие», но такая мера вряд ли могла быть действенной для огромного района с преимущественно мужским населением, собравшимся здесь с бору по сосенке, скорого на расправу с помощью револьвера или петли. Несколько армейских подразделений обозначали существование в Калифорнии центральной власти. Однако солдаты легко поддавались соблазнам — столь доступное золото побудило многих из них дезертировать. Калифорния нуждалась в территориальном правительстве, как и Нью-Мексико, где проживал значительный процент испаноязычного и индейского населения, а также расширялось поселение мормонов близ Большого Соленого озера. В декабре 1848 года президент Полк попытался убедить слагающий свои полномочия Конгресс создать

40 Выражение перешло в обиход из рассказа Фрэнсиса Гарта «Счастье Ревущего стана» о временах «золотой лихорадки». — *Прим. пер.*

территориальные правительства в Калифорнии и Нью-Мексико, а для разрешения набившего оскомину вопроса о рабстве рекомендовал продлить линию по 36° 30' с.ш. до Тихого океана⁴¹.

Однако Конгресс не сделал ничего из предложенного. В течение короткой сессии, закончившейся 4 марта, в обеих палатах развернулись настоящие кулачные бои: южане угрожали сецессией, и ни один законопроект не смог набрать большинство голосов. В Палате представителей северные конгрессмены вновь проголосовали за «условие Уилмота», составили проект территориальной конституции для Калифорнии, запрещавший рабство, приняли резолюцию, призывающую к упразднению торговли невольниками в округе Колумбия, и даже рассматривали законопроект, который вообще упразднял в столице рабство. Такие действия привели в ярость южан, использовавших все свое влияние в Сенате, чтобы заблокировать эти проекты.

На закрытом собрании южане обратились к Кэлхуну, попросив составить «Адрес», в котором он выразил бы реакцию Юга на подобное «беззаконие». Этот достойный представитель Южной Каролины с готовностью согласился на предложение, чувствуя новую возможность создать Партию прав Юга, о чем он давно мечтал. После перечисления длинного списка актов «агрессии» северян, включавших Северо-Западный ордонанс, Миссурийский компромисс, законы штатов о личной свободе граждан, препятствовавшие возврату беглых рабов, и «условие Уилмота», в «Адресе» вновь упоминалась доктрина Кэлхуна о конституционном праве рабовладельцев вывозить своих рабов на любые земли, напоминая южанам, что на кон поставлены их «собственность, процветание, равенство, свобода и безопасность», а также предупреждение о возможном выходе южных штатов из Союза, если их права не будут должным образом защищены⁴².

Но и тяжелая артиллерия в лице Кэлхуна не помогла выиграть битву. Хотя 46 из 73 южных демократов Конгресса подписали этот «Адрес», их примеру последовали всего двое из 48 вигов. Только что выиграв президентскую гонку, южные виги не хотели стрелять в спину своей партии, ведь Тейлор даже еще не вступил в должность. «Мы не ожидаем от администрации, которую мы сами и привели к власти, [что] она совершит или санкционирует любое действие

41 Цит. по: Billington R. A. The Far Western Frontier 1830—1860. NY, 1956. Эта книга содержит великолепный обзор золотой лихорадки в Калифорнии и связанных с ней событий.

42 Cralle R. The Works of John C. Calhoun. 6 vols. NY, 1854—1855. VI. P. 285—313.

[против] нашей безопасности», — объяснял Роберт Тумбз. «При генерале Тейлоре мы чувствуем себя защищенными», — добавил Александр Стивенс⁴³.

Тем больше они были шокированы тем, что Тейлор оказался фрисойлерским волком в овечьей шкуре защитника прав штатов. Будучи умелым военачальником, он запланировал решить проблему атакой с фланга, обойдя вопрос о территориальном статусе и напрямую признав Калифорнию и Нью-Мексико штатами. Но такая мера привела бы к образованию сразу двух свободных штатов: по мексиканскому законодательству рабство на этих землях было вне закона. Ряд южных газет перепечатал передовицу из *San Francisco Star*, где говорилось о том, что из 100 поселенцев 99 считают рабство «моральным, общественным и политическим бедствием для нас самих и наших потомков»⁴⁴. Калифорния и Нью-Мексико бесповоротно склонили бы чашу весов в Сенате на сторону Севера. Сенатор от Миссисипи Джефферсон Дэвис сказал: «Впервые мы находимся на пороге ситуации, когда равновесие между Севером и Югом может безвозвратно нарушиться». Это не что иное, как «попытка скрыть „условие Уилмота“ за ширмой так называемой конституции штата»⁴⁵. Дело стало вопросом чести для других южных демократов, поклявшихся «не допустить унижения и порабощения» в результате «жуткой уловки и несправедливости»⁴⁶.

Но Тейлор упрямо шел дальше. Он послал доверенных лиц в Монтерей и Санта-Фе с поручением побудить поселенцев принять конституцию штата и ходатайствовать о вступлении в Союз. Калифорнийцы, впрочем, начали этот процесс еще до прибытия эмиссара от Тейлора. В октябре 1849 года они одобрили конституцию, признававшую Калифорнию свободной, выбрали губернатора и легислатуру и подали прошение в Конгресс о принятии ее в состав США. В Нью-Мексико же пока медлили. На этой обширной территории проживало совсем немного англоговорящих поселенцев, если не считать святых последних дней, осевших у Соленого озера, отношения которых с центральным правительством были напряженными. Более того, техасцы требовали половину сегодняшнего Нью-Мексико

43 Цит. по: Cooper W. J. *The South...* P. 280, 286.

44 Nevins A. *Ordeal*. I. P. 22.

45 CG, 31 Cong., 1 Sess. Appendix, P. 1533; письмо Дэвиса от 8 января 1850 г. (Civil War Collection, Henry E. Huntington Library).

46 Цит. по: Johannsen R. W. Stephen A. Douglas. NY, 1973. P. 245; Fehrenbacher D. E. *The South and Three Sectional Crises*; Cooper W. J. *The South...* P. 278.

и часть Колорадо. Этот приграничный конфликт необходимо было разрешить до принятия Нью-Мексико в состав Союза.

Свободный статус Калифорнии сам по себе, скорее всего, не привел бы южан в ярость, не случись в это время иных событий, заставивших их видеть в Тейлоре предателя классовых интересов. Сорок лет службы приучили старого вояку мыслить государственными, а не групповыми интересами. Он рассчитывал усилить партию вигов, вернув в ее ряды фрисойлеров. В августе 1849 года, выступая в Пенсильвании, президент заявил: «Северяне не должны иметь опасений по поводу дальнейшего распространения рабства»⁴⁷. Пообещав не накладывать свое вето на законопроект по этому вопросу, Тейлор сообщил пораженному Роберту Тумбзу о том, что поступит именно так, даже если Конгресс сочтет нужным принять «условие Уилмота». И что хуже всего, сенатор Сьюард стал личным другом и советником президента. Отголоски этих событий больно ударили по престижу южных вигов, которые потерпели поражение на промежуточных выборах 1849 года. По словам одного представителя Джорджии, «вопрос о рабстве является единственным, который практически не влияет на результаты выборов. Оставив Юг на произвол судьбы... отдалившись от [южных] вигов», Тейлор своими действиями серьезно поумерил пыл южан⁴⁸.

Напряжение только возросло, когда обновленный Конгресс собрался в декабре 1849 года. Влияния Тейлора не хватило для того, чтобы обеспечить вигам контроль над обеими палатами⁴⁹. В Палате представителей двенадцать фрисойлеров балансировали между 112 демократами и 105 вигами. Кандидатом на пост спикера от демократов был имевший умеренные взгляды добряк Хоуэлл Кобб из Джорджии. Кандидатом вигов выдвигался Роберт Уинтроп из Массачусетса, «хлопковый виг», бывший спикером в Конгрессе предыдущего созыва. Некоторые демократы отказались поддерживать Кобба, тогда как фрисойлеры — выходцы из среды вигов не желали голо-

47 Potter D. *Impending Crisis*. P. 87.

48 Nevins. *Ordeal*. I. P. 241—242; Cooper W. J. *The South...* P. 280, 286.

49 Демократам удалось удержать большинство в восемь человек в Сенате, где Салмон Чейз присоединился к Джону Хэйлу от Нью-Хэмпшира в качестве второго сенатора от партии фрисойлеров. Избрание Чейза коалицией демократов и фрисойлеров в легислатуре Огайо было частью сделки, по которой фрисойлеры предоставляли демократам контроль над легислатурой в обмен на поддержку демократами Чейза при избрании в Сенат и отмену в Огайо «черных законов», ограничивавших доступ чернокожего населения в школы, суды и прочие общественные учреждения.

совать за Уинтропа, несмотря на выраженное им ранее одобрение «условия Уилмота». Более тревожным было то, что и с полдюжины южных вигов во главе со Стивенсом и Тумбзом противостояли Уинторпу по той же самой причине, а также потому, что съезд вигов отказался отклонить это условие. «Я не желаю иметь связь с партией, не отмежевавшейся от агрессивных аболиционистских течений», — заявил Стивенс. Для сопротивления «диктату северных орд готов и вандалов» Юг должен «предпринять необходимые меры, подготовив людей, финансы, оружие и боеприпасы и т. д. на случай любой неожиданности»⁵⁰.

Палата представителей не могла избрать спикера в течение трех недель и шестидесяти двух раундов голосования. Олицетворением парламентского кризиса стала постоянная угроза развала Союза. «Если вы с вашими законами стремитесь вышвырнуть нас из Калифорнии и Нью-Мексико, — потрясал кулаками Тумбз, — то я за выход из Союза». «Мы посчитали все „за” и „против” Союза, — предупреждал Альберт Галлатин Браун, конгрессмен от Миссисипи, — и просим вас вернуть наши права [в Калифорнии]. Если же вы откажетесь, то я стою за то, чтобы взять их вооруженным путем». Сейчас свобода Юга поставлена на карту, точно так же как и в 1776 году, ибо, по словам одного конгрессмена из Алабамы, «власть, диктующая своим гражданам, какую именно собственность государство может им позволить, будь то волы, лошади или негры... является деспотической и тиранической»⁵¹. В Палате представителей между северянами и южанами порой происходили драки. Сенаторы тоже не отставали: Джефферсон Дэвис якобы вызвал на дуэль конгрессмена от Иллинойса, а другой сенатор от Миссисипи, Генри Фут, во время жарких дебатов выгашил заряженный револьвер. В конце концов отчаявшийся Конгресс принял специальное правило, позволяющее избрать спикера простым большинством голосов, и Кобб был назначен на этот пост в шестьдесят третьем раунде. Так знаменательно начались 1850-е годы.

Находился ли Союз в серьезной опасности? Действительно ли южане желали выйти из его состава, или это был блеф, рассчитанный на получение уступок? Фрисойлеры были убеждены в последнем. Чейз не обращал внимания на «непрестанный призыв к сецессии». Джошуа Гиддингс назвал это «бравадой», призванной «запутать

50 Cooper W. J. The South... P. 282; Fehrenbacher D. E. The South and Three Sectional Crises. P. 40.

51 CG, 31 Cong., 1 Sess. P. 27—28, 257—261; Thornton J. M. Politics and Power in the Slave Society... P. 213.

„мягкотелых”, которые только того и хотят». Сьюард заметил, что «недовольные южане... думают принудить нас к компромиссу. Полагаю, что президент захочет помериться с ними силами, как генерал Джексон хотел сделать с „нуллификаторами”»⁵².

Тейлор в самом деле намеревался бросить вызов блефу южан, если это, конечно, был блеф. В своем послании Конгрессу в январе 1850 года он призывал к принятию в состав штатов Калифорнии немедленно и Нью-Мексико при первом удобном случае. Тейлор никогда не отступал от этой позиции. Когда Тумбз и Стивенс обратились к нему как к южанину, предупреждая его, что Юг «не перенесет» такого оскорбления, Тейлор потерял терпение. В непарламентских выражениях он объявил им, что лично возглавит войска, чтобы обеспечить исполнение закона, и повесит любых предателей, включая Тумбза и Стивенса, с той же безжалостностью, с какой он вешал шпионов и дезертиров в Мексике. Впоследствии Тейлор говорил одному из своих сторонников, что первоначально считал янки зачинщиками в раздорах Севера и Юга, однако за время пребывания в должности убедился, что южане отличаются «нетерпимостью и склонностью к мятежу», а его бывший зять Джефферсон Дэвис является «главным заговорщиком»⁵³.

Президентские угрозы были для Юга пустым звуком. Как сообщал один конгрессмен из Иллинойса: «Дело плохо. Боюсь, что наш Союз в опасности»⁵⁴. Сам Кэлхун находил конгрессменов-южан «более решительными и смелыми, чем когда-либо. Многие признают себя сторонниками сецессии, а еще большее количество полагает, что практически бессмысленно возлагать надежды на что-либо иное». Возможно, Кэлхун и стучал краски. Те, кто объявлял себя сторонниками сецессии в чистом виде, кто презирал янки, считая, что между Севером и Югом существуют неразрешимые противоречия, кто заслужил ярлык «пламенных ораторов» из-за своего пафосного признания южного сепаратизма, по-прежнему оставались в меньшинстве даже в Южной Каролине. Большинство, включая и самого Кэлхуна, сохраняло, по крайней мере, «робкую надежду» на менее радикальное средство решения проблемы, чем сецессия. В случае Кэлхуна, правда, эта надежда была крайне робкой. Сейчас дело обстоит так, писал

52 Rhodes J. F. History of the U. S. I. P. 131—133. На политическом жаргоне того времени слово «мягкотелые» означало «северян, разделяющих принципы южан».

53 Ibid. P. 134; Jennings T. The Nashville Convention: Southern Movement for Unity, 1848—1851. Memphis, 1980. P. 49.

54 Potter D. Impending Crisis... P. 89.

он в частном письме 16 февраля 1850 года, что южные штаты «не могут без риска остаться в составе Союза... и существует (если вообще существует) очень небольшая вероятность каких-либо перемен к лучшему». Тем не менее, и Кэлхун, и другие представители южан продолжали требовать «своевременных и эффективных» уступок от Севера, дабы избежать сецессии⁵⁵.

Дамокловым мечом над Конгрессом навис грядущий конвент делегатов рабовладельческих штатов, призванный «изобрести и принять средства сопротивления северным агрессорам». Так принес, наконец, плоды столь долго вынашиваемый Кэлхуном проект объединения южан. Страдая от начавшейся чухотки, которая сведет его в могилу за пять месяцев, этот верный сын Южной Каролины на сей раз остался в тени, позволив выйти на первый план представителям Миссисипи. На межпартийной встрече в Джэксоне в октябре 1849 года была достигнута договоренность о созыве конвента в Нашвилле в следующем июне. Не было больших сомнений насчет цели данного мероприятия: там должен был быть образован «нерушимый фронт» южных штатов, «представляющий... Северу вариант ликвидации партнерских отношений», если янки не прекратят нарушать права южных штатов. Уже зимой хлопковые штаты Нижнего Юга и Виргиния выбрали делегатов на этот конвент. Несмотря на то, что виги Верхнего Юга воздержались от участия, это движение набрало ход, достаточный для того, чтобы встревожить многих американцев⁵⁶.

В разгар кризиса на сцену еще раз вышел Генри Клэй, предложивший откупиться от угроз южан, как он уже два раза делал в 1820 и 1833 годах. Последовавшие в 1850 году дебаты стали самыми знаменитыми за всю историю Конгресса. Партию первой скрипки с Клэем делили Кэлхун и Дэниел Уэбстер, другие два члена великого сенатского триумвирата, на протяжении нескольких десятилетий определявшего политическую жизнь Америки. Все трое родились во время Войны за независимость. Все трое посвятили себя сохранению наследия отцов-основателей: Клэй и Уэбстер как сторонники национального единства, а Кэлхун как сторонник регионального самоопределения, предупреждавший, что Союз останется неделимым, только если Север и Юг будут равноправны. Все трое испытывали неоднократное крушение надежд на президентское кресло. Все

55 Correspondence of John C. Calhoun // Annual Report of the American Historical Association. 1899. Vol. II. P. 780—782; Jennings T. Nashville Convention... P. 50.

56 Jennings T. Nashville Convention... P. 3—79.

трое исполняли свои лебединые песни: Клэй и Уэбстер как творцы компромисса, а Кэлхун как зловещее воплощение катастрофы (даже после своей смерти в конце первого акта). Некоторые восходящие звезды политической сцены также сыграли запоминающиеся роли в этой эпической драме: сенаторы Стивен Дуглас, Уильям Сьюард, Джефферсон Дэвис и Салмон Чейз.

29 января 1850 года Клэй представил Сенату проект восьми резолюций. Первые шесть из них он сгруппировал попарно, причем каждая пара содержала уступку обеим сторонам. В первой паре Калифорния признавалась штатом, но оставшаяся часть бывшей мексиканской территории «безусловно и неограниченно» становилась рабовладельческой. Вторая пара резолюций разрешала пограничный спор между Техасом и Нью-Мексико в пользу последнего, а Техасу предоставлялась компенсация в виде принятия на себя федеральным правительством долговых обязательств, выданных за период существования Техаса как независимой республики. Этот шаг уменьшал вероятность выделения отдельного рабовладельческого штата из состава Техаса, но в то же время стабилизировал его материальные ресурсы⁵⁷. Многие сторонники интересов Техаса были из среды южан, а лидером влиятельного лобби по этой статье Компромисса 1850 года был представитель Южной Каролины. Третья пара резолюций Клэя призывала к упразднению работорговли в округе Колумбия, однако гарантировала там существование рабовладения. Если эти шесть предложений являлись больше уступками Северу, то последние две резолюции Клэя качнули чашу весов в сторону Юга, отклоняя вмешательство Конгресса в работорговлю между штатами и призывая принять более строгий закон, позволяющий хозяевам возвращать своих невольников, если те бежали в свободные штаты⁵⁸.

Окончательная редакция Компромисса 1850 года близко передаст суть положений Клэя, однако конгрессменам предстояли целых семь месяцев прений, дебатов и изматывающих подкованных игр. Получившийся Компромисс оказался не настоящим компромиссом, когда все стороны идут на уступки в части своих требований, но

57 По условиям аннексии Техаса его территория делилась на четыре самостоятельных штата. Этот пункт так никогда и не был выполнен, но в 1850 г. некоторые южане рассчитывали хотя бы на один дополнительный штат, выделившийся из Техаса, особенно если его притязания на часть территории Нью-Мексико будут удовлетворены.

58 На этой сессии южане уже предложили более строгий законопроект о беглых рабах. В следующей главе мы уделим больше внимания проблеме беглых рабов.

цепочкой отдельных мер, каждая из которых становилась законом после того, как большинство конгрессменов из одной половины страны голосовало против большинства из другой. Бесспорно, Компромисс 1850 года позволил избежать серьезного кризиса. Но, оценивая прошедшие события, сейчас мы понимаем, что он лишь отсрочил неизбежное бедствие.

В течение многих поколений школьники декламировали знаменитые речи сенаторов во время прений по Компромиссу. «Сегодня я хотел бы высказаться не как житель Массачусетса, не как северянин, но как американец, — начал Дэниел Уэбстер свою „Речь седьмого марта“, которая заставит некогда преданных его поклонников — противников рабства — отречься от него. — Сегодня я говорю „да“ сохранению Союза. Постарайтесь расслышать, почему именно». Уэбстер, ранее противостоявший войне с Мексикой и поддерживавший «условие Уилмота», сейчас призывал северян похоронить идеалы прошлого. Не стоит «высмеивать или упрекать» южан с помощью этого «условия». Сама природа не допустит распространения рабства в Нью-Мексико. «Я не собираюсь прилагать бессмысленные усилия, чтобы вновь и вновь подтверждать законы природы или воспроизводить волю Божью». Что же касается выхода из Союза, Уэбстер предупреждал «пламенных ораторов», что такой шаг теперь вызовет «сотрясение», такое же, как если бы «небесные тела сошли со своих орбит и столкнулись друг с другом в царстве космоса, вызвав гибель Вселенной!». ⁵⁹

Речь Уэбстера адресовалась широкому кругу американцев, которые в марте 1850 года объединились в поддержку Компромисса. Однако речь эта резко контрастировала с выступлениями тех сенаторов, которые обращались к гражданам, находившимся за пределами этого круга умеренных. За три дня до речи Уэбстера умирающий Кэлхун произнес прощальное слово к нации. Будучи слишком слаб, чтобы говорить, мрачный каролинец сидел, закутанный в одежду, пока сенатор от Виргинии Джеймс Мэйсон зачитывал его речь в Сенате. Апокалипсические пророчества Кэлхуна отражались в его колючих глазах, блестевших из глубоких впадин. «Великая и главная причина» опасности «в том, что равновесие между двумя полюсами было нарушено». Север обогнал Юг по населению, богатству и могуществу. Это произошло благодаря дискриминационным законам, принятым в угоду северянам: Северо-Западному ордонансу

59 CG, 31 Cong., 1 Sess. Appendix. P. 269—276.

и Компромиссу 1820 года, поставившим заслон на пути развития экономики Юга; благодаря тарифам и федеральным ассигнованиям на «внутренние усовершенствования» (Кэлхун не счел нужным упомянуть, что однажды и сам поддержал эти меры), стимулировавшим рост предприятий Севера за счет Юга. Янки целенаправленно нападали на уклад жизни южан, пока нити, скреплявшие Союз, не порвались одна за другой: методисты и баптисты разделились на южную и северную церкви; в добровольных обществах произошел раскол из-за вопроса о рабстве; сами политические партии раскололись по этому признаку; вскоре «не останется ничего, что удержало бы единый Союз, помимо вооруженной силы». Что можно сделать для предотвращения такого будущего? Так как Север всегда являлся агрессором, он должен прекратить свои нападки на рабовладельческий уклад, вернуть бежавших рабов, предоставить Югу равные права на новые территории и согласиться на поправку к Конституции, «которая в полном объеме вернет Югу возможность защищать свои права, каковыми он обладал до того, как равновесие между двумя полюсами было нарушено»⁶⁰. Прецедентом была как раз Калифорния. Принятие ее как свободного штата продемонстрировало стремление «необратимо нарушить равновесие между двумя полюсами». В создавшихся обстоятельствах южные штаты не могли «оставаться в Союзе сообразно своей чести и соображениям безопасности»⁶¹.

Уильям Сьюард обращался к американцам с позиций, противоположных убеждениям Кэлхуна. В своей речи 11 марта Сьюард осудил «любой подобный компромисс», предлагаемый Клэем. Рабство является несправедливым, отсталым, вымирающим институтом, говорил сенатор от Нью-Йорка. Дни его сочтены: «Вы не можете повернуть вспять ход социального прогресса». Не только Конституция закрепила право Конгресса запрещать рабство на территориях, но «и Закон превыше Конституции» — заповеди Господа, в глазах которого все люди являются равными. Настоящий кризис «ставит волнующий вопрос: будет ли Союз существовать, а рабство в ходе постепенного, ненасильственного воздействия моральных, общественных и политических факторов сойти со сцены по доброй воле за соответствующую компенсацию, или же Союз будет разрушен, начнется

60 Возможно, Кэлхун имел в виду доктрину «совпадающего большинства», согласно которой в стране должны функционировать президенты Севера и Юга, каждый из которых обладал бы правом вето на решения Конгресса.

61 CG, 31 Cong., 1 Sess. Appendix. P. 451—455.

гражданская война, которая приведет к жестокостям, но результатом их будет полное и немедленное освобождение рабов»⁶².

Речь Сьюарда о Высшем законе произвела сенсацию. Южане заклеили ее как «отвратительную и сатанинскую», Клэй назвал ее «дикой, безрассудной и отталкивающей». Даже Тейлор осудил ее. «Ну и в историю же впутал нас губернатор Сьюард, — заметил президент одному лояльному администрации редактору, — необходимо немедленно откреститься от этой речи»⁶³. С президентской поддержкой или без нее, взгляды Сьюарда выражали мнение старых северных штатов в той же мере, как взгляды Кэлхуна — устремления Старого Юга. Тем не менее, и те и другие политики лихорадочно пытались достичь соглашения между двумя противоположностями. Пока ораторы состязались перед переполненными галереями, специальные комитеты искали пути к компромиссу, который мог бы удовлетворить большинство.

Состоявший из тринадцати человек специальный комитет Сената, возглавлявшийся Клэем, подготовил проект, представлявший собой пакет следующих предложений: принятие Калифорнии в состав США; образование двух территорий (Нью-Мексико и Юта) без ограничений на ввоз рабов; разрешение приграничного спора с Техасом в пользу Нью-Мексико, предоставление Техасу компенсации в 10 миллионов долларов, которые бы покрывали его прошлые долги. Саркастически названный президентом Тейлором «омнибус-биллем», этот пакет имел целью привлечь большинство представителей обеих группировок, побудив их принять те пункты, которые они одобряли, вкупе с теми, которые были им не по душе. Этот прием, казалось, обещал, что конвент «пламенных ораторов», собравшихся в Нашвилле 3 июня, выстрелит вхолостую. За зиму пыл сторонников сецессии понемногу угас. Из шести рабовладельческих штатов делегаты не приехали вовсе, а еще из двух они прибыли в неофициальном качестве. Особенно бросалось в глаза отсутствие виггов. Осознав, что полномочий на радикальные действия у него нет, конвент занял выжидательную позицию. Делегаты приняли резолюцию, одобрявшую продление линии по 36° 30' с. ш. до Тихого океана, и разъехались, решив собраться снова после того, как узнают о реакции Конгресса⁶⁴.

62 CG, 31 Cong., 1 Sess. Appendix. P. 260—269.

63 Nevins A. Ordeal. I. P. 301—302. Сьюард был назван «губернатором», так как за несколько лет до того действительно был губернатором Нью-Йорка.

64 Jennings T. Nashville Convention... P. 135—166.

Но чем дольше работали законодатели в Вашингтоне, тем яснее становилось, что стратегия «омнибуса» приводит к обратному результату. Ее поддерживал блок сторонников Компромисса, сформировавшийся из вигов Верхнего Юга и демократов Нижнего Севера, но их число не превышало одной трети от каждой Палаты. Большинство конгрессменов выражали намерение голосовать против пакета, чтобы нанести поражение противной стороне. Трехсторонний раскол в партии вигов стремительно увеличивался. Тейлор и большинство северных вигов делали упор на прием одной только Калифорнии, полагая, что (потенциальное) распространение рабства в Нью-Мексико и Юте подорвет престиж партии на Севере. Виги Старого Юга были стойкими противниками свободной Калифорнии. Виги Клэя из числа сторонников Компромисса стойко переносили камни и стрелы, летевшие с обеих сторон. Враждебность Тейлора по отношению к Клэю и Уэбстеру становилась особенно острой.

В конце июня в такой изменчивой атмосфере разразился новый кризис. Горстка штатских и военных лиц собралась в Санта-Фе, чтобы составить конституцию свободного штата. Она была принята на голосовании, в котором участвовало меньше 8 000 человек. Тейлор хотел принять Нью-Мексико в состав США на тех же условиях, что и Калифорнию, тем самым нанеся вторую пощечину интересам Юга. Тем временем губернатор Техаса угрожал применить силу для защиты своих прав на Санта-Фе и остальную территорию Нью-Мексико к востоку от Рио-Гранде. Столкновение между техасцами и федеральной армией казалось неизбежным. По мере приближения 4 июля южане все чаще угрожали выступить на стороне Техаса. «Все свободные люди от Делавэра до Рио-Гранде [придут] на помощь», — пискнул Александр Стивенс со всей воинственностью, которая только могла вместиться в его 90 фунтах веса. И «когда Рубикон будет перейден, дни такой Республики будут сочтены»⁶⁵. Тейлор и бровью не повел. Отдав приказ гарнизону Санта-Фе держаться до последнего, он провел День независимости, слушая речи на недостроенном памятнике Вашингтону. Утолив голод и жажду большим количеством свежих овощей, вишни и ледяного молока, президент на следующий день почувствовал себя плохо и 9 июля скончался от острого гастроэнтерита.

65 *Hamilton H. Prologue to Conflict: The Crisis and Compromise of 1850. Lexington (Ky.), 1964. P. 105.*

К счастью или несчастью, смерть Тейлора послужила поворотным пунктом кризиса. Новый президент Миллард Филмор был нью-йоркским вигом, который враждебно относился к фракции Сьюарда в своем родном штате. Являясь сторонником Компромисса, этот северянин прислушивался к Югу примерно в той же степени, как и южанин Тейлор — к Северу. Филмор положил в долгий ящик просьбу Нью-Мексико о вхождении в состав Соединенных Штатов и выразил свою поддержку «омнибусу». Тем не менее, Сенат потратил целый месяц, принимая поправки и отменяя их, прежде чем отклонил пакет Клэя на заседании 31 июля. Измотанный и разочарованный, потерявший общее уважение Клэй покинул Вашингтон и отправился врачевать раны в Ньюпорт, в то время как его более молодые коллеги остались в кипящем котле Капитолия склеивать оставшееся по кусочкам.

По кусочкам был принят и сам Компромисс. В третьем акте этой драмы блистал представитель нового поколения — Стивен Дуглас. Человек, чью страсть к выпивке превосходила лишь его работоспособность (сочетание обеих страстей одиннадцать лет спустя сведет его в могилу в возрасте 48 лет), Дуглас был прозван «маленьким гигантом» за свое выдающееся мастерство политика, чей дух томился в теле ростом в 5 футов 4 дюйма. Всегда относившийся скептически к стратегии «обнибуса», Дуглас разделил это варево на ингредиенты и обеспечил большинство по каждому из них. Северяне из обеих партий, а также пограничные виги подали голоса за принятие Калифорнии, запрет работорговли в округе Колумбия и выплату 10 миллионов долларов Техасу (быстро на это согласившемуся), что разрешило пограничный конфликт с Нью-Мексико. Многие северные демократы присоединились к южному крылу обеих партий, поспособствовав принятию более жесткого закона о беглых рабах и образованию территорий Юта и Нью-Мексико, на которых не действовали ограничения по рабовладению. Филмор также внес свою лепту, убедив многих северных вигов воздержаться от голосования по законопроектам о беглых рабах и статусу территорий, чтобы позволить принять их. По всем этим вопросам разногласия носили преимущественно географический, а не партийный характер, что являлось еще одним доказательством того, что двухпартийная система рушилась под тяжестью рабства⁶⁶.

66 Итоги поименного голосования в обеих палатах в удобном виде см.: *Hamilton H. Prologue to Conflict...* P. 191—200.

Как бы то ни было, казалось, что усилиями Дугласа выход из тупика, парализовавшего государство и угрожавшего республиканским принципам с 1846 года, был найден. Скальпель Дугласа вскрыл нарыв, вызревший в Конгрессе во время одной из самых долгих и напряженных сессий в его истории. Большинство жителей страны издали вздох облегчения. В столице шампанское и виски текли рекой. Подвыпившая толпа кричала: «Союз спасен!» и провозглашала здравицы в честь спасших его политиков. Как писал один наблюдатель: «Каждый, кого я вижу, счастлив. Победители ликуют, все, кто колебался, примкнули к победителям, а проигравшие ведут себя тихо». Президент Филлмор назвал Компромисс «окончательным решением» (*final settlement*) всех межрегиональных проблем, и вскоре это определение стало символом ортодоксальности в политике. Эту окончательность подвергли сомнению только сторонники Кэлхуна и фрисойлеры⁶⁷.

Однако на какое-то время это брюзжание справа и слева удалось пресечь. Когда Нашвиллский конвент снова собрался в ноябре, туда приехала только половина делегатов из семи штатов. Даже эти упрямцы, казалось, осознали тщетность своих усилий. Они, конечно же, приняли резолюции, отвергавшие Компромисс и подтверждавшие право штатов на сецессию, но единственным их конкретным предложением стал созыв нового конвента — пока без определенной даты и места. «Пламенные ораторы» из Южной Каролины вернулись из Нашвилла убежденные в том, что в следующий раз им не стоит топтаться на месте с другими штатами, которые привносят в буйную палитру красочных резолюций одно лишь мертвое философствование. Нет, действовать нужно самостоятельно, рассчитывая, что прочие штаты последуют за ними⁶⁸.

Фрисойлеры также осудили «доведение до логического конца беззаконий этой наиболее позорной из всех сессий Конгресса» — как выразился Чарльз Фрэнсис Адамс. Салмон Чейз полагал, что «вопрос о рабстве на территориях был обойден. Никакого решения принято не было»⁶⁹. Он оказался прав. В своей конечной редакции положение о статусе Юты и Нью-Мексико гласило, что при их принятии в качестве штатов «они должны быть включены в состав Союза либо рабовладельческими, либо свободными от рабства,

67 Nevins A. Ordeal. I. P. 343, 345—346.

68 Jennings T. Nashville Convention... P. 187—211.

69 Слова Адамса цит. по: Hamilton H. Prologue to Conflict... P. 167; слова Чейза цит. по: Potter D. Impending Crisis... P. 116.

каковой статус должен быть закреплен в их конституциях на момент принятия». Здесь ничего не говорилось о рабстве, когда эти земли еще являлись территориями. Такое «упущение» было преднамеренным. Конгресс снял с себя ответственность, передав вопрос о территориальных законах в компетенцию Верховного суда. Сложилось так, что с этих территорий туда не поступило ни одного запроса, связанного с рабством. Несколько рабовладельцев перевезли своих рабов в Юту, где губернатор Бригам Янг и легислатура территории вошли в их положение, узаконив рабство в 1852 году (тогда же, когда мормоны открыто высказались за полигамию). В Нью-Мексико в 1859 году также был принят закон, разрешавший рабовладение, однако ни одна из этих территорий реально не усилила позиции Юга в Конгрессе. Согласно переписи 1860 года, было зарегистрировано всего лишь 29 рабов в Юте и ни одного в Нью-Мексико — да и в любом случае, до принятия их в состав Соединенных Штатов было далеко. В Калифорнии же имел место парадокс, который, возможно, успокоил мятежный дух Кэлхуна. По решению суда этого штата, рабовладельцам было разрешено «временное пребывание» на его территории (иногда в течение нескольких лет) вместе со своей собственностью. На протяжении 1850-х годов в Калифорнии проживало едва ли не больше рабов, чем в Юте и Нью-Мексико вместе взятых. Таким образом, новообразованный свободный штат не склонил чашу весов в Сенате в сторону Севера, так как сенаторы от Калифорнии были демократами абсолютно «мягкотелого» образца⁷⁰.

«Я полагаю, что решения последней сессии Конгресса и твердый курс администрации в контроле над соблюдением закона о беглых рабах вдохнули новую жизнь в рабовладельческие штаты, — писал виг из Северной Каролины в начале 1851 года. — Владение такого рода собственностью за последние двадцать пять лет никогда не было защищено больше, чем сейчас»⁷¹. Он, однако, ошибался — возможно, как раз из-за «твердого курса» администрации на соблюдение закона о беглых рабах. Закон этот хотя и был наименее обсуждаемым пунктом Компромисса, оказался наиболее спорным следствием пресловутого «окончательного решения».

70 Hamilton H. Prologue to Conflict... P. 174—177, 203—204; Franklin W. E. The Archy Case: The California Supreme Court Refuses to Free a Slave // Pacific Historical Review. 1963. 32. P. 137—154; Finkelman P. The Law of Slavery and Freedom in California 1848—1860 // California Western Law Review. 1981. 17. P. 437—464.

71 Уильям Грэм цит. по: Nevins A. Ordeal. I. P. 349.

3.

Рабовладельческая империя

I

Перед войной южане почти по всем вопросам ратовали за широкие права штатов и за слабое федеральное правительство. Единственным исключением был закон о беглых рабах 1850 года, дававший центральному правительству больше полномочий, чем любой другой закон, принятый Конгрессом. Этот парадокс объяснялся решением Верховного суда по делу Пригга против штата Пенсильвания (1842).

В Конституции, в статье IV, разделе 2, типичным канцелярским слогом говорилось, что «лицо, содержащееся в услужении или на работе в одном штате» и бежавшее в другой, «должно быть выдано по заявлению той стороны, которая имеет право на таковые услужение или работу». В Конституции не оговаривалось, как именно надлежит соблюдать это положение. Федеральный закон 1793 года позволял рабовладельцам пересекать границы штатов, чтобы вернуть свою собственность и доказать право на нее перед любым мировым или федеральным судьей. По этому закону беглому рабу не гарантировалось право на *habeas corpus*, он не имел права на суд присяжных и права на свидетельство в свою пользу. Некоторые северяне считали, что закон провоцирует похищения и свободных чернокожих, и действительно, профессиональные «охотники за рабами» не всегда прилагали усилия, чтобы удостовериться в том,

что они поймали нужного человека, и не каждый судья добросовестно гарантировал, что предполагаемый беглец соответствует описанию в аффидевите. Многие «ловцы» не утруждали себя доставкой захваченной добычи в суд, а кратчайшим путем тайно переправляли ее на Юг.

Для противодействия подобным злоупотреблениям в некоторых северных штатах были приняты законы о личной свободе. Эти законы либо давали беглецам право на свидетельство, *habeas corpus* и суд присяжных, либо вводили уголовное наказание за похищение. В интерпретации антирабовладельчески настроенных чиновников некоторые законы можно было использовать и в качестве препятствия для поимки беглецов. В 1837 году штат Пенсильвания обвинил Эдварда Пригга в похищении темнокожей женщины и ее детей, которых он вернул хозяину в Мэриленд. Адвокаты Пригга обратились с апелляцией в Верховный суд Соединенных Штатов, который в 1842 году вынес поистине соломоново решение. Объявив пенсильванский закон 1826 года о запрете похищений людей неконституционным, Суд высказался в пользу закона о беглых рабах от 1793 года и подтвердил тот факт, что право рабовладельца на свою собственность перевешивает законодательство штата, направленное против этого. Однако в то же время Суд постановил, что применение статьи Конституции, касающейся беглых рабов, находится в федеральной компетенции, следовательно, штаты никоим образом не обязаны способствовать этому. Такое решение открыло дорогу новым законам о личной свободе (между 1842 и 1850 годами было принято девять таких законов), запрещавшим прибегать к услугам государственных органов при поимке беглецов¹.

На некоторых северных территориях хозяева не могли рассчитывать на возвращение своей сбежавшей собственности без помощи федеральных маршалов. Лидеры черных общин и сочувствовавшие им белые образовывали так называемые «комитеты бдительности», чтобы организовать сопротивление таким действиям. Эти комитеты установили сотрудничество с легендарной «подпольной железной дорогой», по которой сбежавшие рабы переправлялись на север. Южане демонизировали ее как разветвленную сеть, задуманную

1 Подробности и анализ ранних законов о личной свободе см.: *Morris Th. D. Free Men All: The Personal Liberty Laws of the North 1780—1861.* Baltimore, 1974. P. 1—106; *Campbell S. W. The Slave Catchers: Enforcement of the Fugitive Slave Law 1850—1860.* Chapel Hill, 1970. P. 3—14; *Fehrenbacher D. E. The Dred Scott Case: Its Significance in American Law and Politics.* NY, 1978. P. 40—47.

злокозненными янки, выкрадывавшими ежегодно тысячи рабов, тогда как сами «проводники» также несколько мифологизировали эту дорогу, рассказывая внукам о своих подвигах. Точное количество сбежавших рабов подсчитать невозможно: на Север и в Канаду ежегодно бежали примерно несколько сотен. Лишь немногие из этих рабов бежали из штатов Нижнего Юга — региона, громче всех требовавшего ужесточения закона о беглых рабах, причем не столько из практических соображений, сколько из принципа. Как и в случае со «свободной» Калифорнией, помощь северян беглым рабам воспринималась как очередная пощечина Югу. «Хотя собственности и наносится ущерб, — говорил сенатор от Виргинии Джеймс Мэйсон, — но ущерб для чести ощущается гораздо сильнее». Закон о беглых рабах, заметил другой политик, был «единственным пунктом Компромисса [1850 года], призванным обеспечить права южан»².

Чтобы соблюсти эти права, в законе никак не учитывались прерогативы северян. Тщетно северные сенаторы пытались принять поправки к этому закону, гарантировавшие предполагаемым беглецам право на свидетельство в свою пользу, на *habeas corpus* и на суд присяжных. Южане с возмущением отвергали саму идею о том, что прирожденные права американского гражданина распространяются и на рабов. По закону о беглых рабах бремя доказательства своей невиновности возлагалось на пойманных чернокожих, однако они не имели никакой правовой возможности это сделать. Истец же мог привести предполагаемого беглеца к федеральному уполномоченному (новая должность, введенная законом) и доказать свое право на собственность с помощью аффидевита, выданного судом рабовладельческого штата, или по показаниям белых свидетелей. Если уполномоченный принимал решение против истца, то он получал вознаграждение в пять долларов, а если в пользу истца — десять. Это положение, объяснявшееся большей волокитой, необходимой при доставке беглеца на Юг, рассматривалось в среде аболиционистов как взятка уполномоченным. Закон 1850 года также обязывал федеральных маршалов и их помощников помогать рабовладельцам в поимке их собственности и налагал на них штраф в размере 1000 долларов, если они отказывали в этом. Это побудило шерифов уполномочивать местных граждан помогать в поимке беглых рабов,

2 Цит. по: Nevins A. Emergence... II. P. 489; Nevins A. Ordeal... I. P. 385. Научное исследование подпольной «железной дороги» и реального состояния вопроса о беглых рабах см.: Gara L. The Liberty Line: The Legend of the Underground Railroad. Lexington (Ky.), 1961.

а также подвергать уголовному преследованию всех, кто укрывал беглецов или препятствовал их поимке. Расходы по поимке и возвращению рабов хозяевам ложились на федеральное казначейство³.

Соблюдение данного закона только укрепило во мнении, что он был задуман в интересах истцов. За первые пятнадцать месяцев после его принятия 84 беглеца вновь стали невольниками и только пять были освобождены. В течение 1850-х годов на Юг возвратили 332 чернокожих и лишь одиннадцать были признаны свободными⁴. В законе также не был указан и срок давности, применяемый к побегам. Некоторые из первых возвращенных в южные штаты проживали на Севере уже продолжительное время. В сентябре 1850 года федеральные маршалы арестовали чернокожего швейцара, проживавшего в Нью-Йорке уже три года, и отвели его к уполномоченному, который отказался принять во внимание уверения бедняги, что мать его была свободной негритянкой, и отправил его к истцу — рабовладельцу из Балтимора. Несколько месяцев спустя «охотники за рабами» схватили преуспевающего чернокожего портного, жившего много лет в Покипси, и доставили его в Южную Каролину. В феврале 1851 года агенты арестовали чернокожего в южной Индиане на глазах пришедших в ужас жены и детей и вернули его хозяину, утверждавшему, что тот является его рабом, сбежавшим девятнадцать лет назад. Один человек из Мэриленда предъявил права на женщину из Филадельфии, которая, по его словам, сбежала 22 года назад. На этом он не остановился и потребовал возвращения также и шестерых ее детей, родившихся уже в Филадельфии. В этом случае уполномоченный встал на сторону женщины, а в случае с портным из Покипси и нью-йоркским швейцаром у них нашлись как черные, так и белые сторонники, собравшие деньги и выкупившие их из рабства. Но большинство переправленных на Юг беглецов там и остались⁵.

Юристы из числа противников рабства пытались оспаривать правомерность закона о беглых рабах, но в 1859 году Верховный суд оставил его в силе⁶. Однако до этого чернокожие и их белые союз-

3 Текст закона см.: *Hamilton H. Prologue to Conflict: The Crisis and Compromise of 1850*. Lexington (Ky.), 1964. P. 204—208; краткое резюме положений закона см.: *Campbell S. W. Slave Catchers...* P. 23—25.

4 *Campbell S. W. Slave Catchers...* P. 207.

5 *Ibid.* P. 199—206; *Potter D. Impending Crisis...* P. 131—132; *Foner Ph. S. History of Black Americans from the Compromise of 1850 to the End of the Civil War*. Westport (Conn.), 1983. P. 33—36; *Nevins A. Ordeal...* I. P. 385—386.

6 *Ableman v. Booth*. 21. Howard. P. 506.

ники приложили немало сил чтобы свести его действие на нет организацией побегов и сопротивления. Волна арестов чернокожих граждан, которые в течение многих лет жили на Севере, вызвала панику в негритянских общинах северных штатов. Многие черные бежали в Канаду — только за три последних месяца 1850 года их число оценивалось в три тысячи. В 1850-х годах негритянское население провинции Онтарио возросло до 11 тысяч человек.

Некоторые знаменитые побеги произошли в буквальном смысле прямо под носом у «охотников за рабами». В Бостоне жила молодая пара, Уильям и Элен Крафт, чей первый побег из Джорджии двумя годами ранее прославила антирабовладельческая пресса. Обладая достаточно светлой кожей, чтобы сойти за белую, Элен сделала короткую прическу, облачилась в мужскую одежду и притворилась болезненным джентльменом, поехавшим на Север на лечение в сопровождении своего слуги (Уильяма). Так они добрались до свободной территории, причем по наземной железной дороге. Искусный краснодеревщик, Уильям Крафт нашел работу в Бостоне. Он и его жена присоединились к церкви Теодора Паркера, главы местного «комитета бдительности», в чью конгрегацию входили еще несколько беглых рабов. Ажиотаж вокруг Крафтов, естественно, привлек внимание их бывшего владельца, и, как только был принят закон о беглых рабах, он направил двух агентов, чтобы схватить их. Однако это было сродни схватки мяча и стены — Бостон был твердыней аболиционистов. Под сенью «высшего закона» черные и белые поклялись сопротивляться закону о беглых рабах. «Мы должны растоптать этот закон», — заявил Уэнделл Филлипс. Его нужно «отменить, ему нужно сопротивляться, не повиноваться», — утверждали местные противники рабства. «Будучи нравственными и набожными людьми, [мы] не имеем права подчиниться безнравственному и безбожному акту». Прибыв 25 октября 1850 года в Массачусетс, «охотники за рабами» поклялись схватить Крафтов, «даже если придется торчать здесь до скончания веков, и если в Массачусетсе не найдется людей, чтобы поймать их и передать нам, то [мы] пригласим некоторых с Юга». На деле они провели в Массачусетсе всего пять дней и уехали ни с чем. Паркер прятал Элен Крафт в своем доме, а на его письменном столе все это время лежал заряженный револьвер. Уильям же скрылся в доме одного чернокожего аболициониста, который выставил на крыльцо два бочонка с порохом и держал в кухне настоящий арсенал. Члены «комитета бдительности» расклеивали по городу объявления с описанием «похитителей людей», досаждали им на улицах,

а 30 октября предупредили, что не смогут гарантировать их безопасность, если те останутся в городе. Дневным поездом «охотники за рабами» покинули Бостон⁷.

Президент Филлмор осудил действия бостонцев, пригрозил послать туда федеральные войска и заверил хозяина Крафтов, что если тот снова хочет попытать счастья, то правительство поможет ему «всеми способами, которые Конституция и Конгресс предоставили в его распоряжение». Однако «комитет бдительности» отправил Крафтов на корабле в Англию, а Паркер составил для Филлмора вызывающее послание, настоящую «парфянскую стрелу». «Я бы предпочел провести всю свою жизнь в тюрьме и умирать там от голода, нежели отказался бы защитить одного из своих прихожан, — писал пастор президенту. — Я обязан подчиняться Божьим законам, и будь что будет... Неужели вы полагаете, что я буду стоять в стороне и безучастно смотреть, как мою церковь отдают в рабство?»⁸

Бостон стал сценой новой революции. В феврале 1851 года темнокожий официант, принявший имя Седрах⁹ после того, как годом ранее бежал из Виргинии, был схвачен в кафе агентами, которым он подал кофе. Они притащили его в здание суда, но снаружи собралась разъяренная толпа. Несколько помощников федерального маршала, проигнорировав закон о личной свободе, запрещающий использовать государственных служащих для поимки беглых рабов, попытались взять Седраха под стражу. Внезапно в зал суда ворвалась группа из нескольких чернокожих; раскидав маршалов, они вывели Седраха и «подпольным поездом» отправили в Канаду. Седрах обосновался в Монреале, где открыл ресторан, а на родине его побег вызвал большой резонанс. Аболиционисты ликовали. «Этот Седрах спасен из пылающей огненной печи, — писал Теодор Паркер. — Я считаю, что этот поступок — самое замечательное событие в Бостоне со времен „чаепития“ в 1773 году». Однако консервативные бостонские газеты охарактеризовали спасение Седраха как «произвол... триумф закона толпы». В Вашингтоне Дэниел Уэбстер назвал это изменой, а Генри Клэй потребовал провести расследование, чтобы понять, «кто будет править нашей страной: белые или черные». Полный решимости подавить сопротивление закону о беглых рабах, президент Филлмор приказал окружному прокурору возбуждать дела

7 Цит. по: *Foner Ph. S. History of Black Americans...* P. 19; *Lader L. The Bold Brahmins: New England's War Against Slavery 1831—1863.* NY, 1961. P. 141.

8 *Foner Ph. S. History of Black Americans...* P. 37; *Lader L. Bold Brahmins...* P. 143.

9 Один из пророков в Книге Даниила.

против всех «пособников и подстрекателей к подобным преступлениям». Большое жюри предъявило официальное обвинение четырем черным и четырем белым, но коллегии присяжных отказались осудить их. «Массачусетс пока в безопасности! Высший закон еще соблюдается!» — возвестила одна антирабовладельчески настроенная газета. Однако редактор газеты из Саванны выразил общее мнение (причем, скорее всего, распространенное и на Севере), заклеив Бостон как «чернильную кляксу на карте, город, дискредитировавший себя самым низким, самым подлым, самым ЧЕРНЫМ актом ОТРИЦАНИЯ ЗАКОНА»¹⁰.

Вскоре федеральное правительство получило возможность поиграть в Бостоне мышцами. Семнадцатилетний раб Томас Симс бежал из Джорджии в феврале 1851 года. Ему удалось проникнуть на корабль, идущий в Бостон, где он тоже стал работать официантом. Когда хозяин объявил его в розыск, мэр Бостона позволил полицейским выступить в качестве помощников федерального маршала при задержании Симса. На этот раз власти навесили на двери суда тяжелую цепь (которую аболиционисты называли символом того, что рабовладение проникло на Север) и выставили охрану из полиции и солдат. В течение девяти дней в апреле 1851 года юристы из «комитета бдительности» тщетно добивались приказа о доставлении в суд и предпринимали другие попытки освободить Симса законным путем. Когда федеральный уполномоченный вынес решение в пользу рабовладельца, 300 вооруженных солдат и добровольных помощников вывели Симса из зала суда и под конвоем доставили его на верфь, где 250 солдат армии США должны были препроводить его на корабль, отправлявшийся на Юг¹¹.

10 *Rhodes J. F. History of the United States from the Compromise of 1850. 7 vols. NY, 1893—1906. I. P. 210; Campbell S. W. Slave Catchers... P. 148—151; Lader L. Bold Brahmins... P. 161—167; Foner Ph. S. Op. cit. P. 37—39.*

11 Хозяин Симса впоследствии продал его на аукционе рабов в Чарлстоне. Его увезли в Новый Орлеан и продали некоему каменщику из Вискберга, штат Миссисипи, где Симс и жил до тех пор, пока армия Союза не осадила город в 1863 году. Бежав в распоряжение федеральных войск и получив разрешение генерала Улисса Гранта вернуться в Бостон, он прибыл туда как раз к моменту смотра 54-го Массачусетского пехотного полка — первого сформированного на Севере негритянского подразделения. Спустя десяток лет после окончания Гражданской войны Симс был клерком и курьером в канцелярии генерального прокурора Соединенных Штатов, той самой, под надзором которой Симс и был возвращен своему хозяину более двадцати лет назад. См.: *Campbell S. W. Slave Catchers... P. 117—121; Lader L. Bold Brahmins... P. 174—180; Foner Ph. S. History of Black Americans... P. 39—42.*

Что ж, торговая элита Бостона восстановила закон и порядок. В течение ближайших трех лет в Бостоне не было ни одного дела о бежавших рабах, если не считать бесследного исчезновения из города какого-то числа негров, которых некому было защитить. Методы сопротивления закону на какое-то время изменились. До сих пор это сопротивление, за исключением нескольких драк, носило бескровный характер — большинство аболиционистов проповедовали ненасилие, а некоторые, как, например, Уильям Ллойд Гаррисон, вообще были пацифистами. Однако закон о беглых рабах изменил их взгляды на насилие. «Единственная возможность сделать закон о беглых рабах „мертвым“, — говорил в октябре 1850 года лидер черной общины Фредерик Дуглас, — это сделать мертвыми и пяток-другой „охотников за рабами“». Газеты сообщали, что «цветное население вооружается». В Питтсбурге «револьверы, охотничьи ножи и другое смертоносное оружие не залеживается на прилавках». В Спрингфилде (штат Массачусетс) белый торговец шерстью по имени Джон Браун, возомнив себя библейским воином, организовал отряд самообороны, состоявший из чернокожих, которых он назвал галаадитянами¹².

Кровопролитие казалось лишь вопросом времени. Час пробил в Христиане, пенсильванской деревушке вблизи границы с Мэрилендом, на полпути между Филадельфией и другой деревней под названием Геттисберг. Это квакерское поселение, предоставлявшее приют беглым рабам, 11 сентября 1851 года нельзя было назвать миролюбивым и дружелюбным. Утром некий рабовладелец из Мэриленда в сопровождении нескольких родственников и трех помощников маршала приехал сюда в поисках двух беглых рабов, которые сбежали два года назад и, по слухам, укрывались в доме еще одного чернокожего. Они нашли беглецов, но вместе с ними обнаружили и два десятка вооруженных негров, обещавших сопротивляться аресту. К «охотникам за рабами» вышли два квакера и посоветовали тем убраться подобру-поздорову. Хозяин рабов отказался со словами: «Я верну свою собственность во что бы то ни стало». Началась стрельба, а когда дым рассеялся, то участники драмы увидели, что рабовладелец мертв, а его сын тяжело ранен (еще два белых и два черных стрелка отделались легкими ранениями). Негры покинули

12 Foner Ph. S. The Life and Writings of Frederick Douglass. 4 vols. NY, 1950—1955. II. P. 207; Foner Ph. S. History of Black Americans... P. 29—30.

деревню, а три их вожака поспешили по «подпольной железной дороге» в Канаду¹³.

«Битва в Христиане» стала событием национального масштаба. «Гражданская война — первый удар нанесен», — заявила газета из Ланкастера (штат Пенсильвания). *New York Tribune* озвучила мнение многих янки: «Такие события вызваны только системой рабства. Такие события происходят в свободных штатах только вследствие принятия закона о беглых рабах». Консервативная пресса имела другой взгляд на «бунт», который «никогда бы не случился, не подстрекая фанатичные приверженцы „высшего закона“ невежественных и введенных в заблуждение негров». Южане объявили, что «если мятежники из Христианы не будут повешены... МЫ ПОКИНЕМ СОЮЗ!.. Если вам не удастся совершить простой акт возмездия, СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ ПОРВЕТСЯ»¹⁴.

На этот раз Филлмор обратился к морской пехоте. Вместе с федеральными маршалами военнослужащие прочесали сельскую местность и арестовали свыше тридцати чернокожих и шесть белых. Правительство также добивалось экстрадиции трех беглецов, подавшихся в Онтарио, но канадские власти ответили отказом. Чтобы продемонстрировать всю серьезность намерений, администрация обвинила подозреваемых не просто в сопротивлении закону о беглых рабах, а в государственной измене. Федеральное большое жюри предъявило обвинение тридцати шести черным и пяти белым. Правительственный процесс стремительно превращался в фарс. Ирония адвоката обвиняемых подтверждала это: «Сэр, вы слышали? Три безобидных непротивленца-квакера и тридцать восемь несчастных, жалких, нищих негров, вооруженных жатками, дубинками и несколькими мушкетами, под предводительством безоружного, восседающего на гнедой кляче мельника в фетровой шляпе начали войну против Соединенных Штатов!» Усилия правительства по дискредитации участников сопротивления породили всплеск сочувствия к аболиционистам, один из которых заметил: «...наше дело сейчас находится в очень выигрышном положении... Эти процессы по государственной измене стали для нас большой и неожиданной удачей». После того как присяжные оправдали первого подсудимого (одного

13 Наиболее полный рассказ см.: *Katz J. Resistance at Christiana: The Fugitive Slave Rebellion, Christiana, Pennsylvania, September 11, 1851. NY, 1974. P. 96.*

14 *Foner Ph. S. History of Black Americans... P. 54, 57; Rhodes J. F. History of the United States. I. P. 223; Campbell S. W. Slave Catchers... P. 152; Katz J. Resistance at Christiana... P. 138.*

из квакеров), власти отозвали официальные обвинения и решили не выдвигать новые¹⁵.

Пока длился этот процесс, в Сиракьюзе (штат Нью-Йорк) произошло еще одно волнующее событие. В этом городе, находящемся на севере штата, жил чернокожий бондарь Уильям Мак-Генри, которого в округе знали как Джерри, сбежавшего из Миссури. Агент, посланный его хозяином, совершил ошибку, арестовав Джерри как раз в тот момент, когда в Сиракьюзе проходил съезд противников рабства, к тому же город был переполнен приехавшими на окружную ярмарку гостями. Два видных аболициониста — Геррит Смит и Сэмюэль Мэй — разработали план вызволения Джерри из полицейского участка. Мэй, будучи пастором унитарной церкви, заявил своим прихожанам, что Божий закон стоит выше закона о беглых рабах, который «мы должны... растоптать, какими бы для нас ни были последствия этого». 1 октября большая группа черных и белых ворвалась в полицейский участок, освободила Джерри, быстро увезла его в повозке и нелегально переправила в Канаду через озеро Онтарио. Большое жюри предъявило обвинения двенадцати белым и двенадцати чернокожим (на сей раз обвинения были в мятеже, а не в измене), но девять негров к тому времени уже бежали в Канаду. Из тех же, кто предстал перед судом, был осужден только один чернокожий, который умер прежде, чем успел обжаловать приговор¹⁶.

Отпор северян закону о беглых рабах усилил возмущение «пламенных ораторов», все еще исполненных праведного гнева по поводу принятия в состав США Калифорнии. Один из них восклицал: «Мы больше не можем оставаться в составе Союза, когда условием нашего в нем нахождения является бесчестье». В 1851 году в Южной Каролине, Джорджии и Миссисипи прошли съезды, где взвешивались все «за» и «против» Союза. «Пламенный оратор» Уильям Йонси ездил по Алабаме, призывая к организации такого же съезда. Губернатор Южной Каролины полагал, что «теперь нет ни малейшего сомнения в том, что... штат выйдет из состава США»¹⁷.

Но начиналась и обратная реакция. Самые высокие за десятилетие цены и самый большой за всю историю урожай хлопка заставили

15 Katz J. Resistance at Christiana... P. 156—243; Foner Ph. S. History of Black Americans... P. 62; Garrison Papers, Boston Public Library.

16 Campbell S. W. Slave Catchers... P. 154—157; Foner Ph. S. History of Black Americans. P. 42—46.

17 Craven A. O. The Growth of Southern Nationalism 1848—1861. Baton Rouge, 1953. P. 103; Potter D. Impending Crisis... P. 128.

многих плантаторов хорошенько подумать о пользе сецессии. Под влиянием Тумбза и Стивенса вновь заявил о себе вигский юнионизм. Партийные принципы временно отошли на второй план, так как некоторые демократы из Джорджии, Алабамы и Миссисипи примкнули к вигам, образовав Партию конституционного союза в противовес демократам — поборникам прав Юга. Юнионисты завоевали большинство на выборах делегатов в конвенты штатов, где они ратовали за «сотрудничество» с другими штатами, а не за сецессию. Впрочем, как продемонстрировал конвент в Нашвилле, «сотрудничество» стало лишь синонимом бездействия. Юнионисты заняли губернаторские посты в Джорджии и Миссисипи (где кандидатом от Партии прав Юга выступал Джефферсон Дэвис), большинство мест в legislatures Джорджии и Алабамы и выдвинули четырнадцать из девятнадцати конгрессменов от этих трех штатов. Даже в Южной Каролине сепаратисты потерпели неудачу. Итогом двух лет их риторических упражнений стало то, что северяне укрепились в мнении считать угрозу сецессии чистым бахвальством, призванным вынудить власти к уступкам¹⁸.

Однако более детальный анализ, возможно, смягчит такое утверждение. Юнионисты объявляли себя не менее пылкими сторонниками «гарантий... прав и уважения к рабовладельческим штатам», чем демократы из Партии прав Юга. В некоторых штатах юнионисты поддержали «Декларацию Джорджии», где говорилось, что Юг, «не полностью одобряя» Компромисс 1850 года, «примиряется с ним как с временным урегулированием противоречий» при условии, что Север также примиряется с этим. Но! Любой шаг Конгресса, принятый против рабовладения в округе Колумбия, отказ признавать новые рабовладельческие штаты или рабство на новых территориях может побудить Джорджию (как и другие штаты) к оказанию сопротивления и к сецессии «в качестве последнего средства». Помимо прочего, «сохранение нашего драгоценного Союза... зависит от надлежащего соблюдения Закона о беглых рабах»¹⁹.

Иными словами, южный юнионизм был скоропортящимся товаром. Он сохранялся, пока Север пребывал в добром расположении духа.

18 *Potter D. Impending Crisis...* P. 122—130; *Cooper W. J. The South and the Politics of Slavery 1828—1856.* Baton Rouge, 1978. P. 304—310; *Craven A. O. Growth of Southern Nationalism...* P. 103—115; *Nevins A. Ordeal. I.* P. 354—379; *Thornton J. M. Politics and Power in a Slave Society: Alabama, 1800—1860.* Baton Rouge, 1978. P. 188—200; *Barnwell J. Love of Order: South Carolina's First Secession Crisis.* Chapel Hill, 1982. P. 123—190.

19 *Potter D. Impending Crisis...* P. 128.

Этот факт во многом нивелировал очевидный триумф южных вигов на выборах 1851 года. В то время как виги обеспечили большинство голосов за юнионистов, хвост демократов в этой коалиции вилял вигской собакой. Декларация Джорджии делала северных вигов заложниками поддержки закона о беглых рабах и рабства на территориях. При наличии в Белом доме Филлмора ситуация казалась стабильной. Но северные виги не успокаивались. Большинству из них было не по себе после того, как они проглотили горькую пилюлю закона о беглых рабах. Партия направляла в Конгресс все большее число радикальных противников рабства: Таддеус Стивенс от Пенсильвании и Джордж Джулиан вошли в состав Палаты представителей в 1849 году, Бенджамин Уэйд стал сенатором от Огайо в 1851-м. Если бы такие личности стали верховодить в партии, она бы раскололась по географическому признаку. Южные виги едва оправились от «отступничества» Тейлора — еще одно такое потрясение могло разрушить партию.

После спасения беглеца Джерри из Сиракьюза ажиотаж вокруг закона о беглых рабах спал. Возможно, это было связано с тем, что силы закона и порядка восторжествовали, или с тем, что все подходящие для «репатриации» чернокожие уже скрылись в Канаде. Как бы то ни было, в 1852 году на Юг удалось вернуть всего треть беглых рабов от числа пойманных в первый год действия закона²⁰. Демократы, консервативные виги, торговые общества и прочие умеренные круги проводили по всему Северу митинги в поддержку Компромисса, включавшего в себя и закон о беглых рабах.

Те же силы, поддержку которым оказывала негрофобия, присущая большинству северян, пошли еще дальше. В 1851 году в Индиане и Айове, а в 1853-м — в Иллинойсе был принят закон, запрещающий иммиграцию любого чернокожего, будь он свободным или рабом. Южные рубежи этих штатов составляли $\frac{3}{5}$ границы между свободными и рабовладельческими штатами. Отчасти призванный заверить южные штаты в лояльности, этот запретительный закон также отражал расистские настроения многих белых жителей, особенно так называемых «серых орехов». Хотя в Огайо подобный закон был отменен еще в 1849 году, многие жители южных округов этого штата были против присутствия чернокожих и проявляли больше склонности помогать «охотникам за рабами», нежели беглецам²¹.

20 Campbell S. W. *Slave Catchers...* P. 207.

21 Ibid. 49—62; Litwack L. F. *North of Slavery: The Negro in the Free States 1790—1860*. Chicago, 1961. P. 64—74.

Тем не менее негодование по поводу закона о беглых рабах мало-помалу охватывало многих янки. Даже сердца сторонников жесткой линии могли растаять при виде беглеца, закованного в наручники и отправляемого назад к хозяину. Среди евангелических протестантов, вовлеченных в аболиционизм еще со времен Второго великого пробуждения, такая картина вызывала возмущение и стремление к действию. Именно это обусловило потрясающую популярность «Хижина дяди Тома». Будучи дочерью, сестрой и женой проповедников-конгрегационалистов, Гарриет Бичер-Стоу с молоком матери впитала соответствующее отношение к понятиям греха, вины, искупления и спасения. Она выразила свои взгляды в прозе, впрочем, пафосной и банальной. «Хижина дяди Тома», после того как она на протяжении девяти месяцев отрывками печаталась в одной антирабовладельческой газете, весной 1852 года появилась в продаже отдельной книгой. В течение года в одних только Соединенных Штатах было продано 300 тысяч экземпляров этого романа, что сравнимо с тремя миллионами для сегодняшних тиражей. Роман был не менее популярен в Англии, а также выдержал переводы на несколько иностранных языков. В течение десятилетия в США было продано более двух миллионов экземпляров — рекорд для бестселлеров по отношению к числу жителей страны.

Хотя Стоу говорила, что написание книги ее вдохновил Господь, закон о беглых рабах послужил земным воплощением этого вдохновения. «О, Хэтти, если бы я умела излагать, как ты, я бы написала такое, что показало бы всей стране, насколько отталкивающим является рабство», — сказала сестра ее мужа после принятия закона Конгрессом. «Я напишу, если буду жива», — пообещала ей Гарриет. И она выполнила обещание, сочиняя при свете свечи на кухне после того, как укладывала шестерых детей и заканчивала всю домашнюю работу. На этих страницах мы видим очень живых, незабываемых персонажей, несмотря на искусственный сюжет и лоскутную структуру текста, а также слишком буйную фантазию автора. «Этот триумфальный труд, — писал Генри Джеймс, в юности находившийся под впечатлением от романа, — не столько книга, сколько состояние видения»²². Основываясь на наблюдениях за жизнью рабов в Кентукки и общении с беглыми рабами

22 Foster Ch. F. *The Rungless Ladder: Harriet Beecher Stowe and New-England Puritanism*. Durham (NC), 1954. P. 12, 28—29.

в Цинциннати, где она жила в течение восемнадцати лет, эта уроженка Новой Англии сделала образы Элизы, перебегающей реку Огайо по плавучим льдинам, или старика Тома, безропотно сносящего побои Саймона Легри в Луизиане, более реальными для миллионов читателей, чем они были в жизни. Нельзя также назвать эту книгу и обвинением против южан. Несколько положительных персонажей как раз южане, а самый отвратительный негодяй — переселившийся на Юг янки. Миссис Стоу (а возможно, и сам Господь Бог) осудила целую страну за грех рабства. Своим романом она стремилась пробудить евангельские заповеди в северянах, и надо сказать, что своей цели она добилась.

Невозможно в точности оценить влияние «Хижины дяди Тома» на политическую жизнь. Можно подсчитать количество проданных экземпляров, но нельзя — число людей, убеждения которых поменяла эта книга, или законов, принятие которых она вдохновила. Не многие современники сомневались в ее силе. «Еще никогда у нас не было настолько смелого литературного выступления», — говорил Генри Уодсворт Лонгфелло. В Англии лорд Пальмерстон (тот самый, который десять лет спустя встанет перед необходимостью принимать решение, вмешиваться в Гражданскую войну на стороне южан или нет), прочитав «Хижину дяди Тома» трижды, заметил, что восхищен не столько ее литературной стороной, «сколько ее государственным взглядом на проблему». Авраам Линкольн, решавший проблему рабства летом 1862 года, взял в библиотеке Конгресса «Ключ от хижины дяди Тома» (следующее произведение Стоу), где она приводила документальные свидетельства, на которых был основан роман. Когда в том же году Линкольн встретился с писательницей, то якобы приветствовал ее словами: «Так вот та маленькая женщина, из-за которой произошла эта большая война»²³.

23 Лонгфелло цит. по: *Gossett Th. F. Uncle Tom's Cabin and American Literature*. Dallas, 1985. P. 166; Пальмерстон цит. по: *Wilson E. Patriotic Gore: Studies in the Literature of the American Civil War*. NY, 1962. P. 8; *Lincoln Day by Day: A Chronology 1809—1865*. 3 vols. Washington, 1960. III. P. 121; *Mitgang H. Abraham Lincoln: A Press Portrait*. Chicago, 1971. P. 373. Вскоре появились и театрализованные версии «Хижины дяди Тома». Первоначально эти пьесы раскрывали сюжетные линии романа, делая особый упор на его антирабовладельческое наполнение, но со временем «Том-шоу» утратили пафос, превратившись в пародийные шоу актеров, разыгрывавших сценки из негритянской жизни.

«Хижина дяди Тома» задела южан за живое. Несмотря на все попытки запретить распространение романа, и в Чарлстоне, и в других городах спрос был настолько велик, что книгопродавцы не могли удовлетворить его. Горячность, с какой на Юге осуждали «лживость» и «искажение фактов» миссис Стоу, была, пожалуй, лучшим доказательством того, что книга попала в самую точку. «Еще никогда женщины не поступали так мерзко и подло», — заявила *New Orleans Crescent*. Редактор *Southern Literary Messenger* так инструктировал своего литературного обозревателя: «Я хотел бы увидеть не рецензию, а адский огонь, яростно и беспощадно сжигающий славу этих негодяев в юбках, осмеливающихся писать такие вещи». За два года авторы из числа сторонников рабства ответили на творение Бичер-Стоу по крайней мере пятнадцатью романами, чья основная идея о том, что рабы живут в лучших условиях, чем свободные рабочие Севера, была прекрасно сформулирована в заглавии одного из них: «Дядя Робин в своей хижине в Виргинии и бездомный Том в Бостоне»²⁴. Десятилетие спустя после Гражданской войны одна жительница Северной Каролины в своем дневнике, где размышляла о рабстве, выразила негодование южан «Хижинной дяди Тома», ставшей неким стандартом, которым мерили все происходящее на Юге²⁵.

В более позднюю эпоху «Дядя Том» стал уничижительным эпитетом для чернокожего, относящегося к белому угнетателю с рабской покорностью. Частично это было вызвано повсеместными «Том-шоу», не сходящими со сцен многие годы и превращавшими роман в комедию или гротескную мелодраму. Однако подобострастный Том из этих постановок не имел ничего общего с Томом из книги Бичер-Стоу. Тот Том был одним из немногих истинных христиан в романе, призванном всколыхнуть эмоции набожной публики. И действительно, Том как бы символизировал Христа. Как Иисус, он переживал страдания от богопротивной светской власти. Как Иисус, он принял смерть за грехи человечества, чтобы спасти и свой народ, и своих притеснителей. Читатели Стоу, жившие в ту эпоху, понимали это послание гораздо лучше, чем наши современники. Они принадлежали к поколению, которое испытывало не замешательство, а вдохновение, распевая строки, написанные

24 Gossett Th. F. *Uncle Tom's Cabin and American Culture*. P. 185—211; Craven A. O. *Growth of Southern Nationalism...* P. 153—157.
25 См.: Woodward C. V. *Mary Chesnut's Civil War*. New Haven, 1981.

несколько позже другой писательницей с Севера, провожавшей уходящих на войну солдат:

Если он умер, чтобы люди стали святыми,
То давайте умрем, чтобы их освободить.

II

Оборонительно-агрессивный характер поведения южан в 1850-е годы проистекал и из чувства экономической подчиненности северянам. В государстве, ставившем знак равенства между ростом и прогрессом, результаты переписи 1850 года не могли не тревожить многих южан. За истекшее десятилетие прирост населения в южных штатах оказался на 20% меньше, чем в северных. Этот знаменательный факт был обусловлен худшими экономическими условиями. Люди, родившиеся в рабовладельческих штатах, переезжали на Север в три раза чаще, чем в обратную сторону, а $\frac{7}{8}$ иммигрантов из-за рубежа селились опять-таки на Севере, где было больше работы и к тому же отсутствовала конкуренция с подневольным трудом. Север наглядно опережал Юг по ключевым направлениям экономического развития. В 1850 году лишь 14% всех каналов протекало по территории рабовладельческих штатов. В 1840 году по южным землям проходило 44% всех железных дорог страны, но к 1850 году более интенсивное их строительство на Севере снизило этот показатель до 26%²⁶. По-прежнему неутешительными были данные о промышленном производстве. На 42% населения страны, проживавшего в южных штатах, приходилось лишь 18% производственных мощностей, что было ниже 20%-ного показателя 1840 года. Что беспокоило еще больше — едва ли не половина этих мощностей была сосредоточена в четырех пограничных с Севером штатах, чья приверженность правам Юга была шаткой.

Единственным светлым пятном экономики Юга было производство сельскохозяйственной продукции. К 1850 году цена хлопка практически удвоилась по сравнению с ее нижним пиком в 5,5 цента за фунт в середине 1840-х годов. Но нет добра без худа — хлоп-

26 Справедливости ради стоит заметить, что основные города и производственные центры Юга располагались на судоходных реках или в непосредственной близости от них, что ставило южные штаты в меньшую зависимость от каналов и железных дорог, чем северные.

ковые штаты оставляли себе лишь 5% хлопка для переработки, 70% они экспортировали за рубеж, а оставшееся — на фабрики Севера, где добавленная стоимость уравнивала цену хлопка-сырца на Юге, который, в свою очередь, импортировал $\frac{2}{3}$ одежды и других промышленных товаров с Севера или из-за рубежа. Но даже это не полностью объясняло отток денег с Юга. 15—20% стоимости хлопка-сырца уходило «торговым агентам», предоставлявшим плантаторам кредиты, страховые гарантии, складские помещения и услуги перевозки. Большинство этих агентов были представителями северных или британских компаний. Почти все корабли, вывозившие хлопок из южных портов и возвращавшиеся туда с промышленными товарами, были построены и принадлежали северянам либо британцам. Корабли эти по возвращению из Европы заходили в порты Севера, так как там шла более масштабная торговля, и перегружали часть товаров на каботажные суда или наземный транспорт, идущий на Юг, что увеличивало расходы по перевозке импортных товаров в южные штаты²⁷.

Самоосуждение южан за такую «унизительную вассальную зависимость» от янки во время кризиса 1846—1851 годов приобрело характер перечисления бесконечных проблем. «Вся наша торговля, за исключением небольшого сегмента, находится в руках северян, — жаловался один известный житель Алабамы в 1847 году. — Возьмем, например, город Мобил: $\frac{7}{8}$ нашего банковского капитала принадлежит северянам... Вся оптовая и розничная торговля, словом, все, что достойно внимания, находится в руках тех, кто вкладывает полученные доходы в предприятия Севера... В финансовом отношении мы порабощены еще больше, чем наши негры»²⁸. Янки «осуждают, в грош не ставят рабство и рабовладельцев», — заявляла одна

27 Информация в этих абзацах в основном взята из отчетов о переписи населения США за 1840 и 1850 гг. Некоторые данные суммируются в таблицах, см.: Gray L. C. *History of Agriculture in the Southern United States to 1860*. 2 vols. Washington, 1933. II. P. 1043; Schlesinger A. M. *History of American Presidential Elections 1789—1968*. 4 vols. NY, 1971. II. P. 1128—1152; *Twelfth Census of the United States Taken in the Year 1900, Manufactures. Part II. Vol. 8*. P. 982—989. Данные о длине каналов и железных дорог, а также по внешней торговле Америки см.: Taylor G. R. *The Transportation Revolution, 1815—1860*. NY, 1951. P. 71, 451. Данные по колониальному экономическому статусу Юга как экспортера сырья и импортера капитала и промышленных товаров см.: Woodman H. *King Cotton and His Retainers*. Lexington (Ky.), 1968; North D. C. *The Economic Growth of the United States 1790—1860*. NY, 1961.

28 Jameson F. *Correspondence of John C. Calhoun*. Washington, 1900. P. 1134—1135.

южная газета четыре года спустя, однако «предметы роскоши и повседневного обихода мы приобретаем на Севере... Наши рабы одеты в пошитые на Севере ткани, [а] работают с помощью произведенных там мотыг, плугов и другого инвентаря... Рабовладелец одет в северное платье, сидит верхом на северном седле... читает северные книги... На построенных на Севере судах его товары едут на рынок... и на изготовленной на Севере бумаге таким же пером и чернилами он пишет и переписывает резолюции в поддержку своих прав». Как Юг собирается сохранить свое влияние, — задавался вопросом молодой поборник экономической диверсификации, южанин Джеймс Де Боу, — если «Север становится богатым и могущественным, а мы, в лучшем случае, топчемся на месте?»²⁹.

В 1846 году Де Боу основал в Новом Орлеане журнал, названный *Commercial Review of the South and West* (широко известный как *De Bow's Review*), с многообещающим лозунгом на обложке: «Торговля — наша королева». Сумма, которая «теряется ежегодно из-за нашей вассальной зависимости от Севера, — писал Де Боу в 1852 году, — равна ста миллионам долларам. Боже праведный! Разве Ирландия платит более унижительную дань Великобритании? Неужели мы не сбросим путы этой позорной зависимости?» Де Боу требовал «действия! ДЕЙСТВИЯ!! ДЕЙСТВИЯ!!! — и не риторики, такой как в Конгрессе, а деловитого лязга механизмов и мерных ударов молота по наковальне»³⁰. Многие южане приветствовали слова Де Боу, но они опять-таки оказались в большей степени риторикой, чем действием.

Де Боу решился на создание журнала в свете перспектив образования южной торговой империи, идея которой была провозглашена на собрании в Мемфисе в 1845 году. Это мероприятие возобновило традицию закрытых собраний южан, начатую еще в 1830-е годы; делегаты клялись «сбросить тянущие на дно кандалы экономической зависимости»³¹. Главным пунктом повестки дня тех собраний было учреждение принадлежащих южанам корабельных компаний для прямой торговли с Европой. На первом после шестилетнего пере-

29 Russel R. R. *Economic Aspects of Southern Sectionalism, 1840—1861*. Urbana, 1923. P. 48; *De Bow's Review*. 1851. 12. P. 557.

30 Речь Де Боу на съезде южан-коммерсантов в Новом Орлеане в январе 1852 г. цит. по: *Wender H. Southern Commercial Conventions 1837—1859*. Baltimore, 1930. P. 85; *De Bow's Review*. 1852. 13. P. 571; 1850. 9. P. 120.

31 Решение, принятое на первом съезде южан-коммерсантов в Августе (штат Джорджия) в октябре 1837 г., цит. по: *Wender H. Op. cit.* P. 18.

рыва съезде в Мемфисе сделали упор на необходимости открытия железнодорожного сообщения между нижним течением Миссисипи и южной частью атлантического побережья. Ни железная дорога, ни тем более «захват» морских путей так и не стали к 1852 году реальностью, зато в этом году Де Боу возродил практику коммерческих съездов, организовав собрание в Новом Орлеане. С этих пор подобные собрания каждый год (до 1859) проводились в разных южных городах.

На собраниях этих произносилось много громких фраз. В дополнение к призывам прямой торговли с Европой там выдвигались требования усовершенствования речной и портовой инфраструктуры, строительства железных дорог, в частности южной ветки трансконтинентальной железной дороги к тихоокеанскому побережью. Собрания призывали южан превзойти янки в строительстве фабрик, но делегаты также уделяли определенное внимание вопросам культуры. Со стыдом признавая, что большинство книг и журналов, читаемых южанами, написаны северянами и напечатаны в тамошних типографиях, что Юг посылает своих самых способных сынов в колледжи Севера, что ошеломляющее количество ректоров колледжей, преподавателей, учителей и даже редакторов газет являются выходцами с Севера, съезды высказывались за учреждение и оказание поддержки местным издателям, журналам, писателям, преподавателям и колледжам.

Наибольший энтузиазм среди всех этих прожектов вызывал призыв индустриального бума. «Дайте нам фабрики, цеха, мастерские, — призывали газетчики-южане, — и мы сможем вскоре отстоять свои права». Текстильное производство казалось южанам наиболее логичным переходом к индустриализации. «Добавьте к хлопку веретено!» — гласил пропагандистский лозунг. «У Южной Каролины и Джорджии хорошие перспективы, им нужен только толчок, и тамошние жители достигнут успеха в изготовлении изделий из хлопка», — считал Уильям Грегг, подкрепивший свои слова делом и основавший крупную текстильную фабрику в Гранитвилле, в предгорном районе Южной Каролины. «Разве нет у нас местного сырья, чтобы мы могли экономить на оплате двойной перевозки? Разве наш труд не дешевле труда наших северных братьев?» Следующим после промышленности спасителем Юга должны были стать железные дороги. Один из немногочисленных южнокаролинских вигов писал в 1853 году: «Строительство железных дорог — это поистине Божий промысел. До сих пор было два промысла:

древнегреческая и христианская цивилизации, и вот сейчас пришла железная дорога»³².

В 1850-е годы Юг действительно серьезно продвинулся вперед. Рабовладельческие штаты увеличили километраж железнодорожного полотна более чем в четыре раза, обогнав в этом отношении Север, где протяженность железных дорог за этот период увеличилась втрое. Инвестиции в производство выросли в южных штатах на 77%, превысив уровень прироста населения. Соответственно на душу населения капиталовложения выросли на 39%. Совокупная стоимость произведенных на Юге текстильных изделий увеличилась на 44%. Но подобно Алисе в Стране Чудес, чем быстрее южане бежали, тем больше они отставали. В 1860 году 35% общего километража железных дорог в стране, проходивших по территориям рабовладельческих штатов, все равно были меньше доли в 44% в 1840-м. А по показателям протяженности железных дорог на душу населения и на тысячу квадратных миль Север более чем в два раза опережал Юг в 1860 году. Объем капитала, инвестируемого в железнодорожные пути и в подвижной состав, был на 30% больше в свободных, нежели в рабовладельческих штатах. Если подушный вклад в производство товаров в 1850-е годы на Севере не превышал аналогичный на Юге, население свободных штатов росло быстрее, чем рабовладельческих (40 против 27%), и, таким образом, доля Юга в национальных производительных мощностях упала с 18 до 16%. Попытка добавить к хлопку веретено провалилась: в 1860 году стоимость изделий из хлопка, произведенных на южных фабриках, составляла лишь 10% от общеамериканского производства³³. Едва ли не половина веретен находилась в штатах, где хлопок не культивировался. В городе Лоуэлл (штат Массачусетс) работало больше веретен, чем во всех одиннадцати штатах будущей Конфедерации вместе взятых³⁴. Две

32 Издательские колонки августа 1850 г. в *Huntsville Advocate* и *Richmond Republican* цит. по: Cole A. C. *The Whig Party in the South*. Washington, 1913. P. 208; Collins H. „The Southern Industrial Gospel before 1860” // *JSH*. 12, 1946. P. 391; письмо Уильяма Престона Уэдди Томпсону от 7 сентября 1853 г. цит. по: *Tinkler R. S. Against the Grain: Unionists and Whigs in Calhoun's South Carolina*, Senior Thesis. Princeton University, 1984. P. 92.

33 Эти данные о стоимости текстильной продукции также приведены по переписи. Они не включают надомное производство, которое, по всей видимости, было более распространено на Юге, чем на Севере, если исходить из количества хлопка-сырца, потребляемого в рабовладельческих штатах, достигшего, по оценкам, в 1850-е годы 19% от общего потребления.

34 *Goldfarb S. J. A Note on Limits to the Growth of the Cotton-Textile Industry in the Old South* // *JSH*. 1982. 48. P. 545.

пятых всего производственного капитала Юга в 1860 году находились на территории четырех пограничных штатов. Северные банки, торговые фирмы, торговые агенты и судовладельческие компании продолжали удерживать монополию на транспортную торговлю южан³⁵.

Поборники промышленного развития на землях к югу от Потомака признали поражение. Южане оказались «лишены всех качеств, присущих деятельным людям», — сокрушался текстильный фабрикант Уильям Грегг. Промышленность Юга «переутомилась, ослабла и умерла», так как «завелась червоточина», которая «подорвала стремление к успеху» и «развенчала светлые надежды производителя-южанина»³⁶.

Современники и позднейшие историки предложили несколько объяснений «провала индустриализации в рабовладельческой экономике», как звучит подзаголовок одного недавнего исследования. Вслед за Адамом Смитом классические экономисты считали свободный труд более эффективным, чем подневольный, ибо свободного труженика подгоняет страх испытать нужду, а также стремление к лучшей доле. А у раба, по словам Смита, «нет иных стремлений, кроме того чтобы есть как можно больше, а работать — как можно меньше». Противники рабства из числа янки соглашались

35 Два историка-эконометриста выдвинули гипотезу о том, что по мировым стандартам в экономике Юга в 1860 году не наблюдалось значительного отставания в торговом и промышленном развитии. При помощи трех подушных показателей — километража железных дорог, текстильного производства из хлопка и производства необработанного железа — Роберт Фогель и Стэнли Энгерман предположили, что Юг действительно отставал от Севера в железнодорожной инфраструктуре, но зато опережал все остальные страны. В текстильном производстве Юг занимал шестое место, а в производстве необработанного железа — восьмое. Однако критерий километража железных дорог, использованный ими, является ошибочным: железные дороги связывают не только людей, но и местности. Учитывая как численность населения, так и площадь, мы увидим, что пропускная способность железных дорог южных штатов была не только вполтину меньше аналогичного показателя для северных штатов, но и значительно уступала некоторым европейским странам в 1860 году. Комбинируя два параметра объема производства, использованных Фогелем и Энгерманом, мы увидим, что производство на душу населения на Юге составляло лишь $\frac{1}{19}$ от Великобритании, $\frac{1}{7}$ от Бельгии, $\frac{1}{5}$ от северных штатов и $\frac{1}{4}$ от Швеции; все это слишком большое отставание, чтобы не ставить под сомнение выводы этих двух исследователей. См.: Fogel R. W., Engerman S. L. *Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery*. Boston, 1974. P. 254—256.

36 Gregg W. *Domestic Industry—Manufactures at the South* // *De Bow's Review*. 1850. 8. P. 134—136; *Southern Patronage to Southern Imports and Domestic Industry* // *Ibid*. 1860. 29. P. 77—83.

с этим утверждением. «Поработите человека, — восклицал Хорас Грили, — и вы растопчете его честолюбие, предприимчивость, его способности. В человеческой натуре основным стимулом является стремление улучшать свою жизнь»³⁷. Северный журналист и ландшафтный архитектор Фредерик Лоу совершил три продолжительных путешествия по южным штатам, результатом которых стали три книги, описывавшие инертное, праздное, архаичное общество как продукт рабовладельческого уклада. Уровень жизни, на котором находились рабы и многие белые бедняки, препятствовал развитию рынка потребительских товаров, который мог бы стимулировать производство в южных штатах³⁸.

В этих объяснениях «отсталости» Юга имеется рациональное зерно, однако они не до конца убедительны. Успешная эксплуатация рабов, равно как и белых работников на текстильных фабриках Юга, на чугунолитейном производстве (например, на металлургическом заводе Тредегар в Ричмонде) и в других отраслях демонстрировали потенциал для большей индустриализации. Что же касается недостаточно развитого местного рынка, то южные потребители сформировали большой спрос на произведенные северянами обувь, одежду, локомотивы, пароходы, сельскохозяйственную утварь — вот лишь несколько наименований, заставлявших пропагандистов вроде Грегга и Де Боу верить в то, что и рынок сбыта товаров Юга тоже существует, надо только им воспользоваться.

В других исследованиях индустриализации Юга упор сделан не на недостаток трудовых ресурсов или спроса, а на нехватку капитала. По правде говоря, капитал на Юге водился: согласно соответствующей графе переписи населения, в 1860 году белый мужчина-южанин был в среднем практически в два раза богаче своего северного белого двойника³⁹. Проблема заключалась в том, что большинство этих средств было вложено в землю и рабов. Британский путешественник, посетивший Джорджию в 1846 году, был «поражен при виде трудностей в сборе небольших взносов на строительство фабрики.

37 Смит цит. по: *Davis D. B. The Problem of Slavery in the Age of Revolution 1770—1823. Ithaca, 1975. P. 352*; Грили цит. по: *Foner E. Free Soil, Free Labor, Free Men: The Ideology of the Republican Party before the Civil War. NY, 1970. P. 46.*

38 Три книги Ольмстеда: *A Journey in the Seaboard Slave States (1856)*, *A Journey Through Texas (1857)* и *A Journey in the Back Country (1860)*. В 1861 г. Ольмстед сократил и собрал их в одном томе *The Cotton Kingdom*. По вопросу южного рынка потребительских товаров см.: *Genovese E. D. The Political Economy of Slavery. NY, 1965 (особенно главы 7 и 8).*

39 *Soltow L. Men and Wealth in the United States 1850—1870. New Haven, 1975. P. 65.*

„Почему, — говорят они, — весь наш хлопок должен проделывать такой долгий путь на Север, чтобы потом возвращаться к нам же в виде изделий по завышенной цене? Потому что все свободные деньги идут на покупку негров”». Один северянин так описывал «инвестиционный цикл» южной экономики: «Продать хлопок, чтобы купить негров, чтобы произвести больше хлопка, чтобы купить больше негров, и так до бесконечности — вот цель и направление всех торговых операций каждого уважающего себя владельца хлопковой плантации»⁴⁰.

Была ли такая предрасположенность к повторным инвестициям в рабов выгодна экономически? «Нет!» — отвечала более ранняя плеяда историков, возглавляемая Ульрихом Филлипсом, считавшая плантационное сельское хозяйство убыточной сферой, которую белые южане сохраняли больше из социальных, нежели экономических, побуждений⁴¹. «Да!» — возражало им новое поколение исследователей, проанализировавших множество данных и пришедших к выводу, что сельское хозяйство, основанное на подневольном труде, приносило такую же прибыль на капитал, как и потенциальные альтернативные инвестиции⁴². «Может быть» — это третья точка зрения историков экономики, которые считают, что инвестиции в железные дороги и фабрики могли принести большую отдачу, чем сельское хозяйство, что хлопководство в условиях перенасыщенного рынка дышало на ладан и что вне зависимости от разумности сельскохозяйственных инвестиций отдельных плантаторов общим вектором было замедление экономического развития южных штатов⁴³.

Некоторые факты свидетельствуют и об аграрной системе ценностей южанина как важном факторе недостаточной индустриализации. Может быть, свет джефферсоновского эгалитаризма и не

40 Lyell Ch. *Second Visit to the United States*. 2 vols. London, 1846. II. P. 35; Ingraham J. H. *The Southwest, by a Yankee*. 2 vols. NY, 1835. II. P. 91.

41 См.: Phillips U. B. *American Negro Slavery*. NY, 1918; *Life and Labor in the Old South*. Boston, 1929; Genovese E. D. *Political Economy of Slavery*...

42 Stampp K. M. *The Peculiar Institution: Slavery in the Ante-Bellum South*. NY, 1956; Conrad A. H., Meyer J. R. *The Economics of Slavery in the Ante Bellum South* // *Journal of Political Economy*. 1958. 66. P. 95—130; Fogel R. W., Engerman S. L. *Time on the Cross*...

43 Conrad A. H. et al. *Slavery as an Obstacle to Economic Growth in the United States: A Panel Discussion* // *Journal of Economic History*. 1967. 27. P. 518—560; Wright G. *The Political Economy of the Cotton South*. NY, 1978; Bateman F., Weiss Th. *A Deplorable Scarcity: The Failure of Industrialization in the Slave Economy*. Chapel Hill, 1981.

был уже столь ярк, но факел приверженности к сельскому труду пылал с прежней силой. «Те, кто работает на земле, являются людьми, избранными Богом... чьи души он сделал хранилищем неизбывной и истинной добродетели», — писал этот землепашец из Монтиселло⁴⁴. Соотношение городских рабочих и фермеров в любом обществе — «это соотношение больной его части к здоровой», и первые влияют «на государственную власть так же, как и язвы на крепость человеческого тела»⁴⁵. Живучесть такой точки зрения на Юге создавала неблагоприятную атмосферу для индустриализации. «В городах и на фабриках дурные наклонности нашей природы видны гораздо более ясно», — заявил в 1829 году Джеймс Хэммонд, будущий конгрессмен от Южной Каролины, тогда как сельская жизнь «побуждает к щедрости и гостеприимству, учтивости и этикету, а также к благородной независимости... выдающимся добродетелям и героическим поступкам». Англичанин, путешествовавший по южным штатам в 1842 году, отмечал широко распространенное убеждение в том, «что труд человека должен сводиться к земледелию, а промышленное производство — удел Европы или северных штатов»⁴⁶.

Защитники рабства так часто противопоставляли комфортные условия жизни невольников нищете «наемных рабов», что и сами начали верить в это. Остерегайтесь «попыток имитировать... северную цивилизацию» с ее «грязными, переполненными, богомерзкими фабриками», — предупреждал один плантатор в 1854 году. «Оставим северянам наслаждаться трудом наемников со всей его... нищетой, скандальностью, стадным инстинктом и борьбой против жилищной ренты, — говорил некий таможенник из Чарлстона. — Нам этого не надо. Мы вполне удовлетворены трудом наших рабов... Нам по душе старые истины: хорошее вино, книги, друзья. Старые и проверенные временем отношения между работодателем и работником»⁴⁷.

К концу 1850-х годов землевладельцы Юга организовали контрнаступление на индустриализацию. Плантадоры, используя свой авто-

44 Поместье Джефферсона в Виргинии. — *Прим. пер.*

45 Джефферсон Т. Заметки о штате Виргиния.

46 Хэммонд цит. по: Burton O. V. In My Father's House Are Many Mansions: Family and Community in Edgefield, South Carolina. Chapel Hill, 1985. P. 37; Buckingham J. S. The Slave States of America. 2 vols. London, 1842. II. P. 112.

47 The Prospects and Policy of the South, as They Appear to the Eyes of a Planter // Southern Quarterly Review. 1854. 26. P. 431—432; Grayson W. J. Letters of Curtius. Charleston, 1852. P. 8.

ритет, увлекли другие слои общества. «Крупная плантация и много негров — вот она, „ультима Туле” устремлений каждого джентльмена с Юга, — писал разочарованный поборник индустриализации из Миссисипи в 1860 году. — Для этого юрист корпит над своими пыльными талмудами, для этого торговец отмеривает ткань... редактор берется за перо, а мастеровой — за рубанок; все, все, кто еще чем-то вдохновлен, посмотрите на эту картину как на конечную цель их амбиций». Да и в конце концов, торговля была занятием низменным, подходящим для янки, а не для истинного джентльмена. Один житель Алабамы писал в 1858 году: «То, что Север торгует и производит за нас промышленные изделия, — в основном правда. Но мы и не против. Мы — сельскохозяйственное общество, и дай Бог, чтобы так и продолжалось. Для нас это самый свободный, счастливый, независимый и наилучший выбор на земле»⁴⁸.

Стоит заметить, что многие плантаторы все же инвестировали средства в строительство железных дорог и фабрик, и в 1850-е годы эти предприятия процветали, однако общая тенденция состояла в сосредоточении на сельском хозяйстве и рабах. В то время как подушный доход южан с 1850 до 1860 года вырос на 62%, средняя цена за раба выросла на 70%, стоимость акра сельскохозяйственных угодий — на 72%, а капиталовложения на душу населения — лишь на 39%. Другими словами, в 1860 году южане вложили больший капитал в земли и рабов, нежели в 1850-м⁴⁹.

Хотя живучесть джефферсоновского «аграрного пути» способна в какой-то мере прояснить этот феномен, историки могут отыскать и вполне прагматичные причины. 1850-е годы ознаменовались бурным ростом хлопководства и других производств южан. Низкие цены на хлопок в 1840-е годы усилили голоса, призывавшие к экономической диверсификации, но уже в следующее десятилетие цены подскочили более чем на 50% и хлопок стал стоить в среднем 11,5 центов за фунт. Урожай хлопка к концу 1850-х годов постепенно удвоился, составив четыре миллиона кип в год. Цены на сахар и табак и их производство также выросли. Непрерывающийся спрос на продукцию

48 Vicksburg Sun. 1860. 9 Apr.; Russel R. R. Economic Aspects of Southern Sectionalism. P. 207.

49 В это же время подушный доход северян вырос на 26%, а капиталовложения на душу населения — на 38%. Данные о подушном доходе приводятся по: Soltow L. Men and Wealth. P. 67; данные о цене рабов — по: Phillips U. B. American Negro Slavery. P. 371; все остальные приведенные данные взяты из результатов переписей 1850 и 1860 годов.

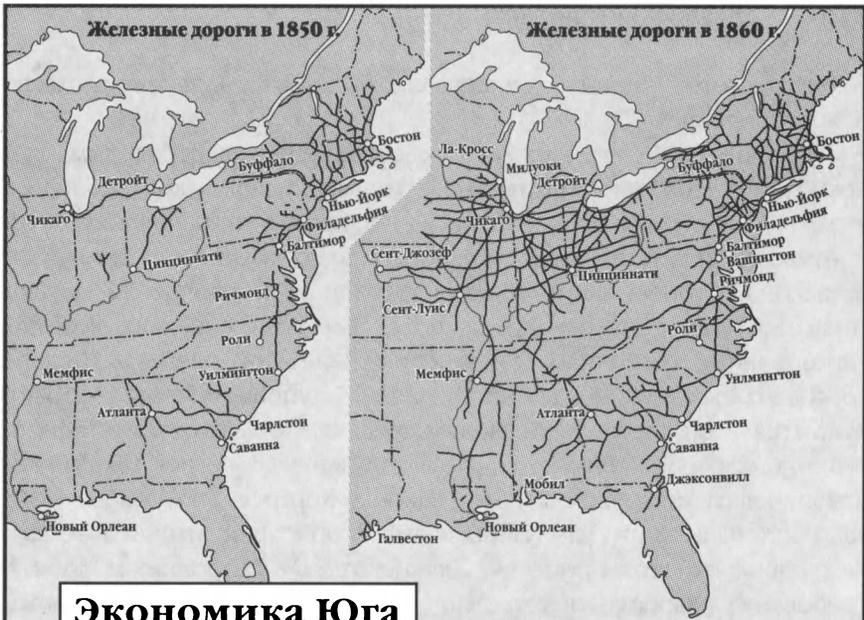
Юга вынудил плантаторов отдавать под эти культуры каждый пригодный акр земли. Выход основной сельскохозяйственной продукции на душу населения в 1850-е годы упал, и этот аграрный регион стал стремительно превращаться в импортера продовольствия⁵⁰.

Хотя эти тенденции и тревожили некоторых южан, большинство выражало восторг по поводу бурного процветания, вызванного хлопковым бумом. Защитники Королевы Торговли пали, на трон взошел Король Хлопок. «Наш хлопок — самый чудесный талисман на земле, — восклицал один плантатор в 1853 году. — С его помощью наши желания становятся реальностью». Южане являются «положительно, самым процветающим народом в мире, выручая от 10 до 20% от вложенного в любое дело капитала, и так будет продолжаться еще долгое время», — хвастался Джеймс Хэммонд. «Рабовладельческий Юг является сейчас ведущей мировой державой, — говорил он в Сенате в 1858 году. — Хлопок, рис, табак и материалы для кораблестроения правят миром... Ни одна держава в мире не осмелится объявить войну хлопку. Хлопок — наш король»⁵¹.

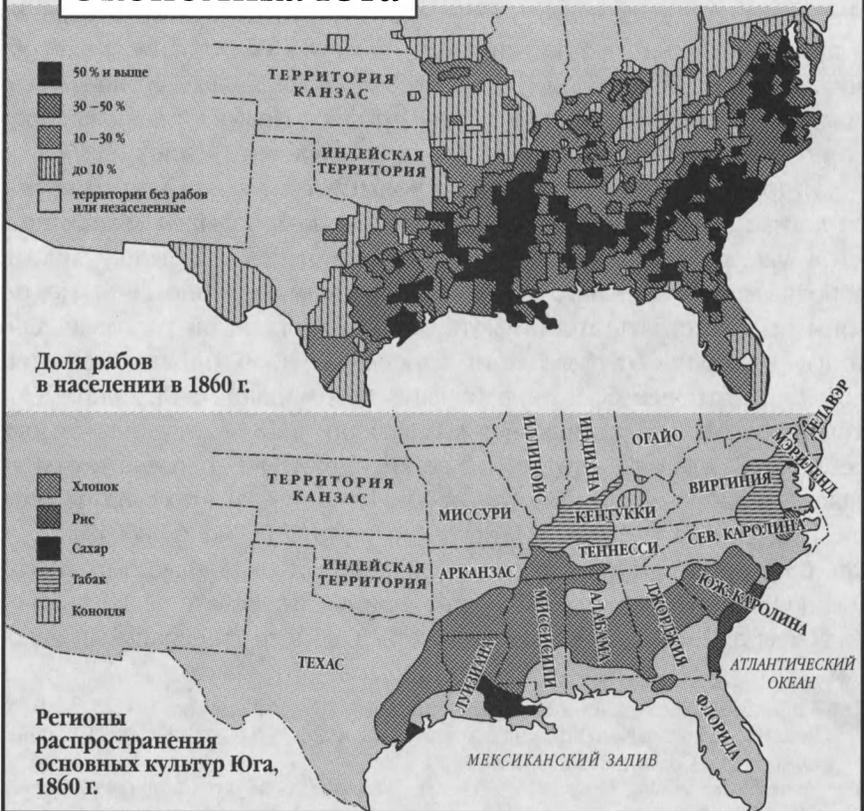
К концу 1850-х годов собрания южных коммерсантов пришли к такому же выводу. Слияние таких собраний в 1854 году с проходящими параллельно съездами плантаторов стало правилом. С тех пор рабовладельческий сельскохозяйственный уклад и его защита превратились в основной вопрос этих съездов. В этом направлении двинулся даже *De Bow's Review*. Хотя сам Де Боу и продолжал ораторствовать по поводу индустриализации, его «Обозрение» уделяло все больше и больше внимания сельскому хозяйству, спорам о защите рабства и южному национализму. В 1857 году политики возобладали на этих «коммерческих» съездах, и основной формой

50 Производство кукурузы, сладкого картофеля и свинины на душу населения с 1850 до 1860 года сократилось в южных штатах на 3, 15 и 22% соответственно. Предположение, что южане переключились на потребление говядины, не выглядит достаточным объяснением сокращения подушного производства свинины. Количество скота на душу населения возросло только на 3% в течение этого десятилетия, и, согласно данным Роберта Рассела, практически весь этот прирост был обеспечен за счет молочных, а не мясных пород. *Russel R. R. Economic Aspects of Southern Sectionalism*. P. 203. Данные этого абзаца в основном взяты из результатов переписей 1850 и 1860 годов, которые см.: *Schlesinger A. M. History of American Presidential Elections*. II. P. 1128.

51 Слова плантатора цит. по: *McCardell J. The Idea of a Southern Nation: Southern Nationalists and Southern Nationalism, 1830—1860*. NY, 1979. P. 134; письмо Хэммонда цит. по: *Neuins A. Emergence*. I. P. 5; CG, 35 Cong., 1 Sess., P. 961—962.

Экономика Юга

торговли, которую они поддерживали, было возобновление ввоза рабов из Африки⁵².

В конце 1807 года ввоз рабов был запрещен федеральным законом. После этого в небольших объемах продолжался контрабандный ввоз; в 1850-е годы рост цен на рабов привел к увеличению этого противозаконного трафика, что породило движение за отмену этого закона. Сторонниками отмены двигали и политические мотивы. Ажиотаж вокруг этого вопроса, по словам одного из них, возбудит «презрение к северянам и пренебрежение их мнением». Делегат торгового съезда 1856 года настаивал: «Мы уполномочены требовать открытия этой торговли из экономических, политических и конституционных соображений... После ввоза дешевых негров мы сможем игнорировать недружественные законы Конгресса. А рабы, когда заполнят плантации, хлынут на новые территории, и ничто не сможет сдержать этот процесс». Для некоторых сторонников рабства требование разрешения торговли невольниками казалось логичным. «Рабовладение есть благо, — говорил делегат съезда 1858 года, — а так как это благо, то нет ничего дурного и в естественном способе восполнения рабов». Или же, как возмущался Уильям Йонси: «Если покупать рабов в Виргинии и перевозить их в Новый Орлеан законно, то почему же незаконно покупать их в Африке и везти сюда?»⁵³

И правда, почему нет? Однако большинство южан не усматривали логики в этом аргументе. В дополнение к моральным «терзаниям» из-за ужасов морской перевозки негров через Атлантику многие рабовладельцы Верхнего Юга имели и вполне экономические резоны противостоять второму открытию африканской торговли. Они только выиграли от повышения спроса на рабов, продавая в «хлопковые» штаты все больше и больше невольников с Верхнего Юга. Тем не менее съезд торговцев в Висксберге в 1859 году (на который собрались делегаты штатов только Нижнего Юга) призвал к отмене закона о запрещении импорта рабов. Сторонники этих мер понимали, что шансов на успех в Конгрессе, но это их мало заботило, так как большинство из них были сепаратистами, выступавшими за особое южное государство, могущее принимать собственные законы. А тем временем они могли попытаться обойти федеральный закон

52 McCardell J. The Idea of a Southern Nation... P. 129—140; Skipper O. C. J. D. B. De Bow: Magazinst of the Old South. Athens (Ga.), 1958. P. 81—97; Wender H. Southern Commercial Conventions... P. 207, 225.

53 Potter D. Impending Crisis... P. 398—399; Wender H. Southern Commercial Conventions... P. 178, 213.

путем притока «подмастерьев» из Африки. Де Боу стал президентом основанного для этой цели Общества за африканскую рабочую силу. В 1858 году легислатура Луизианы санкционировала импорт «подмастерьев», однако сенат штата отклонил это решение⁵⁴.

Потерпев неудачу в своих попытках изменить закон, «пламенные ораторы» направили свои усилия на его нарушение. Самым известным случаем незаконной работорговли в 1850-х годах стал рейд судна «Уондерер», владельцем которого был Чарльз Ламар, представитель знаменитого и влиятельного семейства с Юга. Ламар организовал синдикат, снарядивший несколько судов в Африку за рабами. Одним из этих кораблей в 1858 году и был «Уондерер» — быстроходная яхта, принявшая на борт пять сотен африканцев. Четыреста выживших к моменту прибытия в Джорджию принесли Ламару колоссальный доход. Хотя федеральные власти узнали об этом и арестовали Ламара вместе с несколькими членами команды, жюри присяжных в Саванне оправдало всех. Члены большого жюри, вынесшие официальное обвинение Ламару, получили такую порцию критики от местной прессы, назвавшей их марионетками янки, что даже письменно отреклись от своих действий и сами выступили за отмену закона 1807 года, запрещавшего ввоз рабов из-за рубежа. «И дальше потворствовать нездоровым приступам фальшивой филантропии и помрачению рассудка фанатиков „высшего закона“, — негодовали члены жюри в отношении противников работорговли, — было бы слабостью и недалководидностью». Когда северяне выступили с критикой оправдания Ламара, одна южная газета осудила лицемерие янки: «В чем разница между несоблюдением янки закона о беглых рабах на Севере и южанином, нарушившим... закон о запрете ввоза рабов из Африки?» А Ламар снова купил «Уондерер» на публичном аукционе и продолжал свои работорговые экспедиции до Гражданской войны, на которой и погиб, командуя полком⁵⁵.

III

Те силы, которые ратовали за ввоз рабов из Африки, также хотели приобрести и больше территорий для их расселения. С этой целью многие южане поглядывали не на бесперспективные районы,

54 Исследование движения за возобновление торговли рабами с Африкой см.: *Takaki R. T. A Pro-Slavery Crusade: The Agitation to Reopen the African Slave Trade.* NY, 1971.

55 Цит. по: *Neivins A. Emergence.* I. 436; *Takaki R. T. Op. cit.* P. 220. Также см.: *Wells T. H. The Slave Ship Wanderer.* Athens (Ga.), 1967.

уже вошедшие в состав Соединенных Штатов, а на земли, лежавшие к югу от границы. На торговом съезде 1856 года некий делегат от Техаса провозгласил тост, на который собравшиеся откликнулись с энтузиазмом: «За Южную Республику, с границами по линии Мэйсона—Диксона на севере и по Теуантепекскому перешейку на юге, включая Кубу и другие земли, лежащие у наших южных берегов»⁵⁶.

Эта разновидность «явного предназначения» не была в 1856 году откровением. Восемь лет назад, сразу после того, как Сенат ратифицировал договор по приобретению Калифорнии и Нью-Мексико, президент Полк озвучил свою следующую цель: «Я решительно высказываюсь за приобретение Кубы и превращение ее в один из штатов Союза»⁵⁷. Эта идея особенно привлекала южан в качестве способа увеличить свое политическое влияние. «Жемчужина Вест-Индии, — писалось в одном проспекте сторонников аннексии, — с ее тринадцатью или пятнадцатью местами в Конгрессе могла бы стать мощным подспорьем для Юга». Считая Мексиканский залив «водоемом, принадлежащим Соединенным Штатам», сенатор Джефферсон Дэвис заявил в 1848 году: «Куба должна стать нашей», чтобы «увеличить число избирателей в рабовладельческих штатах»⁵⁸.

Полк поручил своему посланнику в Испании предложить 100 миллионов долларов за остров, но замысел остался нереализованным. Неуклюжие попытки американского посланника одновременно позабавили и разозлили испанские власти. Политик из Северной Каролины с невероятным именем Ромул Сондерс, этот посланник не владел никаким языком, кроме английского, «да и тот порой коверкал», по замечанию государственного секретаря Бьюкенена. Испанский министр иностранных дел ответил Сондерсу, что Испания «скорее предпочтет, чтобы остров затонул в океане», чем продаст его. В любом случае, представлялось невероятным, чтобы Конгресс с его большинством из вигов и сторонников «условия Уилмота» выделил средства на покупку территории, где жило почти полмиллиона рабов. Победа вигов на президентских выборах 1848 года до поры до времени положила конец официальным попыткам приобретения Кубы⁵⁹.

56 Wender H. Southern Commercial Conventions... P. 168.

57 The Diary of James K. Polk during His Presidency, 1845 to 1849. 4 vols. Chicago, 1910. III. P. 446.

58 Rauch B. American Interest in Cuba: 1848—1855. NY, 1948. P. 111; CG, 30 Cong., 1 Sess., Appendix, P. 599; May R. E. The Southern Dream of a Caribbean Empire 1854—1861. Baton Rouge, 1973. P. 11.

59 Rauch B. Op. cit. P. 48—100.

Неудача нисколько не удивила сторонников аннексии. В конце концов, Техас, Калифорния и Нью-Мексико были получены только в результате революции и войны: почему бы не применить такой же сценарий и в отношении Кубы? Эти взгляды разделял и колоритный, харизматичный кубинский авантюрист по имени Нарсисо Лопес, бежавший в 1848 году в Нью-Йорк после того, как испанские власти сорвали его замысел поднять мятеж среди кубинских плантаторов. Лопес сформировал целую армию из нескольких сотен джентльменов удачи, ветеранов Мексиканской войны и кубинских эмигрантов для вторжения на остров и предложил командование Джефферсону Дэвису. Сенатор отклонил предложение, но рекомендовал своего друга Роберта Ли, который, поразмыслив, тоже вежливо отказался. Тогда Лопес сам встал во главе отряда, однако в администрации Тейлора прознали об экспедиции и выслали военные корабли, перехватившие суда Лопеса и воспрепятствовавшие его отплытию в сентябре 1849 года.

Лопес не пал духом и приступил к организации новой экспедиции «флибустьеров». Считая северян слишком «робкими и медлительными» для такой авантюры, Лопес отправился из Нью-Йорка в Новый Орлеан, где планировал «положиться на храбрецов Запада и рыцарей Юга»⁶⁰. По дороге он остановился в Миссисипи, где предложил командование силами вторжения губернатору Джону Квитмену. Квитмен был ветераном Мексиканской войны, в которой дослужился до генерал-майора, и руководил штурмом Мехико. Истинный «пламенный оратор», сыпавший налево и направо угрозами сецессии во время кризиса 1850 года, Квитмен был польщен таким предложением, но не мог оставить свой пост. Вместо этого он помог Лопесу набрать солдат и найти средства на покупку оружия. Лопес также получал оружие и волонтеров из Луизианы. В мае 1850 года его отряд, состоявший из шестисот человек, отплыл из Нового Орлеана под аплодисменты восторженной толпы и молчаливое одобрение властей. Лопес высадился на северо-западном побережье Кубы, захватил город Карденас и сжег губернаторский особняк. Но предполагаемое восстание кубинских революционеров осталось мечтой. Когда испанские войска подошли к Карденасу, «флибустьеры» бежали на свое судно, которому удалось оторваться от военного

60 Цит. по: *Franklin J. H. The Militant South 1800—1861. Cambridge (Mass.), 1956. P. 105.*

корабля испанцев только около Ки-Уэста, где экспедиционный корпус был расформирован, не стяжав славы⁶¹.

Тем не менее на Нижнем Юге Лопеса ждал триумфальный прием. Десятки городов и обществ устраивали фейерверки, парады, банкеты, на которых в честь него произносились тосты. Сенаторы-южане требовали от государства покарать Испанию. «Мне нужна Куба, и я знаю, что рано или поздно она станет нашей», — возвестил второй сенатор от Миссисипи, коллега Джефферсона Дэвиса Альберт Галлатин Браун. Причем на этом он не остановился: «Мне нужны Тамаулипас, Сан-Луис-Потоси и еще один-два мексиканских штата! И нужны они мне по той же самой причине: там можно разбить плантации и завезти рабов». *Southern Standard* мыслила даже более глобально: «Заполучив Кубу и Санто-Доминго, мы сможем контролировать экономику тропических стран, а вместе с ними и мировую торговлю; как следствие, мы будем господствовать над миром». Действительно, отмечала *De Bow's Review*, «мы должны осуществить наше предназначение, „явное предначертание“, распространив наше влияние на всю Мексику, Южную Америку и Вест-Индию»⁶².

Администрация Закари Тейлора, пытавшаяся как раз в то время принять Калифорнию и Нью-Мексико в состав США как свободные штаты, осталась равнодушна к этой риторике. Правительство вынесло официальное обвинение в нарушении закона о нейтралитете Лопесу, Квитмену и некоторым другим южанам. Квитмен какое-то время угрожал использовать ополчение Миссисипи для защиты суверенитета штата от федеральных маршалов, но в конце концов смирился, ушел с поста губернатора и согласился быть взятым под стражу. В трех процессах, проходивших в Новом Орлеане, где фигурировал один и тот же обвиняемый (плантатор из Миссисипи), присяжные не пришли к единому решению, после чего федеральное правительство отказалось от обвинений всем прочим. Такой исход сопровождался торжествующими воплями: «Даже если свидетельство против Лопеса были бы в тысячу раз убедительней, — ликовала одна новоорлеанская газета, — то тогда невозможно было бы сфор-

61 *Urban Ch. S. New Orleans and the Cuban Question during the Lopez Expeditions of 1849—1851: A Local Study in 'Manifest Destiny' // Louisiana Historical Quarterly. 1939. 22. P. 1125; May R. E. John A. Quitman: Old South Crusader. Baton Rouge, 1985. P. 236—239.*

62 *May R. E. Southern Dream of a Caribbean Empire... P. 9; Carpenter J. T. The South as a Conscious Minority, 1789—1861. NY, 1930. P. 179; De Bow's Review. 1850. 9. P. 167.*

мировать коллегии присяжных, ибо закон формирует общественное мнение»⁶³.

Реабилитированные «флибустьеры» в 1851 году предприняли новую попытку. Командовал «полком» волонтеров-южан, состоявшим из 420 человек, Уильям Криттенден из Кентукки, племянник генерального прокурора. И снова власти новоорлеанского порта, сговорившись с «флибустьерами», позволили им 3 августа 1851 года отплыть на корабле, набитом оружием. Однако на этот раз испанские войска пребывали в полной боевой готовности, только что подавив преждевременное выступление местных жителей, намеревавшихся присоединиться к «флибустьерам». В нескольких боях испанцам удалось перебить две сотни волонтеров и захватить в плен остальных. Кубинские власти отправили 160 пленников в Испанию, публично удушили Лопеса в Гаване при помощи гарроты и, опять-таки публично, расстреляли пятьдесят американских пленных, включая Криттендена⁶⁴.

Когда эта новость достигла Нового Орлеана, жители его впали в буйство. Толпа разрушила испанское консульство и разграбила магазины, принадлежавшие испанцам. «Око за око! — провозвестила *New Orleans Courier*. — Отомстим за наших братьев! Захватим Кубу!»⁶⁵ Но администрация Филлмора, представшая в неприглядном свете из-за своего преступного бездействия, которое помешало ей остановить «флибустьеров» прежде, чем те достигли берегов Кубы, сконцентрировалась на успешных дипломатических маневрах по освобождению оказавшихся в Испании американских пленных.

Движение «флибустьеров» на какое-то время затихло, а экспансионисты сосредоточили свои усилия на избрании лояльной администрации на президентских выборах 1852 года. Ура-патриотический настрой многих энергичных членов Демократической партии, так называемых «молодых американцев», превратил Кубу в крупный козырь этой кампании⁶⁶. Впрочем, «молодые американцы» совсем не обязательно были южанами — выдающимся поборником их идей был, например, сенатор от Иллинойса Стивен Дуглас. Однако экспансионизм оставался преимущественно южной доктриной. «Желание

63 Цит. по: *Urban Ch. S.* Op. cit. P. 1132. Также см.: *May R. E.* *Quitman...* P. 240—252.

64 *Rauch B.* *American Interest in Cuba.* P. 151—163; *Brown Ch. H.* *Agents of Manifest Destiny: The Lives and Times of the Filibusters.* Chapel Hill, 1980. P. 67—88.

65 *Urban Ch. S.* *New Orleans and the Cuban Question...* // *Louisiana Historical Quarterly.* 1939. 22. P. 1159.

66 Подробнее об этих выборах см. в следующей главе.

видеть Кубу завоеванной южанами — практически единодушная мечта любого жителя Юга», — комментировал один наблюдатель. «Безопасность Юга может быть обеспечена только путем распространения некоторых его принципов», — замечал другой. Избрание президентом Франклина Пирса побудило «молодых американцев» жечь ритуальные костры и проводить факельные шествия, размахивая такими лозунгами, как «Плоды последней победы демократов: Пирс и Куба»⁶⁷.

Первые шаги Пирса удовлетворили приверженцев этой идеи. «Политика моей администрации не будет зависеть от дурных предчувствий насчет дальнейшей экспансии, — пообещал новый президент в своей инаугурационной речи. — Наше географическое положение оправдывает приобретение определенных территорий... исключительно важных для нашей безопасности... Наше будущее безгранично»⁶⁸. Кабинет Пирса и дипломатический корпус наводнили приверженцы «явного предначертания». Из всех новых фигур назначение Пьера Суле новым посланником в Испании являлось самым недвусмысленным доказательством намерений администрации. Уроженец Франции, республиканские убеждения которого привели к эмиграции в Луизиану в 1825 году, «горячая голова» Суле приветствовал революции 1848 года в Европе, которые должны были освободить континент от монархий, что вовсе не мешало ему поддерживать рейд «флибустьеров» на Кубу с целью включить остров в состав Союза в качестве рабовладельческого штата. В течение года по прибытии в Мадрид Суле всячески критиковал монархию, ранил на дуэли французского посла, выдвинул 48-часовой ультиматум (проигнорированный Испанией) из-за инцидента, произошедшего с американским судном в Гаване, и заигрывал с испанскими революционерами.

Несмотря на такое начало, единственным проявлением экспансионизма администрации Пирса стала так называемая «покупка Гадсдена», причем даже она в конечном виде не оправдала ожиданий южан. Сторонник строительства железных дорог из Южной Каролины Джеймс Гадсден был назначен посланником в Мексику с целью приобретения дополнительной территории для прокладки линии из Нового Орлеана к тихоокеанскому побережью. Янки из числа або-

67 Цит. по: *McCardell J. Idea of a Southern Nation...* P. 258 —259; *Brown Ch. H. Agents of Manifest Destiny...* P. 105.

68 *Messages and Papers of the Presidents*. 20 vols. Washington, 1897—1917. VII. P. 2731—2732.

лиционистов подозревали, что он также преследовал и другую цель: приобретение территории, которая впоследствии может стать новым рабовладельческим штатом. Возможно, они были правы. Первоначально Гадсен предлагал Санта-Анне до 50 миллионов долларов за без малого 250 тысяч квадратных миль территории Северной Мексики. Осторожный мексиканский лидер, как обычно, нуждался в деньгах, но не мог пойти на то, чтобы продать едва ли не треть того, что осталось от его страны. В конце концов Санта-Анна договорился с Гадсеном о продаже 55 тысяч квадратных миль за 15 миллионов долларов, однако северные сенаторы сократили смету до 9 миллионов, прежде чем северные демократы успели блокироваться с южными сенаторами и одобрить первоначальные цифры⁶⁹.

Усилия Гадсена были оттеснены на задний план очередным витком «кубинского вопроса». Полный решимости тем или иным способом завладеть островом, Пирс был осведомлен, что Испания в 1853 году, как и пять лет назад, не жаждет его продать. Сохранившиеся свидетельства позволяют установить, что администрация поэтому собиралась спровоцировать на Кубе поддержанную очередной «флибустьерской» экспедицией революцию по техасскому образцу. В инструкциях государственного секретаря в адрес Суле в Мадриде говорилось, что пока новая попытка выкупа Кубы является «несвоевременной», но Соединенные Штаты надеются, что жители острова «самостоятельно или при помощи извне освободятся от колониального гнета»⁷⁰. Есть предположения и о том, что Пирс в июле 1853 года лично встречался с Джоном Квитменом и побуждал того взять на себя командование отрядом «флибустьеров», на этот раз гораздо лучше укомплектованным и профинансированным. Квитмена не надо было долго упрощать: «Нас отодвинули... от государственной собственности, — заявил он. — Даже та часть Техаса, которая гарантированно должна была стать рабовладельческой, вырвана из нашего тела [благодаря разрешению пограничного спора в пользу Нью-Мексико]... Благословенные берега Тихого океана... отрезаны для тружеников Юга... Сейчас мы окружены как с запада, так и с севера». В общем, настало время «эффективного удара» по Кубе «по образу и подобию Техаса»⁷¹.

69 Garber P. N. The Gadsden Treaty. Philadelphia, 1923.

70 Diplomatic Correspondence of the United States: Inter-American Affairs, 1831—1860. 12 vols. Washington, 1932—1939. XI. P. 160—166.

71 Rauch B. American Interest in Cuba. P. 200—201; McCardell J. Idea of a Southern Nation... P. 256.

Видные деятели южан одобряли замысел Квитмена, его активно поддерживал губернатор Алабамы. Разнообразные техасские политические лидеры помогли снарядить экспедицию, которая, как и все прочие, должна была отправиться из Нового Орлеана. «Настало время действовать, — писал Александр Стивенс, конгрессмен от Джорджии, — пока Англия и Франция увязли» в Крымской войне и не могут вмешаться⁷². К весне 1854 года Квитмен набрал несколько тысяч волонтеров. Кубинские беженцы наладили контакты с революционными группами на самом острове, чтобы скоординировать подготовку к новому выступлению. Сенатор от Луизианы Джон Слайделл при поддержке других сенаторов-южан подготовил резолюцию, где требовал приостановить действие закона о нейтралитете. Сенатский комитет по международным отношениям готов был высказаться в пользу этой резолюции, когда в мае 1854 года администрация внезапно пошла на попятную и приказала Квитмену трубить отбой⁷³.

Что же произошло? Вероятно, администрация, употребившая все свое влияние на то, чтобы обеспечить принятие закона Канзас — Небраска, решила отмежеваться от другой акции рабовладельцев, которая могла раздробить северное крыло партии⁷⁴. «К сожалению, вопрос о Небраске подорвал влияние нашей партии в свободных штатах, — писал государственный секретарь Уильям Марси, — и лишил ее силы, которая была так нужна и которая могла быть с наибольшей выгодой использована в деле приобретения Кубы». 31 мая, всего день спустя после подписания закона Канзас — Небраска, Пирс обнародовал указ о запрете флибустьерства под страхом уголовного наказания за нарушение закона о нейтралитете⁷⁵.

Однако и это не положило конец попыткам овладеть Кубой. Решив в 1854 году воспользоваться плачевным финансовым положением испанского правительства, Пирс поручил Суле поднимать цену до 130 миллионов долларов за остров. Если Испания отвергнет такое предложение, Суле мог обратиться к «следующему надлежащему объекту, способному лишить испанскую колониальную империю данного острова». Что бы эта туманная инструкция ни значила,

72 *May R. E. Southern Dream of a Caribbean Empire...* P. 39.

73 *Rauch B. Op. cit.* P. 262—286; *Potter D. Impending Crisis...* P. 183—188; *May R. E. Op. cit.* P. 46—60; *Brown Ch. H. Agents of Manifest Destiny...* P. 109—123.

74 О законе Канзас — Небраска и его последствиях см. следующую главу.

75 *May R. E. Quitman...* P. 270—295; *May R. E. Southern Dream of a Caribbean Empire...* P. 60—67; *Brown Ch. H. Agents of Manifest Destiny...* P. 124—144.

но если администрация предполагала, что Суле будет действовать по тайным дипломатическим каналам, то она плохо знала своего посланника. В октябре 1854 года в бельгийском городе Остенде он встретился со своими коллегами Джеймсом Бьюкененом и Джоном Мэйсоном — посланниками в Великобритании и Франции. Импульсивному луизианцу удалось убедить обычно осторожного Бьюкенена, не говоря уже о наивном Мэйсоне, подписать меморандум, который стал известен как «Остендский манифест». «Куба настолько же необходима Соединенным Штатам, насколько и любой... из нынешних штатов», — говорилось в документе. Если Соединенные Штаты решат, что соображения их безопасности требуют овладения этой территорией, а Испания откажется продать ее, то тогда «согласно любому закону, человеческому или божественному, мы вправе будем отторгнуть Кубу от Испании»⁷⁶.

В своей обычной манере, Суле не смог скрыть встречу в Остенде от европейской прессы. Одной из американских газет также стали известны подробности «манифеста», и в ноябре 1854 года она выложила всю историю. Антирабовладельческие газеты осудили «позор и бесчестье» этого «бандитского манифеста», этого «разбойничьего клича хватать, грабить, убивать, богатеть на руинах провинций и тяжелом труде рабов»⁷⁷. Палата представителей в судебном порядке затребовала переписку и опубликовала ее. Оглушенная бумерангом закона Канзас — Небраска, вернувшегося в виде потерянных для партии 66 северных демократов из 91 на выборах 1854 года, потрясенная администрация отправила в отставку Суле и свернула все планы по овладению Кубой. Квитмен, несмотря ни на что, вынашивал планы новой «флибустьерской» экспедиции весной 1855 года. Пирсу, впрочем, удалось убедить его воздержаться от таковой; задачу президенту облегчила операция испанских войск в январе того же года, арестовавших и казнивших несколько кубинских революционеров — малоприятное напоминание о том, что могло бы ждать зачинщиков нового вторжения.

Тем временем внимание общества оказалось уже приковано к местам в сотнях миль к западу от Гаваны, где начинал свою головокругокарную карьеру, пожалуй, самый знаменитый и успешный «флибустьер» своего времени. Родившийся в 1824 году в Нашвилле Уильям Уокер поначалу не выказывал той жажды власти, которая

76 Diplomatic Correspondence. XI. P. 175—178, 193—194.

77 Potter D. Impending Crisis. P. 192; Nevins A. Ordeal. II. P. 362.

снедала его изнутри. Застенчивый, молчаливый, скрытный, рыже-волосый, весь покрытый веснушками, Уокер, имевший всего 160 сантиметров роста и около 60 килограммов веса, выделялся горящими, пронзительными серо-зелеными глазами. С отличием окончив в четырнадцать лет Университет Нашвилла, этот непоседливый вундеркинд отправился изучать медицину в Европу, в девятнадцать лет получил степень доктора медицины в Университете Пенсильвании, однако практиковал мало, так как переехал в Новый Орлеан изучать юриспруденцию. После недолгой карьеры на поприще юриста Уокер стал журналистом, редактором *New Orleans Crescent*⁷⁸.

В 1849 году Уокер влился в поток переселенцев в Калифорнию, но его мятежный дух не нашел успокоения в «Золотом штате». В ипостаси журналиста он выступал против роста преступности и помог организовать «комитет бдительности» в Сан-Франциско, участвовал в трех дуэлях и дважды был ранен. В 1853 году Уокер, наконец, нашел свое призвание. Во главе сорока пяти хорошо вооруженных авантюристов он отплыл из Сан-Франциско для «колонизации» Нижней Калифорнии и Соноры. Его целью было покорить апачей, донести блага американской цивилизации и англо-саксонской деловитости до дремучих мексиканских провинций и, при случае, пожить месторождениями золота и серебра в Соноре.

Эта экспедиция к югу от границ Соединенных Штатов была далеко не первой и не последней в ряду многих пиратских рейдов в те бурные годы после Мексиканской войны. Хроническая нестабильность и постоянные перевороты в мексиканском правительстве породили настоящий вакуум власти, которым время от времени пользовались племенные вожди и американские проходимцы, устраивавшие беспокойную жизнь на границе. Люди Уокера поначалу достигли больших успехов, чем большинство подобных авантюристов. Его «флибустьеры» захватили Ла-Пас, тихую столицу Нижней Калифорнии. Уокер провозгласил себя президентом новоявленной республики и приступил к аннексии Соноры, впрочем, даже не показавшись в этой гораздо более богатой провинции. Его решительные действия привлекли многих добровольцев из Калифорнии. Отряд Уокера, состоящий из плохо вооруженных и неопытных в военном

78 Этот и следующий абзацы о карьере Уокера основаны главным образом на: Scroggs W. O. *Filibusters and Financiers: The Story of William Walker and His Associates*. NY, 1916; Carr A. Z. *The World and William Walker*. NY, 1963; Rosengarten F. *Freebooters Must Die! The Life and Death of William Walker*. Wayne (Pa.), 1976; Brown Ch. H. *Agents of Manifest Destiny...*

отношении сорвиголов-золотоискателей, перешел Скалистые горы, переправился через реку Колорадо и вторгся в Сонору. Пятьдесят членов отряда, умиравшие от голода и поднявшие бунт, дезертировали, а остальные разбежались ввиду превосходящих сил противника, потеряв несколько человек убитыми. Тридцать четыре уцелевших «бойца» во главе с Уокером бежали через границу и в мае 1854 года сдались американским властям в Сан-Диего. Многие жители Сан-Франциско приветствовали его как героя, однако Уокер все же предстал перед судом, обвиняемый в нарушении закона о нейтралитете; впрочем, чтобы оправдать его, присяжным потребовалось всего лишь восемь минут.

Эта экспедиция в Сонору оказалась лишь увертюрой. Внимание американцев в 1850-х годах было приковано к центральноамериканскому перешейку, своего рода сухопутному мосту между Атлантическим и Тихим океанами. Канал, прорытый в этих джунглях, на несколько недель сократил бы путь от Калифорнии до восточного побережья Соединенных Штатов. Никарагуа представлялась самым оптимальным маршрутом канала, однако работы грозили оказаться слишком трудоемкими и дорогостоящими. Тем временем нью-йоркский транспортный магнат Корнелиус Вандербилт учредил «Вспомогательную транзитную компанию» для перевозки пассажиров и грузов между Нью-Йорком и Сан-Франциско через Никарагуа. Привлеченные тропическим климатом и возможностями выращивания фруктов, хлопка, сахара и кофе, другие американские инвесторы тоже стремились нагреть руки на этом регионе. Однако климат политический препятствовал инвестициям. Никарагуа прошла сквозь череду революций — за шесть лет там сменилось пятнадцать президентов. Словом, искушение послать туда «флибустьерскую» экспедицию было слишком велико, и кто как не Уильям Уокер вызвался возглавить ее.

В 1854 году Уокер подписал соглашение с одной из противоборствующих сторон в Никарагуа, и в мае следующего года отплыл из Сан-Франциско в сопровождении 57 человек. Поскольку Великобритания поддерживала другую сторону и напряженность в ее отношениях с Соединенными Штатами в последние годы возросла, правительство США смотрело на отъезд экспедиции Уокера сквозь пальцы. Пользуясь финансовой поддержкой компании Вандербилта, «флибустьеры» Уокера и их союзники из числа повстанцев нанесли поражение «легитимистам» и установили над страной контроль. Уокер назначил себя главнокомандующим никарагуанской армии, и многие американцы потянулись в эту страну: к весне 1856 года

туда въехало две тысячи человек. Президент Пирс признал правительство Уокера в мае того же года.

Хотя и сам Уокер, и добрая половина его отряда были южанами, вся авантюра пока осуществлялась не в интересах Юга. Однако к середине 1856 года вектор начал меняться. Если северная пресса заклеймила Уокера как пирата, то южные газеты восхваляли человека, совершающего «правое дело... которое, по сути, является нашим делом». В 1856 году национальный конвент демократов одобрил пункт (предложенный не кем иным как Пьером Суле), приветствующий «господство Соединенных Штатов в Мексиканском заливе»⁷⁹. Сторонники распространения рабства признали пригодность этого региона для ведения плантационного хозяйства. Действительно, Центральная Америка предлагала даже больше привлекательных возможностей, чем Куба. Ее креольское рассредоточенное население и слабые, нестабильные правительства делали регион легкой добычей⁸⁰. В центральноамериканских республиках рабство было упразднено примерно двадцатью годами ранее, но это было преимуществом, так как позволяло южанам заводить там хозяйства, не опасаясь конкуренции со стороны местных плантаторов. «Варварские народы никогда не смогут стать цивилизованными без благотворного для них периода обучения, который принесет рабовладение», — говорилось в одной новоорлеанской газете, приветствовавшей эмиграцию южан в управляемую Уокером Никарагуа. «Обязанность и прерогатива мудрых — наставление и управление невежественными народами... посредством рабства. Чем скорее цивилизованный человек осознает эту свою обязанность и право, тем скорее проявится истинный прогресс цивилизации»⁸¹.

В течение одного только 1856 года сотни будущих плантаторов получили земельные наделы в Никарагуа. Сам Пьер Суле прибыл в столицу к Уокеру и договорился о предоставлении тому займа от новоорлеанских банкиров. «Сероглазому солдату судьбы», как пресса теперь величала Уокера, подобная помощь была нужна. Его правительство испытывало трудности — другие центральноамериканские государства объединились, чтобы его свергнуть. Их поддерживал Корнелиус Вандербилт, отвернувшийся от Уокера после того, как тот

79 Цит. по: *Franklin J. H. Militant South*. P. 120; *Schlesinger A. M. History of American Presidential Elections*. II. P. 1039.

80 Население Никарагуа в 1850-х годах составляло двенадцатую часть нынешнего.

81 Цит. по: *Urban Ch. S. The Ideology of Southern Imperialism // Louisiana Historical Quarterly*. 1956. 39. P. 66.

примкнул к группе противников Вандербилта во «Вспомогательной транзитной компании». Президент Никарагуа перешел на сторону врага, после чего Уокер в июле 1856 года провозгласил президентом себя, но администрация Пирса отказалась его признать. Понимая, что поддержка южан является его единственным ресурсом, Уокер решил, как говорил впоследствии, «связать воедино южные штаты и Никарагуа, как будто та является одним из них». 22 сентября 1856 года он отменил никарагуанский указ об освобождении рабов и вновь легализовал рабство⁸².

Этот рискованный шаг принес Уокеру еще большее признание южан. По словам одной газеты, «ни одно событие на земле» не было столь важным для Юга, как указ Уокера. По словам другой: «Во имя всей белой расы он отдает Никарагуа вам и вашим рабам, и это в то время, когда на этом свете у вас, казалось, уже нет единомышленников». Торговый съезд в Саванне выразил энтузиазм по поводу «усилий по цивилизации центральноамериканских государств и обустройства этого богатого и эффективного региона путем подневольного труда»⁸³. Зимой 1856—1857 годов несколько кораблей с добровольцами, готовыми сражаться на стороне Уокера, отплыли из Нового Орлеана и Сан-Франциско. Однако этого было недостаточно. Некоторые из них по приезде в Никарагуа умерли от эпидемии холеры, нанесшей армии Уокера урон не меньший, чем войска Центральноамериканского альянса, разгромившие ее в битве. 1 мая 1857 года Уокер и его уцелевшие сторонники сдались командующему американским флотом, чей корабль увез их назад в Новый Орлеан. Позади они оставили тысячу американцев, погибших в боях и умерших от болезней.

Однако дело на этом не закончилось, наоборот, на Юге все только начиналось. Возвращение Уокера получилось триумфальным. Жители открывали свои сердца (и кошельки) «сероглазому солдату судьбы», по мере того как он ездил по штатам, собирая добровольцев и выискивая средства на новый рейд. В ноябре 1857 года Уокер отправился из Мобила в свой второй поход на Никарагуа, однако военные корабли Соединенных Штатов догнали его и вернули на берег. Южные газеты зашлись в ярости от такой «узурпации власти» моряками. Александр Стивенс угрожал командиру эскадры,

82 Walker W. The War in Nicaragua. NY, 1860. P. 263.

83 May R. E. Southern Dream of a Caribbean Empire... P. 108—109; Russel R. R. Economic Aspects of Southern Sectionalism. P. 140.

задержавшей Уокера, трибуналом. Два десятка южных сенаторов и членов Палаты представителей отразили это событие в неслыханных по накалу дебатах в Конгрессе. «Еще никто не наносил правам южных штатов, — говорил представитель Теннесси, — больший урон, чем нанес commodor Полдинг, своевольно поступив по отношению к нашим людям». А действия правительства показали, что президент Бьюкенен всего лишь один из янки, желающих «ограничить распространение рабства южными штатами». В мае 1858 года в Новом Орлеане коллегия присяжных оправдала Уокера, обвиненного в нарушении закона о нейтралитете, десятью голосами против двух⁸⁴.

Такая демонстрация поддержки привела Уокера к мысли подготовить еще одно вторжение в Никарагуа. Второй его вояж по Нижнему Югу вызвал едва ли не патологический энтузиазм тех, кто чувствовал себя в состоянии схватки, причем смертельной схватки, с угнетателями-янки. В одном из городов Уокер обратился «к матерям Миссисипи, чтобы они призвали своих сыновей надеть доспехи и идти сражаться за устои и честь Солнечного Юга»⁸⁵. Сыновья Миссисипи ответили на призыв. Третья экспедиция Уокера отправилась из Мобила в декабре 1858 года, но корабль налетел на риф и затонул в шестидесяти милях от центральноамериканского побережья. Несмотря на унижительное возвращение в Мобил на подобрывшем их британском корабле, «флибустьеров», как всегда, ждал восторженный прием.

Однако Уокер начал повторяться. Когда он вновь отправился по южным штатам за поддержкой для четвертой экспедиции, толпы уже не были такими большими. Также Уокер написал книгу о своих никарагуанских похождениях, в которой призывал молодых южан «откликнуться на зов чести»⁸⁶. Но откликнулись немногие. Девяносто семь «флибустьеров» небольшими группами отправились в Гондурас, где рассчитывали найти поддержку для нового вторжения в Никарагуа. Вместо этого они столкнулись с враждебным к себе отношением и потерпели фиаско. Уокер сдался капитану британского флота, рассчитывая, что его, как обычно, отправят в Соединенные Штаты, но капитан внезапно передал его местным властям, и 12 сентября 1860 года сероглазый солдат встретил свою судьбу в лице гондурасской расстрельной команды.

84 CG, 35 Cong., 1 Sess., P. 562; *May R. E. Southern Dream of a Caribbean Empire...* P. 113—126.

85 Цит. по: *Rainwater P. L. Economic Benefits of Secession: Opinions in Mississippi in the 1850-s // JSH. 1935. 1. P. 462.*

86 *Walker W. The War in Nicaragua. P. 278.*

Наследие его продолжало жить, причем не только в отношении жителей Центральной Америки к гринго, но и в отношении жителей Соединенных Штатов к раздиравшему страну конфликту Севера и Юга. Когда сенатор Джон Криттенден предложил разрешить ведущий к сецессии кризис, восстановив старую разграничительную линию между свободными и рабовладельческими штатами по 36° 30' с.ш. для всех территорий, «находящихся в составе США ныне и приобретенных впоследствии», Авраам Линкольн и его сторонники отвергли предложение под предлогом того, что это «приведет к постоянному состоянию войны против каждой нации, каждого племени и государства, владеющих хоть клочком земли между нашей границей и Огненной Землей»⁸⁷.

И это было не таким уж преувеличением. Начав 1850-е годы с призыва защитить права южных штатов путем диверсификации экономики, многие южане пришли к выводу об особенном пути южного предпринимательства: превращении рабовладельческого уклада в «тропическую империю» под контролем Юга. Эта мысль была темой опубликованной в 1859 году книги виргинского журналиста и будущего историка Конфедерации Эдварда Полларда. Поллард писал: «Путь нашей цивилизации на этом континенте лежит... в тропическую Америку, [где] мы можем построить такую могущественную и великолепную империю, какую мы до сих пор только рисовали в воображении... империю, демонстрирующую замечательные достижения южной цивилизации... контролирующую два основных продукта мировой торговли: хлопок и сахар... Путь цивилизации Юга должен завершиться в сиянии славы более яркой, чем слава минувших дней»⁸⁸.

Другой виргинец, Джордж Бикли, придал этой мечте практический характер, основав в середине 1850-х годов общество «Рыцарей золотого круга», имевшее целью расширение «золотого круга» рабовладельческих штатов от юга США через Мексику и Центральную Америку к границам Южной Америки, захватывающего на обратном пути Вест-Индию и замыкающегося в Ки-Уэсте. «Дополнив этим „кругом“ либо... Союз, либо Южную Конфедерацию, — писал Бикли в 1860 году, — мы сосредоточим в своих руках хлопок, табак, сахар, кофе, рис, кукурузу и чай всего континента, равно как и величайшие в мире запасы горных богатств»⁸⁹.

87 CG, 36 Cong., 2 Sess., P. 651.

88 Pollard E. Black Diamonds. NY, 1859. P. 52—53, 108—109.

89 May R. E. Southern Dream of a Caribbean Empire... P. 150.

Таким образом, «империя свободы» Томаса Джефферсона к 1860 году видоизменилась согласно желанию конгрессмена от Миссисипи Ламара «засеять семенами американской свободы, основанной на институтах Юга, каждый дюйм американской земли»⁹⁰. Но ажиотаж вокруг идеи высадить американскую свободу в виде рабовладения на землях по Мексиканскому заливу отошел на задний план из-за противоречий, вызванных попыткой укоренить ее в Канзасе.

90 CG, 35 Cong., 1 Sess. P. 279.

4.

Рабство, пьянство и папизм

I

1852 год оказался последним, когда партия вигов принимала участие в президентских выборах. Усилия Милларда Филлмора по превращению в жизнь закона о беглых рабах обеспечили ему на выборах поддержку южных вигов. При этом от президента отвернулись виги северные, особенно фракция Сьюарда в Нью-Йорке — родном штате Филлмора. Сьюард высказался в пользу кандидатуры Уинфилда Скотта, уроженца Виргинии, не являвшегося, однако, рабовладельцем. Предвыборный конвент вигов представлял собой любопытное зрелище: большинство южных делегатов поддерживало северянина и наоборот — многие из тех, кто выступал против войны четыре года назад, вновь отстаивали кандидатуру генерала, приведшего американские войска к победе в войне, которой эти самые виги и противостояли. Ход конвента лишь усилил впечатление кризиса в партии. Южане получили достаточную поддержку со стороны умеренных северян по вопросу о «примирении» с Компромиссом 1850 года «как с принципиальным и достаточным решением опасного и будоражащего общество» вопроса о рабстве. Все голоса против этого положения принадлежали северным вигам — половине сторонников Скотта из числа делегатов. Пятьдесят два раунда голосования по кандидату в президенты показали, что делегаты-янки составляют 95% сторонников Скотта, а южане — 85% сторонников Филлмора. Перед

53-м раундом десяток умеренных южан перешел на сторону Скотта, что обеспечило тому победу¹.

Такой исход привел многих южных вигов в смятение. Подозревая Сьюарда в организации победы Скотта, они опасались повторения ситуации с Тэйлором, а когда в своем «признательном меморандуме» Скотт лишь осторожно одобрил платформу партии, они укрепились в этой мысли. «Если мы поддержим его, — писал представитель Северной Каролины, — то, скорее всего, окажемся в обозе армии аболиционистов». Девять конгрессменов из числа южных вигов во главе с Александром Стивенсом объявили о своем отказе поддерживать Скотта. По мере развертывания предвыборной кампании ренегатство южных вигов стало массовым. В день выборов Скотт получил 35% голосов избирателей в штатах Нижнего Юга (по сравнению с 50% голосов за Тэйлора четыремья годами ранее), из всех пятнадцати рабовладельческих штатов победив лишь в Кентукки и Теннесси. В одиннадцати штатах будущей Конфедерации вигам в 1852—1853 годах не удалось провести своих ставленников на пост губернатора, из 65 конгрессменов их было всего 14; они контролировали легислатуру только одного штата (Теннесси). Для Нижнего Юга слова Александра Стивенса о том, что «партия вигов умерла», преувеличением не являлись².

Переход южных вигов к демократам облегчался все возрастающей симпатией северных демократов к Югу. Даже возвращение «поджигателей амбаров» под знамена демократической партии не стало помехой этому процессу. Национальный конвент демократов принял не менее трех резолюций, где партия клялась в верности пунктам Компромисса 1850 года и признавала, что «у Конгресса нет полномочий... вмешиваться в вопросы, касающиеся рабства», кроме, естественно, помощи хозяевам рабов в розыске беглецов³. Благодаря существовавшему в партии правилу, согласно которому для выдвижения кандидата в президенты требовалось $\frac{2}{3}$ голосов, делегатам-южанам удалось заблокировать выдвижение Льюиса Касса и Стивена Дугласа, чья теория «народного суверенитета» вызывала подозрения. Однако южане не могли выдвинуть и собственного кандидата, стоворчивого Джеймса Бьюкенена. После 48 раундов голосования демократы оказались в таком же тупике, как и виги. В 49-м

1 Potter D. *Impending Crisis...* P. 232—233; Nichols R., Nichols J. *Election of 1852 // History of American Presidential Elections 1789—1968*. 4 vols. NY, 1971. II. P. 943—944.

2 Cooper W. J. *The South and the Politics of Slavery 1828—1856*. Baton Rouge, 1978. P. 330, 343.

3 Schlesinger A. M. *Op. cit.* II. P. 952.

они наконец выдвинули своего кандидата — им стал Франклин Пирс, «темная лошадка» из Нью-Хэмпшира, бывший сенатор и ветеран Мексиканской войны, политик, приемлемый для всех фракций, к тому же лояльно относившийся к рабству, несмотря на происхождение из среды янки. Альберт Браун из Миссисипи считал Пирса «таким же надежным, как и сам Кэлхун», а некий «пламенный оратор» из Южной Каролины говорил, что «о лучшей кандидатуре для Юга невозможно было и мечтать». Демократы, пойдя на выборы более консолидированными, чем когда-либо, начиная с эпохи Джексона, одержали победу за явным преимуществом⁴.

Пирс оправдал ожидания южан. Хотя его попытки приобретения Кубы провалились, администрация неукоснительно соблюдала закон о беглых рабах и открыла оставшиеся после «Луизианской покупки» территории к северу от 36° 30' с.ш. для рабовладения. Однако ценой этого стало сотрясение устоев внутренней политики, структуры демократической партии и, в конце концов, самого Союза.

В марте 1854 года некий Энтони Бернс сбежал от хозяина в Виргинии и пробрался на корабль, шедший в Бостон. Там он устроился работать в магазине одежды. Однако умевший писать Бернс допустил ошибку, послав письмо своему брату, который оставался рабом. Перехватив это письмо, хозяин Бернса узнал о его местонахождении и отправился на Север за своей собственностью. 24 мая помощник маршала арестовал Бернса и доставил его под усиленной охраной в здание федерального суда. В дело вмешался комитет бдительности, субсидировавший митинг в Фэнл-Холле⁵ и объявивший, что «сопротивление тирании есть подчинение Господу». Подкрепив слово делом, группа черных и белых аболиционистов, возглавляемая тридцатилетним проповедником-унитарием Томасом Уэнтвортом Хиггинсоном, попыталась освободить Бернса, напав на здание суда с топорами, револьверами и используя таран. Хиггинсон и один

4 Цит. по: Cooper W. J. The South and the Politics of Slavery. P. 334. В дополнение к победе во всех, кроме двух, рабовладельческих штатах Пирс победил и во всех северных, за исключением Вермонта и Массачусетса, хотя и должен был проиграть в Огайо и Коннектикуте, не отбери фрисойлеры у Скотта голоса вигов — противников рабства. После возвращения «поджигателей амбаров» в лоно демократической партии доля голосов, отданных за фрисойлеров на Севере, упала до 6%. Пирс получил 51% голосов избирателей против 44% у Скотта. Демократы также контролировали Конгресс, имея свыше $\frac{2}{3}$ голосов в Палате представителей и почти $\frac{2}{3}$ — в Сенате.

5 Здание, где во время Войны за независимость проводились антибританские собрания, прозванное за это «колыбелью свободы». — Прим. пер.

чернокожий ворвались в зал, но были вытеснены оттуда помощниками маршала. В этот момент раздался выстрел, один из помощников упал мертвым.

Пирс, к которому обратились за помощью, направил несколько отрядов морской пехоты, кавалерии и артиллерии к Бостону, где они присоединились к милиции штата и местной полиции, чтобы охранять покой на улицах, пока федеральный уполномоченный решал судьбу Бернса. Пирс телеграфировал окружному прокурору: «Не останавливайтесь перед любыми расходами, чтобы обеспечить исполнение закона». Также президент отдал приказ таможенному кораблю быть готовым отвезти Бернса назад, в Виргинию. Сознывая всю тщетность своих усилий, юристы комитета бдительности, тем не менее, пытались использовать любую зацепку, пока жители Бостона собирали деньги, чтобы выкупить Бернса из рабства. Его хозяин не возражал, однако генеральный прокурор Соединенных Штатов отказался санкционировать такое действие. Чтобы соблюсти закон, он довел дело до логического завершения. 2 июня войска отконвоировали Бернса к пристани, проведя его по улицам, заполненным мрачными янки. Бостонцы стояли около зданий, обтянутых черным крепом, американские флаги на них были перевернуты вверх ногами, а церковные колокола пели панихиду свободе в колыбели американской революции. Потратив 100 тысяч долларов (что примерно равно двум миллионам по состоянию на 1987 год), администрация Пирса восстановила главенство закона⁶.

Эти события получили широкую негативную огласку. «Когда все закончилось и я остался в конторе один, — писал вполне консервативно до того настроенный виг, — я закрыл лицо руками и зарыдал. Больше я ничего не мог сделать». А текстильный магнат Амос Лоуренс заявил: «Тем вечером мы ложились спать старомодными, консервативными вигами, сторонниками Союза и Компромисса, а поутру проснулись неистовыми аболиционистами»⁷. Федеральное большое жюри предъявило обвинение Хиггинсону, Теодору Паркеру,

6 Pease J. H., Pease W. H. *The Fugitive Slave Law and Anthony Burns*. Philadelphia, 1975; Campbell S. W. *The Slave Catchers: Enforcement of the Fugitive Slave Law 1850—1860*. NY, 1970. P. 124—132; Foner Ph. S. *History of Black Americans from the Compromise of 1850 to the End of the Civil War*. Westport (Conn.), 1983. P. 69—77; Edelstein T.G. *Strange Enthusiasm: A Life of Thomas Wentworth Higginson*. New Haven, 1968. P. 155—161. Год спустя бостонский комитет все же выкупил Бернса из рабства. Он какое-то время посещал Оберлин-колледж, а потом эмигрировал в Канаду, где и умер в 1862 г.

7 Цит. по: Pease J. H., Pease W. H. *The Fugitive Slave Law and Anthony Burns*. P. 43.

Уэнделлу Филлипсу и четырем другим черным и белым аболиционистам в мятеже и подстрекательстве к мятежу. После того как окружной судья по формальным основаниям аннулировал первое обвинение, правительство отказалось от дальнейших действий, осознав невозможность выиграть дело в суде присяжных на территории Массачусетса. Уильям Ллойд Гаррисон 4 июля публично сжег текст Конституции, а тысячи собравшихся произнесли: «Аминь!» такому осуждению этого документа как договора со смертью. Штаты Новой Англии приняли новые законы о личной свободе, которые серьезно противоречили федеральному законодательству⁸.

В Огайо, Мичигане и Висконсине также были приняты более последовательные законы о личной свободе после инцидентов с беглыми рабами. Самый леденящий душу случай произошел с Маргарет Гарнер, в январе 1856 года бежавшей с мужем и четырьмя детьми из Кентукки в Огайо. Когда их настиг посланный для поимки отряд, Маргарет схватила кухонный нож, перерезала горло одной из своих дочерей и попыталась убить остальных, чтобы только те снова не попали в лапы рабовладельцев. Юристы из Огайо требовали проведения суда над Гарнер по расследованию обстоятельств убийства, однако федеральный судья отклонил требования властей штата и приказал отправить Гарнеров обратно к их хозяину. Этот достойный джентльмен быстро продал их в Новый Орлеан. По пути туда один из оставшихся детей Маргарет получил то «освобождение», которое она желала для него, — он утонул во время кораблекрушения⁹.

Еще большую воинственность северян, чем проблема беглых рабов, вызвал закон Канзас — Небраска, принятый Конгрессом в мае 1854 года. Появившийся в одно время с делом Энтони Бернса, этот закон может быть назван самым важным единичным событием, которое подтолкнуло нацию к Гражданской войне. Закон Канзас — Небраска положил конец существованию партии вигов и послужил причиной формирования новой, уже полностью «северной» Республиканской партии.

Истоки появления закона Канзас — Небраска лежали в том же самом импульсе, который побуждал еще первых американских колонистов двигаться на запад. Неугомонные поселенцы и скупщики земли начали присматриваться к плодородным почвам долин рек

8 *Morris T. D. Free Men All: The Personal Liberty Laws of the North 1780—1861.* Baltimore, 1974. P. 219—220; *Campbell S. W. The Slave Catchers...* P. 202—206.

9 *Foner Ph. S. History of Black Americans...* P. 87—91; *Campbell S. W. Op. cit.* P. 244—247.

Канзас и Платт. Кроме того, к 1852 году умами предпринимателей, политиков и обитателей фронта овладела идея прокладки транс-континентальной железной дороги, проходящей через этот регион. Но пока правительство не вынудило индейцев уступить земли и не создало здесь территорию, регион был недоступен для освоения и заселения фермерами. Все говорят о железной дороге в Калифорнию, брызжал конгрессмен от Миссури, но «как, черт возьми, построить эту дорогу, если не позволить людям заселить земли, по которым она пройдет?»¹⁰. Южане не спешили осваивать эту зону, так как она лежала к северу от 36° 30' с.ш., где рабовладение, согласно Миссурийскому компромиссу, было запрещено. Кроме того, они вынашивали план южной ветки тихоокеанской железной дороги, начинающейся от Нового Орлеана и проходящей через уже созданную территорию Нью-Мексико.

В тот момент главами комитетов по территориям Палаты представителей и Сената были соответственно два демократа из Иллинойса: Уильям Ричардсон и Стивен Дуглас. Оба были «молодыми американцами», сторонниками «явного предназначения» и расширения страны на запад. Крупный владелец чикагской недвижимости Дуглас увеличил цену своей собственности, получив землеотвод для строительства железной дороги из Чикаго в Мобил. В 1853 году Дуглас и Ричардсон, желая скорее всего повторить этот сценарий для дороги из Чикаго до Сан-Франциско, предложили законопроект об организации территории Небраска на большей части оставшихся от «Луизианской покупки» земель к северу от 36° 30' с.ш. Палата представителей быстро приняла этот проект, но оппозиция в лице сенаторов-южан в марте 1853 года отложила его рассмотрение на более поздний срок. Для превращения законопроекта в закон Дугласу нужна была поддержка по меньшей мере шести южных сенаторов, и те недвусмысленно назвали ему цену вопроса¹¹.

10 CG, 32 Cong., 2 Sess. P. 560.

11 Об обстоятельствах появления закона Канзас — Небраска написаны объемные и спорные труды. Полезное резюме значительного их числа см.: *Nichols R. F. The Kansas-Nebraska Act: A Century of Historiography // MVHR. 1956. 43. P. 187—212.* Также см.: *Potter D. Impending Crisis... P. 145—176. Nevins A. Ordeal. II. P. 88—121; Jaffa H. V. Crisis of the House Divided: An Interpretation of the Lincoln-Douglas Debates. Garden City (NY), 1959. P. 104—180; Johannsen R. W. Stephen A. Douglas. NY, 1973. P. 374—434; Nichols R. F. Franklin Pierce. Philadelphia, 1958. P. 319—324; Rawley J. A. Race and Politics: „Bleeding Kansas” and the Coming of the Civil War. Philadelphia, 1969. P. 21—57; Fehrenbacher D. E. The Dred Scott Case: Its Significance in American Law and Politics. NY, 1978. P. 178—187.*

Самой могущественной группировкой в Сенате был квартет южан, проживавших в одном доме на Эф-стрит. «Однокашниками с Эф-стрит», как они себя называли, были сенаторы от Виргинии Джеймс Мэйсон и Роберт Хантер, сенатор от Южной Каролины Эндрю Батлер и сенатор от Миссури Дэвид Атчисон — главы комитетов по международным, финансовым и юридическим вопросам и исполняющий обязанности председателя Сената соответственно. Последнюю должность занимал Атчисон, и именно он заменил бы Пирса, случись что с президентом, так как вице-президент умер уже на втором месяце пребывания в должности. Несдержанный, грубый и агрессивный Атчисон был наиболее откровенным защитником прав Юга в Сенате. Его избиратели-рабовладельцы противились появлению территории Небраска, так как в этом случае Миссури «окажется в окружении свободных территорий... С посланцами аболиционистов вокруг... наш вид собственности будет подвергаться опасности». Атчисон перед голосованием по превращению Небраски в свободную от рабства территорию заявил, что лучше бы та «провалилась в преисподнюю». Мы должны «распространить на эту территорию существующий в Миссури уклад, — говорилось в речи Атчисона на одном из собраний, — любой ценой, кровью или подкупом». Дуглас получил намек от «однокашников с Эф-стрит»: если он хочет получить Небраску, то должен отменить там запрет на рабовладение и «уравнять в правах рабовладельца и противника рабства»¹².

Дуглас понимал, что такие действия «вызовут настоящую бурю» на Севере. Поэтому поначалу он решил обойти Миссурийский компромисс, вместо того чтобы отменять его. Его первоначальный вариант закона о Небраске в январе 1854 года воспроизводил терминологию законодательства по Юте и Нью-Мексико, принятого четырьмя годами ранее. В этом варианте Небраске предлагалось при присоединении в качестве штата или штатов вступить «свободным или рабовладельческим штатом, как то будет провозглашено ее конституцией»¹³. Однако это южан не устраивало. Если бы положения Миссурийского компромисса сохраняли силу в период существования Небраски как территории, рабовладение никогда бы не закрепилось в ней. Атчисон усилил давление, после чего Дуглас обнаружил, что «канцелярская ошибка» привела к исчезновению из законопроекта

12 Цит. по: Nevins A. Ordeal. II. P. 92—93; Rawley J. A. Op. cit. P. 28.

13 CG, 33 Cong., 2 Sess. P. 115.

пункта о том, что «все вопросы, относящиеся к распространению рабства на территориях... должны решаться жителями этих территорий»¹⁴. Но это по-прежнему было не то, что нужно, так как Миссурийский компромисс продолжал существовать, несмотря на застенчивое игнорирование подобного положения. Поэтому Дуглас сделал ход конем. Он добавил пункт об отмене запрещения рабства к северу от 36° 30' с.ш. Более того, новый вариант законопроекта предусматривал создание сразу двух территорий: Небраски к западу от Айовы и Канзаса к западу от Миссури. По всему выходило, что Канзас впоследствии должен был стать рабовладельческим штатом, а Небраска — свободным, в частности потому, что климат и почва восточного Канзаса были сходны с условиями бассейна реки Миссури, где было сосредоточено большинство рабов одноименного штата.

Это действительно спровоцировало настоящую бурю, по сравнению с которой дебаты 1850 года казались легким ветерком. Первый гром грянул из отнюдь не небесной канцелярии Пирса. Президента пугали политические последствия отказа от договора, треть века определявшего развитие нации. За исключением военного и военно-морского министров Джефферсона Дэвиса и Джеймса Доббина, кабинет высказался против отмены закона. Администрация предложила неопределенную альтернативу, согласно которой вопрос о рабстве на территориях передавался в компетенцию Верховного суда, однако такая мера не устроила «однокашников с Эф-стрит». С помощью Дэвиса и Дугласа в воскресенье (по воскресеньям Пирс предпочитал не заниматься делами) 22 января они прибыли в Белый дом и поставили президенту ультиматум: либо он одобряет отмену Миссурийского компромисса, либо теряет Юг. Пирс покорился, более того, он согласился превратить пересмотренный законопроект Канзас — Небраска в некий «тест приверженности партийным принципам»¹⁵.

Северные демократы и виги были ошеломлены проектом Дугласа, чего нельзя было сказать о фрисойлерах. Они были готовы поднять Север против «неслыханного попрания священного обета», «омерзительного заговора» по превращению свободной территории в «мрачное царство тирании, населенное хозяевами и их рабами». Эти фразы вышли из-под пера Салмона Чейза, Чарльза Самнера,

14 Potter D. *Impending Crisis...* P. 159.

15 Rawley J. A. *Race and Politics...* P. 35.

Джошуа Гиддингса и трех других конгрессменов-фрисойлеров, опубликовавших «Призыв независимых демократов» в *National Era* — той же самой газете, где печатались отрывки из «Хижина дяди Тома»¹⁶.

Этот «Призыв» задал тон потокам гневных речей, проповедей и газетных передовиц на всем Севере. Умеренная *New York Times* предсказала, что столь мощная негативная реакция северян может «породить хорошо скрытую, глубокую и неискоренимую ненависть к этому институту [рабству], которая сокрушит его политическую мощь любыми средствами, не останавливаясь ни перед чем». На сотнях «антинебраскских» митингов принимались резолюции и петиции в адрес Конгресса. «Это преступление не должно свершиться, — возвещала типичная резолюция. — Вопреки коррупции, взяточничеству и измене, Небраска, сердце нашего континента, всегда будет свободной». Из десяти легислатур северных штатов, заседавших в первые месяцы 1854 года, пять, находившихся под контролем вигов, осудили законопроект, и четыре из пяти, контролируемых демократами, отказались его поддержать. Под давлением Дугласа проект одобрила лишь легислатура Иллинойса. В Конгрессе северные виги единодушно выступили против. Новый сенатор-виг от Мэна Уильям Питт Фессенден расценил проект Дугласа как «ужасный произвол...»: «Чем больше я изучаю его, тем в большую ярость прихожу. Мне нужно уже немного, чтобы превратиться в убежденного аболициониста»¹⁷.

Дуглас настаивал на том, что отмена запрета рабовладения к северу от 36° 30' с. ш. не является чем-то новым. Компромисс 1850 года, заявил он, уже отменил это ограничение, предоставив населению бывших мексиканских владений как к югу, так и к северу от этой линии самому решать свою судьбу. Северные сенаторы разоблачили все лицемерие этого аргумента. Компромисс 1850 года относился лишь к «мексиканской уступке», а никак не к «Луизианской покупке», и никто в то время, включая Дугласа, не думал иначе. Идея о такой «отмене» появилась как усовершенствование политики

16 *National Era*. 1854. Jan 24. Не ясно, почему эти шесть лидеров аболиционистов назвали себя «независимыми демократами». Практически все они, до того как стать фрисойлерами, принадлежали к партии вигов. Возможно, это было отголоском выборов 1852 года, когда фрисойлеры называли свою партию «свободной демократической».

17 *New York Times*. 1854. Jan 24; резолюция цит. по: Nevins A. Ordeal. II. P. 127; Фессенден цит. по: Sewell R. H. Ballots for Freedom: Antislavery Politics in the United States 1837—1860. NY, 1976. P. 259.

Дугласа, проводимой им под давлением южан. Тем не менее дисциплинированность демократов и ловкость Дугласа помогли провести закон через Сенат 41 голосом против 17. Только пять из двадцати северных демократов присоединились к северным вигам и фрисойлерам, составившим оппозицию¹⁸.

Несмотря на то, что северные демократы в Палате представителей, которым осенью предстояли перевыборы, оказались менее податливы на давление администрации, Александр Стивенс, главный лоббист законопроекта в Конгрессе, угрозами и посулами добился своего. 22 мая проект был принят 115 голосами против 104. Торжествующий Стивенс писал: «Я чувствую себя так, как будто выполнена миссия всей моей жизни»¹⁹. Возможно, так оно и было, только это нанесло последний удар двухпартийной системе, сплывавшей страну. Все северные виги в обеих Палатах голосовали против проекта, тогда как 25 из 34 южных — за него или «парно» (взаимно воздерживаясь от голосования). Из 75 южных демократов 72 голосовали «за» или «парно», в то время как 49 из 108 демократов северных — «против» или «парно». Многие из последних понимали, что их голос «за» поставит крест на переизбрании, а голос «против» — на партийной карьере. Всего семь представителей северных штатов, голосовавших за законопроект, были переизбраны на следующий срок; некоторые же из голосовавших против безвозвратно покинули демократическую партию. Для северных и южных вигов это прискорбное голосование означало конец совместного пути. «Этот грязный маневр по Небраске успешно похоронил партию вигов, — писал Трумэн Смит из Коннектикута, с отвращением вышедший из состава Сената. — Мы, виги Севера, четко решили для себя никогда не иметь ни малейшей аналогии или связи» с вигами Юга²⁰. Южан это вполне устраивало. «Мы не собираемся иметь никаких внутрипартийных контактов...

18 Здесь учтены и сенаторы, заключившие соглашение о взаимном неучастии в голосовании, а также те, кто публично поддержал или осудил законопроект. Итоги поименного голосования: 37 против 14. К северным сенаторам, голосовавшим против проекта, присоединились также два вига и один демократ из рабовладельческих штатов, которых пугала реакция на этот проект северян. См.: *Russel R. P. The Issues in the Congressional Struggle Over the Kansas-Nebraska Bill, 1854 // JSH. 1963. 29. P. 208—209.*

19 *Nevins A. Op. cit. II. P. 156; Rawley J. A. Race and Politics... P. 55.* Учтены голосовавшие «парно», а также те, кто публично поддержал или осудил законопроект. Итоги поименного голосования: 113 против 100.

20 Цит. по: *Gienapp W. E. The Origins of the Republican Party, 1852—1856. Berkeley, 1980. P. 323.*

с северными вигами, пока они не представят неопровержимое доказательство того, что раскаялись в своем диком фанатизме»²¹.

Южные сенаторы, еще больше усугубляя ситуацию, отвергли законопроект, предложенный в основном северянами и принятый Палатой представителей, о безвозмездном предоставлении поселенцам 160-акрового надела на общественных землях. Такой закон, как объяснял один южанин, «станет самым надежным союзником аболиционистов, стимулируя создание свободных ферм, где поселятся янки и иностранцы, преисполненные решимости сопротивляться участию в хозяйствовании рабовладельцев»²².

Вопрос был в том, кто подберет черепки расколовшихся политических партий? На Нижнем Юге демократы быстро прибрали оставшихся вигов к своим рукам. В штатах Верхнего Юга виги под разными названиями кое-как держались еще несколько лет. На Севере все было еще больше запутано. Некоторые виги из числа противников рабства, такие как Уильям Сьюард, надеялись возродить партию для участия в выборах 1854 года в законодательные органы штатов и в Конгресс. Они рассчитывали включить в ее ряды фри-сойлеров и демократов из числа противников закона Канзас — Небраска, однако и те и другие отклонили это предложение. Вместо этого они, как и многие виги, предложили отказаться «от старых партийных ярлыков и выступить единым фронтом за восстановление свободы и избавление от господства рабовладельцев»²³. Таким образом, на Севере сформировалась новая антирабовладельческая группировка, собиравшаяся принять участие в осенних выборах. Группировка эта имела разные названия: партия противников закона Канзас — Небраска, коалиционная, народная, независимая партия, но наибольшую известность она получила как Республиканская партия. В первый раз это название прозвучало, по-видимому, на собрании противников закона Канзас — Небраска в церкви города Рипон (штат Висконсин), а 9 мая съезд тридцати конгрессменов в Вашингтоне его одобрил. В Мичигане новая партия официально объявила себя «республиканской» в июле. Съезды во многих избирательных округах для выборов в Конгресс, особенно на старом Северо-Западе, также приняли это имя, напомиравшее о борьбе за независимость в 1776 году. «Встав перед необходимостью сражаться

21 Это составная цитата из газет *Richmond Whig*, *Florida Sentinel* и *Southern Recorder*; цит. по: Cooper W. J. *The South and the Politics of Slavery*. P. 358.

22 Джабез Карри цит. по: Nevins A. *Ordeal*. II. P. 335.

23 *National Era*. 1854. May 22.

за основные принципы республиканского правления, — постановил съезд в Мичигане, — и против интриг самой отвратительной, деспотической и унижающей человеческое достоинство аристократии, которая только существовала на земле, мы объединяемся под именем Республиканской партии»²⁴.

Нигде на Севере избирательная кампания не проходила так бурно и ожесточенно, как в Иллинойсе, штате Дугласа. 1 сентября Дуглас открыл дебаты в Чикаго, выступив там с речью, однако после того как враждебно настроенная толпа в течение двух часов заглушала его криками, он в раздражении покинул трибуну и уехал в более дружественные южные районы штата. Между тем Авраам Линкольн был «потрясен... как никогда в жизни» законом Канзас — Небраска²⁵. По-прежнему называя себя вигом, Линкольн, от лица противников закона Канзас — Небраска, бывших кандидатами в легислатуру Иллинойса, отправился в агитационную поездку по всему штату. Он рассчитывал, одержав победу, побудить легислатуру избрать его в Сенат США. Линкольн и Дуглас весь октябрь соперничали друг с другом, выступая с одной и той же трибуны в Спрингфилде и Пеории. В своих речах Линкольн сформулировал те принципы, с которыми он шесть лет спустя начал президентскую кампанию.

Отцы-основатели, говорил Линкольн, были против рабства. Они разработали Декларацию независимости, объявлявшую всех людей равными. Они приняли Северо-Западный ордонанс 1787 года, запрещающий владение рабами на обширной Северо-Западной территории. Да, многие из отцов-основателей были рабовладельцами. Но принципиально они относились к рабству неодобрительно, хотя и считали его временно (как они думали) возможным. Вот почему в Конституции не упоминаются понятия «раб» и «рабство», а речь идет только о «лицах, находящихся в услужении». «Таким образом, — продолжал Линкольн, — Конституция просто прячет этот нарыв, подобно тому как больной скрывает свои гнояники или опухоль, которые он не может вскрыть немедленно, опасаясь умереть от потери крови. Однако он собирается вскрыть их в урочный час». Первым делом необходимо было ограничить рост этой опухоли, что и сделали отцы-основатели, приняв Северо-Западный ордонанс, запретив ввоз африканских рабов в 1807 году и ограничив распространение рабства Миссурийским компромиссом в 1820 году. Следующим ша-

24 Цит. по: *Holt M. F. The Political Crisis of the 1850s.* NY, 1978. P. 154.

25 *CWL. IV.* P. 67.

гом стал процесс постепенного освобождения рабов, законченный ими в штатах к северу от Мэриленда.

Линкольн отрицал само «существование морального права порабощения одного человека другим», но он не желал осуждать за это южан. Когда они «говорят нам, что мы несем не меньшую ответственность за рабство, чем они, я признаю это как факт... [как признаю,] когда говорят, что такой институт существует и избавиться от него очень тяжело... Безусловно, я не буду обвинять их в том, что они не делают то, что я и сам не знаю, как сделать. Даже если бы мне была дана вся власть на земле, и тогда я не знал бы как поступить с институтом рабства. Моим первым побуждением было бы освободить всех рабов и отправить их в Либерию». Однако недолгие размышления убедили его в невыполнимости такого плана. «Тогда что, освободить их и держать за людей второго сорта? Вы уверены в том, что это улучшит их положение?... Что дальше? Освободить их и сделать равными нам в политическом и социальном отношении?» Даже если сам Линкольн и допускал это, то «все мы хорошо знаем, что широкие массы белого населения такого не допустят... Нельзя не принимать в расчет общее мнение, хорошо или дурно оно аргументировано».

Как бы то ни было, Конституция гарантировала право на рабовладение там, где оно уже существовало. Но в ней «не содержится дозволения распространять рабовладельческий уклад на наши свободные земли, что сравнимо с отменой запрета на ввоз африканских рабов». Величайший «моральный вред и несправедливость» закона Канзас — Небраска состояли в том, что он открыл границы территории, ранее закрытой для проникновения рабства, выведя это явление «на широкую дорогу, ведущую к распространению и увековечиванию», вместо того чтобы ограничивать его с целью дальнейшего уничтожения. Теория «народного суверенитета» оказалась лживой в своем замысле и пагубной на практике, говорил Линкольн. Ее постулат о том, что проблема рабства на конкретной территории касается только ее жителей, неверен — проблема касается будущего всей нации. «Что, разве Небраска, будучи территорией, не часть нашей страны? Разве не мы управляем страной? И если мы утратим контроль над ней, то не утратим ли мы и право на самоуправление?.. Я не могу не презирать... это показное равнодушие, под которым, как мне кажется, скрывается настоящий зуд к распространению... отвратительного института рабства». Уверения Дугласа, что природные условия помешают рабовладению утвердиться в Канзасе, были

«убаюкивающим доводом». Температура, норма осадков и состав почв восточного Канзаса были такими же, как в Миссури и Кентукки. «Климат... не заставит рабовладельцев убраться с этих земель... как, впрочем, и другие природные силы». Линкольн знал, что миссурийцы уже взяли своих рабов в Канзас, и единственным способом остановить их был лишь прямой запрет рабства Конгрессом.

Но такая мера, возражал Дуглас, противоречила бы «священному праву поселенцев на самоуправление». Ничего подобного, отвечал Линкольн, как раз само рабство противоречит этому праву. «Когда белый человек управляет собой — это и есть самоуправление, но когда он, управляя собой, управляет еще и другим человеком... то это уже тирания... А негры являются людьми... Не существует морального права поработать одного человека другим». В заключение Линкольн сказал: «Давайте не будем никого обманывать. Дух 1776 года и дух закона Канзас — Небраска несовместимы... Шаг за шагом... мы отказываемся от старых принципов в пользу новых. Почти 80 лет назад мы начали с того, что объявили равенство всех людей. Но сейчас мы прибегаем к другим формулировкам: для некоторых людей поработить других стало... священным правом самоуправления. Эти утверждения не могут стоять рядом... Наши республиканские одежды заляпаны грязью и пропылились. Давайте почистим их... Давайте заново примем Декларацию независимости, а вместе с ней и соответствующие ее духу практические принципы и стратегию... Если мы сделаем это, то не просто сохраним Союз — мы сохраним такой Союз, который будет достоин того, чтобы его сохранили»²⁶.

Это красноречивое выступление отразило суть позиции новой Республиканской партии. Линкольн не присоединился формально к республиканцам в следующем году и даже позже, после того как партия вигов развалилась окончательно. Не призывал он, как многие республиканцы, к упразднению рабства в округе Колумбия и отмене закона о беглых рабах. Однако твердость моральной оппозиции Линкольна рабству, его убеждения, что правом и обязанностью национального правительства является запрет его дальнейшего распространения и что эту «опухоль» в конце концов нужно вырезать, стали постулатами Республиканской партии. Разумеется, историческая основа аргументов Линкольна не была лишена изъянов, чем Дуглас тотчас же не преминул воспользоваться, направив свою риторику против самых

26 Ibid. P. 247—283. Цитаты взяты из знаменитой речи Линкольна в Пеории 16 октября 1854 г.

очевидных из них. Те же самые отцы-основатели, которые на словах были против рабовладения и запретили его на Северо-Западной территории, почему-то разрешили его развитие в юго-западном направлении, заложив основы для образования семи новых рабовладельческих штатов и великого хлопкового царства Нижнего Юга. Но фрисойлеры проигнорировали это обстоятельство. Если республиканцы джефферсоновской эпохи не отдавали себе отчета в каких-то вещах, то новые республиканцы 1850-х годов не должны повторять их ошибок. Рабство не должно распространяться дальше, а от партии, принявшей закон Канзас — Небраска, нужно отмежеваться.

В 1854 году большинство избирателей-северян соглашалось с этим. Выборы стали отповедью для демократов. После того как в 1852 году они победили во всех северных штатах, кроме двух, два года спустя, наоборот, они победили только в двух легислатурах, зато над всеми остальными утратили контроль. Количество северных демократов в Палате представителей сократилось с 93 до 23 — южные коллеги с 58 голосами отныне серьезно превосходили их. По оценкам, на этих выборах около четверти северных демократов покинули ряды своей партии.

Избрав 150 конгрессменов от различных политических сил, противники демократов могли получить контроль над новым составом Палаты представителей при условии, если они объединятся на одной платформе. Но это «если» было чересчур условным. Примером того, как трудно этого добиться, может служить «успех» Линкольна в Илинойсе, где коалиция противников закона Канзас — Небраска имела устойчивое большинство при совместном голосовании в легислатуре, причем виги, коллеги Линкольна, составляли три четверти этой коалиции. Но поддесятка демократов из числа противников закона Канзас — Небраска не желали видеть в виге будущего сенатора США, и Линкольн раунд за раундом стал терять голоса. В конце концов, чтобы не допустить избрания сторонника Дугласа, Линкольн вынужден был поддержать «антинебрасского» демократа Лаймена Трамбла, который и победил в десятом раунде²⁷.

Мутный ручей в Илинойсе был еще сравнительно чистой протокой по сравнению с мрачными глубинными течениями политической жизни Севера в других штатах. Из самой глубины взметнулась

27 *Fehrenbacher D. E. Prelude to Greatness: Lincoln in the 1850's.* NY, 1962. P. 37—39. Борьба шла не за место самого Дугласа, который, будучи переизбран в Сенат в 1852 году, шесть лет спустя соперничал с Линкольном в других, более знаменитых дебатах.

гигантская волна нативизма, грозившая потопить даже мощное «антинебрасское» движение в некоторых регионах, особенно в штатах к востоку от Огайо. «Едва ли не каждый здесь совершенно сошел с ума от нативизма», — кричал один демократ из Пенсильвании в 1854 году. «Лихорадка „ничего-не-знания“²⁸ стала эпидемией», — писал еще один житель Пенсильвании из другой части штата. Политик из Коннектикута жаловался, что нативисты «подрывают здесь влияние Демократической партии», а один из лидеров вигов в северной части Нью-Йорка предупреждал, что его округ «серьезно заражен вирусом „ничего-не-знания“». Оказавшиеся «торнадо», «ураганом», «приступом политического безумия», эти «ничего не знающие» одержали в 1854 году безоговорочную победу в Массачусетсе и Делавэре, набрав, по оценкам, 40 и 25% в Пенсильвании и Нью-Йорке соответственно, а также успешно проявили себя в других северо-восточных регионах и пограничных штатах²⁹. Кем же были эти загадочные нативисты, откуда они появились и что поддерживали?

II

Нативистское движение, расцветшее в начале 1840-х годов, увяло после выборов 1844 года. Выход из депрессии смягчил противоречия между местными и иностранными рабочими, послужившие причиной вспышек насилия в те годы. Даже с учетом того, что вследствие болезни картофеля в Европе иммиграция выросла вчетверо, растущая экономика Соединенных Штатов была, казалось, способна использовать всех приезжих. Мексиканская кампания и последующие разногласия по вопросу о рабстве сконцентрировали политическую энергию на этих проблемах. Война против католической державы, возможно, и спровоцировала бы рост антилатинских настроений, если бы поддерживавшие войну демократы не состояли бы во многом из иммигрантов, а виги, ранее заигрывавшие с нативизмом, не были бы противниками войны.

На президентских выборах 1852 года виги, ведомые противником нативизма Уильямом Сьюардом, пытались привлечь голоса ирландцев и других католиков. Генерал Скотт, кандидат в президенты от вигов, принадлежал к англиканской церкви, причем к ее «высокому»

28 О партии «ничего не знающих» автор рассказывает в этой же главе ниже. — *Прим. пер.*

29 *Holt M. F. Political Crisis of the 1850s. P. 157—158.*

направлению, а его дочери воспитывались в монастыре. Будучи командующим американской армией в Мексике, он защищал земли церкви. В 1852 году виги использовали сочувствовавших им ирландцев для того, чтобы те задавали заранее подготовленные вопросы во время выступлений Скотта перед аудиторией, что давало кандидату возможность говорить о том, как «ему нравится слышать этот сочный ирландский акцент»³⁰. Однако эта неуклюжая попытка неожиданно дала обратный результат, ибо ирландцы американского происхождения как голосовали в большинстве своем за демократов, так и продолжали за них голосовать, зато многих вигов оскорбило заискивание перед «падди», и в день выборов они просто не пришли на участки. Если разногласия по вопросу о рабстве откололи от партии южных вигов, то возобновившаяся межэтническая вражда внесла раскол в их ряды и в некоторых северных штатах.

Новый всплеск нативизма был обусловлен несколькими причинами. За пять лет после 1850 года иммигрантов въехало в пять раз больше, чем за все предыдущее десятилетие. Большинство из новоприбывших были католиками: бедными крестьянами или рабочими из Ирландии и германских государств, скученно проживавшими в многоквартирных постройках больших городов. Преступность и расходы на социальные нужды возросли. Например, уровень преступности в Цинциннати между 1846 и 1853 годами утроился, а количество убийств выросло в семь раз; расходы властей Бостона на помощь малоимущим за этот же период выросли втрое³¹. Коренные американцы относили рост таких расходов за счет увеличения числа иммигрантов, особенно ирландцев, количество арестов которых и доля в получаемых пособиях в несколько раз превышали их долю в численности населения. Рьяными нативистами не обязательно становились коренные жители. Первые протестантские иммигранты из Англии, Шотландии и в особенности Ольстера привезли с собой свои антикатолические убеждения, образовав авангард зачинщиков бунтов и ядро голосующих против ирландцев. Радикалы и атеисты из числа так называемых «людей 1848 года», бежавших из Германии после подавления революций 1848 года, перенесли в Америку и свою жгучую ненависть к католической церкви, ставшую в их государствах на сторону контрреволюции.

30 Potter D. *Impending Crisis...* P. 245.

31 *Dannenbaum J. Immigrants and Temperance: Ethnocultural Conflict in Cincinnati, 1845—1860 // Ohio History. 1978. 87. P. 127—128; Handlin O. Boston's Immigrants: A Study in Acculturation. Cambridge (Mass.), 1941. P. 240.*

И действительно, католическая церковь в период понтификата Пия IX вступила в пору реакции. Революции 1848—1849 годов и борьба за объединение Италии превратили Пия IX в «беспощадного врага либерализма и социальных реформ». Впоследствии он провозгласил догмат о непогрешимости пап и выпустил так называемый «Силлабус заблуждений», где заклеил социализм, всеобщее образование, рационализм и прочие безнравственные явления. «Это заблуждение, — заявлял папа, — что римский понтифик может и должен примиряться и соглашаться с прогрессом, либерализмом и современной цивилизацией». Католические иерархи Соединенных Штатов поступали по примеру папы. Архиепископ Нью-Йорка Джон Хьюз выступал с нападками на аболиционистов, фрисойлеров и различные протестантские реформаторские движения как близкие «красному республиканизму» в Европе³².

Иммиграция привела к тому, что рост прихожан католической церкви в 1840-х годах шел втрое быстрее, чем в протестантских деноминациях. С гордостью отмечая этот рост (на который протестанты взирали с тревогой) архиепископ Хьюз произнес разошедшуюся большим тиражом речь «Упадок протестантизма и его причины». «Цель, которой мы хотим достичь, — говорил Хьюз, — обращение всех языческих народов и всех протестантских государств... Мы не делаем никакой тайны из этого... Наша миссия — обратить весь мир, включая жителей Соединенных Штатов, как горожан, так и селян... легислатуры, Сенат, кабинет министров, президента, словом, всех и каждого!» Архиепископская газета назвала «протестантизм бесплодным, бессильным, вымирающим... и сознающим, что пробил его последний час, когда он должен встретиться лицом к лицу с истинной католической церковью»³³.

Такие заявления лишь подбрасывали дров в огонь ненависти к католикам. Народные воспоминания о Марии Католичке, «Непобедимой армаде», «Пороховом заговоре», «Славной революции» 1688 года и «мартирологе Фокса»³⁴ были неотъемлемой частью общего англо-американского сознания. Война пуритан против папизма шла уже

32 Цит. по: Kelley R. *The Transatlantic Persuasion: The Liberal-Democratic Mind in the Age of Gladstone*. NY, 1969. P. 106; Hobsbawm E. *The Age of Capital, 1848—1875*. NY, 1976. P. 106; Sharrow W. G. *Northern Catholic Intellectuals and the Coming of the Civil War* // *New-York Historical Society Quarterly*. 1974. 58. P. 45.

33 Цит. по: Billington R. A. *The Protestant Crusade 1800—1860*. NY, 1938. P. 291.

34 Список христианских мучеников, особый упор в котором сделан на жертвах среди первых английских протестантов. — *Прим. пер.*

два с половиной века, и конца ей все еще не было видно. В 1852 году Первый пленарный собор американских епископов в Балтиморе осудил безбожное всеобщее образование и принял решение добиваться налоговых отчислений на нужды католических школ или налоговых льгот для родителей, определивших своих детей в такие школы. В 1852—1853 годах это заявление стало причиной ожесточенных кампаний в добром десятке больших городов и штатов Севера (включая Мэриленд). Кандидаты, выступавшие за «свободную школу» от обеих основных партий, но главным образом от вигов, выиграли ряд выборов, стоя на позициях охраны общественного образования — питомника республиканизма — от «бесстыдных попыток деспотичных священников объединить... церковь и государство, чтобы выкорчевать древо Свободы... заменить своей митрой наш фригийский колпак». Архиепископ Хьюз откликнулся в той же манере, заклеив государственные школы как рассадник «социализма, „красного” республиканизма, универсализма, неверия, деизма, атеизма и пантеизма»³⁵.

В разгар перепалок по вопросу о школах Хьюз втянул своих иерархов в еще один эмоциональный спор, на сей раз по поводу контроля над церковной собственностью. Во многих районах католические церкви находились в ведении попечительского совета, состоявшего из мирян. Это соответствовало протестантской практике, но противоречило традициям католиков. Попытки клира получить контроль над собственностью переместились и в законодательные органы нескольких штатов, которые после ожесточенных дебатов отказались признавать контроль духовенства и в нескольких случаях попытались передать его светским органам. В июле 1853 года в Соединенные Штаты прибыл папский нунций Гаэтано Бедини с поручением рассудить возникшие споры о собственности в нескольких диоцезах. Разрешив их в пользу духовенства, Бедини отправился по стране, чтобы передать папское благословение американским католикам. Большая часть протестантской и нативистской прессы задохнулась от гнева. «Он приехал, — восклицала одна газета, — чтобы отыскать возможность приковать нас, как рабов, итальянскими цепями к трону самой кровожадной тирании нашего времени». Радикально настроенные эмигранты из некоторых католических стран также выступили против Бедини, памятуя о роли церкви в подавлении итальянских национальных восстаний

35 *Dannenbaum J. Immigrants and Temperance...* P. 129; *Holt M. F. Political Crisis of the 1850s.* P. 162; *Lannie V. P. Alienation in America: The Immigrant Catholic and Public Education in Pre-Civil War America // Review of Politics.* 1970. 32. P. 515.

1848—1849 годов. От них он получил прозвище «Мясник из Болоньи». По мере продолжения поездки Бедина в нескольких городах, которые он посещал, вспыхивали бунты, и в конце концов в феврале 1854 года его тайно доставили на корабль, шедший в Италию из Нью-Йорка, чтобы избежать самосуда толпы³⁶.

Движение за трезвость также усилило межнациональные противоречия. До 1850 года оно преимущественно проповедовало самоограничение и прибегало к моральным увещаниям с целью убедить протестантский средний и рабочий классы отвернуться от «зеленого змия» и превратиться в трезвых, работающих, стремящихся к процветанию граждан. Такие методы приносили значительный успех, однако в этом «крестовом походе за трезвость» не участвовали ирландские и германские иммигранты, для которых бары и так называемые «пивные сады» являлись центрами общественной и политической жизни. Ощутимый рост пьянства, драк и преступлений, особенно среди ирландцев, способствовал переориентации движения за трезвость на принудительные меры, призванные обуздать этих упрямцев. Убежденные в том, что пьянство является причиной общественных беспорядков, сторонники «сухого закона» выступали за введение государственного запрета на производство и продажу алкогольных напитков. Первую большую победу они одержали в 1851 году в штате Мэн. Этот успех породил целую серию дебатов по поводу «сухого закона Мэна» в других legislatures. Демократы в целом выступали против закона, тогда как мнения вигов разделились. Боясь потерять своих «пьющих» избирателей, виги отказались выносить мнение по этому вопросу, после чего от них отстранилась немалая доля трезвенников, состоявшая в их рядах. Межпартийная коалиция сторонников трезвости взяла под контроль многие legislatures, и в результате с 1852 по 1855 год такие законы были приняты и в других штатах Новой Англии, а также в Нью-Йорке, Делавэре и нескольких северо-западных штатах³⁷.

Эти постановления, как и более поздний знаменитый «сухой закон», часто нарушались. Повсеместно отсутствовало принуждение

36 Billington R. A. *Protestant Crusade...* P. 300—303.

37 Существует ряд хороших исследований пьянства и движения за трезвость в эту эпоху: Tyrrell I. R. *Sobering Up: From Temperance to Prohibition in Antebellum America, 1800—1860*. Westport (Conn.), 1979; Rorabaugh W. J. *The Alcoholic Republic: An American Tradition*. NY, 1976; Dannenbaum J. *Drink and Disorder: Temperance Reform in Cincinnati from the Washingtonian Revival to the WCTU*. Urbana, 1984; Clark N. H. *Deliver Us from Evil: An Interpretation of American Prohibition*. NY, 1976 (ch. 2—4).

к их соблюдению; впоследствии законодательства и суды некоторых штатов отменили эти законы или существенно ограничили сферу их применения. Те, кто пил, могли продолжать в том же духе, те же, кто не пил, бросили еще под влиянием увещаний «крестonosцев» на ранних стадиях борьбы за трезвость. К 1861 году только три из тринадцати штатов, принявших законы о трезвости, оставались «сухими». Важность борьбы за трезвость в 1850-е годы была не столько в запретительных законах, сколько в том толчке, который она придала нативизму. Одна католическая газета определила запрет на употребление алкоголя наряду с «системой государственного образования, неверием, пантеизмом», аболиционизмом, социализмом, борьбой за права женщин и «европейским красным республиканизмом» как «части единого, могущественного целого, ведущие войну с Господом»³⁸. Сторонники трезвости платили им той же монетой: «Именно пьянство служит причиной скандалов и насилия во многих католических (и не только) семьях... переполняет наши тюрьмы ирландскими преступниками и приводит на эшафот стольких жутких убийц-католиков, — восклицала *New York Tribune* Хораса Грили. — Тот факт, что именно католики в нашей стране держат больше винных лавок и продают непропорционально больше спиртного, чем прихожане любой другой церкви, формирует и поддерживает опасное предубеждение против них»³⁹.

Разрываемая на части противниками закона Канзас — Небраска, борцами за трезвость, радикальными протестантами и сторонниками ограничения прав иммигрантов, к 1854 году двухпартийная система готова была рухнуть и на Севере. Но этим могла воспользоваться не только антирабовладельческая Республиканская партия — в некоторых штатах новое, мощное нативистское движение готовилось собрать гораздо лучший урожай. В 1850-е годы начали организовываться тайные общества, членство в которых предоставлялось только родившимся в США протестантам. Два из них, возникших в Нью-Йорке — Орден объединенных американцев и Орден звездно-полосатого флага, — в 1852 году объединились под руководством Джеймса Баркера. На фоне стычек протестантов и католиков по вопросу об образовании, визита Бедини и кампаний за трезвость энергичный Баркер организовал сотни ячеек братства по всей стране

38 Cincinnati Catholic Telegraph. 1853. March 19, July 9, цит. по: *Dannenbaum J. Immigrants and Temperance...* P. 134.

39 Цит. по: *Neuins A. Ordeal*. II. P. 329.

с общим числом «посвященных», доходившим до миллиона или даже больше. Члены ячеек давали клятву не голосовать на любых выборах ни за кого, кроме как за местных протестантов. На тайных встречах братство одобряло определенные кандидатуры или выдвигало свои. Если непосвященные задавали вопросы о деятельности братства, члены его должны были отвечать: «Я ничего не знаю». Благодаря конспирации и хорошо продуманной организации эти «ничего не знающие» превратились в потенциально влиятельную группу избирателей⁴⁰.

Ряды организации пополнялись главным образом за счет молодых людей из среды «белых» или «синих воротничков». Многие из них только недавно получили избирательное право. Согласно одному исследованию, мужчины от 20 до 30 лет были вдвое чаще склонны голосовать за «ничего не знающих», чем мужчины после 30. Лидеры этого движения также были «новыми людьми» в политике, отражавшими социальный состав своих избирательных округов. В Питтсбурге более половины лидеров «ничего не знающих» были младше 35 лет, и почти половина из них были ремесленниками и мелкими служащими. «Ничего не знающие», выбранные в легислатуру Массачусетса в 1854 году, в основном представляли квалифицированных рабочих, деревенских пасторов и служащих различных контор. Представители Мэриленда были моложе и менее состоятельны, чем их коллеги из Демократической партии⁴¹.

Будучи политическим движением, «ничего не знающие» имели как убеждения, так и предубеждения. В массе своей они поддерживали движение за трезвость и всегда выступали против налоговых отчислений на нужды приходских школ. Главной их целью было ограничение политического влияния получивших право голоса иммигрантов. Согласно федеральному закону, иммигранты могли стать натурализованными гражданами спустя пять лет проживания на тер-

40 Общие исследования, посвященные «ничего не знающим»: *Billington R. A. Protestant Crusade...* (особенно гл. 11—26); *Leonard I. M., Parmet R. D. American Nativism, 1830—1860.* NY, 1971. О деятельности «ничего не знающих» на Юге см.: *Oerdyke W. D. The Know-Nothing Party in the South.* Baton Rouge, 1950. О католической реакции см.: *Hueston R. F. The Catholic Press and Nativism 1840—1860.* NY, 1976.

41 *Holt M. F. Political Crisis of the 1850s.* P. 186—189; *Gienapp W. E. Origins of the Republican Party...* P. 348—349; *Baker J. H. Ambivalent Americans: The Know-Nothing Party in Maryland.* Baltimore, 1977. P. 63—68; *Parmet R. D. Connecticut's Know-Nothings: A Profile // The Connecticut Historical Society Bulletin.* 1966. 31. P. 84—90; *Baum D. The Civil War Party System: The Case of Massachusetts, 1848—1876.* Chapel Hill, 1984. P. 27—28.

ритории Соединенных Штатов. В некоторых крупных городах судьи из числа демократов любезно снабжали иммигрантов необходимыми документами о натурализации едва ли не сразу, как те сходили на берег. В большинстве штатов правом голоса обладали только лица, имеющие гражданство, хотя в некоторых иммигрантам позволялось голосовать спустя год постоянного пребывания в стране. К началу 1850-х годов иммиграционный бум, начавшийся в 1846 году, отозвался и на избирательных участках. Так как иммигранты были по преимуществу молодыми мужчинами, то число неместных избирателей росло быстрее относительно остального населения. В Бостоне, к примеру, с 1850 по 1855 год количество избирателей-иммигрантов возросло на 195%, тогда как местных избирателей — всего на 14%. Благодаря тому, что эти «иностранцы» избиратели голосовали в основном за демократов, были приверженцами католицизма и употребляли алкоголь, стремительный рост их числа настораживал вигов, протестантов и сторонников движения за трезвость, а также тех продемократически настроенных рабочих, которые теперь были вынуждены конкурировать с иностранной рабочей силой, готовой трудиться за меньшие деньги. Сельские жители также были возмущены растущим влиянием иммигрантов на городских избирательных участках.

«Ничего не знающие» призывали к увеличению срока ожидания натурализации до 21 года. В некоторых штатах они хотели предоставить доступ к публичным должностям исключительно местным жителям, а также ввести промежуточный период в несколько лет после натурализации, прежде чем иммигранты смогут получить право голоса. Они не предлагали вводить квоты на количество иммигрантов как таковых, хотя, возможно, некоторые из «ничего не знающих» и рассчитывали на то, что, затруднив получение гражданства и политических прав, они отдадут желающих иммигрировать в Соединенные Штаты.

Большинство «ничего не знающих» в северных штатах также были и противниками закона Канзас — Небраска. В некоторых регионах они в 1854 году присоединились к «антинебрасской» коалиции, что поставило непростой вопрос о взаимоотношениях «ничего не знающих» и новой Республиканской партии. Действительно, аболиционизм зародился на той же самой почве, что и движение за трезвость и нативизм. Иные фрисойлеры рассматривали и рабовладение и католицизм как репрессивные институты. Оба были «вращены и развивались на основе невежества и тирании», — высказывалась «ложа» «ничего не знающих» в Массачусетсе, и поэтому «не может быть враждебности к римско-католической церкви

без враждебности к рабству — ее естественному союзнику в противостоянии свободе и республиканским ценностям»⁴². Поддержка избирателей из числа католических иммигрантов, оказываемая членам фракции «упрямцев» в Демократической партии, бывших сторонниками рабства, только укрепляла мнение о равнозначности рабства и католицизма. Его разделяли и передовицы католических газет, клеймившие фрисойлерское движение как «дикий, незаконный, разрушительный фанатизм». Конкурируя со свободными чернокожими в самом низу социальной лестницы, выходцы из Ирландии стойко ненавидели негров и часто устраивали бунты против них в северных городах. В 1846 году немалый процент голосов, поданных ирландцами, помог провалить референдум по предоставлению черным равных избирательных прав в штате Нью-Йорк. «Никакая иная категория наших граждан не испытывает столь пылкой и единодушной враждебности к идее равного избирательного права для любой расы, — горько констатировала *New York Tribune*. — „А вы бы хотели видеть вашу дочь замужем за черномазым?“ — вот их издевательский ответ сторонникам демократии, не принимающей во внимание цвет кожи». В 1854 году один фрисойлер из Массачусетса резюмировал ожидания от грядущих выборов так: «Борьба свободы, трезвости и протестантизма против рабства, пьянства и папизма»⁴³.

С другой стороны, многие лидеры аболиционизма осознавали несовместимость идеологии нативизма со своими принципами. «Я не понимаю, — писал Авраам Линкольн, — как человек, декларирующий сочувственное отношение к неграм, может присоединяться к группировке, шельмующей целый класс белых людей». Уильям Сьюард в своем штате противостоял нативистам свыше десяти лет. В платформе республиканцев Нью-Йорка в 1855 году содержалось «отмежевание и осуждение репрессивной и антиреспубликанской теории общества „ничего не знающих“»⁴⁴. «Противник рабства, — говорил Джордж Джулиан, основатель Республиканской партии в Индиане, — является и естественным противником [этой] нетер-

42 *Billington R. A. Protestant Crusade... P. 425.* Более подробное рассмотрение этого вопроса см.: *Gienapp W. E. Nativism and the Creation of a Republican Majority in the North before the Civil War // AHR. 1985. 72. P. 529—559.*

43 *Hueston R. F. The Catholic Press and Nativism. P. 211; New York Tribune. 1854. Aug. 26; Gienapp W. E. Origins of the Republican Party... P. 500.*

44 *CWL, II, P. 316; Gienapp W. E. Nativism and the Creation of a Republican Majority... P. 537.*

пимости и уничижения, которое можно назвать самым постыдным несмываемым пятном нашей политики». Так как «мы против рабства черных, ибо рабы лишены человеческих прав, — заявляли другие республиканцы, — мы также против и... [этой] системы северного рабства, лишающей прав ирландцев и немцев»⁴⁵.

Истинные фрисойлеры также называли идею фикс «ничего не знающих» отвлекающим маневром, уводящим в сторону от «настоящей проблемы нашей эпохи», то есть рабства. «Ни папа, ни иностранцы никогда не смогут управлять нашей страной или угрожать ее свободе, — писал Чарльз Дейна, главный редактор принадлежавшей Грили *New York Tribune*, — в отличие от рабовладельцев и работорговцев, которые уже ею управляют». В 1854 году он поклялся никогда не упоминать о «ничего не знающих» на страницах своей газеты, «за исключением тех случаев, когда понадобится их хорошенько пропесочить»⁴⁶. Джордж Джулиан даже подозревал, что этот «отвлекающий крестовый поход против папства и иммигрантов» просто изошренная задумка рабовладельческих кругов «привлечь внимание населения свободных штатов к пустякам и второстепенным проблемам, пока весь Юг объединился для защиты своего главного интереса»⁴⁷.

Впрочем, по мотивам политической целесообразности лидеры фрисойлеров в некоторых штатах блокировались с «ничего не знающими» в 1854 и 1855 годах. В некоторых случаях они поступали так, намереваясь возглавить это движение и направить его по антирабовладельческому руслу. Наиболее ярким примером служит ситуация в Массачусетсе. В этом штате итоги Мексиканской войны и борьбы за «условие Уилмота» перетасовали политическую колоду, так что коалиция из фрисойлеров (включая «совестливых» вигов) и демократов контролировала легислатуру с 1850 по 1852 год. Коалиция избрала в Сенат Чарльза Самнера и предложила либо провела следующие реформы: право на удержание имущества мастеровыми в качестве обеспечения долга заказчика, десятичасовой рабочий день на производстве, общее банковское и корпоративное законодательство, «сухой закон» и перераспределение

45 Gienapp W. E. Op. cit. P. 641; Trefousse H. L. *The Radical Republicans: Lincoln's Vanguard for Racial Justice*. NY, 1969. P. 86; Sewell R. H. *Ballots for Freedom...* P. 269; Holt M. F. *Political Crisis of the 1850s*. P. 171.

46 *Liberator*. 1854. Nov. 10; слова Дейна цит. по: Foner E. *Free Soil...* P. 234; а также по: Trefousse H. L. *The Radical Republicans...* P. 85.

47 Цит. по: Foner E. Op. cit. P. 233; Sewell R. H. *Ballots for Freedom...* P. 267.

числа избираемых в легислатуру штата депутатов в ущерб Бостону (где хватало «хлопковых» вигов и избирателей-ирландцев) и в пользу центральной и западной частей Массачусетса. Консервативные виги и бостонские избиратели с огромным трудом отклонили последнее предложение на референдуме 1853 года. Это привело к самой высокой волне нативизма, распространившейся из западных районов Массачусетса, охватившей вскоре весь штат и приведшей к переизбранию губернатора, подавляющего большинства членов легислатуры и всех конгрессменов. Такое цунами сильно ударило по верхушке вигов. «Я ожидал такого разгромного результата, — писал вигский журналист, — не больше, чем землетрясения, которое сравняло бы с землей здание палаты представителей нашего штата и в щепы разнесло Фэнл-холл»⁴⁸.

Лидеры фрисойлеров и республиканцев, такие как Чарльз Френсис Адамс и Чарльз Самнер, также были захвачены врасплох, но этого нельзя было сказать обо всех фрисойлерах. Один из них, Генри Уилсон, многое сделал для такого исхода. Подобно многим молодым сторонникам «ничего не знающих», Уилсон в юности начинал подмастерьем и сапожником-поденщиком. Вскоре «сапожник из Натика», как его прозвали, стал обувным фабрикантом, пошел в политику как виг, а в 1848 году способствовал созданию партии фрисойлеров. В 1854 году новая партия выдвинула Уилсона кандидатом в губернаторы. Виги, демократы и «ничего не знающие» также выдвинули своих кандидатов. Мудро предвидя, что нативистский поток сметет все остальные партии, Уилсон присоединился к этому движению в надежде возглавить его. Некоторые фрисойлеры выразили свое отвращение к такой тактике. «В час, когда решается судьба империи свободы, — писал один из них, — Уилсон бежит преследовать „Пэдди“!»⁴⁹ Уилсон остался кандидатом республиканцев, однако занял скромное четвертое место, своими действиями побудив большинство своих последователей-фрисойлеров голосовать за «ничего не знающих».

Один весьма желчный виг понял, что в кажущемся безумии Уилсона была своя цель. «Ничего не знающие, — писал он, — попали под контроль наиболее отчаянных фрисойлерских авантюристов. Генри Уилсон и Энсон Берлингейм поймали удачу за хвост... Наши члены Конгресса все как один из этого перебродившего аболиционистского

48 Gienapp W. E. *Origins of the Republican Part...* P. 493.

49 Эдвард Пирс цит. по: *Ibid.* P. 592.

теста»⁵⁰. Легислатура, контролируемая «ничего не знающими», избрала Уилсона в Сенат, где он выступал в интересах отнюдь не нативизма, а противников рабства. Единственными нативистскими законами, принятыми этой легислатурой, были введение ценза грамотности для избирателей и роспуск нескольких отрядов ирландской милиции, причем последний указ был частично и аболиционистским, так как члены этих отрядов принимали живейшее участие в конвоировании Энтони Бернса обратно на Юг⁵¹. Эта легислатура также приняла новый закон о личной свободе и законопроект, запрещающий расовую сегрегацию в государственных школах — это был первый закон такого рода в Соединенных Штатах. Плюс ко всему эта легислатура «ничего не знающих» законодателями наметила серию последующих реформ, вследствие чего по иронии судьбы заработала репутацию одной из самых прогрессивных легислатур штата: запрет тюремного заключения за долги, закон о личной собственности замужней женщины, создание страховой комиссии, обязательная вакцинация учащихся школ, расширение полномочий суда присяжных и отмена ареста жилища за долги⁵².

Республиканцам и «ничего не знающим» удалось расколоть вигов и ослабить демократов в большинстве районов Севера, но в 1855 году все еще оставалось неясным, какая из двух новых партий станет принципиальной альтернативой демократам. Почти в половине штатов республиканцы превратились во вторую основную партию. В другой половине сильнее было влияние Американской партии — так «ничего не знающие» стали теперь называть свое политическое крыло. Однако в 1855 году проявилась тенденция большой важности. Центр нативистского движения начал смещаться на юг.

50 Роберт Уинтроп, цит. по: *Neuins A. Ordeal*. II. P. 343.

51 Легислатуры Коннектикута и Род-Айленда также ввели ценз грамотности для избирателей. В этих штатах неграмотными были лишь 4—5% взрослого населения, как раз в большинстве своем ирландские иммигранты. «Ничего не знающие» при поддержке республиканцев впоследствии приняли закон, по которому натурализовавшиеся граждане Массачусетса должны были ожидать еще два года, прежде чем получить право голоса. Во время Гражданской войны это требование было отменено. Республиканские легислатуры Нью-Йорка и Мичигана приняли законы о регистрации избирателей с целью обуздать нелегальное голосование; эта мера была направлена против практики, бытовавшей в крупных городах среди демократов и ирландского электората. *Silbey J. H. The Partisan Imperative: The Dynamics of American Politics Before the Civil War*. NY, 1985. P. 141—154; *Formisano R. P. The Birth of Mass Political Parties: Michigan, 1827—1861*. Princeton, 1971. P. 285—287.

52 *Baum D. The Civil War Party System...* P. 27—31.

Помимо того что «ничего не знающие» дополнительно поставили под контроль правительства Коннектикута, Род-Айленда, Нью-Гемпшира и Калифорнии, они также выиграли выборы в Мэриленде и Кентукки, установили контроль над легислатурой Теннесси и получили по меньшей мере 45% голосов в пяти других южных штатах. Таким образом, в целом с 1848 года их агитация была на Юге удачнее, чем у вигов.

В большинстве южных штатов Американская партия во многом была лишь новой вывеской старых вигов. По правде говоря, нативистские настроения бытовали и на Юге, несмотря на относительно небольшой там процент иммигрантов и католиков. Этот нативизм укреплял позиции Американской партии в Мэриленде, Луизиане, Миссури и в какой-то степени в Кентукки — штатах, где были крупные города с большим процентом иммигрантов. «Граждане Нового Орлеана!! — призывал агитационный листок 1854 года. — Завтра вы будете выполнять свой долг по избранию нового окружного прокурора... Отец Маллен и иезуиты больше не должны управлять нашим городом... Ирландцы... превращают выборы в безобразные сцены насилия и мошенничества... Американцы! Неужели нами будут управлять ирландцы и немцы?»⁵³ Нативистские бунты и насилие в дни выборов были более актуальны для южных городов, нежели для северных. Многочисленные банды Балтимора, такие как «громилы» или «санитары», стали причиной господства «ничего не знающих» в избирательных бюллетенях. В середине 1850-х годов межэтнические столкновения привели к гибели четырех человек в Новом Орлеане, десяти в Сент-Луисе, семнадцати в Балтиморе и по крайней мере двадцати двух в Луисвилле. В некоторых районах Верхнего Юга, особенно в Мэриленде, Американская партия привлекала в равной степени как вигов, так и демократов, но во всех остальных южных штатах в нее вступали в основном только бывшие виги, предпочитавшие общество нативистов демократам. К тому же национализм «ничего не знающих» становился юнионистским противовесом все более склонявшимся к сецессии демократам⁵⁴.

Вопрос о рабстве вскоре разделил по географическому признаку и «ничего не знающих». На первом национальном совете Американской партии в июне 1855 года в Филадельфии Генри Уилсон

53 Overdyke W. D. The Know-Nothing Party in the South. P. 21—22, 24.

54 Ibid; Baker J. H. Ambivalent Americans...; Broussard J. H. Some Determinants of Know-Nothing Electoral Strength in the South // Louisiana History. 1966. 7. P. 5—20.

возглавил демарш большинства северных делегатов, когда южане и северные консерваторы приняли положение, одобряющее закон Канзас — Небраска. Начиная с этого времени влияние партии на Севере угасало, тогда как на Юге, наоборот, становилось все более выраженным. Логичным шагом для «ничего не знающих» из числа противников рабства было вступить в Республиканскую партию, которая готова была их принять, но только без их нативистской идеологии. Авраам Линкольн озвучил дилемму республиканцев по этому вопросу: «Об их принципах, — сказал о „ничего не знающих” Линкольн, — я думаю многим лучше, чем о принципах сторонников распространения рабства... Мне кажется, процесс нашей деградации идет семимильными шагами. На заре нашей государственности мы провозгласили, что „все люди являются равными”. На практике же мы читаем это как „все люди являются равными, кроме негров”. Если к власти придут „ничего не знающие”, они станут трактовать эту фразу: „все люди являются равными, кроме негров, иностранцев и католиков”. Когда дойдет до этого, я предпочту уехать в такую страну, где не притворяются в любви к свободе, например в Россию, где деспотизм утвердился в чистом виде, без всякой примеси фальши». Тем не менее в центральной части Иллинойса «ничего не знающие» «являются по большей части моими политическими союзниками и личными друзьями». Без них «не будет достаточно ресурсов противостоять „небрасским” демократам». Линкольн за «объединение с кем угодно, но на позициях, которые я считаю правильными». Единственной надеждой выиграть выборы в Иллинойсе было «заполучить часть членов этой партии» на выгодных условиях, после того как движение «ничего не знающих» полностью развалилось⁵⁵.

В Огайо Салмон Чейз показал, как это можно было сделать. После победы в 1854 году на выборах в Конгресс во всех избирательных округах «антинебрасская» коалиция Огайо искала возможность избрать Чейза губернатором. Но могли ли они добиться своей цели без поддержки «ничего не знающих»? Непримиримые фрисойлеры, такие как Джошуа Гиддингс, думали именно так. Нативизм, говорил он, «несправедливое, нетерпимое и чуждое американским ценностям течение. Мы никогда и ни в чем не пойдем на сделку с ними». Чейз, казалось, разделял его точку зрения. «Я не могу преследовать человека только из-за его происхождения, — писал он. — Я не могу

55 CWL. II. P. 316, 323.

превратить религию в политическое убеждение». В январе 1855 года он пришел к выводу, что сила «движения „ничего не знающих“... может сделать избрание такого, как я, человека невозможным»⁵⁶.

Но амбиции Чейза вскоре заставили усомниться в его словах. Частным образом он выражал готовность сотрудничать с противниками рабства из числа «ничего не знающих», если при этом можно будет «не жертвовать принципами». «Сдается мне, вы уже достаточно написали против „ничего не знающих“, так что лучше бы помолчать, — таковы были его слова, сказанные в адрес группы журналистов в феврале 1855 года. — Я не хочу сражаться ни с кем, кто не противостоит нам». Да, он признает, что «есть повод противостоять католическому и иностранному засилью», но все же настаивает на «первостепенной важности вопроса о противостоянии рабству»⁵⁷. На самом деле Чейз хотел, чтобы республиканцы отвергли политические устремления нативизма, не отклоняя, однако, его культурный посыл. В частности, он не одобрил антикатолический пафос, но, с другой стороны, в его планы не входило и отпугивать протестантский электорат, особенно немалый процент немцев, чьей поддержки республиканцы особенно жаждали. Этот реверанс в сторону протестантизма вместе с неодобрением нативизма позволил республиканцам поглотить «ничего не знающих» без всяких угрызений совести.

Чейзу удалось пройти по лезвию бритвы. «Ничего не знающие» из числа консерваторов выдвинули своих кандидатов в штате Огайо, а радикально настроенные фрисойлеры угрожали сделать то же самое, если бы Чейз пошел на уступки нативистам. Съезд республиканцев штата выдвинул кандидатуру Чейза лишь потому, что тот, по словам самого кандидата, «никоим образом не поддерживал „ничего не знающих“». Однако выдвигенцы на прочие государственные должности разделяли принципы «ничего не знающих», хотя Чейз и считал тех «честными людьми... искренне противостоящими рабству», впрочем, «на свой манер». Провозгласив, что «нет ничего важнее насущного вопроса о рабстве», Чейз в частных разговорах предсказывал, что нативизм «вскоре почит в бозе»⁵⁸.

56 Гиддингс цит. по: *Gienapp W. E. Salmon P. Chase, Nativism, and the Formation of the Republican Party in Ohio // Ohio History. 1984. 93. P. 11*; Чейз цит. по: *Trefousse H. L. Radical Republicans... P. 84*, а также по: *Maizlish S. E. The Triumph of Sectionalism: The Transformation of Ohio Politics, 1844—1856. Kent (Ohio), 1983. P. 207*.

57 Чейз цит. по: *Maizlish S. E. Op. cit. P. 206, 208*, а также по: *Gienapp W. E. Op. cit. P. 10*.

58 *Gienapp W. E. Chase, Nativism... P. 22, 24, 26*.

Ну что ж, возможно... Как бы то ни было, главным «межрасовым» итогом этих событий стало укоренение белого расизма, проповедуемого демократами, заклеившими «черных республиканцев» как защитников прав негров. Назвав кандидатуру Чейза «негритянским выбором», демократы Огайо заявили, что республиканцы намерены принести «интересы более чем двадцати миллионов человек... в жертву интересам трех миллионов черных». Республиканская политика ограничения рабства должна была неминуемо превратиться в политику освобождения из пут рабовладения, которая выпустит на свободу «от трех до пяти миллионов испорченных и неистовых дикарей... которые заполнят страну» и отберут кусок хлеба у белых тружеников⁵⁹.

Чейз сохранил спокойствие и завоевал пост губернатора, набрав 49 против 43% у демократов и 8% отдельного списка «американцев». Хотя республиканцы и не могли прийти к власти без поддержки «ничего не знающих», они все же победили в Огайо, имея аболиционистскую платформу и не будучи связанными с нативистами обязательствами.

В другой раз республиканцы продемонстрировали свою ловкость во время продолжительного сражения за пост спикера Палаты представителей, состоявшегося в декабре 1855 года. Согласно большинству оценок, Палата представителей состояла примерно из 105 республиканцев, 80 демократов и 50 «американцев». Из последних 31 делегат представлял рабовладельческие штаты и еще шестеро сторонников рабства были из других штатов. Из демократов только 23 человека происходили из свободных штатов, и лишь некоторые из них чувствовали себя неуютно рядом с южными коллегами. Среди республиканцев (не все из которых еще приняли это название) около $\frac{2}{3}$ имели по крайней мере номинальную связь с «ничего не знающими», хотя половина или даже больше отдавали приоритет борьбе против рабства, а не нативизму. Одним из таковых был конгрессмен от Массачусетса Натаниэл Бэнкс, бывший демократ, а потом нативист, который, подобно своему коллеге, сенатору Генри Уилсону, хотел впрячь республиканскую лошадь в повозку «ничего не знающих». Республиканцы выставили кандидатуру Бэнкса на пост спикера, однако в течение двух напряженных месяцев Бэнксу не хватало голосов до требуемых 118. Наконец, когда 2 февраля 1856 года Палата представителей приняла правило о получении этой

59 Maizlish S. E. Triumph of Sectionalism. P. 220.

должности простым большинством голосов, Бэнкс в 133-м раунде голосования занял пост спикера, получив 103 голоса. Именно этот момент можно назвать рождением Республиканской партии.

Что обусловило существенное падение влияния «ничего не знающих» и выдвижение менее чем за два года республиканцев в качестве главной партии Севера? Частично ответ кроется в стремительном сокращении притока иммигрантов — после 1854 года их приезжало вдвое меньше, чем в первую половину десятилетия. Но главную причину можно обозначить в двух словах: «окровавленный Канзас».

События, развернувшиеся на этой далекой территории, убедили большинство северян, что власть рабовладельцев в конечном итоге представляет собой гораздо большую угрозу для республиканских свобод, чем папа римский.

5.

Преступление против Канзаса

I

Проиграв сражение за свободный Канзас в Конгрессе, противники рабства решились на ведение войны в самих прериях. 25 мая 1854 года Уильям Генри Сьюард сообщил сенаторам-южанам: «Поскольку брошенной вами перчатки не заметить нельзя, я принимаю вызов ради дела свободы. Мы будем бороться с вами за обладание девственными землями Канзаса, и пусть Бог дарует победу той из сторон, которая сильнее как числом, так и по праву»¹. Эймос Лоуренс из Массачусетса, бывший консерватор, являлся основным финансистом Компании помощи переселенцам Новой Англии, основанной летом 1854 года с целью облегчения миграции переселенцев-фрисойлеров в Канзас. Сами жители Новой Англии, впрочем, переезжали туда в небольшом количестве, однако компания оказывала помощь и фермерам из штатов Среднего Запада, которые мало-помалу стекались в Канзас. Роль Лоуренса в этом процессе нашла отражение в названии города, ставшего штаб-квартирой войск свободных штатов на этой территории.

Однако на первых порах миссурийцы, чей штат граничил с Канзасом, превосходили фрисойлеров численно и уж точно не уступали тем в решимости. «Мы играем по-крупному, — уверял сенатор от

1 CG, 33 Cong., 1 Sess. Appendix. P. 769.

Миссури Дэвид Атчисон своего виргинского коллегу Роберта Хантера, — и играть нужно решительно... Если мы победим, то рабовладение распространится до Тихого океана, а если проиграем, то потеряем Миссури, Арканзас, Техас и прочие территории». Пятнадцать лет назад миссурийцы разграбили и сожгли дотла поселения мормонов, изгнав тех из штата — теперь Атчисон был уверен в способности миссурийцев поступить так же и с канзасскими фрисойлерами. «Мы накапливаем силы, — говорил он Джефферсону Дэвису, — мы будем вынуждены стрелять, поджигать и вешать, но вскоре все это закончится. Мы хотим превратить аболиционистов в мормонов»².

Атчисон делал все, чтобы сдержать свое обещание. Когда демократ от Пенсильвании Эндрю Ридер прибыл в Канзас исполнять должность губернатора территории, он назначил выборы делегата в Конгресс на осень 1854 года. Они стали первыми в череде выборов в Канзасе, во время которых и без того скандальная приграничная политическая жизнь бурлила во сто крат сильнее из-за споров о рабстве. В ноябре 1854 года Атчисон и другие видные миссурийцы возглавили вторжение «пограничных головорезов» в Канзас, чтобы увеличить количество голосовавших за сторонника рабства. Поселенцы с севера окрестили их вульгарным словечком «пьюкс»³, а сами эти тощие, небритые, грязные, крепко пьющие миссурийцы в большинстве своем были мало заинтересованы в рабстве материально, однако еще меньше они любили «унылых, лицемерных янки», с их «слащавой и льстивой любовью к черномазым»⁴. «Пограничные головорезы» выиграли первый раунд. Подав свыше 1700 бюллетеней (которые постоянный комитет Конгресса впоследствии признал поддельными), они провели в Конгресс сторонника рабства.

Возможно, миссурийцы могли победить и при справедливом голосовании. Губернатор Ридер провел перепись населения с целью подготовки к следующим выборам в марте 1855 года (в легислатуру

2 Цит. по: *Rawley J. A. Race and Politics: „Bleeding Kansas” and the Coming of the Civil War.* Philadelphia, 1969. P. 81; *Gienapp W. E. The Origins of the Republican Party, 1852—1856 (dissertation).* 1980. P. 570—571.

3 Puke — блевотина (англ.).

4 Анализ стереотипов в отношении друг друга, которых придерживались янки и «пьюкс», см.: *Fellman M. Rehearsal for the Civil War: Antislavery and Proslavery at the Fighting Point in Kansas, 1854—1856 // Perry L., Fellman M. Antislavery Reconsidered: New Perspectives on the Abolitionists* Baton Rouge, 1979. P. 287—307, 300. Прозвище «пограничные головорезы» было введено в обиход Хорасом Грили, но миссурийцы приняли и гордо носили его.

территории). По ее результатам, из 8501 истинного жителя (включая 242 рабов), 2905 имели право голоса, причем $\frac{3}{5}$ из них были выходцами из Миссури и других рабовладельческих штатов. Тем не менее Атчисон хотел иметь уверенность в победе. Помощник сенатора в Миссури так убеждал толпу в Сент-Джозефе: «Выявляйте среди вас тех мерзавцев, которые хоть в малейшей степени поражены язвой фрисойлерства или аболиционизма, и уничтожайте их. Тем из вас, которые мучаются угрызениями совести... настало время отбросить эти мысли, так как ваша жизнь и собственность в опасности... Приходите на избирательные округа в Канзасе... и голосуйте, даже если потребуется предьявить охотничий нож или револьвер!» Покинув Сенат, Атчисон вновь возглавил вторжение шайки «пограничных головорезов» в Канзас. «Свыше одной тысячи людей уже идут на выборы из округа Платт, — говорил он своим сторонникам, — но если этого недостаточно, то мы пошлем пять тысяч — этого хватит, чтобы перебить всех чертовых аболиционистов»⁵. Всего (установлено расследованием Конгресса) пришло как раз 4908, подавших незаконные бюллетени и сформировавших, таким образом, легислатуру, состоящую из 36 приверженцев рабства и 3 фрисойлеров. «Миссурийцы доблестно отстаивали наши права», — заключила одна алабамская газета. «Приветствуем вас! — радовалась стоявшая на позициях рабовладельцев *Leavenworth Herald*. — Вперед, южане! Берите своих рабов и расселяйтесь по территории. Канзас спасен»⁶.

Эти события потрясли губернатора Ридера. Он прибыл в Канзас, сочувственно относясь к рабству, однако миссурийцы, угрожавшие его жизни, если он вздумает вмешиваться в их деятельность, убедили его перейти на другую сторону. Он назначил новые выборы в одной трети округов. Большинство из них выиграли кандидаты от фрисойлеров, однако когда члены легислатуры собрались в июле 1855 года, то в ней, в нарушение результатов выборов, заседали все те же приверженцы рабства, которые победили ранее. Между тем Ридер отправился в Вашингтон, где умолял Пирса вмешаться и прекратить этот фарс, но президент прислушался к аргументам Атчисона, Дугласа и других демократов, говоривших, что проблеме спровоцировала деятельность Компании помощи переселенцам,

5 Джон Стрингфеллоу цит. по Nichols A. Bleeding Kansas. NY, 1954 P. 26; слова Атчисона приведены в свидетельских показаниях поселенца из Теннесси д-ра Батлера перед комитетом Конгресса, цит. по: Nevins A. Ordeal. II. P. 385.

6 Rawley J. A. Race and Politics... P. 89; Nichols A. Bleeding Kansas... P. 29.

а республиканские газеты сделали из мухи слона. Также Атчисон убедил Пирса заменить Ридера более стоворчивым губернатором, которым оказался Уилсон Шэннон из Огайо. Одним из первых шагов Шэннона было претворение в жизнь подготовленного легислатурой закона о рабстве, подразумевавшего денежные взыскания и тюремное заключение за выражение протеста против рабства, вводившего смертную казнь за поддержку мятежа рабов или содействие их побегу и требовавшего от всех избирателей клятвы соблюдать этот закон. Кроме того, по этому закону не требовалось проживать в Канзасе до голосования, что задним числом легализовало подачу бюллетеней «пограничными головорезами»⁷.

Канзасцы-фрисойлеры, которые к осени 1855 года уже численно превосходили истинных поселенцев из числа сторонников рабства, не собирались подчиняться этому закону или признавать «фиктивную легислатуру», его принявшую. Поселенцы-северяне вооружились новыми казнозарядными винтовками Шарпса, присланными из Новой Англии. Также фрисойлеры организовались и в политическом отношении, собравшись в октябре на съезд в Топике. Там они приняли антирабовладельческую конституцию и объявили выборы в новую легислатуру и на пост губернатора. Разумеется, приверженцы рабства бойкотировали эти выборы. Итак, к январю 1856 года в Канзасе действовали два территориальных правительства: официальное в Лекомптоне и неофициальное, но представлявшее большинство действительных жителей территории в Топике.

Сторонники обоих органов власти напоминали ходячие арсеналы, поэтому кровопролитие было лишь делом времени. Убийство поселенца-фрисойлера приверженцем рабства в ноябре 1855 года повлекло за собой череду вооруженных инцидентов, что могло считаться началом войны. Около полутора тысяч миссурийцев пересекли границу в направлении Лоуренса — оплота фрисойлеров — где тысяча человек уже ждали их с винтовками Шарпса и одной гаубицей. Федеральные войска не вмешивались в происходящее, так как не получали никаких приказов от пассивной администрации Пирса. Губернатор Шэннон отправился в Лоуренс, где убедил обе стороны распустить свои формирования. С помощью Атчисона ему удалось вывести упиравшихся миссурийцев за пределы Канзаса.

7 Nevins A. Ordeal... II. P. 384—390; Monaghan J. Civil War on the Western Border, 1854—1865. NY, 1955. P. 17—30; Nichols R. F. Franklin Pierce. Philadelphia, 1958. P. 407—418.

Атчисон убеждал их: «Если вы нападете на Лоуренс сейчас, то это будет бандитским налетом, а к чему такое приведет? Такое может привести к выборам президента-аболициониста и к распаду Демократической партии. В данный момент вы не можете уничтожить этих людей, не потеряв больше, чем приобретете, — так что подождите немного»⁸.

Подобные рассуждения вряд ли могли способствовать устойчивому миру. Спокойная обстановка следующих нескольких месяцев во многом была следствием суровой зимы, однако уже с первыми подснежниками весны 1856 года стороны забряцали оружием. Ежегодная миграция переселенцев с севера обещала еще больше увеличить антирабовладельческое большинство жителей территории. Ответ сторонников рабства отдавал бравадой: «Кровь за кровь! — декларировала *Atchison Squatter Sovereign*. — Очистим наши ряды от аболиционистских лазутчиков... и ясно дадим понять, что все те, кто немедленно не отправятся на восток, отправятся к праотцам!»⁹ Судья Сэмюэл Лекомпт, приверженец рабства, поручил большому жюри присяжных предъявить обвинение в измене членам антирабовладельческого правительства. Так как многие из них находились в Лоуренсе, попытка ареста давала еще один шанс миссурийцам, выступавшим теперь в качестве отряда шерифа, атаковать оплот аболиционистов-янки. 21 мая, подтянув пять орудий, они начали осаду города. Не желая быть в дальнейшем обвиненными в нарушении закона, лидеры противников рабства отказались от сопротивления. После этого «отряд шерифа», насчитывавший около 800 человек, ворвался в Лоуренс, разрушил редакции двух газет, сжег гостиницу и резиденцию избранного фрисойлерами губернатора и разграбил магазины и жилые дома.

Все эти события произошли на фоне споров национального масштаба о будущем Канзаса. И республиканцы, и демократы представили Конгрессу законопроекты о признании Канзаса штатом, причем первые — в духе принятой в Топике антирабовладельческой конституции, а вторые — после выборов нового конституционного конвента под контролем правительства территории в Лекомптоне. Южане рассматривали этот вопрос как определяющий для своего будущего: «Принятие Канзаса в Союз в качестве рабовладельческого штата — это в настоящий момент дело чести, — писал конгрессмен

8 Nevins A. Ordeal... II. P. 411.

9 Ibid.

от Южной Каролины Престон Брукс в марте 1856 года. — Сама судьба Юга зависит от решения по Канзасу. Если Канзас станет продажным [то есть свободным] штатом, то рабовладение вполнину сократит свое влияние в Миссури... [и] аболиционизм превратится в господствующее мировоззрение. То же ждет и Арканзас, и северную часть Техаса»¹⁰.

Так как республиканцы доминировали в Палате представителей, а демократы — в Сенате, ни одна из партий не могла добиться того, чтобы ее законопроект по Канзасу приобрел силу закона. Обе партии сосредоточились на пропагандистском моменте этих событий, имея в виду скорые президентские выборы. Из этой стратегии республиканцы извлекли большую выгоду, так как поддержка демократами произвола сторонников рабства в Канзасе предоставила естественную возможность живописать очередное попрание рабовладельцами устоев Севера. Устами способных молодых репортеров, настроенных против рабовладения, чье рвение порой превалировало над точностью изложения, бурно растущая республиканская пресса усиленно педалировала тему «окровавленного Канзаса».

А южане продолжали давать поводы для таких репортажей. Сразу вслед за «разграблением Лоуренса» шокирующая новость пришла из самого Капитолия. Всю весну Чарльз Самнер копил ярость в адрес того, что он окрестил «преступлением против Канзаса» — так же называлась и его двухдневная речь, которую он произнес 19—20 мая перед переполненными галереями Сената. За несколько дней до выступления Самнер говорил Салмону Чейзу: «Я должен произнести самую продуманную и законченную речь в своей жизни. Мое сердце страдает от допущенного произвола, и я должен высказаться до конца». Так он и сделал, причем в речи его было больше страсти, нежели хорошего тона. «Кровожадные разбойники из Миссури, — вещал Самнер, — наймиты, выгашенные из пьяной блевотины мутной цивилизации, изнасиловали девственную территорию, толкнув ее в ненавистные объятия рабства». Особенно от него досталось «однокашникам с Эф-стрит», включая сенатора от Южной Каролины Эндрю Батлера, который «выхаркивал свои требования» разоружить противников рабства в Канзасе. Родной штат Батлера, «позорно отупевший от рабства», отправил в Сенат в его лице «Дон Кихота, сделавшего своей возлюбленной персону... в глазах всего

10 Ibid. P. 433.

мира развращенную, но в его глазах — целомудренную, — я имею в виду продажную девку по имени Рабство»¹¹.

Речь Самнера вызвала резонанс как в Сенате, где некоторые демократы осудили его, так и в прессе, где даже республиканцы одобрили речь с оговорками из-за ее риторики. Единственной причиной того, почему некоторые из южан не вызвали его на дуэль, была уверенность в том, что вызов он не примет. Кроме того, вызывать на дуэль следовало равных по социальному положению, а такие худородные мерзавцы янки заслуживают хлыста. Или палки. Так считал и конгрессмен Престон Брукс, дальний родственник Эндрю Батлера. Два дня спустя после выступления Самнера Брукс вошел в практически пустой после объявления перерыва зал Сената и приблизился к столу, за которым Самнер писал письма. Ваша речь, обратился он к сенатору, «это клевета на штат Южная Каролина и мистера Батлера, который является моим родственником». Не успел Самнер встать, как взбешенный Брукс нанес ему не меньше тридцати ударов по голове тростью с золотым набалдашником. Ноги Самнера застряли под привинченным к полу столом, и как только он смог высвободить их оттуда, то сразу же упал с окровавленной головой¹².

Этот инцидент привел в ярость даже тех янки, которые не слишком жаловали Самнера. «Окровавленный Самнер» превратился в символ беззакония рабовладельцев наряду с «окровавленным Канзасом». По словам одной из газет, южане «не терпят свободомыслия нигде, даже в Вашингтоне они заставляют молчать с помощью дубинки и ножа, подобно тому как они делают это в Канзасе с помощью избиваний, грабежей и убийств». «Дошло ли уже до того, — задавался вопросом Уильям Каллен Брайант из *New York Evening Post*, — что мы должны говорить шепотом в присутствии наших хозяев с Юга?.. Могут ли они избивать нас так же, как избивают своих рабов? Может быть, мы тоже рабы, рабы на всю жизнь, спины для их палок, если мы ведем себя не так, как им нравится?»¹³

Южане, напротив, возвели Брукса в ранг героя, нанеся тем самым новое оскорбление Северу. Хотя некоторые из них и сожалели о случившемся из-за бурной реакции на Севере, публичное

11 Chase Papers, Library of Congress; The Works of Charles Sumner. 12 vols. Boston, 1873. IV. P. 125—148.

12 Donald D. Charles Sumner and the Coming of the Civil War. NY, 1960. P. 289—297.

13 Цит. по: *Gienapp W. E. The Crime Against Sumner: The Caning of Charles Sumner and the Rise of the Republican Party // CWH. 1979. 25. P. 230, 232.*

одобрение поступка Брукса существенно перевесило эти сожаления. Газеты его родного штата выражали гордость от того, что Брукс «столь доблестно постоял... за честь жителей Южной Каролины»¹⁴. *Richmond Enquirer* написала, что «поступок был хорош по замыслу, еще лучше по исполнению и превосходит по значимости. Вульгарные аболиционисты в Сенате слишком зазнались... Они обнаглели до того, что посмели дерзить джентльменам!.. По правде говоря, им слишком долго позволяли бегать без ошейников, поэтому их нужно усмирить»¹⁵. Луизианский плантатор и бывший армейский офицер Брэкстон Брэгг писал, что Палате представителей следует выразить признательность Бруксу. «Только ударами палки по голове можно достучаться до чувств таких собак», — писал Брэгг. Сам Брукс хвастался: «Все южане поддерживают меня. За обломками трости очередь как за священной реликвией». Когда Палата представителей 121 голосом против 95 проголосовала за лишение его статуса конгрессмена, южане-оппозиционеры не позволили набрать необходимое для этого большинство в две трети голосов. Однако Брукс все равно вышел из состава Конгресса и вернулся домой, чтобы добиться восстановления своих прав путем переизбрания. Жители Южной Каролины торжественно встретили его и отправили назад в Вашингтон с едидушным ликованием. Со всего Юга Бруксу приходили десятки новых тростей; на некоторых были вырезаны такие «пожелания», как «Ударь его снова» или «Используй сногшибательные аргументы»¹⁶.

Такая реакция южан возмутила умеренных северян даже больше, чем само избиение Самнера. «Во мне вызвало эмоции не столько само нападение (хотя, конечно, оно ужасно и само по себе), — писал некий влиятельный виг, который впоследствии голосовал за республиканцев, — сколько тональность прессы Юга и очевидное одобрение этого поступка всеми южанами». А один консерватор из Бостона, который до этого защищал южан, теперь заявил: «...должен с горечью признать их цивилизацией более низкой, чем я полагал раньше, хотя и [Теодор] Паркер, и те, кого называют „крайними“, постоянно и невозмутимо настаивали на этом факте, в то время как я горячо протестовал». Видные республиканцы говорили, что они

14 Цит. по: Craven A. O. *The Growth of Southern Nationalism 1848—1861*. Baton Rouge, 1953. P. 233.

15 Цит. по: Gienapp W. E. *Op. cit.* P. 222.

16 Слова Брэгга цит. по Donald D. Charles Sumner... P. 305; слова Брукса цит. по: Gienapp W. E. *Op. cit.* P. 221; «пожелания» на тростях цит. по: Franklin J. H. *The Militant South 1800—1861*. Cambridge. 1956. P. 54—55.

«никогда не испытывали ничего подобного тому чувству глубокой, непоколебимой и отчаянной ненависти и враждебности к дальнейшему распространению рабства и его политической мощи»¹⁷.

Единственным наказанием для Брукса стал трехсотдолларовый штраф, взысканный с него окружным судом. Ранения Самнера, усугубленные посттравматическим синдромом, который превратил психогенный невроз в соматическое заболевание, не позволяли ему полноценно работать в Сенате на протяжении последующих четырех лет¹⁸. В течение этого периода легислатура Массачусетса переизбрала его как некий живой упрек «варварскому рабству». Довольно многие янки хотели выйти за рамки такого пассивного протеста. «Если южане прибегают к розгам для рабов как к средству полемики с северянами, — писал священник из Нью-Йорка в своем дневнике, — то для северян не остается ничего, кроме как дать сдачи или стать рабами»¹⁹. А в Канзасе проживал 56-летний аболиционист, который тоже верил в ветхозаветную заповедь «око за око». Джон Браун внешне и правда был очень похож на библейского персонажа, убивавшего своих врагов ослиной челюстью — хотя сам Браун предпочитал более современные виды оружия, такие как винтовка и (в одном скверном происшествии) палаш.

Отец двадцати детей, Браун не достиг больших успехов в деловых операциях и фермерстве. В 1855 году он присоединился к шести своим сыновьям и зятю, которые получили земельные наделы в Канзасе. Фанатичный противник рабства, обладавший чуть ли не гипнотическим воздействием на большинство своих приверженцев, Браун добровольно вместе с сыновьями вступил в военный отряд для участия в партизанской войне, развернувшейся весной 1856 года. Направляясь в мае к Лоуренсу, чтобы помочь его защитникам, отряд узнал, что не оказавший сопротивления город был разграблен миссурийцами. Эта новость вызвала ярость Брауна по отношению к отрядам сторонников рабства и презрение к жителям Лоуренса, отказавшимся сражаться. Мы должны «отвечать ударом на удар», должны «посеять страх в сердцах приверженцев рабства». Когда же до сторонников Брауна дошло известие об избиении Самнера в Вашингтоне, он, по словам свидетелей, «просто обезумел». «Необходимо что-то предпринять, чтобы показать этим варварам, что у нас

17 Все цит. по: *Gienapp W. E. Op. cit. P. 231, 234—235.*

18 См. исчерпывающий и убедительный анализ: *Donald D. Op. cit. P. 232.*

19 Слова Генри Дэйна Уорда цит. по: *Gienapp W. E. Op. cit. P. 232.*

тоже есть права», — заявил Браун. По его подсчетам, с момента начала беспорядков в Канзасе сторонники рабства убили по меньшей мере пять фрисойлеров. Браун задумал предпринять «радикальные ответные меры» против «псов-рабовладельцев» своей округи близ Потаватоми-Крик, хотя никто из живших там не принимал никакого участия в убийствах. С помощью четырех своих сыновей и трех других сообщников в ночь на 25 мая Браун вывел пятерых стоявших за рабство поселенцев из их жилищ и хладнокровно раскроил им черепа палашом. Словом, око за око²⁰.

Эта ужасная бойня осталась безнаказанной. Федеральные власти, правда, арестовали двух сыновей Брауна, однако вовсе не тех, которые участвовали в убийстве, а шайки приверженцев рабства сожгли усадьбы семьи Брауна. Лоуренс и Потаватоми привели к эскалации партизанской войны в Канзасе. Один из сыновей Брауна был в числе двухсот погибших в ходе этого конфликта. Брауну и остальным его сыновьям, считавшим себя солдатами священной войны, удалось избежать официальных обвинений в убийстве в Потаватоми. К тому же, несмотря на значительные усилия американской армии по обузданию насилия, численности войск было явно недостаточно для того, чтобы контролировать разбойничьи набеги, отличавшие обе воюющие стороны.

По мере того как вести о «бойне в Потаватоми» распространялись на восток, противники рабства стали верить в то, что Браун в ней не участвовал, а если и участвовал, то исключительно в рамках самообороны²¹. Поэтому неудивительно, что республиканская пресса предпочитала заострять внимание на «варварстве» «пограничных головорезов» и Престона Брукса, а не борца за освобождение рабов. Как бы то ни было, вскоре «бойню в Потаватоми» затмили рассказы о других «битвах»; многие газеты запестрели заголовками: «Гражданская война в Канзасе». Именно на фоне этой гражданской войны развернулись президентские выборы 1856 года.

20 Oates S. B. To Purge This Land with Blood: A Biography of John Brown. NY, 1970. P. 126—137. Несмотря на то, что некоторые современники отрицают участие в бойне Брауна, историки не сомневаются в этом, расходясь лишь по вопросу о мотивах и подробностях инцидента; мы основывались на приведенном исследовании.

21 Подробнейшее описание различных точек зрения, с которых современники Брауна и позднейшие историки рассматривали, ясно или искаженно, «бойню в Потаватоми», см.: Malin J. C. John Brown and the Legend of Fifty-six. Philadelphia, 1942.

II

Начало нового года ничем не предвещало, что республиканцы превратятся во вторую крупнейшую партию на Севере. Американская партия провела в феврале свой национальный съезд, на котором надеялась преодолеть прошлогодний раскол. Некоторые из делегатов-северян, вышедших из состава партии в июне 1855 года, вернулись в ее ряды. Однако коалиция южан и консерваторов из Нью-Йорка и Пенсильвании вновь заблокировала принятие резолюции, призывавшей к отмене закона Канзас — Небраска. После этого 70 делегатов-янки вышли из Американской партии, чтобы основать Северную американскую партию. Оставшиеся делегаты выдвинули в президенты кандидатуру Милларда Филлмора.

«Северные американцы» созвали свой съезд за несколько дней до проведения собрания республиканцев в июне. Они намеревались выставить кандидатуру нативиста, но противника рабства, которую республиканцы вынуждены были бы поддержать для того, чтобы избежать раскола антирабовладельческих сил. Однако жизнь доказала невозможность того, чтобы нативистский хвост вилял свободной собакой. Все тот же Натаниэл Бэнкс, который только что консолидировал контроль республиканцев над Палатой представителей, став ее спикером, послужил «фиктивной кандидатурой» с целью поглощения республиканцами Северной американской партии. По-прежнему оставаясь на хорошем счету у нативистов, Бэнкс позволил выдвинуть свою кандидатуру в президенты от «северных американцев». После того как своего кандидата выставили и республиканцы, Бэнкс взял самоотвод в его пользу, практически поставив «северных американцев» перед фактом оказания поддержки республиканскому кандидату. Некоторые делегаты съезда «северных американцев» были осведомлены об этом трюке, и он сработал. Но на момент, когда Бэнкс стал кандидатом в президенты, всеобщее внимание переключилось на Филадельфию, где республиканцы собрались на свой первый национальный съезд.

Лидеры республиканцев, такие как бывший виг Терлоу Уид из Нью-Йорка и бывший демократ Фрэнсис Престон Блэр из Мэриленда, были проникательными людьми. Предвидя, что старые партийные привязанности некоторых политических тяжеловесов будут препятствовать их участию в «республиканском» собрании, они, созывая участников съезда, не афишировали этот термин. Вместо этого они приглашали делегатов, «несогласных с отменой Миссурийского

компромисса [и] политикой нынешней администрации, безотносительно былых политических различий или разногласий»²². Программа партии и кандидат в президенты должны были быть подобраны столь искусно, чтобы привлечь как можно больше (а отпугнуть как можно меньше) избирателей. Особенно трудной задачей было завоевать симпатии и нативистов, и иммигрантов (по крайней мере, протестантского толка). Почти столь же нелегким делом было образование коалиции из бывших вигов и демократов. В программе преследовались обе эти цели: акцент был сделан на моментах, объединявших различные взгляды, в то время как факторы, могущие привести к розни, игнорировались или ретушировались. Четыре пятых объема партийной программы были посвящены рабству: она осуждала политику администрации в Канзасе, декларировала право Конгресса запрещать рабство в территориях, призывала принять Канзас как свободный штат и денонсировать Остендский манифест, ссылаясь на Декларацию независимости как на непреложный источник принципов фрисойлерства. В двух кратких пунктах эта программа переключалась с давней программой вигов, предлагая государственное финансирование «внутренних улучшений» путем поддержки строительства трансконтинентальной железной дороги и «развития речной и портовой инфраструктуры» — эти проекты могли обеспечить поддержку демократов в тех районах, где они принесли бы выгоду (Пирс, напротив, наложил вето на три законопроекта по рекам и портам). Заключительное положение программы, касающееся нативизма, было шедевром двусмысленности. Возражая против законов, которые могут ограничить «свободу совести и равноправие граждан», программа, казалось, осуждала нативизм. Однако, определяя понятие «граждане», программа не отвергала предложение «ничего не знающих» (которое, впрочем, республиканцы не собирались превратить в жизнь) о продлении периода ожидания натурализации. А «свобода совести» в свою очередь являлась знаком для протестантов, возмущенных попытками католиков запретить чтение Библии короля Иакова в государственных школах²³.

Так как Республиканская партия была новым образованием, то ее программа представляла больший, чем обычно, интерес для американской политики, а кандидат в президенты, несомненно, должен

22 Цит. по: *Gienapp W. E. Origins of the Republican Party...* P. 864.

23 См.: *History of American Presidential Elections 1789—1968*. 4 vols. NY, 1971. II. P. 1039—1041.

был сделать еще больше для формирования имиджа партии. Наиболее многообещающими кандидатурами выглядели Сьюард и Чейз, но каждый из них нажил врагов в тех группировках, которые республиканцы хотели привлечь на свою сторону: нативисты, противники рабства среди демократов и консервативные виги. Помимо этого, Сьюард и его советник Терлоу Уид сомневались в победе республиканцев уже в 1856 году и предпочитали дожидаться лучших времен в 1860 году. Джон Фримонт стал единственным «подходящим» кандидатом именно потому, что был практически новичком в политике и терять ему было нечего. Энергичный имидж Следопыта²⁴ являлся ценным для политика качеством. Фримонт, предполагал один республиканский стратег, мог бы покорить избирателей «романтикой своей жизни и путешествий»²⁵. Его женитьба на своевольной Джесси Бентон, дочери легендарного сторонника президента Джексона Томаса Харта Бентона, враждовавшего с группировкой Атчисона в Миссури, обеспечила ему важные связи в кругу бывших членов Демократической партии. После поддержки свободного статуса Калифорнии в 1849 году и одобрения идеи свободного Канзаса в 1856 году он приобрел репутацию несомненного противника рабства. Таким образом, Фримонт стал официальным кандидатом еще в первом раунде голосования. Бывших вигов задобрили, выдвинув в качестве вице-президента Уильяма Дейтона, сенатора от Нью-Джерси.

Кандидатура Дейтона грозила разрушить хрупкую уверенность в признании «северными американцами» республиканских кандидатов. Бэнкс, как и планировалось, оставил их без кандидата в президенты, однако в обмен на поддержку Фримонта нативисты ожидали от республиканцев одобрения своего протеже в качестве вице-президента. Когда республиканцы отказались пойти на это, «северные американцы» раздраженно пошумели, но в конце концов приняли Дейтона. Полное признание республиканского тандема стало для них слишком большим унижением, так как отец Фримонта был католиком, да и Следопыта венчал священник. Во время предвыборной кампании ходили вздорные слухи о том, что и сам Фримонт был тайным католиком. Некоторые озлобленные «северные американцы» обещали поддержать Филлмора, однако эта кандидатура была слабым утешением — он числился в рядах «ничего не знающих» лишь

24 Прозвище, данное Фримонту за географические исследования. — *Прим. пер.*

25 *Sewell R. H. Ballots for Freedom: Antislavery Politics in the United States 1837—1860. NY, 1976. P. 283.*

номинально, ибо его в основном поддерживали бывшие виги Юга, которые не смогли заставить себя объединиться с демократами.

После 1856 года нативизм как организованное политическое движение надолго был предан забвению. Его враждебность к папистам (а равно и к рому) оставалась подводным течением в недрах Республиканской партии, потому что для основной массы республиканцев именно рабовладение, а не католицизм представляло угрозу американским свободам. «Вы находитесь сегодня здесь, — обратился председатель партии к делегатам республиканского съезда, — для того, чтобы придать нужное направление тому движению, которое должно решить, останется ли народ Соединенных Штатов отныне и во веки веков привязан к той государственной политике распространения рабства, которая проводится в наши дни»²⁶.

Кандидат в президенты от демократов был полной противоположностью Фримонту. Следопыт в свои 43 года был самым молодым кандидатом в президенты за всю историю, тогда как 65-летний Джеймс Бьюкенен — одним из самых пожилых. Если колоритный Фримонт и его честолюбивая жена за долгие годы нажили множество врагов, но и завели множество друзей, угрюмый холостяк-пресвитерианин Бьюкенен слыл осторожной посредственностью. В то время как Фримонт провел на государственной службе лишь три месяца, будучи сенатором от Калифорнии, Бьюкенен в течение своей жизни занимал столько должностей, что его прозвали «Старым службистом» (Old Public Functionary): десять лет он был конгрессменом, еще десять — сенатором, пять лет провел на дипломатической службе, будучи посланником в России и Великобритании, и еще четыре года на посту государственного секретаря. Однако у Бьюкенена было одно общее с Фримонтом качество — он был подходящим кандидатом. Он не принимал участия в прениях по закону Канзас — Небраска, ибо как раз тогда был посланником в Великобритании. В отличие от Пирса и Дугласа, других претендентов на номинацию, он не имел ни малейшего отношения к канзасским беспорядкам. Важным было и то, что Бьюкенен представлял Пенсильванию, которая обещала стать решающим полем битвы во время предвыборной кампании.

Во время национального съезда демократов Пирс и Дуглас в основном были поддержаны южанами, благодарными им за их роль в отмене

26 Nevins A. Ordeal. II. P. 460. Оценку поведения нативистов на выборах 1856 года, делающую упор на двойственной позиции республиканцев, см.: *Gienapp W. E. Nativism and the Creation of a Republican Party in the North before the Civil War* // JAH. 1985. 72. P. 541—548.

Миссурийского компромисса. Большинство же голосов за Бьюкенена принадлежало северянам — парадокс, так как Бьюкенен оказался более рьяным сторонником южан, чем оба его соперника. Когда количество раундов поименного голосования перевалило за дюжину, сначала Пирс, а потом Дуглас сняли свои кандидатуры во имя согласия, позволив таким образом Бьюкенену победить в семнадцатом раунде. В отличие от программы республиканцев, постулаты демократов лишь на одну пятую от своего немалого объема были посвящены проблеме рабства. Демократы поддержали доктрину народного суверенитета и заклеили республиканцев как «партию раздора», подстрекающую к «измене и вооруженному сопротивлению законной власти в территориях». Остальные положения программы являли собой привычный перепев джексоновских мотивов: права штатов; ограниченные полномочия правительства; запрет государственной поддержки «внутренних улучшений» и национального банка как слишком «опасной меры для наших республиканских институтов и народных свобод»²⁷.

Предвыборная кампания превратилась в два отдельных поединка: Бьюкенен против Филлмора на Юге и Бьюкенен против Фримонта на Севере. На Юге по большей части кампания шла вяло, ибо ее исход там был предрешен. Хотя Филлмор и получил 44% голосов избирателей в рабовладельческих штатах, ему удалось победить в одном лишь Мэриленде. Фримонт же победил во всех самых северных штатах — в Новой Англии вместе с Мичиганом и Висконсином — с преимуществом в 60% голосов избирателей против 36% у Бьюкенена и 4% у Филлмора. Преобладание республиканцев в вотчинах янки, таких как Верхний Нью-Йорк²⁸, северные части Огайо и Айовы, принесло Фримонту победу и в этих штатах. Решающая борьба развернулась в штатах, лежащих южнее: Пенсильвании, Индиане, Иллинойсе и Нью-Джерси. Пенсильвания плюс любой из названных штатов или все минус Пенсильвания приносили Бьюкенену президентство.

Демократы и сосредоточили свои усилия на этих штатах, где они выставляли себя консервативными приверженцами сохранения Союза и альтернативой экстремистам-республиканцам. Во время этой кампании мало кого интересовали прежние споры о банках, «внутренних улучшениях» и тарифах. Да и недавние вопросы нативизма и трезвости по большому счету что-то значили лишь на местном уровне.

27 History of Presidential Election. II. P. 1035—1039.

28 Так принято называть всю часть штата Нью-Йорк к северу от города Нью-Йорк. — Прим. пер.

Разумеется, демократы не преминули заклеить республиканцев как новых вигов, стоящих за банки и протекционистские тарифы, или как фанатичных наследников партии «ничего не знающих», однако ключевыми проблемами были рабство, расовый вопрос и — прежде всего — судьба Союза. По этим вопросам демократы Севера могли отстаивать свои позиции не столько как защитники рабства, сколько как защитники Союза и белой расы от разрушительно настроенных «черных республиканцев».

Демократы обвиняли фанатичных янки в регионализме, что, в общем-то, было правдой. Тандем Фримонт—Дейтон появился лишь в четырех рабовладельческих штатах (все на Верхнем Юге), и в них республиканцы получили меньше 1% голосов. Демократы предостерегали, что если Фримонт единогласно победит на Севере, то Союз рухнет. Как считал сам Бьюкенен: «„Черных республиканцев” необходимо... смело критиковать как сепаратистов и повторять это обвинение снова и снова»²⁹. Южане также подливали масло в огонь, угрожая выйти из состава Союза в случае победы республиканцев. «Избрание Фримонта, — заявил Роберт Тумбс, — может стать концом Союза, и оно им станет»³⁰. Когда сентябрьские выборы в легислатуру штата Мэн закончились триумфальной победой республиканцев, губернатор Виргинии Генри Уайз привел свои воинские формирования в боевую готовность, а в частной переписке заметил: «Если Фримонт будет избран президентом, нас ждет революция». Сенатор от Виргинии Джеймс Мэйсон добавил к этому, что Юг «должен не выжидать, а стремиться к немедленному, абсолютному и окончательному отделению»³¹.

Эти пророчества не пропали даром. Многие влиятельные виги, включая последователей Генри Клэя и Дэниела Уэбстера, объявили о своей поддержке Бьюкенена как единственного гаранта сохранения Союза. Даже тесть Фримонта Томас Харт Бентон, несмотря на ненависть к верхушке демократов, убеждал своих сторонников отдать голоса Бьюкенену. Другие виги-консерваторы в спорных штатах, таких как Нью-Йорк, Пенсильвания и Иллинойс, голосовали за Филлмора (чью кампанию демократы негласно помогали финансировать), раскалывая таким образом антидемократический электорат и способствуя тому, чтобы два последних штата встали под знамена Демократической партии.

29 Цит. по: *History of Presidential Elections*. II. P. 1028.

30 Цит. по: *Potter D. Impending Crisis...* P. 262.

31 Цит. по: *Nichols R. F. The Disruption of American Democracy*. NY, 1948. P. 44.

По словам демократов, победа республиканцев могла не только разрушить Союз, но и создать угрозу главенству белой расы как на Юге, так и на Севере по причине нарушения баланса рабства и межрасовых отношений. «Черные республиканцы, — обращалась к избирателям демократическая газета в Огайо, — [намерены] спустить с цепи... миллионы негров, которые станут расталкивать вас у мастерских, создавая конкуренцию всем честным труженикам». Демократы из Питтсбурга видели главную проблему в дилемме «белая или черная раса», потому что «одной из целей партии, поддерживающей Фримонта», является «совершенствование африканской расы в нашей стране, дабы она добилась окончательного равенства с белыми людьми в политическом и экономическом отношении». Демократы Индианы организовали шествие девушек в белых одеждах, несших плакаты, на которых было написано: «Отцы, спасите нас от черномазых мужей!»³²

Подобные обвинения в расколе Союза и пропаганде расового равенства перевели республиканцев в партер. Тщетно они обращали внимание, что настоящими сепаратистами являются как раз южане, угрожающие выходом из Союза. Тщетно убеждали общественность в том, что никоим образом не намерены «совершенствовать африканскую расу, дабы она добилась окончательного равенства с белыми людьми». Наоборот, объясняло большинство из них, основной целью недопущения рабовладения на новые территории является защита белых поселенцев от губительной конкуренции черных работников. Для опровержения несостоятельных обвинений в эгалитарном аболиционизме в свободной «конституции» Канзаса, например, было прописано положение, исключающее права как рабов, так и свободных негров. Лаймэн Трамбулл так обращался к съезду республиканцев: «Мы собрались здесь не столько для благоденствия негров, сколько для защиты белых тружеников, для защиты нас самих и наших свобод». Такие аболиционисты, как Льюис Тэппен и Уильям Ллойд Гаррисон, осуждали Республиканскую партию именно за то, что в ней «нет места рабам или свободным чернокожим... Ее моральные принципы... ограничены 36° 30' с.ш... это „цветная“ партия, причем исключительно для людей белого цвета, а не любого иного»³³.

32 Цит. по: Maizlish S. E. *The Triumph of Sectionalism: The Transformation of Ohio Politics, 1844—56*. Kent (Ohio), 1983. P. 232; Holt M. F. *The Political Crisis of 1850s*. NY, 1978. P. 187; Rawley J. A. *Race and Politics...* P. 167.

33 Цит. по: Rawley J. A. *Op. cit.* P. 151.

Но республиканцам с их опровержениями не удалось убедить тысячи избирателей из граничащих с южными северных штатов, что их партия вовсе не община «черных республиканцев», движимая «первобытной и фанатичной любовью к черной расе»³⁴. Демократы могли назвать многих республиканцев, которые высказывались в пользу равноправия чернокожих. Они заметили, что большинство тех, кто называет себя республиканцами, недавно голосовали за предоставление гражданских прав черному населению Нью-Йорка, Висконсина и других штатов и что законодатели Массачусетса, покончившие с сегрегацией в школах, сейчас поддерживают Фримонта. Демократы также акцентировали внимание на поддержку республиканцев известными темнокожими деятелями, такими как Фредерик Дуглас, заявивший, что избрание Фримонта «предотвратит установление рабства в Канзасе, ниспровергнет рабский закон в Республике... и [послужит] отправной точкой для всеобщего осуждения рабовладения»³⁵. Вслед за подозрениями в сепаратизме клеймо радетелей за равноправие черных и было главным препятствием к успеху республиканцев в большинстве северных регионов.

Республиканцы отдавали себе отчет в том, что для победы они должны не защищаться, а нападать. Они понимали, что ахиллесовой пятой оппозиции является пресмыкательство перед рабовладением. «Эти эксплуататоры, — писала *Ohio Republican*, — стремятся превратить нашу страну в великую рабовладельческую империю, сделать размножение рабов, продажу рабов, рабский труд, распространение рабства, рабскую политику и рабский суверенитет вечным краеугольным камнем нашей государственности». Победа республиканцев, звучало на митинге в Буффало, гарантирует нашей стране «власть народа вместо власти олигархов, власть, перед лицом всего мира соблюдающую права человека, а не привилегии хозяев»³⁶.

Основной мишенью нападок республиканцев стал Канзас. Нужно ли говорить о «тарифах, Национальном банке и „внутренних улучшениях“ или о противоречиях вигов и демократов? — риторически вопрошал Сьюард, выступая с речью во время предвыборной кампании. — Нет, это дела давно минувших дней. Что там у нас еще? Канзас?.. О да, вот об этом и должна идти речь, и ни о чем больше».

34 Fremont: His Supporters and Their Record (памфлет Демократической партии, см.: *History of Presidential Elections*. P. 1071).

35 Foner Ph. S. *The Life and Writings of Frederick Douglass*. 4 vols. NY, 1950—1955. II. P. 401.

36 Цит. по: Maizlish S. E. *Triumph of Sectionalism*. P. 230; Holt M. F. Op. cit. P. 97.

Один завзятый демократ, решивший голосовать за республиканцев, так объяснял свое решение: «Если бы власть рабовладельцев не была столь *высокомерна и агрессивна*, то я был бы вполне удовлетворен распространением рабства... но так как она распространяет свое влияние огнем и мечом [в Канзасе], то я говорю: „Стоп, довольно!“» Он также ответил своему другу-демократу, пытавшемуся убедить его вернуться в лоно партии: «Не держи для меня место. Я уже не вернусь»³⁷.

Предвыборная кампания проходила с энтузиазмом, прежде невиданным в политической жизни Америки. Молодые республиканцы маршировали во время факельных шествий, распевая, как мантру, лозунг: «Свободная земля, свободное слово, свободные люди, Фримонт!» Генри Уодсворт Лонгфелло находил, что «сложно усидеть спокойно, когда в воздухе разлито такое возбуждение». Один искушенный политик из Индианы изумлялся: «Кажется, что все мужчины, женщины и дети высыпали на улицу, причем с таким энтузиазмом, который я, принимавший активное участие в шести президентских выборных кампаниях, никогда не наблюдал... в 1840 году было всеобщее ликование, сейчас же гораздо меньше бурления — в основном торжественная и какая-то тягостная серьезность»³⁸. На Севере явка избирателей достигла небывалых 83%. Северяне, казалось, находятся «на пороге революции», — писал один объятый священным ужасом политик, а другой, журналист, был убежден, что «процесс, происходящий в политической жизни Соединенных Штатов, и есть революция»³⁹.

По мере того как все большее число сторонников республиканцев охватывал энтузиазм, дурные предчувствия, пробуждаемые им, толкали многих бывших вигов голосовать за Бьюкенена или Филлмора. Администрация Пирса также предприняла меры для остановки часового механизма канзасской бомбы. В августе подал в отставку губернатор территории Уилсон Шэннон, признавший свою неспособность прекратить насилие на вверенных ему землях. Пирс назначил вместо него Джона Гири, двухметрового здоровяка с бесстрашным характером, прибравшего к рукам бразды правления

37 Rawley J. A. Race and Politics... P. 160—161; Gienapp W. E. Origins of the Republican Party... P. 1069—1070.

38 Gienapp W. E. Op. cit. P. 1042; Nevins A. Ordeal. II. P. 487.

39 Booraem V. H. The Formation of the Republican Party in New York: Politics and Conscience in the Antebellum North. NY, 1983. P. 190; History of Presidential Elections. II. P. 1031.

в Канзасе. Будучи всего тридцати шести лет от роду, Гири преуспел во многих начинаниях: он был прокурором, инженером-строителем, офицером, возглавлявшим штурм Чапультепека во время американо-мексиканской войны, и, наконец, первым мэром Сан-Франциско, человеком, обуздавшим преступность в этом своевольном городе. Словом, если кто-нибудь и мог усмирить Канзас, чтобы сохранить там влияние демократов, то лучше кандидатуры Гири было не найти. По слухам, он заявил, что прибыл в Канзас, «неся на своих плечах кандидата в президенты»⁴⁰. Дав отпор партизанским формированиям с обеих сторон и умело используя помощь федеральных войск (число которых в Канзасе достигало 1300 человек), Гири уже к октябрю подавил все вспышки насилия. Итак, кровопролитие в Канзасе (по крайней мере временно) прекратилось.

Надежды на мир в Канзасе заставили некоторых недовольных северных демократов вернуться к истокам. После того как они увидели, что в территории преобладают поселенцы с Севера, для них стало очевидным, что доктрина народного суверенитета в Канзасе может сделать из него свободный штат. Если в самых северных штатах США 20% (или даже более) традиционных демократов в 1856 году, по-видимому, голосовали за республиканцев, то их число в штатах, расположенных южнее, не превышало 10%⁴¹. Частичное восстановление из пепла катастрофы 1854 года позволило Демократической партии возместить некоторые свои прошлые потери. Имея раньше лишь 25 мест в Палате представителей, северные демократы получили уже 53 места, хотя по-прежнему 75 южных демократов и 92 республиканца превосходили их численно⁴². Самым важным стало то, что если Фримонт победил в одиннадцати северных штатах, получив 114 голосов выборщиков, то Бьюкенен выиграл гонку в оставшихся пяти из них (Пенсильвания, Нью-Джерси, Индиана, Иллинойс и Калифорния) с 62 голосами выборщиков, что вкупе со 112 голосами, полученными на Юге, обеспечило ему комфортный отрыв. Согласно данным голосования избирателей, Бьюкенен стал

40 Nevins A. Op. cit. P. 484.

41 Silbey J. H. The Partisan Imperative: The Dynamics of American Politics Before the Civil War. NY, 1985. P. 96; Alexander Th. B. The Dimensions of Voter Partisan Constancy in Presidential Elections from 1840 to 1860 // Essays on American Antebellum Politics, 1840—1860. College Station (Texas), 1982. P. 75.

42 В Палату представителей было также избрано 14 членов Американской партии; 25 из 37 демократов Сената были южанами; 20 республиканцев и 5 вигов-американцев (четыре от Верхнего Юга и один от Техаса) довершали список сенаторов.

президентом меньшинства, однако в масштабе всей страны он набрал 45% голосов: 56% на Юге и 41% на Севере⁴³.

Южане не собирались позволить Бьюкенену забыть, кому он обязан своей победой. «Мистер Бьюкенен и северные демократы зависят от Юга», — заметил после выборов один виргинский судья, намечая в общих чертах программу южан на следующие четыре года. «Если мы победим в Канзасе, не допустим повышения тарифа, избавимся от нашей экономической зависимости от Севера и еще больше расширим территорию рабовладения, то по-прежнему сможем оставаться свободными людьми под сенью американского флага»⁴⁴.

III

Для победы в Канзасе требовались энергичные действия, так как фрисойлеры, по оценкам, численно превосходили южан уже вдвое. Легислатура, где преобладали сторонники рабства, выбранные еще «пограничными головорезами» в 1855 году, по-прежнему являвшаяся официальным законодательным органом, отреагировала оперативно. Собравшись в январе 1857 года, она проигнорировала просьбу губернатора Гири внести изменения в драконовский закон о рабстве, предусматривавший смертную казнь за определенные выступления против рабства. Более того, легислатура ввела в действие законопроект о формировании нелегитимного конституционного конвента. Оговаривая июньские выборы, легислатура поручила окружным шерифам (все как один были приверженцами рабства) регистрировать избирателей, а членам окружных комиссий (также приверженцам рабства) — избрать наблюдателей на выборы. Учитывая историю предыдущих выборов в Канзасе, не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять смысл этих мероприятий. Вишенкой на торте законопроекта стало положение о том, что новая конституция, принятая конвентом, вводится в действие без референдума.

Гири был потрясен. Он прибыл в Канзас как демократ, «от всего сердца презиравший губительную» доктрину аболиционизма, но вскоре убедился в «преступном сообщничестве официальных лиц» в деле превращения Канзаса в рабовладельческий штат «любой ценой». После этого он склонился на сторону фрисойлеров и во время

43 На долю Фримонта пришлось 33% голосов избирателей, практически все он получил на Севере, где победил с общими 55%. Филлмор получил 22%, из которых 44% — на Юге и 13% — на Севере.

44 *Rawley J. A. Race and Politics...* P. 172.

Гражданской войны уже был генералом в армии северян, а затем губернатором Пенсильвании от республиканцев. В 1857 году он наложил вето на законопроект о конвенте, однако легислатура с легкостью преодолела его. Будучи на ножах с территориальными чиновниками, едва ли не ежедневно получая угрозы о расправе, оставшись без поддержки уходящей администрации Пирса, 4 марта 1857 года Гири ушел в отставку. Покинув Канзас, он дал интервью, в котором заклеил «преступную легислатуру». Гири удалось снизить преступность в Сан-Франциско, самом криминальном городе страны, однако Канзас оказался для него слишком твердым орешком⁴⁵.

Столкнувшись в первые дни пребывания в должности с той же самой проблемой Канзаса, которая утащила на дно администрацию Пирса, Бьюкенен предпринял меры, чтобы в его правление такое не повторилось. Он уговорил Роберта Уокера, выходца из Миссисипи, с которым был соратником еще по администрации Полка, принять должность территориального губернатора Канзаса и дать жителям штата конституцию, должным образом принятую и одобренную на референдуме. Будучи на целый фут ниже Гири, Уокер не уступал ему в решительности, но тоже понял, что Канзас ему не по плечу. Несмотря на то, что он был южанином, Уокер признавал, что при любых справедливых выборах сторонники свободного штата получают большинство. Проблема была в том, что выборы делегатов, намеченные на июнь, не могли считаться справедливыми. Прибыв в Канзас в конце мая — уже слишком поздно, чтобы изменить процедуру выборов, — Уокер тем не менее советовал приверженцам свободного штата принять участие в голосовании, однако те, не желая признавать легитимность таких выборов, отказались. Получив голоса лишь 2200 избирателей из 9250 имеющих право выбора, сторонники рабства завоевали все места в конвенте, который должен был собраться в сентябре в Лекомптоне.

Из-за этого фарса губернаторство Уокера не задалось с самого начала. Наиболее резко критиковали его как раз земляки-южане. Они были противниками референдума по будущей конституции, тогда как Уокер был за него. Соответственно, как только он прибыл в Канзас, он стал испытывать враждебное отношение к себе как на местах, так и в штатах к востоку от территории. Когда из Вашингтона пришло известие о том, что Бьюкенен поддержал инициативу губернатора о референдуме, это вызвало праведный гнев южных

45 Ibid. P. 176—179.

демократов: «Нас предала, — восклицали они, — та администрация, которая пришла к власти благодаря голосам [южан]»⁴⁶. Все четыре южанина среди членов кабинета резко поменяли свое отношение к Уокеру в худшую сторону. Некоторые легислатуры и конвенты демократов в штатах отнеслись к его шагам неодобрительно. Сенатор от Миссисипи Джефферсон Дэвис осудил «предательство» Уокера. Некоторые южане затаили старую песню о выходе из Союза, если администрация не уволит Уокера и не откажется от идеи референдума⁴⁷.

Такое давление заставило Бьюкенена сдаться, и Юг одержал очередную пиррову победу. Правда, перед тем, как это произошло, канзасцы вновь отправились на избирательные участки для выборов в новую легислатуру территории. Уокер убедил фрисойлеров участвовать в этих выборах, обещав придать им полностью справедливый характер. Однако, о чудо, предварительные результаты показали безоговорочную победу сторонников рабства! Более тщательное расследование вывело на свет божий любопытный феномен: два отдаленных района территории, где насчитывалось всего 130 легальных избирателей, подали 2900 бюллетеней. В одном случае около 1600 имен были просто перенесены в избирательные списки со старой адресной книги города Цинциннати. Отклонив сфальсифицированные результаты, Уокер подтвердил фрисойлерское большинство в следующей территориальной легислатуре. Этот его поступок вызвал еще большую волну возмущения со стороны южан против «подтасовки» результатов.

На фоне продолжающегося негодования в Лекомптоне собрался конституционный конвент. Документ, появившийся в результате его работы, был в большинстве пунктов стандартным, однако в нем заявлялось, что «право на собственность превышает любой конституционной санкции, а право хозяина раба на самого раба и его потомство и есть право на собственность, следовательно, оно так же неприкосновенно, как и право владельца любой иной собственности». Поправки к конституции не должны были приниматься в течение семи лет, и даже по истечении этого периода было «нельзя подвергать изменениям право собственности на владение рабами»⁴⁸. Таково

46 Цит. по: Craven A. O. Growth of Southern Nationalism... P. 284.

47 Цит. по: Milton G. F. The Eve of Conflict: Stephen A. Douglas and the Needless War. Boston, 1934. P. 267.

48 Лекомптонскую конституцию см.: Wilder D. W. The annals of Kansas. Topeka, 1875. P. 134—147.

было решение проблемы насущных национальных интересов, предложенное конвентом, представлявшим интересы лишь 1/5 потенциальных избирателей Канзаса. И для того, чтобы эти избиратели вдруг не забраковали изделие, члены конвента решили направить конституцию вместе с петицией о признании Канзаса штатом непосредственно в Конгресс, минуя, в нарушение всех обещаний Уокера и Бьюкенена, референдум.

В условиях контроля демократов над Конгрессом и контроля южан над самими демократами силы, поддерживавшие рабство, рассчитывали, что такой ход принесет успех. Однако это был перебор для большинства демократов, включая даже часть южан, которые хотели бы сохранить саму идею референдума, лишив ее практической сути. 7 ноября конвент видоизменил свою позицию. Он дал добро на референдум, но только по положениям о рабстве, указанным как «конституция, разрешающая рабство» и «конституция, запрещающая рабство». Это выглядело справедливым, вот только конституция, запрещающая рабство, оговаривала, что, даже если «рабство более не будет существовать» на территории Канзаса, «право собственности на рабов, уже ввезенных на данную территорию, никоим образом не должно быть нарушено». На деле конституция, запрещавшая рабство, всего-навсего запрещала дальнейший ввоз рабов в Канзас. Фрисойлеры расценили это предложение как «орел — мой выигрыш, решка — ваш проигрыш» и отказались от него, окрестив «великим надувательством». Большинство северной демократической прессы присоединилось к своим соперникам-республиканцам, выразив возмущение подобной «грязной работой»⁴⁹. Даже если бы противники рабства и приняли вариант конституции, запрещавшей его, то что бы помешало рабовладельцам контрабандой ввозить свое «движимое имущество» вдоль всей, растянувшейся на 200 миль границы с Миссури? Уже находясь в Канзасе, это имущество стало бы таким же «неприкосновенным», как и любое другое. Некоторые южные штаты запретили импорт рабов, однако практика показала бессмысленность этих законов. Да и в любом случае шансы на непринятие конституции, разрешавшей рабство, были туманны, так как конвент передал все механизмы для проведения референдума в руки тех же чиновников, которые с успехом доказали свое умение фальсифицировать результаты выборов.

49 Nevins A. The Emergence of Lincoln. 2 vols. NY, 1950. I. P. 236—237.

Губернатор Уокер осудил итог деятельности лекомптонского конвента, назвав его «подлым обманом, неприкрытой фальшивкой». «Невозможно», что Бьюкенен примет этот вариант, заявил Уокер, после того как президент совсем недавно, 22 октября, еще раз выразил свою поддержку независимому референдуму. Но те сторонники рабства, которые с улыбкой возразили ему, что Бьюкенен поменял свое мнение, были правы. Одному северному демократу, который резко протестовал против того, что президент пошел на попятную, Бьюкенен ответил, что у него не было выбора: если бы он не согласился с результатами конвента в Лекомптоне, южные штаты либо «вышли бы из Союза, либо начали военные действия»⁵⁰. Уокер покинул Канзас навсегда — уже четвертый губернатор за три года не вынес положения между молотом и наковальней — между приверженцами рабства и фрисойлерами.

3 декабря 1857 года друг Уокера Стивен Дуглас стремительно ворвался в Белый дом, чтобы встретиться с Бьюкененом с глазу на глаз по вопросу об «обмане и плутовстве» конвента в Лекомптоне. Дуглас предупредил президента, что принять Канзас в качестве штата, устроив пародию на народный суверенитет, будет равнозначно утрате позиций Демократической партии на Севере. Если Бьюкенен будет настаивать на принятии подобного решения, то он, Дуглас, будет его противником в Конгрессе. «Мистер Дуглас, — ответил ему Бьюкенен, — мне хотелось бы вам напомнить, что еще ни один демократ по доброй воле не расхотелся во мнении с администрацией без того, чтобы не быть раздавленным... Вспомните о судьбе Толлмиджа и Райвза», — двух сенаторов, чья политическая карьера закончилась после того, как они попытались препятствовать Эндрю Джексону. Дуглас, однако, парировал: «Господин президент, сэр, а мне хотелось бы вам напомнить, что генерал Джексон уже умер»⁵¹. Это был своего рода вызов на дуэль, которая расколола Демократическую партию надвое, обеспечив таким образом победу республиканского кандидата на выборах 1860 года.

«Мошенническое представление» (по словам Дугласа) лекомптонской конституции избирателям Канзаса состоялось 21 декабря. Фрисойлеры отказались участвовать в референдуме, на котором, таким образом, был принят «разрешающий рабство» вариант конституции, за который проголосовало 6226 человек против 569 (как обычно,

50 Milton G. F. *Eve of Conflict...* P. 270—271.

51 Johanssen R. W. Stephen A. Douglas. NY, 1973. P. 581—586.

расследование позже установило поддельный характер 2720 избирательных бюллетеней «за»). Тем временем новая фрисойлерская территориальная легислатура запланировала провести собственный референдум 4 января 1858 года. На нем избиратели имели возможность принять или отвергнуть конституцию в целом. Сторонники рабства бойкотировали этот референдум, на котором 138 человек проголосовали за конституцию, «разрешавшую рабство», 24 — за конституцию, «запрещавшую рабство», и 10 226 человек проголосовали против конституции вообще.

Таким образом, на руках у Конгресса теперь были результаты двух референдумов, и ему предстояло решить, какой из них являлся легитимным. «Пламенные ораторы» с южного берега Потомака стали упражнять глотки, пытаясь повлиять на правильное решение. Йонси в Алабаме говорил о необходимости создания комитетов общественной безопасности, чтобы «разгорячить сердца южан» и «форсировать революцию в Хлопковом поясе». Губернаторы и легислатуры штатов готовы были созвать конвенты по вопросу о выходе из Союза, если Конгресс откажется признать Канзас штатом в рамках «надлежащим образом ратифицированной» лекомптонской конституции. «Если Канзас будет выведен из состава Союза за то, что является рабовладельческим штатом, — спрашивал сенатор от Южной Каролины Джеймс Хэммонд, — может ли любой иной рабовладельческий штат считать за честь оставаться в нем?» Южане, заявлял конгрессмен от Джорджии, намерены «получить равенство в рамках Союза или независимость от него»⁵². Эти угрозы придали Бьюкенену твердости. 2 февраля 1858 года он направил лекомптонскую конституцию в Конгресс с уведомлением, где рекомендовал принять шестнадцатый рабовладельческий штат в состав Союза. Канзас, объявил президент, «в настоящее время является таким же рабовладельческим штатом, как Джорджия или Южная Каролина»⁵³.

Внимание Конгресса на несколько месяцев оказалось приковано к лекомптонскому проекту. Он вызвал даже больший накал страстей, нежели сам закон Канзас — Небраска четыре года назад. Расстановка сил была такой же, как и тогда, за исключением двух важных моментов: во-первых, на этот раз оппозицию возглавлял Дуглас,

52 Йонси цит. по: Craven A. O. *Growth of Southern Nationalism...* P. 289; Хэммонд цит. по: Johanssen R. W. *Op. cit.*; конгрессмен от Джорджии цит. по: Fehrenbacher D. E. *The South and Three Sectional Crises*. Baton Rouge, 1980. P. 54.

53 *Compilation of the Messages and Papers of the Presidents*. 20 vol. Washington, 1897. VII. P. 3010.

а во-вторых, силы северян в Палате представителей консолидировала новая Республиканская партия. Все политическое будущее Дугласа было брошено на чашу весов. Если бы он поддержал лекомптонский проект, то это обеспечило бы ему гарантированную поддержку южан на президентских выборах 1860 года. Однако в сложившихся обстоятельствах быть кандидатом в президенты не значило почти ничего. Высказавшись за признание этой конституции, демократы похоронили бы шансы на победу в любом северном штате собственными руками, поэтому Дуглас не сомневался в своем выборе. Как он сообщил Сенату, он никогда не будет голосовать за то, чтобы «силой навязать народу Канзаса эту конституцию, вопреки его желаниям и в нарушение наших обещаний»⁵⁴. В Вашингтон поступали горы телеграмм и писем, восхвалявших позицию Дугласа. «Вы избрали единственный путь, который мог спасти северную демократию от уничтожения на следующих выборах», — типичные строки подобных писем⁵⁵. Дуглас испытывал неведомое доселе ощущение, что его считают героем даже такие члены оппозиции, как Хорас Грили, который хотел официально принять его в добрые республиканцы.

Югом же, напротив, Дуглас почти единогласно был осужден на вечные муки. Южане притворились «изумленными», видя, что демократы из Иллинойса встали к ним в оппозицию. «Дуглас был с нами, пока не началась година испытаний, — говорил один представитель Джорджии, — а потом обманул и предал нас». Другой, из Южной Каролины, сетовал, что «это отступничество Дугласа более всего остального пошатнуло мою уверенность в северных союзниках по вопросу о рабстве, так как я долгое время считал его одним из самых наших надежных и верных друзей». По мере обострения противоречий риторика южан в адрес Дугласа становилась все нетерпимее: «глава черного сброда... запятанный позором неслыханной измены... неприкрытый лицемер... мерзопакостный еретик... скверна дерзкого вероломства... *издохший петух* в выгребной яме... пусть убирается в могилу, которую он роет для своего политического трупа»⁵⁶.

23 марта 1858 года усилиями демократического большинства, в котором верховодили южане, Сенат одобрил принятие Канзаса

54 CG, 35 Cong., 1 Sess. P. 14—19.

55 *Fehrenbacher D. E. The Dred Scott Case: Its Significance in American Law and Politics.* NY, 1978. P. 466.

56 *Stephens Papers, Louis A. Warren Lincoln Library and Museum; Fehrenbacher D. E. Op. cit. P. 466, 468, 483; Johanssen R. W. Op. cit. P. 599.*

в Союз в качестве рабовладельческого штата. В Палате представителей администрация, как и в 1854 году, могла рассчитывать по крайней мере на половину фракции северных демократов, однако сейчас этого было недостаточно для того, чтобы выиграть битву. Слово «битва» не было слишком сильным определением для того, что происходило в Палате представителей. Однажды во время длившегося ночь напролет заседания республиканец Галуша Гроу из Пенсильвании подошел к скамьям демократов, чтобы о чем-то посоветоваться с некоторыми северными демократами. Лоуренс Китт из Южной Каролины прокричал ему: «Убирайся на свою сторону Палаты, ты, черный республиканский молокосос!» Ответив презрительным замечанием про надсмотрщиков за рабами, Гроу сцепился с Киттом и сбил того с ног. Конгрессмены с обеих сторон схватились врукопашную. «В потасовке участвовало около пятидесяти не слишком молодых и совсем пожилых джентльменов, наскაკивающих друг на друга как толпа хулиганов из Типперэри, — описывал один репортер разразившуюся в два часа ночи драку стенка на стенку, — большинству из них не хватало дыхания и физической силы, поэтому они не смогли причинить друг другу сколько-нибудь серьезный урон»⁵⁷. Правда, Александр Стивенс полагал, что «если бы у них под рукой оказалось оружие, драка, вполне возможно, закончилась бы кровопролитием. Под впечатлением от всего увиденного я склоняюсь к мысли о том, что Союз может не просуществовать долго, да, пожалуй, и не просуществует»⁵⁸. 1 апреля, во время драматичного поименного голосования, 22 (из 53) северных демократа присоединились к республиканцам и горстке членов Американской партии и отклонили Лекомптонскую конституцию 120 голосами против 112. «Агония завершилась, — написал один демократ — сторонник Дулласа, — и, слава Богу, справедливость восторжествовала!»⁵⁹

Чтобы сохранить лицо, администрация пошла на компромисс, по которому жители Канзаса снова должны были проголосовать за принятие или отклонение Лекомптонской конституции под видом референдума о бесплатной передаче земельных участков из фонда общественных земель. Отказ от такого участка земли вел к откладыванию вопроса о статусе штата по меньшей мере на два года. 2 августа 11 300 голосами против 1788 канзасцы, с презрением отвергнув

57 New York Weekly Tribune. 1859. Feb. 13 (цит. по Nevins A. Emergence. I. P. 288).

58 Цит. по: Rawley J. A. Race and Politics... P. 239—240.

59 Johanssen R. W. Op. cit. P. 610.

такую уловку как взятку, высказались против. Во время этих событий Канзас истекал кровью от все новых и новых ран. Джейхокеры⁶⁰ и «пограничные головорезы» проводили набеги и устраивали засады друг на друга с изрядной жестокостью. В мае 1858 года, практически во вторую годовщину «бойни в Потаватоми», бандиты из числа сторонников рабства поквитались со свободными поселенцами, захватив девятерых в их жилищах и расстреляв (четверо, правда, были только ранены). Вновь появился в территории и сам Джон Браун. Его шайка вторглась в Миссури, убила рабовладельца, освободила одиннадцать рабов и множество лошадей и ушла с ними в Канаду.

Свободные поселенцы Канзаса организовали свою Республиканскую партию и в 1859 году избрали две трети делегатов в новый конституционный конвент. В январе 1861 года Канзас наконец вошел в состав Союза как свободный штат вместе с Калифорнией, Миннесотой и Орегоном, чье присоединение, впервые со времен американо-мексиканской войны, обеспечило Северу преимущество над Югом в четыре штата. Канзас также превратился в один из самых «республиканских» штатов Союза. Несмотря на то, что большинство свободных поселенцев первоначально были демократами, борьба с рабовладельческой властью толкнула их в объятия республиканцев, которые на первых порах политической жизни нового штата регулярно собирали в два, а то и в три раза больше голосов, чем их противники.

С такими врагами, как демократы, республиканцам не слишком были нужны союзники. Урок Канзаса не пошел впрок администрации Бьюкенена, Верховному суду и южным демократам, так как они предприняли еще ряд шагов, которые, по-видимому, и гарантировали победу республиканцев на президентских выборах 1860 года.

60 Ястребы — название партизан антирабовладельческого лагеря. — *Прим. пер.*

6.

«Низы общества и засаленные мастеровые за Авраама Линкольна»

I

Шестьдесят с лишним лет Дред Скотт прожил в полной неизвестности. Ту славу, которая нашла его в конце жизни, заслужил не столько он сам, сколько та борьба, символом которой он стал. Скотт был рабом военного хирурга Джона Эмерсона, взявшего его с собой из Миссури на форпосты в Иллинойс и Форт-Снеллинг на северном участке «Луизианской покупки» (ныне штат Миннесота) в 1830-х годах. В Форт-Снеллинге Скотт женился на рабыне, также принадлежавшей Эмерсону. Она родила ему дочь на территории, считавшейся свободной по Миссурийскому компромиссу, когда Эмерсон вместе с рабами возвращался в Миссури. После смерти Эмерсона рабы поступили в распоряжение его вдовы, а белые друзья Скотта в Сент-Луисе в 1846 году посоветовали ему подать иск о признании его свободным на основании того, что он долгое время проживал в свободном штате и на свободной территории. Скотт так и сделал. Это послужило зачином одиннадцатилетней саги, начавшейся как обычный иск о правах свободного гражданина, но превратившейся в самое шумевшее дело в истории американской судебной системы.

Скотт проиграл первый процесс, однако выиграл повторное слушание в окружном суде Сент-Луиса в 1850 году. Рассмотрев апелляцию, верховный суд Миссури в 1852 году отменил это решение и

постановил считать семью Скоттов рабами. Дело начинало приобретать политическую окраску. Суды Миссури в нескольких подобных случаях вставали на сторону невольников. Отменив решения этих судов и признав приоритет закона Миссури над тем, что Скотт какое-то время проживал на свободной территории, верховный суд штата уступил давлению рабовладельцев. Адвокаты Скотта, включавшие и проживавшего в Сент-Луисе уроженца Вермонта, надеялись, что они могут выиграть дело, если перенесут его в федеральный суд. Так как владелец Скотта переселился в Нью-Йорк, эти юристы обратились в федеральный окружной суд, апеллировав к статье Конституции, отдающей в юрисдикцию федерального суда дела, касающиеся жителей разных штатов. В 1854 году окружной суд Миссури принял дело к рассмотрению (признав тем самым Скотта гражданином), но подтвердил отказ суда штата Миссури в его иске о свободном статусе. Адвокаты Скотта обратились в Верховный суд Соединенных Штатов. Защитники рабства только приветствовали этот шаг — потенциал этого дела для разрешения ключевых конституционных вопросов стал очевиден, а большинство членов Верховного суда были южанами.

Судьи в 1856 году заслушали аргументы сторон, а затем перенесли дополнительные слушания на сессию 1856—1857 годов для того, возможно, чтобы избежать вынесения решения до президентских выборов. Суд должен был ответить на три главных вопроса: 1. Имел ли Скотт право, будучи негром, вообще подавать иск в федеральный суд? 2. Делало ли долговременное проживание в свободном штате и на свободной территории (по два года там и там) Скотта свободным человеком? 3. Находился ли Форт-Снеллинг на свободной территории, то есть, другими словами, имел ли Конгресс в 1820 году право запрещать рабство на землях «Луизианской покупки» к северу от 36° 30' с.ш.? Суд мог уклониться от обсуждения первого и третьего вопросов, просто подтвердив решения верховного суда Миссури и федерального окружного суда о том, что статус Скотта определяется законом штата Миссури. Прецеденты уже имелись: в деле Стрейдер против Грэхема (1851) Верховный суд отказался принять апелляцию на действия верховного суда Кентукки, постановившего по-прежнему считать рабов, временно перевезенных из Кентукки в Огайо, рабами согласно законам штата Кентукки. И действительно, какое-то время казалось, что суд так и поступит. 14 февраля 1857 года большинство судей проголосовало за применение «прецедента Стрейдера» для этого дела. Судья Сэмюэл Нельсон из Нью-Йорка начал писать частное

определение, но несколько дней спустя большинство членов суда поменяло мнение и решило издать широкое определение, охватывающее все аспекты дела.

Почему суд принял такое решение? Высказывались противоречивые и пристрастные предположения. Известны стали лишь обрывочные сведения, основанные на признании самих судей, причем некоторые были сделаны лишь много лет спустя. Согласно одной гипотезе, два члена Верховного суда не из числа демократов — Джон Маклин из Огайо и Бенджамин Кертис из Массачусетса — объявили о своем особом мнении по узкому определению, подготовленному Нельсоном. Это особое мнение отражало бы не только поддержку требований Скотта, но и признание гражданства негров и одобрение права Конгресса запрещать рабство на территориях. Не желая, чтобы эти особые мнения оставались единственным решением суда по столь дискуссионным вопросам, южное большинство в суде пересмотрело свое решение игнорировать их и проголосовало за то, чтобы председатель Верховного суда Роджер Тони подготовил широкое определение. Таким образом, согласно такой интерпретации, Маклин и Кертис несут ответственность за вынесение недобросовестного вердикта по делу Дреда Скотта, отменившего достаточно безобидное решение Нельсона¹.

По всей видимости, истина гораздо глубже. В течение целого десятилетия вопрос о рабстве на территориях угрожал целостности Союза. Политики пытались переложить ответственность за принятие таких решений на суд со времен Компромисса 1850 года, когда было одобрено направление в Верховный суд любых дел, связанных с собственностью рабовладельцев на территориях Юта и Нью-Мексико; впоследствии это решение слово в слово было повторено по закону Канзас — Небраска в 1854 году. Проблема была в том, что коль скоро рабство не было запрещено на этих территориях, то ни один такой процесс не состоялся, но тут вдруг подвернулся случай рассмотреть иск, поданный из другого региона, относившегося к «Луизианской покупке». Зимой 1856/1857 годов в Вашингтоне, особенно среди южан, ощущалось сильное стремление раз и навсегда разрешить этот вопрос с помощью «судебной власти». Александр Стивенс, друг судьи Верховного суда Джеймса Уэйна из Джорджии

1 Долгое время эта точка зрения являлась общепризнанной; наиболее четкое ее изложение см.: *Hodder F. H. Some Phases of the Dred Scott Case // MVHR. 1929. 41. P. 3—22.*

и дальний родственник судьи Роберта Грайера из Пенсильвании, отмечал в частной переписке в декабре 1856 года: «Я употребляю все свое влияние на Верховный суд, чтобы там больше не откладывали принятие решения по делу о Миссурийском ограничении... У меня есть основания полагать, что они [вынесут решение] о неконституционности такого ограничения». Другие южане также оказывали давление на Суд, и казалось, что они добьются своего. Две недели спустя Стивенс сообщал: «Исходя из моих конфиденциальных данных, [решение] по всем пунктам совпадет с моим... Ограничение 1820 года будет признано неконституционным. Судьи уже составляют свои решения, и, я полагаю, делают это согласованно. Председатель Верховного суда обнаружит широкое определение»².

Пятеро судей из южных штатов действительно хотели вынести решение о неконституционности права Конгресса запрещать рабство на территориях, причем некоторые из них уже начали составлять свои решения по этому вопросу. Но трудность заключалась в том, чтобы убедить двух судей из рядов северных демократов — Грайера и Нельсона — последовать их примеру, — вот почему южане неохотно согласились пересмотреть узкое определение Нельсона. Слух о том, что Маклин и Кертис в своих особых мнениях затронут более широкий спектр вопросов, дал судьям-южанам повод для изменения своего решения. Они одобрили предложение Уэйна о том, чтобы Тони подготовил определение, охватывающее все аспекты этого дела³.

По-прежнему оставалась проблема уговорить присоединиться к мнению большинства хотя бы одного судью из северных штатов, чтобы избежать видимости голосования по географическому принципу. Нельсона убеждать было невозможно: он уже изложил свое мнение, да и вдобавок вполне возможно, что его обидело намерение коллег это мнение игнорировать. Однако оставался сговорчивый Грайер, бывший к тому же уроженцем того же штата, что и Бьюкенен. Избранного президента тревожил территориальный вопрос, и он хотел его скорейшего разрешения. В ответ на предложение судьи Джона Кэтрона из Теннесси Бьюкенен оказал неподобающее, однако

2 Johnston R. M., Browne W. H. *Life of Alexander H. Stephens*. Philadelphia, 1883. P. 326; письмо Стивенса цит. по: Nevins A. *Emergence...* I. P. 108.

3 Этот анализ основан на исследованиях: Fehrenbacher D. E. *The Dred Scott Case: Its Significance in American Law and Politics*. NY, 1978 P. 305—311; Rawley J. A. *Race and Politics: „Bleeding Kansas” and the Coming of the Civil War*. Philadelphia, 1969. P. 275—281; Nevins A. *Emergence*. I. P. 107—110; II. P. 473—477.

очень эффективное давление на Грайера, который предпочел уступить. Тони, получив в свое распоряжение судью с Севера, мог готовить свое определение⁴.

Об этом он давно мечтал. 80-летний председатель суда был болен и слаб. Смерть жены и дочери во время эпидемии желтой лихорадки два года назад нанесла ему удар в самое сердце. Однако он упрямо цеплялся за жизнь, полный решимости защитить милый своему сердцу Юг от опухоли «черного республиканизма». В более ранние годы Тони был приверженцем джексонианства, сторонником освобождения американских предпринимателей от государственных монополий. Будучи секретарем казначейства при президенте Джексоне, он участвовал в прекращении деятельности Второго банка Соединенных Штатов. Первые его решения как председателя Верховного суда подорвали влияние особых корпоративных уставов, однако основной своей миссией во время 28-летнего пребывания на посту верховного судьи он считал защиту рабства. Сам Тони не испытывал теплых чувств к этому институту как к таковому, отпустив собственных рабов на волю. Но он был страстно привязан «к южному стилю жизни и ценностям, которые органически были связаны с рабовладельческим укладом и без него исчезли бы»⁵. В частной корреспонденции Тони выражал растущее раздражение «агрессией Севера». «Наши земляки-южане, — писал он, — [в большой опасности]. Им готов перерезать глотку нож наемного убийцы»⁶. Как показывает историк Дон Ференбахер, коллеги Тони по Верховному суду разделяли его опасения: судья Питер Дэниел из Виргинии был «фанатичным поборником рабства», а остальные трое судей — «его безоговорочными сторонниками». Благодаря такому «сильному эмоциональному единодушию, которое полностью отодвинуло доводы разума и логики на второй план», решение по делу Дреда Скотта было «неприкрыто пристрастным, полемическим по духу и переполненным ошибками, искажениями и проявлениями непоследовательности»⁷.

4 Переписка между Бьюкененом, Кэтроном и Грайером в феврале 1857 г. была найдена среди бумаг Бьюкенена его биографом, см.: *Auchampaugh P. James Buchanan, the Court and the Dred Scott Case // Tennessee Historical Magazine. 1926. 9. P. 231—240. См. также: Fehrenbacher D. E. Dred Scott Case... P. 311—313.*

5 *Fehrenbacher D. E. Dred Scott Case... P. 559; см. также: Fehrenbacher D. E. Roger B. Taney and the Sectional Crisis // JSH. 1977. 43. P. 555—566.*

6 Письма Тони от 1856 и 1860 годов цит. по: *Fehrenbacher D. E. Taney and the Sectional Crisis... P. 561, 556.*

7 *Fehrenbacher D. E. Dred Scott Case... P. 234, 3, 559.*

Заключение Тони прежде всего дало ответ на вопрос, являлся ли Дред Скотт, будучи чернокожим, гражданином Соединенных Штатов с правом подавать иск в федеральный суд. Этому моменту Тони уделил больше места, чем всем прочим. Почему он так поступил, остается загадкой, ибо общественное мнение считало этот аспект наименее важным во всем деле. Видимо, причиной было то, что белые южане рассматривали свободных черных как некую аномалию, угрожающую существованию рабства; в Мэриленде, родном штате Тони, было сосредоточено наибольшее количество свободного негритянского населения. Возможной целью председателя суда, отрицавшего предоставление гражданства США черным, было «организовать масштабное контрнаступление на аболиционистское движение и... устранить всякую угрозу стабильности Юга путем полного выведения негров за рамки Конституции и гарантируемых ею прав». Однако для претворения этой цели в жизнь он должен был извратить историю, закон и логику, допустив «вопиющее искажение фактов»⁸. Негры не были частью «суверенной нации», создавшей Конституцию, гласило заключение Тони; они не были включены в реестр «всех людей», объявленных «равными» согласно Декларации независимости. В конце концов, и автор Декларации, и многие из тех, кто ее подписал, были рабовладельцами, поэтому считать представителей подневольной расы гражданами было для них «вопиющим несоответствием тем убеждениям, которые они исповедовали». Следовательно, ко времени принятия Конституции негры «уже более ста лет рассматривались как существа низшего порядка... настолько низшего, что они не обладали никакими правами, которые был бы обязан уважать белый человек».

Это было неправдой, как указали Кертис и Маклин в своем особом мнении. Свободные чернокожие и в 1788 году, и позже обладали многими правами (в числе прочего, правом владеть собственностью и завещать ее, заключать договоры, предъявлять иски об удовлетворении прав). В пяти из тринадцати штатов, ратифицировавших Конституцию, чернокожие имели право голоса и участвовали в процессе ратификации. Тони возразил, что это не касается рассматриваемого вопроса, так как имеет отношение к гражданству штатов, а не США. Человек может «обладать всеми правами и привилегиями гражданина конкретного штата, — указал председатель суда, — но при этом не обладать никакими правами и привилегиями другого

8 Ibid. P. 341, 349.

штата» — типичный пример юридического лукавства, шедший вразрез с разделом 2 статьи IV Конституции: «Гражданам каждого штата предоставляются все привилегии и льготы граждан других штатов».

Установив, к своему вящему удовольствию, что чернокожие не являются гражданами⁹, Тони мог остановиться на этом и отказаться от дальнейшего рассмотрения дела. Но он так не поступил, что дало основание многим его современникам, а также первым историкам считать оставшуюся часть его определения *obiter dictum* — высказыванием по вопросам, не составляющим суть рассматриваемого дела и, следовательно, не имеющим силы закона. Однако Тони настаивал на том, что коль скоро окружной суд признал все аспекты дела «относящимися к сути», то Верховный суд должен рассматривать и конституционность Миссурийского компромисса, на котором Скотт основывал часть своего иска. Современные ученые согласны с такой точкой зрения — определение Тони было чем угодно, только не *obiter dictum*.

Тони и шестеро других судей (исключая высказавших особое мнение Кертиса и Маклина) постановили, что двухлетнее «пребывание» Скотта в Илинойсе и такой же период в Форт-Снеллинге, даже если последний и находится на свободной территории, не превратило его в свободного гражданина по возвращении в Миссури¹⁰. Этому аспекту Тони посвятил лишь одну страницу из своего 55-страничного определения. Конституционности же Миссурийского компромисса посвящена 21 страница тяжеловесной писанины, доказывающей неправомочность Конгресса запрещать рабство на территориях. Тот факт, что Конституция (статья IV, раздел 3) давала Конгрессу право «издавать... все необходимые постановления и предписания» для территорий, не имел значения, так как, по мнению председателя суда (типичному образчику крючкотворства), постановления и предписания не являются законами. Согласно Пятой поправке, никто не мог быть лишен жизни, свободы или собственности без надлежащего судебного разбирательства; рабовладение ничем не отличалось от владения собственностью, следовательно, запрет рабства являлся неконституционным лишением человека собственности. «И если сам Конгресс не может поступить

9 Двое судей недвусмысленно согласились с мнением Тони по этому вопросу, тогда как у Кертиса и Маклина было особое мнение. Вследствие того, что четверо прочих судей не затрагивали этот вопрос в своих решениях, их молчание означало косвенное согласие с мнением Тони, которое и стало определением Верховного суда. Анализ дела см.: *Fehrenbacher D. E. Dred Scott Case...* P. 324—330.

10 Через два с половиной месяца после принятия решения хозяин Скотта отпустил его, а еще год спустя Скотт скончался.

так, — продолжал Тони наносить удары по доктрине «народного суверенитета», — то не может он и делегировать территориальному правительству» эти полномочия. Вот это было чистой воды *obiter dictum*, так как вопрос о компетенции властей территории относительно рабства не был частью рассматриваемого дела.

Республиканцы склонны были считать особые мнения Кертиса и Маклина собственной позицией по этому вопросу. Скотт не только мог считаться свободным потому, что долгое время проживал на свободной территории, но и потому, что являлся гражданином в рамках Конституции, а Конституция уполномочивает Конгресс отменять рабство на территориях. Фраза «все необходимые постановления и предписания» не допускала кривотолков. Первый конституционный Конгресс подтвердил Северо-Западный ордонанс 1787 года, запрещающий рабство на Северо-Западной территории. Последующие Конгрессы, вплоть до 1820 года, в четырех сходных случаях также запрещали рабовладение на конкретных территориях. Многие создатели Конституции были в тот период еще живы, но никто из них не возражал против таких шагов. Более того, некоторые авторы основного закона заседали в Конгрессе и голосовали за такие меры или, будучи президентами Соединенных Штатов, придавали им силу закона! Если недопущение рабства на новые территории являлось нарушением законности, то как быть с законом 1807 года, запрещающим ввоз рабов из Африки? И как быть с законодательством свободных штатов, запрещающим рабство? В любом случае, запрет рабовладельцу ввозить своих рабов на новую территорию вовсе не лишает его собственности¹¹.

Вместо того чтобы вывести вопрос о распространении рабства на новых территориях из политической плоскости, решение Верховного суда само явилось политическим. Северные демократы ликовали, что решение Тони стало «надгробным словом по „черному республиканизму“... сокрушившим, уничтожившим... аболиционистскую позицию с одного удара». Южане поздравляли друг друга с тем, что «наше мнение по вопросу южного рабства... отныне является высшим законом государства». Это решение «вышибло дух из мерзкой... организации „черных республиканцев“»¹². Только

11 Особое мнение Кертиса было более аргументированным и произвело большее впечатление, чем мнение Маклина.

12 *Cincinnati Enquirer* цит. по: *The Dred Scott Decision: Law or Politics?* Boston, 1967. P. 54—55; *Philadelphia Pennsylvanian*, *New York Herald*, *New Orleans Picayune* цит. по: *Fehrenbacher D. E. Dred Scott Case...* P. 418—419.

Республиканская партия не спешила умирать. Ее пресса заклеимила «иезуитское решение», основанное на «вопиющем извращении фактов» и «преднамеренном искажении» смысла Конституции. Если это определение «будет иметь силу закона», — писал Уильям Каллен Брайант, то рабство более не будет «частным институтом» пятнадцати штатов, а превратится «в федеральный институт, наше общее наследие и общий позор Соединенных Штатов... Впредь, где бы ни развеялся... наш флаг, это будет флаг рабовладельцев... Готовы ли мы безусловно признать... что наша Конституция отныне будет конституцией рабовладельцев, а не свободных людей? Никогда! Никогда!» В таком же ключе высказались и некоторые республиканские легислатуры, приняв резолюции, где это решение было названо «несоответствующим закону и совести»¹³.

New York Tribune презрительно назвала это решение «пятерых рабовладельцев и двоих „мягкотелых“»¹⁴ «высказыванием... имеющим такую же моральную ценность, как и резолюция большинства собравшихся в любой вашингтонской пивной». Ярлык «высказывания» оправдывает отказ республиканцев признавать решение Верховного суда имеющим обязательную силу. Они объявили о намерении «переизбрать» суд после того, как выиграют президентские выборы 1860 года, и отменить «бесчеловечные высказывания» по делу Дреда Скотта. По словам *Chicago Tribune*, «спасение в избирательной урне... Давайте изберем республиканского президента, и 1860 год станет началом новой эры, подобно году 1776-му».

Вскоре северным демократам стало ясно, что Тони имел целью расстроить и их планы, а не только нанести удар по республиканцам. Хотя вопрос о народном суверенитете и не был напрямую поставлен перед судом, принципиальным следствием дела Дреда Скотта было не только то, что Конгресс не имеет полномочий запретить рабство на территориях, а еще и то, что запретить рабовладение вообще невозможно. Дуглас бесстрашно взялся разрешить этот непростой вопрос. Да, говорил он в своей речи в Спрингфилде (штат Иллинойс) в июне 1857 года, решение по делу Дреда Скотта является законом, обязательным для исполнения всеми лояльными гражданами.

13 Республиканская пресса цит. по: Warren Ch. *The Supreme Court in United States History*. 2 vols. Boston, 1926. II. P. 302—309; слова Брайанта цит. по: Nevins A. *Emergence*. I. P. 96; о действиях легислатур см.: *Fehrenbacher D. E. Dred Scott Case*... P. 431—435.

14 Все пять судей из южных штатов были рабовладельцами, хотя двое из них к 1857 г. отпустили своих рабов на волю.

Хозяина нельзя лишить права на перевоз рабов на любую территорию, но граждане этой территории по-прежнему могут контролировать этот процесс. Каким образом? Право на владение рабами «неминуемо останется мертвым и бесполезным, — говорил Дуглас, — если оно не будет подтверждено, защищено и усилено соответствующими актами об охране порядка и местным законодательством», зависящими от «воли и желания населения территории»¹⁵.

Эти фразы стали провозвестником знаменитой Фрипортской доктрины, сформулированной Дугласом год с лишним спустя во время его дебатов с Линкольном. Такая доктрина была оригинальной попыткой впрячь в телегу демократов южного коня и северную трепетную лань. Возможно, такой ход и сработал бы, если бы Лекомптонская конституция не нарушила единство Демократической партии. Когда такое произошло, южные демократы потребовали других пристяжных. На словах они согласились с Дугласом в том, что решение по делу Дреда Скотта не может считаться применением нормы: «Коллега из Иллинойса прав, — признал сенатор от Миссисипи Альберт Браун, — бездействием или враждебным отношением... территориальная легислатура, по сути, может запретить рабство». Но это значило бы игнорировать «право на защиту нашей собственности, наших рабов на данной территории. А Конституция, как показывает Верховный суд, дает нам такое право. Стало быть, мы требуем этого. Мы должны обладать таким правом». Конгресс должен принять федеральный кодекс о рабстве и, при необходимости, обеспечить его соблюдение силами армии Соединенных Штатов. Если, скажем, пираты захватят корабли, принадлежащие гражданам Массачусетса, разве сенаторы от этого штата не потребуют вмешательства военно-морского флота? «Разве у меня, сэр, меньше прав требовать защиты своей собственности на территориях?» Если вы, северяне, «отказываете нам в правах, гарантированных Конституцией... тогда, сэр... Союз — не что иное, как тирания, [и] я готов умыть руки»¹⁶.

Таким образом, вместо того чтобы нанести ущерб Республиканской партии, как надеялся Тони, решение по делу Дреда Скотта только укрепило ее позиции, углубив, наоборот, раскол между северными и южными демократами. Республиканцы быстро постарались закрепить полученное преимущество, изобразив судебное решение как плод заговора рабовладельцев. Двумя наиболее влиятельными

15 *Fehrenbacher D. E. Dred Scott Case...* P. 455—456.

16 *CG, 35 Cong., 2 Sess. P. 1242—1243.*

сторонниками теории заговора были Сьюард и Линкольн. Ссылаясь на «перешептывания» Тони и Бьюкенена на инаугурационной церемонии, а также на некоторых неназванных свидетелей, Сьюард заявил о сговоре между избранным президентом и председателем Суда. День спустя после инаугурации и за день до вынесения решения, по словам Сьюарда, «судьи, даже не переменяв свои шелковые одеяния на судейские мантии, приветствовали президента в Белом доме. Нет сомнения, что президент принял их столь же любезно, как и Карл I в свое время принял судей, низвергнувших устои английской свободы». Обвинения Сьюарда спровоцировали волнения в обществе. Некоторые историки, отражая точку зрения демократов, называют их «ядовитыми» и «клеветническими»¹⁷. Однако на самом деле Сьюард почти не промахнулся — возможно, он прочитал письмо Бьюкенена Грайеру, в котором избранный президент уговаривал пенсильванского судью присоединиться к южному большинству.

Намеки Сьюарда вывели Тони из себя. Позже председатель Верховного суда говорил, что если бы этот выходец из Нью-Йорка стал в 1860 году президентом, то он отказался бы приводить его к присяге. По иронии судьбы, Тони таки привел к присяге человека, выдвинувшего подобные обвинения. В речи, произнесенной им после выдвижения кандидатом в сенаторы США от Иллинойса в 1858 году, Авраам Линкольн прокомментировал процесс фактической отмены демократами Миссурийского компромисса в 1854 году и объявления его неконституционным в 1857-м. Конечно, мы не можем знать наверняка, были ли эти меры частью заговора по распространению рабства, признал Линкольн. «Но когда мы видим множество обработанных бревен... которые, как мы знаем, были изготовлены в разное время и в разных местах несколькими плотниками, назовем их Стивен, Франклин, Роджер и Джеймс, и когда мы видим, что бревна эти, сложенные вместе, образуют каркас здания... то мы не можем не поверить, что эти Стивен, Франклин, Роджер и Джеймс работали по единому плану»¹⁸.

В той же речи была употреблена и более известная метафора, касающаяся «здания». «Дом, разделенный в себе, не устоит, — процитировал Линкольн Иисуса. — Так и наше государство, и я в этом убежден, не сможет постоянно быть наполовину *рабовладельческим*, наполовину *свободным*». Противники рабства надеются прекратить его

17 Warren Ch. *The Supreme Court...* II. 326. Слова Сьюарда цит. по: CG, 35 Cong., 2 Sess. P. 941.

18 CWL. II. 465—466. Проницательный читатель узнает в четырех плотниках Стивена Дугласа, Франклина Пирса, Роджера Тони и Джеймса Бьюкенена.

дальнейшее распространение и «сделать так, что общественное мнение уверится в том, что рабство находится в процессе окончательного исчезновения». Но защитники рабства, включая и заговорщиков-плотников, пытаются «добиться того, что оно станет абсолютно законным во всех штатах... как на Юге, так и на Севере». Как они могут этого добиться? «Простым решением по делу очередного „Дреда Скотта“. Все зависит от Верховного суда: он может решить, что штаты в рамках Конституции не имеют права запрещать рабство, равно как он решил, что... это не могут сделать ни Конгресс, ни территориальная легислатура». Статья VI Конституции гласит, что Конституция и законы Соединенных Штатов «являются верховным правом страны... что бы ему ни противоречило в конституции или законах любого штата». Отсюда если Конституция Соединенных Штатов защищает «право собственности на раба», то, отмечал Линкольн, «никакое положение Конституции или законодательства отдельного штата не может отменить право собственности на раба». Сам Линкольн считал, что «право собственности на раба не прописано в Конституции четко и безусловно», однако демократы (включая Дугласа) думали иначе. Если они одержат верх, говорил Линкольн илинойским республиканцам в июне 1858 года, «мы будем спать и видеть прекрасные сны о том, что население Миссури вот-вот объявит свой штат свободным, но когда мы проснемся, то обнаружим, что вместо этого Верховный суд объявил Илинойс рабовладельческим штатом»¹⁹.

Действительно ли Линкольн и другие республиканцы верили, что решение по делу Дреда Скотта было частью заговора, имевшего цель распространить рабство в свободные штаты? Или же это был своего рода жупел, которым они пугали избирателей-северян? Стивен Дуглас склонялся ко второму варианту. «Всякий школьник знает», что суд не может принять «настолько смехотворное решение, — говорил Дуглас. — Это неверие в человеческий разум и неслыханная клевета на суд». Многие историки соглашались с этими словами Дугласа²⁰. Но были ли смехотворными подозрения республиканцев? В ноябре 1857 года *Washington Union*, официальный орган администрации Бьюкенена, поместила статью, в которой утверждалось, что запрет рабства в северных штатах являлся антиконституционной мерой, направленной против собственности. В частной переписке

19 Ibid. II. P. 461—462, 467. III. P. 27, 230—231.

20 Ibid. III. P. 53, 267—268. Комментарии историков см.: Nevins A. Emergence. I. 362; Randall J. G. Lincoln the President. 4 vols. NY, 1945—1955. I. 116.

и других непубличных источниках республиканцы выражали неподдельную озабоченность последствиями дела Дреда Скотта. Сенатор от Висконсина Джеймс Дулиттл замечал, что «Конституция Соединенных Штатов — высший закон для любого штата, и если она признаёт рабов собственностью, как, скажем, лошадей, то ни конституция штата, ни какой другой его закон не в силах запретить рабство». Отметив, что Скотт прожил в Иллинойсе два года в качестве раба, легислатура Нью-Йорка осудила теорию, согласно которой «хозяин может перевезти своего раба в свободный штат, не нарушая подобное отношение собственности... [Такой шаг] приведет к нежеланному появлению рабовладения на нашей земле, со всем его порочным, разлагающим, вредоносным влиянием»²¹.

Обеспокоенность легислатуры не была абстрактной. В нью-йоркском суде в то время находилось на рассмотрении дело, касающееся права рабовладельца на своих рабов во время поездки через территорию свободного штата. Дело «Леммон против штата» поступило на рассмотрение еще в 1852 году, когда нью-йоркский судья высказался за свободный статус восьми рабов, на пути в Техас сбежавших от своего виргинского хозяина в Нью-Йорке. Большинство северных штатов ранее предоставили рабовладельцам право транзита или временного пребывания вместе со своими рабами. Однако уже к 1850-м годам все штаты, за исключением Нью-Джерси и Иллинойса, законодательно постановили предоставлять свободу тем рабам, которых их хозяин ввез на территорию этих штатов. Решение по делу Дреда Скотта поколебало устои таких законов. На основании этого представители Виргинии решили передать дело Леммона в высшую судебную инстанцию Нью-Йорка (подтвердившую закон штата в 1860 году) и безусловно добились бы рассмотрения его в руководимом Тони Верховном суде, если бы не началась сессия. Именно это дело Леммона и было кандидатом на линкольновское «решение по делу очередного „Дреда Скотта“». Недавнее исследование разделяет опасения Линкольна по поводу того, что Суд, управляемый Тони, вполне мог санкционировать «ту или иную форму рабства на Севере»²². Даже право на транзит или временное пребывание было, с точки зрения противников рабства, зловещим предзнаменованием. «Если человек может распоряжаться

21 Washington Union. 1857. Nov. 17; CG, 35 Cong., 1 Sess. P. 385; Nevins A. Emergence. I. P. 86; New York Assembly Documents. 80 Session. 1857. № 201.

22 Finkelman P. An Imperfect Union: Slavery, Federalism, and Comity. Chapel Hill, 1981. P. 323. Это блестящее исследование предлагает тщательный анализ дела Леммона и его подоплеки. См. также: Fehrenbacher D. E. Dred Scott... P. 444—445.

рабом в свободном штате на протяжении одного дня, — спрашивала одна республиканская газета, — то где гарантия, что такое не произойдет в течение одного месяца или года? Не станет ли такой „транзит“ продленным на неопределенное время, а „пробывание“ — постоянным?»²³

II

Таким образом, в контексте дела Дреда Скотта, линкольновское «предупреждение о том, что рабство может получить силу закона повсеместно, было... далеко не абсурдным». Его попытка связать имя Дугласа с заговором сторонников рабства («Стивен, Франклин, Роджер и Джеймс») была частью кампании Линкольна по выборам в Сенат в 1858 году²⁴. Во время дебатов по поводу Лекомptonской конституции Дуглас заметил, что ему все равно, проголосуют ли в Канзасе за или против рабовладения — его волнует лишь справедливость выборов. Такое «наплеватьство», возразил Линкольн, является даже большим злом, так как в отсутствие эффективного противодействия позволит поборникам рабства запустить механизм его распространения. Единственным способом остановить их было избрание республиканцев, «сердца которых бьются; кому не *наплевать* на результат», которые «считают рабство моральным, общественным и политическим злом», которые «будут противостоять... новой идее демократов о том, что рабство такое же благо, как и свобода, и потому должно иметь возможность распространиться по всему континенту»²⁵.

Эти идеи Линкольн стремился донести до избирателей штата Иллинойс во время многочисленных выступлений летом 1858 года. Дуглас объездил те же районы, где называл Линкольна «черным республиканцем», чьи аболиционистские теории приведут к распаду Союза и наводнят Иллинойс тысячами толстогубых, круглоголовых, вырождающихся негров. Линкольн «верит в то, что всемогущий Господь создал негра равным белому человеку, — заявлял Дуглас на речи

23 *Springfield Republican*, цит. по: *Fehrenbacher D. E. Dred Scott...* P. 314.

24 Цит. по: *Fehrenbacher D. E. Prelude to Greatness: Lincoln in 1850's*. Stanford. 1962. P. 123. Формально ни Линкольн, ни Дуглас не были «кандидатами» на этих выборах, так как сенаторов избирала легислатура штата, и выборы в Иллинойсе в 1858 году были как раз в легислатуру. Но, учитывая национальную известность Дугласа и выдвижение Республиканской партией кандидатуры Линкольна как возможного сенатора, основной целью этой избирательной кампании было как раз соискание сенаторской должности.

25 CWL. II. P. 468. III. P. 92.

в Спрингфилде в июле. — Он уверен, что негр — его брат. А я не считаю негра своим родственником ни в какой степени... Эта страна... была создана белой расой, создана ради процветания белого человека и его потомства, создана быть управляемой белыми людьми»²⁶.

Желая встретиться с Дугласом лицом к лицу, Линкольн предложил провести серию публичных дебатов. Дуглас согласился на семь раундов таких дебатов в различных местах штата. Эти дебаты заслуженно стали самыми знаменитыми за всю историю Соединенных Штатов. На них встретились два сильных логика и искусных оратора; один был знаменитостью национального масштаба, а другой был малоизвестен за пределами своего штата. В семь разбросанных по прерии городов стекались тысячи фермеров, рабочих, служащих, юристов, словом, представителей всех слоев общества, готовых сидеть или стоять за дверьми в течение нескольких часов на солнцепеке или под дождем, в жаркую и холодную погоду, в засуху и слякоть. Толпа активно участвовала в дебатах, выкрикивая вопросы, отпуская замечания, произнося здравицы или недовольно ворча. Ставки были гораздо выше, чем на простых выборах в Сенат, выше даже, чем на грядущих президентских выборах 1860 года, ибо дебаты были посвящены не больше не меньше будущему рабовладельческого уклада и самого Союза. Тарифам, банкам, внутренним усовершенствованиям, коррупции и другим краеугольным камням американской политики последнего времени не уделили ни толики внимания — единственным обсуждаемым вопросом было рабство²⁷.

В манере, присущей участникам дебатов, и Дуглас и Линкольн начинали с резкой критики, заставляя оппонента потратить время на защиту уязвимых пунктов своей программы. Один республиканский журналист в письме помощнику Линкольна метко описал такую стратегию следующим образом: «Когда вы увидите Эйба во Фрипорте,

26 Created Equal? The Complete Lincoln-Douglas Debates of 1858. Chicago, 1958. P. 62, 60.

27 В каждом раунде этих дебатов первый оратор выступал в течение часа, потом его оппоненту предоставлялось полтора часа, а затем первый оратор выступал еще с получасовой речью. Дуглас и Линкольн чередовались, открывая дебаты, причем Дугласу выпало быть первым оратором четыре раза из семи. Важность вопроса, затрагиваемого на дебатах, обусловила их широкое освещение в прессе. Стенографисты (тогда называемые «фонографистами») по одному от республиканской и демократической газет фиксировали каждое слово, включая реакцию публики. Первая дословная публикация дебатов в виде книги состоялась в 1860 г. На сегодняшний день существует три современных издания дебатов, снабженных примечаниями: CWL. III. P. 1—325; Created Equal; Johannis R. W. The Lincoln-Douglas Debates of 1858. NY, 1965.

ради всех святых скажите ему, чтобы заряжал ружье! Заряжал! Мы не должны постоянно парировать. Нам нужны смертельные уколы. Пусть всякий раз, когда он заканчивает фразу, оппонент истекает кровью»²⁸. Линкольн делал основной упор на обвинении Дугласа в отходе от взглядов отцов-основателей, тогда как республиканцы являются их наследниками. Подобно основателям, республиканцы «настаивают на том, что к [рабству] нужно повсеместно относиться как к несправедливости, и одним из выражений такого отношения будет положение о том, что оно не должно расширяться». Линкольн еще раз повторил, что государство не сможет постоянно быть наполовину рабовладельческим, наполовину свободным; оно существует в таком виде только потому, что большинство американцев до 1854 года разделяли веру основателей в то, что ограничение распространения рабства приведет к его окончательному отмиранию. Но Дуглас не только «не хочет гибели института рабства», но, наоборот, жаждет его «увекочения и разрастания в национальных масштабах». Тем самым он «уничтожает свет разума и любовь к свободе в американском народе»²⁹.

В некоторой степени знаменитый «фрипортский вопрос» Линкольна был отходом от стратегии отождествления Дугласа с рабовладельческими кругами. Во время выступления во Фрипорте Линкольн задался вопросом, существует ли законный способ, по которому население территории при желании могло бы запретить существование там рабства. Целью этого вопроса, естественно, было обратить внимание на противоречия между делом Дреда Скотта и доктриной «народного суверенитета». В политическом фольклоре этот вопрос олицетворялся с камнем, поразившим Голиафа. Если бы Дуглас ответил «нет», то он бы потерял голоса избирателей Иллинойса и рисковал не быть переизбранным в Сенат. А если бы он ответил «да», то потерял бы доверие южан и их поддержку на президентских выборах 1860 года. Однако Дуглас уже много раз получал такой вопрос. Линкольн даже предполагал, как тот ответит на него: «Он моментально прибегнет к утверждению, что рабство не может утвердиться на территории, пока этого не пожелает ее население и не придаст ему законный статус. Если это возмутит Юг, что ж, он и бровью не поведет, так как при любых раскладах он хочет сохранить свои шансы на Иллинойс... Его не заботит Юг — он знает, что для южан он политический труп»

28 Цит. по: Fehrenbacher D. E. Prelude to Greatness... P. 123.

29 CWL. III. P. 313, 18, 29.

с тех пор, как встал в оппозицию к Лекомптонской конституции³⁰. Как бы то ни было, Линкольн задал свой вопрос, а Дуглас ответил на него в ожидаемом ключе. Оглядываясь назад, мы понимаем, что его ответ вошел в историю под названием «Фрипортской доктрины». Она сыграла весомую роль в том, что южане потребовали введения на территориях рабовладельческого кодекса — этот вопрос расколол Демократическую партию перед выборами 1860 года (что, впрочем, произошло бы так и так). В последующих дебатах Линкольн уже не заострял этот вопрос, так как ответ на него выставлял Дуглас противником южных демократов, а усилия Линкольна были как раз направлены на подчеркивание их сходства³¹.

В ответной речи Дуглас обрушился на линкольновскую метафору «разделенного дома». Почему государство не может продолжать «существовать, будучи разделенным на свободные и рабовладельческие штаты?» — недоумевал Дуглас. Каково бы ни было личное отношение отцов-основателей к рабству, они «предоставили штатам полное право решать вопрос о рабстве самостоятельно». Если же страна «не может пребывать в разделенном состоянии, то [Линкольн] должен стремиться сделать ее полностью свободной или же полностью рабовладельческой; и то и другое неминуемо вызовет распад Союза». Слова об окончательном отмирании рабства «попахивают революцией и наносят ущерб существованию государства». Если это не фигура речи, то это означает «беспощадную в своей мстительности войну между Севером и Югом, которая будет идти, пока та или иная сторона не будет загнана в угол и не падет жертвой ненасытности противника». Нет, говорил Дуглас, «я не собираюсь ставить под угрозу вечность Союза. Я не желаю отменять все существующие великие неотчуждаемые права белого человека на негров»³².

Упоминание Линкольном чернокожих среди «созданных равными» являлось, по мнению Дугласа, «чудовищной ересью». «Люди, подписавшие Декларацию независимости, говоря о равенстве всех людей, абсолютно не имели в виду негров... или любую другую низшую и вырождающуюся расу». Разве Томас Джефферсон «имел намерение сказать в этой Декларации, что его черные рабы, с которыми он обращался как с собственностью, были равными ему по Божьему

30 CWL. II. P. 530.

31 Качественный анализ Фрипортской доктрины см.: *Fehrenbacher D. E. Prelude to Greatness...* P. 121—142.

32 CWL. III. P. 8, 35, 111, 322.

закону и что он ежедневно нарушает этот закон, поступая с ними как с рабами? (Из зала: „Нет, нет!”)»³³

Затронув расовые вопросы, Дуглас сел на любимого конька. Он рассчитывал, что эта проблема обеспечит ему поддержку в южных и центральных районах Иллинойса. Негры «всегда должны находиться в ущемленном положении, — кричал Дуглас своим восторженным сторонникам. — Вы за то, чтобы на негров распространились права и привилегии гражданина? („Нет, нет!”) Быть может, вы хотите исключить из нашей Конституции положение, лишаящее рабов и свободных негров доступа к жизни государства... чтобы, когда в Миссури отменят рабство, сто тысяч освобожденных там рабов хлынули в Иллинойс, став гражданами и избирателями, такими же как вы? („Никогда, нет!”)... Если вы хотите позволить им приехать в ваш штат и поселиться рядом с белыми, если хотите, чтобы они получили право голоса... тогда поддержите мистера Линкольна и партию черных республиканцев, которые стоят за предоставление неграм гражданства. („Никогда, никогда!”)»³⁴

Как Дуглас мог знать, что Линкольн ратовал за это? Чернокожие ораторы помогали тому в проведении кампании в населенных янки районах северного Иллинойса, демонстрируя, «как сильно наши цветные братья [заинтересованы] в успехе их брата Эйба. (Взрывы смеха.)» И во Фрипорте Дуглас рисует картину, как на выступление Линкольна подъезжает великолепный экипаж! «Прекрасная юная леди сидит на козлах, в то время как Фредерик Дуглас³⁵ с ее матерью вальяжно расположились в самой коляске, а владелец экипажа держит вожжи... Если вы, черные республиканцы, полагаете, что неграм позволено быть рядом с вашими женами и дочерьми, пока вы нахлестываете лошадей, то сейчас как раз такой момент... Те из вас, кто верит в то, что негры — ваша ровня... конечно могут голосовать за мистера Линкольна („К черту негров, нет, нет” и т. д.)»³⁶

33 Ibid. P. 113, 216.

34 Ibid. P. 9.

35 Фредерик Дуглас (1818—1895) — лидер негритянского освободительного движения, издатель газеты *The North Star*. Родился рабом, но в 1838 г. бежал на Север. — Прим. пер.

36 CWL. III. P. 171, 55—56. Благодаря расистской риторике Дугласу удалось вернуть благосклонность некоторых лидеров южан. Прочитав речи Дугласа, друг Александра Стивенса писал тому, что «Дуглас, несмотря на свое неоднозначное поведение в прошлом... остается непреклонным к ниггерам... Лучше уж он... чем свихнувшийся фанатик [Линкольн], который открыто проповедует равенство белой и черной расы» (цит. по: *Fehrenbacher D. E. Dred Scott Case...* P. 497).

Бесконечное педалирование Дугласом этой темы привело Линкольна в ярость. «Равенство негров! Какая чушь!! — досадовал он в частной переписке. Как долго еще мошенники будут печь, а глупцы глотать пирог с этой демагогической начинкой?» Но как бы он ни старался, он не мог обойти вниманием эту тему. Когда он вышел из отеля в Чарлстоне в южном Иллинойсе, где проходил четвертый тур дебатов, кто-то спросил его, «действительно ли он стоит за абсолютное равенство между неграми и белыми людьми». Поставленный перед необходимостью защищаться, Линкольн и ответил в оборонительном духе: «Все то, что приписывается мне в его идее совершенного общественного и политического равенства, — жаловался Линкольн на инсинуации Дугласа, — есть не что иное, как обманчивая и прихотливая игра слов, с помощью которых можно назвать конский каштан гнедой лошастью»³⁷. Линкольн признавал, что верит в то, что черные «наделены всеми естественными правами, записанными в Декларации независимости: правом на жизнь, свободу и стремление к счастью...»: «[Но] я не понимаю, почему, если я не хочу, чтобы негритянка была рабыней, я обязательно должен взять ее в жены? (Одобрительные возгласы и смех.)» А чтобы его конские каштаны никто не принял за каштановых лошадей, Линкольн ясно выразил свою позицию: «Я не являюсь, и никогда не был сторонником достижения в какой-либо степени социального и политического равенства белой и черной рас. (Аплодисменты.) Я не являюсь и никогда не был сторонником негров как избирателей или присяжных, или сторонником позволения им занимать государственные должности, или сторонником межрасовых браков с белыми. Более того, я скажу, что существует физическое различие между расами, которое, по моему мнению, навсегда сделает невозможным совместное проживание двух рас на условиях социального и политического равенства»³⁸.

Это был предел, до которого дошел Линкольн, уступая предрассудкам большинства избирателей Иллинойса. Однако дальше этого он не пошел. «Давайте отбросим всю эту словесную шелуху насчет разницы людей, неполноценности одной, другой, третьей расы... — заметил он в Чикаго. — [Вместо этого] объединимся по всей стране как один народ, для того чтобы еще раз подняться и заявить, что

37 *Horse chestnut* и *chestnut horse*.

38 CWL. III. P. 399, 16, 145—146.

все люди созданы равными». Является чернокожий белому ровней в духовном или моральном наследии или нет, «в праве пользоваться продуктами своего труда он равен мне, и равен судье Дугласу и любому человеку на земле. (*Бурные аплодисменты.*)» Что же касается политических прав, межрасовых браков и тому подобных аспектов, то это стоит передать в ведение легислатуры штата: «А так как судья Дуглас, видимо, пребывает в постоянном страхе перед такой стремительно приближающейся опасностью, то наилучшим выходом мне видится закрыть судью в четырех стенах и посадить его в легислатуру штата, чтобы там он мог бороться с этой заразой. (*Гомерический хохот и бурные аплодисменты.*)»³⁹

Несмотря на все остроумие Линкольна, Дуглас набрал очки в этом «обмене ударами». «Маленький гигант» также прижал Линкольна к канатам в раунде, посвященном вопросу об «окончательном отмирании» рабства. Не раз и не два Линкольн заявлял: «У меня нет намерений прямо или косвенно вмешиваться в судьбу рабства в штатах, в которых оно существует». «Но если он не поддерживает эту точку зрения, — спрашивал Дуглас, — то каким образом он собирается привести рабство к окончательному вымиранию? („Давай, ударь его еще раз!“)» Используя такую туманную риторику, «черные республиканцы» пытаются скрыть свою истинную цель — подрыв устоев рабства и развал Союза. Линкольн парировал, что когда он говорит об *окончательном* отмирании рабства, то имеет в виду только то, что «это произойдет не через день, и не через год, и не через два года: «Я не считаю, что мирное искоренение рабства может произойти в срок меньший, чем сто лет, но в том, что это произойдет наилучшим для обеих рас способом и в отведенное для того Господом время, у меня нет никаких сомнений. (*Аплодисменты.*)» Как и аболиционисты, Линкольн отказывался от дискуссии на тему «способа» покончить с рабством. Он надеялся, что в один прекрасный день южане придут к пониманию того, что рабство является злом, как пришли к этому Вашингтон, Джефферсон и другие отцы-основатели. И так как они ограничили его распространение, сделав, таким образом, первый шаг к искоренению этого зла, «у меня нет никакого сомнения, что рабство отомрет спустя какое-то время, если мы всего лишь вернемся к политике наших отцов»⁴⁰.

39 Ibid. II. P. 501; III. P. 16, 146.

40 Ibid. III. P. 16, 165, 323, 181, 117.

В любом случае, вопросы «совершенного общественного и политического равенства... к которым судья Дуглас пытался свести наш спор... являются ложными», — подытожил Линкольн в заключительном раунде дебатов. Самым насущным вопросом является этика и будущее рабства. «Вот вопрос, который не исчезнет в нашей стране после того, как жалкие ораторы вроде судьи Дугласа и меня умолкнут. Это вечная борьба между двумя началами, добром и злом, идущая повсюду... от сотворения мира... Первое — это общее право всего человечества, а второе — божественное право королей... Не важно, в каком виде предстает перед нами эта тирания: монарх, севший на шею своим подданным и живущий за счет их труда, или определенная раса людей, считающих это основанием для порабощения другой расы»⁴¹.

В глазах истории (или, по крайней мере, большинства историков) Линкольн «выиграл» дебаты. Сложнее дело обстояло с избирателями Иллинойса в 1858 году. В масштабах всего штата кандидаты в легислатуру от республиканцев и демократов набрали практически равное число голосов — 125 тысяч за каждую партию⁴². Демократы победили в 51 из 54 южных округов, а республиканцы — в 42 из 48 северных. Вследствие того, что состав легислатуры в 1850-е годы еще не был изменен в пользу быстрорастущих северных округов, а также того, что в сенате штата превосходство сохранялось за демократами, Демократическая партия получила большинство в новой легислатуре в 54 члена против 46 и избрала в Сенат Дугласа. Для «Маленького гиганта» кампания прошла триумфально. Он подтвердил свое положение лидера северного крыла Демократической партии и ее основного кандидата на грядущих президентских выборах. Для Линкольна же поражение открывало путь к победе. Он закончил по меньшей мере вничью сражение со знаменитым Дугласом, более четко, чем раньше, провел водораздел между республиканцами и северными демократами, а также в национальном масштабе заявил о себе как о выразителе республиканских идей⁴³.

Демократы также победили в пяти из девяти избирательных округов по выборам в Конгресс — одно из немногих светлых пятен на карте Севера для этой партии в 1858 году. Практически во всех

41 Ibid. P. 312, 315.

42 Республиканские кандидаты получили около 125 000 голосов, демократы Дугласа — 121 000, а противостоявшие Дугласу демократы Бьюкенена — 5000 голосов (Tribune Almanac. 1859. P. 60—61).

43 Лучший анализ выборов см.: *Fehrenbacher D. E. Prelude to Greatness...* P. 114—120.

остальных штатах демократы потерпели почти такое же фиаско, как и в 1854 году. В новом составе Палаты представителей число северных демократов должно было сократиться с 53 до 32. В четырех штатах Нижнего Севера, где в 1856 году победил Бьюкенен (Пенсильвания, Индиана, Иллинойс и Нью-Джерси), два года спустя баланс сместился в сторону республиканцев. Сейчас от этих штатов в Конгресс было отправлено 16 демократов и 34 республиканца, тогда как в 1856 году — 29 демократов и 21 республиканец. Доля голосующих за республиканцев в этих штатах подскочила с 35% в 1856 году (когда на арене еще была Американская партия) до 52% в 1858-м. Вечером в день выборов Бьюкенен пригласил нескольких друзей в Белый дом на ужин. На фоне поступающих из Пенсильвании телеграмм с обескураживающими новостями «мы хорошо провели время, — писал на следующий день президент, — в числе прочего смеясь над нашим сокрушительным поражением. Оно настолько оглушительно, что выглядит абсурдным»⁴⁴.

Лекомптонская конституция и дело Дреда Скотта принесли республиканцам немало выгод. Который раз «победа» рабовладельческих сил спровоцировала обратную реакцию, усилившую их смертельных врагов с Севера. Другие события также лили воду на мельницу республиканцев. Исчезновение Американской партии из политической жизни Севера побудило многих нативистов присоединиться к республиканцам, так как они продолжали рассматривать демократов как прокатолическую партию. В промышленных районах тарифная политика демократов и последовавшая за Паникой 1857 года депрессия усилили протестные настроения избирателей. Республиканцы также получили немало пользы от упорной оппозиции южан закону о гомстедах и от помощи федерального правительства в строительстве трансконтинентальной железной дороги.

III

Десятилетие экономического роста и процветания⁴⁵ закончилось сотрясением 1857—1858 годов. Паника 1857 года имела как внешние, так и внутренние причины. Крымская война 1854—1856 годов отрезала европейские рынки от русского зерна. Экспорт американских

44 *Tribune Almanac*. 1860. P. 18; *Fehrenbacher D. E. Dred Scott Case...* P. 563—564; Бьюкенен цит. по: *Nevins A. Emergence*. I. P. 400.

45 Впрочем, зимой 1854—1855 годов случилась паника, сопровождаемая непродолжительной рецессией.

товаров неуклонно рос, чтобы удовлетворить спрос. Это привело к всплеску спекуляции на западных землях. Десятилетний рост всех экономических показателей также спровоцировал и быстрое увеличение стоимости акций и облигаций. С 1848 по 1856 год количество банков выросло наполовину, удвоились их капиталы, займы и вклады. Километраж железных дорог и их капитализация в 1850—1857 годах утроились. Ткацкие фабрики, литейное производство и заводы работали на полную мощность, чтобы утолить ненасытные аппетиты заказчиков. Золотые прииски Калифорнии продолжали вбрасывать в экономику страны миллионы долларов ежемесячно. Однако к 1856 году пессимисты уже могли разглядеть трещины в этой монолитной экономической структуре. Большая часть капитала, вкладываемого в американские железные дороги, страховые компании и банки, шла из Европы, преимущественно из Англии. Крымская война плюс одновременно начавшаяся британская и французская колонизация Дальнего Востока опустошили банковские хранилища в этих странах. Это привело к повышению процентной ставки в этих странах в два и даже в три раза, побудив европейских инвесторов продавать низкодоходные ценные бумаги Соединенных Штатов, чтобы сделать вложения у себя на родине. Последующее падение цен на некоторые американские акции и облигации в 1856—1857 годах в свою очередь вызвало сокращение доходов американских банков — держателей этих бумаг. Тем временем британские банки повышали соотношение резервов к обязательствам, побуждая некоторых американских коллег делать то же самое, а рост массы нереализованных товаров послужил причиной временного закрытия нескольких американских ткацких фабрик⁴⁶.

К лету 1857 года сочетание спекулятивной лихорадки в одних отраслях экономики с предвестниками спада в других породило атмосферу мрачных предчувствий. «Чем еще это все может кончиться, как не общим коллапсом, подобным 1837 году? — задавался вопросом финансовый обозреватель *New York Herald*. — Те же предварительные симптомы, что и в 1835—1836 годах, наблюдаются и сейчас, но выглядят уже в десять раз серьезнее... рынок бумаг раздут до крайней степени, идет борьба за западные территории и земельные участки в больших и малых городах, миллионы долларов, за-

46 Анализ причин Паники 1857 года базируется на: Van Vleck G. W. The Panic of 1857: An Analytical Study. NY, 1943; Nevins A. Emergence. I. P. 176—197; Temin P. The Panic of 1857 // Intermountain Economic Review. 1975. 6. P. 1—12 .

работанных или одолженных, тратятся на шикарные особняки и их безвкусную обстановку... Нет ни малейших сомнений в том, что на коммерческом горизонте собирается буря»⁴⁷.

Беда, которую ждут, обычно приходит, поэтому любое локальное финансовое потрясение грозило обернуться настоящим крахом. 24 августа такое потрясение случилось: нью-йоркское отделение инвестиционной компании из Огайо приостановило выплаты, так как его кассир сбежал с кассой. Кризис доверия, начавшийся в результате этого события, оказал ощутимое влияние на экономику. Между финансовыми рынками большинства регионов страны уже существовала связь с помощью телеграфа. Внедрение непрерывной связи и быстрота реакции финансовых рынков привели к тому, что слух, зародившийся в одном месте, тут же превращался в «кризис» где-нибудь в другом. Вкладчики опрометью кинулись в банки, вынужденные требовать погашения кредитов, чтобы получить наличные. Это привело к разорению слишком увлекшихся перекупщиков и предпринимателей. Уолл-стрит захлестнула волна панических продаж. В сентябре круги от этой волны стали расходиться по всей стране: корабль, шедший из Калифорнии с двумя миллионами долларов золотом, попал в шторм и затонул. К середине октября почти все национальные банки прекратили выплаты наличными. Закрывались фабрики, росли ряды разорившихся, обанкротились железные дороги, прекратилось строительство, цены на сельскохозяйственную продукцию упали, сложная схема земельных спекуляций распалась как карточный домик, приток иммигрантов в 1858 году упал до предельного за тринадцать лет уровня, сократился импорт, и федеральное казначейство (чьи доходы формировались главным образом из тарифных сборов и от продажи земли) впервые за десятилетие получило дефицит. С наступлением зимы 1857—1858 годов сотни тысяч мужчин и женщин потеряли работу, другие перешли на неполный рабочий день или согласились на снижение заработной платы.

Вспомнив, что некоторые европейские революции 1848 года (вызванные финансовым кризисом) привели к радикальной классовой борьбе, американцы спрашивали себя, не ждут ли и их такие же потрясения. Выкинутые на улицу рабочие провели в некоторых городах демонстрации, где выдвинули требование: «Работа или хлеб!» В Нью-Йорке внушительная толпа взломала лавки торговцев мукой.

47 Цит. по: Van Vleck G. W. Panic of 1857... P. 60, 63.

10 ноября толпы, собравшиеся на Уолл-стрит, угрожали ворваться в здания таможни и отделения казначейства США, в хранилища которых скопилось 20 миллионов долларов. Армия и морские пехотинцы рассеяли их, но волнения продолжались всю зиму, заставляя многих обеспокоенных граждан испытывать предчувствие «катастрофы, нависшей над обществом»⁴⁸.

Справедливости ради надо отметить, что воинственная риторика этих демонстраций редко оборачивалась насилием. Ни один человек не был убит, и всего несколько были ранены, что выгодно отличало эти события от бунтов «ничего не знающих» несколькими годами ранее и продолжающейся партизанской войны в Канзасе. Выдача пособий и организация общественных работ в северных городах помогли пережить эту трудную зиму. Одним из наиболее поразительных последствий депрессии было религиозное возрождение, когда люди разных профессий стекались на молитвенные собрания, на которых они рассуждали о Божьем наказании за грехи скупости и роскошной жизни, вызвавшие катастрофу⁴⁹.

И Господь сжалился. Депрессия 1857—1858 годов прошла с меньшими потрясениями и оказалась короче, чем ожидалось. Осенью и зимой калифорнийское золото прибывало на восток в больших количествах. Биржевой рынок ожил весной 1858 года. Вновь открылись фабрики, строительство железных дорог повелось, как и прежде, в быстром темпе, а также выросла занятость населения. К началу 1859 года экономика выздоровела почти полностью. Профсоюзы, практически исчезнувшие под влиянием депрессии, в 1859 году возобновили свою деятельность и организовали ряд забастовок, на которых требовали платить докризисное жалованье. В феврале 1860 года обувщики города Линн в Массачусетсе объявили крупнейшую по тем временам забастовку в американской истории, в которой участвовали 20 тысяч работников обувной промышленности Новой Англии.

Политические последствия депрессии, пожалуй, равнялись экономическим. Потребовалось, однако, некоторое время, чтобы обстоятельства сложились так, как было выгодно республиканцам. Первоначальная тенденция обвинять в произошедшей панике банки дала демократам возможность набрать висты, разыграв свою тради-

48 Цит. по: *Huston J. L. A Political Response to Industrialism: The Republican Embrace of Protectionist Labor Doctrine* // *JAH*. 1983. 70. P. 49.

49 *Smith T. L. Revivalism and Social Reform: American Protestantism on the Eve of the Civil War*. NY, 1957. Ch. 4.

ционную антибанкирскую карту. Они даже умудрились заработать политический капитал на Старом Северо-Западе, однако в других регионах этот вопрос более не имел партийной принадлежности, так как демократы превратились в почти таких же сторонников банковской системы, как и оппозиционные им силы. Республиканцы из среды бывших вигов пеняли на отсутствие национального банка, который мог бы контролировать безответственную деятельность банков штатов. Некоторые республиканцы призывали к воскрешению Второго банка Соединенных Штатов из небытия, куда Эндрю Джексон отправил его двадцатью годами ранее. Политика демократов в области тарифов также вызывала осуждение республиканцев, испытывавших влияние вигов.

Хотя ни один современный историк не считает причиной депрессии 1857—1858 годов низкие тарифы, Хорас Грили и его единомышленники-протекционисты думали иначе. Принятый демократами в 1846 году тариф Уокера оставался в силе до 1857 года. Это был умеренно протекционистский тариф со средним размером пошлин в 20% — самый низкий процент с 1824 года. Новый тариф, принятый демократами в 1857 году, снизил пошлины еще сильнее, а также увеличил перечень беспошлинных товаров. Через несколько месяцев разразился кризис, поэтому неудивительно, что Грили усмотрел связь между этими событиями. «Никакие математические выкладки, — декламировала *New York Tribune*, — не могут яснее доказать, что недавнее бедствие полностью обусловлено отменой протекционистского тарифа»⁵⁰.

Республиканцы сделали пересмотр тарифа одним из своих приоритетов, особенно в Пенсильвании, где темпы восстановления черной металлургии отставали от других отраслей. Довод о том, что сниженные в 1857 году пошлины позволяют британским промышленникам поставлять сталь дешевле американской, был очень популярен как среди рабочих, так и среди владельцев металлургических предприятий. Естественно, республиканцы выдвигали требования ужесточения тарифа ради завоевания симпатий рабочих, так как этот избирательный слой был толще, чем управленцев. Ораторы заявляли: «Мы требуем, чтобы американские рабочие были защищены от конкуренции со стороны бедняков из европейских стран». Более высокий тариф предоставит «рабочие места тысячам мастеровых,

50 Цит. по: *Foner Ph. S. Business and Slavery: The New York Merchants and the Irrepressible Conflict*. Chapel Hill, 1941. P. 142n.

ремесленников, рабочих, которые в течение многих месяцев изнывают от вынужденного безделья». Такие аргументы были действенными, и на выборах 1858 года республиканцы получили много голосов именно в промышленных районах Пенсильвании⁵¹.

Проблема тарифа служит яркой иллюстрацией того, насколько политические последствия депрессии усилили противостояние между Севером и Югом. На каждой из трех сессий Конгресса, проходивших на отрезке от Паники до президентских выборов 1860 года, коалиция республиканцев и протекционистски настроенных демократов пыталась плавно увеличить пошлины. Всякий раз почти единодушно голосовавшие южные конгрессмены вкупе с доброй половиной северных демократов проваливали это предложение. Экономика Юга, ориентированная на экспорт сырья и импорт промышленных товаров, не была заинтересована в росте цен на закупаемые изделия того лишь ради, чтобы обеспечить большую прибыль и рост зарплат на Севере. Таким образом, Конгресс, по словам одного жесткого республиканца, оставался «проституткой, гнусно используемой рабовладельческой властью». А представитель Пенсильвании разглядел логическую связь между поддержкой южанами Лекомптонской конституции и их оппозицией к изменению тарифа: «Игнорирование прав населения Канзаса ведет к разрушению промышленности Соединенных Штатов»⁵².

Коалиции, образуемые по географическому признаку, были даже заметнее по трем вопросам отведения земельных участков в 1850-е годы: закону о гомстедах, закону о тихоокеанской железной дороге и предоставлении земель для учреждения сельскохозяйственных и технических колледжей. Идея использования обширного фонда государственных земель для этих нужд витала в воздухе уже целое десятилетие, если не больше. Все три вопроса получили дополнительный стимул в результате депрессии 1857—1858 годов. Свободная земля могла помочь разоренным в результате Паники фермерам начать все сначала. Согласно теории реформатора трудовых отношений Джорджа Генри Эванса, гомстеды могли также дать безработным городским труженикам возможность начать новую жизнь в качестве независимых землевладельцев и поднять заработную плату тем рабочим, которые останутся в городах. Строи-

51 *Huston J. L. A Political Response to Industrialism...* P. 53; *Van Vleck G. W. Panic of 1857...* P. 104; *Tribune Almanac. 1859.* P. 52—53.

52 *Foner Ph. S. Business and Slavery...* P. 141; *Huston J. L. A Political Response to Industrialism...* P. 53.

тельство трансконтинентальной железной дороги обеспечит доступ к богатствам Запада, свяжет воедино страну, создаст рабочие места и будет способствовать большему процветанию всех районов страны. Сельскохозяйственные и технические колледжи позволят получить образование фермерам и квалифицированным рабочим. Все три начинания отражали теорию вигов о гармонии интересов труда и капитала, извлекающих обоюдные выгоды из экономического роста и усовершенствованной системы образования. Наряду с тарифом, защищающим интересы американских рабочих и предпринимателей, эти меры по выделению земельных участков превратились в новую, республиканскую версию почтенной «Американской системы» Генри Клэя. Республиканцы могли рассчитывать на поддержку северных демократов (особенно сторонников Дугласа в штатах Старого Северо-Запада) скорее в земельных законопроектах, чем в тарифных вопросах.

Большинство южан, конечно же, были противниками этих шагов. Закон о гомстедах привел бы к притоку на западные земли поселенцев-янки, враждебно относившихся к рабству. «Будет лучше для нас, — громогласно вещал представитель Миссисипи, — если эти территории навеки останутся заброшенной, унылой пустыней, по которой передвигаются лишь краснокожие охотники, чем их заселят таким образом»⁵³. Также южанам не было дела и до основания на государственных землях школ, большинство учащихся которых будут составлять янки. Не были они слишком заинтересованы и в строительстве тихоокеанской железной дороги с предполагаемым восточным конечным пунктом в Сент-Луисе или Чикаго. В 1858 году южные сенаторы большинством голосов отложили рассмотрение всех трех законопроектов. На следующей сессии Конгресса серия поправок к законопроекту о строительстве железной дороги превратила его в бессмысленный набор предварительных наметок. В феврале 1859 года республиканцы и две трети северных демократов в Палате представителей приняли закон о гомстедах. В Сенате голоса разделились поровну, и вице-президент Брекинридж, представлявший Кентукки, использовал свой голос, чтобы склонить чашу весов на сторону противников закона. Что касается закона о выделении земельных участков для строительства колледжей, то северных демократов, поддерживавших республиканцев в этом начинании, хватило для проведения закона как через нижнюю, так и через верхнюю

53 Цит. по: Craven A. O. An Historian and the Civil War. Chicago, 1964. P. 38.

палаты. Но тут уже сам Бьюкенен вернул долги южным демократам, наложив на этот закон свое вето.

Подобным же образом закончилось дело и на первой сессии 36-го Конгресса (1859—1860), избранного в 1858 году, в составе которого насчитывалось больше республиканцев, чем в предыдущем. Разногласия по поводу того, каким должен быть маршрут тихоокеанской железной дороги, северным или южным, еще раз похоронили проект этого закона. Также южане продолжали использовать вето Бьюкенена для блокирования закона о выделении земель для колледжей, однако закон о гомстедах лег на письменный стол президента. Палата представителей приняла его 115 голосами против 65, причем 114 голосов «за» принадлежали северянам, а 64 «против» — южанам. После сложных дипломатических маневров Сенат принял видоизмененную версию законопроекта. Согласительный комитет выработал компромиссное решение, однако Бьюкенен, как и ожидалось, также наложил на него вето, а южная оппозиция в Сенате заблокировала попытки это вето преодолеть⁵⁴

Тупик, в который южане завели предложения о тарифах, гомстедах, тихоокеанской железной дороге и выделении земли под колледжи, обеспечил победные для республиканцев итоги кампании 1860 года. В период борьбы за закон о гомстедах в 1859 году республиканцы сражались с демократами и по другому вопросу: аннексия Кубы. «Явное предначертание» было символом, объединявшим демократов по обе стороны от 36-й параллели. Как бы они ни относились к рабству в Канзасе, они единодушно выступали за присоединение Кубы с ее 400 тысячами рабов. И Дуглас и Бьюкенен говорили о Кубе с жаром: приобретение Кубы казалось тем чудодейственным средством, которое было способно примирить две враждующие фракции Демократической партии. В своем послании Конгрессу в декабре 1858 года Бьюкенен призвал к новым переговорам с Испанией по поводу приобретения Кубы. Сенатор от Луизианы Джон Слайделл внес законопроект о выделении 30 миллионов долларов на первый платеж. Комитет по иностранным делам в феврале 1859 года одобрил это предложение. Республиканцы звонили во все колокола, обвиняя южан в «рабовладельческом заговоре», те отвечали им тем же, а северные демократы отмалчивались. Республиканцы рассчитывали оттянуть принятие решения по этому вопросу до прекращения

54 Nichols R. F. *The Disruption of American Democracy*. NY, 1948. P. 192, 231—233; Nevin A. *Emergence*. I. 444—455. II. 188—195.

работы Конгресса, намеченного на 4 марта 1859 года. В то же время они надеялись поставить на голосование в Сенате законопроект о гомстедах, уже принятый в Палате представителей. Демократы отказывались дать на это свое согласие, пока республиканцы не разблокируют голосование по Кубе. Вопрос, как выразился невожатый на язык сенатор от Огайо Бен Уэйд, состоял в том, «дадим ли мы ниггеров тем, у кого нет рабов, или землю тем, у кого нет земли?»⁵⁵ В конце концов Сенат не принял ни то, ни другое предложение, поэтому обе стороны приготовились выйти с ними к своим избирателям в 1860 году.

Тем временем борьба между Дугласом и южными демократами по поводу принятия федерального рабовладельческого кодекса для новых территорий привела к тому, что кровь из ран, нанесённых распрями по Лекомптонской конституции, полилась с новой силой. Демократическая фракция в Сенате выиграла первый раунд, сместив Дугласа с поста председателя комитета по территориям. Затем 23 февраля 1859 года южные сенаторы набросились на Дугласа, используя лексикон, обычно прибегаемый ими для «черных республиканцев». «Маленький гигант» обвинялся в том, что утверждал, будто никогда не будет голосовать за рабовладельческий кодекс, вводящий рабство на новых территориях, против воли большинства их населения. Доктрина народного суверенитета, говорил Джефферсон Дэвис, возглавивший атаку на Дугласа, «исполнена ереси». Если мы не откажемся от этой теории, то будем «выглядеть предателями доверия, которым жители Соединённых Штатов облекли членов Конгресса». «Мы не желаем... быть обманутыми, — заявил этот представитель Миссисипи, — [человеком, который] стремится построить политическую карьеру на приспособленчестве к предрассудкам большинства, чтобы лишить меньшинство права собственности». Такие люди, добавил Дэвис, глядя Дугласу прямо в глаза, у Юга не вызывают других чувств, кроме «презрения и негодования»⁵⁶.

Эти распри стали отражением повышения градуса споров в конце 1850-х годов. Агрессивность южан подхлестывалась самоуверенностью, ставшей следствием Паники 1857 года. Депрессия практически не задела Юг. Цены на хлопок и табак упали незначительно, к тому же быстро вернулись на докризисный уровень. Ориентированная на экспорт экономика южных штатов была защищена

55 CG, 35 Cong., 2 Sess. P. 1354.

56 Ibid. P. 1247, 1248, 1255, 1257.

от внутренних пертурбаций. Это вызвало приступ хвастливой гордости к югу от Потомака, а также издевательское сочувствие страданиям ставших безработными «наемных рабов» Севера. «Кто в свете недавних событий может сомневаться, что хлопок правит миром? — спрашивал сенатор от Южной Каролины Джеймс Хэммонд в своей знаменитой речи, посвященной «Королю Хлопку» 4 марта 1858 года. — Когда злоупотребление доверием подорвало само доверие, а также уверенность, когда тысячи самых мощных коммерческих предприятий в мире разорвались... когда вы зашли в тупик, когда в воздухе пахло революцией, что помогло вам?.. Мы отправили вам миллион шестьсот тысяч кип хлопка как раз вовремя, чтобы спасти вас от гибели... Мы продали его за 65 миллионов долларов и спасли вас». Рабство продемонстрировало превосходство южной цивилизации, продолжал Хэммонд. «Во всех социальных системах всегда существовала прослойка, выполняющая тяжелую и низкооплачиваемую работу... Она формирует самые низы общества... Такая прослойка должна существовать и у вас, или же у вас не сформируется другая, которая поведет общество к прогрессу, цивилизованности, изысканности... Ваши наемные работники физического труда, ваши „рабочие руки“, как вы их называете, по сути своей рабы. Разница же между нами в том, что наши рабы наняты пожизненно и получают за это хорошую компенсацию... а ваши наняты на один день, о них никто не заботится, а о достойной компенсации не может идти и речи»⁵⁷.

В южной пропаганде упоминание о «низах общества» использовалось активнее. Наиболее крайнее выражение эта тема нашла в работах Джорджа Фицью. Этот потомок первых виргинских переселенцев написал большое количество трудов, посвященных «краху свободного общества». В 1854 и 1857 годах он собрал свои очерки в книги, названные соответственно «Социология Юга» и «Все они людоеды!». Последняя увидела свет за несколько недель до начала кризиса 1857 года и, казалось, почти предсказала его. Свободный труд в условиях капитализма, писал Фицью, это война всех против всех, своего рода социальный каннибализм. Он считал «рабство естественным и нормальным условием для общества, тогда как ситуация на Севере неправильна и даже аномальна». Даровать «людям равенство прав есть не что иное, как выдавать сильному разрешение на угнетение слабых... [ибо] капитал осуществляет более универсальное

57 Selections from the Letters and Speeches of the Hon. James H. Hammond, of South Carolina. NY, 1866. P. 317—319.

принуждение свободных тружеников, чем хозяева — своих рабов, ибо свободные труженики должны постоянно работать либо голодать, в то время как рабов поддерживают вне зависимости от того, работают они или нет... [Поэтому] мы, рабовладельцы, говорим вам, что вы должны вернуться к домашнему рабству — старейшей, наилучшей и наиболее привычной форме социализма... естественной и нормальной среде для всех трудящихся, белых или черных»⁵⁸.

Теория Фицью несколько выбивалась из основной шеренги доводов защитников рабства, которые проводили четкое различие между свободными белыми и чернокожими рабами, признавая бесконечное превосходство первых на основании цвета их кожи. Хотя взгляды Фицью были эксцентричными, они не были уникальными. Некоторые сторонники рабства проводили различие между свободными земледельцами Юга и рабочими или фермерами Севера. Южане обладали превосходством, потому что жили в рабовладельческом обществе. Янки же, вполне возможно, годились лишь на то, чтобы быть рабами. Чтобы подкрепить этот тезис, южане изобрели генеалогическое древо, где янки представляли потомками средневековых англосаксов, а южане — потомками их завоевателей-норманнов. Такая разная кровь текла в жилах пуритан, поселившихся в Новой Англии, и «кавалеров», колонизовавших Виргинию. «Народ Юга, — сделала вывод *Southern Literary Messenger*, — происходит от элиты... известной как „кавалеры“... прямые потомки норманнских баронов Вильгельма Завоевателя, от элиты, отличающейся с древнейших времен своим воинственным и бесстрашным характером, и во все времена — мужеством, благородством, честью, добротой и образованностью»⁵⁹. Поэтому, если дело дойдет до битвы, один южанин-норманн, без сомнения, одолеет с десятков подлых саксов-янки.

Было ли или не было превосходство южан результатом «различия рас народов Севера и Юга», как это полагала *Southern Literary Messenger*, в любом случае столь превозносимые добродетели общества свободных тружеников являются ложью. «Величайшим злом северного свободного общества, — настаивала одна южнокаролинская газета, — является то, что оно обременено холопским классом

58 Fitzhugh G. Cannibals All! or, Slaves Without Masters. Cambridge (Mass.), 1960. P. 40, 32, 31; Fitzhugh G. Sociology for the South // Slavery Defended: The View of the Old South. Englewood Cliffs (NJ), 1963. P. 38; статью Фицью в *Richmond Enquirer* и отрывки из «Социологии Юга» см.: Ante-Bellum: Writings of George Fitzhugh and Hinton Rowan Helper on Slavery. NY, 1960. P. 9, 85.

59 *Southern Literary Messenger*. 1860. 30. P. 401—409.

мастеровых и рабочих, неспособных участвовать в самоуправлении, однако облеченных правами и полномочиями граждан»⁶⁰. А газета из Джорджии была еще более выразительна, демонстрируя свое отвращение: «Свободное общество! Нас тошнит от этого названия! Это всего лишь скопище засаленных мастеровых, грязных механиков, мелких фермеров и помешавшихся философов!.. Тот господствующий класс, который можно встретить [на Севере], — это работники мастерских, пытающиеся освоить хорошие манеры, и копошащиеся в земле мелкие фермеры, которых недостойно поставить наравне даже со слугами джентльмена с Юга»⁶¹.

Северная пресса заметила и перепечатала эти статьи. По всему было видно, что янки не оценили социологические изыски южан. Иногда ответ был благодушным, о чем, например, свидетельствовал лозунг во время одного из раундов дебатов Линкольна и Дугласа: «МЕЛКИЕ ФЕРМЕРЫ, НИЗЫ ОБЩЕСТВА И ЗАСАЛЕННЫЕ МАСТЕРОВЫЕ ЗА АВРААМА ЛИНКОЛЬНА». Порой реакция была гораздо более раздраженной и даже непригодной для печати. Без сомнения, некоторые солдаты, несколько лет спустя проходившие по Джорджии и Южной Каролине в составе армии Шермана, знали, какими эпитетами их награждали на Юге.

В любом случае, в этой войне колкостей и оскорблений северяне не оставались в долгу. В своей знаменитой речи во время предвыборной кампании 1858 года Уильям Сьюард высмеял убеждения южан в том, что «труд в любом обществе, осуществляемый кем бы то ни было, всегда духовно беден, унижен и низменен». Из этих убеждений и берет начало отсталость Юга, говорил Сьюард, массовая неграмотность населения и зависимый, колониальный характер его экономики. В противоположность этому, «система свободного труда гарантирует всеобщее образование и с помощью открытых возможностей трудоустройства для... всех классов общества... приводит в крайне энергичное движение все физические, моральные и социальные силы целого государства». Надвигается столкновение между двумя системами, «неотвратимый конфликт между противостоящими постоянными силами, и это означает, что Соединенные Штаты должны и будут... превращаться либо целиком в рабовладельческое государство, либо целиком в свободное»⁶².

60 Цит. по: Nevins A. Ordeal. II. P. 498.

61 Цит. по: New York Tribune. 1856. Sept. 10.

62 The Works of William H. Seward. 5 vols. NY, 1853—1884. IV. P. 289—292.

Южане заявляли, что свободный труд провоцирует волнения и забастовки. Разумеется, это так, соглашался Авраам Линкольн во время поездок по Новой Англии в марте 1860 года, которые как раз совпали с забастовкой обувщиков. *«Я счастлив видеть, что в Новой Англии установилась система, при которой рабочие могут бастовать тогда, когда они хотят. (Одобрительные крики.)... Мне по душе система, когда человек может уволиться тогда, когда сам этого захочет, и я хотел бы, чтобы она распространилась повсюду. (Оглушительные аплодисменты.)»* Доблесть свободного труда, говорил Линкольн, в том, что он устанавливает правила открытой конкуренции для восходящей мобильности, конкуренции, при которой большинство американцев заканчивают свой жизненный путь далеко не там, где они его начинали. «Я хочу, чтобы у каждого человека была возможность (и я считаю, что и у черного человека тоже) улучшить свое положение в жизни». В этом и заключается важность неотвратимого конфликта и разделенного дома, сказал в заключение Линкольн, ибо если Юг настаивает на своем, то «свободным трудовым отношениям, при которых бастовать можно, придется уступить дорогу рабовладению, при котором бастовать нельзя!»⁶³

Самое суровое обвинение социальному укладу Юга высказал как раз белый южанин — Хинтон Роуэн Хелпер. Самозванный выразитель интересов белых южан, не владевших рабами, Хелпер был в своем роде так же эксцентричен, как и Джордж Фицью. Выходец из семьи северокаролинских земледельцев, он отправился в Калифорнию в период «золотой лихорадки», но не разбогател и вернулся домой, лишенный иллюзий. Размышляя об условиях жизни, с которыми он столкнулся в каролинской глуши, Хелпер пришел к выводу, что «в основе всего позора, нищеты, невежества, тирании и скудоумия южан лежит рабство». Вторя аргументам фрисойлеров, Хелпер поддерживал взгляд на то, что рабство сводит любой труд к состоянию подневольного. Плантаторы с презрением смотрят на тех, кто не имеет рабов, и отказываются облагать свои хозяйства налогами, чтобы организовать достойные образовательные учреждения. «Рабство воспринимает в штыки идею всеобщего образования, — заявлял Хелпер в написанной им в 1857 году книге „Неминуемый кризис“. — Жизнеспособность рабства питается невежеством и флегматичностью масс». Данные переписи 1850 года, встревожившие несколькими годами ранее даже элиту Юга, предоставили Хелперу

63 CWL. IV. P. 24, 8.

информацию, позволившую ему (пользуясь избирательным подходом к этим данным) «доказать» превосходство производительной экономики общества свободного труда. Урожай луговых культур на одном только Севере, по его словам, был гораздо больше, чем расхваленного «Короля Хлопка» и других южных культур вместе взятых. Хелпер убеждал тех белых южан, которые не владели рабами (а таких было $\frac{3}{4}$ всего населения Юга), голосовать за искоренение «всей системы олигархического деспотизма, заставившего Юг барахтаться в выгребной яме невежества и деградации»: «Ныне настало время защищать наши права и вольности... [и] сражаться за Свободу Юга»⁶⁴.

Если бы Хелпер опубликовал свой труд в Северной Каролине или в Балтиморе, где заканчивал рукопись, «Неминуемый кризис» рисковал остаться незамеченным, к тому же бесконечные статистические выкладки смягчили острые уколы его критики. Кроме того, ни один издатель-южанин не стал бы ввязываться в такое дело. Поэтому Хелпер отвез рукопись в Нью-Йорк, где она вышла из печати летом 1857 года. *New York Tribune* признала ценность этой книги для республиканцев и посвятила ей рецензию на восьми столбцах. Это заставило читателей по обе стороны Потомака обратить на работу внимание. Возможно, Хелпер переоценил неудовлетворенность белых южан, не имевших невольников, общественной системой. За пределами Аппалачей многие из них были связаны с правящими кругами узами родства, надеждами на то, что сами станут рабовладельцами, или взаимной неприязнью к янки и прочим чужакам. Рабство — не только экономический уклад, но и кастовая система, причисляющая всех белых к правящему классу и тем снижающая вероятность классового конфликта. Какими бы бедными и невежественными ни были некоторые белые южане, они все равно оставались белыми. Если страх «равенства нигтеров» заставлял ненавидеть республиканцев даже значительную часть рабочих Севера, где черные составляли лишь 2—3% населения, то что говорить о Юге, где этот страх приобретал характер паники там, где доля была десятикратно больше. Но преувеличивал не только Хелпер — многие рабовладельцы в душе полагали, что небогатые жители как раз таких регионов, как провинциальная Каролина, могут взбунтоваться против существующего положения вещей. В некоторых южных штатах «Неминуемый кризис» был запрещен, что, естественно, лишь подогрело интерес

64 *Helper H. R. Impending Crisis of the South // Ante-Bellum... P. 201, 253, 187, 181, 202.*

к книге. В 1859 году комитет республиканцев изыскал средства для того, чтобы оплатить переиздание книги в сокращенном виде. Она использовалась в качестве агитационной брошюры и распространялась всюду, где только можно. Те, кто приложил руку к редакции этой книги, постарались вызвать еще более резкую реакцию читателей, добавив такие броские заголовки, как «Тупые массы южан» и «Революция! Мирная — если мы сможем, насильственная — если нас принудят»⁶⁵. Проспект, рекламирующий «Неминуемый кризис», подписали 68 конгрессменов-республиканцев.

Одним из них был конгрессмен от Огайо Джон Шерман, бывший умеренный виг, позже признавшийся в том, что подписал этот проспект, не прочитав саму книгу. Подпись Шермана стала поводом для новой перебранки при избрании спикера Палаты представителей, когда 36-й Конгресс собрался в декабре 1859 года. Хотя республиканцы численно превосходили демократов со своими 113 голосами против 101, «американцы» из штатов Верхнего Юга помогли удерживать равновесие. Республиканцы выдвинули на пост спикера кандидатуру Шермана, так как его взгляды казались достаточно умеренными, чтобы привлечь несколько голосов бывших вигов. Однако вскрывшаяся история с подписью на рекламном проспекте взволновала Конгресс, так что конгрессмены-южане не торопились голосовать за него. Прошедшие в течение двух месяцев сорок четыре раунда голосования не вывели Палату представителей из тупика, более того, конгрессмены едва удерживались от насилия. Южане клеймили Хелпера, его книгу и заодно всех, кто был с ними связан как «предателей, ренегатов, отступников... мерзких... отталкивающих... лживых... подстрекателей и мятежников»⁶⁶. Большинство конгрессменов приходили на заседания вооруженными; дольше всех держался бывший пастор из Новой Англии, но и он в конце концов махнул рукой и приобрел револьвер для самозащиты. Странники депутатов, собравшиеся в галереях, также были вооружены. Один из южан сообщал, что очень многие конгрессмены из рабовладельческих штатов рвутся устроить перестрелку прямо в зале заседаний. Они «хотят решить все вопросы с помощью оружия, прямо здесь и сейчас... И я не могу не желать распада Союза и образования южной Конфедерации». 20 декабря 1859 года губернатор Южной Каролины уведомил одного

65 Potter D. *Impending Crisis...* P. 387.

66 *Ibid*; Craven A. O. *The Growth of Southern Nationalism 1848—1861*. Baton Rouge, 1953. P. 251; Channing E. *A History of the United States*. 6 vols. NY, 1905—1925. VI. P. 208n.

из конгрессменов своего штата: «Если... вы придете к выводу решить вопрос силой, напишите или телеграфируйте мне, и я в самое короткое время пришлю ополчение в Вашингтон»⁶⁷.

Несмотря на все это, республиканцы поддерживали Шермана, который понемногу терял необходимые для избрания голоса. Демократы и «американцы» пробовали разные варианты: так, на пост спикера могли избрать дугласовского демократа, если бы демократы Старого Юга не отказались поддержать его. Также южане отвергли имевший уже место прецедент по временному изменению правила и избранию спикера простым большинством. Располагая Сенатом, где во главе шестнадцати из 22 сенатских комитетов стояли председатели-южане, они были вполне готовы к тому, что хаос в Палате представителей продолжится до тех пор, пока они не настоят на своем. «Пусть лучше колеса государственной машины остановятся [и Союз] продемонстрирует свою нежизнеспособность и развалится, чем пострадают наши принципы и честь», — клялись южане друг другу в приватной переписке⁶⁸. Чтобы избежать этого, Шерман снял свою кандидатуру, и республиканцы выдвинули ничем не примечательного Уильяма Пеннингтона из Нью-Джерси, который (благодаря оказанной им десять лет назад поддержке закона о беглых рабах) набрал достаточно голосов депутатов из пограничных штатов и стал спикером.

Ни одно событие не было столь губительным для единства Союза, как распри в Палате представителей. Мы легче пойдем агрессивную реакцию южан, если вспомним, что прения по вопросу о спикере начались всего три дня спустя после того, как в Виргинии был повешен Джон Браун, обвиненный в подстрекательстве рабов к мятежу. Рейд Брауна на Харперс-Ферри ознаменовал собой начало судьбоносного года, кульминацией которого стали президентские выборы в 1860 году.

67 Цит. по: Nevins A. Emergence. II. P. 121—122.

68 Channing S. A. Crisis of Fear: Secession in South Carolina. NY, 1970. P. 109; Thornton J. M. Politics and Power in a Slave Society: Alabama, 1800—1860. Baton Rouge, 1978. P. 390.

7.

Революция 1860 года

I

Как и Дред Скотт, Джон Браун прожил пятьдесят с лишним лет в полной безвестности, но, в отличие от Скотта, он получил известность не благодаря закону, а благодаря беззаконию. За исключением короткого повторного появления в Канзасе во время междоусобиц деятельность Брауна в течение трех лет, начиная с 1856 года, была скорее скрытной, чем публичной. Он предпринял несколько поездок на восток, где пытался собрать деньги для ведения освободительной войны в Канзасе. Во время странствий Браун разработал план борьбы против рабства. Подобно ветхозаветным воинам, перед которыми Браун преклонялся и на которых походил внешне, он мечтал перенести военные действия в сам Вавилон. Он изучал литературу, где описывались партизанские войны и восстания рабов. Заинтересованный способностью небольшого отряда сдерживать превосходящие силы врага в гористой местности, Браун вынашивал идею о совершении набега на предгорья Аппалачей в Виргинии. Оттуда он предполагал двинуться на юг вдоль горной гряды, призывая под свои знамена рабов. В мае 1858 года Браун и одиннадцать его белых сторонников отправились в общину бывших рабов в канадском Чатеме. Группа Брауна тайно встретилась с 34 чернокожими для принятия «временной конституции» республики освобожденных рабов, которую планировалось создать

в горах. Делегаты избрали Брауна главнокомандующим армии нового государства¹.

Джон Браун никогда не разделял приверженность большинства аболиционистов принципам ненасилия. Подражание Христу в духе мученика дяди Тома было не для него — Богом Брауна был Иегова, утопивший войско фараона в Красном море, а его Иисус был разгневанным человеком, изгнавшим торговцев из храма. Его любимым стихом из Нового Завета было: «И без пролития крови не бывает прощения» (Евреям, 9:22). Рабство — «наиболее варварская, ничем не спровоцированная и неоправданная» война хозяев против рабов, гласила преамбула Чатемской конституции Брауна. Победу над «ворами и убийцами» можно одержать только с помощью революции. «Разговоры, разговоры, разговоры! — с досадой воскликнул Браун, посетив митинг Антирабовладельческого общества Новой Англии. — Так рабов не освободить никогда. Требуется действие. И только действие»².

События 1850-х годов убедили некоторых аболиционистов встать на точку зрения Брауна. Насилие охватило весь Юго-Запад от Мексики — угрозы южан применить насилие открыли эти территории для распространения на них рабовладения. Вооруженные «флибустьеры» пытались завоевать Кубу и Центральную Америку для утверждения там рабства. А внутри страны закон о беглых рабах был той мерой, которая больше других показала несостоятельность идеологии ненасилия. До 1850 года Фредерик Дуглас был пацифистом. «Если бы меня спросили, желал бы я освобождения, пролив хоть одну каплю крови, — говорил он в 1840-х годах, — я бы ответил отрицательно... Единственную прочную надежду на освобождение рабов дает моральное убеждение». Однако через месяц после принятия закона о беглых рабах он изменил свое мнение и стал выступать за насильственное сопротивление закону. «Рабовладельцы... тираны и деспоты не имеют права на жизнь, — таковы теперь слова Дугласа. — Единственная возможность сделать закон о беглых рабах „мертвым“ — это сделать мертвыми и пяток-другой „охотников за рабами“»³. Одной из любимых поговорок Дугласа была: «Кто хочет быть свободным, пусть нанесет удар первым». Подобно Францу Фанону и другим идеоло-

1 Oates S. B. To Purge This Land with Blood: A Biography of John Brown. NY, 1970. P. 243—247.

2 Ibid. P. 234, 271—272.

3 Carleton Mabee. Black Freedom: The Nonviolent Abolitionists from 1830 through the Civil War. NY, 1970. 291—295.

гам антиколониальной революции середины XX века, Дуглас пришел к убеждению, что только посредством насилия угнетенный может добиться самоуважения и уважения со стороны угнетателей.

Многие канзасские фрисойлеры также считали, что коль скоро рабовладельческая власть пришла к ним с мечом, то от меча она должна и погибнуть. В 1855 году Чарльз Стернз, уроженец Новой Англии и последователь аболициониста Уильяма Гаррисона, переехал в Канзас и открыл там магазин. Отбывший вместо службы в милиции штата тюремное заключение, Стернз не оставил свои пацифистские убеждения и в первые месяцы проживания на новом месте. Но в конечном итоге не выдержал, объяснив свой поступок в письме бывшему учителю Гаррисону: «Хладнокровное убийство одного из лучших наших граждан, произошедшее вчера вечером, предрешило мой выбор. Мне жаль расставаться с принципами Иисуса Христа, после того как я придерживался их столь долгое время, но сражение, в которое я вступаю, идет не ради моих выгод. Я буду сражаться за Господа и за рабов». Другим обращенным стал Геррит Смит, богатый землевладелец и филантроп из северной части Нью-Йорка. Будучи вице-президентом Американского общества мира, Смит в 1856 году заявил: «До настоящего времени я противился освобождению рабов насильственными методами. [Но раз рабовладельцы] послали свои банды в [Канзас]... я и десятки тысяч других миролюбивых людей готовы не только дать им вооруженный отпор, но преследовать их с оружием в руках до полного их истребления»⁴.

Смит стал членом «Тайной шестерки», поддерживавшей планы Джона Брауна по вторжению в южные штаты. Как и Смит, остальные пятеро были состоятельными людьми с определенным положением в обществе: Томас Уэнтворт Хиггинсон, писатель и пастор-трансценденталист; Теодор Паркер, интеллектуал и светоч унитарянства; Сэмюэл Гридли Хоу, врач, чьи методы работы со слепыми и глухими получили всемирную известность; Джордж Стернз, преуспевающий промышленник, и Франклин Сэнборн, молодой педагог, протеже Эмерсона. Эти люди объединились ради поддержки активных противников рабства в Канзасе. Большинство из них также противодействовало и применению закона о беглых рабах: например, Паркер стоял во главе бостонского «комитета бдительности», а Хиггинсон возглавлял неудачную попытку освобождения Энтони Бернса в 1854 году. Некоторые члены «Тайной шестерки» были бессильными

4 Ibid. P. 319, 318.

очевидцами отправки Бернса на Юг силами полиции, ополчения, армии и морской пехоты.

Эта сцена отложилась в их памяти, а их деятельность в Канзасе только раздувала угли. Все это привело к установлению контактов с Джоном Брауном: они вполне разделяли его призыв к действию. Подобно Фредерику Дугласу, они пришли к убеждению в том, что рабы могут добиться свободы и избирательного права только собственными руками. Рабство, как писал Хиггинсон в 1858 году, «имело кровавое рождение и будет иметь кровавый конец. История не знает случаев, когда свобода приходила к угнетенным народам извне». Не осознаваемый ими парадокс заключался в том, что вся «Тайная шестерка» состояла из белых и видела в Джоне Брауне (также белом) идеального вождя рабов в деле их освобождения. Этот мрачный воин со словно вырубленными топором чертами лица поразил потомков пуритан, называвших его «исполненным высоких помыслов и самоотречения последним „ковенантером”⁵, „железнобоким” кромвелевцем, отправленным в девятнадцатый век с особой миссией»⁶.

В 1858 году Браун раскрыл «Тайной шестерке» свои планы по вторжению в южные Аппалачи. Ее члены, некоторые с энтузиазмом, некоторые со скепсисом, согласились оказать ему поддержку. Стернз выделил средства на закупку ружей и пик, чтобы вооружить рабов, которых Браун планировал привлечь под свои знамена. Браун под вымышленным именем арендовал ферму в Мэриленде; река Потомак отделяла ее от виргинского города Харперс-Ферри. Он планировал захватить казенный военный завод и арсенал, после чего раздать оружие рабам, которые к нему присоединятся. Ударный отряд Брауна, необходимый для этой цели, состоял из пяти черных и семнадцати белых, включая троих сыновей самого Брауна. Это была конечно же смехотворная «армия» для того, чтобы вторгнуться на территорию рабовладельцев и напасть на принадлежавшую им собственность.

Браун, впрочем, пытался привлечь к делу больше чернокожих добровольцев. В частности, он хотел, чтобы его старый друг Фредерик Дуглас присоединился к нему в качестве своего рода связного между ним и рабами. В августе 1859 года Браун и Дуглас тайно встретились

5 Ковенантеры — сторонники «Национального ковенанта» 1638 г., шотландского манифеста в защиту пресвитерианской церкви. — *Прим. пер.*

6 *Liberator*. 1858. May 28; Oates S. B. To Purge This Land. P. 237.

на заброшенной каменоломне близ Чеймберсберга (Пенсильвания). «Пойдем с нами, Дуглас, — начал Браун, — ты нужен мне с особой целью. Когда я нанесу удар, рой пчел взметнется в воздух, и я хочу, чтобы ты помог мне посадить их в улей». Но Дуглас отказался. Он был убежден, что Браун идет на форменное самоубийство, ибо «нападение на федеральное учреждение восстановит против нас всю страну». Харперс-Ферри, по словам Дугласа, не что иное, как «искусно поставленный капкан». Расположенный на полуострове, образованном слиянием рек Потомак и Шенандоа, окруженный со всех сторон господствующими высотами, завод оказывался беззащитным в случае контрнаступления. «Вы ни за что не уйдете оттуда живыми», — предупреждал Брауна Дуглас. Старый воин не смог скрыть своего разочарования отказом Дугласа. Другие чернокожие, на которых рассчитывал Браун, также отказались помочь ему. Один из них извинялся, сидя в Кливленде: «Мне противен и я сам, и все негры! Да проклянет их Господь!»⁷

Заканчивалось лето, наступала осень, а подкрепление к Брауну так и не пришло, поэтому он решил выступить с теми, кто уже был в его распоряжении. Им овладело что-то вроде фатализма. Он написал «Оправдание вторжения» в прошедшем времени, как будто оно уже потерпело неудачу. Когда в середине октября Браун, наконец, выступил в поход, он даже не уведомил рабов, которые, по его расчетам, должны были присоединиться к нему, не запаса провизией, не изучил возможные пути отхода из Харперс-Ферри и не задумывался о дальнейших шагах после захвата заводских зданий. Все выглядело так, будто он знал, что неудача вкупе с последующим мученичеством сделают для конечной цели больше, чем любой локальный успех. В общем и целом так все и оказалось.

16 октября после наступления темноты, оставив троих человек охранять штаб-квартиру, Браун в сопровождении остальных восемнадцати смельчаков двинулся на Харперс-Ферри. Они быстро захватили заводские склады, охраняемые единственным сторожем. Браун послал в округу патруль, который рассказал о восстании рабам и захватил нескольких заложников, включая правнучатого племянника Джорджа Вашингтона. Совершив эти «великие» дела, Браун сел и стал ждать, возможно, как раз того роя черных пчел. Но единственными пришедшими к нему рабами были те, которых подобрал его

7 Life and Times of Frederick Douglass, Written by Himself. NY, 1962. P. 317—320; Quarles B. Allies for Freedom: Blacks and John Brown. NY, 1974. P. 80.

патруль; по иронии судьбы, первой жертвой отряда Брауна оказался свободный негр, ответственный за багаж пассажиров на железнодорожной станции. Человек, поставленный Брауном охранять мост, застрелил его в темноте, когда несчастный шел по мосту в поисках ночного сторожа. Браун также остановил шедший на восток полуночный поезд и удерживал его в течение нескольких часов, после чего без каких-либо объяснений позволил продолжить путь. Поезд отъехал, неся весть о событиях в Харперс-Ферри.

Утром 17 октября жители Харперс-Ферри обстреляли отряд Брауна, в то время как к городу стягивалось ополчение из Виргинии и Мэриленда. Днем восемь сподвижников Брауна (включая двух его сыновей) и три горожанина были убиты, а еще семеро налетчиков спаслись бегством (двух из них впоследствии поймали). Браун с оставшимися «солдатами» и пленными укрылся в пожарном депо, имевшем толстые стены, где организовал оборону. Ночью прибыло подразделение морской пехоты под командованием двух кавалерийских офицеров — полковника Роберта Ли и лейтенанта Джеймса Стюарта. После того как ополченцы отклонили почетное предложение о штурме пожарного депо, в дело вступили морские пехотинцы Ли. Они отправились на штурм, использовав таран и прижмнув штыки, не сделав ни единого выстрела из опасения навредить заложникам. Потеряв одного человека, морские пехотинцы убили двух налетчиков и взяли в плен оставшихся, включая самого Брауна, раненного офицерской шпагой. Менее чем через 36 часов после начала авантюры Джона Брауна по освобождению рабов была окончена.

Однако эхо этого события звучало в течение нескольких лет. Разгорелись страсти в Виргинии, где толпа жаждала крови Брауна. Чтобы предотвратить самосуд, власти Виргинии поспешно рассмотрели дело Брауна и признали его виновным в измене, убийстве и подстрекательстве к мятежу. Месяц спустя, 2 декабря, суд приговорил его к казни через повешение. Дела других пойманных мятежников также были рассмотрены безотлагательно: четверо из них (включая двух негров) были повешены 16 декабря, а последние двое — 16 марта 1860 года. Связь Брауна с его северными единомышленниками вызвала огромный интерес. На мэрилендской ферме остался портфель Брауна, заполненный документами и письмами, причем некоторые из них указывали на его сношения с «Тайной шестеркой». Тем временем Теодор Паркер умирал в Европе от туберкулеза, Хиггинсон не отступал от своих принципов, оставшись в Массачусетсе,

нисколько не сожалел о своей роли и не обращая никакого внимания на попытки его арестовать. Однако остальные четверо смалодушничали. Стернз, Хоу и Сэнборн бежали в Канаду, а Геррит Смит заработал душевное расстройство и провел несколько недель в психиатрической лечебнице в Ютике.

Канадские эмигранты вернулись после повешения Брауна, но когда Сенат учредил следственный комитет во главе с виргинским сенатором Джеймсом Мэйсоном, Сэнборн бежал повторно, чтобы избежать дачи показаний. Из Канады он писал Хиггинсону, заклиная: «В случае вызова на допрос... не выдавайте все, что вы знаете, врагам нашего дела». Хиггинсон с презрением отнесся к такому поведению. «Сэнборн, разве у конфедератов совсем нет чести?.. Можете вы не морализировать... не прятаться за молчанием... чтобы спасти свою шкуру от осуждения со стороны общества, когда гораздо более благородный человек, которого мы подтолкнули к совершению опасного шага, стал козлом отпущения, жертвой подобного осуждения, мало того, попал на эшафот?»⁸

Сэнборн отказался явиться по вызову комитета Мэйсона и сопротивлялся попытке пристава Конгресса арестовать его. Верховный судья штата Массачусетс Лемюэл Шоу аннулировал ордер на его арест, придравшись к формальностям. Хоу и Стернз, напротив, приехали в Вашингтон и предстали перед комитетом Мэйсона. По каким-то причинам комитет так и не вызвал Хиггинсона, возможно, потому, что к февралю 1860 года решимость Мэйсона раскрыть заговор северян ослабла, к тому же он не хотел предоставлять Хиггинсону сцену для выражения своих взглядов. Может быть, по той же причине Хоу и Стернз назвали вопросы комитета «сформулированными столь неловко, что они смогли даже без откровенно ложных показаний» откеститься от того, что заранее знали о намерении Брауна атаковать Харперс-Ферри. Однако если за их показания возьмется историк, то он обнаружит некоторые нестыковки. Как бы то ни было, комитет Мэйсона не нашел доказательств заговора, и никому, кроме непосредственных поделщиков Брауна при Харперс-Ферри, официальное обвинение так и не было предъявлено⁹.

-
- 8 *Edelstein T. G. Strange Enthusiasm: A Life of Thomas Wentworth Higginson. New Haven, 1968. P. 232, 226.*
- 9 *Woodward C. V. The Burden of Southern History. Baton Rouge, 1960. P. 51—52; Rossbach J. S. Ambivalent Conspirators: John Brown, the Secret Six, and a Theory of Slave Violence. Philadelphia, 1982. P. 236—266.*

Реакция южан на рейд Брауна высветила парадокс, лежащий в основе самой сути рабства. С одной стороны, многие белые жили в страхе перед восстанием рабов, а с другой — южане постоянно утверждали, что с невольниками обращаются хорошо и бремя рабства те несут с охотой. Новости из Харперс-Ферри вызвали первую волну потрясения и ярости на Юге, особенно после того, как газеты сообщили, что среди бумаг, найденных в портпледе Брауна, были и карты семи южных штатов, являвшихся как бы дополнительными целями. На протяжении нескольких недель циркулировали самые вздорные слухи о готовящемся мятеже негров и о вооруженных аболиционистах, стекающихся на помощь к ним с Севера. Однако к моменту казни Брауна многие южане вздохнули с облегчением: слухи оказались не только ложными — южане убедились в том, что к Брауну добровольно не присоединился ни один раб. Вера южан в покорность рабов оказалась правдой: воду мутили только эти фанатичные янки.

Фанатичные янки спустя недолгое время еще раз спровоцировали у южан приступ неподдающегося контролю бешенства, после того как реакция противников рабства на события в Харперс-Ферри миновала две первые фазы. Первым ответом северян был своего рода недоуменный упрек. *Worcester Spy*, газета противников рабства из родного города Хиггинсона, охарактеризовала рейд Брауна как «один из самых опрометчивых и безрассудных за всю историю». Уильям Ллойд Гаррисон назвал его «бескорыстным и добросердечным», но в то же время «ошибочным, неконтролируемым и безумным»¹⁰. Однако подобные оценки вскоре сменились восприятием Брауна как мученика, павшего за благородное дело, чему во многом способствовало его поведение во время и после судебного разбирательства. В своих показаниях, письмах, интервью и, конечно, в своем последнем слове в зале суда он держался с большим достоинством, продемонстрировав редкую силу духа, впечатлившую даже губернатора Виргинии Генри Уайза и «пламенного оратора» Эдмунда Раффина. В ходе процесса Браун настаивал на том, что его целью не было поднять восстание рабов — он лишь хотел освободить их и вооружить для самозащиты. Это было, мягко говоря, лукавством, да и никакой разницы южане не видели. Свое заключительное слово перед вынесением приговора Браун превратил в непревзойденный образец красноречия, которое помнили еще долгие годы: «Я отрицаю все,

10 *Edelstein T. G. Strange Enthusiasm...* P. 222; *Liberator*. 1859. Oct. 21.

в чем меня обвиняют, кроме того, что я всегда признавал: стремление освободить рабов... И если бы я действовал в такой же манере от имени... богатых, влиятельных, просвещенных, так сказать, сильных мира сего... то члены этого суда расценили бы такое мое поведение как заслуживающее не наказания, а награды. Этот суд, я полагаю, признает силу Божьего закона. Я вижу, как в начале заседания целуют книгу; надеюсь, это Библия или, по крайней мере, Новый Завет, который учил меня относиться к людям так же, как бы я хотел, чтобы они относились ко мне. Далее, он учил меня „помнить узников, как бы и вы с ними были в узах”¹¹. Я старался действовать согласно этому указанию... И если мне уготовано лишиться жизни ради целей правосудия и воссоединить свою кровь с кровью моих детей и кровью погибших в этой рабовладельческой стране миллионов людей, чьи права попирались безнравственными, жестокими и несправедливыми поступками, то да будет так!»¹²

Эти слова побудили Теодора Паркера назвать Брауна «не только мучеником... но и святым». Они вдохновили Ральфа Уолдо Эмерсона на пророчество о том, что старый воин «сделает виселицу такой же прославленной, как и крест»¹³. Браун осознавал свой образ мученика и поддерживал его. «Меня, как говорится, высекли, — писал он своей жене, — но я уверен, что могу вернуть все потерянное в результате этой катастрофы с помощью нескольких секунд, пока веревка будет стягивать мою шею. Я решительно настроен извлечь из поражения всю возможную пользу». Подобно Христу, с которым Браун откровенно себя сравнивал, он собирался через смерть закончить дело спасения несчастных, которых не смог спасти при жизни. Браун с негодованием отверг все проекты спасения его от петли путем насильственного освобождения или признания его невменяемым. «Я не могу объяснить, но мне кажется, что я заслуживаю виселицы больше, чем всего остального», — говорил он своему брату¹⁴.

В день казни Брауна во многих общинах Севера происходили невероятные события: звонили церковные колокола, ежеминутно раздавались траурные ружейные залпы, священники читали поминальные молитвы, тысячи людей преклонили колена в молчаливом

11 Евреям, 13:3.

12 Из отчета о речи Брауна в *New York Herald* (Villard O. G. John Brown, 1800—1859: A Biography Fifty Years After. Boston, 1910. P. 498—499).

13 Woodward C. V. The Burden of Southern History. P. 54.

14 Warren R. P. John Brown, The Making of a Martyr. NY, 1929. P. 428—429; Oates S. B. To Purge This Land... P. 335.

благоговении в память о мученике свободы. «Я никогда не видел ничего подобного», — писал из Гарварда Чарльз Элиот Нортон. Более чем в тысяче миль от места событий, в Лоуренсе (Канзас), редактор *Republican* писал: «Ничья смерть в Америке не вызывала такого чувства глубокого и горестного негодования, охватившего массы народа»¹⁵. Один пастор из Роксбери (Массачусетс) заявил, что Браун превратил слово «измена» в «священное понятие американского языка»; молодой Уильям Дин Хоуэллс заметил, что «Браун превратился в идею, тысячекратно более чистую, непорочную и благородную, чем республиканская идея»; Генри Дэвид Торо назвал Брауна «распятым героем»¹⁶.

Чем можно объяснить фактическую канонизацию Брауна? Некоторые янки признавались, что восхищаются Брауном как человеком, осмелившимся нанести удар по рабовладельцам, привыкшим безнаказанно вести себя по отношению к северянам. Генри Уодсуорт Лонгфелло написал в своем дневнике в день казни Брауна: «Этот день станет великим днем нашей истории, днем новой Войны за независимость, которая так же необходима, как и первая». Когда виргинцы повесили Брауна, они «посеяли ветер и вскоре пожнут бурю». Таким было настроение, которое два года спустя передастся и армии северян, сделавшей «Тело Джона Брауна» своей любимой строевой песней. Но последствия были еще глубже. Слова Лафайета, вспомнившиеся собравшимся на панихиду в Бостоне, возможно, лучше всего отражали суть дела: «Я бы никогда не обнажил свой меч в борьбе за свободу Америки, если бы только мог предположить, что тем самым я помогаю создавать государство рабов»¹⁷. Джон Браун же обнажил свой меч, пытаясь отрубить раковую опухоль, покрывшую позором исторические перспективы Америки. И неважно, что его путь был ошибочным и обреченным на провал. «История забудет его ошибки перед лицом нестигаемой твердости... и благородства помыслов и впишет его имя в сонм мучеников и героев», — произнес Уильям Каллен Брайант. Большинство панегиристов Брауна то и дело призывают различать его «ошибки» и «благородство помыслов». «Хотя поход на Харперс-Ферри и был сумасбродством, — заключил религиозный еженедельник *The Independent*, — направлявшие его побуждения были безупречны». «Авантюра безумца», — такой вывод

15 Nevins A. Emergence... II. P. 99; Oates S. B. To Purge This Land... P. 356.

16 Woodward C. V. The Burden of Southern History. P. 58; Nevins A. Emergence... II. P. 99; Oates S. B. To Purge This Land... P. 354.

17 Warren R. P. John Brown... P. 437; Villard O. G. John Brown... P. 560.

сделал Хорас Грили, воздав Брауну и его людям хвалу за «возвышенность и благородство»¹⁸.

В оценках белых жителей Юга различие между действиями и побуждениями Брауна оказалось утерянным. Они видели только то, что миллионы янки одобряли убийцу, стремившегося натравить рабов на южан. Это породило гораздо более сильный приступ ярости, чем первоначальная реакция на сам набег Брауна. Север «одобряет грабителей, убийц и изменников и рукоплещет им», — жаловалась *De Bow's Review*. Могут ли южане и дальше «жить в государстве, большинство граждан которого считает Джона Брауна христианским мучеником?» — задавалась вопросом одна балтиморская газета¹⁹. Нет! — раздавалось из всех районов Юга. «Вторжение в Харперс-Ферри может стать гораздо более веской причиной выхода из Союза, чем любое другое событие с момента основания государства, — соглашались две соперничавшие газеты. — Оно произвело настоящую революцию в умах... старейших и наиболее последовательных консерваторов. Тысячи людей... которые всего месяц назад поднимали на смех идею выхода из Союза... теперь придерживаются мнения, что его дни сочтены». Один житель Северной Каролины разделял такое убеждение: «Я всегда был горячим юнионистом, — отмечал он в частной переписке в декабре 1859 года, — но одобрение северянами произвола Харперс-Ферри... поколебало мою верность союзным принципам... и я, пожалуй, больше склонен принять все несчастья, которые может принести выход из Союза, чем и дальше уступать дерзостям северян»²⁰.

Пытаясь уверить южан в том, что восторги по поводу Брауна выражает лишь шумное меньшинство, северные консерваторы провели череду митингов. Там клеймили «недавние беззакония в Харперс-Ферри» как преступление «не только против штата Виргиния, но и против самого Союза: «[Мы] готовы пойти так же далеко, как и южане в пресечении всех попыток северных фанатиков вмешаться в конституционные права Юга»²¹. Демократы увидели возможность восстановить отношения с Югом и дискредитировать республиканцев, связав их с теми, кто поддерживал Брауна. События

18 Nevins A. *Emergence...* II. P. 99; Woodward C. V. *The Burden of Southern History*. P. 48—49.

19 Oates S. B. *To Purge This Land*, 323; Villard O. G. *John Brown...* P. 568.

20 *Richmond Enquirer* и *Richmond Whig* цит. по: Shanks H. T. *The Secession Movement in Virginia, 1847—1861*. Richmond, 1934. P. 90; Уильям Уолш цит. по: Craven A. O. *The Growth of Southern Nationalism 1848—1861*. Baton Rouge, 1953. P. 311.

21 Villard O. G. *John Brown...* P. 563; Foner Ph. S. *Business and Slavery: The New York Merchants and the Irrepressible Conflict*. Chapel Hill, 1941. P. 161—162.

в Харперс-Ферри, по словам Стивена Дугласа, были «естественным, логичным, неизбежным результатом идеологии Республиканской партии». Мишенью для особенно резких нападок демократы избрали Сьюарда, так как, по их предположениям, он должен был стать кандидатом в президенты от республиканцев. Они уверяли, что Сьюард являлся «главным подстрекателем этого мятежа». Его «кровавая и беспощадная» речь о неотвратимом конфликте спровоцировала столь же кровавый и беспощадный рейд Брауна²².

Опасаясь политического краха, лидеры республиканцев поспешили отмежеваться от Брауна. Сьюард осудил «бунтарство и измену» старого воина и объявил его казнь «необходимой и справедливой мерой». Даже если Браун «соглашался с нами во взглядах на несправедливость рабства, — говорил Линкольн, — это не оправдывает насилие, кровопролитие и измену». Губернатор Айовы Сэмюэл Кирквуд назвал «военные действия» Брауна «преступлением большим», чем даже «флибустьерские налеты на Кубу и Никарагуа», хотя, «по разумению многих людей», рейд Брауна «не был столь большим злом, [так как] причиной его выступления была борьба за свободу, а не за распространение рабства»²³.

Южанам не понравилось сравнение Брауна с «флибустьерами». Также они усмотрели неприятную для них оговорку в словах Кирквуда и Линкольна («соглашался с нами во взглядах на несправедливость рабства... причиной его выступления была борьба за свободу»). Для жителей южных штатов черта, отделяющая моральные убеждения Линкольна от жестокости Брауна, была практически незаметной. Как заявляла одна атлантская газета: «Каждого, кто прямо не заявляет о том, что эксплуатация африканских рабов не является общественным, нравственным и политическим благом, мы рассматриваем как врага устоев Юга»²⁴. Что же касается поддержки северных консерваторов, то это было лишь «пусканием пыли в глаза». «Почему же консерваторы-северяне не смогли заставить замолчать этих мерзких „черных республиканцев“? — спрашивала *De Bow's Review*. — Они обязаны были сокрушить их, а сейчас эта партия завоевала почти весь Север». В Сенате Роберт Тумбз предупреждал, что Юг «никогда не допустит перехода федерального правительства в руки изменни-

22 Oates S. B. *To Purge This Land*. P. 310; Villard O. G. *John Brown...* P. 472; Nevins A. *Emergence...* II. P. 104.

23 Сьюард и Кирквуд цит. по: Villard O. G. *John Brown...* P. 564—568; CWL. III. P. 502.

24 Цит. по: Nevins A. *Emergence...* II. 108n.

ческой партии черных республиканцев». «Готовьтесь к защите! — зывал Тумбз к жителям южных штатов. — Враг уже у ваших ворот, не ждите, пока он подойдет к вашему очагу — встретьте его на пороге! Изгоните его из храма свободы или разрушите его основание и погребите врага под его руинами»²⁵.

Начался 1860 год, год президентских выборов, и дух Джона Брауна стал преследовать южан. Некоторые историки сравнили чувства жителей этого региона с «Великим страхом», охватившим французскую провинцию летом 1789 года, когда крестьяне были убеждены, что их идут уничтожать «разбойники-роялисты»²⁶. Доведенные буквально до точки кипения, многие рабовладельцы и фермеры были готовы начать войну ради защиты своей родины от банд «черных республиканцев». Тысячи людей вступали в вооруженные отряды, а legislatures штатов изыскивали средства на закупку оружия. Каждый сгоревший амбар или хлопкоочистительный завод порождал новую волну слухов о восстании рабов или вторжении аболиционистов. Все янки стали на Юге персонами нон грата. Некоторых из них мазали дегтем, вываливали в перьях и отправляли прочь из города по железной дороге. Нескольких человек линчевали. Жители Богги-Свомп, штат Южная Каролина, изгнали из округа двух преподавателей-северян. «Об их аболиционистских или мятежных настроениях ничего не известно, — комментировала местная газета, — но присутствие в округе северян, несомненно пропитанных враждебной нашему обществу идеологией, было нежелательным». Родившийся на Севере ректор колледжа Алабамы вынужден был спасаться бегством. В Кентукки толпа выдворила за пределы штата 39 человек, связанных с церковью и школой в Бэриа, где проповедовалось неприятие рабства. В Вашингтон приехали 32 представителя нью-йоркских и бостонских фирм на Юге, сообщив о «таком сильном предубеждении против северян, что они вынуждены были вернуться назад и выйти из бизнеса»²⁷. В такой атмосфере страха и ненависти демократы готовились к национальному конвенту в Чарлстоне в апреле 1860 года.

25 DeBow's Review. 1860. 29 // The Cause of the South: Selections from DeBow's Review 1846—1867. Baton Rouge, 1982. P. 219—220; CG, 36 Cong., 1 Sess. Appendix. P. 93.

26 Crenshaw O. The Slave States in the Presidential Election of 1860. Baltimore, 1945. Ch. 5; Woodward C. V. The Burden of Southern History. P. 67—68; Oates S. B. To Purge This Land... 322—323.

27 Woodward C. V. The Burden of Southern History. P. 62—66; Nevins A. Emergence... II. P. 108n.

II

Большинство южных демократов отправились в Чарлстон с одной-единственной целью: уничтожить Дугласа. В этом они объединились с немногочисленными сторонниками действующей администрации из числа северных демократов. Воспоминания о Лекомptonской конституции и Фрипортской доктрине расстроили все планы по примирению сторон. Этот «демагог из Иллинойса, — горячился один издатель из Алабамы, — заслуживает смерти на виселице осуждения Демократической партией, а его омерзительные останки должны быть выброшены за ворота Федерального города»²⁸. Некоторые демократы Старого Юга даже предпочли бы Дугласу президентареспубликанца, чтобы сделать для южан предельно ясной альтернативу: подчинение или отделение. И они добились этого результата, инициировав раскол Демократической партии.

Первый шаг был сделан на съезде демократов Алабамы в январе 1860 года, когда его делегаты получили инструкции покинуть национальный конвент в случае, если партийная программа не будет содержать обещания принять федеральный рабовладельческий кодекс для новых территорий. Другие объединения демократов Нижнего Юга последовали примеру алабамцев. В феврале Джефферсон Дэвис представил суть требований южан в Сенате в проекте нескольких резолюций, где утверждал, что ни Конгресс, ни территориальная легислатура не вправе «нарушать конституционное право любого гражданина Соединенных Штатов вывозить своих рабов на общие земли... Долгом федерального правительства является предоставление надлежащей защиты, как и в отношении любого другого вида собственности»²⁹. Верхушка демократов в Сенате, где господствовали южане, одобрила эти резолюции, бросив, таким образом, вызов Дугласу в Чарлстоне.

В накаленной атмосфере 1860 года Чарлстон оказался наилучшим из возможных мест для проведения конвента³⁰. Сторонники Дугласа чувствовали себя путешественниками в окружении враждебно настроенных аборигенов. «Пламенные ораторы» каждый вечер обсуждали свои планы за дверями зала, где проходил конвент, тогда

28 Цит. по: Reynolds D. E. *Editors Make War: Southern Newspapers in the Secession Crisis*. Nashville, 1970. P. 35.

29 CG, 36 Cong., 1 Sess. P. 658.

30 Чарлстон был выбран местом конвента специальным комитетом Демократической партии, возглавлявшимся представителем Нью-Йорка, который надеялся, что выбор южного города примирит партийные группировки!

как внутри северные демократы имели большинство в $\frac{3}{5}$ делегатов, так как голоса были распределены как в коллегии выборщиков, без учета реального влияния партии в разных частях страны. Сторонники Дугласа были полны решимости заблокировать принятие рабовладельческого кодекса в той же степени, в какой южане желали принять его. Таким образом, в партии налицо был «неотвратимый конфликт», по словам Мюрата Холстеда, блестящего молодого журналиста из Цинциннати, чьи репортажи являются лучшим отчетом об этом конвенте. «Южане ни на йоту не отступят от своих убеждений... Северные демократы... не желают ни стать жертвами убийства, ни покончить с собой»³¹.

Кризис разразился после отчета комитета по выработке предвыборной программы, в котором каждый штат имел один голос. Представители Калифорнии и Орегона присоединились к рабовладельческим штатам и обеспечили большинство в семнадцать голосов над шестнадцатью для принятия пункта о рабовладельческом кодексе, сходном с резолюциями Джефферсона Дэвиса. В заявлении меньшинства вновь декларировалась верность программе 1856 года, одобрявшей доктрину народного суверенитета, и содержалось обещание подчиниться решению Верховного суда по вопросу о полномочиях территориальных легислатур. Это не слишком устраивало южан. Они приняли аксиому Фрипортской доктрины о том, что вердикт суда не обязательно должен иметь силу закона. По словам председателя комитета — представителя Северной Каролины, — собственность нуждается в защите федерального правительства, поэтому, когда Соединенные Штаты приобретут Кубу, Мексику и Центральную Америку, любой рабовладелец сможет перевезти туда своих невольников в целости и сохранности. Выдающийся защитник прав южан Уильям Лаундс Йонси произнес одухотворенную речь в защиту заявления большинства. Галерея разразилась приветственными возгласами, когда он, обращаясь к северным делегатам, так начал заключительную часть своей речи: «Мы находимся в том положении, когда можем просить вас об уступках. Какие ваши права, джентльмены с Севера, ущемляются на Юге?.. Между тем на кон поставлен наш уклад, наша собственность, которую у нас собираются отнять, наконец, сама наша честь»³².

31 *Hesseltine W. B. Three Against Lincoln: Murat Halstead Reports the Caucuses of 1860.* Baton Rouge, 1960. P. 35, 44.

32 *Speech of William L. Yancey of Alabama, Delivered in the National Democratic Convention.* Charleston, 1860.

После такой красноречивой тирады возражения северных делегатов смотрелись неубедительно и довольно мрачно. «Мы не сможем отречься от доктрины [народного суверенитета], не покрыв себя позором, — говорил единомышленник Дугласа из Огайо, — никогда, никогда, никогда, и да поможет нам Бог». Они и не отреклись. После двух дней ожесточенных прений сторонники Дугласа провели свою программу 165 голосами против 138 («за» проголосовали 154 представителя свободных и 11 представителей рабовладельческих штатов, «против» — 30 и 108 соответственно). Это привело к тому, что пятьдесят делегатов из штатов Нижнего Юга покинули зал. После этого демарша страсти стали остывать. Дуглас не мог набрать необходимые для выдвижения кандидатом в президенты две трети голосов, а конвент не мог остановиться на какой-либо другой кандидатуре в течение 57 раундов голосования, полных взаимных претензий. Измученные и павшие духом делегаты разъехались по домам, договорившись полтора месяца спустя снова собраться в более благоприятном месте — в Балтиморе. Йонси устроил им запоминающееся прощание. Произнося речь на залитой лунным светом площади близ здания окружной администрации, он увлек толпу так, что та трижды прокричала оглушительное «ура!» в честь «Независимой Южной Республики», а заключительные его слова были следующими: «Возможно, уже сейчас неведомый хронист очиняет свое перо, чтобы писать историю новой революции»³³.

Все попытки объединить партию, казалось, провалились. Делегаты из северо-западных штатов возвращались разгневанными своими коллегами с Юга. «Я никогда не слышал, чтобы даже аболиционисты высказывались о южанах в столь же жестком и озлобленном ключе, как это сделали сторонники Дугласа, — писал один репортер. — По их словам, их ни капли не беспокоит дальнейшая судьба Юга... „Южане, выйдя из состава конвента, могут отправляться ко всем чертям“, — вот как они говорят». Однако большинство раскольников-южан рассчитывали снова войти в состав партии в Балтиморе. Как писал Александр Стивенс, перешедший годом ранее на умеренные позиции и ныне поддерживавший Дугласа, их стратегия состояла в том, чтобы «победить или разрушить»³⁴. В случае принятия их в лоно демократов отказники вновь собирались настаивать на принятии рабства-

33 Nevins A. Emergence... II P. 215; Johannsen R. W. Stephen A. Douglas. NY, 1973. P. 754; Hesselstine W. B. Three Against Lincoln... P. 86.

34 Ibid. P. 101; Стивенс цит. по: Milton G. F. The Eve of Conflict: Stephen A. Douglas and the Needless War. Boston, 1934. P. 468.

дельческого кодекса, а в случае поражения — вновь выйти из состава партии, на этот раз заручившись обещанием большинства делегатов из штатов Верхнего Юга последовать их примеру. Если бы им отказали в членстве, то делегаты штатов Верхнего Юга также вышли бы из партии и объединились со своими единомышленниками из «хлопковых» штатов, создав новую партию.

Однако сторонники Дугласа из нескольких штатов Нижнего Юга послали в Балтимор альтернативные делегации. Судьба всей Демократической партии зависела от того, какие делегации будут признаны легитимными. По зрелому размышлению северные делегаты вместо того, чтобы отправить раскольников на все четыре стороны, согласились пойти на компромисс, допустив к заседаниям по несколько представителей как отщепенцев, так и претендентов на их места. Но южане, противники Дугласа, хотели все или ничего. Они вновь покинули конвент, на сей раз в сопровождении большинства делегатов Верхнего Юга и горстки приверженцев рабства из числа северян — всего ушло больше трети собравшихся. Раскольники быстро создали собственный конвент и выдвинули кентуккийца Джона Брекинриджа (действующего вице-президента) кандидатом в президенты на платформе рабовладельческого кодекса. Разочарованные произошедшим сторонники сохранения Союза выдвинули кандидатуру Дугласа и возвратились домой с чувством горечи из-за того, что мятежники сделали все возможное для победы на президентских выборах «черного республиканца»³⁵.

Республиканцы оценили такую помощь, своевременно проведя свой национальный конвент в Чикаго. Основной проблемой, стоявшей перед ними, было то, что для победы на выборах им требовалось победить едва ли не во всех свободных штатах. Учитывая потерю Калифорнии, Орегона и, возможно, Нью-Джерси, республиканцам нужно было победить в Пенсильвании, а также в Индиане либо в Иллинойсе (штатах, где они проиграли на выборах 1856 года), чтобы обеспечить большинство голосов. Слабость позиций Уильяма Сьюарда в этих штатах показала, что его кандидатура на пост президента становилась далеко не столь бесспорной. Для победы в этих штатах республиканцам требовалось привлечь на свою сторону многих из тех, кто на прошлых выборах голосовал за Филлмора,

35 Nevins A. Emergence... II. P. 262—272; Nichols R. F. The Disruption of American Democracy. NY, 1948. P. 309—320; Milton G. F. Eve of Conflict... P. 450—479; Johannsen R. W. Douglas. P. 759—773; Hesselstine W. B. Three Against Lincoln... P. 178—278.

а давняя неприязнь Сьюарда к нативистам делала эту задачу трудновыполнимой. Что еще более существенно, речи Сьюарда о «высшем законе» и «неотвратимом конфликте» создали ему репутацию радикала, что отпугивало старых, консервативно настроенных вигов. Несмотря на то, что Сьюард отмежевался от Джона Брауна и его идеалов, немного грязи из Харперс-Ферри пристало и к его штиблетам. Более того, за годы междоусобной войны среди вигов Нью-Йорка Сьюард нажил себе множество врагов, среди которых был и Хорас Грили. Выдвижение Сьюарда также могло лишить Республиканскую партию дивидендов от коррупционного скандала в администрации Бьюкенена, который они намеревались использовать. Сомнительный след аферы по предоставлению избирательных прав легислатурой Нью-Йорка тянулся к Терлоу Уиду, политическому советнику Сьюарда, пятная, таким образом, и того. Шумная и вечно пьяная толпа клакеров, привезенных Сьюардом и его доверенными лицами в Чикаго, никак не могла улучшить имидж представителя Нью-Йорка³⁶.

Явившись на конвент с большим преимуществом, основанным на незабываемых позициях в штатах Верхнего Севера, Сьюард рассчитывал победить уже в первом раунде выборов. Но республиканцы были уверены в победе в этих штатах, какая бы кандидатура ни была выдвинута. Прагматики и политики из колеблющихся штатов объединились, чтобы остановить Сьюарда. Потенциальных кандидатов хватало: это были и «любимые сыновья»³⁷ из Вермонта и Нью-Джерси, и четыре человека, чьи амбиции превосходили статус «любимого сына»: Салмон Чейз из Огайо, Саймон Кэмерон из Пенсильвании, Эдвард Бэйтс из Миссури и Авраам Линкольн из Иллинойса. Однако Чейзу мешала такая же, как и у Сьюарда, репутация радикала, кроме того, он не пользовался единодушной поддержкой даже своего штата. Печальная известность Кэмерона как своего рода «альфонса», успевшего побывать в демократах и в «ничего не знающих» и заигрывавшего с вигами, породила недоверие к его кандидатуре среди тех делегатов, которые считали, что партия должна обладать непорочностью жены Цезаря. В течение какого-то времени Бэйтс казался наиболее сильным оппонентом Сьюарда, так как он пользовался поддержкой Грили и влиятельного семейства Блэров, на-

36 Summers M. W. 'A Band of Brigands': Albany Lawmakers and Republican National Politics, 1860 // CWH. 1984. 30. P.101—119.

37 Политики, популярные на уровне своего штата, но малоизвестные в национальном масштабе. — Прим. пер.

деявшихся, что он сможет одержать победу не только на Нижнем Севере, но и в некоторых пограничных штатах. Однако безликий 67-летний миссуриец был рабовладельцем, в прошлом «ничего не знающим» и к тому же в 1856 году поддержал Филлмора. По этой причине он отпугнул бы слишком много потенциальных избирателей, чья поддержка могла стать существенной (особенно немецких протестантов). Мечта о том, что республиканец сможет победить хотя бы в одном пограничном штате, была несбыточной, и Бэйтса поддерживали делегаты преимущественно тех штатов, где перспективы республиканцев были крайне туманны или вовсе безнадежны: Миссури, Мэриленд, Делавэр и Орегон.

Оставался Линкольн. К 16 мая — дню открытия конвента — Линкольн превратился из самой темной лошадки в главный противовес Сьюарду. Партийные лидеры партии постепенно пришли к выводу, что этот представитель Иллинойса имел больше всего преимуществ и меньше всего недостатков. Он был противником рабства и бывшим вигом в партии, состоявшей в основном как раз из бывших вигов, к тому же, несмотря на свою речь о «доме разделенном», сохранил репутацию умеренного. Многие бывшие демократы из числа членов Республиканской партии с уважением вспоминали поступок Линкольна, когда в 1855 году тот ушел в тень, позволив избрать в Сенат противника рабства демократа Лаймена Трамбла. Линкольн противостоял «ничего не знающим», что могло привлечь к нему голоса выходцев из Германии, однако оппозиция его не была настолько демонстративной, чтобы отпугнуть тех противников Сьюарда, которые ранее голосовали за Американскую партию. Уже будучи известен под прозвищем «Честный Эйб», Линкольн своим прямотушием выгодно отличался от нью-йоркской камарильи Терлоу Уида. Выходец из народа, Линкольн служил олицетворением идеологии «свободного труда» и «восходящей мобильности». Он действительно родился в бревенчатой хижине. Проявив политическую гениальность, один из близких друзей Линкольна представил делегатам съезда штата Иллинойс пару жердей для ограды, которые Линкольн будто бы самолично наколот тридцать лет назад. С этих пор Линкольн Расщепитель Жердей превратился в олицетворение фронта, фермерства, возможностей, открываемых упорным трудом, шанса разбогатеть и прочих составляющих американской мечты, воплощенной в собственном видении республиканца. Наконец, Линкольн был представителем штата и региона, которые должны были стать решающими для исхода выборов, особенно если Дуглас, как ожидалось, станет кандидатом северных

демократов. За исключением Уильяма Генри Гаррисона, умершего спустя месяц после инаугурации, не было ни одного президента — выходца со Старого Северо-Запада. Наиболее быстро растущий регион страны вправе был ожидать, что настало его время. Выбор Чикаго как места проведения конвента в бесконечное число раз увеличил шансы Линкольна. Огромная, восторженная толпа жителей Иллинойса заполнила большой зал, подготовленный для конвента и названный в шутку «вигвамом». С помощью фальшивых входных билетов тысячи громогласных сторонников Линкольна заполнили галереи.

Линкольн не был величиной, совсем уж неизвестной в большой политике. Его дебаты с Дугласом привлекли пристальное внимание, а публикация этих дебатов в начале 1860 года лишь укрепила его репутацию. В 1859 году Линкольн выступал почти во всех штатах Среднего Запада. В феврале 1860 года он держал речь перед большой аудиторией в нью-йоркском Куперовском институте³⁸, а затем отправился в Новую Англию, где произнес одиннадцать речей. Первое появление Линкольна на Северо-Востоке стало триумфальным, что побудило его сторонников в Иллинойсе хвастливо заявить, что «ни один человек в Соединенных Штатах еще так быстро не достигал вершины политического Олимпа»³⁹. Частично под впечатлением от этих речей 19 делегатов из этой вотчины Сьюарда отдали Линкольну свои голоса уже в первом раунде голосования в Чикаго.

Однако личность Линкольна по-прежнему оставалась малоизвестной в определенных кругах, так что некоторые эксперты даже не включили его в список семи, двенадцати или даже двадцати одного потенциального кандидата. Некоторые газеты писали его имя как «Абрам». Это, впрочем, продолжалось недолго. Ситуация изменилась, когда Индиана решила присоединиться к Иллинойсу, предоставив, таким образом, Линкольну солидную поддержку в первом раунде от двух ключевых штатов Нижнего Севера. Это дало возможность команде Линкольна (малоизвестной, но очень талантливой группе иллинойсцев) заручиться обещанием делегатов Пенсильвании отдать во втором раунде большинство своих голосов Линкольну, после того как в первом они отойдут Кэмерону. Всю

38 Вечерний университет, где кроме научных курсов преподавали рисование, скульптуру, обучали телеграфному делу и т. д. — *Прим. пер.*

39 *Baringer W. E. Lincoln's Rise to Power. Boston, 1937. P. 41.*

ночь напролет (с 17 на 18 мая) политики Иллинойса самозабвенно работали над тем, как по крупницам собрать голоса второго раунда в пользу Линкольна. Несмотря на инструкции последнего, посланные из Спрингфилда, о недопустимости «заключения связывающих меня обязательств», помощники Линкольна в Чикаго, вероятно, обещали посты в администрации и разного рода синекуры для представителей Индианы, для самого Кэмерона и, может быть, даже для членов семейства Блэров из Мэриленда и Миссури. Насколько важны были эти посулы при подаче голосов — вопрос спорный: в конце концов, и Уид мог раздавать такие же обещания от имени Сьюарда. Самым мощным оружием Линкольна было убеждение республиканцев в том, что он может победить в штатах Нижнего Севера, а Сьюард — нет. На решение делегатов из других штатов, без сомнения, повлиял пример Индианы и Пенсильвании, так как они понимали, что для победы на выборах партии необходимо восторжествовать именно в этих штатах⁴⁰.

Первый раунд голосования показал всю слабость позиций Сьюарда и внезапное усиление Линкольна. Сьюарду необходимо было набрать 233 голоса, однако удалось получить лишь 173 с половиной, тогда как Линкольн получил 102 голоса. Тенденция обозначилась явно, когда во втором раунде Сьюард завоевал менее дюжины новых голосов, в то время как Вермонт, Пенсильвания, и разрозненные голоса делегатов из других штатов, включая Огайо, перешли к Линкольну, который с 181 голосом практически сравнялся со Сьюардом. Во время голосования наэлектризованность зала достигла невиданной для американской политики степени. С десятков тысяч зрителей, большинство из которых были на стороне

40 Инструкции Линкольна см.: CWL. IV. P. 50. Историки долго спорили, действительно ли помощники Линкольна обещали кабинетные посты Кэмерону и другим. Доказательства этому только косвенные либо получены не из первых рук. О том, что «связывающие обязательства» сыграли ключевую роль, см.: Barringer W. E. Lincoln's Rise. P. 214, 266—67, 277. О том, что подобных сделок совершено не было, см.: King W. L. Lincoln's Manager: David Davis. Cambridge (Mass.), 1960. P. 137—138, 141, 162—164. О том, что подобные обещания имели место, но стали лишь одним из факторов, обеспечивших поддержку Линкольна Индианой и Пенсильванией, см.: Nevins A. Emergence... II. P. 256—257. Взвешенное предположение о том, что даже если такие обещания и давались, то они сыграли меньшую роль, чем убеждение в том, что Сьюард не мог обеспечить победу в штатах Нижнего Севера, см. Fehrenbacher. D. E. Prelude to Greatness: Lincoln in 1850's. Stanford, 1962. P. 159. Были или не были даны такие обещания, но существовало некое «общее понимание» того, что Кэмерон и Кaleb Смит из Индианы должны получить посты в новой администрации, и они их действительно получили.

Линкольна, облепили галереи и до того шумели, что один из репортеров исчерпал весь запас сравнительных оборотов: «Это выглядит так, как если бы все свиньи, когда-либо заколотые в Цинциннати, вместе издали предсмертный визг... Как будто прозвучало разом множество пароходных гудков... Стадо буйволов... не смогло бы произвести более жуткий шум». Толпа заряжала делегатов почти осязаемой энергией, увеличив количество поданных за Линкольна голосов в драматическом втором раунде и создавая впечатление неотвратимо действующей силы. Перед началом третьего раунда напряжение достигло наивысшей точки. Линкольн получил еще шесть голосов от Новой Англии, восемь — от Нью-Джерси, девять — от Мэриленда и четыре — от своего родного Кентукки. Когда Линкольн получил пятнадцать голосов от Огайо, ранее голосовавшего за Чейза, здание готово было буквально обрушиться. Тысячи карандашей вывели общий итог еще до того, как секретарь огласил его: 231 с половиной голос за Авраама Линкольна. Посреди внезапно наступившей тишины глава делегации Огайо поднялся с места и сообщил, что его штат отдает Линкольну еще четыре голоса. Эти слова были «словно порыв ветра, предвещающего бурю, и через мгновение буря накрыла всех с головой... тысячи людей издали оглушительный вопль с энергией умалишенных»⁴¹.

Каждый человек из сорока тысяч, собравшихся внутри и снаружи «вигвама», навсегда запомнил этот момент. Все, кроме убежденных сторонников Сьюарда, были уверены, что избрали сильнейшего кандидата. Но немногие осознавали, что вместе с тем выбрали и наилучшую кандидатуру для выполнения крайне сложной задачи, вставшей перед страной во всей своей неумолимости. Чтобы уравновесить тандем кандидатов, на пост вице-президента конвент выдвинул представителя Мэна Ганнибала Хэмлина, бывшего демократа и одного из первых единомышленников Линкольна в Новой Англии, но одновременно и друга Сьюарда. Предвыборная программа республиканцев стала одним из наиболее эффективных документов подобного рода в истории Америки. Не исключив ни одно из аболиционистских положений, прописанных в программе 1856 года, она, тем не менее, оказалась выдержана в более мягком ключе, осудив рейд Джона Брауна как «тягчайшее преступление». С удовольствием воспроизводя перечень вопросов, «сохраненных» для республиканцев оппозицией, программа обещала поддержку закону о гомстедах, развитию

41 Hesselstine W. B. Three Against Lincoln... P. 165, 158, 171.

речной и морской инфраструктуры, а также помощь федерального правительства в строительстве трансконтинентальной железной дороги. Для Пенсильвании в частности и для бывших вигов вообще в предвыборной платформе содержались обещания установить тарифную планку, названную «соответствующей» и «поощряющей развитие промышленных интересов всей страны», а также «гарантирующей рабочим щедрую оплату труда». Другой пункт программы позволял партии отмежеваться от нативизма, делая ее противником «любых изменений закона о натурализации или законодательства штатов... ущемляющих или нарушающих права граждан, прибывших из-за рубежа». Также программа содержала предупреждение южанам (сторонникам сецессии), говоря о «предполагаемой измене, осудить которую и противодействовать которой — наипервейший долг возмущенного гражданина»⁴².

III

Возбуждение и оптимизм, порожденные событиями в Чикаго, сопровождали всю кампанию республиканцев. Молодой партии были свойственны все крайности юности. Молодежь, только что получившая право голоса, стекалась под республиканские знамена. Тысячи юношей записывались в так называемые «общества бдительности» и устраивали марши, во время которых несли зажженные факелы, прикрепленные к пресловутым жердям для ограды, ставшим символом предвыборной гонки. Из типографий тысячами выходили сборники агитационных песен, и ярые приверженцы партии распевали ее основной мотив: «Разве ты не рад, что стал республиканцем?»

Весомым преимуществом республиканцев перед их оппонентами было единство партии. Разочарованные сторонники Сьюарда последовали примеру своего лидера и с энтузиазмом агитировали за Линкольна. Лишь горстка аболиционистов с левого фланга и чуть большее число вигов-«американцев» с правого проявляли признаки недовольства. Последние представляли главную угрозу надеждам республиканцев одержать безоговорочную победу на Севере. Подобно легендарному фениксу, партия вигов продолжала восставать из собственного пепла. Так, в 1860 году появилась партия Конституционного союза, проведшая свой конвент за неделю до республиканского.

42 Программу см.: History of American Presidential Election. 4 vols. NY, 1971. II. P. 1124—1127.

Эти консерваторы решили, что наилучшим образом избежать катастрофического разрыва можно, если игнорировать проблемы, разделившие Север и Юг. Поэтому вместо предвыборной программы они приняли ханжескую резолюцию, где обещали «не признавать иных политических принципов, кроме Конституции... Союза... и Строгого соблюдения закона». Конвент выдвинул в президенты Джона Белла — богатого рабовладельца из Теннесси, а в вице-президенты — преподобного Эдварда Эверетта, «хлопкового» вигга из Массачусетса. Немногие делегаты на этом собрании были моложе 60 лет; «партия почтенных джентльменов» стала объектом добродушной иронии со стороны республиканцев, говоривших, что список Белл — Эверетт «достоин быть напечатанным на атласной бумаге с позолоченными краями и уложенным в коробочку с мускусом». В то же время южные демократы обвиняли конституционных юнионистов в «нанесении оскорбления умственным способностям американской нации» путем организации «партии, игнорирующей вопрос о рабстве. Этот вопрос необходимо изучить и разрешить»⁴³.

Конституционные юнионисты не рассчитывали выиграть выборы. Лучшее, на что они могли надеяться, — победа в нескольких штатах Верхнего Юга и серьезное ослабление позиций Линкольна на Нижнем Севере, в результате чего он не смог бы заручиться большинством голосов выборщиков. Таким образом, выборы президента были бы перенесены в Палату представителей, где каждый штат имел бы один голос. Тогда демократы могли объединиться с виггами, «американцами» и юнионистами для избрания кентуккийца Брекинриджа, которого, возможно, удалось бы изолировать от его южных праворадикальных сторонников. Конституционные юнионисты могли даже задействовать свои связи и избрать Белла⁴⁴. Рассматривался и такой вариант: если нижняя палата не сможет назвать президента к 4 марта 1861 года, то исполняющим обязанности президента становится вице-президент, избранный Сенатом, где бал правили демократы. Этим достойным человеком мог стать либо вице-президент по списку Брекинриджа — Джозеф Лэйн из Орегона, уроженец Северной

43 *Springfield Republican* цит. по: Baum D. The Civil War Party System: The Case of Massachusetts, 1848—1876. Chapel Hill, 1984. P. 50; Dumond D. L. Southern Editorials on Secession. NY, 1931. P. 76.

44 По Конституции, если ни один кандидат не получает большинства голосов выборщиков, то Палата представителей «выбирает Президента из пяти лиц, которые получили наибольшее число голосов среди всех кандидатов, находившихся в списке». — Прим. пер.

Каролины и сторонник рабства, либо конституционный юнионист Эдвард Эверетт собственной персоной⁴⁵.

Однако такая порочная стратегия дала обратный результат. В нескольких южных штатах конституционные юнионисты чувствовали себя обязанными выказать такую же верность правам южан, что и демократы, требуя принятия федерального рабовладельческого законодательства для новых территорий. Это привело к тому, что многие консерваторы из числа бывших северных вигов голосовали за Линкольна как за меньшее из зол. «Во вторник я пойду и проголосую за республиканцев, — писал один житель Нью-Йорка, который первоначально намеревался подать голос за Белла. — Единственной альтернативой является вечное подчинение южанам... А я хочу потом вспоминать, что в самый разгар кризиса сделал правильный выбор. Север должен отстаивать свои права и нести за это ответственность»⁴⁶. Тандем Белл — Эверетт набрал менее 3% голосов северян и не нанес ущерба Линкольну.

Выборы 1860 года были уникальными в истории американской политической жизни. Кампания разбилась на два отдельных противостояния: Линкольн против Дугласа на Севере и Брекинридж против Белла на Юге. Республиканцы даже не пытались проводить агитацию в десяти южных штатах: рискни они там появиться — их ораторов ждал бы горячий прием из дегтя и перьев (если не хуже). В оставшихся пяти рабовладельческих штатах (все на Верхнем Юге) Линкольн получил 4% голосов избирателей — в основном от антирабовладельчески настроенных немецких иммигрантов в Сент-Луисе и окрестностях. Брекинридж добился чуть лучшего результата на Севере, получив 5% голосов избирателей, которых, впрочем, оказалось достаточно, чтобы лишить Дугласа Калифорнии и Орегона. Линкольн победил в этих штатах относительным большинством, а во всех прочих свободных штатах, за исключением Нью-Джерси, — большинством голосов избирателей.

Такой результат был конечно же следствием упорной работы. Брошенный на произвол судьбы администрацией и южанами, Дуглас

45 Crenshaw O. Slave States in the Presidential Election of 1860. P. 59—73; Alexander T. B. The Civil War as Institutional Fulfillment // JSH. 1981. 47. P. 11—13, 16, 20.

46 Nevins A., Thomas M. H. The Diary of George Templeton Strong: The Civil War 1860—1865. NY, 1952. P. 56—57. Анализ попыток южных «конституционных юнионистов» перещеголять демократов Брекинриджа в верности идеалам Юга см.: Mering J. V. The Slave-State Constitutional Unionists and the Politics of Consensus // JSH. 1977. 43. P. 395—410.

оставался опасным соперником. В начале гонки у него были шансы победить в восьми северных и одном-двух пограничных штатах, завоевав 140 из 303 голосов выборщиков. Чтобы помешать этому, республиканцы провели кампанию с беспрецедентной энергией и ораторским искусством. Сам Линкольн сохранял ставшее уже традиционным молчание кандидатов в президенты, однако в этой кампании все прочие партийные деятели — от крупных до самых незначительных — работали «с огоньком», суммарно произнеся около 50 тысяч речей. Республиканские эмиссары под руководством Карла Шурца предприняли особые усилия по оттягиванию голосов немецких иммигрантов от традиционно предпочитаемой теми Демократической партии. Они достигли определенного успеха среди немецких протестантов, хотя католики, традиционно воспринимавшие республиканцев как попутчиков нативистов и борцов за трезвость, в подавляющем большинстве голосовали за демократов⁴⁷.

Храбро бросив вызов устоявшейся традиции, Дуглас агитировал за себя сам. Ему нездоровилось, голос его был хрипл, однако с июля по ноябрь он объездил всю страну (за исключением западного побережья), совершив изнурительное турне, которое, без сомнения, приблизило его смерть, случившуюся год спустя. Это предприятие оказалось напрасным, несмотря на его отважность. И на Севере и на Юге Дуглас делал упор на то, что является единственным общенациональным кандидатом, единственным лидером, способным удержать страну от распада. Однако в реальности демократы Дугласа вряд ли были настроены большими сторонниками сохранения единства, чем республиканцы. Большинство же южных демократов считали Дугласа почти таким же защитником черных, как и Линкольн, а вдобавок еще и предателем. Дуглас пришел к финишу лишь с 12% голосов избирателей-южан.

Если со стороны демократов обвинения республиканцев в сепаратизме не вызывали доверия, то старое клеймо пропагандистов расового равенства не утратило своей силы. Республиканцы стали еще уязвимее в этом вопросе, так как предложили поправку к конститу-

47 Для изучения противоречивых версий решения вопроса о проценте голосовавших в 1860 г. немцев см.: *Luebcke F. C. Ethnic Voters and the Election of Lincoln. Lincoln (Neb.), 1971.* Последние оценки голосования выходцев из Германии доказывают, что, даже если доля иммигрантов из Германии, голосовавших в 1860 г. за Линкольна, составила менее половины, пророст ее по сравнению с 1856 г. был поразительным и, скорее всего, помог в обеспечении нужного результата в Пенсильвании, Индиане и Иллинойсе (см.: *Gienapp W. E. Who Voted for Lincoln? // Abraham Lincoln and the American Political Tradition. Amherst, 1986. P. 50—97.*)

ции штата Нью-Йорк, уравнивающую черных в избирательных правах с белыми⁴⁸. Если кто-то хочет голосовать «бок о бок со здоровенным „нигтером”», — вещали демократические ораторы и издатели, если хочет поддержать «партию, считающую, что „нигтер лучше ирландца”, если «готов разделить полученное наследство с черным... тогда пусть голосует за кандидата республиканцев»⁴⁹. На парадных платформах демократов в Нью-Йорке везли чучело Хораса Грили в натуральную величину, «ласкавшего миловидную черную служанку со всей страстью истинного республиканца». Транспарант гласил: «Свободная любовь и свободные нигтеры, разумеется, выбирают старину Эйба». Крупнейшая демократическая газета страны *New York Herald* предупреждала, что в случае избрания Линкольна «сотни тысяч» беглых рабов «поедут к своим друзьям-республиканцам на Север, где создадут с их помощью конкуренцию белым... Смешение африканской крови с кровью благородных наследниц англосаксов, кельтов и тевтонов станет их миссией в тысячелетнюю эру республиканского правления»⁵⁰.

Такие нападки остудили пыл многих республиканцев. Хотя большинство партийной прессы в Нью-Йорке одобряло поправку о предоставлении равного избирательного права, лишь немногие ораторы решались упоминать о ней, а сама партия не прилагала больших усилий, чтобы ее провести. Примерно треть республиканского электората виртуально присоединилась к демократам, проголосовав против такой поправки и провалив ее с треском, даже несмотря на победу Линкольна в штате Нью-Йорк⁵¹. А на Нижнем Севере республиканцы приглушали моральное звучание вопроса о рабстве, выдвигая на передний план иные темы сугубо регионального значения. В Пенсильвании и Нью-Джерси они дискутировали о тарифах; на всем пространстве от Огайо до Калифорнии они позиционировали себя как сторонники гомстеда, как партию, стоящую за внутренние

48 Негры штата Нью-Йорк получали право голоса, если преодолевали планку имущественного ценза в 250 долларов. На белых подобное ограничение не распространялось. Поправка к конституции отменила бы ценз для черных избирателей.

49 *Field Ph. F. The Politics of Race in New York: The Struggle for Black Suffrage in the Civil War Era.* Ithaca, 1982. P. 116, 118; *New York Herald.* 1860. Nov. 5; *Man A. Labor Competition and the New York Draft Riots of 1863 // Journal of Negro History.* 1951. 36. P. 379.

50 Цит. по: *Field Ph. F. Politics of Race...* P. 117 и по: *Man A. Labor Competition and the New York Draft Riots.* P. 378—379.

51 За поправку проголосовало 37% избирателей, тогда как Линкольн набрал в Нью-Йорке 54% голосов.

усовершенствования и прокладку тихоокеанской железной дороги. Такая тактика оставляла демократам меньше возможностей эксплуатировать вопрос о рабстве. «Республиканцы в своих речах обходят молчанием вопрос о рабстве, — жаловался некий демократ из Пенсильвании, — а твердят лишь о повышении тарифа». Разумеется, позиция республиканцев по этим вопросам содержала косвенные нападки на власть рабовладельцев. После того как Бьюкенен наложил вето на законопроект о гомстедах, даже демократическая газета из Айовы осудила президента, назвав его «старым греховодником», а его северных приспешников — «подстрекателями и наймитами пропагандистов рабства»⁵².

Администрация Бьюкенена дала республиканцам еще один козырь: коррупцию. Американцы всегда рассматривали должностные преступления и злоупотребление властью как серьезнейшую опасность республиканским свободам. Не только сам Бьюкенен являлся послушным орудием рабовладельческих кругов, но и вся его администрация, по словам историка Майкла Холта, «была, вне всякого сомнения, самой коррумпированной до Гражданской войны и одной из самых коррумпированных в американской истории вообще»⁵³. Вскрывшиеся факты злоупотреблений составили колоссальный фолиант, подготовленный следственным комитетом Палаты представителей. Отчет комитета увидел свет в июне 1860 года, как раз вовремя для того, чтобы республиканцы могли распространить его сокращенное издание в качестве агитационного материала.

Данный отчет увенчал собой серию предыдущих расследований, проливших свет на прискорбную хронику случаев подкупа и взяточничества на государственной службе и в самом Конгрессе при заключении правительственных контрактов. Военное и военно-морское ведомства заключали контракты с фирмами, дававшими деньги на нужды Демократической партии, без какой бы то ни было конкуренции. При Пирсе и Бьюкенене почтмейстеры Нью-Йорка и Чикаго в течение нескольких лет перекачивали государственные средства в партийные сейфы. В 1858 году в ходе прений в Конгрессе демократы использовали часть этих средств для получения нужных им результатов голосования. Также они подкупали судей, чтобы те выдавали свидетельства о натурализации иммигрантам раньше положенного срока. Во время президентских выборов 1856 года такие

52 Luthin R. H. *The First Lincoln Campaign*. Cambridge (Mass.), 1944. P. 208, 179.

53 Holt M. F. *The Political Crisis of the 1850s*. NY, 1978. P. 214.

иммигранты уже голосовали в ключевых штатах — Пенсильвании и Индиане; кроме того, демократы предоставили незаконное право голоса ирландцам, работавшим на строительстве железной дороги в Индиане, склонив таким образом в этом штате чашу весов в пользу Бьюкенена. Почтмейстер Нью-Йорка бежал из страны в 1860 году, когда аудиторы обнаружили недостачу в 155 тысяч долларов. Также парламентский комитет обнаружил свидетельства того, что администрация подкупила некоторых конгрессменов, чтобы те голосовали за принятие Канзаса в состав США в рамках Лекомptonской конституции. Самый крупный скандал за время нахождения Бьюкенена у власти вызвали контракты с печатниками: «Благодарность» от плательщиков, в несколько раз превышавших стоимость печатных услуг, шли прямым ходом в партийную кассу.

Военный министр Джон Флорид стал главной мишенью для охотников за взяточниками. Он продал государственную собственность за сумму, гораздо меньшую реальной стоимости, консорциуму предпринимателей, которым заправляли его приятели. Также он подписал чрезмерно раздутые счета, представленные в военное министерство одним подрядчиком, испытывавшим финансовые затруднения, который затем использовал эти бумаги в качестве обеспечения по банковскому займу и оборотным долговым обязательствам Индейского доверительного фонда министерства внутренних дел. Соучастие Флориды в этих аферах, хотя и вскрывшееся частично еще до выборов, не было в полном объеме доказано до декабря 1860 года, когда Бьюкенен позволил ему уйти в отставку, не понеся наказания. Будучи виргинцем, Флорид объявил себя сторонником сепаратизма и вернулся в родные пенаты, где его чествовали соотечественники-единомышленники: они по достоинству оценили один из последних его приказов на посту военного министра (впоследствии отмененный) о перевозе 125 орудий из Питтсбурга в арсеналы штатов Миссисипи и Техас⁵⁴.

Республиканцы получили от этих скандалов немалые дивиденды. Бьюкенен не собирался на второй срок, и большинство северных демократов, по правде говоря, уже давно порвали связи с его администрацией, однако некоторые из сторонников Дугласа также оказались нечисты на руку, что наклеило на всю партию ярлык

54 Holt M. F. James Buchanan, 1857—1861 // Responses of the Presidents to Charges of Misconduct. NY, 1974. P. 86—96; Meerse D. E. Buchanan, Corruption and the Election of 1860 // CWH. 1966. 12. P. 116—131; Nichols A. Disruption of American Democracy. P. 284—287, 328—331; Nevins A. Emergence... II. 196—200, 372—375.

коррупционеров. «Разграбление государственной казны, — зывала республиканская программа, — показывает, что действительно необходима полная смена нынешней администрации». Республиканские агитаторы сочетали свой крестовый поход против «мошенников у власти» с обвинениями в адрес рабовладельческих кругов. По словам Чарльза Фрэнсиса Адамса, вскрывшиеся должностные правонарушения показали, насколько легко «рабовладельческие круги готовы давать взятки жителям свободных штатов, предлагая тем их же собственные деньги, чтобы удержаться у кормила власти». Хорас Грили говорил «не об одном, а о двух неотвратимых конфликтах, первый между... Свободным Трудом... и агрессивной, всепожирающей пропагандой рабства, [второй] между честным управлением, с одной стороны, и тотальной коррупцией в исполнительной власти, взяточничеством и стремлением к легкой наживе в законодательной — с другой. Мы отдаем себе отчет в том, что Честный Эйб Линкольн — это тот человек, с которым мы победим в обеих битвах»⁵⁵. Будущее показало, что многим республиканцам также не чуждо своекорыстие, но в 1860 году партия гордо несла незапятнанное знамя борьбы за реформы и свободу, борьбы с пресыщенной, коррумпированной, рабовладельческой, дряхлой Демократической партией.

Однако многие избиратели не принимали позицию республиканцев. Когда партийные агитаторы обсуждали вопрос о рабстве, особенно на Нижнем Севере, они часто стремились позиционировать себя как представителей «Партии белого человека». Запрет рабства на территориях, настаивали они, означает и недопущение конкуренции черных с белыми поселенцами. Такой подход заставил некоторых аболиционистов осудить республиканцев как партию, ничем не отличающуюся от демократов Дугласа. Уильям Ллойд Гаррисон был убежден, что «Республиканская партия не может и не собирается ничего делать для освобождения рабов в южных штатах», а Уэнделл Филлипс дошел даже до того, что назвал Линкольна «иллинойским цепным псом рабовладельцев» за то, что тот отказался выступить за отмену закона о беглых рабах⁵⁶.

Впрочем, некоторые республиканцы вполне соответствовали стандартам аболиционистов. Давний евангелический пафос против подневольного труда, бытовавший в штатах Верхнего Севера, под-

55 Meerse D. E. Buchanan, Corruption and the Election of 1860. P. 125, 124.

56 Эти и подобные цитаты см.: McPherson J. M. The Struggle for Equality: Abolitionists and the Negro in the Civil War and Reconstruction. Princeton, 1964. P. 11—18; McPherson J. M. The Negro's Civil War. NY, 1965. P. 3—10.

лил масла в огонь их риторики. После республиканского конвента Сьюард вновь озвучил идею «неотвратимого конфликта». Даже в Миссури он отважился заявлять, что свобода «обречена на победу. Подобно тому, как она победила в восемнадцати штатах Союза, она восторжествует и в прочих пятнадцати... по той простой причине, что она победоносно шествует по всему миру»⁵⁷.

Кандидаты в губернаторы Массачусетса Джон Эндрю и Мичигана Остин Блэр, сенаторы Чарльз Самнер, Салмон Чейз и Бенджамин Уэйд, конгрессмены Джордж Джулиан и Таддеус Стивенс, почти все члены Республиканской партии Вермонта и значительное число других видных партийных деятелей были аболиционистами во всем, за исключением названия. Многие из них последовательно выступали за отмену закона о беглых рабах, равно как и за отмену рабовладения в округе Колумбия и запрет работорговли между штатами.

Веря в то, что вышеназванные деятели олицетворяют прогрессивный дух и будущий вектор Республиканской партии, многие аболиционисты в 1860 году поддержали ее. «Избрание Линкольна служит признаком того, что партия идет в правильном направлении», — писал один из них, а Фредерик Дуглас признал, что победа республиканцев «должна и будет рассматриваться как триумф антирабовладельческих сил»⁵⁸. Того же мнения придерживались и южане. Демократы к югу от Потомака называли Линкольна «безжалостным и упрямым, фрисойлерским пограничным головорезом... вульгарным охлократом и ненавистником южан... безграмотным фанатиком... движимым лишь своей застарелой враждебностью к рабству, повсеместно декларирующим стремление к равенству негров с белыми». По мере приближения выборов растущая вероятность того, что северяне выступят единым фронтом и проведут Линкольна в Белый дом, породила на Юге гремучую смесь истерики, отчаяния и эйфории. Белые боялись новых джонов браунов, подбадриваемых победившими «черными республиканцами», юнионисты теряли веру в будущее, а сецессионисты наслаждались перспективами независимости Юга. Даже погода летом 1860 года стала частью политического климата: жестокая засуха и долгая жара привели к гибели зерновых на Юге и накалили обстановку до предела⁵⁹.

57 Fite E. D. *The Presidential Campaign of 1860*. NY, 1911. P. 192.

58 McPherson J. M. *Struggle for Equality...* P. 16; McPherson J. M. *Negro's Civil War*. P. 8.

59 Цит. по: Craven A. O. *Growth of Southern Nationalism*. P. 346. Тщательный анализ влияния засухи на политическую жизнь Юга см.: Barney W. L. *The Secessionist Impulse: Alabama and Mississippi in 1860*. Princeton, 1974. P. 153—163.

Слухи о восстаниях рабов, последовавших после визитов мифических чужаков-янки, поджогах, изнасилованиях и отравлениях, совершенных рабами, заполнили страницы южной прессы. Причем эти ужасы никогда не происходили по соседству, большинство преступлений якобы совершалось в далеком Техасе. И что любопытно, сообщения об этих событиях печатались лишь в газетах, поддерживавших Брекинриджа. Газеты, ориентировавшиеся на Белла и Дутласа, даже осмелились обвинить демократов Брекинриджа в «дутых сенсациях», имеющих цель «всколыхнуть народ и поставить его под знамена южных сепаратистов»⁶⁰.

Но такие обвинения были напрасны. Р. Холт, богатый плантатор из Миссисипи и брат генерального почтмейстера Соединенных Штатов, восклицал: «Нас постоянно снедает предчувствие того, что означает братское отношение северян: едва ли не ежедневные пожары и отравления, раздача ножей и револьверов нашим рабам специальными посыльными... Во всех южных штатах не найти и десятка квадратных миль, где бы не ступала нога одного или нескольких таких злодеев». К счастью, добавил Холт, «чудо и Провидение» воспрепятствовали выполнению этих «дьявольских» планов. Однако конгрессмен Лоуренс Китт из Южной Каролины не был склонен доверяться воле Провидения. «Я вижу отравленные колодцы в Техасе и сожженные дома в Алабаме, — писал он. — Сколько еще терпеть это?.. Пора решаться на выход из Союза»⁶¹.

Тщетно один консерватор-южанин доказывал, что большинство этих жутких историй «оказались на поверку полной фальшивкой, и все они были чрезвычайно преувеличены»⁶². Накануне выборов очевидец из Миссисипи отмечал, что «умы людей возбуждены до такой степени, какой, возможно, еще не знала история нашей страны». Публицист техасского методистского еженедельника был уверен, что «помыслы аболиционистов... отравления [и] поджоги, они хотят утопить [Юг] в крови и сжечь в огне... и заставить прекрасных южанок стать женами черномазых». Сколь бы иррациональны ни были эти страхи, реакция была вполне осязаемая: комитеты бдительности и закон Линча, по сравнению с которыми рейд Джона Брауна и страх перед ним, испытываемый на Юге прошлой зимой, казался невинной детской шалостью. «Лучше повесить девяносто девять невинных

60 Crenshaw O. Slave States in the Presidential Election of 1860. P. 97, 97n.

61 Цит. по: Ibid. P. 105—106, 108.

62 Barney W. L. The Road to Secession: A New Perspective on the Old South. NY, 1972. P. 149.

(подозреваемых), чем позволить избежать наказания одному виновному, — писал житель Техаса, — ибо этот виновный угрожает обществу»⁶³.

Такая массовая истерия заставила даже южных юнионистов предупредить янки о том, что победа республиканцев будет означать распад Союза. «Избрание Линкольна — достаточная причина для сессии», — так озаглавил свою речь один сторонник Белла из Алабамы. Умеренный деятель Бенджамин Хилл из Джорджии настаивал на том, что «это государство и черный республиканизм не могут сосуществовать... Никогда еще в мировой истории обладатели четырех миллиардов в звонкой монете не испытывали желания покориться врагу». Не отставая в благородном южном патриотизме, ведущая газета сторонников Дугласа в Джорджии вещала: «Будь что будет: пусть воды Потомака обогатятся человеческой кровью, а Пенсильвания-авеню на десять саженей будет завалена изуродованными трупами... но Юг никогда не подчинится такому унижению и ущемлению прав, которое последует за инаугурацией Авраама Линкольна»⁶⁴.

Ажиотаж охватил и пограничные штаты. Редактор юнионистской газеты в Луисвилле говорил, что получил сотни писем, «в каждом из которых сообщалось о продуманном и широко распространенном мнении упразднить Союз», если Линкольн придет к власти. «Мы признаем, что заговорщики сошли с ума, но именно сумасшествие сейчас правит бал». Джон Криттенден, старейший юнионист из Кентукки, наследник идей Генри Клэя, выступил накануне выборов с речью, в которой осуждал «упрямый фанатизм» республиканцев, «полагающих своим долгом уничтожить... белых для того, чтобы черные могли стать свободными... [Юг] пришел к выводу, что в случае избрания Линкольна... не покорится обстоятельствам и поэтому, дабы избежать такого удела, выйдет из состава Союза»⁶⁵.

Республиканцы отказались внять предупреждениям, так как слышали их десятки раз, если не больше. В 1856 году демократы использовали подобные угрозы, чтобы жители северных штатов голосовали

63 Цит. по: *Crenshaw O. Slave States in the Presidential Election of 1860. P. 111, 95—96; техасец цит. по: Reynolds D. E. Editors Make War... P. 103—104.*

64 *Mering J. V. The Constitutional Union Campaign of 1860: An Example of the Paranoid Style // Mid-America. 1978. 60. P. 101; Dumond D. L. The Secession Movement 1860—1861. NY, 1931. P. 106, 104.*

65 *Southern Editorials on Secession. P. 159; Mering J. V. The Constitutional Union Campaign of 1860. P. 99.*

за их кандидата. Так что четыре года спустя республиканцы были уверены, что происходит то же самое. «Старая тактика устрашения для того, чтобы Север уступил нажиму южан», — говорил мэр Чикаго, республиканец. В своей речи в Сент-Поле Сьюард высмеял очередные попытки южан «запугать или встревожить» Север. «Кто-то боится? (Смех и крики: «Никто!») Никто не боится: никого нельзя купить». Линкольн также не ждал «никаких серьезных попыток разрушить Союз. Народ Юга слишком разумен, — полагал он, — чтобы пытаться уничтожить собственное государство»⁶⁶.

Бросая взгляд в прошлое, мы видим, что южане сдержали свое слово. Два проницательных историка выдвинули предположение, что отказ республиканцев воспринять все предупреждения всерьез был «кардинальной ошибкой»⁶⁷. Однако трудно придумать, что бы республиканцы могли сделать для сглаживания противоречий, кроме самороспуска партии и объявления рабства благом. Ведь заявил комитет легислатуры Виргинии: «Само существование такой партии является пощечиной всему Югу», а редактор новоорлеанской газеты воспринимал каждый голос, поданный северянами за Линкольна, как «преднамеренное, хладнокровное оскорбление» в адрес южан⁶⁸. Южан возмущало не столько то, что республиканцы могли бы совершить, сколько взгляды, которых те придерживались. «Никакое иное „явное действие“ не сможет вызвать немедленное сопротивление с нашей стороны, — утверждал конгрессмен из Северной Каролины, — как простое избрание их кандидата»⁶⁹.

Линкольн отверг все просьбы консерваторов сделать некое заявление, которое могло бы успокоить южан. «Что же я должен произнести, чтобы их успокоить? — задавался он вопросом в октябре. — Неужели опять то, что правительство не собирается вмешиваться в отношения рабовладельцев и рабов внутри штатов? Я уже так часто говорил об этом, что повторяться будет просто смешно, и в этом можно увидеть проявление слабости». Линкольн, впрочем, мог бы заявить об этом еще раз, «если бы не было опасности подстегнуть тех отважных негодяев... которые жаждут услышать что-нибудь новое, только чтобы извратить эти новые факты, людей, которые хотели бы запугать меня или, по крайней мере, приписать мне

66 New York Herald. 1860. Aug. 1, Oct. 18; CWL. IV. P. 95.

67 Nevins A. Emergence... II. P. 305; Potter D. Impending Crisis... P. 433

68 Цит. по: Craven A. O. Growth of Southern Nationalism. P. 358;

69 Цит. по: Villard O. G. John Brown... P. 567; CG, 36 Cong., 1 Sess. P. 455.

робость и трусость. Они готовы наброситься едва ли не на каждое мое слово как на „ужасное грехопадение”»⁷⁰.

Дуглас же высказался. Во время своего первого вояжа на Юг он заявил толпе собравшихся в Северной Каролине, что «повесил бы еще выше, чем Амана⁷¹, любого, кто попытается... разрушить Союз, сопротивляясь его законам». Ведя агитацию в Айове, он узнал, что республиканцы одержали полную победу на октябрьских выборах в легислатуры Пенсильвании, Огайо и Индианы⁷², после чего сказал своему личному секретарю: «Мистер Линкольн — следующий президент. Мы должны постараться сохранить Союз. Я отправляюсь на Юг». Туда он и поехал, посетив Теннесси, Джорджию и Алабаму, рискуя своим все ухудшающимся здоровьем и даже своей жизнью. Дуглас продолжал бесстрашно повторять свои предостережения против сецессии. Он подчеркивал, что весь Север как один поднимется, чтобы предотвратить ее. «Я считаю, что конституционное избрание народом Америки любого человека не является оправданием для разрушения государства». Южане слушали, но не слышали его⁷³.

Единственным проблеском надежды для демократов было «объединение» трех оппозиционных партий в ключевых северных штатах, чтобы отобрать у Линкольна голоса выборщиков и перенести выборы президента в Палату представителей. Однако отголоски вражды между Дугласом и Бьюкененом расстроили подобные планы, к тому же конституционные юнионисты, чьими «предками» являлись «ничего не знающие», не вызывали доверия у демократов — недавних иммигрантов. Следствием многочисленных встреч в прокуренных помещениях стало соглашение о коалиции трех партий в Нью-Йорке и Род-Айленде. Трое из семи выборщиков Нью-Джерси собирались голосовать по коалиционному списку; в Пенсильвании выборщики Брекинриджа и Дугласа договорились о совместных действиях, но мятежная группировка дугласовских демократов отказалась поддержать этот список, поэтому все усилия пропали даром. Линкольн получил большинство, несмотря на усилия объединенной оппозиции в Нью-Йорке, Пенсильвании и Род-Айленде; три выборщика от оппозиции

70 CWL. IV. P. 132—133, 135.

71 Персонаж Книги Эсфири, желавший клеветой погубить евреев в Персии и повешенный по приказу царя на дереве «вышиною в пятьдесят локтей». — *Прим. пер.*

72 В некоторых штатах такие выборы проходили в сроки, отличные от дня президентских выборов, которые тогда, как и сейчас, назначались на первый вторник после первого понедельника ноября.

73 *Johannsen R. W. Douglas. P. 788—803.*

в Нью-Джерси дали Дугласу его единственные голоса на Севере. Дуглас также победил в Миссури, тогда как Белл — в Виргинии, Кентукки и своем родном Теннесси. Брекинридж победил в остальных южных штатах, набрав 45% голосов избирателей против 39% у Белла⁷⁴. Хотя Линкольн завоевал лишь 40% голосов избирателей всей страны (54% голосов на Севере), 180 голосов выборщиков дали ему комфортный отрыв от необходимого минимума в 152 голоса. Даже если бы оппозиции и удалось консолидироваться в каждом из свободных штатов, Линкольн потерял бы только Нью-Джерси, Калифорнию и Орегон, все равно став президентом с 169 голосами выборщиков.

Наиболее угрожающим фактором для южан был масштаб победы республиканцев на землях к северу от 41-й параллели. В этом регионе Линкольн набрал больше 60% голосов, проиграв лишь в каких-то двух десятках округов. Три четверти республиканских конгрессменов и сенаторов в следующем составе Конгресса представляли эту группу антирабовладельческих штатов, населенных янки. Эти факторы «таили в себе зловещую силу», — отмечала *New Orleans Crescent*. «Бесполезную пропагандистскую болтовню о северном консерватизме можно позабыть, — соглашалась *Richmond Examiner*. — Партия, основанная на одной лишь... ненависти к рабовладению, превратилась в ведущую силу». Никто более не может «заблуждаться... насчет того, что черные республиканцы — умеренная партия, — заявила *New Orleans Delta*. — Нет, на самом деле это революционная партия»⁷⁵.

Была эта партия революционной или нет, противники рабства соглашались с тем, что произошла революция. «Мы живем во время революции, — писал один фрисойлер из Иллинойса, — и я заявляю: Боже, благослови революцию». Чарльз Фрэнсис Адамс, чьи дед и отец не были переизбраны на президентский пост благодаря интригам рабовладельцев, спустя день после победы Линкольна записал в своем дневнике: «Только что произошла великая революция... Наша страна раз и навсегда сбросила ярмо рабовладения»⁷⁶.

74 В Южной Каролине выборщики президента по-прежнему избирались легислатурой. В случае голосования избирателей Брекинридж одержал бы там безоговорочную победу.

75 Цит. по: McCrary P. Abraham Lincoln and Reconstruction: The Louisiana Experiment. Princeton, 1978. P. 52.

76 Baringer W. E. A House Dividing: Lincoln as President Elect. Springfield (Ill.), 1945. P. 236; слова Адамса цит. по: Foner E. Free Soil, Free Labor, Free Men: The Ideology of the Republican Party before the Civil War. NY, 1970. P. 223.

8.

Контрреволюция 1861 года

I

Прежде чем объявить о независимости Америки в 1776 году, второй Континентальный конгресс совещался на протяжении четырнадцати месяцев. Для создания Конституции Соединенных Штатов и вступления в должность нового правительства потребовалось почти два года. В противоположность этому органы власти Конфедеративных Штатов Америки самоорганизовались, выработали конституцию и начали свою деятельность в Монтгомери (Алабама) в течение трех месяцев после избрания Линкольна.

Такую стремительность южан парадоксальным образом обусловило то, что сецессия была не одномоментным, а поэтапным процессом по принципу «штат за штатом». Помня урок 1850 года, когда конвент в Нашвилле превратился в торжество осторожности и выжидания, «пламенные ораторы» избегали созыва конвента штатов до тех пор, пока выход нескольких из них из состава Союза не стал свершившимся фактом. А так как почва уже была превосходно подготовлена, урожай сецессии взошел очень быстро, сразу же после громкого известия о победе Линкольна.

Не вызвало удивления, что первой начала активные действия Южная Каролина. «В самых темных закоулках человеческой души нет ничего более жестокого и смертоносного, чем ненависть, которую жители Южной Каролины испытывают к янки», — писал

корреспондент лондонской *Times* из Чарлстона. Ненависть греков к туркам — детская забава «по сравнению с враждебными чувствами, которые „аристократия” Южной Каролины питает по отношению к „северной черни”... „Штат Южная Каролина, — сказали мне, — был основан джентльменами... Ничто на земле не сможет побудить нас подчиниться какому бы то ни было союзу с дикими, фанатичными чудовищами из Новой Англии!”»¹. С таким настроем легислатура Южной Каролины созвала конвент, чтобы рассмотреть вопрос о сепарации. На фоне поражающих воображение маршей, фейерверков, ополченцев, называвших себя минитменами, и стихийно собиравшихся толп граждан, размахивавших «флагами с пальмой»², 20 декабря 1861 года 169 голосами «за» — единогласно — конвент принял «ордонанс», упразднявший «ныне существующий союз между Южной Каролиной и другими штатами»³.

Как и рассчитывали «пламенные ораторы», этот смелый шаг вызвал цепную реакцию созыва конвентов в других штатах Нижнего Юга. После рождественских праздников (отмечавшихся в том году с двойственным отношением к заповедям Христа как Князя Мира) 9 января 1861 года подобный ордонанс был принят в Миссисипи, 10 января во Флориде, 11 января в Алабаме, 19 января в Джорджии, 26 января в Луизиане и 1 февраля в Техасе. Несмотря на то, что ни один из этих штатов не продемонстрировал сплоченности конвента Южной Каролины, в среднем за отделение высказалось 80%. Эта цифра, по-видимому, адекватно отражает настроение белых жителей этих штатов. За исключением Техаса, конвенты штатов не представляли этот ордонанс на ратификацию избирателям. Это вызвало обвинения в том, что решения об отделении штатов были приняты вопреки воле народа, однако на самом деле основной причиной было стремление избежать промедления. Избиратели только что выбрали делегатов, ясно обозначивших свою позицию путем публичных заявлений, поэтому еще одни выборы казались излишними. В конце концов, Конституция 1787 года была ратифицирована конвентами штатов, а не народным голосованием; отказ от этой ратификации, таким образом, казался вполне законным. В Техасе избиратели одобрили решение о сепарации при соотношении три

1 The Rebellion Record. I. Documents. NY, 1861. P. 315.

2 Пальма изображена на флаге Южной Каролины. — Прим. пер.

3 Channing S. A. Crisis of Fear: Secession in South Carolina. NY, 1970. P. 282—285.

к одному: слабо верится, что в остальных шести штатах результат мог быть иным⁴.

Разногласия в штатах Нижнего Юга в основном касались не целей, а стратегии и сроков. Большинство высказывалось в поддержку «эффекта домино», выразившегося в выходе штатов одного за другим, после чего конвент независимых штатов должен был одобрить новую конфедерацию. Однако меньшинство, чье мнение нельзя было игнорировать, особенно в Алабаме, Джорджии и Луизиане, высказывалось за совместные действия, *предшествующие* сессии, чтобы обеспечить единство по крайней мере «хлопковых» штатов. Однако эти «кооператоры» не достигли согласия в своей среде. Радикальной группировкой среди них были так называемые «кооперативные» сецессионисты, пылко ратовавшие за независимость Юга и полагавшие, что, объединившись и выступив единым фронтом, южане могут достичь больших успехов. Впрочем, стремительность разворачивавшихся событий, когда в течение шести недель после выхода Южной Каролины образовалась лига из полудюжины отделившихся штатов, свела на нет их усилия. В середине января «кооператор» из Джорджии с сожалением признал, что четыре штата «уже отделились... Для совместных с ними *действий* мы также должны отделиться»⁵.

В центре палитры «кооператоров» находилась группировка так называемых сторонников «ультиматума». Они ратовали за созыв конвента южных штатов, который бы выработал список требований в адрес новой администрации Линкольна: среди них были требования соблюдения закона о беглых рабах, отмены законов о личной свободе, гарантии невмешательства в рабовладение в округе Колумбия или в работорговлю между штатами и защиты рабства на территориях, по крайней мере лежащих к югу от 36° 30' с.ш. Если бы республиканцы отвергли эти требования, тогда консолидировавшийся Юг мог выйти из состава Союза. Вследствие того, что республиканцы не были склонны гарантировать такие уступки (а большинство южан не поверило бы им, даже если бы они и пошли на это), сторонники

4 Хороший обзор историографии по вопросу народной поддержки сессии см.: Wooster R. A. The Secession of the Lower South: An Examination of Changing Interpretations // CWH. 1961. 7. P. 117—127; Donnelly W. J. Conspiracy or Popular Movement: The Historiography of Southern Support for Secession // North Carolina Historical Review. 1965. 42. P. 70—84.

5 Цит. по: Johnson M. P. Toward a Patriarchal Republic: The Secession of Georgia. Baton Rouge, 1977. P. 111.

«ультиматума» не пользовались большой поддержкой в конвентах сецессионистов.

Третьей и самой консервативной группировкой «кооператоров» были «условные юнионисты», советовавшие своим коллегам дать Линкольну возможность доказать свои умеренные взгляды. Только если республиканцы совершат некое «явное действие» против свобод Юга, южане могут прибегнуть к такому решительному шагу, как сецессия. Но, несмотря на то, что в рядах «условных юнионистов» находились такие влиятельные фигуры, как Александр Стивенс, ход событий отодвинул их на задний план. «Рассудительные и консервативные южане, — писал сенатор от Луизианы Джуда Бенджамин, считавший себя одним из них, — не в силах сопротивляться бурному потоку, смывающему все вокруг... Это революция... причем самого неистового толка... которую усилия отдельных людей могут остановить с тем же успехом, что и лейка садовника — пожар в прерии»⁶.

Другие южане для описания этих событий использовали схожие метафоры: «Это настоящий всплеск воинственности... Люди сошли с ума... Остановить их сейчас — это все равно что пытаться обуздать торнадо»⁷. Сецессия недвусмысленно показала, как можно вскрыть нарыв, зревший долгие годы. Это был настоящий катарсис для подспудных страхов и ненависти. А еще это было радостным событием, заставившим людей буквально танцевать на улицах. Эта свирепая радость была провозвестником ликующих толп на Елисейских полях, Унтер-ден-Линден и Пикадилли-Серкус столь же безоблачным августом 1914 года. Дело не в том, что эти размахивающие флагами и распеваящие победные песни толпы в Чарлстоне, Саванне и Новом Орлеане хотели или ждали войны, наоборот, они были убеждены, что «янки струсят и не осмелятся воевать», или же говорили, что они уже трусили, дабы уверить своих более робких сограждан, что бояться нечего. «Что до гражданской войны, — с оптимизмом замечала атлантская газета в январе 1861 года, — то мы здесь, в Атланте, ее не боимся». Один редактор из сельской местности полагал, что женщин и детей, вооруженных пугачами, заряженными «коннектикутскими мускатными орешками», хватит, чтобы разогнать янки, буде те появятся в Джорджии. Сенатор от Южной Каролины Джеймс Чеснат предлагал выпить всю кровь,

6 Barlow Papers, Henry E. Huntington Library.

7 Channing S. A. Crisis of Fear... P. 251; Nevins A. Emergence... II. P. 321.

которая прольется в результате сецессии. Той зимой на Юге вошло в поговорку выражение: «Вся пролитая кровь уместится в наперстке хозяйки»⁸.

«Кооператоры» не были так уж уверены в этом. «Война, как мне кажется, практически неизбежна», — писал Александр Стивенс, который также предупреждал, что «революцию гораздо легче начать, чем взять под контроль, и люди, стоящие во главе ее, [часто] потом становятся ее жертвами»⁹. Но пророческие слова Стивенса унес ветер, а сам он также присоединился к революции после того, как из состава Союза вышел и его родной штат. Однако еще до этого «кооператоры» пользовались заметным влиянием в каждом штате, кроме Южной Каролины и Техаса. В пяти прочих штатах кандидаты, представлявшие тот или иной спектр «кооперативного» движения, получили по меньшей мере 40% голосов. Многие из тех, кто имел право голоса, просто не пришли на избирательные участки: это позволяет предположить, что потенциальная база «кооператоров» была даже шире. В Алабаме и Джорджии 39 и 30% делегатов соответственно голосовали против решения о сецессии, несмотря на огромное давление, оказываемое на них большинством.

Все это привело к тому, что многие северяне и даже некоторые историки преувеличивали влияние юнионизма на Нижнем Юге. Уже в июле 1861 года Линкольн выражал сомнения в том, что «большинство сегодняшних законных избирателей любого штата, за исключением, возможно, Южной Каролины, выступили за отделение». Сто лет спустя некоторые историки воспроизвели это убеждение, приписав его молчаливому большинству южных юнионистов. «Вряд ли можно сказать, что большинство белых южан безоговорочно выступало за разрушение Союза в 1861 году», — писал один из них. «Сецессия не была желанным событием даже для большинства населения Нижнего Юга, — делал вывод другой, — и сепаратисты преуспели не столько из-за внутренней привлекательности своей программы, сколько благодаря искусному использованию предчувствий катастрофы»¹⁰.

8 Reynolds D. E. *Editors Make War: Southern Newspapers in the Secession Crisis*. Nashville, 1970. P. 174; Coulter E. M. *The Confederate States of America 1861—1865*. Baton Rouge, 1950. P. 15.

9 The Correspondence of Robert Toombs, Alexander H. Stephens, and Howell Cobb // *Annual Report of the American Historical Association*. 1911. Vol. II. Washington, 1913. P. 504—505.

10 CWL. IV. P. 437; Sellers C. G. *The Travail of Slavery // The Southerner as American*. Chapel Hill, 1960. P. 70; Potter D. M. *Lincoln and His Party in the Secession Crisis*. New Haven, 1942. P. 208.

Хотя предчувствие катастрофы действительно носилось в воздухе, вера в стойкое юнионистское большинство также основывалась на неправильном понимании сути южного юнионизма. Как после избрания Линкольна объяснял один юнионист из Миссисипи, он больше не является «юнионистом в том смысле, в каком это понимают на Севере». Его юнионизм зависит от соблюдения некоего условия, а Север нарушил это условие, избрав президентом Линкольна. «Кооператоры» Алабамы, проголосовав против сецессии, предупреждали своих оппонентов не истолковывать их поступок превратно. «Мы с презрением относимся к черным республиканцам, — заявляли они. — Штат Алабама не может и не будет подчиняться администрации Линкольна... Мы намерены сопротивляться... но наше сопротивление будет основано на... едином выступлении всех рабовладельческих штатов». А «кооператор» из Миссисипи обрисовывал это так: «Сотрудничество до сецессии было моим первым желанием. Эта попытка потерпела неудачу, и сейчас, я полагаю, лучше всего будет объединить усилия после сецессии»¹¹. Таковой была позиция большинства делегатов, первоначально противостоявших немедленному отделению. Такое основание было слишком слабым, чтобы южный юнионизм вызывал доверие.

Было ли отделение штатов конституционным или революционным актом? В самой Конституции на этот вопрос ответа нет, но большинство сепаратистов были уверены в законности своих действий. Они настаивали на том, что суверенитет штатов выше, чем суверенитет всей страны. При ратификации Конституции штаты передали государству ряд суверенных функций, но оставили за собой основополагающие атрибуты. Приняв Конституцию на конвенте, каждый штат тем же путем мог вновь вернуть себе всю полноту суверенитета. Такая теория представляла некоторые проблемы для штатов (пяти из семи), вошедших в состав Союза после 1789 года, но и они, несмотря на то, что были скорее порождениями, а не создателями Союза, могли утверждать приоритет суверенитета штатов, так как все они уже имели конституцию штата (или, в случае Техаса, государственную конституцию) *перед* официальным обращением в Конгресс о принятии их в состав Союза.

11 *Rainwater P. L.* Mississippi: Storm Center of Secession 1856—1861. Baton Rouge, 1938. P. 173; *Thornton J. M.* Politics and Power in a Slave Society: Alabama, 1800—1860. Baton Rouge, 1978. P. 416—417; *Dumond D. L.* The Secession Movement 1860—1861. NY, 1931. P. 200—202.

Те южане (в основном «условные» юнионисты), в чьих головах эта теория не укладывалась, могли апеллировать к праву на революцию. Сенатор от Джорджии Альфред Айверсон признавал, что если штат и не имеет конституционного права на отделение, то «он имеет право на революцию... Выход штата из состава Союза и есть революционный акт». Мэр Викасберга описывал сецессию как «мощную политическую революцию, которая [окончится] тем, что Конфедеративные Штаты займут свое место среди независимых государств земного шара»¹². А один офицер армии Конфедерации заявил, что «никогда не верил в конституционность права на отделение»: «Я, видите ли, взялся за оружие на основании более широкого права — права на революцию. С нами поступали несправедливо. У нас практически отняли собственность и свободу, поэтому встать против несправедливости было моим священным долгом»¹³.

Щеголяя в голубых кокардах, ставших символом сецессии, некоторые из этих вдохновенных революционеров даже распевали «Южную Марсельезу» на улицах Чарлстона и Нового Орлеана¹⁴. Бывший губернатор Виргинии Генри Уайз, ратовавший за создание комитетов общественной безопасности, прославился как «Дантон движения за отделение Виргинии». Обуюнный поистине робеспьеровским неистовством, некий сторонник сецессии из Джорджии предупредил «кооператоров»: «Мы начинаем революцию, а если вы... выступите против нас... то мы заклеим вас как предателей и отрубим ваши головы»¹⁵.

Однако предпочитаемой сепаратистами моделью была не Французская революция, а Война за независимость Америки. Они выступали за *liberté*, но никак не за *égalité* или *fraternité*. Разве «наши предки в 1776 году не были... сецессионистами?» — спрашивал представитель Алабамы. Если мы останемся в Союзе, говорил рабо-

12 CG, 36 Cong., 2 Sess. P. 10—11; Walker P. F. Vicksburg: A People at War. Chapel Hill, 1960. P. 43.

13 Nichols G. W. The Story of the Great March. NY, 1865. P. 302.

14 В ней, в частности, были такие строки:

«Марш вперед, марш вперед, дети Юга!»

Миллионы слышны голосов.

Ваши предки, потомки, супруги

Ждут свободы от тяжких оков.

...

К оружию, храбрецы!

Меч мщенья обнажим! (Reynolds D. E. Editors Make War... P. 184).

15 Thomas E. M. The Confederacy as a Revolutionary Experience. Englewood Cliffs (NJ), 1971. P. 31; Johnson M. P. Patriarchal Republic... P. 39.

владелец из Флориды, то «лишимся тех прав, за которые сражались наши отцы во время битв Войны за независимость». Во имя «высокого и торжественного побуждения защищать права... завещанные нам нашими отцами, — взывал Джефферсон Дэвис, — давайте пожертвуем тем же, что и наши отцы, отдавшие жизнь за святое дело конституционных свобод»¹⁶.

За какие именно права и свободы собирались сражаться конфедераты? Право на владение рабами, свободу их перемещения на другие земли, независимость от принуждения центральной власти. Правление «черных республиканцев» в Вашингтоне в понимании южан угрожало республиканским свободам. Идеология, за которую сражались отцы-основатели в 1776 году, породила извечное противостояние свободы и власти. Так как с 4 марта 1861 года Союз более не контролировался южанами, то Юг мог защитить свою свободу от посягательств враждебной власти только путем выхода из этого Союза. «С 4 марта 1861 года, — заявлял один сторонник сецессии из Джорджии, — мы будем либо рабами в составе Союза, либо свободными людьми вне его». Вопрос действительно стоит так, соглашались с ним Джефферсон Дэвис и его приятель из Миссисипи. «Будем ли мы рабами или независимыми людьми?.. Согласимся ли мы на ограбление... [или будем] храбро сражаться за нашу свободу, ответственность, жизнь и честь?»¹⁷ Подчинение «черным республиканцам» означает «потерю свободы, собственности, дома, родины — всего, что наполняет жизнь смыслом», — говорил представитель Южной Каролины. «Я являюсь участником славного дела защиты свободы и справедливости, — писал солдат армии Конфедерации. — Сражаться за права человека — значит сражаться за все то, чем мы, южане, дорожим»¹⁸.

За что же предстояло сражаться во время крестового похода в защиту прав плантаторов на своих невольников тем белым южанам, которые рабов не имели? Этот вопрос весьма беспокоил некоторых сецессионистов. Что, если Хинтон Роуэн Хелпер был прав?

16 Представители Алабамы и Флориды цит. по: *Oakes J. The Ruling Race: A History of American Slaveholders. New York, 1982. P. 240, 239; Jefferson Davis: Constitutionalist; His Letters, Papers, and Speeches. 10 vols., 1923. V. P. 43, 202.*

17 *Johnson M. P. Patriarchal Republic... P. 36; Rebellion Record. VI. Documents. P. 299; Barney W. L. The Secessionist Impulse: Alabama and Mississippi in 1860. Princeton, 1974. P. 192.*

18 *Southern Editorials on Secession. NY, 1931. P. 181; Barton M. Did the Confederacy Change Southern Soldiers? // The Old South in the Crucible of War. Jackson, 1983. P. 71.*

Что, если те, кто не имел рабов, являлись потенциальными «черными республиканцами»? «Мощным рычагом, взявшись за который аболиционисты надеются искоренить рабство в Соединенных Штатах, является помощь граждан Юга, не имеющих рабов», — выражал озабоченность один редактор из Кентукки. Как они могли привести этот рычаг в действие? Путем создания из лиц, не владеющих рабами, армии республиканских чиновников, сперва в пограничных штатах и в тех захолустьях, где позиции рабства были наиболее уязвимыми, а затем и в самом сердце хлопкового королевства. Губернатор Джорджи Джозеф Браун боялся, что некоторых белых могут склонить к «предательству общего дела, соблазнив их различными должностями». Когда республиканцы организовали «аболиционистскую партию Юга, — откликнулась *Charleston Mercury*, — борьба за будущее рабовладения перестала быть борьбой Севера и Юга, став борьбой между гражданами южных штатов»¹⁹.

Выборы делегатов сецессионистских конвентов, казалось, оправдывали эти опасения. Многие провинциальные округа, где численность рабов была невелика, голосовали за «кооператоров». Среди членов конвентов делегаты, поддерживавшие отсрочку сецессии или совместные действия, в среднем обладали меньшим состоянием и количеством рабов, чем сторонники немедленного отделения. Впрочем, не стоит придавать этим данным слишком большое значение. Немало округов, где население не владело большим числом рабов, но голосовало за демократов, поддерживали немедленную сецессию, а многочисленные округа с высоким процентом рабов, но поддерживавшие вигов, выступали за «кооперацию» (и, разумеется, «кооперация» не обязательно была синонимом юнионизма). Тем не менее определенное беспокойство сецессионистов по поводу этой слабой связи между сторонниками «кооперации» и людьми, не имевшими значительного количества рабов, сохранялось²⁰.

Поэтому они развернули кампанию по убеждению таких сограждан в том, что в случае сохранения Союза им также будет что терять. Ставкой стало превосходство белой расы. С этой точки зрения

-
- 19 *Dumond D. L. The Secession Movement... P. 117n; The Confederate Records of the State of Georgia. 5 vols. Atlanta, 1909—1911. I. P. 47; Southern Editorials... P. 179.*
- 20 *Lipset S. M. The Emergence of the One-Party South — The Election of 1860 // Lipset S. M. Political Man: The Social Bases of Politics. NY, 1963. P. 372—384; Potter D. Impending Crisis... P. 503—504; Johnson M. P. Patriarchal Republic... P. 63—78; McCrary P., Miller C., Baum D. Class and Party in the Secession Crisis: Voting Behavior in the Deep South // Journal of Interdisciplinary History. 8. 1978. P. 429—457; Wooster R. The Secession Conventions of the South. Princeton, 1962.*

программа «черных республиканцев» по освобождению рабов была первым шагом к расовому равенству и смешению белых и черных. Губернатор Джорджии Браун постарался донести эту максиму до населения гористых районов северной части Джорджии, население которых боготворило его. Рабовладение, говорил Браун, это «наилучшая форма государственного устройства для бедных людей. Для нас бедный белый труженик... не принадлежит к обслуге. Негры ни в коем случае не являются ему ровней... Он принадлежит к единственному истинно аристократическому сословию: белой расе». Таким образом, свободные фермеры «никогда не согласятся покориться власти аболиционистов», ибо они «знают, что в случае отмены рабства пострадают больше, чем богатые, которые смогут защитить себя... Когда настанет час защищать наши права от несправедливой власти, я призову людей с долин и гор, которые спустятся подобно лавине и сплотятся вокруг флага Джорджии»²¹.

Сецессионистская риторика отличалась лишь вариациями этой темы. Избрание Линкольна, заявила газета из Алабамы, «доказывает, что Север [намерен] освободить негров и подтолкнуть их к смешению с детьми бедняков-южан». «Вы любите своих матерей, жен, сестер, дочерей? — спрашивал один проповедник отделения из Джорджии тех, кто не имел рабов. — [Если Джорджия останется в Союзе,] где правит Линкольн и его шайка... то через *десять* лет или даже меньше наши *дети* станут рабами негров»²². «Если вы уже достаточно приручены для того, чтобы покориться, — с пафосом вещал баптистский пастор из Южной Каролины Джеймс Фёрман, — то священники-аболиционисты будут тут как тут, чтобы обвенчать ваших дочерей с черными мужьями». Ему вновь вторили из Алабамы: «Если мы покоримся, наши жены и дочери должны будут выбирать между смертью и удовлетворением дьявольской похоти негров!.. Лучше десять тысяч трупов, чем подчинение черным республиканцам»²³.

Поэтому для защиты жен и дочерей мелкие белые фермеры присоединялись к плантаторам, «вставая под знамя Свободы и Равенства белых людей» против «врагов-аболиционистов, поклявшихся повергнуть белого человека ниц, приравняв его к негру». Большинство

21 Johnson M. P. Patriarchal Republic... P. 48; Hahn S. The Roots of Southern Populism: Yeoman Farmers and the Transformation of the Georgia Upcountry. 1850—1890. NY, 1983. P. 86—87.

22 Reynolds D. E. Editors Make War... P. 125—126; Johnson M. P. Patriarchal Republic... P. 47—48.

23 Channing S. A. Crisis of Fear... P. 287; Barney W. L. Secessionist Impulse... P. 228.

белых южан соглашались, что «демократические свободы существуют только потому, что у нас есть черные рабы», чье присутствие «обеспечивает равенство между свободными гражданами». Отсюда следует, что «свобода без рабства невозможна»²⁴.

Такое оруэлловское определение свободы как рабства вызывало град насмешек к северу от Потомака. Сравнение сепаратистов с отцами-основателями — это «клевета на характеры и поведение героев 1776 года», — заявила *New York Evening Post* Уильяма Каллена Брайанта. Основатели боролись «за торжество прав человека... и принципов всеобщей свободы», а южане сражаются «за интересы регионального деспотизма, а не за общие принципы гуманизма... Их девизом является не свобода, а рабство». В Декларации независимости Томаса Джефферсона говорилось о «естественных правах, противопоставленных учрежденным институтам», — вторила ей *New York Tribune*, тогда как «эта карикатура сделана мистером Джеффом Дэвисом в интересах несправедливого, перезревшего, загнивающего института, который вот-вот посягнет на естественные права человека». Короче говоря, на Юге происходила не освободительная революция, а контрреволюция, «оборачивающая вспять ход прогресса... чтобы отбросить страну назад в самую тьму... деспотизма и угнетения»²⁵.

Не соглашаясь со стилем такого анализа, немалое количество сепаратистов, тем не менее, одобряли его суть. Те, кто подписал Декларацию независимости, заблуждались, если намеревались включить и негров в число «всех людей», говорил Александр Стивенс после того, как стал вице-президентом Конфедерации. «Наше новое государство базируется на прямо противоположной идее: нашим фундаментом и краеугольным камнем является непреложная истина о том, что негр не равен белому человеку; что быть рабом... его естественное и привычное состояние. Это новое государство первое в мировой истории опирается на такую незыблемую физическую, философскую и моральную истину». Настоящими революционерами являются как раз «черные республиканцы». Они являются приверженцами таких же «радикальных и революционных принципов», как и аболиционисты, заявляла нью-орлеанская газета. Эти «революционные догматы... живучи и грозят ужасными последствиями, столь же

24 McLellan Lincoln Collection, John Hay Library, Brown University; Thornton J. M. *Politics and Power in a Slave Society...* P. 321, 206—207; Oakes J. *The Ruling Race...* P. 141.

25 *New York Evening Post*. 1861. Feb. 18; *New York Tribune*. 1861. March 27; 1862. May 21.

кровавыми и насильственными, как и порожденные идеями Французской революции»²⁶. Поэтому назвать отделение штатов революцией было бы, по словам Джефферсона Дэвиса, «неправильным толкованием». Юг покидает Союз, чтобы «спастись от революции», которая угрожала свести «собственность на рабов к фикции». В 1861 году государственный секретарь Конфедерации известил иностранные державы, что южные штаты образовали новое государство, должное «защитить прежние устои» от «революции, угрожающей уничтожить общественный строй»²⁷.

Это был лексикон контрреволюционеров. Однако в одном отношении Конфедерация отличалась от классических образцов жанра. Большинство контрреволюций мечтали восстановить «старый порядок». Контрреволюционеры 1861 года выступили прежде, чем сами революционеры успели что-либо совершить, то есть еще за несколько месяцев до того, как Линкольн пришел к власти. В этом отношении сессия удовлетворяла модели «упреждающей контрреволюции», предложенной историком Арно Майером. Упреждающая контрреволюция вспыхивает ради сохранения статус-кво до того, как начинает материализоваться идея революции. «Воображая опасность революционных выступлений, опасность предоставления революционерам достаточного времени для подготовки сил и планов для решительных действий, — пишет Майер, — вожди контрреволюции настаивают на превентивном ударе». Для привлечения поддержки они «намеренно преувеличивают размах и неизбежность революционной угрозы»²⁸.

Хотя Майер и писал о Европе двадцатого века, его суждения подходят и для описания поведения сторонников немедленной сессии в 1860 году. Они преувеличивали республиканскую угрозу и выступали за превентивные меры, способные упредить воображаемое бедствие. Южане, по их собственным словам, не могли ждать «явного попраania» своих прав со стороны Линкольна. Один редактор алабамской газеты задавался вопросом: «Если я наткнусь на извивающуюся гремучую змею, должен ли я ждать ее „явного действия“ или же могу прихлопнуть ее, пока она не напала на меня?»²⁹

26 Reynolds D. E. Editors Make War... P. 23; Thornton J. M. Politics and Power in a Slave Society... P. 416; Southern Editorials... P. 154.

27 Jefferson Davis: Constitutionalist. V. P. 50, 72. IV. P. 357; O. R. Navy. Ser. 2. Vol. 3. P. 257—258.

28 The Dynamics of Counterrevolution in Europe, 1870—1956: An Analytic Framework. NY, 1971. P. 86.

29 Цит. по: Reynolds D. E. Editors Make War... P. 142

Представитель Миссисипи заметил, что когда «условные» юнионисты говорят, что «пройдет еще несколько лет, прежде чем Линкольн при поддержке Конгресса получит контроль над военными ресурсами, это лишь подстегивает нас к немедленным действиям. Сплотимся же... пока враг не претворил в жизнь свои обещания разбить нас... Медлить опасно — настало время действовать»³⁰.

II

В истории не часто бывало, чтобы контрреволюция столь быстро провоцировала революцию, которую, казалось, призвана была упредить. Так случилось потому, что большинство северян отказались мириться с упразднением Союза. И хотя бы в этом уходящий и избранный президент сошлись во мнении.

В своем последнем послании Конгрессу 3 декабря 1860 года Джеймс Бьюкенен, к удивлению некоторых своих южных соратников, сказал твердое «нет» праву штатов на отделение. Союз, по словам Бьюкенена, не был «обычной добровольной организацией штатов, которая может быть распущена по прихоти одной из договаривавшихся сторон». «Мы, народ», приняли Конституцию для того, чтобы образовать «более совершенный Союз», чем тот, который существовал под эгидой Статей Конфедерации, постановивших, что «Союз должен быть вечным». Создатели государства «не имели намерения сеять семена саморазрушения, не несут они вины и за абсурдность его упразднения». Бьюкенен настаивал, что суверенитет штатов не первичен по отношению к суверенитету государства. Конституция наделила высшими атрибутами суверенитета исключительно федеральное правительство: в его ведении национальная оборона, международная политика, регулирование международной и межрегиональной торговли и чеканка монеты. «Эта Конституция, — подтверждало послание, — и законы Соединенных Штатов должны служить высшим законом нашей страны... вопреки любым иным положениям, зафиксированным в конституциях или законах отдельных штатов». Если признать сецессию законной, предостерегал президент, то Союз превратится в «веревку из песка»: «Тридцать три наших штата могут превратиться в мелкие, склочные, враждебные друг другу республики... Из-за этой ужасной катастрофы надежды друзей свободы во всем мире будут потеряны... Мы свыше восьми-

30 Цит. по: *Rainwater P. L. Mississippi, Storm Center of Secession...* P. 163.

десяти лет служили примером, и этот пример не только погибнет, но и будет считаться решающим доказательством того, что человек неспособен к самоуправлению»³¹.

Тысячи передовиц и речей в северных газетах воспроизводили эти мысли. Страх «эффекта домино» распространялся повсюду. Неотличимая от сотен других передовица гласила: «Сегодняшний победоносный мятеж нескольких штатов будет продолжен новым мятежом или сецессией годы спустя». Эту панику нельзя считать беспочвенной. Некоторые американцы уже думали о разделении страны на три или четыре «конфедерации» с независимой Республикой тихоокеанского побережья для полноты картины. Некоторые нью-йоркские коммерсанты и члены Демократической партии, имевшие связи с Югом, обсуждали статус Нью-Йорка как «вольного города». В декабре 1860 года один многообещающий нью-йоркский юрист в секретной переписке информировал главу железнодорожного департамента Джорджа Макклеллана о том, что, «если независимость Юга восторжествует, нам надо устроить некоторое ее подобие здесь и освободиться от диктата фанатиков из Новой Англии и с Севера вообще, включая большую часть нашего собственного штата». Мэр города Фернандо Вуд открыто поставил вопрос в послании членам законодательного собрания штата, в котором отстаивал отделение Нью-Йорка. Такой проект закончился ничем, однако подготовил почву для движения «медянок», зародившегося два года спустя³².

«Сецессия ведет к анархии, — заявила одна газета из Цинциннати. — Если любое меньшинство получит право разваливать государство только потому, что ему не пошли навстречу, это будет означать коллапс всякой власти». Линкольн также рассматривал сецессию как «проявление анархии». Он называл «софизмом» идею суверенитета штатов. «Союз, — заявил Линкольн, — старше любого штата, и, в любом случае, штаты образовались только благодаря Союзу». Декларация независимости превратила «Соединенные колонии» в Соединенные Штаты — таким образом, без образования подобного Союза «свободных и независимых штатов» никогда бы не было. «Если бы эти колонии никогда не превратились в штаты, ни по сути своей, ни

31 *Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789—1897. 10 vols. Washington, 1897. V. P. 628—637.*

32 *Northern Editorials on Secession. NY, 1942. P. 183; Barlow Papers, Henry E. Huntington Library; Wright W. C. The Secession Movement in the Middle Atlantic States. Rutherford (NJ), 1973. P. 176—179.*

по названию не будучи частью Союза, — спрашивал Линкольн, — откуда тогда могло взяться волшебное всемогущество „прав штатов“, под предлогом которого можно законным путем упразднить сам Союз?» Незыблемость — вот «фундаментальный закон любой формы государственности». Ни одно государство «в своем основном законе не содержит механизмы саморазрушения... Ни один штат, руководствуясь только своим побуждением, не может легальным путем выйти из состава Союза... Так можно поступить, лишь поправ закон и начав революцию»³³.

При всем при том ни Линкольн, ни любой другой северянин не отрицали само право на революцию. В конце концов, янки были наследниками 1776 года. Однако не существовало «права на революцию ради самой революции», как писала одна филладельфийская газета³⁴. Революция является «моральным правом, необходимым для морально оправданного дела», указывал Линкольн. А «совершенная без надлежащих побуждений, революция из правого дела становится безнравственным применением грубой силы». Юг таких побуждений не имел. Событием, предвосхитившим «революцию», было избрание президента страны конституционным большинством. «Краеугольным камнем» идеи Союза, говорил Линкольн, «является доказательство того, что власть народа — не абсурд. Мы должны немедленно определиться, имеет ли меньшинство в свободном государстве право развалить это государство, когда этому меньшинству заблагорассудится?»³⁵

Но как можно решить этот вопрос? Проблема осложнялась фактором «хромой утки» в американской политической схеме. В течение четырехмесячного перерыва между избранием и инаугурацией Линкольна Бьюкенен обладал всей полнотой исполнительной власти, но не ощущал практически никакой ответственности за кризис, у Линкольна же ситуация была обратная. Конгрессмены, избранные в 1860 году, еще в течение тринадцати месяцев не могли собраться на регулярную сессию, тогда как их коллеги, заседавшие в декабре этого года, страдали от отсутствия кворума вследствие того, что члены Конгресса от Нижнего Юга покинули палату после отделения своих штатов. Недвусмысленный отказ Бьюкенена от поддержки

33 Northern Editorials on Secession. P. 828; CWL. IV. P. 264—65, 268, 433—437.

34 Цит. по: *Stampp K. M. And the War Came: The North and the Secession Crisis, 1860—1861.* Baton Rouge, 1950.

35 CWL. IV. P. 434n; *Lincoln and the Civil War in the diaries and letters of John Hay: Selected and with an introd.* P. 19.

законности сессии завершился признанием «хромой утки» в неспособности повлиять на ситуацию. Хотя в Конституции, по словам президента, не прописано право штатов на отделение, там также не прописаны и полномочия центральной власти «принуждать штат к подчинению в случае его попытки отделиться»³⁶.

Республиканцы высмеяли такую аргументацию. Как говорил Сьюард, Бьюкенен продемонстрировал, что «штаты не имеют права на отделение, покуда сами этого не захотят», а также что «применение закона является обязанностью президента, покуда кто-нибудь не станет ему противодействовать»³⁷. Впрочем, республиканцы не были способны предложить лучшую альтернативу. Обсуждалось несколько вариантов: применение силы, выработка компромисса или позволение «заблудшим овцам идти на все четыре стороны». Хотя различные республиканские лидеры в разное время отстаивали тот или иной из этих путей, ни один из вариантов не пользовался безусловной поддержкой большинства до апреля 1861 года. Вместо этого появилась еще одна — довольно туманная — альтернатива, известная как «искусное бездействие» или «фабиева тактика» — наблюдение и выжидание, отсутствие значимых уступок и вместе с тем бессмысленных провокаций; эта идея питалась надеждой, что сепаратистская лихорадка пройдет сама собой, а (якобы существующие) легионы южных юнионистов вернут Юг на круги своя.

Когда новый состав Конгресса собрался в декабре, несколько республиканцев, особенно из штатов Старого Северо-Запада, «поклонились небом и землей, что превратят мятежные штаты в пустыню». «Без небольшого кровопускания, — писал радикально настроенный сенатор от Мичигана Захария Чэндлер, привыкший рубить сплеча, — этот Союз... и гроша ломаного не стоит». Воинственность многих представителей Среднего Запада можно было объяснить, помимо прочего, и боязнью потерять доступ к нижнему течению Миссисипи. Жители Северо-Запада, писала *Chicago Tribune*, никогда не будут вступать в переговоры о свободе навигации: «Это их полное право, и они будут отстаивать его, даже если при этом потребуется стереть Луизиану с лица земли»³⁸.

36 Messages and Papers of the Presidents. V. P. 634—636.

37 Stampp K. M. And the War Came... P. 56.

38 Adams H. The Great Secession Winter of 1860—1861 // The Great Secession Winter of 1860—1861 and Other Essays. NY, 1958, P. 4; Nevins A. Emergence... II. P. 411—412; Northern Editorials... P. 558.

Как в таком случае должны будут взиматься таможенные пошлины? Чьи таможенные управления — Соединенных Штатов или Конфедерации — будут их собирать? Во время нуллификационного кризиса 1832 года президент Эндрю Джексон пообещал использовать силу для взимания пошлин в Южной Каролине и повесить лидеров «нуллификаторов». «Ах, если бы хоть ненадолго вернулось время Джексона!» — восклицали многие янки, сквозь толщу лет неожиданно обнаружив в себе ретроспективную симпатию к этому демократу из Теннесси. Если письма, полученные республиканскими конгрессменами, можно считать за наказания, то мы увидим, что их избиратели выражали решимость «усмирить» мятежников вооруженным путем. Так, один житель Иллинойса писал: «Мы избрали Линкольна, и готовы в случае необходимости сражаться за него... Вы можете рассчитывать на 500 хорошо вооруженных и экипированных членов комитета бдительности из округа Литтл-Бун». А представитель Огайо добавлял, что Линкольн «обязан применить законы Соединенных Штатов ко всем мятежникам, не заботясь о последствиях»³⁹.

Линкольн, похоже, был с этим согласен. В декабре 1860 года он говорил своему личному секретарю, что само существование государства «требует от президента применения законных полномочий, прав и обязанностей... для исполнения закона и поддержки существующей власти». Линкольн дал главнокомандующему армией Уинфилду Скотту негласное распоряжение привести войска в боевую готовность, чтобы силой взимать таможенные пошлины, а также защитить федеральные форты в мятежных штатах или же занять их, если гарнизоны оставят их до его инаугурации. *Illinois State Journal*, полуофициальный рупор Линкольна в этот период, предупреждал, что «выход из Союза с помощью оружия является изменой, а измену необходимо пресечь любыми способами... Законы Соединенных Штатов необходимо исполнять, причем президент не будет действовать в подобном случае по своему усмотрению: его обязанности недвусмысленно прописаны в Конституции»⁴⁰.

Республиканцы проводили различие между «насилием», что звучало довольно агрессивно, и «применением закона». «Исполнение

39 Springfield (Mass.) Republican. 1860. Dec. 17; Baringer W. E. A House Dividing: Lincoln as President Elect. Springfield (Ill.), 1945. P. 237; Stamp K. M. And the War Came... P. 27.

40 Nicolay J. G., Hay J. Abraham Lincoln: A History. 10 vols. NY, 1890. III. P. 248; CWL. IV. P. 157, 159; Nevins A. Emergence... II. P. 356—357.

закона не ведет за собой объявление войны какому-либо штату», — настаивала *Boston Advertiser*. Однако южане не видели различий в этих терминах. «Исполнять закон» на территории иностранного государства (Конфедерации) означало войну. Луис Уигфолл из Техаса задавался вопросом: «Если президент Соединенных Штатов пошлет военные корабли в Ливерпуль... и попытается собрать пошлины там... кто-нибудь сочтет британское правительство виновным в возможном кровопролитии?»⁴¹

В любом случае, до 4 марта проблема сохраняла гипотетический характер, так как Бьюкенен не собирался прибегать к «принуждению». Но даже если бы он был за эту меру, ресурсов для ее реализации явно недоставало. Большая часть крошечной 16-тысячной армии была рассредоточена на двух с лишним тысячах миль фронта, а большинство военных судов патрулировали в далеких водах или стояли на ремонте. Наиболее боеспособной единицей вооруженных сил зимой 1860—1861 года как раз и было ополчение отделившихся штатов. Более того, юнионисты из штатов Верхнего Юга, которым удалось удерживать «пламенных ораторов» в пределах их штатов, предупредили республиканцев, что любой признак насилия склонит чашу весов в сторону сецессионистов. Поэтому республиканцы на какое-то время замерли в нерешительности, а другие группировки продолжали искать пути к компромиссу.

Послание Бьюкенена Конгрессу оживило такие попытки. Первым делом он обвинил северян вообще и республиканцев в частности в «непрекращающемся нагнетании ажиотажа вокруг проблемы рабства», что ныне «возымело эффект», спровоцировав сецессию. Именно из-за республиканцев, продолжил президент, «многие матери семейств на Юге ложатся спать в страхе по поводу того, что может случиться с ними и их детьми ночью». Бьюкенен фактически призвал Республиканскую партию к самороспуску: он потребовал от северян прекратить критику рабовладения, отменить «неконституционные и предосудительные» законы о личной свободе, подчиниться закону о беглых рабах и выработать совместно с южанами поправку к конституции, защищавшую рабство на всех территориях. Пока янки не отнесутся положительно к этим рекомендациям, «революционное сопротивление Юга правительству будет считаться оправданным». Бьюкенен также советовал северянам в качестве еще одного акта доброй воли оказать поддержку давно вынашиваемому

41 *Stampp K. M. And the War Came...* P. 39, 44.

администрацией плану приобретения Кубы — принятие в состав Союза крупного рабовладельческого штата могло бы успокоить южан⁴².

Реакцию республиканцев на все эти «рекомендации» было легко предугадать. Вот только те высказывания, что можно было опубликовать в печати: «Старый ханжа и фарисей... поднявшийся на защиту фанатичной рабовладельческой власти... Убогий бред... трусливого подхалима „хлопковых королей“... Вопиющее искажение фактов... Бесстыдный лжец». После того как избиратели только что отвергли программу Брекинриджа 4 миллионами голосов против 670 тысяч на президентских выборах, Бьюкенен «предлагает безоговорочную капитуляцию... шести седьмых населения перед одной седьмой... путем принятия платформы Брекинриджа как части Конституции!»⁴³

Хотя немногие из проектов компромисса, представленных в Конгрессе, шли так же далеко, как послание Бьюкенена, все они содержали один и тот же пункт: республиканцы должны пойти на все возможные уступки. Но республиканцы отказывались идти на поводу «у шантажистов». В самом деле, опасность того, что коалиция демократов и конституционных юнионистов может «протащить позорную капитуляцию» и назвать это компромиссом, заставила многих республиканцев думать, что уж лучше отпустить «хлопковые штаты» с богом. Аболиционисты из числа сторонников Гаррисона, долгое время считавшие Союз «делкой с дьяволом», были рады тому, что рабовладельцы нарушили ее условия. Даже и прочие соглашались, используя слова Фредерика Дугласа, что, «если Союз можно поддерживать только с помощью новых уступок рабовладельцам [и] новыми потоками негритянской крови, то... пусть такой Союз погибнет». Некоторые радикальные республиканцы первоначально заняли такую же позицию. Если Южная Каролина хочет отделиться, писала *Chicago Tribune* в октябре 1860 года, «отпустите ее, и подобно ветви, отрубленной от здорового ствола, она потеряет соки и сгниет там, где останется лежать». *New York Tribune* Хораса Грили с жаром отстаивала такой подход. «Если „хлопковые штаты“ считают, что заживут лучшей жизнью вне рамок Союза, мы настаиваем на том, чтобы отпустить их, — писал Грили в своей знаменитой редакторской

42 Messages and Papers of the Presidents. V. P. 626—627, 638, 642.

43 Передовицы различных республиканских газет цит. по: Northern Editorials. P. 154, 127, 137, 152, 146, 138, 147.

колонке три дня спустя после избрания Линкольна. — Я надеюсь никогда не жить в республике, одна часть населения которой приколота к земле штыками»⁴⁴.

Отчасти такая точка зрения была вызвана искренним стремлением избежать войны, но, вполне возможно, более существенными были другие мотивы, ибо все эти республиканцы впоследствии одобрили войну как средство сохранения Союза. Редакторские колонки Грили с его пафосом толерантности были обоюдоострым оружием, нацеленным одним концом на Север, а другим — на Юг. Подобно большинству республиканцев, Грили поначалу полагал, что южные штаты в действительности не желают отделяться: «Они просто вынуждают Север идти на уступки». Даже после выхода Южной Каролины Грили писал Линкольну: «Я не опасаюсь ничего... кроме очередного позорного отступления свободных штатов... Очередной отвратительный компромисс, по которому уступается все, а не гарантируется ничего, покрывает нас таким позором и унижением, что мы никогда более не сможем жить с гордо поднятой головой»⁴⁵. Таким образом, рекомендация северянам со спокойной душой отпустить южан обернулась средством избежать компромиссов. По отношению к Югу Грили ожидал, что его риторика подействует на сепаратистов так же, как слова родителей, отвечающих на бесконечные угрозы своего беспокойного сына сбежать из дома: «Вот дверь — ступай!» Избегая разговоров о применении насилия, можно было несколько утихомирить страсти и дать юнионистам передышку, чтобы они могли расшевелить мифическое «молчаливое большинство» к югу от Потомака⁴⁶.

Миролюбивые настроения, впрочем, исчезли после того, как стало ясно, что ни один из вариантов компромисса принят не будет. Обе палаты учредили специальные комитеты для того, чтобы детально изучить все предложения о компромиссе, поступавшие в Конгресс. Сенатский «комитет тринадцати» включал в себя таких влиятельных политиков, как Уильям Сьюард, Бенджамин Уэйд, Стивен Дуглас, Роберт Тумбс, Джефферсон Дэвис и Джон Криттенден.

44 *Douglass' Monthly* и *Chicago Tribune* цит. по: *Stampp K. M. And the War Came...* P. 22; *New York Tribune*. 1860. Nov. 9.

45 *New York Tribune*. 1860. Nov. 20; *Abraham Lincoln Papers*, Library of Congress.

46 На мой анализ побудительных причин в основном повлияли тщательные исследования Дэвида Поттера, особенно: *Horace Greeley and Peaceable Secession // Potter D. The South and the Sectional Conflict*. Baton Rouge, 1968. P. 219—242 и *Lincoln and His Party*. P. 51—57. Несколько отличную интерпретацию см.: *Weisberger B. A. Horace Greeley: Reformer as Republican // CWH*. 1977. 23. P. 5—25.

Именно последний набросал план, который предполагал ряд поправок к Конституции. В своем окончательном виде данные поправки гарантировали бы невмешательство федерального правительства в дела рабовладельческих штатов; запрещали рабство к северу от 36° 30' с.ш. и защищали его неприкосновенность южнее этой линии на всех территориях, «имеющихся сейчас или приобретенных впоследствии»⁴⁷; запрещали Конгрессу упразднить рабство на каких-либо федеральных владениях, расположенных на территории рабовладельческих штатов (форты, арсеналы, военно-морские базы и т. д.); запрещали Конгрессу упразднить рабство в округе Колумбия без согласия на то его жителей и до тех пор, пока его не упразднят в Виргинии и Мэриленде; отказывали Конгрессу в полномочиях препятствовать работоторговле между штатами и предоставляли компенсацию рабовладельцам, пострадавшим от побега рабов в северные штаты. Эти поправки должны были носить постоянный характер и не могли быть отменены в будущем⁴⁸.

Несмотря на односторонний характер такого «компромисса», некоторые республиканские бизнесмены, опасавшиеся того, что вызванная сецессией паника на Уолл-стрит выльется в очередную депрессию, убеждали лидеров партии пойти на него. Терлоу Уид (а значит, в какой-то мере и Сьюард) еще в декабре косвенно выражал готовность к компромиссу. Но в этот момент из Спрингфилда прозвучал призыв держаться стойко. «Не рассматривайте ни один вариант компромисса, где речь идет о расширении рабства, — писал Линкольн наиболее влиятельным сенаторам и конгрессменам. — Решительная схватка приближается, и лучше, если она начнется сегодня, чем завтра». Компромисс Криттендена, указывал Линкольн Уиду и Сьюарду, «заставит нас потерять все то, что мы приобрели на выборах... Обструкция южан и отделение рабовладельческих штатов... вновь превратит нас в рабовладельческую империю». Само понятие территориального компромисса, замечал Линкольн, «означает признание равенства рабства и свободы и предает все, за что мы боролись... Мы только что выиграли выборы под лозунгом справедливого отношения к людям. Сейчас же нам заранее говорят, что государство распадется, если мы не покоримся тем, кого мы победили... Если мы капитулируем, с нами будет покончено. Они будут экспери-

47 Курсив мой. — Д. М.

48 CG, 36 Cong., 2 Sess. P. 114. В Конституции есть прецедент для таких «неисправимых» поправок: статья V, запрещающая любые изменения равного представительства каждого штата в Сенате.

ментировать над нами в свое удовольствие. И года не пройдет, как мы должны будем принять Кубу в качестве условия того, что южане останутся в Союзе»⁴⁹.

Следуя рекомендациям Линкольна, все пять республиканцев в сенатском «комитете тринадцати» голосовали против предложения Криттендена. Руководствуясь тем соображением, что без поддержки республиканцев любой компромисс ничего не стоит, Тумбз и Дэвис также проголосовали «против», что не позволило принять компромисс с перевесом в один голос (7 против 6). После этого Криттенден представил свое предложение Сенату, где 16 января оно также было отклонено 25 голосами против 23, причем все 25 голосов принадлежали республиканцам. Четырнадцать сенаторов из отделившихся штатов или из тех, которые готовились отделиться, не голосовали. Хотя компромисс Криттендена и позднее выдвигался на первый план, оппозиция к нему республиканцев и безразличие южан обрекли его на неудачу⁵⁰.

Значило ли это, что именно республиканцы лишили государство последней надежды на предотвращение распада? Скорее всего нет. Ни компромисс Криттендена, ни какая-либо иная мера уже не могли остановить сецессию. Никакой компромисс не мог отменить того, что спровоцировало отделение, — единогласного избрания северянами Линкольна. «Нам плевать на любые попытки компромисса», — писал один сепаратист. «Спасти Союз выше человеческих сил, так как его покинут все „хлопковые штаты“», — говорил Джефферсон Дэвис, а Джуда Бенджамин соглашался, что «не в нашей власти достичь урегулирования проблемы»⁵¹. Еще до обсуждения всех проектов компромисса и даже до фактического начала сецессии — 13 декабря — свыше двух третей сенаторов и конгрессменов семи южных штатов подписали обращение к своим избирателям: «Спор исчерпан. Все надежды на сохранение Союза при помощи парламентских комитетов, законодательных органов и поправок к Конституции утеряны... Честь, безопасность и независимость Юга будут гарантированы только Южной Конфедерацией»⁵². Делегаты от семи штатов, собравшиеся 4 февраля 1861 года в Монтгомери для основания нового

49 CWL. IV. P. 149—151, 154, 183, 155, 172.

50 Nevins A. Emergence... II. P. 390—398; CG, 36 Cong., 2 Sess. P. 409.

51 Reynolds D. E. Editors Make War... P. 169; Barlow Papers, Henry E. Huntington Library.

52 McPherson E. The Political History of the United States of America during the Great Rebellion. Washington, 1865. P. 37.

государства, не обращали никакого внимания на усилия поборников компромисса в Вашингтоне.

Важно, однако, было то, что в Монтгомери оказалось представлено лишь семь штатов. К февралю 1861 года главной целью дипломатических маневров стало удержать от выхода остальные восемь. Легислатуры пяти из этих штатов приняли решения о созыве конвентов⁵³, однако избиратели Виргинии, Арканзаса и Миссури сформировали в конвентах юнионистское большинство, а избиратели Северной Каролины и Теннесси, которым был дан выбор голосовать за или против созыва конвента, высказались отрицательно. Хотя Конфедерация послала эмиссаров в конвенты штатов Верхнего Юга с предложением присоединиться к ней, конвенты в Миссури и Арканзасе в марте отвергли сецессию (Арканзас — незначительным перевесом голосов), а Виргиния сделала то же самое 4 апреля при соотношении голосов 2 к 1. Основной причиной таких решений была меньшая концентрация рабов на Верхнем Юге. Рабы составляли 47% населения штатов Конфедерации, но лишь 24% — на Верхнем Юге. 37% белых семейств Конфедерации владели рабами, тогда как всего 20% — в штатах Верхнего Юга⁵⁴.

Провал попыток сецессии в штатах Верхнего Юга, казалось, подтвердил веру республиканцев в преобладании юнионистских настроений в регионе. Однако этот юнионизм был в большой степени «обусловленным». Условием было воздержание северян от каких бы то ни было попыток «насилия» в отношении Конфедерации. Легислатура Теннесси постановила, что граждане штата «все как один будут противостоять вторжению на земли Юга любыми методами и до последнего вздоха». Еще более грозной выглядела подобная клятва легислатуры Виргинии, конвент которой, чтобы наблюдать за развитием ситуации, не распустился после того, как проголосовал против сецессии. Умеренные республиканцы приняли такие жесты во внимание, и первые три месяца 1861 года их давление не было жестким. Это было временем «искусного бездействия», временем ограниченных уступок, призванных укрепить «молчаливое большинство» юнионистов Нижнего Юга, чтобы те могли приступить к «добровольной реорганизации» своих штатов. В частности, Сьюард оставил свою идею о «неотвратимом конфликте» и стал вождем миротворцев.

53 Легислатуры Кентукки и Делавэра отказались созывать конвент, а губернатор Мэриленда не назначал заседаний легислатуры.

54 По данным переписи 1850 г.

«Каждое наше рассуждение, — писал он Линкольну в письме от 27 января, — должно быть миролюбивым, выдержанным и терпеливым, возвышая таким образом юнионистскую партию сепаратистских штатов, которая со временем вернет их в лоно Союза». Настроенный не так оптимистично Линкольн, тем не менее, одобрял такой подход, покуда он не вынуждал «идти на компромисс, потворствующий рабству или позволяющий распространять его дальше»⁵⁵.

Республиканцы, участвовавшие в деятельности специального «комитета тридцати трех» (по числу штатов)⁵⁶ Палаты представителей, первоначально придерживались «фабиевой тактики». Чарльз Фрэнсис Адамс поддерживал предложение о принятии в состав Союза Нью-Мексико (включавшего и сегодняшнюю Аризону). Такой реверанс преследовал особую цель: вбить клин между штатами Верхнего и Нижнего Юга, видимостью уступок в территориальном вопросе перетянув первые на сторону Союза. В Нью-Мексико действовало рабовладельческое законодательство и жило небольшое количество рабов, но все понимали, что рабство там не укоренится: по замечанию Криттендена, после принятия Нью-Мексико Север в конечном итоге получил бы еще один свободный штат. Члены комитета от Нижнего Юга с презрением отнеслись к этому предложению, тогда как некоторые представители Верхнего Юга его одобрили, тем самым проглотив наживку Адамса. Он также убедил девятерых из пятнадцати республиканцев в комитете одобрить это псевдонарушение линии партии, и соответствующее решение было принято комитетом 29 декабря. Правда, когда два месяца спустя вопрос был вынесен на голосование в Конгрессе, республиканцы забаллотировали его с трехкратным перевесом голосов. Тем не менее в течение этих двух месяцев неопределенный статус Нью-Мексико играл некоторую роль в удержании Верхнего Юга в составе Союза⁵⁷.

Этому способствовали и две других рекомендации «комитета тридцати трех». Обе получили активное содействие Сьюарда и пассивное — Линкольна. Первой была резолюция, призывавшая к неукоснительному соблюдению закона о беглых рабах и отмене конфликтовавших с ним законов о личной свободе. Эта резолюция была

55 Campbell M. E. R. The Attitude of Tennesseans toward the Union. New York, 1961. P. 161—162; CWL. IV. P. 183.

56 Члены комитета от двух отделившихся штатов отказались принимать участие в работе комитета вовсе, а от четырех других бойкотировали некоторые заседания.

57 Potter D. Lincoln and His Party. P. 290—292.

принята Палатой представителей 27 февраля при поддержке почти половины республиканских конгрессменов. На следующий день Палата приняла проект Тринадцатой поправки к конституции, гарантирующей невмешательство государства в существование рабства. Для трех пятых республиканцев это было уже слишком, однако двух пятых из них в обеих палатах хватило для того, чтобы принять поправку незначительным большинством голосов, необходимым для отправки ее на ратификацию в легислатуры штатов. Впрочем, прежде чем этот процесс стартовал, произошли другие события, приведшие к тому, что четыре года спустя была принята совсем другая Тринадцатая поправка, упразднившая рабство.

Миротворческая политика Сьюарда принесла плоды и в виде «мирного конвента», собравшегося в Вашингтоне 4 февраля — как раз в день созыва конституционного конвента конфедератов в Монтгомери. Собравшийся по предложению легислатуры Виргинии «мирный конвент» еще больше разобщил Верхний и Нижний Юг. Отделившиеся штаты плюс Арканзас отказались прислать своих делегатов. Также не участвовали и пять северных штатов: Калифорния и Орегон — из-за отдаленности, Мичиган, Висконсин и Миннесота — потому что их республиканские лидеры не доверяли этому собранию. Многие республиканцы из других штатов вполне разделяли такое недоверие, но Сьюард убедил их поддержать это начинание и сделать жест доброй воли. Приняв компромисс Криттендена за точку отсчета, этот «конвент почтенных джентльменов» в основном топтался на месте. Многие делегаты мыслили категориями прошлого, олицетворяемого председателем конвента, 71-летним бывшим президентом Джоном Тайлером из Виргинии. Дебаты превратились в бесцельную перепалку, а участие в них республиканцев было поверхностным или неконструктивным. После трех недель работы конвент принял компромисс Криттендена, сделав его чуть более приемлемым для республиканцев. Продление линии по 36° 30' с.ш. коснулось бы только «существующих земель», а для приобретения новых требовалось большинство голосов сенаторов как свободных, так и рабовладельческих штатов⁵⁸. Когда эта рекомендация достигла Конгресса, ее ждал оглушительный провал, обеспеченный преимущественно силами республиканцев.

58 Решающее голосование конвента по этому предложению: 9 голосов «за» и 8 «против». Свободные штаты: 5 «за», 6 «против», 3 воздержались. Рабовладельческие штаты: 4 «за», 2 «против», 1 воздержался. Подробный отчет об этом конвенте см.: *Gunderson R. Old Gentlemen's Convention: The Washington Peace Conference of 1861. Madison, 1961; Keene J. L. The Peace Convention of 1861. Tuscaloosa, 1961.*

Конвент конфедератов, проходивший в шестистах милях от Вашингтона, напротив, казался триумфом эффективности. За шесть дней делегаты в Монтгомери выработали проект временной конституции, переименовались во временный Конгресс нового государства, избрали временного президента и вице-президента, а потом, уже в меньшей спешке, выработали постоянную конституцию и запустили машину государственного устройства. Выборы двухпалатного Конгресса, президента и вице-президента, которые, согласно конституции, избирались на единственный (пусть и шестилетний) срок, были назначены на ноябрь 1861 года.

Хотя Барнуэлл Ретт и некоторые другие «пламенные ораторы» прибыли в Монтгомери в качестве делегатов, они вынуждены были на время стать «заднескамеечниками», так как конвент делал все, чтобы произвести на Верхний Юг впечатление умеренного органа. В соответствии с клятвой новой Конфедерации восстановить истинные принципы Конституции Соединенных Штатов, втопанные в грязь северянами, большая часть ее временной конституции была дословно скопирована с этого драгоценного документа. То же самое касалось и постоянной конституции Конфедерации, принятой месяц спустя, хотя некоторые ее отклонения от оригинала были значимыми. В преамбуле опускалось упоминание об «общем благоденствии», а после введения («Мы, народ...») добавлялось: «...каждый штат, действующий суверенно и независимо». Вместо уклончивого параграфа о рабстве («лицо, содержащееся в услужении или на работе»), содержащегося в Конституции США, конституция Конфедерации называла раба рабом. Она гарантировала защиту института рабства на любой территории, которую Конфедерация могла приобрести. Конституция запрещала импорт рабов из-за рубежа, чтобы не вызвать протесты Британии и (главным образом) штатов Верхнего Юга, чья экономика извлекала выгоды от монополии на поставку рабов в штаты Нижнего Юга. Конституция вводила пошлины для получения доходов, но оговаривала, что «никакие пошлины... на ввозимые товары не могут быть введены с целью поддержки» какой-либо из отраслей экономики; как провести здесь различие, параграф не разъяснял. Еще одна статья запрещала помощь государства в деле внутренних усовершенствований. Также конституция расширила права штатов, закрепив за их legislatures право смещать тех чиновников Конфедерации, чья сфера деятельности ограничивалась только делами конкретного штата. Ослабив исполнительную власть путем предоставления президенту одного шестилетнего срока,

конституция укрепила ее, предоставив президенту право постатейного вето («Президент может одобрить одни и не принять другие положения одного и того же законопроекта») и позволив членам кабинета министров присутствовать (без права голоса) на заседаниях Конгресса (это право никогда не было реализовано)⁵⁹.

Наибольший интерес в Монтгомери вызывало избрание временного президента. Недостатка в желающих не было, однако выбор пал на выпускника Вест-Пойнта, который сам предпочел бы стать командующим армией Конфедерации. Ретт и Йонси, как самые видные ветераны сепаратистского движения, выдвигали обоснованные претензии на это кресло, однако «условные» юнионисты в штатах к северу от 35-й параллели (особенно в Виргинии) рассматривали их как не меньших виновников трагического разделения страны, вынудившего юнионистов примкнуть к той или иной стороне, чем самых «черных республиканцев». А так как новая Конфедерация (едва насчитывавшая 10% белого населения страны и всего 5% ее индустриальной мощи) отчаянно нуждалась в лояльности Верхнего Юга, то Йонси и Ретт были вычеркнуты из списка кандидатов. Представители Джорджии Тумбз, Стивенс и Хоуэлл Кобб больше отвечали требованиям, но делегация Джорджии не смогла согласованно выдвинуть кого-то одного из них. Более того, Стивенс — до последнего момента «условный» юнионист — вызывал подозрения у последовательных сторонников отделения, а бывший виг Тумбз испытывал такую же неприязнь со стороны демократов, преобладавших в Монтгомери. Неумеренная тяга Тумбза к спиртному (за два дня до президентских выборов он явился на прием, едва держась на ногах) также не увеличивала его шансы. Донесшийся из Ричмонда слух о том, что сторонники рабства виргинские сенаторы Мэйсон и Хантер поддерживают кандидатуру Джефферсона Дэвиса, решил дело. Непреклонный, талантливый, опытный государственный деятель, сенатор и бывший военный министр, демократ и сецессионист (однако не «пламенный оратор»), Дэвис казался идеальным кандидатом. Хотя он и не стремился к этой должности, 9 февраля делегаты избрали его единогласно. Его чувство долга (и, конечно, судьба) повелели ему принять это предложение. Для удовлетворения Джорджии и укрепления умеренного имиджа Конфедерации вице-президентом был назначен бывший виг и дугласовский демократ Александр Стивенс. Для соблюдения

59 Конституцию Конфедерации см.: *Thomas. E. M. The Confederate Nation 1861—1865.* NY, 1979. P. 307—322.

территориального баланса Дэвис распределил шесть министерских постов среди представителей шести штатов Конфедерации (за исключением родного Миссисипи), назначив на ключевой пост государственного секретаря разобиженного Тумбза⁶⁰.

«Он дождался своего часа!» — прочувствованно воскликнул Уильям Йонси, представляя Дэвиса восторженной толпе в Монтгомери 16 февраля. Именно в этот день песня «Дикси» превратилась в неофициальный гимн Конфедерации. Возможно, находясь от нее под впечатлением, Дэвис произнес короткую и воинственную речь. «Время компромиссов прошло, — сказал он. — Юг полон решимости отстаивать свои свободы, а все, кто противостоит ему, почувствуют запах нашего пороха и холод нашей стали». Впрочем, его инаугурационная речь два дня спустя была более миролюбивой. Он старался уверить всех, что Конфедерация желает жить в мире и сердечно приглашает в свой состав любой штат, который «хотел бы присоединиться к нам»⁶¹. Потом Дэвис взялся за тяжкий труд создания нового государства и расширения его границ.

Главной заботой Авраама Линкольна было предотвратить такое расширение, поэтому он подбирал членов своего кабинета, имея в виду и такую цель тоже. Сформировать правительство еще не означало для Линкольна конец его забот. Неоперившаяся Республиканская партия все еще оставалась разнородным сплавом выходцев из старых партий, северо-восточных янки и поселенцев фронта, радикалов и консерваторов, идеологов и прагматиков, жителей Верхнего и Нижнего Севера, финансовых воротил из пограничных штатов (таких, как семейство Блэров из Мэриленда), а кроме того, влиятельных лидеров, из которых кое-кто по-прежнему считал себя более достойным президентства, чем человек, занявший этот пост. При назначении семерых членов правительства Линкольн должен был учесть все тенденции и обозначить свою политику в отношении южан⁶².

Доселе невиданная в политической истории Америки уверенность в своих силах позволила избранному президенту назначить на

60 Ibid. P. 37—66; *Coulter E. M. The Confederate States of America. Baton Rouge, 1950. P. 19—32.*

61 *Catton B. The Coming Fury. Garden City, NY, 1961. P. 214—215; Jefferson Davis: Constitutionalist... V. P. 47—53.*

62 Этот и следующий абзацы, описывающие намерения и трудности Линкольна при формировании кабинета, опираются на: *Randall J. G. Lincoln the President. 4 vols. NY, 1946—1955. I. P. 256—272; Nevins A. Emergence... II. P. 436—455; Nicolay J. G., Hay J. Lincoln... III. P. 347—372; Baringer W. E. A House Dividing...*

министерские посты четырех своих главных конкурентов. Линкольн не колебался при назначении Сьюарда государственным секретарем, а Бэйтса — генеральным прокурором. Кэмерон представлял более деликатную проблему. Пенсильванец был уверен, что получил обещания от доверенных лиц Линкольна. В любом случае, оставить его без должности значило вызвать его неприязнь, но распространившийся слух о том, что президент предложил Кэмерону пост министра финансов, вызвал бурный протест. Многие республиканцы считали «вождя виннебаго» (насмешливое прозвище, полученное им много лет назад за то, что он якобы обманул это индейское племя, с которым заключил договор о поставках) «человеком без чести и совести». В смущении Линкольн отозвал свое предложение, после чего друзья Кэмерона развязали кампанию в его защиту, что вносило смуту в партийные ряды перед инаугурацией. В конце концов Линкольн вышел из положения (не разрешив, впрочем, разногласий), предоставив Кэмерону пост военного министра. Министром же финансов стал Чейз, превратившийся в лидера «железнобоких» республиканцев, настроенных против любого намека на уступки Югу. Назначение Чейза так раздражило Сьюарда, что он даже отозвал свое согласие принять должность госсекретаря, чтобы принудить Линкольна избавиться от Чейза. Таким был пробный шар, выпущенный Сьюардом, явно метившим на роль «премьер-министра» в администрации. «Я не могу позволить Сьюарду вести себя своевольно», — сказал Линкольн своему личному секретарю. Избранный президент уговорил Сьюарда пойти на попятную и остаться в правительстве вместе с Чейзом, хотя в будущем их ждала еще одна размолвка, прежде чем Сьюард окончательно убедился, что Линкольн — сам себе премьер-министр⁶³.

Выражая признательность Индиане за поддержку на ранних стадиях президентской гонки, Линкольн назначил Калеба Смита министром внутренних дел. Суетливый, носящий парик янки из Коннектикута Гидеон Уэллс получил военно-морское министерство. Линкольн также хотел назначить какого-либо политика из штатов Верхнего Юга (не республиканца), чтобы продемонстрировать добрую волю и удержать эти территории в составе Союза. Он предложил портфель конгрессмену из Северной Каролины Джону Гилмеру, однако стать членом кабинета «черных республиканцев» было слишком большим риском, поэтому Гилмер отверг предложение, мотивировав это отказом Линкольна пойти на компромисс по вопросу рабства на терри-

63 Цит. по: *Neivins A. Emergence... II. P. 441; Nicolay J. G., Hay J. Lincoln... III. P. 371.*

ториях. Таким образом, Линкольн закончил формирование кабинета, назначив Монтгомери Блэра генеральным почтмейстером. Будучи жителем Мэриленда, Блэр, тем не менее, являлся республиканцем и «железнобоким»⁶⁴.

Инаугурационная речь Линкольна даже больше сигнализировала об ориентирах будущей политики новой администрации, чем распределение министерских постов. Зная о том, что судьба штатов Верхнего Юга и возможная добровольная реорганизация Нижнего Юга может зависеть от того, что он скажет 4 марта, Линкольн тщательно выверил каждую фразу своей речи. Ей предшествовали длительные консультации со многими лидерами республиканцев, особенно со Сьюардом. Этот процесс начался еще в Спрингфилде за два месяца до инаугурации и продолжился во время двенадцатидневной железнодорожной поездки кружным путем в Вашингтон, в течение которой Линкольн произнес десятки речей перед народом на станциях и на официальных приемах. Избранный президент чувствовал себя обязанным приветствовать толпы людей, собиравшихся вдоль всего его маршрута, чтобы хоть одним глазком увидеть своего нового лидера. Фактически Линкольн совершал свой агитационный тур уже после своего избрания. Однажды он даже сошел с поезда в северной части штата Нью-Йорк, чтобы поцеловать 11-летнюю девочку, которая предложила ему отпустить бороду, чтобы лицо несколько округлилось.

Этот тур, вполне возможно, был двойным просчетом. Во-первых, не желая провоцировать дальнейшее развитие кризиса неосторожным замечанием или оговоркой, Линкольн, избегая спорных моментов, часто отделялся общими фразами. Это производило неблагоприятное впечатление: нескладного избранного президента можно было счесть ничем не примечательным провинциальным адвокатом. Во-вторых, вся пресса и личная корреспонденция Линкольна на протяжении вот уже нескольких недель были полны угроз в его адрес и слухов о готовящемся убийстве. Публичные выступления и перечень остановок президентского поезда, объявленный заранее, во много раз увеличивали вероятность покушения. За два дня до того, как избранный президент должен был проехать через Балтимор, переполненный сторонниками сецессии и к тому же печально известный своими политическими мятежами, республиканцы получили известие

64 Crofts D. W. A Reluctant Unionist: John A. Gilmer and Lincoln's Cabinet // CWH. 1978. 24. P. 225—249.

о том, что на Линкольна готовится покушение в тот момент, когда он будет пересаживаться с одного поезда на другой. Сведения эти были предоставлены двумя независимыми друг от друга источниками: сотрудником агентства Пинкертона, нанятым железнодорожным начальством, и агентом военного министерства (оба внедрились в банды Балтимора, промышленявшие политическими убийствами). Линкольн неохотно согласился изменить график, тайно проследовав через Балтимор под покровом ночи. Вполне возможно, что заговор действительно существовал и опасность была реальной, но сам Линкольн впоследствии сожалел о решении пробраться в Вашингтон «словно тать в ночи». Такой поступок удивил многих его сторонников и вызвал ряд язвительных карикатур в оппозиционных изданиях. Так что новый президент начал свою деятельность довольно неудачно, причем как раз в то время, когда больше всего требовались решительность и властность⁶⁵.

Последние наброски своей инаугурационной речи Линкольн делал уже в первые дни пребывания в Вашингтоне. Пока он работал над ней, семь мятежных штатов не только продолжали процесс отделения, но и захватывали федеральную собственность, расположенную на их территории: таможни, арсеналы, монетные дворы и форты. Как следствие, первый набросок речи Линкольна содержал одну главную тему и две вариации. Главной темой был решительный настрой Линкольна сохранить целостность Союза. Вариации же контрапунктом проводили тактику кнута и пряника. Кнудом служило намерение президента воспользоваться «всеми имеющимися полномочиями» для «возвращения государственной собственности и потерянных учреждений; удержания, занятия и овладения этой и прочей собственностью и территориями, принадлежащими государству, а также взимания пошлин на ввозимые товары». Пряником же являлось очередное повторение его постоянного обещания «не вмешиваться в рабовладельческий уклад там, где он уже существует» и исполнять конституционное предписание о возврате беглых рабов. Линкольн также обещал южанам, что «правительство не собирается нападать на вас, пока вы первые не нападете на него»⁶⁶.

По мнению иллинойсца Орвилла Браунинга, советника Сьюарда и Линкольна, кнут в этом варианте речи щелкал слишком хлестко.

65 Randall J. G. Lincoln the President. I. P. 288—291; Cuthbert N. B. Lincoln and the Baltimore Plot. San Marino (Cal.), 1949.

66 CWL. IV. P. 254, 250—252, 261.

Штаты Верхнего Юга, не говоря уже о правительстве Конфедерации, без сомнения, будут рассматривать любую попытку «вернуть» форты и другую собственность как «насилие». Даже само обещание не нападать на эти штаты, пока они сами не иницируют нападение, содержало завуалированную угрозу. Сьюард убедил Линкольна вычеркнуть фрагмент «пока вы *первые* не нападете на него» и смягчить тон некоторых других фраз. Он также написал заключительную часть речи, в которой апеллировал к историческому патриотизму южан. А избранный президент добавил пассаж о том, что, если «на каких-либо территориях» враждебность к Соединенным Штатам окажется «сильной и будет разделяться большинством населения, препятствующим достойным жителям этих территорий занимать государственные должности», он «временно» приостановит деятельность правительственных органов. Что еще более важно, Браунинг убедил Линкольна убрать угрозу *востребовать обратно* федеральную собственность, поэтому окончательный вариант речи содержал лишь обещание «удержать, занять и владеть» такой собственностью и «собирать пошлины и налоги»⁶⁷.

Такие фразы тем не менее оставались двусмысленными. Как именно надлежало взимать пошлины? С кораблей, находившихся в открытом море? Не было ли это признаком «насилия»? Как правительство могло «удержать, занять и владеть» собственностью, бывшей под контролем сил Конфедерации? Единственной остававшейся под контролем Союза собственностью были два отдаленных форта на архипелаге Флорида-Кис, форт Пикенс на острове в устье залива Пенсакола и форт Самтер на острове в гавани Чарлстона. На заре сецессии именно форт Самтер являлся символом государственности, который правительство Конфедерации не могло терпеть «в своем доме», если оно желало получить признание мировых держав. Хотел ли Линкольн использовать силу для защиты форта Самтер? Двусмысленность была преднамеренной: стремясь не спровоцировать противников, Линкольн и Сьюард скрывали то, что они мягко стелили лишь для того, чтобы было жестко спать.

В заключительной части речи, выверенной и улучшенной по сравнению с вариантом Сьюарда, напротив, не было ни капли двусмысленности. «Мне жаль заканчивать речь, — сказал Линкольн. — Мы не враги, а друзья. И врагами мы стать не должны. Хотя страсти нагнетаются, они не должны разрушить нашу привязанность. Волнительные воспоминания, нити которых тянутся от каждого поля битвы

67 Окончательный вариант речи см.: Ibid. P. 249—271.

и каждой могилы патриота Соединенных Штатов к каждому сердцу и к каждому дому на нашей обширной земле, сольются в хор благословляющих Союз ангелов, которые живут во всех нас».

Современники услышали в инаугурационной речи то, что хотели или ожидали услышать. Республиканцы в массе своей были удовлетворены ее «твердостью» в сочетании с «умеренностью». Конфедераты и сочувствующие им заклеили ее как «объявление войны». Странники Дугласа на Севере и «условные» юнионисты на Юге образовали ту целевую аудиторию, внимание которой больше всего и надеялся привлечь Линкольн. Эти круги отреагировали противоречиво, но в целом обнадеживающе. «Я на его стороне», — сказал Дуглас. Влиятельные представители Теннесси оценили «умеренность и консерватизм» речи, а сенатор от Северной Каролины Джон Гилмер (тот самый, который отказался войти в кабинет Линкольна) одобрил первый шаг нового президента. «Что же еще могли услышать или же пожелать все трезвомыслящие южане?» — прокомментировал Гилмер⁶⁸.

Своей инаугурационной речью Линкольн рассчитывал обуздать страсти и получить время для организации работы своей администрации, доказать свои миролюбивые намерения и заронить мысль о добровольной реорганизации Юга. Но когда новый президент прибыл в Белый дом наутро после инаугурации, его ожидал удар. На столе лежала депеша, подписанная майором Робертом Андерсоном, командующим гарнизоном форта Самтер. Андерсон сообщал, что припасов осталось лишь на несколько недель. Время стремительно таяло.

III

Форт Самтер был расположен на искусственном гранитном острове в четырех милях от центра Чарлстона, около входа в гавань. Кирпичные стены форта, 40 футов высотой и 8—12 — толщиной, были рассчитаны на установку 146 крупнокалиберных орудий. Этот недавно построенный форт, будь он укомплектован 650 солдатами, мог остановить любое соединение кораблей, пытающееся проникнуть в гавань или покинуть ее. Но в начале декабря 1860 года форт Самтер был пуст, если не считать рабочих, заканчивавших отделку

68 Дуглас цит. по: Northern Editorials... P. 645; представители Теннесси цит. по: Reynolds D. E. Editors Make War... P. 192; Гилмер цит. по: Randall J. G. Lincoln the President. I. P. 308—309.

его внутренних помещений. Бóльшая часть из 80 солдат федерального гарнизона в Чарлстоне находилась в форте Молтри — устаревшем сооружении в миле от Самтера, на легкодоступном как с материка, так и с моря острове. Каролинцы полагали, что им удастся овладеть Самтером, Молтри и прочими федеральными объектами в Чарлстоне без особых трудностей. Еще перед сецессией чиновники Южной Каролины начали осаждать администрацию Бьюкенена подобными просьбами. После объявления независимости Южная Каролина послала эмиссаров в Вашингтон для переговоров о передаче форта и арсенала. Такое намерение было поддержано сотнями ополченцев в Чарлстоне, поклявшихся вышвырнуть янки, если те не уйдут добром.

Справедливости ради надо сказать, что в форте Молтри командовал не янки. Майор Роберт Андерсон был уроженцем Кентукки, бывшим рабовладельцем, сочувствовавшим делу Юга, но оставшимся лояльным государству, которому он служил тридцать пять лет. Мучимый предчувствиями трагедии, Андерсон прежде всего хотел избежать войны, которая разделила бы напополам его семью, штат и страну. Однако он знал, что, если войне и суждено начаться, она разразится как раз там, где стоял его гарнизон. Горячие головы из Каролины рвались в бой — если бы они напали на форт, честь и долг офицера вынудили бы его сопротивляться. Был бы обстрелян флаг, пролилась бы кровь, и войну уже нельзя было бы остановить.

Подобно Андерсону, президент Бьюкенен искренне желал остановить катастрофу, по крайней мере до тех пор, пока он не оставит пост 4 марта. Одним из способов предотвратить схватку был бы вывод гарнизона. Хотя Бьюкенена вынуждали к этому шагу три южанина в его кабинете, президент на это не пошел. Вместо этого он 10 декабря обещал конгрессменам от Южной Каролины не посылать Андерсону подкрепление, о котором тот просил. Взамен южнокаролинцы обещали не атаковать гарнизон, пока шли переговоры о передаче форта. Представители Каролины также поняли, что Бьюкенен согласился ни при каких условиях не менять дислокацию вооруженных сил в Чарлстоне⁶⁹.

Пока Бьюкенен колебался, Андерсон действовал. Расценив противоречивые приказы военного министерства как предоставление

69 Nevins A. *Emergence...* II. P. 347—350, 357—358; Catton B. *Coming Fury*. P. 145—146; Smith E. B. *The Presidency of James Buchanan*. Lawrence (Kansas), 1975. P. 169—170.

свободы действий, он решил перевести свой отряд из непригодного для защиты Молтри в хорошо укрепленный Самтер, чтобы отразить возможное нападение. 26 декабря, как только стемнело, Андерсон искусно совершил этот маневр. Для него это было попыткой сохранить мир, но наутро Андерсон проснулся героем Севера, одернувшим зарвавшихся каролинцев, и изгоем Юга, назвавшего захват Самтера нарушением обещаний Бьюкенена. «Сегодня вы самый популярный человек в стране», — писал один житель Чикаго, обращаясь к Андерсону. Леверетт Солтонстолл из Бостона превозносил Андерсона как «единственного честного человека» в стране. «Пока вы удерживаете форт Самтер, я не беспокоюсь за наш благородный, славный Союз». И наоборот, *Charleston Mercury* обвинила Андерсона в «вопиющем вероломстве», послужившем поводом к гражданской войне, а Джефферсон Дэвис кинулся в Белый дом, чтобы отчитать «опозоренного» президента⁷⁰.

Встревоженный Бьюкенен под нажимом южан готов был отдать приказ гарнизону вернуться в Молтри, но он также знал, что, поступив подобным образом, он и его кабинет потеряют последнюю крупницу уважения северян. Видный нью-йоркский демократ сообщал, что «поступок Андерсона вызывает всеобщее одобрение и если его отзовут либо Самтер сдастся... Север единодушно выступит за то, чтобы Бьюкенен был повешен... Это не шутка — я еще никогда не видел, чтобы все до одного жители были столь единодушны в каком-либо вопросе. Если Андерсона предадут позору или если Самтер будет сдан — мы погибли»⁷¹. Перестановки в кабинете министров также укрепили решимость Бьюкенена. В декабре и начале января в отставку подали все южане и один колеблющийся янки. Их места заняли непоколебимые юнионисты: военный министр кентуккиец Джозеф Холт, генеральный прокурор Эдвин Стэнтон и госсекретарь Джеремайя Блэк. Стэнтон и Блэк составили для Бьюкенена ответ представителям Южной Каролины, в котором президент отвергал их притязания на форт Самтер. Получив такую поддержку, Бьюкенен проявил твердость и в дальнейшем, одобрив предложение главнокомандующего армией Скотта послать Андерсону подкрепление.

Пытаясь свести к минимуму ажиотаж и избежать провокаций, Скотт отправил подкрепление (200 солдат) и продовольствие на не-

70 Заявления северян и *Charleston Mercury* цит. по: Swanberg W. A. *First Blood: The Story of Fort Sumter*. NY, 1957. P. 136, 108; Дэвис цит. по: Smith E. B. *Op. cit.* P. 179.

71 Barlow Papers. См. также: *Stampp K. M. And the War Came...* P. 70—79.

вооруженном торговом судне «Звезда Запада», однако неумелая организация повредила этому предприятию. Информация о готовящейся операции попала в прессу, а военному департаменту не удалось известить о ней Андерсона, поэтому гарнизон Самтера был едва ли не единственной заинтересованной стороной, которая не знала о появлении «Звезды Запада» в гавани 9 января заранее. Южно-каролинская артиллерия открыла огонь по кораблю и даже успела попасть, после чего капитан (гражданское лицо, в котором осторожность возобладала над храбростью) развернул судно и отошел в открытое море. Эти выстрелы могли быть первыми залпами гражданской войны, но они таковыми не стали, так как Андерсон не открыл ответный огонь. Не имея ни точных сведений о происходящем, ни приказа, он не хотел брать на себя ответственность за начало войны, поэтому орудия Самтера безмолвствовали⁷².

Взаимная ярость южан и северян достигла апогея, однако пороховая бочка не взорвалась. Несмотря на взаимные обвинения в агрессии, ни одна сторона не желала войны. Сецессионисты из других штатов тайком советовали южнокаролинцам осадить лошадей, чтобы не спровоцировать конфликт до того момента, пока Конфедерация не будет к нему готова. Установилось негласное перемирие, по которому каролинцы оставляли гарнизон Самтера в покое, а правительство, в свою очередь, обязалось не усиливать его. Подобное (уже публичное) решение было принято и по форту Пикенс, где, в отличие от Самтера, флот в любой момент мог высажить подкрепление на остров, находившийся вне зоны досягаемости пушек южан.

Форт Пикенс, впрочем, оставался на периферии событий — все внимание было приковано к Чарлстону и форту Самтер. Андерсон и его люди превратились в глазах северян в защитников современных Фермопил. Джеймс Бьюкенен и губернатор Южной Каролины Фрэнсис Пикенс передали судьбу гарнизона в руки Авраама Линкольна и Джефферсона Дэвиса. Новый президент Конфедерации послал еще трех эмиссаров в Вашингтон для ведения переговоров о переходе Самтера и Пикенса под юрисдикцию его правительства. Также он велел только что произведенному в генералы луизианцу Пьеру Борегару принять командование над несколькими тысячами ополченцев и десятками крупнокалиберных пушек и мортир, окруживших гавань Чарлстона и нацелившихся на изолированный гарнизон форта Самтер.

72 Лучшие отчеты об этом событии см.: Catton B. *Coming Fury*. P. 176—181; Swanberg W. A. *First Blood...* P. 144—149.

Так обстояло дело к 5 марта 1861 года, когда Линкольн узнал о том, что припасы гарнизона подходят к концу. Новый президент встал перед тяжким выбором. Он мог бы собрать все имевшиеся в его распоряжении корабли и войска, которые с боем пробилась бы в гавань и доставили в Самтер подкрепление и продовольствие, но такая мера возложила бы на него ответственность за начало войны. Это расколело бы Север и консолидировало Юг, включая большинство еще не отделившихся штатов. Альтернативой было выведение гарнизона и сдача Самтера южанам, что продлило бы мир и, возможно, оставило бы штаты Верхнего Юга в составе Союза. Однако такой шаг опять-таки расколел бы Север, деморализовал большинство республиканцев, возможно, нанес бы непоправимый урон его администрации, неявно признал бы независимость Конфедерации и послал бы сигнал иностранным державам, чьего официального признания Конфедерация настойчиво пыталась добиться. Также Линкольн мог тянуть время, надеясь найти решение проблемы, позволяющее сохранить за собой живой символ государственности, но не вызвать войну, которая бы внесла раскол в ряды его друзей и сплотила бы его врагов. У Линкольна было самое большее полтора месяца для принятия решения, пока отряд Андерсона не умер голодной смертью. Подобные тяжелые мысли в эти шесть недель не один раз вызывали у неопытного еще президента бессонницу и сильную мигрень⁷³.

Дилемма, стоявшая перед Линкольном, усугублялась противоречивыми советами и намерениями членов его администрации. Генерал Скотт заявил, что доставка подкрепления невозможна без участия крупных соединений флота и 25 тысяч солдат. У государства между тем не было ни кораблей, ни солдат. Совет Скотта не начинать такую авантюру заставил колебаться военного и военно-морского министров. Сьюард также склонялся к их мнению. Он предлагал сдать Самтер как по политическим, так и по сугубо военным причинам. Подобный жест доброй воли, говорил он Линкольну, уверит штаты Верхнего Юга в миролюбивом курсе администрации и усилит позиции юнионистов среди конфедератов. Сьюард затеял хитрую и

73 Этот и следующий абзацы, описывающие реакцию Линкольна на события в форте Самтер (один из наиболее изученных вопросов в истории Соединенных Штатов), основаны на множестве источников; см.: Catton B. *Coming Fury*. P. 271—325; Swanberg W. A. *First Blood*. P. 219—332; Current R. N. *Lincoln and the First Shot*. Philadelphia, 1963; Stamp K. M. *Lincoln and the Strategy of Defense in 1861* // JSH. 1945. 11. P. 297—323; Nevins A. *War*. I. P. 30—74; Potter D. *Impending Crisis...* 570—583; Randall J. G. *Lincoln the President*. I. P. 311—350; Nicolay J. G., Hay J. *Lincoln...* III. P. 375—449; IV. P. 1—63.

не вполне честную игру. В соответствии со своими устремлениями стать «премьер-министром» администрации он через посредника установил контакт с посланцами Конфедерации. От своего лица, не ставя Линкольна в известность, Сьюард обещал им сдачу Самтера. Кроме того, он организовал утечку этой информации, и в течение недели после инаугурации Линкольна северная пресса приводила «авторитетные» свидетельства того, что гарнизон Андерсона будет эвакуирован из форта.

Линкольн, однако, не принял такого решения, несмотря на то, что советники едва ли не в один голос убеждали в его правильности. Как бы тогда это сочеталось с его инаугурационным обещанием «удержать, занять и владеть» федеральной собственностью? По крайней мере, он мог послать подкрепление в форт Пикенс, и 12 марта генерал Скотт отдал соответствующие приказы⁷⁴. Когда Линкольн 15 марта опросил членов своего кабинета на предмет Самтера, пять из семи министров высказались за эвакуацию гарнизона. Шестой — Чейз — высказался за вторую попытку доставить в гарнизон пополнение, если только это можно сделать без риска начать войну. Лишь Монтгомери Блэр хотел удержать форт во что бы то ни стало. Он полагал, что сдача Самтера скорее разочарует юнионистов, вместо того чтобы воодушевить их. Только «меры, вызывающие уважение к мощи государства и твердости тех, кто их принимает», могут укрепить их дух, сказал Блэр. Предать форт означало бы предать Союз⁷⁵.

Линкольн также склонялся к этой точке зрения. Блэр между тем дал президенту не только ободряющий совет. Он познакомил Линкольна со своим шурином Густавусом Фоксом, 39-летним бизнесменом из Массачусетса и бывшим лейтенантом флота. Фокс был первым из целой плеяды энергичных деятелей, которых ждала головокружительная карьера в последующие четыре года: решительный, способный, он был полон идей, как совершить то, что закоснелый генералитет считал невозможным. Фокс предложил послать корабль

74 Как и многое в истории обороны фортов, первая попытка послать помощь Пикенсу окончилась неудачей. Капитан флота в Пикенсе отказался исполнять приказ, присланный армейскому офицеру, командовавшему контингентом на борту судна, так как приказ этот не был подписан военно-морским министром. Капитан сослался на предыдущие приказы о запрете усиления гарнизона Пикенса, пока южане воздерживаются от нападения на форт. Когда Линкольн 6 апреля узнал о произошедшей путанице, это, вполне возможно, повлияло на его решение послать подкрепление в форт Самтер.

75 Отрывки мнений семи министров см.: CWL. IV. P. 285.

с подкреплением под охраной военных судов к отмели, лежащей за пределами чарлстонской бухты. После этого войска и продовольствие можно было погрузить на буксиры или баркасы, которые под покровом ночи могли пересечь отмель и совершить стремительный бросок к Самтеру. Военные корабли и гарнизон форта должны были своим огнем подавить артиллерию конфедератов.

Такой шаг мог сработать. Линкольн, во всяком случае, был склонен рассмотреть этот вариант. До президента стали доноситься голоса тех, кто его избрал. Многие республиканцы были взбешены сообщениями о скорой сдаче Самтера. «ЕСТЬ ЛИ У НАС ПРАВИТЕЛЬСТВО?» — кричали газетные заголовки. «Символ нашей страны на поверку оказался хилым цыпленком, украшенным орлиными перьями», — в раздражении восклицал один адвокат из Нью-Йорка. Письма от обычных граждан призывали удержать форт любой ценой. «Если Самтер будет эвакуирован, то с новой администрацией все будет ясно раз и навсегда», — говорилось в одном из них⁷⁶. Даже демократы призывали послать помощь «доблестному отряду, защищающему честь своей страны и своего флага среди полчищ врагов и предателей». Сохраняющаяся неопределенность накалила обстановку до предела. «Администрация должна выработать действенную политику», — заявляла *New York Times*. «Какое угодно событие все равно лучше, чем полная неизвестность», — вторила ей другая северная газета. «Люди хотят какого-то решения, могущего послужить объединяющей силой для преданных, но разочарованных сердец американцев»⁷⁷.

Общественное мнение Севера укрепило решимость Линкольна, но Сьюард между тем втихомолку продолжал уверять южан в скорой сдаче Самтера. Один из трех представителей Линкольна, посланных им в Чарлстон, чтобы оценить ситуацию на месте (его старый друг Уорд Лэймон), говорил каролинцам и самому Андерсону о неизбежности эвакуации. «Ястребы» и «голуби» в администрации президента, очевидно, шли встречными курсами. Столкновение произошло 28 марта. В этот день Линкольну стало известно, что генерал Скотт хочет эвакуировать как Самтер, так и Пикенс. Причины такого шага лежали скорее в политической, нежели в военной, плоскости. «Эвакуация обоих фортов, — писал генерал, — немедленно сгладит

76 Northern Editorials... P. 652; Strong G. T. Diary. P. 109; Current R. N. Lincoln and the First Shot... P. 118; Stamp K. M. And the War Came... P. 266.

77 Цит. по: Stamp K. M. And the War Came... P. 268.

противоречия внутри оставшихся восьми рабовладельческих штатов, придаст им уверенности и укрепит их сердечную привязанность к Союзу». Вечером после официального обеда Линкольн созвал министров на чрезвычайное заседание кабинета. По мере того как явно уязвленный президент зачитывал им меморандум Скотта, на лицах большинства министров читалось «полное изумление». Генерал (виргинец по происхождению) призывал к безоговорочной капитуляции перед Конфедерацией. Находился ли Скотт под влиянием Сьюарда (как полагало большинство членов кабинета) или нет, его политически мотивированная рекомендация вызвала подозрения в том, что и первоначальное мнение о невозможности укрепления гарнизона Самтера имело ту же природу. Настроения кабинета резко переменялись по сравнению с теми, что преобладали две недели назад. Четыре из шести его членов (Калев Смит по-прежнему поддерживал Сьюарда, а Кэмерон отсутствовал) высказались за вторую попытку прорваться к Самтеру, и все шестеро поддержали дополнительное усиление Пикенса. Линкольн отдал приказы о подготовке секретной экспедиции для выполнения последней задачи и, что более важно, распорядился, чтобы Фокс готовил корабли и войска для подкрепления Самтера⁷⁸.

Такой поворот событий загнал Сьюарда в угол. Его заверения, сделанные южанам, его миролюбивая политика «добровольной реорганизации Юга», наконец, его «премьерские» амбиции — все это, казалось, пошло прахом. Чтобы восстановить пошатнувшиеся позиции, Сьюард действовал смело и демонстративно. Он вмешался в подготовку экспедиции в форт Пикенс, и ему удалось откомандировать туда самое сильное из имевшихся судов, намеревавшихся идти на Самтер. Затем 1 апреля он обратился к Линкольну с необычным предложением. Изъясняясь довольно туманно, Сьюард предположил, что сдача Самтера и удержание Пикенса склонят чашу весов на сторону Союза. Кроме того, госсекретарь хотел «потребовать объяснений» от Испании и Франции по поводу их действий в Санто-Доминго и Мексике и, в случае если таковые объяснения будут неудовлетворительными, объявить им войну. Сьюард ожидал, что война сплотит страну в борьбе против внешнего врага. «Какую бы тактику мы ни избрали, — указывал Сьюард, — кто-то должен будет нести

78 Nicolay J. G., Hay J. Lincoln... III. P. 394—395, 429—434; Current R. N. Lincoln and the First Shot... P. 75—81. В Вашингтоне уже знали о том, что первый приказ Линкольна об укреплении гарнизона Пикенса не был выполнен.

ответственность за ее претворение в жизнь». Оставалось немного сомнений относительно того, кого он имел в виду.

Можно хорошо представить себе изумление Линкольна, когда он читал этот проект. Не желая унижить Сьюарда или отказаться от его услуг, президент никому не сообщил об этом письме, однако в тот же день написал вежливый, но твердый ответ. Линкольн напомнил своему государственному секретарю, что поклялся «удержать, занять и владеть» федеральной собственностью и не понимает, чем удержание Самтера отличается от удержания Пикенса. Оставив без внимания идею Сьюарда об ультиматуме Испании или Франции, Линкольн ответил ему, что какая бы тактика ни была избрана, «любой шаг должен сделать я»⁷⁹. Смирившийся Сьюард более не затрагивал эту тему и показал себя одним из самых преданных советников Линкольна в течение первого срока его президентства.

Сьюард понимал, что ему придется услышать от южан обвинения в обмане, раз его уверения о скорой эвакуации Самтера поневоле оказались ложью. Он предпринял последнюю попытку исправить ситуацию. Все еще заседавший конвент Виргинии собирался недвусмысленно высказаться в пользу сецессии в случае начала вооруженных действий. Сьюард убедил Линкольна встретиться с одним из виргинских юнионистов в Вашингтоне 4 апреля. Целью встречи было оценить возможность следующей сделки: эвакуация Самтера в обмен на роспуск конвента без объявления об отделении Виргинии. Незадолго до инаугурации Линкольн выражал заинтересованность в такой сделке. Долгое время дискутировался вопрос, действительно ли президент во время частного разговора с Джоном Болдуином 4 апреля открыто предложил такой вариант⁸⁰. Как бы то ни было, из этой встречи ничего не вышло, и после нее Линкольн стал скептически относиться к виргинскому юнионизму. Именно в этот день он отдал приказ о начале экспедиции для помощи форту Самтер⁸¹.

План этой экспедиции несколько изменился, если сравнивать с первоначальным замыслом Фокса, причем изменения эти были довольно важными. Вместо того, чтобы с боем проложить себе дорогу в гавань, экспедиционный корпус должен был сначала постараться

79 О меморандуме Сьюарда и ответе Линкольна см.: CWL. IV. P. 316—318.

80 Историки всесторонне анализировали скудные свидетельства об этой встрече; общий обзор этих исследований со ссылками на соответствующие труды см.: Harris W. C. The Southern Unionist Critique of the Civil War // CWH. 1985. 31. P. 50—51.

81 *Current R. N. Lincoln and the First Shot...* P. 96.

доставить отряду Андерсона припасы. Корабли и солдаты должны были быть начеку, но если бы батареи конфедератов не стали обстреливать лодки с провиантом, то ответный огонь не был бы открыт и пополнение осталось бы на борту. Линкольн собирался заранее уведомить губернатора Пикенса о том, что в гарнизон будет доставлено только продовольствие. Если конфедераты откроют огонь по невооруженным лодкам, доставляющим «провиант для умирающих с голоду людей», то именно они будут обвинены в агрессии и именно на их плечи ляжет ответственность за развязывание войны. Это сможет сплотить Север и, возможно, расколет Юг. Если южане пропустят лодки с провиантом, в Самтере будет сохранен мир и статус-кво, а союзное правительство одержит пусть символическую, но важную победу. Новая стратегия Линкольна послать экспедицию для доставки припасов была поистине гениальной. Он фактически указывал Джефферсону Дэвису: «Я останусь в выигрыше так или иначе». Это было «пробой пера» выдающегося политика, достойным началом президентства⁸².

82 Современники и исследователи вели долгие споры о мотивах и целях Линкольна, предложившего план повторной экспедиции в форт Самтер. Во время дискуссии оформились три основные точки зрения. 1) Линкольн понимал, что может сохранить власть и свою партию только в условиях войны, поэтому он намеренно побуждал конфедератов нанести удар первыми, чтобы вести войну в максимально выгодной политической ситуации. Два видных историка, отстаивавших эту точку зрения, были по происхождению южанами: *Ramsdell Ch. W. Lincoln and Fort Sumter // JSH. 1937. 3. P. 259—288; Tilley S. Lincoln Takes Command. Chapel Hill, 1941.* 2) Линкольн хотел сохранить статус-кво, чтобы придать новый импульс политике «добровольной реорганизации Юга», однако опасался, что падение Самтера дискредитирует правительство, а Конфедерация, наоборот, получит поддержку в глазах мирового сообщества. Надеясь сохранить мир, но в то же время не возражая против войны, Линкольн отправил экспедицию, для того чтобы поставить Конфедерацию перед выбором: мир или война. Такую точку зрения см.: *Randall J. G. Lincoln the Liberal Statesman. NY, 1947. P. 88—117; Potter D. M. Why the Republicans Rejected Both Compromise and Secession // The Crisis of the Union, 1860—1861. Baton Rouge, 1965. P. 90—106.* 3) Линкольн был бы счастлив сохранить мир, но, возможно, ждал, что конфедераты откроют огонь — в любом случае он не оставался внакладе. Такое предположение поддерживают многие историки, и наиболее ярко: *Stampp K. M. Lincoln and the Strategy of Defence in the Crisis of 1861 // The Crisis of the Union, 1860—1861; Current R. N. Lincoln and the First Shot... P. 182—208.* Разница между второй и третьей точками зрения трудноуловима, поэтому все зависит от степени проникновения в замыслы Линкольна, понимания того, чего он желал или ожидал от конфедератов. Хотя он никогда открыто не выражал свои мысли по этому поводу, Линкольн разочаровался в перспективах «добровольной реорганизации Юга», и у него было достаточно причин считать, что артиллерия Конфедерации откроет огонь по мирному транспорту. Таким образом, третья точка зрения кажется наиболее взвешенной.

6 апреля Линкольн послал специального курьера в Чарлстон, чтобы известить губернатора Пикенса о «попытке доставить продовольствие в форт Самтер. Если такой акции не будет оказано сопротивления, то не пойдет и речи о высадке живой силы, доставке оружия и снаряжения без предварительного уведомления» (если не произойдет нападения на форт)⁸³. Таким образом, следующий ход был за Джефферсоном Дэвисом. Президент Конфедерации также находился под давлением необходимости «что-нибудь делать». Мечта Сьюарда о «добровольной реорганизации» была для Дэвиса мучительным кошмаром. «Дух и даже сам патриотизм населения мало-помалу испаряются вследствие бездеятельности правительства, — с сожалением констатировала газета из Мобила. — Если в самом ближайшем времени не предпринять какой-нибудь шаг... то вся страна будет настолько жестоко разочарована в фальшивой независимости Юга, что люди воспользуются первыми же всеобщими выборами, чтобы низвергнуть все наше движение». Другие выразители мнения Алабамы соглашались, что война будет самым лучшим способом «избежать бедствия реорганизации»: «Южная Каролина обладает достаточными ресурсами для того, чтобы избавить нас от этой реорганизации, захватив Самтер любой ценой... Господин президент, сэр, если вы не принесете кровавую жертву на глазах у жителей Алабамы, они менее чем через десять дней вернутся в старый Союз!»⁸⁴

Даже при условии консолидации действий всех семи штатов Нижнего Юга, без помощи Верхнего Юга будущее Конфедерации было крайне сомнительным. После переговоров с виргинскими сецессионистами «пламенный оратор» Луис Уигфолл призывал к немедленному нападению на форт Самтер, чтобы прекратить существование «старого Союза». Горячие головы Эдмунд Раффин и Роджер Прайор, раздраженные приверженностью Союзу их родной Виргинии, присоединились к этому призыву. «Кровопролитие, — писал Раффин, — приведет к тому, что многие избиратели в колеблющихся штатах превратятся из покорных или опасливых обывателей в ревностных сторонников немедленного отделения». Если вы хотите, чтобы мы присоединились к вам, говорил чарлстонцам Прайор, то «нанесите удар». *Charleston Mercury* очень хотела этого: «Пограничные штаты

83 CWL. IV. P. 323.

84 Газеты Мобила цит. по: *Current R. N. Lincoln and the First Shot...* P. 134; *Current R. N. The Confederates and the First Shot // CWH.* 7. 1961. P. 365; *Neuins A. War...* I. P. 68.

никогда не присоединятся к нам, пока мы не продемонстрируем освободительную силу, пока мы не покажем, что гарнизон из семидесяти человек не способен удерживать закрытыми ворота нашей торговли... Будем же готовы к войне... Судьба Конфедерации Юга находится на фалах флага форта Самтер»⁸⁵.

Таким образом, на предложенный Линкольном выбор между войной и миром Джефферсон Дэвис четко ответил: «Война!» На судьбоносном заседании кабинета министров в Монтгомери 9 апреля был одобрен приказ Дэвиса Борегару вынудить форт сдаться по возможности до прибытия деблокирующего флота. Андерсон отверг ритуальные требования Борегара о сдаче форта, но попутно заметил, что через несколько дней гарнизон начнет голодать, если помощь не подоспеет. Конфедераты уже знали о том, что помощь вот-вот придет, поэтому 12 апреля в 4.30 утра они открыли огонь по форту. Корабли Фокса, рассеянные штормом и неспособные из-за сильных волн высадить десант, не могли вмешаться в происходящее⁸⁶. После тридцати трех часов интенсивной бомбардировки форта, после произведенных четырех тысяч выстрелов, уничтоживших часть стен форта и вызвавших пожар во внутренних помещениях, измученный гарнизон Андерсона сдался. Защитники форта могли действовать только одним орудийным расчетом (при том, что в их распоряжении имелось 48 пушек), поэтому они ответили тысячей довольно безуспешных выстрелов. 14 апреля звездно-полосатый американский флаг, реявший над фортом, был спущен и на его место поднялся звездно-полосатый флаг Конфедерации⁸⁷.

Новость об этом вызвала сильное возбуждение на Севере. Линкольн выпустил прокламацию, в которой 75 тысяч ополченцев призывались на военную службу, чтобы в течение девяти дней подавить мятеж, «оказавшийся слишком жизнеспособным, чтобы его можно было

85 *Current R. N. Lincoln and the First Shot... P. 151, 139; Scarborough W. K. The Diary of Edmund Ruffin. Vol. I: Toward Independence, October 1856—April 1861. Baton Rouge, 1972. P. 542; Charleston Mercury. 1861. Jan. 24.*

86 Фоксу также препятствовало отсутствие флагмана флота. «Поухатан», самый мощный корабль из тех, которые были в наличии, в результате трагикомической неразберихи, за которую в равной мере были ответственны Сьюард и Линкольн, был послан в экспедицию к форту Пикенс.

87 До 1 мая 1863 г. флаг Конфедерации представлял собой три равные горизонтальные полосы (красная — белая — красная) с синим квадратом у древка, наложенным поверх двух верхних полос; на квадрате образовывали круг белые пятиконечные звезды (по числу штатов Конфедерации, в разное время от семи до тринадцати). — *Прим. пер.*

подавить обычным судебным порядком». Резонанс, произведенный этим в северных штатах, превзошел все ожидания. В каждом городе и деревне собирались провоенные митинги, на которых жители присягали флагу и клялись отомстить предателям. «Кругом волнение, — писал преподаватель Гарварда, родившийся еще во время президентства Джорджа Вашингтона. — Я никогда не представлял себе, во что может вылиться народный энтузиазм... Вся нация, мужчины, женщины, дети — все высыпали на улицы, клянясь в верности Союзу и союзному флагу». «Волна патриотизма» накатывалась с Запада и с Огайо. «Люди по-настоящему сошли с ума!»⁸⁸ В Нью-Йорке, бывшем некогда оплотом симпатий к южанам, четверть миллиона человек вышли на улицы, чтобы идти сражаться за Союз. Один торговец из Нью-Йорка 18 апреля писал: «Перемена в настроении людей потрясающая, почти волшебная». «Я с трепетом смотрю на национальное движение здесь, в Нью-Йорке, и во всех свободных штатах», — добавлял некий адвокат. «После всех наших прошлых распри это смотрится просто сверхъестественным». «Эпоха до Самтера» была прошлым веком, писала одна жительница Нью-Йорка. «Кажется, что до сегодняшнего дня мы были мертвы, что у нас не было государства»⁸⁹.

Демократы также присоединились к патриотическому потоку. Стивен Дуглас нанес произведший сильное впечатление визит в Белый дом, что стало символом единства нации, а затем отправился домой в Чикаго, где выступил перед огромной толпой: «Существует только два выбора. Каждый гражданин должен выступить на стороне Соединенных Штатов или против них. В этой войне не может быть нейтральных наблюдателей: только патриоты или изменники». Месяц спустя Дуглас скончался (вероятно, от цирроза печени), но еще целый год, если не больше, его воинственный дух вдохновлял большинство демократов. Весной 1861 года передовицы демократических газет пестрели заголовками в духе: «Пусть погибнут наши враги на поле брани!» «Необходимо забыть все обиды и переживания; только кровавая страшная месть ждет презренных изменников, навлекших ее своей неслыханной дерзостью и мятежными действиями»⁹⁰.

88 CWL. IV. P. 331—332; Life, Letters, and Journals of George Ticknor. 2 vols. Boston, 1876. II. P. 433—434; *Commager H. S. The Blue and the Gray*. 2 vols. NY, 1973. I. P. 48; Cox J. D. *War Preparations in the North // Battles and Leaders*. I. P. 86.

89 *Foner Ph. S. Business and Slavery: The New York Merchants and the Irrepressible Conflict*. Chapel Hill, 1941. P. 207; *Strong G. T. Diary*. P. 136; *Commager H. S. Op. cit.* I. P. 47.

90 *Johanssen R. W. Stephen A. Douglas*. NY, 1973. P. 868; *Northern Editorials...* P. 750, 727.

Губернаторы северных штатов просили у военного министерства увеличения квот на ополченцев. Линкольн потребовал от Индианы предоставить ему шесть полков — губернатор предложил двенадцать. Снарядив требуемые тринадцать полков, губернатор Огайо телеграфировал в Вашингтон: «Если не обуздать энтузиазм граждан, я вряд ли остановлюсь и на двадцати полках». Губернатор Массачусетса Джон Эндрю через два дня после призыва Линкольна прислал лаконичную телеграмму: «Два наших полка выступят сегодня днем: один двинется на Вашингтон, другой — на Форт-Монро. Третий полк будет отправлен завтра, а четвертый — ближе к концу недели»⁹¹. Стало ясно: чтобы собрать всю готовую пролиться кровь, потребуется емкость большая, чем пресловутый «наперсток хозяйки».

91 *Sterling R. E. Civil War Draft Resistance in the Middle West (diss.)*. 1974. P. 15—16; O. R. Ser. 3. Vol. 1. P. 79.

9.

На распутье: дилемма Верхнего Юга

I

Начавшаяся у форта Самтер война поставила штаты Верхнего Юга перед проблемой принятия решения. Их выбор мог определить судьбу Конфедерации. В этих восьми штатах было сосредоточено большинство ресурсов южан для ведения войны: больше половины общего населения, две трети белого населения, три четверти промышленных мощностей, половина лошадей и мулов, три пятых поголовья домашнего скота и продовольственных культур. Плюс ко всему многие видные военные и потенциальные военачальники были выходцами из этих штатов: Роберт Ли, Томас Джексон, Джозеф Джонстон, Джеймс Стюарт родились в Виргинии, Дэниел Хилл — в Северной Каролине, Альберт Сидни Джонстон и Джон Белл Худ — в Кентукки, Натан Бедфорд Форрест — в Теннесси.

Ответ Верхнего Юга на требование Линкольна от 15 апреля о предоставлении ополчения выглядел многообещающим для Конфедерации. Губернатор Кентукки телеграфировал в Вашингтон, что штат «не будет формировать войска для безбожного завоевания братских Южных Штатов». Теннесси «не выставит ни единого человека для того, чтобы участвовать в насилии, — заявил его губернатор, — но в случае необходимости снарядит 50-тысячную армию для защиты наших прав и прав наших южных собратьев». Губернатор Миссури, сецессионист, бросил вызов президенту Линкольну: «Ваше требова-

ние незаконно, неконституционно, революционно и антигуманно... Штат Миссури не пошлет ни единого человека для участия в этом нечестивом походе». Губернаторы Виргинии, Северной Каролины и Арканзаса ответили сходным образом, а Мэриленда и Делавэра хранили зловещее молчание¹.

Упоминание «наших прав» и «южных собратьев» позволяет предположить мотивы, подтолкнувшие четыре из восьми штатов присоединиться к Конфедерации, а в трех оставшихся образоваться весомому меньшинству сторонников отделения. «Мы должны определить себя как северян или как южан», — писал представитель Виргинии², тогда как два бывших юниониста из Северной Каролины выражали взгляды большинства своих коллег: «Разделение должно пройти точно по границе распространения рабства. Юг штата должен присоединиться к Конфедерации... Своя рубаха ближе к телу»³. Газеты Арканзаса и Теннесси заявили, что «единство целей и общность интересов всех рабовладельческих штатов должны и смогут объединить их». При выборе между «подчинением» и защитой «чести... свободы... прав» решение должно быть столь же очевидным, сколь и закон всемирного тяготения⁴.

В глазах южных юнионистов в начале этой трагичной войны виноват был прежде всего Линкольн. То, что президент в своей прокламации о созыве ополчения от 15 апреля назвал необходимой мерой для «защиты чести, целостности и самого существования нашего Союза», к югу от Потомака было интерпретировано как антиконституционное насилие над суверенными штатами. «Союзные настроения в Северной Каролине были популярны и только набирали силу, пока Линкольн не растоптал нас, — писал один разочарованный юнионист. — Более эффективной политики по уничтожению Союза нельзя было и придумать... Мне не остается иного выбора, кроме как воевать за или против моей родины... Линкольн превратил нас в боевую единицу, которая будет сопротивляться, пока не изгонит врага или не погибнет». Джон Белл, бывший в 1860 году кандидатом в президенты от партии конституционных юнионистов, на которого

1 O.R. Series III. Vol. I. P. 70, 72, 76, 81, 83.

2 Цит. по: Reynolds D. E. Editors Make War: Southern Newspapers in the Secession Crisis. Nashville, 1970. P. 196.

3 Цит. по: North Carolina Civil War Documentary. Chapel Hill, 1980. P. 21; Raleigh Register. 1861. May 10.

4 Southern Editorials on Secession. Washington, 1931. P. 511, 514; Reynolds D. E. Editors Make War. P. 195—196.

ориентировались многие умеренные деятели Верхнего Юга, 23 апреля в Нашвилле объявил о своей поддержке «объединенного Юга» в «не вызванной необходимостью, агрессивной, жестокой, несправедливой войне, навязанной нам» мобилизацией ополчения по приказу Линкольна⁵.

Такие объяснения перехода на сторону сепаратистов, безусловно, были искренними, однако в осуждении Линкольна усматривается и некий корыстный интерес. Утверждение о том, что причиной отделения штатов Верхнего Юга был именно призыв президента к мобилизации, обманчиво. Как только 12 апреля телеграф разнес вести об обстреле Самтера и его сдаче на следующий день, огромные толпы высыпали на улицы Ричмонда, Роли, Нашвилла и других городов Верхнего Юга, чтобы отпраздновать победу над янки. Толпы эти размахивали флагами Конфедерации и славили правое дело независимости Юга. Раздавались требования, чтобы и их штаты присоединились к уже отделившимся. Множество таких демонстраций прошли именно с 12 по 14 апреля, то есть прежде, чем Линкольн объявил мобилизацию. Многих «условных» юнионистов захватила волна южного национализма, а остальные были вынуждены молчать.

Известие о падении Самтера достигло Ричмонда к вечеру 13 апреля. Ликующая процессия прошествовала к зданию legislatures штата, где артиллерийская батарея дала сто залпов салюта «в честь победы». Толпа спустила американский флаг с крыши здания и водрузила туда знамя Конфедерации. Все «совершенно обезумели от счастья; я никогда еще не был свидетелем подобного воодушевления, — писал очевидец событий. — Все поддерживают отделение». Жители Уилмингтона (Северная Каролина) отреагировали на известия из Самтера с «неистовым ликованием», покрыли стены общественных учреждений флагами Конфедерации и устроили салют. В Голдсборо (Северная Каролина) корреспондент лондонской *Times* наблюдал «возбужденную толпу с красными лицами и безумными глазами, оглушительно скандировавшую здравицы „Джеффу Дэвису“ и „Южной Конфедерации“, причем крики даже заглушали нестройное исполнение „Диксиленда“ другими толпами». Эти стихийные проявления не просто были защитной реакцией на агрессию северян — скорее их отличал характер

5 The Correspondence of Jonathan Worth. 2 vols. Raleigh, 1909. I. P. 143, 150—151; Henry J. M. Revolution in Tennessee, February 1861 to June 1861 // Tennessee Historical Quarterly. 1959. 18. P. 115; Campbell M. E. R. The Attitude of Tennesseans toward the Union, 1847—1861. NY, 1961. P. 194.

праздника, радостного единения с южными собратьями, одержавшими победу над «черными республиканцами-янки»⁶.

Виргинский конвент поспешил собраться для того, чтобы принять ордонанс о выходе штата, однако недостаточно быстро, чтобы опередить спонтанно собравшийся в другом зале Ричмонда «Добровольный конвент за права Юга». Страсти бушевали на улицах и в обоих залах заседаний. Толпы угрожали применить силу к делегатам-юнионистам, прибывшим из районов к западу от Аллеганских гор. 17 апреля бывший губернатор штата Генри Уайз воодушевил официальный конвент зажигательной речью. Он объявил, что виргинская милиция в этот самый момент захватывает федеральный арсенал в Харперс-Ферри и готовится к захвату казенного военно-морского судоремонтного завода в Госпорте близ Норфолка. В такой момент ни один истинный виргинец не имел права колебаться: конвент принял ордонанс о выходе из Союза 88 голосами против 55⁷.

Хотя заявление Уайза было, скажем так, несколько преждевременным, он все же знал, о чем говорил: он сам планировал возглавить экспедицию в Харперс-Ферри. Ярый сецессионист, выглядевший из-за длинных светлых волос и морщинистого лица старше своих пятидесяти четырех лет, Уайз был губернатором штата во время рейда Джона Брауна на Харперс-Ферри. Возможно, именно эти события заставили Уайза задуматься о важности оружейного производства на этом заводе, одном из двух, находившихся в собственности правительства Соединенных Штатов (другой был в Спрингфилде, штат Массачусетс). Не посоветовавшись с действующим губернатором Виргинии Джоном Летчером, которого он подозревал в равнодушном отношении к сецессии, 16 апреля Уайз встретился с офицерами ополчения, чтобы направить их соединения к Харперс-Ферри и Норфолку. Летчер задним числом одобрил эти шаги. 18 апреля, всего через день после принятия ордонанса, несколько отрядов милиции приблизились к Харперс-Ферри, охраняемому лишь 47 солдатами американской регулярной армии. Солдаты подожгли цеха, чтобы предотвратить захват необходимых для производства оружия агрегатов, и бежали. Виргинцы ворвались внутрь и спасли большинство

6 Письмо Дж. Бомэна цит. по: *Shanks H. T. The Secession Movement in Virginia, 1847—1861. Richmond, 1934. P. 268n; Sitterson J. C. The Secession Movement in North Carolina. Chapel Hill, 1939. P. 239; Russell W. H. My Diary North and South. NY, 1954. P. 52.*

7 Некоторые делегаты, которые проголосовали против или просто отсутствовали, впоследствии отдали свои голоса «за», поэтому конечный расклад был 103 против 46.

станков, впоследствии перевезенных ими в Ричмонд, где на них вскоре начали выпускать оружие для Конфедерации.

Завод в Госпорте — главная военно-морская база страны с крупнейшими кораблестроительными и судоремонтными цехами — стал еще более важным трофеем. Из 1200 орудий и десяти кораблей, находившихся там в апреле 1861 года, множество пушек и четыре военных судна были оснащены современным оборудованием и находились в рабочем состоянии, включая мощный сорокапушечный паровой фрегат «Мерримак». Большинство рабочих и морских офицеров на заводе были южанами, присоединившимися впоследствии к армии Конфедерации. Командующим над восемью сотнями матросов и морских пехотинцев, расквартированных при заводе, был коммодор Чарльз Макколи — любивший промочить горло 68-летний ветеран, ходивший по морям еще до рождения Авраама Линкольна и Джефферсона Дэвиса. Макколи, как выяснилось, оказался неподходящей фигурой, чтобы действительно сопротивляться нескольким тысячам виргинских ополченцев, собиравшимся прибрать к рукам этот завод. Как раз накануне прибытия на двух военных кораблях подкреплений из Вашингтона Макколи распорядился сжечь все постройки на территории завода, привести в негодность пушки и открыть кингстоны на судах. Эти предприятия не были доведены до конца: сухой док, артиллерийский склад и некоторые другие помещения поджечь не удалось; большинство пушек поддавались ремонту, а потому вскоре отправились в форты Конфедерации; остов же «Мерримака» остался неповрежденным, и впоследствии корабль удалось восстановить и превратить в знаменитый броненосец флота конфедератов под названием «Виргиния».

Все эти события произошли еще до официального выхода Виргинии из состава Союза, так как ордонанс о сецессии не имел силу закона до его ратификации на референдуме 23 мая. Но настроения граждан штата предопределили ход событий. Виргиния фактически стала членом Конфедерации уже 17 апреля. Через неделю губернатор Летчер и конвент заключили военный альянс с Конфедерацией, по которому войска южан могли войти в штат и поставить виргинские полки под контроль армии Конфедерации. 27 апреля конвент направил правительству Конфедерации официальное предложение перенести постоянную столицу государства в Ричмонд. 21 мая Конгресс южан, утомленный плохими бытовыми условиями в вечно переполненном народом Монтгомери, а также стремившийся закрепить лояльность Виргинии, принял это предложение.

Когда 23 мая виргинцы пришли на избирательные участки, им осталось только одобрить свершившийся факт, что и было сделано 128 884 голосами против 32 134.

Виргиния обеспечила Конфедерацию ценными ресурсами. Штат был самым густонаселенным на Юге, а промышленные мощности практически сопоставимыми с теми, которыми располагали все семь первых штатов Конфедерации вместе взятые. Железодобывательный завод в Ричмонде был единственным предприятием на Юге, способным выпускать тяжелые артиллерийские орудия. Великое прошлое Виргинии в лице Вашингтона, Джефферсона и Мэдисона снискало ей блестящую репутацию, которая, как ожидалось, поможет привлечь и остальные штаты Верхнего Юга под знамена Конфедерации. И, как показали дальнейшие события, едва ли не самым значительным вкладом Виргинии в дело независимости Юга был Роберт Ли.

В 1861 году Ли было 54 года, он был сыном героя Войны за независимость, потомком одной из «первых семей Виргинии». Джентльмен до мозга костей, он не имел никаких видимых недостатков, за исключением чрезмерной сдержанности, да и то, если сокрытие чувств за постоянной маской собственного достоинства может считаться недостатком. Закончив в 1829 году Вест-Пойнт вторым в выпуске, Ли сделал карьеру в армии Соединенных Штатов. Выдающийся послужной список Ли во время американо-мексиканской войны, его опыт военного инженера и кавалерийского офицера, а также старшего инспектора Вест-Пойнта позволили 16 марта 1861 года произвести его в полковники. Главнокомандующий Уинфилд Скотт считал Ли лучшим офицером армии. В апреле Скотт посоветовал Линкольну предложить Ли командование вновь набранной армией Союза. Будучи земляком Ли, Скотт рассчитывал, что тот окажется лояльным армии, которой он посвятил всю свою жизнь. Ли был открытым противником рабства, которое в 1856 году называл «нравственным и политическим злом». До дня выхода Виргинии из Союза он также выступал и против сецессии. «Создатели нашей Конституции вложили в нее неизмеримые труд, мудрость и терпение, — писал он в январе 1861 года. — Вряд ли она задумывалась для того, чтобы любой член [Союза] мог нарушить ее по своей прихоти... таким образом, все разговоры о сецессии беспочвенны»⁸.

8 Rhodes J. F. History of the United States from the Compromise of 1850... 7 vols. NY, 1893—1906. III. P. 299; Nevins A. War... I. P. 109.

Все изменилось после выбора, сделанного Виргинией. «Я должен выступить вместе со своим штатом или против него», — говорил Ли своему другу-северянину. Его выбор был предопределен родиной и кровными узами: «Я не могу поднять руку на свою родину, домашний очаг, детей». В тот же самый день, когда Ли узнал о выходе Виргинии (18 апреля), он получил и предложение принять командование силами Союза. Он ответил своему другу генералу Скотту, что с сожалением вынужден не только отклонить это предложение, но и выйти в отставку со службы. «Если бы не необходимость выступить в защиту своего родного штата, — писал Ли, — я бы никогда больше не доставал шпагу из ножен». Опечаленный Скотт ответил: «Вы совершили самую большую ошибку в своей жизни, и я боялся, что именно так вы и поступите». Пять дней спустя Ли принял командование вооруженными формированиями Виргинии, а через три недели после этого стал бригадным генералом армии Конфедерации. Большинство офицеров из штатов Верхнего Юга приняли такое же решение, причем одни без всяких колебаний, другие — одолеваемые дурными предчувствиями, которые сам Ли выразил в письме от 5 мая: «Я предвижу, что страна наша пройдет через тягчайшее испытание, которое, возможно, явится необходимым искуплением наших общих грехов»⁹.

Однако немало офицеров-южан, подобно Скотту, остались верны государству, а не родному штату. Некоторые из них сыграли ключевые роли в победе единства над сепаратизмом: виргинец Джордж Томас, спасший союзную Камберлендскую армию в битве при Чикамоге и разбивший Теннессиюскую армию конфедератов при Нашвилле; теннессиец Дэвид Фарагут, захвативший Новый Орлеан и «наплевавший на мины» в битве в заливе Мобил; северокаролинец Джон Гиббон, ставший одним из лучших дивизионных командиров Потомакской армии, в то время как три его брата сражались на стороне южан. И наоборот, некоторые офицеры, родившиеся в северных штатах, но женившиеся на южанках, предпочли защищать родину своих жен и сделали карьеру на Юге: уроженец Нью-Джерси Сэмюэл Купер, женившийся на виргинке и ставший генерал-адъютантом армии Конфедерации; пенсильванец Джон Пембертон (жена которого также была уроженкой Виргинии), достигший поста командующего Миссисипской армией и сдавшийся вместе с ней под Виксбергом Гранту;

9 Ibid. P. 107; *Freeman D. S. R. E. Lee: A Biography*. 4 vols. NY, 1934—1935. I. P. 437, 441.

родившийся в Пенсильвании Джошуа Горгас, взявший в жены дочь губернатора Алабамы и ставший начальником артиллерии южан, на каковом посту он проявлял чудеса импровизации и проводил политику индустриализации, чтобы не оставить армию Конфедерации без оружия и амуниции.

II

Пример Виргинии — и Роберта Ли — оказал мощное воздействие на остальные регионы Верхнего Юга. Следующим отделился Арканзас. Конвент этого штата закончил свою работу в марте, не придя к окончательному решению — делегаты решили собраться вновь в экстренном случае. Экстренным случаем стала объявленная Линкольном мобилизация, и конвент начал свою новую сессию 6 мая. Еще до того, как делегаты съехались в Литтл-Рок, губернатор штата, сторонник сецессии Генри Ректор фактически присоединил свой штат к Конфедерации, захватив федеральные арсеналы в Форт-Смите и Литтл-Роке и позволив конфедератам развернуть свою артиллерию на господствующей над Миссисипи высоте близ Хелины. Конвент начал свою работу в атмосфере эмоционального подъема; галереи были забиты зрителями, размахивавшими флагами Конфедерации. Спустя буквально несколько минут родился декрет о сецессии штата. Предложение вынести этот вопрос на референдум (сделанное юнионистами) было отвергнуто 55 голосами против 15 (большинство из этих 15 делегатов происходили с плато Озарк на северо-западе Арканзаса, где рабов практически не было). После отклонения этого предложения конвент принял ордонанс о сецессии 65 голосами против 5¹⁰.

В течение мая от Союза отпали также Северная Каролина и Теннесси. Еще до созыва специальной сессии легислатуры губернатор Северной Каролины приказал милиции штата захватить три федеральных форта на побережье и арсенал в Фейетвилле. Легислатура собралась 1 мая и назначила на 13 мая выборы в конвент, который должен был, в свою очередь, собраться через неделю, 20 мая. В течение этих приготовлений все жители, даже те, кто проживал в ранее юнионистских горных районах, казалось, поддерживали сецессию. «Этот фурор, эта моральная эпидемия охватили штат словно буря, перед которой оказалось бессильным все население», — писал

10 Четыре юниониста впоследствии провели «работу над ошибками», поэтому окончательный результат был 69 против 1.

очевидец¹¹. Предварительное голосование по процедурному вопросу показало, что умеренные находятся в меньшинстве, и 20 мая делегаты конвента единогласно проголосовали за отделение Северной Каролины. Между тем легислатура Теннесси вообще обошлась без конвента, приняв «декларацию независимости» и выставив ее на референдум, запланированный на 8 июня. Теннессийцы повторили маневр виргинцев, также заключив военный союз с Конфедерацией и разрешив войскам последней войти на территорию штата за несколько недель до проведения референдума, на котором 104 913 человек высказались за сецессию и 47 238 — против. Что любопытно, избиратели из гористых районов восточного Теннесси составили 70% тех, кто голосовал против сецессии.

Хотя речи политиков и передовицы газет Верхнего Юга пестрели упоминаниями о правах, свободах, суверенитете штатов, чести, необходимости сопротивляться насилию и объединиться с южными собратьями, такая риторика не могла затушевать фундаментальную проблему рабства. Таблица показывает соотношение между рабовладельцами и сторонниками сецессии в конвентах Виргинии и Теннесси¹².

	Среднее количество рабов у делегатов		Делегатов из округов с долей рабов в населении менее 25%		Делегатов из округов с долей рабов в населении более 25%	
	Виргиния	Теннесси	Виргиния	Теннесси	Виргиния	Теннесси
Голосовавших за сецессию	11,5	6,5	34	30	53	23
Голосовавших против сецессии	4	2	39	20	13	2

Народное голосование на референдумах, посвященных вопросу о сецессии, иллюстрировало все происходящее еще более наглядно. Избиратели из 35 округов Виргинии, где проживало лишь 2,5% рабов, противостояли сецессии в соотношении 3 к 1, тогда как избиратели из прочих округов, где рабы составляли 36% насе-

11 Sitterson J. C. Secession Movement in North Carolina. P. 241.

12 Данные для этой таблицы взяты из: Wooster R. A. The Secession Conventions of the South. Princeton, 1962. P. 151, 153, 183, 185.

ния, поддерживали отделение в соотношении большем, чем 10 к 1. В 30 округах Теннесси, отвергнувших сецессию соотношением большим, чем 2 к 1, рабами было лишь 8% населения, тогда как в остальном штате (с 30%-ной долей невольников) соотношение голосовавших за и против сецессии было 7 к 1. Подобное, хотя и не такое вопиющее, соотношение существовало и в Арканзасе и в Северной Каролине, где умеренные делегаты владели практически вдвое меньшим числом рабов, чем «ура-сецессионисты»¹³.

Nashville Patriot в своем номере от 24 апреля 1861 года без всякой иронии писала о том, что «общность интересов, существующая во всех рабовладельческих штатах», является причиной того, что эти штаты должны объединиться для защиты «справедливости и свободы»¹⁴. Верхний Юг, как и Нижний, вступил в войну, чтобы защитить право белого человека владеть рабами и заполнять ими новые территории так, как он сочтет нужным, чтобы «черные республиканцы», угрожавшие лишить его этих свобод, не смогли его поработить.

III

В четырех пограничных штатах соотношение рабов и рабовладельцев не составляло и половины того, которое отмечалось в одиннадцати отделившихся штатах, однако триумф юнионизма здесь отнюдь не был предрешен, а исход борьбы — за исключением событий в Делавэре — очевиден. В Мэриленде, Кентукки и Миссури действовали довольно крупные и решительно настроенные группы сецессионистов. Любой, даже незначительный поворот в цепочке событий мог привести к тому, что эта фракция взяла бы верх в каком-то из штатов. В этом противоборстве многое было поставлено на карту: три из этих штатов могли добавить 45% белого населения (и, как следствие, живой силы) Конфедерации, 80% промышленного потенциала и почти 40% поголовья лошадей и мулов. На протяжении без малого пятисот миль река Огайо течет по северной границе Кентукки, представляя собой заградительный барьер или превосходную дорогу для вторжения — в зависимости от того, какая из сторон установит над ней контроль и выстроит укрепления. Два из судоходных притоков Огайо, Камберленд и Теннесси, текут через Кентукки

13 Ibid. P. 200, 265.

14 Southern Editorials on Secession. P. 510—511.

из глубины Теннесси и Алабамы. Неудивительно, если Линкольн действительно сказал, что для удержания преимущества на своей стороне он обязан овладеть Кентукки.

Установление контроля над Мэрилендом было и вовсе безотлагательным делом, так как Вашингтон с трех сторон окружен территорией этого штата (с четвертой стороны к нему примыкала территория Виргинии), и его верность Союзу могла предопределить судьбу столицы в самом начале войны. Как и Нижний Юг, Мэриленд на президентских выборах голосовал за Брекинриджа. В легислатуре большинство составляли демократы — сторонники прав Юга, и только упорный отказ губернатора Томаса Хикса (юниониста) созывать легислатуру предотвращал решительные действия этого органа. В округах южной части Мэриленда, где раскинулись плантации табака, и восточного побережья Чесапикского залива преобладали сторонники сецессии, а земледельческие округа севера и запада штата оставались верными Союзу. Однако лояльность Балтимора, где проживала треть населения штата, вызывала сомнения. Юнионизм мэра города был весьма условным, а начальник полиции открыто симпатизировал южанам. В течение нескольких напряженных дней после падения Самтера флаги Конфедерации появлялись на многих жилых домах и общественных учреждениях. Традиционная роль балтиморских уличных шаек создавала крайне нестабильную ситуацию. Достаточно было одной искры, чтобы все вспыхнуло, и такой искрой стали события, произошедшие в городе 19 апреля.

В этот день в Балтимор, держа курс на Вашингтон, вошел 6-й Массачусетский полк — первое полностью оснащенное соединение, набранное по призыву Линкольна. Через город не проходили железнодорожные пути, поэтому полк вынужден был сойти с поезда в восточном пригороде Балтимора и пересечь город, чтобы сесть в другой поезд на столицу. На пути следования солдат собралась толпа, становившаяся все более и более агрессивной. Мятельники, вооруженные кирпичами, булыжниками и револьверами, напали на отставшие подразделения полка. Несколько разозленных и испуганных солдат открыли огонь. Это буквально привело толпу в бешенство. К моменту, когда массачусетцы пробили себе дорогу к станции и погрузились в эшелон, четыре солдата и двенадцать жителей Балтимора были мертвы, а несколько десятков — ранены. Это были первые из более чем 700 тысяч жертв четырехлетней войны.

Мэриленд был охвачен возбуждением. Вспышка насилия была почти неизбежна. Хуже всего, что солдаты, убившие жителей Балти-

мора, происходили из самого «черного» из всех штатов «черных республиканцев». Для предотвращения появления в Балтиморе других полков северян, мэр и начальник полиции, слолив сопротивление Хикса, отдали приказ о разрушении мостов на железнодорожных линиях, ведущих к Филадельфии и Гаррисбергу. Сецессионистам также удалось нарушить телеграфную связь Вашингтона, идущую через Мэриленд, и столица государства оказалась отрезанной от Севера. В течение нескольких дней единственным видом информации, циркулировавшей в Вашингтоне, были слухи, раздутые до чудовищных размеров. Согласно им, виргинские полки, объединившись с мэрилендскими сепаратистами, направлялись к столице. Вашингтон охватил страх оказаться в осаде — группы жителей и правительственных чиновников объединялись в добровольческие отряды. По приказу генерала Скотта эти отряды забаррикадировали мешками с песком общественные здания и готовились использовать внушительное здание казначейства как крепость для обороны до последнего патрона.

Мало-помалу до столицы стали доходить и вести о единомышленном порыве Севера и формировании новых полков, полных решимости прорваться через Мэриленд любой ценой. Однако слухи о готовящейся атаке виргинцев казались более реалистическими, нежели надежда на спасение с Севера. Линкольн печально смотрел на север из окон Белого дома и шептал: «Почему же они не подходят?» 24 апреля он посетил офицеров и раненых солдат 6-го Массачусетского полка: «Я не верю, что северяне рядом, — мрачно сказал президент. — 7-й [Нью-Йоркский] полк — это миф. Мы больше не знаем о существовании Род-Айленда. Единственно реально существующие северяне — это вы»¹⁵.

Однако уже на следующий день в Вашингтон на всех парах ворвался воинский эшелон, неся в своих вагонах знаменитый 7-й Нью-Йоркский полк, после чего новые поезда доставили полки новобранцев из северо-восточных штатов. Они прибыли кружным путем через Аннаполис под командованием Бенджамина Батлера, который тем самым добился одного из самых больших военных успехов в своей противоречивой карьере. Талантливый адвокат и проницательный политик, чей выпирающий живот, лысеющая голова, вислые усы и постоянно подмигивающий левый глаз были под стать его переменчивой личности, Батлер был демократом из Массачусетса,

15 Lincoln/Hay. P. 11.

перешедшим на сторону республиканцев. Губернатор Эндрю не без опасений назначил его бригадным генералом ополченцев, мобилизованных по приказу Линкольна. 6-й Массачусетский полк был первым соединением в этой бригаде, отправившимся в Вашингтон. Когда Батлер, следуя с 8-м Массачусетским полком, узнал о мятеже в Балтиморе и о сожжении мостов, он принял решение высадить этот полк на берегу Чесапикского залива, после чего экспроприировал пароход и занял Аннаполис с моря. В составе 8-го Массачусетского полка оказались несколько железнодорожных рабочих и механиков. Обнаружив, что мятежники уничтожили пути и вывели из строя подвижной состав на участке от Аннаполиса до Вашингтона, Батлер стал искать добровольцев, которые бы смогли отремонтировать брошенный и ржавеющий локомотив, найденный им на станции. Выступивший из строя рядовой ответил, что паровоз этот был изготовлен в его мастерской, поэтому он берется исправить неполадки¹⁶. Войска Батлера и 7-й Нью-Йоркский полк восстановили путь, по которому в Вашингтон прибыли тысячи солдат с Севера, показав полезнейший для будущего пример строительства железных дорог для военных нужд.

Хотя ситуация в Балтиморе и оставалась напряженной, движение союзных войск по железным дорогам Мэриленда и введение 13 мая в городе военного положения приглушили выступления сторонников сецессии. Тем не менее губернатор Хикс уступил требованиям созвать заседание легислатуры. Линкольн собирался послать войска для ареста лидеров сепаратистов, однако передумал. К удивлению президента, громкие речи так и остались речами. Нижняя палата осудила войну, которую «федеральное правительство объявило конфедеративным штатам», и провозгласила «твердое намерение Мэриленда не участвовать, прямо или косвенно, в этой войне». В то же время легислатура отказалась рассматривать вопрос о сецессии или созывать конвент для решения этого вопроса. В сущности, члены легислатуры вняли совету губернатора Хикса «соблюдать нейтралитет в борьбе наших южных и северных братьев»¹⁷.

«Нейтралитет» как способ избежать мучительного выбора был в первые недели после захвата Самтера весьма популярным лозунгом в пограничных штатах. Однако в условиях стратегического положе-

16 Nevins A. War... I. P. 85.

17 CWL. IV. P. 344; Sprague D. Freedom Under Lincoln. Boston, 1965. P. 31—32; Rhodes J. F. History of the U.S. III. P. 275—276.

ния Мэриленда и нахождения на его территории (или проездом через нее) тысяч солдат армии северян нейтралитет вскоре превратился в несбыточную мечту. Также возобладала и традиционная лояльность жителей Мэриленда к Союзу. Экономическое благополучие Мэриленда зависело от железной дороги и водных путей, связывавших штат с Севером. Глава железной дороги «Балтимор — Огайо» Джон Гарретт был стойким юнионистом и предоставил ресурсы своей компании для перевозки войск и боеприпасов с запада. Кандидаты юнионистов завоевали все шесть мест на дополнительных выборах в Конгресс, прошедших 13 июня. К этому сроку штат также снарядил четыре союзных полка. Те жители штата, которые хотели сражаться на стороне Конфедерации, вынуждены были отправиться в Виргинию и сформировать мэрилендские полки на ее территории.

Официальные лица Союза, тем не менее, продолжали испытывать беспокойство по поводу подпольной сепаратистской деятельности в Балтиморе. Армейские офицеры продемонстрировали слишком сильное служебное рвение, арестовав несколько предполагаемых сторонников сецессии и заключив их в форт Макгенри. Один из арестованных оказался внуком Фрэнсиса Скотта Ки, написавшего текст государственного гимна «Усеянное звездами знамя» еще полвека назад, когда флот обстреливала английская артиллерия. Другим был Джон Мерримен, богатый землевладелец и лейтенант кавалерийского отряда сецессионистов, участвовавшего в сожжении мостов и повреждении телеграфной линии во время апрельских волнений. Адвокат Мерримена подал прошение в федеральный окружной суд Балтимора о выдаче приказа о *habeas corpus*. Старшим судьей данного суда был не кто иной, как Роджер Тони¹⁸, который 26 мая выдал приказ, предписывающий командиру форта Макгенри доставить Мерримена в суд и представить обоснование его ареста. Командир форта отказался, сославшись на приостановку 27 апреля Линкольном действия *habeas corpus* в отношении Мэриленда.

Это противостояние стало первым в ряду нескольких нагумевших дел о нарушении гражданских свобод в ходе войны. Статья I, раздел IX Конституции гласит, что «действие привилегии приказа *habeas corpus* не должно приостанавливаться, если только того не потребует общественная безопасность в случаях восстания или вторжения».

18 Федеральная судебная система в те годы была организована так, что каждый из девяти судей Верховного суда исполнял также обязанности председателя окружного суда.

В определении суда от 28 мая Тони отрицал право президента приостанавливать действие этой привилегии. Положение, узаконивающее приостановление такого права, отмечал он, появляется в той части Конституции, где говорится о полномочиях Конгресса, — следовательно, только Конгресс может осуществить такой шаг. Кроме того, продолжал Тони, Конституция не позволяет арест гражданских лиц армейскими офицерами без санкции гражданского суда, равно как и не разрешает держать гражданское лицо в заключении в течение неопределенного времени, не выдвигая ему обвинение¹⁹.

Республиканская пресса осудила определение Тони как очередной образчик софистики защитников рабства. Линкольн отказался подчиниться этому решению. Несколько сообразительных специалистов по конституционному праву поспешили заявить в печати о поддержке позиции Линкольна. По их мнению, ссылка на местонахождение положения о *habeas corpus* в Конституции не является доказательной; приостановление этого права было вызвано чрезвычайными полномочиями, использованными в результате мятежа; президент является единственным лицом, которое может быстро принять решение в чрезвычайной ситуации, особенно когда Конгресс еще не собрался на свою сессию. Важнейшей задачей, которую решала приостановка права на *habeas corpus*, сделали вывод эти ученые юристы, была возможность брать изменников под армейскую стражу в ситуации, когда гражданские и судебные власти симпатизируют южанам, как это было в Балтиморе²⁰.

В своем послании специальной сессии Конгресса 4 июля 1861 года Линкольн уделил особое внимание «делу Мерримена». Президент видел свой первостепенный долг в подавлении мятежа, чтобы законы Соединенных Штатов соблюдались и на Юге. Его решение стало грозным оружием против мятежников. «Могут ли не исполняться все законы, кроме одного [*habeas corpus*], — риторически спрашивал президент, — и должно ли государство рухнуть, лишь бы этот закон соблюдался?»²¹ Трудно сказать, чьи доводы — Тони или Линкольна — были логичнее, но первый не командовал войсками и не мог подкрепить ими силу своих аргументов, а второй мог. Через семь

19 Ex parte Merryman. 17 Fed. Cas. P. 144.

20 Opinion of Attorney General Bates. 1861. July 5 // O. R. Ser. II. Vol. 2. P. 20—30; Johnson R. Power of the President to Suspend the Habeas Corpus Writ. NY, 1861; Binney H. The Privilege of the Writ of Habeas Corpus under the Constitution. Philadelphia, 1862.

21 CWL. IV. P. 430.

недель Мерримен был освобожден из форта Макгенри и ему было предъявлено официальное обвинение в окружном суде Соединенных Штатов, но до процесса дело так и не дошло, поскольку правительство понимало, что коллегия присяжных Мэриленда никогда не признает его виновным.

Пока в судах ломались копы, военные арестовали начальника полиции Балтимора, четырех полицейских комиссаров и несколько видных горожан, обвинив их в участии в беспорядках 19 апреля и предполагаемой подрывной деятельности. Дальше — больше. После победы конфедератов в битве при Манассасе 21 июля сторонники сецессии в Мэриленде снова подняли голову. Специальное августовское заседание легислатуры штата с пафосом осудило «великую узурпацию, несправедливое, тираническое поведение президента Соединенных Штатов»²². К моменту следующего чрезвычайного заседания, назначенного на 17 сентября, администрацию серьезно встревожили сообщения о возможности одновременного вторжения в Мэриленд конфедератов, восстания в Балтиморе и принятия акта о сецессии легислатурой штата. Союзные войска вошли во Фредерик (где заседала легислатура) и арестовали 31 сецессиониста вместе с большим числом предполагаемых соучастников, включая мэра Балтимора Джорджа Брауна. Все они были отправлены в тюрьму по меньшей мере на два месяца — до ноябрьских выборов в новую легислатуру.

Не вызвало удивления, что эти выборы принесли убедительную победу юнионистской партии. После выборов узники, считавшиеся менее опасными, были выпущены на свободу при условии принесения клятвы верности Соединенным Штатам. Большинство прочих были выпущены в феврале 1862 года на тех же условиях. Наиболее упорные оставались под стражей, пока в декабре 1862 года правительство не освободило всех политзаключенных в Мэриленде. Хотя Линкольн и оправдывал их долгое заключение «вещественными и безошибочными доказательствами» их «действенного и не подлежащего сомнению участия в вооруженном мятеже», правительство так и не предало огласке эти самые доказательства и не возбудило процесс против кого-либо из заключенных. Некоторые из них (возможно, и мэр Браун) были виновны в несколько больших грехах, чем сочувствие южанам или недостаток юнионизма, но, так или иначе,

22 *Baker J. H. The Politics of Continuity: Maryland Political Parties from 1858 to 1870. Baltimore, 1973. P. 58.*

они стали жертвами охоты на ведьм, которая всегда начинается во время войны, в особенности гражданской²³.

В тысяче миль к западу от Мэриленда разворачивались столь же драматические, но куда более кровавые события, ознаменовавшие борьбу за удержание в составе Союза Миссури. Колоритные персонажи придали этой борьбе, пожалуй, даже больший трагизм, чем требовала ситуация. На одном полюсе находился губернатор штата Клэйборн Фокс Джексон, демократ и сторонник рабства, а также бывший вожак «пограничных головорезов». На другом — конгрессмен Фрэнсис Блэр-младший, имевший значительные связи в Вашингтоне в лице брата, генерального почтмейстера в администрации Линкольна, и отца, бывшего советником президента. Блэр использовал свое влияние для назначения капитана Натаниэла Лайона командиром подразделения, охранявшего казенный арсенал в Сент-Луисе (крупнейший арсенал в рабовладельческих штатах), где хранились 60 тысяч ружей и другое снаряжение. Янки из Коннектикута, фрисойлер, армейский ветеран с двадцатилетним стажем — Лайон, чьи ярко-голубые глаза в сочетании с рыжей бородой и командным голосом с успехом компенсировали его невысокий рост, обладал незаурядными лидерскими качествами и умел воодушевлять подчиненных. Он проходил службу в Канзасе как раз тогда, когда Клэйборн Фокс Джексон возглавлял шайку наемников рабовладельцев из Миссури. В 1861 году Лев и Лиса вновь встретились на поле брани во время конфликта, превзошедшего масштабы басни Эзопа.

В своей инаугурационной речи при вступлении в должность губернатора 5 января 1861 года Джексон обратился к миссурийцам: «Общее происхождение, стремления, вкусы, манеры и обычаи... связывают воедино братство южных штатов... [Миссури должен] своевременно заявить о своей решимости идти бок о бок с братскими рабовладельческими штатами»²⁴. Вице-губернатор, спикер палаты представителей штата и большинство доминировавших в легислатуре членов Демократической партии стояли на тех же позициях, поэтому они были весьма разочарованы тем, что члены конвента, избранного для официального объявления о сецессии, разделяли юнионистские взгляды. Однако после захвата Самтера Джексон предпринял ре-

23 CWL. IV. 523; *Sprague D. Freedom under Lincoln...* Ch. 16—18; *Clark Ch. B. Suppression and Control of Maryland, 1861—1865 // Maryland Magazine of History.* 1959. 54. P. 241—271.

24 *Parish W. E. Turbulent Partnership: Missouri and the Union, 1861—1865.* Columbia (Mo.), 1963. P. 6—7.

шительные шаги для присоединения Миссури к Конфедерации. Он установил контроль над полицией Сент-Луиса и мобилизовал милицию штата, состоявшую в основном из сторонников южан, которая вскоре захватила небольшой государственный арсенал в Либерти близ Канзас-Сити. 17 апреля, в тот же день, когда губернатор с презрением отверг призыв Линкольна о мобилизации, он послал письмо Джефферсону Дэвису с просьбой предоставить артиллерию для захвата сент-луисского арсенала. 8 мая несколько больших ящиков, на которых было написано «мрамор», но которые в действительности заключали в себе четыре орудия и боеприпасы, прибыли из Батон-Ружа — из федерального арсенала, захваченного и в этом городе. Орудия эти вскоре появились в роще на окраине Сент-Луиса, в так называемом «Лагере Джексон», где проходили обучение ополченцы-южане.

Блэр и Лайон симметрично отвечали на каждый шаг Джексона. Лайон набрал для федеральных войск несколько полков, укомплектованных немецкими иммигрантами — оплотом юнионизма в Сент-Луисе. Чтобы свести к минимуму опасность захвата излишков оружия в арсенале Лайон и Блэр договорились о тайной переправе 21 тысячи ружей через реку на территорию Иллинойса. Этот план открылся, и вечером 25 апреля у причала собралась возбужденная толпа. Лайон обманул ее, отправив несколько ящиков со старыми кремневыми мушкетами на грузовом пароходе в Иллинойс, где их будто бы ожидал капитан тамошней милиции. Толпа захватила эти ящики и с триумфом вернула их обратно в арсенал. Ночью же 21 тысяча современных ружей отправилась через Миссисипи на другом пароходе.

Лайона не устраивали рекомендуемые «условными» юнионистами сугубо оборонительные действия и попытки остудить страсти. Он задумал захватить 700 ополченцев вместе с их артиллерией в «Лагере Джексон». 9 мая он лично отправился на разведку, проехав через лагерь в коляске, одетый в платье и шаль тещи Фрэнка Блэра. На следующий день он окружил «Лагерь Джексон» четырьмя «немецкими» полками и двумя ротами регулярной армии. Ополченцы сдались без единого выстрела — стрельба началась позже. Когда Лайон конвоировал пленных по улицам города, вдоль дороги собралась неорганизованная толпа, вскоре выросшая до угрожающих размеров. С криками «К черту немцев!» и «Да здравствует Джефф Дэвис!» толпа начала забрасывать немецких солдат обломками кирпичей и камня. Когда кто-то попал в офицера, солдаты начали отстреливаться.

Прежде чем их смогли остановить, двадцать восемь горожан и два солдата были убиты или оказались при смерти и гораздо большее число — ранены. Этой же ночью толпы высыпали на улицы и убили нескольких одиноких немцев. На следующий день другое столкновение унесло жизни двух солдат и четырех горожан.

Сент-Луис охватила паника, в то время как в столице штата Джефферсон-Сити воцарилась ярость. Законодательство немедленно приняла законопроект Джексона и поставила штат на грань войны. События в Сент-Луисе побудили многих «условных» юнионистов перейти на сторону сецессионистов. Наиболее видным «перебежчиком» был Стерлинг Прайс, генерал мексиканской войны и бывший губернатор штата, которого Джексон назначил командующим сочувствующим южанам ополчением. Казалось, что в Миссури разгорается гражданская война внутри самого штата. Умеренные круги предприняли последнюю попытку избежать кровопролития, созвав 11 июня конференцию, на которой одну сторону представляли Джексон и Прайс, а другую — Блэр с Лайоном (теперь уже бригадным генералом). Джексон и Прайс предложили распустить свои соединения и запретить конфедератам входить на территорию Миссури, если Блэр и Лайон, в свою очередь, поступят так же по отношению к союзным полкам. После четырехчасовых споров по этому вопросу рассерженный Лайон поднялся и заявил: «Вместо того чтобы уступить штату Миссури право хотя бы секунду диктовать моему правительству свои условия... я бы предпочел видеть вас... всех и каждого, ваших жен и детей мертвыми и преданными земле. Это означает войну»²⁵.

Слова Лайона не разошлись с делом. Через четыре дня после этой конференции он занял Джефферсон-Сити. Ополчение Прайса и законодательство покинули город, не оказав сопротивления, и отправились на пятьдесят миль вверх по течению Миссури в Бунвилл. Лайон неутомимо преследовал их и 17 июня выбил из этого города после короткой перестрелки, в результате которой было несколько жертв. Разбитый отряд Прайса к началу июля отступил на юго-запад штата, причем юнионисты следовали за ним по пятам. Лайон стал первым военным героем северян. Практически не получая поддержки извне, он укомплектовал, оснастил и обучил целую армию, победил в первом важном боевом столкновении войны и установил контроль над большей частью штата Миссури.

25 *Snead T. L. The Fight for Missouri from the Election of Lincoln to the Death of Lyon. NY, 1886. P. 199—200.*

Однако тем самым он разворошил осиное гнездо. Хотя партизанские отряды в любом случае вторглись бы на территорию Миссури, четкое размежевание штата на два лагеря, вызванное действиями Лайона и Блэра, способствовало превращению крупных территорий в ничейные земли, на которых совершались набеги, поджоги, внезапные нападения и, конечно же, убийства. Вожаки партизан-конфедератов Уильям Куонтрилл, «Кровавый Билл» Андерсон и Джордж Тодд приобрели известность бандитов с большой дороги. Их последователи Джесси и Фрэнк Джеймсы, Коул и Джим Ягеры снискали после войны даже большую славу. Карательные отряды северян-джейхокеров, особенно канзасцев, возглавляемые Джеймсом Лэйном, Чарльзом Дженнисоном и Джеймсом Монттомери, отвечали мятежникам аналогичными неджентльменскими приемами. Миссури больше, чем любой другой штат, пострадал от ужасов междоусобной войны и взаимной ненависти, укоренившейся еще на десятки лет после Аппоматтокса²⁶.

Несмотря на все стычки, политический контроль северян над большей частью территории штата сохранился, причем сложилась уникальная ситуация. Губернатор и большинство членов легислатуры бежали. Единственным органом просоюзной власти с некоторой видимостью суверенитета оставался конвент штата, прекративший свою работу еще в марте после отклонения решения о сецессии. Поэтому 22 июля достаточное для кворума число членов конвента собралось вновь, назвало себя временным правительством Миссури, объявило все государственные должности вакантными, а легислатуру — несуществующей и избрало нового губернатора и прочих должностных лиц. Прозванный «Долгий конвент» (по аналогии с «Долгим парламентом» времен гражданской войны в Англии), этот орган управлял Миссури вплоть до января 1865 года, когда ему на смену пришло правительство, избранное в рамках новой конституции свободного штата.

Тем временем Клэйборн Джексон созвал легислатуру из сторонников южан в городе Неошо около границы с Арканзасом. Кворума не было, но это не помешало 3 ноября 1861 года принять декрет о сецессии. 28 ноября Конгресс в Ричмонде принял Миссури в состав Конфедерации двенадцатым штатом. Хотя Миссури послал сенаторов и представителей в Ричмонд, вскоре после объявления

26 9 апреля 1865 года при Аппоматтоксе капитулировала армия генерала Ли. — Прим. пер.

о сессии правительство конфедератов было вынуждено покинуть территорию штата и вплоть до окончания войны действовало как правительство в изгнании.

Почти три четверти белых жителей Миссури и две трети Мэриленда из числа принимавших участие в войне сражались на стороне Союза. В Кентукки разделение было более ровным — по меньшей мере две пятых белых солдат этого штата носили серую форму. В Кентукки родились как Авраам Линкольн, так и Джефферсон Дэвис. Штат являлся наследником идеологии национализма, провозглашенной Генри Клэем, и был тесно связан с Югом родственными и культурными узами, гранича с тремя рабовладельческими и тремя свободными штатами. Именно из-за географического положения и менталитета жители Кентукки столь неохотно выбирали, чью сторону принять. Через месяц после призыва Линкольна к мобилизации легислатура штата постановила, что «штат и его жители не собираются принимать участие в Гражданской войне [и будут] придерживаться строгого нейтралитета»²⁷.

Кентуккийцы гордились своей исторической ролью посредников между Югом и Севером. Генри Клэй трижды предлагал свои знаменитые компромиссы: в 1820, 1833 и 1850 годах. В 1861 году наследник Клэя Джон Криттенден попытался предложить четвертый компромисс. Еще в мае 1861 года кентуккийские юнионисты верили, что компромисс Криттендена является наилучшим шансом на спасение Союза. Губернатор Берая Магоффин обратился к своим коллегам из трех штатов Среднего Запада на северной границе Кентукки с предложением созвать конференцию, призванную выработать механизмы посредничества между воюющими сторонами. Он также послал своих представителей в Теннесси и Миссури с тем же предложением. По мнению Магоффина, если бы шесть этих штатов выступили единым фронтом, это могло бы побудить Север и Юг к мирным переговорам. Однако республиканские губернаторы, занятые подготовкой своих штатов к войне, не хотели иметь ничего общего с этой идеей, а Теннесси вскоре официально присоединился к Конфедерации. На конференцию пограничных штатов, состоявшуюся 8 июня в Франкфорте, собрались лишь представители Кентукки и Миссури. Приняв никем не замеченные резолюции, конференция прекратила работу.

27 *Harrison L. The Civil War and Kentucky. Lexington, 1975. P. 9.*

Теоретически нейтралитет мало чем отличался от сецессии. «Нейтралитет!! — воскликнул один кентуккийский юнионист в мае 1861 года. — Но, господин президент, это не что иное, как объявление о суверенитете штата, это именно тот принцип, на основании которого Союз покинули Южная Каролина и прочие штаты!» На словах Линкольн согласился с этим, но на деле он, как и другие юнионисты-прагматики, понимал, что нейтралитет — это лучшее, на что правительство могло рассчитывать в данное время. Альтернативой было только фактическое отделение. В течение нескольких недель после сдачи форта Самтер демократы — сторонники Брекинриджа бомбардировали штат риторикой, касавшейся прав Юга, солидарности с братскими штатами и тому подобных материй. Тысячи жителей Кентукки отправились на Юг, чтобы присоединиться к армии Конфедерации. Хотя губернатор Магоффин формально и ответил отказом на призыв к мобилизации со стороны Джефферсона Дэвиса (как и на призыв Линкольна), в душе он поддерживал южан и тайно позволил их вербовщикам действовать на территории Кентукки. Даже некоторые кентуккийские юнионисты заявляли, что, если солдаты-северяне устроят насилие на Юге, «Кентукки немедленно достанет меч из ножен во имя того, что станет для нас общим делом». Обеспокоенный судьбой хрупкого равновесия в своем родном штате, 26 апреля Линкольн заверил юниониста из Кентукки Гарретта Дэвиса, что, хотя «он обладает неоспоримым правом вводить войска Соединенных Штатов на территорию любого штата», у него в настоящий момент нет намерения поступить так в отношении Кентукки. Если этот штат «не будет демонстрировать силу в отношении Соединенных Штатов, президент не будет вмешиваться в его дела»²⁸.

Линкольн сдержал свое обещание, разрешив даже интенсивную торговлю с Конфедерацией через территорию Кентукки. Лошади, мулы, продовольствие, кожи, соль и другие военные припасы, включая даже обмундирование, поступали в Теннесси через Кентукки. Многие янки осуждали такую торговлю (в то время как другие подсчитывали свои барыши). Губернаторы штатов Северо-Запада при поддержке армии вскоре стали задерживать большинство грузов, отправив в патрулирование вооруженные пароходы и расставив артиллерийские батареи вдоль реки Огайо. Однако луйсвиллская и нашвиллская железные дороги продолжали везти провиант из Кентукки на склады

28 Coulter M. E. *The Civil War and Readjustment in Kentucky*. Chapel Hill, 1926. P. 92, 44; CG, 37 Cong., 2 Sess. Appendix. P. 82—83.

Теннесси. Даже когда Линкольн объявил блокаду побережья Конфедерации, он не осмелился объявить сухопутную блокаду Кентукки, ибо это могло нарушить «нейтралитет» штата. Линкольн не выпускал указ, запрещающий всякую торговлю с Конфедерацией, до 16 августа, когда выборы в легислатуру штата подтвердили контроль юнионистов над Кентукки. Этот указ не смог полностью прекратить торговлю, но, по крайней мере, сделал ее нелегальной и загнал в подполье²⁹.

Терпение Линкольна по отношению к Кентукки воздалось ему сторицей. Юнионисты там стали выступать более открыто, а выжидавшие развития событий склонились на сторону Союза. Возникли «отряды самообороны», состоявшие из юнионистов, которые могли противостоять сочувствующей рабовладельцам милиции штата, собранной губернатором Магоффином. Агенты Союза тайно переправили 5000 ружей из Цинциннати через реку, чтобы вооружить эти отряды. Уроженец Кентукки Роберт Андерсон, герой форта Самтер, открыл вербовочные лагеря для добровольцев из Кентукки на правом берегу Огайо в ответ на появление таких же лагерей на границе Теннесси. На дополнительных выборах 20 июня юнионисты набрали более 70% голосов и получили пять из шести мест Кентукки в Конгрессе³⁰. Это голосование не в полной мере отражает мнение прорабовладельчески настроенных избирателей, многие из которых отказались принять участие в выборах, проводимых под эгидой отвергнутого ими правительства. Как бы то ни было, 5 августа прошли очередные выборы в легислатуру штата, принесшие юнионистам еще более решительную победу: в палате представителей штата юнионисты получили большинство из 76 делегатов против 24, в сенате — из 27 против 11.

Эти выборы ознаменовали собой начало конца нейтралитета Кентукки. Военные приготовления вдоль границ штата вскоре выну-

29 Coulter M. E. Op. cit. P. 73; CWL. IV. P. 486—487. Указ Линкольна претворял в жизнь закон от 3 июля 1861 г., запрещающий торговлю со штатами Конфедерации.

30 В большинстве штатов выборы в Конгресс проводились осенью четного года, как они проходят и в наши дни. Но так как конгрессмен, избранный таким образом, может занять свое место в Конгрессе лишь тринадцать месяцев спустя, в некоторых штатах, включая Мэриленд и Кентукки, выборы в Конгресс проходили по нечетным годам, когда Конгресс, собственно, и собирался. Так как Линкольн созвал специальную сессию Конгресса на 4 июля 1861 г., в Мэриленде и Кентукки дополнительные выборы должны были пройти в июне, и это случайное обстоятельство дало юнионистам обоих штатов возможность продемонстрировать свою силу и укрепить контроль над штатами.

дили новую легислатуру провозгласить лояльность Союзу. Несколько полков северян были расквартированы в Кейро (Иллинойс), стоящем у места слияния Огайо и Миссисипи. Равные по численности войска Конфедерации заняли северо-западную часть Теннесси и стояли менее чем в пятидесяти милях от северян. Ключом к контролю над Миссисипи был высокий утес близ железнодорожной станции Колумбус (Кентукки). Оба командующих противоборствующими силами поглядывали на Колумбус, и каждый из них опасался (и справедливо), что его оппонент намерен захватить и укрепить эту высоту.

Конфедератами командовал рослый, с военной выправкой, закончивший Вест-Пойнт в числе лучших кадетов отпрыск прославленной южной фамилии Леонидас Полк. В 1827 году он вышел в отставку, принял духовный сан и через какое-то время стал епископом англиканской церкви. Когда грянул 1861 год, он сменил церковную одежду на мундир генерал-майора. Будучи офицером с превосходной репутацией, Полк, тем не менее, не оправдал возлагавшихся на него ожиданий и погиб в одном из сражений. Северяне же находились под началом сутулого, с абсолютно мирной внешностью, неродовитого Улисса Гранта, закончившего к тому же Вест-Пойнт одним из последних в своем выпуске. В 1854 году он с позором был изгнан из армии за пьянство, после чего не преуспел и в гражданских делах. В 1861 году он предложил свои услуги союзной армии. «Я чувствую себя в силах принять командование полком», — скромно сообщил Грант в своем письме от 24 мая 1861 года на имя генерал-адъютанта армии Союза, на которое не получил ответа³¹. Чин полковника и последующее производство в бригадные генералы Грант получил усилиями конгрессмена от своего избирательного округа и губернатора Иллинойса, которые буквально «скребли по сусекам», пытаясь найти офицеров для организации беспорядочной массы иллинойских добровольцев. Поначалу не имевший никакой репутации и перспектив, Грант получит чин генерал-лейтенанта, станет командующим всей армией Союза, а затем и президентом Соединенных Штатов.

Первым шаг по захвату Колумбуса сделал Полк. 3 сентября его войска вторглись на территорию Кентукки и оккупировали город. Грант ответил оккупацией Падьюки и Смитленда в устьях стратегически важных рек Теннесси и Камберленд. В Кентукки вторглись обе стороны, однако, сделав это первыми, конфедераты получили клеймо «агрессоров». Юнионизм легислатуры штата перестал быть

31 Personal Memoirs of U. S. Grant. 2 vols. NY, 1885. I. P. 239.

индифферентным и превратился в воинственный. 18 сентября над зданием легислатуры взвился флаг Союза, а ее члены соотношением 3 к 1 приняли постановление, что штат Кентукки был «захвачен силами так называемых Конфедеративных Штатов... и захватчики должны быть изгнаны»³². Губернатор Магоффин и сенатор Брекинридж подали в отставку и связали свою судьбу с Конфедерацией. За ними последовали и некоторые другие кентуккийцы. 18 ноября конвент, состоявший из двухсот делегатов, принял ордонанс о сецессии и сформировал временное правительство, которое признал Конгресс в Ричмонде, 10 декабря принявший Кентукки в состав Конфедерации тринадцатым штатом. К концу года 35-тысячная армия конфедератов заняла юго-западную часть Кентукки, где им противостояли 50 тысяч федералов, контролировавших остальную часть штата.

Война наконец пришла в Кентукки. В этом штате она, более чем в каком-либо другом, могла по праву называться братоубийственной. Четыре внука Генри Клэя сражались на стороне Конфедерации, три других — на стороне Союза. Один из сыновей сенатора Джона Криттендена стал генералом армии северян, а его брат имел то же звание в южной армии. Даже у жены президента Соединенных Штатов, родившейся в Кентукки, на стороне Конфедерации воевали четыре брата и три зятя; один из них в чине капитана погиб при Батон-Руж, а другой, генерал, был убит при Чикамоге. Кентуккийские полки сражались друг против друга в нескольких битвах, а в сражении при Атланте кентуккиец Брекинридж, воевавший на стороне янки, взял в плен своего брата-сепаратиста.

IV

Приверженность юнионизму четвертого пограничного штата, крошечного Делавэра, даже не обсуждалась. По всем показателям Делавэр мог считаться свободным штатом: рабами были меньше 2% его населения, а свыше 90% чернокожих жителей штата были свободными. В январе 1861 года легислатура Делавэра выразила «безусловное неодобрение» сецессии, и этот вопрос больше никогда не поднимался. Немногочисленные рабовладельцы и симпатизировавшие Конфедерации граждане проживали в основном в южных округах штата, граничащих с восточным побережьем Мэриленда³³.

32 Smith E. C. The Borderland in the Civil War. NY, 1927. P. 301.

33 Hancock H. Civil War comes to Delaware // CWH. 1956. 2. P. 29—56.

В каждом из четырех отделившихся штатов Верхнего Юга были крупные регионы, где приверженность рабству и Конфедерации не была столь сильной: западная часть Виргинии, запад Северной Каролины, восток Теннесси и северные округа Арканзаса. Экономика и общественный уклад двух таких гористых районов настолько сильно отличался от быта остальных, что во время войны в них развернулось настоящее движение за отделение от штата. Западной Виргинии удалось отпасть от Конфедерации и вернуться в лоно Союза, подобная же попытка в Теннесси провалилась, что породило горькое разочарование, ощущавшееся еще долгое время после войны.

К 1860 году в тридцати пяти округах Виргинии к западу от долины реки Шенандоа и к северу от реки Канова проживала четверть белого населения штата. В этих узких долинах и на крутых горных склонах рабы и рабовладельцы были редкостью. Культура и экономика региона были ориентированы скорее на близлежащие Огайо и Пенсильванию, чем на более отдаленные виргинские равнины. Крупнейший город, Уилинг, был расположен лишь в 60 милях от Питтсбурга и в 330 — от Ричмонда. В течение долгих лет простолюдины-горцы, слабо представленные в законодательстве, где господствовали рабовладельцы, копили обиды на «прибрежных аристократов», управлявших штатом. Налог на рабов взимался с суммы, составлявшей менее трети их рыночной стоимости, тогда как прочие товары облагались налогом с полной стоимости. Львиная доля «внутренних усовершенствований» штата приходилась на восточные округа, тогда как просьбы северо-запада о новых дорогах (обычных и железных) оставались гласом вопиющего в пустыне. Как писала газета из Кларксберга зимой 1860—1861 года (в разгар сецессии), «Западная Виргиния пострадала от своих восточных братьев больше... чем „хлопковые штаты” вместе взятые пострадали от Севера»³⁴.

События 1861 года обострили давно вынашиваемое западными округами стремление выделиться в самостоятельный штат. Только пятеро из 31 делегата, представлявшего запад Виргинии, голосовали за ордонанс о сецессии 17 апреля. Избиратели этого региона отвергли отделение от Союза в соотношении 3 к 1. Массовые митинги юнионистов в конечном итоге вылились в созыв конвента в Уилинге 11 июня. Главным на этом конвенте был вопрос, предпринимать ли

34 Smith E. C. Borderland in the Civil War. P. 105.

немедленные шаги к образованию независимого штата Западная Виргиния или подождать развития событий. Главным препятствием для сторонников решительных действий была статья IV, раздел 3 Конституции Соединенных Штатов, где для образования нового штата на территории уже существующего требовалось согласие законодательного собрания. Конфедеративная легислатура Виргинии, разумеется, никогда бы не согласилась на такое образование, поэтому конвент в Уилинге сформировал свое собственное «восстановленное правительство» в Виргинии. Назвав легислатуру конфедератов в Ричмонде незаконной, конвент объявил все государственные должности вакантными и 20 июня назначил новых официальных лиц во главе с губернатором Фрэнсисом Пьерпойнтом. Линкольн признал администрацию Пьерпойнта как правительство Виргинии де-юре. «Охвостье» легислатуры штата, теоретически представлявшее всю Виргинию, но на практике лишь ее северо-западные округа, избрало двух сенаторов в Сенат США, которые заняли свои места 13 июля 1861 года. Также три конгрессмена с запада Виргинии вошли в состав Палаты представителей.

Второе заседание конвента в Уилинге в августе 1861 года ознаменовали долгие дебаты между сепаратистами и консерваторами. Последние никак не могли смириться с тем, что легислатура, представлявшая, по сути, лишь одну пятую всех округов Виргинии, может действовать от лица всего штата. Однако в конце концов 20 августа конвент принял «ордонанс об отделении», который подлежал ратификации на референдуме, назначенном на 24 октября 1861 года, на котором избирателям предлагалось также избрать делегатов на конституционный конвент по образованию нового штата Канова. Все эти события происходили на фоне военных операций, в ходе которых войска Союза вторглись в западную Виргинию и нанесли поражение меньшей по численности армии Конфедерации. Случившееся стало решающим фактором победы сторонников образования нового штата: без присутствия победоносных войск северян новый штат Западная Виргиния появиться не мог.

Войска Союза двинулись в Западную Виргинию как по стратегическим, так и по политическим мотивам. Через этот регион и вдоль его границ на протяжении двухсот миль проходила железная дорога Балтимор — Огайо и текла река Огайо. Эта железная дорога была самым коротким путем, связывавшим Вашингтон и Средний Запад, поэтому она могла сыграть важную роль в материальном обеспечении войск. В мае 1861 года конфедераты уже перерезали

железную дорогу в Харперс-Ферри, а милиция мятежников на северо-западе Виргинии заняла линию в Графтоне и сожгла мосты к западу от этого города. Юнионисты из Западной Виргинии обратились в Вашингтон за военной помощью, но генерал Скотт, бросивший все силы на оборону столицы, мало что мог сделать. На выручку соседям пришел губернатор Огайо Уильям Деннисон. Подобно большинству штатов Союза, в Огайо было сформировано больше полков, чем требовала прокламация Линкольна от 15 апреля. К тому же Деннисону повезло заручиться поддержкой Джорджа Макклеллана, Уильяма Роузкранса и Джейкоба Кокса — все они стали впоследствии видными командирами северян. Макклеллан и Роузкранс были среди лучших выпускников Вест-Пойнта, преуспевшими к тому же после успешной армейской карьеры в бизнесе и инженерном деле. Кокс был выпускником Оберлин-колледжа, блестящим адвокатом, основателем Республиканской партии в Огайо и бригадным генералом ополчения штата. Эти три человека сформировали полки по приказу губернатора Деннисона и его столь же энергичного коллеги, губернатора Индианы Оливера Мортонна. Приняв командование над этими соединениями, Макклеллан 26 мая послал их авангард через реку Огайо для соединения с двумя полками виргинских юнионистов.

Их первоначальной целью был захват железнодорожного узла в Графтоне, в шестидесяти милях от Уилинга. Полковник, командовавший конфедератами в Графтоне, отвел свой уступавший северянам в численности отряд в Филиппы, лежавшие в пятнадцати милях к югу. 3000 федеральных бойцов, отслуживших всего чуть больше месяца, прошли форсированным маршем под дождем по разбитой дороге в темпе, который сделал бы честь и бывалым солдатам. Хотя задуманное взятие противника, насчитывавшего 1500 солдат, в клещи у Филипп 3 июня потерпело неудачу, мятежники бежали двадцать миль на юг (к Беверли) с такой прытью, что северная пресса саркастически назвала это событие «Скачками в Филиппах».

21 июня Макклеллан прибыл в Графтон, чтобы лично принять руководство кампанией. 34 лет от роду, обаятельный, с хорошими манерами, большими способностями и еще большим самомнением, Макклеллан вел себя во время западновиргинской кампании в наполеоновской манере, что, впрочем, выразалось в написании приказов и прокламаций, а отнюдь не в управлении войсками во время сражений. «Солдаты! — обращался он к своим войскам в Графтоне. — Мне говорили, что здесь опасно. Я прибыл сюда, чтобы поддержать

нас и разделить опасность с вами. Но сейчас я боюсь только одного — что вы не найдете здесь врага, достойного ваших клинков»³⁵.

Роберт Ли также надеялся, что солдаты Макклеллана встретят достойного противника. Но в распоряжении Ли, действовавшего в Ричмонде в качестве командующего вооруженными силами Виргинии, было немного людей и еще меньше оружия, чтобы пожертвовать частью их ради далекой Западной Виргинии. Ему, однако, удалось собрать несколько тысяч новобранцев и послать их в Беверли под командованием Роберта Гарнетта. С 4500 солдатами, «при самых ужасных условиях в отношении оружия, одежды, укомплектования и дисциплины», Гарнетт укрепил стратегические пункты, через которые проходили главные пути из долины Шенандоа в Уилинг и Паркерсберг³⁶.

К концу июня в распоряжении Макклеллана, находившегося в той части Виргинии, которая лежала к западу от Аллеганских гор, было 20 тысяч человек, пять или шесть тысяч из которых охраняли железную дорогу Балтимор — Огайо, движение по которой до Вашингтона было вновь открыто. Макклеллан послал еще 2500 солдат под началом Джейкоба Кокса по течению Кановы к Чарлстону. С оставшимися 12 тысячами Макклеллан намеревался окружить и заманить в ловушку небольшую армию Гарнетта. Оставив четыре тысячи человек выполнять отвлекающий маневр около Лорел-Маунтин, Макклеллан отправился с тремя бригадами совершать нападение на Рич-Маунтин в восьми милях к югу. Вместо того чтобы взять окопы конфедератов приступом, Макклеллан согласился с планом Роузкранса произвести фланговую атаку силами его бригады, в то время как сам Макклеллан с двумя другими бригадами должен был развить успех Роузкранса. Проведенные местным юнионистом по узкой горной тропе огайские и индианские полки Роузкранса 11 июля смяли фланг мятежников, убив, ранив или захватив в плен 170 из 1300 конфедератов, потеряв при этом 60 человек. Введенный в заблуждение звуками, доносившимися сквозь рощу, Макклеллан испугался, что маневр Роузкранса не удался, и не решился начать свою атаку, позволив тем самым большинству мятежников отступить. Джейкоб Кокс, описывая позже эту кампанию, заметил, что в Западной Виргинии Макклеллан «выказал те же самые качества, которые стали хорошо известны позже. Среди них была и переоценка врага,

35 O. R. Ser. I. Vol. 2. P. 197.

36 Ibid. P. 236.

и неверная интерпретация картины и звуков сражения, и нерешительность при вводе в бой основных своих сил, в то время как его подчиненные уже вступили в сражение»³⁷.

Несмотря на робость Макклеллана, атака Роузкранса привела к беспорядочному отступлению южан. Впоследствии пятьсот из них удалось захватить в плен, а основные силы Гарнетта, обнаружив северян у себя в тылу близ Лорел-Маунтин, бежали по бездорожью в северном и восточном направлении. Соединения Союза преследовали их и 13 июля напали на арьергард Гарнетта у Коррикс-Форд, причем сам Гарнетт погиб, став, таким образом, первым генералом, павшим на поле боя Гражданской войны. Хотя большинство мятежников спаслись, в результате этой кампании северо-запад Виргинии был очищен от организованных сил южан. Северная пресса преподнесла это как грандиозный успех. Макклеллан не постеснялся приписать победу себе. 16 июля он выпустил новую прокламацию, подхваченную прессой, уже называвшей его «молодым Наполеоном»: «Солдаты Западной Армии!.. Вы уничтожили две армии врага... Вы захватили пять орудий, двенадцать знамен, пятнадцать сотен боекомплектов и тысячу пленных... Солдаты! Я уверен в вас и полагаю, что вы теперь также уверены во мне»³⁸.

Победы Макклеллана позволили конвенту в Уилинге вновь собраться в августе и принять ордонанс об образовании независимого штата. Однако еще до референдума 24 октября конфедераты предприняли решительные действия по отвоеванию Западной Виргинии. К августу им удалось сосредоточить 20-тысячную группировку в регионе к западу от Аллеганских гор, впервые за всю войну превзойдя армию Союза в численности. Впрочем, большинство солдат были необученными, многие из них были вооружены ненадежными и устаревшими гладкоствольными ружьями либо даже дробовиками. Добрая треть из них болела — в основном корью и свинкой, поразившими молодых фермеров, которые никогда прежде не сталкивались с этими детскими заболеваниями. Больные и здоровые, 5000 конфедератов числились в двух независимых соединениях, возглавляемых Джоном Флордом и Генри Уайзом, бывшими губернаторами Виргинии и рьяными сецессионистами, сейчас жаждавшими и воинской славы. В июле огайцы Джейкоба Кокса на пару с бригадой Уайза маневрировали, двигаясь вдоль течения реки Канова к городку

37 Cox J. D. McClellan in West Virginia // Battles and Leaders. I. P. 137.

38 O. R. Ser. I. Vol. 2. P. 236.

Уайт-Салфер-Спрингс, расположенному в сотне миль к востоку от Чарлстона. Флойд со своей бригадой присоединился к Уайзу, но оба политика от всей души ненавидели друг друга, поэтому проводили больше времени в склоках, нежели в разработке плана атаки на Кокса³⁹.

Тем временем правительство в Ричмонде поручило Роберту Ли принять командование силами Конфедерации в Западной Виргинии. Ли лично прибыл в Хантерсвилл, где 10 тысяч его промокших, больных и оголодавших солдат противостояли трем тысячам северян, окопавшимся на высоте Чит-Маунтин в нескольких милях к югу от перевала Рич-Маунтин, где в июле Роузкранс атаковал позиции мятежников. Южане возлагали на Ли большие надежды, однако на этот раз он их разочаровал. Его сложный план, включавший схождение пяти отдельных колонн в одной точке перед позициями северян, был не исполним из-за труднопроходимой местности, неопытности офицеров, усталости и болезней солдат и, конечно же, из-за погоды. Большую часть времени из 45 суток, проведенных Ли на позициях южан перед тем, как 10 сентября он решился на отход, лил дождь. Грязь заставила южан не отходить, а, скорее, отползать. После нескольких стычек, стоивших каждой из сторон менее сотни убитых и раненых, вероятность захватить противника врасплох стала ничтожной, поэтому Ли отменил наступление, назначенное на 15 сентября. Федеральные войска сохранили контроль над перевалами через Аллеганы. Перебои со снабжением заставили южан прекратить все операции в этом районе. Солдаты со свойственным им юмором передавали небылицы об издохших от истощения мулах, тянувших повозки по размытым дорогам Миссисипи и тонувших в трясине, которая доходила им до ушей. В это время Ли начал отпускать бороду, которая быстро сделалась седой.

Ли отвел большую часть своих войск на Юг, чтобы усилить бригады Флойда и Уайза, чье наступление было остановлено Роузкрансом у Карнифекс-Ферри 10 сентября. Джефферсон Дэвис в конце концов разрешил противоречия между двумя генералами-политиканами, отозвав Уайза в Ричмонд. Когда Ли прибыл в район Кановы, его войска численно превосходили федералов, но все тот же дождь, болезни и непролазная грязь вкупе с умелым командованием Роузкранса расстроили планы конфедератов заманить врага в ловушку. 6 октября Роузкранс отвел свой отряд на более удобные для обороны

39 Civil War Collection. Henry E. Huntington Library.

позиции. В конце октября Ли, не видя возможности для успешной их атаки, вернулся в Ричмонд. Вскоре он отправился в Южную Каролину для помощи прибрежным укреплениям южан, однако его репутация оказалась подмочена. В августе ричмондские газеты предвкусывали, как он отбросит янки назад в Огайо; в октябре эти же газеты насмеялись над ним, называя его «суетливый Ли» и «бегущий Ли». Язвительная *Richmond Examiner* отметила, что Ли «перехитрили, переиграли тактически и вообще превзошли в умении воевать»⁴⁰.

В течение первой половины ноября Роузкранс возобновил свое наступление. С помощью одного только маневрирования, избегая серьезных стычек, он вынудил Флойда полностью освободить территорию, которую сегодня занимает Западная Виргиния. Долина Кановы и северо-запад Виргинии после этого оставались под контролем вооруженных сил Союза, если не принимать во внимание периодические набеги мятежников и непрекращающуюся партизанскую войну. На референдуме 23 мая большая часть населения долины Кановы проголосовала за выход из Союза, и конфедеративные настроения по-прежнему были популярны в этом регионе, несмотря на то, что он стал частью нового штата Западная Виргиния. Как и в Миссури и других пограничных штатах, Западная Виргиния стала ареной внутренней борьбы, более беспощадной, чем сама Гражданская война: сосед шел на соседа, партизан против такого же партизана. Мятежные повстанцы связывали по рукам и ногам многотысячные отряды федералов, чья карательная деятельность была столь же «успешна», как и в войнах недавнего прошлого. Командир союзной пехоты Роберт Милрой с раздражением писал в октябре 1862 года: «Сейчас в Западной Виргинии под ружьем находятся свыше 40 тысяч человек... но такая большая армия бесполезна в этих условиях. Искать партизан в горах — то же самое, что иголку в стоге сена. Мы должны создать собственные повстанческие отряды, чтобы успешно противостоять партизанам мятежников»⁴¹. Милрой подкрепил слова делом и развернул такое беспощадное преследование партизан, что конфедераты даже назначили цену за его голову.

Военный контроль федералов над западом Виргинии был стабильным, что позволило провести референдум о судьбе нового штата

40 Цит. по: Lamers W. M. *The Edge of Glory: A Biography of General William S. Rosecrans*. NY, 1961. P. 42.

41 Цит. по: Curry R. O. *A House Divided: A Study of Statehood Politics and the Copperhead Movement in West Virginia*. Pittsburgh, 1964. P. 75.

в назначенный срок — 24 октября 1861 года. Избиратели подавляющим большинством голосов одобрили создание нового штата, но явка была невысока. Сторонники Конфедерации в более чем дюжине округов бойкотировали выборы. Тем не менее конституционный конвент в январе 1862 года установил границы штата, включающего пятьдесят округов, а «восстановленная легислатура штата Виргиния» 23 мая 1862 года утвердила создание нового штата Западная Виргиния. 4% населения в этом новом штате были рабами. Отдавая себе отчет в том, что республиканский Конгресс вряд ли примет в состав Союза еще один рабовладельческий штат, конституционный конвент единогласно проголосовал за постепенную эмансипацию рабов. Конгресс действительно потребовал освобождения рабов в качестве обязательного условия вступления Западной Виргинии в Союз (в законопроекте, принятом Сенатом в июле 1862 года и Палатой представителей в декабре). Западные виргинцы согласились на это условие. Новый штат вошел в состав Союза 20 июня 1863 года; согласно его конституции рабы, родившиеся после 4 июля 1863 года, объявлялись свободными, а все другие обретали свободу по достижении 25-летнего возраста.

В 1861 году республиканцы рассматривали события в Западной Виргинии как новую модель реконструкции союзной власти и в других регионах Верхнего Юга. Наиболее подходящей площадкой для этого казалась восточная часть штата Теннесси, где юнионисты в 1861 году провели два конвента: в Ноксвилле 30—31 мая и в Гринвилле 17—20 июня. Бывшие виги и демократы присматривались друг к другу, пытаясь объединить усилия против более сильного врага. Их лидерами были демократ Эндрю Джонсон и Уильям Браунлоу, бывший методистский пастор, превратившийся в воинственного редактора газеты *Knoxville Whig*, чьи гневные ругательства в адрес сецессионистов так контрастировали с его прозвищем «Пастор Браунлоу». Джонсон был единственным сенатором от отделившихся штатов, оставшимся верным Союзу. Браунлоу вывесил на доме флаг Союза и поклялся «сражаться с вождями мятежников до тех пор, пока не вымерзнет ад, а потом продолжить битву на льду». Будучи выходцами из простонародья, Джонсон и Браунлоу выражали чувства своих избирателей, не владевших рабами, по отношению к сепаратистской аристократии. «Они похваляются свалившимися на них с неба деньгами, — говорил Джонсон, — которые на самом деле не стоят и половины того, что зарабатывает честный труженик в поте лица». Браунлоу настаивал на том, что фермеры Восточного Теннесси

«никогда не смогут жить в Южной Конфедерации и выполнять черную работу для горстки богачей и властолюбивых тиранов»⁴².

Юнионисты Восточного Теннесси были практически беспомощны без военной поддержки федералов. Линкольн время от времени призывал своих генералов начать активные действия и на этом направлении, но северянам мешали расстояния, трудности с поставками и фактор Кентукки. До тех пор пока Линкольн оберегал кентуккийский юнионизм, войска северян не могли пройти через этот штат и вторгнуться в восточную часть Теннесси. Даже после входа союзных войск в Кентукки в сентябре 1861 года труднодоступная местность и трудности с проходом через Камберлендские горы значительно осложнили военные операции, особенно зимой. Если к главному театру военных действий в Западной Виргинии войска и боеприпасы перебрасывались из Огайо с помощью двух железных дорог, судоходной реки и щебеночной дороги, то к Ноксвиллу, находившемуся всего в 150 милях от баз федералов в Кентукки по другую сторону гор, никаких удобных путей не было.

Правда, в ноябре слух о приближении северян дошел до их сторонников в Восточном Теннесси. Взяв в руки оружие, контрабандой доставленное им агентами северян, они развернули активные действия: в частности, сожгли пять железнодорожных мостов и нападали из засады на дозоры конфедератов. Однако янки так и не пришли. Причиной тому был Уильям Текумсе Шерман. Командующий силами Союза в Кентукки, непостоянный в решениях Шерман еще не выработал в себе того хладнокровия, которым он отличался на позднем этапе войны. Осведомленный о скапливании сил конфедератов в центральной части Кентукки, Шерман отменил вторжение в Восточный Теннесси, которое предполагалось осуществить силами небольшой армии генерала Джорджа Томаса, стоявшего уже в сорока милях от границы этого штата. Переоценка Шерманом сил конфедератов и язвительные замечания, которые он делал репортерам, заставили враждебно настроенные газеты именовать его сумасшедшим. Администрация президента освободила его от командования и перевела на незначительный пост в Миссури. Звезда Шермана, подобно карьере Роберта Ли, грозила закатиться в момент, когда война шла всего седьмой месяц.

42 Браунлоу цит. по: Foote S. *Civil War...* I. P. 51; Patton J. W. *Unionism and Reconstruction in Tennessee, 1860—1869*. Chapel Hill, 1934. P. 57; Джонсон цит. по: McKittrick E. L. *Andrew Johnson and Reconstruction*. Chicago, 1960. P. 87.

Преемник Шермана Дон Карлос Бьюэлл с неохотой подчинился давлению администрации и приказал Томасу возобновить свое наступление. Верный Союзу виргинец, обладатель импозантной внешности, а также очень последовательный и осмотрительный в бою, Томас повел свою четырехтысячную армию по едва различимым горным тропам сквозь зимнюю непогоду. 19 января 1862 года примерно равная по численности армия конфедератов атаковала Томаса в Логанс-Кроссрудс около Милл-Спрингс (Кентукки), но получила отпор и была разгромлена в результате контратаки северян. Несмотря на эту победу, Томас не смог продвинуться дальше в условиях суровой горной зимы. С наступлением весны продвижение федералов в западных и центральных частях Теннесси приковало внимание командования к этим участкам. По иронии судьбы, пока армии северян «освобождали» находившуюся под контролем конфедератов часть Теннесси, они в то же время, к неудовольствию Линкольна, оставляли лояльные юнионистам округа на произвол судьбы.

Оставшись без помощи северян, юнионисты Восточного Теннесси поплатились за свою лояльность Союзу. После ноябрьских поджогов мостов конфедераты предприняли решительные меры: ввели военное положение, казнили пятерых поджигателей, арестовали Браунлоу и превратили его типографию в оружейную мастерскую, а также заключили под стражу сотни юнионистов, словом, репрессии приняли гораздо больший размах, чем в Мэриленде. Бесспорное драматическое дарование Браунлоу превратило его в мученика, что было нежелательно для Конфедерации — по этой причине в марте 1862 года он был освобожден и переправлен за линию фронта.

Многие жители Восточного Теннесси бежали к северянам поодиночке и группами. Даже при том что армия Союза так и не заняла Восточный Теннесси до сентября 1863 года, 30 тысяч белых жителей Теннесси (больше, чем из любого другого штата Конфедерации) сражались против Юга.

V

Поведение восьми штатов Верхнего Юга в 1861 году оказало важное, но двоякое влияние на исход войны. Можно изучать такое влияние, отмечая вероятные последствия событий, которые так и не произошли. Если бы все эти восемь штатов (или все кроме Делавэра) отделились, то Юг вполне мог рассчитывать на приобретение независимости. Если бы все восемь остались в составе Союза, то

Конфедерация, естественно, не смогла бы продержаться так долго. Как бы то ни было, человеческие ресурсы этих штатов склонили чашу весов на сторону южан. По оценкам, штаты Верхнего Юга предоставили Конфедерации 425 тысяч солдат, что составило половину от числа тех, кто сражался под ее знаменами. Эти же штаты предоставили и 235 тысяч белых и (впоследствии) 85 тысяч черных солдат в армию федералов, что составило лишь 15% от всех сражавшихся за Союз⁴³. Тем не менее способность Севера привлечь на свою сторону немалое число сторонников именно из рабовладельческих штатов была важна для поддержки военных усилий. Вряд ли можно преувеличить и стратегическую важность рек, железных дорог и гор пограничных штатов (включая Западную Виргинию). С другой стороны, партизанская война и проблемы управления крупными

43 Данные о количестве человек, служивших в обеих противоборствовавших армиях, могут быть только приблизительными и оценочными. После уничтожения и утери архивов южан в конце войны уцелели только немногие достоверные свидетельства о вербовке в армию Конфедерации. Как следствие, оценки числа сражавшихся в составе вооруженных сил Юга базируются на фрагментарных данных и колеблются в диапазоне от 600 тысяч до 1,4 миллиона человек. Наиболее полное отражение этой дискуссии см.: *Livemore Th. L. Numbers and Losses in the Civil War in America 1861—1865*. Boston, 1901. P. 1—63. Путем чрезвычайно сложных расчетов автор определил численность армии конфедератов в миллион с небольшим. Однако Ливермор был ветераном армии Севера и, естественно, был склонен преувеличивать число врагов, с которыми сражался, поэтому некоторые допущения, на которых он основывал свои расчеты, являются сомнительными. Возможно, наиболее взвешенный подход в работе *Channing E. History of the United States*. Vol. 6. *The War for Southern Independence*. NY, 1925. P. 430—444. По оценкам Ченнинга, на стороне Конфедерации сражались 800 тысяч человек. Другой уважаемый исследователь Гражданской войны отстаивает значение в 750 тысяч человек (*Long E. B. The Civil War Day by Day: An Almanac*. Garden City, NY, 1971. P. 705). Едва ли не самым точным свидетельством являются данные переписи 1890 г.: численность ветеранов-конфедератов составляла 42% от ветеранов союзной армии. Применив это соотношение к общепринятому значению в 2,1 миллиона солдат и матросов Севера, мы получим 882 тысячи солдат и матросов Юга. Это общее количество может быть больше, так как во время войны погибло больше южан, нежели северян. Оценки, данные для жителей Верхнего Юга, основаны на первичных и вторичных источниках и на экстраполяции численности белых жителей призывного возраста в этих штатах по данным переписи 1860 г.

Данные о количестве федералов, указанные в этом абзаце и во всей книге, основаны на подробных реестрах по каждому штату, ведшихся по приказу военного министерства. Такие данные в отношении белых солдат армии Союза также являются приблизительными: военное министерство вело учет призванных на службу, а их число необходимо корректировать в сторону уменьшения, чтобы избежать повторного (а иногда и тройного) учета тех, кто записывался в армию снова. Такая коррекция не требуется для чернокожих солдат, которых не брали в армию до 1862 г., поэтому их трехлетний срок службы не успевал истечь до окончания войны.

регионами, в лояльности жителей которых существовали сомнения, связывали в пограничных штатах большое количество войск северян.

Противоречивые устремления жителей Верхнего Юга препятствовали обеим сторонам определить цели войны и найти верную стратегию по их достижению. Тем не менее союзное и конфедеративное правительства, борясь за Верхний Юг, одновременно укрепляли свои вооруженные силы и решали, как правильно их использовать.

10.

Война дилетантов

I

Военная лихорадка первых месяцев после Самтера затмила взвешенные размышления о цели войны. Большинство людей с обеих сторон считали справедливость собственного дела само собой разумеющейся. Янки были убеждены в том, что сражаются за флаг и родину. «Мы должны вести войну не для того, чтобы поработить Юг... но потому, что мы *должны* ее вести, — заявляла республиканская газета из Индианаполиса. — Нашему государству брошен вызов. На него совершено нападение. Если это останется безнаказанным... то мы более не государство, а правительство наше — фикция». *Chicago Journal* объявила, что Юг «надругался над Конституцией, нарушил все законы и растоптал наш стяг, который являлся овеянным славой священным символом американской свободы». Редакторы северных демократических газет не отставали в патриотизме от своих республиканских оппонентов. «Мы родились и росли под звездно-полосатым знаменем», — писал демократ из Питтсбурга. Хотя южане вполне могли предъявлять справедливые претензии к республиканцам, «когда южанин становится врагом американской государственности... когда он стреляет по флагу... мы солидарны с тем, кто его несет, республиканец это или демократ»¹.

1 Цит. по: Northern Editorials on Secession. 2 vols. New York, 1942. P. 814, 808, 739.

Исследователи, изучившие тысячи писем и дневников солдат федеральной армии, выделяют в них похожие мотивы: «борьба за спасение лучшего государства на земле» повторяется очень часто. Солдат из Нью-Джерси писал, что это «великое сражение за Союз, Конституцию и закон»: «Нашим доблестным институтам грозит уничтожение... Мы будем нести ответственность перед Господом, если не внесем свою лепту в передачу наследия гражданских и религиозных свобод грядущим поколениям». Новобранец со Среднего Запада добровольно вступил в армию: «Мой долг перед моей страной и моими детьми — сделать все что возможно, чтобы защитить это государство, ибо я содрогаюсь при мысли о том, что ждет моих детей, если это государство падет». В 1861 году американцы чувствовали такую же ответственность перед своими предками, как и перед Богом и потомками. «Я осознаю... в каком неоплатном долгу мы перед теми, кто задолго до нас проливал кровь и испытывал лишения во время Войны за независимость, — писал рядовой из Новой Англии своей жене накануне первой битвы при Булл-Ране (Манассасе). — Я желаю, искренне желаю пожертвовать всеми радостями жизни, чтобы защитить эту страну и оплатить свой долг»².

Одним из великих качеств Линкольна как президента была его способность выражать сугубо военные цели сжатым стилем. «Наше народовластие часто называют экспериментом, — говорил он Конгрессу 4 июля 1861 года. — Наш народ уже успешно прошел два его этапа: учреждение и организация управления. Настало время успешно освоить и третий: защиту от невиданной по масштабам попытки разрушить это народовластие изнутри... Проблема выходит за рамки судьбы Соединенных Штатов. Она касается всего человечества; вопрос в том, может или нет конституционная республика или демократия... защитить свою территориальную целостность от внутреннего врага»³.

-
- 2 Wiley B. I. *Life of Billy Yank: The Common Soldier of the Union*. P. 40; солдаты из Нью-Джерси и штатов Северо-Запада цит. по: *Jimerson R. C. A People Divided: The Civil War Interpreted by Participants* (diss.). 1977. P. 38—39; слова солдата из Новой Англии цит. по: *Davis W. C. Battle at Bull Run*. Garden City, 1977. P. 91—92. Два других исследования содержат множество цитат из писем солдат, высказывавших схожие мысли: *Reid M. The Civil War Soldier: Ideology and Experience* (diss.). 1985; *Hess E. J. Liberty and Self-Control: Republican Values in the Civil War North* (diss.). 1986.
- 3 CWL. IV. P. 439, 426.

Флаг, Союз, Конституция и демократия — все это были символы или абстракции, однако их было вполне достаточно, чтобы пробудить стремление сражаться и погибать ради них. Южане также сражались за абстракции: суверенитет штата, право на отделение, Конституцию, как они понимали ее, концепцию южного «государства», отличного от американского, чьи ценности были извращены янки. Луций Квинт Цинциннат Ламар из Миссисипи сказал в июне 1861 года: «Слава Богу, у нас наконец есть страна, страна, в которой мы можем жить и за которую можем молиться, сражаться и, если потребуется, умирать». Подчинение деспотизму, — соглашались с ним ризывники из Северной Каролины и Джорджии, — означало бы «попадание в рабство и гибель». Другой северокаролинец «желал бы отдать жизнь для защиты родины и семьи»: «Лучше умереть, чем видеть, как янки распоряжаются моей страной». Его желание сбылось при Геттисберге⁴.

Хотя позже южане и возмущались, что северная пресса именуется войну мятежом, во время войны многие из них с гордостью называли себя «мятежниками». Один новоорлеанский поэт через месяц после захвата Самтера написал такие строки:

«Мятежники» — вот это славное имя
 За нашу свободу погибших отцов,
 А юность прославит делами своими
 Имя это во веки веков.

Джефферсон Дэвис неоднократно повторял, что южане сражаются за то же самое «священное право на самоуправление», за которое сражались их предки времен Войны за независимость. В своем первом после падения Самтера послании Конгрессу Дэвис делал упор на том, что Конфедерация «не стремится завоевать, присоединить или вынудить пойти на уступки те штаты, с которыми мы недавно состояли в Союзе. Все, что мы требуем, это невмешательство в наши дела»⁵.

Обе стороны были убеждены, что сражаются за сохранение республиканских свобод, однако последняя фраза Дэвиса («Все, что мы требуем, это невмешательство в наши дела») обозначала реальную

4 Ламар цит. по: *Coulter E. M. The Confederate States of America 1861—1865. Baton Rouge, 1950. P. 57*; солдаты цит. по: *Jimerson R. C. A People Divided... P. 20, 23.*
 5 *Coulter E. M. Op. cit. P. 60. Jefferson Davis: Constitutionalist; His Letters, Papers, and Speeches. 10 vols., 1923. V. P. 84.*

цель войны со стороны Конфедерации: защиту от вторжения. Считая федералистов вандалами, стремящимися разграбить Юг и освободить рабов, многие южане истово верили в то, что сражаются, чтобы защитить свой дом, очаг, жен и сестер. «Наши солдаты должны побеждать, иначе они потеряют свою собственность, страну, свободу, словом, все, — гласил дневник одного современника. — С другой стороны, враги, проиграв войну, могут отступить в свой край и по-прежнему владеть всем тем, чем владели и до войны». Юный англичанин, эмигрировавший в Арканзас, добровольцем вступил в армию Конфедерации на волне энтузиазма, охватившего его после встречи с вербовщиками. Позже он писал, что его друзья-южане «говорили, что лучше погибнут, чем останутся в живых и увидят, как торжествующий враг разоряет их дома и церкви». Женщины в южных штатах оказывали на мужчин огромное давление, требуя от них записаться добровольцами. «Если мужчины не поспешат в бой, женщины клялись выйти сами и встретить вандалов-янки лицом к лицу. В краю, где женщина была для мужчины божеством, такие слова означали, что они стали одержимы войной»⁶. Один из жителей Виргинии жаждал «оказаться в первых рядах первой бригады, отправлявшейся сражаться с захватчиками, оскверняющими священную землю моего любимого штата своими нечестивыми шагами». Другой южанин, попавший в плен вскоре после начала войны, был не столь красноречив. Его изорванная домотканая форма и еще более «домотканая» речь ясно указывали на то, что он не из семьи плантаторов. На вопрос схвативших его северян, почему он, не являясь рабовладельцем, сражается в поддержку рабства, он просто ответил: «Я сражаюсь, потому что вы пришли сюда»⁷.

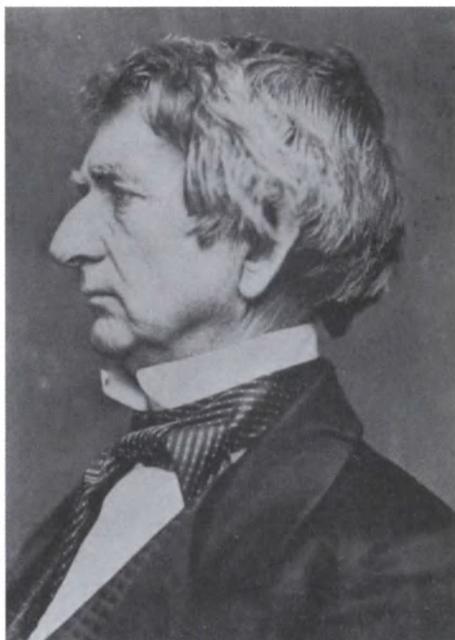
Этот солдат, как и многие другие, воевал не за рабство, однако без рабства не было бы «черных республиканцев», угрожавших образу жизни южан, и не было бы особой южной цивилизации, которую нужно было бы защищать от вторжения янки. Такой парадокс мешал южанам определить свои цели в войне. В частности, наличие рабства наносило урон внешней политике Конфедерации. Первые посланцы южан в Великобритании сообщали в мае 1861 года, что «здесь общественное мнение настроено безусловно против правительства Конфедеративных Штатов Америки в вопросе о раб-

6 Jones J. B. A rebel war clerk's diary at the Confederate States capital. P. 181; The Autobiography of Sir Henry M. Stanley. Boston, London, 1909. P. 165.

7 Civil War Times Illustrated Collection, United States Military History Institute, Carlisle (Pa.); Foote S. The Civil War: A Narrative. 3 vols. I. P. 65.

Стивен Дуглас
Louis A. Warren Lincoln Library and Museum

Уильям Сьюард
Library of Congress

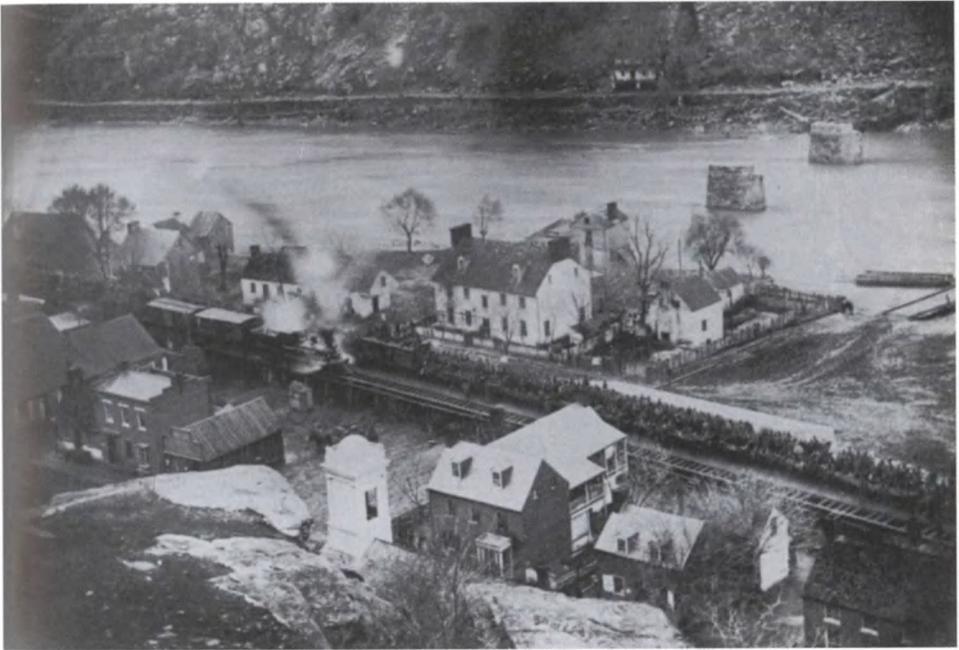
Сторонники свободного Канзаса готовятся защищать Лоуренс (1856 г.)
The Kansas State Historical Society

Запасы рельсов военно-железнодорожной службы в Александрии
U.S. Army Military History Institute

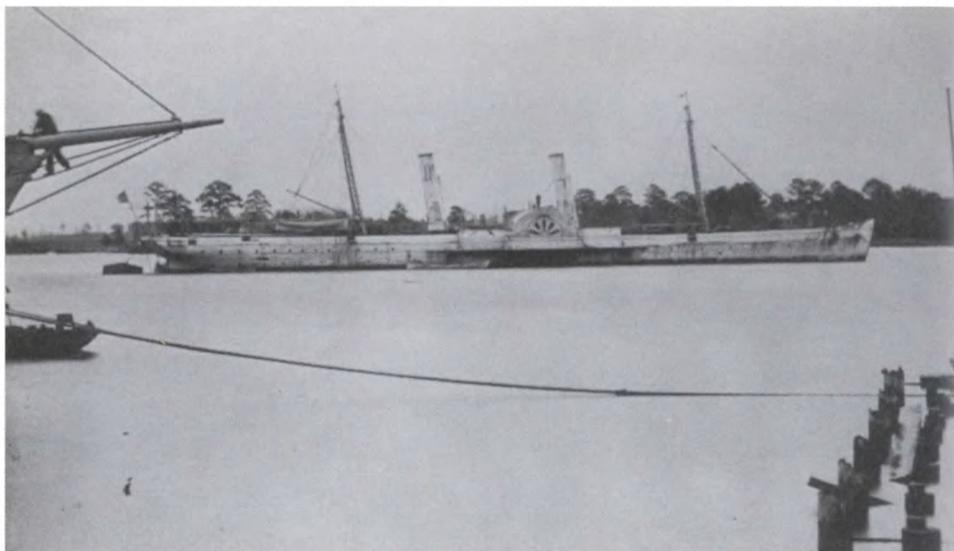
Локомотив военно-железнодорожной службы; члены паровозной бригады
указывают места попадания снарядов мятежников
U.S. Army Military History Institute

Прибытие в Харперс-Ферри поездов с войсками и снаряжением
U.S. Military Academy Library

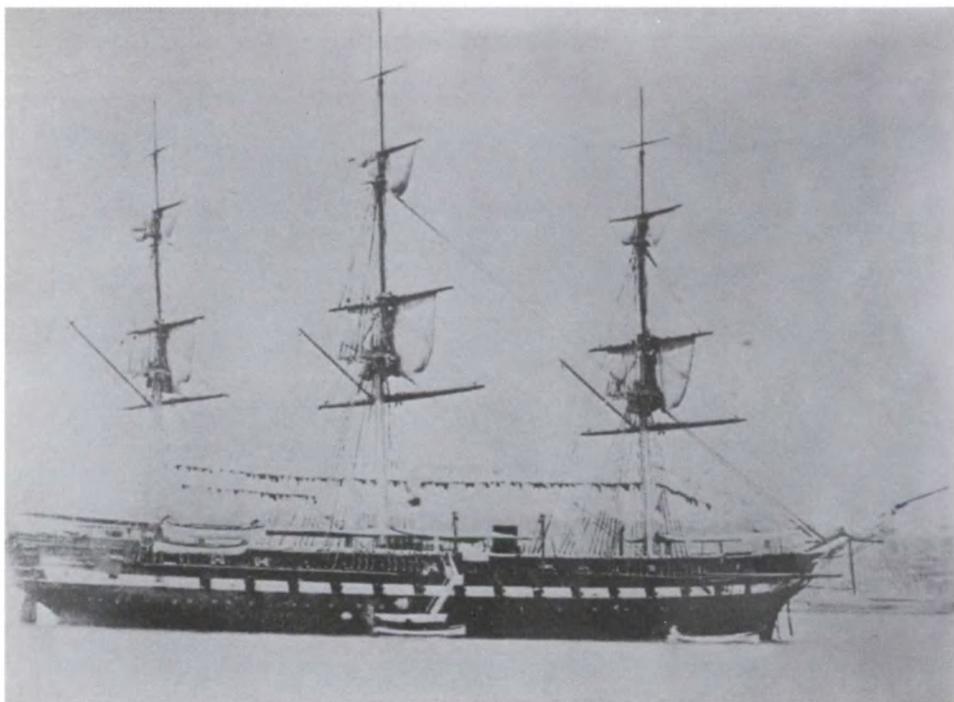

Железнодорожный мост в Теннесси, сооруженный армией Союза
взамен сожженного мятежниками
Minnesota Historical Society

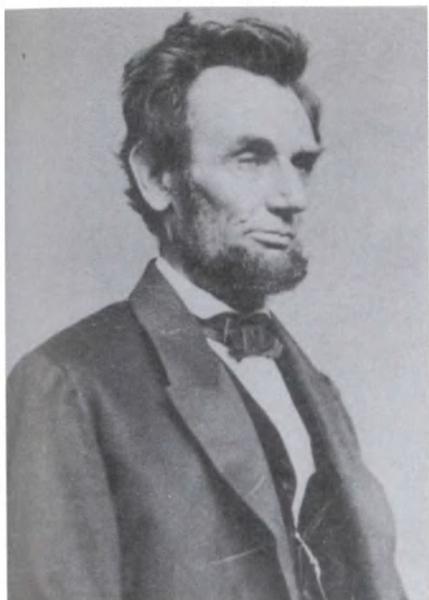
Пароход «Роберт Ли», четырнадцать раз прорывавший блокаду
и захваченный при пятнадцатой попытке

Library of Congress

47-пушечный паровой фрегат «Миннесота» — флагман блокадного флота,
захвативший «Роберта Ли»

Minnesota Historical Society

Вверху: Абрахам Линкольн

Louis A. Warren Lincoln Library and Museum

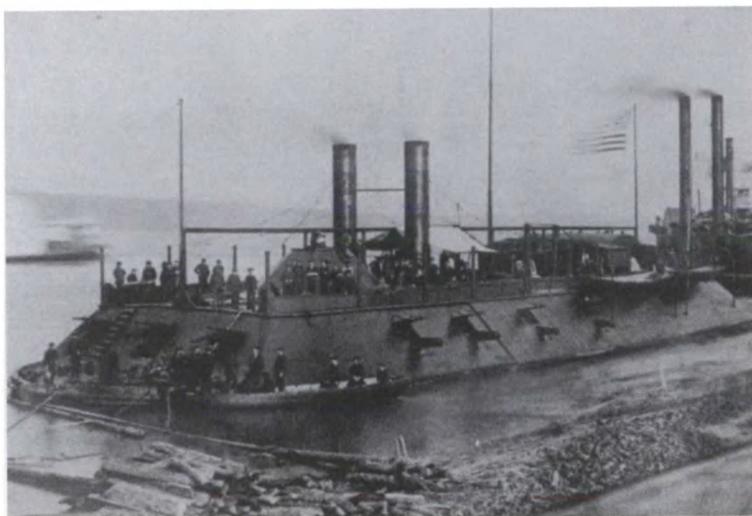
Справа: Джордж Макклеллан

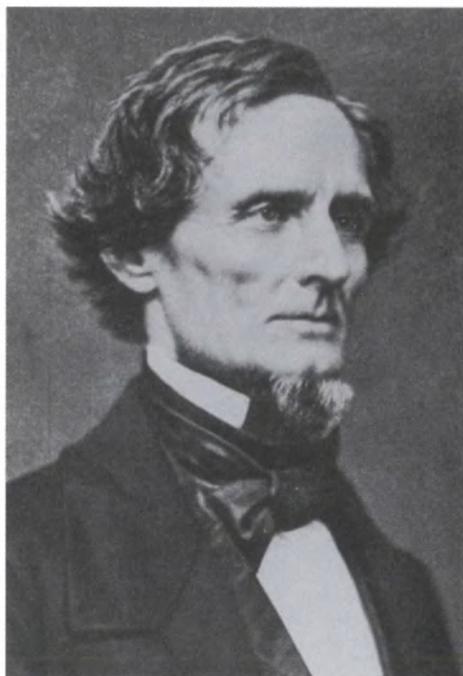
Louis A. Warren Lincoln Library and Museum

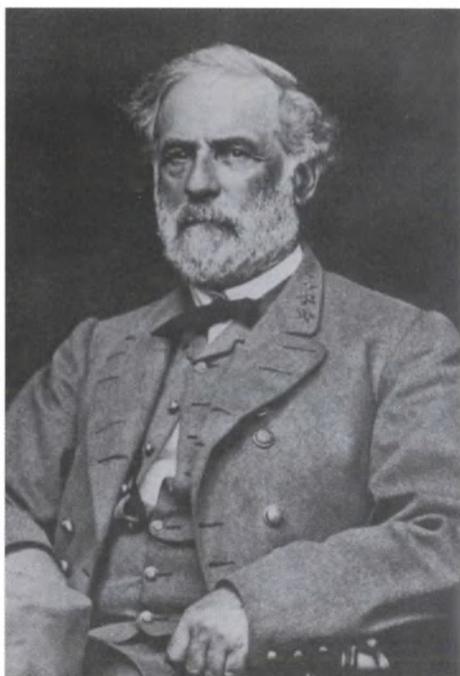
Внизу: одна из «черепах Пука» — броненосец «Кейро», сражавшийся на реках Миссисипи и Теннесси и подорвавшийся на mine конфедератов в реке Язу близ Виксберга в декабре 1862 г.

U.S. Army Military History Institute

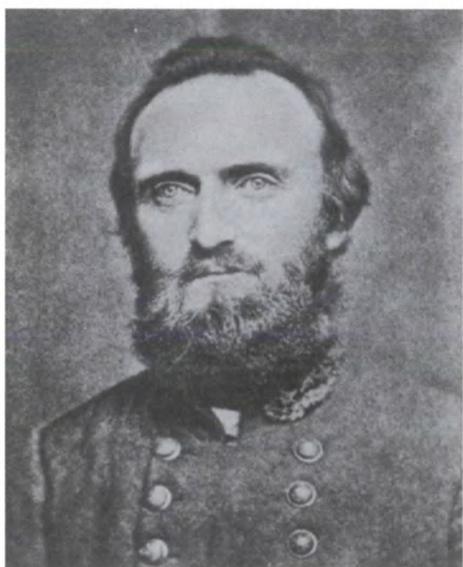

Джефферсон Дэвис
Library of Congress

Роберт Ли
Library of Congress

Томас «Каменная Стена» Джексон
Library of Congress

Джеймс «Джеб» Стюарт
Library of Congress

Клара Бартон
Library of Congress

Мэри-Энн «Матушка» Бикердайк
U.S. Army Military History Institute

Госпиталь федеральной армии в Фредериксберге
Library of Congress

Юный невольник, ставший барабанщиком в армии Союза
U.S. Army Military History Institute

Чернокожие солдаты (сидят) со своими белыми офицерами и учителями
Library of Congress

стве... Такое искреннее и всеобщее настроение мешает нашему правительству вести переговоры о его признании»⁸. Как следствие, конфедераты редко затрагивали проблему рабства, за исключением косвенных упоминаний о нем в связи с нарушениями северянами прав Юга. Вместо этого они упирали на то, что сражаются за свободу и самоуправление, счастливо позабыв о саркастическом вопросе Сэмюэла Джонсона, касавшемся первого поколения американских мятежников: «Почему же громче всех *тявкают* о свободе сторожевые псы, присматривающие за неграми?»

Руководствуясь своими резонами, большинство северян первоначально соглашались, что причиной войны стало отнюдь не рабство. 4 июля 1861 года в своем послании специальной сессии Конгресса Линкольн еще раз подтвердил, что «не имеет цели прямо или косвенно препятствовать рабовладению в тех штатах, где оно уже существует». Конституция гарантировала защиту рабства в этих штатах; администрация Линкольна вела войну, основываясь на неконституционности сессии, и, как следствие, придерживалась конституционных рамок. Конгресс согласился со словами президента. 22 и 25 июля Палата представителей и Сенат приняли похожие резолюции, внесенные сенатором от Кентукки Джоном Криттенденом и его коллегой от Теннесси Эндрю Джонсоном. Резолюции гласили, что Соединенные Штаты ведут войну, не имея намерения «упразднить или вмешаться в существующие институты [отделившихся] штатов», стремясь лишь «защитить и укрепить главенство Конституции и сохранить Союз, оставив в неприкосновенности честь, равенство и права отдельных штатов»⁹.

Вскоре республиканцы поменяют свои взгляды, но в июле 1861 года даже радикалы, надеявшиеся, что война *может* уничтожить рабство, проголосовали за резолюции Криттендена — Джонсона (чтобы быть совсем точными, три радикала проголосовали против, а два десятка воздержались). Большинство аболиционистов поначалу также воздержались от открытой критики нейтралитета администрации по вопросу о рабстве. Предполагая, что «смертельная схватка с рабовладельческой олигархией Юга» должна в конечном итоге привести к гибели рабства, Уильям Ллойд Гаррисон в апреле 1861 года советовал своим единомышленникам: «„Стойте —

8 A Compilation of the Messages and Papers of the Confederacy. 2 vols. Nashville, 1906. II. P. 37.

9 CWL. IV. P. 263, 438—439; CG. 37 Cong, 1 Sess. P. 222—223, 258—262.

и увидите спасение Господне” вместо того, чтобы еще больше подливать масла в огонь»¹⁰.

Такое решение о сдержанном обсуждении вопроса о рабстве было продиктовано и заботой о единстве Севера. В 1860 году Линкольну удалось завоевать меньше половины голосов избирателей в штатах, впоследствии оставшихся верными Союзу (включая пограничные). Некоторые из тех, кто голосовал за его оппонентов, в 1861 году наверняка бы отказались поддерживать антирабовладельческий пафос войны. Аналогично открытое заявление о том, что главной целью Конфедерации в этой войне является защита рабства, могло скорее разобщить Юг вместо того, чтобы его объединить. Поэтому обе стороны решили не выносить сор из избы, сконцентрировав свою энергию на мобилизации гражданских добровольцев и изобретении тактики наилучшего их использования.

II

Соединенные Штаты обычно начинали готовиться к войне, уже вступив в нее. Это справедливо и для Гражданской войны. Страна была готова для крупнейшей войны в своей истории куда меньше, чем для любой другой. К началу 1861 года большая часть крошечной 16-тысячной регулярной армии была рассредоточена по 79 приграничным поселениям к западу от Миссисипи. Почти треть офицеров подали в отставку, чтобы присоединиться к Конфедерации. Военное министерство было погружено в привычную бюрократическую рутину. Большинство его чиновников, как и четыре предыдущих военных министра, были уроженцами Юга. Главы семи из восьми армейских служб состояли на службе еще со времен англо-американской войны 1812 года. 74-летний главнокомандующий Уинфилд Скотт страдал от водянки и головокружений и иногда засыпал во время совещаний. Многие способные молодые офицеры, отчаявшись прорваться сквозь завесу рутины и видя лишь скудные перспективы, вышли в отставку и стали реализовывать себя на гражданском поприще. Репутация «вождя виннебаго» (военного министра Кэмерона) рождала дурные предчувствия насчет его способностей эффективно и, главное, честно разобраться с огромными военными контрактами — делом ближайшего будущего.

10 William Lloyd Garrison Papers, Boston Public Library.

В армии не было ничего, напоминавшего генеральный штаб, не существовало стратегических планов и программы мобилизации войск. Хотя армия располагала инженерно-топографической службой, точные карты местности Юга были наперечет. Когда командующему Западным военным округом генералу Генри Хэллеку понадобились карты, он вынужден был купить их в книжной лавке Сент-Луиса. Только два офицера имели опыт боевого командования таким соединением, как бригада, причем обоим было за семьдесят. Большая часть оружия в казенных арсеналах (включая 159 тысяч ружей, захваченных в штатах Конфедерации) представляла собой устаревшие гладкоствольные, зачастую еще кремневые, образцы.

Немногим лучше дела обстояли и на флоте. На момент прихода Линкольна к власти из 42 боеспособных кораблей большая часть несла вахту в водах за тысячи миль от родного берега. Приступить к немедленным операциям у американского побережья были готовы менее дюжины военных судов. Однако перспективы военно-морского хозяйства были более ясными. Хотя 373 из 1554 офицеров и небольшая часть из 7600 матросов присоединились к армии Конфедерации, огромный торговый флот, откуда укрепляющиеся военно-морские силы могли набирать опытных офицеров и матросов, почти полностью состоял из северян. Почти все судостроительные верфи были расположены на Севере. Кроме того, военно-морское министерство возглавлялось блестящим управленцем. Гидеон Уэллс, которого Линкольн за длинную седую бороду и угрюмое выражение лица называл «Отец Нептун», оказался способным администратором. Однако генератором идей в военно-морском министерстве был помощник министра Густавус Фокс, вдохновитель экспедиции в форт Самтер. За несколько недель после указа Линкольна о блокаде мятежных штатов представители союзного флота выкупили или зафрахтовали множество торговых судов, поставили на них орудия и отправили к побережью Конфедерации. К концу 1861 года боевые задания выполняли более 260 военных кораблей, а еще 100 (среди них три экспериментальных броненосца) строились.

Перспективы флота северян казались безоблачными особенно при сравнении с положением южан. Конфедерация начала войну вообще без флота и практически не имея шансов его построить. В распоряжении южан не было ни одной подходящей верфи, за исключением захваченного в Норфолке завода, и ни единой мастерской, способной построить большой двигатель, подходящий для приличного военного судна. Наряду с нехваткой материальных ресурсов

у Конфедерации, впрочем, были удивительные человеческие ресурсы, особенно военно-морской министр Стивен Мэллори и командиры Рафаэль Семмс и Джеймс Баллок.

Мэллори был сенатором от Флориды, занимавшим пост председателя сенатского комитета по военно-морским делам. Хотя ричмондский бомонд неодобрительно относился к нему из-за его страсти к женщинам с сомнительной репутацией, Мэллори оказался способен создать флот из ничего. Он скупал буксиры, таможенные суда и речные пароходы, которые превращал в канонерские лодки для патрулирования гаваней. Понимая, что не сможет бросить вызов северянам на своих условиях, Мэллори решил сосредоточиться на нескольких узких задачах, которые, при всей ограниченности ресурсов, смогли бы принести Югу максимальную пользу. Он санкционировал использование «торпед» (мин — по современной терминологии), которые должны были устанавливаться при входах в гавани и в устьях рек — к концу войны такие «дьявольские машинки» потопили или повредили 43 военных судна федералистов. Он стимулировал строительство «торпедных лодок» — небольших полуподводных судов сигарообразной формы, подводивших контактные мины под обшивку блокадных судов, и это изобретение находилось всего в одном шаге от настоящих подводных торпедных лодок. Армия Конфедерации первой в мире испытала в бою подводную лодку «Ханли», которая три раза тонула во время испытаний, причем всякий раз команда гибла (этой судьбы не избежал и конструктор лодки Хорас Ханли). В 1864 году ей удалось-таки потопить блокадный корвет северян, после чего она сама пошла на дно в четвертый — и уже последний — раз.

Мэллори был наслышан об экспериментах с броненосцами, проводившимися в Англии и Франции. Он считал, что лучшим способом прорвать блокаду будет постройка (или покупка) нескольких таких судов нового поколения, оборудованных железными таранами, чтобы топить деревянные суда, блокировавшие побережье Конфедерации. В июне 1861 года Мэллори отдал приказ восстановить полуразрушенный фрегат северян «Мерримак» и переделать его в первый броненосец южан, переименовав по такому случаю в «Виргинию». Хотя работа протекала медленно из-за недостатка средств, южане очень сильно надеялись на свое секретное оружие (которое, впрочем, было секретом Полишинеля для федералистов, чьи разведчики легко добыли нужные сведения из-за неумелой конспирации южан). Конфедераты начали переоборудовать и другие суда, но при этом

надеялись, что основной стройплощадкой для броненосцев и других кораблей станут британские верфи. Для решения этой щепетильной задачи Мэллори назначил выходца из Джорджии Джеймса Баллока.

За плечами последнего был четырнадцатилетний опыт службы в военно-морском флоте Соединенных Штатов и восьмилетний — в торговом, поэтому Баллок знал о судах все. Также он обладал тактом, хорошими манерами и деловой хваткой, необходимыми для выполнения такой непростой работы, как постройка кораблей в стране, чье законодательство о нейтралитете порождало массу проблем. Прибыв в Ливерпуль в июне 1861 года, Баллок быстро подписал контракты на постройку двух парусно-паровых крейсеров. Это были прославившиеся впоследствии рейдеры «Флорида» и «Алабама». Осенью 1861 года он купил быстроходный пароход, погрузил на него 11 тысяч энфилдских винтовок, 400 бочонков с порохом, несколько орудий и огромное количество обмундирования, после чего сам встал на капитанский мостик и провел судно в Саванну, благополучно миновав блокаду. Пароход этот был переоборудован в броненосное таранное судно южан «Атланта». Сам Баллок вернулся в Англию, где продолжал тайные переговоры по покупке судов. Его деятельность побудила одного историка с энтузиазмом назвать вклад Баллока в дело Конфедерации сопоставимым лишь со вкладом Роберта Ли¹¹.

Крейсеры-рейдеры, построенные в Великобритании, были важной частью военно-морской стратегии южан. В любой войне торговые суда противника являются законной добычей. Конфедераты посылали вооруженные рейдеры бороздить океан в поисках судов северян. Первоначально южане зависели от нанимаемых ими каперов. Разновидность пиратства, известная еще с древнейших времен, каперство с большим успехом применялось американцами во время Войны за независимость и англо-американской войны 1812 года. В 1861 году Джефферсон Дэвис предложил использовать эту тактику и против янки. 17 апреля Дэвис гарантировал выдачу каперских свидетельств всем судовладельцам, которые бы этого пожелали. Вскоре около двадцати таких судов патрулировали атлантическое побережье, и к июлю на их счету было две дюжины трофеев.

Северных торговцев охватила паника, их мольбы заставили военно-морское командование Союза перебросить участвовавшие

11 *Stern Ph. V. D. When the Guns Roared: World Aspects of the American Civil War.* Garden City, NY, 1965. P. 249—250.

в блокаде корабли на преследование каперов. В этом деле были достигнуты некоторые успехи, спровоцировавшие кризис в официальном отношении к войне. Отказываясь видеть в Конфедерации законное правительство, Линкольн 19 апреля 1861 года выпустил прокламацию, где угрожал поступать с пойманными экипажами каперов как с пиратами. К середине лета уже немало членов таких экипажей томились в тюрьмах северян, ожидая судебного разбирательства. В ответ Джефферсон Дэвис заявил, что за каждого члена команды капера, повешенного по обвинению в пиратстве, он будет казнить одного военнопленного федералиста. Развязка наступила, когда осенью 1861 года суд Филадельфии вынес обвинения в пиратстве нескольким офицерам капера. Дэвис приказал бросить жребий среди военнопленных, и проигравших (среди них был и внук Пола Ревира¹²) собирались повесить в ответ на шаги северян. Страна уже готова была стать свидетелем кровной мести, когда Линкольн пошел на попятную. С точки зрения закона его позиция была несостоятельна, так как в той же прокламации, что приравнивала каперов к пиратам, Линкольн вводил и блокаду Конфедерации. Эта мера недвусмысленно переводила конфликт из разряда внутреннего мятежа в настоящую войну, и решение союзного правительства от 3 февраля 1862 года считать плененных членов экипажей каперов военнопленными было еще одним шагом в том же направлении.

К этому времени, впрочем, каперы Конфедерации исчезли с морских просторов. Их успех был кратковременным, так как блокада затрудняла доставку захваченных судов в южные порты, а прочие державы закрыли свои порты для таких операций. С этого времени Конфедерация стала прибегать к помощи рейдеров — судов, укомплектованных военными моряками и предназначенных для потопления, а не для захвата вражеских судов. Переход от каперства к рейдерству начался уже в июне 1861 года, когда пятипушечный паровой шлюп конфедератов «Самтер» миновал капкан блокады в устье Миссисипи и направился в Атлантический океан. Его капитаном был Рафаэль Семмс из Алабамы, ветеран флота Соединенных Штатов, отдавший ему тридцать лет жизни и превратившийся теперь в главное орудие мщения этому флоту. В течение

12 Герой Американской революции — в 1775 г. накануне битвы при Лексингтоне и Конкорде Ревир предупредил колонистов о приближении британских войск. — *Прим. пер.*

полугода «Самтеру» удалось захватить или сжечь восемнадцать кораблей, прежде чем союзный флот в январе 1862 года наконец запер его в гавани Гибралтара. Семмс продал «Самтер» британцам, а сам отправился через всю Европу в Англию, где принял командование над знаменитой «Алабамой», достигнув на ней еще больших успехов.

Несмотря на всю находчивость и изобретательность, южане так и не смогли лишить северян превосходства ни в открытом море, ни в прибрежных водах и устьях рек Юга. Основные надежды Конфедерации были связаны с ее сухопутной армией. Гордясь своим военным искусством, южане были убеждены в способности разгромить янки в честном (а хоть бы и в нечестном) бою. Уверенность в том, что один конфедерат уложит десятерых (ну или по крайней мере троих) янки, действительно была в 1861 году повсеместной. «Стоит выпустить каких-нибудь три-четыре снаряда по этим синевбрюхим янки, и они разбегутся, как отара овец», — бахвалился в мае этого года житель Северной Каролины. В глазах южан северяне были нацией лавочников. Не имело никакого значения, что промышленный потенциал Севера во много раз превосходил производственные мощности Конфедерации. «Не лучшее оружие, а лучший солдат выигрывает битву, — говорил виргинец Генри Уайз. — Пусть наши храбрецы наступают на города северных щеголей с кремневыми ружьями и старомодными байонетами!.. Ставлю на кон свою жизнь, что янки дрогнут и разбегутся»¹³.

Предвкушая быструю и победоносную войну, молодые южане стремились встать под «трехполосное» знамя до того, как забава закончится. Даже при том, что Конфедерации пришлось организовать военное министерство и саму армию практически из ничего, Юг начал мобилизацию раньше, чем Север. Каждый штат после своего выхода из Союза предпринимал шаги к укреплению и пополнению рот милиции и превращению их в полноценные полки. В теории ополчение должно было являть собой подготовленный резерв обученных гражданских лиц, однако реальность имела мало общего с теорией, и за несколько последних десятилетий милиция большинства штатов деградировала. К 1850-м годам старая концепция обязательной милицейской службы для всех мужчин уступила место принципу добровольности. Добровольческие вооруженные соединения, носившие говорящие названия — «Серые» из Таллапузы, «Зеленые»

13 Nevins A. War... I. P. 96; Уайз цит. по: Jones J. War Clerk's Diary... P. 3.

из Джаспера, «Стрелки» из Флойда, «Дикие коты» из Лексингтона, «Гвардейцы» из «Пальметто»¹⁴, «Огненные зуавы» и пр., — возникали в городах по всей стране. В штатах, где ополчение сохраняло прежнюю структуру, эти формирования были включены в нее и являлись ополчением в полном смысле этого слова. Обучение, дисциплина и оснащение этих частей широко различались. Бойцы многих из них проводили большую часть времени не на плацу, а в трактирах. Даже те формирования, в которых практиковались военные учения, больше напоминали церемониальные роты, чем боеспособные единицы. Тем не менее именно такие роты первыми откликнулись на призывы к мобилизации как на Севере, так и на Юге.

К началу весны 1861 года в Южной Каролине под ружьем находилось 5000 человек, причем большинство из них осаждали форт Самтер. Другие южные штаты старались не отставать. Конгресс Конфедерации еще в феврале учредил военное министерство, и президент Дэвис назначил министром алабамца Лероя Уокера. Хотя Уокер, как и его северный коллега Кэмерон, был в первую очередь политиком, он имел репутацию честного и деятельного человека. Что еще более важно, сам Джефферсон Дэвис был выпускником Вест-Пойнта, ветераном американо-мексиканской войны и бывшим военным министром Соединенных Штатов. Хотя назойливое вмешательство Дэвиса в военные дела Конфедерации в конечном итоге привело к конфликту с некоторыми армейскими офицерами, профессионализм президента в военных вопросах способствовал ускорению мобилизации в 1861 году.

6 марта Конфедеративный Конгресс поручил создать армию из 100 тысяч добровольцев сроком на один год. Большинство уже организованных милицейских полков были приведены к присяге на верность Конфедерации, а для новых соединений спешно искали оружие и амуницию. Поначалу эти полки снаряжались за счет штатов, населенных пунктов и частных лиц, а не на государственные средства. Хотя южане в качестве официального цвета своей формы выбрали серый, каждый полк на первых порах имел свои цвета, поэтому армия конфедератов была облачена в наряды самых разных оттенков, что лишало смысла само понятие единой формы. Кавалеристы и артиллерийские расчеты прибывали со своими лошадьми. Некоторые добровольцы захватывали из дому и личное оружие: от охотничьих ножей и револьверов Кольта до дробовиков и двустволь-

14 Прозвание Чарлстона. — Прим. пер.

лок. Многие рекруты из плантаторских семей приезжали с рабами, которые должны были стирать и готовить пищу. Волонтерские роты, в соответствии с вековыми традициями, сами выбирали офицеров (капитана и лейтенантов). Губернаторы штатов официально назначали полковое начальство уровней полковника, подполковника и майора, однако во многих полках на эти должности выбирали офицеров путем голосования всего полка либо офицерского состава всех рот. На практике такое избрание офицеров было лишь формальным отражением той роли, которую видный плантатор, адвокат или иная заметная личность играли при формировании роты или полка. Иногда состоятельный человек также платил за обмундирование и оснащение набранного им формирования. Уэйд Хэмптон из Южной Каролины, считавшийся самым богатым плантатором Юга, набрал целый «легион» (соединение, где были пехотные и кавалерийские отряды, а также артиллерийская батарея), который вооружил и оснастил за свой счет и в котором совсем неслучайно стал полковником.

К тому времени как Линкольн после падения Самтера призвал под ружье 75 тысяч человек, самостоятельная мобилизация южных штатов уже довела численность их армии до 60 тысяч. Однако эти силы в полной мере начали испытывать трудности, связанные с перебоем в поставках, что досаждало южанам до самого конца войны. Даже после присоединения к Конфедерации четырех штатов Верхнего Юга она по-прежнему располагала лишь 1/9 от промышленного потенциала Севера. В 1860 году в северных штатах производилось 97% огнестрельного оружия, 94% тканей, 93% сырого чугуна и более 90% обуви и одежды. Концентрация железных дорог на квадратную милю была на Севере вдвое больше, чем на Юге, а протяженность каналов и мощенных щебнем дорог — больше в несколько раз. Юг мог обеспечить себя продовольствием, но транспортная сеть, достаточная для распределения провианта по фронтам в начале войны, вскоре начала давать сбои из-за невосполняемого износа материальной части: почти все рельсовое покрытие было произведено на Севере или в Англии; из 470 локомотивов, построенных в США в 1860 году, только девятнадцать вышли из южных депо.

Снабженцы конфедератов бились изо всех сил, чтобы эти недостатки не были столь заметны, но, за исключением артиллерии, их усилий не хватало или же они запаздывали. Юг во время войны форсировал индустриализацию, но результат оказался недостаточным.

Генерал-интендант Авраам Майерс так и не смог укомплектовать войска достаточным числом палаток, формы, одежды, обуви, лошадей и повозок. Как следствие, «мятежник Джонни»¹⁵ зачастую был вынужден спать под открытым небом, завернувшись в трофейное одеяло, носить обветшавшую домотканую серую униформу и маршировать и вступать в бой босоногим, пока не удавалось разжиться сапогами с мертвого или пленного янки.

Солдаты-конфедераты ворчали по этому поводу, как любые солдаты во все времена в любых армиях. Гораздо больше было жалоб на провиант (точнее, его нехватку), в чем солдаты обвиняли начальника продовольственной службы Лусиуса Норттропа. Гражданские лица также кляли Норттропа за нехватку провианта на фронте, рост цен на продовольствие в тылу и катастрофическую организацию транспортировки припасов, гнивших на складах, в то время как армия голодала. Норттроп, не в последнюю очередь из-за своей сварливости и самоуверенности, стал «самым проклинаемым и очерняемым деятелем Конфедерации»¹⁶. Тем не менее Джефферсон Дэвис не отстранял его от должности практически до самого конца войны, что, как поговаривали, было проявлением кумовства, ибо они были друзьями еще со времен Вест-Пойнта. Непопулярность Норттропа испортила и репутацию Дэвиса после того, как дела Юга в войне приняли дурной оборот.

Артиллерийско-техническая служба была единственным светлым пятном в снабженческом аппарате южан. Когда Джошуа Горгас принял командование артиллерией Конфедерации, он столкнулся с еще более безнадежной задачей, чем ведомства Майерса и Норттропа. С продовольствием на Юге дело всегда обстояло хорошо, да и развивать выпуск повозок, формы, обуви и одежды было не в пример легче, чем закладывать базу для производства пороха, пушек и винтовок. Единственным предприятием Юга, где можно было выпускать тяжелое вооружение, являлся завод Тредегар, а винтовки могли выпускаться лишь в небольших арсеналах в Ричмонде и Файетвилле (Северная Каролина), а также на захваченном у правительства Соединенных Штатов военном заводе в Харперс-Ферри, оборудование которого было перевезено в Ричмонд. Большая часть пороха производилась на заводах Дюпона в Делавэре — Юг не производил почти ничего, а доставить этот тяжелый, громоздкий продукт через кольцо

15 Прозвище солдата-южанина, данное северянами. — *Прим. пер.*

16 *Mary Chesnut's Civil War*. P. 124.

блокады было крайне трудно. Главный ингредиент пороха — селитра (нитрат калия) — также импортировался.

Однако Горгас оказался гением организации и находчивости. Он почти в прямом смысле перековал орала на мечи¹⁷. Первым делом он послал в Европу Калеба Хьюза для закупки любого оружия и обмундирования. Хьюз выполнил это поручение так же успешно, как и Джеймс Баллок, занимавшийся поиском английских кораблей для Конфедерации. Оружие и другие припасы, отправленные Хьюзом назад и прорвавшиеся через блокаду, послужили тому, что Конфедерация продержалась первый год войны. Параллельно Горгас начал возводить военные заводы и устраивать литейные цеха для производства стрелкового оружия и артиллерии. Он учредил Бюро по добыче полезных ископаемых и селитры, во главе которого встал Айзек Сент-Джон, открывший в Аппалачах известняковые пещеры с запасами селитры, и приказал южанкам не выплескивать содержимое ночных горшков, чтобы выщелачивать селитру из мочи. Артиллерийскому департаменту принадлежал и новый огромный пороховой завод в Огасте (Джорджия), который заработал в 1862 году под надзором Джорджа Рэйнса. Чиновники департамента изъездили весь Юг, где покупали или экспроприировали перегонные кубы, медь которых требовалась для винтовочных капсюлей; они расплавляли церковные колокола для получения бронзы для пушек; они тщательно собирали оставшийся на поле боя свинец, который переплавляли в пули или использовали для ремонта поврежденных орудий.

Горгас, Сент-Джон и Рэйнс остались неизвестными героями Конфедерации¹⁸. Юг страдал от нехватки всего и вся, но начиная с лета 1862 года некомплект материальной части в артиллерии сложно было назвать серьезным, хотя качество орудий и снарядов всегда оставалось проблемой. В третью годовщину своего назначения Горгас имел все основания с гордостью записать в дневнике: «Там, где

17 См.: *Vandiver F. E. Ploughshares into Swords: Josiah Gorgas and Confederate Ordnance*. Austin (Texas), 1952. Замечательное исследование основного оружейного завода Конфедерации — Тредегара — см.: *Dew Ch. B. Ironmaker to the Confederacy: Joseph R. Anderson and the Tredegar Iron Works*. New Haven, 1966.

18 Именно неизвестными, потому что, в то время как другие люди грелись в лучах славы и получали чины и звания на полях сражений, эти управленцы (без трудов которых этих сражений не было бы вовсе) обрелись на нижних ступенях военной иерархии. Звание бригадного генерала было присвоено Горгасу только 10 ноября 1864 г., Сент-Джону — 16 февраля 1865 г., а Рэйнс вообще закончил войну в чине полковника.

еще три года назад мы не в состоянии были выпустить ни одного орудия, револьвера, сабли, пушечного ядра или снаряда (кроме как на Тредегаре) или изготовить хотя бы фунт пороха, сейчас мы производим все это в количествах, удовлетворяющих нужды нашей огромной армии»¹⁹.

Однако в 1861 году все достижения были еще впереди. Постоянная нехватка оружия и административный хаос так же отличали артиллерийский департамент, как и все остальные. Вот типичный отчет штабного офицера южан в долине Шенандоа от 19 мая: «солдатам не предоставили ни провизии, ни амуниции... Полнейшее замешательство и невежество, царящее в местных органах власти... беспрецедентны». Несмотря на неспособность вооружить уже действующую армию, Конгресс Конфедерации в мае 1861 года проголосовал за набор еще 400 тысяч добровольцев сроком на 3 года. Рекруты прибывали в таких количествах, что военное министерство, по его собственному признанию, вынуждено было отправить 200 тысяч обратно из-за нехватки оружия и обмундирования. Одной из причин малого количества оружия было создание губернаторами отделившихся штатов запасов ружей, захваченных в федеральных арсеналах. Некоторые губернаторы требовали оставить оружие в штатах и вооружать созданные там полки, страхуясь таким образом от предполагаемых восстаний рабов, вместо того чтобы отправить оружие на главный театр военных действий в Виргинию или Теннесси. Это было первой демонстрацией суверенитета штатов, наносящей урон общему делу. Вины правительства в Ричмонде в этом не было, но солдатам на передовой требовалось выпустить пар, поэтому военный министр Уокер стал настоящим козлом отпущения. Адьютант генерала Борегара, находясь в Манассасе, писал: «В армии весьма популярно мнение о том, что военное министерство демонстрирует полное бессилие и постыдное небрежение обязанностями»²⁰. Хотя армия Борегара месяц спустя и выиграла битву при Манассасе, критика Уокера все усиливалась. Многие южане были убеждены, что единственным фактором, помешавшим конфедератам победоносным маршем захватить после этой победы Вашингтон, были проблемы со снабжением, за что прямую ответственность несло военное министерство. Не вынеся волны

19 The Civil War Diary of General Josiah Gorgas. University (Ala.), 1947. P. 91.

20 Nevins A. War... I. P. 115; O. R. Ser. IV. Vol. I. P. 497; Mary Chesnut's Civil War. P. 90.

критики и переутомления, Уокер в сентябре подал в отставку; его сменил Джуда Бенджамин, второй в череде пяти деятелей, возглавлявших во время войны проходной двор, каковым являлось военное министерство.

III

Уокер, как и его преемники, во многом пал жертвой обстоятельств, а не профессиональной непригодности. Чего нельзя было сказать о его коллеге в Вашингтоне. Хотя ведомство Саймона Кэмерона также было застигнуто врасплох стремительным ростом армии, лично министр заслуживал большего порицания, чем Уокер.

Север приступил к формированию армии позже Юга. В Союзе проживало в 3,5 раза больше белых мужчин призывного возраста, чем в Конфедерации. Однако если вычесть неблагонадежных, проживавших далеко от места событий (на западных территориях и тихоокеанском побережье), а также тех белых, которые разделяли идеологию рабовладения на Юге, действительное превосходство Союза в живой силе составляло 2,5 к 1. Примерно такое же соотношение в численности двух армий установилось с 1862 года и поддерживалось до конца войны, но, начав формировать армию раньше, в июне 1861 года конфедераты были ближе по численности к армии северян, чем когда-либо впоследствии.

Призыв Линкольна к набору 75 тысяч ополченцев на 90 дней основывался на законе 1795 года, гарантировавшем призыв милиции штата на федеральную службу. Вскоре к правительству пришло понимание того, что война, вероятно, продлится дольше трех месяцев и потребует более 75 тысяч человек. 3 мая Линкольтн призвал 42 тысячи добровольцев в армию и 18 тысяч на флот сроком на три года, а кроме того, увеличил регулярную армию на 23 тысячи человек. Президент обошелся без одобрения этой меры Конгрессом, сославшись на свои полномочия верховного главнокомандующего. Собранный в июле Конгресс не только задним числом одобрил действия Линкольна, но и высказался за призыв целого миллиона добровольцев сроком на те же три года. Тем временем некоторые штаты призвали добровольцев на два года (всего около 30 тысяч человек) — на эту меру военное министерство согласилось со скрипом. К началу 1862 года к армии Союза присоединилось более 700 тысяч человек, около 90 тысяч из которых составляли «девятистодневники», чей срок службы уже истек. Впрочем, многие из этих

солдат повторно записались в полки уже на три года, а некоторые части, где служили 90 дней, также преобразовались в соединения, где служили три года.

Эти повторные призывы запутывали современников в той же мере, что и позднейших историков. В действительности процесс вербовки в союзных штатах, как и в штатах Конфедерации, сопровождался вспышкой энтузиазма на местном и региональном уровнях, но превращался в неразбериху на уровне национальном. Небрежное выполнение военным министром Кэмероном административных функций разочаровало дельных и хватких губернаторов. «В лагере находятся 2400 человек, причем вооружены лишь меньше половины, — писал губернатор Индианы Мортон Кэмерону в начале войны. — Откуда такая задержка в поставках оружия?.. До сих пор нет офицера, который бы сформировал из новобранцев боевой отряд. Нет ни фунта пороху, ни единого снаряда или какого-либо обмундирования. Позвольте спросить вас, в чем причина?» Несколько месяцев спустя Улисс Грант, командовавший лагерем союзной армии в Кейро, высказал общую жалобу: «Транспорта отчаянно не хватает. У меня нет санитарных повозок. Присланная форма почти вся отвратительного качества, да и той мало. Мои люди в большинстве вооружены старыми, к тому же чинеными кремневыми ружьями... Интендантству практически не выделяют средства, поэтому правительственные кредиты исчерпаны». К концу июня Кэмерон стал отклонять предложения о присылке новых полков. 4 июля в послании Конгрессу Линкольн был вынужден с сожалением констатировать: «Одна из самых больших трудностей — избежать прибытия войск до того, как их можно обеспечить всем необходимым»²¹.

Штаты, города и частные лица вызвались исправлять промах федеральных властей. Большинство губернаторов созвали легислатуры, принявшие решение об изыскании средств для оснащения и снабжения полков за счет штата. Губернаторы послали своих агентов в Европу, где те конкурировали друг с другом и с агентами конфедератов, вздувая цены на излишки оружия в Старом Свете. Штаты заключали контракты с текстильными и обувными фабриками на поставку формы и сапог. Муниципалитеты собирали деньги на набор и оснащение «собственных» полков. Возникали добровольные общества, такие как, например, нью-йоркский «Ко-

21 O. R. Ser. III. Vol. I. P. 89; Ser. I. Vol. 7. P. 442; CWL. IV. P. 432.

митет обороны Союза», формировавшие полки, оснащавшие их всем необходимым и арендовавшие корабли или поезда, чтобы отправить их в Вашингтон. Группа женщин и врачей-северян организовала «Санитарный комитет Соединенных Штатов» для укрепления слабой и устаревшей инфраструктуры военно-медицинской службы.

Первые части северян, как и южан, были одеты в различную униформу: полки из Массачусетса и Пенсильвании носили синее, из Висконсина и Айовы — серое, вермонтцы также были облачены в серое, но с изумрудной отделкой, черные брюки и красные фланелевые рубахи отличали солдат из Миннесоты, а солдаты из Нью-Йорка были экипированы в яркие «зуавские» наряды: красные мешковатые штаны, пурпурные куртки и красные фески. Словом, собравшиеся в Вашингтоне союзные войска выглядели как участники карнавала. Многообразие цветов формы в обеих армиях и встречающееся ее сходство у противоборствующих сторон приводили в первых сражениях к трагической путанице, когда друзья принимались за врагов, а враги — за друзей. Федеральное правительство вскоре исправило эту ситуацию, одев своих солдат в форменные светло-синие брюки и темно-синие мундиры регулярной армии.

Во второй половине 1861 года военное министерство избавило штаты от необходимости кормить, одевать и вооружать солдат Союза, но этот процесс омрачали проявления неэффективности, спекуляции и коррупции. Чтобы выполнить заказы на сотни тысяч экземпляров формы, текстильные фабриканты использовали материал под названием «шодди», получаемый путем переработки шерстяных обрезков и старого платья. Вскоре это словечко стало обозначать форму, изнашивающуюся через несколько недель, просящие каши ботинки, расползающиеся одеяла и вообще некачественное снаряжение, поступающее для оснащения полумиллионной армии, то снабжение, которое смогло быть налажено за несколько быстро пролетевших месяцев. Железные дороги обсчитывали государство; некоторые подрядчики поставляли ружья для армии по 20 долларов за штуку, купив эти излишки по 3,5 доллара за штуку; ушлые барышники продавали по баснословным ценам хромых лошадей. Из-за подобных «коммерческих оборотов» Саймон Кэмерон стал мишенью как справедливой, так и несправедливой критики: он заключал контракты без какой-либо конкуренции, а также предоставил подозрительно большое количество подрядов компаниям своего родного штата Пенсильвания. Военное министерство в большом объеме

осуществляло перевозки посредством Северной центральной железной дороги и Пенсильванской железной дороги, в которых сам Кэмерон и его помощник Томас Скотт имели прямые финансовые интересы.

Палата представителей создала следственный комитет по делу о контрактах, вынесший в середине 1862 года порицание Кэмерону за неудовлетворительное управление. К тому времени Линкольн уже давно избавился от министра, отправив его посланником в Россию. Новым военным министром стал Эдвин Стэнтон — адвокат из Огайо с пронзительным взглядом и невероятной работоспособностью, недолгое время служивший генеральным прокурором в администрации Бьюкенена. Демократ, бывший к тому же невысокого мнения о Линкольне, Стэнтон после своего назначения в январе 1862 года военным министром резко поменял и свои политические пристрастия, и отношение к президенту. Он прославился неподкупностью и бесцеремонным отношением не только к военным подрядчикам, но и вообще ко всем окружающим.

Еще до новой метлы Стэнтон сумбурная мобилизация 1861 года практически закончилась. Снабженческий аппарат армии перестал набивать себе шишки, более того, в работу была привнесена толика эффективности. Экономика Севера развернула производство на нужды армии в таких масштабах, что федеральные войска вскоре стали самой откормленной и щедро экипированной армией в мире. Северяне были во многом обязаны этим Монтгомери Мейгсу, ставшему генерал-квартирмейстером армии Союза в июне 1861 года. Мейгс был одним из лучших в своем выпуске Вест-Пойнта и сделал блестящую карьеру в инженерных войсках. Он руководил, например, строительством нового купола Капитолия и прокладкой Потомакского акведука, снабжавшего водой Вашингтон. Его опыт в общении с военными подрядчиками позволял ему внести порядок в хаос контрактов, заключавшихся в первое время войны, и уменьшить масштабы воровства. Мейгс отстаивал конкуренцию везде, где это было возможно, вместо применения системы определения цены «издержки плюс фиксированная прибыль», которая так нравилась производителям, которые, раздувая расходы, увеличивали и свои прибыли.

Почти все, что было необходимо армии, за исключением оружия и продовольствия, поставлялось квартирмейстерской службой: форма, шинели, обувь, вещмешки, зарядные сумки, фляги, столовые приборы, одеяла, палатки, бараки-временки, лошади, мулы, корм, упряжь, подковы и передвижные кузницы, повозки, уголь или дрова

для топки; в ее ведении находились корабли для снабжения войск по воде, а также склады для централизованного хранения и распределения припасов. Требования к материально-техническому обеспечению армии Союза были гораздо выше, чем у конфедератов. В основном военные действия велись на Юге, то есть «серые» были ближе к источникам снабжения. Вторгшиеся на территорию южных штатов северяне, наоборот, вынуждены были разворачивать сети извоза, служебных железных дорог и портов. В среднем в армии Севера, действовавшей на вражеской территории, на каждые сорок человек полагалась одна повозка, а на два-три человека — одна лошадь (включая кавалерийских и тягловых) или мул. Таким образом, ударной армии из 100 тысяч человек требовалось 2500 транспортных повозок и по крайней мере 35 тысяч животных, а также 600 тонн продовольствия ежедневно. Хотя во время некоторых знаменитых эпизодов войны — Виксбергской кампании Гранта или марша Шермана через Джорджию и обе Каролины — армии Союза отрывались от своих баз и снабжались за счет местного населения, такие случаи все же были исключением.

Мейгс, блестяще выполнивший свою миссию, также был безвестным героем войны, только со стороны северян. Под его контролем было потрачено 1,5 миллиарда долларов — почти половина прямых военных расходов Союза. Он заставил действующую армию отказаться от использования больших и тяжелых палаток «Сибли и Адамс» и перейти на легкие двухместные, которые солдаты-янки прозвали «собачьими» палатками, а их потомки — «щенячьими». Квартирмейстерская служба снабдила изготовителей одежды точными мерками для пошива формы — это привело к появлению стандартных размеров гражданской одежды, вошедших после войны в обиход. Постоянная нужда солдат в новой обуви подтолкнула к повсеместному внедрению новой машины для пришивания заготовки к подошве. В этом и многих других аспектах Мейгс и его служба оставили неизгладимый след в жизни американцев.

IV

Как на Юге, так и на Севере волонтерские полки оставались тесно связанными со штатами, где они были набраны. Волонтеры сами избирали многих офицеров, а губернаторы назначали остальных. Роты, а порой и целые полки, часто состояли из добровольцев, набранных в одном и том же поселке, городе или округе. Роты

из близлежащих городов сводились в полки, получавшие цифровое обозначение в хронологическом порядке их образования: например, 15-й Массачусетский пехотный, 2-й Пенсильванский кавалерийский, 4-я Огайская добровольческая артиллерийская батарея и т. д. Некоторые роты и полки формировались и по принципу национальной принадлежности: 69-й Нью-Йоркский был одним из многих полков, состоявших из ирландцев, 79-й Нью-Йоркский был полностью укомплектован шотландскими горцами, одетыми в килты, во многих полках большинство составляли солдаты немецкого происхождения. Стучалось, что в одну роту или полк входили братья, кузены, отцы и дети. Жители одной местности или одного происхождения сохраняли сильное чувство локтя, что помогало поднимать боевой дух как в тылу, так и на фронте, хотя, с другой стороны, такое преимущество оборачивалось внезапным горем семьи или округа, если такой полк оказывался наполовину выкошен в битве, что случалось довольно часто.

Стандартно укомплектованный полк в обеих противоборствующих армиях состоял из тысячи человек, сведенных в десять рот, однако в течение нескольких месяцев погибшие и демобилизованные по болезни существенно уменьшали его ряды. Медицинское освидетельствование рекрутов зачастую было поверхностным. Последующее расследование обстоятельств вербовки в союзные войска показало, что 25% рекрутов следовало отправить домой по состоянию здоровья — многие из них вскоре были комиссованы из действующей армии. В течение года после своего формирования численность среднестатистического полка уменьшилась вдвое или даже больше вследствие болезней, боевых потерь и дезертирства. Вместо того чтобы зачислять новых добровольцев в старые полки, штаты, гордясь количеством выставленных частей, предпочитали формировать новые. Из 421 тысячи добровольцев, поступивших в армию на трехлетний срок, только 50 тысяч пополнили состав старых полков. Профессиональные военные критиковали такой подход за неэффективность и трату времени. В результате части были далеки от оптимальной численности, к тому же бывалые ветераны лишались возможности обучать необстрелянных новобранцев. В 1862 и 1863 годах многие ветеранские полки шли в бой, имея в составе лишь 200—300 человек, тогда как новые несли необязательные потери по причине неопытности солдат.

Заслуженные солдаты также сожалели о практике избрания офицеров в добровольческих полках. Если предположить, что армия

не является политическим институтом, что в ней царят тяжелое учение, суровая дисциплина и беспрекословное подчинение приказам, то тогда, действительно, выборы офицеров ни к чему. Однако в американской традиции граждане даже на военной службе остаются гражданами. Они голосовали за конгрессменов и губернаторов, так почему бы им не выбирать и капитанов с полковниками? В начале стихийной мобилизации 1861 года потенциальные офицеры самонадеянно полагали, что военные навыки можно быстро приобрести. Суровая действительность разрушила это представление. Многие офицеры, получившие назначения, благодаря своему политическому влиянию, расписались в полной некомпетентности. Солдат Пенсильванского полка летом 1861 года сетовал: «Полковник Робертс показал себя несведущим в простейших маневрах войск. В нашем полку полностью отсутствует всякая стройность... Ничему не уделяется своевременное внимание, никто не заглядывает в завтрашний день... Нас вполне справедливо можно назвать сбродом, не годящимся для встречи с настоящим врагом». Офицеры, поддавшиеся панике при Булл-Ране и оставившие своих солдат самостоятельно отражать атаки врага, были признаны виновными в беспорядочном бегстве нескольких федеральных полков. «Лучше обидеть тысячу амбициозных соискателей воинского звания, — комментировала *Harper's Weekly*, — чем лицеизреть еще одно бегство, во главе которого будут полковники, майоры и капитаны»²².

Только 22 июля, на следующий день после поражения при Булл-Ране, союзный Конгресс одобрил создание военных советов, которые должны были принимать у офицеров экзамены и смещать тех, кто их не пройдет. В течение следующих нескольких месяцев сотни офицеров были уволены или подали в отставку добровольно, чтобы не встречаться с экзаменационной комиссией. Это не положило конец практике выборности офицеров или их назначения губернаторами по политическим мотивам, но хотя бы установило минимальные стандарты компетентности для таких назначенцев. По мере того как война затягивалась, присвоение офицерского звания за боевые заслуги становилось все более популярной мерой в ветеранских полках. К 1863 году союзная армия почти прекратила избирать офицеров.

Подобная практика дольше сохранялась в армии Конфедерации, к тому же южане до октября 1862 года не учреждали экзаменационных

22 Wiley D. I. Billy Yank... P. 26; Harper's Weekly. 1861. V. Aug. 10. P. 449.

комиссий для офицеров. Однако офицеры южан, по крайней мере на виргинском фронте, в первые год-два войны делали свою работу лучше северных коллег. Во-первых, главнокомандующий силами Союза Уинфилд Скотт решил в 1861 году держать свою небольшую регулярную армию отдельно, не смешивая ее с добровольческими частями. Сотни офицеров и сержантов регулярной армии могли бы стать хорошими инструкторами для волонтерских полков и придать им тактическую выучку, но Скотт оставил их в своих частях, порой очень далеко на границе, пока необученные волонтеры гибли и получали ранения в Виргинии под командой некомпетентных офицеров. На Юге же, наоборот, регулярной армии не было вовсе, но те 313 офицеров, уволившихся из армии Соединенных Штатов и поступивших на службу в войска Конфедерации, внесли решающий вклад в первоначальный перевес южан.

Во-вторых, военные школы Юга выпускали большое число курсантов, предоставив Конфедерации ядро квалифицированного офицерского корпуса. В 1860 году из восьми военных «колледжей» семь находились в рабовладельческих штатах. Виргинский военный институт в Лексингтоне и «Цитадель» в Чарлстоне справедливо гордились той ролью, которую их выпускники сыграли в войне. В 1861 году треть всех старших офицеров виргинских полков составляли выпускники института в Лексингтоне, а из 1902 человек, когда-либо обучавшихся там, 1781 сражался на стороне южан. Когда конфедератские полки выбирали офицеров, кандидатами обычно были люди хоть с какой-то военной подготовкой. Большинство же офицеров-северян, пришедших из мирной жизни, вынуждены были учиться на собственном опыте, зачастую ценой поражений и жертв.

Политические соображения играли свою роль при назначении не только младших офицеров, но и генералов. И Линкольн, и Дэвис поступали, сообразуясь с мнением Сената, учитывая факторы партийной принадлежности и происхождения из того или иного штата при назначении как генералов, так и членов кабинета и почтмейстеров. Многие политики имели виды на бригадирские погоны для себя или своих друзей. Линкольн был особенно заинтересован в поддержке войны со стороны демократов, поэтому назначил на генеральские должности многих видных представителей этой партии, среди которых были Бенджамин Батлер, Даниэл Сиклз, Джон Макклернанд и Джон Логан. Чтобы заручиться солидарностью крупных этнических меньшинств Севера, он не обделил и их лидеров — генералами

стали Карл Шурц, Франц Зигель, Томас Мигер и многие другие. Дэвису нужно было утолить воинское честолюбие могущественных региональных политиков, поэтому он дал генеральские погоны таким деятелям, как Роберт Тумбз из Джорджии, Джон Флойд и Генри Уайз из Виргинии.

С точки зрения политики такие назначения были оправданны, но на поле битвы иногда оборачивались катастрофой. «Вручение командования таким лицам, как Бэнкс, Батлер, Макклерланд, Зигель и Лью Уоллас, мало чем отличается от убийства, — писал карьерный офицер, выпускник Вест-Пойнта Генри Хэллек, — однако сдается мне, что воспрепятствовать этому невозможно»²³. «Политический генерал» стало выражением, практически синонимичным некомпетентности, в особенности среди северян. Правда, были исключения. Некоторые из тех, кого назначили по политическим соображениям, действительно превращались в первоклассных командиров (к примеру, Фрэнк Блэр и Джон Логан). Выпускники Вест-Пойнта Улисс Грант и Уильям Шерман получили свои первые назначения при содействии конгрессмена от Иллинойса Элиху Уошберна и сенатора от Огайо Джона Шермана (брата Уильяма). Как бы то ни было, профессионалы из Вест-Пойнта занимали большинство командных постов в обеих армиях, и некоторые из них показали себя гораздо хуже, чем «генералы от политики». «Гражданские генералы» порой горько сетовали на засилье «вест-пойнтовой клики», управляющей армиями как закрытыми корпорациями, контролирующей воинское производство и оставляющей лучшие командные посты за собой.

Назначение «генералов от политики», как и избрание ротных офицеров, было существенной частью процесса, благодаря которому в высшей степени политизированное общество вовлекалось в войну. Дисциплина в армиях Юга и Севера хромала на обе ноги. Уже в 1864 году генерал-инспектор армии Северной Виргинии жаловался на «трудности с точным и быстрым исполнением приказов»: «Я не вижу надлежащих уважения и повиновения приказам, которые должны пронизывать структуру военной организации». «Мятежник Джонни» и «янки Билли» не могли взять в толк, почему нужно подчиняться приказам приятелей с соседней улицы, надевших теперь погоны. «У нас тут ввели правило строгое, приказ на торжественном построении зачитали, чтобы мы все шапки долой, когда подходим

23 O. R. Ser. I. Vol. 34, pt. 3. P. 332—333.

к полковнику или к самому генералу, — писал рядовой из Джорджии. — Такой расклад никуда не годится. По мне так гори он в аду, а не буду я шапку перед ним ломать, пусть уж лучше меня прикончат сразу». Примерно в то же самое время и рядовой из Массачусетса писал: «Муштра, взятие на караул при виде офицеров и их охрана себя изжили»²⁴.

Многие офицеры и правда давали мало поводов для уважения. Некоторые пьянствовали и кутили, подавая, безусловно, пример нижним чинам. Летом 1861 года 75-й Нью-Йоркский полк квартировал около Балтимора, направляясь в Вашингтон. «Сегодня в лагере нет двухсот человек, — в отчаянии заносил в полковой журнал писарь. — Капитан Кэтлин, капитан Херберт, лейтенант Купер и еще один или два офицера содержатся под арестом. Сто человек пьяны, еще сотня разошлась по домам терпимости... Полковник Элфорд напивается постоянно». В 1862 году рядовой из Северной Каролины так писал о своем капитане: «Как-то раз он, будучи под мухой... посадил меня на гауптвахту, зато когда он напился в поезде от Уилмингтона до Голдсборо, мы заперли его в сортире. Так что теперь мы квиты»²⁵.

Впрочем, такие офицеры составляли меньшинство, и спустя какое-то время их ряды были прорежены экзаменационными комиссиями или добровольными отставками. Лучшие офицеры «из штатских» взялись за новую профессию со всей серьезностью. Многие из них корпели по ночам за руководствами по строевой подготовке и тактике. Они избегали отдавать маловажные или неразумные приказы, а подчинения приказам обоснованным добивались не зуботычинами, а личными качествами и убеждением. Они увлекали солдат за собой не директивами, а личным примером и в бою находились на передовой, а не отсиживались позади. В обеих армиях количество убитых в бою офицеров на 15% превышало количество убитых солдат и сержантов, а шанс генерала пасть на поле брани был наивысшим — на 50% больше, чем у рядового.

Солдаты Гражданской войны учились воевать не в учебных частях, а на поле боя. Вследствие изначального недостатка профессионализма подготовка новобранцев была формальной. Она пре-

24 Ibid. Ser. I. Vol. 42, pt. 2. P. 1276; Hahn S. H. *The Roots of Southern Populism: Yeoman Farmers and the Transformation of the Georgia Upcountry, 1850—1890*. NY, 1983. P. 118; Wiley D. I. *Billy Yank...* P. 220.

25 Catton B. *Mr. Lincoln's Army*. Garden City (NY), 1956. P. 64—65; Wiley D. I. *The Life of Johnny Reb: The Common Soldier of the Confederacy*. P. 242.

имуущественно состояла из приемов строевой подготовки с оружием (но без большой практики стрельбы), движения в составе роты или полка (иногда бригады) и ведения перестрелок. Очень редко солдаты принимали участие в дивизионных маневрах или в учебных боях. Да и бригады стали соединяться в дивизии не раньше июля 1861 года, а дивизии не сливались в корпуса вплоть до лета 1862 года²⁶. Порой полки бросали в битву каких-то три недели спустя после их формирования, что приводило к предсказуемому результату. Генерал Гельмут фон Мольтке, глава прусского генерального штаба, отказывался от приписанных ему слов, что американские армии в 1861 году были не чем иным, как вооруженными толпами, гоняющимися друг за другом по сельской местности, однако он и многие другие профессиональные военные Европы имели основания так считать. Справедливости ради надо сказать, к 1862 или 1863 году приобретенный опыт превратил ветеранов янки и мятежников в закаленных, умудренных жизнью солдат, чьи терпение и готовность сносить взыскания начальства поражали многих европейцев, до того считавших американцев пустыми хвастунами, которым неведомо мужество. Обозреватель из Великобритании, посетивший поле битвы при Энтитеме, писал: «На семи-восьми акрах леса нет

26 Армии Союза и Конфедерации были организованы по схожей схеме. Четыре пехотных полка (позже иногда пять или шесть) образовывали бригаду, во главе которой стоял бригадный генерал. Три (иногда четыре) бригады составляли дивизию, которой командовал также бригадный генерал или генерал-майор. Две дивизии или больше (обычно три) составляли корпус, возглавляемый генерал-майором в армии северян и генерал-майором или генерал-лейтенантом в армии южан. Небольшая армия могла состоять из единственного корпуса, ключевые армии — из двух или больше. Теоретически в полном составе пехотного полка числилось 1000 человек, бригады — 4000, дивизии — 12 000, корпуса — 24 000 или более. На практике же в армии Союза средний размер каждого соединения составлял от трети до половины от указанного. Дивизии и корпуса конфедератов были в целом крупнее, так как дивизия южан обычно включала в себя четыре бригады, а корпус — четыре дивизии. Кавалерийские полки часто состояли из двенадцати, а не из десяти рот (называемых в кавалерии эскадронами). Кавалерийские полки, бригады или дивизии в зависимости от конкретной ситуации прикреплялись к дивизии, корпусу или армии. К 1863 г. кавалерийские дивизии конфедератов иногда действовали как полунезависимое соединение; в следующем году союзная кавалерия последовала их примеру, еще чаще применяя тактику независимых операций. Легкие артиллерийские батареи (каждая батарея состояла из четырех или шести орудий) прикреплялись к бригаде, дивизии или корпусу, в зависимости от требований ситуации. Среди всех участников войны со стороны Севера около 80% служили в пехоте, 14% — в кавалерии и 6% — в артиллерии. У южан было столько же артиллеристов, но несколько больше кавалеристов (около 20%).

ни одного дерева, в которое не вонзились бы стаи пуль или горы осколков. Невозможно понять, как кому-то удалось выжить под таким огнем, который велся здесь»²⁷.

V

Дилетантство и неразбериха характеризовали не только мобилизацию армий, но и стратегическое развертывание. Большинство офицеров почти ничего не смыслили в стратегии. Учебный план Вест-Пойнта уделял крайне мало внимания стратегии — упор в нем делался на инженерное дело, математику, фортификацию, управление армией и поверхностные сведения о тактике. Распределение большинства офицеров по гарнизонам и их участие в войнах с индейцами на фронтире мало побуждало к изучению премудростей стратегии. Немногие генералы (если вообще хоть кто-нибудь) читали труды Карла фон Клаузевица, выдающегося теоретика военного искусства XIX века. Некоторые офицеры читали произведения Антуана Анри Жомини, швейцарца, служившего в штабе Наполеона, знаменитого хрониста кампаний великого корсиканца. Все выпускники Вест-Пойнта были знакомы с принципами Жомини через изложение Денниса Харта Мэхэна, преподававшего в военной академии около полувека. «Основы военного искусства и науки» (1846) Генри Хэллека — во многом просто перевод труда Жомини — использовались в Вест-Пойнте в качестве учебника. Однако влияние идей Жомини на ход Гражданской войны не стоит преувеличивать, как сделали некоторые историки²⁸. Многие «принципы» Жомини были общими местами, да и вряд ли их авторство принадлежало ему: концентрация основной группировки войск против разрозненных сил врага; угроза вражеским коммуникациям и защита своих; атака слабых мест в расположении противника ударными частями и так далее. Существует мало свидетельств о том, что труды Жомини сколько-нибудь значимо повлияли на оперативное искусство времен Гражданской войны: наиболее успешный ее стратег Грант признавался, что никогда не читал Жомини.

Метод проб и ошибок сыграл гораздо более важную роль в стратегии войны, чем ее теория. Большинство офицеров в 1861 году

27 Цит. по: *Luvaaas J. The Military Legacy of the Civil War: The European Inheritance. Chicago, 1959. P. 18—19.*

28 Последовательную критику «школы Жомини» см.: *McWhiney G., Jamieson P. D. Attack and Die: Civil War Military Tactics and the Southern Heritage. University (Ala.), 1982. P. 146—153.*

опирались на опыт американо-мексиканской войны, но легкая победа над слабым противником, одержанная в эпоху гладкоствольных ружей, сослужила плохую службу командирам Гражданской войны, столкнувшимся с решительно настроенной армией, вооруженной (после 1861 года) нарезным оружием. Таким образом, опыт, необходимый для ведения Гражданской войны, нужно было получить в ходе самой этой войны. Военная стратегия эволюционировала и приспособлялась под конкретную ситуацию по мере того, как генералитет и гражданские деятели учились на своих ошибках, война превращалась из локальной в тотальную, а политические требования и гражданское самосознание менялись. Гражданская война была в первую очередь политической войной, войной народа, а не профессиональных армий, поэтому политические лидеры и общественное мнение серьезно влияли на ее стратегию.

В 1861 году многие американцы представляли себе войну как романтически эффектное действо. «Находясь тут, я чувствую, что отдаляюсь от по-настоящему славных дел», — писал один южанин своим родным. Многие конфедераты вторили жителю Миссисипи, говорившему, что он поступил в армию, «чтобы сражаться с янки — отличная потеха!». Штатский наблюдатель, переезжавший вместе с правительством Конфедерации из Монтгомери в Ричмонд в мае 1861 года, писал, что поезда «набиты войсками, и все они веселятся, как будто едут не на битву, а на пикник»²⁹. Новобранец из Нью-Йорка писал своим домашним вскоре после зачисления: «Я и остальные ребята находимся в отличном настроении... нам очень весело здесь». Отправлявшиеся на фронт полки маршировали перед ликующими толпами, размахивавшими флагами, под оркестры, игравшие военные марши, с манящим предчувствием славы. «Война делает нас слезливо-сентиментальными», — писала в июне 1861 года в своем дневнике южанка Мэри Бойкин Чеснат³⁰.

Многие люди по обе стороны были убеждены, что война не продлится долго: одна-две битвы — и трусливые янки (или мерзкие мятежники) выбросят белый флаг. Солдат из Алабамы писал в 1861 году, что в следующем году настанет мир: «...так как мы перебьем всех янки, если вообще с ними будет хоть какая-то битва. Я уверен, что бригада Уокера разобьет хоть 25 тысяч янки. Полагаю, что сам я

29 Davis W. C. *Battle at Bull Run*. P. 57; Wiley B. I. *Johnny Reb...* P. 27; Strode H. *Jefferson Davis: Confederate President*. NY, 1959. P. 89.

30 Wiley B. I. *Billy Yank...* P. 27; Mary Chesnut's *Civil War*. P. 69.

точно справлюсь с двадцатью пятью». Северяне обладали такой же самоуверенностью — недаром герой Джеймса Рассела Лоуэлла, вымышленный философ-янки Осия Биглоу с печалью вспоминал:

После позора Самтера весной,
 Когда на флагштоке флаг бил искрой,
 И люди под сенью этого знамени
 Огнем исполнялись, будто от пламени,
 Надежда теплилась в нашей груди,
 Я думал: «Мятежникам, нет, не уйти,
 Джефф Дэвис, лезь в петлю, пощады не жди!»³¹

С такой уверенностью в скором успехе все размышления о стратегии казались излишними. Ответственные лица по обе стороны фронта не разделяли простодушную веру в скорый конец борьбы, однако и они не могли предвидеть, во что превратится этот конфликт: в тотальную войну, требующую полной мобилизации людей и ресурсов, уничтожающую этих людей и ресурсы в огромных масштабах, конец которой возможен лишь в результате безоговорочной капитуляции. Весной 1861 года большинство лидеров северян мыслили в рамках локальной войны. Их целью было не завоевание Юга, а подавление мятежа и возвращение лояльности южан. Вера в южный юнионизм держалась еще долго.

Война за локальные цели требовала и ограниченных средств. Главнокомандующий союзной армией Уинфилд Скотт разработал подходящую для этого стратегию. Будучи виргинским юнионистом, Скотт выступал против завоевательной войны, которая, даже в случае успеха, образует «пятнадцать разоренных провинций [то есть рабовладельческих штатов], не могущих жить в гармонии со своими завоевателями, но угнетаемыми в течение долгих поколений с помощью многочисленных гарнизонов, чье содержание обойдется нам вчетверо относительно чистых пошлин и налогов, которые мы могли бы взыскивать с Юга». Вместо вторжения на Юг Скотт предлагал «окружить» Конфедерацию с помощью блокады с моря и флота из канонерских судов, которые вместе с войсками продвинулись на юг вдоль Миссисипи. Таким образом, оказавшись отрезанными от остального мира, мятежники задохнутся в этом мешке, и правитель-

31 Солдат из Алабамы цит. по: McWhiney G., Jamieson P. D. Attack and Die... P. 170; Биглоу цит. по: Nevins A. War... I. P. 75.

ство «сможет заставить их согласиться на все условия, пролив при этом крови меньше, чем при любом другом развитии событий»³².

Выполнение плана Скотта потребовало бы времени: на приобретение нужного количества кораблей, чтобы блокада была эффективной, на постройку канонерских лодок и на обучение экспедиционного корпуса, который двинется вдоль Миссисипи. Скотт осознавал и главный недостаток своего плана: «Нетерпение наших патриотически настроенных верных друзей Союза. Они будут требовать немедленных и решительных действий, не вполне, сдаётся мне, представляя все последствия»³³. Так и произошло. Общественное мнение Севера требовало «сокрушить» армию мятежников, занявшую Манассас — железнодорожный узел в Северной Виргинии, пересечение линий, ведущих в долину Шенандоа и в штаты Нижнего Юга. Газетчики пренебрежительно называли стратегию Скотта «план „Анаконда“». Когда правительство Конфедерации приняло предложение Ричмонда перенести туда столицу, а Конгресс южан назначил в Ричмонде свою следующую сессию на 20 июля, принадлежавшая Хорасу Грили *New York Tribune* стала выходить с таким постоянным заголовком:

ВПЕРЕД НА РИЧМОНД! ВПЕРЕД НА РИЧМОНД!

Конгресс мятежников не должен собраться там
20 июля

К ЭТОМУ СРОКУ ГОРОД ДОЛЖЕН БЫТЬ ЗАНЯТ
АРМИЕЙ СОЮЗА

Другие газеты подхватили призыв двигаться на Ричмонд. Некоторые из них намекали на то, что «план „Анаконда“» означает предательское нежелание Скотта вторгаться в родной штат. Многие северяне были не в состоянии понять, почему генерал, который с 11 тысячами человек вторгся в страну с восьмимиллионным населением, совершил марш-бросок на 175 миль, разбил огромные вражеские армии и захватил столицу этой страны, уклоняется от вторжения в Виргинию и схватки с врагом, стоящим в 25 милях от столицы Соединенных Штатов. На ранних стадиях Гражданской войны сногшибательные успехи, достигнутые в результате наступательной тактики ведения мексиканской кампании, заставляли

32 Elliott Ch. W. Winfield Scott: The Soldier and the Man. NY, 1937. P. 698; O. R. Ser. I. Vol. 51, pt. 1. P. 369—370.

33 Ibid. P. 387.

командующих обеих армий искать счастья в атаке. Успехи Лайона в Миссури и Макклеллана в Западной Виргинии только подтверждали ценность упреждающих ударов.

Скотт оставался при своем мнении. Он считал набор «зеленых» новобранцев на 90 дней бесполезным, а полкам «трехлеток» потребуется несколько месяцев подготовки, прежде чем они смогут вступить в бой. Но Скотт шел не в ногу с политическими требованиями 1861 года. Под давлением общественности правительство более не могло откладывать выступление на виргинском фронте. Впрочем, рекомендованная Скоттом блокада портов южан также началась, а предложенное им продвижение войск вдоль Миссисипи стало частью стратегии Союза в 1862 году. Но события в конечном счете показали, что Север мог выиграть войну, только уничтожив сухопутные силы Юга. В этом отношении народный призыв к «разгрому» мятежников был основан на здравом, хоть и слишком кровожадном, чувстве. Сам Линкольн считал, что риск наступления под Манассасом оправдан. Такая атака соответствовала его представлению о локальной войне. В случае успеха она могла дискредитировать сецессионистов и привести к захвату Ричмонда, но социально-экономическая система Юга не была бы уничтожена — посягательства на южные территории не произошло бы.

К июлю 1861 года 35 тысяч союзных войск были сосредоточены под Вашингтоном. Ими командовал генерал Ирвин Макдауэлл, бывший штабной офицер шотландских частей, не имевший опыта командования в боевых условиях. Любопытное сочетание трезвенника и обжоры, Макдауэлл не был обделен ни умом, ни энергией, но с самого начала все у него пошло не так. В ответ на предписание Линкольна Макдауэлл подготовил план фланговой атаки на 20 тысяч конфедератов, оборонявших Манассас. Существенная роль в этом плане отводилась пятнадцатитысячному отряду генерала Паттерсона, 69-летнего ветерана войны 1812 года, который стоял под Харперс-Ферри и должен был помешать 11 тысячам конфедератов прийти на помощь Манассасу.

План был совсем неплох, однако он годился для обученных солдат под руководством опытных офицеров, а у Макдауэлла не было ни тех ни других. На совещании по тактике ведения войны, которое прошло в Белом доме 29 июня, Макдауэлл просил об отсрочке наступления до тех пор, пока он не обучит новобранцев из «трехлетних» полков. Скотт вновь выступил с предложением «плана „Анаконда“». Однако генерал-квартирмейстер Мейгс, когда спросили его

мнение, ответил так: «Я не думаю, что мы когда-либо сможем закончить войну, не разгромив мятежников... Лучше разбить их здесь, чем идти вглубь враждебной нам территории [в ответ на предложение Скотта двигаться вдоль Миссисипи]... Дела сейчас обстоят так, что сражаться в Виргинии лучше, да к тому же и менее затратно»³⁴. Линкольн согласился с Мейгсом. Что же касается неопытности войск Макдауэлла, то Линкольн, казалось, прочитал мысли одного из офицеров южан в Виргинии, который сообщал, что его люди настолько отстают в вопросах «дисциплины и обучения», что будет «тяжело полагаться на них в бою»: «На целый полк у меня не наберется и одной роты солдат регулярной армии». Президент приказал Макдауэллу начинать наступление: «Ваши новобранцы необстреляны, это правда, но с той стороны они точно такие же»³⁵.

Командующим южан под Манассасом был Пьер Борегар, щеголеватый и красноречивый герой форта Самтер, имевший манеры Наполеона и наполеоновские же амбиции. Войска мятежников в долине Шенандоа возглавлял Джозеф Джонстон, невысокий, безукоризненно одетый, честолюбивый, но осмотрительный человек с пристальным взглядом и повышенным чувством собственного достоинства. Со своими противоположными — наступательным и оборонительным — настроениями Борегар и Джонстон демонстрировали два полюса стратегического мышления южан. Основной военной целью Конфедерации, как и Соединенных Штатов времен Войны за независимость, было защитить страну от завоевания. Конфедераты черпали вдохновение в примере героев 1776 года, одержавших победу над врагом, более могущественным, чем тот, который противостоял южанам. Юг мог «выиграть» войну, не проиграв в ней, в то время как Север мог ее выиграть, только победив. Огромная территория Конфедерации — 750 тысяч квадратных миль, равная территории России к западу от Москвы и вдвое превышающая площадь первых тринадцати штатов, — делала задачу Линкольна такой же тяжелой, как и задачи Наполеона в 1812 году и Георга III в 1776-м. Военный аналитик лондонской *Times* так комментировал начало войны: «Одно дело — отбросить мятежников с южного берега Потомака или даже занять Ричмонд, и совсем другое — покорить и удержать под своей властью земли, почти

34 Weigley R. F. *Quartermaster General of the Union Army: A Biography of M. C. Meigs*. New York, 1959. P. 172.

35 Freeman D. S. *Lee's Lieutenants: A Study in Command*. 3 vols. NY, 1943—1944. I. P.13; Williams T. H. *Lincoln and His Generals*. New York, 1952. P. 21.

столь же обширные, как европейская часть России... Обычно все войны за независимость оканчивались успешно, за исключением тех, где силы были слишком уж неравны, однако здесь явно не тот случай... Как англичане во время Войны за независимость вынуждены были отказаться от завоевания колоний, так и Север вынужден будет отказаться от усмирения Юга»³⁶.

Джефферсон Дэвис был согласен с этим: в начале войны он, казалось, наметил такую же стратегию ведения войны, как и Джордж Вашингтон во время Войны за независимость. Вашингтон уступал территорию, чтобы выиграть время; он отводил войска при появлении превосходящих сил врага; он контратаковал изолированные аванпосты британцев или разрозненные отряды всякий раз, когда такая атака обещала успех; но прежде всего он избегал крупных сражений, в которых его армия могла быть уничтожена, а его дело — проиграно. Такая стратегия была направлена на изнурение противника, это была стратегия победы без генеральных сражений, истощения ресурсов лучше укомплектованного врага, который в конце концов принужден был бы прекратить слишком затянувшуюся и становящуюся чрезмерно дорогой войну³⁷.

Однако не ограниченно и случайно, а масштабно применять такую тактику Дэвису мешали два главных фактора, вытекавших как из политической, так и из сугубо военной реальности. Во-первых, губернаторы, конгрессмены и все общество требовали, чтобы войска защищали каждую пядь территории Конфедерации от «аболиционистских полчищ Линкольна». Таким образом, в 1861 году армия была разбита на небольшие соединения, рассредоточенные по всему периметру Конфедерации: на границе Арканзаса и Миссури, в некоторых пунктах побережья Мексиканского залива и Атлантического океана, вдоль границы Теннесси и Кентукки, в долине Шенандоа, Западной Виргинии и Манассасе. Историки критиковали такую «кордонную оборону», так как рассредоточенные войска составляли столь тонкую линию, что союзная армия просто обязана была прорвать ее, что и произошло на некоторых участках в 1862 году³⁸.

36 Times. 1861. July 18; 1862. Aug. 29.

37 В особенности см.: Weigley R. F. The American Way of War: A History of United States Military Strategy and Policy. Bloomington, 1973. P. 3—17, 96.

38 Williams T. H. The Military Leadership of North and South; Potter D. M. Jefferson Davis and the Political Factors in Confederate Defeat // Why the North Won the Civil War. NY, 1960. P. 45—46, 108—110.

Вторым фактором, игравшим против примененной Вашингтоном стратегии на истощение ресурсов врага, стал темперамент южан. Убежденные в безоговорочной победе над любым количеством янки, многие южане с презрением относились к тому, что нужно «сидеть сложа руки и ждать», пока федералисты начнут атаковать. «Идея ожидания удара, вместо того чтобы нанести его первыми, абсолютно не соответствует духу нашего народа, — заявляла *Richmond Examiner*. — Лучшая оборона — нападение. Походная колонна, вторгшаяся в Огайо или Пенсильванию, гораздо лучшая оборонительная мера, чем заслон из прибрежных артиллерийских батарей на всем протяжении от Норфолка до Рио-Гранде»³⁹. Тон южной прессы, призывавшей к наступлению на Вашингтон, ничем не отличался от северных газет, надрывавшихся в призывах взять Ричмонд. Борегар разработал несколько смелых планов наступления на позиции Макдауэлла, но после того, как узнал о встречных планах наступления северян, он погрузился в размышления.

В конце концов конфедератам удалось объединить различные векторы тактической теории и политической реальности в то, что Дэвис назвал «оборонительно-наступательной стратегией». Она состояла в том, чтобы защищать территорию Конфедерации, используя внутренние коммуникации (идея Жомини, вытекающая, впрочем, из здравого смысла), сконцентрировать разобщенные войска для противостояния армии захватчика и, если представится случай, перейти к наступательным действиям, возможно даже вторгшись на территорию Союза. Никто никогда не применял эту стратегию систематически и всесторонне. Более-менее четкое ее претворение в жизнь, пожалуй, можно наблюдать от серии ключевых кампаний на театрах Виргиния — Мэриленд и Теннесси — Кентукки в 1862 году до кульминации в битве при Геттисберге в 1863-м. Намеки на нее проявились в первом сражении при Булл-Ране (Манассасе) — мелком по меркам дальнейших событий, но имевшем очень важные психологические последствия как для северян, так и для южан.

39 *Richmond Examiner*. 1861. Sept. 27.

11.

Прощание с девяностодневной войной

I

Генерал Макдауэлл имел все основания медлить с маршем своих новобранцев на Ричмонд в июле 1861 года. Обстоятельства, над которыми он был не властен, препятствовали кампании с самого начала. Выдвижение 30-тысячной армии Макдауэлла откладывалось вследствие нехватки повозок и необходимости доукомплектовать бригады и дивизии опаздывавшими полками. Когда армия наконец снялась с лагеря 16 июля, то выяснилось, что срок службы некоторых солдат, что были наняты на 90 дней, подошел к концу. Так, например, целый пехотный полк и артиллерийская батарея покинули расположение северян накануне битвы. Солдаты конфедератов, зачисленные на более долгий срок, имели психологическое преимущество, так как мотивация рекрута, чей срок уже почти вышел, всегда ниже.

Находившийся в долине Шенандоа генерал Роберт Паттерсон также опасался, что «девяностодневные» добровольцы в его пятнадцатитысячной армии не будут воевать с энтузиазмом против одиннадцатитысячного войска Джозефа Джонстона. Это было одной из причин, по которым Паттерсон не справился со своей задачей удержать Джонстона в долине, пока Макдауэлл атакует Борегара. Паттерсона также ввели в заблуждение и приказы из Вашингтона, из которых было неясно, нужно ли ему атаковать позиции Джонстона

или ограничиться маневрированием. Ошибочно полагая, что южане превосходят его по численности, Паттерсон избрал более безопасную тактику. К сожалению, в результате он не принял участия в кампании вообще. Армия Джонстона ускользнула от него 18 и 19 июля, совершив марш-бросок от Уинчестера до железнодорожной станции в Пидмонте, где погрузилась на поезда до Манассаса. С их прибытием силы конфедератов под Манассасом сравнялись по численности с армией Макдауэлла.

Борегар был осведомлен о наступлении Макдауэлла благодаря своей шпионской сети в Вашингтоне, возглавляемой Роуз О'Нил Гринхау, водившей знакомство с некоторыми северными политиками и одновременно являвшейся агентом конфедератов. Даже будучи предупрежденным, Джонстон не смог бы присоединиться к Борегару вовремя, если бы армия Макдауэлла не двигалась черепашиным шагом. На этом этапе войны солдатам, не имевшим опыта марш-бросков и к тому же тащившим на себе пятьдесят фунтов амуниции, требовалось три дня на покрытие дистанции, которую позже привыкшие к маршам ветераны преодолевали за день. На каждом повороте дороги приходилось расчищать от деревьев, срубленных топорами южан, или укрываться от «замаскированных батарей», о которых ходили зловещие слухи. Известие о привале медленно, по цепочке достигало хвоста колонны, и солдаты, уставшие от многочасовой ходьбы под июльским солнцем, разбрелись в поисках воды или ягод. К тому времени как янки наконец добрались до Сентрвилла, расположенного в трех милях от укреплений южан на другом берегу Булл-Рана, они съели все запасы продовольствия и должны были бездействовать еще целый день, пока не подошел обоз с провизией. Испытывая недостаток в обученных кавалеристах, Макдауэлл лично провел рекогносцировку и обнаружил, что пересеченная местность и внушительные редуты южан мешают его планам атаковать именно этот фланг. На другой день он решил атаковать левый фланг и исследовал подступы к нему. Тем временем переполненные поезда на всех парах везли отряд Джонстона к Манассасу. Ко времени начала наступления северян утром 21 июля три бригады Джонстона уже прибыли, а четвертая была в пути.

Несмотря на все проволочки, Макдауэлл был на грани победы. Борегар распределил свои войска вдоль южного берега Булл-Рана, медленного и заболоченного ручья в нескольких милях к северу от Манассаса. Полки конфедератов охраняли железнодорожный мост

с правой стороны, мост со шлагбаумом Уоррентон в шести милях вверх по течению и полдюжины бродов между мостами. Ожидая, что Макдауэлл направит свои войска к железной дороге, Борегар перебросил девять из десяти с половиной своих бригад на этот фланг, с которого он рассчитывал внезапно атаковать янки утром 21 июля, упредив их наступление. Вместо этого пушечный и ружейный огонь в нескольких милях вверх по течению ручья вскоре после рассвета заставил его убедиться, что Макдауэлл первым преподнес сюрприз.

Десятитысячная атакующая группировка федералов в 2 часа ночи, пробравшись через подлесок и колеи от повозок, сделала шестимильный крюк, чтобы зайти противнику во фланг, в то время как остальные соединения предприняли отвлекающий маневр к мосту со шлагбаумом. Эта колонна перешла вброд Булл-Ран в двух милях вверх по течению от моста, где дозоры конфедератов их не ждали. Командовал мятежниками у моста полковник Натан Эванс, строптивый и сильно пьющий южнокаролинец. Поняв, что артобстрел северянами моста является отвлекающим маневром, и увидев облако пыли, поднятое обходящей левый фланг колонной, Эванс во главе большей части своих войск пошел навстречу неприятелю и столкнулся с первой бригадой северян, растянувшейся на марше. Эвансу удалось замедлить наступление янки до тех пор, пока ему на выручку не подоспели две бригады.

На протяжении двух часов 4500 мятежников дрались за каждый клочок земли с 10 тысячами янки к северу от дороги. Для совершенно необстрелянных новобранцев обе стороны сражались на удивление хорошо, но недостаток опыта помешал офицерам северян предпринять одновременное выступление всех полков. Тем не менее под натиском превосходящих сил противника южане вынуждены были отступить за шлагбаум, на склоны холма Генри-Хауз-Хилл. Несколько северных полков прорвали фронт и устремились в тыл врага; Макдауэлл, казалось, был близок к тому, чтобы одержать блестящую победу. Из Вашингтона наблюдать за битвой прибыло множество репортеров, конгрессменов и прочих гражданских лиц. С их наблюдательного пункта в двух милях от поля боя трудно было разглядеть что-то кроме дыма сражения, но их воодушевляли сообщения о победе Союза, а телеграммы, посылаемые в Вашингтон, пробудили надежды в Белом доме.

Сообщения эти оказались преждевременными. Джонстон и Борегар послали подкрепления на левый фланг конфедератов и даже

сами прибыли на передовую. Там им удалось объединить разрозненные части армии. В течение нескольких часов во второй половине дня отчаянные, но стихийные атаки и контратаки волнами накатывались на Генри-Хауз-Хилл (названный в честь дома Джудит Генри, прикованной к постели вдовы, по собственному желанию оставшейся дома и погибшей при попадании снаряда). Те, кого война впоследствии вознесла на пик славы, сражались в самом пекле. На стороне Союза были Амброз Бернсайд, Уильям Текумсе Шерман и Оливер Ховард: каждый из них командовал при Булл-Ране бригадой, а закончил войну командующим армией. На стороне Конфедерации были Борегар и Джонстон: первый был главнокомандующим, а второй отвечал за оперативное управление войсками. С ними были и полковник Джеймс «Джеб» Стюарт, энергичный, гордый романтик с густой бородой, к тому же великолепно знавший свое дело командир кавалерийского полка, отразивший наступление союзной пехоты безумным по отваге выпадом; Уэйд Хэмптон, чей южнокаролинский «легион» понес тяжелые потери; Томас Джексон, бывший преподаватель Виргинского военного института, а ныне командующий виргинской бригадой в долине Шенандоа. Лишенный чувства юмора, замкнутый, эксцентричный поборник строгой дисциплины, не знавший сострадания к человеческим слабостям, ревностный пресвитерианин, относивший успехи конфедератов к проявлению Божьей воли и уподоблявший янки дьяволу, Джексон стал одним из лучших генералов войны и легендой своей эпохи.

Легенда начала складываться здесь, на Генри-Хауз-Хилле. В то время как полки конфедератов, сражавшиеся утром, после полудня отошли на другую сторону холма, Джексон как раз развернул свои свежие войска в боевую колонну за его вершиной. Южнокаролинский генерал Барнард Би, пытавшийся собрать остатки своей разбитой бригады, указал им на отряд Джексона и прокричал что-то вроде: «Посмотрите на Джексона — он стоит здесь как каменная стена! Вставайте к виргинцам!» Хотя по крайней мере один очевидец придает словам Би другой смысл, заявляя, что генерал сердито показал на войска Джексона, стоявшие в бездействии за вершиной холма, и воскликнул: «Посмотрите на Джексона, который торчит тут, как чертова каменная стена!» Что бы ни имел в виду Би, спросить его самого уже было нельзя — вскоре его жизнь оборвала федеральная пуля, а бригада Джексона остановила наступление северян и потеряла убитыми и ранеными больше, чем любое другое соединение конфедератов в этой битве. После этого Джексона стали называть

«Каменной стеной», а его солдат, стоявших насмерть под Манассасом, — бригадой «Каменная стена»¹.

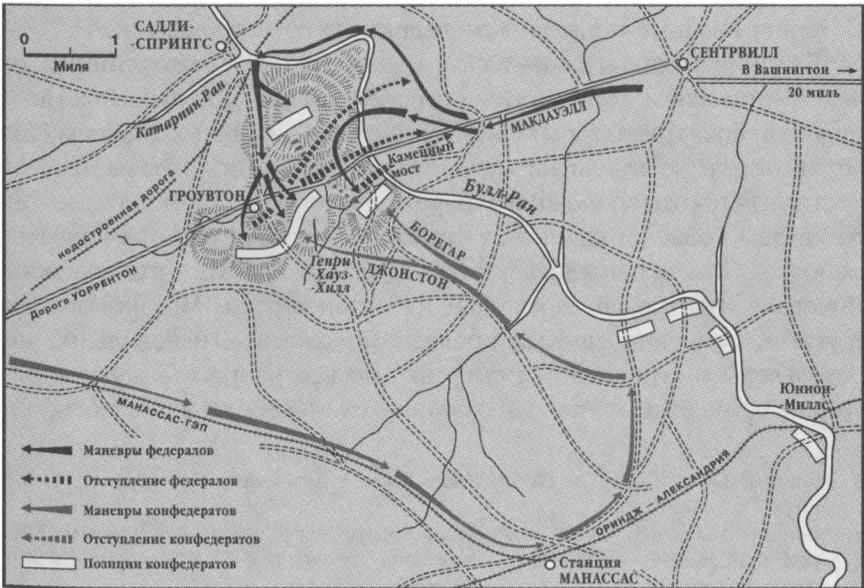
Во время битвы то и дело случалась путаница из-за униформы. Во многих случаях солдаты прекращали огонь, опасаясь задеть своих, или, наоборот, попадали в своих по ошибке. Та же самая проблема возникала и с национальными флагами, которые нес каждый полк. С одиннадцатью звездами на синем поле и с двумя красными и одной белой горизонтальной полосой, флаг Конфедерации в дыму сражения можно было принять за звездно-полосатый флаг Соединенных Штатов. После этого сражения Борегар предложил новый флаг — с белыми звездами внутри синего Андреевского креста на красном фоне, который и стал узнаваемым символом Конфедерации².

Один такой случай повлиял и на исход битвы. Во время кульминации битвы за Генри-Хауз-Хилл две союзные артиллерийские батареи буквально косили конфедератов. Внезапно из рожи в семидесяти ярдах справа от двух орудийных расчетов появился одетый в синюю форму пехотный полк. Полагая, что это подходит запрошенное подкрепление, артиллерия на несколько минут прекратила огонь, а в это время солдаты, оказавшиеся 33-м виргинским пехотным полком бригады Джексона, открыли прицельную стрельбу по северянам. Артиллерия была подавлена, и атака северян на этом участке сражения захлебнулась.

И действительно, во второй половине дня армия северян утратила и без того слабую сплоченность, полки стали сражаться каждый сам по себе, оставшие от них солдаты незаметно уходили в тыл, а Макдауэллу не удалось бросить в бой две резервные бригады. Борегар и Джонстон, наоборот, сумели ввести в сражение все имевшиеся в наличии силы, включая последнюю бригаду из долины Шенандоа, только что выгрузившуюся из поезда и вступившую в бой в 4 часа пополудни. К этому моменту мятежники сравнялись с федералами по численности войск (примерно по 18 тысяч человек с каждой стороны к концу сражения), а в свежих частях и вовсе имели решающее преимущество. Большинство союзных полков шли маршем или сражались почти все эти четырнадцать часов, оставшись практически без пищи и воды

1 Freeman D. S. Lee's Lieutenants: A Study in Command, 3 vols. NY, 1943—1944. I. P. 733—734.

2 С принятием в конце 1861 г. в состав Конфедерации Миссури и Кентукки флаг получил тринадцать звезд, что хоть и было случайным совпадением, будило воспоминания о первой американской Войне за независимость.

в тот немилосердно жаркий и душный день. Видя, как помощь без конца подходит к противнику, некоторые солдаты-северяне спрашивали: «А где же наши резервы?» В это время Борегар, почувствовав, что перевес уже на его стороне, приказал перейти в контрнаступление по всему фронту. Как только части конфедератов перешли в атаку, воздух разорвал непонятный и жуткий вопль. Этот леденящий душу крик, скоро ставший знаменитым боевым кличем мятежников, каждый раз вселял страх в сердца их врагов. «Я не слышал ничего подобного по эту сторону преисподней, — вспоминал после войны ветеран армии Севера. — Ощущение, когда этот вопль проридает тебя до самых внутренних, нельзя передать словами. Его можно только почувствовать»³.

Напуганные этим криком в сочетании с контрнаступлением, потерявшие кураж и изможденные янки, чей трехмесячный срок службы практически подошел к концу, внезапно решили, что навоевались вдоволь. Они начали отступать, сперва медленно, оказывая разрозненное сопротивление, но по мере того, как офицеры стали терять контроль над своими частями, а солдаты отставать, разразилась паника, лишившая армию северян последних признаков дисциплины. Отступление превратилось в бегство: люди бросали оружие, вьючных животных, все, что могло замедлить их бег к бродам через Булл-Ран. Некоторые части бригады Шермана и несколько рот регулярной армии сохранили хладнокровие и образовали арьергард, замедливший неорганизованные попытки преследования со стороны южан⁴.

Бегущие солдаты оказались в одном потоке с охваченными паникой штатскими. Некоторые конгрессмены уже в нескольких милях от поля боя тщетно пытались остановить обуреваемых ужасом солдат, которые не имели ни малейшего желания останавливаться, не достигнув противоположного берега Потомака. «Чем дальше они бегут, тем больший их гложет страх, — заключал один из конгрессменов. — Мы обращались к ним, пытались сказать, что опасность миновала, призывали, заклинали их остановиться. Мы называли их трусами, поносили самыми последними словами, наводили на них револьверы и угрожали им смертью, но все напрасно: жуткая, безумная, безнадежная паника охватила их и передавалась всем, кто

3 Catton B. *Glory Road: The Bloody Route from Fredericksburg to Gettysburg*. Garden City, NY, 1952. P. 57.

4 Бригада Шермана понесла наибольшие потери (погиб и полковник Джеймс Кэмерон, брат военного министра) и, возможно, проявила себя в бою лучше прочих союзных частей.

находился вокруг. Стояла ужасная жара, несмотря на то, что уже было почти шесть часов; рты измученных солдат широко открыты, губы потрескались и черны от пороха, выпавшегося, когда в бою они надкусывали патроны. Глаза же полны ужаса — никто на свете еще не видел такого скопления жалких призраков»⁵.

На другом берегу Булл-Рана торжествующие мятежники отмечали победу и собирали в круг сотни пленных федералов. Разделить мгновение победы приехал сам Джефферсон Дэвис. Будучи в душе солдатом, Дэвис не мог усидеть в Ричмонде, когда сражение полыхало всего в восьмидесяти милях от города. Он нанял специальный поезд, взял у Манассаса лошадь и в сопровождении адъютанта поскакал к полю боя. По пути он слышал крики раненых и отставших: «Возвращайтесь! Мы разбиты!» Хотя Дэвис и знал, что в тылу всегда беспорядок, создающий впечатление разгрома, какая бы ситуация ни складывалась на передовой, он продолжал поездку с тяжелым сердцем. Суждено ли его Конфедерации погибнуть? Однако по мере приближения к ставке Джонстона шум битвы откатывался на север. Джонстон доложил о триумфе конфедератов. Окрыленный успехом, Дэвис предложил немедленно преследовать побежденного врага. Хотя некоторые части Конфедерации и продвинулись на милюдругую за Булл-Ран, Джонстон и Борегар считали полномасштабное преследование невозможным. Джонстон сказал: «Наша армия сейчас более дезорганизована победой, чем армия Соединенных Штатов — поражением»⁶.

Когда спустя несколько недель чувство торжества от победы улеглось, южная пресса начала искать козла отпущения за то, что «плоды победы утрачены, а Вашингтон не взят». Начались неприглядные пререкания, где сторонники каждого из трех творцов победы — Дэвиса, Джонстона и Борегара — обвиняли двух других. После войны мемуары всех троих только подлили масла в огонь. Впрочем, они еще в то время понимали, что захват Вашингтона был утопией. Уже вечером 21 июля в Сентрвилле Макдауэлл установил линию обороны из не принимавших участия в сражении резервов. Рано утром следующего дня пошел ливень, превративший дороги в кашу, а транспортно-материальная служба армии конфедератов не была готова поддерживать длительное наступление даже и в хорошую погоду. Армейские продовольственные склады в Манассасе

5 Cox S. S. *Three Decades of Federal Legislation, 1855—1885*. Providence, 1885. P. 158.

6 Johnston J. *Responsibilities of the First Bull Run // Battles and Leaders*. I. P. 252.

практически опустели. Несмотря на панические настроения в Вашингтоне, мятежники туда не явились, да и не могли явиться.

В июле 1861 года все споры о неудаче преследования были еще впереди. Юг торжествовал победу, которая доказывала, что один южанин и вправду может победить сколько угодно янки. С легкостью было забыто, что численно войска были равны, что армия Конфедерации большую часть битвы провела в обороне (что проще, чем вести наступление, особенно при неопытности бойцов) и что янки едва не выиграли битву. В любом случае, битва при Манассасе (или Булл-Ране, как ее называли на Севере⁷) была одной из ключевых тактических побед в войне. Хотя многие на Юге считали, что она не дала плодов, эта битва на целых восемь месяцев отложила любые попытки федералов вторгнуться в Центральную Виргинию. К тому же количество жертв оказалось несравнимо меньшим, чем в позднейших битвах. Конфедераты потеряли 400 человек убитыми и 1600 ранеными, из которых 225 впоследствии скончались. Федералы — 625 убитыми и смертельно ранеными, еще 950 оправились от ранений, а 1200 человек попали в плен⁸.

7 В Союзе и Конфедерации давали разные названия некоторым битвам.

Союз	Конфедерация	Дата
Первая битва при Булл-Ране	Первая битва при Манассасе	21 июля 1861 г.
Логанс-Кроссрудс	Милл-Спрингс	19 января 1862 г.
Питтсбург-Лэндинг	Шайло	6—7 апреля 1862 г.
Вторая битва при Булл-Ране	Вторая битва при Манассасе	29—30 августа 1862 г.
Энтитем	Шарпсберг	17 сентября 1862 г.
Чэплин-Хиллс	Перривилл	8 октября 1862 г.
Стоунз-Ривер	Мерфрисборо	30 декабря 1862 — 2 января 1863 г.
Опикон-Крик	Уинчестер	19 сентября 1864 г.

В каждом случае (кроме Шайло) конфедераты именовали битву по названию города, служившего им базой, тогда как северяне выбирали для названия ориентир, ближайший к месту битвы или к их позициям (обычно реку или ручей). В случае с Шайло (Питтсбург-Лэндинг) южане окрестили битву по названию небольшой церкви, находившейся рядом с местом их атаки, северяне же воспользовались названием плацдарма, который они обороняли. В случае с битвами при Шайло, Перривилле и Уинчестере Север в конце концов принял южные названия этих сражений, и в этой книге используются именно они. Для прочих битв нет общепринятых названий.

8 Жертвы Гражданской войны нельзя исчислить с большой точностью вследствие неполноты или некорректности подсчетов. Указанные здесь данные представляют собой наиболее вероятные оценки, которые можно сделать на основании имеющихся источников. Учтем также, что 15% всех раненых в битвах Гражданской войны впоследствии умерли от ран.

Психологическое значение этой битвы было, пожалуй, самым глубоким. Ее последствия парадоксальны. Ликование южан питало их самонадеянность, и они забыли библейскую истину о том, что гордость предшествует падению. «Манассас оказался одной из решающих битв на земле, — писал политик из Джорджии Томас Кобб, — и гарантировал нам независимость». Эдмунд Раффин считал эту «тяжело доставшуюся победу фактическим концом войны». Он полагал, что следующим шагом Борегара должен стать «бросок на Филадельфию и превращение ее в руины... что будет отплатой за насилие северян»⁹. *Mobile Register* предсказывала, что союзная армия «больше никогда не отойдет от Вашингтона на расстояние пушечного выстрела». *Richmond Whig* пошла еще дальше: «Закат янки как расы, их неспособность к завоеванию господства склоняет чашу весов в сторону Юга. Мы просто обязаны взять власть в свои руки. Мы должны приспособиться к нашему новому предназначению»¹⁰.

Стыд и отчаяние, охватившие многих северян сразу же после битвы, едва ли не склонили их согласиться с выводами южан. «Сегодняшний день войдет в историю как черный понедельник, — писал один житель Нью-Йорка, как только услышал дурные вести. — Мы совершенно опозорены, разгромлены, разбиты, уничтожены». Хорас Грили, чья *New York Tribune* столько сделала для того, чтобы правительство отдало приказ о преждевременном наступлении, целую неделю мучился бессонницей, осыпая себя упреками, а потом отправил выдержанное в трагическом стиле письмо Линкольну: «В каждом уголке организма поселилось злое, жгучее, неизбывное отчаяние... Если для государства и нации наилучшим выходом будет заключить мир с мятежниками, пусть и на их условиях, то нам не следует избегать этого»¹¹.

Однако глубокое и долговременное влияние Булл-Рана на умы северян привело не к укоренению пораженчества, а к возрождению решительности. На следующий день после битвы корреспондент лондонской *Times* предсказывал такой итог: «Этот булавочный укол, после которого лопнул воздушный шар северян, распространив немалое количество ядовитого газа, заставит людей понять

9 Coulter E. M. *The Confederate States of America 1861—1865*. Baton Rouge, 1950. P. 345; Scarborough W. K. *The Diary of Edmund Ruffin*. Vol. II. *The Years of Hope April 1861—June 1863*. Baton Rouge, 1976. P. 96, 98.

10 Andrews J. C. *The South Reports the Civil War*. Princeton, 1970. P. 92; Nevins A. *War... I*. P. 221.

11 Strong G. T. *Diary*. P. 169; *Lincoln Papers*, Library of Congress.

суть конфликта, в который они ввязались». В своей проповеди, посвященной одной из притч Соломоновых, «Несчастья убивают только тогда, когда слабость существует как жертва», один из выдающихся северных пасторов выразил этот новый дух мрачной решимости. Ему вторил обычный рядовой солдат: «Я хотел бы доиграть до конца или умереть в процессе игры». Даже Грили, одной рукой писавший полное отчаяния письмо Линкольну, другой помещал в передовицу *Tribune* такие слова: «Американцам не присуще впадать в отчаяние после поражения... Неудачи, как бы ни оглушали нас поначалу, стимулируют ответную реакцию и обнаруживают неожиданные проявления воли... Так давайте же засучим рукава и проявим волю»¹².

Линкольн согласился как раз с этой передовицей, а не с личным письмом Грили. Потрясенные известиями из Булл-Рана президент и генерал Скотт не впали в панику. День и ночь они работали над тем, чтобы поддержать какую-то видимость порядка среди хаоса поражения. «Сейчас все потеряно, — писал личный секретарь Линкольна, — и пока мы должны вести себя тише воды, ниже травы, прежде чем переживем позор. Правительство будет осуществлять дальнейшую подготовку к войне с удвоенной энергией»¹³. Через день после Булл-Рана Линкольн подписал законопроект о призыве в армию 500 тысяч человек на три года. Три дня спустя он подписал точно такой же указ. Волонтеры в течение нескольких недель наводнили вербовочные пункты; северные губернаторы наперебой предлагали центру все новые и новые полки; вскоре полки начали прибывать в учебные лагеря в окрестностях Вашингтона, где им представили энергичного и многообещающего командующего Джорджа Макклеллана.

В 2 часа ночи после поражения при Булл-Ране Макклеллану пришла телеграмма, в которой говорилось о его назначении на пост командующего новой армией из призванных на три года добровольцев, которая вскоре получила название Потомакской армии. Когда 26 июля Макклеллан прибыл в Вашингтон, то не увидел «армии, командиром которой являлся — был лишь конгломерат частей, оккупировавших берега Потомака: одни абсолютно „зеленые”,

12 Russell W. H. My Diary North and South. NY, 1954. P. 234; проповедь Хораса Бушнелла цит. по: Catton B. The Coming Fury. New York, 1961. P. 468; слова солдата цит. по: Davis W. C. Battle at Bull Run. Garden City, NY, 1977. P. 255; New York Tribune. 1861. July 30.

13 Цит. по: Catton B. Coming Fury. P. 469.

другие — разочарованные поражением»¹⁴. Кто-то может услышать в этих словах нотки самодовольства, однако Макклеллан в первые два месяца командования армией выполнил все, что от него ожидали. Его армейская полиция собрала отбившихся от частей солдат и выкурила из питейных заведений Вашингтона офицеров. Экзаменационные комиссии отправили восвояси некомпетентных командиров. Макклеллан был профессионалом, знавшим цену учебы — он превратил новобранцев в настоящих солдат. Он поднял дисциплину и чувство гордости у своих подчиненных, которые платили ему обожанием, которого не удостоивался ни один другой генерал. Макклеллан превратил Поттомаскую армию в боевую машину без слабых мест (и это было его важным вкладом в конечную победу Союза), но оказался неспособен выжать из этой машины весь максимум на поле боя.

Не все южане разделяли возникшее после Манассаса убеждение в непобедимости Конфедерации. Мэри Бойкин Чеснат считала, что победа «унесла нас в призрачное царство гордыни», в то время как у северян она «пробудит к жизни мужество всех до единого». Один чиновник военного министерства южан переживал в своем дневнике месяц спустя после битвы: «Мы почиваем на лаврах, пока враг обучает и оснащает 500 или 600 тысяч человек». Бросая взгляд в минувшее, участники войны с обеих сторон соглашались потом, что безоговорочный триумф южан в первом крупном сражении «оказался величайшим бедствием, которое привело к падению Конфедерации». Такая точка зрения стала доминантой историографии Гражданской войны¹⁵.

В этом утверждении содержится немалая доля истины, но, пожалуй, оно все же не носит исчерпывающий характер. Уверенность, приобретенная победителями при Манассасе, придала им чувство локтя, которое только подкрепилось победами, одержанными в следующие два года. В то же время поражение Союза вызвало симптомы комплекса военной неполноценности, терзавшего офицеров-северян на виргинском фронте. Таким образом, битва при Манассасе и, что более важно, коллективные воспоминания о ней Севера и Юга превратились в психологический фон ведения войны на восточном театре. Именно это помогает понять, почему Макклеллан,

14 Цит. по: *Williams K. P. Lincoln Finds a General. 5 vols. NY, 1949—1959. I. P. 113.*

15 *Chesnut's Civil War. P. 111; Jones J. War Clerk's Diary (Miers). P. 43; Pollard E. A. The Lost Cause: A New Southern History of the War of the Confederacy. NY, 1866. P. 152.*

создав мощную армию, не спешил давать генеральное сражение. В глубине души он всегда боялся, что враг окажется сильнее. А конфедераты, вооруженные победным духом, получили преимущество, выражавшееся далеко не только в уравнивании численности войск, противостоявших им в Виргинии¹⁶. В этом и парадокс Булл-Рана: уверенность, полученная после победы, одновременно помогла Югу и причинила ему вред. Точно так же унижение и вновь обретенная решимость ранили Север, но помогли ему возродиться.

II

Через два дня после Булл-Рана Линкольн обнародовал меморандум о будущей стратегии Союза. Следовало сделать блокаду более эффективной; Мэриленд необходимо было удерживать «заботливой [!], но твердой и решительной рукой»; союзной армии в Виргинии нужно было послать подкрепления, причем хорошо обученные и подготовленные к новому вторжению; некомпетентного Паттерсона заменил новый командующий армией Харперс-Ферри (Натаниэл Бэнкс); армии Союза на западном театре должны были перейти в наступление, «уделив особое внимание Миссури»¹⁷.

Линкольн возлагал большие надежды на только что назначенного военным комендантом западного направления (в сферу интересов которого входил, главным образом, штат Миссури) Джона Фримонта. Знаменитый «Западный Следопыт», Фримонт, прошедший одиннадцать лет в корпусе топографов, обладал репутацией, которой не было ни у одного «генерала от политики». Но значительные трудности ведения войны в Миссури — поляризация общества, партизанские набеги, политические интриги, спекуляции на поставках в армию и постоянная угроза вторжения южан из Арканзаса и Теннесси — быстро выявили слабость характера Фримонта. Он был скорее эффектным, чем эффективным человеком. Его наивность и стремление быстро создать крупную армию и флот для масштабного наступления вдоль Миссисипи сделали его легкой добычей военных поставщиков, чьи разбухшие прибыли породили новую череду скандалов. Фримонт мог выйти сухим из воды, если бы одерживал победы, но вместо этого союзные войска в Миссури вскоре после его прибытия в Сент-Луис

16 Дальнейшее развитие этого тезиса см.: Adams M. C. C. *Our Masters the Rebels: A Speculation on Union Military Failure in the East, 1861—1865*. Cambridge (Mass.), 1978.

17 CWL. IV. P. 457—458.

25 июля потерпели неудачу, ставшую одним из толчков того же землетрясения, эпицентр которого был в Булл-Ране.

С назначением Фримонта под его начало перешел Натаниэл Лайон. После того как он загнал ополченцев Стерлинга Прайса в юго-западный угол штата, Лайон во главе небольшой армии в 5500 человек занял Спрингфилд, ставший конечным пунктом ненадежной линии снабжения почти в 200 милях от Сент-Луиса. Здесь Лайон лицом к лицу столкнулся с разношерстной армией конфедератов, состоявшей из 8000 миссурийцев Прайса и 5000 других бойцов под командованием генерала Бена Маккалоха — неотесанного жителя фронта, добившегося признания во время войн с индейцами и мексиканской кампании как техасский рейнджер. Прайс был полон решимости освободить Миссури от янки и «германцев» Лайона. Маккалох не верил в надежность миссурийцев Прайса; на две-три тысячи солдат оружия не досталось вообще, а остальные были вооружены охотничьими ружьями, дробовиками и древними мушкетами. В конце концов Маккалох с огромной неохотой уступил просьбам Прайса начать наступление.

Тем временем Лайон убедился, что Фримонт не может послать ему подкрепления. Все соединения Союза были нужны для подавления партизан и отражения выступления мятежников в юго-восточной части Миссури, которое угрожало союзной базе в Кейро (Иллинойс). У уступавшего по численности вдвое отряда Лайона, добрую половину которого составляли «девяностодневные» добровольцы, чей срок службы почти истек, казалось, не было иного выхода, кроме отступления. Однако огненно-рыжий генерал не мог оставить юго-запад Миссури без борьбы, поэтому он решил атаковать позиции Маккалоха и Прайса прежде, чем те нападут на него.

Оставив без внимания мудрость военных трактатов (как позже делал Роберт Ли, одерживая свои великие победы), Лайон перед носом у превосходящих сил врага разделил свою и без того небольшую армию, направив ночью отряд из 1200 человек под командованием Франца Зигеля для выхода во фланг южанам. Отряд должен был зайти конфедератам в тыл у Уилсонс-Крик в десяти милях к югу от Спрингфилда. В то время как Зигель должен был ударить из-за спина южан, основные силы Лайона атаквали бы с фронта. На рассвете 10 августа федералы успешно осуществили этот сложный маневр, причем для южан такая двусторонняя атака стала полным сюрпризом. Однако Маккалох и Прайс не потеряли самообладания и вдохновили своих солдат на отчаянное сопротивление, которое велось

с переменным успехом на небольшой возвышенности, тянувшейся вдоль берегов Уилсонс-Крик и на склонах близлежащего холма.

Битва была отмечена двумя событиями, которые в конечном итоге позволили мятежникам одержать победу. Во-первых, после того как отряду Зигеля сперва удалось отбросить конфедератов к югу, его атака захлебнулась из-за очередной ошибки при опознании своих. Луизианский полк, одетый в форму, похожую на ту, которую носили ополченцы 1-го Айовского полка Лайона, подошел вплотную к авангарду Зигеля и расстрелял его в упор прежде, чем северяне поняли, что это враги. Атака Зигеля утратила внезапность, и вскоре заградительный огонь артиллерии южан в сочетании с контратакой их пехотинцев рассеял деморализованную бригаду. А во-вторых, луизианцы и арканзасцы, действовавшие на этом участке, присоединились к миссурийцам, сражавшимся с главными силами Лайона, которого они теперь превосходили втрое. Находившийся в самой гуще боя Лайон был дважды легко ранен, потом был убит его конь, наконец, пуля конфедератов попала ему в сердце. Это деморализовало северян, у которых ко всему прочему почти закончились боеприпасы. Постепенно они прекратили сопротивление, оставив поле битвы врагу и отойдя в Спрингфилд. Южане, измотанные ничуть не меньше, не стали их преследовать.

Каждая из сторон потеряла в этом кровавом сражении по 1300 человек, что пропорционально больше, чем при Булл-Ране. Хотя тактическая победа конфедератов на Уилсонс-Крик была далеко не такой важной, как под Манассасом, и общественный ее резонанс за пределами Миссури был незначителен, но ее стратегические последствия поначалу казались даже серьезнее. Силы федералов отошли к Ролле, в ста милях к северу от Спрингфилда. Обретя уверенность и популярность, Прайс направился к реке Миссури, по пути вербуя добровольцев. Во главе 18-тысячного войска он окружил гарнизон Лексингтона — самого крупного города между Сент-Луисом и Канзас-Сити. Фримонту с большим трудом удалось послать небольшой отряд на выручку гарнизону, но тот не смог пробиться сквозь кольцо осады. После трех дней сопротивления 20 сентября гарнизон сложил оружие.

Репутация Прайса росла как на дрожжах, в то время как авторитет Фримонта стремительно падал. За два месяца в своей должности он умудрился потерять половину Миссури. Партизаны-конфедераты увеличили свою активность. Семейство Блэр, некогда оказывавшее Фримонту финансовую помощь, стало интриговать в пользу его от-

ставки. Даже отчаянный шаг, который Фримонт предпринял, чтобы переломить судьбу, обернулся против него и предрешил его участь.

30 августа Фримонт обнародовал поразительный указ. На правах командующего он принимал на себя всю «административную власть в штате», вводил военное положение, выносил смертный приговор всем партизанам, пойманным за линией фронта северян, конфисковал собственность активистов Конфедерации в Миссури и освобождал их рабов¹⁸. Этим безрассудным шагом он надеялся убить двух зайцев: во-первых, провести драконовские меры для подавления партизан и устрашения тех, кто сочувствовал мятежникам, и, во-вторых, завоевать симпатии республиканцев из числа противников рабства. Своей второй цели Фримонт достиг, но вызвал недовольство Линкольна, который прилагал все усилия, чтобы удержать Кентукки в составе Союза. В личном письме Фримонту президент приказывал не расстреливать партизан «без моего одобрения», ибо, если он начнет казнить захваченных партизан без разбора, «конфедераты, скорее всего, начнут в отместку за это убивать наших лучших людей, оказавшихся в их руках, и действовать по принципу „око за око“»¹⁹. Кроме того, Линкольн предупредил Фримонта, что освобождение рабов мятежников может «встревожить наших друзей, юнионистов Юга, и настроить их против нас, что, возможно, расстроит наши планы в отношении Кентукки». Президент также попросил Фримонта (а не приказал ему) смягчить этот пункт своей прокламации, чтобы та соответствовала закону Конгресса от 6 августа о конфискации только собственности (включая рабов), активно используемой в военной экономике²⁰.

Более благоразумный человек воспринял бы просьбу Линкольна как приказ, однако Фримонт с заносчивостью, сделавшей бы честь римскому проконсулу, но не понравившейся Линкольну, отказался изменить прокламацию без официального приказа из Вашингтона. Он даже отправил в Вашингтон свою отважную жену (дочь легендарного Томаса Харта Бентона), чтобы убедить Линкольна в его ошибке. Джесси Фримонт уязвила президента намеками на интеллектуальное

18 O. R. Ser. I. Vol. 3. P. 466—467.

19 Партизанский вожак мятежников Миссури Джефф Томпсон выпустил прокламацию, где обещал, что за каждого человека, казненного по указу Фримонта, он «ПОВЕСИТ, ВЫПОТРОШИТ И ЧЕТВЕРТУЕТ всех ставленников вышеупомянутого Авраама Линкольна» (*Monaghan J. Civil War on the Western Border 1854—1865. Boston, 1955. P. 185*).

20 CWL. IV. P. 506.

превосходство и большой авторитет ее мужа, нанеся тем самым делу Фримонта значительный ущерб. Пока она наставляла президента, в Белый дом шли письма от пограничных юнионистов, выражавших тревогу и недовольство. «Мы переживем несколько таких Булл-Ранов, но не подобную прокламацию, если она одобрена администрацией президента, — писал кентуккиец Джошуа Спид, старейший и лучший друг Линкольна. — Не лишайте себя нашей активной лояльности, согласившись с недалновидными шагами этого военного выскочки». На следующий день после визита Джесси Фримонт Линкольн официально приказал ее мужу изменить свой указ об освобождении рабов²¹.

После этого дни Фримонта на посту коменданта Миссури были сочтены. Понимая, что спасти престиж можно только на поле брани, он собрал 38-тысячную армию, чтобы уничтожить милицию Прайса. После захвата Лексингтона Прайс постиг разницу между вторжением и набегом. Ему не хватало людей и снабжения для того, чтобы превратить свой рейд в успешную оккупацию захваченных территорий. Больше половины его солдат разошлись по домам собирать урожай или подались в партизаны, поэтому Прайс вновь отошел в юго-западный угол штата. Прежде чем федералы добрались до него, Линкольн отстранил Фримонта от командования. Союзная армия в конце концов нанесла поражение отряду Прайса и рассеяла его, но когда это произошло, Фримонт уже был в далекой Западной Виргинии, где готовился к очередному неудачному предпрятию.

III

Отмена Линкольном указа Фримонта об освобождении рабов и его отстранение от командования всколыхнули противоречия по вопросу о рабстве. За то время, что прошло после принятия Конгрессом резолюции Криттендена — Джонсона, не признающей антирабовладельческую направленность войны, многие республиканцы изменили свои взгляды. Аболиционисты, до того молчавшие, начали высказываться все громче. Важным катализатором подобной перемены было поражение при Булл-Ране. «Поражение нанесло страшный удар, — писал один аболиционист, — но я думаю, оно сможет как-то расшевелить эту невежественную страну и покажет всю сложность предстоящей работы». Мятаж, поддержанный рабством и поднятый

21 Lincoln Papers, Library of Congress; CWL. IV. P. 517—518.

в защиту рабства, может быть подавлен только движением против рабства. Фредерик Дуглас выразил это убеждение такими словами: «Сражаться с рабовладельцами, не сражаясь против самого рабства, это лишь полдела, это сковывает всех, кто в нем участвует... Пожар нужно тушить водой... Войну за уничтожение свободы может остановить только война за уничтожение рабства»²².

Понимая, что расизм или приверженность Конституции могут помешать многим северянам принять моральные аргументы за освобождение рабов в качестве одной из целей войны, противники рабства предложили концепцию «военной необходимости». Южане хвалились тем, что рабство было «надежной опорой Конфедерации», так как оно позволяло Югу «выставить армию, пропорционально — исходя из численности населения — большую, чем мог Север». Так и есть, соглашались приверженцы эмансипации. Рабы составляют более половины рабочей силы Юга. Они готовят пищу, строят укрепления и подвозят припасы для армии мятежников. Они работают в шахтах и на военных заводах. Подневольный труд настолько важен для военной экономики Юга, что правительство Конфедерации привлекло чернокожих работников для нужд армии даже раньше, чем объявило о вербовке белых солдат. «Нутро этого мятежа — негр в личине раба, — говорил Дуглас. — Выньте мотыгу из его рук, и вы сможете поразить мятежников в самое сердце»²³.

Как можно было это сделать в рамках Конституции, защищавшей рабство? Мятежники лишились права на собственность, отвечали аболиционисты. Их имущество подлежит конфискации в качестве наказания за измену. Более того, если в теории считалось, что Юг охвачен мятежом, то на практике он ведет войну. Администрация Линкольна уже фактически признала это, объявив блокаду Конфедерации и обращаясь с захваченными солдатами как с военнопленными. Признав Конфедерацию воюющей стороной, Союз может также конфисковать собственность противника, что законно в условиях войны²⁴.

Первой заметной фигурой, поступившей в соответствии с этими аргументами, был Бенджамин Батлер. Еще в мае три раба, работавшие на возведении укреплений южан, бежали в расположение войск

22 Moncure Conway Papers, Columbia University Library; Douglass' Monthly. 1861. July.

23 Montgomery Advertiser. 1861. Nov. 6; Douglass' Monthly. 1861. July.

24 Дискуссию по этому вопросу см.: Randall J. G. Constitutional Problems under Lincoln. Urbana, 1975. Ch. 12—16.

Батлера в Фортресс-Монро (Виргиния). Их владелец, полковник армии конфедератов, на следующий день явился к Батлеру под парламентским флагом и, сославшись на закон о беглых рабах, потребовал возвращения собственности. Батлер ответил, что раз Виргиния заявила о выходе из Союза, то закон о беглых рабах в данной ситуации неприменим. Он окрестил беглых рабов «военной контрабандой» и отправил работать в свой лагерь. Северные газеты подхватили эту фразу, и с тех пор сбежавшие в расположение северян рабы стали называться «контрабандным товаром».

Администрация после некоторого колебания одобрила поведение Батлера. К июлю около тысячи единиц «товара» присоединились к северянам в Фортресс-Монро. Их законный статус оставался туманным. Батлер решил прояснить его, адресовав конкретные вопросы военному министерству. В своем письме от 30 июля, которое вскоре появилось в печати, он спрашивал военного министра Кэмерона: «Являются ли эти мужчины, женщины и дети рабами, или же они свободны?.. Как [на них] повлиял мятеж и состояние войны? Если они — собственность, то не превращаются ли они автоматически в собственность своих спасителей? Но мы, их спасители, не нуждаемся в такой собственности и не собираемся ее держать... Поэтому не являются ли отныне все имущественные отношения прекращенными?»²⁵

Это были жесткие и полемические вопросы. Как раз в то время, когда Батлер их составлял, в Конгрессе шли жаркие споры по вопросу о законе, позволяющем конфисковать имущество, использованное в помощь мятежу. Джон Криттенден из Кентукки настаивал на том, что ни в мирное, ни в военное время Конгресс не имеет права выпускать законы, ограничивающие рабство в штатах. Это так, соглашались республиканцы, но ведь Конгресс может наказать изменника путем конфискации его имущества, и эта мера направлена против отдельной личности, а не целого института. В таком половинчатом, ограниченном виде республиканцы приняли 6 августа закон о конфискации имущества. Батлер получил ответ на свой вопрос. «Контрабандные негры» более не могли считаться рабами в том (и только в том) случае, если их напрямую наняли вооруженные

25 Private and Official Correspondence of General Benjamin F. Butler during the Period of the Civil War. 5 vols. Norwood (Mass.), 1917. I. P. 185—87. Прочую относящуюся к делу переписку Батлера и военного министерства см.: Freedom: A Documentary History of Emancipation 1861—1867. Cambridge, 1985. Vol. I. The Destruction of Slavery. P. 70—75.

силы Конфедерации. Но были ли они теперь свободными? На это закон ответа не давал. Закон этот вряд ли можно было признать громким одобрением эмансипации, к чему призывали аболиционисты. Вот только для демократов и конгрессменов из пограничных штатов это все равно было чересчур. Все они, кроме троих, проголосовали против закона, тогда как все республиканцы (кроме шестерых) выступили за него. Это было первой трещиной двухпартийной коалиции, поддерживавшей военные меры Союза, и сигналом того, что если конфликт превратится в войну против рабства, то он станет войной одних только республиканцев.

Линкольн в 1861 году был обеспокоен такими перспективами, вот почему он аннулировал указ Фримонта об освобождении рабов, который вышел далеко за рамки закона о конфискации, распространив его на всех рабов, находившихся у мятежников, и объявив этих рабов свободными²⁶. Шаг президента был непопулярен среди многих республиканцев. «Нам говорят, что мы должны советоваться с пограничными штатами, — комментировал один влиятельный республиканец из Коннектикута. — Позвольте заявить, что мне плевать на эти штаты... Целая тысяча линкольнов не сможет остановить борьбу народа против рабства». Даже Орвилл Браунинг, консервативный сенатор из Иллинойса и близкий друг Линкольна, критиковал отмену указа Фримонта. Узвленный такой реакцией, Линкольн предпочел ответить Браунингу в частном письме: «Действия Фримонта не были обусловлены ни военным временем, ни простой необходимостью». Он мог конфисковать имущество врага, включая рабов, как поступил Батлер, но «не ему решать, каким будет их дальнейшее будущее. Такой вопрос должен быть решен законодательно, а не военными прокламациями». Браунинг одобрял политику Фримонта как «единственный способ удержать власть». Напротив, возразил Линкольн, «это и есть сдача власти». Когда рота солдат союзной армии из числа уроженцев Кентукки услышала об указе Фримонта, сказал Линкольн, они «побросали ружья и разошлись». Если бы текст приказа оставался неизменным, то, по словам Линкольна: «...оружие, которым мы вооружили кентуккийцев, могло обернуться против нас. Я считаю, что потерять Кентукки значит почти то же, что и проиграть войну. С потерей

26 Стоит заметить, что батлеровская политика укрывательства «контрабанды» также выходила за рамки закона о конфискации. Батлер не выдавал жен и детей беглецов, несмотря на то что непосредственно они не работали на вооруженные силы Конфедерации. Что касается этого нюанса, то и многие мужчины-невольники, бежавшие в стан северян, также не попадали под категорию этого закона.

Кентукки мы не сможем удержать ни Миссури, ни, скорее всего, Мэриленд. Если все эти штаты пойдут против нас, то задача станет непосильной. Мы сразу же согласимся на отделение штатов, включая передачу им Капитолия... и может ли такое государство называться государством Конституции и законов, если в нем генерал и президент вводят новые законы о собственности путем прокламаций?»²⁷

Интересно, вспомнил ли Линкольн об этих словах, когда год спустя объявил рабов «свободными навсегда»? Правда, в этот год уместилась целая жизнь. Проблема рабства уже не могла исчезнуть из нее, да и сами рабы не дали бы ей забыть. Поодиночке и по двое, десятками и сотнями они продолжали становиться «контрабандным товаром», сбегая в стан федералов. Для их хозяев с каждым разом становилось все труднее вернуть их оттуда, даже если дело происходило в пограничных юнионистских штатах. Многие полки северян давали приют беглецам и отказывались выдавать их обратно, несмотря на получение прямых приказов²⁸.

Радикальные республиканцы сочувствовали такому поведению, а к октябрю 1861 года некоторые из них стали выступать за то, чтобы не только освободить «контрабандный товар», но и зачислять его в ряды армии Союза. Военный министр Кэмерон в своем ежегодном отчете одобрил такую меру: «Те, кто ведет войну против государства, справедливо лишены имущества... Вооружить бывших рабов в случае необходимости — такое же безусловное право государства, как и использовать захваченный у противника порох»²⁹. 1 декабря Кэмерон опубликовал свой отчет в прессе без предварительного согласия президента. Когда изумленный Линкольн прочитал эти слова, он приказал Кэмерону отозвать отчет и вычеркнуть данный абзац. Но некоторые газеты уже опубликовали его полную версию. Поспешные действия Кэмерона и Фримонта внесли свой вклад в расширение все более глубокой трещины между Линкольном и радикальным крылом его партии. Вскоре Кэмерон, подобно Фримонту, потерял свою должность. В обоих случаях основной причиной отставки была некомпетентность, а не приверженность

27 *Randall J. G. Lincoln the President. 4 vols. NY, 1946—1954. II. P. 21; CWL. IV. P. 531—532.*

28 Детальный рассказ о многочисленных побегах в штаты Союза и о взаимоотношениях армии и рабовладельцев, которые пытались вернуть свое имущество, см.: *The Destruction of Slavery; Fields B. J. Slavery and Freedom on the Middle Ground: Maryland during the Nineteenth Century. New Haven, 1985.*

29 *Nicolay J. G., Hay J. Abraham Lincoln: A History. 10 vols. NY, 1890. V. P. 125—126.*

аболиционизму, но лишь немногие радикалы считали, что проблема рабства здесь ни при чем.

В своем ежегодном послании 3 декабря 1861 года Линкольн сказал: «Я был особенно внимателен [к тому, чтобы война] не превратилась в жестокую и безжалостную революцию». Однако аболиционисты и некоторые другие республиканцы уже рассматривали ее как революционный конфликт между двумя социальными системами. «Мы — революционеры!» — писал в 1861 году Монкьюр Конвэй, уроженец Виргинии, получивший, впрочем, образование в Новой Англии. Хотя конфедераты «оправдывают свой поступок правом на революцию, — продолжал Конвэй, — [их дело] не революция, а мятеж против самой благородной в мире революции». Север, указывал другой аболиционист, обязан назвать свободу рабов одной из целей войны, тем самым завершив «вторую славную американскую революцию»³⁰. Тадеус Стивенс, угрюмый кромвеллианец, лидер радикальных республиканцев в Палате представителей, призывал к жестокой и безжалостной схватке, которой Линкольн так надеялся избежать: «Освободите всех рабов, уничтожьте всех предателей, сожгите дома всех мятежников, если это будет необходимо для защиты храма свободы... [Мы должны] превратить эту [войну] в радикальную революцию и видоизменить наши институты». Коллеги Стивенса не были готовы к такому, но к декабрю 1861 года их позиция серьезно изменилась по сравнению с тем, что было несколько месяцев назад. 4 декабря при единогласном голосовании республиканцев Палата представителей отказалась подтвердить резолюцию Криттендена о том, что война не носит антирабовладельческий характер³¹.

IV

Проблема рабства сыграла определенную роль в растущем разочаровании республиканцев деятельностью Макклеллана, но более важным обстоятельством были черты его характера и ошибки в управлении армией.

«Для меня Макклеллан остается одной из загадок войны», — говорил спустя десяток лет после ее окончания Улисс Грант. Историки

30 CWL. V. P. 48—49; *Conway M. D.* The Rejected Stone: or, Insurrection vs. Resurrection in America. Boston, 1861. P. 75—80, 110; Principia. 1861. May 4.

31 *Williams T. H.* Lincoln and the Radicals. Madison, 1941. P. 12; *Shortreed M.* The Anti-Slavery Radicals, 1840—1868 // Past and Present. 1959. 16. P. 77; CG. 37 Cong, 2 Sess. P. 15.

до сих пор пытаются разгадать эту загадку³². Казалось, что сама жизнь готовила Макклеллана для великих дел. Он вырос в состоятельной филаделфийской семье и получил образование в лучших частных школах, что дало ему основания с особого разрешения поступить в Вест-Пойнт за два года до достижения необходимого возраста. После окончания академии вторым в выпуске двадцатилетний Макклеллан получил известность как автор инженерных изобретений во время войны с Мексикой, затем был американским наблюдателем во время Крымской войны. В 1857 году он подал в отставку и в 30 лет стал главным инженером и вице-президентом одной железной дороги, а два года спустя — президентом другой. В мае 1861 года, когда ему было 34, он стал вторым по званию генералом армии Соединенных Штатов, а уже в июле принял командование основной сухопутной группировкой северян. Макклеллан прибыл в Вашингтон, по словам корреспондента лондонской *Times*, как «военный диктатор», призванный спасти Союз; пресса подняла невиданный ажиотаж вокруг его фигуры; один в общем трезвомыслящий современник писал, что «его окружает необъяснимая аура успеха, в нем есть что-то от „избранника судьбы“»³³.

Но карьера Макклеллана оказалась, пожалуй, слишком успешной. Он никогда не испытывал, подобно Гранту, отчаяния или унижения от поражения. Ему неведомы были уроки бедствий и подчиненного положения. Лесть, которую он слышал в Вашингтоне, постепенно влияла на его мысли. В письмах Макклеллана жене можно увидеть зачатки мании величия. «Я нахожусь в очень странном положении: президент, кабинет министров, генерал Скотт и все окружающие подчиняются мне, — писал он день спустя после прибытия в Вашингтон. — Каким-то странным и волшебным образом я сделался верховной властью страны». Через три дня он посетил Капитолий. «Я поражен количеством поздравлений, которые получил, и тем уважением, с которым ко мне обращались». Конгресс, казалось, был готов дать ему «полный карт-бланш». На следующей неделе Макклеллан сообщил, что получает «письмо за письмом, проводит беседу за беседой», в которых его убеждают «спасти нацию, намекая на президентские, диктаторские полномочия и т. д.». Макклеллан

32 Цит. по: Hassler W. W. General George B. McClellan: Shield of the Union. Baton Rouge, 1957. P. XV. Обзор работ о Макклеллане см.: Harsh J. L. On the McClellan-Go-Round // Battles Lost and Won: Essays from Civil War History. Westport (Conn.), 1975. P. 55—72.

33 Russell W. H. My Diary North and South. P. 240; Nevins A. War... I. P. 269.

утверждал, что такие полномочия ему не нужны, но получал истинное удовольствие от приветственных возгласов своих солдат, когда ехал вдоль строя — эти крики подкрепляли его наполеоновский имидж. «Ты даже не представляешь, как воодушевлены мои солдаты, когда я рядом с ними. Я вижу блеск в их глазах... Ты никогда не слышала этих приветственных криков... Я уверен, что они любят меня... Господь поручил мне великую работу... Я предназначен для нее: вся моя предыдущая жизнь — это невольная подготовка к великой миссии»³⁴.

Первой жертвой тщеславия Макклеллана пал главнокомандующий Уинфилд Скотт. Будучи в два раза с лишним старше Макклеллана, Скотт был самым известным из живых американских военных, героем двух войн, по авторитету уступавшим лишь Джорджу Вашингтону. Но слава Скотта осталась в войнах прошлого, тогда как Макклеллан стремился быть героем настоящего. Соперничество со «старым генералом», как Макклеллан за глаза называл Скотта, вскоре стало заметным. По правде говоря, после Булл-Рана обновлением армии должен был руководить только один человек, и Макклеллан взялся за эту задачу с огромным энтузиазмом. Он работал по восемнадцать часов в сутки, что быстро принесло ощутимые результаты. Макклеллан общался с президентом напрямую, через голову Скотта. Возраст и дряхлость не позволяли последнему работать с документами больше нескольких часов в сутки, и он затаил обиду. Макклеллан жаловался, что Скотт расстраивает его планы по наращиванию сил и подготовке скорейшего наступления. «Я стараюсь довести до конца перестройку наших сил, — писал Макклеллан жене в начале августа, — но проклятый старый генерал постоянно встает у меня на пути. Он — сущий кошмар, ничего не понимает и ничего не может оценить по достоинству... Я не знаю, дело здесь в слабоумии или в предательстве... Если его нельзя убрать с моего пути, то я... подам в отставку, и пусть администрация выкручивается как хочет... Народ призвал меня спасти страну, поэтому я должен спасти ее, не обращая внимания на тех, кто мне мешает»³⁵. Линкольн пытался посредничать между двумя генералами, но ему удалось лишь отсрочить неизбежное. Президент в конце концов уступил давлению республиканских

34 McClellan Papers, Library of Congress. Письма от 27 и 30 июля, 9 августа, 31 октября 1861 г. Фрагменты писем жене скопированы самим Макклелланом уже после войны. Сейчас уже никак не узнать, подвергал ли он эти копии существенной редакции, так как оригиналы не сохранились.

35 Письма от 8 и 9 августа 1861 г. (McClellan Papers).

сенаторов и позволил Скотту уйти в отставку с 1 ноября «по состоянию здоровья». На посту главнокомандующего его сменил Макклеллан, которого Линкольн предупредил о том, что совмещение постов главнокомандующего и командира Потомакской армии наложит на него «двойную ответственность». «Я справлюсь с обеими задачами», — отвечал Макклеллан³⁶.

Сенаторы способствовали отставке Скотта, так как Макклеллан убедил их, что «старый генерал» во многом ответственен за бездействие армии. Когда Макклеллан впервые прибыл в Вашингтон, он выражал намерение «провести масштабную операцию и покончить с мятежниками в течение одной кампании»³⁷. Республиканцы были в восторге, однако вскоре Макклеллан стал выражать опасения, что Борегар во главе огромной армии вот-вот начнет наступление, чтобы разгромить его самого. В слова и поступки Макклеллана стала проникать невиданная доселе неуверенность, хотя он по-прежнему думал о себе как о божьем избраннике, призванном спасти республику. Первые признаки этого проявились в хронической склонности переоценивать силу врага и использовать это для оправдания собственной пассивности. В октябре в распоряжении Макклеллана было 120 тысяч человек, тогда как у Борегара и Джонстона около Манассаса и в нем самом — всего лишь 45 тысяч. Однако Макклеллан предпочитал верить, что армия врага насчитывает 150 тысяч и готовится атаковать³⁸.

36 Lincoln/Hay. P. 33.

37 Письмо жене от 2 августа 1861 г. (McClellan Papers).

38 Глава разведслужбы армии Алан Пинкертон долгое время считался ответственным за предоставление генералу преувеличенных данных о численности войск конфедератов. На Пинкертоне, конечно, лежала часть ответственности, но далеко не вся. Его деятельность велась в двух направлениях: разведка в тылу врага и контрразведка в тылу союзной армии. Будучи основателем знаменитого детективного агентства, Пинкертон, естественно, использовал многочисленных агентов, имевших богатую практику работы детективами. Им неплохо удавалось выявлять агентов Конфедерации, но сами в качестве шпионов они были менее успешны, с готовностью принимая на веру различные слухи о соединениях мятежников и их передвижениях в Ричмонде и других пунктах. Даже когда они действительно добывали точную информацию, то в их отчетах обычно фигурировали все войска конфедератов на конкретном театре военных действий (например, во всей Виргинии к востоку от гор Блу-Ридж). На столе Макклеллана эти данные превращались в численность одной только армии Джонстона. Неясно, на Макклеллане или на Пинкертоне лежит основная ответственность за такие разночтения. В любом случае, Макклеллан верил в то, во что хотел верить — в численное превосходство врага и в невозможность начать наступление, пока он не превзойдет южан в живой силе, чего, учитывая особенности психики Макклеллана, не произошло бы никогда. Интересное обсуждение этого вопроса см.: *Fisher E. C. The Mythology of Civil War Intelligence // Battles Lost and Won... P. 83—106.*

Конфедераты выдвинули вперед пикеты, которые можно было видеть из Вашингтона невооруженным глазом. Также они установили артиллерийские батареи в нижнем течении Потомака, чтобы препятствовать речному сообщению со столицей Союза. В конце сентября южане отошли с неукрепленной позиции на Мансонс-Хилл в нескольких милях к юго-западу от Вашингтона. Когда федералы заняли холм, то вместо огромного парка орудий, который они ожидали там увидеть, их глазам предстал бревенчатый макет пушки. Конфуз Макклеллана, связанный с этой «квакерской пушкой»³⁹, поставил под сомнение его отчеты о превосходстве сил противника. Терпение северян, видевших бездействие своих войск против дерзких мятежников, готово было лопнуть. Инцидент с макетом пушки положил предел безоговорочной поддержке и всеобщему обожанию Макклеллана. Заканчивались последние теплые и сухие дни октября, а Потомакская армия по-прежнему не переходила в наступление. Некоторые республиканцы стали подозревать Макклеллана в некомпетентности и даже в нелояльности Союзу. Ежедневное телеграфное сообщение: «Вдоль Потомака без перемен» стало восприниматься как насмешка над Макклелланом. «Молодой Наполеон падает вниз столь же стремительно, сколь и вознесся», — писал республиканец из Индианы, наблюдавший перемены общественного мнения. В ноябре Лаймен Трамбл сказал, что, если армия Макклеллана отойдет на зимние квартиры, так и не дав сражения, он очень опасается, что результатом будет признание Конфедерации иностранными державами [и] деморализация нашего населения: «Действие, действие — вот то, чего мы хотим и что обязаны совершить»⁴⁰.

21 октября тишина на Потомаке была на время нарушена, но не так, как того хотели северяне. Мятежники удерживали городок Лисберг (Виргиния) в сорока милях от Вашингтона вверх по течению реки. Рассчитывая выбить их оттуда, Макклеллан приказал генералу Чарльзу Стоуну провести «легкую демонстрацию» на мэрилендском берегу реки, пока другие полки армии Союза пройдут вверх по виргинскому берегу реки, создав угрозу флангу конфедератов. Стоун поручил эту операцию полковнику Эдварду Бейкеру, бывшему политику из Иллинойса и старому другу Линкольна, назвавшему своего второго сына в честь президента. Бейкер переправил через реку

39 Так называли бутафорские орудия, иронизируя по поводу пацифизма квакеров. — *Прим. пер.*

40 *Nevins A. War... I. P. 300; Williams T. H. Lincoln and the Radicals. P. 45.*

большую часть своей бригады, и там она неожиданно столкнулась с бригадой конфедератов, дислоцированной в лесу над стофутovým обрывом Боллс-Блафф. Бейкер и его солдаты, не имевшие никакого боевого опыта, заняли крайне неудачные позиции. После оживленной перестрелки, в которой Бейкер погиб, конфедераты сбросили беспорядочно отступавших янки с обрыва в реку, где утонули те, кому удалось избежать пуль. Свыше половины из 1700 солдат Бейкера были убиты, ранены или захвачены в плен.

Это позорное поражение заставило Линкольна скорбеть о гибели друга, а раздраженных республиканцев — искать козла отпущения. Сбравшись в декабре, Конгресс учредил объединенный комитет по ведению войны для расследования причин поражений при Боллс-Блаффе и Булл-Ране. Комитет возглавил Бенджамин Уэйд, а преобладали в нем радикальные республиканцы. Недовольные проклинали комитет за «якобинство» и шельмование генералов из числа демократов, а защитники восхваляли за нетерпимость к бездействию и коррупции в армии. Правы были и те и другие⁴¹. В начале своей деятельности комитет и в самом деле выступил неким аналогом «Звездной палаты»⁴². Первой жертвой комитета стал генерал Стоун. Этот офицер приобрел репутацию сторонника рабства после полемики с губернатором Массачусетса Эндрю по поводу выдачи хозяевам беглых рабов, которые укрывались в расположении массачусетских полков, находившихся под командованием Стоуна. Несколько свидетелей, вызванных в комитет, сбивчиво рассказали о якобы имевших место контактах Стоуна с офицерами южан. Эти свидетельства позволяли обвинить Стоуна в измене, и комитет подозревал его в том, что он намеренно послал своих людей на верную гибель; генералу не дали возможности опровергнуть обвинения или хотя бы ознакомиться с показаниями свидетелей. Макклеллан, какое-то время пытавшийся защитить своего подчиненного, вскоре понял, что основной мишенью комитета был не Стоун, а он сам. Когда Макклеллану поступило очередное сомнительное свидетельство переговоров Стоуна с южанами, он направил его военному министру Стэнтону, который

41 Pierson W. W. The Committee on the Conduct of the Civil War // AHR. 1918. 23. P. 550—576; Williams T. H. The Committee on the Conduct of the War // Journal of the American Military History Institute. 1939. 3. P. 139—156; Trefousse H. L. The Joint Committee on the Conduct of the War: A Reassessment // CWH. 1964. 10. P. 5—19; Westwood H. C. The Joint Committee on the Conduct of the War — A Look at the Record // Lincoln Herald. 1978. 80. P. 3—15.

42 Звездная палата — чрезвычайный суд в Англии, существовавший в 1487—1641 гг. и служивший скорее для «легализации» королевского произвола. — *Прим. пер.*

приказал арестовать Стоуна. В течение шести месяцев неудачливый (и, вероятно, невиновный) генерал томился в стенах форта Лафайет. Против него так и не было выдвинуто никаких официальных обвинений. В конце концов его выпустили и определили на незначительный командный пост; с карьерой было покончено⁴³.

Отправил ли Макклеллан Стоуна на заклание ради самозащиты или нет⁴⁴, но к концу 1861 года его с головой накрыла политическая волна. Макклеллан был демократом. Некоторые из его ближайших довоенных друзей-сослуживцев были южанами, включая Джозефа Джонстона, чью армию при Манассасе Макклеллан, как поговаривали, вовсе не стремился атаковать. Хотя Макклеллан и не был приверженцем рабства, аболиционисты ему нравились и того меньше. У него были связи с нью-йоркскими демократами, которые начали говорить о нем как о будущем кандидате в президенты. Одному из этих демократов Макклеллан писал в ноябре: «Помогите мне защититься от нигтеров — я не хочу иметь ничего общего с ними. Лично я сражаюсь за сохранение целостности Союза... Для достижения этой цели не обязательно приплетать проблемы негров»⁴⁵.

В то время Линкольн соглашался с этими представлениями о целях войны. Президент употребил все свое влияние, чтобы оградить Макклеллана от нарастающей критики. «Я намерен быть последовательным и делать свою работу наилучшим образом, — говорил Линкольну главнокомандующий. — Единственное, о чем я прошу вас, — не позволяйте им торопить меня». «Поступайте, как считаете нужным», — отвечал Линкольн. Президент стал брать книги по военному делу в библиотеке Конгресса и засиживался над ними допоздна, пытаясь постичь основы стратегии. Будучи дилетантом, он был склонен полагаться на мнение профессионала Макклеллана. В то же время, будучи профессионалом в своем деле, президент старался адаптировать генерала к политическим реалиям, особенно к опасности игнорирования политического давления во время национальной войны. Во время одной из частых встреч Линкольн попытался заставить Макклеллана понять, что требования активных действий

43 Committee on the Conduct of the War. Reports. 1863. Washington, 1863. Vol. II; *Irwin R. B. Ball's Bluff and the Arrest of General Stone // Battles and Leaders*. II. P. 123—134; *Williams T. H. Lincoln and the Radicals*. P. 94—104.

44 Сам Стоун был в этом уверен; такую же точку зрения см.: *Williams T. H. Op. cit.* P. 101, 104.

45 S. L. M. Barlow Papers, Henry E. Huntington Library.

со стороны республиканских лидеров — это «реальность, с которой необходимо считаться»⁴⁶.

Макклеллан же не только сопротивлялся этой реальности, но в частных разговорах он выражал презрение ко всем республиканским политикам, включая Линкольна. В письмах жене он сокрушался: «Я не могу выразить тебе, как мне отвратительны эти жалкие политики — это самые презренные люди на земле... День ото дня меня все больше тошнит от этой слабоумной администрации... [В кабинете собрались] одни из самых больших болванов, которых я встречал в жизни... Худший из всех Сьюард — навязчивый, въедливый и несмышленный щенок... Уэллс — болтливая старая баба... Бэйтс — старый осел... Сам президент — просто благонамеренный павиан... настоящая горилла... До крайней степени мерзко... видеть всю слабость и непригодность этих несчастных созданий, которым вверена судьба нашей великой страны»⁴⁷.

Как-то вечером в ноябре Линкольн и Сьюард приехали к Макклеллану домой. Тот был на свадьбе, а когда через час вернулся и узнал о посетителях, то, проигнорировав их, поднялся наверх. Полчаса спустя слуга сообщил президенту и государственному секретарю, что генерал изволит почивать. Личный секретарь Линкольна был в бешенстве, но президент будто бы лишь ответил: «Я буду держать стремя его лошади, если только Макклеллан принесет нам победу»⁴⁸.

Но в этом-то и была проблема. Успеха на поле боя можно было достичь только риском, а риска Макклеллан избегал. В «молодом Наполеоне» не было уверенности и внутреннего мужества, присущего великим генералам, не было желания действовать, постичь тяжелый момент истины на поле брани. Вся его карьера была одним сплошным успехом, поэтому его так пугал призрак поражения. Он страдал от того, что можно назвать «синдромом Булл-Рана» — от паралича, препятствовавшего всякому наступлению против южан, пока армия не будет полностью подготовлена. Армия эта постоянно была почти готова к наступлению, вот только враг казался подготовленным лучше и к тому же более многочисленным.

Чтобы замаскировать свои страхи, Макклеллан пытался переложить вину на других. В августе он писал: «Я нахожусь в ужасном положении. Силы врага превосходят мои в три-четыре раза [на самом

46 Foote S. The Civil War. I. P. 142; Williams T. H. Op. cit. P. 45.

47 Письма от 2, 7, 19 октября, 2, 17 ноября 1861 г. (McClellan Papers).

48 Lincoln/Hay. P. 34—35; Foote S. Op. cit. P. 143.

деле у Макклеллана было двукратное превосходство], президент — идиот, старый генерал впал в маразм: они не могут или не хотят видеть истинного положения вещей». В ноябре, когда у Макклеллана было почти трехкратное преимущество над конфедератами в живой силе и более чем трехкратное — в артиллерии, он жаловался: «Я не могу выдвинуться без подкреплений... Я сделал все, чтобы превратить армию в то, чем она должна быть... На каждом шагу мне мешают и меня обманывают неспособные люди... Сейчас все идет к тому, что мы будем бездействовать всю зиму. Если так и случится, то моей вины в этом нет; моя совесть будет чиста, даже если весь мир об этом не узнает»⁴⁹.

V

Джефферсон Дэвис также страдал от самолюбия своих генералов. 31 августа президент Конфедерации произвел пять человек в звание полного генерала⁵⁰. Джозеф Джонстон и Пьер Борегар занимали в этом перечне четвертое и пятое места вслед за генерал-адъютантом Сэмюэлом Купером, Альбертом Сидни Джонстоном и Робертом Ли. Когда Джозеф Джонстон узнал об этом, то пришел в негодование. Мало того, что такое присвоение званий незаконно, писал он Дэвису в сумбурном и раздраженном тоне, оно оскорбляет его честь. Он был старше всех этих людей по званию в армии Соединенных Штатов, поэтому, согласно закону, вводящему звание полного генерала Конфедерации, он по-прежнему опережал их по старшинству. Кроме того, Купер был штабным генералом (и в придачу янки, родившимся и выросшим в Нью-Джерси); Альберт Джонстон только что вернулся после долгого отсутствия из Калифорнии и еще не слышал звука выстрелов на поле боя; Ли не выиграл ни одной битвы и был на грани поражения в Западной Виргинии, тогда как он, Джо Джонстон, являлся триумфатором Манассаса. Как сказал Джонстон: «[Дэвис] надругался над моими правами офицера, опозорил мое доброе имя солдата и человека... унизил того, кто не покладая рук трудился с самого начала войны... и внес выдающийся вклад в единственное ее значительное сражение, и все это ради тех, кто еще палец о палец не ударил для Конфедерации»⁵¹.

49 Письма жене от 16 августа, 2 ноября 1861 г. (McClellan Papers).

50 В армии Союза ни один офицер в тот момент не имел звания выше генерал-майора, что на две ступени ниже полного генерала.

51 O. R. Ser. IV. Vol. 1. P. 605—608.

Оскорбленный тоном письма, Дэвис ответил ледяным тоном: «Сэр, я только что получил и прочитал ваше письмо от 12 числа сего месяца. Его тон я нахожу странным, аргументы и выводы — односторонними, а содержащиеся в нем намеки — настолько же безосновательными, насколько и недостойными»⁵². Лишь позже Дэвис разъяснил, что Джозеф Джонстон стоит в перечне ниже Ли и Альберта Джонстона, потому что те имели более высокие строевые звания в армии Соединенных Штатов, чем Джозеф Джонстон, который был квартирмейстером (спорный довод, в любом случае не относившийся к Куперу, который в старой армии также был штабистом).

Основным итогом этой нелюбезной переписки было то, что между Джонстоном и Дэвисом были посеяны семена вражды, что имело трагические последствия для Конфедерации. Также этот случай продемонстрировал важное различие между Дэвисом и Линкольном как лидерами воюющих держав. Гордый человек с обостренным чувством чести, Дэвис никогда не закрывал глаза на пренебрежительное к себе отношение и не прощал тех, кто его проявлял. Готовность Линкольна «держат стремя лошади» заносчивого генерала, если только тот побеждает, была явно не для него.

Дэвис рассорился и с Борегаром. В октябре отчет самодовольного луизианца о битве под Манассасом стал достоянием общественности. Там содержался намек на то, что Дэвис медлил отдать приказ армии Джонстона выдвигаться на соединение с Борегаром, поставив тем самым его войска на грань катастрофы. Упоминался там и отказ Дэвиса от грандиозного плана Борегара перейти в наступление еще до битвы, причем изложено все было так, что пресса спутала этот момент с другим, более поздним спором об ответственности за провал преследования разбитых северян и отказ от взятия Вашингтона. Борегар, выражаясь цветистым стилем, на протяжении всего отчета всячески пытался выпятить свою фигуру. Выведенный из себя Дэвис сделал генералу выговор за этот отчет, «похожий на попытку самоутвердиться за мой счет»⁵³. Единственным способом избавиться от Борегара, которому не давала спать его вторая (после Джонстона) должность в Виргинии, было отправить его как можно дальше от Ричмонда. В январе 1862 года Дэвис перевел Борегара на театр Теннесси—Кентукки, где он мог помочь другому Джонстону — Альберту Сидни — справиться с реорганизованными силами северян в Кентукки.

52 Ibid. P. 611.

53 Ibid; Ser. I. Vol. 2. P. 484—504; Davis. V. P. 156—157.

Несмотря на ссору со своими генералами, Дэвис встречал новый год с большим оптимизмом, чем Линкольн. С середины июля Конфедерация выиграла большинство сражений на суше: Манассас, Уилсонс-Крик, Лексингтон (Миссури) и Боллс-Блафф. Хотя союзный флот и одержал несколько значимых побед, они ни к чему не привели. Один из несомненных триумфов флота — захват полномочных представителей южан Джеймса Мэйсона и Джона Слайделла на британском судне «Трент» — после угроз Великобритании обратился даже поражением янки. Северные банки приостановили выплаты, и страна замерла на пороге финансового кризиса⁵⁴. Боевой дух федералов упал ниже, чем после Булл-Рана. Вашингтонский корреспондент лондонской *Times* сообщал — почти все иностранные дипломаты считают, что «дела Союза совсем плохи, а независимость Юга — лишь дело времени»⁵⁵. Потомакская армия отошла на зимние квартиры, не сделав ничего для того, чтобы отбросить аванпосты противника как можно дальше. Что еще хуже, Макклеллан в середине декабря заболел брюшным тифом, примерно на месяц оставив армию без командующего. Линкольн назначил двух многообещающих генералов — Генри Хэллека и Дона Карлоса Бьюэлла — командующими в Миссури и Кентукки, но в январе оба доложили о невозможности быстро перейти в наступление. «Это вызывает колоссальное уныние, — написал Линкольн на копии посланного ему письма Хэллека. — Ничего нельзя поделать, впрочем, как и везде». В день, когда он написал эти слова (10 января 1862 года), президент посетил офис генерал-квартирмейстера Мейгса. «Генерал, что мне делать? — спросил он в отчаянии. — Народ в нетерпении, у Чейза нет денег... главнокомандующий слег с брюшным тифом. Лодка крепится все больше. Что мне делать?»⁵⁶

Но январь 1862 года оказался для северян тем самым мрачным часом, после которого начинается восход солнца. Хотя Север ожидало еще немало темных ночей, четыре последующих месяца оказались для Союза одним из самых светлых отрезков войны.

54 О событиях на море, инциденте с «Трентом» и финансовой ситуации см. в следующих главах.

55 Russell W. H. *My Diary North and South*. P. 259.

56 CWL. V. P. 95; *General M. C. Meigs on the Conduct of the Civil War* // AHR. 1921. 26. P. 292.

12.

Блокада и десантные операции: война на море в 1861—1862 годах

I

Союзный флот наиболее важных успехов добился в 1861 году. Основной задачей флота было установление блокады, причем задача эта не была простой. На 3500 милях побережья Конфедерации находилось десять крупных портов, 180 заливов, бухт и устьев рек, куда могли заходить небольшие суда. К июню 1861 года прибрежную линию патрулировало около сорока блокадных судов. Каждую неделю снаряжались или закупались новые корабли: частью старые парусные бриги, частью — переоборудованные колесные паромы. Они дополняли современные пароходофрегаты и шлюпы, методично крейсировавшие у южных портов¹.

Поначалу эти силы были слишком слабы, чтобы задерживать больше одного торгового судна из десяти, пытавшихся прорвать блокаду. После того как число и эффективность действия судов возросли, перед ними встала проблема другого свойства. Союзный флот владел только двумя базами на Юге: Хэмптон-Роудс в устье реки Джеймс (напротив удерживаемого конфедератами Норфолка)

1 Фрегатом назывался трехмачтовый военный корабль с 30—50 орудиями; шлюп (также обычно трехмачтовый) нес от 10 до 24 орудий. На таком судне в сражениях и для маневров использовался паровой гребной винт, а на паруса переходили в случае длительного плавания.

и Ки-Уэст во Флориде. Некоторые суда тратили примерно столько же времени на пополнение запасов и ремонт на этих базах, сколько и на блокадные действия. Чтобы решить проблему, командование флота решило захватить несколько гаваней южан и оборудовать там базы. Пока еще планы первой такой операции только вынашивались, флот одержал победу в бухте Гаттерас в Северной Каролине.

На 200 миль вдоль побережья Северной Каролины тянется гряда островов барьерного рифа, разделенная несколькими узкими гаванями, из которых только бухта Гаттерас была доступна для больших кораблей. Позади рифовой гряды находятся заливы Албемарл и Памлико, своего рода внутренние моря, соединенные с внутренними районами страны железной дорогой и каналами. Эта транспортная сеть служила запасным ходом из Ричмонда к Атлантике, ибо парадная дверь была заколочена союзным флотом, контролировавшим Хэмптон-Роудс. В первые месяцы войны многочисленные суда, проскальзывавшие сквозь блокадный частокол, достигали бухты Гаттерас. Северокаролинские заливы также служили стоянкой для каперов, в ходе своих стремительных рейдов захватывавших неосторожные торговые суда. Что не доставалось каперам, то довершали частые штормы, бушевавшие у мыса Гаттерас — мятежники демонтировали маяк и убрали все навигационные буи, обозначавшие фарватер у этого коварного побережья.

Ни один уважающий себя флот не мог смириться с существованием этого пиратского гнезда. Коммодор Сайлес Стрингем из атлантической блокадной эскадры собрал флотилию из семи судов, вооруженных 141 орудием, чтобы сокрушить пиратов. Экспедиционный корпус сопровождали два транспортных судна с 900 солдатами и морскими пехотинцами под командованием Бенджамина Батлера. Задачей солдат было напасть с тыла на два форта, охранявших бухту Гаттерас, тогда как корабли должны были бомбардировать их с моря. Считалось невозможным, что одни только корабли способны уничтожить хорошо укрепленные форты, однако 28—29 августа флотилии удалось подавить сопротивление массированным артиллерийским огнем из нарезных орудий, просто встав на якорь вне радиуса действия девятнадцати гладкоствольных пушек форта. 29 августа 670 солдат, составивших гарнизон фортов, сдались прежде, чем солдаты Батлера сделали хотя бы один выстрел. Весть об этой победе, достигшая Севера, стала некоторым утешением за Булл-Ран и Уилсонс-Крик. Все побережье Северной Каролины охватила паника:

«дегтярники»² с минуту на минуту ждали, что полчища янки захватят их прибрежные города. Однако в тот момент моряки не были готовы развить свою победу.

Следующая морская виктория вообще не потребовала почти никаких усилий. Близ побережья штата Миссисипи, на полпути между Новым Орлеаном и Мобилом, находится остров Шип. В сентябре 1861 года конфедераты вынуждены были оставить наполовину возведенные на нем укрепления после предупредительных выстрелов союзного корабля «Массачусетс». Федералы заняли остров, построили там базу для блокадной эскадры и получили плацдарм для захвата Нового Орлеана.

Тем временем к Порт-Ройалу (Южная Каролина) с севера двигался грозный военный флот. Этот экспедиционный корпус состоял из 17 военных кораблей, 25 углевозов и 33 транспортных судов, везших 12 тысяч солдат, 600 морских пехотинцев и боеприпасы. 1 ноября шторм, поднявшийся недалеко от мыса Гаттерас, разметал флотилию и пустил ко дну несколько транспортов, лишив северян значительной части снаряжения и большинства десантных лодок. Это несчастье сорвало первоначальный план высадки десанта и штурма двух фортов, охранявших вход в бухту Порт-Ройала, и флоту опять пришлось решать задачу в одиночку.

Такая перспектива не очень устраивала командующего эскадрой Сэмюэла Дюпона, племянника основателя пороховой компании и морского волка с 46-летним стажем. Глубоко укоренившаяся вера в то, что одно орудие на берегу равно четырем корабельным, делало шансы 43 пушек форта предпочтительнее 157 судовых. Но Дюпон намеревался положить конец этому предрассудку. Паровой двигатель расширил тактические возможности, поэтому Дюпон приказал кораблям маневрировать по овальной траектории, стреляя по фортам с обоих бортов, тогда как сами суда представляли для артиллеристов южан движущиеся мишени. 7 ноября союзный флот скрупулезно выполнил этот план, сломив сопротивление обоих фортов всего лишь за четыре часа бомбардировки. Конфедераты и белые горожане оставили прибрежные острова, соединенные водными путями, расходящимися в стороны от бухты Порт-Ройал. Северяне оккупировали этот район с богатыми плантациями хлопка. Около десяти тысяч негров, брошенных своими хозяевами, вскоре стали объектом аболиционистского эксперимента по обучению обретших

2 Прозвище жителей Северной Каролины. — Прим. пер.

свободу людей и ведению плантационного хозяйства с использованием добровольного труда.

Потеряв 31 человека, союзный флот получил в свое распоряжение превосходную естественную гавань на южноатлантическом побережье. Еще ценнее было то, что флот северян приобрел репутацию непобедимого: это угнетало боевой дух южан на всем побережье Конфедерации. Через день после падения Порт-Ройала в Саванну прибыл Роберт Ли, назначенный новым командующим силами береговых укреплений. Сам он рассматривал это назначение как «очередное гиблое дело — еще хуже, чем в Западной Виргинии». Ли понимал, что превосходство янки на море дает возможность наносить удары, когда и где им заблагорассудится. «Здесь столько объектов для атаки и настолько мало сил для того, чтобы встретить врага на море, — сокрушался он, — что моя миссия превращается в небольшой отпуск»³. У Ли практически не оставалось выбора: он был вынужден сконцентрироваться на защите стратегических пунктов, оставив неприятелю большую часть побережья. В следующие месяцы северяне захватили еще несколько гаваней и портов вплоть до Сент-Огастина (Флорида). В апреле 1862 года осадные орудия, установленные на острове в устье реки Саванна, разрушили форт Пьюласки, и федералы получили контроль над Саванной.

Другая совместная сухопутно-морская экспедиция (в которой на этот раз основную роль сыграла армия) заблокировала все гавани в Северной Каролине, кроме Уилмингтона. С этой экспедиции началась полная взлетов и падений карьера Эмброуза Бернсайда, статного, румяного здоровяка из Род-Айленда, чьи импозантные бакенбарды «котлетками» внесли вклад в английский язык, образовав анаграмму из его фамилии (sideburns). После командования бригадой при Булл-Ране Бернсайд вернулся домой и приступил к формированию дивизии из солдат, знакомых с морским делом и такелажными работами. Эти умения должны были им пригодиться для развития успеха в бухте Гаттерас и установления господства над северокаролинскими заливами. Главным врагом янки в этом предприятии оказались не мятежники, а погода. Флотилия Бернсайда, состоявшая из самодельных канонерок, углевозов и пассажирских пароходов, везших 12 тысяч человек, была разметана штормом 13 января; три

3 Lee R. E. *Recollections and Letters of Robert E. Lee*. NY, 1904. P. 55; Merrill J. M. *The Rebel Shore: The Story of Union Sea Power in the Civil War*. Boston, 1957. P. 44.

корабля потерпели крушение. Двухнедельная буря заставила экспедиционный корпус испытать все прелести бортовой и килевой качки в бухте Гаттерас. Когда море наконец успокоилось, измученные морской болезнью солдаты воспринимали предстоящее сражение как меньшее из зол.

Их первой целью был остров Роанок — болотистый клочок земли десяти миль в длину и двух в ширину, который память о Вирджинии Дейр и загадочное слово *croaton* превратили в легенду⁴. Остров Роанок, контролирующий пролив между заливами Албемарл и Памлико, являлся ключом к черному ходу из Ричмонда. Начальником над 3000 конфедератов, четырьмя батареями с 32 орудиями и семью канонерками (каждая с одной пушкой), защищающими остров, был Генри Уайз, «генерал от политики», переведенный сюда с целью прекратить его междоусобную грызню с земляком-виргинцем Джоном Флойдом в Западной Виргинии. Уайз уже достаточно знал о войне, чтобы всерьез надеяться на свой «москитный флот» из канонерок, слабые батареи и немногочисленных необученных солдат. Он умолял Ричмонд прислать ему больше людей и орудий, но там не реагировали на его мольбы.

Такая пассивность дорого обошлась администрации Дэвиса, ибо янки выглядели очень грозно. 7—8 февраля шестнадцать канонерок Бернсайда, располагавших 64 орудиями, отбросили «москитный флот» южан и подавили береговую артиллерию, в то время как пароходы протасили десантные лодки через полосу прибоя и 7500 солдат высадились на острове. Там они, проваливаясь по колено в «непроходимом» болоте, достигли укреплений южан и сходу взяли их, потеряв убитыми и ранеными лишь 264 человека. В плен удалось захватить 2675 конфедератов. Генералу Уайзу удалось бежать, а его сын, пехотный капитан, погиб в бою. На следующий день канонерки северян уничтожили «москитный флот» и заняли Элизабет-Сити на материке. В течение нескольких недель янки захватили все северокаролинские порты, включая Нью-Берн и Бофорт, и железнодорожные станции, связывающие побережье с внутренними районами страны. В Бофорте к тому же находилась и прекрасная гавань, ставшая еще одной базой блокадного флота.

4 Вирджиния Дейр стала первым ребенком английских колонистов, в 1587 г. рожденным на территории Америки — именно на острове Роанок. В 1590 г. основатель этой колонии Джон Уайт вернулся из Англии и не обнаружил в поселении ни одного жителя и никаких следов борьбы. На дереве было вырезано «Croaton». По сей день исчезновение колонистов считается загадкой. — *Прим. пер.*

Итогами этой десантной операции стали присвоение Бернсайду звания генерал-майора, рост боевого духа северян и существенный его упадок у южан. Конгресс Конфедерации учредил комитет для расследования обстоятельств катастрофы на острове Роанок. Возгласы возмущения заставили Джуду Бенджамина подать в отставку с поста военного министра (хотя ценивший его Дэвис тут же назначил его государственным секретарем). К апрелю 1862 года каждая сколь-нибудь важная гавань атлантического побережья, за исключением Чарлстона и Уилмингтона (Северная Каролина), перешла в руки федералов или была закрыта для прорывавших блокаду судов. Как из-за этого, так и в связи с постоянно увеличивавшимся числом кораблей Союза тиски блокады в первом полугодии 1862 года стали гораздо жестче. Более того, надежды южан на прорыв блокады с помощью секретного (как они думали) оружия — броненосца «Виргиния» — лопнули по вине броненосца «Монитор».

Не отягощенные ни традициями, ни моряцкими предрассудками, мятежники получили некоторое преимущество на старте новой эпохи броненосных кораблей. В июле 1861 года они начали обшивать броней остов спасенного ими от уничтожения фрегата «Мерримак». На металлургическом заводе Тредегар были изготовлены двухслойные стальные листы толщиной в два дюйма. Их было достаточно, чтобы защитить надстройку судна, имевшую 178 футов в длину и 24 фута выше ватерлинии. Однодюймовый стальной лист предназначался для обшивки 264 футового корпуса на три фута ниже ватерлинии. Надпалубная часть получила уклон в 36°, чтобы неприятельские снаряды рикошетировали от брони. Странный внешний вид этого плавсредства, названного «Виргинией», наводил очевидцев на мысль об амбаре, лишь крыша которого виднелась над поверхностью воды. «Виргиния» была 10-пушечным кораблем, имевшим по четыре пушки с каждого борта и по одному вращающемуся семидюймовому нарезному орудию на носу и корме. К носу также был прикреплен железный таран, призванный пробивать днище деревянных кораблей врага. Слабыми местами этого во всем остальном замечательного судна были ненадежные двигатели и слишком низкая осадка. Не имея возможности построить новые двигатели нужной мощности, мятежники были вынуждены отремонтировать старые двигатели с «Мерримака», которые были забракованы еще до войны. Благодаря тяжести брони осадка «Виргинии» составила 22 фута, что препятствовало проведению операций на мелководье; с другой стороны, непригодность броненосца к дальним рейсам делала невозможным и сражения

в открытом море. Слабые двигатели и неуклюжие очертания ограничивали скорость «Виргинии» до 4—5 узлов и делали ее столь неповоротливой, что разворот на 180 градусов занимал полчаса. Некоторые из этих недостатков не бросались в глаза, пока «Виргинию» не спустили на воду, а до тех пор она внушала надежду южанам и страх северянам.

Страх этот был главным стимулом преодоления индифферентности северян в вопросе о броненосцах. Военно-морской министр Уэллс, уверенный в безусловном превосходстве своего флота над любыми постройками южан и озабоченный необходимостью укрепления блокадных сил, поначалу не желал поддаваться новой моде. Но слухи о работе мятежников в этом направлении побудили Конгресс заставить министра действовать в рамках закона от 3 августа 1861 года, инициирующего строительство трех прототипов броненосцев. Уэллс учредил военно-морской совет, призванный рассмотреть десятки предложений от судостроителей. Совет выбрал два из них, в результате были построены «Галена» и «Нью-Айронсайдз» — корабли традиционной конструкции, но обшитые стальными листами.

Ни единого предложения не поступило от Джона Эриксона — гениального, но вспыльчивого как порох морского инженера, изобретателя гребного винта и некоторых других нововведений в конструкции судов. Раздраженный своими давними стычками с военно-морским министерством, Эриксон упрямо сидел в своей нью-йоркской мастерской, пока некий судовладелец не убедил его послать в министерство принципиально новый проект. В проекте было несколько новшеств. На деревянный корпус, обшитый тонким стальным листом, надстраивалась плоская палуба длиной 172 фута с прямыми бортами, защищенными броней толщиной в 4,5 дюйма, опускающейся ниже ватерлинии. Эта броня защищала также винт, якорь и все необходимые механизмы, при этом надводная часть судна возвышалась менее чем на два фута, что делало корабль похожим на плот — малозаметную мишень для вражеского огня. Самым важным новшеством Эриксона была вращающаяся башня, защищенная восьмидюймовым слоем брони и снабженная двумя одиннадцатидюймовыми орудиями. Эта башня наряду с низкой осадкой (11 футов), небольшим водоизмещением (1200 тонн, что составляло около четверти водоизмещения «Виргинии») и способностью развивать скорость до 8 узлов давала кораблю Эриксона преимущество в маневренности и функциональности. Он мог буквально танцевать вокруг более тяжелых вражеских судов и вести огонь во всех направлениях.

Линкольн и Уэллс были впечатлены детищем Эриксона, но оставались вопросы. Удержится ли броненосец на плаву в беспокойном море? Некоторые члены военно-морского совета относились к этому скептически. Эриксон предстал перед советом и развеял все сомнения. Совет подписал с ним контракт, но насмешки высших офицеров над «причудой Эриксона» вынудили Уэллса перестраховаться: судно должно одержать «безоговорочную победу» (что бы это значило?), в противном случае кораблестроители должны были вернуть каждый цент из 275 тысяч долларов, которые правительство соглашалось им выплатить. Эриксона это не обеспокоило — он был уверен в своем проекте. Для экономии времени он привлек несколько субподрядчиков, но лично вникал в каждую деталь. Начав работу на три месяца позже южан, северяне спустили броненосец Эриксона на воду 30 января 1862 года, на две недели раньше «Виргинии». Скептики, присутствовавшие при обеих церемониях, возвещали, что эти посудины не смогут держаться на воде, но могли только радоваться крушению своих прогнозов. Еще несколько недель ушло на доделку обоих кораблей. Эриксон нарек свое судно «Монитор» (тот, кто предостерегает и исправляет грешников). Времени на испытания не оставалось — проверкой соответствия «Монитора» пунктам контракта должен был стать первый бой.

8 марта «Виргиния» вышла из Норфолка, причем ее команда рассматривала плавание как испытательное, однако броненосец с ходу ввязался в настоящее сражение. Пять союзных кораблей — «Миннесота», «Роанок», «Сент-Лоуренс», «Конгресс» и «Камберленд», — располагавшие 219 орудиями, стерегли устье реки Джемс около Хэмптон-Роудс. Последние три были парусниками, составлявшими гордость военного флота в 1840-х годах, но устаревшими после начала эксплуатации паровых судов. Два первых были паровыми фрегатами («Роанок», впрочем, вывела из строя поломка вала) и гордостью уже современного флота, но итоги боя и их разом отбросили в разряд устаревших. Слухи о скором приходе «Мерримака» (как на Севере продолжали называть «Виргинию») циркулировали уже несколько недель, и вот, наконец, он показался. Первым на его пути оказался 24-пушечный «Камберленд»; броненосец сделал по нему несколько залпов, а затем протаранил, проделав 7-футовую дыру в днище корвета и отправив его ко дну. Пока это все происходило, «Камберленд» и «Конгресс» выпустили по «Виргинии» множество снарядов, но они, по словам очевидца-северянина, «ударялись о броню и отскакивали от нее, причинив вреда не больше, чем горошины, выпущенные из

пугача»⁵. Это было не совсем верно: еще до того, как стемнело, две пушки «Виргинии» были выведены из строя, палуба и дымовая труба повреждены (к тому же при столкновении с «Камберлендом» она потеряла таран), два человека убиты и несколько ранены. Но правда и то, что ни один из 98 сделанных по броненосцу выстрелов не пробил броню и не нанес сколько-нибудь ощутимый урон.

Пустив ко дну «Камберленд», «Виргиния» принялась за 50-пушечный «Конгресс», обстреливая беспомощный фрегат до тех пор, пока один из снарядов не угодил в скрыт-камеру и не взорвал корабль. «Миннесота», пытаясь помочь попавшим в беду товарищам, села на мель, и «Виргиния» переключилась на этот флагман эскадры северян, захвативший в августе предыдущего года бухту Гаттерас. Но глубокая осадка броненосца помешала ему подойти к «Миннесоте» до наступления темноты, поэтому мятежники решили, что на сегодня достаточно и что они покончат с фрегатом и другими судами федералов на следующий день.

А закончившийся день оказался худшим в 86-летней истории флота Соединенных Штатов. «Виргиния» за несколько часов потопила два крупных корабля; до 1941 года ни один враг не смог повторить подобного результата. Союзная флотилия потеряла по меньшей мере 240 матросов, включая капитана «Конгресса» — больше, чем в любой другой день войны. Всему союзному флоту в Хэмптон-Роудс (по-прежнему главной базе блокадных сил) угрожало уничтожение. Телеграммы, отсылаемые в ту ночь в Вашингтон, отдавали горьким привкусом паники. На следующее утро состоялось чрезвычайное заседание кабинета. Военно-морской министр Уэллс пытался успокоить военного министра Стэнтона известием о том, что «Монитор» уже вышел из Бруклина в Хэмптон-Роудс, чтобы противостоять «Виргинии». Но успеет ли он туда вовремя? И даже если успеет, то даст ли его двухпушечная «консервная банка на плоту» достойный отпор монстру южан?

Успел и дал. Ночью «Монитор», чья команда была измучена борьбой со штормом, едва не потопившим броненосец по пути из Бруклина, встал на якорь рядом с «Миннесотой». Однако перспектива схватки с «Виргинией» вновь заставила сердца членов экипажа биться чаще. Когда утром 9 марта броненосец Конфедерации решил покончить с остатками флота северян, его команда обнаружила рядом с «Миннесотой» странное судно. «Мы сперва думали, что это плот,

5 Davis W. C. *Duel between the First Ironclads*. Garden City, NY, 1975. P. 89.

который везет на берег для ремонта котел с „Миннесоты”, — говорил позже мичман с «Виргинии». Но «котел» развернул орудия и открыл огонь. Член команды «Монитора» так описал реакцию «Виргинии»: «Изумление отразилось на корабле точно так же, как оно отражается на лице человека, а „Мерримак” был изумлен до крайности». Мятажники переключили внимание с севшей на мель «Миннесоты» на этот невиданный корабль, который начал вертеться вокруг «Виргинии» «как маленькая собачонка», выплевывая 175-фунтовые ядра из 11-дюймовых пушек. Схватка двух тяжеловесов продолжалась два часа. Ни один снаряд с обеих сторон не смог пробить броню противника, хотя тяжелые снаряды «Монитора» в нескольких местах повредили обшивку «Виргинии». В какой-то момент южный броненосец сел на мель, и когда обладавший более высокой осадкой «Монитор» приблизился, многие члены экипажа «Виргинии» стали прощаться с жизнью, но в последний момент им удалось снять корабль с отмели и продолжить бой, безуспешно пытаясь протаранить «Монитор». К тому времени двигатели «Виргинии» уже дышали на ладан, а сама она была такой громоздкой, что один из лейтенантов сравнил ее с Ноевым ковчегом. «Монитор» в свою очередь также пытался таранить кормовую часть «Виргинии», чтобы вывести из строя руль или винт, но все время промахивался. Вскоре после этого снаряд с «Виргинии» попал в рубку «Монитора», ранив капитана. Корабль Союза тут же вышел из боя, а «Виргиния», опасаясь снова сесть на мель, отошла обратно к Норфолку. Каждая сторона полагала, что выиграла бой, на деле же его следует признать ничейным. Создавалось впечатление, что измочаленные экипажи прекратили сражаться по обоюдному согласию⁶.

В этот день завершилась революция в войне на море, начатая двадцатью годами ранее с применением на боевых судах энергии пара. Красавцы фрегаты и могучие линейные корабли с их высокими мачтами и прочными дубовыми палубами были обречены. Когда новость о сражении «Монитора» и «Виргинии» достигла Англии, *Times* дала такой комментарий: «До недавнего времени у нас было 149 первоклассных военных кораблей, а сейчас их осталось два: „Уорриор” и „Айронсайд” [британские экспериментальные броненосцы]. За исключением этих двух во всем английском флоте больше нет корабля, для которого бой с маленьким „Монитором” не был бы безумием»⁷.

6 Foote S. The Civil War. I. P. 260; Davis W. C. Duel between the First Ironclads. P. 120—121, 127.

7 Цит. по: Wood J. T. The First Fight of Iron-Clads // Battles and Leaders. I. P. 692.

Для Вашингтона большой интерес представляло спасение союзного флота в Хэмптон-Роудс. В течение ближайших двух месяцев «Монитор» и «Виргиния» встречались, но не вступали в бой. Не имея в резерве других броненосцев, ни одна из сторон не могла рисковать потерей своего главного козыря. После вторжения армии Макклеллана на виргинский полуостров и отхода конфедератов к Ричмонду в мае 1862 года Норфолк перешел в руки федералов, а «Виргиния» была вытащена на берег. Слишком громоздкий для того, чтобы с боем пробиться в открытое море, и слишком низко сидящий, чтобы идти против течения реки Джеймс, доблестный броненосец 11 мая был уничтожен своей командой — менее чем три месяца спустя после спуска на воду. «Монитор» также не дождал до своей первой годовщины: в последний день 1862 года очередной шторм у мыса Гаттерас отправил на дно броненосец, который буксировали на юг для участия в блокаде.

Несмотря на все свои недостатки, «Виргиния» и «Монитор» послужили прототипами для последующих броненосцев, построенных или заложенных обеими сторонами в ходе войны: 21 у Конфедерации и 58 у Союза. Многие из этих судов так и не приняли участие в боях; все из них были созданы для сражений на рейдах и реках; ни одно не сравнялось славой со своими предшественниками. Броненосцы мятежников в южных реках породили чувство тревоги среди союзного флота, известное как «таранная лихорадка», но это не оказало существенного влияния на ход войны. Деревянные парусники и пароходы по-прежнему составляли основу флота северян, действовавшего в открытом море. Однако в последней трети XIX века флоты мировых держав перешли на железные и стальные корабли, позаимствовав основные черты «причуды Эриксона»: низкий профиль, скорость и маневренность, вращающиеся орудийные башни и ограниченное количество крупнокалиберных орудий вместо множества пушек по каждому борту.

II

Участие в блокаде в составе союзного флота не предоставляло особенных шансов прославиться. Главным врагом северян была скука. Во время войны в блокаде участвовало около 500 судов, причем одновременно вахту несли в среднем 150 сторожевиков. Эти корабли захватили или вывели из строя около 1500 пытавшихся прорвать кольцо блокады. Предположив, что на каждый захваченный корабль

приходилось до десятка просто замеченных или тех, кого догнать не удалось, можно подсчитать, что каждый сторожевик видел один вражеский корабль в три-четыре недели и участвовал в одном-двух захватах в год. «День за днем, волна за волной, мы пребываем в полном бездействии», — так описывал блокаду один морской офицер. Другой писал своей матери, что та хорошо может получить представление о службе на сторожевике, если «в жаркий летний день выберется на крышу, поговорит там с пятью-шестью кретинами, спустится в подвал выпить тепловатой воды с привкусом ржавчины, а затем повторит это все снова и снова, и так пока не устанет, после чего пойдет спать в глухой чулан»⁸.

Только надежда на неожиданное обогащение не давала морякам сойти с ума. Трофеи команда делила с государством пополам. Около 7% стоимости добычи полагались капитану, поменьше офицерам, а 16% делились на матросов. Мечта о том, чтобы сорвать в таких условиях банк, иногда сбывалась: в течение девяти дней осени 1864 года небольшая канонерка «Эолус» одна захватила двоих нарушителей, что принесло ее капитану 40 тысяч долларов, офицерам — от 8 до 20 тысяч и по 3000 долларов каждому матросу.

Потенциальные выгоды, равно как и возможность пощекотать нервы, были для экипажей прорывавших блокаду судов более понятны. «Из того, что мне пришлось испытать в жизни, ничто не сравнится с этим ощущением, — писал находившийся на корабле-беглеце британский офицер. — Охота на кабанов, скачки с препятствиями, охота на крупную дичь, поло (а я перепробовал все это) хотя и являются захватывающими предприятиями, меркнут по сравнению с попыткой прорваться через блокаду»⁹. Но это комментарий уже не из первого года войны, когда блокада напоминала скорее решето, чем серьезную преграду: стоимость товаров и страховые ставки росли, но риск захвата судна был невелик. К лету 1862 года ситуация изменилась. Закрыв или оккупировав большинство портов южан, блокадный флот мог сосредоточиться на нескольких оставшихся открытыми гаванях. Приобретшие опыт капитаны северян стали отправлять небольшие суда ближе к берегу, чтобы те посылали сигнальные ракеты, когда очередной корабль южан намеревался войти в гавань или выйти из нее. Получив такой сигнал, все находившиеся в пределах досягаемости военные корабли сходились в одну точку,

8 West R. S. Mr. Lincoln's Navy. NY, 1957. P. 60; Merrill J. M. Rebel Shore. P. 69.

9 Carse R. Blockade: The Civil War at Sea. NY, 1958. P. 41.

чтобы перехватить прорывавшегося нарушителя. В нескольких милях мористее располагался второй ряд патрулей.

Эта система работала достаточно слаженно, если дело касалось тихоходных или крупнотоннажных судов неприятеля в условиях хорошей видимости. Но такой тип кораблей-нарушителей скоро исчез. На смену ему пришли плоскодонные быстроходные суда с низкой осадкой, построенные (преимущественно в Великобритании) специально с целью прорыва блокады, выкрашенные в маскирующий серый цвет, в топках которых сгорал не выделяющий дым антрацит. Они имели низкие борта, телескопические трубы и подводные пароотводные клапаны. С лоцманами, знавшими назубок каждый дюйм побережья, эти корабли дожидались безлунных, туманных или штормовых ночей, чтобы прорваться к фарватеру, с которого заранее были сняты все навигационные бакены, и только условные береговые огни служили рулевым ориентирами. Такой нарушитель мог проплыть в двухстах ярдах от патруля и остаться незамеченным. Южане иногда даже запускали сигнальные ракеты, похожие на используемые северянами, чтобы сбить с толку преследователей.

Ключевыми базами нарушителей блокады стали Нассау, Бермуды и Гавана. Там они принимали на борт оружие, обмундирование, обувь, армейские одеяла, медикаменты, соль, чай, спиртное, юбки и корсеты. Когда в союзном флоте стало больше кораблей, северяне образовали третью линию кордонов, патрулирующих воды близ этих портов (несмотря на протесты Великобритании и Испании), чтобы перехватывать нарушителей в сотнях миль от побережья южных штатов. Впрочем, большинство беглецов просачивались через эту преграду и держали курс на Уилмингтон, Чарлстон, Мобил или другой порт, где загружали на борт хлопок и отправлялись в обратный путь.

Уилмингтон и Нассау во время войны превратились в бурно растущие города, где процветало насилие, множились дома терпимости и сколачивались бешеные состояния¹⁰. Выгода от успешного вояжа перевешивала опасность поимки, составлявшую в 1864 году один шанс из трех. Судовладельцы могли вернуть потраченные средства за один-два рейса в оба конца, а каждый следующий рейс

10 Уилмингтон превратился в основной порт Конфедерации, где действовали нарушители блокады, из-за прихотливых бухт и отмелей в устье реки Кейп-Фир, которое охранялось фортом Фишер. Его крупнокалиберные орудия открывали огонь по блокадному флоту, мешая тому приближаться к беглецам.

приносил им уже чистую прибыль. Цены на хлопок на европейских рынках взлетели в шесть, восемь, десять раз по сравнению с довоенными, что позволило спекулянтам, закупавшим хлопок на Юге и перевозившим его в Европу, увеличить свои доходы. К 1864 году капитаны судов-нарушителей получали не меньше 5000 долларов золотом за рейс в оба конца, другие офицеры — от 750 до 3500 долларов, а простые матросы — 250 долларов. Кроме того, капитаны использовали часть трюма для перевозки собственного хлопка на экспорт или импортных предметов роскоши, которые затем продавали на аукционах. Многие судовладельцы, капитаны и члены команд были британцами, включая некоторых бывших офицеров королевского флота, оставивших службу ради выгодных авантюр. Хотя побудительным стимулом для большинства южан, владевших кораблями, прорывавшими блокаду, оставался патриотизм, мотив погони за прибылями исключать также не стоит. Северяне обращались с захваченными южанами как с военнопленными, но иностранных подданных отпускали во избежание дипломатических осложнений. Вытеснение военного снаряжения дорогостоящими потребительскими товарами стало настолько заметным, что в начале 1864 года правительство Конфедерации издало постановление (которое, впрочем, очень многими игнорировалось) о запрете импорта предметов роскоши и выделении по меньшей мере половины грузовых помещений транспортов под государственные поставки по фиксированным расценкам. Также правительство (особенно артиллерийский департамент Джошуа Горгаса) и некоторые южные штаты выкупили часть кораблей для своих нужд.

Насколько эффективной оказалась блокада? На этот вопрос можно отвечать двояко. С одной стороны, согласно подсчетам, блокаду преодолело в среднем пять из шести нарушителей (девять из десяти в 1861 году, но всего один из двух в 1865-м). Они вывезли полмиллиона кип хлопка, а взамен ввезли миллион пар обуви, полмиллиона винтовок, тысячи тонн пороха, несколько сотен орудий и так далее. Оборот международной торговли чарлстонского порта (в долларах) был в 1863 году больше, чем в последний мирный год. Посланники Конфедерации в Англии составили длинный перечень судов, успешно прорывавших кордоны, доказывая тем самым, что эта блокада, не признанная международными законами, существовала лишь на бумаге. В январе 1863 года Джефферсон Дэвис назвал «так называемую блокаду» «чудовищной ложью». С ним соглашался видный историк дипломатии Конфедерации. Блокада, писал Фрэнк

Оусли, была «абсурдом... не слишком удачной мистификацией... старины Эйба»¹¹.

С другой стороны, большинство южан, переживших блокаду, дали противоположный ответ. «Блокада уже сказывается на количестве наших боеприпасов», — писала Мэри Бойкин Чеснат 16 июля 1861 года. Этот «частокол окружает нас», — добавляла она в марте 1862 года. В июле 1861 года один торговец из Чарлстона отметил в своем дневнике: «Блокада по-прежнему продолжается, и каждый предмет потребления, особенно продовольственные товары, достается нам все дороже». Четыре месяца спустя появилась такая запись: «Дело идет к полному разорению: соль выросла до 15 и 20 центов за кварту, обуви почти нет, мануфактура заканчивается». Морской офицер южан уже после войны признал, что блокада «отрезала Конфедерацию от остального мира, лишила ее поставок, ослабила сухопутные и морские силы»¹².

Историки склоняются к последнему мнению. Несмотря на то, что сведения о пяти из шести успешных случаев преодоления блокады соответствуют действительности, это не является решающим критерием. Уместно задаться вопросом: какое количество кораблей и с каким количеством груза могло бы войти в южные порты, если бы блокады не было? За четыре года войны сквозь блокаду было сделано 8000 рейсов¹³, но за четыре года, предшествующих войне,

- 11 Davis. V. P. 401, 403; Owsley F. L. *King Cotton Diplomacy: Foreign Relations of the Confederate States of America*. Chicago, 1959. P. 229, 230.
- 12 Chesnut's *Civil War*. P. 101, 306; Nevins A. *War...* I. P. 289; Scharf J. T. *History of the Confederate States Navy*. NY, 1887. P. V.
- 13 Это оценки, сделанные на основе подсчетов государственного департамента Конфедерации и военно-морского министерства Союза (Owsley F. L. *Op. cit.* P. 250—290). Большинство успешных (равно как и безуспешных) попыток было предпринято небольшими шхунами, которые перевозили весьма немного военных грузов или не перевозили вовсе. Большинство рейсов таких шхун были каботажными, предпринятыми для перевозки грузов из одного южного порта в другой, поэтому вряд ли их можно назвать «прорывами» блокады. Например, с июня по август 1861 г. из 178 судов, входивших в южные порты или отправлявшихся оттуда, лишь 18 были вовлечены в международную торговлю. Дипломаты южан упоминали пострадавшие от блокады суда для внутренней торговли с целью убедить Лондон объявить такую блокаду «незаконной и неэффективной», а офицеры северян включали их в свою статистику, чтобы пополнить список трофеев. Если же говорить о количестве действительных нарушителей блокады (быстроходных пароходов, курсировавших между южными и иностранными портами), можно насчитать около 1000 успешных рейсов при 300 захваченных кораблях. Wise S. R. *Lifeline of the Confederacy: Blockade Running During the American Civil War* (дисс.). Университет Южной Каролины, 1983. P. 44, 46, 139, 516.

южные порты обслужили более 20 тысяч рейсов. В кораблях, предназначенных для прорыва блокады, главным достоинством была скорость, а не просторные трюмы, а кроме того, в случае погони они порой сбрасывали часть груза за борт. Результатом блокады стало уменьшение объемов морской торговли Юга более чем втрое, и, естественно, не стоит забывать, что нужды Конфедерации во всех видах товаров были большими, чем в мирное время. Что касается экспорта хлопка, то 1861 год нужно исключить из рассмотрения, так как южане ввели добровольное эмбарго на его поставку в попытке повлиять на внешнюю политику Великобритании (об этом ниже). Полмиллиона кип хлопка, провезенные сквозь блокаду после окончания действия эмбарго в 1862 году, за три оставшихся года войны, выглядят достаточно жалко по сравнению с десятью миллионами, экспортированными в 1857—1860 годах. Что же до роста долларového объема товарооборота чарлстонского порта, то этому есть два объяснения: Чарлстон был основным портом для нарушителей блокады, потому что другие порты стали недоступны, плюс к этому инфляция настолько ослабила доллар Конфедерации, что к марту 1863 года для покупки товара, стоившего один доллар еще два года назад, требовалось уже десять. Блокада была одной из причин разорительной инфляции, благодаря которой покупательная способность доллара Конфедерации упала к концу войны в сто раз относительно апреля 1861 года.

Утверждать, что блокада «выиграла войну» для Севера, как имеют обыкновение делать историки флота, значило бы перегибать палку, хотя, безусловно, она сыграла важную роль в победе Союза¹⁴. Если доля военно-морского флота составляла всего 5% в численности всех вооруженных сил Союза, его вклад в конечный успех был много больше.

14 Nash H. P. *A Naval History of the Civil War*. NY, 1972. P. 300. С другой стороны, сделанный в одном недавнем исследовании вывод о том что «блокада была несущественным фактором в экономическом упадке Конфедерации» и не оказала «решающего значения» на итог войны, пожалуй, чрезмерно категоричен и свидетельствует об особенном понимании автором «существенного» и «решающего». Влияние блокады было, несомненно, важным, хотя, естественно, война была выиграна не ей одной. Вопрос о том, можно ли было победить в войне, не вводя блокаду, остается спорным. *Beringer R. E., Hattaway H., Jones A., Still W. N. Why the South Lost the Civil War*. Athens (Ga.), 1986. P. 56, 63.

III

Вопрос об эффективности блокады превратился в ключевой вопрос международной политики первого года войны. Международным законом, важным для ведения блокады, был один из разделов Парижской морской декларации, к которой в 1856 году после Крымской войны присоединились европейские державы (но не Соединенные Штаты): «Для того чтобы быть признанной, блокада должна быть эффективной; иными словами, сопровождаться привлечением достаточного для прекращения доступа к объекту блокады количества сил». Дипломаты южан настаивали на том, что легкость, с которой беглецы преодолевали блокаду в 1861 году, доказала ее неэффективность, следовательно, ни одно государство не должно признавать ее. Такой была традиционная позиция американцев в отношении британских блокад, особенно во время наполеоновских войн, когда Соединенные Штаты игнорировали требования англичан и вели торговлю с обеими сторонами. Но сейчас положение изменилось. Основной целью дипломатии Конфедерации в 1861 году было убедить британцев объявить блокаду незаконной, что послужило бы прелюдией к началу действий королевского флота в защиту английской торговли с Югом.

Главным аргументом международной стратегии южан был хлопок. В британской экономике доминировала текстильная промышленность. «Что произойдет, если не экспортировать хлопок в течение трех лет?» — спрашивал южнокаролинец Джеймс Хэммонд в своей легендарной речи 1858 года о „Короле Хлопке“. — Англия, а вместе с ней и весь цивилизованный мир, рухнули бы, не будь Юга». В 1861 году южане абсолютно уверовали в неизбежность британской интервенции из-за вопроса о хлопке. Через несколько дней после взятия форта Самтер один торговец из Чарлстона так говорил корреспонденту лондонской *Times*: «Если эти презренные янки осмелятся ввести блокаду и лишат вас нашего хлопка, просто потопите их корабли и признайте Конфедерацию. Я полагаю, это должно произойти еще до осени». В июле 1861 года вице-президент южан Александр Стивенс выразил уверенность, что «рано или поздно [блокада будет] снята или же Европу ждет революция»: «Наш хлопок... это гигантский рычаг, с помощью которого мы можем решить свою судьбу»¹⁵.

15 Selections from the Letters and Speeches of the Hon. James H. Hammond of South Carolina. New York, 1866. P. 316—317; Russell W. H. My Diary North and South. NY, 1954. P. 69; Jones V. C. The Civil War at Sea: The Blockaders. NY, 1960. P. 183.

Чтобы привести этот рычаг в действие, южане решили наложить эмбарго на экспорт хлопка. «Козыри на руках у нас, — торжествовала *Charleston Mercury*, — и мы собираемся выкладывать их, пока не обанкротятся последние хлопчатобумажные фабрики Англии и Франции или пока те не признают нашу независимость». *Memphis Argus* советовала плантаторам: «Оставляйте весь хлопок на плантациях. Не посылайте ни единого волокна в Новый Орлеан или Мемфис, пока Англия и Франция не признают Конфедерацию. Ни единого волокна!»¹⁶ Хотя правительство в Ричмонде никогда официально не объявляло об эмбарго, общественное мнение в его поддержку было настолько мощным, что буквально ввело его самостоятельно. Большая часть урожая 1860 года была уже отправлена в Европу до войны. Погрузка хлопка, собранного в 1861 году, должна была начаться в сентябре, но, несмотря на слабость блокады, хлопок почти не вывозили. Весной 1862 года южане засадили хлопком лишь около половины сельскохозяйственных площадей, а остальную часть пустили под продовольственные культуры. Импорт хлопка в Британию в 1862 году составил всего 3% от объемов 1860 года.

Такая «хлопковая дипломатия» поначалу казалась многообещающей. Английские и французские официальные лица обменивались встревоженными мнениями о перспективах хлопкового голода. Текстильные магнаты Ланкашира и Лиона поговаривали о банкротстве. «Англия должна прорвать блокаду, или миллионы ее граждан умрут от голода», — заявила в сентябре 1861 года одна из газет от имени рабочих ткацких фабрик. В октябре премьер-министр виконт Пальмерстон и министр иностранных дел лорд Расселл согласились с тем, что «хлопковый вопрос может иметь очень серьезные последствия к концу года»: «Мы не можем позволить нескольким миллионам наших граждан погибнуть только для того, чтобы Соединенные Штаты испытали чувство удовлетворения». Британские и французские дипломаты обсуждали возможность совместных действий, направленных на отмену блокады¹⁷.

Но в конце концов этому помешал ряд факторов. Главным из них было желание Расселла и Пальмерстона избежать втягивания в войну. «Ради всего святого, давайте будем по возможности держать в стороне от этих событий», — говорил Расселл в мае 1861 года,

16 Owsley F. L. *King Cotton Diplomacy...* P. 24—25.

17 Jenkins B. *Britain and the War for the Union*. 2 vols. Montreal, 1974—1980. I. P. 166, 170; Owsley F. L. *Op. cit.* P. 73.

а Пальмерстон высказался в духе «двое дерутся — третий не мешай». Даже абстрагируясь от агрессивных предостережений госсекретаря Сьюарда не ввязываться в конфликт (к которым британцы отнеслись как к невежественному пустозвонству), Лондон понимал, что любое действие против блокады может привести к конфликту с Соединенными Штатами, который будет иметь для интересов Англии более пагубные последствия, чем временная потеря южного хлопка. «Наша истинная стратегия, — сказал Пальмерстон Расселлу 18 октября, — следовать избранной нами линии и держаться от этого конфликта подальше»¹⁸. Французский император Наполеон III склонился к вмешательству, но не желал предпринимать никаких шагов без сотрудничества с Англией.

Если правящие круги Великобритании были возмущены «запугиванием» Сьюарда, то многие простые англичане гораздо больше негодовали из-за попытки Конфедерации прибегнуть к экономическому шантажу. «[Если южане] полагают, что смогут при помощи хлопка вынудить нас выступить на их стороне, — заявила *Times*, — то им следовало лучше подумать». «[Вмешаться в войну на стороне Юга] только потому, что он перестал посылать нам хлопок, было бы шагом недостойным... Британский парламент никогда не пойдет на столь позорную сделку», — заявил лорд Расселл в сентябре 1861 года¹⁹.

Вследствие щепетильности британцев (и французов) по вопросу блокады дипломаты южан не могли допустить продолжения хлопкового эмбарго. Создавалась парадоксальная ситуация: коль скоро Европа не получала хлопок, блокаду нельзя было объявить неэффективной. В феврале 1862 года в ответ на вопрос французского министра иностранных дел эмиссар Конфедерации в Париже признал, что «несмотря на весьма значительное количество судов... успешно прорвавших блокаду, риск быть захваченными слишком велик, чтобы более осторожные судовладельцы отважились на подобные попытки». Это было фатальным признанием! Восемь дней спустя министр иностранных дел Великобритании Расселл представил позицию Империи по этому вопросу: «Тот факт, что отдельные суда успешно прорывают блокаду... сам по себе еще не означает признания ее неэффективной согласно международному законодательству», поскольку она была усилена дополнительными соединениями,

18 Ferris N. B. *Desperate Diplomacy: William H. Seward's Foreign Policy, 1861*. Knoxville, 1976. P. 39, 36; Jenkins B. *Britain and the War for the Union*. I. P. 172.

19 Owsley F. L. *King Cotton Diplomacy*. P. 22; Jenkins B. *Op. cit.* P. 170.

«достаточными для того, чтобы воспрепятствовать входу [в порт], или для того, чтобы создать очевидную опасность для входа и выхода из порта». К февралю блокада вполне удовлетворяла этому определению. Вторым веским доводом против принятия Британией аргументов южан являлось стремление не создавать прецедент, который мог бы обернуться против безопасности Англии в будущей войне. Генеральный стряпчий полагал, что Великобритания должна противиться «новомодным трактовкам международного права, которые могут сделать невозможным в будущем эффективное использование блокады, лишив [Британию], таким образом, морского могущества»²⁰.

Ожидания южан на ликвидацию блокады с помощью вмешательства извне не оправдались по двум парадоксальным причинам: из-за «успешного» хлопкового эмбарго, лишь доказывавшего состоятельность блокады, и колоссального объема экспорта хлопка в 1857—1860 годах, который вместо утверждения могущества «Короля Хлопка» лишил его престола. Даже работая сверхурочно, британские фабрики не были способны переработать весь этот хлопок в ткани. Излишки хлопка-сырца, а также готовых тканей, заполняли склады Ланкашира. Таким образом, эмбарго южан в 1861 году обернулось неожиданным благом для текстильных фабрикантов. Хотя фабрики зимой 1861—1862 годов работали неполный рабочий день, это было вызвано не нехваткой хлопка, а перенасыщением рынка текстильной продукции. Запасы сырца в Англии и Франции в декабре 1861 года были больше, чем в декабре любого другого года. Хлопковый голод, на который так надеялись южане, заявил о себе лишь летом 1862 года, а к тому времени Конфедерация отказалась от идеи эмбарго и отчаянно пыталась провезти хлопок через ужесточающуюся блокаду, чтобы платить за импорт. В это же время рост цен на хлопок в Европе привел к расширению его плантаций в Египте и Индии, ставших на ближайшие три года основными мировыми поставщиками.

Худшие дни простаивающей текстильной промышленности Великобритании пришлись на период с лета 1862 по весну 1863 года, но масштабы бедствия не оправдали надежды южан и мрачные прогнозы англичан. Уже до войны текстильная промышленность начала утрачивать свою господствующую роль в британской экономике. Война же все больше стимулировала металлургическую, оружейную, судостроительную промышленность, которые обгоняли текстильную

20 Nevins A. War... I. P. 289; Crook D. P. The North, the South and the Powers 1861—1865. NY, 1974. P. 177, 178 (курсив мой — Дж. М.).

отрасль. Производство суконной униформы и одеял для американских армий несколько компенсировало отставание хлопкового производства. Процветающая торговля обмундированием с северянами, равно как и прорывы блокады южанами, убеждали британских negociантов в преимуществах нейтралитета. Неурожаи в Западной Европе в 1860—1862 годах усилили зависимость Британии от американского зерна и муки. За два первых года Гражданской войны штаты Союза импортировали в Великобританию почти половину необходимого ей зерна, тогда как до войны доля импорта этих штатов составляла менее четверти. Янки могли торжествовать по поводу того, что «Король Зерно» оказался сильнее «Короля Хлопка»²¹. А так как рейдеры Конфедерации нападали на корабли торгового флота Соединенных Штатов, большая часть этой растущей торговли перешла в руки британских судов — еще один экономический фактор, препятствовавший вовлечению Британии в войну.

Ко второму году конфликта Лондон терпимо относился к ужесточению блокады. В апреле 1862 года военные корабли северян начали захватывать британские торговые суда, курсировавшие между Англией и Нассау или Бермудскими островами, на основании того, что их груз в конечном итоге предназначался для Конфедерации. Первой ласточкой была «Бермуда», конфискованная по приговору призового суда Соединенных Штатов. Затем ее выкупил флот и отправил нести службу в качестве блокадного корабля. Это конечно же стало оскорблением, вызвавшим ура-патриотическую реакцию в Великобритании. Однако американские дипломаты сослались на имевшиеся прецеденты таких захватов самой Британией. Во время наполеоновских войн королевский флот захватил американские суда, перевозившие груз в нейтральный порт с целью последующей перепродажи французам. Для оправдания конфискации контрабанды, в конечном итоге предназначавшейся врагу, даже если корабль совершил промежуточную остановку в нейтральном порту, британские юристы разработали понятие «единства пути». Когда в 1862 году бумеранг вернулся, Уайтхолл вряд ли мог оспорить этот прецедент.

В 1863 году юристы северян расширили правило «единства пути» после инцидента с «Петергофом». В феврале этого года военный корабль Союза задержал в Карибском море британское судно «Петергоф», шедшее в мексиканский Матаморос с грузом военного снаряжения. У северян были все основания подозревать, что ко-

21 Ibid. P. 268—272.

нечным получателем этого груза являются штаты Конфедерации. Расположенный на противоположном от Техаса берегу Рио-Гранде Матаморос превратился в перевалочный пункт торговли с южанами, менявшими там хлопок на контрабандные товары. Призовой суд поддержал решение флота расширить действие правила «единства пути» и на реэкспорт контрабанды через сухопутные границы, а не только на вывоз из нейтральных портов. На этот раз британское общественное мнение вновь обрушилось на «жадных и высокомерных» янки, но Форин-офис просто зафиксировал этот прецедент (англичане сослались на него полвека спустя, чтобы оправдать захват американских судов, шедших в нейтральную Голландию с грузом, предназначенным для последующей доставки в Германию по суше)²².

IV

Второй целью южной дипломатии после попыток вызвать британское вмешательство в блокаду было официальное признание Конфедерации со стороны мировых держав. Чтобы добиться такого признания, правительство Конфедерации направило в Европу делегацию из трех человек во главе с Уильямом Йонси. Известный «пламенный оратор» и сторонник возобновления торговли африканскими рабами, Йонси был не лучшей кандидатурой для поиска единомышленников в антирабовладельчески настроенной Британии. Тем не менее вскоре после прибытия делегации в Лондон британское правительство объявило о шаге, который сбил с толку американцев на обоих берегах Потомака, заставив их поверить в неминуемое дипломатическое признание Конфедерации.

Линкольн объявил южан мятежниками. Согласно международным законам, это лишало южан статуса воюющей державы. Но 13 мая королева заявила о нейтралитете Британии. Это было замечательно, вот только тем самым Юг признавался воюющей стороной. Другие европейские страны последовали примеру Англии. Подобный статус давал конфедератам право получать займы и закупать оружие в нейтральных государствах, а также снаряжать суда, имеющие право захвата добычи в открытом море. Северяне горячо протестовали против такого шага; Чарльз Самнер позже назвал его «самым

22 Цит. по: *Jenkins B. Britain and the War for the Union. II. P. 262. О судебных процессах по морскому праву см.: Bernath S. L. Squall Across the Atlantic: American Civil War Prize Cases and Diplomacy. Berkeley, 1970.*

омерзительным поступком в истории Англии со времен Карла II». Однако протесты северян основывались на слабой правовой базе, так как блокада практически признавала южан полноправной воюющей державой. Более того, в глазах европейцев Конфедерация с ее конституцией, армией, эффективным контролем над 750 000 квадратных миль территории и населением в девять миллионов человек рассматривалась как воюющая сторона, независимо от того, кем ее считали на Севере. Как высказался лорд Расселл: «Признание Юга воюющей стороной не дело принципа, а фактическое положение вещей»²³.

Разочарование северян было отчасти вызвано сопутствующими обстоятельствами и моментом, выбранным Британией для заявления о своей позиции. Прокламация о нейтралитете была обнародована как раз после двух «неофициальных» совещаний лорда Расселла с представителями Конфедерации и за день до прибытия в Лондон нового посланника Соединенных Штатов Чарльза Фрэнсиса Адамса. Таким образом, признание Юга воюющей стороной имело цель поставить Адамса перед свершившимся фактом и подготовить его к следующему шагу — официальному признанию Конфедерации. По словам Сьюарда, встречи Расселла с Йонси и его коллегами можно было «с большой долей вероятности истолковать как признание». Так же считали и южане; *Richmond Whig* расценила прокламацию о нейтралитете как «широкий и твердый [шаг] в направлении, ожидаемом народом южных штатов»²⁴.

Всю весну британская политика волновала Сьюарда все больше и больше. Когда он узнал о встречах Расселла с представителями мятежников, он впал в ярость. «Черт бы их побрал, я еще задам им жару!» — говорил он Самнеру. 21 мая Сьюард направил Адамсу совсем в недипломатических выражениях составленную депешу с инструкциями разорвать отношения в случае, если британское правительство вступит в дальнейшие сношения с посланцами южан. «[Если Лондон официально признает Конфедерацию], — писал Сьюард, — «то с этого самого часа мы прекратим с ним дружеские отношения и вновь станем врагами Великобритании, как уже дважды нас вынуждала историческая ситуация»²⁵.

23 Jones R. H. *Disrupted Decades: The Civil War and Reconstruction Years*. NY, 1973. P. 363.

24 Jenkins B. *Britain and the War for the Union*. I. P. 104, 109.

25 Donald D. *Charles Sumner and the Rights of Man*. NY, 1970. P. 21; Jenkins B. *Op. cit.* P. 104.

Линкольну лишь частично удалось смягчить стиль Сьюарда. Президент заставил Сьюарда предоставить Адамсу выбор: изложить ли содержание ноты на словах или вручить ее лорду Расселлу в перевозданном виде. Прочитав воинственную депешу Сьюарда, Адамс решил, что в данном случае лучшим проявлением бесстрашия будет благоразумие. Адамс действительно оказался превосходным кандидатом на роль посланника в Лондоне. На этом посту он наследовал своему деду и отцу; кроме того, немалую часть своей молодости Чарльз провел при Санкт-Петербургском и Лондонском представительствах. Его сдержанность и самообладание вызывали симпатию англичан, которых задевало вызывающее поведение, относимое ими на счет американского национального характера. Адамс и лорд Расселл присмотрелись друг к другу и остались довольны произведенным впечатлением. Посол США постелил мягкую перину на жесткий топчан Сьюарда. Расселл, будучи столь же обходительным, уверил американского посланника в том, что в настоящее время Великобритания не имеет намерения официально признавать Конфедерацию. Министр иностранных дел не отрицал, что дважды встречался с эмиссарами южан, но сказал, что «не ожидает больше их увидеть»²⁶.

Так и произошло. Потребовалось некоторое время, чтобы смысл этого сообщения дошел до делегации южан, продолжавшей слать оптимистические реляции в Ричмонд. Однако в сентябре 1861 года Йонси пал духом и подал в отставку. В то же самое время администрация Дэвиса решила заменить своих эмиссаров полномочными представителями в главных европейских столицах, направив виргинца Джеймса Мэйсона в Лондон, а луизианца Джона Слайделла — в Париж.

Этим шагом южане невольно запустили маховик различных событий, едва не поставивших англо-американские отношения на грань разрыва. Отплытие Мэйсона и Слайделла из Чарлстона на очередном нарушителе блокады не было таким уж секретом. Союзный флот был раздосадован тем, что не смог перехватить корабль, прежде чем тот достиг Гаваны, где дипломаты пересели на британский пароход «Трент». Капитан Чарльз Уилкс решил восстановить репутацию северного флота. Этот сорокалетний морской волк, командовавший 13-пушечным шлюпом «Сан-Хасинто», был упрямым, считавшим себя экспертом по морскому праву. Дипломатическую почту можно было захватить как обычную военную контрабанду, а Мэйсона и

26 Adams E. D. Great Britain and the American Civil War. 2 vols. NY, 1925. I. P. 206.

Слайделла Уилкс решил взять в плен в виде «вещественного доказательства» этой почты²⁷. Такая оригинальная интерпретация международного права не была доведена до конца, так как вместо того, чтобы взять «Трент» в качестве приза, Уилкс, остановив пароход в открытом море 8 ноября, просто арестовал Мэйсона и Слайделла, после чего отпустил корабль на все четыре стороны.

Общественное мнение Севера рукоплескало Уилксу: «Народ рад видеть, как Джона Булля берут за рога». Палата представителей выпустила хвалебную резолюцию в адрес Уилкса, но после первого приступа ликования наступила пора зрелых размышлений. Немногие ожидали, что англичане закроют глаза на этот инцидент. Риск новой войны отправил в свободное падение американский рынок ценных бумаг. Государственные облигации не находили покупателей. Новости из Британии лишь подтверждали угрожающий характер конфронтации. Англичане выражали негодование по поводу «реквизиции» Уилксом Мэйсона и Слайделла. «Юнион Джеком» подвергся оскорблению, патриотическая пресса призывала к войне, премьер-министр Пальмерстон заявил своему кабинету: «Вы, конечно, можете это вытерпеть, но будь я проклят, если такое вытерплю я!»²⁸ Кабинет министров высказался за то, чтобы послать в Вашингтон ультиматум с требованием извинений и освобождения дипломатов-южан. Великобритания послала войска в Канаду и усилила свой флот в Западной Атлантике. Война казалась неизбежной.

Хотя англофобская часть американской прессы приветствовала такую перспективу, трезвомыслящие круги поняли всю мудрость ответных слов Линкольна: «Каждому овощу свое время». Один из аспектов дела «Трента» поставил под угрозу способность союзной армии продолжать даже ту войну, которую она уже вела, причем аспект этот неизвестен широкой публике и о нем редко упоминают историки. В 1861 году управляемая британцами Индия была для Союза главным поставщиком селитры, являющейся основным ингредиентом пороха. Война исчерпала все ее запасы до критической отметки, поэтому осенью 1861 года Сьюард отправил одного из сотрудников компании Дюпона в Англию с секретной миссией: выкупить все возможные запасы селитры на островах плюс те, что уже везут из Индии. Посланник Сьюарда выполнил поручение и

27 Senate Exec. Docs. 37 Cong., 2 Sess. III. P. 123.

28 Ferris N. The Trent Affair: A Diplomatic Crisis. Knoxville, 1977. P. 29; Nevins A. War... I. P. 388.

снарядил пять кораблей с 2300 тоннами селитры, когда известие об инциденте с «Трентом» достигло Лондона. Уайтхолл ввел эмбарго на все поставки в Соединенные Штаты до разрешения кризиса, а пока никакого решения не было, не было и селитры²⁹.

Этот вопрос, в числе многих прочих, занимал умы Линкольна и Сьюарда на протяжении очень напряженного декабря 1861 года. Проблема заключалась в том, как разрядить обстановку, одновременно избежав унижительных уступок, требуемых ультиматумом. Сьюард признавал, что Уилкс нарушил международные нормы, отказавшись сопроводить «Трент» в порт и предстать вместе с ним перед призовым судом. С нехарактерным для себя миролюбием Сьюард выражал готовность отпустить Мэйсона и Слайделла на основании того, что Уилкс не получал никаких инструкций. По дипломатическим каналам из Лондона поступили намеки, что этот компромисс позволит сохранить лицо и к тому же удовлетворит англичан. На решающем собрании кабинета в Рождество администрация объявила, что у нее нет другого выбора, кроме как отпустить Мэйсона и Слайделла. Большая часть прессы придерживалась того же мнения, поэтому такой итог не лишил власть поддержки общества. Мэйсон и Слайделл возобновили свое прерванное путешествие в Европу, где им так и не удалось приблизить иностранное военное вмешательство, тогда как попав в ноябре 1861 года в плен, они были близки к этому как никогда. Их освобождение выпустило воздух из пузыря войны. Селитра Дюпона покинула наконец Англию и вскоре превратилась в порох для союзной армии.

Решение этой проблемы улучшило англо-американские отношения даже относительно их предвоенного состояния. «Первый эффект от освобождения г-н Мэйсона и Слайделла потрясающий, — писал молодой Генри Адамс из американского представительства в Лондоне, где он служил секретарем своего отца. — Течение, которое полтора месяца назад затягивало нас в воронку с невиданной силой, сейчас с той же силой выталкивает нас на поверхность»³⁰. Это новое течение усиливали сообщения о победах северян вдоль атлантического побережья, но в первую очередь — о выдающихся военных успехах Союза на Западе.

29 Chandle A. D. Du Pont, Dahlgren, and the Civil War Nitre Shortage // *Military Analysis of the Civil War*. NY, 1977. P. 201—202.

30 Ford W. C. *A Cycle of Adams Letters, 1861—1865*. 2 vols. Boston, 1920. I. P. 99.

13.

Речная война в 1862 году

I

До февраля 1862 года на реках к югу от Кейро (Иллинойс) боевых столкновений почти не случалось, однако в последующие четыре месяца они стали ареной решающих битв. Стратегическое значение речного бассейна около Кейро было ясно с самого начала боевых действий. Этот самый южный город свободных штатов превратился в крупную базу сухопутных и военно-морских сил. Именно отсюда на юг по рекам Камберленд и Теннесси и вдоль Миссисипи отправлялись комбинированные экспедиционные корпуса армии и флота.

Одной из причин успешных наступательных действий была согласованная деятельность флотского и армейского начальства в Кейро: эскадрой командовал богобоязненный трезвенник, аболиционист и янки из Коннектикута Эндрю Фут, а сухопутными силами — бригадный генерал Улисс Грант, который, может быть, и боялся Господа, но к вопросу о рабстве был равнодушен, да и трезвенником не являлся. Было большой удачей, что Грант и Фут сработались, так как обычно взаимодействие между армией и флотом оставляло желать много лучшего. Военное министерство оснастило первые канонерские лодки для операций на реках западного театра военных действий, опираясь на тот факт, что все внутренние операции (пусть даже и речные) входили в компетенцию сухопутных сил. Командовали судами морские офицеры, но контролировали их офицеры армейские.

Экипажи таких судов были смешанными: лодочники-добровольцы, откомандированные из армии солдаты, лоцманы гражданских пароходов, инженеры и немногочисленные матросы военно-морского флота. Такая ненормальная ситуация сохранялась до осени 1862 года, пока Конгресс не исправил ее, передав речные флотилии под контроль морских чинов. Однако все свои знаменитые победы речной флот одержал именно при такой неразберихе в первые месяцы своего существования.

Канонерки этого флота были детищем Джеймса Идса, этого Эриксона пресноводной эскадры. Уроженец Индианы, владелец судостроительной компании в Сент-Луисе, Идс в августе 1861 года заключил контракт на постройку семи канонерок с малой осадкой для речных сражений. Когда работа была окончена (еще до конца года), взору публики предстали невиданные до сих пор суда. Плоскодонные, с широкими бимсами и гребным колесом, их машинное отделение и жилые помещения были защищены наклонным казематом, обшитым железной броней толщиной до 2,5 дюймов. Из-за того, что этот каземат, созданный морским конструктором Сэмюэлом Пуком, напоминал контуры черепашьего панциря, лодки были прозваны «черепахами Пука». Несмотря на причудливый внешний вид, эти замечательные суда были вооружены тринадцатью пушками каждое и были более чем достойным противником для нескольких переоборудованных пароходов, которые могли выставить южане.

Для защиты от вторжения по рекам южане уповали в основном на форты, которые были особенно мощными на Миссисипи. В Колумбусе (Кентукки), всего в 15 милях к югу от Кейро, генерал Леонидас Полк занял высоты, установив там 140 тяжелых орудий. Конфедераты гордились этим «Гибралтаром Запада», так как пушки могли остановить все, что проплывало мимо, включая «черепах Пука». Для подстраховки южане также укрепили и несколько других опорных пунктов на протяжении 150 миль вниз по реке вплоть до Мемфиса. Парадоксально, но в отличие от этих «гибралтаров», форты, защищавшие реки Теннесси и Камберленд, были расположены неудачно, а их строительство к концу 1861 года еще не было завершено. Возможно, причина была в сильном влиянии образа Миссисипи на умы южан, тогда как Теннесси и Камберленд воспринимались как нечто менее значимое. Однако эти реки протекали через одну из важнейших житниц Конфедерации, где также процветало разведение мулов и лошадей и имелись металлургические предприятия. Железодельный завод в Кларксвилле на Камберленде по мощности уступал

только Тредегару в Ричмонде, тогда как Нашвилл, стоявший на той же реке, был основным производителем пороха и ключевой торговой базой на западном фронте Конфедерации.

Вооруженными силами там командовал Альберт Сидни Джонстон, имевший высший военный чин в армии южан. Уроженец Кентукки, сражавшийся с Мексикой и в ополчении Техаса, и в рядах армии Соединенных Штатов, Джонстон на момент начала Гражданской войны командовал Тихоокеанским военным округом в Калифорнии. Подобно Роберту Ли, он отклонил предложение занять высокий пост в союзной армии и пересек Юго-Запад, уклоняясь от встреч с апачами и союзными патрулями, чтобы присоединиться к армии Конфедерации. Высокий, хорошо сложенный, обладающий чувством юмора и спокойным, но решительным характером, Джонстон производил впечатление идеального солдата, каковым и являлся. Джефферсон Дэвис высоко ценил его еще со времен совместной учебы в Трансильванском университете и Вест-Пойнте в 1820-е годы, а затем сражался бок о бок с ним против Черного Ястреба и в войне с Мексикой. И если Дэвис уже не был высокого мнения о другом Джонстоне (Джозефе), то Альберта Сидни он всегда называл «лучшим солдатом и самым способным человеком среди штатских или военных, конфедератов или федералов»¹.

Западный фронт, вверенный Джонстону, простирался от Аппалачей до плато Озарк. К началу 1862 года в его распоряжении было 70 тысяч человек на линии фронта в 500 миль, которым противостояло в полтора раза больше федералов, чей не менее длинный фронт простирался от восточной границы Кентукки до юго-западной Миссури. Однако северяне были ослаблены отсутствием единства командования. В ноябре Генри Хэллек заменил Фримонта на посту командующего Миссурийским округом. Его власть распространялась на участок до реки Камберленд, а за ней всем распоряжался Дон Карлос Бьюэлл, глава Огайского округа со штаб-квартирой в Луисвилле.

Начало войны застало Хэллека и Бьюэлла, как и Джонстона, в Калифорнии. Их довоенная карьера также позволяла ожидать от них великих свершений. Хэллек был одним из лучших в своем выпуске в Вест-Пойнте. Он написал «Основы военного искусства» — фактически пересказ трудов Жомини — а также перевел его «Жизнь Наполеона». Эти работы принесли Хэллеку известность как военному

1 Foote S. Civil War. I. P. 169.

теоретику. «Старый умник», как порой его называли за глаза, вышел в отставку в 1854 году и стал бизнесменом и адвокатом в Калифорнии. Там он написал две книги по горному праву и отклонил предложение войти в состав верховного суда штата. Хэллек, несмотря на то что был лысоват, имел брюшко, двойной подбородок и глаза навывкате, — был весьма способным военным администратором. В первые месяцы на своей новой должности он действовал как должно, упорядочив хаос, оставленный ему Фримонтом, и организовав эффективный снабженческий аппарат для армии из 90 тысяч солдат и экипажей судов речной флотилии. Бьюэлл также показал себя талантливым организатором. Подобно Макклеллану, лоббировавшему его назначение в Луисвилл, Бьюэлл был поборником строгой дисциплины, знавшим, как превратить необстрелянных новобранцев в настоящих солдат. Но в отличие от его покровителя, ему не хватало харизмы и он никогда не был популярен в войсках.

Линкольн время от времени побуждал Хэллека и Бьюэлла начать совместное наступление против Джонстона по всей линии фронта от Миссисипи до Аппалачей. Президент был уверен, что Север сможет выиграть эту войну только с помощью наступления превосходящих по численности частей «в разных пунктах, но в одно время», чтобы помешать переброске врагом войск со спокойного участка на опасный. Однако согласованные действия замедлялись из-за дележа полномочий между Хэллеком и Бьюэллом, каждый из которых стремился затмить другого, притом что оба избегали риска поражения. Бьюэлл выражал готовность атаковать основную группировку конфедератов у Боулинг-Грин, если Хэллек поддержит его отвлекающим маневром выше по реке Теннесси. Но Хэллек не соглашался. «Я не готов к совместным действиям, — писал он Линкольну 1 января 1862 года. — Слишком большая спешка все погубит»².

Линкольн начинал подозревать, что какими бы достоинствами не обладал Хэллек как администратор и теоретик, боевым офицером он не являлся. Но у Хэллека под началом был как раз такой офицер — Улисс Грант, стоявший в Кейро. Пока Хэллек и Бьюэлл препирались по телеграфу, Грант предлагал действовать. Он вынудил Хэллека разрешить его войскам и новой флотилии Фуа двинуться вверх по Теннесси, чтобы захватить форт Генри. Хэллек долго колебался, но в конце января решился и приказал Гранту выступить.

2 CWL. V. P. 98; O. R. Ser. I. Vol. 7. P. 526.

Спущенный с привязи Грант двигался быстро и решительно. Это была его первая реальная возможность развеять сомнения, вызванные его проблемами с алкоголем, повлекшими его отставку из армии в 1854 году. Грант получил командный опыт, сделавший его более уверенным в себе. Он увидел, что его лаконичная, неформальная, простая манера выражать свои мысли вызывает у солдат уважение и желание подчиняться. В отличие от многих других военачальников, Грант редко требовал подкрепления, редко жаловался, редко конфликтовал со своими коллегами, но шел вперед и делал свою работу с теми, кто был у него под рукой.

Первое назначение Гранта (полковником 21-го Иллинойского полка) было сделано перед атакой лагеря мятежников в Миссури. Свою личную храбрость Грант доказал, еще будучи младшим офицером во время Мексиканской войны, но теперь он был командиром, на нем лежала ответственность. Грант вспоминал: «[По мере приближения к лагерю врага] мое сердце все поднималось и поднималось, пока наконец не очутилось у меня в глотке. Я бы отдал тогда все, чтобы оказаться снова в Иллинойсе, но... я должен был продолжать движение». Вскоре выяснилось, что Миссурийский полк, узнав о приближении янки, снялся с лагеря. Грант внезапно осознал: «[Вражеский полковник] так же испугался меня, как и я его. Раньше я никогда не рассматривал эту проблему под таким углом, но это был опыт, который я уже не забыл никогда... Это был ценный урок». Добавим, что этот урок так и не получили ни Макклеллан, ни большинство других союзных командующих, особенно на восточном фронте.

Спустя несколько месяцев после этого случая Грант во главе пяти полков выступил из Кейро вниз по Миссисипи для совершения ложного маневра в рамках другой операции союзных войск в Миссури. Он должен был атаковать лагерь конфедератов в Бельмонте — напротив одного из южных «гибралтаров» в Колумбусе. 7 ноября войска Гранта обратили в бегство равные им по численности соединения южан, но были в свою очередь контратакованы и окружены подошедшими из Колумбуса резервами. Некоторые офицеры в панике предлагали Гранту сдаться, но тот коротко ответил: «Мы пробились вперед, так почему бы нам теперь не пробиться назад». Так и произошло, и войска соединились со своими, естественно, не без потерь, но нанеся врагу большой урон. Хотя битва при Бельмонте была лишь небольшим штрихом на огромной карте войны и к тому же ее вряд ли можно было назвать победой северян, она преподала Гранту даже еще более ценный урок и продемонстрировала, что он

не теряет головы в тяжелых ситуациях. Линкольн еще не знал об этом, но именно здесь находился генерал, которого он искал все эти полгода³.

Грант и Фут рассчитывали атаковать форт Генри, так как, по их мнению, он был слабым звеном в линии обороны Альберта Сидни Джонстона. Они оказались правы. Расположенный на низменном берегу, под господствующими высотами и подвергавшийся риску затопления при любом разливе на реке, этот форт не делал честь инженерной службе южан. Занятый необходимостью защищать Колумбус и Боулинг-Грин, где, как он ожидал, последуют основные удары федералов, Джонстон не обращал внимания на укрепление форта Генри. 5 февраля транспортные суда под охраной четырех броненосцев и трех деревянных канонерок Фута высадили 15-тысячную армию Гранта в нескольких милях ниже форта Генри. Согласно плану, пехотинцы должны были напасть на форт с тыла, пока канонерки обстреливали его с воды. Начавшийся ливень замедлил движение войск, превратив дороги в кашу, но тот же ливень поднял уровень воды в реке, затопившей нижний ярус форта. Когда 6 февраля показалась союзная флотилия, лишь девять пушек форта были направлены на врага, тогда как канонерки могли ответить огнем вдвое большего количества орудий. Расценив свои шансы как ничтожные, начальник форта отослал свой гарнизон в 2500 солдат в форт Донелсон в двенадцати милях по реке Камберленд, оставшись с единственной артиллерийской ротой сдерживать канонерки северян.

При сложившихся обстоятельствах канониры мятежников сделали все, что от них зависело. Два часа они сражались с флотом, сделав 80 попаданий и выведя из строя один броненосец (снаряд попал в котел, сваривший заживо двадцать человек). Но в конце концов защитники форта, потеряв половину личного состава убитыми и ранеными (большинство пушек вышли из строя), сдались флотилии еще до того, как солдаты Гранта, продравшись через грязь, показали на поле боя. Три деревянные канонерки отправились вверх по реке, чтобы разрушить железнодорожный мост, связывавший армию Джонстона в Колумбусе с войсками в Боулинг-Грин. Канонерки эти прошли еще 150 миль до Масл-Шоулз в Алабаме, уничтожив или захватив девять судов конфедератов, включая один мощный пароход, переоборудованный мятежниками в броненосец, чтобы сражаться с янки на равных. Вместо этого он был превращен в единицу

3 Цит. по: Personal Memoirs of U. S. Grant. 2 vols. NY, 1885. I. P. 250, 276.

экспедиционного флота, сделавшего реку Теннесси широкой дорогой на Нижний Юг.

Грант и Фут не желали терять время, отмечая свою победу. «Форт Генри взят, — телеграфировал Хэллеку Грант 6 февраля. — 8 февраля я намерен взять форт Донелсон»⁴. Однако плохая погода затруднила снабжение армии и ее марш по суше, в то время как Фут вынужден был ремонтировать свои потрепанные канонерки, прежде чем те смогли идти вниз по Теннесси и вверх по Камберленду к Донелсону. Отсрочка позволила Джонстону обдумать следующий шаг, но облегчения она ему не принесла. Двойной удар — захват форта Генри и разрушение железнодорожного пути — привел к тому, что Грант очутился между двумя корпусами Джонстона. Янки могли как атаковать Колумбус с тыла, так и разгромить 5000 конфедератов в форте Донелсон, а затем пойти вверх по реке, чтобы взять Нашвилл, или же выйти в тыл 25-тысячной армии Джонстона в Боулинг-Грин, пока 50-тысячное войско Бьюэлла атаковало бы ее с фронта. Единственным выходом виделась концентрация всех наличных частей (около 35 тысяч человек) для защиты Донелсона и возможной контратаки с целью возврата форта Генри. Также Джонстон мог решиться оставить Кентукки и сосредоточить армию для защиты жизненно важных производств и складов в Нашвилле.

Чрезвычайный совет старших офицеров южан в Боулинг-Грин 7 февраля подробно обсудил эту неприятную альтернативу. Присутствовал на нем и Борегар, только что прибывший из Виргинии, где Джефферсон Дэвис мог вздохнуть с облегчением. Энергичный Борегар предлагал разбить Гранта и Бьюэлла по очереди. Джонстон раздумывал. Он опасался, что вместо того чтобы сражаться с двумя вражескими армиями поодиночке, его войска окажутся между молотом Гранта и наковальней Бьюэлла. Джонстон предпочел отойти на линию Нашвилл — Мемфис, оставив в Донелсоне символический отряд, призванный задержать Гранта, и сохраняя большую часть армии, чтобы дать сражение позже и в более благоприятных условиях. Впоследствии Джонстон планировал отойти от тактики обороны на разбросанных участках и сосредоточиться на активной маневренной обороне. Это был хороший план, но по необъяснимым причинам Джонстон передумал и решил все же таки дать бой у форта Донелсон. Вместо того чтобы стянуть к Донелсону все войска, он отправил туда 12-тысячный отряд, а с оставшимися отошел к Нашвиллу.

4 O. R. Ser. I. Vol. 7. P. 125.

Командовать отрядом Джонстон назначил не кого-нибудь, а Джона Флойда, которого перевели в Кентукки после того, как он приложил руку к потере Западной Виргинии. Донелсон стал еще более лакомым куском для федералов из-за присутствия Флойда, так как его давно разыскивали на Севере за мошенничество и предполагаемую переброску оружия в арсеналы южных штатов в бытность военным министром в администрации Бьюкенена.

Однако это лакомство неожиданно превратилось для Гранта и Фута в подгоревшее блюдо, к тому же по итогам битвы Флойда захватить не удалось. «Форт» Донелсон в общем-то фортом не являлся: скорее, это был полевой лагерь, разбитый на 15 акрах земли. Для обороны предназначались две батареи из двенадцати тяжелых орудий, установленные на стофутовом утесе, возвышавшемся над Камберлендом, и готовые отразить атаку с воды, и три мили траншей, полукругом опоясывавшие лагерь с суши. Солдаты южан заполнили эти траншеи, в то время как 12 февраля показались 15 тысяч самоуверенных солдат Гранта. Атаки, последовавшие на следующий день, были отражены, что убедило Гранта в том, что Донелсон не сдастся без боя. 14 февраля на подмогу федералам прибыло еще 10 тысяч человек, четыре броненосца и две деревянные канонерки Фута. В надежде повторить успешный опыт захвата форта Генри Грант приказал флоту открыть огонь по Донелсону, пока сухопутные войска окружают его и отрежут гарнизону дорогу к бегству. Но на этот раз флот столкнулся с более чем достойным сопротивлением. Фут подвел свои броненосцы слишком близко, так что их снаряды перелетали через позиции южан, кроме того, он дал шанс мало-мощным батареям обстрелять себя навесным огнем. Снаряды продирали дымовые трубы, оборвали рулевые тросы, оставили трещины на броне и разворотили чрево канонерок, пробив их рубки и палубы. Одно за другим изуродованные чудовища выходили из боя и отплывали вниз по реке. Каждая лодка получила не менее сорока пробоин; флотилия потеряла 54 матроса убитыми и ранеными, а орудийные расчеты и сами пушки мятежников пребывали в целостности и сохранности. Боевой дух южан, считавших канонерки непобедимыми, укрепился.

Их эйфория была преждевременной, так как они по-прежнему были окружены с трех сторон лучше вооруженными пехотинцами, а с четвертой их поджидала плавучая артиллерия, которая хотя и была основательно потрепана, контролировала реку. Осажденные защитники форта имели три выхода из положения: немедленно сдаться;

не сдавать позиций и надеяться на чудо; с боем пробиваться к Нашвиллу. Вечером этого дня, пока федералы (оставившие свои одеяла и шинели, так как предыдущий день выдался теплым) дрожали от холода и зарабатывали пневмонию, попав под сильный дождь со снегом, генералы южан держали военный совет. Дивизионные командиры Флойда — заносчивый политик из Теннесси Гидеон Пиллоу и обладатель демонически притягательной внешности, угрюмый выпускник Вест-Пойнта Симон Боливар Бакнер — согласились совершить на следующий день попытку прорыва. Всю ночь они перебрасывали войска на левый фланг, где командовал Пиллоу. Снег и порывы ветра маскировали эти передвижения.

Словно нарочно именно в тот момент, когда на рассвете мятежники начали свою атаку, Грант и Фут проводили совещание ниже по реке. Северный ветер относил звуки битвы в сторону и держал их в неведении относительно того, что происходит всего лишь в пяти милях к югу. Грант, не ожидавший в тот день никакой битвы («если только я не начну ее сам»), велел своим дивизионным командирам стоять на прежних позициях, ожидая дальнейших распоряжений⁵. Эти инструкции весьма точно отражали стиль руководства Гранта: он всегда предпочитал думать о том, как он будет поступать с врагом, а не как враг может поступить с ним. Такой «наступательный» менталитет в конце концов помог ему выиграть войну, но не раз и не два он ставил Гранта на грань катастрофы. Вот и на этот раз его приказ ничего не предпринимать привел к промедлению командующих двух дивизий на левом фланге и в центре, не успевших вовремя прийти на помощь генералу Джону Макклернанду, чья правофланговая дивизия приняла на себя всю ярость вылазки конфедератов. Макклернанд был честолюбивым демократом из Иллинойса, чье тщеславие вызывало недоверие Гранта. Морозным утром 15 февраля он мог покрыть себя славой, но события обернулись против него. Большинство его полков держали удар, но после нескольких часов ожесточенной битвы пять бригад с правого фланга союзных войск отошли примерно на милю. Деморализованные, почти без боеприпасов, они не смогли бы остановить мятежников, прорывавшихся сквозь кольцо.

Курьеры полетели искать Гранта, который сломя голову примчался на поле боя. Тем временем его противников поразил страшный паралич воли. Объезжая строй, генерал Пиллоу был поражен

5 Grant U. Memoirs. I. 305.

крайней усталостью и неорганизованностью своих доблестных солдат, понесших тяжелые потери. Он пришел к выводу, что они не перенесут марш-бросок и не смогут отразить возможную фланговую атаку подошедших частей федералов, о сборе которых докладывали разведчики. Несмотря на отчаянный протест Бакнера, Пиллоу убедил Флойда прекратить попытку прорыва и вернуть войска в относительно безопасную окопную зону.

В этот момент на сцену наконец вышел Грант. Как и под Бельмонтом, он не поддавался панике. Он сказал офицерам: «Позиции на правом фланге нужно вернуть. Часть наших людей сильно деморализована, но у врагов такое чувство должно быть еще сильнее, ведь они хотели прорваться, но вынуждены были отступить. Сейчас победит тот, кто первым начнет атаку, и если южане хотят опередить меня, то им нужно поторопиться»⁶. Грант обратился к Футу с просьбой дать несколько залпов по мятежникам, чтобы оказать моральную поддержку пехотинцам. Пока эту просьбу выполняли, офицеры федералов переформировали свои бригады, перешли в контратаку и отвоевали потерянные утром позиции.

Ночная тьма окутала мраком душераздирающую сцену. Около тысячи янки и «джонни» были убиты, три тысячи ранены, причем многие из раненых умирали на крепчавшем морозе. В ставке южан также поеживались, но больше от летавших туда-сюда взаимных обвинений. Запланированная ночная вылазка гарнизона сорвалась, так как разведка сообщила о том, что полки федералов сторожат все подходящие дороги. Пиллоу все еще выступал за прорыв окружения, но Флойд и Бакнер, убежденные в том, что такой показательный героизм оставит в земле добрых три четверти солдат, считали единственной подходящей альтернативой сдаться в плен. Впрочем, будучи «генералами от политики», Флойд и Пиллоу не желали сдаваться лично. Вспоминая о своих довоенных деяниях, Флойд понимал, что ему не дожидаться снисхождения от своих тюремщиков. Он экспроприировал два парохода, стоявших на причале близ Донелсона, и, прежде чем рассветло, отплыл вниз по реке с полутора тысячами своих виргинцев. Несговорчивый Пиллоу жаждал стать военнопленным ничуть не больше Флойда. Сделав своим девизом выражение «свобода или смерть», он выбрал свободу и бежал вместе со своим штабом через Камберленд на плоскодонке. Перед своим бегством Флойд передал

6 Wallace L. The Capture of Fort Donelson / Battles and Leaders. I. 422; Grant U. Memoirs. I. P. 307.

командование фортом Донелсон Пиллоу, а тот в свою очередь наделился всеми полномочиями кадрового офицера Бакнера. С отвращением отнесшись к этой буффонаде, Бакнер был готов разделить судьбу своих солдат.

Однако прежде чем сдаться, Бакнер позволил еще одному возмущенному этим фарсом офицеру уйти со своими людьми. Это был Натан Бедфорд Форрест, командир кавалерийского батальона, отлично сражавшегося в этот день. Выходец из низов, сколотивший состояние на торговле рабами и управлении плантациями, Форрест в июне 1861 года записался рядовым в армию Юга и дослужился до звания подполковника в батальоне, который он набрал и снарядил за собственный счет. Всю жизнь занимавшийся самообразованием, не имевший никакого военного опыта Форрест стал одним из самых передовых и требовательных командиров южан. Он разработал тактику комбинированного конного и пешего боя, не упомянутую в военных учебниках (которых он, впрочем, и не читал), но идеально подходящую для лесистой местности Западного Теннесси и Северного Миссури. Крупный, физически сильный и бесстрашный человек, Форрест обладал настоящим «инстинктом убийцы» в отношении янки и чернокожих, которых он мог спокойно видеть только в качестве рабов. Перед рассветом 16 февраля он вывел 700 своих солдат из форта Донелсон и пустил лошадей по обледеневшему ручью, слишком глубокому, чтобы пехота смогла форсировать его вброд. Ему удалось уйти, не встретив ни единого пикета федералов.

Утром 16 февраля Бакнер послал Гранту предложение договориться об условиях сдачи. Ответ был довольно грубым: «Никаких условий, кроме безоговорочной и безотлагательной капитуляции. Я планирую занять ваш форт немедленно». Бакнер был весьма уязвлен таким «неблагодарным и неджентльменским ответом». В конце концов, именно он одолжил нищему Гранту денег, чтобы помочь тому добраться до дома после отставки из армии в 1854 году. Как бы то ни было, у Бакнера не оставалось иного выбора, кроме как капитулировать вместе с 12—13 тысячами человек⁷. Когда новости об этом достигли Севера, то зазвенели колокола церквей и раздались пушечные салюты, возвещая о великой победе. Линкольн произвел

7 O. R. Ser. I. Vol. 7. P. 161. Официальных данных о сданных под Донелсоном конфедератах нет. Из 17 тысяч (или больше) солдат гарнизона порядка пятисот были убиты. По крайней мере 1000 раненых были эвакуированы перед капитуляцией. Еще 2000 ушли с Флойдом или Форрестом или сбежали сквозь неплотное оцепление федералов уже после сдачи в плен.

Гранта в генерал-майоры, сделав его вторым человеком на западном фронте после Хэллека. Всего восемь месяцев назад Грант был всеми забытым бывшим капитаном с сомнительной репутацией, а теперь его имя пропечатали во всех газетах страны.

Стратегические последствия этой кампании на данном этапе войны оставались наиболее важными. Примерно треть армии Джонстона на театре Теннесси — Кентукки была выведена из строя. Половина его оставшихся сил находилась в Нашвилле, а другая половина — в Колумбусе, что в 200 милях от Нашвилла. Между ними же находился победоносный враг, контролировавший все реки и железные дороги. Еще не нюхавшая порошу Огайская армия Бьюэлла подходила к Нашвиллу с севера, тогда как только что образованная союзная Миссисипская армия под командованием Джона Поупа угрожала Колумбусу с другого берега Миссисипи. 23 февраля Джонстон вынужден был эвакуировать Нашвилл, который стал первой столицей штата Конфедерации и первым ее важным промышленным центром, перешедшим в руки северян. Несколько дней спустя гарнизон Колумбуса также оставил город. Весь Кентукки и большая часть Теннесси оказались под военным контролем федералов, которым досаждали лишь партизаны и периодические кавалерийские рейды мятежников, которые отныне стали отличительной чертой данной местности. Форты конфедератов еще удерживали реку Миссисипи вдоль границы с Теннесси, но и они казались обреченными. *New York Tribune*, точный барометр общественного мнения северян, достигла пика оптимизма, равного «по высоте» глубине отчаяния после Булл-Рана: «Дело Союза победоносно распространяется по всем регионам страны. Каждый наш удар вселяет страх в сердца мятежников. Они охвачены паникой или пребывают в отчаянии. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать скорый конец войны»⁸.

Многие южане действительно пребывали в отчаянии. Южные газеты и хроникеры оплакивали «позорный... постыдный... перечень катастроф». Мэри Бойкин Чеснат писала: «Ежедневно бьет нервный озноб. Дурные вести убивают меня»⁹. Джеймс Мэйсон сообщал из Лондона, что «последние неудачи у форта Генри и форта Донелсон оказали неблагоприятное воздействие на мысли здешних друзей». В разгар этих мрачных событий Джефферсон Дэвис 22 февраля был

8 Цит. по: *Williams K. P. Lincoln Finds a General. 5 vols. 1949—1959. III. P. 231.*

9 *Jones J. War Clerk's Diary (Miers). P. 67; Coulter E. M. The Confederate States of America. Baton Rouge, 1950. P. 353n; Chesnut's Civil War. P. 286.*

избран на шестилетний президентский срок. Дэвис и его слуги-негры во время инаугурационной процессии были одеты в черное. На недоуменный вопрос кучер сухо ответил: «Так, мэм, мы в Ричмонде всегда одеваемся на похороны и подобные мероприятия». Дождь, зарядивший во время церемонии, добавил атмосфере похоронный характер. В своей инаугурационной речи Дэвис признал, что «после ряда успехов и побед мы потерпели недавно тяжелые поражения»¹⁰.

Однако, как и их северные коллеги после Булл-Рана, видные деятели южан призывали изыскать новые ресурсы в борьбе за победу. «[Хотя] нынешние события и против нас, — продолжал Дэвис, — окончательный итог войны не вызывает сомнений... Наверное, воля Провидения состоит в том, чтобы мы научились ценить наши свободы, заплатив за них такую цену». Согласно ричмондским газетам, потеря фортов Генри и Донелсон оказалась «к нашему собственному благу!» «Цена людей и народов познается в дни несчастий... Мы должны подойти к делу с большей серьезностью, чем раньше»¹¹.

Впрочем, южанам предстояло пройти еще через несколько поражений, прежде чем они смогли одержать новую победу. Оборонительные редуты Джонстона к востоку от Миссисипи пали в феврале, а в марте такая же судьба постигла его позиции к западу от реки. Войска мятежников в Арканзасе принял новый генерал — малорослый, но несгибаемый уроженец Миссисипи Эрл Ван Дорн, который пять раз был ранен во время войны с Мексикой и в пограничных стычках с индейцами. Ван Дорн увлек Джонстона заманчивым планом вторжения в Миссури, захвата Сент-Луиса и выхода в тыл армии Гранта с севера. Но для достижения этой цели он должен был сначала разбить 11-тысячную союзную армию, зимой изгнавшую миссурийских мятежников Стерлинга Прайса из их родного штата. Ван Дорн собрал пеструю 16-тысячную армию из дивизий Прайса и Бена Маккаллоха, который в августе одержал победу при Уилсонс-Крик, а также трех индейских полков от «пяти цивилизованных племен»,

10 Adams E. D. *Great Britain and the American Civil War*. 2 vols. NY, 1925. P. I. P. 272—273; Strode H. *Jefferson Davis: Confederate President*. NY, 1959. P. 201, 199. До 22 февраля 1862 г. Дэвис и члены конфедеративного кабинета были «временным правительством». Всеобщие выборы состоялись в ноябре 1861 г. Дэвис и вице-президент Стивенс были избраны на безальтернативной основе и вступили в должность в 1862 г. в день рождения Джорджа Вашингтона.

11 Strode H. *Davis*. P. 202; *Richmond Enquirer*. 1862. Feb. 18; *Richmond Examiner*. 1862. Feb. 19.

проживавших на Индейской территории. Последние (преимущественно чероки) подчинялись своим вождям, заключившим договоры о союзе с Конфедерацией в надежде обрести большую независимость в южном государстве, чем та, которую они имели в составе Соединенных Штатов. Надежда эта была весьма наивной, так как те, кто двадцатью годами ранее прогнал индейцев с земель их предков, как раз и были главным образом южанами. Как бы то ни было, с помощью индейцев ветеран индейских войн Ван Дорн намеревался «стяжать славу и послужить отечеству»: «Я должен взять Сент-Луис, гип-гип-ура!»¹²

Небольшой армией северян, стоявшей на пути Ван Дорна к югу от Пи-Ридж на границе Арканзаса и Миссури, командовал Сэмюэл Кертис, не выдающийся, но толковый выпускник Вест-Пойнта, сражавшийся с мексиканцами, а потом три срока избиравшийся конгрессменом от Айовы. Вместо фронтальной атаки на окопавшегося Кертиса Ван Дорн предпринял широкий фланговый маневр с целью перерезать коммуникации федералов и напасть на них с тыла. Бдительные разведчики северян, среди которых был и «Дикий Билл» Хикок, следили за перемещениями врага. Начав промозглым, хмурым утром 7 марта атаку, Ван Дорн увидел, что Кертис развернул фронт и готов встретить его во всеоружии. На левом фланге союзная артиллерия рассеяла индейские полки, а стрелки янки убили Маккалоха и его заместителя и взяли в плен третьего по рангу офицера южан в этом соединении, получив от атаки врага максимальную выгоду. Тем временем пехота северян на правом фланге (в трех милях к востоку), теснимая вдвое превосходящими по численности силами врага, сражалась за каждую пядь земли около Элхорн-Таверн, на пересечении важных дорог.

На следующее утро Ван Дорн узнал, что если ты заходишь к врагу в тыл, то он также оказывается в тылу у тебя. Войска конфедератов уже нуждались в боеприпасах, но союзная армия теперь стояла между ними и их обозом. Обе армии сосредоточились в районе Элхорн-Таверн, где заградительный огонь артиллерии федералов полностью подавил батареи южан, не имевших зарядов для эффективного ответного огня. Семь тысяч союзных пехотинцев начали наступление, достойное упоминания в учебниках по военному искусству. Атаку возглавили «немецкие» полки миссурийцев и илли-

12 *Hartje R. G. Van Dorn: The Life and Times of a Confederate General. Nashville, 1967. P. 105.*

нойсцев под командованием Франца Зигеля. Мятежники были опрокинуты и бежали — это было столь же бесславное бегство, что и при Булл-Ране. Хотя обе стороны потеряли по 1300 человек, битва при Пи-Ридже была самой безоговорочной победой меньшей по численности армии за все время войны. Войско Ван Дорна рассеялось по всем направлениям, и потребовалось около двух недель, чтобы собрать его вновь. Затем Джонстон приказал Ван Дорну отойти со своей 15-тысячной армией через Миссисипи к Коринту — железнодорожному узлу в северной части Миссисипи. Но им не удалось прибыть вовремя, чтобы принять участие в битве, развернувшейся около бревенчатой церквушки под названием Шайло.

II

После потери Теннесси вал критики в адрес Сидни Джонстона достиг своего пика, словно в насмешку над былыми славословиями в его адрес. Газеты обвиняли его в некомпетентности, пьянстве, даже измене. Конгрессмен от Теннесси обратился к Дэвису с просьбой отстранить Джонстона от командования. Но Дэвис не поддался таким «бездумным призывам». «Если уж Сидни Джонстон не является генералом, — сказал президент, — то нам лучше поскорее сдаться, ибо у нас больше нет генералов»¹³. Джонстон отказывался отвечать своим критикам. «В моей профессии мерилom пригодности... является успех, — признавал он в частном письме Дэвису. — Это трудно признать, но я думаю, что это правильно... Страна хочет битвы и победы»¹⁴.

Пребывая в мрачном настроении, Джонстон не питал больших надежд на достижение этой победы. Борегар вмешался в происходящее и помог Джонстону сосредоточить под Коринтом 42 тысячи человек: 27 тысяч составляли вновь собранные части армии Джонстона и 15 тысяч подошли из Нового Орлеана и Мобила. Последними командовал Брэкстон Брэгг, раздражительный солдафон, с прибытием которого, впрочем, дисциплина в разочарованной

13 *McDonough J. L. Shiloh — In Hell before Night. Knoxville, 1977. P. 60; Roland C. P. Albert Sidney Johnston: Soldier of Three Republics. Austin, Texas, 1964. P. 299.* Благосклонность Дэвиса не распространилась на Флойда и Пиллоу, оставивших свои посты в форте Донелсон. Оба были отстранены от службы и больше никогда не вернулись на командные должности. Флойд умер в 1863 г.

14 *Foote S. Civil War. I. P. 234.* Джонстон Дэвису, 18 марта 1862, письмо приведено в *Wallace L. The Capture of Fort Donelson / Battles and Leaders. I. P. 399n.*

поражением армии несколько улучшилась. Уход Брэга от побережья Мексиканского залива лишил этот регион пехотных соединений и оставил его беззащитным перед атакой с моря, но южные стратеги считали более важным защитить Коринт, узловой пункт на пересечении железных дорог Конфедерации, проходивших по долине Миссисипи с севера на юг и с востока на запад. Борегар хотел большего: он рассчитывал совершить победный марш на север и очистить территорию Теннесси от янки. «Мы должны что-то делать, — говорил он, — или умереть в бою. В противном случае все закончится для нас очень скоро»¹⁵. Джонстон поддержал намерения энергичного Борегара. Они запланировали совместное наступление, чтобы вернуть Теннесси.

Поставив себе (как командующий фронтом) в заслугу победы Гранта и Фута при фортах Генри и Донелсон, Хэллек получил командование над всеми войсками Союза к западу от Аппалачей. Он послал Гранта к Питтсбург-Лэндинг на реке Теннесси, в двадцати милях к северу от Коринта, и отдал приказ Бьюэллу присоединиться к нему со своей 35-тысячной армией. После объединения двух армий Хэллек планировал стать главнокомандующим этой 75-тысячной группировки и направиться к Коринту. Однако мятежники рассчитывали сразиться с Грантом до подхода Бьюэлла. Борегар вынашивал план марша четырех корпусов по сходящимся в одной точке дорогам и подготовки войск к бою 4 апреля. Такие планы больше подошли бы бывалым солдатам, чем неопытным новобранцам и штабным офицерам. Лишь немногие из южан совершали дневной пеший переход на двадцать миль, и единицы имели боевой опыт. В этом отношении войска Джонстона напоминали федералов Макдауэлла в битве при Булл-Ране девять месяцев назад. Их действия в ближайшие несколько дней также повторяли то, как вели себя солдаты Макдауэлла. Марш южан превратился в кошмарную неразбериху и бесконечные заторы: дивизии одного корпуса заблокировали проход дивизиям другого, некоторые части свернули не туда и заблудились, а обозные повозки и артиллерия увязли в размытых проливными дождями колеях. 4 апреля конфедераты — за редким исключением — так и не появились на намеченных позициях, 5 апреля было потрачено на подход основных частей и их развертывание.

К этому моменту Борегар в отчаянии хотел отменить наступление. По его расчетам, двух дней промедления хватало Бьюэллу,

15 Williams H. T. P. T. G. Beauregard: Napoleon in Gray. Baton Rouge, 1955. P. 121.

чтобы присоединиться к Гранту. Также Борегар был уверен, что шум, производимый его солдатами, периодически открывавшими стрельбу, чтобы проверить, не намок ли порох, лишил его эффекта неожиданности¹⁶. Однако на военном совете утром 5 апреля Джонстон отменил его возражения. Приведя наконец свою армию на боевую позицию, Джонстон не был настроен отступать. Командиры полков уже зачитали своим подчиненным речь Джонстона, где тот клялся привести их, дословно, «к решительной победе над сельскими разносчиками, пришедшими поработить вас и лишить свобод, имущества и чести... Помните, что от исхода этой битвы зависят жизни ваших матерей, жен, сестер и детей... Это ли не стимул к подвигу... и ваши генералы бесстрашно поведут вас в бой!» Не имеет значения, присоединится Бьюэлл к Гранту или нет, говорил Джонстон: «Я буду сражаться с ними, даже если их будет миллион». Он приказал командирам корпусов заканчивать приготовления: «Джентльмены, мы начинаем атаку завтра после восхода солнца»¹⁷.

Доводы, на которых Борегар основывал свои рассуждения об осторожности, должны были подтвердиться, но не подтвердились. Головная дивизия Бьюэлла действительно прибыла в Саванну, где (в девяти милях вниз по реке от Питтсбург-Лэндинг) находилась ставка Гранта. Но ни Грант, ни Бьюэлл не чувствовали опасности, поэтому они не отправили эту дивизию вперед и не поторопили подходившие части. Пять из шести дивизий Гранта стояли лагерем на плато к западу от Питтсбург-Лэндинг. Шестая, под командованием генерала Лью Уоллеса (будущего автора «Бен-Гура») располагалась в пяти милях к северу, охраняя продовольственные склады на другом плацдарме. Грант, очевидно, забыл урок форта Донелсон, вновь сосредоточившись на том, как он будет атаковать врага, и не принимая во внимание то, что у врага тоже есть замыслы. Армия Гранта мыслила в том же духе, что и ее командующий. Его подчиненные разделяли убеждение своего начальника, что поражение настолько деморализовало войска Джонстона: «Когда мы выдвинемся, Коринт падет гораздо быстрее, чем Донелсон. Все донесения из стана врага в один голос утверждают, что рядовой состав южан чрезвычайно устал»¹⁸.

Грант не приказывал своим людям окапываться в Питтсбург-Лэндинг, так как не рассчитывал давать здесь сражение и не хотел

16 Федералы, впрочем, поступали точно так же, поэтому шум выстрелов вряд ли пробуждал подозрения офицеров северян.

17 O. R. Ser. I. Vol. 10, pt. 1. P. 396—397; McDonough J. L. Shiloh... P. 81.

18 O. R. Ser. I. Vol. 10, pt. 2. P. 55.

лишать своих солдат агрессивного настроения. Полки встали лагерем, не выстроив и подобия оборонительной линии. Пикеты и патрули северян наблюдали за зоной лишь в несколько сотен ярдов. Две ближайшие к Коринту дивизии, на долю которых пришелся бы первый удар врага, состояли из никогда не нюхавших порошу новобранцев. Одной из этих дивизий командовал Уильям Текумсе Шерман, недавно возвращенный в действующую армию. Подобно Гранту, Шерман был слишком уверен в своих силах. Пять месяцев назад пресса наклеила на него ярлык сумасшедшего, потому что он переоценил степень угрозы мятежников в Кентукки. На этот раз, возможно, чтобы показать, как он справляется с нервами, Шерман недооценил врага. Некоторые из его полковников, находившихся в передней линии 4 и 5 апреля, полагали, что нарастающий шум и бурная деятельность к югу от их позиций свидетельствуют о надвигающейся буре. Однако Шерман отнесся к этому как к обычным «стычкам пикетов»: «Я не предвижу никакой атаки на наши позиции». Одному полковнику, который нервно бормотал о тысячах мятежников в лесу, Шерман, как сообщают, ответил так: «Убирайтесь со своим чертовым полком назад в Огайо. Борегар не такой дурак, чтобы оторваться от своих опорных пунктов и атаковать нас рядом с нашими главными силами»¹⁹. Со своей стороны Грант интерпретировал признаки активности мятежников как возможную угрозу оторванной от основных частей дивизии Уоллеса и велел тому быть начеку. 5 апреля Грант написал Хэллеку, что «не допускает и мысли о [генеральном] наступлении южан на наши позиции, но на всякий случай подготовится к нему»²⁰.

Но он не был подготовлен к появлению тысяч кричащих во все горло мятежников, наутро выбежавших из леса близ Шайло. Первым делом они ударили по двум дивизиям новобранцев Шермана и Бенджамина Прентисса, «генерала от политики» из Иллинойса, имевшего, правда, опыт мексиканской кампании. Атака Джонстона против превосходящих сил противника была для того сюрпризом (хотя и не полным, как позже описывали охочие до сенсаций газетчики северян, уверяя, что солдат в лагерях федералов застали врасплох спящими). Задолго до рассвета один из бригадных командиров дивизии Прентисса выслал патруль, обнаруживший передовые части

19 O. R. Ser. I. Vol. 10, pt. 2. P. 94; *Duke J. K. History of the 53rd Ohio Volunteer Infantry*. Portsmouth, Ohio, 1900. P. 41.

20 O. R. Ser. I. Vol. 10, pt. 1. P. 89.

конфедератов. Патруль вернулся назад после шумной перестрелки, заставившей всю дивизию Прентисса немедленно готовиться к атаке. Люди Шермана также прервали завтрак и схватились за оружие. Как только их командир выехал вперед, чтобы посмотреть, в чем дело, раздался залп, и ординарец Шермана упал мертвым рядом с ним. «Господи, нас атакуют!» — вскричал убедившийся наконец генерал. Справившись с первоначальным шоком, остаток дня Шерман действовал хладнокровно и храбро. Следующие двенадцать часов были поворотным моментом в его жизни. То, что он узнал под Шайло о войне и о себе, помогло ему стать одним из лучших генералов Севера. Шерман появлялся повсюду: на передовой и в тылу, подбадривая своих новобранцев и вдохновляя их отбивать первые атаки врага (с колоссальными потерями с обеих сторон). Сам Шерман был дважды легко ранен; под ним убили трех лошадей. Слева от него — также не щадя себя — дралась дивизия Прентисса, а к ним уже подходили подкрепления из трех других дивизий, две из которых брали Донелсон.

Грант, ожидавший в своей ставке в девяти милях вниз по реке прибытия армии Бьюэлла, услышал шум битвы, когда сел завтракать. Реквизировав почтовую лодку, он поспешил в Питтсбург-Лэндинг и прибыл на поле боя около 9 часов утра. К тому времени градус битвы достиг накала, еще не виданного в этой войне. Джонстон и Борегар еще утром ввели в бой все шесть своих дивизий; все соединения Гранта, разбросанные по округе, стекались к линии фронта, растянувшейся на шесть миль между рекой Теннесси на левом фланге федералов и ручьем Оул-Крик на правом. Грант послал курьера к Лью Уоллесу с приказанием также двигаться к Шайло, но Уоллес заблудился в пути и вынужден был вернуться обратно, не успев принять участие в битве 6 апреля. Таким образом, в первый день битвы при Шайло всю тяжесть боя, все атаки и контратаки вынесли на себе пять дивизий армии Гранта.

Для тысяч солдат из этих дивизий шок от такой «встречи со слоном» (так тогда называли боевое крещение) оказался слишком силен. Они бежали в тыл и прятались среди прибрежных утесов. Северянам повезло, что тысячи южан также бежали с фронта с ужасом в глазах. Одной из главных задач командиров обеих армий было реорганизовать свои потрепанные бригады и заткнуть дыры, образовавшиеся вследствие дезертирства и множившихся потерь. Грант в течение дня объехал всех дивизионных командиров и вдоль горной гряды к западу от Питтсбург-Лэндинг выстроил вторую линию

обороны, состоявшую из артиллерии и кое-как собранных солдат, отбившихся от своих полков. Это была линия, призванная сражаться до последнего патрона, если мятежники прорвутся за реку. Джонстон лично отправился на правый фланг своих войск, чтобы воодушевить измученные войска своим присутствием. Там во второй половине дня пуля, попавшая ему в ногу, перебила артерию, и он умер от потери крови прежде, чем успел осознать, насколько серьезно ранен.

Командование принял Борегар, попытавшийся поддержать темп атаки. К этому времени мужественные южане отбросили оба фланга противника на две мили от исходных позиций. В центре же Прентисс с остатками своей дивизии и частями двух других, закрепившись у проселочной дороги, организовал островок сопротивления, который южане назвали «осиным гнездом». Грант приказал Прентиссу «удерживать эту позицию любой ценой»²¹. Прентисс истолковал этот приказ буквально. Вместо того чтобы окружить это гнездо, обойдя его с флангов (такой тактический маневр еще не был ими освоен), командиры южан предприняли добрую дюжину лобовых атак. Хотя 18 тысяч конфедератов постепенно окружили 4500 солдат Прентисса, отсутствие координации позволяло янки отбивать атаки одну за другой. В конце концов южане подтянули к «осиному гнезду» 62 полевых орудия. За час до захода солнца, в половине шестого, Прентисс сдался с 2500 оставшихся в живых. Их стойкость позволила Гранту выиграть время и расставить сохраненную часть своей армии вдоль горной гряды Питтсбург-Лэндинг.

К этому времени подошла заблудившаяся дивизия Лью Уоллеса, а передовая бригада Бьюэлла форсировала реку. Борегар еще не знал об этом, но чувствовал, что его армия дезорганизована и доведена до изнеможения. Поэтому он отказался от идеи решающего штурма в сгущавшихся сумерках. Хотя сторонники этого шага после войны осуждали решение Борегара, его следует признать здравым. Обороняющиеся федералы имели преимущество как в диспозиции (большинство войск конфедератов в случае атаки должны были преодолеть крутые склоны глухого ущелья), так и в количестве артиллерии, к которой присоединились и восьмидюймовые пушки двух канонерок. С прибытием резервов янки получили и численное превосходство. На следующий день Бьюэлл и Грант могли бросить в бой 25 тысяч свежих войск в дополнение к 15-тысячной измученной,

21 Ibid. P. 279.

но сохранявшей боеспособность группировке, сражавшейся в первый день. Потери и дезертирство сократили численность войск Борегара до 25 тысяч. Сознывая это, Грант не колебался в своем решении начать контрнаступление 7 апреля. Когда некоторые из его офицеров советовали ему отступить, прежде чем мятежники утром возобновят наступательные действия, Грант ответил: «Отступить? Напротив, я предполагаю на рассвете перейти в атаку и разбить их»²².

По ту сторону баррикад Борегар и его люди также были уверены в себе. Борегар даже послал победную реляцию в Ричмонд: «После жестокой десятичасовой битвы [мы], слава Всемогущему, одержали полную победу, отбросив врага со всех его позиций». Задачей завтрашнего дня он считал очистку позиции от противника. Если бы Борегар узнал о подошедших к Гранту резервах, он не держался бы столь самоуверенно. Однако высшие чины армии мятежников были введены в заблуждение сообщением от кавалерийского отряда из Северной Алабамы, доложившего, что Бьюэлл движется тамошней дорогой. Между тем разведчики Натана Бедфорда Форреста видели, как бригады Бьюэлла всю ночь переправлялись через реку на лодках. Форрест безуспешно пытался разыскать Борегара и раздраженно махнул рукой, когда другие южные генералы не обратили внимания на его сведения. «Утром нам зададут невиданную трепку!» — предсказал он²³.

Солдаты обеих армий провели ужасную ночь. Начался дождь, вскоре превратившийся в ливень. Потоки воды обрушились на 95 тысяч живых и 2000 мертвых, разбросанных на двенадцати квадратных милях от Питтсбург-Лэндинг до церкви Шайло. Десять тысяч из тех, кто выжил, были ранены, многие корчились в агонии под проливным дождем. Гром и молнии чередовались с разрывами снарядов — это канонерки всю ночь поливали огнем биваки конфедератов. Несмотря на крайнюю усталость, немногие солдаты смогли заснуть в «такую долгую и такую страшную ночь». Один союзный офицер писал, что его люди, «пролежавшие в воде и грязи, наутро были столь же измученными, как и накануне вечером»²⁴.

Грант провел эту ночь на поле брани, отказавшись от комфорта паровой каюты. В четырех милях от него Борегар спокойно спал в захваченной палатке Шермана близ церкви Шайло. Его пробужде-

22 Catton B. Grant Moves South. Boston. 1960. P. 241.

23 O. R. Ser. I. Vol. 10, pt. 1. P. 384; Henry R. S. „First with the Most” Forrest. Indianapolis, 1944. P. 79.

24 McDonough J. L. Shiloh... P. 189, 188.

ние было неприятным. Второй день битвы при Шайло вновь начался с внезапной атаки, только теперь уже атаковали янки. По всему фронту Огайская армия Бьюэлла и Западно-Теннесси́йская армия Гранта сметали все на своем пути, поначалу почти не встречая сопротивления неорганизованных мятежников. Ближе к 9 утра фронт южан, однако, обрел стройность, и в течение нескольких часов бой кипел с той же яростью, что и накануне. Вид вчерашних жертв был для наступавших северян шокирующим зрелищем. Некоторые раненые прижались друг к другу, пытаясь согреться в ночной холод. «Когда мы подошли, многие уже умерли, а остальные готовы были испустить дух, — писал позже один солдат-северянин. — Их стоны и крики были душераздирающими... Окровавленные тела лежали повсюду, в невысказанных позах, с бесчисленным количеством ран на каждом — смотреть на это было выше наших сил»²⁵.

Во второй половине дня в результате непрекращающегося наступления федералов южане были отброшены туда, откуда накануне начали свою атаку. У янки были не только свежие войска и численное превосходство — боевой дух южан катастрофически упал, когда они осознали, что победа уплыла от них. Около половины третьего пополудни начальник штаба конфедератов спросил Борега-ра: «Не кажется ли вам, что наши войска походят на кусок сахара, намоченный и уже готовый раствориться? Не лучше ли будет уйти с тем, что у нас осталось?»²⁶ Борегар согласился с этим доводом и приказал отступить. «Синие мундиры», слишком измученные и израненные для организации эффективного преследования по грязным дорогам, которые очередной ливень превратил в настоящее болото, в изнеможении упали в отвоеванном лагере. На следующий день Шерман все же пустился в погоню с двумя уставшими бригадами. В четырех милях к югу по дороге на Коринт он вступил в короткую перестрелку с кавалерией Форреста, в которой тот был ранен, после чего бригады вернулись в лагерь. И «синие» и «серые» на этот момент были сыты войной по горло.

Это было неудивительно. С начала войны прошел ровно год, и битва при Шайло была первой в ряду масштабных сражений, которые станут привычными в последующие три года. 20 тысяч убитых и раненых при Шайло (причем урон был примерно равным

25 Ibid. P. 204.

26 Jordan T. Notes of a Confederate Staff-Officer at Shiloh // Battles and Leaders. I. P. 603.

с обеих сторон) чуть ли не в два раза превышали 12 тысяч потерь в боях у Манассаса, Уилсонс-Крик, Донелсоне и Пи-Ридж. Невинный романтизм «джонни» и янки, спешивших на войну в 1861 году, остался в прошлом. «Я не понимал, что значит „великолепие и блеск“ доблестной войны, пока не увидел это, — писал после битвы рядовой из Теннесси. — Люди... принявшие причудливые позы, мертвые... с широко открытыми глазами, раненые, умоляющие о помощи... Я был как будто оглушен этим несчастьем». Шерман описывал «горы искалеченных трупов... с оторванными головами и ногами... Такие сцены могли бы любого излечить от желания воевать»²⁷.

Сражение при Шайло лишило янки иллюзий о быстром разгроме южан на западном фронте. После падения Донелсона один союзный солдат писал: «Мне кажется, что эта война не продлится и шести месяцев». После Шайло он же добавил: «Если мне суждено будет выжить, я продолжу служить своей стране, пока мы не подавим этот мятеж, даже если на это потребуется десять лет». До Шайло Грант был уверен, что еще одна победа Союза покончит с мятежниками, теперь же он считал, что «ничто не сможет спасти Союз, кроме полного завоевания Юга»²⁸. Битва при Шайло ввергла страну в пучину тотальной войны.

III

Хотя Гранту и удалось вырвать победу при Питтсбург-Лэндинг из рук врага, общественное мнение северян поначалу больше сфокусировалось на этих руках, чем на победе. По сообщениям газет, «синие мундиры» были исколоты штыками прямо в своих палатках, а армия Гранта почти разорвана в клочья и ее спас лишь своевременный приход Бьюэлла. Бывший герой Донелсона, Грант подвергся даже большим нападкам, чем Альберт Сидни Джонстон после вынужденного ухода из Теннесси. Что же стало причиной такого непостоянства северной прессы? Неудачи первого дня битвы при Шайло и ужасное количество жертв дают лишь часть ответа на этот вопрос. Рассказы о бое офицеров армии Бьюэлла, которые были более откровенны с репортерами, чем Грант и его подчиненные, и старались выпятить свою роль, также повлияли на общественное

27 *McDonough J. L. Shiloh... P. 4—5; Home Letters of General Sherman. NY, 1909. P. 222—223.*

28 *Dillahunt A. Shiloh National Military Park, Tennessee // National Park Service Historical Handbook Series No. 10. Washington, 1955. P. 1; Grant U. Memoirs. I. P. 368.*

мнение. Циркулировали ложные слухи, что Грант во время битвы был пьян — казалось, что опозоренный в 1854 году капитан никогда не сможет исправить свою репутацию. К тому же значимость победы северян при Шайло не была столь очевидна. Борегар упорно продолжал считать битву своей победой. Лишь «неблагоприятное стечение обстоятельств», сообщал он, спасло янки от уничтожения, а отход сил конфедератов к Коринту был частью масштабного стратегического плана!²⁹

Когда факт неудачи конфедератов при Шайло стал наконец очевиден, многие южане отвернулись от Борегара. Они обвиняли его в том, что он спас врага от поражения, отказавшись отдать приказ о наступлении вечером первого дня битвы. Примерно в то время, когда сменился тон прессы южан, жители Иллинойса стали выступать в защиту Гранта. Когда видный республиканец из Пенсильвании во время встречи с Линкольном назвал Гранта недалеким пьяницей и обузой для администрации, президент выслушал его и произнес: «Я не могу обойтись без этого человека, ибо он сражается». Один из офицеров штаба Гранта снабдил конгрессмена от Иллинойса Элиху Уошберна (первого покровителя Гранта) информацией, используя которую тот произнес в Палате представителей хвалебную речь в адрес генерала, чьи «почти нечеловеческие усилия» при Шайло позволили «одержать одну из самых блестящих побед» в истории Америки³⁰.

Уошберн, конечно, хватил через край. Хладнокровие и железная воля Гранта во время боя едва ли могли компенсировать его ошибки перед битвой. Но как бы то ни было, союзная армия добилась под Шайло огромного стратегического успеха. Она пресекла претензии южан на перехват инициативы в долине Миссисипи. С этого момента все для южан в этом ключевом регионе пошло под откос. В этот самый день, когда обескровленная армия Борегара начала свой печальный отход к Коринту, объединенные сухопутные и водные силы федералов одержали еще одну важную (и на этот раз почти бескровную) победу на Миссисипи.

Когда конфедераты в феврале эвакуировали свой «гибралтар» в Колумбусе, они оставили гарнизон из 7000 человек и 52 крупнокалиберных орудий на острове № 10 в пятидесяти милях вниз по реке.

29 *McDonough J. L. Shiloh...* P. 218.

30 *McClure A. K. Abraham Lincoln and Men of War Times. Philadelphia, 1892. P. 193—196; Catton B. Grant Moves South. P. 259—260.*

Этот оплот блокировал корабли северян в той же степени, что и Колумбус. Хэллек приказал речной флотилии Эндрю Фута забросать остров снарядами, пока новая Миссисипская армия под командованием Джона Поупа обходит остров со стороны штата Миссури. Семь броненосцев и десять мортирных лодок, на каждой из которых было установлено по 13-дюймовой мортире, бомбардировали позиции мятежников с дальней дистанции и без особого эффекта. Тем временем Поуп установил контроль над миссурийским берегом и провел несколько транспортов с глубокой осадкой через канал, прорытый его войсками с помощью беглых негров. Теперь конфедераты были заперты с трех сторон, открытой для них оставалась лишь хлипкая «дорога жизни» через болотистый берег реки со стороны Теннесси. Поуп попросил Фута выделить ему канонерку, которая должна была прорваться сквозь огонь островной батареи и прикрыть десантный отряд, призванный перерезать эту дорогу. Лодка «Каронделет» совершила этот маневр в сильный шторм ночью 4 апреля, а через две ночи за ней тоже во время шторма последовала вторая лодка. Под прикрытием канонерок армия Поупа переправилась через Миссисипи, окружила гарнизон и 7 апреля приняла капитуляцию 7000 человек вместе с пушками и всем снаряжением, что для Юга было тяжелым ударом. Потеряв лишь несколько человек, Поуп добился победы, которую Хэллек назвал более значительным успехом, чем захват Донелсона Грантом, и Север получил нового героя.

После этого успеха Хэллек приказал Поупу присоединиться к Гранту и Бьюэллу под Питтсбург-Лэндинг, где Хэллек лично принял командование над объединенной группировкой, насчитывавшей более 100 тысяч бойцов. В этой армии собрались самые выдающиеся военачальники, включая четырех будущих главнокомандующих армией Соединенных Штатов: Хэллек, Грант, Шерман и Филипп Шеридан (бывший тогда еще в чине капитана); пять действующих или будущих командующих армиями: Бьюэлл, Поуп, Роузкранс, Джордж Томас и Джеймс Макферсон. Хэллек вряд ли мог найти применение такой блестящей глеяде, особенно Гранту. «Старый умник» по-прежнему недооценивал Гранта и отодвинул его на второй план, назначив на малозначимый пост заместителя командующего объединенными силами. Расстроенный Грант ходатайствовал о переводе, но в конце концов остался на своем посту.

Хэллек медленно продвигался к Коринту, загоня в окопы всю армию при малейшей перестрелке с аванпостами конфедератов. Если после всех предосторожностей Хэллека можно было с уве-

ренностью сказать, что Борегар не станет нападать на него, то с такой же уверенностью можно было сказать, что и он не сможет эффективно атаковать Борегара. Хэллек вел войну по учебнику — по своему учебнику. Это была война XVIII века, в стиле Жомини, с маневрами и осадой «стратегических пунктов», а не современная война, где в решающей битве можно было уничтожить армию врага или нанести ей серьезный урон. Хэллек был бы счастлив, если бы ему удалось выдавить Борегара из Коринта без сражения, одними маневрами. Грант, со своей стороны, недоумевал «как простой захват территории может приблизить конец войны, если рядом находятся крупные и боеспособные соединения врага». Но Хэллек не желал вести войну по советам Гранта³¹.

Вожди конфедератов также рассматривали Коринт как ключевой стратегический пункт. «Если мы потерпим поражение здесь, — писал Борегар две недели спустя после Шайло, — то потеряем всю долину Миссисипи и, возможно, проиграем войну»³². Юг спешно формировал резервы в восточном Теннесси и во всех городах и местечках вплоть до южноатлантического побережья. Ван Дорн, например, привел 15 тысяч солдат из Арканзаса. К началу мая Борегар располагал под Коринтом 70 тысячами, однако многие из них еще оправлялись от ран после Шайло, а тысячи других страдали брюшным тифом или дизентерией. Отходы, производимые многочисленной армией, испортили источники воды, что превратило Коринт в зону экологического бедствия. От болезней умерло почти столько же солдат, сколько погибло под Шайло. Столкнувшись с сокращением своей армии и перспективой окружения и осады, Борегар передумал удерживать Коринт любой ценой. Наблюдая, как Хэллек разворачивает свои войска вокруг города и подвозит осадные орудия, Борегар 25 мая решил отступить. Он выполнил этот маневр весьма искусно и скрытно, оставив Хэллеку в качестве трофеев лишь несколько оставших солдат и зловонную помойку. В своей новой базе в Тьюпело (Миссисипи), расположенном в пятидесяти милях к югу, Борегар объявил эвакуацию Коринта «равнозначной великой победе»³³. Но Джефферсона Дэвиса эти новости ошеломили и разозлили. Еще одна такая «победа» могла развалить Конфедерацию. Хотя Борегар говорил о возобновлении наступления, Дэвис был уже сыт по горло

31 Grant U. Memoirs. I. P. 381.

32 O. R. Ser. I. Vol. 10, pt. 2. P. 403.

33 Williams H. T. Beauregard... P. 155.

его наполеоновскими планами и крайне малой эффективностью. Когда Борегар ушел в самовольный отпуск, чтобы поправить пошатнувшееся здоровье, Дэвис воспользовался моментом и заменил его Брэкстоном Брэггом.

Взяв Коринт, союзная армия вышла к железной дороге на Мемфис. Прежде чем «синие мундиры» Хэллека смогли подойти к пятому по величине городу Конфедерации, его взял смешанный речной флот. Это оказалось нелегкой задачей. После потерянного острова № 10 следующей твердыней конфедератов на Миссисипи был форт Пиллоу в пятидесяти милях к северу от Мемфиса. Вдобавок к сорока пушкам форта южане оснастили новую флотилию, состоящую из восьми пароходов, переделанных в таранные суда. 10 мая этот импровизированный флот застал врасплох союзные суда около Плам-Ран-Бенд выше форта Пиллоу и в ходе стремительного удара временно вывел из боя два броненосца, пробив их борта ниже ватерлинии. Довольный капитан южан заверил Борегара, что янки «никогда не пройдут вниз по Миссисипи»³⁴.

Но у федералов вскоре нашлись свои тараны. Таранная тактика была древним методом ведения боя галерных судов до появления пороха и парусников (которые редко были достаточно маневренны, чтобы протаранить корабль неприятеля), превративших флот в средство ведения бортового огня. Однако появление судов на паровой тяге вновь сделало тараны актуальными. Военный корабль весом в несколько сот тонн, с отягощенной носовой частью, даже двигавшийся с небольшой скоростью, мог быть более смертоносным оружием, чем имевшиеся в то время винтовки или пушки. «Виргиния» доказала это на рейде Хэмптон-Роудс, а речной флот конфедератов — при Плам-Ран-Бенд. Самым горячим приверженцем таранов был худощавый и болезненный 57-летний гражданский инженер из Пенсильвании Чарльз Эллет. После того как ему не удалось заинтересовать своими проектами союзный флот, Эллет показал их военному министру Стэнтону, который отнесся к ним с энтузиазмом. Стэнтон произвел Эллета в чин полковника и направил на запад готовить таранный флот для речных сражений.

Эллет переоборудовал девять пароходов по собственным проектам, придав им максимальную мощность. Морякам дальнего плавания он предпочитал людей, больше знакомых с особенностями хождения по рекам. Эллет принял командование флагманом, а его брат

34 O. R. Navy. Ser. I. Vol. 23. P. 57.

Альфред — вторым по значимости кораблем. Семь других членов его семьи — братья, племянники и сын — также присоединились к экспедиции. Эта замечательная семейка и еще более замечательная флотилия хотели показать себя, атаковав флот мятежников около форта Пиллоу. Борегар предвосхитил их намерение, приказав эвакуировать форт, когда его отход из Коринта сделал тот уязвимым для атаки с суши, однако конфедераты намеревались закрепиться в Мемфисе. На рассвете 6 июня южный речной флот вышел навстречу пяти союзным броненосцам и четырем таранам Эллета. Тысячи жителей города высыпали на отвесный берег, чтобы поддержать своих.

Менее чем за два часа хозяева проиграли «матч». Чарльз и Альфред Эллеты направили свои тараны против авангарда мятежников вниз по реке со скоростью пятнадцать узлов. Звук удара от столкновения корабля Чарльза с головным тараном врага был слышен и на берегу. В результате атаки Чарльза в днище корабля южан образовалась пробоина, тогда как Альфред проскользнул между двумя спешившими наперерез вражескими таранами, заставив их столкнуться друг с другом, после чего описал круг и протаранил тот из них, который уцелел при столкновении. Тем временем вступили в бой канонерки федералов. Их залпы добились два поврежденных корабля конфедератов, потопили еще один и, обездвижив три других, позволили взять их на abordаж. Вниз по реке ускользнуло лишь одно судно южан. Флотилии мятежников больше не существовало. Жители Мемфиса с угрюмым молчанием смотрели на Чарльза Эллета-младшего, который во главе отряда из четырех человек водрузил звездно-полосатый флаг над зданием почтамта. Его отважный отец умер от ран две недели спустя, что стало единственной значительной потерей союзных сил. Чарльз-младший, в свои 19 лет ставший самым молодым полковником федеральной армии, возглавил после него таранный флот и погиб годом спустя.

Янки заняли Мемфис и превратили его в базу своих дальнейших операций, тогда как флот прошел еще 300 миль вниз по реке к Виксбергу, следующему бастиону Конфедерации. Но блестящие достижения речного флота ушли в тень операций морского флота, который захватил Новый Орлеан и продвинулся вверх по Миссисипи, чтобы вонзить американский флаг в сердце Юга.

Захват Нового Орлеана проиллюстрировал стратегическую мудрость намерения Линкольна наносить несколько одновременных ударов. Давление северян в Теннесси вынудило военачальников южан

лишить Луизиану прикрытия сухопутных сил (луизианская дивизия сражалась под Шайло) и восьми канонерок (флот был уничтожен под Мемфисом). Новый Орлеан остались защищать 3000 набранных на короткий срок ополченцев, несколько батарей, расположенных рядом с городом (как раз там, где Эндрю Джексон разгромил в 1815 году англичан), «москитный флот» из двенадцати маленьких канонерок, два недостроенных броненосца и два форта по обе стороны Миссисипи, вооруженные 126 пушками. Защитники города возлагали особые надежды именно на форты, которые должны были уничтожить любое деревянное судно, осмелившееся бороться с трехузловым течением, чтобы пройти мимо фортов. Но союзный флот уже не раз показал, что достаточное число кораблей, вооруженных достаточным количеством орудий и находящихся под командованием отважного моряка, является отличным ключом к таким оборонительным сооружениям. Флот готов был вновь доказать эту теорему, а за доказательство взялся не знавший страха моряк — Дэвид Глазго Фаррагут.

Шестидесятилетний Фаррагут поступил во флот, когда ему было девять лет, и принимал участие в англо-американской войне 1812 года и в войне с Мексикой. Как и Грант, Фаррагут отличался не изощренным интеллектом, а колоссальной силой характера. Хотя он родился в Теннесси и был женат на уроженке Виргинии, его верность флагу, которому он служил полвека, была непоколебимой. Когда товарищи-южане попытались убедить Фаррагута перейти на сторону Конфедерации, он отверг их уговоры со следующими словами: «Запомните, что я скажу, парни: вам проще будет ухватить дьявола за хвост, чем добиться успеха в таком деле»³⁵. Этим дьяволом во плоти для кого-то из них стал сам Фаррагут. В феврале 1862 года он принял командование экспедиционным корпусом, состоявшим из восьми паровых шлюпов (фрегаты сидели в воде слишком глубоко, чтобы пройти через отмели устья Миссисипи), одного парусного шлюпа и четырнадцати канонерок. Эту эскадру сопровождали девятнадцать шхун, на которых были установлены мортиры, призванные сломить сопротивление фортов. Канонерки должны были стрелять под большим углом, идя впереди основного флота. Для подавления сопротивления транспорты везли в Мексиканский залив 15 тысяч солдат, возглавляемых вездесущим Бенджамином Батлером.

35 Porter D. D. The Opening of the Lower Mississippi / Battles and Leaders. II. P. 22.

В начале апреля Фаррагут провел свой флот через отмели и встал на якорь в двух милях ниже фортов. Отсюда шхуны начали бомбардировать форты снарядами, выпуская по 3000 штук в день. Хотя этот обстрел вывел из строя несколько орудий и серьезно повредил стены, огневая мощь врага оставалась почти неизменной. Но Фаррагут не уповал на одни лишь мортиры — шесть дней спустя он решился на прорыв. Ночью две союзные канонерки подошли к стенам форта, чтобы перерезать цепь плавучих понтонов, перегораживавшую реку. Хотя их обнаружили и обстреляли, их командам удалось разорвать цепь и проделать брешь, в которую корабли протиснулись по одному. В 2 часа утра 24 апреля семнадцать военных кораблей Фаррагута двинулись вверх по реке. Форты открыли огонь из 80 или 90 орудий — с кораблей отвечало в два раза больше пушек. Мортиры северян возобновили бомбардировку, а броненосец конфедератов «Луизиана», пришвартованный к причалу, так как его двигатели еще не были готовы, отдал швартовы и поплыл навстречу врагу, хотя на борту не было полного комплекта из шестнадцати пушек. Три канонерки мятежников вступили в бой и попытались таранить суда федералов (одной из них удалось пустить ко дну 10-пушечный шлюп «Варуна»), тогда как гражданские капитаны прочих кораблей отплывали вверх по реке или бежали с судов на берег. Буксиры конфедератов пустили навстречу кораблям янки брандеры с грузом горящих сосновых веток и смолы. Все это происходило едва ли не на одной квадратной миле, что превратило эту атаку в самый зрелищный фейерверк в американской истории.

Каждый союзный корабль (включая четыре, не прорвавшиеся через цепь) попал под обстрел: за полтора часа, которые потребовались для взятия форта, было убито 37 и ранено 147 моряков. Мятежники потеряли меньше, но их «москитный флот» прекратил существование, экипажи уничтожили недостроенные броненосцы, чтобы те не достались врагу, гарнизоны фортов взбунтовались против командиров и сдались, а ополченцы бежали в глубокий тыл. Утром 25 апреля корабли Фаррагута подавили речные батареи вблизи самого Нового Орлеана одним-двумя залпами. Затем флот взял курс на город, полный горящего хлопка и проклинаящих северян толп, размахивающих револьверами под жерлами 11-дюймовых орудий. Джордж Вашингтон Кейбл, в то время семнадцатилетний юноша, позднее вспоминал, что в этот холодный день «толпа на пристани испускала яростные вопли. С переполненных палуб не отвечали ни слова, только один старый

морской волк со шлюпа „Хартфорд”, стоявший позади огромной вращающейся пушки и ухмылявшийся во весь рот, тихо похлопал по вороненому казеннику орудия»³⁶. Комические «переговоры», на которых мэр отказался от чести сдать врагу крупнейший город Юга, надоел Фаррагуту, который 29 апреля послал своих матросов водрузить американский флаг над общественными зданиями. Два дня спустя в Новый Орлеан во главе не сделавших ни единого выстрела войск вошел Батлер и железной рукой стал наводить в оккупированном городе порядок.

Следующие два месяца основная часть кораблей Фаррагута дважды поднималась по Миссисипи, попутно заставив капитулировать Батон-Руж и Натчез. Однако Висксберг оказался сделан из другого теста. На требование о сдаче военный губернатор города ответил: «Жители Миссисипи не знают и отказываются знать, что значит „капитулировать”... Если коммодор Фаррагут... может объяснить им смысл этого слова, то пусть придет и попытается»³⁷. Он пришел, попытался, но не преуспел. В последнюю неделю июня две союзные флотилии, покорившие Новый Орлеан и Мемфис, соединились под Висксбергом. В их плане было сокрушить оборонительные бастионы огнем двух с лишним сотен пушек и двадцати трех мортир, но батареи мятежников, расположенные на склонах и вершине двухсотфутового холма, на котором стоял город, платили северянам той же монетой. Фаррагут вскоре пришел к выводу, что если бомбардировка города с воды и может сровнять его с землей, то она не в состоянии сломить организованное сопротивление батарей южан. А те были настроены защищать свой последний оплот на Миссисипи изо всех сил. В конце июня командование над десятью тысячами солдат, засевших в Висксберге, принял Эрл Ван Дорн. Штурм обрывистого берега силами пехоты со стороны реки был бы форменным самоубийством. Единственным способом расколоть этот орешек была атака крупных соединений наземных сил с тыла при одновременном продолжении блокады с воды. Поиск решения этой непростой стратегической задачи занял у союзной армии почти год.

Фаррагут послал три тысячи солдат Батлера к Висксбергу. Этого было слишком мало, чтобы атаковать Ван Дорна, но отряд получил приказ прорыть (при помощи полутора тысяч беглых негров) канал через излучину реки вне радиуса действия пушек мятежников в на-

36 Cable. New Orleans before the Capture // Battles and Leaders. II. P. 20.

37 O. R. Navy. Ser. I. Vol. 18. P. 492.

дежде, что река сама пробьет новое русло и крепость конфедератов окажется окружена сушей. Однако Миссисипи, ежедневно терявшая несколько дюймов своего уровня вследствие летней засухи, отказалась помогать северянам. Фаррагута тревожила вероятность того, что его глубоко сидящие суда могут сесть на мели пересыхающей реки. Три четверти пехотинцев и половина матросов союзной армии переболели тифом, дизентерией или малярией; каждый день умирало несколько человек.

В конце концов янки отказались от идеи взять Виксберг этим летом, но прежде мятежники послали им «парфянскую стрелу». Выпустил ее броненосец «Арканзас», которым командовал столь же искусный, как и Фаррагут, кентуккиец Айзек Ньютон Браун. Этот ветеран флота Соединенных Штатов, бороздивший моря уже тридцать лет, наблюдал за достройкой своего броненосца на реке Язу, пока союзный флот бомбардировал Виксберг. Приводимый в действие не слишком надежным двигателем, вооруженный десятью пушками, «Арканзас», внешне напомилавший «Виргинию», в середине июля поплыл вниз по реке навстречу федеральному флоту. Сначала он встретил и вывел из строя знаменитую канонерку «Каронделет», затем вклинился между изумленными союзными флотилиями, чьи корабли стояли на приколе со снятыми пушками у обоих берегов реки. Орудия быстро вернули, и те засыпали стального диверсанта множеством снарядов. «Арканзас» в ответ «палил во все стороны, не разбирая, где свои, где чужие»³⁸. Несмотря на потерю шестидесяти членов экипажа и полученные повреждения, «Арканзасу» удалось нейтрализовать один из таранов Эллета и уйти под защиту пушек Виксберга.

Разозленный до крайности Фаррагут тщетно пытался уничтожить стального монстра мятежников. В конце концов он сдался и 26 июля начал отводить свою флотилию вниз по реке, пока снижающийся уровень воды не посадил ее на мель. Канонерки северян вернулись в Хелену (Арканзас). На этот момент конфедераты контролировали двести миль Миссисипи от Виксберга до Порт-Хадсона (Луизиана), где они построили укрепления, уступавшие только виксбергским. После подвигов «Арканзаса» южане воспряли духом. Ван Дорн решил атаковать союзный гарнизон в Батон-Руж, «а потом вперед, на Новый Орлеан!»³⁹. Он приказал «Арканзасу» двигаться вниз по реке,

38 Brown I. N. The Confederate Gun-Boat „Arkansas” // Battles and Leaders. III. P. 576.
39 Foote S. Civil War. I. P. 577.

чтобы нейтрализовать канонерки северян в Батон-Руже одновременно с атакой пехотной дивизии с суши. Но работавший с переборами двигатель «Арканзаса» не позволил ему прибыть на место до того, как «синие мундиры» 5 августа отразили эту атаку. На следующий день двигатель броненосца отказал еще раз, когда на него набросились союзные корабли. Чтобы предотвратить захват судна, команда «Арканзаса» открыла кингстоны.

Это событие стало финальным аккордом в «Ноевом потоке побед» на западе, как высказалась в мае *New York Tribune*⁴⁰. С февраля по май союзные войска захватили территорию в 50 тысяч квадратных миль, получили контроль над 1000 миль судоходных рек, оккупировали столицы двух штатов и крупнейший город Юга, а также вывели из строя 30 тысяч солдат противника. Упадок энтузиазма южан в результате этих неудач прослеживается в дневниковых записях Мэри Бойкин Чеснат в апреле-мае: «Битва за битвой — катастрофа за катастрофой... Как тут заснуть? Мощь, которую они обрушили на нашу страну, потрясает... Каждая утренняя газета способна убить большую женщину [или] состарить сильную и здоровую... Новый Орлеан пал, а вместе с ним и Конфедерация. Разве мы не разрезаны пополам?... Мне больше не о чем писать, кроме как о катастрофах... Действительность ужасна»⁴¹.

IV

Из Ричмонда угроза со стороны великолепно оснащенной армии Макклеллана выглядела даже серьезнее, чем поражения на западном фронте. После многочисленных понуканий Линкольна Макклеллан наконец представил план весеннего наступления против защищающей Манассас армии Джозефа Джонстона. Вместо прямой атаки вражеских позиций Макклеллан предложил переправить армию морем на юг Чесапикского залива к устью реки Раппаханнок, в восьмидесяти милях к востоку от Манассаса. Тогда федералы окажутся между армией Джонстона и Ричмондом, что вынудит конфедератов поспешить на юг для защиты своей столицы. Макклеллан предвкусывал либо взятие Ричмонда, прежде чем Джонстон успеет дойти до него, либо сражение на открытой местности, где войскам Макклеллана не нужно будет штурмовать неприятельские укрепления.

40 Ibid. P. 582.

41 Chesnut's Civil War. P. 326, 327, 330, 333, 339.

Линкольну не нравился этот план, потому что он оставлял Макклеллана между Джонстоном и Ричмондом с тем же успехом, что и Джонстона между Макклелланом и Вашингтоном. Пока Линкольн еще не высказывал своего подозрения, что Макклеллан, будучи демократом, слишком «мягок» к мятежникам и в действительности не хочет их разгромить, — он просто был не в восторге от стратегической идеи. Подобно Гранту, президент верил в эффективность сражения с армией, а не маневрирования с целью захвата территории. «Направляясь к югу в поисках подходящего места для сражения — вместо того чтобы дать бой под Манассасом, — говорил Макклеллану Линкольн, — [вы] только меняете трудности местами, а не преодолеваете их... В любом другом месте [вы] найдете того же самого врага и те же самые укрепления»⁴².

Прежде чем Макклеллан начал свой маневр, Джонстон в начале марта отошел от Манассаса на более защищенные позиции в сорока милях к югу, за Раппаханнок. Вполне возможно, что с тактической точки зрения этот отход был правомерен, но с политической его последствия были неблагоприятными. В череде постоянных неудач конфедератов он внес свой вклад в упадок боевого духа, а также усугубил взаимную неприязнь Джонстона и Дэвиса. Последний не видел необходимости в отступлении, а когда узнал, что Джонстон спешил настолько, что уничтожил колоссальное количество припасов, которые нельзя было взять с собой из-за распутицы, то просто оцепенел от гнева.

Гнев Линкольна был не менее силен, когда он узнал, что эвакуированные войска конфедератов не были настолько многочисленны и сильны, как уверял Макклеллан. Газетные репортеры нашли еще не одну «квакерскую пушку» в Сентрвилле. Один из них писал, что «воображаемая неприступность позиций южан оказалась обманом». Очевидно, что на линии Манассас — Сентрвилл было не более 45 тысяч мятежников, то есть в два с лишним раза меньше, чем говорил Макклеллан. Другой северный репортер сообщал: «Я вернулся из твердыни мятежников разочарованным, пристыженным и униженным. У меня такое чувство, что их отход — это наше поражение»⁴³.

Вставал вопрос, что же делать дальше? Отступление Джонстона лишило смысла план Макклеллана обойти врага с фланга, форсировав

42 CWL. V. P. 185.

43 Цит. по: Williams K. P. Lincoln Finds a General. I. P. 153; Foote S. Civil War. I. P. 264.

Раппаханнок. Тем не менее «молодой Наполеон» не желал оставлять идею переброски армии по морю в какой-либо пункт к востоку от Ричмонда. Он предлагал высадиться у Фортресс-Монро, на окончании полуострова, образованного реками Йорк и Джемс. Наладив надежное снабжение с моря, союзная армия могла бы пройти семьдесят миль вглубь полуострова, причем от Ричмонда ее отделяли бы всего две реки. Такой план казался Макклеллану гораздо более привлекательным, чем предложение Линкольна о наступлении по суше, в ходе которого пришлось бы пересечь с полдюжины рек и к тому же зависеть от железной дороги, незащищенной перед набегами кавалерии. Тем не менее Линкольн продолжал относиться к идее Макклеллана скептически. Задействовав внутренние коммуникации, конфедераты смогут перебросить войска на полуостров, где Макклеллан «увидит того же самого врага и те же самые укрепления». Все же президент с неохотой принял план Макклеллана, выставив условие, что тот оставит достаточное количество войск, чтобы защитить Вашингтон от внезапного удара мятежников. Макклеллан пообещал.

Генерал-квартирмейстер Монтгомери Мейгс подготовил 400 транспортов и барж, чтобы перевезти на полуостров армию Макклеллана, включавшую более 100 тысяч человек, 300 орудий, 25 тысяч вьючных и верховых животных и горы снаряжения. Это показало замечательные возможности интендантского ведомства. Но с самого начала экспедиция Макклеллана не задалась. Потеряв уверенность в своем командующем, Линкольн урезал его полномочия. 8 марта он назначил четырех корпусных командиров Потомакской армии, выслушав мнение комитета по ведению войны, но не посоветовавшись с Макклелланом. Три дня спустя он сместил Макклеллана с поста главнокомандующего, оставив за ним только командование Потомакской армией. Линкольн оправдал этот шаг заявлением о том, что обязанности Макклеллана как командира экспедиционного корпуса будут отвлекать его от управления другими театрами военных действий. Хотя объяснение было резонным, это свидетельствовало о сомнениях президента в отношении Макклеллана. 11 марта президент также создал новый западновиргинский фронт во главе с генералом Фримонтом. Давление республиканцев вынудило Линкольна пойти на этот шаг и отдать важный командный пост противнику рабства. Три недели спустя под этим же давлением президент передал Фримонту одну из дивизий армии Макклеллана.

Впоследствии президент забрал у Макклеллана еще несколько дивизий, так как убедился, что генерал оставил для защиты Ва-

шингтона совсем не столько сил, сколько обещал. Разночтения в документах сбивают с толку историков, пытающихся докопаться до истины. По уверениям Макклеллана, он оставил для защиты столицы 73 тысячи человек, Линкольн же насчитывал только 29 тысяч. Видимо, Макклеллан посчитал некоторые соединения дважды и включил в число защитников столицы армию Натаниэла Бэнкса, стоявшую в долине Шенандоа. Макклеллан был прав, считая, что мятежники не собираются наносить удар по Вашингтону, а даже если и соберутся, дивизии Бэнкса успеют вовремя прикрыть столицу. Но будучи раздражен вмешательством гражданских лиц, Макклеллан не сумел объяснить Линкольну свое мнение относительно обороны столицы. Забота Линкольна о безопасности Вашингтона была, пожалуй, чрезмерной, но если бы мятежники и правда угрожали городу, то президент, в глазах северян, был бы виноват в преступном небрежении долгом.

Тревога Линкольна была небеспочвенной, учитывая столкновение в долине Шенандоа, произошедшее 23 марта. Командующим небольшой армией конфедератов в долине был «Каменная Стена» Джексон. Его задачей было время от времени тревожить Бэнкса в районе Уинчестера, связывая его силы. Когда Джексон узнал, что две из трех дивизий Бэнкса все же готовы к отправке, он атаковал те части, которые, по его мнению, составляли арьергард армии северян, у Кернстауна (к югу от Уинчестера). 4200 мятежников вместо схватки с небольшой группировкой столкнулись с полной дивизией в 9000 человек и понесли большие потери. Тактическое поражение Джексона при Кернстауне (и очередная неудача конфедератов этой безрадостной весной) внезапно обернулось важным стратегическим успехом. Рассудив, что Джексон не решился бы на атаку, если бы не имел достаточно сил, Линкольн отменил переброску дивизий Бэнкса. Более того, обнаружив в это самое время несоответствия в численности войск, оставшихся в Вашингтоне и на подступах к нему, президент также приказал крупному 35-тысячному соединению Ирвина Макдауэлла оставаться в Северной Виргинии. В результате этих событий Макклеллан лишился трети своей 150-тысячной армии на полуострове.

Разозленный Макклеллан впоследствии обвинял администрацию в том, что она не желала ему успеха, так как он был демократом. Это не имело ничего общего с реальностью: на самом деле республиканцев раздражало явное нежелание генерала вести наступательные действия. В течение первой недели апреля около 55 тысяч

солдат Макклеллана подошли к линии обороны конфедератов близ поля битвы времен Войны за независимость в Йорктауне. Здесь, за рекой Уорвик, окопались менее 13 тысяч мятежников под командованием Джона Магрудера. Макклеллан не решался атаковать, полагая, что основательность вражеских укреплений приведет к слишком большим потерям. «Принц Джон» Магрудер сделал все от него зависящее, чтобы поддержать такое убеждение «молодого Наполеона». Будучи актером-любителем, он устроил Макклеллану театральное представление. Его пехота постоянно маневрировала в разных направлениях, а артиллерийские батареи с шумом переезжали с места на место, чтобы создать впечатление гораздо большей численности войск, чем у него было на самом деле. Замысел Магрудера полностью оправдался: Макклеллан пришел к выводу, что может взять Йорктаун только в результате осады. Эта новость чрезвычайно раздосадовала Линкольна: «Я полагаю, будет лучше атаковать позиции врага... немедленно, — телеграфировал Макклеллану президент. — Из-за вашей задержки враг может с выгодой использовать время». Линкольн пытался донести до Макклеллана и растущие сомнения республиканцев в его лояльности: «Вам крайне необходимо нанести удар... Общество не замедлит расценить (да и уже расценивает) эти колебания атаковать окопавшихся мятежников как повторение Манассаса... Я никогда еще не писал вам... ни с большим участием, чем сейчас, ни с большим стремлением оказать вам поддержку... Но вы обязаны действовать»⁴⁴.

Макклеллан бездействовал. Вместо этого он написал своей жене, что если Линкольн так хочет прорвать оборону мятежников, то «пусть приезжает и делает это сам». Генерал, жалуясь на свое тяжелое положение, когда «с одной стороны мятежники, а с другой — аболиционисты и прочая сволочь»⁴⁵, постепенно разворачивал осадные орудия и подвозил военных инженеров. Неделя проходила за неделей, а союзная артиллерия все готовилась выбить южан из их окопов с помощью мортир и 200-фунтовых пушек. Линкольна ввергало в отчаяние такое «бесконечное промедление». Как он и опасался, конфедераты использовали отсрочку, перебросив всю армию Джонстона на полуостров.

Осмотр укреплений Йорктауна убедил Джонстона в том, что позиции безнадежно слабы: «Все, за исключением Макклеллана,

44 CWL. V. P. 182, 185.

45 Письма от 8 и 30 апреля 1862 г. (McClellan Papers).

уже давно бы атаковали»⁴⁶. Джонстон советовал отойти по всему фронту на заранее подготовленные позиции неподалеку от Ричмонда, но Джефферсон Дэвис и Роберт Ли отвергли это предложение и приказали Джонстону защищать Йорктаун до последнего вздоха. Роль Ли в этой кампании возрастала пропорционально падению уверенности Дэвиса в Джонстоне. В марте президент отозвал Ли из Саванны и перевел его в Ричмонд в качестве своего рода помощника главнокомандующего. Джонстон стоял под Йорктауном до начала мая, пока не узнал, что Макклеллан собирается громить его оборону с помощью осадных орудий. Не дожидаясь этого, в ночь с 3 на 4 мая Джонстон снялся с лагеря и отошел к северу. Дэвис был так же раздосадован очередной уступкой, как и Линкольн, потерявший целый месяц в ожидании взятия этих укреплений. 5 мая сильный арьергард конфедератов под командованием Джеймса Лонгстрита дал заградительный бой у Уильямсберга, столицы колониальных времен. Потеряв 1700 человек убитыми и ранеными, мятежники выбили из строя 2200 северян, задержав преследовавших федералов и позволив остальной части армии беспрепятственно уйти с артиллерией и обозами.

Частые дожди затрудняли ведение боевых действий в апреле, но в мае дожди только усилились, и армии увязли в грязи. Единственные значительные события происходили на воде. С отходом Джонстона Норфолк и расположенная там морская база не могли чувствовать себя в безопасности. Перед эвакуацией конфедераты уничтожили все, что представляло военную ценность, включая броненосец «Виргиния». «Монитор» вел флотилию из пяти канонерок вверх по реке Джемс. Их капитаны мечтали превзойти Фаррагута, подавив речные батареи мятежников и взяв на прицел Ричмонд. Чиновники Конфедерации начали было паковать документы и готовиться к бегству из города, но острый момент вскоре миновал: 15 мая батареи у Дрюри-Блафф в семи милях к югу от Ричмонда остановили флотилию. «Монитор» оказался неэффективен против этого огня, так как его пушки нельзя было нацелить на вершину 90-футового откоса, где разместились батареи. Орудия мятежников вели яростный навесной огонь по канонеркам, а снайперы, притаившиеся вдоль берегов, отстреливали янки на палубах. Флот вынужден был уйти ни с чем, и в Ричмонде раздался всеобщий вздох облегчения.

46 O. R. Ser. I. Vol. 11, pt. 3. P. 456.

Несмотря на лучик солнца, мелькнувший при Дрюри-Блафф, Югом овладевало чувство надвигающегося конца. Армия Макклеллана приблизилась к Ричмонду на расстояние шести миль, а известия о поражениях и отступлениях на западе поступали чуть ли не ежедневно. В атмосфере кризиса, порожденного событиями весны 1862 года, Конгресс Конфедерации объявил о введении всеобщей воинской повинности и военного положения. Недовольство внутри страны росло, доллар Конфедерации рухнул. В эти же месяцы обретшее уверенность союзное правительство освободило политических заключенных, приостановило набор в армию и наладило стабильное финансирование войны, причем позитивное развитие событий в тылу резко контрастировало с тем, что происходило на передовой.

14.

Движущие силы войны

I

Пока Юг, казалось, побеждал в войне, Джефферсон Дэвис являлся признанным вождем Конфедерации, но неудачи подмочили его репутацию. «Очевидные и вопиющие свидетельства неэффективности», продемонстрированные при сдаче фортов Генри и Донелсон, стоили Дэвису, по словам *Richmond Whig*, «доверия граждан страны». Конгрессмен от Южной Каролины Уильям Бойс жаловался на «потрясающую некомпетентность президента, поставившего нас на грань катастрофы». Джордж Бэгби, редактор *Southern Literary Messenger*, также сотрудничавший с несколькими другими газетами в качестве корреспондента в Ричмонде, писал весной 1862 года: «Настали чрезвычайно тяжелые времена... И все дело в нем [Дэвисе]: холодном, высокомерном, сварливом, ограниченном, упрямом как осел и зловредном как нарыв. Пока он жив, надежды на успех нет»¹.

Дэвис был возмущен «низкими», как он их назвал, нападками на него со стороны деятелей, «сеющих раздоры ради увеличения личного и партийного влияния»², однако он и в самом деле не был

1 Trexler H. A. The Davis Administration and the Richmond Press, 1861—1865 // JSH. 1950. 16. P. 187; Taylor R. R. Boyce—Hammond Correspondence // JSH. 1937. 3. P. 351—352; Thomas E. M. The Confederate Nation 1861—1865. NY, 1979. P. 142.

2 Davis. V. P. 209, 246.

безгрешен в отношении чрезмерной гордыни и упрямства. Слишком строгий и лишенный чувства юмора Дэвис не выносил недалеких людей. Ему не хватало умения Линкольна ради общего дела сотрудничать с людьми различных убеждений. Линкольн скорее выиграл бы войну, а не спор, Дэвис же предпочитал побеждать в полемике. Хотя он редко отвечал своим критикам публично, частным образом он давал им отповедь в такой манере, что их враждебность только росла. Даже его преданная жена Варина признавала, что «стоит кому-либо не согласиться с мистером Дэвисом по любому вопросу, как тот впадает в негодование и обвиняет своего оппонента во всех смертных грехах». Президент страдал от расстройства пищеварения и невралгии, которая усугублялась стрессами военного времени и привела к тому, что он ослеп на один глаз. Кроме того Дэвиса мучили постоянные боли, никак, конечно же, не смягчавшие его крутой нрав. Он сознавал свою обидчивость и сожалел о ней: «Хотел бы я научиться не обращать внимания на тех, кто досаждают мне, — говорил Дэвис жене в мае 1862 года, — быть терпеливым и милосердным, равно относясь и к единомышленникам, и к критикам»³.

Единомышленники хотели от администрации более энергичного и решительного ведения войны. Война должна стать тотальной, писал один генерал конфедератов, «при которой все население и вся промышленность... должны быть приспособлены к военным нуждам, и любой общественный институт необходимо перевести на военные рельсы»⁴. Весной 1862 года правительство Конфедерации пошло на два радикальных шага, призванных воплотить в жизнь такие рекомендации: ввело обязательную воинскую повинность и военное положение, однако после этого нападки критиков стали только более язвительными.

Зимой 1861—1862 годов война потеряла для южан свою привлекательность. «Романтический флер этого предприятия полностью исчез, — писал солдат из бригады „Каменной Стены“ Джексона в долине Шенандоа, — причем не только у меня, но и у всей армии»⁵. На Юге по-прежнему было больше солдат, чем оружия для них, но такое положение вещей ожидала быстрая и катастрофическая развязка весной, и вовсе не из-за неожиданного притока вооружения, а из-за окончания срока службы рекрутов-«одногодичников», кото-

3 Foote S. Civil War. I. P. 65; Davis. V. P. 246.

4 O. R. Ser. III. Vol. 4. P. 883.

5 Tanner R. Stonewall in the Valley: Thomas J. „Stonewall“ Jackson Campaign Spring 1862. Garden City (Ny), 1976. P. 81.

рые составляли почти половину действующей армии⁶. Немногие из них горели желанием записаться в армию вторично. «Если я останусь жив по истечении этих двенадцати месяцев, то впредь постараюсь держаться [от армии] подальше, — писал другой солдат из Виргинии в январе 1862 года. — Сомневаюсь, что протяну еще год»⁷. Ситуация выглядела так, что армия южан грозила раствориться в воздухе, как только янки начнут свое весеннее наступление.

Конгресс Конфедерации поначалу рассматривал данную проблему в ставшем привычным волонтаристском ключе. В декабре 1861 года был принят закон, гарантирующий волонтерам-«одногодичникам» премию в размере 50 долларов и 60-дневный отпуск в случае их согласия на продление срока службы. Более того, в законе специально оговаривалось, что такие добровольцы могут записываться в другие полки и избирать новых офицеров, если возникнет такое желание. Как заметил один аналитик: «Едва ли враг мог выдумать для южан худший закон»⁸. Отпуска могли ослабить армию в решающий момент столь же сильно, сколь и массовые отказы от дальнейшей службы. Выборы новых офицеров могли вызвать смещение эффективных поборников дисциплины в пользу «компанейских парней»; процесс организации новых полков был прямым путем к хаосу, особенно после того как многие бывшие пехотинцы решили служить второй срок в более престижных (и безопасных) кавалерийских или артиллерийских соединениях.

Потрясенный Роберт Ли назвал такой закон «в высшей степени разрушительным» и предложил взамен другой, по которому волонтеры «набирались для ведения войны». Хотя сам он вступил в армию Юга для сопротивления насилию федерального правительства, в данный момент Ли полагал, что война будет проиграна, если центральное правительство в Ричмонде не вынудит жителей вступать в армию. Дэвис согласился с его доводами и 28 марта 1862 года направил в Конгресс специальное послание, где рекомендовал ввести всеобщую воинскую повинность. Сторонники прав штатов и гражданских свобод протестовали, говоря о том, что подобная мера противоречит идеалам, за которые сражался Юг. Однако слово взял прямодушный и вспыльчивый сенатор от Техаса Луис Вигфолл, посоветовавший своим коллегам «прекратить играть

6 Вторую половину составляли волонтеры, завербовавшиеся на трехлетний срок.

7 *Tanner R. Stonewall in the Valley...* P. 91.

8 *Freeman D. S. R. E. Lee: A Biography.* 4 vols. NY, 1934—1935. II. P. 26.

в бирюльки»: «Враг в той или иной степени вторгся почти в каждый штат Конфедерации... Виргиния захвачена янки. Нам нужна большая армия. Каким способом ее можно набрать?.. Ни у кого нет индивидуальных прав, которые вступали бы в противоречие с благодеянием нации»⁹.

С этим выводом согласились более двух третей конгрессменов и сенаторов. 16 апреля ими был принят первый в американской истории закон о всеобщей воинской повинности. Согласно закону, все годные к строевой службе белые мужчины от 18 до 35 лет призывались в армию сроком на три года. Волонтеры, отслужившие один год, должны были остаться на передовой еще два года. Однако и в этом жестком законе остались лазейки. Призывник мог найти себе замену из группы «лиц, не подлежащих призыву», то есть тех, чей возраст был вне оговоренных законом рамок, или иммигрантов без прав гражданства. Такая практика была традиционна как для Европы, так и для Америки. Те, кто был призван в ополчение в ходе предыдущих войн, включая Войну за независимость, имели право послать вместо себя кого-нибудь другого. Даже всеобщая мобилизация времен Великой Французской революции не была всеобщей по сути: «заместители» находились и там. Приемлемым это делало предположение, что способности людей, могущих позволить выставить вместо себя замену, найдут лучшее применение в тылу, где эти люди смогут организовать поставки для нужд армии, нежели на фронте. Признавая, что даже замены не смогут сохранить все кадры, необходимые для выполнения обязанностей в тылу, 21 апреля Конгресс принял дополнительный закон, определяющий категории, которым не грозила служба на передовой: чиновники аппарата центрального правительства и правительств штатов, железнодорожные и речные служащие, телеграфисты, горняки, представители отдельных рабочих профессий, медики, аптекари, священнослужители и учителя. Конгресс не поддавался давлению плантаторов, пытавшихся включить в этот перечень также и надсмотрщиков за рабами, правда, этот вопрос в будущем поднимался еще не раз.

Некоторые из этих категорий открывали возможности для подлогов. Профессия учителя внезапно стала очень популярной, и новые школы стали открываться во множестве. Одна за другой появлялись аптекарские лавки, предлагающие «различные пустые

9 O. R. Ser. I. Vol. 6. P. 350; Vandiver F. E. Their Tattered Flags: The Epic of the Confederacy. NY, 1970. P. 131.

емкости, дешевые наборы расчесок и щеток, бутылочки с „краской для волос” и „волшебными эликсирами”, а также другие снадобья с Севера». Губернаторы, сопротивлявшиеся воинской повинности, раздували штаты своих чиновников. Губернаторы Джорджии Джозеф Браун и Северной Каролины Зебулон Вэнс оказались особенно изобретательны: эти штаты освободили 92% всех чиновников от призыва в армию. Браун настаивал на включении в эту категорию и офицеров ополчения, начав производить в офицерские чины сотни человек. Один генерал южной армии саркастически описывал полк ополченцев из Джорджии и Северной Каролины как состоящий из «трех старших офицеров, четырех штабных, десяти капитанов, тридцати лейтенантов и одного рядового, у которого кишки сводит от голода»¹⁰.

Выставление замены являлось наиболее противоречивой формой освобождения от службы. Состоятельные граждане таким образом могли откупаться от армейской службы независимо от того, нужны были их таланты в тылу или нет. Именно вследствие этого появилась горькая поговорка: «Ведут войну богачи, а сражаются бедняки». Справедливости ради напомним, что некоторые бедняки могли и обогатиться (конечно, если возвращались с линии фронта живыми), уходя в армию «на замену». Посредничество в этих вопросах стало прибыльным бизнесом. Многие из «заместителей» дезертировали из частей при первой же возможности и продавали свои услуги снова и снова. Один житель Ричмонда, по слухам, таким образом продал себя тридцать раз. Стоимость услуг «заместителей» к концу 1863 года дошла до 6000 долларов (что эквивалентно 300 долларам золотом или зарплате квалифицированного рабочего за три года). Злоупотребления заменами стали столь вопиющими, что в декабре 1863 года Конгресс упразднил такую привилегию.

Основной целью призыва было побудить добровольцев записываться в армию под угрозой принуждения, а не само это принуждение. Например, согласно закону о призыве, потенциальным новобранцам давалось тридцать дней, чтобы избежать клейма «призывника», записавшись в армию волонтером. В таком случае они получали право присоединиться к новым полкам и участвовать в выборах командиров, как и волонтеры 1861 года. Призывники же и «заместители», напротив, обязаны были прибыть в уже сформированные полки. В какой-то мере метод кнута и пряника принес свои плоды: в течение

10 Moore A. B. *Conscription and Conflict in the Confederacy*. NY, 1924. P. 56, 71n.

1862 года общая численность войск Конфедерации возросла с 325 до 450 тысяч (учитывая около 75 тысяч погибших и раненых, чистый прирост составил 200 тысяч человек). Призывники и «заместители» составляли менее половины из них: оставшиеся считались «добровольцами», даже несмотря на то, что мотивы их поступления на службу не обязательно диктовались сугубым патриотизмом.

Несмотря на достигнутые успехи, связанные с ростом численности армии, воинская повинность была наиболее непопулярным актом правительства Конфедерации. Мелкие фермеры, которые не могли откупиться от службы деньгами, «голосовали» против закона ногами, сбегая из частей в леса и болота. Должностные лица, проводившие в жизнь закон о призыве, встречали упорное сопротивление в глубинке и других районах, где лояльность Конфедерации была весьма условной или ее не было вовсе. Вооруженные банды уклонистов и дезертиров контролировали целые округа. Закон о воинской повинности вызвал беспрецедентное увеличение давления государства на народ, на плечи которого власть опиралась еще недавно. Даже некоторые солдаты, которые скорее бы приветствовали то, что уклонисты разделят с ними тяготы службы, рассматривали закон как отказ от идеалов, за которые они сражались. Один рядовой из Виргинии сказал про призыв: «...невероятная узурпация власти... и решительный отказ от одной из свобод, за которые мы сражаемся... если так пойдет и дальше, это заставит меня отказаться от присяги». А северокаролинский солдат рассуждал: «Когда мы то тут, то там слышим недовольные голоса, сравнивающие деспотизм Конфедерации с деспотизмом правительства Линкольна, то понимаем — что-то здесь не так»¹¹.

Воинская повинность обнажила главный парадокс ведения войны Югом: джефферсонские цели достигались гамильтоновскими методами. Последователи Джефферсона не могли это принять. Наиболее откровенный из них, губернатор Джорджии Джозеф Браун, заклеил призыв как «опасную узурпацию Конгрессом гарантированных прав штатов... что противоречит всем принципам, ради которых Джорджия начала революцию»¹². В ответ на это Джефферсон Дэвис надел маску приверженца Гамильтона. Конституция Конфедерации, напомнил он Брауну, дает Конгрессу власть «формировать и обеспечивать армии», а также «обеспечивать совместную оборону».

11 Wiley B. I. The Road to Appomattox. Memphis, 1956. P. 56—57.

12 O. R. Ser. I. Vol. 1. P. 1156, 1116.

Также там содержится и другая статья (заимствованная из Конституции Соединенных Штатов), передающая Конгрессу право издавать все законы, «которые будут необходимы и уместны для приведения в действие вышеперечисленных полномочий». Браун отрицал конституционность призыва на основании того, что он не был санкционирован Конституцией. Такой подход отвечал принципам доктрины Джефферсона, освященной поколениями южан, интерпретировавших Конституцию буквально. Однако, говоря языком Гамильтона, Дэвис настаивал на том, что раздел о «необходимых и уместных» мерах как раз подразумевал призыв в армию. Разумеется, никто не думал оспаривать эту необходимость, «когда само существование нашего государства находится под угрозой со стороны армии, многократно превышающей нашу по численности». Поэтому «единственно верный способ — выяснить, прописано ли в законе стремление к достижению этой цели... Если ответ будет положительным, тогда закон является конституционным»¹³.

Большинство южан соглашались с Дэвисом по этому вопросу, особенно если жили они в Виргинии, западной части Теннесси, Миссисипи или Луизиане, которым, в отличие от Джорджии, в 1862 году реально угрожала опасность вторжения. «Сейчас наша главная забота — выбить врага и спасти отечество, — провозглашала *Richmond Enquirer*. — Только после этого можно будет вернуться к теоретическим вопросам»¹⁴. Конституционность призыва была подтверждена всеми судами, в которых она оспаривалась, включая верховный суд штата Джорджия, одобривший закон единогласно.

Тем не менее недовольство этой мерой оставалось серьезной проблемой. Введение военного положения также вызвало горячие споры. Этот вопрос привел Дэвиса в замешательство. Его инаугурационная речь от 22 февраля, где он гарантировал отказ Конфедерации от «причинения ущерба личной свободе граждан, свободе слова, помыслов и печати», контрастировала с политикой Линкольна, заключавшего без суда и следствия в «бастилии» «государственных служащих, мирных граждан и благородных дам»¹⁵. Дэвис смотрел сквозь пальцы на подавление гражданских свобод в некоторых районах Конфедерации, особенно в восточной части Теннесси, где

13 Davis. V. P. 254—262.

14 Цит. по: Escott P. D. *After Secession: Jefferson Davis and the Failure of Confederate Nationalism*. Baton Rouge, 1978. P. 88.

15 Понятие «благородные дамы» относилось главным образом к Роуз О'Нил Гринхау, шпионке Конфедерации в Вашингтоне, арестованной агентами Пинкертона.

в южных «бастилиях» томились несколько сотен гражданских лиц, пятеро из которых были казнены. Всего лишь через пять дней после этой инаугурационной речи Конгресс уполномочил Дэвиса приостановить действие права *habeas corpus* и ввести военное положение в регионах, где существовала «опасность вторжения врага»¹⁶. Дэвис незамедлительно ввел военное положение в Ричмонде и других городах Виргинии. Эта мера была вызвана не только вторжением федералов, но и ростом преступности и насилия среди резко возросшего из-за войны населения столицы. Генерал Джон Уайндер, начальник военной полиции ричмондского округа, сформировал из своих подчиненных безжалостный, но эффективный летучий отряд. В дополнение к запрету на продажу алкоголя, введению пропускного режима, аресту пьяных солдат, игроков в азартные игры, карманников и воров Уайндер без суда и следствия отправил в тюрьму несколько «нелояльных» граждан, включая двух женщин и Джона Майнора Ботса, уважаемого виргинского юниониста и бывшего члена Палаты представителей США. *Richmond Whig* сравнила эти действия с подавлением гражданских свобод администрацией Линкольна, после чего Уайндер пригрозил приостановить выпуск газеты. Он так и не претворил свою угрозу в жизнь, но один наблюдатель в Ричмонде отмечал в апреле 1862 года: некоторые редакторы «признались в том, что боятся потерять работу, если будут высказывать свои подлинные мысли. Воистину, настало царство террора»¹⁷.

Другие газеты, впрочем, полагали, что такое «царство» — как раз то, в чем нуждается Ричмонд. «На наших улицах спокойно», — торжествовала *Dispatch*, так как военная полиция «арестовала всех бездельников, бродяг и подозрительных лиц... Следствием этого стали покой, безопасность, уважение к жизни и собственности и быстрое возрождение патриотического духа». *Examiner* считала, что в случае чрезвычайной ситуации «правительство обязано вводить такие меры военным приказом»: «К черту умеренность и вопросы о конституционности! Мы хотим эффективного сопротивления!»¹⁸

Некоторые командующие военными округами вдали от Ричмонда взяли на себя ответственность за объявление военного положения,

16 *Mathews J. M. Public Laws of the Confederate States of America. Richmond, 1862. P. 1.*

17 *Jones J. War Clerk's Diary (Miers). P. 73.* Дискуссию об ужесточении военного положения см.: *Thomas E. M. The Confederate State of Richmond. Austin, 1971. P. 81—84.*

18 *Thomas E. M. Op. cit. P. 84; Richmond Examiner. 1862. Feb. 26.*

что вызвало бурные протесты. Введение военного положения в некоторых районах Луизианы и Миссисипи генералом Ван Дорном в июле 1862 года вынудило губернатора штата возразить: «Ни один свободный человек не может и не должен подчиняться [столь] деспотичной и противозаконной узурпации власти»¹⁹. Дэвис запретил генералам самостоятельно приостанавливать действие права *habeas corpus* и вводить военное положение, однако те порой склонны были нарушать его прямое указание. Приостановка этого приказа оказалась эффективным средством для форсирования призыва в тех районах Юга, где суды штатов издавали приказы *habeas corpus*, согласно которым призывники должны были быть отпущены.

Сторонники гражданских свобод называли введение военного положения и призыв звеньями одной цепи, проклиная «деспотизм» Дэвиса. Группу, противостоящую в этих вопросах администрации, возглавлял своего рода триумvirат выходцев из Джорджии: губернатор Браун, вице-президент Стивенс и Роберт Тумбз, честолюбивый, но к тому времени разочарованный бригадный генерал. Несмотря на то, что конституция Конфедерации санкционировала приостановку действия приказа *habeas corpus* в случае вторжения извне, Стивенс считал такое действие «неконституционным». «Забудьте об идее получения независимости вначале, а соблюдения свобод потом! — восклицал он. — Если мы лишимся наших свобод, мы можем больше никогда их не обрести». «Нас больше пугает перспектива военного деспотизма, чем вражеское порабощение», — вторил ему Браун. Тумбз клеймил «постыдную политику Дэвиса и его янычар»: «Дорога к свободе нельзя проложить через рабство»²⁰. Уступив подобному недовольству, Конгресс в апреле ограничил число территорий, где было введено военное положение, и постановил, что оно будет отменено в сентябре. В октябре Конгресс продлил полномочия Дэвиса по приостановке действия *habeas corpus*, гарантировав их прекращение в феврале 1863 года. Сопrotивление всеобщей воинской повинности вынудило Конгресс прибегнуть к приостановке приказа в третий раз в феврале 1864 года, но уже в июле эта мера снова была отменена.

Таким образом, Дэвис обладал властью приостанавливать действие *habeas corpus* на протяжении лишь 16 месяцев. Большую часть

19 Robbins J. B. The Confederacy and the Writ of Habeas Corpus // Georgia Historical Quarterly. 1971. 55. P. 86.

20 Foote S. Civil War. II. P. 951; Owsley F. L. State Rights in the Confederacy. Chicago, 1925. P. 162—164.

этого срока он не пользовался такой привилегией широко, в отличие от своего коллеги в Вашингтоне, поэтому риторика сторонников гражданских свобод, опасавшихся тирании исполнительной власти, представляется чрезмерной. Конфедерация не сталкивалась с проблемой северян, вынужденных управлять захваченной территорией с враждебно настроенным населением, равно как не таким большим (хотя, безусловно, заметным) было и число нелояльных ее администрации граждан в глухо возмущавшейся глубинке, в отличие от значительного количества недовольных Союзом жителей пограничных штатов (в основном именно в этих штатах администрация Линкольна прибегала к ограничению гражданских свобод).

Весной 1862 года военные успехи Союза послужили причиной ослабления репрессий северян. С июля 1861 года государственный секретарь Сьюард был ответствен и за внутреннюю безопасность; такое довольно странное решение президента было, возможно, связано с недоверием Линкольна к военному министру Кэмерону. Сьюард организовал группу агентов, чей пыл в искоренении всяческой измены не останавливало отсутствие доказательств. Судя по всему, Сьюард упивался своей властью отправить за решетку любого, кого он подозревал в поддержке мятежа. Как с демократического, так и с республиканского фланга стали раздаваться возмущенные возгласы. Возможно, и была необходимость арестовать членов легислатуры Мэриленда, симпатизировавших Конфедерации, но заключение в тюрьму таких деятелей, как видный северный демократ из Нью-Джерси Джеймс Уолл (которого вскоре должны были избрать в Сенат), Хорас Грили охарактеризовал так: «Вы разрываете саму ткань общества»²¹.

Линкольн осознавал справедливость таких протестов. К февралю 1862 года содержание под стражей почти двух сотен «узников совести» больше вредило, чем способствовало делу Союза. Назначение Эдвина Стэнтон военным министром позволило начать перемены, и 14 февраля надзор за внутренней безопасностью был отдан его министерству. В самом начале мятежа, объяснял президент, жесткие меры были необходимы, так как «все департаменты правительства были пронизаны изменой». Теперь же правительство обрело уверенность, к тому же в его распоряжении находилось достаточное количество вооруженных сил, чтобы подавить мятеж. «Как нам кажется,

21 Nevins A. War... II. P. 312.

мятеж перевалил через свой пик и идет на спад». «Ввиду этого, будучи также обеспокоен возвращением к нормальному функционированию администрации», Линкольн приказал освободить всех политических заключенных в обмен на принесение теми клятвы в лояльности Союзу. Стэнтон назначил наблюдательный комитет, определивший достаточно либеральные критерии такой «лояльности». Будучи уверены в неминуемой победе, северяне весной 1862 года выпустили большинство политических заключенных. *New York Tribune* выразила удовлетворение по поводу того, что «царству беззакония и деспотизма настал конец». Стэнтона хвалили за гуманизм и приверженность гражданским свободам, что, по иронии судьбы, оказалось прелюдией к формированию репутации безжалостного тирана²².

Также со Стэнтоном ассоциировался и другой обнадеживающий шаг во внутренней политике администрации: 3 апреля 1862 года он распорядился закрыть все вербовочные пункты. Общество восприняло это как знак того, что армия укомплектована достаточно, чтобы выиграть войну. Возможно, сам Стэнтон разделял это убеждение; во всяком случае, существующую систему вербовки солдат он считал неэффективной. Губернаторы штатов, видные политики и офицеры, откомандированные из частей действующей армии, — все так или иначе сталкивались с проблемой рекрутов. Стэнтон прекратил вербовку добровольцев с целью реорганизовать и улучшить ее, если возникнет такая необходимость. Ввиду того что на западном театре военных действий мятеж, казалось, затухал, а на Полуострове²³ Макклеллан готовился нанести решающий удар, многие северяне действительно думали, что вербовка больше не понадобится. К июлю они поняли, как заблуждались.

II

События, разыгрывавшиеся на полях сражений, влияли на способность каждой из сторон финансировать военные нужды. На экономику Конфедерации в самом начале обрушились два чувствительных удара. Большая часть капиталов Юга представляла собой неликвидную собственность: землю и рабов. Несмотря на то, что штаты Конфедерации владели 30% национального богатства (в виде

22 O. R. Ser. II. Vol. 2. P. 221—223; *New York Tribune*. 1862. Feb. 17.

23 Принятое в историографии Гражданской войны наименование Виргинского полуострова. — *Прим. пер.*

недвижимого и движимого имущества), в их распоряжении было всего 12% находившейся в обороте наличности и 21% банковских активов. Эмбарго на хлопок мешало Югу получать выгоду от своей основной статьи дохода в 1861—1862 годах. Вместо получения сверхдоходов и вложения их в облигации Конфедерации большинство плантаторов стали должниками; кредиторами в основном были торговые агенты, которые, в свою очередь, финансировались северными торговцами или банками.

Первоначально южане надеялись превратить этот плантаторский долг в средство для принуждения банкиров-янки оплатить военные расходы. 21 мая 1861 года южный Конгресс обнародовал закон, обязывающий граждан Конфедерации уплатить в казну все долги гражданам Соединенных Штатов; в обмен на это они получали облигации Конфедерации. Позже законом также было конфисковано имущество «враждебных иностранцев». Однако, подобно многим финансовым затеям южан, законы эти на выходе дали разочаровывающие результаты: не более 12 миллионов долларов, что было намного меньше 200 миллионов, которые южане были должны северным кредиторам. Принудить к выплате было очень сложно, а скрыть долги, наоборот, легко. Вдобавок некоторые плантаторы предпочитали оставаться кредитоспособными в глазах торговых агентов Севера, чтобы иметь возможность нелегально продавать хлопок за линию фронта²⁴.

Из трех основных способов финансирования военных нужд (налогообложение, займы и выпуск бумажных денег) налогообложение в наименьшей степени способствует инфляции. Но одновременно такая мера в 1861 году была для южан наименее желанной. Довоенная Америка представляла собой страну с одной из самых щадящих систем налогообложения в мире. Налоговое давление на душу населения на Юге было в два раза ниже аналогичного в свободных штатах. Будучи сельскохозяйственным регионом, в котором одна треть населения являлась рабами, Юг почти не пользовался общественными услугами и, следовательно, практически не нуждался в налогах. За исключением таможенных пошлин (которые, несмотря на все жалобы южан, в конце 1850-х годов были ниже, чем за полвека до этого) почти все налоги собирали штаты и муниципалитеты.

24 Schwab J. C. *The Confederate States of America: A Financial and Industrial History*. NY, 1901. P. 110—120; Todd R. C. *Confederate Finance*. Athens (Ga.), 1954. P. 157—165, 174.

Правительство Конфедерации не владело механизмами для взимания внутренних налогов, а ее избиратели не имели привычки их платить. В 1861 году Конгресс установил смехотворный тариф, принесший в казну лишь 3,5 миллиона долларов за все военные годы. В августе этого же года прямой налог на движимое и недвижимое имущество в размере 0,5% был оформлен законодательно. Правительство в Ричмонде передало полномочия по сбору этого налога штатам. Этими полномочиями воспользовалась только Южная Каролина; Техас конфисковал принадлежащую северянам собственность для оплаты причитавшегося налога; прочие штаты вносили свои квоты не из собранных налогов, а из займов или даже напечатанными банкнотами штата!

Займы казались лучшим и более справедливым способом оплаты военных расходов. Рискуя жизнями ради свободы, южане рассчитывали, что будущие поколения расплатятся за независимость, добытую для них их предками в 1861 году. На первый выпуск облигаций общей стоимостью 15 миллионов долларов подписка прошла быстро. Последующие меры, принятые Конгрессом в мае и августе 1861 года, привели к выпуску облигаций на 100 миллионов долларов под 8% годовых. Но эти облигации расходились уже медленно. Даже те южане, у которых были свободные капиталы для инвестиций, вынуждены были чрезмерно взвинтить свой патриотизм, чтобы купить восьмипроцентные облигации, когда уровень инфляции к концу 1861 года составлял уже 12% в месяц. Понимая, что у потенциальных вкладчиков нет наличных денег, но они выращивают хлопок, табак и другие культуры, Конгресс позволил им обменивать товарные запасы на облигации. Этот «заем сельхозпродукцией», детище министра финансов Кристофера Меммингера, отличался скорее изяществом замысла, чем полезностью. Некоторые плантаторы, отдав часть своего хлопка, вскоре передумали и продали его по более высокой цене на открытом рынке или доверенным лицам северных покупателей. «Заем сельхозпродукцией» в конце концов принес только 34 миллиона долларов.

Остальная часть займа была оплачена инвесторами в основном казначейскими билетами. Билеты эти выходили из-под печатного пресса во все возрастающем объеме. Юг прибег к этому методу финансирования войны по необходимости, выбора у него не было. В 1862 году Меммингер предупреждал, что печатание денег — это «самый опасный из всех методов»: «Большое количество денег, находящихся сейчас в обороте, приведет к их обесцениванию и в конце

концов к катастрофе»²⁵. Так и случилось, но с началом войны счета на столе Меммингера скапливались быстрее, чем он мог оплачивать их поступлениями от займов и налогов. У него не было другого выбора, кроме как просить Конгресс о выпуске казначейских билетов. И Конгресс сделал это — 20 миллионов долларов в мае 1861 года, еще 100 миллионов долларов в августе, потом 50 миллионов в декабре и еще 50 миллионов в апреле 1862 года. В течение первого года своего существования правительство Конфедерации получало три четверти своего дохода от печатного станка, почти четверть — от облигаций (частично приобретаемых на те же казначейские билеты) и менее 2% — от налогов. Хотя в последующие годы доля кредитов и налогов несколько возросла, Конфедерация обеспечивала себя главным образом за счет напечатанных полутора миллиардов бумажных долларов, которые обесценивались непрерывно с момента своего появления на свет.

Эти билеты подлежали погашению металлическими деньгами по номинальной стоимости в течение двух лет после конца войны. На самом деле они обеспечивались верой общества в возможность выживания Конфедерации. Некоторые конгрессмены хотели сделать казначейские билеты законным платежным средством — юридически обязать всех граждан принимать их в уплату долгов и обязательств. Но большинство в Конгрессе, как и Меммингер с президентом Дэвисом, сочли это неконституционным или нецелесообразным (или и тем и другим одновременно). Закон, обязывающий принимать казначейские билеты, рассуждали они, возбудит подозрения, подорвет доверие, ускорит обесценивание денег и тем самым возымеет обратный эффект. Меммингер заявил, что обещание обменять казначейские билеты на металлические деньги после войны — гораздо лучший способ обеспечить их принятие.

Южные штаты, округа, города и даже частные предприятия тоже начали выпускать свои билеты и мелкие купюры — «наклейки из пластыря» (shinplasters). Нехватка на Юге качественной бумаги и опытных граверов означала, что эти банкноты, так же как и купюры Конфедерации, были грубо напечатаны и легко поддавались подделке. Некоторые поддельные купюры можно было отличить даже по более высокому, чем у настоящих, качеству. В бурных морях бумажных денег Юг трепала стремительно растущая инфляция.

25 Lerner E. M. The Monetary and Fiscal Programs of the Confederate Government, 1861—1865 // *Journal of Political Economy*. 1954. 62. P. 509—510n.

Сначала валюта обесценивалась медленно, поскольку победы Конфедерации летом 1861 года подстегнули уверенность народа. Индекс цен в сентябре всего лишь на 25% превышал январский, но из-за выпуска новых казначейских билетов подскочил на 35% за следующие три месяца. Военные неудачи весны 1862 года привели к росту индекса на 100% в первом полугодии, а продолжающийся выпуск денег вызвал его повторное удвоение во втором. К началу 1863 года то, что два года назад можно было купить за доллар, стоило уже семь.

Такая инфляция, по сути, приняла форму конфискационного налогообложения, бремя которого особенно тяжело было нести бедным. Это усугубило напряженные классовые отношения и привело к нарастанию отчуждения низших сословий белых граждан от дела Конфедерации. Рост зарплат сильно отставал от роста цен. В 1862 году зарплаты квалифицированных и неквалифицированных рабочих увеличились примерно на 55%, тогда как цены выросли на 300%. На маленьких фермах, где жила большая часть белого населения Юга, условия были немногим лучше. Фермерские семьи выращивали почти все, что им было нужно, но многие хозяйства испытывали тяжкие лишения, поскольку не могли собрать весь урожай из-за отсутствия взрослых мужчин.

Хуже всего многим фермам приходилось от недостатка соли — единственного консерванта мяса — и катастрофического роста цен на нее: с 2 долларов за мешок до войны до 60 долларов в некоторых местах к осени 1862 года. До 1861 года Юг, несмотря на богатые залежи соли, импортировал большую часть этого продукта с Севера или из-за границы. Война заставила стремительно разрабатывать южные соляные шахты, но соль все равно была в дефиците и стоила дорого из-за приоритетной транспортировки военных грузов, обветшания железных дорог и недостатка рабочей силы. «В стране сейчас беднейшие семьи добровольцев сильно страдают от недостатка зерна и соли... — писал в декабре 1862 года житель Миссисипи. — Именем Господа вопрошаю: можно ли с этим смириться? Неужели эта война будет продолжаться, а это правительство держаться ценой голода женщин и детей?» Рост дезертирства в 1862 году отчасти стал следствием бедственного положения солдатских семей. Мать троих детей, отец которых был в армии, в марте 1862 года написала Джефферсону Дэвису, что им нечего есть. «Если мы с моими маленькими детьми будем страдать [и] умрем, пока их отец служит в армии, я молю Всемогущего Господа, чтобы наша кровь пала на головы южан». Солдат

из Миссисипи, опоздавший из отпуска, написал губернатору 1 декабря 1861 года: «Бедняки вынуждены покидать армию, чтобы вернуться домой и обеспечить семьи пропитанием... Мы бедные люди, и, хотя мы готовы защищать свою страну, наши семьи для нас на первом месте»²⁶.

Измученные южане искали козлов отпущения. Они обвиняли «спекулянтов» и «вымогателей», не выпускавших на рынок самые необходимые товары, пока рост цен не позволил продавать их с фантастической прибылью. «На самом деле мы ведем две войны, — объявила одна газета в Джорджии в сентябре 1862 года. — Пока наши храбрые солдаты сражаются с аболиционистами... бессовестная шайка вампиров объявила войну их обездоленным семьям». Эта «банда гарпий охотится на жизненно необходимое для Конфедерации», эти «презренные выродки», которые «готовы расфасовать по бутылкам общий воздух и продавать его по сходной цене», виноваты «в нынешних высоких ценах и готовы делать деньги, даже если половина народа умрет с голоду»²⁷. Сам Джефферсон Дэвис заявил, что «страшный порок» спекуляции «отвратил граждан всех сословий от упорного ведения войны и соблазнил на низменные усилия по накоплению денег». *Richmond Observer* в июне 1862 года скорбела, что «торговцы-южане переплюнули янки и евреев... Весь Юг издает зловоние порока вымогательства»²⁸.

Несмотря на обличения местных торговцев, *Richmond Observer* и многие другие граждане все-таки евреев считали худшими «вымогателями». Еврейские торговцы «кишат в наших местах, как саранча египетская», заявлял один конгрессмен: «Они пожрали плоть нашей страны, истощили ее запасы, монополизировали ее торговлю». Говорили, что в Чарлстоне евреев больше, чем в Иерусалиме; улицы Уилмингтона «кишели... елейными, приторными» евреями, скупавшими грузы прорывавших блокаду судов. Клерк военного министерства Джон Джонс в своем дневнике бичует «еврейских вымогателей», которые «принесли больше вреда нашему делу, чем армии Линкольна»:

26 Ramsdell C. W. *Behind the Lines in the Southern Confederacy*. Baton Rouge, 1944. P. 28—30; *Escort*. After Secession. P. 122. О трудностях, вызванных нехваткой соли, см.: Lonn E. *Salt as a Factor in the Confederacy*. NY, 1933.

27 Цит. по: Moore A. B. *Conscription and Conflict*. P. 150; Lerner E. M. *Money, Prices, and Wages in the Confederacy, 1861—1865* // *Andreano R. The Economic Impact of the American Civil War*. Cambridge (Mass.), 1962. P. 30; Coulter E. M. *Confederate States*. P. 225.

28 O. R. Ser. 4. Vol. 2. P. 810; *Richmond Examiner*. 1862. July 22.

«Если мы добьемся независимости, перестав быть вассалами янки, то обнаружим, что все наше богатство находится в руках евреев»²⁹.

Подобные обличения — явление далеко не уникальное для Конфедерации. В другие времена в других местах люди, страдавшие по причинам, превышавшим их понимание, делали козлами отпущения определенное меньшинство. Конечно, на Юге действительно были еврейские торговцы, и некоторые из них спекулировали на потребительских товарах, но так же поступали и другие, которых было гораздо больше. Однако большинство купцов всех национальностей были в той же степени жертвами дефицита и инфляции, сколь и преступниками. Разумеется, многие из них продавали товары с наценкой 50% и выше, но, когда инфляция достигает 10—15% в месяц, реальная прибыль от большей части проданных товаров очень невелика, если вообще присутствует.

К 1862 году экономика Конфедерации перестала быть управляемой. Тщетность попыток контролировать ее доказали действия нескольких штатов, стремившихся обуздать «монополии» или установить максимальный уровень цен. Антимонопольные законы были направлены против спекулянтов, которые пытались полностью занять рынок некоторых необходимых товаров или заламывали за них несусветную цену. Но оказалось, что провести эти законы в жизнь невозможно, поскольку они либо приводили к возникновению черного рынка, либо усугубляли дефицит. Царивший в Ричмонде, находившемся на военном положении, генерал Джон Уиндер в апреле 1862 года установил максимальный уровень цен на несколько видов пищевых продуктов. Фермеры и рыбаки немедленно перестали продавать свою продукцию. Через три недели Уиндер признал поражение и отменил ограничения, после чего цены подскочили в два-три раза. Под гнетом блокады, интервенции и потока бумажных денег несбалансированная аграрная экономика Юга была просто не в состоянии производить одновременно пушки и масло без дефицита и инфляции.

Северная экономика оказалась более приспособленной к требованиям войны, но зимой 1861—1862 годов финансовые проблемы некоторое время угрожали делу Севера. В начале войны у администрации Линкольна было по крайней мере два финансовых

29 Coulter. Confederate States. P. 227; Yearn W. B., Barrett J. G. North Carolina Civil War Documentary. Chapel Hill, 1980. P. 74—75; Jones J. War Clerk's Diary (Swiggett). I. P. 221 .

преимущества перед Конфедерацией: организованное казначейство и гарантированный источник доходов от таможенных сборов. Но снижение таможенных ставок согласно тарифу 1857 года и депрессия после паники в том же году привели к сокращению доходов на 30%. Дефицит федерального бюджета наблюдался четыре года подряд (1858—1861 годы первый раз со времен войны с Англией 1812 года), а сецессия вызвала новую панику. Металлические деньги начали стремительно испаряться из казначейства, и кредитоспособность правительства резко упала. Когда Линкольн вступил в должность, национальный долг достиг самого высокого уровня за 40 лет. Секретарь казначейства Салмон Чейз был назначен по политическим причинам и не имел опыта в финансовых делах, в отличие от Кристофера Меммингера в Конфедерации — эксперта по коммерческому и банковскому законодательству.

Однако Чейз был способным учеником и оказался хорошим секретарем казначейства. Его главным наставником стал Джей Кук, глава банкирской фирмы в Филадельфии, брат которого был союзником Чейза в политических кругах Огайо. Благодаря Чейзу казначейство в первые месяцы войны держалось на плаву за счет краткосрочных банковских займов под 7,3% годовых. Кук убедил некоторых своих обеспеченных партнеров приобрести долгосрочные облигации под 6%. Чейз первым разработал концепцию продажи не только банкирам, но и обычным людям облигаций стоимостью до 50 долларов, которые нужно было оплачивать ежемесячно. Кук взялся распространять эти облигационные займы с помощью патриотической рекламы, предвосхитившей масштабные акции по продаже военных облигаций в XX веке. Хотя эта политика финансирования демократической войны демократическими средствами не сразу принесла плоды, Кук в конце концов добился большого успеха, продав на 400 миллионов долларов 6%-ных облигаций «пять — двадцать» (подлежавших погашению не ранее чем через пять и не более чем через двадцать лет) и почти на 800 миллионов долларов облигаций «семь тридцать» (трехлетних облигаций под 7,3% годовых). Газеты обвиняли Кука в том, что он разбогател на комиссионных вознаграждениях с этих продаж. Его фирма действительно получила около 4 миллионов долларов на продвижении облигаций, но это соответствовало комиссионному вознаграждению в размере около трех восьмых процента, из которого Кук оплатил все расходы на агентов и рекламу, после чего чистая прибыль составила примерно 700 тысяч долларов. Это оказалось более дешевым и эффективным средством продажи

облигационных займов населению, чем любое другое, которое было в распоряжении правительства³⁰.

В отличие от Конфедерации, обеспечивавшей займами менее двух пятых военного бюджета, две трети доходов Союза поступало из этого источника. Собственно налоги давали Югу всего лишь 5—6% средств, тогда как у северного правительства — 21% бюджета. В ходе войны Конгресс несколько раз пересматривал таможенные пошлины в сторону повышения, но таможенные сборы за военное время в среднем приносили всего лишь 75 миллионов долларов в год (с поправкой на инфляцию это едва ли превышало 60 миллионов долларов в год, поступавших в середине 1850-х годов). Потенциально гораздо более важным, хотя и не сразу принесшим плоды действием стало введение на Севере новых внутренних налогов, начиная с первого федерального подоходного налога в американской истории, введенного с 5 августа 1861 года. Эта революционная мера была вызвана необходимостью убедить финансовое сообщество в том, что правительство может получить достаточно средств для выплаты процентов по облигациям. Республиканцы, разработавшие подоходный налог 1861 года, сделали его умеренно прогрессивным, обложив 3%-ным налогом только тех, чей ежегодный доход превышал 800 долларов, что исключало из налогообложения большинство наемных работников. Это было сделано, объяснял Уильям Питт Фессенден, председатель финансового комитета Сената, потому что сопровождающий этот закон билль о таможенных пошлинах был по своей природе регрессивным: «В совокупности эти меры, я убежден, позволят более равномерно распределить бремя налогов между всеми классами общества»³¹.

Эти налоги большей частью должны были быть собраны только в 1862 году. Между тем правительству приходилось полагаться на кредиты. Но последствия развода джексоновского правительства с банками вызывали затруднения. Золото на покупку облигаций приходилось фактически доставлять в отделение казначейства. Двусмысленная поправка к акту о военных займах от 5 августа, казалось, отменяла это требование и позволяла казначейству оставлять золото в банках как залог государственного кредита, где оно являлось частью обязательного резерва, обеспечивающего бумажные деньги банка. Но Чейз, по своим финансовым взглядам являвшийся последователем Джексона и

30 Oberholtzer E. P. Jay Cooke: Financier of the Civil War. 2 vols. Philadelphia, 1907; Larson H. Jay Cooke: Private Banker. Cambridge (Mass.), 1936.
31 CG. 37 Cong., 1 Sess. P. 255.

приверженцем металлических денег, предпочел не поступать таким образом. Вместо этого он потребовал, чтобы банки и другие покупатели облигаций платили за них наличными металлическими деньгами, которые потом иногда неделями лежали в хранилищах правительства, тогда как банковские резервы падали до опасного уровня³².

Поражение Союза в битве у Боллс-Блаффа в октябре 1861 года и неспособность Макклеллана перейти в наступление на Ричмонд подорвали веру в победу северян. Затем капитан Уилкс захватил Мэйсона и Слайделла на корабле «Трент», поставив страну на грань войны с Британией. На бирже наступила паника, и люди ринулись в банки, где резко сократились запасы металлических денег. Последствия были неизбежны. 30 декабря банки Нью-Йорка приостановили выдачу металлических денег. Банки в других городах последовали их примеру. В отсутствие металлических денег казначейство больше не могло платить поставщикам, подрядчикам и солдатам. Военная экономика одной из богатейших наций мира, казалось, вот-вот потерпит крах. 10 января Линкольн сетовал: «У бочки выбито дно. Что же мне делать?»

Действительно, что? Линкольн, который не был экспертом в финансах, играл лишь скромную роль в действиях Конгресса по выходу из этого кризиса. Чейз предложил позволить национальным банкам выпускать банкноты, обеспеченные правительственными облигациями. Это позволило бы закачать новые средства в экономику и создать рынок для облигаций. Эти идеи в итоге реализовались в Национальном банковском акте 1863 года. Однако конгрессмен от Нью-Йорка Элбридж Сполдинг, председатель подкомитета Палаты представителей, отвечавшего за создание законов в чрезвычайных обстоятельствах, считал, что нынешний кризис требовал более быстрых мер, чем организация новой банковской системы. Делегация банкиров попыталась убедить Сполдинга (который сам был банкиром) ввести законы, позволяющие банкам выполнять функцию хранилищ государственных средств, тем самым положив конец затратной практике транспортировки золота из банков в хранилища отделений казначейства, и дать разрешение на выпуск новой партии облигационных займов для продажи «по рыночной цене», а не по но-

32 *Hammond B. Sovereignty and an Empty Purse: Banks and Politics in the Civil War. Princeton, 1970. Ч. 3—5.* В практическом плане «металлические деньги» означали золото, так как высокая цена на серебро в последние годы привела к тому, что металл серебряного доллара стал стоить больше номинала, что практически вывело серебряные монеты из обращения.

минальной стоимости. Поскольку такие займы продавались бы ниже номинала, вкладчики получали бы повышенный доход и бóльшую прибыль за счет государства. Сполдинг отклонил это предложение, как и «беготню правительства по Уолл-стрит или Стейт-стрит»³³... [и] сбивание стоимости государственных облигаций до 75 или 60 центов за доллар»³⁴. Вместо этого он представил законопроект, разрешающий выпуск 150 миллионов долларов в казначейских билетах — то есть в необеспеченных деньгах.

Казалось, что этот законопроект следует сомнительному примеру Конфедерации — но было и важное отличие. Банкноты Соединенных Штатов должны были стать законным платежным средством, принимаемым в уплату всех частных и общественных долгов, за исключением процентов по государственным бумагам и таможенных сборов. Исключение для облигаций было задумано как альтернатива продаже облигаций ниже номинала: ожидалось, что выплата 6% металлическими деньгами сделает облигации привлекательными для вкладчиков даже по номинальной стоимости. Таможенные сборы подлежали уплате металлическими деньгами, чтобы обеспечить достаточный доход для выплаты таких процентов. Во всех остальных финансовых операциях частные лица, банки и само правительство должны были принимать банкноты Соединенных Штатов — которые скоро назовут «гринбеками» — как законные деньги.

Оппоненты заявили, что билль о законном платежном средстве противоречит Конституции, потому что основатели дали Конгрессу право «чеканить монету», то есть имели в виду металлические деньги. Более того, требование принимать банкноты в уплату сделанных ранее долгов было нарушением договора. Однако министр юстиции, как и большинство конгрессменов-республиканцев, поддержал широкую трактовку пункта о чеканке монеты и статей Конституции, уполномочивающих Конгресс издавать все необходимые законы. «Рассматриваемый нами билль — мера военного времени, — обратился Сполдинг к Палате представителей, — необходимое средство для воплощения в жизнь гарантируемого Конституцией права „формировать и содержать армии“... Это чрезвычайные времена, и необходимо прибегнуть к чрезвычайным же мерам, чтобы спасти наше правительство и сохранить наше государство»³⁵.

33 Улица в деловой части Бостона. — *Прим. пер.*

34 Sharkey R. P. Money, Class, and Party: An Economic Study of Civil War and Reconstruction. Baltimore, 1959. P. 32.

35 CG. 37 Cong., 2 Sess. P. 523, 525.

Оппоненты поставили под сомнение и целесообразность билля о законном платежном средстве, а также его соответствие нравственным и религиозным нормам. Такие банкноты будут обесцениваться, говорили они, как обесценивались банкноты во время Войны за независимость и как уже обесценивались банкноты Конфедерации. «Человеческий разум, — заявил конгрессмен-демократ от Огайо Джордж Пендлтон, — еще не изобрел другого способа обеспечить продажу бумажных денег по номинальной стоимости, кроме быстрой, дешевой и гарантированной их конвертации в золото и серебро». Если принять этот законопроект, «цены взлетят... доходы уменьшатся; сбережения бедняков исчезнут, накопления вдов растают; облигации, закладные и банкноты — все, что имеет фиксированную стоимость, — потеряют ценность». Один банкир настаивал, что «золото и серебро — единственная истинная мера ценности. Именно для такой цели эти металлы созданы всемогущим Господом»³⁶.

Сторонники законопроекта доказывали необоснованность подобных аргументов. «Каждый образованный человек знает, что звонкая монета — это не валюта страны», — заявил республиканец Сэмюэл Хупер, член Палаты представителей от штата Массачусетс. Основным средством платежей были банкноты штатов³⁷, многие из которых обесценились и не конвертировались. Перед Конгрессом стоял вопрос: имеют ли банкноты суверенного государства «такую же силу... что и бумажные деньги банков, приостановивших выплату металлических денег»³⁸.

К началу февраля большинство бизнесменов и банкиров пришли к убеждению о необходимости билля о законном платежном средстве; секретарь казначейства Чейз и председатель финансового комитета Фессенден — тоже. «Я с неохотой сделал вывод, что статья о законном платежном средстве — необходимость, — сообщил Чейз Конгрессу 3 февраля 1862 года. — Чрезвычайно важно принять меры немедленно. Казна почти пуста». Фессенден считал эту меру «сомнительной с точки зрения Конституции»: «Это умышленное нарушение закона... идущее вразрез со всеми моими представлениями о политической, нравственной и национальной чести... [Тем не менее]

36 Ibid. P. 551; McCulloch H. Men and Measures of Half a Century. NY, 1888. P. 201.

37 Бумажные денежные знаки, выпускавшиеся отдельными банками по соглашению с правительством штата по собственным образцам; такие банкноты нескольких тысяч выпусков составляли на тот момент основную массу бумажных денег США. — *Прим. пер.*

38 CG. 37 Cong., 2 Sess. P. 691; Sharkey R. P. Money, Class, and Party... P. 32.

нельзя и думать о том, чтобы оставить правительство без средств к существованию в такой кризис». Фессенден проголосовал за этот законопроект³⁹. Так же поступили три четверти республиканцев в Конгрессе, легко перевесившие три четверти демократов, голосовавших против. 25 февраля Линкольн поставил свою подпись, и билль стал законом.

Этот закон создал национальную валюту и изменил финансовую систему Соединенных Штатов. Он утвердил национальный суверенитет, чтобы помочь выиграть войну за его сохранение. Закон обеспечил казначейство ресурсами для оплаты счетов, восстановил доверие вкладчиков, что сделало возможным продажу по номинальной стоимости новых 6%-ных облигаций на сумму 500 миллионов долларов и высвободило средства, замороженные во время декабрьского финансового кризиса. Все эти преимущества не сопровождались предсказанной оппонентами разрушительной инфляцией, несмотря на выпуск еще 150 миллионов «гринбеков» в июле 1862 года. В сумме это составило 300 миллионов долларов, что почти равнялось количеству казначейских билетов Конфедерации, находившихся тогда в обращении, но на Юге индекс цен к концу 1862 года составил 686 (если принять за 100 уровень цен в феврале 1861 года), а на Севере — 114. За все время войны инфляция в Союзе составила лишь 80% (по сравнению с 9000% в Конфедерации), что достойно смотрится на фоне 84%-ной инфляции в Первую мировую войну (1917—1920 годы) и 70%-ной во Вторую мировую войну (1941—1949 годы, с включением послевоенных лет, когда был отменен контроль цен военного времени). «Гринбеки» не были обеспечены металлическими деньгами, что привело к появлению спекулятивного рынка золота, но «золотая премия» серьезно росла только в моменты военных поражений Союза, тогда как в первые четыре месяца после издания акта «золотая премия» поднялась всего лишь до 106 (то есть за сто золотых долларов можно было купить 106 «гринбеков»).

Успех акта о законном платежном средстве объясняется тремя факторами. Первый — мощь северной экономики. Второй — удачное время принятия закона, который вступил в силу весной 1862 года, в период военных успехов Союза, так что «гринбеки» были радостно приняты на волне уверенности в победе. Третья причина — введение в действие всеобъемлющего законодательства о налогообложении

39 CG. 37 Cong., 2 Sess. P. 618; слова Фессендена цит. по: *Hammond B. Sovereignty and an Empty Purse...* P. 213—214.

1 июля 1862 года, почти полностью нейтрализовавшего инфляционное давление, вызванное «гринбеками». В итоге военный бюджет Союза опять стал получать от налогов в два раза больше средств, чем от печати бумажных денег, что резко контрастировало с ситуацией на Юге⁴⁰.

По закону о внутренних доходах 1862 года налогом облагалось практически все, кроме воздуха, которым дышали северяне. Он предусматривал «налог на пороки» — алкоголь, табак, игральные карты, налог на предметы роскоши — экипажи, яхты, бильярдные столы, драгоценности и другие дорогостоящие товары, налог на патентованные медицинские средства и рекламу в газетах, покупку лицензий на почти любую мыслимую профессию или услугу, кроме духовных, гербовые сборы, налог на валовой доход корпораций, банков и страховых компаний, а также налог на дивиденды или проценты, выплачиваемые ими вкладчикам, налог на добавленную стоимость промышленных товаров и мясопродуктов, налог на наследство и подоходный налог. По этому закону также было создано Бюро внутренних доходов, сохранившееся в составе федерального правительства, хотя эти налоги (в том числе подоходный) большей частью перестали взимать спустя несколько лет после войны. Отношения американского налогоплательщика с правительством изменились навсегда.

Закон о внутренних доходах в некоторых отношениях был поразительно современным. Так, согласно этому документу, налог удерживался из зарплат государственных служащих и выплачиваемых корпорациями дивидендов. Акт дал развитие прогрессивным аспектам более раннего подоходного налога: доходы ниже 600 долларов налогом не облагались, с доходов от 600 до 10 000 долларов взимались 3%, а с доходов выше 10 000 долларов — 5%⁴¹. Первая тысяча долларов наследства была свободна от обложения. Предприятия, стоившие менее 600 долларов, освобождались от налогов на добавленную стоимость и с оборота. Акцизные сборы сильнее всего ударили по товарам, приобретаемым зажиточными людьми. Объясняя эти прогрессивные особенности налогообложения, Таддеус Стивенс, председатель постоянного бюджетного комитета Палаты предста-

40 Суммарная стоимость напечатанных «гринбеков» составила 447 миллионов долларов. Налоги, собранные во время войны, достигли почти 700 миллионов долларов.

41 В 1864 году закон был пересмотрен: с доходов от 600 до 5000 долларов стали взимать 5%, от 5000 до 10 000 долларов — 7,5%, выше 10 000 долларов — 10%.

вителей, заявил: «Богатые и процветающие будут вынуждены нести большой вклад из своих изобильных средств... налоговое бремя не легло на плечи трудолюбивых рабочих и мастеровых... Пища бедных не облагается налогом... положения этого акта не коснутся никого, чье выживание зависит исключительно от ручного труда»⁴².

Сложно сказать, оценили рабочие-северяне эту заботу или нет. К моменту вступления в силу акта о внутренних доходах многие из них испытали на себе тяготы инфляции. Ситуация была гораздо менее серьезной, чем на Юге, но рост цен все же вызвал сокращение реальной заработной платы рабочих на Севере в среднем на 20% в 1863—1864 годах. Согласно классической экономической теории, из-за недостатка рабочей силы, вызванного сокращением иммиграции во время войны и призывом рабочих в армию, заработки должны были расти вместе со стоимостью жизни, а то и обгонять рост последней. Этому, вероятно, помешали три причины. Во-первых, некоторый экономический спад — следствие паники 1857 года и новой паники и кризиса, обусловленных сецессией 1861 года, из-за чего до 1862 года не могло возникнуть нехватки рабочих рук. Во-вторых, ускоренная механизация некоторых ключевых отраслей промышленности во время войны помогла облегчить ситуацию на рынке труда. Например, в военное время было произведено больше, чем когда-либо раньше, жаток и косилок, а значит, спрос на рабочую силу в сельскохозяйственной отрасли снизился. Швейная машинка во много раз увеличила производительность швей, изготавливавших форму и другую одежду для армии, а машина Блэйка-Маккея для сшивания верха и подошвы ботинка позволила в сто раз сократить затраты времени на эту операцию. Третьей причиной стало значительное увеличение числа женщин на самых разных рабочих местах — от государственных служащих и медсестер в армии до работниц в поле и в мастерских. Более широкое использование в сельском хозяйстве различной техники позволило женщинам восполнить недостаток рабочей силы, образовавшийся, когда почти миллион северных фермеров и батраков был призван в армию. «Я встретил больше правящих лошадьми и работающих в полях женщин, чем мужчин», — писал осенью 1862 года один путешественник по Айове. В доказательство «великой революции, которую техника совершила в сельском хозяйстве» другой наблюдатель год спустя упоминал о «крепкой матроне, сыновья которой сражались в армии, косившей сено с упряжкой

42 CG. 37 Cong., 2 Sess. P. 1576—1577.

лошадей... Она запросто скашивала семь акров за день, легко управляясь со своей сенокосилкой». В промышленности Севера женщины в основном выполняли уже освоенные ими работы в производстве тканей, одежды и обуви, однако доля женщин среди промышленных рабочих за время войны увеличилась с четверти до трети. Поскольку женщины за такую же или сходную работу получали меньше мужчин, увеличение их доли в рабочей силе в военное время привело к тому, что средний уровень зарплат не повышался⁴³.

Заработная плата все больше отставала от стоимости жизни, что вызвало протесты и забастовки, особенно в 1863—1864 годах. Значительное число стачек позволило добиться существенного увеличения зарплаты, прежде всего среди квалифицированных ремесленников и рабочих, занятых в тяжелой промышленности, где механизмы и женщины не могли восполнить ставший острым недостаток рабочей силы. К последнему году войны реальная заработная плата во многих из этих отраслей достигла довоенного уровня и потенциально готова была расти после войны и дальше. Однако для неквалифицированных рабочих и женщин низкие зарплаты и инфляция по-прежнему были источником мук. «Мы не в состоянии выжить из-за цен, предлагаемых подрядчиками, которые жируют на своих контрактах, выжимая из труда наемных рабочих огромные прибыли», — написала группа швей (наиболее эксплуатируемая категория работников как в военное, так и в мирное время), изготавливавшая военную форму в 1864 году⁴⁴.

Политическая активность и забастовки во время войны, а также гордость рабочих за свой вклад в победу северян привели к росту воинственности и организованности рабочих. В течение войны было создано несколько новых национальных профсоюзов, стремительно возникали рабочие газеты; все это подготовило почву для объединения союзов на национальном уровне в 1866 году. Под влиянием событий военного времени членство в профсоюзах промышленных рабочих перед наступлением финансового кризиса 1873 года достигло высочайшего за XIX век уровня. Но об этом будет рассказано в следующем томе данной серии.

43 Цит. по: *Fite E. D. Social and Industrial Conditions in the North during the Civil War*. NY, 1910. P. 8; *Smith G. W., Judah C. Life in the North during the Civil War*. Albuquerque, 1966. P. 167. Другие использованные источники: *Foner Ph. S. History of the Labor Movement in the United States*. Vol. I. NY, 1947; *Montgomery D. Beyond Equality: Labor and the Radical Republicans, 1862—1872*. New York, 1967.

44 *Montgomery D. Beyond Equality...* P. 97.

III

Вторая сессия 37-го Конгресса (1861—1862 года) стала одной из самых продуктивных в истории Америки. Законодатели не только внесли революционные изменения в систему налогообложения и финансовую систему страны и приняли некоторые меры по ликвидации рабства⁴⁵, они также ввели законы, в дальнейшем оказавшие огромное влияние на распределение государственных земель, будущее высшего образования и строительство трансконтинентальной железной дороги. Эти достижения выглядят еще примечательнее, если учесть, что они совершены в момент наивысших военных усилий. Впрочем, именно война — точнее, отсутствие в Конгрессе южан — сделала возможным принятие мер не только республиканского, но и гамилтоновского, вигского характера с целью обеспечения правительством социально-экономического развития.

Заручившись поддержкой северо-восточных избирателей с помощью пункта о гомстедах в программе 1860 года, республиканцы с легкостью преодолели слабое сопротивление демократов и пограничных штатов и 20 мая 1862 года приняли закон о гомстедах. Согласно этому закону поселенец получал в собственность 160 акров государственной земли после пятилетнего проживания на своем участке и его «улучшения» (пол поселенца не был указан, так что это могла быть и женщина). Хотя закон о гомстедах не полностью воплотил в жизнь мечты некоторых энтузиастов, надеявшихся «дать ферму каждому бедняку», он сыграл важную роль в стремительной экспансии на запад после окончания войны. Еще до битвы при Аппоматтоксе 25 тысяч переселенцев заявили свои права на участки общей площадью более трех миллионов акров, что стало первым шагом к заселению полумиллионом фермерских семей 80 миллионов акров земли по закону о гомстедах.

Конгрессмен от Вермонта Джастин Моррилл, разработавший в 1861 году законы о таможенных пошлинах и занимавший пост председателя подкомитета Палаты представителей, подготовившего Закон о внутренних доходах, много лет продвигал законопроект о передаче государственных земель штатам для распространения высшего образования в области «сельского хозяйства и механики». Когда Моррилл снова представил эту идею Конгрессу в 1861 году, напряженные отношения между представителями различных

45 Дискуссию о рабстве см. в главе 16.

регионов внутри Республиканской партии отложили его принятие. В этом законопроекте предлагалось дать каждому штату — в том числе южным штатам, когда (или если) они вернутся — по 30 000 акров государственной земли на каждого конгрессмена и сенатора. Поскольку львиную долю этого подарка получали Нью-Йорк, Пенсильвания и другие густонаселенные восточные штаты, тогда как вся полагавшаяся им государственная земля располагалась на западе, многим представителям западных штатов этот план пришелся не по вкусу. Тем не менее многие из них законопроект поддержали (частично в обмен на поддержку представителями восточных штатов закона о гомстедах), и закон Моррилла был принят 2 июля 1862 года. Вдобавок Конгресс создал Министерство сельского хозяйства. Успех поддержки развития колледжей путем передачи штатам государственной земли доказан дальнейшим возникновением первоклассных учебных заведений во многих штатах и всемирно известных университетов в Итаке, Урбане, Мэдисоне, Миннеаполисе и Беркли.

Споры региональных группировок в Палате представителей о маршруте трансконтинентальной железной дороги не позволили принять меры по оказанию правительственной помощи строительству такой линии в 1850-е годы. Освободившись от сопротивления Юга, янки в 1862 году ринулись вперед. 1 июля, в день, когда законопроект о внутренних доходах стал законом, Линкольн подписал и закон о Тихоокеанской железной дороге, по которому корпорации, созданные для строительства железной дороги от Омахи до залива Сан-Франциско, получали 6400 акров (а впоследствии вдвое больше) государственной земли на каждую милю дороги, а также кредит (в правительственных облигациях) в 16 000 долларов на милю дороги по равнине и 48 000 долларов в горах. Эти меры, направленные на то, чтобы стимулировать активность частного капитала, оказались удивительно успешны. Первые рельсы были уложены в 1863 году к востоку от Сакраменто; шесть лет спустя золотой костыль соединил Центральную тихоокеанскую и Объединенную тихоокеанскую железные дороги в Промонтори (Юта). За первой передачей государственной земли трансконтинентальным железным дорогам последовали новые; в сумме было передано 120 миллионов акров. Хотя эти железные дороги стали источником коррупции и политической власти капитала, в 1862 году большинство американцев видели в помощи государства шаг к объединению нации и экономическому развитию, которые должны принести пользу всем слоям общества.

Именно эта философия лежала в основе всех трех законов 1862 года о передаче государственных земель. В некоторой степени эти законы мешали друг другу, поскольку поселенцы, университеты и железные дороги в последующие годы боролись за одни и те же участки земли. Однако 225 миллионов акров, в итоге переданных правительством по этим законам, составляли не такую уж большую долю от двух миллиардов акров государственных земель. Эта передача земель помогла заселить обширные территории, создать на них учебные заведения и проложить по ним стальные рельсы.

Приняв законы о финансировании войны, освобождении рабов и инвестировании государственных земель в будущее развитие, 37-й Конгресс сделал больше для изменения русла национальной жизни, чем какой-либо другой за всю историю. По меткому выражению одного ученого, этот Конгресс набросал «черновой чертеж современной Америки». Это также содействовало тому, что историки Чарльз и Мэри Бирд назвали «второй американской революцией», — процессу, в рамках которого «капиталисты, рабочие и фермеры Севера и Запада отстранили от власти земледельческую аристократию Юга... радикально изменив систему классов, накопления и распределения богатств и курс промышленного развития, а также унаследованную от отцов-основателей Конституцию»⁴⁶. Эта новая Америка крупного бизнеса, тяжелой промышленности и капиталоемкого сельского хозяйства обогнала Британию, к 1880 году стала лидирующей промышленной державой и большую часть XX века оставалась главным в мире поставщиком зерна. Вероятно, она возникла бы, даже если бы Гражданской войны не случилось, но именно война определила форму этого нового общества, и принятые 37-м Конгрессом законы, разрешившие приобретать военные облигации за «гринбеки», а выплаты получать золотом (способствовавшие концентрации инвестиционного капитала); законы, по которым южная собственность была конфискована, а северная промышленность усилилась за счет расширения внутренних рынков; законы, защитившие эти рынки таможенными пошлинами и улучшившие доступ к ним с помощью субсидирования транспортной системы; законы, распредившие государственные земли и усовершенствовавшие их возделывание; законы, рационализировавшие финансовую и кредитную систему страны, — эти законы

46 Curry L. P. *Blueprint for Modern America: Nonmilitary Legislation of the First Civil War Congress*. Nashville, 1968; Beard C. A., Beard M. R. *The Rise of American Civilization*, 2 vol. NY, 1927. II. P. 53—54.

действительно помогли создать будущее, в достаточной степени отличающееся от прошлого, чтобы говорить о революции.

В этой революции, бесспорно, было много парадоксального. Конгрессмены от западных штатов были самыми яркими сторонниками актов о законном платежном средстве и о национальных банках, так как хотели устранить нестабильность финансовой и кредитной системы, ее различия от региона к региону, от чего больше страдал Запад. Конгрессмены и банкиры из восточных штатов, скорее довольные существующей системой, относились к этим законам равнодушно либо выступали против них. Представители Запада также приветствовали правительственную помощь в строительстве трансконтинентальной железной дороги, тогда как жители Востока, уже имевшие хорошую транспортную систему, проявляли меньше энтузиазма. И все же в результате принятия этих законов в национальной кредитной, транспортной и рыночной системе возросло преобладание именно восточных банкиров, торговцев и инвесторов. К 1890-м годам фермеры Запада и Юга начали борьбу против своего «рабства» у восточной «власти капитала», которая, по их утверждениям, выжимала из них все соки. Еще в 1830-х годах джексонские ремесленники и мелкие фермеры с подозрением наблюдали за революцией транспортной системы, ростом банков и эволюцией основанного на наемном труде капитализма, казалось угрожавшего их республиканской независимости. К 1890-м годам эта экономическая система распространилась до самых отдаленных уголков страны. Вероятно, это был последний раз, когда недовольные американцы поднялись во имя джефферсоновских республиканских принципов в контрреволюционном движении против второй американской революции капитализма, основанного на свободном труде. Страну вновь сотрясал пафос регионального конфликта — на этот раз Юг и Запад выступали против северо-восточных штатов на президентских выборах, когда список популистов возглавил бывший генерал Союза, объединившийся с бывшим генералом Конфедерации, претендовавшим на пост вице-президента.

Но это тоже будет освещено в следующем томе серии. Прежде чем такое стало возможным, прежде чем «вторая американская революция» могла набросать черновик «программы современной Америки», Север должен был выиграть войну. Вероятность победы внезапно снизилась летом 1862 года, когда «Каменная Стена» Джексон и Роберт Ли пустили под откос военную машину Союза.

15.

«Чикахомини-блюз» янки Билли

I

В мае 1862 года перспективы Конфедерации выглядели безрадостными. Большая часть долины Миссисипи была занята врагом. В Виргинии сотысячная армия Макклеллана уже слышала звон колоколен Ричмонда. Корпус Ирвина Макдауэлла, расквартированный по приказу Линкольна близ Фредериксберга для защиты Вашингтона, готовился двинуться к югу и присоединиться к правому крылу армии Макклеллана. Это привело бы под Ричмонд 135 тысяч человек, что было почти в два раза больше, чем мог выставить против них Джозеф Джонстон. Хотя все предыдущее поведение Макклеллана и говорило о том, что он предпочтет осаду Ричмонда атаке, падение столицы Конфедерации все равно казалось лишь делом времени.

Следующий акт этой драмы был, однако, разыгран не под Ричмондом, а в сотне миль к северо-западу, в долине реки Шенандоа. Командующий силами мятежников в этом стратегическом районе «Каменная Стена» Джексон получил в свое распоряжение одну из дивизий армии Джонстона, что довело численность его группировки до 17 тысяч человек. Командиром дивизии был Ричард Юэлл, лысеющий эксцентричный холостяк 45 лет, чей напоминавший клюв нос и привычка склонять голову вбок делала его похожим на хищную птицу, высматривающую добычу. Все в Юэлле казалось странным, начиная с вызванной язвой диеты, состоявшей из сваренной в молоке

пшеницы с изюмом и яичным желтком, и заканчивая его манерой сквернословить пришепелявая. Но если Юэлл и служил постоянным объектом солдатских острот, то Джексон был куда более странной личностью. Одетый в старую шинель, которую он носил еще в войну с Мексикой, и в курсантскую фуражку Виргинского военного института со сломанным козырьком, Джексон постоянно жевал лимоны, чтобы смягчить диспепсию, и не ел острые блюда, потому что (по его словам) от перца у него начинаются боли в левой ноге. Слава этого сторонника строгой дисциплины, заслуженная при Манассасе, несколько померкла из-за провала зимней кампании в Западной Виргинии, едва не вызвавшей бунт в его войсках. Будучи ревностным пресвитерианином, Джексон производил на некоторых своих боевых товарищей впечатление религиозного фанатика. Неразговорчивый, лишенный чувства юмора генерал был, что называется, себе на уме и редко разъяснял смысл своих приказов подчиненным. Постулат его стратегии — «озадачивать, запутывать и изумлять врага» — относился и к его собственным офицерам¹. До 8 мая 1862 года многие солдаты считали его сумасшедшим, однако события последующего месяца показали им, насколько хитроумным было это сумасшествие. Эти события на какое-то время превратили Джексона в главного героя Юга, пока этот «титул» не отобрал у него еще более хитрый лис, лишенный к тому же фанатического пыла, — Роберт Ли.

Именно Ли развязал Джексону руки в долине Шенандоа. Будучи военным советником Джефферсона Дэвиса, Ли вынашивал план провести отвлекающий маневр в долине, чтобы предотвратить соединение корпуса Макдауэлла с основными силами Маккеллана. Ранее, после мартовского сражения при Кернстауне, командование северян отменило перевод сил из долины Шенандоа на восточновиргинский театр военных действий, но теперь одна из трех дивизий Натаниэла Бэнкса, стоявшего к западу от Блу-Ридж, уже ушла на восток, а вторая собиралась последовать за ней. Ли рассчитывал, что атака Джексона вынудит их вернуться обратно. Это было первой проверкой оборонительно-наступательной стратегии Ли, которая впоследствии станет его визитной карточкой. До самой гибели Джексона Ли предназначал его мобильному отряду роль своего стратегического авангарда. Вот и теперь Джексон серией маневров действительно озадачил, запутал и изумил врага.

1 *Imboden J. Stonewall Jackson in the Shenandoah // Battles and Leaders. II. P. 297.*

В начале мая Джексон повел часть своей группировки к востоку через Блу-Ридж. Разведчики федералов доносили, что он движется к Ричмонду, причем так же полагали и его собственные подчиненные. Но когда они прибыли к железной дороге близ Шарлоттсвилла, Джексон посадил войска на поезда, которые вновь отвезли их на запад через Блу-Ридж к Стонтону. Там Джексон лично возглавил отряд из 9000 человек, Макдауэлл вывел их через горные проходы в нескольких милях от Стонтона к деревне, где разбил вдвое меньшие по численности силы северян. Эти «синие мундиры» были частью 25-тысячной армии, собираемой Джоном Фримонтом для 250-мильного маршброска к югу с целью захвата Ноксвилла. Авторство этого неосуществленного плана принадлежало романтику Фримонту и самому Линкольну, желавшему освободить восточную часть Теннесси. Неожиданная атака Джексона прекратила кампанию, прежде чем та успела начаться.

«Каменная Стена» повернул со своими людьми обратно в долину Шенандоа к Гаррисонбергу. Единственная оставшаяся в распоряжении Бэнкса дивизия недавно отошла оттуда на север к Страсбергу, где и окопалась. Джексон сделал вид, будто пошел по ее следам, но около Ньюмаркета внезапно повернул на восток через гряду Массануттен-Маунтин, которая в этом месте делит долину Шенандоа на две меньшие долины. Джексон в течение долгих часов изучал карты долины, составленные его блестящим топографом Джедедией Хотчкиссом, и теперь потраченное время воздалось сторицей. Пока стремительная кавалерия Джексона под командованием Тёрнера Эшби для отвода глаз шла галопом вдоль железной дороги на Страсберг, заставляя Бэнкса считать, что мятежники пойдут именно туда, основные силы конфедератов двинулись в долину Лерэй к востоку от Массануттен-Маунтин. Здесь, близ Фронт-Ройала, 23 мая объединенная группировка Джексона и Юэлла опрокинула небольшой передовой отряд федералов. Таким образом, Джексон оказался всего в десяти милях от фланга Бэнкса с силами, более чем вдвое превышавшими численность дивизии северян.

Во время этих стремительных, сбивавших противника с толку маневров Джексону помогали местные разведчики, знавшие каждый фут местности. У союзных командиров такого преимущества не было, более того, жители долины Шенандоа, такие как Белль Бойд из Фронт-Ройала, постоянно информировали Джексона о перемещении федеральных войск. Бэнкс вынужден был противостоять не только армии Джексона, но и враждебному населению. С этой

проблемой сталкивалась любая армия Союза, вторгавшаяся на территорию Конфедерации; в этом одна из причин, по которой война считается не только войной вооруженных сил, но и гражданской.

Нетерпимый к человеческим слабостям, Джексон вел свою пехоту в ураганном темпе. «Он обвинил всех слабых и изнуренных солдат, в изнеможении валивших на обочину, в недостатке патриотизма, — отмечал один из его офицеров. — Если лицо человека было бело как мел, а пульс едва прощупывался, он считал такого неумелым солдатом и нетерпеливо проходил мимо». Юэлл понял настроения в колонне и приказал солдатам освободиться от любой необязательной поклажи. «Мы можем маршировать с одним лишь провиантом и боеприпасами, — заключил он. — На пути к славе не должно быть много багажа»². Босые, натершие мозоли и смертельно уставшие люди Джексона, прошедшие за две недели 160 миль и участвовавшие в двух битвах, больше уже не называли своего командира «старым дураком». Теперь он был «Старина Джек», и они с гордостью именовались его «пешей кавалерией».

Гордость эта еще понадобится им для укрепления боевого духа, так как их ждали куда более тяжелые марши и сражения. Когда Бэнксу стала очевидна вся незавидность его положения, он спешно отступил от Страсберга на заранее подготовленные позиции к Уинчестеру, который находился в двадцати милях к северу. 24 мая уставший отряд Джексона захватил обоз Бэнкса с горами провизии. Основные силы северян успели к Уинчестеру первыми и изготовились к битве. Туманным утром 25 мая около 15 тысяч мятежников штурмовали позиции 6000 янки на холмах к югу и западу от города. После ожесточенного боя федералы были разбиты и бежали к северу под защиту вод Потомака, протекавшего в 35 милях от места битвы. Недисциплинированные кавалеристы Эшби превратились в мародеров, разграбив лагерь северян и захватив лошадей. Без кавалерии, с одной лишь падавшей с ног пехотой Джексон не мог преследовать отступавших в панике «синемундирников». Как бы то ни было, победы при Фронт-Ройале и Уинчестере позволили южанам захватить по меньшей мере 2000 пленных, 9000 ружей и такое изобилие съестных припасов и лекарств, что люди Джексона прозвали своего противника «интендант Бэнкс».

Действия Джексона окончательно отвлекли внимание врага от Ричмонда, на что и рассчитывал Ли. Когда 24 мая Линкольн узнал

2 Foote S. Civil War. I. P. 426; O. R. Ser. I. Vol. 12, pt. 3. P. 890.

о захвате Джексоном Фронт-Ройала, он немедленно принял два решения. Первым делом он приказал Фримонту перебросить свои войска в долину Шенандоа в район Гаррисонберга, откуда они могли выйти в тыл Джексону и атаковать его арьергард. Во-вторых, он приостановил движение Макдауэлла от Фредериксберга на Ричмонд и приказал безотлагательно направить две дивизии в долину для атаки фланга армии Джексона. И Макклеллан, и Макдауэлл в один голос утверждали, что такие действия сыграют только на руку противнику. «Это будет сокрушительным ударом для нас, — телеграфировал президенту Макдауэлл. — Я ничего не приобрету там, и многое потеряю здесь»³. Тем не менее он подчинился приказу и послал назад в долину Шенандоа дивизию Джеймса Шилдса, которую Бэнкс отправил ему всего несколько дней назад. Находясь в телеграфном пункте военного министерства, Линкольн отбивал телеграммы троим командующим: Фримонту, Бэнксу и Макдауэллу, стремясь расставить их как фигуры на шахматной доске. Но его генералы либо были слишком медлительны, либо двигались не в тех направлениях. Вместо того чтобы спуститься в долину Шенандоа около Гаррисонберга, Фримонт, столкнувшись с незначительными силами противника, захватившими перевалы, прошел еще сорок миль к северу и спустился туда в районе к северо-западу от Страсберга. Это привело Линкольна в ярость, ибо позволяло 16-тысячному отряду Джексона уйти от преследования на юг через Страсберг, прежде чем 15 тысяч Фримонта и 10 тысяч Шилдса (еще один 10-тысячный отряд на подходе) окружат его с запада и востока.

Именно так и случилось. После сражения при Уинчестере Джексон оказался в нескольких милях от Харперс-Ферри, чтобы создать впечатление того, что собирается форсировать Потомак. 30 мая его войско было вдвое дальше от Старсберга, чем пытавшиеся окружить его Фримонт и Шилдс. На пути северян находился лишь небольшой отряд кавалерии, однако командующих войсками Союза охватило внезапное оцепенение. 30 мая «пешая кавалерия» Джексона маршировала к югу день и ночь, пока «синие мундиры» медлили. 1 июня мятежники очистили Страсберг и из последних сил поспешили на юг. Очнувшиеся наконец Фримонт и Шилдс следовали за ними по пятам. Несколько дней прошли в упорной погоне: Фримонт преследовал Джексона по дороге, проходившей по долине, а Шилдс параллельным курсом продирался на юг восточнее Массануттен-Маунтин.

3 CWL. V. P. 232—233.

Кавалерия Эшби сожгла четыре моста, чтобы задержать преследование федералов. Также состоялись несколько арьергардных кавалерийских боев, в одном из которых был убит Эшби, получивший ореол романтического героя Юга. Джексон продолжал гнать своих пехотинцев галопом. Они первыми успели к единственному неповрежденному мосту через реку Шенандоа в районе Порт-Рипаблик в южной оконечности долины, как раз там, где Джексон пять недель назад начал свой «анабасис». За это время дивизия Джексона прошла свыше 350 миль (дивизия Юэлла — лишь 200) и выиграла три сражения. Сейчас они остановились для еще одной битвы.

8 июня войска Фримонта расположились напротив дивизии Юэлла, вставшей в трех милях к северу около деревушки Кросс-Кис. Фримонт руководил атакой крайне неудачно. Хотя он и превосходил Юэлла с одиннадцатью тысячами бойцов против шести, на фланг южан он повел лишь часть своей пехоты. После того как атака была отбита, Фримонт ввязался в артиллерийскую дуэль, закончившуюся вничью. Ответом на робкую попытку северян было характерное для Джексона смелое решение. Его 15-тысячная армия была зажата между двумя группировками врага, чьи объединенные силы, по его расчетам, превышали его собственные по крайней мере на 50%. Безопасным выходом стал бы отход к ближайшему перевалу через Блу-Ридж, который было легко оборонять, однако федеральные отряды Фримонта и Шилдса были отделены друг от друга рекой, которую невозможно было пересечь вброд, тогда как войска Джексона удерживали единственный мост. В ночь с 8 на 9 июня Джексон приказал Юэллу оставить перед Фримонтом символическое прикрытие, а остальную дивизию направить к Порт-Рипаблик. Джексон намеревался опрокинуть авангард Шилдса, а затем быстро вернуться назад и атаковать Фримонта. Однако осуществлению этого плана помешало упорное сопротивление двух бригад Шилдса. Три тысячи «синих мундиров» на протяжении трех часов сдерживали семь или восемь тысяч, брошенных в бой Джексоном. Превосходящие силы в конце концов взяли верх, но к тому времени армия Джексона была слишком измучена, чтобы атаковать еще и Фримонта, который не вмешался в кровавые события утра 9 июня. Обе стороны отошли и перегруппировали силы. Той ночью Джексон отошел к ущелью Браунс-Гэп в хребте Блу-Ридж.

Кампания Джексона в долине Шенандоа стала образцом военного искусства и по сей день служит в военных школах примером того, как скорость движения и использование нюансов местности

могут компенсировать меньшую численность войск. 17-тысячная армия Джексона переиграла три разрозненные группировки врага общей численностью 33 тысячи человек и выиграла пять сражений, причем во всех из них (кроме Кросс-Кис) Джексону удавалось выставить на поле боя превосходящие силы. Самым же важным было то, что Джексон отвлек 60 тысяч федералов от выполнения других задач и воспрепятствовал двум главным стратегическим планам противника: появлению группировки Фримонта в Восточном Теннесси и соединению Макдауэлла с правым флангом армии Макклеллана под Ричмондом. Победы Джексона в долине Шенандоа окутали ореолом непобедимости его самого и его «пешую кавалерию». Победная традиция южан на виргинском театре, начатая в битве при Манассасе, была продолжена. Подводя итоги кампании в долине Шенандоа, один рядовой мятежников писал: «Генерал Джексон „держал их на прицеле” от начала и до конца»⁴. Этот солдат употребил выражение в сугубо прикладном значении, но оно также верно и с точки зрения психологии. В глазах многих северян «Каменная Стена» стал кем-то вроде исполина; он взял их на мушку психологически и не отводил прицел до самой своей гибели год спустя.

Вполне вероятно, что решение Линкольна вернуть корпус Макдауэлла для преследования Джексона было стратегическим просчетом, а может быть, даже прав был Макклеллан, назвав его фатальной ошибкой. Но если бы союзные командующие действовали хотя бы вполнину с той же энергией, что и Джексон, они вполне могли окружить и уничтожить его силы. С другой стороны, если бы корпус Макдауэлла присоединился к Макклеллану, весь предыдущий опыт командования последнего практически не оставил бы сомнений в том, что он так и не отважится решительно атаковать Ричмонд.

II

Делающая на протяжении нескольких миль изгиб к северу от Ричмонда река Чикахомини потом течет на юго-восток и впадает в реку Джемс на полпути к югу от Полуострова. Чикахомини сыграла важную роль в обороне Ричмонда. Обычно спокойная и мелководная, во время небывалых майских дождей 1862 года река превратилась

4 Tanner R. G. Stonewall in the Valley: Thomas J. „Stonewall” Jackson's Shenandoah Valley Campaign Spring 1862. Garden City (NY), 1976. P. 259.

в бурный поток, разделивший надвое кольцо союзных войск, окруживших Ричмонд. Макклеллан расположил более половины армии на северном берегу Чикахомини, чтобы прикрыть обоз с припасами и встретить Макдауэлла, который, как ожидалось, должен был подойти с севера. Коммуникацию между флангами армии Макклеллана обеспечивали несколько импровизированных мостов, которые разбушевавшаяся река могла смыть в любой момент.

С беспокойством ожидая, пока Макклеллан развернет свою осадную артиллерию, Джефферсон Дэвис настоятельно рекомендовал Джозефу Джонстону нанести контрудар по северянам. Джонстон, уступая давлению, решил атаковать более слабый левый фланг федералов на южном берегу реки. С помощью подкреплений из Северной Каролины численность его войск выросла до 75 тысяч человек. Тропический ливень 30 мая был для конфедератов поистине Божьим даром, так как он разрушил почти все мосты через Чикахомини, дав, таким образом, южанам численное превосходство над двумя изолированными корпусами северян к югу от реки.

Однако запланированная ранним утром следующего дня атака Джонстона сразу пошла не так. Неправильно понятый устный приказ побудил Джеймса Лонгстрита направить свою дивизию не по нужной дороге, где она внесла беспорядок в действия двух других дивизий, вследствие чего атака была отложена до полудня. Когда же наступление наконец началось, оно из-за плохого взаимодействия штабов проходило вразнобой: одна бригада вступала в бой после другой. Конфедератам удалось оттеснить левый фланг северян на милю к деревне Севен-Пайнс, которая находилась в семи милях к востоку от Ричмонда, однако на правом фланге федералов командующий 2-м корпусом 65-летний Эдвин «Бык» Самнер навел понтонный мост и по щиколотку в воде переправился через реку, после чего отбросил южан, вынудив их зализывать ночью раны около железнодорожной станции Фэйр-Оукс. На следующий день и без того не самый жаркий бой сошел на нет после подхода из-за Чикахомини свежих соединений северян, прогнавших южан с того клочка земли, который они отвоевали накануне.

По словам командующего артиллерией армии Джонстона, битва при Севен-Пайнс (или Фэйр-Оукс) была беспорядочной, «феноменально неуправляемой» со стороны южан⁵. Большинство из 42 тысяч солдат с обеих сторон сражались небольшими обособленными

5 Dowdey C. The Seven Days: The Emergence of Robert E. Lee. NY, 1964. P. 4.

группками среди густого леса и на болотистых пустошах, где раненые солдаты вынуждены были хвататься за жерди или пни, чтобы не утонуть в грязи. Если кто и выиграл битву, то, конечно, федералы с 5000 убитых и раненых (у южан потерь было на тысячу больше). Самой значительной потерей мятежников был Джозеф Джонстон, раненный осколком снаряда и пулей в плечо навывлет вечером 31 мая. Дэвис заменил его Робертом Ли, быстро понявшим всю тщетность боя и выведшим войска из битвы уже 1 июня.

Когда Ли принял командование вновь созданной Северовиргинской армией, мало кто на Юге разделял высокое мнение Дэвиса об этом немногословном виргинце. «Убегающий Ли, — ерничала *Richmond Examiner*, вспоминая его западновиргинскую кампанию, — который никогда еще не сражался лицом к лицу с захватчиками». По другую сторону баррикад Макклеллан приветствовал перемены в командовании южан, так как считал Ли «осторожным и неспособным принять на себя ответственность... равно как робким и нерешительным в бою»⁶.

Если какой-нибудь психиатр попытается понять причины поступков Макклеллана, то он сможет многое почерпнуть из этих слов, скорее рисующих портрет самого Макклеллана, но не говорящих ни малейшей толики правды о Роберте Ли. Последний не обращал внимания на критиков и стремился реорганизовать свою армию, чтобы та соответствовала его наступательно-оборонительной стратегии. Первые шаги Ли были направлены на усиление позиций. Он отправил своих солдат укреплять траншеи и иные фортификационные сооружения вокруг Ричмонда, чем заслужил новое насмешливое прозвище «Король лопат». Но вскоре стало ясно, что Ли не стремится отсиживаться в окопах. Напротив, он говорил Дэвису: «Я готовлю линию укреплений, которую можно удерживать с меньшей частью наших сил», чтобы большей стремительно атаковать незащищенный правый фланг армии Макклеллана к северу от Чикахомини⁷.

Ли знал, что этот фланг «висит в воздухе» (то есть не защищен естественным или искусственным образом: с помощью реки, прямоугольных укреплений и т. д.), благодаря блестящему рекогносцировочному рейду кавалерии Джеба Стюарта. 29-летний Стюарт уже стяжал

6 Strobe H. Jefferson Davis: Confederate President. New York, 1959. P. 220; Foote S. Civil War. I. P. 465.

7 Dowdy C. The Seven Days... P. 132.

себе военную славу, но честолюбие его было безграничным. Одетый в высокие, доходившие ему до колена кавалерийские сапоги и длинные, до локтя, перчатки, плащ в красную полосу с желтым поясом и фетровую шляпу с загнутыми вверх полями, увенчанную страусиным пером, Стюарт смотрелся удалым всадником, каким и старался быть. Также он был превосходным кавалерийским командиром, особенно искусным в том, что касалось сбора информации о диспозиции и передислокации вражеских соединений. На данном этапе войны в достижении этой и других задач, обычно выполняемых кавалерией (пресечение действия вражеской конницы, патрулирование и охрана флангов с целью предотвращения внезапных атак, преследование разбитой пехоты противника), войска мятежников превосходили северян. Отпрыски благородных семейств Виргинии выросли в седле, что позволяло им в буквальном смысле гарцевать вокруг непривыкших к лошадям янки, поэтому когда Ли 10 июня приказал Стюарту выяснить численность и расположение частей на правом фланге федералов, тот был готов действовать.

12 июня во главе отборного отряда из 1200 всадников он поскакал к северу от Ричмонда, затем повернул на восток и переправился через верховья Чикахомини, попутно разметав малочисленные вражеские дозоры. Успех Стюарта в немалой степени облегчила неудачная организация кавалерийских подразделений северян, которые были распределены по всей армии в виде разрозненных эскадронов и полков, тогда как конница южан была сведена в отдельную дивизию. Отряд Стюарта установил местоположение 5-го корпуса Фицджеральда Портера, оставленного Макклелланом на северном берегу Чикахомини, пока остальная армия переправлялась на другой берег. Стюарт выполнил свое задание, но не мог не знать, что обнаружил себя, поэтому возвращаться тем же путем было опасно. Зато продолжение рейда, объезд позиций всей армии Макклеллана мог сбить погоню со следа. К тому же это было почти подвигом; словом, Стюарт уже предвкушал хвалебные газетные заголовки. Итак, он двинулся дальше, побеждая в мелких стычках. Ему удалось захватить 170 солдат противника и вдвое больше лошадей и мулов, а также уничтожить склады припасов. День и ночь он провел в пути, в стороне от больших дорог; его сопровождали солдаты из числа местных жителей. После этого он переправился через бурлящую Чикахомини по временному мосту, который мятежникам удалось сжечь буквально за несколько минут до того, как преследовавшая их кавалерия федералов вылетела на берег и в бессилии подняла лошадей на

дыбы. Удальцы Стюарта завершили рейд по позициям противника и, избегая дальнейших стычек, 16 июня вернулись в Ричмонд, проведя в пути четыре дня и сто миль. Этот доблестный рейд принес Стюарту всю славу, о которой он только мог мечтать. Также он получил и огромное личное удовлетворение, так как одним из командующих кавалерией северян был его тесть, Филип Сент-Джордж Кук, уроженец Виргинии, чье решение остаться верным Союзу возмутило Стюарта. «В один прекрасный день он об этом пожалеет, — поклялся Джеб, — и будет жалеть всегда»⁸.

Ли получил необходимую ему информацию, к тому же он знал, кому доверить наступление: Джексону. Армия Джексона должна была незаметно подойти из долины Шенандоа и обрушиться на корпус Портера с фланга, тогда как три дивизии армии, защищавшей Ричмонд, должны были перейти Чикахомини и в то же самое время атаковать его с фронта. Разумеется, опасность заключалась в том, что, пока Ли концентрировал 60-тысячную группировку против 30-тысячного корпуса Портера на северном берегу Чикахомини, 75-тысячная армия «синих мундиров» на ее южном берегу вполне могла разбить 27 тысяч оставшихся перед ней конфедератов и войти в Ричмонд. Однако Ли уже раскусил Макклеллана — союзный командующий, как обычно, полагал, что его как с севера, так и с юга от Чикахомини окружают превосходящие силы врага.

Все это время Макклеллан бомбардировал Вашингтон телеграммами, где объяснял, почему до сих пор не может начать наступление: дороги были слишком мокрыми; артиллерия готова не полностью; требовалось время для переформирования частей, разбитых при Севен-Пайнс (Фэйр-Оукс), куда к тому же нужно было включить и одну из дивизий, присланных наконец Макдауэллом; и когда, кстати, недоумевал Макклеллан, к нему собирается присоединиться оставшаяся часть корпуса Макдауэлла? 24 июня Макклеллан через разглядел приближение Джексона. На следующий день он телеграфировал Стэнтону: «По нашим оценкам мятежники сосредоточили 200 тысяч, включая армию Джексона [в действительности там было менее 90 тысяч]... Снова и снова я должен сражаться с превосходящими силами... Если [армия] будет разбита несметными вражескими полчищами... то ответственность за это нельзя возлагать на меня — она должна остаться на тех, на ком она лежит сейчас»⁹.

8 Foote S. Civil War. I. P. 472.

9 O. R. Ser. I. Vol. 11, pt. 1. P. 51.

Ли атаковал на следующий день, 26 июня. Это был второй день сражения, вошедшего в историю как Семидневная битва¹⁰. Сражение началось неблагоприятно для южан. Ли планировал ранним утром обрушиться на фланг корпуса Портера силами отряда Джексона, но солнце уже стояло в зените, а на поле боя по-прежнему было тихо. Ли испытывал беспокойство — Джексон все не появлялся. Не в силах больше ждать, импульсивный Эмброуз Хилл в полдень повел свою дивизию в атаку против равных по численности (16 тысяч) сил северян, укрепившихся за Бивер-Дам-Крик около Меканиксвилла, в шести милях к северо-востоку от Ричмонда. Дело окончилось бойней: мятежники потеряли убитыми и ранеными около 1500 человек, тогда как янки только 360. Все это время три дивизии Джексона находились всего лишь в нескольких милях к северу, но их командир не сделал попытки поспешить на помощь Хиллу.

Не существует ни одного удовлетворительного объяснения внезапной апатии Джексона. Кавалерия северян препятствовала его наступлению, а дровосеки валили деревья, перегораживая дорогу, и сжигали мосты через ручьи. Однако в долине Шенандоа «пешая кавалерия» Джексона не обращала на это внимания, почему же она медлила сейчас? Наиболее вероятным объяснением этого факта является истощенность солдат и (что еще более важно) самого Джексона: после полуторамесячного рейда по долине Шенандоа он отдыхал лишь несколько часов. Нетерпимый к слабостям других, он отказывался признаваться в них сам. Это привело к тому, что он впал в совершенно незапланированное забытье как раз во время решающих стычек Семидневной битвы¹¹.

Несмотря на «полную победу» при Меканиксвилле, Макклеллан, именно так описавший ее, и не помышлял о дальнейшем наступлении. Узнав о подходе Джексона к своему правому флангу, в ночь с 26 на 27 июня он отдал приказ Портеру отступить на четыре мили на еще более крепкие позиции на высотах за Боусн-Свомп, около Гейнс-Милл. Полагая, что эшелонам с боеприпасами на северном берегу Чикахомини угрожает опасность вследствие наступления конфедератов на правом фланге, Макклеллан решил отвести свою ставку

10 25 июня отряд федералов, проводивших рекогносцировку близ Севен-Пайнс, вступил в продолжительную перестрелку с мятежниками. Потери составили 500 человек с каждой стороны. Этот бой в дубовой роще впоследствии стал считаться первым днем Семидневной битвы.

11 Плодотворное обсуждение этого вопроса см.: *Freeman D. S. R. E. Lee: A Biography*. 4 vols. NY, 1934—1935. II. 578—582; *Freeman D. S. Lee's Lieutenants: A Study in Command*. NY, 1942—1944. I. 656—659; *Dowdey C. The Seven Days...* P. 193—202; *Tanner R. G. Stonewall in the Valley*. P. 358—360.

и весь обоз к реке Джемс на южной оконечности Полуострова. Это означало отказ от первоначального плана взять Ричмонд осадой и артиллерийскими бомбардировками, так как осадные орудия могли доставляться только с помощью поездов, а в окрестностях реки Джемс никаких железных дорог не было. Впредь Макклеллан вступал в бой только для того, чтобы прикрыть свое отступление, которое он предпочитал называть «передислокацией». Следовательно, битва при Меканиксвилле, являвшаяся тактическим поражением южан, обернулась для них стратегической победой. Первая цель плана Ли — прекращение Макклелланом осадных операций — была достигнута. Это дало командующему армией Конфедерации психологическое преимущество над противником, которое Ли уже не упустил. Даже с учетом того, что Джексон не смог атаковать 26 июня, его близость к полю сражения и слава, заслуженная кампанией в долине Шенандоа, привели к тому, что янки по-прежнему были у него на мушке.

Прежде чем Ли мог воспользоваться плодами этого преимущества, ему требовалось выбить корпус Портера из окопов за Боусн-Свомп. Это обошлось южанам дорого. Атака мятежников 27 июня вновь провалилась из-за плохой связи Ли с командирами дивизий. Согласно задумке командующего Хилл должен был атаковать по центру, четыре дивизии Джексона — с правого фланга, а Лонгстрит должен был предпринять обманный удар по левому. Если бы Портеру удалось перегруппировать свои силы и отразить удар Джексона, тогда ложному маневру Лонгстрита суждено было превратиться в полноценную атаку, и все 55 тысяч конфедератов должны были бы разом атаковать 35 тысяч северян. Но Джексон снова медленно занимал позиции и вяло атаковал. И вновь дивизия Хилла сражалась практически в одиночку несколько часов под палящим солнцем, наступая через глубокое ущелье и продираясь сквозь густой лес к прекрасно расположенным позициям федералов, которые методично расстреливали южан¹². Разрозненные атаки Лонгстрита и некоторых командиров Джексона несколько ослабили давление на Хилла. Наконец уже перед заходом солнца все силы Ли двинулись в битву. Сражавшейся в центре тexasской бригаде под командованием высокого, рыжебородого, богатырски сложенного Джона Белла Худа удалось смять строй северян. Оборона Портера, прорванная в самом центре,

12 За все время Семидневной битвы потери большой дивизии Хилла (около 15% от всей армии Ли) составили 21% от всех потерь южан, тогда как потери трех дивизий Джексона (21% всей армии) — лишь 14%.

рухнула. Свежие союзные бригады, перешедшие через Чикахомини, образовали арьергард и предотвратили паническое бегство. Это позволило Портеру ночью переправить через реку большую часть людей и пушек. Тем не менее 2800 «синих мундиров» были захвачены в плен, а 4000 убиты или ранены. Впрочем, триумф конфедератов стоил Ли потери 9000 человек за шесть часов — почти столько же южане потеряли за два дня битвы при Шайло.

Макклеллан отправил на помощь Портеру 6000 человек с южного берега Чикахомини. Сосредоточенные там 69 тысяч федералов оставались безучастными к двухдневному кровавому столкновению, проходившему на другом берегу реки. Их командиры были прикованы к месту, зачарованные повторением театрального представления, устроенного «Принцем Джоном» Магрудером. Оставленный генералом Ли во главе 27 тысяч защитников Ричмонда Магрудер приказал своим войскам вести себя как можно более агрессивно. Актеры в серых сценических костюмах исполняли свои роли с энтузиазмом. Артиллерия разразилась серией залпов, пехота развернулась в боевое построение и стала прощупывать оборону северян, офицеры зычными голосами отдавали приказы воображаемым полкам в лесу. Некоторые союзные генералы попались на крючок и сообщили Макклеллану, что многочисленные силы мятежников угрожают прорвать фронт. Таким образом, 27 июня федералы, имея подавляющее превосходство в силах, упустили возможность перейти в контрнаступление к югу от Чикахомини. Вместо этого в 8 часов утра Макклеллан телеграфировал Стэнтону о том, что его на обоих берегах реки «атаковали превосходящие силы противника»!¹³

В действительности Потوماкская армия пребывала в боеспособном состоянии, несмотря на поражение у Гейнс-Милл, но у Макклеллана была психология проигравшего. После полуночи он опять послал телеграмму Стэнтону: «Я потерпел поражение в этой битве, поскольку у меня было недостаточно сил... Правительство не оказывает поддержку моей армии... Если мне удастся спасти ее, я заявляю вам прямо, что не скажу „спасибо“ ни вам, ни любому иному лицу в Вашингтоне. Вы сделали все, чтобы принести армию в жертву». Макклеллан избежал отстранения от командования после подобной реплики только благодаря полковнику на телеграфном пункте, не рискнувшему передать две последние фразы¹⁴.

13 O. R. Ser. I. Vol. 11, pt. 3. P. 266.

14 Ibid. Pt. 1. P. 61.

Когда Макклеллан отводил свою армию к реке Джеймс, Ли рассчитывал ударить ему во фланг, пока армия была еще на марше. Он наметил новый план, согласно которому девять дивизий конфедератов должны были пройти по шести различным дорогам и сойтись для схватки с отступающими «синими мундирами». Но плохое функционирование штаба, неточные карты местности, дорожные препятствия, нерешительность дивизионных командиров (особенно Магрудера и Бенджамина Хугера), упорное сопротивление янки и (в который раз) пассивность Джексона разрушили планы Ли. Первая неудача произошла 29 июня в Сэвидж-Стейшн, в трех милях к югу от Чикахомини. Три союзные дивизии образовали арьергард для защиты полевого госпиталя и обеспечения прохода длинного эшелона с припасами на юг. Ли приказал Магрудеру атаковать северян с запада, пока Джексон обойдет их правый фланг с севера. Но Джексон весь день провозился с восстановлением моста, вместо того чтобы форсировать реку вброд. В конце концов Магрудер бросился в атаку один с меньшей частью своей дивизии. Янки отразили эту несостоятельную атаку, а затем отошли под покровом ночи, оставив 2500 больных и раненных в предыдущих боях, а также несколько военных врачей, решившихся на пленение добровольно.

На следующий день потерпел фиаско другой сложный план Ли по сосредоточению семи дивизий близ деревни Глендейл. Только Лонгстриту и Хиллу удалось ввести свои войска в действие, и они вели под полуденным солнцем жестокий бой против частей пяти союзных дивизий. Мятельники оттеснили янки и взяли тысячу из них в плен, но потеряли 3500 убитыми и ранеными — вдвое больше, чем противник. Джексон со своим 25-тысячным отрядом и на этот раз не внес никакого вклада в бой, фактически устранившись от участия в нем. Приблизившись к Уайт-Оук-Свомп с севера, он выслал команду восстанавливать через этот ручей мост. Когда союзная артиллерия и снайперы воспрепятствовали этому, Джексон спокойно отправился спать. Между тем его офицеры обнаружили, что броды вполне пригодны для пехоты, но Джексон, пребывая в трансе, не предпринимал ничего, пока люди Лонгстрита и Хилла истекали кровью в двух милях к югу. Провал Джексона, по словам одного историка, был «полным, катастрофическим и не имеющим оправдания»¹⁵.

У Ли оправдание было. Утром 1 июля командующий пребывал в раздраженном настроении. «Если этим людям, — так он называл

15 Dowdey C. The Seven Days... P. 308.

противника, — удастся уйти, — выговаривал он какому-то попавшему ему под руку бригадному генералу, — то только потому, что мои приказы не выполняются!»¹⁶ Федералы заняли другую оборонительную позицию (самую надежную из всех) в трех милях к югу от Глендейла на холме Малверн-Хилл, у самой реки Джемс. Холм имел 150 футов в высоту и был прикрыт с флангов глубокими лощинами с милю шириной, поэтому наступать на эти позиции можно было только в лоб по открытой местности. С фронта холм обороняли четыре дивизии Союза и 100 орудий, причем еще четыре дивизии и 150 пушек находились в резерве. Если бы эти войска не были полностью деморализованы, атаковать их было бы самоубийством. Однако Ли замечал множество признаков упадка боевого духа врага. Поспешное отступление федералов сопровождалось потерей снаряжения и оружия. Интенданты и артиллерийские офицеры южан собрали богатый урожай: 30000 единиц стрелкового оружия и 50 пушек. В предыдущие шесть дней мятежникам также удалось захватить в плен 6000 янки, и утром 1 июля они продолжали задерживать отставших от своих частей солдат. В конце концов, однако, выяснилось, что Потомакская армия, выработавшая иммунитет к различным невзгодам (что стало ее отличительной чертой), вовсе не была сломлена, чего не скажешь о ее командующем. Макклеллан телеграфировал в Вашингтон, что его «победили превосходящие силы врага»: «Я боюсь, что буду вынужден поступиться снаряжением ради того, чтобы отвести людей под защиту канонерок»¹⁷. Обладая необыкновенной способностью читать мысли командующего вражеской армией, Ли почувствовал, насколько Макклеллан пал духом, но ошибочно перенес его состояние на подчиненных.

В любом случае, разочарование Ли побудило его хвататься за любую возможность еще раз разбить «этих людей». Лонгстрит, выказавший себя наиболее способным подчиненным Ли в ходе этой кампании, поддерживал наступательный порыв, что вообще-то было для него нехарактерно. Утром 1 июля Лонгстрит обнаружил две возвышенности к северу от Малверн-Хилл, с которых он намеревался провести артподготовку и облегчить таким образом задачу пехоты. Ли распорядился сконцентрировать на них артиллерию, однако штаб в который раз сработал плохо: приказ получили лишь некоторые батареи, и их слабый огонь был без труда подавлен артиллерией

16 Freeman D. S. Lee... II. P. 202.

17 O. R. Ser. I. Vol. 11, pt. 3. P. 280, 282.

северян. Тем не менее Ли приказал начать наступление. Путаница с рассылкой приказов привела к тому, что атака получилась нескоординированной и бригады действовали сами по себе. Это позволило артиллеристам янки рассеять почти всех атакующих, позволив подойти достаточно близко лишь нескольким вражеским полкам. Возможно, единственный раз за всю войну артиллерия нанесла больший ущерб, чем ружейная стрельба¹⁸. Особенно сильно пострадала дивизия Дэниела Хилла; позже он писал, что битва при Малверн-Хилл «была не войной, а убийством»¹⁹. 5500 конфедератов, убитых и раненых в этой боине, более чем в два раза превосходили числом потери северян.

Будучи осведомлены о потерях южан, некоторые федеральные генералы хотели на следующий день организовать контрнаступление. Такое мнение разделял даже протеже Макклеллана Фицджеральд Портер. Когда вместо этого Макклеллан приказал продолжать отступление к Гаррисонс-Лэндинг на Джемсе, один из его самых боевых бригадных генералов, уроженец Нью-Джерси Филип Керни, потерявший руку еще в войне с Мексикой, воскликнул, обращаясь к остальным офицерам: «Такой приказ может быть продиктован только трусостью или изменой... Вместо того чтобы отступить, мы должны преследовать врага и взять Ричмонд»²⁰.

Со своей стороны Ли признал тщетность дальнейших атак. 20 тысяч солдат и офицеров — почти четверть всей армии — были убиты или ранены за предыдущую неделю, что вдвое превышало потери северян. Мятежники и янки сделали паузу, чтобы залечить свои раны. Несмотря на то, что «синие мундиры» во время Семидневной битвы потерпели лишь одно тактическое поражение (при Гейнс-Милл), они последовательно отступали всю кампанию, которая, таким образом, закончилась стратегической победой конфедератов со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде воздействия на боевой дух армии и настроения в тылу. Ли, тем не менее, не был удовлетворен. «Наш успех не столь значителен, как я того желал, — писал он. — Если бы все шло, как должно, армия Соединенных Штатов была бы уничтожена»²¹. Уничтожена! Такой наполеоновский максимализм доминировал в стратегическом мышлении Ли до того момента, пока

18 В целом в этой войне почти 90% всех ранений было нанесено огнем стрелкового оружия.

19 Hill D. H. McClellan's Change of Base and Malvern Hill // Battles and Leaders. II. P. 394.

20 Catton B. Mr. Lincoln's Army. Garden City (NY), 1956. P. 149.

21 Dowdey C. The Seven Days... P. 358.

год спустя он сам не был разгромлен на отлогом склоне Семетери-Ридж близ маленького городка в Пенсильвании.

Ближайшим следствием Семидневной битвы стало принятие мер для исправления недостатков в командной структуре, которые вскрыла проведенная кампания. Вследствие того что дивизии Джексона и несколько других бригад присоединились лишь накануне битвы, Северовиргинская армия не сражалась, как цельная боевая единица, а у Ли не было времени добиться четкого выполнения своих распоряжений. Поэтому сейчас он поменял нескольких офицеров, отослал неудачно проявивших себя дивизионных командиров в Техас и Арканзас, а на их место назначил способных младших офицеров. Ввиду того что проблема оперативной связи с восемью или девятью командирами дивизий во время Семидневной битвы оказалась неразрешимой, Ли разделил армию на два корпуса под командованием Лонгстрита и Джексона (хотя официальное их назначение произошло не сразу). Не существует никаких свидетельств об упреках Ли в адрес Джексона по поводу его странного поведения во время Семидневной битвы, хотя то, что Лонгстрит получил под команду более крупный корпус, может служить косвенным признаком недовольства. Как бы то ни было, вскоре Джексон пришел в себя, избавившись от вызванной чрезмерным напряжением апатии, и начал оправдывать доверие Ли, поставившего его во главе корпуса.

III

Потери в 30 тысяч убитых и раненых во время Семидневной битвы равнялись числу жертв во всех сражениях на западном театре военных действий (включая Шайло) первой половины 1862 года. Семидневная битва предопределила то, что и впредь противоборство Северовиргинской и Потомакской армий будет происходить с большим ожесточением и ущербом для обеих сторон, чем сражения всех прочих армий. Большинство солдат Потомакской армии были выходцами из северо-восточных штатов, тогда как в западных армиях в основном служили уроженцы Старого Северо-Запада. Дети фермеров, проводившие все время на свежем воздухе, считали себя лучшими солдатами, чем хилые «конторские крысы» с северо-востока. Но в действительности «бледнолицые» клерки и промышленные рабочие из Новой Англии оказались более устойчивы к болезням, походной жизни, а также лучше переносили наказания начальства и сами охотнее взыскивали с подчиненных. За время войны уровень смерт-

ности от болезней был на 43% выше среди солдат, живших к западу от Аппалачей, чем среди «слабосильных» уроженцев Востока, в то время как среди последних на 23% выше оказался уровень смертности от боевых ранений. Убитых на поле боя в Потомакской армии было больше, чем во всех других армиях Союза вместе взятых. 41 из 50 союзных полков, понесших наибольшие потери в боях, был приписан к этой армии. На Юге же 40 из 50 аналогичных полков входили в состав Северовиргинской армии. Среди командующих армиями с обеих сторон самый высокий процент потерь был у генерала Ли²².

Одной из причин этого была приверженность Ли своей оборонительно-наступательной концепции, которая определяла как его тактику, так и стратегию. Ли, вероятно, по достоинству заслужил репутацию лучшего тактика войны, но его успехи давались огромной ценой. В каждом эпизоде Семидневной битвы конфедераты атаковали и теряли убитыми и ранеными больше солдат, чем защитники позиций. То же характерно и для последующих сражений с участием Ли. Даже в 1864—1865 годах, когда Северовиргинская армия была прижата к стенке, а ее ресурсов едва хватало, чтобы отражать все более тяжелые удары противника, южанам порой удавалось переходить в контрнаступление. Несоответствие характера Ли — гуманного, обходительного, сдержанного и доброжелательного человека, идеала джентльмена-христианина — его рискованной, агрессивной, не останавливающейся ни перед чем тактике на полях сражений составляет один из самых резких контрастов эпохи Гражданской войны.

Некоторые битвы на западном театре, естественно, тоже превращались в пиршество смерти. Одной из причин высокой смертности на полях сражений Гражданской войны было несоответствие традиционной тактики ведения боя и современного вооружения. Тактическое наследие XVIII века и наполеоновских войн делало акцент на действиях солдат в тесном строю, синхронно маневрирующих и стреляющих залпами. Справедливости ради надо вспомнить, что уже в Войне за независимость некоторые из «граждан-солдат» сражались

22 См.: Fox W. F. *Regimental Losses in the American Civil War*. Albany, 1889. Достоверные данные о смертности от болезней и ран среди полков различных штатов армии Конфедерации получить невозможно. По командующим армиями см.: McWhiney G., Jamieson P. *Attack and Die: Civil War Military Tactics and the Southern Heritage*. University (Ala.), 1982. P. 18—23. Доля потерь в главных битвах и кампаниях Роберта Ли достигала 20%; для сравнения, в войсках под командованием Улисса Гранта — 16%.

в индейском стиле, стреляя из-за деревьев или камней, а наспех обученные ополченцы в эпоху Великой Французской революции действовали обособленными «группами стрелков». Но так происходило из-за недостатка обучения и дисциплины: идеалом для континентальной армии Вашингтона, ветеранов Наполеона, пруссаков Фридриха и «красных мундиров» Веллингтона оставались компактные, сплоченные колонны солдат-роботов.

Эта тактика ставила во главу угла наступление. Наступающие войска шли в ногу, стреляли по команде, а затем беглым шагом пересекали последние несколько ярдов и переходили в штыковую атаку. Наполеон располагал артиллерию в линии пехоты, причем орудия двигались вперед вместе с линией, чтобы наносить как можно больший урон врагу перед решающей атакой пехоты. Американцы с большим успехом использовали такую тактику во время войны с Мексикой — доктрина Вест-Пойнта приветствовала наступательные операции. Большинство высшего офицерского состава армий в Гражданскую войну сражались в Мексике и (или) учились в Вест-Пойнте; обе «школы» научили их тому, что битвы выигрывает наступление колонн пехоты, поддержанное артиллерией²³.

В Мексике кампания обошлась без больших жертв, так как основным оружием пехоты было однозарядное, заряжавшееся с дульной части гладкоствольное ружье. Максимальная дальность его стрельбы составляла 250 ярдов, а эффективность (расстояние, с которого хороший стрелок может регулярно поражать цель) — около 80 ярдов в безветренную погоду. Таким образом, наступавшие были обязаны двигаться сомкнутыми рядами, чтобы огонь этих несовершенных ружей был концентрированным. Артиллерия могла сопровождать стреляющих пехотинцев, так как расчеты были в относительной безопасности от стрелкового огня противника, если не приближаться к его позициям менее чем на 200 ярдов. Штыковая атака обычно заканчивалась успешно, так как последние 80 ярдов пехотинцы могли преодолеть беглым шагом за 25 секунд, которых обороняющимся едва хватало для того, чтобы перезарядить свои ружья для следующего залпа.

23 См.: Keegan J. *The Face of Battle*. NY, 1977; Mahon J. K. *Civil War Infantry Assault Tactics* // *Military Affairs*, 25, 1961. P. 57—68; McWhiney G., Jamieson P. *Attack and Die...*; Hattaway H., Jones A. *How the North Won: A Military History of the Civil War*. Urbana, 1983. В последней работе авторы довольно неубедительно пытаются доказать, что выпускники Вест-Пойнта привнесли в Гражданскую войну стремление к окопной обороне, а не к наступательной стратегии, однако достаточно ясно, что этот суровый урок был усвоен ими уже на полях сражений.

Нарезной ствол увеличивал дальность выстрела в четыре раза, придавая конической пуле такое вращение, что она буквально сверлила воздух. Этот факт был известен уже давно, но до 1850-х годов лишь особые полки или одна-две роты на полк вооружались нарезными ружьями. Эти роты использовались для ведения перестрелки, то есть они действовали впереди и на флангах основных сил, наступая и отходя врассыпную и стреляя с большого расстояния, выбирая мишени по своему усмотрению. Учитывая большую дальность и кучность стрельбы из нарезного ружья, почему же было не вооружить ими всех пехотинцев? Дело было в том, что пулю, подходящую для нарезного ствола, трудно было ввести в ствол. Доходило до того, что стрелки помогали шомполу молотком. После нескольких выстрелов из такого оружия в нарезках ствола скапливались частицы пороха, соответственно, перед дальнейшим использованием его нужно было чистить. Быстрая и надежная стрельба была очень важна в ходе боя, поэтому снабжение таким оружием всех пехотинцев являлось непрактичным.

Так обстояло дело до 1850-х годов. Хотя в усовершенствование нарезного оружия внесли вклад несколько человек, основные заслуги принадлежат капитану французской армии Клоду-Этьену Минье и американцу Джеймсу Бертону, оружейному мастеру завода в Харперс-Ферри. В 1848 году Минье изобрел пулю удобного для заряжания размера, в момент выстрела расширяющуюся и врезающуюся в нарезы, Бертон придумал ее более дешевый в изготовлении вариант. Так появилась знаменитая «пуля Минье», использовавшаяся в Гражданской войне. Превосходство винтовок было продемонстрировано англичанами и французами во время Крымской войны. Будучи в 1855 году военным министром, Джефферсон Дэвис перевел армию Соединенных Штатов на винтовку «спрингфилд» 58-го калибра. Наряду с похожей на нее винтовкой «энфилд» (577-го калибра, в которой использовалась такая же пуля) она стала основным оружием пехоты в Гражданскую войну.

Но так как эти винтовки оставались дульнозарядными, их эффективность была низкой. Даже самый ловкий солдат не мог сделать больше трех выстрелов в минуту. Некоторые изобретатели к 1861 году разработали образцы винтовок, заряжаемых с казенной части, но при использовании бумажного патрона (содержащего пулю и порох), бывшего тогда в употреблении, газ и пламя могли вырваться из казенника, что делало винтовку ненадежной и даже опасной для стрелка. Прогресс в решении этой проблемы сделал однозарядные карабин

и винтовку Шарпса популярными среди федеральной кавалерии и снайперов, которым удалось раздобыть их. Изобретение металлических патронов позволило северянам к 1863 году вооружить кавалерию и некоторые пехотные полки магазинными винтовками, из которых наиболее удачной был семизарядный карабин Спенсера. Пороховой заряд в таких ружьях был небольшим, и дальность стрельбы по сравнению с «бумажными» патронами «спрингфилда» и «энфилда» была соответственно меньше, к тому же они были чаще подвержены поломке. Так что дульнозарядные ружья оставались основным оружием пехоты обеих армий в течение всей войны.

Промышленность Севера за время войны выпустила более двух миллионов винтовок; Юг, будучи в состоянии произвести гораздо меньше, уповал в основном на импорт оружия сквозь кольцо блокады и на трофеи. В 1861 году ни одной из сторон не хватало винтовок, поэтому большинство солдат довольствовались старыми гладкоствольными ружьями, взятыми из арсеналов. В 1862 году большая часть полков северян получила «спрингфилды» или «энфилды», в то время как конфедераты преимущественно обходились все теми же старыми ружьями. Это стало одной из причин больших потерь южан в Семидневной битве. К 1863 году почти все пехотинцы обеих армий имели на вооружении винтовки.

Переход от гладкоствольного оружия к нарезному имел два важных последствия: увеличилось количество жертв и качественно усилилась оборона. Офицеры, воспитанные в рамках старых тактических догм, с трудом осознавали эти перемены. То и дело генералы обеих армий требовали наступать в традиционном сомкнутом строю. С расстояния 300—400 ярдов оборонявшиеся из винтовок косили наступающих. Значение артиллерии как наступательного рода войск падало, потому что точность стрельбы на дальнейшее расстояние была невысока, а сопровождать пехоту до вражеских позиций пушки более не могли, так как снайперы могли подстрелить канониров, а тем более лошадей с расстояния в полмили. Снайперы также охотились на офицеров, что помогает понять, почему потери среди командного состава и особенно генералов были выше, чем среди низших чинов. Офицеры с обеих сторон стали по возможности избегать ездить верхом, а также надевали форму младших чинов с нашитым на ней знаком различия, позволявшим определить звание. Бой конницы с пехотой, и без того «выходивший из моды», ушел в историю после появления винтовок, которые могли уложить лошадь задолго до того, как всадник успевал достать саблю или воспользоваться пистолетом.

Гражданская война ускорила эволюцию боя кавалерии в спешенном порядке, и лошадь все больше превращалась в транспортное средство, теряя значение оружия.

Время шло, и накапливавшийся опыт солдат подсказывал им новые тактические приемы, обусловленные применением винтовок. Пехотные соединения ослабили строй и превратились в подразделения, где солдаты двигались вперед стремительными бросками, используя укрытия на местности для перезарядки оружия перед очередным броском на следующие несколько ярдов. Теперь солдаты действовали группами по два-три человека, чередуя стрельбу и зарядку своих винтовок, обеспечивая таким образом непрерывный, а не залповый огонь. Однако офицерам было тяжело контролировать крупные части, применявшие подобную тактику. Это ограничивало применение рассыпного строя и в отдельных случаях вынуждало использовать сомкнутый строй вплоть до конца войны.

Если тактика рассыпного строя порой приносила успех при взятии вражеских позиций приступом, она не могла возобладать при тактическом наступлении, особенно когда обороняющаяся сторона стала при любом удобном случае рыть траншеи и сооружать брустверы, как происходило в 1863 и 1864 годах. Опытным путем было установлено, что атакующие должны иметь по меньшей мере трехкратное превосходство, чтобы успешно преодолеть траншеи, защищаемые подготовленным противником. Артиллерия, у которой нарезное оружие отняло немалую часть атакующего потенциала, лучше всего проявляла себя при обороне, поливая наступающих пехотинцев шрапнелью или картечью (как было при Малверн-Хилл). Несмотря на отдельные успехи тактических лобовых атак (победы конфедератов при Гейнс-Милл, Ченселорсвилле и Чикамоге или северян при Мишенери-Ридж и Сидар-Крик), обороняющимся обычно удавалось их отражать. Даже когда траншеи были взяты, цена успеха была обычно слишком высока. Пропитанные романтизмом войны, упивавшиеся «наступлением» и «доблестью» солдаты-южане в Семидневной битве понесли жестокие потери именно вследствие своих атак. Дэниел Хилл был вправе размышлять, воскрешая в памяти груды тел перед позициями северян под Гейнс-Милл: «Все считали за великую доблесть взять артиллерийскую батарею или линию земляных укреплений силами пехоты... Наша кровь лилась в те дни необыкновенно щедро»²⁴.

24 Hill D. H. Lee's Attacks of the Chickahominy // Battles and Leaders. II. P. 352.

В 1862 и 1863 годах армии Конфедерации переходили в тактическое наступление в шести из девяти битв, в которых количество потерь с обеих сторон превышало 15 тысяч убитых и раненых. Хотя им удалось победить в двух из них (Ченселлорсвилл и Чикамога) и достичь стратегического успеха в третьей (Семидневной), общие потери южан в этих шести сражениях составили 89 тысяч человек (на 20 тысяч больше, чем у федералов). Весной 1864 года ситуация изменилась, когда войска Гранта потеряли едва ли не в два раза больше людей, чем армия Ли, когда янки наступали от Уилдернесса до Питерсберга. Достижение победы посредством устаревших методов тактического наступления оказалось несбыточной мечтой в век новой винтовки. Тактическое господство оборонительных построений помогает понять, почему Гражданская война оказалась столь долгой и кровопролитной. Винтовка и окопы доминировали на полях сражений Гражданской войны в той же мере, что и пулемет и окопы во время Первой мировой.

IV

Утром 2 июля 1862 года кавалерийский офицер союзной армии осматривал поле битвы, окутанное мгlistым туманом. «Пока не рассеялся туман, только наши уши слышали крики тысяч агонизирующих раненых, — писал он двадцать лет спустя, когда его воспоминания все еще были живы, — но вскоре ужасающее зрелище на склонах холмов открылось нашим глазам. На земле лежало свыше пяти тысяч убитых и раненых... Живых было немало, и они двигались, поэтому казалось, что само поле битвы куда-то ползет»²⁵. Стороны заключили перемирие, чтобы предать земле мертвых и оказать помощь раненым. Эти действия обнажили ужасы войны в еще большей степени, чем сама битва. «Сама картина и запах, который сопровождал нас, были просто неопишутемы, — писал конфедерат из похоронной команды. — Трупы раздулись вдвое, некоторые из них буквально разрывало от зловонных газов... Запах был настолько тошнотворен, что через короткое время нам сделалось дурно и мы склонились к земле, мучимые приступами рвоты». А один янки, писавший домой после другой битвы, описывал полевой госпиталь, разбитый в здании фермы: «Около здания бродят

25 Averell W. W. With the Cavalry of the Peninsula // Battles and Leaders. II. P. 432.

фермерские свиньи и пожирают [ампутированные] руки и другие части тел»²⁶.

Многие гражданские лица с обеих сторон, но особенно на Юге, видели картины войны и сами вдыхали ее запах. Большинство боев в мае и июне 1862 года проходило практически у ворот Ричмонда. Немалое число из 21 тысячи раненых при Севен-Пайнс и в Семидневной битве привезли в город. «Мы жили в одном огромном госпитале и дышали запахами склепа», — вспоминала одна из жительниц Ричмонда²⁷. Церкви, гостиницы, склады, магазины, амбары, даже частные дома служили временными госпиталями. Белые женщины сотнями записывались в медсестры, а рабов мобилизовали в санитары или могильщики.

Как и в армии Союза, конфедераты оказывали первую помощь раненым в полевых госпиталях, расположенных рядом с полем брани или непосредственно на нем. На Юге медлили с учреждением военных госпиталей для лечения и реабилитации тяжелораненых, а также серьезно заболевших солдат. Поначалу такие госпитали появлялись по инициативе местных органов или частных лиц. В конце 1861 года эту функцию взяла на себя медицинская служба конфедератов. В Ричмонде было учреждено несколько военных госпиталей, главным из которых стал госпиталь на холме Чимборазо к востоку от города — крупнейшее в мире учреждение подобного типа. Он насчитывал 250 павильонов, в каждом из которых могло разместиться от 40 до 60 пациентов, и 100 палаток, рассчитанных на 8—10 выздоравливающих каждая. Однако к июню 1862 года, когда в город стали поступать тысячи раненых, лишь часть этого комплекса была готова, поэтому многие умерли под открытым небом, так как их негде было положить. Шок, испытанный после Семидневной битвы и последующих сражений в Виргинии, вызвал расширение и модернизацию военных госпиталей Юга.

Этот шок в сочетании с наглядным примером женщин-добровольцев в Ричмонде и Коринте (Миссисипи) также заставил медицинскую службу, ранее высокомерно относившуюся к медсестрам, пересмотреть свои взгляды.

Накануне Гражданской войны Флоренс Найтингейл была образцом для подражания женщин как Англии, так и Америки. Найтингейл произвела революцию в не выдерживавшей никакой критики

26 Wiley B. I. Johnny Reb. P. 75; Wiley B. I. Billy Yank. P. 83.

27 Thomas E. M. The Confederate State of Richmond. Austin (Tex.), 1971. P. 100.

британской медицинской службе во время Крымской войны. Она возвела уход за ранеными в ранг профессии, а в 1860 году организовала первую в мире школу сестер милосердия при больнице святого Фомы в Лондоне. Когда война пришла в Америку, некоторые белые южанки предлагали свои услуги в качестве медицинских сестер или устраивали небольшие госпитали для раненых солдат. Одним из лучших являлся госпиталь в Ричмонде, учрежденный Сарой Луизой Томпкинс, которой Джефферсон Дэвис в конце концов присвоил звание капитана, потому что ее лечебница была признана военным госпиталем.

Эти примеры опровергают предрассудки об «утонченных леди», работавших в военных госпиталях. Для белой леди было допустимо ухаживать за больными в домашних условиях или даже в хижинах рабов, но в сугубо мужской среде военных госпиталей им было делать нечего — там происходило такое, что нельзя было видеть никакой женщине. Женщины должны были сидеть дома, делать бинты, вязать солдатам носки и создавать комфортную обстановку для испытавших тяготы сражений мужчин. Несмотря на то, что на первом этапе войны превалировала именно такая точка зрения, многие южанки из хороших семей презрели неодобрение своих отцов и братьев и добровольно пошли в сестры милосердия. Одной из них была 27-летняя Кейт Камминг из Мобила, которая в апреле 1862 года отправилась в Коринт, где истерзанная армия Борегара пыталась прийти в себя после сражения при Шайло. Камминг писала: «В ответ на заявление о недопустимости нахождения здесь благородной леди я поинтересовалась, что бы на это сказали мисс Найтингейл и сотни благородных леди из Великобритании, которые отправились с ней в Крым!»²⁸

Когда Камминг прибыла в гостиницу Коринта, занятую под госпиталь, она побледнела от ужаса. «Ничего из услышанного или прочитанного не сравнится с тем кошмаром, что я видела своими глазами». Но она и сопровождавшие ее сестры милосердия перебороли желание убраться прочь и немедленно включились в работу. «Всю ночь я провела, промывая солдатам раны и принося им пить, — писала она в своем дневнике. — Солдаты лежат во всем доме на своих одеялах точно в том виде, в каком их принесли с поля битвы... Спертый воздух, поднимающийся от массы тел, поначалу вызывал у меня головокружение и тошноту, но вскоре я привыкла.

28 Harwell R. B. Kate: The Journal of a Confederate Nurse. Baton Rouge, 1959. P. XII.

Мы много передвигаемся, а при необходимости что-то подать солдатам становимся на колени прямо в кровавую жижу, но не обращаем на это внимания»²⁹.

Камминг и другие белые женщины, состоявшие сестрами милосердия в военных госпиталях летом 1862 года, были добровольцами. Официально санитарями в армии являлись солдаты, назначаемые в наряд (зачастую это были сами выздоравливающие), и «обслуживающий персонал» из числа рабов — повара, прачки и уборщики. Некоторые из белых дам-добровольцев оказались «благотворительницами на час», которые, поиграв несколько дней в медсестру, вернулись домой, но большинство стали бесценными помощницами, так что многие военные врачи, первоначально сопротивлявшиеся присутствию белых женщин, постепенно изживали свои предрассудки. Главный врач военного госпиталя в Данвилле (Виргиния) даже стал предпочитать медсестер солдатам-санитарам, которых он называл «неотесанными деревенскими простофилями», неспособными «отличить касторку от шомпола, а настойку опия от ямы в земле». В сентябре 1862 года Конгресс Конфедерации выпустил закон, по которому многие белые женщины включались в состав государственной военно-медицинской службы³⁰. После войны вклад сестер милосердия, которым рукоплескало общество, будет увековечен, как и жертвы солдат Конфедерации³¹. Многие другие женщины, не работавшие непосредственно в госпиталях, также вносили свою лепту, организуя по всему Югу сбор средств, чтобы обеспечить больных и раненых или их семьи провизией, различными благами и деньгами. Эти действия были частью всеобщей мобилизации ресурсов на ведение тотальной войны, объявленной в 1862 году. Таким образом, женщины Юга вовлекались в общественную жизнь в невиданном прежде

29 Ibid. P. 14, 15.

30 *Cunningham H. H. Doctors in Gray: The Confederate Medical Service.* Baton Rouge, 1958. P. 72, 73.

31 Двумя самыми знаменитыми сестрами милосердия Конфедерации были Кейт Камминг и Фиби Пембер. Камминг стала старшей сестрой военного госпиталя в Чаттануге, после того как Борегар эвакуировал Коринт, а потом была старшей сестрой в различных госпиталях Джорджии, когда наступление Шермана вынуждало конфедератов отходить все дальше и дальше на юг. Пембер, уроженка Чарлстона, перебравшаяся в 1862 г. в Ричмонд, стала первой старшей сестрой госпиталя Чимборо. Дневник Камминг и автобиография Пембер, опубликованные после войны и доступные сегодня в репринтном издании, являются ценными источниками по истории становления медицинской службы Конфедерации. См.: *Harwell R. B. Kate...; Pember Ph. Y. A Southern Woman's Story: Life in Confederate Richmond.* Jackson (Tenn.), 1959.

масштабе, и именно благотворительная деятельность во многом способствовала их эмансипации и позволила сойти с пьедестала неземной женственности, который так ограничивал их жизнь.

Примерно то же самое происходило и с их северными сестрами, которые, будучи к началу войны уже значительно более эмансипированными, включились в дело с той же энергией и в еще большем количестве. Главным двигателем их активности был Санитарный комитет Соединенных Штатов. Эта влиятельная организация, крупнейшее добровольное общество из тех, что когда-либо учреждались в стране, где вообще желанием «объединяться по интересам» было трудно кого-нибудь удивить, выросло из конгломерата различных обществ содействия армии, которые начали появляться уже в дни после падения Самтера. Этими обществами руководили женщины, опиравшиеся на опыт, приобретенный в обществах по борьбе с рабством, защите прав женщин, трезвости, в образовательных организациях, религиозных миссиях и так далее. Элизабет Блэквелл, первая американка, получившая, вопреки насмешкам мужчин, степень доктора медицины (в 1849 году), организовала митинг трех тысяч женщин в Куперовском институте в Нью-Йорке 29 апреля 1861 года. На этом митинге присутствовали и несколько видных политиков-мужчин, а итогом его стало образование Центрального женского общества помощи (WCAR — Women's Central Association for Relief), призванного координировать деятельность многочисленных мелких обществ. Первоначальной задачей Общества была организация курсов медицинских сестер — первых в США. Также Общество стало ядром Санитарного комитета Соединенных Штатов.

«Санитария», как ее стали вскоре называть, брала пример с Британского санитарного комитета, действовавшего во время Крымской войны. Грязь и первобытные санитарно-гигиенические условия привели к распространению болезней и инфекций, косивших союзную армию в Крыму, что вызвало всплеск реформ в Великобритании. В США большое количество медицинских работников обоих полов хотели организовать подобный комитет, чтобы улучшить положение в федеральной армии. 15 мая делегация выдающихся врачей (одни мужчины), возглавляемая Генри Беллоузом, видным унитарным священнослужителем, интересовавшимся также и проблемами медицины, отправилась в Вашингтон в качестве представителей WCAR и его дочерних организаций. Первым делом эта делегация столкнулась с оппозицией со стороны военно-медицинской службы, начальник

которой, заслуженный ветеран, проведший 43 года в регулярной армии, был против вмешательства назойливых штатских и скептически оценивал перспективы женщин-медсестер. Тогда члены делегации обратились к его прямому начальнику — военному министру Кэмерону — и к самому президенту. Поначалу Линкольн не увидел большой пользы в помощи гражданских лиц медицинской службе, говоря об этом как о «пятом колесе в телеге», но уступил и 13 июня подписал приказ, учреждающий Санитарный комитет Соединенных Штатов³².

Официально полномочия комитета не выходили за рамки исследований и консультаций, но стихийная мобилизация северян в 1861 году предоставляла добровольческой организации возможность самой установить границы собственных полномочий. Комитет, возглавляемый Беллоузом в качестве председателя и Фредериком Лоу Олмстедом в качестве исполнительного секретаря, так и поступил. Врачи и другие видные граждане стали сотрудниками местных отделений комитета. К 1863 году весь Север был пронизан сетью из 7000 отделений. Руководители и большинство из 500 оплачиваемых сотрудников комитета были мужчины, но большинство из десятков тысяч добровольцев — женщины. Они организовывали благотворительные базары и «санитарные ярмарки» для сбора средств, посылали бинты, медикаменты, одежду, продовольствие в военные лагеря и сестер милосердия в военные госпитали, обеспечивали жильем и питанием солдат в отпуску. Благодаря тесным связям лидеров комитета с гражданскими волонтерами, ставшими офицерами действующей армии, «Санитария» поддерживала приемлемые гигиенические условия в военных лагерях, несмотря на сохраняющееся безразличие военно-медицинской службы. «Санитарные инспекторы» из комитета инструктировали военных, как правильно проводить канализацию, где нужно располагать отхожие места, брать воду и готовить пищу. Многие солдаты не обращали на это внимания, за что потом и расплачивались, другие же, следовавшие советам инспекторов, сберегали свое здоровье.

Комитет завоевал популярность среди солдат и приобрел влияние среди конгрессменов. Зимой 1861—1862 годов он стал силой национального масштаба и решил направить свои усилия на то, чтобы подвести мину под иерархию военно-медицинской службы,

32 *Maxwell W. Q. Lincoln's Fifth Wheel: The Political History of the United States Sanitary Commission.* NY, 1928. Ch. 1.

где преобладали такие люди, как начальник медицинской службы Клемент Финли, чей образ мыслей остался неизменным с мирного времени с его 16-тысячной армией. «Преступной слабостью будет оставить ответственность на плечах таких самодовольных, высокомерных, нетерпимых тупиц, как начальник военно-медицинской службы, только по той причине, что он — старейший из старых... — возмущался в частной переписке секретарь комитета Олмстед. — Он ничего не знает и не делает, да и способен только придирается к формальностям». Председатель комитета Беллоуз составил законопроект, согласно которому Линкольн мог обходить систему старшинства, чтобы назначать способных молодых медиков на руководящие должности в медицинской службе. Такой закон, по словам Беллоуза, «покроет нафталином всех достопочтенных бездельников и престарелых обструкционистов, которые мешают оздоровлению и угрожают безопасности наших войск»³³.

Военно-медицинский истеблишмент сопротивлялся напору «истеричных проповедников, деревенских докторов и эмансипированных женщин» в комитете, но 18 апреля 1862 года закон был принят³⁴. Он не только приостановил действие системы продвижения старшинства, но и дал право начальнику медицинской службы назначать восемь санитарных инспекторов, имевших полномочия осуществлять преобразования в действующей армии. Линкольн сразу же назначил на пост нового начальника военно-медицинской службы кандидата комитета — 33-летнего Уильяма Хэммонда, прогрессивного, энергичного, решительного военного врача. Назначение Хэммонда положило конец соперничеству между армией и комитетом и ознаменовало начало необыкновенно продуктивного сотрудничества между государственными и частными медицинскими структурами. Армия передала в ведение комитета несколько пассажирских пароходов, которые стали плавучими госпиталями, эвакуировавшими раненых с Полуострова в военные госпитали Вашингтона и Нью-Йорка (на них трудились медсестры-добровольцы). Комитет уже доказал пользу подобной стратегии, предоставив свои лодки для эвакуации раненых при Шайло. «Санитария» также впервые организовала эшелоны со специально оборудованными для перевозки раненых вагонами.

33 Цит. по: *Meneely A. H. The War Department, 1861: A Study in Mobilization and Administration.* NY, 1928. P. 228.

34 *Adams G. W. Doctors in Blue: The Medical History of the Union Army in the Civil War.* Collier Books (NY), 1961. P. 68.

Начальник военно-медицинской службы Хэммонд был так впечатлен работавшими на плавучих госпиталях сестрами милосердия, что в июле 1862 года подписал распоряжение, согласно которому по меньшей мере треть обслуживающего персонала военных госпиталей должна состоять из женщин. Уже в апреле 1861 года реформатор лечебниц для душевнобольных, всеми уважаемая Доротей Дикс была назначена «главным инспектором медицинских сестер» с достаточно неопределенным кругом полномочий. Строптивая одиночка без особых административных способностей, она начала непростое сотрудничество с санитарным комитетом по вопросу найма медсестер. К концу войны более трех тысяч северянок являлись оплачиваемыми медицинскими сестрами, при том что несколько тысяч женщин продолжали работать на добровольных началах и в качестве штатных сотрудников Санитарного комитета.

Это был не единственный путь, каким мужчины и женщины Севера могли найти себе применение в сфере военной медицины. Некоторые работали на другие волонтерские агентства, такие как Западный санитарный комитет (независимый от Санитарного комитета Соединенных Штатов), действовавший на миссисипском театре военных действий, или Христианский комитет, основанный лидерами Молодежной христианской организации в ноябре 1861 года с целью снабжения армии одеялами, одеждой, книгами, а также пищей телесной и духовной. Некоторые северянки, уже заслужившие репутацию образцовых сестер милосердия, работали самостоятельно. Одной из таких была Клара Бартон, 40-летняя старая дева, до начала войны служившая в патентном бюро. Она стала обществом помощи армии, состоящим из одного человека, собирая медикаменты и припасы и появляясь на полях сражений или в военных госпиталях, чтобы утешать раненых и подстегивать нерадивых или равнодушных врачей. Дружба Бартон с влиятельными конгрессменами помогала производить давление сверху, чтобы осуществить реформы в военной медицине. Деятельность Клары Бартон во время войны перешла в ее горячую послевоенную агитацию за присоединение Соединенных Штатов к международному Красному Кресту. Другой выдающейся женщиной была Мэри-Энн Бикердаик, 45-летняя вдова из Иллинойса, начавшая свою деятельность в военном лагере в Кейро, где разгорелась эпидемия лихорадки. Крупного телосложения, сильная, упрямая, но при этом душевная, она проносилась по лагерю как ангел мщения, беспощадно критикуя туповатых офицеров и защищая рядовых, которые с любовью называли ее «матушка Бикердаик». Она привела в порядок

всю походную жизнь и прошла с армией Гранта, а потом Шермана от форта Донелсон до Атланты. Бикердайт завоевала уважение обоих генералов: она была единственной женщиной, которую Шерман допускал в свои госпитали на передовой.

Не все армейские медсестры принадлежали к людям, относимым в XIX веке к категории «уважаемых», «респектабельных». Некоторые полки обеих враждующих сторон возродили старинный институт маркитанток, которые обстирывали и кормили солдат, иногда выступая в роли проституток, а иногда — медсестер. Как бы то ни было, «респектабельные» медсестры к 1862 году победили многие предрассудки, преобладавшие в начале войны. Они (если не в глазах военных врачей старой закалки, то в глазах солдат и общественного мнения) достигли статуса и добились уважения, сопоставимых с теми, что имела в Англии Флоренс Найтингейл и ее компаньонки. Храбрость и энергия, демонстрируемые многими женщинами, шли вразрез с представлениями о них как о слабом поле. Даже браки с такими женщинами становились крепче. Супруга Джорджа Темплтона Стронга (казначей Санитарного комитета) в июне 1862 года настояла на поездке на Виргинский полуостров в качестве медсестры. Там она зарекомендовала себя очень полезным сотрудником, нашла новую цель в жизни, а ее муж стал смотреть на нее другими глазами. «За эти два месяца слабая женщина стала на удивление сильной, — отмечал Стронг в своем дневнике. — Я никогда не отдавал должного ее предприимчивости, храбрости, прозорливости и силе характера. Да хранит ее Бог!»³⁵

Именно во время Гражданской войны произошла трансформация рутинного ухода за ранеными в профессию медицинской сестры. Война также привнесла в военную медицину важные новшества. Одним из них было создание особых санитарных отрядов для максимально оперативного ухода за ранеными и эвакуации их в полевые госпитали. Традиционно в обеих армиях такую службу выполняли полковые музыканты и солдаты, «наименее годные к несению строевой службы». Они и были санитарями, выносившими раненых с поля боя и помогавшими врачам в полевых госпиталях. Ожидалось, что возницы из обоза будут использовать свои повозки в качестве санитарных, но масштабные бои 1862 года быстро вскрыли недостатки этой системы. При отсутствии навыков и энтузиазма мужчины и подростки (многим оркестрантам не было и восемнадцати), назначенные для выполнения

35 Strong G. T. Diary. P. 239.

таких заданий, просто разбежались в ужасе, лишь только начиналась стрельба. Даже когда ездовые были готовы выполнять свою задачу, не хватало самих повозок. В разгар боя солдаты игнорировали приказы, то и дело покидая строй, чтобы отнести раненых товарищей в тыл, так как знали, что больше позаботиться об этом некому.

Такое бедственное положение вещей вызвало скандал в союзной армии летом 1862 года, который побудил руководителя военно-медицинской службы Хэммонда назначить после Семидневной битвы Джонатана Леттермана новым начальником медицинской службы Потомакской армии. После этого назначения ситуация улучшилась. Санитарный комитет долгое время отстаивал идею о создании обученного отряда санитаров. Леттерман создал такое подразделение в Потомакской армии, откуда идея распространилась на прочие армии Союза и получила официальное закрепление в законе 1864 года. Одетые в специальную униформу и обладавшие высоким моральным духом, эти нестроевые медики-военнослужащие рисковали своими жизнями, чтобы добраться до раненых в разгар битвы и как можно быстрее доставить их в лазарет. Санитарные отряды стали моделью для европейских армий вплоть до Первой мировой войны; немцы и французы впервые использовали их во время франко-прусской войны³⁶. Юг создал «лазаретные отряды» в 1862 году, но так и не использовал их в полном объеме. Медицинская служба Конфедерации, как и любые другие ее ведомства, совершала с имеющимися ресурсами чудеса, но у нее, в отличие от северян, не было достаточно людей, медикаментов и санитарных повозок. Это было одной из причин того, почему скончалось 18% раненых мятежников против 14% у янки³⁷.

36 Adams G. W. *Doctors in Blue...* P. 88.

37 Доли погибших, указанные здесь, взяты из официального отчета начальника военно-медицинской службы, см.: Fox W. F. *Regimental Losses...* Для Конфедерации сравнительных данных не существует. Значение 18% определено по фрагментарным данным, приведенным в работе Фокса, а также с учетом: *Livermore Th. L. Numbers and Losses in the Civil War*. Boston, 1901; *Cunningham H. H. Doctors in Gray*; *Hall C. R. Confederate Medicine // Medical Life*. 1935. 42. P. 473. В добавление к плохой организации выноса раненых из боя и вообще к низкому качеству санитарной службы можно назвать еще несколько причин более высокой смертности от ран среди конфедератов: нехватка медикаментов и недостаточный рацион питания солдат, что делало их менее способными переносить травмы, полученные на поле боя или во время операций. До некоторой степени разница в показателях смертности от ран может объясняться статистической погрешностью, так как офицеры Конфедерации, в отличие от своих северных коллег, склонны были не отражать легкие ранения в своих отчетах, и тогда большее количество ранений, упомянутых в сводках конфедератов, относятся к тяжелым и, соответственно, потенциально более опасным для жизни.

Уровень смертности от ран в обеих армиях был конечно же катастрофическим по сравнению со стандартами XX века. Во время Корейской войны от ран скончался лишь один американец из пятидесяти, во Вьетнаме — один из четырехсот. Вероятность смерти солдата времен Гражданской войны от ран была в восемь, а от болезней — в десять раз выше вероятности смерти американского солдата во время Первой мировой. И действительно, за время Гражданской войны от болезней умерло вдвое больше солдат, чем погибло в бою или скончалось от ран. Такие выкладки только подтверждают комментарии некоторых историков о том, что «медицинская служба Севера и Юга — одна из самых больших катастроф Гражданской войны»³⁸.

Такая оценка вызвала в то время много полярных высказываний. В газетах и отчетах Санитарного комитета публиковались жуткие истории о полевых госпиталях, пьяных врачах, оставшихся без ухода больных, об агонизирующих раненых солдатах и так далее. Репутация многих военных врачей как «шарлатанов» или «мясников» отражала невысокий престиж профессии врача в целом. Солдаты боялись госпиталей как огня и порой шли на все, чтобы скрыть ранение или болезнь и не попасть на койку. «Я уверен, что доктора эти убили больше, чем вылечили», — писал в 1862 году солдат из Алабамы. «Нет в этих докторях никакого толку», — соглашался с ним и янки. Один рядовой из Иллинойса замечал: «У нашего доктора знаний не больше, чем у десятилетнего мальчугана», а офицер из Массачусетса называл полкового эскулапа «ослом»³⁹.

Солдаты, которые были уверены, что скорее выздоровеют вне больничных стен, были не так уж неправы. Но коренная причина была скорее в общем состоянии медицинской науки, нежели в некомпетентности отдельных военных врачей. Гражданская война велась на исходе медицинского средневековья; 1860-е годы стали началом новой эры после исследований европейцев Луи Пастера, Джозефа Листера и других, обнаруживших микроскопических вредителей, заражавших воду и пищу и попадавших в кровь через открытую рану. Двадцать лет спустя новая наука — бактериология — произвела в медицине революцию. Установление связи между москитами и желтой лихорадкой и малярией привело к обузданию этих смертельных болезней. Врачи времен Гражданской войны еще ничего об этом не знали — революция в медицине началась слишком не-

38 Parish P. J. The American Civil War. NY, 1975. P. 147.

39 Wiley B. I. Johnny Reb. P. 267; Wiley B. I. Billy Yank. P. 131.

давно. Им не была известна прямая связь между качеством воды и брюшным тифом, нестерилизованными инструментами и инфекцией, между москитами и малярией. Еще не сложилось представление об асептике и антисептике в хирургии; врачи не могли и помышлять об антибиотиках. Более того, крупный калибр и низкая скорость винтовочных пуль служили причиной тяжких увечий, так как пуля чаще застревала в теле, нежели проходила навывлет. В этом случае хирурги могли бороться с гангреней, остеомиелитом или сепсисом практически только с помощью ампутации. Ранения желудка почти всегда приводили к летальному исходу, так как врачи не знали способов предотвращения перитонита. В качестве анестетиков использовались хлороформ и эфир, но их нехватка (особенно на Юге) приводила к тому, что солдаты выпивали лошадиную дозу виски или просто терпели, стиснув зубы⁴⁰. Этот период был настоящей «эпохой героев» в медицине, когда солдат, чем бы они ни страдали (дизентерией или запорами, малярией или простудой), лечили каломелью⁴¹, рвотным камнем, хинином, морфием или настойкой опия. Неудивительно, что многие солдаты предпочитали не попадать в руки докторов, и столь же неудивительно, что некоторые стали наркоманами.

Вражеские пули не были столь серьезной угрозой здоровью солдат Гражданской войны, как болезни, что, впрочем, относилось к любой армии в прежней военной истории. Однако нужно отметить, что армии Севера и Юга страдали от болезней все же меньше, чем их предшественники. Если в Гражданской войне два умерших от болезней приходились на одного погибшего в битве, то подобное соотношение для британских солдат времен наполеоновских войн или Крымской войны было соответственно восемь и четыре к одному. Для американской армии во время войны с Мексикой соотношение составляло четыре к одному. Хотя уровень смертности от болезней высок лишь по сравнению со стандартами XX века, тем не менее этот фактор оставался серьезным для военных операций. В любое время значительное количество личного состава полка могло оказаться небоеспособно. Болезни сокращали численность полка (в котором изначально насчитывалось примерно тысяча человек) почти вдвое, и это еще до того, как он вступал в бой.

40 Справедливости ради скажем, что даже хирургам Конфедерации не так уж часто приходилось оперировать в отсутствие анестезии. Отряд «Каменной Стены» Джексона во время кампании в долине Шенандоа захватил 15 тысяч контейнеров с хлороформом, что стало большим подспорьем для хирургов.

41 Хлорид ртути. — Прим. пер.

Болезни больше всего поражали солдат первого года службы. Скопление тысяч людей из различных социальных слоев в новой и до крайней степени благотворной для опасных микроорганизмов среде вызывало предсказуемые последствия. Люди (особенно из сельской местности), до той поры незнакомые с корью, свинкой или тонзиллитом, быстро подхватывали эти детские заболевания. Хотя они редко приводили к летальному исходу, целые части тем не менее выводились на несколько недель из игры. Еще опаснее были оспа и рожистое воспаление, словно косою проходившиеся по «фермерским» полкам. Если солдатам удавалось оправиться от этих болезней, то они на какое-то время оставались в лагерях, где из-за антисанитарии и переменчивой погоды им не хватало свежей воды, а через воду, кишашую бактериями, они подхватывали опасные заболевания. В этих лагерях несчастных подстерегали три главных смертельных заболевания войны: дизентерийная диарея, брюшной тиф и пневмония. По мере того как войска летом продвигались к югу, их настигала четвертая «казнь египетская» — малярия. Немалое количество личного состава из оккупационных войск северян, как и конфедераты (особенно в Ричмонде), страдали от еще одного бича — венерических заболеваний, причем зарегистрированных случаев «пикантных» болезней было почти столько же, сколько случаев кори, свинки и тонзиллита вместе взятых⁴².

Болезни разрушили планы многих военных операций. Западно-виргинские кампании Ли в 1861 году провалились не в последнюю очередь из-за них, выведших из строя значительную часть его армии. Одной из причин неудавшейся первой попытки взять Виксберг в июле 1862 года была эпидемия, свалившая более половины солдат и матросов армии северян. На решение Борегара оставить Коринт повлияла опять-таки эпидемия, отправившая свыше трети его армии на больничные койки. К тому времени как войска Хэллека в начале июня закрепились в Коринте, не менее трети его войска также были больны. Около половины из 29 союзных генералов, включая самого Хэллека и Джона Поупа, страдали во время коринтской кампании или сразу после нее тем, что они с грустной усмешкой называли «эвакуацией Коринта», то есть диареей; компанию им составил Шерман, подхвативший малярию. Провал попыток Хэллека после взятия Коринта продолжить наступление вдоль Миссисипи частично

42 Сводку болезней в армии Союза см.: Steiner P. E. Disease in the Civil War. Springfield (Ill.), 1968. P. 10—11.

был обусловлен его боязнью повальной смертности от болезней среди непривычных к такому климату жителей Севера, вынужденных в летнюю пору маршировать по штатам Нижнего Юга.

Заболевания также повлияли на исход кампании на Виргинском полуострове. Самочувствие солдат Макклеллана, и без того не блестящее после затяжных дождей и удушающих испарений болот Чикахомини в мае и июне, только ухудшилось после прибытия в Харрисонс-Лэндинг в июле. Около четверти из тех, кто не был ранен, болели. Каждый день отмечались новые случаи малярии, дизентерии и брюшного тифа. Сам Макклеллан не вполне оправился от перенесенной дизентерии. С началом сезона пика заболеваний (август-сентябрь) администрация пошла навстречу просьбам Макклеллана и вывела его армию с Полуострова.

В принятии этого решения сыграли свою роль также стратегические и политические соображения. Признав несостоятельность своих потуг в качестве верховного главнокомандующего, Линкольн вызвал с западного фронта Хэллека и назначил на этот пост его. Президент также сформировал из корпусов Бэнкса, Фримонта и Макдауэлла в северной части Виргинии новую армию и вручил командование над ней Джону Поупу, также переведя того с Запада. Пока происходила эта реорганизация, Конгресс рассматривал законопроект о конфискации всей собственности конфедератов (включая рабов), а Линкольн склонялся к тому, чтобы издать Прокламацию об освобождении. Провал кампании Макклеллана на Полуострове не был лишь военной неудачей; он знаменовал собой окончание ограниченной войны ради ограниченных целей, которую хотел вести Макклеллан. С этого момента и до самого конца Север сражался не за сохранение прежнего Союза, а за его разрушение и воздвижение на его развалинах нового государства.

16.

«Или мы освободим рабов, или сами станем рабами»

I

Если сам Роберт Ли был недоволен тем, что армия Макклеллана избежала полного разгрома во время Семидневной битвы, то общественное мнение Юга не разделяло его досады. «Этой „Великой армии“ Севера был нанесен решающий удар, — торжествовал один ричмондский обыватель. — Ли произвел перелом в войне, и я не удивлюсь, если нас ждет долгая череда успехов». Ли превратился в героя дня. Больше никто не поминал «Короля лопат» или «убегающего Ли». Вместо этого *Richmond Whig* заявила, что сдержанный виргинец «поразил и поставил в тупик своих очернителей великолепием своего гения... своей энергией и отвагой»: «Он навсегда утвердил себя в наших сердцах, и вся страна теперь по праву воздает ему хвалу»¹.

Все эти комментаторы, разумеется, не могли предвидеть парадоксальные последствия успехов Ли. Если бы кампания Макклеллана увенчалась успехом, то война бы закончилась, причем Союз вернулся бы к жизни с минимальными потерями для Юга. Рабство бы сохранилось (будучи лишь слегка видоизменено), по крайней мере на какое-то время. Разбив Макклеллана, Ли гарантировал продолжение

1 Jones J. War Clerk's Diary (Miers). P. 88—89; Freeman D. S. R. E. Lee: A Biography. 4 vols. NY, 1934—1935. II. 244—245.

войны до уничтожения рабства, Старого Юга и практически всех устоев, за которые сражалась Конфедерация.

После Семидневной битвы в стратегии Союза произошел решительный поворот в сторону ведения тотальной войны. Поначалу северяне пали духом, в то время как южане получили большой заряд оптимизма. «Здесь царит отчаяние», — писал один видный нью-йоркский демократ, а республиканский хроникер отмечал: «...самый мрачный день, который мы видим со времен Булл-Рана... Все выглядит ужасно... Мне нелегко сохранять горячую веру в торжество государственности и закона». Хотя Линкольн также пребывал в угнетенном состоянии духа, он действовал решительно: «Я собираюсь продолжать битву, пока не выиграю ее или не умру, пока нас не завоюют или пока Конгресс либо народ не откажет мне в доверии», — писал он губернаторам штатов².

Линкольн уже осознал, что прекращение набора рекруттов в апреле было ошибкой, но он не решался объявить о новом призыве сразу после Семидневной битвы, опасаясь «паники и массового дезертирства». Эту дилемму весьма мудро разрешил Сьюард. Он поспешил в Нью-Йорк, где совещался с губернаторами северных штатов. Они согласились подписать воззвание к президенту (написанное Сьюардом), в котором просили обратиться к штатам с призывом предоставить новых добровольцев и «закрепить» «недавние победы нашего оружия... ускорив крах мятежа». Сьюард датировал этот документ 28 июня. Таким образом, «с согласия» губернаторов, Линкольн 2 июля объявил о наборе 300 тысяч добровольцев, чтобы привести войну «к быстрому и победному концу»³.

Вновь вышли на сцену вербовочные комитеты. Губернаторы призывали волонтеров сражаться за «старый флаг, страну, Союз и Свободу». Джеймс Гиббонс, квакер и аболиционист, «в необходимых случаях впадавший в гнев и ярость», сочинил для волонтеров ставшее популярным стихотворение, положенное вскоре на музыку Стивенем Фостером, Лютером Эмерсоном и другими: «Мы идем на подмогу, отец Авраам, нас еще триста тысяч теперь!» Но триста тысяч шли на подмогу далеко не так быстро, как хотелось. Парады и митинги 1862 года были лишь слабой копией бурных демонстраций 1861-го. Растущий список жертв дал гражданам понять, что война — не

2 Barlow Papers, Henry E. Huntington Library; Strong G. T. Diary. P. 234, 236, 239, 241; CWL. V. P. 292.

3 CWL. V. P. 292—297. Военное министерство распределило квоты между штатами пропорционально численности населения.

красивая игра. Хотя Север и мобилизовал всего лишь треть годных к строевой службе людских ресурсов, экономический бум и летняя сельскохозяйственная страда оставили без дела очень немногих юношей, готовых податься в волонтеры, которые к тому же (как и те, кто уже служил) должны были записаться на три года. Губернаторы уведомили военное министерство о том, что легко могут заполнить свои квоты желающими служить короткий срок, но предоставить достаточное количество «трехгодичников» будет весьма нелегко.

В ответ правительство прибегло к старому методу кнута и пряника. Роль пряника играли премии за поступление на службу. Военное министерство санкционировало выплату авансом 25 долларов из тех 100, которые полагались за увольнение с хорошей аттестацией. В добавление к этому некоторые штаты и города предлагали отдельные премии добровольцам-«трехгодичникам». Задуманные как своего рода компенсации за экономические жертвы, которые несут волонтеры и их семьи, эти поначалу скромные поощрения вылились в карикатурные аукционы наемников, когда разного рода сомнительные личности боролись за право попасть в квоты добровольцев. Кнутом же послужил закон об ополчении, принятый Конгрессом 17 июля 1862 года. Закон включал в ополчение всех годных к военной службе мужчин от 18 до 45 лет и наделял президента полномочиями призывать ополчение штатов на армейскую службу на срок до девяти месяцев. А так как ополчение во многих штатах пребывало в коматозном состоянии, ключевое положение закона давало президенту право «принимать все надлежащие постановления... чтобы обеспечить сбор ополчения или ввести данный закон в действие иным способом»⁴. В этом положении содержался потенциал для колоссального расширения полномочий федеральной власти в ущерб правам штатов. Администрация не стеснялась применять свою власть и, игнорируя границы штатов, провело этот квази-призыв. 4 августа военное министерство потребовало от штатов предоставить в его распоряжение 300 тысяч ополченцев сроком на девять месяцев *вдобавок* к 300 тысячам добровольцев, о наборе которых было заявлено месяцем ранее⁵. Более того, пробелы в квотах штатов, оставшиеся после предыдущего призыва, должны были быть восполнены дополнительным набором ополченцев, а если штаты не смогут набрать

4 U. S. Statutes at Large. XII. P. 597.

5 Мужчины, занятые в профессиях, связанных с обеспечением фронта, были освобождены от службы в ополчении.

требуемое число ополченцев, тогда в дело вступит военное министерство и сделает это за них. Впрочем, военный министр Стэнтон смягчил удар кнута, издав постановление о том, что каждый волонтер сверх требуемой квоты, завербованный на три года, приравнивается к четырем ополченцам, завербованным на девять месяцев.

Это постановление, чья законность вызывала сомнения, а расчеты приводили в замешательство, тем не менее достигло своей цели. После многократных оттяжек «последних сроков» властям большинства штатов удалось набрать необходимое сочетание «трехлетних» и «девятимесячных» новобранцев. К концу 1862 года в армию были отправлены 421 тысяча «трехгодичников» и 88 тысяч ополченцев, в результате чего план набора, будучи пересчитан по формуле Стэнтона, оказался превышен на 45%. Большинство волонтеров нанимались путем образования новых полков, в каждом из которых насчитывалось по тридцать с лишним офицеров, искавших выгодных синекур. Некоторые новые полки к 1863 году превратились в отборные части, но в процессе становления столкнулись с большими потерями, будучи обречены идти тем же путем проб и ошибок, как и их предшественники в 1861 году.

В некоторых штатах призыв ополченцев остался необходим, так как по квотам образовался недобор. Кое-где призыв встречал ожесточенное сопротивление, особенно в шахтерских районах восточной части Пенсильвании, населенной католиками-ирландцами, в округах Огайо и Индианы, населенных «серыми», и в поселках немцев-католиков в Висконсине. Разъяренные толпы убили двух вербовщиков в Индиане и ранили уполномоченного в Висконсине. Правительство вынуждено было послать армию во все четыре штата, чтобы навести порядок и завершить призыв. 24 сентября Линкольн выпустил прокламацию, приостанавливающую действие права *habeas corpus* и обрекающую на преследование по законам военного положения «всех, кто препятствует набору волонтеров, сопротивляется призыву или виновен в нелояльности, оказании помощи мятежникам и укрывательстве их». Военное министерство энергично взялось за проведение этого указа в жизнь. Стэнтон создал целую сеть военных полицейских, которые арестовали и заключили в тюрьму без суда и следствия несколько сотен уклонистов и антивоенных активистов, включая пять редакторов газет, трех судей и несколько второстепенных политиков⁶.

6 CWL. V. P. 436—437; Sterling R. E. Civil War Draft Resistance in the Middle West (дисс.). 1974. Ch. 3—4.

Большинство из арестованных были демократами, однако это не служит доказательством того, что республиканская администрация решила избавиться от политических противников, а, скорее, отражает тот факт, что практически все, кто осуждал призыв и сопротивлялся ему, действительно были демократами. Они представляли наиболее консервативное крыло партии по таким вопросам, как освобождение рабов, призыв и финансовое законодательство, принятое республиканским Конгрессом в 1862 году. Противодействие этим мерам было наиболее сильным среди ирландских и немецких католиков, а также среди «серых», живших в южных округах Среднего Запада, чье материальное положение было существенно хуже, чем у среднего жителя Севера. Эти социальные группы протестовали против призыва и вывешивали плакаты такого рода: «За Конституцию, как она есть, и за Союз, каким он был» и «Мы не будем сражаться за черномазых»⁷.

Такие лозунги помогают понять как мотивы противников призыва, так и реакцию республиканцев. Фракция «медянок» из числа северных демократов противилась превращению Гражданской войны в тотальную, в войну за уничтожение устоев Старого Юга вместо восстановления прежнего Союза⁸. В глазах республиканцев, оппозиция их военным целям значила и оппозицию войне как таковой, следовательно, все оппоненты провозглашались пособниками мятежников и подлежали аресту военной полицией. Большинство арестов в 1861 году пришлось на пограничные штаты, где распространены были симпатии к Конфедерации. В 1862 году многие из арестованных были северными демократами, чье разочарование войной было вызвано республиканцами, объявившими освобождение рабов одной из целей войны.

7 *Sterling R. E. Op. cit.* В этом исследовании содержатся ценные данные, увязывающие сопротивление призыву с политическими, этнокультурными, географическими и экономическими особенностями.

8 Как и большинство ярлыков, «медянка» первоначально был эпитетом, введенным в обиход политическими противниками. По-видимому, первыми его употребили еще осенью 1861 г. республиканцы из Огайо, уподобив демократов — противников войны этим ядовитым змеям. К осени следующего года термин приобрел расширенное значение и часто применялся республиканцами по отношению ко всем демократам. К 1863 г. некоторые «мирные демократы» с гордостью приняли этот ярлык и стали носить эмблемы, изображавшие «богиню свободы», сделанные из медного пенса, что символизировало их оппозицию республиканской «тирании». *Matthews A. Origin of Butternut and Copperhead // Proceedings of the Colonial Society of Massachusetts. 1918. P. 205—237; Coleman C. H. The Use of the Term 'Copperhead' during the Civil War // MVHR. 1938. 25. P. 263—264 .*

II

К началу 1862 года ход войны выделил три условных группировки в составе Республиканской партии по вопросу о рабстве. Наиболее энергичной и определившейся была фракция радикалов, разделявшая убеждения аболиционистов о том, что рабов можно освободить, если воюющая держава конфискует собственность врага. Другое крыло формировала меньшая группировка консерваторов, надеявшаяся на неминуемое исчезновение рабства, но предпочитавшая при этом добровольные действия южных штатов в сочетании с колонизацией освобожденными рабами заморских земель. В центре находились умеренные, которых возглавлял Линкольн, разделявший отвращение радикалов к рабству, но опасавшийся межрасовых последствий полного освобождения рабов. Однако в свете событий первой половины 1862 года умеренные перешли на радикальные позиции.

Одним из признаков такого развития событий было растущее влияние аболиционистов. «Никогда еще аболиционистов не уважали так, как в эти дни», — торжествовал один из них в декабре 1861 года. «Нелегко осознать ту поразительную перемену, что произошла в отношении к нам», — размышлял другой⁹. Самый радикальный из всех, Уэнделл Филлипс, зимой и весной 1862 года читал лекции в переполненных залах по всему Северу. В марте он прибыл в Вашингтон (куда еще год назад едва ли мог явиться без риска для жизни) и трижды выступил перед большой аудиторией, включавшей, в частности, президента и многих конгрессменов. Также Филлипс удостоился редкой чести официально открыть заседание Сената. «Вице-президент освободил свое кресло и поприветствовал Филлипса с нескрываемым почтением, — писал репортер *New York Tribune*. — Внимание сенаторов было весьма лестным для апостола аболиционизма». Отмечая перемену по сравнению с прошлой зимой, когда толпы нападали на аболиционистов, считая их смутьянами, подбившими Юг на сессию, *Tribune* сделала наблюдение: «Нечасто бывает в истории, чтобы настроения сменялись столь резко за небольшой промежуток времени... Почтение и уважение, которое сейчас выказывают ему наши лучшие государственные мужи, это дань той идее, которую Филлипс символизирует в большей степени, чем все прочие». Даже *New York Times* в январе 1862 года предоставила свои страницы

9 Principia. 1861. Dec. 21; Garrison Family Papers. Rush Rhees Library, University of Rochester.

аболиционистам, отправив репортера на съезд Массачусетского антирабовладельческого общества. «В прежние годы многое было сказано на таких собраниях и еще больше забавных поступков совершено, — писала газета. — Тот факт, что на этом собрании свободно общаются черные и белые, а мужчины и женщины столь же свободно образуют смешанную аудиторию, дает пищу юмористам и остроумным редакторам. Но такие мотивы не заставили бы присутствовать здесь представителей пятнадцати самых читаемых изданий Севера. Особые обстоятельства придали [собраниям аболиционистов] ту значимость, которой раньше не наблюдалось»¹⁰.

Этими «особыми обстоятельствами» было растущее убеждение республиканцев, что судьба государства неотделима от судьбы рабства. 14 января 1862 года лидер радикалов Индианы Джордж Джулиан произнес в Палате представителей знаменательную речь, задавшую тон политике республиканцев в Конгрессе. «Когда я говорю, что мятеж питается соками рабства, я лишь повторяю избитую истину», — заявлял Джулиан. Четыре миллиона рабов «не могут соблюдать нейтралитет. Если не как солдаты, то хотя бы как обслуживающий персонал они будут либо на стороне мятежников, либо на стороне Союза». Освободив их, Север отвратит эту рабочую силу от поддержки изменников в пользу поддержки Союза и свободы. Это приблизит день триумфа страны, но даже если страна и победит без освобождения рабов, то «простое подавление мятежа будет лишь насмешкой над нашими страданиями и жертвами, ибо рабство и дальше будет разъедать наши внутренности и замышлять свои дьявольские козни»¹¹.

К середине лета 1862 года все республиканцы, за исключением наиболее консервативных, согласились с подобным выводом. «Ты не можешь даже представить себе, как поменялось здесь мнение по вопросу о неграх, — писал в августе сенатор Джон Шерман своему брату-генералу. — Лично я уже готов к тому, что будет объявлено о полном освобождении рабов». Консервативная бостонская газета признавала, что «самым заметным явлением года может считаться страшное влияние, которое приобрело решение об [освобождении рабов]. Еще год назад люди колебались, идти ли им на такой крайний шаг, [но сейчас] они полностью готовы к нему»¹².

10 New York Tribune. 1862. March 15, 18; New York Times. 1862. Jan. 25.

11 CG, 37 Cong., 2 Sess. P. 327—332.

12 The Sherman Letters: Correspondence between General and Senator Sherman from 1837 to 1891. London, 1894. P. 156—157; Boston Advertiser. 1862. Aug. 20.

Учитывая такие настроения, законопроекты против рабства сыпались в разбухавшие папки конгрессменов, как осенью листья с деревьев. Их передавали в соответствующие комитеты, где они находили радушный прием. Уникальное сочетание истории и географии дало радикалам из Новой Англии невообразимую власть в Конгрессе, особенно в Сенате. Новая Англия и верхний пояс штатов к западу от Гудзона, заселенные эмигрантами-янки, были колыбелью аболиционизма и фрисойлерства. Именно оттуда прибыли в Вашингтон самые первые и самые радикальные республиканцы. Одиннадцать из двенадцати сенаторов от Новой Англии возглавляли сенатские комитеты, а те, кто родился там, но представлял другие штаты, возглавляли пять из оставшихся двенадцати. Пять из десяти наиболее заметных радикалов в Палате представителей, включая спикера и председателя бюджетного комитета (Галуша Гроу и Тадеус Стивенс, оба представляли Пенсильванию), родились и воспитывались в Новой Англии. Поэтому не стоит удивляться, что семь законопроектов, касавшихся освобождения рабов и конфискации имущества, к середине января успешно прошли рассмотрения в комитетах Конгресса и в течение ближайших шести месяцев стали законами¹³.

Некоторые из этих законов удовлетворяли давнишним устремлениям фрисойлеров: запрещение рабства на новых территориях, ратификация нового договора с Великобританией о более эффективном противодействии работорговле и упразднение рабства в округе Колумбия. Однако если все эти меры можно было объявить величайшей победой антирабовладельческого движения в мирное время, в 1862 году, в разгар войны, они едва ли решали реальные проблемы, связанные с рабством. Более существенным был новый приказ по армии от 13 марта, запрещающий офицерам возвращать беглых рабов хозяевам. Это было решением задачи, указанным Бенджаминем Батлером и его политикой в отношении «контрабанды» еще в 1861 году. Территориальная экспансия Союза вдоль атлантического побережья на юге Конфедерации и в нижней части долины Миссисипи столкнула большую массу невольничьего населения с янки. Многие рабы бежали от своих хозяев и обрели убежище (и свободу) в боевых порядках северян.

Иногда прием был далеко не таким радушным. Солдаты-северяне не питали симпатий к рабству, но большинство из них также не

13 Curry L. P. *Blueprint for Modern America: Nonmilitary Legislation of the First Civil War Congress*. Nashville, 1968; Bogue A. G. *The Earnest Men: Republicans of the Civil War Senate*. Ithaca (NY), 1981.

питало их и к рабам. Они сражались за единство Союза и против изменников, лишь немногих интересовало освобождение черных. Мало кто готов был подписаться под словами одного рядового из Висконсина: «Эта война для меня пустой звук, если нам не удастся освободить рабов». Гораздо более распространенным было мнение солдата из Нью-Йорка: «Сперва мы должны разобраться с южанами, а уж потом настанет время поговорить о судьбе этих чертовых ниггеров». Лишь некоторые янки относились к «контрабанде» объективно и доброжелательно, более обиденным было равнодушие или проявление презрения и жестокости. Вскоре после того как силы Союза в ноябре 1861 года взяли Порт-Ройал в Южной Каролине, там произошел инцидент, описанный одним рядовым, сказавшим, что ему сделалось «стыдно за Америку»: «Восемь или десять солдат 47-го Нью-Йоркского полка погнались за несколькими негритянками, но тем удалось скрыться. Тогда солдаты схватили чернокожую девочку семи-девяти лет от роду и изнасиловали ее»¹⁴. Даже когда «билли» хорошо принимали «контрабанду», они поступали так из соображений утилитарного характера, а не из гуманизма. «Офицеры и солдаты бездельничают, а негры делают за нас всю рутинную работу, готовят и стирают», — писал в 1862 году солдат из Мэна, находясь в оккупированной Луизиане¹⁵.

До марта 1862 года командующие федералов не знали, как им поступать с бежавшими к ним неграми. Одни офицеры следовали примеру Батлера, укрывая рабов и отправляя восвояси тех белых, которые называли себя их хозяевами. Министерство финансов посылало наблюдателей в оккупированную часть Южной Каролины, чтобы те контролировали сбор неграми на прибрежных островах хлопка, который шел ткацким фабрикам Новой Англии. Аболиционисты организовывали общества помощи освобожденным, которые посылали учителей и трудовых инспекторов на эти острова, где начался получивший широкий резонанс эксперимент по внедрению принципов свободного труда и образования для негров. Другие командиры, напротив, отказывались принимать рабов в армейские лагеря и возвращали их рабовладельцам. Глава Западного округа генерал Хэллек приказал удалить «контрабандный товар» из рядов армии под предлогом соблюдения военной безопасности. Хотя многие из

14 Wiley B. I. *Billy Yank...* P. 40, 44, 114.

15 Wiley B. I. *The Boys of 1861 // Shadows of the Storm. Vol. 1. The Image of War: 1861—1865.* Garden City (NY), 1981. P. 127.

подчиненных Хэллека пропустили приказ мимо ушей, сам факт его издания вызвал протест радикалов, настаивавших на том, что армия не имеет права исполнять закон о беглых рабах. После этого Конгресс выпустил еще одно распоряжение, под угрозой трибунала запрещавшее возвращать беглецов из армейских лагерей даже тем хозяевам, которые присягнули на верность Союзу.

Это была мера, обладавшая большим потенциалом для упразднения рабства как в союзных, так и в конфедеративных штатах. Данный прецедент придал Линкольну уверенности в его первом шаге в направлении освобождения рабов. Будучи сторонником постепенных преобразований, он надеялся покончить с рабством, не вызвав социальных потрясений, а также при добровольном содействии рабовладельцев. В 1862 году Линкольн полагал, что ему удалось начать планомерное воздействие на институт рабства. Он рассудил, что юнионисты из пограничных штатов вряд ли могут не чувствовать первые сигналы такой политики, поэтому они могли бы принять предложение правительственной компенсации за добровольное освобождение рабов. 6 марта Линкольн обратился в Конгресс с просьбой принять резолюцию, предлагавшую «материальную помощь любому штату, согласившемуся на постепенную отмену рабства». По словам президента, это была не просто гуманитарная мера, а средство для скорейшего прекращения войны, ибо если бы пограничные штаты объявили себя свободными, это лишило бы Конфедерацию надежд на их лояльность. Тем, кто жаловался на сумму компенсации, Линкольн объяснял, что сумма военных расходов за три месяца эквивалентна сумме выкупа рабов из четырех пограничных штатов. Рабовладельцам же президент послал слегка завуалированное предупреждение: если они откажутся от его предложения, то будет «невозможно предугадать все нежелательные последствия и разрушения, которые может принести» продолжение военных действий¹⁶.

10 апреля Конгресс принял резолюцию Линкольна. Все республиканцы проголосовали за нее, 85% демократов и юнионистов из пограничных штатов — против. Противодействие последних обескуражило президента. 10 марта у Линкольна уже была одна безрезультатная встреча с конгрессменами из пограничных штатов, когда те подвергли сомнению конституционность его предложения, возмутились прозрачным намеком на принуждение со стороны федеральной власти и сожалели о потенциальной проблеме межрасовых отношений,

16 CWL. V. P. 144—146.

которая неминуемо проявится после освобождения огромного количества чернокожего населения¹⁷.

В те несколько месяцев, что последовали за этой встречей, масштаб провоенных и сочувственных к черным настроений только возрастал. Конгресс приступил к обсуждению закона о конфискации имущества конфедератов. В распоряжение федеральных частей стекались десятки тысяч беглых рабов. 9 мая генерал Дэвид Хантер, командующий войсками Союза, оккупировавшими острова у побережья Южной Каролины и Джорджии, издал военный закон, упразднявший рабство во всех трех штатах, составлявших его «Южный округ» (Южная Каролина, Джорджия и Флорида). Хантер, как и его предшественники Кэмерон и Фримонт, пошел на этот шаг, не информируя о нем президента, узнавшего обо всем из газет. «Ни один генерал не должен принимать на себя ответственность за мои поступки, не известив об этом меня», — сказал Линкольн министру финансов Чейзу, выражавшему одобрение распоряжению Хантера. Линкольн отменил его и обрушился на генерала с критикой. Консерваторы, рукоплескавшие реакции президента, должны были разглядеть и антирабовладельческие нотки в упреках Линкольна. «[По сути, распоряжение Хантера] может оказаться необходимой мерой для поддержки правительства, — намекнул президент, — [но это решение] я оставляю за собой». Вслед за этим Линкольн обратился к юнионистам из пограничных штатов с просьбой еще раз изучить его предложение о компенсированном, постепенном освобождении рабов. «[Перемены в этом случае] будут незаметны как роса на небесах, если обойтись без ломки и разрушений. Примете ли вы мой план?.. Вы не можете не замечать велений времени»¹⁸.

Оценка Линкольном политического кругозора представителей пограничных штатов была слишком благоприятной. В мае 1862 года эти люди разделяли уверенность северян в скором окончании войны. Если бы Макклеллану удалось взять Ричмонд, с мятежом было бы покончено, но институт рабства остался бы нетронутым. После Семидневной битвы надежда на это исчезла. Новый виток вербовки

17 Меморандум об этой встрече конгрессмена из Мэриленда Джона Крисфилда см.: Segal C. M. *Conversations with Lincoln*. NY, 1961. P. 164—168.

18 CWL. V. P. 219, 222—223. Говоря о постепенном освобождении рабов, Линкольн подразумевал пример северных штатов после Войны за независимость, когда рабы становились свободными по достижении определенного возраста. Также он предлагал одному сенатору из Делавэра установить определенную дату (например, 1882 г.), когда институт рабства будет упразднен законодательно (CWL. V. P. 160).

и мобилизации, начавшийся в ответ на поражение Макклеллана, знаменовал собой переход к тотальной войне, при которой сохранение «Союза, каким он был» становилось недостижимой мечтой, но большинство политиков в пограничных штатах по-прежнему не замечали очевидного.

В июле 1862 года вторая сессия 37-го Конгресса достигла своей кульминации после принятия двух законов, сигнализовавших о переходе к более жесткой военной политике. Первым был закон об ополчении, согласно которому правительство впоследствии провело призыв ополченцев на девять месяцев. Также этот закон позволял президенту зачислять на военную службу «лиц африканского происхождения» для «исполнения любых военных обязанностей, которые они могут осуществлять с пользой», включая солдатскую службу (шаг, который привел бы консерваторов в ужас). Администрация еще не готова была на это пойти, но сам закон наделял правительство поистине революционными полномочиями. Как считали даже умеренные республиканские сенаторы: «Настало время, когда... необходимо заставить военных использовать все человеческие ресурсы страны для подавления мятежа». Войну нужно вести по-другому: время, когда можно было «сражаться в белых перчатках», прошло¹⁹.

Такие настроения еще более проявились в законе о конфискации от июля 1862 года, согласно которому «изменники» наказывались путем конфискации всего имущества, включая рабов, «объявляющихся военнопленными и подлежащих безусловному освобождению». Но текст закона был настолько запутанным и коряво составленным, что хорошему юристу не составило бы труда найти в нем двойные толкования. Главным образом разночтения происходили из-за двойственного определения конфликта как внутреннего мятежа и как настоящей войны. Закон о конфискации изымал собственность мятежников в наказание за измену, но вместе с тем рабы объявлялись «военнопленными». Впрочем, председатель юридического комитета Сената Лаймен Трамбл не видел в этом непоследовательности: «Мы можем обращаться с ними как с изменниками и как с врагами, потому что мы имеем права как воюющей, так и суверенной стороны»²⁰. Те положения закона, которые касались соблюдения прав суверенного государства, были изложены туманно и затрагивали процессуальные

19 U. S. Statutes at Large. XII. P. 597. Сенаторы Джон Шерман и Уильям Питт Фессенден цит. по: *Vogue A. G. Earnest Men...* P. 162.

20 U. S. Statutes at Large. XII. P. 589—592; *New York Herald*. 1862. July 18; Трамбл цит. по: *Vogue A. G. Earnest Men...* P. 220.

действия окружных судов, которые, разумеется, не функционировали в мятежных штатах. Однако закон о конфискации был важным символом превращения войны в инструмент для упразднения социального уклада Юга как средства реконструкции Союза.

Контролировать соблюдение этого закона должно было само правительство, опираясь на расширяющиеся полномочия армии. В июле 1862 года отношение к войне у правящих кругов и армии стало более серьезным. С запада прибыл Джон Поуп, получивший командование над новой Виргинской армией, сформированной из корпусов Бэнкса, Фримонта и Макдауэлла, столь безуспешно преследовавших «Каменную Стену» Джексона в долине Шенандоа. Раздраженный назначением младшего по званию генерала на более высокий пост, Фримонт подал в отставку, с удовольствием принятую Линкольном. Хотя радикальные республиканцы и потеряли одного из своих любимых командиров, вскоре они обнаружили родственную душу в Поупе. Одним из первых его шагов в Виргинии был ряд приказов, предписывавших офицерам изымать собственность мятежников без всякой компенсации, расстреливать захваченных в плен партизан, ведших огонь по союзным войскам, высылать с оккупированной территории гражданских лиц, отказавшихся присягнуть на верность Союзу, а при их самовольном возвращении в родные пенаты поступать с ними как со шпионами.

Действия Поупа вызвали возмущение у южан, которые относились к нему с такой ненавистью, которую из всех янки заслужили только Батлер и позже Шерман. Роберт Ли заявил, что деятельность «негодяя Поупа» должна быть «пресечена». Джефферсон Дэвис угрожал применить крайние меры по отношению к пленникам-северянам, если начнутся расстрелы захваченных в плен федералами партизан. Приказы Поупа были, несомненно, опрометчивыми, но их нельзя было назвать бессмысленными. Гражданские лица, оказавшись за боевыми порядками федералов, действительно сколачивали партизанские отряды, убивавшие отставших солдат, погонщиков и других людей в тылу. Попавшие в распоряжение северян бумаги полковника Конфедерации Джона Имбодена, командовавшего первым отрядом партизан-рейнджеров в Виргинии, содержали приказы «вести как можно более активную войну против жестоких захватчиков... постоянно находиться рядом с их лагерями и отстреливать часовых, дозорных, курьеров и возчиков, словом, всех, кто попадет на глаза»²¹.

21 Nevins A. War... II. P. 155—156.

Хотя Поуп так и не расстрелял ни одного партизана и не выслал ни одного местного жителя, его политика по конфискации собственности южан проводилась своим чередом как в Виргинии, так и на других фронтах; осуществляли ее офицеры и рядовые, получив соответствующие приказы или вовсе без них. Обширные территории на Юге превращались в пустыни. В основном это было неизбежное следствие войны, так как обе армии вырубали деревья и растаскивали заборы, чтобы заготовить дрова, взрывали мосты, водоводы и железнодорожные пути, использовали любые подручные средства для ремонта разрушенных мостов и железных дорог, а также реквизировали урожай, скот и домашнюю птицу для полевых кухонь. Солдаты испокон веку грабили гражданское население, но к середине лета 1862 года уничтожение имущества южан приобрело осмысленный, даже «идеологический» характер. Все чаще и чаще солдаты-федералы высказывались, что настало время снять «белые перчатки» и не миндальничать с «предателями». «Чтобы раздавить гадину, — писал один офицер, — надо расстаться с белыми перчатками и надеть железные рукавицы». Поэтому казалось резонным уничтожить собственность людей, которые делали все, чтобы уничтожить Союз, иными словами, «обирать египтян», — цитировали Библию солдаты-янки. «Защищать собственность мятежника, когда сам он на поле боя сражается против нас — с этим должно быть покончено, — писал капеллан огайского полка. — Так считают все до последнего рядового»²². Такие настроения поддерживались сверху. В июле Линкольн пригласил Хэллека в Вашингтон и назначил его главнокомандующим. Одним из первых приказов Хэллека Гранту, в то время уже командующему оккупационными силами в западной части Теннесси, было предписание «схватить всех активно сочувствующих [мятежникам] и заключить их под стражу либо выслать за расположение наших войск. С ними можно не церемониться, а их собственность нужно передавать на общественные нужды... Настало время им почувствовать, что война пришла на их порог»²³.

Отобрать собственность. Это и было отменой рабства в действии. Как объяснял один из подчиненных Гранта: «Наша задача — быть беспощадным к врагу. Я постоянно использую негров в качестве возчиков, и таких у меня 1000 человек». Освобождение рабов было лишь средством для победы, а не целью войны как таковой. Грант

22 Catton B. Grant Moves South. Boston, 1960. P. 294, 296.

23 O. R. Ser. I. Vol. 17, pt. 1. P. 150.

писал своей семье, что его единственным желанием было «покончить с мятежом»: «У меня нет никакого стремления решать вопрос, дать ли неграм свободу или, наоборот, оставить их в неволе... Я использую их как кучеров, санитаров, поваров и так далее, плюс солдаты теперь избавлены от того, чтобы самим нести ружья. Мне неизвестно, что станет с этими беднягами потом, но то, что мы лишаем врага их помощи, ослабляет его»²⁴.

Одним из видных северян, сожалевших о новом взгляде на войну, был Макклеллан. Когда Линкольн приехал к Харрисон-Лэндинг, чтобы своими глазами увидеть положение в армии Макклеллана, генерал вручил ему меморандум о том, как следует вести войну. «Война не должна иметь цели поработить [южан], — наставлял президента Макклеллан. — Сейчас нельзя прибегать ни к конфискации имущества, ни к насильственному освобождению рабов... Войну нужно вести не против населения, а против армии... Военных нельзя допускать к решению вопросов о рабстве... Пропаганда радикальных взглядов, особенно по вопросу о рабстве, быстро внесет раскол в действующую армию»²⁵.

Линкольн прочитал эти комментарии в присутствии Макклеллана, не проронив ни слова, однако ход его мысли можно воссоздать. Три-четыре месяца назад он бы согласился с Макклелланом, но теперь он уже был убежден в необходимости «насильственного освобождения рабов» и начал составлять Прокламацию об освобождении. Южному юнионисту и северному демократу, несколькими днями ранее приводившими те же доводы, что и Макклеллан, президент резко ответил, что войну более нельзя вести, «опрыскивая сорняки розовой водой... Правительство больше не может играть в игру, на которую оно поставило все, а враг — ничего. И враг должен понять, что нельзя пытаться в течение десяти лет бороться за свержение правительства, а потом, если не получится, вернуться в лоно Союза как ни в чем не бывало... [Требование рабовладельцев из пограничных штатов о том,] чтобы правительство не наносило удар по явным его врагам, пока их не победит стечение обстоятельств, парализует, и смертельно, наше государство, ведущее такую борьбу»²⁶.

Преисполненный решимости, Линкольн 12 июля пригласил конгрессменов из пограничных штатов в Белый дом. Он еще раз

24 Catton B. Op. cit. P. 294, 297.

25 McClellan G. B. McClellan's Own Story. NY, 1887. P. 487—489.

26 CWL. V. P. 344—346, 350—351.

обратился к ним с просьбой принять положительное решение по вопросу об освобождении рабов за компенсацию: «Небывало суровые факты, — начал президент, — [игнорировать более нельзя. Отменив указ генерала Хантера об освобождении рабов два месяца назад], я разочаровал, если не обидел, много людей, чью поддержку мы не имеем права потерять. Этим дело не закончилось. Давление на меня в этом вопросе существует, и оно растет. [Если пограничные штаты не примут] решения немедленно начать процесс *постепенного* освобождения рабов... то рабство в ваших штатах будет уничтожаться в результате стихийных вспышек раздражения, случайных „несчастных случаев“... и вы не получите за это ровным счетом ничего». Но конгрессмены остались глухи даже к такому откровенному предупреждению. Две трети представителей пограничных штатов подписали манифест, отвергающий предложение Линкольна как ведущее к чрезмерно «радикальному изменению нашего общественного уклада», как «вмешательство» администрации во внутренние дела штатов, как дорогостоящую затею (смехотворное возражение со стороны людей, чьи штаты только выиграли бы в финансовом отношении, причем за счет свободных штатов). Наконец, они указали, что вместо приближения конца борьбы это предложение разжигает костер войны и ставит под сомнение победу Севера, так как толкает многих юнионистов в объятия мятежников²⁷.

Такая отповедь вынудила Линкольна оставить попытки вести с консерваторами мирные переговоры. С этого момента президент перешел на радикальные позиции, хотя еще два с лишним месяца не афишировал это. 13 июля, в тот самый день, когда ему вручили манифест пограничных штатов, он обмолвился Сьюарду и Уэллсу о своем намерении издать Прокламацию об освобождении рабов. Согласно записям Уэллса, фиксировавшего ход беседы, Линкольн сказал, что этот вопрос «занимал его мысли днем и ночью» на протяжении нескольких недель. Он пришел к выводу, что освобождение рабов — «военная необходимость, абсолютно неотъемлемая часть решения задачи сохранения Союза»: «Или мы освободим рабов, или сами станем рабами. Несомненно, что рабы являются большим подспорьем для тех, кто ими владеет, и мы должны решить, будет ли эта сила отныне с нами или против нас». Линкольн решительно отменил предположение о неконституционности такого указа. Идет война, и как главнокомандующий он может отдать приказ о захвате

27 CWL. V. P. 317—319; New York Tribune. 1862. July 19.

вражеских рабов с тем же правом, что и приказ о выведении из строя железных дорог южан. «Мятежники... не могут одновременно нарушать Конституцию и взывать к ее защите. Развязав войну против государства, они обрекли себя на все бедствия войны». Пограничные штаты «ничего не сделают» по своей воле; возможно, было неправомерно просить их отказаться от рабства, пока мятежники сохраняют этот институт. «[Поэтому] первый и главный удар нужно нанести [по мятежникам]... Необходимо предпринять решительные и глобальные меры... Мы хотели, чтобы армия наносила удары более энергично. Администрация должна показать пример этого и нанести удар в самое сердце мятежников»²⁸.

Макклеллан уже ясно дал понять, что он не тот генерал, который будет наносить энергичные удары. Вручив президенту свой меморандум о невмешательстве в проблему рабства, Макклеллан не успокоился и послал письмо Стэнтону, где предупредил: «Народ не поддержит такую политику... Наша армия не будет сражаться за что-то другое». Для Стэнтона и Чейза это было уже слишком. Они присоединились к все громче звучащему хору республиканцев, требовавших от Линкольна отставки Макклеллана²⁹. Но Линкольн колебался. Вполне возможно, он знал о том, что Макклеллан в частной переписке называет членов кабинета глупцами и негодьями, отказавшими ему в поддержке во время кампании на Полуострове, во всяком случае, сторонники генерала из числа демократов кричали об этом на каждом углу. Также Линкольн знал и о визите видных нью-йоркских демократов, в том числе «медянки» Фернандо Вуда, к Макклеллану в Харрисонс-Лэндинг с предложением баллотироваться на следующих президентских выборах от их партии. Но президент не мог не принимать во внимание, что солдаты Потомакской армии боготворят Макклеллана, видя в нем вождя, превратившего их в настоящую армию. Солдаты и сержанты не разделяли критику Макклеллана политиками-республиканцами, а многие офицеры не одобряли войну против рабства, курс на которую был взят в Вашингтоне. Учитывая это, Линкольн понимал невозможность отстранения Макклеллана от командования без риска вызвать упадок духа в армии и спровоцировать острую реакцию демократических кругов в тылу.

28 Welles G. The History of Emancipation // The Galaxy. 14 (Dec. 1872). P. 842—843.

29 McClellan's Own Story. P. 478; Irwin R. B. The Administration in the Peninsular Campaign // Battles and Leaders. II. P. 438.

Угроза выстрела в спину со стороны демократов внесла свой вклад в задержку обнародования Прокламации. 22 июля Линкольн известил членов кабинета о своем намерении выпустить Прокламацию об освобождении и попросил высказать свои мнения. Несогласие выразил лишь Монтгомери Блэр, опасавшийся, что такой указ будет стоить республиканцам контроля над большинством в Конгрессе на осенних выборах. Госсекретарь Сьюард одобрил Прокламацию, но порекомендовал отложить ее опубликование «до тех пор, пока она не будет сопровождаться военными успехами». В противном же случае общество может увидеть в ней «последнюю попытку истощенного государства, крик о помощи... предсмертный вопль бегущего». «[Мудрость такого совета] до крайней степени поразила меня», — говорил позже президент, поэтому он отложил проект Прокламации до лучших, победных времен³⁰.

Ожидание лучших времен затянулось, а между тем мнения по вопросу о рабстве расходились все больше и больше. С левого фланга, со стороны радикалов и аболиционистов, доносились все более оскорбительные комментарии в адрес президента, публично не поддержавшего освобождение рабов. Линкольн «просто-напросто тряпка», — возмущался Уильям Ллойд Гаррисон, а его военная политика — это «сплошные колебания, непоследовательность, уклончивость и нерешительность». Фредерик Дуглас полагал, что президент «позволил себе превратиться в... жалкую марионетку в руках изменников и мятежников». В письме Чарльзу Самнеру от 7 августа Хорас Грили спрашивал: «Вы помните эту старую богословскую книгу, где первая глава называлась „Ад“, а вторая — „Ад продолжается“? Именно так, мне кажется, нужно разговаривать со стариной Эйбом в годину кризиса». На страницах *New York Tribune* Грили перешел к нападка на Линкольна³¹.

Эти слова звучали весьма жестко, но они были несравнимы с теми, что раздавались из лагеря демократов. Выдвижение вопроса о рабстве на первый план в кампании 1862 года угрожало тем, что большое количество членов Демократической партии могли встать на антивоенную позицию. Игнорировать такое было нельзя. Демократы получили 44% голосов избирателей свободных штатов

30 CWL. V. P. 336—337; *Carpenter F. B. Six Months at the White House*. NY, 1866. P. 22.

31 *Garrison Papers*, Boston Public Library; *Liberator*. 1862. July 25; *Douglass Monthly*. 1862. Aug. P. 694; *Hale W. H. Horace Greeley, Voice of the People*. NY, 1961. P. 268—269.

на выборах 1860 года. Если к ним прибавить голоса пограничных штатов, то Линкольн мог оказаться «президентом меньшинства». К 1862 году некоторые «военные демократы» перешли в лагерь республиканцев: яркие примеры тому — генерал Батлер и военный министр Стэнтон. Другие «военные демократы», такие как Макклеллан, оставались на своих позициях и поддерживали сохранение Союза путем военной победы над мятежниками, но противостояли отмене рабства. В этом же году на арену вышла и третья сила: «мирные демократы», или «медянки», которые выступали за восстановление Союза путем переговоров, а не военных побед. Это было несбыточной мечтой, которую республиканцы расценивали как измену, поскольку такие взгляды играли на руку конфедератам. Южане возлагали большие надежды на фракцию «медянок», считая ее «сильной и многочисленной»: «Если ей позволят действовать в рамках Конституции, то она сможет парализовать агрессивные действия партии большинства»³².

Коалиция «военных» и «мирных» демократов была шаткой, ненадежной и порой прекращала свое существование, но по вопросу о недопустимости освобождения рабов обе фракции были едины. В ходе четырех ключевых поименных голосований в Конгрессе по вопросу о рабстве в 1862 году (указ по армии, запрещающий выдачу беглых рабов хозяевам, упразднение рабства в округе Колумбия, запрет рабства на новых территориях и закон о конфискации имущества) 96% демократов голосовали против, а 99% республиканцев — за эти законы. Редко (если вообще когда-либо) в американской политической жизни поднимался вопрос, мнения по которому у обеих основных партий были бы столь полярными. Благодаря сессии республиканцы имели подавляющее большинство в Конгрессе и могли легко принять эти акты, но обратная реакция противников аболиционизма могла лишить их этого большинства на осенних выборах. Это объясняет опасения Монтгомери Блэра и осторожность Линкольна.

Северные демократы и в 1862 году нещадно эксплуатировали расовый вопрос, как они привыкли делать перед каждым выбором со времен зарождения Республиканской партии. «Черные республиканцы», «партия фанатиков» намеревается освободить «два-три миллиона полудикарей», которые «наводнят Север и начнут кон-

32 The Diary of Edmund Ruffin. Vol. II. The Years of Hope April, 1862 — June, 1863. Baton Rouge, 1976. P. 34.

куруровать с белыми трудящимися» и мешать кровь с «их сыновьями и дочерьми». «Должен ли рабочий класс быть приравнен к неграм?» — кричали заголовки демократических газет³³. Солдаты огайских полков, предупреждал конгрессмен от этого штата и лидер демократов Сэмюэл Кокс, перестанут сражаться за Союз, «если результатом войны будет перемещение на Север миллионов чернокожих». А архиепископ Джон Хьюз предостерег: «Мы, католики, и большинство наших храбрых солдат, проливающих кровь на поле брани, не имеем ни малейшего желания вести войну, стоящую нам стольких жизней и средств, ради удовлетворения горстки аболиционистов»³⁴.

Наслушавшись подобной риторики от своих лидеров, некоторые белые рабочие (что неудивительно) стали воспроизводить эти убеждения на улице. Летом 1862 года в нескольких крупных городах прошли расистские бунты. Наиболее кровавые события разразились в Цинциннати, где решение о замене бастующих ирландских докеров неграми вызвало ряд нападений на черные кварталы. В Бруклине толпа выходцев из Ирландии пыталась сжечь табачную фабрику, на которой работали больше двадцати негрятенок и их детей. Кошмарные видения черных полчищ, захватывающих Север, материализовались в Иллинойсе, куда военное министерство переправило несколько вагонов с «контрабандой» для помощи сборщикам урожая. Несмотря на отчаянную нехватку рук и гибнувший урожай, начавшиеся бунты вынудили правительство вернуть большинство чернокожих в лагерь к югу от реки Огайо.

Расистские настроения не были монополией демократов. Довоенные законы об исключении негров из общественной жизни, принятые в некоторых штатах Среднего Запада, пользовались поддержкой немалого количества вигов. В 1862 году около $\frac{2}{5}$ республиканских избирателей присоединились к демократам, чтобы подтвердить действие такого закона на референдуме. Сенатор Лаймен Трамбл, создатель закона о конфискации, признавал: «На Западе (я знаю это на примере моего собственного штата) существует колоссальное неприятие того, чтобы свободные негры жили среди нас. Наши люди

33 Lofton W. Northern Labor and the Negro during the Civil War // Journal of Negro History. 1949. 34. P. 254; Voegeli V. J. Free But Not Equal: The Midwest and the Negro during the Civil War. Chicago, 1967. P. 6; Wood F. G. Black Scare: The Racist Response to Emancipation and Reconstruction. Berkeley, 1968. P. 35.

34 CG, 37 Cong., 2 Sess., Appendix. P. 242—249; Foote S. Civil War. I. P. 538.

не хотят иметь с неграми ничего общего»³⁵. Чтобы успокоить волнения, некоторые республиканцы начали утверждать, что именно рабство побудило негров бежать на Север в поисках свободы; освобождение оставит представителей этой тропической расы на Юге, где они смогут наслаждаться свободой в подходящих для них условиях. Однако данный тезис вызвал немалый скепсис. Чтобы решить вопрос со страхом населения перед миграцией негров, ставший настоящей ахиллесовой пятой партии, многие республиканцы начали выступать за колонизацию.

Такое решение проблемы межрасовых отношений жестко, но действительно резюмировали слова одного солдата из Иллинойса: «Я против освобождения негров и того, чтобы они жили среди нас, и старина Эйб тоже против этого, поэтому мы отправим их в колонии»³⁶. «Старина Эйб» в 1862 году действительно был сторонником колонизации. Еще со времен своей деятельности в Иллинойсе он привык держать руку на пульсе общественного мнения по данному вопросу и считал, что пропаганда колонизации действеннее всего ослабит пафос противников освобождения, который мог привести к поражению республиканцев на выборах 1862 года. Это предложение стало лейтмотивом встречи президента с лидерами негритянских общин в округе Колумбия, которых он пригласил на встречу в Белый дом 14 августа. Рабство было «величайшим злом, причиненным всем людям», — начал Линкольн свое обращение к делегации. Но даже если рабство будет упразднено, расовые различия и предрасудки никуда не денутся. «Многие представители вашей расы очень сильно страдают, живя среди нас, и нам также тяжело от вашего присутствия». У чернокожих очень мало шансов достичь равенства, проживая на территории Соединенных Штатов. «Часть нашего народа, как ни горько признать, не желает, чтобы свободные цветные люди жили среди него... Я сейчас не хочу обсуждать это, но просто привожу факт, который мы должны учитывать. Я не могу изменить это, даже если попытаюсь». Факт этот, продолжил Линкольн, делает необходимым эмиграцию негров в другие страны, где у них будет больше возможностей. Президент обратился к лидерам общин с просьбой набрать добровольцев для первого колонизационного проекта в Центральной Америке, причем финансировать его должно было правительство. Если такой проект завершится удачей, он под-

35 CG, 37 Cong., 2 Sess. P. 1780.

36 Wiley B. I. Billy Yank. P. 112.

готовит почву для эмиграции многих тысяч, которые получают свободу в результате войны³⁷.

Большинство представителей общин высмеяли и осудили предложение Линкольна. «Эта страна наша в той же мере, что и ваша, — возразил президенту представитель Филадельфии, — и мы не покинем ее». Фредерик Дуглас обвинил Линкольна в «оскорблении негров» и «лицемерии». Высказывания президента, говорил Дуглас, побудят «невежественных и низких» белых «к совершению насилия и возбуждению ненависти к цветным». Аболиционисты и многие радикальные республиканцы последовательно выступали против колонизации как расистской и негуманной меры. «Насколько лучше, — писал Сэлмон Чейз, — смотрелись бы мужественный протест против расистских предрассудков и благоразумные усилия, направленные на обустройство освобожденных в самой Америке!»³⁸

Но консерваторы обвинили своих радикальных коллег в игнорировании непреложных расовых различий. «Аболиционисты могут толковать сколько угодно о том, что конец рабства значит и конец напряженности, — писал консервативно настроенный деятель, — [но] самые большие сложности как раз тогда и начнутся! Вопрос о расовых различиях глубокий и путающий». Две трети республиканцев в Конгрессе в конце концов убедились, что напряженность необходимо снять, и проголосовали за поправки к упразднению рабства в округе Колумбия, а также за закон о конфискации, благодаря которому удалось найти 600 тысяч долларов на обеспечение колонизации. С практической точки зрения, признавался один республиканец, колонизация «есть полнейшая нелепица, но эта идея может успокоить людей»³⁹.

Правительству удалось завербовать несколько сотен потенциальных черных эмигрантов. Но колонизация действительно оказалась на практике полной нелепицей. Центральноамериканский проект сорвался из-за протестов Гондураса и Никарагуа. В 1863 году правительство США построило поселок для 453 колонистов на одном из островов близ Гаити, но и это начинание потерпело неудачу, после того как голод и оспа выкосили колонию. В конце концов

37 CWL. V. P. 370—375. Репортер *New York Tribune* охарактеризовал этот абзац как «суть предложений президента».

38 *New York Tribune*. 1862. Sept. 20; *Douglass Monthly*. 1862. Sept. P. 707—708; *Inside Lincoln's Cabinet: The Civil War Diaries of Salmon P. Chase*. NY, 1954. P. 112.

39 *Boston Commonwealth*. 1862. Oct. 18; *Durden R. F. James Shepherd Pike: Republicanism and the American Negro, 1850—1882*. Durham (NC), 1957. P. 37.

в 1864 году администрация послала на остров военный корабль, вернувший на родину оставшихся в живых 368 колонистов. Это положило конец официальным попыткам отправить негров в колонии. К тому моменту раскрутившийся маховик войны отвлек большинство северян от событий 1862 года.

Действия Линкольна по подготовке колонизации являлись частью его политики по подготовке общественного мнения к освобождению рабов. Хотя он и решил не обнародовать Прокламацию до победы своей армии, он продолжал время от времени зондировать почву. 22 августа он ответил Хорасу Грили на его аболиционистскую передовицу «Молитва двадцати миллионов» открытым письмом. «Моей главной задачей в этой борьбе является спасение Союза, а не спасение или уничтожение рабства, — писал Линкольн в этом выразительном документе. — Если я смогу спасти Союз, не освободив ни одного раба, я сделаю это. Если я смогу спасти Союз, освободив всех рабов, я сделаю это. И если я смогу спасти Союз, освободив часть из них, а другую оставив в оковах, я также сделаю это»⁴⁰. В этом пассаже могли увидеть ответы на свои сомнения сторонники противоположных точек зрения: президент вновь повторил, что целью войны для него остается сохранение Союза, но многие отметили намек на то, что частичное или даже полное освобождение рабов может оказаться необходимым для достижения этой цели.

Та же самая двусмысленность отличала и ответ Линкольна группе священнослужителей, представивших ему 13 сентября петицию о свободе. Президент согласился, что «рабство является корнем мятежа»: «[Освобождение рабов] ослабит мятежников, лишив их рабочей силы [и] поможет нам в Европе, убедив тамошние державы, что мы руководствуемся не только честолюбием... [Но в создавшихся обстоятельствах,] когда я даже не могу добиться действия Конституции в мятежных штатах, какое благо может принести Прокламация об освобождении?.. Я не хочу издавать документ, который, как неизбежно станет ясно всему миру, не будет действовать и уподобится папской булле против кометы!»⁴¹ Здесь также Линкольн, рассуждая о желательности, но тщетности освобождения рабов в настоящий момент, поступил по принципу «и нашим и вашим».

40 CWL. V. P. 388—389.

41 Ibid. P. 419—421.

Когда Линкольн произносил эти слова, его ум больше занимали военные вопросы. За два месяца положение вещей как на западном, так и на восточном театре военных действий ухудшилось: в середине сентября три южные армии маршировали на север в полном предвкушении победы. Однако спустя несколько недель этот девятый вал вновь отхлынул обратно на Юг, так и не затопив Вашингтон, что положило конец надеждам Конфедерации на признание ее европейскими державами. Линкольну же досталась долгожданная победа, которая позволила ему обнародовать Прокламацию об освобождении.

17.

«Верни меня в Виргинию домой»

I

По мере того как Ли оттеснял Макклеллана от Ричмонда, перспективы войск Союза на западе стали ухудшаться. Спуск вниз по Миссисипи откладывался из-за неприступности Виксберга, триумфальное шествие сухопутной армии застопорилось в Коринте. Почему это произошло? Как правило, объясняют это тем, что Хэллек расплыл силы и упустил отличную возможность подавить мятеж в долине Миссисипи. На самом деле все было не столь просто.

После того как 110-тысячная армия Хэллека в конце мая заняла Коринт, перед ней встали четыре задачи: 1) преследование бегущих мятежников и попытка взять Виксберг с тыла; 2) переброска войск в район Чаттануги для «освобождения» Восточного Теннесси; 3) ремонт и охрана железнодорожной сети, по которой осуществлялись поставки федеральной армии на этом театре; 4) организация оккупационных войск для охраны порядка, учреждение лагерей для беглых негров, помощь юнионистам в реконструкции Теннесси под управлением военного губернатора Эндрю Джонсона, которого Линкольн направил в Нашвилл, и осуществление контроля над возрождающейся торговлей оккупированных территорий с Севером. В лучшем из всех возможных миров Хэллек мог бы выполнить все эти задачи одновременно, но на этой грешной Земле ресурсов у него не хватало. Военный министр Стэнтон и генерал Грант считали priori-

тетным взятием Виксберга. Намерение Хэллека отложить эту кампанию ради решения остальных задач подверглось серьезной критике. Атака всеми силами Виксберга, по мнению критиков, позволила бы перерезать жизненно важную артерию Конфедерации и приблизить конец войны¹.

Это заявление не учитывает физические, логистические и политические реалии. Мы уже говорили о проблеме болезней у воевавшей в непривычном климате армии северян. Необыкновенно дождливая весна сменилась катастрофически засушливым летом. Ручьи и источники в северных районах Миссисипи, дававшие воду людям и лошадям, пересыхали. Несколько кавалерийских и пехотных бригад преследовали отступавших конфедератов на протяжении двадцати миль к югу от Коринта, но в июле вынуждены были повернуть назад из-за нехватки воды. Отправка Хэллеком нескольких бригад для восстановления и охраны железной дороги не была столь уж бессмысленным шагом, как иногда считают, так как после падения уровня воды в реках, остановившего судоходство, армия целиком и полностью стала зависеть от железнодорожного сообщения. Любая наземная кампания по взятию Виксберга была уязвима вследствие нападений мятежников на железные дороги и склады припасов, в чем Грант убедился полгода спустя, когда подобные набеги вынудили его прекратить первую осаду Виксберга. Другие бригады должны были быть взяты из ударной группировки ради политической задачи обеспечения безопасности и управления оккупированными территориями. Наконец, давно вынашиваемая мечта Линкольна о реконструкции Восточного Теннесси превращала и эту политическую задачу в неотложную².

Поэтому Хэллек разделил Теннессийскую армию³ под командованием Гранта на несколько частей для выполнения оккупационных задач и восстановления железных дорог, отрядил одну дивизию для

1 Personal Memoirs of U. S. Grant. 2 vols. NY, 1886. I. P. 381—384; Catton B. Grant Moves South. Boston, 1960. P. 278—279; Foote S. Civil War. I. P. 542—545; Nevins A. War... II. P. 112.

2 В защиту Хэллека см.: Ambrose S. E. Halleck: Lincoln's Chief of Staff. Baton Rouge, 1962. P. 55—57; Hattaway H., Jones A. How the North Won: A Military History of the Civil War. Urbana (Ill.), 1983. P. 205—206.

3 В 1862 г. ее иногда называли армией Западного Теннесси. Теннессийская армия официально была сформирована в октябре 1862 г. и до конца войны была известна под этим названием. Когда Хэллек в июле 1862 г. отбыл в Вашингтон, чтобы принять пост главнокомандующего, командование двумя главными армиями Союза на западе было поделено между Грантом и Бьюэллом.

усиления союзных войск, противостоящих новой угрозе, возникшей в Арканзасе, и выделил 40 тысяч в Огайскую армию под командованием Бьюэлла, направив ее к Чаттануге. Действия Бьюэлла — главные усилия федералов на Западном театре военных действий летом 1862 года — оказались столь же беспомощными, как и кампания Маккелллана. Будучи старыми друзьями, Бьюэлл и Маккелллан имели много общего, стратегические идеи того и другого во многом совпадали. «Целью является не победа в решающей битве или штурм неприступных сооружений, а демонстрация силы и маневры, препятствующие врагу собрать воедино свои разрозненные силы»⁴.

Бьюэлл как политический консерватор верил в ограниченную войну с ограниченными целями. Такая точка зрения замедлила его движение к Чаттануге вдоль железной дороги от Коринта через северную часть Алабамы, к тому же и партизаны постоянно отрезали его от тылов. «Охрана мостов и передовые дозоры подвергаются ночным атакам», — рапортовал один дивизионный командир. Вера Бьюэлла в «мягкую» войну не учитывала ожесточенное сопротивление гражданского населения, подававшего в партизаны, и не предполагала снабжение за счет населения, именно поэтому Бьюэлл продвигался не быстрее, чем его инженерные команды могли восстанавливать мосты и укладывать снятые рельсы. Через три недели после выхода из Коринта он продвинулся лишь на девяносто миль и был лишь на полпути к Чаттануге. 8 июля Хэллек сообщил измотанному Бьюэллу: «Президент телеграфирует о том, что не удовлетворен вашими темпами и вам следует идти быстрее»⁵.

К этому времени Огайская армия приближалась к Стивенсону (Алабама), куда подходила новая железнодорожная линия из Нашвилла. Но неприятности Бьюэлла только начинались. Как только первый эшелон с боеприпасами 13 июля отправился на юг из Нашвилла, кавалерия Натана Бедфорда Форреста атаковала гарнизон северян в Мерфрисборо. Форрест пленил гарнизон, разрушил железную дорогу и стремительно скрылся в горах Камберленд на востоке, прежде чем дивизия, посланная Бьюэллом, смогла его настичь. Когда ремонтники закончили восстанавливать дорогу, Форрест объявился вновь, уничтожив три моста к югу от Нашвилла, и снова исчез из-под носа у федералов. Наскоки Форреста задержали и без того медлен-

4 Письмо Бьюэлла от 18 декабря 1861 г. (Civil War Collection. Henry E. Huntington Library).

5 O. R. Ser. I. Vol. 10, pt. 2. P. 180; Vol. 16, pt. 2. P. 104.

ное наступление Бьюэлла более чем на две недели. Из Вашингтона вновь пришло известие о «крайнем недовольстве». Когда Бьюэлл попытался объяснить, в чем тут дело, ответом ему была угроза об отстранении, если он не излечится от «очевидного недостатка энергии и активности»⁶.

В момент, когда Бьюэлл готовился пересечь реку Теннесси в двадцати милях от Чаттануги, произошла еще одна беда в виде очередного кавалерийского набега мятежников. На этот раз отрядом врага командовал Джон Хант Морган, 36-летний кентуккиец, чей стиль соединял в себе стремительность Стюарта и жестокость Форреста. Учтивый и элегантный Морган набрал отряд бедных и отчаянных земляков, начавший свои славные подвиги в июле 1862 года с тысячемильного рейда через Кентукки и центральные районы Теннесси, в котором захватил 1200 пленных и несколько тонн боеприпасов, потеряв менее 90 человек павшими. В середине августа удалцы Моргана внезапно вновь появились в Центральном Теннесси и заблокировали железную дорогу к северу от Нашвилла, пустив горящие товарняки в 800-футовый туннель. Деревянные крепления свода сгорели, и он обрушился. Этот подвиг отрезал Бьюэлла от его главной базы в Луисвилле.

Эти кавалерийские рейды иллюстрировали преимущество южан в оборонительных действиях на своей территории. Всего лишь 2500 человек Форреста и Моргана заставили остановиться 40-тысячную армию вторжения. Действуя среди сочувствующего населения и скрываясь среди холмов, всадники мятежников наносили удары, где и когда было выгодно им. Защитить все мосты, туннели, паровозные депо вдоль сотен миль железнодорожного полотна было невозможно, поэтому партизаны и кавалеристы совершали свои стремительные набеги на отдаленные гарнизоны или незащищенные участки дороги практически безнаказанно. Единственным эффективным противоядием могла стать федеральная кавалерия, столь же умелая и с толковыми командирами, знающая местность, умеющая стрелять и держаться верхом не хуже южан. Такая кавалерия могла бы преследовать и догонять противника, сражаться с ним на равных, а также проводить рейды по тылам конфедератов. Командующие северян получили в 1862 году суровый урок, но не смогли сравняться с южанами в этом роде войск вплоть до следующего года, когда начали платить лихим кавалеристам врага той же монетой.

6 Ibid. Vol. 16, pt. 2. P. 360.

Поход Бьюэлла также показал сильные и слабые места железнодорожной логистики. «Железный конь» мог перевезти большое количество войск дальше и быстрее, чем его четвероногий товарищ. Будучи интервентом, развернувшим свои силы на огромной территории, армия Союза больше зависела от железнодорожного транспорта, чем конфедераты. В январе 1862 года северный Конгресс позволил президенту брать под контроль любую железную дорогу, «если, по его мнению, того требует общественная безопасность». Правительство редко использовало это право в северных штатах, хотя Стэнтон приводил это как аргумент, чтобы заставить хозяев железных дорог отдавать приоритет военным грузам и установить на их перевозку справедливые тарифы. На оккупированных же южных территориях администрация вмешивалась в железнодорожный бизнес в полной мере. В феврале 1862 года Стэнтон учредил Военное управление железных дорог Соединенных Штатов и назначил его начальником Дэниела Маккаллума. Бывший начальник железной дороги Эри и эффективный администратор, Маккаллум в конце войны управлял более чем 2000 миль дорог, приобретенных, построенных и отремонтированных его управлением на завоеванных территориях Юга.

Военное министерство в Ричмонде не имело возможности устанавливать такой контроль над железными дорогами Юга до мая 1863 года, да и после этого редко пользовалось своими полномочиями. На Юге не было аналогичного управления, а правительству Конфедерации так никогда и не удалось сделать разрозненные, обветшавшие железные дороги с разной шириной колеи столь же эффективными, как и на Севере. Такое превосходство Севера в логистике явилось одним из факторов его конечной победы⁷.

Однако в 1862 году зависимость союзных армий от железных дорог оказывалась и напастью. «Железные дороги — самое уязвимое место армии, — считал Шерман. — Один человек со спичками может перерезать коммуникации... [Несмотря на то, что] наши армии продвигаются вглубь неприятельской территории, тот же самый враг оказывается у нас в тылу, — продолжал генерал. — Удел любой железной дороги, проходящей по территории, где каждый дом — логово хорошо укрытого злейшего врага, — постоянно сталкиваться

7 Black R. C. *The Railroads of the Confederacy*. Chapel Hill, 1952; Weber Th. *The Northern Railroads in the Civil War, 1861—1865*. NY, 1952; Turner G. E. *Victory Rode the Rails*. Indianapolis, 1953. В начале войны в Конфедерации на 9000 миль трех вариантов колеи приходилось 113 железнодорожных компаний.

с тем, что сжигают мосты и баки для воды, выводят из строя поезда и рельсы, а локомотивы угоняют и ломают»⁸. Такие превратности судьбы в конечном итоге заставили генералов северян прибегнуть к средству, которое Наполеон применил еще полвека назад. Огромные армии французского императора не могли снабжаться гужевым транспортом, поэтому они как саранча опустошали захваченную страну.

Бьюэлл не желал вести подобную войну, что и привело к его опале. Брэкстон Брэгг, новый командующий конфедеративной Миссисипской армией (которую вскоре переименуют в Теннессийскую армию) осознал эффективность рейдов Моргана и Форреста по дестабилизации коммуникаций Бьюэлла: «Наша кавалерия прокладывает мне путь в Центральный Теннесси и в Кентукки», — писал он в конце июля⁹. Брэгг решил оставить в Миссисипи 32-тысячную группировку под командованием Ван Дорна и Прайса для защиты Виксберга и центральной части штата. Оставшиеся 34 тысячи он намеревался выдвинуть к Чаттануге, откуда мог направиться в Кентукки. Брэгг рассчитывал повторить подвиги Моргана и Форреста в более крупном масштабе. Бьюэлл будет вынужден последовать за ним и предоставит ему возможность нанести удар по флангу федералов. Если Грант двинется на помощь Бьюэллу, то Ван Дорн и Прайс ударят в северном направлении и выбьют врага из западной части Теннесси. Кавалерия Форреста и Моргана будет по-прежнему сеять панику в тылу союзной армии, к тому же Брэгг был уверен в поддержке 18-тысячной Восточнотеннессийской армии Эдмунда Кирби Смита, внимательно наблюдавшего за приближением к Чаттануге тихоходного Бьюэлла. Конфедераты полагали, что кентуккийцы только и ждут того, чтобы присоединиться к правому делу Юга. Брэгг затребовал 15 тысяч ружей дополнительно, чтобы вооружить жителей Кентукки, которые, как он ожидал, вольются в его армию.

Заменив отстраненного от командования Борегара, Брэгг занимался реорганизацией армии и укреплением в ней дисциплины, готовя солдат к новой кампании. Страдая от язвы и мигрени, вспыльчивый и сварливый Брэгг был довольно жестким человеком. Он поставил к стенке несколько солдат за дезертирство, а также расстрелял одного рядового, делавшего вид, что стреляет по цыплятам, но на самом деле убившего негра. Эти меры сработали, во всяком случае,

8 Цит. по: *Hattaway H., Jones A. How the North Won...* P. 250.

9 *Foote S. Civil War. I. P. 571.*

дезертирство сократилось, а дисциплина улучшилась. Рядовой состав хорошо усвоил, как выразился один из солдат, что Брэгт — это «человек, который сдержит свое слово, и приказам которого следует подчиняться». Однако другой «серомундирник» добавил, что «ни один солдат во всей армии никогда не любил и не уважал его»¹⁰.

Это вряд ли беспокоило Брэгта. Его главной задачей было перебросить войска из Миссисипи к Чаттануге. Он пришел к парадоксальному решению: Брэгт решил перевезти армию по железной дороге, но не по прямому 200-мильному участку, который Бьюэлл преодолел за шесть недель, а обходным маршрутом длиной 776 миль: сначала на юг в Мобил, затем на северо-восток в Атланту и только потом на север в Чаттанугу. Начиная с 23 июля он отправлял по дивизии в день, и через две недели вся армия сконцентрировалась у Чаттануги. Это было самой масштабной железнодорожной перевозкой сил Конфедерации за всю войну¹¹. К середине августа Брэгт и Смит были готовы к совместному наступлению. «Ван Дорн и Прайс выступят одновременно с нами из Миссисипи по направлению к Западному Теннесси, — с энтузиазмом писал Брэгт, — и я уверен, что мы соединимся в Огайо». В своей речи, обращенной к войскам, Брэгт заявлял: «Перед нами враг, опустошающий нашу прекрасную страну... надругавшийся над нашими женщинами и осквернивший наши алтари... Вам решать, останутся ли наши братья и сестры в Теннесси и Кентукки невольниками аболиционистских тиранов или вернуться в лоно свободы, унаследованной от наших отцов»¹².

Кирби Смит двинулся первым и оказался быстрее прочих. С 21 тысячи человек (в том числе с одной из дивизий Брэгта) он 14 августа оставил Ноксвилл и направился на север к ущелью Камберленд-Гэп, захваченному восьмитысячным отрядом северян два месяца назад. Не желая штурмовать эти Фермопилы, Смит обошел их стороной и продолжил движение на север, оставив в арьергарде дивизию, присматривавшую за федералами в ущелье. Смит двигался со скоростью, которую Линкольн всегда хотел бы видеть у своих генералов. Через две недели он достиг Ричмонда (Кентукки), находящегося

10 Catton B. *Terrible Swift Sword*. Garden City, NY, 1963. P. 380; Foote S. *Civil War*. I. P. 569.

11 Обоз и артиллерию Брэгт отправил по обычным дорогам, и они прибыли на место позже пехоты. Годом позже Лонгстрит совершил более дальнюю переброску двух дивизий с артиллерией по железной дороге из Виргинии в Чикамогу. Однако Лонгстрит перебросил лишь 12 тысяч человек, а Брэгт — 30 тысяч.

12 O. R. Ser. I. Vol. 16, pt. 2. P. 749; Foote S. *Civil War*. I. P. 584.

в 150 милях от Ноксвилла и всего в 75 милях к югу от Цинциннати, жители которого едва не впали в панику при слухах о приближении мятежников. Близ Ричмонда Смит столкнулся с первым серьезным отрядом врага, состоявшим из 6500 необстрелянных новобранцев. 30 августа южане набросились на них с боевым кличем мятежников и обратили янки в бегство, убив или ранив больше тысячи человек и захватив в плен большинство остальных, потеряв при этом менее пятисот солдат.

Смит занял Лексингтон и готовился привести к присяге в находившейся неподалеку столице штата Франкфорт конфедеративного губернатора. Тем временем 30-тысячная армия Брэга маршировала на север от Чаттануги параллельным с Кирби Смитом курсом на расстоянии сотни миль к западу. Как только они пересекли границу Кентукки, Брэгт сделал привал и обратился к населению с воззванием: «Кентуккийцы, я пришел в ваш штат... чтобы вернуть вам свободу, которой вы были лишены под гнетом жестокого и беспощадного врага... Если вы предпочитаете власть Севера, покажите нам свое неодобрение, и мы вернемся туда, откуда пришли. Если же вы хотите вернуться к своим братьям, тогда приветствуйте нас улыбками ваших женщин и протяните свои руки, чтобы мы могли вручить вам свободу»¹³.

Женщины Кентукки одарили измученных солдат множеством улыбок, но из мужчин сражаться за дело Юга пришли очень немногие. Большинство из тех, кто желал присоединиться к южанам, уже поступили так годом ранее, а прочие мечтали разделить триумф победителей. Брэгт пока не зарекомендовал себя таковым, несмотря на то, что его армия пленила четырехтысячный союзный гарнизон в Манфордвилле — всего в 60 милях к югу от Луисвилла. Возможно, кентуккийцы поняли то, о чем сам Брэгт еще не догадывался: его «вторжение» было всего лишь крупномасштабным набегом. У мятежников не было ни живой силы, ни ресурсов, чтобы превратить рейд в полноценную оккупацию и защитить штат от контрмер федералов. Армия Бьюэлла уже достигла численности в 55 тысяч человек (включая две влившиеся в нее дивизии Гранта, третья была на подходе); еще 60 тысяч добровольцев были сосредоточены в Луисвилле и Цинциннати.

Очевидные военные успехи Брэга и его политическая неудача вызвали колебания настроения от эйфории до отчаяния. 18 сентября

13 O. R. Ser. I. Vol. 16, pt. 2. P. 822.

он писал своей жене: «Мы завершили самую блестящую кампанию в истории войн», а уже несколько дней спустя он пребывал в «глубокой разочарованности бездействием единомышленников в Кентукки»: «Наша армия не растет... Энтузиазм велик, но проявляется только в речах... Здешние жители разжирили, они слишком богаты, чтобы сражаться... Если ничего не произойдет, вскоре мы вынуждены будем оставить цветущий Кентукки и его жадных жителей»¹⁴.

При возвращении армии Бьюэлла к Луисвиллу Брэгт оказывался в удобной позиции для атаки ее с фланга. Но зная о численном превосходстве противника, он хотел прежде объединиться с Кирби Смитом, который по-прежнему находился в районе Лексингтона и Франкфорта в сотне миль к востоку. Брэгт предложил Смиту встретиться у Бардстауна — на равном расстоянии от двух конфедеративных армий и всего в 35 милях к югу от Луисвилла. Там объединенные армии могли бы дать решающую битву за Кентукки. Тем временем оба командующих взяли паузу, чтобы засвидетельствовать свое почтение вступающему в должность конфедеративному губернатору штата. Они надеялись, что этот символический акт побудит робких кентуккийцев встать под знамена южан.

Однако эта церемония была прервана канонадой приближающейся артиллерии Союза. Понукаемый недовольным Линкольном и раздраженной северной прессой, Бьюэлл все же отважился атаковать своих мучителей. Весь прошлый месяц его более многочисленная и лучше вооруженная армия не делала ничего, чтобы помешать вторжению конфедератов. Весь сентябрь Хэллек по телеграфу призывал Бьюэлла действовать: «Сейчас, как и всегда, вы продвигаетесь слишком медленно... Пассивность вашей армии поражает больше всего. За последние два месяца Брэгт прошел расстояние в четыре раза большее, чем вы». Если бы Бьюэлл не решился на активные действия, его ждала бы отставка. Выражаясь метафорически (надеюсь, именно так!), Хэллек предупреждал: «Правительство уже готово гильотинировать всех неудачливых генералов... Вполне возможно, что в отношении нас требуются жесткие меры, как во времена Французской революции»¹⁵.

Бьюэлл принял его слова к сведению и в первую неделю октября начал действовать активно. Он превратил свою армию в ударную

14 *Catton B. Terrible Swift Sword... P. 413; O. R. Ser. I. Vol. 16, pt. 2. P. 876; Urquhart D. Bragg's Advance and Retreat // Battles and Leaders. III. P. 602; McWhiney G. Controversy in Kentucky: Braxton Bragg's Campaign of 1862 // CWH. 1960. 6. P. 23.*

15 *O. R. Ser. I. Vol. 16, pt. 2. P. 530, 421.*

группировку из 60 тысяч человек, ровно треть из которых, впрочем, составляли необстрелянные рекруты. В распоряжении Брэгга и Смита было около 40 тысяч ветеранов, однако они были разделены 60 милями от Лексингтона до Бардстауна. Бьюэлл для отвода глаз послал одну дивизию к Франкфорту (это и была дивизия, сорвавшая церемонию инаугурации), пока оставшиеся, сведенные в три колонны, направились навстречу основным силам Брэгга к Бардстауну. Брэгг попался на ложный маневр северян, оттянув чуть ли не половину своей армии к Франкфорту, в то время как три колонны Бьюэлла обрушились на оставшихся, которыми в отсутствие Брэгга командовал епископ Леонидас Полк. Столкнувшись с двукратно превосходящим его неприятелем, епископ отступил и запросил у Брэгга подкрепления.

На последующие события большое влияние оказала жажда, испытываемая обеими армиями, пытавшимися найти воду в иссушенной солнцем сельской местности. 7 октября Полк, имевший лишь 16 тысяч солдат, занял оборону около Перривилла. Этим же вечером подошедший корпус федералов безуспешно пытался с ходу атаковать южан, чтобы установить контроль над несколькими водоемами в пойме притока реки Чаплин. Наиболее решительно настроенной дивизией этого корпуса командовал Филип Шеридан, невысокий, кривоногий человек, до войны отличавшийся лишь драчливостью и грозно топорщившимися усами. После того как война дала ему шанс, драчливость сослужила ему хорошую службу. Протомившись первый год конфликта в должности капитан-интенданта, Шеридан по счастливому стечению обстоятельств в мае 1862 года получил в свое командование кавалерийский полк и в течение нескольких недель показал себя настолько способным командиром, что был произведен в бригадные командиры, а в сентябре — в дивизионные. 8 октября мучимая жаждой дивизия Шеридана возобновила атаку и установила контроль как над ручьем, так и над окружавшими его холмами. В течение этого дня остальные силы Бьюэлла развернулись по фронту и встали справа и слева от Шеридана.

Однако впоследствии Бьюэлл потерял инициативу в битве, которая пополнила собой перечень ошибок высшего командного состава обеих армий в этой войне. Все еще пребывая в уверенности, что основная часть армии Бьюэлла находится под Франкфортом, Брэгг приказал Полку атаковать ее меньшую (как он думал) часть под Перривиллом. В первой половине дня Полк с неохотой послал две из трех своих дивизий против двух дивизий левого фланга

противника. Мятежникам повезло, так как одна из этих дивизий состояла из новобранцев. Пытаясь успокоить их вечером накануне битвы, два генерала и один полковник говорили о невысокой вероятности быть убитым в конкретной битве. Наутро, во время первой же волны атаки конфедератов, все три офицера погибли¹⁶. Новобранцы обратились в бегство, увлекая за собой вторую дивизию. Так они бежали около мили, пока подошедшие части не погасили панику. Тем временем в центре фронта Шеридан атаковал расположенную там дивизию южан и оттеснил ее на улицы Перривилла. В сражении участвовало менее половины союзной армии, так как причудливое сочетание ветра и географических особенностей местности (эффект звуковой тени) помешал правому флангу северян и самому Бьюэллу слышать шум битвы, которая велась всего в двух милях отсюда. До тех пор пока в ставку не прискакал курьер, командующий не знал о том, что сражение идет. К тому моменту ступившие сумерки не дали возможности правому флангу федералов атаковать единственную противостоящую ему бригаду южан. Бьюэлл приказал наступать на рассвете, но когда янки развернули боевые порядки, то обнаружили, что враг отступил. Осознав наконец, что имеет дело с втрое превосходящим его противником, Брэгг под покровом ночи отступил на соединение с Кирби Смитом — на несколько дней позже, чем нужно.

Обеим сторонам битва, которая должна была стать итогом долгой кампании, принесла разочарование. Потери были довольно большими — 4200 федералов и 3400 конфедератов, — но ни одна из сторон битву не выиграла. Бьюэлл упустил шанс разбить треть из вторгшихся в Кентукки мятежников, а Брэггу и Смиту не удалось увенчать свой набег решительным ударом, который мог склонить жителей Кентукки на сторону Конфедерации. После Перривилла обе армии осторожно маневрировали, несколько дней избегая активных действий. Испытывая нехватку припасов, видя распространение болезней и сознавая численное превосходство противника, Брэгг окончательно поддался пессимизму и решил выйти из кампании. Под аккомпанемент взаимных обвинений своих генералов и нарастающий вал критики южной прессы Брэгг приказал своей измотанной армии вернуться к Ноксвиллу и Чаттануге. Вызванному в Ричмонд для объяснений Брэггу, по-видимому, удалось оправдаться, так как Дэвис не отстранил его от командования и выразил генералу доверие, которое разделяли все меньше южан.

16 Gilbert C. C. On the Field of Perryville // Battles and Leaders. III P. 57n.

Преследование Бьюэллом мятежников было очень робким. Из Вашингтона шли вереницы телеграмм, требовавших от него наступления или, по крайней мере, вытеснения Брэга из Восточного Теннесси, что привело бы к исполнению мечты Линкольна о возврате этого юнионистского региона в лоно Союза. «Ни правительство, ни страна более не могут терпеть эти бесчисленные проволоочки», — телеграфировал Бьюэllu Хэллек. Обратно в Вашингтон шли телеграммы, в которых Бьюэлл объяснял, что не может двигаться быстрее из опасения оставить далеко позади обозы с припасами. Хэллек отвечал словами, передававшими досаду Линкольна по отношению к своему генералу, который, как и Макклеллан, был больше склонен к поиску оправданий, нежели к решительным действиям. «Вы утверждаете что [Восточный Теннесси] это кладовая врага, так сделайте эту землю своей кладовой... [Президент] не понимает, почему мы не можем двигаться в том же темпе, что и враг, жить и сражаться, как живет и сражается он»¹⁷. Но Бьюэлл был не из тех генералов, кто, идя по вражеской территории, живет за счет истощения ее ресурсов. Когда он дал понять, что собирается вновь сделать своей базой Нашвилл, вместо того чтобы преследовать мятежников, Линкольн отстранил его и передал командование над переименованной Камберлендской армией Уильяму Роузкрансу.

События в Миссисипи, повлияли как на решение Брэга отступить, так и на решение Линкольна назначить Роузкранса. Сразу же после битвы под Перривиллом Брэгт получил известие о поражении Ван Дорна и Прайса под Коринтом, которое они потерпели четырьмя днями ранее. Ввиду того что Брэгт, строя планы успешного вторжения, рассчитывал на успех синхронных действий с группировкой, оставленной им в Миссисипи, это поражение только усугубило его разочарование. Командующим силами Союза под Коринтом был как раз Роузкранс. Пока Бьюэлл терпел неудачи, пытаясь предотвратить вторжение мятежников в центральные районы Теннесси и в Кентукки, Роузкранс завоевал расположение Линкольна, не пустив южан в Западный Теннесси.

14 сентября 15-тысячная группировка Прайса оттеснила небольшой отряд северян от железнодорожного узла Айюка в северной части штата Миссисипи. Это было первым шагом на пути к предполагаемому вторжению в Теннесси. Грант же увидел в этом возможность для контрнаступления. Он разработал план по взятию Прайса

17 O. R. Ser. I. Vol. 16. pt. 2. P. 638, 626—627.

в клещи двумя соединениями войск Союза. Грант послал две дивизии под командованием генерала Эдварда Орда на восток вдоль железной дороги из Коринта, а двум другим, под началом Роузкранса, приказал обойти Айюку с юга и приготовиться к фланговой атаке сил Прайса, пока Орд будет атаковать с фронта. Однако такой охват не удался, так как подобные маневры происходили в эпоху полной зависимости от курьеров. Почуввав неладное, Прайс напал на авангард Роузкранса, 19 сентября уже находившийся к югу от города, тогда как Орд (в сопровождении Гранта) был еще в трех милях к западу. В этом случае снова сказался эффект звуковой тени, из-за которой Орд не слышал ни звука с поля боя, а его войска пребывали в счастливом неведении о том, что в нескольких милях от них Роузкранс ведет сражение. В коротком, но кровопролитном сражении янки, численно превосходившие противника, показали себя хорошими солдатами, нанеся противнику бóльший урон, чем он им. Однако ночью Прайсу удалось уйти на юг по дороге, которую Роузкранс легкомысленно не перекрыл. Когда клещи северян следующим утром наконец сомкнулись, они захватили лишь опустевший город.

По крайней мере, Гранту удалось остановить продвижение Прайса на север, но этот энергичный миссуриец повернул свою небольшую армию на соединение с Ван Дорном, чтобы предпринять вторую попытку. Их объединенный отряд из 22 тысяч человек атаковал основной опорный пункт северян в Коринте. Конфедераты встретили больше врагов, чем рассчитывали, — 21 тысячу бойцов под командованием твердого и отважного Роузкранса. 3 октября южане, подбадривая себя криками, обрушились на внешние оборонительные линии федералов севернее Коринта, стремясь, как это уже вошло у них в привычку, нанести как можно больший урон. Итогом долгого жаркого дня стало отступление янки на две мили назад к внутренней линии укреплений. На следующее утро мятежники перешли в новое наступление, но после первоначальных успехов выдохлись, мучимые жаждой в 90-градусную жару¹⁸. К полудню контратака северян вынудила Ван Дорна и Прайса обратиться в бегство.

Выразив разочарование после сражения при Айюке тем, что не смог «взять в плен всю армию [Прайса] или разгромить ее, как рассчитывал», Грант попытался сделать это после Коринта¹⁹. Он приказал дивизии из Западного Теннесси встретить убегающих конфедератов

18 32 градуса по Цельсию. — Прим. пер.

19 The Papers of Ulysses S. Grant. 14 vols. Carbondale (Ill.), 1967—1985. VI. P. 97.

с фронта, в то время как Роузкранс должен был атаковать с тыла. Но «старина Роза», как его прозвали подчиненные, промедлил с погоней. Отряд Ван Дорна с боем прорвался через колонну Гранта, потеряв еще 600 человек. Несмотря на восхищение стойкостью Роузкранса, Грант с этого момента охладел к генералу, который, как он полагал, дважды упустил мятежников из ловушки. Как бы то ни было, последнее (как позже выяснилось) наступление конфедератов на миссисипском фронте было остановлено. Инициатива перешла к Гранту, который через месяц предпринял свою первую (безуспешную) осаду Викасберга. Роузкранс стал командующим новой армии. Отступление мятежников в Миссисипи вкупе с отходом Брэгга из Кентукки вызвало разочарование в Ричмонде и облегчение в Вашингтоне.

Несмотря на важное место в общей стратегической картине, события с июня по октябрь на западном театре военных действий оставались на периферии общественного интереса, так как все внимание было приковано к приготовлениям на востоке. Восточная кампания выглядела более важной, ибо проходила в непосредственной близости от обеих столиц и от редакций крупнейших газет, в основном и сообщавших новости с фронта. В то же самое время как Смит и Брэгг вышли на север из Ноксвилла и Чаттануги, Джексон и Ли двинулись на север от Ричмонда. Хотя события на западе охватывали огромную территорию, битвы на восточном фронте, как обычно, были более кровопролитными. Одновременное наступление южан на обоих театрах представляло собой самую громкую заявку Конфедерации на победу.

II

Когда Линкольн в июле 1862 года назначил Генри Хэллека главнокомандующим, он надеялся, что «старому умнику» удастся скоординировать наступление 100-тысячной армии Макклеллана на Полуострове и 50-тысячной Поупа к северу от Ричмонда. Но эту надежду разрушили три человека: Поуп, Макклеллан и Джексон.

Первым делом после своего назначения командующим новой Виргинской армией Поуп составил обращение к своим войскам. В этом бессмысленном документе он даже не предпринял попытки, чтобы избавиться от репутации хвастуна. «Я прибыл к вам с запада, где мы всегда видели лишь спины наших врагов, — заявлял он. — Мне досадно слышать, что у вас в ходу фразы „линия обороны”

и „база снабжения“... Давайте испытывать линии обороны нашего противника, а наши тылы как-нибудь позаботятся о себе сами. Давайте смотреть вперед, а не назад. Впереди нас ждут успех и слава, а сзади прячутся стыд и позор»²⁰.

Этим оскорблением восточных войск Поуп вряд ли мог вызвать дружеское расположение. Фицджеральд Портер заметил, что Поуп «расписался в том, что он осел, что, впрочем, уже давно знают все военные». Маккелллан мог бы подписаться под этими словами. Поуп был уверен, что «некомпетентность и неспособность Маккелллана к активным действиям настолько грандиозны», что от Потомакской армии помощи ждать не приходится²¹. Ли и не рассчитывал найти себе лучших противников, даже если бы он сам подбирал вражеских командующих.

После Семидневной битвы Маккелллан выразил готовность возобновить наступление, если президент пришлет ему дополнительные 50 тысяч человек. Частным образом, однако, генерал сообщал лидеру нью-йоркских демократов, что он «потерял все почтение и уважение» к администрации и не сомневается в том, что кровь его «храбрых солдат проливается только ради планов клики бессердечных негодяев». Когда Хэллек стал главнокомандующим, Маккелллан в гневе стал пенять на то, что вынужден служить под началом офицера, который был у него подчиненным. Стэнтон же, по его словам, был «отвратительным ханжой и подлецом». Если бы он «жил во времена Спасителя, то Иуда Искариот оставался бы уважаемым членом апостольской общины»²². В свою очередь, Линкольн потерял веру в то, что Маккелллан хочет сражаться с Ли. У президента не было свежих 50 тысяч солдат, но даже если бы он послал Маккелллану сто тысяч, говорил он одному сенатору, тот бы немедленно объявил, что в распоряжении Ли находятся 400 тысяч бойцов²³. В конце июля Линкольн и Хэллек решили вывести Потомакскую армию с Полуострова и объединить ее с армией Поупа.

На это решение повлияли маневры конфедератов. Для предотвращения угрозы со стороны Поупа железнодорожному узлу

20 O. R. Ser. I. Vol. 12, pt. 3. P. 473—474.

21 Слова Портера цит. по: Catton B. *Terrible Swift Sword*... P. 387; слова Поупа цит. по: Inside Lincoln's Cabinet: The Civil War Diaries of Salmon P. Chase. NY, 1954. P. 97.

22 Barlow Papers. Henry E. Huntington Library; McClellan Papers. Library of Congress.

23 Pease Th. C., Randall J. G. *The Diary of Orville Hickman Browning*. 2 vols. Springfield (Ill.), 1927—1933. I. P. 563.

Гордонсвилл к северо-западу от Ричмонда Ли 13 июля послал к этому пункту 12-тысячный отряд Джексона. Поскольку Макклеллан не проявлял признаков активности около Ричмонда, Ли 27 июля отправил на соединение с Джексоном 13-тысячную группировку Эмброуза Хилла. Разнесшиеся слухи увеличили численность отряда (несмотря на неудачи Джексона на Полуострове, его имя по-прежнему стоило нескольких дивизий) и убедили Линкольна послать Поупу подкрепление. После того как Ли собрал информацию об отходе Макклеллана, он перебросил большую часть своих войск железной дорогой на 60 миль к Гордонсвиллу. Потомакская армия должна была проделать в несколько раз более длинный путь по реке Джемс, выйти к Чесапикскому заливу и подняться вверх по Потомаку, чтобы оказаться в непосредственной близости от Поупа. Это движение Потомакской армии отнюдь не ускоряли ожесточенные протесты Макклеллана и его подчиненных, не желавших оказаться под началом Поупа. «Ли разорвет Поупа на куски, — не без удовольствия писал Макклеллан своей жене. — Этот болван способен провалить любое дело, которое ему доверят»²⁴.

Пока Макклеллан рвал и метал, Джексон двинулся против двух дивизий авангарда Поупа у Сидар-Маунтин в двадцати милях к северу от Гордонсвилла. Командующим силами Союза там был не кто иной, как старый соперник Джексона Натаниэл Бэнкс. Стремившийся улучшить свою репутацию Бэнкс 9 августа атаковал Джексона, зная, что тот имеет над ним двукратное превосходство. Ожидавший скорого подхода свежих сил генерал северян силами двух неполных дивизий отчаянно бросился на врага и вынудил отступить пораженных мятежников, обратив к тому же в бегство самую старую джексоновскую бригаду «Каменная Стена». Неудачно начав битву, Джексон сам отправился на передовую, чтобы собрать вокруг себя войска, и вскоре с одобрением смотрел на стремительную контратаку дивизии Эмброуза Хилла, проучившую янки. Бэнкс отошел на несколько миль, соединившись с запоздавшими резервами и потеряв 30% личного состава. В течение двух следующих дней подошедшая в полном составе армия Поупа вынудила Джексона вернуться к Гордонсвиллу.

Основным результатом сражения при Сидар-Маунтин было окончательное перемещение фронта с Полуострова к реке Раппаханнок, протекающей точно на полпути между Ричмондом и Вашингтоном.

24 Письмо от 10 августа 1862 г. (McClellan Papers).

Здесь в течение десяти дней объединенная армия Ли, состоявшая из 55 тысяч человек (20 тысяч он оставил для защиты Ричмонда), чередовала наступательные и оборонительные действия против равной по численности армии Поупа. Ли искал возможность изолировать и разгромить часть сил врага, пока Поуп маневрировал в ожидании подкреплений с Полуострова, что позволило бы ему перейти в наступление. Ли, желавший этого избежать, прибегнул к хитрости: он разделил свою армию и послал корпус Джексона в длительный круговой рейд с целью перерезать железнодорожные коммуникации глубоко в тылу Поупа. Этот маневр отвергал неписаный закон войны, гласивший, что перед лицом равного или превосходящего по численности противника армия должна сосредоточить все свои силы. Но Ли был убежден, что Юг никогда не выиграет войну, следуя таким законам. Под его благообразной маской прихожанина епископальной церкви скрывался искусный азартный игрок, готовый все поставить на карту. Суровый пресвитерианин с такой же, как у Ли, душой завязанного игрока был призван претворить стратегию Ли в жизнь.

Из бездельника, каким он выглядел при Чикагомини, Джексон вновь превратился в гладиатора Шенандоа. Поуп, когда его дозоры заметили марш Джексона на северо-запад вдоль реки Раппаханок 25 августа, предположил, что мятежники начинают наступление именно в долину Шенандоа. Однако слабая кавалерия Поупа была не в состоянии уследить, что на следующий день Джексон повернул на восток, после чего, не встречая сопротивления, прошел вдоль железной дороги к Манассасу — главной базе союзных сил, расположенной в 25 милях позади позиций Поупа. Предприняв один из самых впечатляющих маршей в ходе войны, весь корпус Джексона (24 тысячи человек) за два дня покрыл более 50 миль. Голодные, оборванные мятежники налетели с гор на изобильные склады Манассаса словно саранча. После того как южане наелись досыта и взяли с собой все, что только могли унести, они сожгли остатки.

Концентрация припасов в Манассасе и контроль над уязвимой однопутной дорогой, связывавшей Поупа с тылами, были возложены на Германа Гаупта, настоящего мастера железнодорожного дела. Жесткий и деловой человек, Гаупт распорядился строительством и перевозками по военным железным дорогам Соединенных Штатов в Виргинии. Ему удалось привести порядок в хаотическое движение поездов, а также в рекордные сроки восстановить разрушенные

мосты. Главным его достижением была постройка подвесного моста высотой 80 и длиной 400 футов из свежесрубленной древесины и молодых деревьев силами солдат-непрофессионалов менее чем за две недели. Посмотрев на это чудо инженерной мысли, Линкольн сказал: «Я видел самое замечательное сооружение, на которое когда-либо смотрел человек. Этот Гаупт построил мост... по которому каждый час грохочут тяжело нагруженные поезда, а ведь, клянусь вам, джентльмены, мост-то построен из одних только жердей да стеблей кукурузы»²⁵. Гаупт спроектировал сборные мосты и организовал первый инженерный корпус в армии Союза, который следующие три года строил превосходные железные дороги и мосты. Для них девизом могли стать слова: «Сложное мы можем сделать немедленно, а для невозможного потребуется чуть больше времени». Как выразился впечатленный увиденным беглый чернокожий: «Янки строят мосты быстрее, чем мятежники их сжигают»²⁶.

Гаупт в течение четырех дней восстановил движение поездов по перерезанной Джексоном ветке, но, к сожалению для Севера, его инженерный гений опережал военные таланты Поупа. По-прежнему уверенный в себе и агрессивно настроенный Поуп рассматривал рейд Джексона как возможность взять его отряд «в мешок», прежде чем к нему на помощь успеет подойти оставшаяся часть армии Ли. Единственной проблемой было поймать подвижного как ртуть «Каменную Стену» — после поджога складов в Манассасе войска Джексона исчезли. Сбившаяся с ног кавалерия Поупа сообщала, что мятежники замечены то тут, то там, что повлекло за собой поток приказов и их отмен, рассылаемых трем различным соединениям: самого Поупа, двум корпусам Потомакской армии, направленным на его усиление, и части 9-го корпуса Бернсайда, переброшенного с побережья Северной Каролины.

Одной из частей Потомакской армии, двигавшейся на помощь Поупу, был корпус Фицджеральда Портера, который назвал Поупа «ослом» и недавно писал в другом частном письме: «Хотел бы, чтобы эта армия оказалась сейчас в Вашингтоне и избавила нас от властей, разрушающих нашу страну»²⁷. В этот судьбоносный день, 28 августа, друг Портера Макклеллан находился в Александрии, сопротивляясь приказам Хэллека послать еще один корпус Потомакской армии на

25 Lord F. A. *Lincoln's Railroad Man: Herman Haupt*. Rutherford (NJ), 1969. P. 77.

26 Turner G. E. *Victory Rode the Rails* (frontispiece).

27 Цит. по: Williams T. H. *Lincoln and His Generals*. NY, 1952. P. 148.

помощь Поупу. Макклеллан до крайности изумил президента, предложив стянуть все имевшиеся у него войска на защиту Вашингтона, оставив Поупа «самого решать свои проблемы». «Если Поуп будет разбит, — писал Макклеллан жене, — они вновь захотят, чтобы я спас Вашингтон. Ничего, за исключением страха, не сможет заставить их дать мне сколько-нибудь важную командную должность»²⁸. Доведенный почти до нервного срыва Хэллек отказался от попыток приказывать что-либо Макклеллану. Таким образом, два лучших корпуса Потомакской армии оставались на расстоянии одного маршброска от сил Поупа, но не приняли участия в начавшемся вскоре сражении.

Тем временем войска Джексона затаились на поросшем лесом горном хребте в двух милях к западу от места первого сражения при Манассасе. Ли и Лонгстрит с оставшейся частью армии находились неподалеку, просочившись через ущелье в горах Булл-Ран, о защите которого Поуп так и не позаботился. Кавалеристы Стюарта выступали в роли курьеров между Ли и Джексоном, поэтому последний знал о том, что авангард Лонгстрита присоединится к нему утром 29 августа.

Накануне вечером одна из дивизий Поупа случайно наткнулась на укрытие Джексона. В жестокой перестрелке, происходившей в полутьме, уступавшим в численности «синим мундирам» удалось, тем не менее, нанести врагу серьезный урон, прежде чем они, также понеся немалые потери, отступили. В этом сражении отличилась бригада, сформированная из уроженцев западных штатов (один индианский и три висконсинских полка), которая вскоре получила репутацию одной из лучших частей в армии и прозвище «Железная бригада». К концу войны она потеряла наибольшее количество убитыми и ранеными во всей союзной армии — в армии Конфедерации таковой была виргинская бригада «Каменная Стена» (с которой висконсинцам пришлось сражаться в этой и последующих битвах).

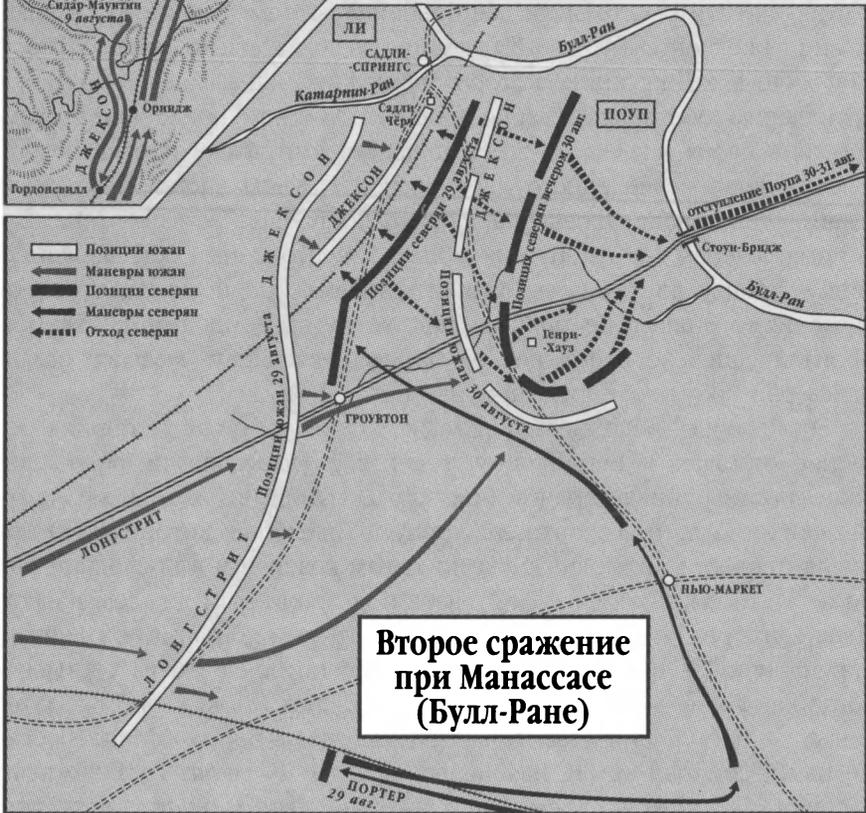
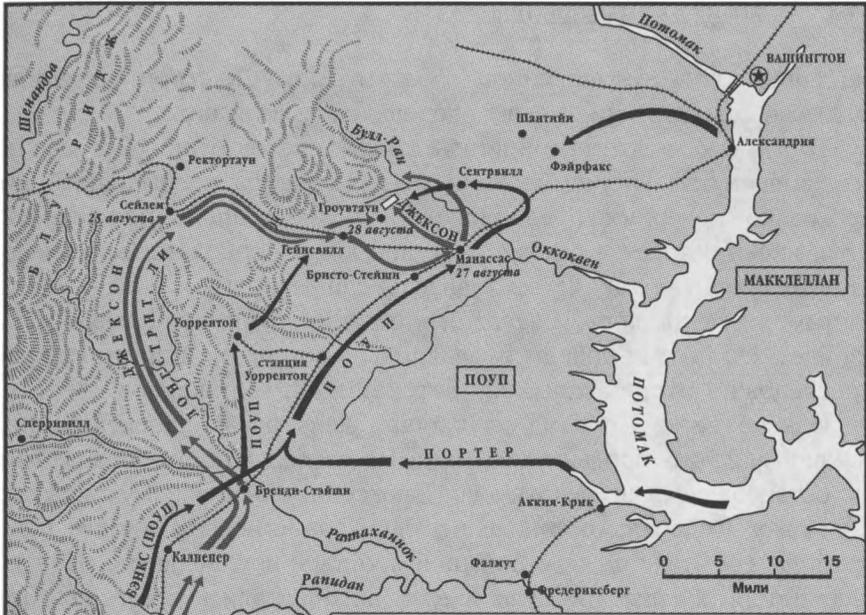
Обнаружив Джексона, Поуп всю ночь с 28 на 29 августа собирал воедино подразделения своего корпуса. Генерал был уверен, что Джексон намерен отойти навстречу Лонгстриту (хотя на самом деле это Лонгстрит двигался к Джексоному), поэтому допустил ошибку. Вместо того чтобы ждать, пока весь корпус развернет боевые порядки против Джексона, он бросал в бой одну дивизию за другой против войск, которые вместо отступления удобно расположились

28 CWL. V. P. 399; Lincoln/Hay. P. 45; McClellan Papers.

в естественных укреплениях, образованных канавами и насыпями недостроенной железной дороги. Янки наступали с яростью обреченных и несколько раз были близки к тому, чтобы прорвать линию оборонявшихся, но мятежники держались стойко и всякий раз отбрасывали их назад. 29 августа Поупу удалось ввести в бой не больше 32 тысяч против 22 тысяч у Джексона. (Такую ошибку совершал не он один.) Утром к полю боя подошли еще 30 тысяч солдат из большого корпуса Макдауэлла и меньшего — Портера. Весь день Макдауэлл маневрировал без всякой пользы, и только при свете луны некоторые его полки вступили в перестрелку с врагом. Что же касается Портера, его действия не поддаются объяснению. Он полагал, что против него стоит весь корпус Лонгстрита (что и случилось к полудню), и поэтому во главе 10-тысячного корпуса не предпринял ничего, когда в двух милях от него сражались и гибли тысячи товарищей по оружию. Не зная, что корпус Лонгстрита уже прибыл на поле боя, Поуп ближе к вечеру приказал Портеру атаковать правый фланг Джексона. Тот не мог выполнить приказ, так как Лонгстрит уже присоединился к Джексону; кроме того, Портер не питал уважения к Поупу и терпеть не мог получать от него приказы, поэтому остался на месте. За этот поступок он впоследствии предстал перед трибуналом и был уволен со службы²⁹.

Если Поуп 29 августа ввел в действие только правый фланг, в войсках Ли оборонялся только левый. Когда Лонгстрит днем развернул свой 30-тысячный корпус, Ли попросил его перейти в атаку, чтобы ослабить давление на Джексона. Но Лонгстрит колебался, выяснив, что недалеко от него, в лесу, находятся неизвестной численности силы федералов (корпуса Портера и Макдауэлла). В отличие от Ли и Джексона Лонгстрит предпочитал действовать от обороны и рассчитывал вынудить федералов атаковать *его*. Ли согласился с таким

29 Портер оставался командующим 5-м корпусом до ноября, когда предстал перед трибуналом, признавшим его виновным. После войны уволенный генерал несколько раз требовал нового разбирательства и в 1886 г. добился отмены приговора после дополнительных показаний офицеров-конфедератов и свидетелей, найденных в захваченных отчетах южан (они показали, что Лонгстрит действительно располагался напротив Портера, следовательно, генерал не мог выполнить приказ Поупа). До некоторой степени Портер оказался жертвой нападков республиканцев на Макклеллана и его товарищей. Однако полное бездействие корпуса Портера 29 августа заслуживает по меньшей мере порицания. Анализ этого случая, причем сочувственный по отношению к Портеру, см.: *Eisenschiml O. The Celebrated Case of Fitz-John Porter. Indianapolis, 1950*; краткие критические оценки см.: *Williams K. P. Lincoln Finds a General. 5 vols. NY, 1949—1959. I. P. 324—330; II. P. 785—789; Catton B. Terrible Swift Sword... P. 522—523.*

решением своего подчиненного, поэтому, пока Лонгстрит сковывал 30 тысяч северян, они, в свою очередь, сковывали его.

Той ночью некоторые бригады конфедератов отошли со слишком выдвинутых вперед позиций. Уже сделав за предыдущие дни несколько неверных предположений о намерениях противника, Поуп вновь ошибся в оценке действий южан, приняв их за начало отступления. Он так хотел «увидеть спины врагов» (как, по его словам, всегда бывало на западе), что думал, будто это вот-вот произойдет. Он послал победную реляцию в Вашингтон и приготовился преследовать отступавших, как ему казалось, мятежников.

Однако когда Поуп на следующий день начал преследование, «синие мундиры» продвинулись лишь на несколько сотен ярдов. Там их остановили пули пехотинцев Джексона, по-прежнему укрытых в канавах. Федералы остановились лишь на мгновение, после чего продолжили атаку даже с большей яростью, чем накануне. Понесшие потери южане дрогнули и едва не обратились в бегство. Некоторые части расстреляли все боеприпасы и начали метать в янки камни. Джексон вынужден был смирить свою гордыню и обратиться за помощью к Лонгстриту, который нашел лучший выход. Он подтянул артиллерию, обстрелял северян продольным огнем, после чего бросил все пять своих дивизий в стремительную контратаку против левого фланга янки, ослабленного переброской Поупом частей на правый фланг, атаковавший Джексона. Корпус Лонгстрита раздавил ошеломленных северян как гигантский молот. Ожесточенный бой длился по всему фронту до темноты. «Синие мундиры», не прекращая сопротивление, отошли к Генри-Хауз-Хилл, месту кровопролитной схватки, произошедшей во время первой битвы шестнадцать месяцев назад. Здесь они получили передышку на ночь.

Этой ночью Поуп, весь апломб которого улетучился, принял решение отходить к Вашингтону. 1 сентября две дивизии федералов вели яростные арьергардные бои под Шантийи (всего в 20 милях от Вашингтона) против уставшего корпуса Джексона, которому Ли поручил провести еще один рейд по тылам северян и в последний раз попытаться смять их фланг. Отразив под проливным дождем наскок Джексона, разбитые «синие мундиры» с трудом дошли до столичных укреплений. За пять последних дней они потеряли 16 из 65 тысяч, тогда как Ли — меньше 10 из 55 тысяч. Успех Ли во втором стратегическом наступлении был даже больше, чем в первом. Менее месяца назад союзная армия находилась всего в 20 милях от Ричмонда, а сейчас Ли, имея в своем распоряжении вдвое меньше войск, чем

его противники (Поуп и Макклеллан), перенес сцену действия на расстояние 20 миль от Вашингтона, где мятежники, казалось, делали паузу перед решающим броском.

В тылу северян царил хаос. Когда вести о сражении дошли до Вашингтона, военный министр Стэнтон призвал добровольцев помочь вынести раненых с поля боя. На этот призыв откликнулось немало государственных чиновников и других гражданских лиц, но многим из них (а именно мужчинам) лучше было бы и не браться за это. Кое-кто уже был пьян к тому моменту, когда прибыл на передовую, где они подпайвали ездовых санитарных повозок, чтобы те везли их в Вашингтон вместо раненых. Эти постыдные эпизоды выглядят еще хуже на фоне гераклова подвига Германа Гаупта, пославшего поезда для эвакуации раненых в самую гущу хаоса, и неустанной работы многочисленных женщин-медсестер во главе с Кларой Бартон. «Солдат свозили с поля битвы, они лежали на земле за поездом и выше на холме — тела покрывали акры земли», — писала Бартон несколько дней спустя. Медсестры распотрошили тюки с сеном и устлали землю, чтобы солдатам было мягче лежать. «К полуночи на этом сене лежали, должно быть, три тысячи беспомощных солдат... Всю ночь мы накладывали компрессы и делали перевязки... чем-то кормили раненых, проходили по несколько миль между несчастными в темноте, опасаясь зажечь свечу, которая могла упасть в сено и спалить их всех»³⁰.

Отчаяние этой мрачной ночи распространилось в первую половину сентября по всему Северу. «Страна стремительно идет ко дну, — записал в своем дневнике житель Нью-Йорка. — „Каменная Стена“ Джексон (наш самый страшный жупел) стоит на пороге Мэриленда с 40-тысячной армией. Генеральное наступление мятежников угрожает нашим силам в Миссури и Кентукки. Цинциннати в опасности... Раздражение к нашему правительству стало повсеместным»³¹. Боевой дух армии также серьезно упал. Хотя солдаты и сражались, не жалея себя, им стало известно, что командиры руководили ими не так, как следовало. Они называли их имена: Поуп и Макдауэлл. Возникли беспочвенные слухи об измене Макдауэлла на одном только основании, что невезучий генерал командовал армией в первом сражении при Булл-Ране и ее крупнейшим корпусом — при втором. Поуп и Макдауэлл, в свою очередь, обвиняли

30 Civil War Collection. Henry E. Huntington Library.

31 Strong G. T. Diary. P. 253, 252, 256.

Макклеллана и Портера в нежелании действовать сообща и отказе подчиняться приказам.

В администрации были склонны поверить Поупу. Линкольн считал поведение Макклеллана «непростительным» и говорил своему личному секретарю, что Макклеллан «хотел поражения Поупа». Кабинет практически единогласно высказался за отставку Макклеллана, однако президент вместо этого включил армию Поупа в Потомакскую армию, оставил Макклеллана ответственным за оборону Вашингтона, отправил Поупа в Миннесоту для усмирения индейцев и отстранил Макдауэлла от командования, в конце концов сослав его в Калифорнию. Стэнтон и Чейз возражали против сохранения Макклеллана на командной должности, да и сам Линкольн был «всецело душой против» такого решения, но, несмотря на «дурное выполнение им обязанностей», у него, по словам президента, «есть армия»: «Мы должны использовать то, что имеем. В нашей армии нет никого, кто бы мог приводить войска в надлежащий вид так, как Макклеллан... Если он не умеет сражаться сам, то он превосходно готовит к сражениям других»³².

Это суждение Линкольна получило подтверждение в ходе необычного происшествия, случившегося 2 сентября во время отступления павших духом солдат Поупа к Вашингтону. «Было промозгло и дождливо, — вспоминал несколько лет спустя ветеран этой кампании. — Природа была мрачна, под стать нашему настроению... По грязи с трудом волочили ноги отстающие... повозки выглядели жалко и одиноко. Ополовиненные полки, часть солдат с оружием, часть без него... все, на ком бы ни остановился взгляд... словно желали затеряться, провалиться сквозь землю». Внезапно вдоль дороги промчался какой-то офицер в сопровождении одинокого адъютанта, и капитан побежал обратно к бивуаку. «„Полковник, полковник! Здесь генерал Макклеллан! — закричал он. — Маленький Мак вернулся к нам“». Солдаты услышали это!.. Крайнее отчаяние в мгновение ока сменилось эйфорией. Пришел наш Спаситель... Солдаты бросали в воздух свои фуражки, отплясывали и резвились словно школьники... Над ночной тишиной неслось непрекращающееся „гип-гип-ура!“, возглас подхватывали полки, бригады, дивизии и корпуса, и он затихал где-то вдали... Эффект присутствия этого человека в расположении Потомакской армии... был сродни элек-

32 Lincoln/Hay, 47; The Diary of Gideon Welles, 3 vol. NY, 1960. I. P. 113; Inside Lincoln's Cabinet: Diaries of Chase... P. 116—121.

трической искре... и не стоило даже пытаться объяснить такой феномен»³³.

За несколько дней Макклеллан сумел вновь подготовить армию к ратным подвигам, причем выступать нужно было незамедлительно, так как Ли практически без передышки вел свои потрепанные, но решительно настроенные ветеранские части через Потомак, чтобы вторгнуться на территорию Союза. Большинство северян видели в этом катастрофу, но Линкольн усматривал здесь возможность разгромить армию Ли вдали от ее баз снабжения. Он приказал Макклеллану следовать за Ли и «при возможности уничтожить его»³⁴.

Ли и Дэвис понимали, что такое возможно, но, взвесив все «за» и «против», они пришли к выводу, что игра стоит свеч. Северовиргинская армия не могла атаковать неприступные укрепления Вашингтона. Не могла она и оставаться на месте, в опустошенном районе, лишенная припасов и снабжаемая по длинной и весьма уязвимой железнодорожной линии. Люди и лошади в последние два с половиной месяца были истощены бесконечными марш-бросками и битвами; форма солдат превратилась в лохмотья, у некоторых не было даже обуви. Самым надежным было отвести войска к Ричмонду для отдыха и переформирования, но Ли был не из тех, кто выбирает спокойный путь. Хотя его армия была утомлена сверх меры, ее окрыляла победа, а врага приводило в уныние поражение. Ли чувствовал, что Север достиг низшей точки пике. Кирби Смит и Брэгг наступали на Кентукки. Ван Дорн и Прайс готовились вторгнуться в Теннесси. Поэтому Северовиргинская армия не могла почивать на лаврах: она обязана была перенести всю тяжесть войны на Север и заставить Линкольна искать мира. Мэриленд и Кентукки, казалось, только и ждут того, чтобы присоединиться к братским южным штатам. Голодные солдаты Ли могли насытиться на процветающих фермах Мэриленда и Пенсильвании, попутно заставляя врага уйти из разоренной Виргинии на время сбора урожая. Как минимум Ли мог выйти на железную дорогу Балтимор — Огайо, а при особо удачном раскладе — сжечь пенсильванский железнодорожный мост через реку Саскуэханна в районе Гаррисберга, перерезав таким образом главную артерию, связывавшую Вашингтон с западными штатами. Кроме того, успешное вторжение могло

33 Battles and Leaders. II. P. 490n, 550—551n.

34 CWL. V. P. 426.

подвигнуть европейские державы признать Конфедерацию как независимое государство, что, в свою очередь, воодушевило бы «мирных демократов» перед грядущими выборами на Севере. «Мирное предложение», поддержанное штыками южных армий на северной земле, писал Ли Дэвису 8 сентября, «поможет народу Соединенных Штатов определиться на выборах, согласны ли они поддерживать тех, кто выступает за продолжение войны, или же тех, кто способен положить ей конец»³⁵.

Таким образом, 4 сентября для форсирования армией Ли Потомака в 35 милях выше Вашингтона имелись как политические, так и сугубо военные причины. Перед началом кампании армия, усиленная тремя дивизиями, переброшенными из-под Ричмонда, насчитывала около 55 тысяч человек. Но вследствие многих причин — утомления, голода, желудочных расстройств из-за употребления в пищу незрелой кукурузы, кровавых мозолей от маршей босиком по каменистым дорогам — солдаты стали отставать тысячами. Одна жительница Виргинии, чей дом стоял на Потомаке, так описывает этих страдальцев: «Когда я говорю, что они были голодны, я просто не могу передать то чувство крайнего голода, которым были наполнены их запавшие глаза. Весь день они бродили группами от одного дома к другому с одной и той же монотонной просьбой: „Я провел на марше и в окопах полтора месяца, и мне было нечего есть кроме зеленой кукурузы. Я очень прошу вас дать мне немного еды“... Четыре года каждое лето я видела, как через наш город проходили и южане, и северяне... Отбившиеся от строя находились, естественно, всегда, но ни до ни после я не видела ничего подобного... То, что они вообще могли маршировать и сражаться, кажется мне невероятным»³⁶.

Большинство солдат, впрочем, 6 сентября с энтузиазмом вошли в город Фредерик, распевая «Мэриленд, мой Мэриленд». Однако, как и в Кентукки, их встречали не с тем радушием, на которое они рассчитывали — это была юнионистская часть Мэриленда, и мятежники не внушали жителям никакого доверия. Один из горожан описывал их как «самых грязных солдат и офицеров» из тех, что ему доводилось видеть: «Их одежда... не менялась неделями. Вонь распространилась

35 Dowdey C. The Wartime Papers of R. E. Lee. Boston, 1961. P. 301. Анализ мотивов и целей вторжения Ли см.: Freeman D. S. R. E. Lee: A Biography. 4 vols. NY, 1934—1935. II. P. 350—353.

36 Mitchell M. B. A Woman's Recollection of Antietam // Battles and Leaders. II. P. 687—688.

на всю округу»³⁷. Хотя военные в целом обращались с гражданским населением более достойно, чем северяне, оплата припасов деньгами Конфедерации не могла вызвать расположение мэрилендцев. Несмотря на холодный прием, Ли упорно следовал инструкциям президента Дэвиса и подготовил обращение «К жителям Мэриленда». «Мы пришли, — говорил генерал, — с выражением глубочайшего сочувствия за все те несправедливости, что были причинены жителям штата, связанного с Югом сильными общественными, политическими и торговыми узами... помочь вам сбросить ярмо угнетателей и позволить вновь наслаждаться неотчуждаемыми правами свободных граждан»³⁸. Красноречивым ответом на это пылкую речь было молчание. Вторжение постигла первая неудача.

Вторая была вызвана настоящим ударом судьбы, лишний раз доказавшим, что правда может оказаться невероятнее любого вымысла. Хотя Ли и принимал во внимание, что его армия будет заниматься реквизициями на захваченной территории, ему было необходимо наладить хоть какую-то доставку припасов через долину Шенандоа; особенно это касалось боеприпасов. Однако этот путь был заблокирован федеральным гарнизоном в Харперс-Ферри. Известный под прозвищем «железнодорожной бригады», этот гарнизон должен был охранять железную дорогу Балтимор — Огайо, а также Чесапикский и Огайский каналы. Когда вторгшиеся конфедераты перерезали эти артерии к востоку от Харперс-Ферри, Макклеллан советовал Хэллеку включить гарнизон в Потомакскую армию, шедшую от Вашингтона наперез Ли. Но Хэллек отказался; его решение не было обосновано стратегически, но случайно позволило завлечь Ли в ловушку.

Чтобы уничтожить гарнизон, напав на него с тыла, Ли задействовал почти две трети своей армии, построил их в три колонны (крупнейшей из них командовал Джексон) и наметил местом их соединения высоты, господствующие над Харперс-Ферри. Планируя без всякого труда расправиться с 12-тысячным гарнизоном «синих мундиров», Ли намеревался вновь собрать свою армию для броска на Гаррисберг раньше, чем Макклеллан успеет пересечь хребет Саут-Маунтин, прикрывавший мятежников с фланга. Уже в третий раз за три кампании Ли разделил свою армию перед лицом превосходящих сил противника. Одному из офицеров, выразившему свои опасения,

37 *Murfin J. F. The Gleam of Bayonets: The Battle of Antietam and Robert E. Lee's Maryland Campaign, September 1862.* NY, 1965. P. 108.

38 O. R. Ser. I. Vol. 19, pt. 2. P. 601—602.

Ли ответил: «Вы не знакомы с генералом Макклелланом? Он способный командир, только слишком уж осторожный... Его армия деморализована и распалась на части, она не будет готова к наступательным операциям (так, по крайней мере, думает сам генерал) еще три-четыре недели. До этого времени я рассчитываю выйти к Саскуэханне»³⁹.

Но вместо трех-четырех недель у Ли было лишь три-четыре дня, прежде чем враг оказался перед ним лицом к лицу. По правде говоря 70 тысяч солдат Макклеллана (вскоре их стало 80 тысяч) двигались в поисках Ли довольно осторожно — Макклеллан был убежден, что у южан 110-тысячная армия, хотя в действительности их было только 50 тысяч. Однако янки более не были деморализованы, а 13 сентября их осмотрительный полководец сорвал баснословный джек-пот. В поле около Фредерика два солдата федеральной армии нашли копию приказов Ли, в деталях раскрывающих цели и направления движения четырех частей его армии: в эту бумагу легкомысленный офицер конфедератов завернул три сигары. Благодаря сказочному везению Макклеллан узнал, что каждая часть армии противника находится в нескольких милях от других, а два самых крупных соединения — в 20—25 милях друг от друга, причем их разделяет река Потомак. Теперь Макклеллан мог провести всю армию через перевалы Саут-Маунтин и разгромить армию Ли по частям, прежде чем та сумеет воссоединиться. Макклеллан видел эту возможность — одному из своих генералов он торжествующе произнес: «Мне останется только убраться восвояси, если с этой бумагой в руках я не побью Бобби Ли»⁴⁰.

Хотя Макклеллан был воодушевлен перспективами, он вовсе не собирался бросаться вперед сломя голову: в конце концов, мятежники по-прежнему «превосходили» его числом. Вместо того чтобы начать передислокацию немедленно, он составлял тщательные планы и не отдавал своим людям приказа выступить, пока не наступил рассвет следующего дня, 14 сентября. Таким образом, прошло уже восемнадцать часов с того момента, как Макклеллан узнал о планах Ли. Как показало дальнейшее развитие событий, эта задержка позволила Ли собрать армию воедино и спасти ее. Один житель Мэриленда из числа сочувствующих Конфедерации стал свидетелем реакции Макклеллана на найденные документы и поспешил информировать

39 Walker J. G. Jackson's Capture of Harper's Ferry // Battles and Leaders. II. P. 605—606.

40 Gibbon J. Personal Recollections only the Civil War. NY, 1928. P. 73.

об этом Джеба Стюарта, передавшего это известие Ли уже ночью 13 сентября. Ли приказал своим войскам заблокировать перевалы через Саут-Маунтин. На следующий день два союзных корпуса вступили в бой с дивизией Дэниела Хилла, защищавшей проход Тернер. Понеся тяжелые потери, отважные солдаты Хилла укрывались за скальными выступами и деревьями и держались, пока подоспевший Лонгстрит и сгустившиеся сумерки не остановили федералов. Отойдя под покровом ночи, эти части южан предоставили основным силам дополнительный день. Тем временем другой союзный корпус под командованием Уильяма Франклина после отчаянной перестрелки с тремя бригадами конфедератов прорвался через проход Крэмpton в шести милях к югу. Несмотря на огромное численное превосходство, Франклин двинулся на юг навстречу южанам, осаждавшим Харперс-Ферри, крайне нерешительно и не успел прибыть вовремя, чтобы спасти его гарнизон.

Хотя добрая половина армии Ли к северу от Потомака избежала катастрофы, вторжение в Мэриленд казалось обреченным. На следующий день вся союзная армия должна была перевалить через Саут-Маунтин. Единственным подходящим для южан путем отхода была долина Шенандоа, но после того как Ли узнал о том, что Джексон рассчитывает взять Харперс-Ферри 15 сентября, он передумал отходить. Он приказал всей армии сконцентрироваться у Шарпсберга — мэрилендской деревни в одной миле от Потомака, где Ли решил дать сражение. Возвращение в Виргинию без боя казалось ему постыдным. Кроме того, это могло поставить под угрозу усилия дипломатов, искавших признания мировых держав, а также подорвать оптимизм соотечественников. Наконец, уже дважды побив федералов, Ли полагал, что сможет сделать это и в третий раз, так как по-прежнему считал Потомакскую армию деморализованной.

Такая высокомерная оценка отчасти получила подтверждение в той легкости, с которой Джексон взял Харперс-Ферри. Союзный гарнизон в основном состоял из новобранцев, руководил которыми посредственный командир — полковник Диксон Майлс, уроженец Мэриленда, который во время первого сражения при Булл-Ране получил взыскание за пьянство, а оборона им Харперс-Ферри была настолько неумелой, что породила подозрения в измене. Убитый во время последней перестрелки перед сдачей гарнизона, Майлс избавил себя от необходимости защищаться от таких обвинений. Когда Джексон въехал в город в своей выдавшей виды фуражке и по обыкновению ничем не выделяясь среди простых солдат, один из разоруженных

федералов воскликнул: «Парни, может, он и невзрачен на вид, но если бы он командовал нами, мы бы не попались в эту западню!»⁴¹

Различные части южан, штурмовавшие Харперс-Ферри, немедленно поспешили к Шарпсбергу, находившемуся в 15 милях от места событий. До их прибытия 16 и 17 сентября в распоряжении Ли было лишь три припертых к Потомаку дивизии, причем в случае поражения через реку можно было отступать по единственному броду. В течение дня 15 сентября Потомакская армия начала стягиваться к ручью Энтитем-Крик в одной-двух милях к востоку от позиций Ли. Все еще осторожничавший из-за переоценки сил противника Макклеллан не провел никаких демонстраций и не выслал конную разведку через ручей, чтобы выяснить действительную численность конфедератов. 16 сентября командующий северной армией имел под рукой 60 тысяч человек плюс еще 15 тысяч на подходе в шести милях от поля боя против 25 или 30 тысяч у Ли. Сообщив в Вашингтон, что он намерен разгромить армию Ли по частям, Макклеллан вторично упустил шанс сделать это 16 сентября, так как разрабатывал планы атаки. В конце дня (по мере приближения двух новых дивизий конфедератов, освободившихся под Харперс-Ферри) Макклеллан послал два корпуса пересечь Энтитем к северу от левого фланга южан, что вызвало короткую, но ожесточенную перестрелку и дало Ли представление о направлении первой атаки северян утром следующего дня.

Битва при Энтитеме (или при Шарпсберге, как называли ее на Юге) была одной из немногих, когда полководцы тщательно выбрали место сражения и заранее продумали тактику. Конфедераты не рыли траншеи, а использовали естественные укрытия: небольшие рощи, каменные отвалы, остатки стен, различные канавы и пригорки этого изрезанного участка местности, а также дорожную выемку в центре своего порядка. В зоне поражения стрелковым оружием мятежников оказался один из трех мостов через Энтитем (самый южный); и он стал одним из ключевых пунктов битвы. Макклеллан сосредоточил три корпуса на своем правом фланге, чтобы атаковать южан, а большой корпус Бернсайда разместил на левом с заданием совершить ложный маневр и помешать Ли перебросить войска

41 Douglas H. K. Stonewall Jackson in Maryland // Battles and Leaders. II. P. 627; Teeter P. R. A Matter of Hours: Treason at Harper's Ferry. Rutherford (NJ), 1982. Пол Титор, основываясь на косвенных доказательствах, полагает, что Майлс намеренно саботировал оборону. Нельзя сказать, что Титор «доказал» виновность полковника, но, по крайней мере, он поставил ряд острых вопросов.

с этого участка на усиление своего левого фланга. Кроме того, он оставил четыре дивизии и кавалерию в резерве позади правого крыла и центра, чтобы поддержать любой возможный прорыв. Также он надеялся, что Бернсайд при благоприятном развитии событий форсирует ручей и сомнет правое крыло южан. План был хорош, и при надлежащей его реализации желание Линкольна «уничтожить армию мятежников» вполне могло осуществиться.

Но реализация подкачала, и ответственность за это лежит главным образом на Макклеллане и Бернсайде. Первому не удалось скоординировать атаку правого фланга, который вступал в битву в три этапа, а не одновременно, что позволило Ли своевременно перебрасывать войска на горячие участки с тех, где было затишье. Также командующий союзными силами не смог эффективно использовать резервы, когда «синим мундирам» удалось прорваться в центре. Второй генерал потерял все утро и начало дня, наткнувшись на упорное сопротивление защитников моста, хотя его люди могли бы без особых трудностей пересечь ручей вброд. Воспользовавшись медлительностью Бернсайда, Ли утром смог перебросить одну дивизию со своего правого фланга на прогибавшийся левый, и она успела как раз вовремя, чтобы остановить третью волну атак северян. Со стороны конфедератов заслуга в предотвращении катастрофы принадлежит умелому руководству со стороны Ли и его подчиненных, но превыше всего — отчаянному мужеству простых солдат. Один офицер армии Союза писал после битвы: «Я не могу найти объяснений тому, как эти мятежники вообще могли сражаться: грязные, больные, голодные и жалкие, они показали себя в бою настоящими героями, и это выше моего понимания»⁴².

Битва при Энтитеме стоит в ряду самых ожесточенных в Гражданской войне. Потомакская армия сражалась с мрачной решимостью искупить позор прошлых поражений. Солдаты северян не обладали бесстрашием, их дисциплина отнюдь не была железной. Скорее всего, всех вместе их мотивировало возможное бесчестье очередного поражения, а каждого в отдельности — страх показаться трусом в глазах товарищей. Один солдат федералов, сражавшийся при Энтитеме, дал исчерпывающее объяснение такому поведению: «В течение всей войны мы слышали, что армия „ждет не дождется, когда ее поведут в бой“, — писал он с иронией. — Должно быть, так и есть, раз это пишут достойные корреспонденты и редакторы. Но когда вы

42 *Murfin J. F. The Gleam of Bayonets... P. 250.*

прибываете на передовую, такое нетерпение пропадает, переходит, видно, к тому полку, который должен прибыть следующим. А правда в том, что когда по стволам деревьев щелкают пули и артиллерийские снаряды ломают черепа как яичную скорлупу, обычного человека охватывает желание бежать куда глаза глядят. Находясь где-то посередине между физическим страхом идти вперед и моральным страхом повернуть назад ты попадаешь в мучительное оцепенение». Но когда был дан приказ о наступлении, его полк не колебался. «В секунду воздух наполнился свистом пуль и воем картечи. Умственное напряжение было настолько сильным, что окружающий пейзаж стал для меня на мгновение красным — похожий уникальный эффект, насколько я помню, упоминался в сходной ситуации в жизнеописании Гете». Такое психологическое затмение приводило тысячи людей в состояние безумия, колоссальный выброс адреналина превращал их в машины для убийства, отключая инстинкт самосохранения. Такая бешеная ярость проявила себя под Энтитемом в больших масштабах, чем в любой другой битве. «Солдаты заряжают ружья и стреляют с демонической страстью, кричат и истерически смеются», — писал в настоящем времени федеральный офицер четверть века спустя, как будто тот момент «красного пейзажа» жил в нем до сих пор⁴³.

Первый корпус северян под командованием Джозефа Хукера начал наступление на рассвете с севера. Мятежники ждали их в роще Вествудс и на кукурузном поле к северу от выбеленной церквушки пацифистской секты данкеров. «Драчливый Джо» Хукер — агрессивный и самолюбивый генерал, мечтавший командовать Потомакской армией — получил свое прозвище во время кампании на Полуострове, а под Энтитемом только подтвердил его. Его войска оттеснили корпус Джексона с кукурузного поля и с дороги, нанеся ему такой урон, что Ли был вынужден послать Джексону на помощь часть дивизии Дэниела Хилла, стоявшей в центре, и корпуса Лонгстрита с правого фланга. Эти отряды нанесли контрудар и разбили корпус Хукера еще до того, как 12-й корпус северян успел начать новую атаку. Эта атака также была отброшена с тяжелыми потерями, после чего накатилась третья волна: на этот раз атаковала отборная дивизия 2-го корпуса «Быка» Самнера, прорвавшая строй южан

43 *Thompson D. L. With Burnside at Antietam // Battles and Leaders. II. P. 661—662.* Слова Руфуса Доуса из 6-го Висконсинского полка цит. по: *Murfin J. F. Op. cit. P. 218.* 6-й Висконсинский полк «Железной бригады» потерял под Энтитемом 40 человек убитыми и 112 ранеными из 300.

в районе Вествудс. Однако прежде чем «синие мундиры» развили свой успех, одна дивизия конфедератов, прибывшая утром из-под Харперс-Ферри, и еще одна, переброшенная Ли с почти бездействующего правого фланга, где Бернсайд все еще штурмовал мост, внезапно окружили дивизию Самнера со всех сторон и едва не уничтожили ее внезапной контратакой. В этом бою был сочтен убитым получивший тяжелое ранение молодой капитан 20-го Массачусетского полка Оливер Уэнделл Холмс-младший⁴⁴.

В течение пяти часов на левом фланге южан продолжалась настоящая бойня. Убитыми и ранеными с обеих сторон было потеряно 12 тысяч человек. Пять союзных и пять конфедеративных дивизий были настолько истерзаны, что вышли из боя как будто по согласию и в тот день больше не участвовали в серьезных стычках. Тем временем две другие дивизии корпуса Самнера сдвинулись влево, чтобы отразить угрозу флангу корпуса со стороны дорожной выемки к юго-востоку от Данкер-Черч. Так началась дневная фаза боя, в ходе которой «синие» и «серые» отважно сражались за этот, настолько важный для мятежников клочок земли, получивший название «Кровавая дорога». Перевес в живой силе и артиллерийской мощи позволил федералам занять эту выемку. Разбитые бригады южан отступили для перегруппировки в пригороды Шарпсберга. Военный корреспондент северян, оказавшийся на Кровавой дороге через несколько минут после захвата ее федералами, едва мог подыскать слова, чтобы описать «жуткое зрелище конфедератов, скошенных как трава»⁴⁵.

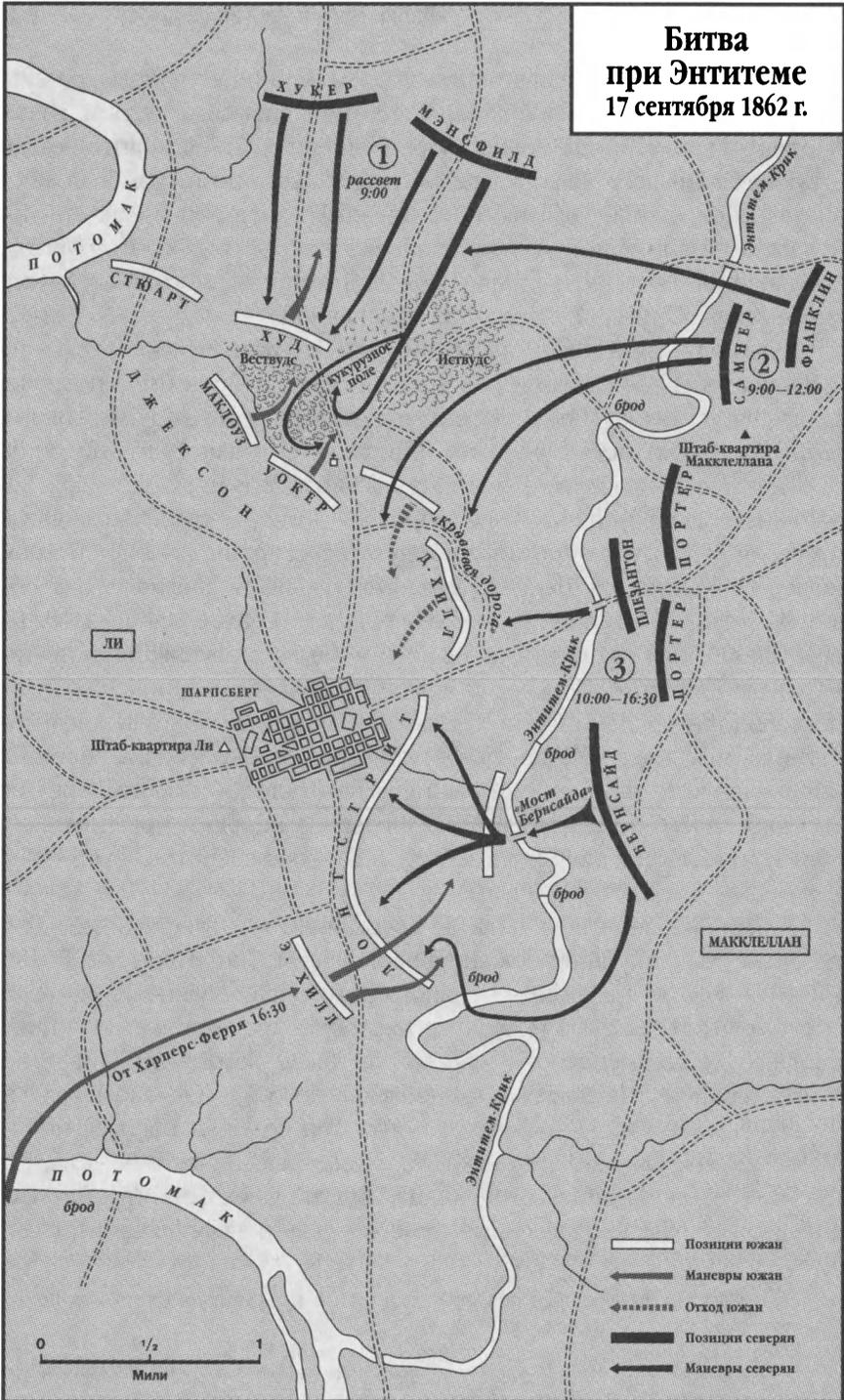
Теперь Макклеллан с полным основанием мог ввести в дело свои резервы, так как центр южан представлял собой открытую брешь. На этом участке не было ни единого пехотного соединения, которое могло оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление», — писал офицер «серых мундиров». «Армия Ли была разгромлена, и конец Конфедерации был близок», — добавлял другой⁴⁶. Однако взгляд на участвовавшие утром в кровавой бойне три союзных корпуса потряс Макклеллана. Он решил не вводить в дело рвавшийся в бой 6-й корпус под командованием Франклина. Будучи убежден, что Ли готовит свои якобы бесчисленные резервы для нанесения контрудара,

44 Впоследствии выдающийся правовед, один из самых цитируемых членов Верховного суда США. — *Прим. пер.*

45 Coffin C. C. *Antietam Scenes // Battles and Leaders*. II. P. 684.

46 *Tilbert F. Antietam*. Washington, 1961. P. 39; *Alexander E. P. Military Memoirs of a Confederate*. Bloomington, 1962. P. 262.

Битва при Энтитеме 17 сентября 1862 г.

Макклеллан сказал Франклину, что «атаковать сейчас было бы неосмотрительно»⁴⁷. Итак, развитие событий в центре прекратилось, в то время как на правом фланге конфедератов они развернулись с новой силой.

Все утро неполная бригада из Джорджии, укрывавшаяся за деревьями и каменной оградой, тренировалась в стрельбе по янки, пытавшимся пройти по «мосту Бернсайда». Командиром бригады южан был Роберт Тумбс, и это были часы его высшего военного достижения. Разочарованный провалом попытки стать президентом Конфедерации, тяготившийся обязанностями государственного секретаря, Тумбс принял должность командира бригады, чтобы стяжать славу, которой он чувствовал себя достойным. Получив не одно взыскание от вышестоящего командования за бездействие и неподчинение приказам, Тумбс проводил часы досуга, критикуя Джефферсона Дэвиса и «вест-пойнтскую клику», разрушавшую армию и страну. За свои заслуги в задержке корпуса Бернсайда на несколько часов (и ранение в ходе боя) Тумбс ожидал продвижения по службе, но не получил его, и впоследствии многократно вспоминал об этом, выступая против правительства.

Сразу после полудня 17 сентября два лучших полка корпуса Бернсайда ценой больших потерь наконец прорвались через мост и закрепились на другом берегу ручья. Другие подразделения нашли броды и к середине дня три дивизии Бернсайда теснили мятежников к Шарпсбергу, угрожая отрезать путь отступления к единственному броду через Потомак. Ли снова оказался в тяжелом положении, и Макклеллан получил еще один отличный шанс. 5-й корпус Фицджеральда Портера стоял в резерве, готовый поддержать прорыв Бернсайда. Один из дивизионных командиров Портера просил Макклеллана отправить его дивизию на помощь Бернсайду. Командующий колебался и уже был готов отдать такой приказ, но Портер отрицательно помотал головой: «Помните, генерал, я командую последним резервом последней армии Республики»⁴⁸. Это предостережение напомнило Макклеллану об угрозе со стороны призрачных резервов на другом берегу ручья, поэтому он отказался дать приказ о наступлении.

Ли с беспокойством взирал на юг, где его правый фланг разваливался на части. Внезапно он заметил на горизонте облако пыли,

47 O. R. Ser. I. Vol. 19, pt. 1. P. 377.

48 Battles and Leaders. II. P. 656n. Портер впоследствии отрицал, что произнес такие слова, но его показания ставятся под сомнение.

которое вскоре превратилось в марширующие колонны. «Чьи это войска?» — спросил Ли у находившегося рядом лейтенанта с подзорной трубой. Мгновения, которые лейтенант пристально вглядывался в наступавших, казались Ли вечностью. «Там развеваются флаги Виргинии и Конфедерации, сэр». Вздохнув с облегчением, Ли предположил: «Это, должно быть, Эмброуз Хилл возвращается от Харперс-Ферри»⁴⁹. Так оно и было. Остававшийся в тылу Хилл, получив срочный приказ от Ли, в ураганном темпе гнал свою измотанную дивизию. Ближе к вечеру она вышла во фланг Бернсайду как раз в тот момент, когда янки готовились разгромить правый фланг армии Ли. Озадаченные и захваченные врасплох северяне беспорядочно сгрудились, остановились и, наконец, начали отход. Федералы были тем более смущены, что многие солдаты Хилла щеголяли в трофейных синих мундирах; это заставило некоторые союзные полки промедлить со стрельбой, и эта задержка оказалась фатальной.

Ночь опустилась над ужасной, неопикуемой сценой. Около 6000 человек погибли или находились при смерти, еще 17 тысяч стонали в агонии или страдали молча. Количество жертв под Энтитемом вчетверо превысило общее количество убитых и раненых американских солдат во время высадки в Нормандии 6 июня 1944 года. В один день под Шарпсбергом пало вдвое больше американцев, чем в англо-американской войне 1812 года, американо-мексиканской и американо-испанской войнах *вместе взятых*. После захода солнца 17 сентября измученные корпусные и дивизионные командиры Конфедерации собрались в ставке генерала Ли, чтобы доложить о потерях (свыше 50% личного состава в некоторых бригадах). Живыми и невредимыми осталось всего около 30 тысяч конфедератов. Тем не менее Ли придерживался мнения, что на следующий день можно будет выдержать новую атаку северян. Однако Макклеллан отклонил это заманчивое предложение. Хотя утром к нему прибыли две свежие дивизии, он по-прежнему был зачарован призраком неисчислимых легионов южан. 18 сентября тишина не была нарушена, а ночью Ли уступил очевидности и приказал войскам возвращаться в Виргинию. Макклеллан организовал некое подобие преследования, от которого Эмброуз Хилл легко избавился 20 сентября, и конфедераты в полном составе отошли в долину Шенандоа.

Макклеллан послал в Вашингтон реляцию о великой победе. «Мэриленд полностью освобожден от врага, который отброшен за

49 *Murfin J. F. The Gleam of Bayonets... P. 282.*

Потомак. За безопасность Пенсильвании опасаться более не нужно». Приказ Линкольна «уничтожить армию мятежников» был забыт. Военно-морской министр Уэллс, возможно, цитировал президента, когда написал два дня спустя после битвы: «Вместо того чтобы закрепить победу, атаковав и разбив мятежников, им... позволили быстро скрыться за рекой... Боже мой!» В письмах жене Макклеллан выражал гордость своими достижениями и негодование поисками виноватых: «Те, чьему мнению я доверяю, говорят мне, что я провел сражение блестяще, что это было настоящим произведением искусства... Я считаю, что сделал все и даже больше, чтобы спасти страну... Я чувствую некоторую гордость за то, что со своей разбитой и деморализованной армией нанес решительное поражение Ли... Что ж, в один прекрасный день, я надеюсь, история воздаст мне должное»⁵⁰.

В истории Энтитем, действительно, остался стратегической победой Союза. Вторжение Ли в Мэриленд окончилось еще быстрее, чем набег Брэга на Кентукки. Около одной трети мятежников, вступивших в Мэриленд, были убиты и ранены. Когда после переправы через Потомак полковой оркестр необдуманно заиграл «Мэриленд, мой Мэриленд», простые солдаты его освистали. Сообразив, что к чему, музыканты переключились на «Верни меня в Виргинию домой» (Carry Me Back to Old Virginny). Уайтхолл и Белый дом также расценили Энтитем как победу Севера. Битва похоронила надежды Конфедерации на признание со стороны Великобритании и приблизила опубликование Прокламации об освобождении рабов. Таким образом, бойня под Шарпсбергом оказалась одним из поворотных пунктов войны.

50 Diary of Welles... I. P. 140; McClellan's Own Story. NY, 1887. P. 621; McClellan Papers.

18.

Виргинская кадриль «Джона Булля»

I

Ход войны летом 1862 года возродил надежды Конфедерации на дипломатическое признание со стороны европейских держав. Успехи Ли убедили лидеров Великобритании и Франции в том, что Север не сможет восстановить Союз в прежних границах. Эти державы готовы были стать посредниками в переговорах, которые де-факто признали бы независимость Конфедерации. Влиятельные круги британской политической сцены симпатизировали делу Юга. Кабинет Пальмерстона закрывал глаза на нарушение нейтралитета Британии ливерпульскими кораблестроителями, спускавшими на воду крейсера для мятежников, охотившиеся затем за американскими торговыми судами. Летом 1862 года наконец начался долгожданный «хлопковый голод». Наполеон III вынашивал идею признания и оказания помощи Конфедерации в обмен на хлопок и поддержку южанами французского сюзеренитета над Мексикой.

Из всех подобных действий единственным по-настоящему выгодным для Конфедерации являлось строительство торговых рейдеров. Ливерпуль был оплотом сочувствующих Конфедерации. Город «был основан работоторговцами, — едко замечал один американский дипломат, — и сыновья тех, кто сколотил состояния на перевозке рабов, в наше время инстинктивно держат сторону мятежных надсмотрщиков

за рабами»¹. На верфях Ливерпуля закладывались многочисленные скоростные суда, прорывавшие блокаду северян. В марте 1862 года заканчивалось строительство и первого военного корабля, заказанного агентом южан Джеймсом Баллоком. То, что корабль задумывался как рейдер, не было секретом после расследования, проведенного американским консулом в Ливерпуле Томасом Дадли.

Этот воинственный квакер был достойным противником Баллока. Дадли нанял шпионов и информаторов, собравших доказательства того, что корабль предназначался для Конфедерации; Баллок в ответ представил фальшивые бумаги, указывавшие, что судно под названием «Орето» принадлежало некоему торговцу из Палермо. Споры вызывало и положение английского закона, запрещавшее строительство и вооружение военных кораблей для воюющих стран на территории Великобритании. Нарушая дух этого закона, но соблюдая его букву, Баллок получил этот корабль без оружия, отвел его на Багамские острова и переправил оружие из Англии на другом судне. В какой-то пустынной лагуне на Багамах судно приняло на борт орудия и превратилось в наводящую на северян ужас «Флориду», которая уничтожила 38 судов торгового флота Соединенных Штатов, прежде чем союзный флот не захватил ее хитростью на рейде бразильского порта Байя в октябре 1864 года.

Желание британских официальных лиц следовать узкому толкованию закона развязало Баллоку руки для договора о скорейшей постройке второго, более мощного крейсера в Ливерпуле летом 1862 года. Хитросплетения и уловки юристов, шпионов и двойных агентов, сделавшие бы честь любому детективному роману, привели к тому, что Дадли накапливал свидетельства противозаконных целей постройки корабля, а Баллок стремился к тому, чтобы уйти от судебного преследования, угроза которого к июлю стала вполне реальной. Бюрократические проволочки, крючкотворство и сочувствие конфедератам ливерпульского таможенника дали Баллоку время для подготовки нового корабля к плаванию. Когда один из осведомителей сообщил ему о намерении правительства задержать корабль, Баллок отправил его в «пробное плавание», из которого судно так и не вернулось. Вместо этого оно встретилось на Азорских островах с плавучей базой, с которой взяло на борт орудия и боеприпасы, доставленные из Британии отдельным грузом. Капитаном нового

1 Wallace S. A., Gillespie F. E., *The Journal of Benjamin Moran, 1857—1865*. 2 vols. Chicago, 1948—1949. II. P. 984.

судна «Алабама» стал Рафаэль Семмс, уже доказавший свою доблесть в морской партизанской войне, командуя «Самтером». В течение двух лет «Алабама» бороздила моря и уничтожила либо захватила 64 американских торговых судна, пока федеральный крейсер «Кирсардж» в июне 1864 года не потопил ее около Шербура. «Алабама» и «Флорида» были самыми успешными и знаменитыми крейсерами южан. Хотя их подвиги и не повлияли на исход войны, им удалось отвлечь значительное число военных кораблей Союза от ведения блокады, поднять размеры страховых премий за американские суда до астрономических величин, вынудить многие корабли отсиживаться в портах или менять свою государственную принадлежность и лишить торговый флот Соединенных Штатов господствующих позиций.

Помимо выпуска «Алабамы» из Ливерпуля было еще одно неявное свидетельство в пользу того, что британская внешняя политика склоняется на сторону южан. Родившийся в Швейцарии алабамец Генри Хотце, прибывший в Лондон в начале 1862 года, стал эффективным пропагандистом дела Юга. Всего 27 лет от роду и с несколько мальчишеской внешностью Хотце, тем не менее, обладал необходимой учтивостью, остроумием и сдержанностью, столь ценными в высших кругах английского общества. Он стал вхож во влиятельные редакции Флит-стрит и вскоре уже писал поддерживавшие Конфедерацию передовицы для ряда газет. Также Хотце привлек английских журналистов сотрудничать с его собственной небольшой газетой *Index*, которую он основал в мае 1862 года, чтобы выражать взгляды южан. Хотце преуспел в оживлении предрассудков британцев в отношении «наглых янки». Либералов он уверял, что Юг борется не за сохранение рабства, а за право на самоопределение. Консерваторам он представлял картину провинциального дворянства, защищающего свою свободу от алчного северного правительства. Деловым кругам он обещал, что независимая Конфедерация откроет свои порты для свободной торговли (в отличие от союзного правительства, недавно вновь поднявшего тарифы), а текстильным фабрикантам — что возобновится импорт хлопка.

Последнее обещание было особенно привлекательным, так как «хлопковый голод» уже начинал мучить эту индустрию. В июле 1862 года поставки хлопка-сырца в Великобританию составили всего треть от обычного объема. Три четверти рабочих бумагопрядильных фабрик потеряли работу или работали по сокращенному графику. Благотворительность и пособия по безработице не могли смягчить тяжелое положение в рабочих районах Ланкашира. Молодой Ген-

ри Адамс, сын и секретарь американского посланника, уже в мае 1862 года признал, что «население Ланкашира и Франции уже пострадало весьма серьезно, и ситуация только ухудшается». Канцлер казначейства Уильям Гладстон опасался бунтов, если не удастся разрядить обстановку, и высказывался за вмешательство Британии в войну и возобновление экспорта хлопка через Атлантику. Один английский дипломат прогнозировал, что «давление на правительство вот-вот окажется настолько серьезным, что ему с трудом можно будет сопротивляться»².

Отношение к Гражданской войне рабочих текстильных фабрик являлось загадкой для современников и остается ею для позднейших историков. Генри Хотце не скрывал разочарования, которое постигло его при попытках завоевать поддержку этого класса, который, казалось, должен был быть заинтересован в победе Юга. «Наемные работники Ланкашира, — писал Хотце, — [являются единственным] классом, который (именно как класс) враждебен нам... Их инстинктивное... отвращение к нашему укладу настолько же глубоко, как и в любой части Новой Англии... Они смотрят на нас и... на рабство как на источник всех их несчастий». Американский посланник Чарльз Фрэнсис Адамс разделял эту оценку. «Весомая часть аристократии и буржуазии обеспокоены распадом Соединенных Штатов, — писал Адамс в декабре 1862 года, — тогда как средний и низший классы сочувствуют нам... рассматривая события в Америке как новую эпоху в мировой истории, когда должно восторжествовать признание права человека на продукт своего труда и на стремление к счастью»³.

Согласно этой точке зрения проблемы Гражданской войны в Соединенных Штатах отражали сходные проблемы классового конфликта в самой Великобритании. Север выступал за народное правительство, равные права и уважение к труду; Юг — за аристократические привилегии и рабство. Линкольн заострял на этом внимание в своих речах, описывая войну как «войну народа... борьбу за сохранение той формы и сути государства, главной заботой которого является улучшение условий человеческой жизни... и предоставление всем

2 A Cycle of Adams Letters 1861—1865. 2 vols. Boston, 1920. I. P. 139; Owsley F. L. King Cotton Diplomacy. Chicago, 1959. P. 137, 337, 340. Подобные настроения существовали и во Франции, чей министр иностранных дел заявил американскому посланнику в Бельгии: «У нас почти кончился хлопок, и мы должны его получить» (Case L. M., Spencer W. F. The United States and France: Civil War Diplomacy. Philadelphia, 1970. P. 290).

3 Merli F. J. Great Britain and the Confederate Navy 1861—1865. Boomington, 1965. P. 23; A Cycle of Adams Letters... I. P. 220—221.

равных стартовых возможностей, а также справедливого отношения в течение всей жизни»⁴. Британские радикалы изобретали многочисленные вариации на эту тему. В течение двадцати лет они боролись за демократизацию английской политической жизни и улучшение условий жизни рабочего класса. Для них Америка была «светочем свободы», озарявшим дорогу к реформам. Лидер английских радикалов Джон Брайт с энтузиазмом приветствовал дело Севера. «Нет иной страны, где люди были бы так свободны и так процветали», как Соединенные Штаты, заявлял Брайт. «Существование этой свободной страны и свободного правительства оказывает колоссальное влияние на дело свободы в Европе». Конфедераты являются «злейшими врагами свободы за всю историю человечества», — говорил Брайт, обращаясь к рабочим. Вот почему «привилегированные классы считают, что имеют свои интересы в этом конфликте, и с утра до ночи визгливо ругают американскую республику». Либеральные интеллектуалы разделяли веру в то, что победа южан, говоря словами Джона Стюарта Милля, «будет победой сил зла, которая придаст смелости врагам прогресса и повергнет в уныние его друзей во всем цивилизованном мире»⁵. Знаменитый немецкий революционер, живший в изгнании в Англии, также рассматривал войну в Америке против «рабовладельческой олигархии» как «революционное движение... изменяющее миропорядок». Европейские рабочие, продолжал Карл Маркс, чувствуют свое родство с Авраамом Линкольном, «честным сыном рабочего класса... Подобно тому как Война за независимость Соединенных Штатов знаменовала собой начало новой эры господства среднего класса, американская война против рабства будет означать торжество рабочего класса»⁶.

Впрочем, немалое число историков разглядели и трещины в монолитной поддержке Союза английскими рабочими. Есть и те, кто отмечает одобрение большинством ланкаширских текстильщиков интервенции Британии на стороне Конфедерации с целью возобновления экспорта хлопка. Согласно этим исследователям, громко поддерживали Союза радикальные интеллектуалы, такие как Брайт и Маркс, не выражавшие истинных настроений потерявших работу людей. Массовые

4 CWL. IV. P. 438.

5 *Lillibridge G. D. Beacon of Freedom: The Impact of American Democracy upon Great Britain 1830—1870.* Philadelphia, 1955. P. 121; *Adams E. D. Great Britain and the American Civil War.* 2 vols. NY, 1925. II. P. 132; *Sideman B. B., Friedman L. Europe Looks at the Civil War.* NY, 1960. P. 117—118.

6 *Karl Marx on America and the Civil War.* NY, 1972. P. 237, 263, 264.

собрания рабочих, на которых принимались резолюции, одобрявшие действия Севера, были, по их мнению, инспирированы маргиналами из среднего класса. Один из историков нашел свидетельства того, что в Ланкашире состоялось вдвое больше рабочих митингов в поддержку Конфедерации, чем Союза⁷.

Такая ревизионистская интерпретация устоявшейся точки зрения едва ли корректна. Производство хлопка не было единственной отраслью промышленности Британии или даже одного Ланкашира. Благосостояние рабочих, занятых в обработке шерсти, льна, в оружейной, кораблестроительной и других отраслях вследствие интенсивной военной торговли только росло. И в любом случае, как уже было замечено, демократические настроения в Ланкашире превалировали над узко понимаемыми экономическими интересами. Ветеран чартистского движения говорил в феврале 1863 года: «Народ считает, что есть материи более высокие, чем работа, более дорогостоящие, чем хлопок... Это права, свободы, справедливость и открытое сопротивление злодеяниям»⁸.

Правдой было и то, что высшее общество сочувствовало южанам или, по крайней мере, было враждебно к северянам (что, по сути, одно и то же). Английские аристократы недолюбливали янки как за их манеры, так и за опасное стремление к демократии, подававшее дурной пример низшим сословиям. Многих дворян обрадовало «великое банкротство» 1861 года, продемонстрировавшее «падение республиканских устоев в годину кризиса». Граф Шрусбери удовлетворенно смотрел на «испытания демократии и ее неудачи»: «Распад Союза [означает], что уже наше поколение застанет возрождение аристократии в Америке»⁹. Подобные утверждения стали появляться и во влиятельных газетах, включая лондонскую *Morning Post* и авторитетную *Times* (обе были тесно связаны с кабинетом Пальмерстона). *Times* рассматривала уничтожение «Американского колосса» как «избавление от ночных кошмаров»: «За исключением немногих джентльменов с республиканскими убеждениями, мы все ждем (и почти все желаем) успеха делу конфедератов». Если когда-либо в дальнейшем

7 Ellison M. Support for Secession: Lancashire and the American Civil War. Chicago, 1972.

8 Цит. по: Foner Ph. S. British Labor and the American Civil War. NY, 1981. P. 52 (в этом исследовании признается безоговорочная поддержка Союза рабочим классом).

9 Ferris N. Desperate Diplomacy: William H. Seward's Foreign Policy, 1861. Knoxville, 1976. P. 21; Шрусбери цит. по: Adams E. D. Britain and the Civil War... II. P. 282.

Север, к общему несчастью, победит, развивала мысль *Morning Post*, то «кто может сомневаться, что демократия станет более вызывающей, агрессивной, уравнительной и вульгарной, чем прежде»¹⁰. Такая словесная война, ведшаяся против янки, внесла свой вклад в ухудшение англо-американских отношений, которые оставались таковыми еще через много лет после того, как корпус «Алабамы» поглотили океанские волны, а винтовки «энфилд», нелегально провезенные сквозь блокаду, наконец замолчали.

В 1862 году в Новом Орлеане произошел инцидент, только усиливший враждебность английских аристократов к северянам. Действия Бенджамина Батлера, командующего оккупационными войсками, железной рукой наводившего порядок в городе, стали причиной множества жалоб, но ни один его поступок не вызвал такую бурю возмущения, как приказ от 15 мая о том, что любая женщина, упорно наносящая оскорбления солдатам федералов, «должна рассматриваться как проститутка, занимающаяся своим ремеслом, и обращаться с ней нужно соответствующим образом». Батлер издал столь бестактный приказ, будучи взбешен постоянными провокациями; чашу терпения его переполнил случай, когда некая женщина из Французского квартала вылила содержимое ночного горшка прямо на голову командира флота Дэвида Фарагута. Батлер издал свой приказ с целью побудить их вести себя достойно, а южане и европейцы склонны были расценивать его как отмашку солдатам северян поступать с благородными леди как с проститутками. В своем чрезвычайном сообщении в Палате общин Пальмерстон назвал поведение Батлера «недостойным»: «Джентльмены, любой англичанин должен покраснеть от стыда при мысли о том, что такой поступок совершил представитель англосаксонской расы». Этого Чарльз Фрэнсис Адамс вынести уже не мог. В течение многих месяцев он терпеливо сносил насмешки англичан, но это лицемерное обвинение Батлера, содержавшее к тому же скрытое одобрение людей, державших в неволе два миллиона женщин, привело к официальному протесту со стороны Адамса. Надменный ответ Пальмерстона вызвал отчуждение между двумя политиками в то самое время, когда англо-американские отношения вошли в критическую стадию¹¹.

Не стоит преувеличивать зависимость отношения к американскому конфликту от классовой принадлежности британцев. Немногие

10 Adams E. D. Op. cit. P. 284; Owsley F. L. King Cotton Diplomacy. P. 186.

11 Jenkins B. Britain and the War for the Union. Montreal, 1980. II. P. 50—59.

друзья Союза были более преданны ему, чем герцог Аргайлский и некоторые другие лица «голубой крови». В то же время некоторых либералов и даже радикалов привлекала борьба Юга за самоопределение. Многие англичане приветствовали в свое время борьбу за независимость Греции или борьбу Венгрии и итальянских государств за освобождение от власти Габсбургов; мятеж южан против господства Севера они рассматривали именно в таком ключе. Такие убеждения воодушевляли Расселла и Гладстона, ключевых членов кабинета Пальмерстона. В своей известной речи в Ньюкасле в октябре 1862 года Гладстон заявил: «Джефферсон Дэвис и другие лидеры Юга создали армию. Сейчас они создают флот. Но главное они создали уже давно: государство»¹².

Ахиллесовой пятой имиджа южан как борцов за свободу было, естественно, рабство. Англичане по праву гордились тем, что внесли свой вклад в запрет трансатлантической работорговли и упразднение рабства в Вест-Индии. Следовательно, поддерживать рабовладельцев англичанину не подобало, а принимать на веру то, что Юг борется не за сохранение рабства, а за свою независимость, значило бы поддаваться самообману. Но до тех пор пока сам Север сражался не за свободу, многие британцы не видели в его борьбе никакого морального превосходства. Если Север хочет завоевать «своей борьбой симпатии англичан, — предупреждала одна радикальная газета, — он должен отменить рабство»¹³.

Но идеология и эмоции играли второстепенную роль в определении вектора британской внешней политики. Пальмерстон, уже полвека участвовавший в политической жизни, был приверженцем «реальной политики». Когда сочувствовавшие южанам члены Парламента летом 1862 года начали борьбу за признание Конфедерации Великобританией, Пальмерстон притворился, что не замечает проблемы. «[Юг], — писал он, — [не станет] ни на йоту более независимым после этих наших слов, если мы не подкрепим их вмешательством в войну на его стороне». В Англии не многие были готовы пойти на такое. Пальмерстон нуждался в хлопке, но было ясно, что простое дипломатическое признание не возобновит его импорт. Южане же полагали, что такое признание поможет Конфедерации укрепить свои позиции за рубежом и усилит партию сторонников мира на Севере; возможно, в этом они были правы. Однако, по мнению Пальмерстона,

12 Crook D. P. *The North, the South, and the Powers 1861—1865*. NY, 1974. P. 227—229.

13 Lillibridge G. D. *Beacon of Freedom...* P. 115.

Юг мог рассчитывать на признание, только выиграв войну: Британия должна «знать, что независимость Конфедерации — непреложный факт», прежде чем официально объявить о ее признании¹⁴.

По другую сторону Ла-Манша Наполеон III не стеснялся выказывать большее сочувствие южанам. Что касается простых французов, рабство было им не по нутру, но французские газетчики не уделяли американской войне столько внимания, сколько их английские коллеги, поэтому большинство французов мало что знали о ней, за исключением того, что война эта является виновником дефицита хлопка. Однако сам Наполеон следил за развивавшимися событиями и, как ему казалось, увидел возможность ликвидировать дефицит хлопка, а заодно и реализовать свои имперские амбиции. Летом 1862 года тысячи французских солдат сражались в Мексике, пытаясь свергнуть либеральный режим Бенито Хуареса и превратить страну во французскую колонию. Император ввел туда войска для обеспечения уплаты Мексикой своих долгов, но его истинной целью было создание в Новом Свете империи взамен той, которую его дядя продал Томасу Джефферсону. Правительство Соединенных Штатов поддерживало Хуареса, но в 1862 году было не в состоянии оказать ему помощь, тогда как Конфедерация решила оказать поддержку Наполеону и полагала, что может помочь ему за определенную цену. В июле 1862 года Джон Слайделл предложил Наполеону несколько сотен тысяч кип хлопка и союз в борьбе с Хуаресом в обмен на дипломатическое признание со стороны Франции и возможную помощь ее флота в прорыве блокады.

Наполеона заинтересовало это предложение, но он не желал обострять отношения с Соединенными Штатами, поэтому обещал Слайделлу подумать. На самом деле император не осмеливался действовать в одностороннем порядке. Хотя он и надеялся лишить Британию звания ведущей мировой державы, но понимал, что столкновение с флотом северян без поддержки англичан может разрушить его планы. Поэтому Наполеон из своего летнего дворца давал такие инструкции своему министру иностранных дел: *Demandez au gouvernement anglais s'il ne croit pas le moment venu de reconnaitre le Sud*¹⁵. Но *les anglais* не были готовы к сотрудничеству — старая вражда между Англией и Францией никуда не исчезла. Пальмерстон

14 Jenkins B. Op. cit. II. P. 66, 95—100.

15 «Справьтесь в английском правительстве, не считают ли они, что настал момент признать Юг» (фр.). Adams E. D. Britain and the Civil War... II. P. 19.

с подозрением относился к наполеоновским планам и игнорировал призывы парламентариев признать Конфедерацию в середине июля, даже несмотря на то, что большинство Палаты общин открыто поддерживало такой шаг.

Но лето шло, и победы конфедератов все больше удовлетворяли критерию Пальмерстона: создание настоящего, независимого государства. В течение 1861 года большинство британских наблюдателей сходились на том, что Северу никогда не удастся завоевать столь обширные территории и воинственных жителей. В конце концов, если «красным мундирам» не удалось одолеть куда более слабое государство в 1776 году, то как могут янки одержать победу сейчас? Победы Союза в первой половине 1862 года могли посрамить самоуверенных теоретиков, но Джексон и Ли (немедленно ставшие героями и в Англии) склонили чашу весов на свою сторону. Даже самые верные сторонники Союза готовы были разделить суждение *Times* о том, что «Север и Юг должны отныне выбирать между разделением и разрушением». «Бессмысленная бойня» доказала лишь то, что «девять миллионов людей, населяющих территорию в 900 тысяч квадратных миль и воспламененных духом сопротивления, никогда не будут покорены». По мнению министра иностранных дел Франции, к сентябрю «ни один сколь-нибудь серьезный политик в Европе» не верил, что Север способен одержать победу¹⁶.

По мере того как вести о новых успехах Конфедерации достигали Европы, Уайтхолл и Ке-д'Орсэ все больше склонялись к тому, чтобы предложить воюющим сторонам посредничество. Если такое посредничество смогло бы положить конец войне, это обеспечило бы скорейший и наиболее безопасный доступ к хлопку. Совместное предложение нескольких держав: Англии, Франции, России, а также, возможно, и Австрии с Пруссией было бы наиболее эффективным, ибо в таком случае Север не смог бы игнорировать объединившуюся Европу, и даже воинственный Сьюард вряд ли решился бы объявить войну всем этим державам. Предложение о посредничестве было бы равносильно признанию независимости Конфедерации. Слухи о таких приготовлениях вызвали приступ эйфории среди южных дипломатов и приступ уныния — среди северных. «Сейчас я обнадежен, — писал Слайделл из Парижа, — больше, чем когда-либо за все время моего пребывания здесь». В Лондоне Джеймс Мэйсон

16 Owsley F. L. *King Cotton Diplomacy*. P. 297; Crook D. P. *The North, the South, and the Powers...* P. 245, 247; Nevins A. *War...* II. P. 246.

«ожидал стремительного вмешательства в том или ином виде»¹⁷. Генри Адамс свидетельствовал: «[Раздается] постоянный... ропот и недовольство нами, в масштабах, невиданных со времен „Трента“». Консул Томас Дадли, разочарованный неудачей своей охоты на «Алабаму», сообщал: «Интервенция близка как никогда... Все англичане против нас, и они будут рады нашему падению»¹⁸.

Вера европейцев в то, что поражения могут вынудить Линкольна прибегнуть к их посредничеству, не учитывала его решимости сражаться до победного конца. «Я буду продолжать эту войну, пока не одержу победу или пока не умру», — говорил Линкольн, и слово свое собирался сдерживать. Даже после неудачи во второй битве при Булл-Ране Сьюард заявил французскому посланнику: «Мы никогда не признаем распада Союза... Компромисса здесь не существует». Такое упорство заставило сторонников посредничества возложить свои надежды на триумф демократов на выборах в Конгресс США. Демонстрируя типично британское непонимание нюансов американской конституционной системы, министр иностранных дел Великобритании Расселл ожидал, что контроль демократов над Палатой представителей вынудит Линкольна изменить свою международную политику: «Демократическая партия может [к ноябрю] завоевать большинство, — писал он в октябре. — Я от всего сердца желаю ей успеха»¹⁹.

Того же желал и Роберт Ли, когда вторгся в Мэриленд с целью принудить Север к миру. Британская дипломатия следила за этой кампанией. Федералы «полностью разгромлены» под Булл-Раном, писал Пальмерстон Расселлу 14 сентября: «И отнюдь не кажется невероятным, что их ждут еще большие неудачи, и даже Вашингтон или Балтимор могут перейти в руки конфедератов. Если таковое произойдет, не пора ли Англии и Франции, объединив усилия, предложить воюющим сторонам прийти к согласию на основе создания двух независимых государств?» Расселла не нужно было долго упрашивать. 17 сентября, в день битвы при Шарпсберге, он согласился с планом о посредничестве, добавив: «[Если Север откажется, то] нам следует признать Южные Штаты как независимое государство». Но еще до того, как исход сражения под Энтитемом стал известен в Англии (в то время новости шли через Атлантику не меньше десяти

17 Strobe H. Jefferson Davis: Confederate President. NY, 1959. P. 294, 292.

18 Cycle of Adams Letters... I. P. 166; Strobe H. Op.cit. P. 294.

19 Owsley F. L. King Cotton Diplomacy. P. 330, 353.

дней), Пальмерстон стал проявлять осторожность. 23 сентября он сказал Расселлу, что итог мэрилендской кампании «должен оказать огромное влияние на текущее положение вещей»: «Если федералы потерпят сокрушительное поражение, то они могут быть готовы принять наше предложение, и тогда нужно будет ковать железо, пока горячо. Если же, напротив, для них все закончится хорошо, тогда нам стоит выжидать и смотреть, как будут развиваться события»²⁰. Узнав об отступлении Ли в Виргинию, Пальмерстон отступил и сам. «Последние сражения в Мэриленде опять склонили чашу весов в сторону Севера, — писал он Расселлу в начале октября. — Все очень запутано, и прояснить ситуацию могут только следующие столкновения обеих армий»²¹.

Однако сражение при Энтитеме не охладило пыл Расселла и Гладстона. Они настаивали на обсуждении американского вопроса на заседании кабинета 28 октября, несмотря на повторное замечание Пальмерстона о том, что положение дел с середины сентября изменилось: «Я склонен вернуться к нашей первоначальной роли наблюдателя за событиями, пока исход войны не станет более очевиден»²². Кабинет высказался против предложения Расселла и Гладстона. В этот момент Франция внесла предложение о полугодовом перемирии, гарантом которого выступили бы Англия, Франция и Россия, во время которого блокада была бы приостановлена. Это было столь недвусмысленной поддержкой Юга, что Россия, симпатизировавшая Союзу, тут же открестилась от этой идеи, а затем и британское правительство после двухдневного обсуждения отвергло это предложение.

Юг никогда больше не был столь близок к реализации идеи о вмешательстве в конфликт европейских держав. Идея эта не умерла окончательно, так как ситуация на фронтах оставалась нестабильной и большинство британцев были уверены, что Северу никогда не победить в войне. Но северяне, по крайней мере, избежали разгрома. Как сдержанно заметил Чарльз Фрэнсис Адамс: «Энтитем поднял наши акции»²³. В действительности он сделал даже больше: сражение позволило Линкольну обнародовать Прокламацию об освобождении

20 Эту переписку см.: *Murfin J. V. The Gleam of Bayonets: The Battle of Antietam and Robert E. Lee's Maryland Campaign, September 1862.* NY, 1965. P. 394, 396—397, 399—400.

21 *Jenkins B. Britain and the War for the Union.* II. P. 170; *Murfin J. V. Op.cit.* P. 400—401.

22 *Owsley F. L. King Cotton Diplomacy.* P. 351.

23 *Cycle of Adams Letters...* I. P. 192.

рабов, и теперь Уайтхолл должен был несколько раз подумать, прежде чем выступить против государства, сражающегося не только за свою целостность, но и за свободу.

II

22 сентября, через пять дней после битвы под Энтитемом, Линкольн созвал заседание кабинета. По словам президента, он обещал Господу, что если войска вытеснят врага из Мэриленда, Прокламация об освобождении будет обнародована. «Я думаю, время пришло, — продолжил президент, — хотя я ждал более удобного времени и надеялся, что наше положение будет более устойчивым. Действия армии против мятежников не вполне удовлетворили меня». Тем не менее Энтитем был победой, и Линкольн намеревался предупредить рабовладельческие штаты о том, что, если они не вернуться в состав Союза к 1 января 1863 года, их рабы «с этого дня впредь и навечно станут свободными». Кабинет одобрил это решение, хотя Монтгомери Блэр вновь заметил, что такая мера может отпугнуть пограничные штаты, которые примкнут к южанам и вручат «демократам дубинку... которой они могут побить администрацию» на выборах. Линкольн ответил, что он исчерпал все доводы, с помощью которых можно было сохранить лояльность пограничных штаты Союзу. Сейчас же «нужно сделать шаг вперед» без них. «Они уступят нам, если не тотчас же, то в скором времени... [Что же до демократов, то] их дубинки пройдутся по нам, что бы мы ни предприняли»²⁴.

Прокламация касалась только тех штатов, которые по состоянию на 1 января по-прежнему будут мятежными. Это вызвало путаницу, потому что указ «освобождал» лишь тех рабов, которые находились вне юрисдикции Союза, тогда как те, кто жил в контролируемых северянами штатах, по-прежнему оставались невольниками. Некоторые недовольные радикалы и аболиционисты рассматривали ситуацию именно под таким углом. Так же думали тори и ряд либералов в Англии. Консервативная британская пресса отнеслась к Прокламации с негодованием и одновременно высмеяла ее. Негодование было вызвано опасением, что этот шаг спровоцирует такое восстание, по сравнению с которым индийское восстание сипаев в 1857 году

24 Inside Lincoln's Cabinet: The Civil War Diaries of Salmon P. Chase. NY, 1954. P. 149—152; Diary of Gideon Welles. 3 vols. NY, 1960. I. P. 142—145; Nicolay J. G., Hay J. Abraham Lincoln: A History. 10 vols. NY, 1890. VI. P. 158—163; текст прокламации см.: CWL. V. P. 433—436.

покажется детской шалостью; высмеяна же была ее лицемерная беспомощность. «Мистер Линкольн освобождает негров там, где не имеет власти; там же, где он властен, он считает их рабами, — заявляла *Times*. — Линкольн больше напоминает китайца, звенящего мечом о меч, чтобы напугать врага, нежели серьезного политика, неуклонно гнущего свою линию»²⁵.

Но такие остроты упускали суть и к тому же не учитывали пределы президентских прерогатив, установленные Конституцией. Линкольн действовал в рамках чрезвычайных полномочий, позволявших ему изымать собственность врага; он не имел права выступать против рабства в штатах, оставшихся лояльными к федеральному правительству. После 1 января союзная армия превращалась в освободительную, если, конечно, ей суждено было победить в войне. Также Прокламация призывала рабов помочь ей в этом деле. Большинство антирабовладельчески настроенных американцев и британцев отнеслись к ней с одобрением. «Мы готовы кричать от счастья, что стали свидетелями столь справедливого декрета», — писал Фредерик Дуглас, а Уильям Ллойд Гаррисон назвал ее «актом, имеющим колоссальное историческое значение»²⁶. Британский аболиционист предсказывал, что 22 сентября «навсегда войдет в анналы великой борьбы за свободу угнетенной и отверженной расы»; лондонская радикальная газета назвала Прокламацию «гигантским шагом на пути христианского и цивилизаторского прогресса»²⁷. Исследование эволюции взглядов Линкольна показало, как изменилась его концепция ведения войны, ведь всего лишь десять месяцев назад он осуждал «беспощадную революционную борьбу». После 1 января Линкольн заметил одному чиновнику министерства внутренних дел: «Характер войны поменяется. Она станет приведением к покорности... [Старый] Юг необходимо разрушить и предложить новые планы и идеи»²⁸.

Собиралась ли армия сражаться за свободу рабов? Ответ на этот вопрос от лица солдат хорошо сформулировал один полковник из Индианы. Немногие из солдат являются аболиционистами, писал он, но все они, тем не менее, жаждут «уничтожить все, что хотя бы в какой-то степени способно помочь мятежникам», включая рабство; поэтому «армия будет поддерживать Прокламацию

25 *Times*. 1862. Oct. 7.

26 *Douglass Monthly*. 1862. Oct. P. 721; *Liberator*. 1862. Sept. 26.

27 *Jenkins B. Britain and the War for the Union*. II. P. 153; *Nevins A. War...* II. P. 270.

28 Т. Дж. Барнетт перефразировал замечание президента, однако мысль последнего была «выражена абсолютно ясно».

об освобождении своими штыками». Симпатизировавший демократам рядовой Потомакской армии, чьи предыдущие письма содержали выпады против аболиционистов и негров, теперь выражал готовность «ниспровергнуть любой институт, если такое действие поможет прекратить мятеж»: «...так как я считаю, что ничто не должно мешать Союзу: ни черномазые, ни что-либо иное». Главнокомандующий армией Хэллек так объяснял свою позицию Гранту: «Характер войны за последний год претерпел серьезные изменения. Не осталось никакой надежды на примирение сторон... Мы должны покорить мятежников, или они покорят нас... Бегство раба из лагеря противника равнозначно выводу из строя вражеского солдата»²⁹.

Но согласятся ли с этим Макклеллан и офицеры Потомакской армии? Республиканская оппозиция Макклеллану базировалась в основном на убеждении, что тот не примет Прокламацию. И действительно, первая реакция генерала оправдала ожидания. Он назвал Прокламацию «позорной» и написал жене, что «не может решиться на то, чтобы сражаться за проклятую доктрину восстания рабов». Макклеллан советовался со своими друзьями-демократами из Нью-Йорка, которые советовали ему «подчиниться Прокламации президента и спокойно продолжать выполнять [свой] солдатский долг»³⁰. Однако некоторые подчиненные Макклеллана встали в оппозицию к новому курсу. Фицджеральд Портер осудил «абсурдную прокламацию трусливого политика». Некий штабной офицер признался своему коллеге, что армию Ли не стали «брать в мешок» под Шарпсбергом, потому что «это было бы нечестно»: «Цель состоит в том, чтобы ни одна армия не получила решающего перевеса. Обе армии должны стоять друг против друга до полного истощения ресурсов, а потом мы пойдем на компромисс и спасем рабство». Когда Линкольну стало известно об этой беседе, он уволил офицера «в назидание другим», чтобы положить конец «глупым, изменническим разговорам»³¹. С запозданием отреагировав на опасность подобных «разговорчиков» в своем окружении, Макклеллан 7 октября издал приказ, напомиавший военным о необходимости подчинения гражданской власти. «Исправить политические ошибки, если таковые имеют место, — заключил Макклеллан,

29 Nevins A. Op. cit. P. 239; Civil War Times Illustrated Collection, United States Military History Institute; O. R. Ser. I. Vol. 24, pt. 3. P. 157.

30 Письма жене от 25 сентября и 5 октября 1862 г. (McClellan Papers, Library of Congress); Civil War Collection, Henry E. Huntington Library.

31 Nevins A. War... II. P. 238—239; историю уволенного офицера также см.: CWL. V. P. 442—443, 508—509.

искусно намекнув на грядущие выборы, — могут только избиратели, пришедшие на участки»³².

Демократы едва ли нуждались в этом намеке: они уже сделали освобождение рабов основным объектом критики во время борьбы за контроль над Конгрессом. Программа демократов Нью-Йорка осуждала Прокламацию об освобождении как «призыв к резне женщин и детей, санкционирование грабежа и насилия, поджогов и убийств». Своим кандидатом в губернаторы Нью-Йорка партия выдвинула Горацио Сеймура — обаятельного человека и опытного политика с тридцатилетним стажем. Он заявлял: «Если Союз нельзя сохранить, не уничтожив рабство, то жителям южных штатов следует позволить выйти из состава государства, ибо оно не может гарантировать им защиту закона»³³. Демократы Огайо и Иллинойса придерживались сходных взглядов. Заклеймив Прокламацию об освобождении как «еще один шаг по робеспьеровскому пути к тирании и анархии», они полагали, что, коль скоро освобождение рабов «является истинной целью войны, Юг не может и не должен быть покорен... Ради Бога, нельзя продолжать кровопролитие только для удовлетворения религиозного фанатизма». Один демократ из Огайо так перефразировал партийный лозунг: «Конституция, как она есть, Союз, каким он был, и ниггеры, где они сейчас»³⁴.

Решение Линкольна приостановить действие права *habeas corpus*, чтобы форсировать набор ополченцев, также ударило по республиканцам. Как комментировал один редактор из Огайо: «Значительное большинство людей не понимает, почему их должны убивать ради выгод ниггеров и аболиционистов». Если «деспот Линкольн» попытается впихнуть аболиционизм и принудительный набор в армию в глотку белого человека, то «он получит ровно то, что заслуживает: веревку, пулю или костер»³⁵. Аресты демократов-пацифистов и осуждение 47 «рыцарей Золотого Круга» в Индиане, вполне возможно, сыграли против республиканцев, так как позволили демократам представить себя мучениками за гражданские свободы.

Копья ломались и вокруг самой войны. «После полутора лет испытаний, — признал один республиканец, — кровопролития и

32 O. R. Ser. I. Vol. 19, pt. 2. P. 295—296.

33 Nevins A. Op. cit. II. P. 302, 303.

34 Gray W. The Hidden Civil War: The Story of the Copperheads. NY, 1942. P. 115; Klement F. K. The Limits of Dissent: Clement L. Vallandigham and the Civil War. Lexington (Ky.), 1970. P. 106, 107.

35 Gray W. Hidden Civil War... P. 112.

огромных расходов, тысяч убитых и раненых, мы почти не приблизились к подавлению мятежа... Народ желает перемен, вот только не вполне понимает, каких именно»³⁶. Это оставалось справедливым даже после того, как армии северян отразили вторжение конфедератов при Энтитеме, Перривилле и Коринте. Ни одну из этих битв нельзя было назвать безоговорочной победой Союза: провал преследования отступающих южан производил гнетущее впечатление. В октябре силы противника находились на более выгодных позициях, чем пятью месяцами ранее: армия Брэгга стояла в Мерфрисборо, в Центральном Теннесси, всего в тридцати милях от Нашвилла, а армия Ли оставалась в нескольких милях от Харперс-Ферри. Кавалерия Джеба Стюарта вновь обвела янки вокруг пальца, совершив рейд вокруг всей Потомакской армии 10—12 октября она дошла до Чеймберсберга (Пенсильвания) и возвратилась к своим, ведя в поводу 1200 захваченных лошадей, причем потери отряда составили всего два всадника. Этот рейд убедительно продемонстрировал всю тщетность военных усилий северян.

На выборах 1862 года демократы добились заметных успехов: их кандидаты стали губернаторами Нью-Йорка и Нью-Джерси, они завоевали большинство в легислатурах Иллинойса, Индианы и опять-таки Нью-Джерси, их ряды в Конгрессе пополнили 34 человека. Республиканцам повезло, что выборы губернатора и законодателей Огайо и Пенсильвании проводились в нечетный год, а губернаторы-республиканцы Иллинойса и Индианы были избраны в 1860 году на четырехлетний срок, иначе эти должности также перешли бы к демократам. Запаниковавшие республиканцы расценили итоги выборов как «ошеломляющий переворот настроений народа», «очень суровый и тяжелый упрек». Ликующие демократы поспешили объявить о «разгроме аболиционизма»³⁷. Почти все историки сходятся в том, что выборы поставили «республиканцев на грань катастрофы», что они были «безусловным триумфом демократов»; «вердикт избирателей ясно показал, что жители Севера не приняли Прокламацию об освобождении»³⁸.

36 Ibid. P. 110.

37 Strong G. T. Diary. P. 271; CWL. V. P. 511; Voegeli V. J. Free But Not Equal: The Midwest and the Negro during the Civil War. Chicago, 1967. P. 64.

38 Parish P. J. The American Civil War. NY, 1975. P. 208—209; Silbey J. H. A Respectable Minority: The Democratic Party in the Civil War Era, 1860—1868. NY, 1977. P. 144; Hesselstine W. B. Lincoln and the War Governors. NY, 1948. P. 165.

Однако более пристальный взгляд на результаты выборов ставит такую точку зрения под сомнение. Республиканцы по-прежнему контролировали 17 из 19 губернаторских постов и 16 из 19 легислатур в свободных штатах. Им в первый раз удалось провести нескольких конгрессменов в Миссури, они получили пять дополнительных мест в Сенате и сохранили большинство в 25 голосов в Палате представителей, причем при *наименьшей* потере мест в Конгрессе для промежуточных выборов за последние двадцать лет. Шесть штатов Нижнего Севера от Нью-Йорка до Иллинойса в течение двух последующих лет были в основном представлены демократами, но в прочих штатах республиканцы, как минимум, не потеряли свои позиции. К тому же, перевес демократов в большинстве этих шести штатов был практически неощутим: 4200 голосов в Пенсильвании, 6000 в Огайо и по 10 000 в Нью-Йорке и Индиане. Такой перевес, по словам Линкольна, был вызван неучастием в голосовании воевавших солдат (среди которых преобладали республиканские настроения), что косвенно подтвердилось в ходе следующих выборов, когда было разрешено заочное голосование солдат³⁹.

Хотя Линкольн и республиканцы были разочарованы итогом выборов, они не ослабили своих усилий, наоборот, в течение нескольких месяцев их радикализм нарастал. 7 ноября президент отстранил Макклеллана от командования Потомакской армией. Хотя такое решение и было обусловлено сугубо военными причинами, в нем нельзя было не усмотреть и политическую составляющую. В декабре Палата представителей решительно отвергла резолюцию демократов, называвшую освобождение рабов «серьезным преступлением против Конституции», и одобрила Прокламацию об освобождении. Также Конгресс принял закон, требовавший от нового штата Западная Виргиния упразднения рабства в качестве одного из условий вступления в Союз⁴⁰.

Весь декабрь демократическая пресса муссировала слух, что Линкольн, не получивший поддержки от избирателей, не решится выпустить Прокламацию об освобождении в окончательном варианте, и ежегодное послание президента Конгрессу 1 декабря, казалось, подтверждало этот слух. Линкольн снова высказался за свой план

39 The Tribune Almanac for 1863. NY, 1863. P. 50—64; CWL. V. P. 494; Adams D. W. Illinois Soldiers and the Emancipation Proclamation // Journal of the Illinois State Historical Society. 1974. 67. P. 408—410; Winther O. O. The Soldier Vote in the Election of 1864 // New York History. 1944. 25. P. 440—458.

40 CG, 37 Cong., 3 Sess., 15. P. 52; U. S. Statutes at Large. XII. P. 633.

постепенного освобождения рабов с компенсацией в каждом штате, «где рабство до сих пор существует». Встревоженные аболиционисты спрашивали друг друга: «Если президент собирается с Нового года ввести в действие свой указ, зачем же он снова говорит о постепенном освобождении?» Ни друзья, ни враги не уловили подтекста послания Линкольна. Прокламация обещала оставить навечно свободными всех рабов, освобожденных «в результате военных действий», и являлась военной мерой, применимой только в мятежных штатах; предложение же Линкольна о постепенном освобождении было мирной мерой, направленной на *упразднение этого института* везде, но в рамках Конституции. Заявление президента не должно было оставить никаких сомнений в его позиции: «Граждане! Мы не можем сбежать от истории... Горнило испытаний, через которое мы пройдем с честью или бесчестьем, освещает путь следующим поколениям... Догмы тихого прошлого более не подходят штормовому настоящему... *Предоставляя свободу рабам, мы гарантируем ее свободным...* Мы должны сами освободиться от рабства, и тогда мы спасем нашу страну»⁴¹.

1 января Линкольн положил конец всем слухам. Прокламация, подписанная им в этот день, освобождала рабов в пограничных штатах, включая Теннесси и оккупированные федералами части Луизианы и Виргинии. Учтя критику призыва рабов к восстанию, содержащегося в Прокламации от 22 сентября, нынешний вариант предписывал им «воздерживаться от любого насилия». Однако в остальном этот вариант был радикальнее предыдущего. Он не только оправдывал освобождение как «акт справедливости» и военную необходимость, но и разрешал набор чернокожих солдат и матросов в федеральные войска⁴².

Это уже было настоящей революцией. Вооруженные чернокожие стали ночным кошмаром южан. Идея вооружить бывших рабов, естественно, зародилась в голове Линкольна не в момент написания Прокламации — уже в самом начале войны свободные негры северных штатов в некоторых городах записывались добровольцами в армию. Однако военное министерство под предлогом того, что это «война белых людей», отказывалось их зачислять. Несмотря на то что черные солдаты участвовали в Войне за независимость и англо-американской войне 1812 года, с 1792 года негров не принимали

41 Boston Commonwealth. 1862. Dec. 6; CWL. V. P. 529—537.

42 CWL. VI. P. 28—30.

в ряды милиции штатов, им был также закрыт и доступ в регулярную армию. Вьезшиеся в сознание предрассудки были весьма живучими. Линкольн не стал дослушивать до конца предложение военного министра Кэмерона о вооружении рабов в декабре 1861 года, а летом следующего года администрация противилась созданию негритянских полков в Канзасе, оккупированной части Луизианы и на островах у побережья Южной Каролины.

В отличие от армии, флот с самого начала войны набирал в свои ряды людей всех цветов кожи и любого социального положения. На флоте чернокожие работали в основном грузчиками, кочегарами, судовыми поварами и стюардами, но уже в августе 1861 года из беглых рабов составили орудийный расчет на федеральном военном корабле «Миннесота». В мае 1862 года раб из Южной Каролины Роберт Смоллс захватил в Чарлстонской гавани посыльное судно, став лоцманом флота Соединенных Штатов.

Тем временем лидеры черных общин, аболиционисты и радикальные республиканцы продолжали агитировать за призыв в армию чернокожих солдат. По их словам, такой шаг не только приблизил бы победу, но и помог бы рабам заработать равноправие для своей расы. Как лаконично выразился Фредерик Дуглас: «Соединенные Штаты, дайте же, наконец, чернокожему медный жетон с его именем, силуэт орла на пуговице, винтовку на плече и порох в патронташе; и уж не будет никаких сомнений в его правах гражданства»⁴³.

Распоряжение Конгресса (в законе об ополчении от 17 июля 1862 года) о зачислении негров в «сухопутные или морские соединения, где бы они могли принести пользу», не имело целью помочь чернокожим в получении гражданских прав. Скорее, «рабочие батальоны» были призваны высвободить белых солдат для участия в сражениях. Прокламация об освобождении предназначала чернокожих солдат для пополнения «гарнизонов фортов, укрепленных позиций, станций и иных пунктов», вместо того чтобы отправлять их на передовую. Реальность, однако, опережала политическую ситуацию. Линкольн за девять дней до опубликования первого варианта Прокламации говорил одной делегации, что данный указ будет подобен папской булле против кометы; кроме того, 4 августа, за три недели до того как военное министерство дало беглым рабам в оккупированной части Южной Каролины статус военнослужащих, он

43 Douglass Monthly. 1863. Aug.

говорил: «Вооружить негров — это обратить 50 тысяч дружественных нам штыков против нас»⁴⁴. Но когда Линкольн произносил эти слова, в Луизиане заканчивал формирование полк свободных негров, а в Канзасе — смешанный полк из свободных и беглых негров. Осенью сформировали еще два луизианских полка, также официально был признан Южнокаролинский полк. В октябре Канзасский полк вступил в бой в Миссури. Десять человек погибли, и это были первые павшие чернокожие солдаты.

К концу года правительство было готово признать существование этих полков, да и тянуть с этим было дальше некуда, ибо Массачусетс уже принял такой акт. Командиром первого полка южнокаролинских волонтеров был уроженец Массачусетса Томас Уэнтворт Хиггинсон, чье перо едва ли уступало в остроте шпаге. После того как его полк в январе 1863 года принял участие в небольшом речном рейде в Южной Каролине, Хиггинсон отправил в адрес военного министерства бравурный отчет, который, как он и надеялся, попал в газеты. «Никто из тех, кто не видел, каковы они в бою, не может судить о них, — писал он. — Ни один офицер в нашем полку не сомневается, что ключ к успешному окончанию войны лежит в неограниченном использовании чернокожих воинов». *New York Tribune* заметила, что подобные отчеты, несомненно, «подвергнут сомнению наше укоренившееся англосаксонское предубеждение в отношении мужества и отваги негритянских полков»⁴⁵. Как раз когда полк Хиггинсона проводил свой рейд, губернатор Массачусетса Эндрю добился разрешения правительства снарядить «черный» полк. Назначив вербовщиками и офицерами видных аболиционистов, Эндрю сформировал из жителей северных штатов целых два полка — 54-й и 55-й Массачусетские, — причем первому из них суждено было стать самым прославленным «черным» полком в этой войне.

Набор негритянских полков не произвел немедленной революции в сознании северян. Наоборот, наличие таких полков в определенной степени сыграло на руку демократам с их выпадами против освобождения рабов, а также усилило межрасовые трения в армии. Ситуация с «черными полками» отражала дискриминационные настроения в обществе, неохотно соглашавшемся терпеть соседство с неграми: полки были обособлены, жалование было ниже,

44 O. R. Ser. I. Vol. 14. P. 377—378; CWL. V. P. 357.

45 O. R. Ser. I. Vol. 14. P. 195—198; *New York Tribune*. 1863. Feb. 11

чем у белых, а командовали ими белые офицеры, часто считавшие «черномазых» годными лишь к гарнизонной службе и исполнению подсобных работ. Так что первой битвой, в которой приняли участие негритянские части, была битва за право проявить себя в бою.

В любом случае, формирование негритянских полков знаменовало собой переход войны за сохранение Союза в революцию за ниспровержение старого порядка. Превращение Линкольна из противника набора темнокожих солдат в горячего сторонника служило свидетельством того, что революция эта набирала ход. В марте 1863 года президент писал военному губернатору Теннесси Эндрю Джонсону: «Одна только демонстрация пятидесяти тысяч вооруженных и вымуштрованных чернокожих солдат на берегах Миссисипи покончила бы с мятежом в ту же минуту. А кто сомневается, что мы в состоянии продемонстрировать их, если примем за дело всерьез?»⁴⁶

Отклик южан на освобождение рабов и зачисление их в армию Союза был яростным как на словах, так, иногда, к сожалению, и на деле. Узнав о проекте Прокламации, генерал Борегар призвал к «казни заключенных аболиционистов [то есть пленных солдат федеральной армии] после 1 января... Пусть они будут удушены гарротой». Джефферсон Дэвис в своем послании Конгрессу от 12 января 1863 года посвятил Прокламации об освобождении такие слова: «Это самое отвратительное преступление в истории человечества». Дэвис пообещал передать плененных офицеров северян правительствам штатов для наказания «как преступников, обвиняемых в подстрекательстве к мятежу рабов». Наказанием за такое преступление была, разумеется, смертная казнь⁴⁷.

По здравому размышлению от таких действий решено все же было отказаться, но периодически южане казнили захваченных чернокожих солдат и их офицеров. Даже еще до официального объявления о «черном призыве» южане знали о подобных попытках на занятой федералами части Луизианы и Южной Каролины. 21 августа 1862 года штаб армии Конфедерации издал приказ о том, что такие «преступления и вопиющие нарушения законов» требуют «платить той же монетой» в виде «казни за измену» любого захваченного в плен офицера негритянских полков. Когда

46 CWL. VI. P. 149—150.

47 O. R. Ser. II. Vol. 4. P. 916; Davis... V. P. 409.

в ходе ноябрьской диверсионной операции мятежников на одном из южнокаролинских островов были захвачены в плен четыре негра в форме федеральных войск, военный министр Джеймс Седдон и президент Дэвис одобрили их «немедленную казнь» в «назидание» тем, кто вооружает рабов⁴⁸. Месяц спустя, в канун Рождества, Дэвис издал приказ, по которому все бывшие рабы и их офицеры, захваченные в плен с оружием, должны были передаваться штатам для суда. 30 мая 1863 года Конгресс Конфедерации ввел этот приказ в действие с единственной поправкой, что решения по делам плененных офицеров должны были выносить военные суды, а не суды штатов⁴⁹.

Хотя Юг так и не применил этот закон, существуют свидетельства, что с пленными офицерами «так поступали, если захватывали непосредственно на поле боя или сразу после битвы» (как писал генералу Кирби Смитту в 1863 году военный министр Седдон). Чернокожих военнопленных иногда убивали «при попытке к бегству». Некий полковник из стана конфедератов, чей полк захватил в плен группу солдат-негров в Луизиане, рапортовал: «[Когда некоторые из них попытались бежать,] я приказал стрелять, и сам достал револьвер и тоже поучаствовал в исполнении приказа». Солдат из Северной Каролины в письме матери рассказывал, что после стычки с негритянским полком «некоторые солдаты противника попали в плен и какое-то время спустя были заколоты штыками, а трупы их сожжены»: «Наши ребята пришли в ярость от того, что с ними сражаются негры, и набросились на них словно спущенные с цепи псы»⁵⁰.

Слухи и сообщения о случаях подобной резни раздражали федеральные власти весь оставшийся период войны, и правительство несколько раз угрожало южанам возмездием. Такие случаи заставляли сомневаться, стоит ли использовать негритянские соединения в бою, где велик риск пленения бойцов. Отказ конфедератов признавать за захваченными в плен чернокожими статус военнопленных внес свой вклад в постепенное прекращение обменов военнопленными, что имело трагические последствия для обеих сторон.

48 O. R. Ser. II. Vol. 4. P. 857, 945—946, 954.

49 Ibid. Vol. 5. P. 797, 940—941.

50 O. R. Ser. I. Vol. 22, pt. 1. P. 965; Freedom: A Documentary History of Emancipation. Series II. The Black Military Experience. Cambridge, 1982. P. 585; Jimerson R. C. A People Divided: The Civil War Interpreted by Participants (дисс.).

III

Дипломаты Союза были поначалу разочарованы скептической реакцией большинства британцев на Прокламацию об освобождении. Однако когда в Англии уяснили суть этого указа (а Линкольн 1 января показал, что он на самом деле имел в виду), антирабовладельчески настроенные англичане стали гораздо больше симпатизировать Союзу. По всему королевству состоялись массовые митинги. Те, кто поддерживал Конфедерацию, были вынуждены на какое-то время скрыть свои чувства. Эффектом такого «массового сочувствия», как удовлетворенно отмечал Чарльз Фрэнсис Адамс, «стало исчезновение всякой пропаганды за признание Конфедерации». Молодой Генри Адамс, чьи настроения колебались от отчаяния до эйфории, был поражен выражениями дружеских чувств к Союзу со стороны британцев. «Прокламация об освобождении сделала для нашего дела больше, чем все наши прошлые победы и усилия дипломатов, — писал Генри (несколько, впрочем, преувеличивая) своему брату Чарльзу Фрэнсису-младшему, кавалерийскому капитану Потомакской армии. — Если у вас наладятся дела на фронте, мы здесь поставим жирный крест на всех надеждах мятежников на признание»⁵¹. К сожалению для Адамса, армии Союза терпели неудачу за неудачей, и зимой воскресли как надежды южан на внешнее признание, так и их перспективы на внутренних фронтах.

51 Cycle of Adams Letters... I. P. 243.

19.

Три реки зимой 1862—1863 годов

I

Хотя Линкольн и был разочарован действиями Макклеллана под Энтитемом, он надеялся, что Потомакская армия организует преследование мятежников и даст им еще одно сражение, пока те находятся далеко от своих баз. В начале октября Линкольн приехал в расположение армии и потребовал, чтобы Макклеллан преследовал конфедератов, пока те не оправились от поражения и не перегруппировали войска. Вернувшись в Вашингтон, президент попросил Хэллека отправить Макклеллану приказ: «Переправьтесь через Потомак и дайте сражение... Армия должна начать движение прямо сейчас, пока дороги еще в хорошем состоянии»¹.

Но Макклеллан по своему обыкновению запротестовал, говоря, что не может выступить, пока ему не подвезут припасы и не пополнят армию. Хэллек в отчаянии махнул рукой. Он знал, что Северовиргинская армия находится в худшем положении, чем Потомакская. «Мне до смерти надоела [пассивность Макклеллана], — писал Хэллек в октябре. — Чтобы сдвинуть с места эту инертную массу, нужен архимедов рычаг». Республиканцы разделяли нетерпение Хэллека. «Что за таинственная сила препятствует выступлению Потомакской армии? — задавался вопросом редактор *Chicago Tribune* в статье от

1 О. R. Ser. I. Vol. 19, pt. 1. P. 72.

13 октября. — Что за язва разъедает тело нашей армии, напрасно теряющей дни, когда можно одержать блестящую победу? Если ее зовут Макклеллан, то неужели президент не видит, что он предатель?»²

Линкольн также начал терять терпение. Но вместо немедленного отстранения Макклеллана он решил дать ему отеческий совет. «Вы не помните наш разговор, когда я назвал вашу стратегию чрезмерно осторожной? — писал президент генералу 13 октября. — Не перестраховываетесь ли вы, заявляя, что не можете делать то, что враг, однако, делает постоянно?» Макклеллан возражал, что его солдаты не могут маршировать по 20 миль в сутки и сражаться голодными и разутыми. Однако мятежники маршировали и сражались, почти не имея еды и босые. Ожидание бесперебойных поставок припасов «игнорирует важность времени, а ее абсолютно нельзя игнорировать». Если Макклеллан незамедлительно переправится через Потомак и отсечет врага от Ричмонда, то это может вынудить Ли принять решающий бой. «Мы не должны просто оттеснять южан. Если мы не сможем разбить их там, где они находятся сейчас [к западу от Харперс-Ферри], то мы никогда не разобьем их... Если не пытаться, то никогда и не победить»³.

Но и это обращение не смогло заставить Макклеллана двинуться с места. В течение следующих двух недель не происходило почти ничего, если не считать телеграмм Макклеллана, где он ссылался на измученных лошадей. Это вывело Линкольна из себя: «Не сочтите за назойливость, но что такого делали ваши лошади со времени битвы при Энтитеме, что измучило их?» Такой тон вызвал раздраженную реакцию Макклеллана. «Благополучие страны, — писал он жене, — требует от меня подчинения указаниям людей, которые, я уверен, не годятся мне в подметки!.. Самым верным эпитетом, которым можно наградить известную личность, будет „Горилла”»⁴. Макклеллану в который раз изменило чувство реальности. Считая себя героем Энтитема, он ощущал себя вправе диктовать свои условия правительству. Дальше в том же письме Макклеллан заявлял: «Я настаивал на отставке Стэнтона и на том, чтобы я стал главнокомандующим вместо Хэллека. Единственным спасением для страны и для меня лично было бы избавиться от большинства этих людей»⁵.

2 O. R. Ser. III. Vol. 2. P. 703—704; Murfin J. V. The Gleam of Bayonets... NY, 1965. P. 300.

3 CWL. V. P. 460—461.

4 CWL. V. P. 474; недатированное письмо жене (McClellan Papers. Library of Congress).

5 Письма от 20 сентября и 31 октября 1862 г. (McClellan Papers).

26 октября Потомакская армия наконец стала форсировать одноименную реку, но продвигалась столь медленно, что Ли сумел преградить дорогу «синим мундирам», расположив перед ними корпус Лонгстрита, пока Джексон оставался в долине Шенандоа, угрожая флангу северян. Это было последней каплей, переполнившей чашу терпения Линкольна; ему надоело, по его выражению, «сверлить настолько тупым сверлом». 7 ноября он заменил Макклеллана на Бернсайда⁶. Своему личному секретарю Линкольн объяснил: «[Когда Макклеллан] под различными надуманными предложениями продолжал медлить, я начал опасаться того, что он ведет двойную игру и в действительности не хочет победы над врагом. Я решил... отстранить его от командования [если он позволит Ли затормозить наше наступление на Ричмонд]. Он позволил, и я его отстранил»⁷.

Прощание Макклеллана с армией было бурным. Некоторые офицеры угрюмо бормотали о том, чтобы «повернуть армию на Вашингтон» и «сбросить чертовых негодяев в Потомак». Однако эти разговоры ни во что не вылились, и ни в одном действии Макклеллана во время его пребывания в должности его натура не проявилась так сильно, как в его уходе. «Сплотитесь вокруг генерала Бернсайда, как вы сплотились вокруг меня, и все будет хорошо», — говорил он солдатам, пока те восторженными криками приветствовали того, кто сделал из них армию. Среди тех, кто больше всего сожалел об отставке Макклеллана, был сам Бернсайд. Будучи одним из немногих генералов Союза, кто имел на своем счету заметные успехи (прежде всего при захвате побережья Северной Каролины), Бернсайд, тем не менее, считал себя недостаточно компетентным для командования Потомакской армией. События вскоре подтвердили его правоту.

Правда, началось для него все хорошо. Вместо того чтобы продолжать двигаться строго на юг, используя для снабжения легко уязвимую железную дорогу через Манассас, он с неожиданной быстротой развернул громоздкую 110-тысячную армию к Фалмуту, расположенному напротив Фредериксберга на другом берегу реки Раппаханнок. Здесь Бернсайд рассчитывал форсировать реку и двинуться к Ричмонду под прикрытием речной флотилии, действовавшей на реках, впадавших в Чесапикский залив, и охранявшей базы его армии. Недостатком этого плана была необходимость форсировать большое количество рек,

6 Цит. по: Foote S. Civil War. I. P. 752. Приказ об отстранении Макклеллана был подписан 5 ноября, но отправлен 7 ноября. Текст приказа см.: CWL. V. P. 485.

7 Lincoln/Hay. P. 218—219.

и Раппаханнок оказался лишь первой из них. Однако двигаясь быстро, два передовых корпуса Бернсайда вошли в Фалмут 17 ноября, прежде чем Ли смог перебросить туда свои войска и воспрепятствовать этому. Впрочем, в течение недели Бернсайд никак не мог построить понтонный мост; задержка произошла из-за удивительного таланта Бернсайда отдавать путаные распоряжения, а также из-за непонимания Хэллеком того, где и когда Бернсайд намерен переправиться через реку. В результате к моменту наведения понтонов большая часть 75-тысячной армии Ли сумела окопаться в холмистой местности к югу от Раппаханнока.

Ли намеревался провести здесь зиму, но в планы Бернсайда это не входило. Линкольн и общественное мнение Севера рассчитывали на наступательные действия. Поразмыслив и придя к выводу, что Ли ожидает форсирования реки севернее или южнее Фредериксберга, Бернсайд решил, что «захватит неприятеля врасплох, если переправится прямо по фронту». Если для Ли и могло быть что-либо неожиданное, то только безрассудство такого шага. Корпус Лонгстрита располагался на господствующей над Фредериксбергом возвышенности протяженностью четыре мили, а его артиллерия простреливала участок в добрых полмили открытого пространства, по которому должны были идти наступающие. Как заметил один из артиллерийских офицеров Лонгстрита: «Когда мы начнем стрелять, на этом участке не уцелеет даже цыпленок»⁸. Надеясь, что федералы начнут атаку именно здесь, Ли решил оказывать сопротивление форсированию противником реки, пока корпус Джексона не пройдет вверх по течению реки и не присоединится к корпусу Лонгстрита, что удлинит строй конфедератов еще на три мили.

В предзакатной тьме 11 декабря инженеры северян начали наводить три понтонных моста напротив Фредериксберга и еще три — в двух милях вниз по течению. Последние строились под прикрытием артиллерии, и задача была решена без потерь, но в самом Фредериксберге, едва только рассвело, бригада стрелков из Миссисипи, засевших в домах и одиночных окопах, начала истреблять инженерные подразделения. Федеральная артиллерия обстреливала здания (большинство жителей города были эвакуированы), но снайперы мятежников продолжали вести огонь из развалин. Три полка «синих мундиров» в конце концов переправились через реку в лодках и отбросили их после схватки в городских кварталах. Когда через Раппаханнок перешла

8 Longstreet J. The Battle of Fredericksburg // Battles and Leaders. III. P. 79.

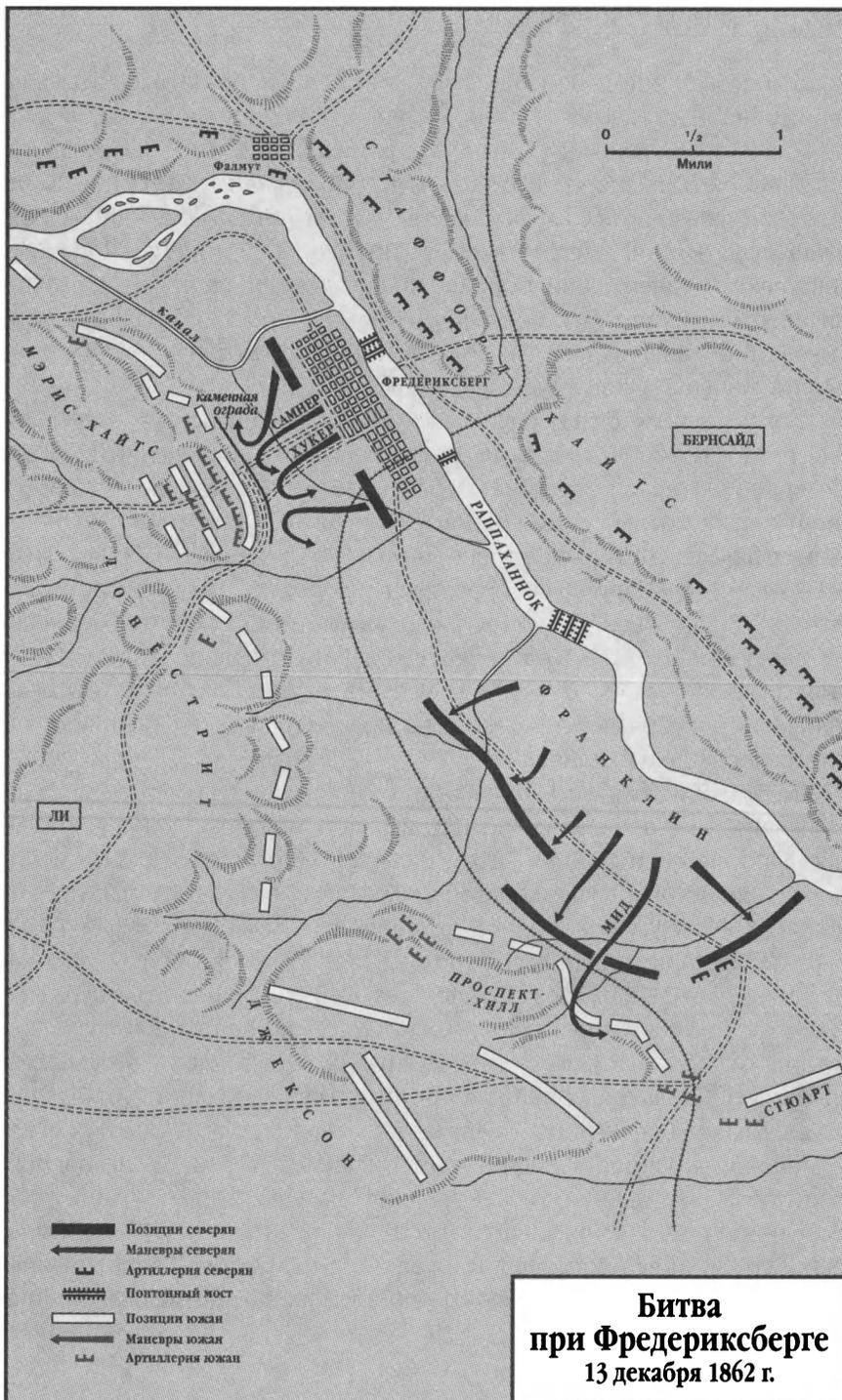
оставшаяся армия, северяне разграбили город, разбив «мятежную» мебель, пианино, стеклянную посуду и вообще все, что они смогли найти в покинутых домах.

Для многих мародеров этот вечер стал последним в жизни. Битва при Фредериксберге 13 декабря вновь ознаменовалась доблестью рядовых солдат армии Союза и головотяпством ее генералов, в то время как к отваге защитников города добавилось и эффективное руководство боем со стороны военачальников. По замыслу Бернсайда, его левый фланг под командованием генерала Уильяма Франклина должен был атаковать правое крыло южан, где находился корпус Джексона, а правый фланг — выбить Лонгстрита с высот Мэрис-Хайтс за Фредериксбергом. Если бы Франклину удалось опрокинуть Джексона, маневр северян на правом фланге мог превратиться в настоящую атаку, но и без того сомнительный план был загублен противоречивыми письменными приказами Бернсайда Франклину, в результате чего 50 тысяч пехотинцев последнего не смогли начать наступление, когда представилась такая возможность.

Утром 13 декабря туман рассеялся, и можно было разглядеть армаду Франклина, пересекавшую равнину к югу от ставки Ли, расположенной на вершине холма. Вскоре «синие мундиры» атаковали позиции Джексона у Проспект-Хилл. Пенсильванская дивизия под командованием Джорджа Гордона Мида нацупала слабое место в оборонительных порядках южан, державших оборону вдоль лесистой ложбины, и прорвала их строй. Если бы Франклин усилил напор в этом направлении, введя в бой оставшиеся силы, федералы могли бы смять обороняющихся, но он не решился этого сделать. Резервы конфедератов быстро вступили в бой и провели контратаку, вытесняя пенсильванцев из леса на открытую местность, пока их не остановил огонь артиллерии Союза. Тревожно всматривавшийся вдаль со своего командного поста Ли вздохнул с облегчением, увидев, что его люди закрыли прорыв, и сказал Лонгстриту: «Это даже хорошо, что война так жестока, а то мы могли бы полюбить ее!»⁹

Франклин так и не ввел в бой большую часть своих войск и не возобновил наступление, несмотря на прямые приказы Бернсайда. Между тем наступление правого фланга северян превратилось в серию стычек бригада на бригаду, сколь отважных, столь и бессмысленных, как часто бывает на войне. Волны «синих мундиров» одна за другой накатывались из города на Мэрис-Хайтс. Преодолев овраги,

9 Freeman D. S. R. E. Lee: A Biography. 4 vols. NY, 1934—1935. II. P. 462.

болото, кювет и дорожную выемку, они затихали в пятидесяти ярдах от каменной ограды в полмили длиной у подножия холма, всякий раз оставляя сотни погибших и умирающих людей. За камнями находились четыре шеренги стрелков из Джорджии и Северной Каролины, заряжавшие и стрелявшие так быстро, что создавался эффект пулеметного огня. Всего этим коротким, но поистине бесконечным декабрьским днем янки бросили в бой четырнадцать бригад. Как писал один репортер с поля боя: «Вряд ли простые солдаты могли выказать большую отвагу, и вряд ли генералы могли продемонстрировать меньше здравого смысла»¹⁰.

Когда на поле битвы опустилась тьма, стало ясно, что федеральная армия потерпела одно из самых жестоких поражений в войне. Северяне потеряли убитыми и ранеными около 13 тысяч человек (почти столько же, сколько под Энтитемом), причем большинство из них пало при штурме каменной ограды у подножия Мэрис-Хайтс. Конфедераты, обороняясь и сражаясь в хороших укрытиях, потеряли менее 5000 человек. Донельза расстроенный поражением, Бернсайд на следующее утро хотел лично возглавить отчаянное наступление силами своего старого 9-го корпуса, но одумался и непогожим вечером 15 декабря переправился, не преследуемый противником, обратно через Раппаханнок.

Таким образом, еще один марш на Ричмонд потерпел фиаско. Фредериксберг показал северянам все ужасы войны, пожалуй, более наглядно, чем любая иная битва. Вид трупов, усеявших клочок земли перед каменной оградой, навечно врезался в память солдата, входившего в состав похоронной команды во время перемирия 15 декабря. Тела «раздулись вдвое, большинство из них стали черны как негры». Один лежал «без головы, другой без ног, у третьего были и голова и ноги, зато не было туловища... в растекшихся мозгах виднелись осколки снаряда, а в раздувшихся конечностях — отверстия от пуль»¹¹. Столь ужасная цена при отсутствии результата стала причиной упадка боевого духа в армии и уныния в тылу. Солдаты писали домой: «Моя верность родине тает с каждым часом... Мне надоели постоянные неудачи и те идиоты, которые навлекают их на нас... Все считают, что Виргиния не стоит таких жертв... Почему бы не признать, что мы проиграли, и не заключить мир?» «[Люди] молчаливо и угрюмо переносят глупость, предательство, неудачи, лишения,

10 Foote S. Civil War. II. P. 44.

11 Ibid. P. 43.

потерю близких, — возмущался обычно лояльный *Harper's Weekly*, — но они не смогут еще раз перенести страдания, которые причинила резня под Фредериксбергом»¹². Бернсайд мужественно взял всю вину на себя, но объектом сильной критики на этот раз стал и сам Линкольн: «Он невежествен, упрям... и некомпетентен». «Если есть место хуже, чем ад, — сказал президент, узнав о катастрофе под Фредериксбергом, — то я нахожусь именно там»¹³.

В Вашингтоне настали тяжелые времена. По столице бродили странные слухи о том, что кабинет уйдет в отставку, а новый будет сформирован из «военных» демократов; о том, что сам Линкольн покинет пост, уступив его Ганнибалу Хэмлину; о том, что Макклеллана призовут возглавить правительство, состоящее из военных; наконец, о том, что радикальные республиканцы готовят заговор с целью смены кабинета. Последний слух не был беспочвенным. 16 и 17 декабря республиканские сенаторы собирались за закрытыми дверями и почти единогласно (всего с одним голосом «против») решили требовать реорганизации кабинета. Жертвой такого шага должен был стать Сьюард, что говорило о конфликте между консервативными и радикальными республиканцами в администрации, который проявлялся в борьбе Сьюарда и Чейза. Затеяв сложную игру, чтобы добиться выдвижения кандидатом в президенты, Чейз способствовал созданию впечатления, будто Сьюард злоупотребляет своим влиянием на президента. Согласно намекам, находившийся под этим влиянием Линкольн медлил применять такие необходимые меры, как освобождение рабов, призыв чернокожих солдат и назначение генералов из числа противников рабства.

Новость о заседании сенаторов, по словам Линкольна, огорчила его больше, чем любое другое событие в его жизни. «Чего хотят эти люди? — спрашивал он своего друга. — Они хотят избавиться от меня, и иногда сам я склонен пойти на встречу их желаниям... Сейчас мы находимся на грани уничтожения. Мне кажется, что против нас сам Господь»¹⁴. Однако вскоре президент взял себя в руки

12 Слова солдат цит. по: Catton B. *Glory Road: The Bloody Route from Fredericksburg to Gettysburg*. Garden City, NY, 1952. P. 95; Jimerson R. C. *A People Divided: The Civil War Interpreted by Participants* (дисс.). 1977. P. 339; *Harper's Weekly*. 1862. Dec. 27.

13 Catton B. *Never Call Retreat: Centennial History of the Civil War*. Vol. 3. NY, 1967. P. 24; слова Линкольна цит. по письму Уильяма Уодсуорта Сэмюэлу Барлоу от 16 декабря 1862 г. (Barlow Papers. Henry E. Huntington Library).

14 *The Diary of Orville Hickman Browning*. 2 vols. Springfield (Ill.), 1927—1933. I. P. 600—601.

и вышел из ситуации с честью. 19 декабря он принял делегацию сенаторов-республиканцев и выслушал речи, «приписывавшие мистеру Сьюарду равнодушие в вопросах ведения войны». Сьюард уже написал прошение об отставке, но Линкольн скрыл этот факт от выступавших. Вместо этого он пригласил делегацию вернуться на следующий день, и сенаторы были весьма удивлены, увидев перед собой весь кабинет министров (за исключением Сьюарда). Президент выступил в защиту отсутствовавшего государственного секретаря и уверил сенаторов, что все члены правительства всегда поддерживали ключевые политические решения, за которые он как президент нес единоличную ответственность. Закончив речь, Линкольн обратился к членам кабинета за подтверждением своих слов. Припертый к стенке Чейз сквозь зубы пробормотал о своей согласии с этим утверждением. Разочарованные и смущенные сенаторы поспешили откланяться. На следующий день донельзя расстроенный Чейз также подал прошение об отставке. Линкольн теперь был хозяином положения: сенаторы не могли избавиться от Сьюарда, не потеряв при этом Чейза. Президент отклонил оба прошения — политическая обстановка в столице начала разряжаться. И хотя военные перспективы северян оставались безрадостными, Линкольн на этот раз избежал угрозы со стороны своего политического правого фланга¹⁵.

II

Джефферсон Дэвис зимой 1862—1863 годов также сталкивался с тягостными проблемами. Пока Линкольн ставил на место вашингтонских сенаторов, Дэвис совершил поездку в Теннесси и Миссисипи, где разошелся во мнениях с генералами по поводу причин военных неудач. В ноябре Джозеф Джонстон заявил о своей готовности вернуться к исполнению обязанностей, оправившись от ран, полученных в битве при Севен-Пайнс. Памятуя о былых разногласиях Джонстона с Дэвисом, некоторые критики президента готовы были сплотиться вокруг генерала. Чтобы заставить этих критиков замолчать, 24 ноября Дэвис назначил Джонстона «полномочным командующим» вновь образованным Западным округом, включавшим земли между Миссисипи и Аппалачами. Хотя на бумаге округ этот

15 Свидетельства современников см.: Ibid. P. 596—604; The Diary of Gideon Welles. 3 vols. NY, 1960. I. P. 194—204. См. также: Nevins A. War... II. P. 350—365; Randall J. G. Lincoln the President. 4 vols. NY, 1945—1955. II. P. 241—249.

и выглядел внушительным, Джонстон мрачно заметил, что такое назначение очень похоже на почетную ссылку в роли «номинального и бесполезного» начальника¹⁶. Это было не так, потому что Дэвис действительно хотел, чтобы кто-нибудь занялся решением стратегической проблемы западного театра военных действий. Джонстон расценивал свою задачу как весьма неблагоприятную частично из-за того, что Теннессийская армия в Мерфрисборо была фактически расколота вследствие распрей между Брэггом и корпусными командирами, тогда как Джон Пембертон, новый командующий Миссисипской армией, расположенной в Виксберге, был непопулярен. Он был артиллеристом, и Дэвис в октябре перевел его с поста командующего обороной Чарлстона на аналогичный пост в Виксберге. За грубым и раздражительным Пембертоном, уроженцем Филадельфии, приобретаем вместе с женой на уроженке Виргинии и южные взгляды, не числилось достижений на поле брани, которые могли бы оправдать в глазах жителей Миссисипи назначение для защиты их родного штата урожденного янки. Действительно, трудно понять логику Дэвиса в этом назначении (почему было не отправить под Виксберг Джонстона?); вероятно, ему нужно было найти пост для другого доставлявшего неприятности генерала — Пьера Борегара. Колоритный креол сменил Пембертона в Чарлстоне, откуда после обстрела форта Самтер пошла его слава героя.

Запутанная ситуация на западном театре войны в декабре заставила более сильного Дэвиса лично отправиться туда. Однако вместо решения проблем поездка в чем-то сделала их еще более сложными. Не советуясь с Джонстоном, Дэвис приказал дивизии армии Брэгга (7500 бойцов) присоединиться к Пембертону. В ответ на протест Брэгга и Джонстона по поводу того, что такой шаг может побудить войска Роузкранса в Нашвилле атаковать ослабленную Теннессийскую армию, Дэвис дал понять, что Пембертону противостоит еще более сильный противник, а удержание Виксберга является более важной целью, чем оборона Центрального Теннесси. Сопровождая Дэвиса в Виксберг, Джонстон с неодобрением высказался об оборонительных редутах Пембертона и предложил сократить линию укреплений, которую в таком случае могли бы защищать меньшие силы, а основная часть армии высвободилась бы для полевых операций.

16 Johnston J. E. Jefferson Davis and the Mississippi Campaign // *Battles and Leaders*. II. P. 475. См. также: McDonough J. L. *Stones River: Bloody Winter in Tennessee*. Knoxville, 1980. P. 33—38.

Джонстон также был убежден, что главная армия Конфедерации в Миссисипи слишком мала, чтобы одерживать победы, поэтому он предлагал перебросить подкрепления из-за реки, даже если бы это привело к временной потере Арканзаса. Дэвис предполагал, что командующий в Арканзасе уже послал войска к Висксбергу, и не *отдал соответствующего приказа*, в результате ничего сделано не было. Джонстон пытался покинуть казавшийся ему незначительным пост; президент убедил его остаться, но взаимное недоверие и разногласия по стратегическим вопросам не сулили в будущем ничего хорошего.

Впрочем, на короткое время перспективы конфедератов на Западном фронте внезапно изменились к лучшему. Применив успешную тактику прошедшего лета, кавалерия мятежников нанесла ряд ударов по коммуникациям северян, что привело к провалу первой осады Висксберга Грантом и едва не остановило наступление Роуэ-кранса на позиции Брэгга.

После октябрьской битвы под Коринтом Грант начал движение к югу вдоль Центральной железной дороги Миссисипи с целью захвата Висксберга. Обустроив передовую базу в Холли-Спрингс, 40-тысячная армия Гранта в начале декабря подошла к Оксфорду, однако наличие сил врага перед ним и в тылу угрожало дальнейшему наступлению. Ему противостоял 20-тысячный отряд Пембертона, окопавшийся на берегу реки Ялабуша у городка Гренада. Позади Гранта осталось 150 миль железнодорожного полотна — заманчивая цель для вражеской конницы. Другая потенциальная «угроза» исходила из Иллинойса от бывшего подчиненного Гранта, «генерала от политики» Джона Макклернанда, который формировал собственную армию, чтобы спуститься вниз по Миссисипи и взять Висксберг самому. «Военный демократ», земляк Линкольна, Макклернанд убедил президента, что может разжечь патриотические чувства демократов Старого Северо-Запада, если ему предоставят независимое командование соединением. Не уведомив Гранта, Линкольн приказал Макклернанду действовать. С огромной энергией, подкрепляемой жадной воинской славой, Макклернанд осенью набрал и направил в Мемфис десятки новых полков. Узнав об этом, Грант потребовал от своего начальства объяснений. Главнокомандующий вооруженными силами Хэллек, разделявший недоумение Гранта, телеграфировал ему, что полностью контролирует перемещение войск в своем ведомстве. Хэллек также приказал дивизиям Макклернанда образовать два корпуса под командованием самого Макклернанда и Шермана.

Когда известие об этом дошло до Макклернанда, он немедленно обратился к Линкольну, с жаром доказывая, что заговор выпускников Вест-Пойнта обманом лишает его армии. Однако президент поддержал Гранта и Хэллека, посоветовав Макклернанду ради своего блага и блага страны подчиняться приказам и начинать военные действия¹⁷.

Величайшее унижение Макклернанд испытал 28 декабря, когда, приехав в Мемфис, обнаружил, что его войска исчезли. Грант вновь переиграл «генерала от политики» на этой шахматной доске, на этот раз с невольной помощью Натана Бедфорда Форреста. Когда Грант узнал о прибытии в Мемфис новых войск, он послал Шермана подготовить их к походу вниз по реке на Виксберг в координации с наземной операцией самого Гранта. Если бы противника удалось взять в клещи, Пембертон вынужден был бы разделить свои и без этого уступающие по численности силы и позволить федералам окружить Виксберг с суши и с воды. Если бы Макклернанд прибыл в Мемфис до отправки речной экспедиции, он принял бы командование по праву старшинства. Поэтому Шерман ускорил подготовку и начал экспедицию 20 декабря, а телеграмма Гранта в Иллинойс, извещавшая Макклернанда о скором выступлении экспедиции, опоздала, так как набег кавалерии Форреста перерезал коммуникации северян.

Грант, впрочем, вряд ли испытывал какую-то благодарность к Форресту, так как этот набег и еще один случившийся в это же время кавалерийский рейд Ван Дорна расстроил его планы по захвату Виксберга. В середине декабря Форрест отправился на запад из Центрального Теннесси всего с 2000 человек. Принимая в свой отряд местных партизан, он разгромил или перехитрил несколько союзных гарнизонов и кавалерийских частей, уничтожил 50 миль железнодорожных путей и телеграфных проводов, захватил или вывел из строя огромное количество снаряжения и оставил позади себя 2000 убитых и раненых. Мятежники потеряли всего 500 человек, причем эти потери были с легкостью возмещены за счет добровольцев, которых привлекли подвиги отряда Форреста и его лидерские качества. Пока Форрест совершал свой рейд, Эрл Ван Дорн во главе другого отряда в 3500 кавалеристов выступил из Гренады на север, обогнул порядки Гранта и 20 декабря разрушил слабо охранявшуюся базу в Холли-Спрингс. Кроме того, Ван Дорн взорвал несколько

17 CWL. VI. P. 70—71; Catton B. Grant Moves South. Boston, 1960. P. 323—340.

участков железной дороги и вернулся в расположение конфедератов, прежде чем всадники северян сумели его догнать.

Опасаясь идти вглубь вражеской территории без надежного снабжения, Грант свернул наступление на Виксберг. Отступая назад в Теннесси, люди и лошади перешли на подножный корм. Грант был «изумлен изобилием припасов, которые они находили здесь»: «Выясняется, что мы могли бы целых два месяца кормиться от щедрот этих земель... Что ж, это стало для меня уроком»¹⁸. Этот урок пойдет Гранту и Шерману в будущем впрок, а пока отход Гранта поставил Шермана в трудное положение. Корпуса Шермана и Макклернанда вышли к реке Язу в нескольких милях к северу от Виксберга для штурма оборонительных редутов южан, контролировавших рукав Чикасо. Этот переплетение заболоченных и судоходных русел было единственной дорогой к сухой земле, к плацдарму, с которого можно было организовать атаку наземных укреплений Виксберга с севера. План Шермана базировался на предположении, что одновременное наступление Гранта отвлечет основные силы Пембертона, однако испорченный телеграф не позволил Гранту сообщить Шерману о своем отступлении. 29 декабря Шерману удалось провести две трети своей 32-тысячной армии по узким гатям, чтобы атаковать укрепленные откосы. 14 тысяч защитников позиций валили нападавших как кегли. Потеряв 1800 человек (против 200 у конфедератов) Шерман решил не упорствовать. Потрепанные и насквозь промокшие «синие мундиры» отошли к Миссисипи в десяти милях выше Виксберга. Новости об этом отступлении были встречены на Севере утрюмым молчанием.

Впрочем, пришедшие вскоре из Теннесси новости несколько успокоили Линкольна. Приняв Камберлендскую армию Союза в конце октября, Уильям Роузкранс сумел наладить ее снабжение и подготовить к наступлению. Роузкранс был поистине парадоксальной личностью: обладая носорожьим бесстрашием, он не слишком охотно вступал в бой; неспешный и основательный в подготовке, он начинал марш с места в карьер; компанейский любитель выпить, он был в то же время ревностным католиком, любившим вести богословские споры со штабными офицерами. Роузкранс получил свой пост, потому что Бьюэлл был слишком осторожным; Линкольн предлагал «Старому Роузи», если он хочет этот пост сохранить, наступать на мятежников в Мерфрисборо. После досадных проволочек на другой

18 Personal Memoirs of U. S. Grant. 2 vols. NY, 1885—1886. I. P. 435.

день после Рождества 42-тысячная армия Роузкранса наконец выдвинулась из Нашвилла для решающего поединка с Теннессийской армией Брэгга.

У последнего было на 8000 пехотинцев меньше, чем у Роузкранса, но кавалерия мятежников уравнивала силы. Пока кавалеристы Форреста и Моргана действовали глубоко в тылу северян, всадники, оставшиеся в распоряжении Брэгга под командованием 26-летнего Джозефа Уилера, замедляли наступление северной пехоты молниеносными налетами. 29 декабря Уилер обошел арьергард северян, разгромил обоз и захватил часть боевых запасов. Но янки были непреклонны. 30 декабря они развернули боевые порядки в двух милях к северо-западу от Мерфрисборо, где встретились с дивизиями Брэгга, расположившимися на обоих берегах Стоунз-Ривер. Оба командующих вынашивали на следующий день схожие планы: обойти правый фланг врага, выйти ему в тыл и отсечь от баз снабжения. После того как обе армии устроились на ночлег в нескольких сотнях ярдов друг от друга, их оркестры начали музыкальную дуэль в качестве прелюдии к настоящей битве: северяне грянули «Янки Дудл» и «Салют Колумбии», на что в ответ им раздалась «Дикси» и «Бонни Блю». Наконец один из оркестров заиграл сентиментальную «Дом, милый дом», другие подхватили мотив, и вскоре тысячи федералов и мятежников, которым завтра суждено было убивать друг друга, вместе распевали знакомые слова.

На заре 31 декабря «серые мундиры» нанесли удар первыми, застав «синих» за завтраком, как уже дважды бывало под Донелсоном и Шайло. На этот раз их успех был даже более весом, так как 13-тысячная группировка, сосредоточенная на левом фланге, «бросилась на янки, словно стая дятлов в бурю», как образно описывал события рядовой из Теннесси¹⁹. За несколько часов ожесточенной битвы южане отодвинули правый фланг противника на три мили, но были остановлены, немного не дойдя до дорог (железной и обычной) в тылу позиций северян. Роузкранс прекратил свою атаку на правый фланг конфедератов и стал спешно перебрасывать резервы на левый, которому грозило уничтожение. «Старый Роузи» выглядел настоящим носорогом в эти трудные минуты: он стремительно перемещался от одной группы дивизий к другой, а мундир его был перепачкан кровью штабного офицера, обезглавленного артиллерийским снарядом в тот момент, когда он скакал рядом с Роузкрансом.

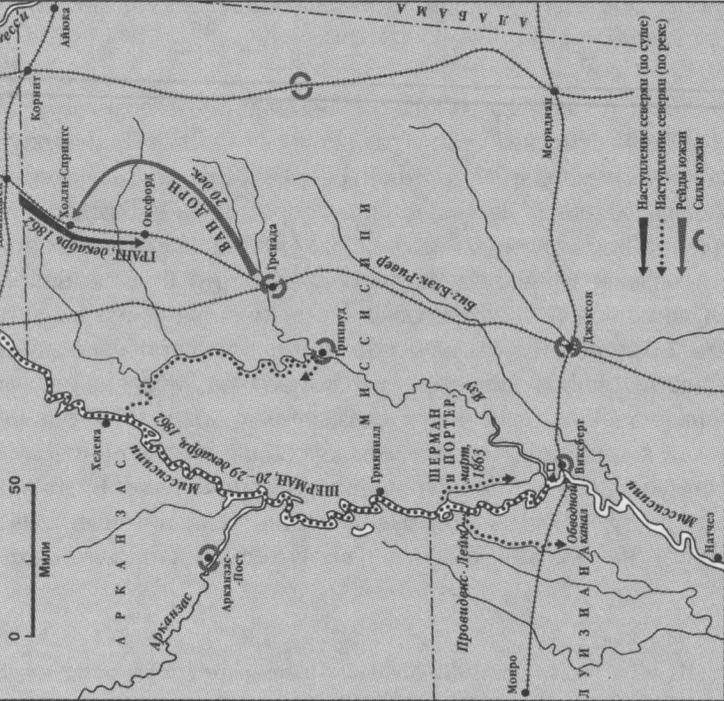
19 Foote S. Civil War. II. P. 87.

От полной катастрофы утром федералов спасло ожесточенное сопротивление дивизии Филипа Шеридана, который раскусил замысел Брэгга и поставил свою дивизию под ружье уже к четырем часам утра. Когда мятежники, смяв две другие дивизии, набросились на нее, солдаты Шеридана встретили их во всеоружии. Им удалось сначала замедлить, а потом заблокировать атаку неприятеля ценой колоссальных потерь с обеих сторон: погибли все три командира бригады дивизии Шеридана, а более трети личного состава были убиты или ранены. К полудню строй союзных сил по форме напоминал складной нож, шарнир которого находился в небольшой роще, росшей вдоль железной дороги и магистрали и известной под названием Круглый лес. Считая эту позицию ключевой в обороне северян, Брэгг приказал дивизии под командованием Джона Брекинриджа (вице-президента администрации Бьюкенена и кандидата в президенты от южных демократов в 1860 году) начать атаку, в которой на кон было поставлено жизни солдат. Янки стойко держались посреди смертоносного огня, столь оглушающего, что многие солдаты заткнули себе уши хлопком, собранным на соседнем поле.

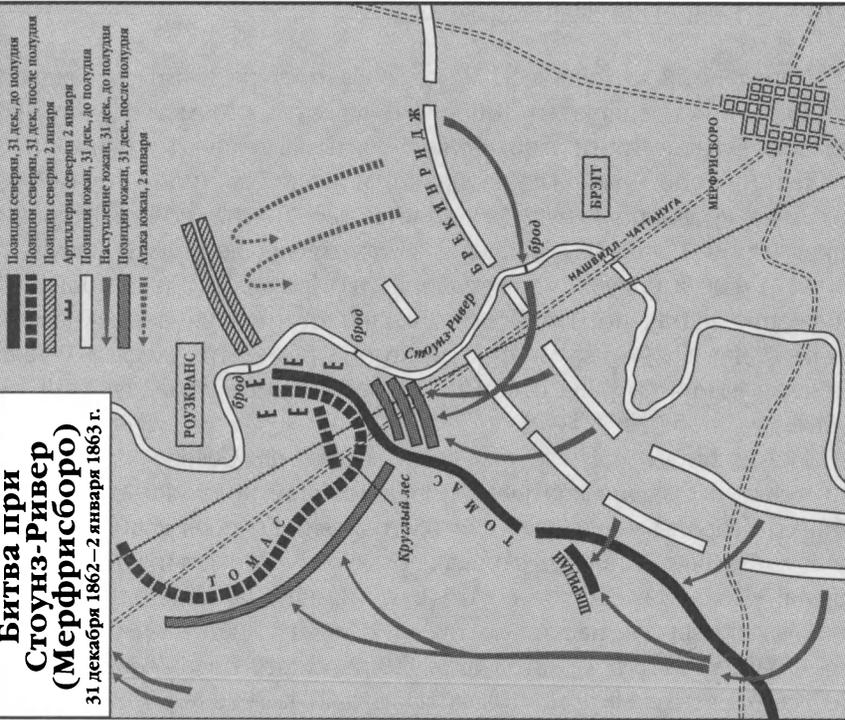
Вечер последнего дня старого года огласили уже не звуки музыки, а крики раненых, призывавших на помощь. Брэгг, убежденный в том, что одержал блестящую победу, информировал об этом Ричмонд, где новость вызвала «взрыв восторга». В отчете Брэгга содержалась и фраза о том, что враг «отступает»²⁰, но здесь он выдал желаемое за действительное. Ночью Роузкранс провел с дивизионными командирами военный совет и решил держаться во что бы то ни стало. Стычки, проходившие весь следующий день, унесли еще больше жизней, но центральным событием стал захват холма к востоку от Стоунз-Ривер дивизией северян. 2 января Брэгг приказал Брекинриджу отбить холм. Тот протестовал, считая, что атака будет сопряжена с огромными потерями, так как артиллерия Союза, расположенная на возвышенности вдоль реки, могла вести продольный огонь по наступающим. Брэгг настаивал, и солдаты Брекинриджа, издав боевой клич, обратили федералов в бегство, после чего, как и ожидалось, в дело вступили 58 орудий союзной артиллерии, при помощи которых пехота отбросила наступавших на исходные позиции. В течение часа южане потеряли 1500 человек; эта авантюра привела к росту напряжения между Брэггом и его генералами.

20 O. R. Ser. I. Vol. 20, pt. 1. P. 662; Vol. 52, pt. 2. P. 402; Jones J. War Clerk Diary (Miers). P. 145.

Попытка северян взять Виксберг зима 1862—1863 гг.

Битва при Стоунз-Ривер (Мерфрисборо) 31 декабря 1862—2 января 1863 г.

Удивленный нежеланием Роузкранса отступить, Брэгт, казалось, не знал, что предпринять. Впрочем, он мало что мог сделать, ибо потерял больше трети своих бойцов убитыми, ранеными или взятыми в плен. Янки потеряли 31% своих сил, и это превратило Стоунз-Ривер в самую кровопролитную (по доле потерь) битву войны. Проснувшись утром 3 января и увидев, что противник не только никуда не ушел, а еще и получил подкрепление из Нашвилла, Брэгт понял, что сражение окончено. Ночью мятежники отошли на новые позиции за реку Дак в 25 милях к югу. Во второй раз за три месяца Теннессийская армия сыграла отбой после того, как ее командующий уже объявил о победе.

Исход битвы при Стоунз-Ривер вызвал на Севере осторожный оптимизм и охладил критику в адрес военной политики администрации со стороны «медянок». «Да благословит Господь вас и всех, кто рядом с вами», — телеграфировал Роузкрансу Линкольн. Он же позже писал: «Пока я в состоянии что-либо помнить, я никогда не забуду, что вы добыли для нас такую тяжелую победу, ибо если бы бой был проигран, страна вряд ли смогла бы пережить поражение»²¹. Однако Камберлендская армия была настолько выведена из строя такой «победой», что Роузкранс несколько месяцев не мог возобновить наступление.

Если после Стоунз-Ривер в Вашингтоне вздохнули с облегчением, то в Теннессийской армии разлад достиг апогея. Все корпусные и дивизионные командиры утратили доверие к Брэгту. Заслуженные генералы Уильям Харди и Леонидас Полк обратились к Дэвису с просьбой назначить командующим армией Джонстона. Командир одной из дивизий Бенджамин Франклин Читэм поклялся, что больше никогда не будет служить под началом Брэгга, а Брекинридж хотел вызвать его на дуэль. Брэгт не стал отмалчиваться, отдав под трибунал за неподчинение приказу одного дивизионного командира, обвинив другого (Читэма) в пьянстве на поле боя и указав Брекинриджу на его несостоятельность как командира. Эта междоусобица грозила нанести армии больший урон, чем ей причинили янки. Павший духом Брэгт признался своему другу: «[Возможно,] будет лучше, если президент назначит кого-нибудь на мое место» — и действительно написал об этом Дэвису²².

21 CWL. VI. P. 39, 244.

22 Письма Брэгга Клементу Клэю от 10 января и Дэвису от 17 января 1863 г. цит. по: Catton B. Never Call Retreat... P. 49.

Дэвис попытался переложить бремя решения на Джонстона, попросив того вникнуть в ситуацию и посоветовать пути выхода из нее. Джонстон ответил, что, хотя многие офицеры и настроены к Брэгу враждебно, солдаты находятся в хорошем состоянии и их боевой дух высок. Такая неоднозначность побудила его высказаться за то, чтобы оставить Брэга на своем посту. Очевидно, Дэвис хотел, чтобы Джонстон сам принял командование Теннессийской армией, но последний (как явствует из его писем друзьям) хотел ни много ни мало вернуться к своей прежней должности командующего Северовиргинской армией! Если правительство так хочет сместить Брэга, говорил он, то пусть они пошлют в Теннесси Лонгстрита, а если в Ричмонде полагают, что инспекторский пост начальника Западного округа столь важен, то пусть они назначат на него Ли, а его, Джонстона, переведут обратно в Виргинию. В марте военное министерство практически уже назначило Джонстона командующим Теннессийской армией, но тот возражал, говоря о том, что сместить Брэга во время серьезной болезни его жены будет слишком жестоко. Вскоре заболел и сам Джонстон, а Брэг остался на своем посту и продолжал вести холодную войну со своими ближайшими подчиненными²³.

Подобные разногласия возникли и в Потомакской армии, однако Линкольн справился с ними более умело и решительно, чем Дэвис. После Фредериксберга деморализация армии достигла масштабов эпидемии. Четыре генерала из 6-го корпуса Уильяма Франклина обратились напрямую к Линкольну с жалобами на командование Бернсайда. Соратники Макклеллана заявляли, что «Макклеллана необходимо вернуть и предоставить ему неограниченные полномочия»²⁴. Джо Хукер плел интриги, также пытаясь получить командование армией. Кроме того, он заявил одному репортеру, что, по его мнению, стране нужен диктатор. Среди рядовых наблюдалось массовое бегство — только в январе каждый день дезертировало не менее ста человек. Солдаты заболевали тысячами по вине низкой дисциплины в полковых лагерях и коррупции на продовольственных складах, что приводило к антисанитарии и недоеданию. Поняв, что утратил доверие армии, Бернсайд подал в отставку, предложив Линкольну заодно уволить Стэнтона, Хэллека и нескольких недовольных генералов.

23 Цит. по: Ibid. P. 52; *Connelly Th. L. Autumn of Glory: The Army of Tennessee, 1862—1865.* Baton Rouge, 1971. P. 70—92.

24 *Catton B. Never Call Retreat...* P. 63.

Недовольство в Потомакской армии достигло пика после бесславного «Марша по грязи». Необыкновенно сухая для января погода побудила Бернсайда запланировать переход реки Раппаханнок вброд в нескольких милях к северу от Фредериксберга. В случае успеха федералы выходили Ли во фланг и «выкуривали» южан из их траншей на открытую местность. Некоторые из подчиненных Бернсайда открыто критиковали этот план. Как указывал один артиллерийский полковник, Франклин «говорил об этом так много и громко, что полностью деморализовал свой корпус»²⁵. Против Бернсайда, казалось, были даже небеса: стоило генералу 20 января начать движение, как хлынули проливные дожди и все дороги Виргинии превратились в болота. Артиллерийские лафеты увязали по ось, люди проваливались по колено, а мулы — по уши. Пикеты конфедератов потешались над противником, выставляя дорожные указатели: «Дорога на Ричмонд». 22 января Бернсайд прекратил свою авантюру.

Одновременно подавленный и взбешенный командующий поспешил в Вашингтон и заявил президенту, чтобы он отправил в отставку либо Хукера, Франклина и с полдюжины других генералов, либо его самого. Линкольн решил отстранить Бернсайда (возможно, к облегчению последнего), но также перевел и некоторых других недовольных на незначительные должности. К изумлению Бернсайда, президент назначил его преемником как раз Хукера. «Боевой Джо» вряд ли являлся образцовым командиром. Он не только строил козни против Бернсайда, но и его моральный облик был далек от безупречного. Штаб-квартира Хукера, как насмешливо писал Чарльз Фрэнсис Адамс, была «местом, куда бы не хотел попасть ни один уважающий себя мужчина и который не могла посетить ни одна приличная женщина. Это было нечто среднее между баром и борделем»²⁶.

Однако Хукеру удалось снискать популярность среди простых солдат. Он немедленно начал увольнять проворовавшихся интендантов, улучшил питание, привел в порядок лагеря и госпитали, стал предоставлять увольнительные и заставил солдат гордиться принадлежностью к своим частям, введя особые эмблемы для каждого корпуса. Хукер реорганизовал кавалерию, выделив ее в особый корпус по образцу конфедератов — эта реформа назрела уже давно. Таким образом, боевой дух армии заметно укрепился. Заболеваемость пошла на спад, дезертирство прекратилось, а объявленная амнистия

25 Wainwright C. S. A Diary of Battle. NY, 1962. P. 157—158.

26 Цит. по: Foote S. Civil War. II. P. 233—234.

вернула многих обратно в армию. «При Хукере мы начали жить», — писал один солдат. А офицер, относившийся к Хукеру без симпатии, признал: «Я никогда еще не видел человека, которому бы за столь короткий срок удалось привести полностью разложившуюся армию в отличное боеспособное состояние»²⁷.

При назначении Хукера Линкольн вручил ему письмо, которое генерал позже назвал своего рода наставлением мудрого отца сыну. Президент писал Хукеру: «[Вы должны знать,] что существуют вещи, из-за которых я не вполне доволен вами... [Интригуя против Бернсайда,] вы пошли на поводу у вашего честолюбия... и нанесли огромный вред стране и вашему весьма заслуженному и достойному собрату-офицеру. Также я слышал и склонен этому верить, будто вы говорили, что армии и государству нужен Диктатор. Разумеется, не ради этого, а несмотря на это я вручил вам командование армией. Только те генералы, которые одерживают победы, могут рассуждать о диктатуре. Таких побед я и требую от вас, а о диктатуре думать буду я»²⁸. Через два месяца после назначения Хукера Линкольн приехал в расположение Потомакской армии на Раппаханнок. Президент был удовлетворен увиденным и согласился с гордыми словами Хукера о том, что это «лучшая армия в мире», хотя и не разделял самонадеянности генерала. Вопрос не в том, рассуждал Хукер, *возьмем ли мы Ричмонд*, а в том, *когда это произойдет*. В ответ на это Линкольн остроумно заметил: «Из всех живых созданий самое умное — курица. Она кудахчет лишь тогда, когда снесет яйцо»²⁹.

III

Пока в Виргинии обе армии отсиживались на зимних квартирах, а в Теннесси — зализывали раны после Стоунз-Ривер, главные действия (хотя и почти не сопровождавшиеся боями) развернулись около Викасберга. После провала первой кампании по захвату этой речной цитадели Грант отправился вниз по Миссисипи к Миликенз-Бенд, чтобы лично возглавить новую комбинированную операцию сухопутных сил и флота. Погода чинила даже большие препятствия этому предприятию, чем мятежники: хотя союзные войска и контролировали

27 Catton B. *Glory Road*... P. 161; Couch D. N. Sumner's „Right Grand Division” // *Battles and Leaders*. III. P. 119.

28 CWL. VI. P. 78—79.

29 Williams T. H. *Lincoln and His Generals*. NY, 1952. P. 232—234; Foote S. *Civil War*. II. P. 235—237.

реки и болотистые земли к северу и западу от Виксберга, бесконечные зимние дожди сделали практически невозможным передвижение войск, к тому же многие солдаты из 45-тысячной армии Гранта гибли от смертельных болезней. Какие-то операции были возможны лишь на сухой местности к востоку от города. Задачей Гранта было вывести свою армию на этот участок с достаточным для ведения полноценной кампании количеством артиллерии и припасов. Заручившись поддержкой канонерок под командованием Дэвида Диксона Портера, Грант рассчитывал по максимуму использовать поднявшийся в реках уровень воды. В течение зимы он предпринял целых четыре попытки обойти Виксберг по реке и переправить войска на восточный ее берег выше или ниже города.

Сначала была попытка окончания строительства обводного канала, который солдаты и беглые рабы начали копать прошлым летом. Эту задачу весьма энергично, но безуспешно пытался выполнить корпус Шермана. Река отказалась сотрудничать в этом проекте, который проходил бы вне досягаемости пушек Виксберга, но даже если бы воды Миссисипи оказались благосклонны к северянам, мятежники могли бы просто передислоцировать свои артиллерийские батареи. Хотя рытье канала продолжалось вплоть до февральского паводка, подвергшего опасности жизнь людей Шермана, Грант возлагал больше надежд на вторую попытку, известную как «дорога Провиденс-Лейк». Эту дорогу должны были осилить солдаты корпуса Джеймса Макферсона, бывшего главного инженера армии Гранта и второго (после Шермана) его самого ценного боевого командира³⁰. Это был извилистый путь от пойменного озера в пятидесяти милях выше Виксберга по многочисленным болотам и рукавам рек Луизианы к Миссисипи, но уже на 400 морских миль ниже по течению. Сыновья фермеров со Среднего Запада, вступившие в армию, чтобы сражаться с мятежниками, вместо этого месили ногами тонны грязи и пилили деревья на глубине восьми футов под водой, чтобы очистить канал для прохода канонерок и транспортных судов. Однако затраченных колоссальных усилий не хватило для успешного завершения мероприятия: создавалось впечатление, что работа не закончится до второго пришествия.

Более многообещающими (по крайней мере, так казалось сначала) выглядели два водных маршрута через заросшую дельту реки

30 Отвечая на часто задаваемый автору вопрос, он специально оговаривает, что не является родственником генерала Макферсона.

Язу к северу от Виксберга. Если бы канонеркам и транспортам удалось доставить армию по этому лабиринту на сухую местность к северу от укрепленных склонов, люди Гранта смогли бы наконец поработать солдатами, а не землекопами. Несколько канонерок и часть корпуса Макклернанда направились к Хелене в 400 милях к северу от Виксберга, где соорудили пристань. Однако вскоре флот попал в западню. Нависающие над водой ветви кипарисов и тополей повредили трубы, спасательные шлюпки и такелаж. Бревна, принесенные приливом, врезались в лодки, когда те двигались по каналам, едва превышавшим их ширину. Конфедераты также рубили деревья прямо перед лодками. Вскоре начальник речной экспедиции оказался на пороге нервного срыва. Когда его флотилия попала под огонь наспех сооруженного форта южан близ Гринвуда (Миссисипи), он совсем пал духом, как и все его спутники.

Между тем другая флотилия под командованием самого Портера, на которой разместились одна из дивизий Шермана, прокладывала путь через лабиринт из рукавов и притоков длиной 200 миль к северу от Виксберга. Этим лодкам также мешали ветви деревьев, бревна, коряги и дровосеки мятежников. Змеи, еноты и дикие кошки падали прямо с деревьев, и матросы вынуждены были буквально сметать их за борт. Увязшие в лапах джунглей 20 марта канонерки Портера попали в тяжелое положение, когда пехота конфедератов собиралась захватить их в плен в полном составе. Портер проглотил свою гордость и обратился за помощью к армии, отправив к Шерману, находившемуся в нескольких милях позади с транспортами, беглого раба с запиской: «Дорогой Шерман, ради Бога, поспешите. Я даже не подозревал, насколько беспомощным может быть броненосец, маневрируя между деревьями без поддержки армии»³¹.

Шерман высадил своих людей на берег, заставив их двигаться по пояс в трясине и отбросить мятежников. Колесно-паровые монстры Портера бесславно убралась из удушающего желоба каналов, положив тем самым конец очередной попытке взятия Виксберга.

Армия Гранта месила грязь добрых два месяца. Многие солдаты выползали из трясины больными, подхватив пневмонию, брюшной тиф, дизентерию и десяток других болезней, а Виксберг стоял как ни в чем не бывало. Издатели республиканских газет мало-помалу присоединялись к своим коллегам-демократам, называвшим Гранта

31 Carter S. The Final Fortress: The Campaign for Vicksburg 1862—1863. NY, 1980. P. 147.

бездарным неудачником и пьяницей. «Грант не может придумать, как ему взять Виксберг», — писал генерал Кэдуолладер Уошберн своему брату Илайху, главному покровителю Гранта в Конгрессе. «Он понапрасну тратит время и силы. Необходимо сказать правду, какой бы горькой она ни была. Нельзя пошить шелковый кошелек из свиного уха». Хотя Линкольну поступало много подобных жалоб, он отказался выдать Гранта на растерзание. «Судя по всему, у Гранта больше не осталось друзей, кроме меня... — сказал президент. — Мне нужны... генералы, способные одерживать победы в битвах. Грант доказал это, и я намерен оказывать ему поддержку»³².

Главной темой жалоб на Гранта была его склонность к спиртному. Согласно одному свидетельству, Линкольн реагировал на такие жалобы с юмором, говоря делегации конгрессменов, что он хотел бы узнать любимый сорт виски Гранта, чтобы посылать его другим генералам³³. В этой истории сложно отделить правду от вымысла. Многие «свидетельства» о пьянстве Гранта во время войны фальшивы, а другие в лучшем случае сомнительны. Головокружительная карьера Гранта стала предметом зависти многих современников, которые сочиняли очернявшие его сплетни. Страдавший мигренями, вызванными напряжением и недосыпанием, Грант иногда вел себя не совсем адекватно, что давало тем, кто находился с ним рядом, повод подозревать опьянение. Не все, конечно, было придумано. Вполне возможно, что он был алкоголиком с медицинской точки зрения, запойным пьяницей. В течение нескольких месяцев он мог обходиться вообще без спиртного, но стоило ему выпить, как остановиться уже было трудно. Самую большую поддержку Гранту оказывали жена и начальник штаба Джон Роулинс. С их помощью Грант держался практически всю войну. Если он и напивался (в чем сомневаются историки), то никогда в ущерб военным действиям. Если сегодня алкоголизм считается болезнью, то во времена Гранта он слыл проявлением слабоволия. Грант и сам считал так, и испытывал стыд и чувство вины за свою «слабость». Согласно одному предположению, возможно, именно его тяга к спиртному и сделала его лучшим генералом. Его стремление к самодисциплине позволяло ему дисципли-

32 Nevins A. War... II. P. 388; Foote S. Civil War. II. P. 217. См. также Williams T. H. Lincoln and His Generals. P. 225—226.

33 Eaton J. Grant, Lincoln and the Freedmen. NY, 1907. P. 64. Хотя некоторые историки склонны видеть в этой истории вымысел, Брюс Кэттон считает труд Итона источником, заслуживающим доверия, а саму историю — истинной (Catton B. Grant Moves South. Boston, 1960. P. 396—397).

нирывать и понимать других; память о довоенных невзгодах воспитала в нем сдержанность, которой так недоставало иным генералам с не самой блестящей репутацией. Кроме того, Гранту было нечего терять, и он мог действовать с большей смелостью и решительностью, чем другие командиры, опасавшиеся возможных неудач³⁴.

Несмотря на свое доверие к Гранту, Линкольн в марте 1863 года позволил военному министру Стэнтону послать специального уполномоченного для расследования положения в Теннессийской армии. Уполномоченным этим был Чарльз Дейна, бывший главный редактор *New York Tribune*, а ныне помощник военного министра. Официально Дейна прибыл на Миссисипи для исправления положения с денежными выплатами, но Грант был осведомлен о его настоящей миссии. Вместо того чтобы оказать Дейне холодный прием (как советовали в его окружении), Грант встретил его весьма радушно. Это было мудро. Дейна отнесся к генералу благосклонно и начал отсылать в Вашингтон одобрительные отчеты. «[Грант оказался] самым скромным, бескорыстным и честным человеком, которого я когда-либо видел, к тому же абсолютно невозмутимым, — резюмировал позже Дейна свои впечатления. — Он не строит из себя великого деятеля, но обладает нравственным величием; он не оригинал и не блестящ, но искренен, склонен размышлять, к тому же он одаренный генерал, чью отвагу ничто не может смутить»³⁵.

Простые солдаты разделяли мнение Дейны. Они ценили в Гранте отсутствие «лишней рисовки», его стремление носить обычный

34 Лучший анализ проблем Гранта со спиртным, с привлечением современных данных по алкоголизму, см.: Dorsett L. W. The Problem of Grant's Drinking During the Civil War // Hayes Historical Journal. 1983. 4. Из историков Брюс Кэттон и Кеннет Уильямс оспаривают или отрицают эту слабость Гранта, тогда как Бенджамин Томас, Уильям Макфили, Шелби Фут и Лайл Дорсетт склонны считать ее существование правдой. Единственное подробное свидетельство о запое Гранта во время войны было записано тридцать лет спустя и принадлежит Сильванусу Кэдуолладеру, корреспонденту одной чикагской газеты, сопровождавшему армию Гранта во время войны больше двух лет: Cadwallader S. Three Years with Grant. NY, 1955. P. 102—121. Кэттон, Уильямс и Джон Саймон подвергают сомнению аутентичность этой заметки, но другие историки ей верят. Более глубокую дискуссию об алкоголизме Гранта см.: Catton B. Grant Moves South. P. 95—97, 462—465, 535—536; Williams K. P. Lincoln Finds a General, 5 vols. New York, 1949—1959. IV. P. 439—451, 577—582; American Heritage. 1956. 7. P. 106—111 (обмен письмами между Кеннетом Уильямсом и Бенджамин Томасом); Foote S. Civil War. II. P. 416—421; McFeely W. S. Grant: A Biography. NY, 1981. P. 132—135, 148; Simon J. Y. The Papers of Ulysses S. Grant. 14 vols. Carbondale (Ill.), 1967—1985. VIII. 322—325n.

35 Dana C. A. Recollection of the Civil War. NY, 1902. P. 61—62.

мундир «без шарфа, шпаги и всяческих украшений, за исключением погон с двумя звездами». Один рядовой заметил, что солдаты больше «склонны видеть в нем дружелюбного товарища, нежели властного командира». Вместо того чтобы приветствовать его, когда он проезжал мимо, они «здоровались с ним, как со своим соседом: „Доброе утро, генерал!“, „Прекрасная погода, генерал!“, и подобные обращения он слышал повсюду... Это не было ни абсурдом, ни панибратством; Грант — простой слуга республики, перед которым здесь и сейчас стоит всего одна задача: переправить войска через реку в кратчайшие сроки»³⁶.

Вскоре Гранту удастся переправить их через реку, и результат будет впечатляющим. Однако в конце марта 1863 года общественное мнение на Севере как на Миссисипи, так и в Виргинии видело только неудачи последних четырех месяцев. «Эта зима сравнима с той самой зимой в Вэлли-Фордж»³⁷, — писал один офицер из Висконсина. В таком замечании, по крайней мере, можно было услышать надежду на лучшее, однако многие другие янки бросили даже надеяться. Капитан Оливер Уэнделл Холмс-младший, оправившись от полученной при Энтитеме раны, писал в подавленном настроении: «Армия устала от тяжелого и жестокого эксперимента... Я уже могу сказать, что Юг получил свою независимость». А неизменно лояльный Джозеф Медилл, редактор *Chicago Tribune*, был уверен, что «в 1863 году обязательно будет заключено перемирие. Нынешняя государственная машина не в состоянии противостоять мятежникам»³⁸. В обстановке кризиса доверия на авансцену опять вышли «медянки» со своей программой мира без победы.

36 Цит. по: Catton B. Grant Moves South. P. 390—391; Foote S. Civil War. II. P. 218—219.

37 Место тяжелой зимовки армии Джорджа Вашингтона в 1777—1778 гг. — Прим. пер.

38 Catton B. Glory Road... P. 95; Touched with Fire: Civil War Letters and Diary of Oliver Wendell Holmes, Jr., 1861—1864. Cambridge (Mass.), 1946. P. 73; Catton B. Grant Moves South. P. 369—370.

20.

Пожар в тылу

I

Несмотря на всю свою занятость в январе 1863 года проблемами ведения войны, Линкольн заявил Чарльзу Самнеру, что опасается «пожара в тылу» в результате деятельности демократов (особенно на Северо-Западе) больше, чем неудач на фронте¹. Президент имел достаточно оснований для беспокойства — с каждым поражением северян фракция «мирных демократов» приобретала все больший вес, а введение закона о всеобщей воинской повинности в марте 1863 года придало антивоенному движению дополнительный стимул.

Лидером «мирных демократов» к 1863 году стал Клемент Валландигэм. Всего 42 лет от роду, обладавший импозантной внешностью конгрессмен из Огайо приобрел политический капитал пропагандой джефферсоновской философии «ограниченной власти». Вскоре после начала войны он заявил: «Я от всего сердца желаю восстановить Союз, Федеративный Союз, каким он был сорок лет назад». При этом Валландигэм питал сочувствие к южанам, будучи выходцем из виргинской семьи, женатым на дочери плантатора из Мэриленда. Хотя республиканцы Огайо с помощью избирательных махинаций не допустили его переизбрания, Валландигэм ушел не жалуясь, а громко

1 *Pierce E. L. Memoir and Letters of Charles Sumner. 4 vols. Boston, 1877—1893. IV. P. 114.*

хлопнув дверью. В своей прощальной речи в Палате представителей 14 января 1863 года и в последующей поездке из Нью-Джерси в Огайо он бранил войну и пропагандировал свои мирные предложения¹.

Валландигэм позиционировал себя как большой юнионист по сравнению с республиканцами, фанатизм которых спровоцировал разрушительную войну. Эти самые республиканцы, продолжал он, сражаются не за Союз, а за аболиционизм. И чего им удалось добиться? «Пусть на этот вопрос ответят павшие под Фредериксбергом и Висксбергом». Им никогда не удастся покорить Юг; единственными завоеваниями войны являются «поражения, долги, налоги, могилы... приостановление действия *habeas corpus*, попрание... свободы прессы и свободы слова... которые за последний год превратили страну в одну из самых ужасных тираний на земле». Какой выход из этого? «Нужно прекратить войну. Заключить перемирие... Вывести армию из отделившихся штатов». Начать переговоры о воссоединении страны. Валландигэм не переносил «фанатизма и лицемерия» возражений о том, что перемирие приведет к сохранению рабства. «Для меня в тысячу раз большее варварство и больший грех — продолжение этой войны... и порабощение белой расы бременем долгов, налогов и деспотической власти, [чем рабство негров]. Думая об условиях мирного соглашения, мы [должны] руководствоваться благополучием, миром и безопасностью лишь белой расы, невзирая на последствия этого соглашения для африканцев»².

Это стало программой фракции «мирных демократов» на следующие два года. В начале 1863 года эта фракция пользовалась поддержкой весомой части партии, если не ее большинства. Съезд демократов Нью-Йорка постановил, что война «против Юга является незаконной, неконституционной, и поддерживать ее невозможно». Между тем губернатор Нью-Йорка Горацио Сеймур пообещал «сделать все... чтобы сохранить Союз», осудил освобождение рабов как «кровавый, невежественный, революционный акт» и поклялся «укрепить и защитить суверенитет» Нью-Йорка от антиконституционного насилия федеральных властей³.

- 1 Klement F. L. *The Limits of Dissent: Clement L. Vallandigham and the Civil War*. Lexington (Ky.), 1970. Ch. 1—6.
- 2 Vallandigham C. L. *The Great Civil War in America*. NY, 1863, его январскую речь в Палате представителей см.: *Union Pamphlets of the Civil War*. 2 vols. Cambridge (Mass.), 1967. II. P. 697—738.
- 3 Gray W. *The Hidden Civil War: The Story of the Copperheads*. NY, 1964. P. 147; Nevins A. *War...* I. P. 394; Hesseltine W. B. *Lincoln and the War Governors*. NY, 1948. P. 282.

В регионах проживания «серых» на Северо-Западе проблемы в экономике повлияли и на мировоззрение населения, происходившего от поселенцев-южан. Война отрезала их от привычных торговых маршрутов по Миссисипи и ее притокам, и они попали в зависимость от железных дорог и каналов янки, обслуживавших товарообмен между западными и восточными регионами страны. Реальное и мнимое возмущение высокими расценками и плохим обслуживанием на этих маршрутах еще больше усилило враждебность «серых» к выходцам из Новой Англии, которых они обвиняли в том, что те вершат их судьбы, контролируя как Конгресс, так и экономику. «Неужели мы превратимся в рабов бессердечных, расчетливых янки — обманутых их тарифами, ограбленных их налогами, обобранных их железнодорожными монополиями?» — вопрошал один редактор из Огайо⁴.

Ощущение солидарности «серых» с южанами и враждебность их к северо-восточным штатам дали западным демократам основание говорить о создании «Северо-Западной Конфедерации», которая смогла бы перестроить федерацию вместе с южанами, оставив за ее пределами Новую Англию, откуда та не признает свои ошибки и смиренно не попросится обратно в состав Союза. Какой бы вычурной не виделась эта схема сейчас, в то время она пользовалась немалой поддержкой. «Люди Запада требуют мира, и они начинают подозревать, что Новая Англия мешает им в этом, — предупреждал Валландигэм в январе 1863 года. — Если вы, жители Востока, развязавшие войну против Юга и за свободу негров, войну, призванную насытить вашу ненависть и наполнить ваш кошелек, продолжите ее... [будьте готовы к] вечному разрыву между Западом и Востоком». Хотя конгрессмен от Огайо Сэмюэл Кокс не впадал в такие крайности, он тем не менее соглашался, что «об объединении штатов, омываемых водами Миссисипи и ее притоков, в независимую республику говорит каждый второй житель Запада»⁵. Эта угроза заключения сепаратного мира в бассейне Миссисипи и подтолкнула генерала Макклернанда предложить начать независимую кампанию против Вексберга и дала Гранту новый импульс к захвату этой твердыни; в конце концов критики его первых неудач были посрамлены.

4 Цит. по: Gray W. Hidden Civil War... P. 125. По вопросу о региональной экономической базе «медянок» см.: Klement F. L. Economic Aspects of Middle Western Copperheadism // Historian. 1951. 14. P. 27—44; Klement F. L. The Copperheads in the Middle West. Chicago, 1960.

5 Vallandigham C. L. The Great Civil War // Union Pamphlets... II. P. 724, 729—730; Cox S. Eight Years in Congress. NY, 1865. P. 283.

В феврале 1863 года Конгресс принял важный закон, еще больше отпугнувший западных демократов: закон о национальных банках. Этот шаг был во многом обусловлен желанием министра финансов Чейза увеличить рынок облигаций военных займов, но еще больше он отвечал стремлениям бывших вигов привести в порядок децентрализованную, нестабильную структуру банков штатов и унифицировать национальную бумажную валюту. Казначейские билеты («гринбеки») выполняли функции национальной валюты, но они циркулировали наряду с сотнями других банкнот различных степеней надежности. Со времен Джексона не принималось эффективных мер по государственному регулированию банковской сферы. По словам конгрессмена от Массачусетса Сэмюэла Хупера, государство, «которое передает право на регулирование своей валюты в компетенцию тридцати четырех различных штатов, утрачивает один из неотъемлемых атрибутов своего суверенитета». «Стратегией нашего государства, — добавлял председатель финансового комитета Сената Джон Шерман, — должно стать как можно скорейшее становление общенациональных институтов»⁶.

25 февраля 1863 года закон о национальных банках был принят 78% голосов республиканцев, перевесивших 91% демократов, голосовавших против. Как разъяснял появившийся в следующем году дополнительный закон, этот акт гарантировал выдачу федеральных чартеров банкам, соответствующим определенным стандартам, требовавшим покупки облигаций Соединенных Штатов на сумму, равную трети их капитала, и позволявшим выпустить банкноты на 90% стоимости таких облигаций. Пока Конгресс в 1865 году не ввел 10%-ный налог на выпуск банкнот банками штатов, те в большинстве своем не интересовались федеральными чартерами. В принципе же закон 1863 года заложил основы банковской системы, доминировавшей в течение полувека после войны. Неудивительно, что джексоновские демократы Старого Северо-Запада осудили «чудовищный закон о банках» как очередное доказательство военного заговора «финансовых монополий Новой Англии», стремящихся «уничтожить гарантированные институты штатов и насадить централизованный финансовый деспотизм»⁷.

Однако настоящие страсти банковский вопрос разжигал только в 1830-е и 1890-е годы. В 1863 году сердца «мирных демократов»

6 Цит. по: *Hammond B. Sovereignty and an Empty Purse: Banks and Politics in the Civil War.* Princeton, 1970. P. 314, 326—327.

7 *Klement F. L. Economic Aspect of Middle Western Copperheadism // Historian.* 1951. 14. P. 39—40.

горели праведным гневом по поводу освобождения рабов. В этом вопросе главным врагом оставались штаты Новой Англии. По словам Сэмюэла Кокса, «антиконституционное, противозаконное, заискивающее перед неграми фарисейство жителей Новой Англии» послужило причиной войны. «Во имя Господа, — возопил бывший губернатор Иллинойса в декабре 1862 года, — хватит кровопролития, чтобы умиловить религиозных фанатиков!» Один редактор из Огайо назвал Линкольна «слабоумным узурпатором», а его Прокламацию об освобождении «чудовищной, бесстыдной и гнусной... оскорбляющей не только людей, но и Господа, так как она провозглашает „равными“ тех, кого Бог создал неравными»⁸.

Оставалось ли использование таких эпитетов в рамках свободы слова и печати? Можно было, конечно, увидеть в них подстрекательство к дезертирству из армии и саботажу в работающей на войну промышленности. Демократические газеты, читавшиеся в армии, печатали передовицы, указывавшие на незаконность войны против рабства. «Вы ощущаете, что вас наняли как солдат... только чтобы освободить рабов? — спрашивала *Dubuque Herald*. — Должны ли вы, солдаты, патриоты и законопослушные люди, сражаться за это?» В газетах публиковали многочисленные письма, якобы отправленные солдатам членами их семей. «Мне жаль, что тебя впутали в эту... нечестивую, незаконную, дьявольскую войну, у которой нет иной цели, кроме как освободить негров и поработить белых», — писал предполагаемый отец предполагаемому сыну. В другом письме солдату из Иллинойса советовали «возвращаться домой, если представится случай дезертировать»: «Тебя защитят — все наши в ярости, и не стоит удивляться, если услышишь, что люди Северо-Запада перевешали всех аболиционистов»⁹. Подобная агитация возымела эффект: из двух иллинойских полков сбежало столько солдат, «не желавших помогать освобождать рабов», что генерал Грант был вынужден распустить эти полки. Солдаты некоторых других полков предпочитали сдаваться в плен, чтобы потом быть отпущенными домой под честное слово¹⁰.

Столь же решительными были и шаги новоизбранных демократических легислатур Индианы и Иллинойса. Нижние палаты обоих

8 Cox S. Eight Years in Congress. P. 283; Gray W. Hidden Civil War... P. 115; Voegeli V. J. Free But Not Equal: The Midwest and the Negro during the Civil War. Chicago, 1967. P. 77.

9 Цит. по: Gray W. Hidden Civil War. P. 122, 133.

10 Nevins A. War... II. P. 290; Catton B. Glory Road: The Bloody Route from Fredericksburg to Gettysburg. Garden City (NY), 1952. P. 246; O. R. Ser. II. Vol. 5. P. 216.

штатов приняли резолюции, призывавшие к перемирию и мирным переговорам. Также эти палаты высказались за отзыв «злостной, бесчеловечной и богопротивной» Прокламации об освобождении как условие поддержки войны их штатами. Но когда обе легислатуры начали работу над законопроектами по лишению республиканских губернаторов (избранных в 1860 году) контроля над полками, набранными в этих штатах, губернаторы решили вмешаться. С молчаливого согласия администрации Линкольна губернатор Иллинойса Ричард Йейтс в июне 1863 года воспользовался двусмысленно проинтерпретированной статьей конституции штата, позволявшей приостановить работу легислатуры. Хотя суд штата и признал в этом превышение полномочий, он не восстановил работу легислатуры. Непреклонный губернатор Индианы Оливер Мортон просто убедил республиканских членов легислатуры бойкотировать заседания, после чего легислатура приостановила работу из-за отсутствия кворума. Последующие два года Мортон управлял своим штатом единолично, без легислатуры — и без привычных ассигнований. Вместо этого он брал займы в банках и у частных предпринимателей, обложил республиканские округа «контрибуцией» и взял 250 тысяч долларов из особого фонда военного министерства — все эти меры не были предусмотрены законом, а может, и вовсе были противозаконны. Но республиканцы повсюду руководствовались тем же, что и Мортон, постулатом: чтобы спасти конституционное государство от уничтожения, следует расширенно трактовать саму Конституцию¹¹.

Постулат этот нашел подтверждение в поведении администрации во время самого громкого дела о нарушении гражданских свобод во время войны: ареста Валландигэма военными властями и обвинения его в государственной измене. Валландигэма вряд ли можно было назвать невинной жертвой; наоборот, он спровоцировал этот арест, чтобы придать новый импульс своей вялотекущей кампании за губернаторское кресло в Огайо. Он нашел нечаянного союзника в лице генерала Бернсайда, чье политическое чутье ничуть не превосходило военное (проверенное Фредериксбергом). Назначенный командующим Огайского военного округа (включавшего штаты, расположенные на этой реке) после отстранения от командования Потомакской армией, Бернсайд решил обрушиться на «медянок» с репрессиями. В апреле 1863 года он выпустил приказ, согласно которому каждый,

11 *Hesseltine W. B. Lincoln and the War Governors. P. 311—318; Nevins A. War... II. P. 391—393.*

кто «открыто или скрыто» выражает измену, должен быть предан военному суду и подвергнут смертной казни или высылке¹². Бернсайд не разъяснил, что он понимал под «скрытой изменой», но вскоре об этом узнала вся страна.

Валландигэм увидел в этом приказе свой шанс. 1 мая он произнес речь на митинге в Маунт-Верноне, будучи заранее осведомлен о том, что там будут присутствовать агенты Бернсайда. Речь его содержала уже ставшую привычной антивоенную риторику. Согласно отчету офицера штаба Бернсайда, Валландигэм осуждал «жестокую, безнравственную, ненужную войну», ведущуюся «ради уничтожения свободы и торжества деспотизма... войну за освобождение негров и порабощения белых». Этих слов для Бернсайда оказалось достаточно, и он послал отряд солдат, чтобы арестовать Валландигэма в его доме в Дейтоне. Будто имея целью подтвердить обвинения в деспотизме, отряд ворвался в дом посреди ночи и выволок Валландигэма на улицу на глазах у бившейся в истерике жены и перепуганной свояченицы. Пока его сторонники бунтовали на улицах и жгли редакцию дейтонской республиканской газеты, 6 мая в Цинциннати собрался военный суд и предъявил Валландигэму обвинение в «выражении сочувствия» врагу и высказывании «изменнических мнений, имевших целью ослабить мощь государства, [подавляющего] противозаконный мятеж¹³. Не желавший доводить дело до смертного приговора суд рекомендовал поместить Валландигэма под стражу до окончания войны, и Бернсайд отдал такой приказ. Валландигэм подал прошение о признании своего ареста незаконным, но федеральный судья отклонил его, заметив, что действие приказа *habeas corpus* в подобных случаях приостановлено президентом.

Эти события вызвали взрыв ярости со стороны демократов и тревожные разговоры среди многих республиканцев. Самый весомый голос против раздался из Олбани, со съезда «военных демократов», многозначительно спрашивавших, пытается ли правительство подавить мятеж на Юге или «искоренить институты свободы на Севере»? Дело Валландигэма заострило многие вопросы, касавшиеся толкования Конституции. Может ли речь считаться актом измены? Может ли военный суд возбудить дело против гражданского лица? Имел ли право генерал (а в данном случае и президент) созывать военный суд и приостанавливать действие *habeas corpus* на территории,

12 O. R. Ser. I. Vol. 23, pt. 2. P. 237.

13 O. R. Ser. II. Vol. 5. P. 633—646.

удаленной от линии фронта, где нормально функционируют гражданские суды?¹⁴

Вопросы эти били в самую сердцевину политики администрации, пытавшейся тушить «пожар в тылу». Линкольн не хотел вести обсуждение этих вопросов в таком ключе. Его привел в замешательство арест Валландигэма Бернсайдом, о котором президент узнал из газет. Поставленный перед фактом, Линкольн счел, что меньшим из зол будет поддержать Бернсайда, а не осудить его, однако, пытаясь свести к минимуму политические последствия этого дела, он заменил тюремное заключение Валландигэма высылкой. 25 мая союзная кавалерия препроводила его под парламентерским флагом к позициям генерала Брэгга к югу от Мерфрисборо, где мятежники с неохотой приняли нежданного гостя.

Рассудительный поступок Линкольна имел лишь один недостаток: находясь в изгнании, Валландигэм выдвинул свою кандидатуру на пост губернатора Огайо на волне сочувствия от демократов штата. Попав в Уилмингтон, он сел там на корабль, прорвавшийся сквозь кольцо блокады, прибыл в Канаду и поселился в приграничном городе Виндзор, откуда и вел свою предвыборную кампанию. Перед тем как покинуть Юг, он разговаривал с несколькими конгрессменами Конфедерации и армейскими офицерами. Перед ними он развил свою идею воссоздать Союз путем заключения перемирия и ведения переговоров. Южане отвечали, что мир для них приемлем только на основе признания независимости Конфедерации. Если Валландигэм полагает, что Союз можно возродить путем компромисса, то он «жестоко заблуждается». В конфиденциальной беседе с агентом конфедератов Валландигэм сказал, что если Юг «*сможет продержаться этот год*, то сторонники мира на Севере сметут клику Линкольна с лица земли». Валландигэм не оставлял надежду на постепенное объединение, но у агента создалось впечатление, что если Юг откажется объединяться, то «тогда, возможно, он поддержит нашу независимость»¹⁵.

Именно на этих принципах (за исключением «возможного» признания независимости Юга) Валландигэм и строил свою странную кампанию за пост губернатора. Задолго до того, как избиратели Огайо в октябре пришли на участки, успехи северян на фронтах поставили под сомнение мирную доктрину Валландигэма. Тем временем

14 Резолюции, принятые в Олбани, см.: Union Pamphlets... II. P. 740—745.

15 Klement F. L. The Limits of Dissent. P. 209—211; Jones J. War Clerk's Diary (Miers). P. 229—240. Здесь цитируется краткое изложение агентом беседы, отчет о которой не сохранился.

Линкольн решил разрядить напряжение, связанное с подозрением в попрании гражданских свобод, дважды ответив открытыми письмами критикам из демократического лагеря. Он отверг обвинение в том, что Валландигэма арестовали «только за слова, произнесенные им на общественном собрании». Арест был продиктован скорее тем, что «он пытался, и безуспешно, помешать призыву в войска [и] поощрял дезертирство... Он наносил ущерб армии, от существования и боеспособности которой зависит жизнь всего государства». После этого президент задал риторический вопрос, ставший самым веским (и знаменитым) его аргументом: «Неужели я должен расстрелять неумышленного мальчишку, который бежит из армии, и одновременно оставить целым и невредимым коварного агитатора, который подстрекает его к дезертирству?.. Я считаю, что в этом случае заставить умолкнуть агитатора и спасти мальчика является не только конституционным, но и милосердным актом». «Страшный мятеж» проник и на Север, продолжал Линкольн, где «под прикрытием „свободы слова“, „свободы печати“ и *habeas corpus* [мятежники] рассчитывают набрать среди армии шпионов, информаторов, осведомителей, пособников и подстрекателей». Таким образом, вся страна могла считаться театром военных действий, вот почему аресты военными в районах, удаленных от линии фронта, были оправданными. Гражданские суды оказались «совершенно неспособны» противостоять настолько массовой угрозе жизнедеятельности государства. Это и были те непредвиденные обстоятельства, возникновение которых предвидели творцы Конституции, когда оговаривали право на приостановление действия *habeas corpus* в случае мятежа или вторжения. Используя безыскусную, но выразительную метафору, Линкольн выразил уверенность, что необходимое в военное время ограничение гражданских свобод не станет прецедентом, фатальным для них в мирное время: «Я верю в это не больше, чем в то, что человек, вынужденный принимать рвотные средства во время болезни, будет настаивать на их употреблении и после выздоровления»¹⁶.

16 CWL. VI. P. 260—269, 300—306. Адвокаты Валландигэма оспорили обвинение в Верховном суде, утверждая, что процесс военных властей над гражданским лицом на свободной от военных действий территории, где функционируют гражданские суды, является неконституционным. В 1864 г. суд уклонился от решения этой проблемы, заявив, что не обладает апелляционной юрисдикцией по решениям военного суда. Однако в 1866 г., когда страсти улеглись, он признал неконституционным схожее решение военного суда, принятое в 1864 г. по делу некоего Лэмбдина Миллигана из Индианы.

Два письма Линкольна о гражданских свободах были широко распространены новообразованной Юнионистской лигой и Обществом лояльных издателей. Будучи уверенными в том, что «медянки» организованы в могущественные тайные общества, такие как «Золотой круг» и «Орден американских рыцарей», юнионисты вознамерились ответить созданием своих обществ. Основанные бизнесменами и другими состоятельными и влиятельными людьми, эти юнионистские, лоялистские лиги и их печатные органы оказались гораздо более могущественными, чем «тайные общества» демократов, несметная армада которых существовала скорее в воспаленном воображении республиканцев, чем на самом деле. Юнионистские лиги стали большим подспорьем Республиканской партии, которая в некоторых штатах стала называть себя Юнионистской партией, подразумевая тем самым, что оппозиция стремится к разъединению страны¹⁷.

Первые успехи контрнаступления на позиции демократов-пораженцев были отмечены в Нью-Гэмпшире и Коннектикуте. В этих штатах губернаторские выборы проходили весной, и их результаты были своего рода моделью всех прочих выборов. В обоих штатах демократы номинировали членов «мирной» фракции, разделявших взгляды Валландигэма и надеявшихся воспользоваться разочарованием избирателей в войне. Республиканцы и юнионистские лиги были полны решимости сопротивляться возрастающей популярности демократов. Военное министерство предоставило весьма своевременные отпуска тем солдатам, которые, как ожидалось, направятся домой и будут голосовать за республиканцев. Этим усилий, пусть и с огромным трудом, но хватило. Республиканский кандидат в Коннектикуте победил с 52% голосов, а в Нью-Гэмпшире присутствие третьей силы — «военных демократов» — не позволило никому набрать большинство, после чего выборы были перенесены в республиканскую легислатуру, избравшую своего представителя¹⁸.

Ключевым спорным вопросом на обоих выборах стал военный призыв, узаконенный Конгрессом 3 марта 1863 года. Демократы

17 Краткую историю юнионистских лиг и подобных им обществ, а также широкую подборку их публикаций см.: *Union Pamphlets...*; *Klement F. L. Dark Lanterns: Secret Political Societies, Conspiracies, and Treason Trials in the Civil War*. Baton Rouge, 1984. В этих трудах сравниваются особенности членства в этих организациях и их цели.

18 *Dell Ch. Lincoln and the War Democrats*. Rutherford (NJ), 1975. P. 231—236; *Niven J. Connecticut for the Union: The Role of the State in the Civil War*. New Haven, 1965. P. 305—308.

добавили всеобщую воинскую повинность в перечень грехов республиканцев наряду с освобождением рабов и военными арестами. Закон о призыве 1863 года имел целью главным образом под угрозой призыва стимулировать запись в добровольцы. Эту задачу закон выполнял, но был недостаточно эффективен из-за коррупции и вопиющих проявлений несправедливости, почему и стал предметом самых ожесточенных разногласий во время войны и примером того, как не нужно проводить призыв в будущих войнах.

К началу 1863 года набор добровольцев на Севере зашел в такой же тупик, как и на Юге годом ранее. Желавшие завербоваться в армию из патриотических соображений, искатели приключений или те, кого пристыдило общественное мнение, уже были на фронте. Усталость от войны и суровые реалии армейской жизни никак не способствовали увеличению числа волонтеров. Бурный рост военной экономики до минимума сократил количество безработных. По-прежнему осторожные попытки зачисления чернокожих солдат едва-едва начинали покрывать потери армии от болезней, ранений и дезертирства последних шести месяцев. Подобно Конфедерации в начале 1862 года, союзная армия год спустя испытывала колоссальную нехватку живой силы из-за окончания сроков набора: 38 «двухгодичных» полков, набранных в 1861 году, и 92 полка ополченцев, нанятых всего на девять месяцев, весной-летом 1863 года должны были разойтись по домам. Все это побудило Конгресс действовать.

Общенациональный характер поставил этот закон в один ряд с недавно принятым законом о банках. Во главе набора добровольческих полков в 1861—1862 годах стояли губернаторы штатов, призыв же был заботой всей страны. Для соблюдения положений о призыве Конгресс создал в структуре военного министерства службу начальников военной полиции. В каждый избирательный округ были посланы военные полицейские, чьей задачей было учесть каждого гражданина и иммигранта, подавшего прошение о гражданстве, в возрасте от 20 до 45 лет¹⁹. Это заложило основы распределения квот для каждого округа, что позволило провести еще четыре набора после издания Линкольном в марте 1863 года указа о всеобщей воинской повинности. В ходе первого призыва (июль 1863 года) удалось мобилизовать

19 Мужчины, подлежащие призыву, делились на две категории. В первую категорию включались все холостые мужчины и женатые в возрасте от 20 до 35 лет, во вторую — женатые мужчины старше 35 лет. Попавшие во вторую категорию не должны были призываться, пока не будет исчерпана первая, то есть, на практике, почти никогда.

20% призывников, определенных в каждом округе по жребью. В ходе трех этапов призыва 1864 года военное министерство назначило каждому округу квоту на волонтеров. Каждому округу выделялось 50 дней для набора добровольцев по квоте. Тем, кому не удавалось уложиться в сроки, должны были добрать квоту жеребьевкой.

Если в ходе жеребьевки выпадало имя потенциального солдата, то перед ним открывалось несколько возможностей, и призыв в армию был наименее вероятной среди них. Из всех призванных в ходе четырех этапов призыва более одной пятой (161 из 776 тысяч) «не явились в часть», сбежав на запад, в Канаду или скрывшись в лесах. Из тех, кто явился на мобилизационный пункт, восьмая часть была отправлена домой из-за того, что квоты уже были заполнены. Три пятых из оставшихся 522 тысяч были отбракованы из-за физических или психических расстройств или же отпущены восвояси потому, что убедили ответственного за призыв офицера, что являются единственной опорой вдовы, сироты и пр. В отличие от Конгресса Конфедерации, союзные законодатели не указали защищенные от призыва профессии. Тем не менее призывник, оказавшийся физически годным и не ссылавшийся на зависимых от него родственников, по-прежнему имел две возможности: он мог найти замену, освобождавшую его от призыва ныне и впредь, или же выплатить заместительный взнос в размере 300 долларов, освобождавший его только от текущего призыва. Из 207 тысяч призывников 87 тысяч выплатили заместительный взнос, а 74 тысячи нашли замену; таким образом, лишь 46 тысяч отправились в действующую армию. Среди «замен» преобладали 18—19-летние подростки, а также иммигранты, еще не подавшие прошения о гражданстве и, соответственно, не подлежавшие призыву²⁰.

Этот громоздкий и запутанный процесс давал большой простор для всякого рода ошибок, мошенничеств и злоупотреблений. Зачисление призывников на воинскую службу полностью зависело от чиновников, а среди них встречались коррумпированные или некомпетентные. Многие не сидящие на месте граждане оказались неучтенными при

20 Этот и следующий абзацы опираются на несколько исследований: *Shannon F. A. The Organization and Administration of the Union Army, 1861—1865*. 2 vols. Cleveland, 1928. I. P. 195—323. II. P. 11—260; *Murdock E. C. Patriotism Limited 1862—1865: The Civil War Draft and the Bounty System*. Kent (Ohio), 1967; *Murdock E. C. One Million Men: The Civil War Draft in the North*. Madison, 1971; *Levine P. Draft Evasion in the North during the Civil War, 1863—1865* // *ЖАН*. 1981. 67. P. 816—834. Почти все призванные были младше 30 лет, так как более старшие мужчины могли получить освобождение от службы или заплатить заместительный взнос.

составлении списков; с другой стороны, занимавшиеся этим должностные лица пополняли списки фиктивными лицами, чтобы получить причитавшееся вознаграждение без изматывающего хождения от одной двери к другой. Робевшие вербовщики опасались соваться в те округа Северо-Запада, где проживали «серые», в шахтерские районы Пенсильвании, в пользующиеся дурной славой пригороды Нью-Йорка и в другие районы, население которых враждебно относилось к призыву и к войне. Многие мужчины просто-напросто бежали от вербовщиков. Как следствие, во многих округах наблюдалась нехватка призывников, а в других — их избыток, что привело к неравенству в распределении квот. Губернаторы и конгрессмены выступали за упорядочение квот, и в некоторых округах призыв проводился повторно.

После окончания призыва и начала медицинского освидетельствования возникали многочисленные лазейки для разного рода злоупотреблений. Врачи получали взятки, призывники представляли фальшивые свидетельства о находящихся на их иждивении родственниках, одни потенциальные солдаты симулировали психические или физические заболевания, другие прибегали к членовредительству, третьи, будучи натурализованными гражданами, представлялись иностранцами.

На Юге привилегия выставить вместо себя замену породила горькую поговорку о том что «богатые ведут войну, а бедные воюют». На Севере выплата заместительного взноса была еще более непопулярна, чем замена. «Триста долларов или жизнь!» — гласили заголовки демократических газет. Из уст в уста кочевали слова пародии на популярную песню волонтеров: «Мы идем на подмогу, отец Авраам, вот тебе еще 300 долларов»²¹. Величина этого взноса приблизительно равнялась годовому жалованью неквалифицированного рабочего. «Благословенны богатые! — возопил один редактор из Айовы. — Вы когда-нибудь видели другой закон, принятый в интересах аристократов, который так беззастенчиво указывал бы бедняку его место?» На первый взгляд, возможность выставить замену или откупиться деньгами, по оценке одного современного историка, действительно превратила закон о всеобщей воинской повинности в «один из худших примеров типично классового законодательства, когда-либо принятого Конгрессом Соединенных Штатов»²².

21 Lee B. L. Discontent in New York City 1861—1865. Washington, 1943. P. 90; Foote S. Civil War. II. P. 151.

22 Sterling R. E. Civil War Draft Resistance in the Middle West (дисс.). 1974. P. 167, 150.

Однако при более детальном рассмотрении такой вывод можно подвергнуть сомнению. Право замены было традиционным и существовало во многих европейских государствах (даже во время Великой Французской революции), в американских штатах эпохи Войны за независимость и в Конфедерации. По замыслу авторов закона о призыве, заместительный взнос имел целью ограничить размер вознаграждения заместителя: на Юге цена такого заместителя уже перевалила за 1000 долларов, на Севере же стоимость замены не могла превышать 300 долларов. Республиканцы как раз видели в этом не дискриминационную меру, а возможность для трудящихся найти себе замену.

Естественно, призыв без права откупа или замены был бы более справедливым, но право выставить заместителя настолько глубоко укоренилось в сознании, что рассматривалось как само собой разумеющееся. Именно Гражданская война перевернула представления, и спустя год после введения такого закона (в декабре 1863 года) Конфедерация отменила право замены. Но северяне оставили его в силе в течение всех четырех этапов призыва (также общим сроком двенадцать месяцев). Взнос существовал на первых двух этапах (летом 1863 и весной 1864 года). На этих этапах механизм функционировал так, как и планировали республиканцы. Данные о результатах призыва в Нью-Йорке и Огайо практически не выявляют зависимости между благосостоянием призывников и выплатой взноса. Округа штата Нью-Йорк, где жило население с невысоким подушным доходом, демонстрировали примерно такую же долю выплаты взносов и выставления замен, как округа с более богатым населением. В четырех округах Огайо (двух сельских и двух городских) количество неквалифицированных рабочих, уплативших взнос, составляло 18% по сравнению с 22% квалифицированных рабочих, 21% торговцев, банкиров, промышленников, врачей, юристов и служащих, а также 47% фермеров и сельскохозяйственных работников. Так как квалифицированные и неквалифицированные рабочие составляли наибольший процент уклонистов, кажется, что по крайней мере в Огайо рабочие и фермеры были более склонны избегать призыва, чем «белые воротнички». В данном отношении призыв не был поголовным набором бедняков²³.

23 Geary J. W. Civil War Conscription in the North: A Historiographical Review // CWH. 1986. P. 208—228; Murdock E. C. Was It a 'Poor Man's Fight'? // CWH. 1964. 10. P. 241—245; Murdock E. C. Patriotism Limited. P. 211—215; Earnhart H. C. Commutation: Democratic or Undemocratic? // CWH. 1966. 12. P. 132—142; Levine P. Draft Evasion... P. 820—829.

Однако волна возмущения против «кровавых денег» вынудила Конгресс отменить уплату взноса в июле 1864 года, несмотря на предостережения некоторых республиканцев, что после этого вознаграждение заместителя перестанет быть по карману беднякам. Такое предостережение отчасти оправдалось. Количество рабочих и фермеров, выставивших на двух последних этапах призыва замену, после отмены уплаты взноса сократилось вдвое, как, впрочем, и количество «белых воротничков» и представителей свободных профессий. В совокупности на всех четырех этапах призыва бедняки почти не страдали от ущемления прав. В районах Нью-Йорка с наивысшей концентрацией эмигрантов из Ирландии 98% мужчин, не имевших других причин уклониться от службы, откупились или нашли замену. В таблице представлено подробное деление по категориям тех, чьи имена попали в списки вербовщиков в четырех вышеупомянутых округах Огайо²⁴.

Профессия	Не явившиеся в часть	Негодные по разным причинам	Уплатившие взнос или нашедшие замену	Отправившиеся на фронт
Неквалифицированные рабочие	24,9%	45,1%	24,2%	5,8%
Квалифицированные рабочие	25,7%	43,8%	21,9%	8,6%
Фермеры и сельскохозяйственные рабочие	16,1%	34,1%	30,9%	18,9%
Торговцы, промышленники, банкиры, маклеры	22,6%	46,3%	29,1%	2,0%
Служащие	26,2%	47,7%	24,3%	1,8%
Лица свободных профессий	16,3%	48,5%	28,9%	6,3%

Как рабочим удавалось найти деньги на уплату заместительного взноса или наем замены? Лишь немногие из них платили из собственных средств. Многие города и округа пускали средства, образовавшиеся от собранных налогов на имущество, на оплату

24 Составлена на основе: *Earnhart H. C. Commutation...* P. 138—142.

300 долларов теми, кто не мог себе этого позволить. Комитеты Таммани-холла собирали деньги, чтобы нанимать лиц, заменявших призывников, и их примеру подражали. Некоторые фабрики, частные предприятия и железные дороги покупали «белые билеты» для призванных рабочих за счет средств, пожертвованных работодателями, и 10%-ного сбора с заработной платы. Как грибы после дождя возникали страховые общества, предлагавшие страховой полис на 300 долларов за вознаграждение в несколько долларов в месяц. Таким образом, более трех четвертей всех призывников, направленных в офис военной полиции и не получивших освобождения от армии на иных основаниях, оказались способны откупиться от службы.

Может возникнуть вопрос: что же это за всеобщая воинская повинность, если в армии оказались лишь 7% из тех, чьи имена были в списках вербовщиков? Это и было не повинностью, а неуклюжей попыткой применить метод кнута и пряника для стимулирования притока добровольцев. Кнутом была угроза призыва, а пряником — выплата волонтерских премий. В конечном счете этот метод сработал, так как из призывников на службу пошли только 46 тысячи человек, еще 74 тысячи наняли замену, в то время как добровольцами за два года после принятия закона о призыве записались (в первый раз или повторно) около 800 тысяч. Социальная и экономическая составляющие этого процесса обошлись дорого; американцы были склонны платить, ибо принудительная служба в армии шла вразрез с ценностями и традициями страны. Слова Алексиса де Токвиля, сказанные двадцатью годами ранее, и в 1863 году звучали современно: «В Америке призыв в армию — явление неизвестное; людей привлекают на службу с помощью волонтерских премий. Суждения и привычки населения... настолько расходятся с идеей принудительной воинской повинности, что я полагаю, ее там никогда не введут законодательно»²⁵.

Волонтерские премии оказались едва ли не большим злом, чем призыв. Скрытые поощрения предоставлялись еще в первые дни войны, когда общества помощи армии собирали деньги для поддержки семей тех, кто вынужден был оставить работу и уйти в армию. Штаты, округа и муниципалитеты также проводили сбор средств для этой цели. Эти патриотические субсидии не вызвали никаких вопросов, но летом 1862 года некоторые северные города сочли

25 Цит. по: Cook A. The Armies of the Streets: The New York City Draft Riots of 1863. Lexington (Ky.), 1974. P. 48.

нужным открыто выплачивать премии, чтобы выполнить распоряжение Линкольна и заполнить квоты для добровольцев. Годом позже потрясение от первого этапа призыва и жеребьевок, вызвавших кое-где ожесточенное сопротивление, привело к стремлению стимулировать будущих волонтеров, только чтобы избежать призыва. Три призыва в 1864 году породили настоящую «аукционную войну» за лояльность волонтеров. Частные общества изыскивали средства на выплату премий, а города и округа соперничали друг с другом за добровольцев. В октябре 1863 года к состязанию подключилось и федеральное правительство, пообещав премию в размере 300 долларов (финансируемую из заместительных взносов) всем волонтерам и повторно записавшимся в армию.

Полмиллиарда долларов, выплаченных на Севере в виде премий, являли собой своеобразную передачу излишков от богатых бедным. К 1864 году иной смекалистый волонтер мог суммировать все местные, региональные и федеральные поощрения и получить в итоге до 1000 долларов, а то и больше. Некоторые поддавались соблазну взять эти деньги, дезертировать, сменить имя, переехать в другой город и повторить весь процесс. Некоторым таким авантюристам удавалось проделывать подобный трюк несколько раз. На сцену вышли и особые «маклеры», улаживавшие дела своих клиентов за определенный процент от премии. Они конкурировали с «маклерами» по заменам, также наживавшимся на торговле пушечным мясом. Впрочем, относительно немногие получившие волонтерские премии или выступившие в качестве замены на деле превратились в пушечное мясо, так как одни дезертировали еще не добравшись до передовой, а другие сдавались в плен при первой же возможности. Система «призыв — замена — премиальные» позволила зачислить в действующую армию три четверти от миллиона новобранцев²⁶, но их вклад в победу был невелик. Задачу эту выполнили, главным образом, ветераны набора 1861—1862 годов, записывавшиеся в армию без всяких премий, которые с демонстративным презрением называли получивших премии и заменивших настоящих призывников «подонками из трущоб... отбросами общества всех мастей... махровыми уголовниками... ворами, грабителями и бродягами»²⁷.

26 Свыше 150 тысяч продливших срок службы ветеранов также получили волонтерские премии.

27 Wiley B. I. Billy Yank. P. 343—344; Catton B. A Stillness at Appomattox. Garden City (NY), 1957. P. 25—29.

Еще одной неприглядной стороной «премиального бизнеса» была незаконная вербовка иммигрантов. Иммиграция резко снизилась в первые два года войны, но уже в 1863 году вследствие нехватки рабочих рук вновь стал наблюдаться ее рост. Некоторые из новых иммигрантов приехали с намерением присоединиться к армии и получить премии или вознаграждение за то, что стали «заменой». Другие были буквально похищены «охотниками за головами». Значительное число иммигрантов в федеральной армии дало основание южанам долгое время считать, что «большинство солдат янки — иностранные наемники»²⁸. На самом деле ситуация была скорее противоположной. В вооруженных силах Союза иммигранты были представлены слабее, чем могли бы. Из двух миллионов белых солдат и матросов около полумиллиона (25%) родились за пределами США, а между тем среди мужчин призывного возраста в северных штатах родившиеся за рубежом составляли 30%. Несмотря на славу «Ирландской бригады», ирландцев в войсках было меньше всего относительно их доли в населении страны. Следом шли немцы-католики, а представительство в вооруженных силах других групп иммигрантов примерно соответствовало их численности²⁹.

Недостаточное представительство иммигрантов-католиков можно в частности объяснить их приверженностью Демократической партии и оппозицией целям войны, декларируемым республиканцами (особенно это касалось освобождения рабов). Некоторые из них также не подали документы на получение гражданства (или, по крайней мере, заявляли, что не подали), что избавило их от службы в армии. Хотя именно из этой группы вышли многие «заместители» и «получатели премий» в течение последнего года войны, они также пополняли ряды дезертиров и «сбежавших с деньгами». Наряду с «серыми» из долины реки Огайо иммигранты-католики составляли основной контингент

28 Wiley B. I. Op. cit. P. 428n. 51.

29 Данные о количестве родившихся за пределами США солдат союзной армии см.: Gould B. A. Investigations in Military and Anthropological Statistics of American Soldiers. NY, 1869; Lonn E. Foreigners in the Union Army and Navy. Baton Rouge, 1951. P. 581—582; Wiley B. I. Op. cit. P. 306—315; Fox W. F. Regimental Losses in the American Civil War 1861—1865. Albany, 1889. P. 62—63; Channing E. The War for Southern Independence Vol. 6. History of the United States. NY, 1925. P. 426n. Висконсин был штатом с наивысшей долей родившихся за рубежом солдат (40%), при том что за рубежом родилось свыше половины всех мужчин призывного возраста, проживающих в штате.

уклонявшихся от призыва³⁰. Многие из этих людей дратся категорически не желали, что не позволяет согласиться с теоретической моделью, предполагающей, что основная тяжесть войны на переднем крае лежала на беднейших слоях населения. В таблице приведены данные о довоенных профессиях белых солдат-северян, а также профессиональный состав мужчин в соответствующих штатах³¹.

Профессиональные категории	Солдаты-северяне (данные Санитарного комитета)	Солдаты-северяне (данные Белла Уайли)	Все мужчины (данные переписи 1860 года)
Фермеры и сельскохозяйственные рабочие	47,5%	47,8%	42,9%
Квалифицированные рабочие	25,1%	25,2%	24,9%
Неквалифицированные рабочие	15,9%	15,1%	16,7%
«Белые воротнички» и торговцы	5,1%	7,8%	10,0%
Лица свободных профессий	3,2%	2,9%	3,5%
Прочие	3,2%	1,2%	2,0%

Из этой таблицы может показаться, что менее всего в армии были представлены «белые воротнички». Однако это впечатление обманчиво, так как средний возраст солдат составлял двадцать три с половиной года, тогда как данные переписи относятся ко всем взрослым мужчинам. Две пятых всех солдат были в возрасте 21 года или моложе, а исследования профессиональной мобильности в XIX веке показывают, что не менее 10% молодых людей,

30 Levine P. Draft Evasion // JAH. 1981. 67. P. 820—834; Sterling R. E. Midwest Draft Resistance... P. 251—262.

31 Данные по профессиональному составу всех мужчин в 1860 г. взяты из переписи. Данные о довоенных профессиях солдат взяты из отчета Санитарного комитета о профессиональном составе 666 530 солдат из всех штатов Союза (кроме Мэриленда и Делавэра), а также из сделанной Беллом Уайли выборки, включающей 13 392 белых солдат из 114 рот полков, набранных во всех свободных штатах и Миссури (исключая Калифорнию, Орегон и территории). Данные Санитарного комитета см.: Gould B. Investigations in Military and Anthropological Statistics, а Белл Уайли любезно предоставил свои выкладки автору незадолго до своей смерти.

начинавших как рабочие, впоследствии достигали более высокого положения в обществе³². Если принимать во внимание возраст солдат, то, вероятно, единственной категорией, чье представительство в армии могло быть значительно выше, являются неквалифицированные рабочие.

Даже если противоречия между устремлениями богатых и бедных в действительности не существовало, оно продолжало оставаться жупелом, которым демократы пугали население, переводя вопрос о призыве в партийно-классовую плоскость. Если 100% республиканцев в Конгрессе голосовали за закон о призыве, то 88% демократов голосовали против³³. Едва ли какой-либо иной вопрос (помимо освобождения рабов) вызывал столь четкое разделение по партийному признаку. Демократы ссылались на это, осуждая антиконституционный призыв, имеющий цель добиться столь же антиконституционного освобождения рабов. Конвент демократов Среднего Запада поклялся «не поддерживать нынешнюю администрацию в ее злонамеренном аболиционистском крестовом походе. Мы будем до последнего вздоха сопротивляться любым попыткам призвать в армию граждан нашей страны». Демократическая пресса фокусировалась на том, что с помощью призыва белые рабочие вынуждены сражаться за свободу негров, которые потом придут на Север и отнимут у них работу. Издатель ведущего католического еженедельника Нью-Йорка говорил на массовом митинге: «Президент призвал их идти и сражаться за черномазых; неужели он верит, что его послушают?» В своей речи 4 июля, обращенной к демократам города, губернатор Сеймур предупредил республиканцев, ссылавшихся на военную необходимость освобождения рабов и всеобщей воинской повинности: «Запомните, кровавая и предательская доктрина „общественной необходимости“ может быть взята на вооружение не только правительством, но и толпой»³⁴.

Такие эскапады разжигали тлеющие угли. Уклонисты и шайки бандитов весной и летом убили нескольких офицеров, ответственных

32 *Thernstrom S. The Other Bostonians: Poverty and Progress in the American Metropolis. Cambridge (Mass.), 1973.* Данные автора показывают, что в среднем от 15 до 20% молодых «синих воротничков» в конце концов получали престижные места, а 5—10% молодых «белых воротничков» занимали их места. В исследовании не уделено внимание профессиональной мобильности молодых фермеров, которые, вполне возможно, в еще большей степени пополняли ряды «белых воротничков».

33 CG, 37 Cong., 3 Sess. P. 1293, 1389.

34 *Gray W. Hidden Civil War. P. 123; Lee B. L. Discontent in New York City... P. 239; Cook A. Armies of the Streets... P. 53.*

за призыв. По некоторым городам прокатились расистские выступления, однако нигде не вспыхнуло так жарко, как в Нью-Йорке, где существовала большая ирландская община и действовало влиятельное демократическое лобби. Скученно проживавшие в антисанитарных условиях многоквартирных домов в городе с самым большим уровнем смертности от болезней и наивысшим уровнем преступности во всем Западном полушарии, исполнявшие неквалифицированную работу за минимальную плату, опасавшиеся конкуренции со стороны чернокожих работников, враждебно настроенные к протестантскому среднему и высшему классу, который игнорировал и эксплуатировал их, ирландцы созрели для мятежа против войны протестантов-янки за свободу негров. Рост их зарплат с 1861 года отставал по меньшей мере на 20% от роста цен. Ответом на это были многочисленные забастовки, самой крупной из которых стала стачка портовых грузчиков в июне 1863 года, когда бастующих ирландцев заменили охраняемые полицией чернокожие рабочие.

Именно в этот растревоженный улей заглянули вербовщики в субботу 11 июля. Большая часть ополчения и федеральных войск, обычно расквартированных в городе, находилась в Пенсильвании, преследуя армию Ли после битвы при Геттисберге. Первый день работы вербовщиков прошел относительно спокойно, но в воскресенье сотни разгневанных людей, собравшихся в барах, грозили следующим утром напасть на федеральных служащих. Они так и поступили; эскалация уличного насилия, терроризировавшего город, продолжалась четыре дня; во время беспорядков погибло как минимум 105 человек. Это был самый кровопролитный бунт в истории Соединенных Штатов³⁵.

Многие мужчины (да и женщины) в толпе предались беспорядочным грабежам и разрушениям. Но, как и во время любых бунтов, толпа выбрала определенные мишени для своей ярости. Вербовочные пункты и иная федеральная собственность были подожжены в первые же часы. Ни один чернокожий не мог чувствовать себя в безопасности. Бунтовщики избили нескольких человек, шестерых линчевали, разгромили многие дома и сожгли дотла приют для цветных сирот. Толпа также хлынула в учреждения, где работали чернокожие,

35 Современники говорили о более чем тысяче погибших, но тщательное исследование Эдриана Кука показывает, что убитых было всего 105, и еще около десятка смертных случаев могут быть связаны с бунтом. Одиннадцать погибших были чернокожими, восемь — солдатами, двое — полицейскими, остальными оказались сами бунтовщики. (Cook A. *Armies of the Streets...* P. 193—194, 310n).

и пыталась ворваться в редакции республиканских газет. Ей удалось сжечь первый этаж редакции *New York Tribune*, и бунтовщики требовали крови самого Хораса Грили. Некоторые редакторы отбились, вооружив своих сотрудников винтовками, а Генри Реймонд из *Times* одолжил у военных три только что поступивших на вооружение пулемета Гатлинга, чтобы защитить здание редакции. Бунтовщики разграбили дома некоторых видных республиканцев и аболиционистов. С криками «Долой богачей!» и «Дорогу 300-долларовым!» они напали на хорошо одетых людей, которые имели неосторожность выйти на улицу. Проявления классовой ненависти были подкреплены нападениями на собственность видных предпринимателей, имевших репутацию врагов трудящихся, и уничтожением уборочных машин и зернопогрузчиков, лишивших работы неквалифицированных рабочих, составлявших основную массу бунтовщиков. Также толпа, как минимум две трети которой составляли ирландцы, сожгла несколько протестантских церквей и миссий³⁶.

Неподготовленная к таким событиям полиция Нью-Йорка храбро, но с переменным успехом сражалась с бунтовщиками 13 и 14 июля. Армейское начальство отчаянно пыталось наскрести хотя бы несколько сотен кадровых военных. Военное министерство спешно направило несколько полков из Пенсильвании в Нью-Йорк, где 15 и 16 июля они стреляли в бунтующую толпу с тем же смертоносным эффектом, что и две недели назад под Геттисбергом. 17 июля в истерзаный город пришел хрупкий мир. Полное решимости провести набор в армию в Нью-Йорке, пока сопротивление не перекинулось на остальные регионы, правительство довело воинский контингент на Манхэттене до 20 тысяч человек, обеспечивших спокойное завершение работы вербовщиков 19 августа. К тому времени городской совет изыскал средства, чтобы заплатить заместительные взносы за призывников, и нет сомнения, что в число таковых попали и некоторые бывшие бунтовщики.

II

Призрак классового конфликта преследовал и Юг, где, как и на Севере, воинский призыв только усилил противоречия. Нужда в живой силе вынудила Конгресс Конфедерации в сентябре 1862 года поднять верхнюю возрастную планку с 35 до 45 лет. Такая мера

36 Ibid. P. 117, 195—196.

привела к тому, что многие главы семей вынуждены были уйти в армию как раз в разгар летней засухи. К тому же Конгресс еще больше усилил недовольство фермеров, освободив от службы по одному белому надсмотрщику на плантации, где трудились не менее двадцати рабов.

Такое противоречивое решение было принято под давлением со стороны семей плантаторов. Юг воевал, помимо всего прочего, еще и за сохранение рабства, но если белые мужчины уйдут с плантаций на фронт, то упадет дисциплина, рабы будут бежать в леса и к янки и рабство исчезнет само собой. Южане также сражались и за определенное положение женщины в обществе, а пребывание дамы одной на плантации с большим количеством рабов вряд ли было совместимо с таким идеалом. Отправной точкой стало письмо одной женщины из Алабамы на имя губернатора штата в сентябре 1862 года. «У меня нет ни братьев, ни вообще *кого-либо*, чтобы позвать на помощь, — писала она. — Сейчас я живу одна с моей двухлетней девочкой. Мой дом со всех сторон окружают плантации, на многих из них негры предоставлены сами себе — с ними нет ни единого белого. Я умоляю вас из сочувствия к бедной, незащитной женщине и ее ребенку вернуть нашего надсмотрщика домой». Конфедерация также нуждалась в сельскохозяйственной продукции, и южане были убеждены, что без надсмотрщиков рабы перестанут работать. Поэтому плантаторы настаивали на том, что освобождение от службы надсмотрщиков не менее важно, чем освобождение учителей и аптекарей. В октябре 1862 года Конгресс, хотя и не без возражений со стороны некоторых сенаторов, согласился принять закон «в пользу подневольного труда и в ущерб труду белого человека»³⁷.

Особая привилегия, дарованная прослойке, составлявшей всего 5% белого населения Конфедерации, сделала «закон о двадцати неграх» столь же непопулярной мерой, какой на Севере являлся заместительный взнос. Хотя в силу этого закона было демобилизовано лишь четыре или пять тысяч плантаторов и надсмотрщиков, закон превратился в символ. Многие из тех, кто дезертировал из армии южан зимой 1862—1863 годов, соглашались с неким фермером из Миссисипи, объяснившим, что «не желает сражаться за богачей, пока те кутят и веселятся в тылу». Встревоженный тем, что он слышал по дороге домой из Ричмонда, сенатор от Миссисипи Джеймс

37 Цит. по: Robinson A. Bitter Fruits of Bondage: Slavery's Demise and the Collapse of the Confederacy, 1861—1865 (рукопись).

Фелан писал своему другу Джефферсону Дэвису 9 декабря: «Ни один закон еще никогда не вызывал столь единодушного осуждения... Он пагубно отразится на бедняках... В некоторых местах витает дух мятежа, и мне сообщают, что группы людей собираются сопротивляться этому закону. В армии же говорят, что нужно лишь несколько решительных людей, чтобы поднять знамя восстания»³⁸.

Плантаторы, впрочем, обращали мало внимания на такие протесты. Конгресс вносил поправки в этот закон, но так никогда и не отменил его. В соответствии с одной поправкой, принятой в мае 1863 года, плантаторы были обязаны уплатить за свою привилегию 500 долларов. По другой, от февраля 1864 года, необходимое количество рабов сокращалось до 15, однако взамен освобожденные от службы плантаторы должны были продать государству по фиксированной цене 200 фунтов мяса за каждого раба, причем часть его шла на пропитание нуждающихся солдатских семей. Такое требование объяснялось тем, что именно в голоде правительство усматривало причину недовольства фермеров и рабочих. Несмотря на переход в 1862 году крупных земельных площадей с хлопка на продовольственные культуры, засуха и коллапс транспортной системы Юга (не говоря уже об оккупации северянами важнейших сельскохозяйственных регионов) привели к серьезной нехватке продовольствия зимой. Ускоряющаяся инфляция также делала продовольственные товары, даже когда они имелись в наличии, недоступными для многих жителей. Индекс цен, выросший вдвое во второй половине 1862 года, в точности повторил свой маневр и в первой половине следующего года. В Ричмонде служащий военного министерства Джон Джонс, наблюдая неуклонное уменьшение своей заработной платы, пока она не упала ниже прожиточного минимума, заметил: «Над нами простерлась тень голода». Сам Джонс потерял двадцать фунтов, «а жена и дети истощены до предела». Даже крысы на кухне настолько оголодали, что ели хлебные крошки с рук его дочери «кроткие, как котятка»: «Возможно, скоро мы примемся и за них!»³⁹

Жены и дети фермеров страдали не меньше горожанок. Одна женщина из Северной Каролины в апреле 1863 года писала губер-

38 Wiley B. I. *Southern Negroes 1861—1865*. New Haven, 1938. P. 49n; O. R. Ser. I. Vol. 17, pt. 2. P. 790. Статистику по уклонистам см.: Moore A. B. *Conscription and Conflict in the Confederacy*. NY, 1924. P. 107—108.

39 Jones J. *War Clerk's Diary* (Miers). P. 170, 243, 164.

натору Зебулону Вэнсу: «Собрались вчера мы, бедные женщины, да и пошли в Гринсборо, чтобы разыскать съестного, потому как ни у кого из нас ни маковой росинки во рту не было, и что же с нами там сделали? Посадили нас в тюрьму, вместо того чтобы еды дать... А ведь у меня шестеро детей малых да муж в армии, как же мне быть?» Действительно, как? Некоторые женщины писали чиновникам Конфедерации, умоляя демобилизовать их мужей. В одном таком письме на имя военного министра женщина уверяла: «[Мой муж] не способен принести много пользы государству, зато может как-то помочь своим детям, и нет нужды обречь его на смерть, а вдов и сирот на страдания, коль скоро у богачей найдется всякая работа для нас»⁴⁰.

Такие мольбы приносили немного пользы, поэтому тысячи мужей отпускали себя сами. «Полно солдат уже сбежало домой, — писал рядовой из Миссисипи своей жене в ноябре 1862 года, — и столько же боятся, что если их семьям будет невоготу, они поступят [так же]». Месяц спустя один офицер армии Брэга в отчаянии писал: «Случаев дезертирства в армии день ото дня больше, и мне кажется, что сбежала уже почти треть»⁴¹.

Многие из этих дезертиров соединялись с уклонистами и образовывали в глухих районах штатов партизанские отряды, которые оказывали сопротивление властям Конфедерации и порой брали под контроль целые округа. Некоторые из них вступали в союз с тайными антивоенными или юнионистскими обществами, чей бурный рост наблюдался в 1862 и 1863 годах. Среди последних можно назвать Арканзасское общество за мир и Конституцию, общества мира в северных районах Алабамы и Джорджии, общество «Герои Америки» в западной части Северной Каролины и на востоке Теннесси. Мысль о «богатых, ведущих войну, и бедных, что воюют», подстегивала их создание, точно так же как на Севере она подстегивала активность «медянок». Хотя сторонники мира на Юге не получили такой известности и влияния, как солидная политическая партия на Севере, в некоторых регионах они заставляли прислушиваться к себе и формировали ядро сопротивления войне на случай, если положение на фронте начнет ухудшаться⁴².

40 *Yeams W. B., Barrett J. G. North Carolina Civil War Documentary. Chapel Hill, 1980. P. 221; Escott P. D. After Secession: Jefferson Davis and the Failure of Confederate Nationalism. Baton Rouge, 1978. P. 108.*

41 *Robinson A. Bitter Fruits of Bondage...*

42 *Tatum G. L. Disloyalty in the Confederacy. Chapel Hill, 1944.*

Правда ли, что у южан сражались и гибли в основном бедняки? Не больше, чем на Севере, если верить приводимой таблице, основанной на данных по семи штатам Конфедерации⁴³.

Профессиональные категории	Солдаты Конфедерации	Белые мужчины (данные переписи 1860 года)
Плантаторы, фермеры и сельскохозяйственные рабочие	61,5%	57,5%
Квалифицированные рабочие	14,1%	15,7%
Неквалифицированные рабочие	8,5%	12,7%
«Белые воротнички» и торговцы	7,0%	8,3%
Лица свободных профессий	5,2%	5,0%
Прочие	3,7%	0,8%

Из данной таблицы видно, что годные по возрасту квалифицированные и неквалифицированные рабочие были пропорционально слабее представлены в армии Конфедерации. Однако ключевой категорией в аграрном обществе, безусловно, являлись фермеры и плантаторы. К сожалению, ни данные переписи, ни полковые списки не позволяют разграничить эти две категории, поэтому нельзя с уверенностью сказать, были ли именно плантаторы слабо представлены в армии. Единственное умозаключение позволяет сделать свидетельство, что в трех округах Джорджии, расположенных в предгорьях, средний уровень дохода тех, кто не служил в армии, был на 20% выше, чем у служивших⁴⁴. Впрочем, тенденция, отмеченная в этом ограниченном районе, может не совпадать с ситуацией в Конфедерации.

43 Данные Белла Ирвина Уайли о солдатах Конфедерации, полученные в результате изучения выборки из 9057 человек из полковых списков частей Алабамы, Арканзаса, Джорджии, Луизианы, Миссисипи, Северной Каролины и Виргинии.

44 *Harris J. W. Plain Folk and Gentry in a Slave Society: White Liberty and Black Slavery in Augusta's Hinterlands*. Middletown (Conn.), 1986. P. 152. Хэррис собрал сведения о мужчинах призывного возраста трех округов Джорджии, определил уровень их доходов и факт наличия у них либо у их семей рабов. Сведения эти он получил из первичных данных переписи 1860 г., сравнивая их со списками солдат из Джорджии в армии Конфедерации, чтобы узнать, кто именно из них служил в армии во время войны. Впрочем, к его изысканиям стоит относиться с осторожностью, так как два этих списка совпали менее чем наполовину. Между тем известно, что в вооруженных силах Конфедерации воевало от 70 до 80% всех белых мужчин призывного возраста.

рации в целом, где к дезертирству и другим формам уклонения от службы были больше склонны жители беднейших периферийных округов.

Как бы то ни было, символическое значение «закона о двадцати неграх» и страдания семей бедняков дают большие, в отличие от ситуации на Севере, основания считать, что малоимущие слои Юга несли основную тяжесть войны на своих плечах. В конце концов, «нельзя требовать от людей сражаться за государство, которое довело до голода их жен и детей», — заметил в ноябре 1862 года один из лидеров южан. Власти (главным образом уровня штатов и округов) признавали этот факт. Большинство южных штатов и многие округа проводили сборы средств для помощи малоимущим семьям солдат. Эти расходы компенсировались налогами на рабов и на крупные земельные участки (правительство хотело сгладить классовые противоречия некоторым перераспределением ресурсов от богатых к бедным). Джорджия и Северная Каролина сделали для своих жителей больше всего — это были два единственных штата, губернаторы которых Джозеф Браун и Зебулон Вэнс противопоставили права штатов общим военным усилиям южан. И женщины склонны были рукоплескать Брауну и Вэнсу и критиковать Дэвиса, но не потому, что стояли за права штатов в ущерб общему делу, а потому, что эти штаты помогали им, тогда как правительство в Ричмонде забирало мужей, сыновей и тем лишало средств к существованию⁴⁵.

Налоги и реквизиции правительства, объяснявшиеся необходимостью содержания армии, также заставляли относиться к нему как к угнетателю. К 1863 года прогрессирующая инфляция заставила законодателей в Ричмонде искать альтернатив печатному прессу. В апреле они последовали примеру своих северных коллег и приняли комплексное налоговое законодательство, включавшее прогрессивный подоходный налог, 8%-ный сбор с продаж определенных товаров, акцизные и лицензионные сборы и 10%-ный налог на прибыль оптовых торговцев, призванный вернуть в казну часть денег, которые «спекулянты» «вымогали» у населения. Но надежда на то, что эти налоги заставят богатых внести свой вклад в войну, были нивелированы

45 Цит. по: *Robinson A. Bitter Fruits of Bondage...* О прогрессивном налоге и социальной политике властей Джорджии и Северной Каролины см.: *Wallerstein P. Rich Man's War, Rich Man's Fight: Civil War and the Transformation of Public Finance in Georgia* // *JSH*. 1984. 50. P. 15—42; *Escott P. D. Poverty and Government Aid for the Poor in Confederate North Carolina* // *North Carolina Historical Review*. 1984. 61. P. 462—480.

сохранением необлагаемых категорий товаров наряду с облагаемыми. Вследствие того что деньги не имели почти никакой ценности, Конгресс ввел 10%-ный натуральный налог на сельскохозяйственную продукцию: после того как фермер оставлял необходимый минимум продукции для нужд своей семьи, он был обязан отдать 10% излишков одному из 3000 агентов, разосланных с этой целью по всему Югу. Мелких фермеров эта «десятина» возмутила донельзя. Почему бедный землепашец (или, точнее, его жена, так как большинство мужчин ушли на войну) должен платить 10%, тогда как служащий или учитель с жалованьем 1500 долларов отдавали только 2%? Будучи поставлен более остро, вопрос звучал так: почему не облагается налогом основное имущество аристократии — рабы? Ответ был следующим: налог на рабов является прямым налогом, взимаемым, согласно конституции, только после пропорционального распределения по всему населению. В военное время проведение переписи невозможно, поэтому невозможно и взимание прямых налогов. Такой конституционный нюанс был слишком сложен для понимания теми фермерами, лично обрабатывающими землю, которым казалось, что агенты отнимают плоды их труда, тогда как рабы плантаторов свободны от налогообложения.

На практике натуральный налог практически не отличался от реквизиций, производимых действующей армией. Отчаявшись добыть провиант, интенданты и квартирмейстеры забирали у населения продовольствие, фураж и вьючных животных. Они платили столько, сколько сами (а не фермеры) считали нужным, или выдавали долговые обязательства, обесценивавшиеся прежде, чем фермеры успевали их обналечить. К окончанию войны оставались непогашенными долговые расписки на сумму около полумиллиарда долларов. Некоторые армейские части, особенно кавалерийские, брали все, что плохо лежит, даже не притворяясь, что платят за это. Рассерженный губернатор Вэнс писал в 1863 году в военное министерство: «Если у всемогущего Господа еще остались в запасе казни для египтян и их жестокосердного фараона, то я уверен, что страшнее будет пришествие полка кое-как вооруженной и весьма приблизительно дисциплинированной кавалерии Конфедерации». Несмотря на дурную репутацию интервентов-северян, многие южане были убеждены, что «янки просто не смогут нанести нам больший вред, чем наши собственные войска»⁴⁶. Бич реквизиций бил без разбора по бедным

46 Цит. по: *Escott P. D. After Secession...* P. 111.

и богатым, которым «посчастливилось» жить вблизи театра военных действий, но так как семейные фермеры не могли безболезненно поступиться тем немногим, что у них было, реквизиции эти еще больше отчуждали их от правительства и от «общего дела».

В ответ на возмущение реквизициями, в марте 1863 года Конгресс принял закон, создававший специальные комиссии, устанавливавшие и регулировавшие «справедливые» цены. Однако закон этот по большей части игнорировался, а злоупотребления продолжались. Большой эффект имела ревизия налогового законодательства в феврале 1864 года. Приостановив действие требования о распределении прямых налогов в зависимости от переписи населения, Конгресс ввел 5%-ный налог на землю и рабов. Домохозяйства, чья собственность оценивалась меньше чем в 500 долларов, освобождались от натурального налога. В то же время пересмотр «закона о двадцати неграх», по которому стало взиматься 200 фунтов мяса из расчета на каждого раба, позволил правительству Конфедерации непосредственно заняться обеспечением населения продовольствием.

Однако все эти меры запоздали, не успев предотвратить наиболее шокирующие проявления недовольства внутри страны — хлебные бунты весны 1863 года. В доброй дюжине городов и поселков от Ричмонда до Мобила отчаявшиеся женщины осаждали магазины и продовольственные склады, требуя еды. Многие стихийные бунты проходили по одному и тому же сценарию: группы женщин (многие из которых были солдатскими женами), иногда вооруженные ножами или револьверами, подходили к лавкам, которыми владели «спекулянты», и спрашивали цену на бекон или муку. После чего возмущались ценами, забирали все, что им было нужно, и уходили восвояси⁴⁷.

Безусловно, самый значительный такой бунт имел место в Ричмонде. Столица Конфедерации под влиянием особых обстоятельств была, пожалуй, наиболее уязвима. С 1861 года ее население увеличилось более чем вдвое. Военные действия опустошили большинство сельскохозяйственных районов Виргинии. Армия генерала Ли, стоявшая на реке Раппаханнок и перешедшая к марту 1863 года на половинный паек, вместе с гражданским населением подьедала и без того скудные остатки пострадавшего из-за засухи прошлогоднего урожая. В конце марта в результате невиданного снегопада дороги

47 Coulter E. M. *The Confederate States of America 1861—1865*. Baton Rouge, 1950. P. 422—423.

на несколько дней сделались непроходимыми из-за девятидюймового снежного покрова. Цены на те немногие товары, что еще лежали в лавках, взлетели до космических высот. 2 апреля несколько сотен женщин, многие из которых были женами работников металлургического завода Тредегар, из баптистской церкви отправились к губернаторскому особняку, чтобы сообщить о своих бедах. Губернатор ничего не мог сделать для них, и они двинулись дальше, постепенно превращаясь в толпу. Один очевидец, принадлежавший к среднему классу, обратил внимание на истощенную восемнадцатилетнюю девушку из толпы. «Она подняла руку, чтобы поправить шляпку, рукав ситцевой рубахи задрался, и я увидел вместо руки настоящий скелет. Она перехватила мой взгляд и поспешно одернула рукав, коротко усмехнувшись. „Это все, что от меня осталось! — сказала она. — Очень смешно, не правда ли?“» Очевидец спросил, что происходит. «Мы умираем с голоду, вот что, — ответила девушка. — Сейчас идем в пекарню, и каждая из нас возьмет булку хлеба. Пусть хоть это нам даст страна, забравшая у нас мужчин». Разросшаяся до тысячи человек толпа, к которой присоединились также несколько мужчин и подростков, ворвалась в лавки и склады. Повсюду раздавались крики: «Хлеба! Хлеба! Наши дети пухнут от голода, пока богачи катаются как сыр в масле». Воодушевленные успехом, некоторые женщины помимо хлеба стали хватать одежду, обувь и даже украшения. Губернатор и мэр пытались убедить их разойтись. Собранный в спешке отряд ополченцев подошел к месту событий и зарядил ружья. Несколько испуганных женщин убежали, но большинство осталось на месте, уверенное в том, что ополченцы (среди которых были друзья и, может быть, даже мужья бунтовщиц) не посмеют стрелять в толпу⁴⁸.

В этот момент прибыл сам Джефферсон Дэвис и, забравшись на повозку, обратился к толпе. Он привлек общее внимание, достав из кармана несколько монет и бросив их в толпу, а затем потребовал разойтись по домам, чтобы ружья, которые сейчас смотрят на них, обратились против общего врага — янки. Толпа не двигалась, а несколько мальчишек освистали президента. Вытащив часы, Дэвис дал бунтовщицам пять минут на размышления, прежде чем он прикажет ополченцам открыть огонь. Четыре минуты прошли в звенящей

48 Pryor R. A. *Reminiscences of Peace and War*. NY, 1905. P. 238; Strode H. *Jefferson Davis: Confederate President*. NY, 1959. P. 381. Два лучших описания бунта: Thomas E. M. *The Confederate State of Richmond*. Austin, 1971. P. 117—122; Thomas E. M. *The Confederate Nation: 1861—1865*. NY, 1979. P. 201—206.

тишине. По-прежнему сжимая часы, президент решительно промолвил: «Друзья мои, у вас осталась одна минута». Это подействовало, и толпа быстро растаяла. Дэвис спрятал часы в карман и приказал полиции найти зачинщиков. Некоторые из них были позже приговорены к небольшим тюремным срокам. Военные власти дали указания газетчикам не упоминать о бунте, чтобы «не повредить нашему делу [или] не воодушевить наших врагов»⁴⁹. На следующий день передовица *Richmond Dispatch* была озаглавлена «Север в беде».

Однако бунтовщики все же достучались до правительства. Правительство отдало для помощи голодающим часть своих запасов риса. Испуганные торговцы выложили на полки свои запасы, и цены упали вдвое. Городские советы Ричмонда и других населенных пунктов увеличили объемы продовольствия, распределяемого в благотворительных целях. Еще больше площадей, чем в прошлом году, было отведено не под хлопок, а под зерновые. Несмотря на все эти мероприятия, Юг так и не смог до конца решить продовольственные проблемы. Приоритет военных перевозок по приходящим в негодность железным дорогам заставлял гнить запасы продовольствия на складах, в то время как в какой-то сотне миль население голодало. Передовые части федеральной армии все сильнее стягивали кольцо вокруг житниц Конфедерации. В июле 1863 года генерал-интендант Конфедерации уведомил о продовольственном кризисе в армии. В сентябре толпа в Мобиле с криками «Хлеб или жизнь!» разграбила лавки на Дофин-стрит. В октябре *Richmond Examiner* выступила с заявлением, что гражданское население находится «на пороге голода». Один правительственный служащий пересказал разговор между покупательницей и владельцем лавки в Ричмонде, который просил 70 долларов за бочонок муки. «Боже мой, — воскликнула женщина, — я не могу заплатить такую сумму! У меня семь детей, что же мне делать?» «Не знаю, мадам, — ответил лавочник, — разве только вы съедите своих детей»⁵⁰.

Продовольственный кризис усугублялся притоком беженцев. По мере наступления янки десятки тысяч людей оставляли свои дома. Тысячи других были высланы своими же военными, превратившими их города в укрепрайоны (например, Коринт и Фредериксберг), или оккупационными войсками северян, предлагавшим жителям

49 O. R. Ser. I. Vol. 18. P. 958.

50 *Thomas E. M. Confederate Nation...* P. 204—205; *Jones J. War Clerk's Diary (Miers)*. P. 296.

присягнуть в верности или выехать. Любая война ведет к появлению беженцев, и, как правило, эта категория людей терпит большие лишения, чем все остальное население. В Гражданской войне эти лишения почти исключительно терпели жители Юга. Беженцы стали дополнительным бременем для все сокращавшихся ресурсов экономики Юга и внесли свой вклад в огромное количество смертей белых и черных жителей от болезней и голода, и эти умершие должны также войти в мартиролог жертв войны⁵¹.

Большая часть мирного населения на оккупированных территориях, естественно, осталась дома и приняла своих захватчиков. И если не психологически, то хотя бы материально они жили лучше, чем их бежавшие на юг соотечественники. Оккупация предоставляла выгодные возможности заинтересованным лицам по обе стороны линии фронта. Ширилась и процветала как легальная, так и нелегальная торговля между бывшими, а порой и действующими врагами.

Тайная торговля между противоборствующими сторонами была столь же древним ремеслом, как и сама война. Американцы преуспевали в этом занятии и во время Войны за независимость, и во время войны 1812 года с Англией. Гражданская война расширила возможности для такой деятельности. До 1861 года северные и южные штаты жили в экономическом симбиозе — во время войны их взаимозависимость стала в некоторых отношениях еще сильнее. «Реально говоря, мы не можем разделиться... — говорил Линкольн в своей первой инаугурационной речи. — Различные части нашей страны не могут сделать это. Они не могут не оставаться лицом к лицу, и сношения между ними, дружественные или враждебные, должны продолжаться»⁵². Как неприятельские, так и дружеские

51 Massey M. E. *Refugee Life in the Confederacy*. Baton Rouge, 1964. В своем труде автор рассказывает о невзгодах беженцев, но не пытается оценить их численность или уровень смертности. Гражданские лица в воюющей стране всегда несут большие потери, чем военные, именно потому, что их попросту больше. Во время наполеоновских войн в Европе погибло почти вдвое больше гражданских лиц, чем солдат, причем их гибель была прямо или косвенно связана с военными действиями. Меньшая продолжительность войны и ограниченность театра военных действий в Америке не позволили уровню смертности подняться настолько высоко, кроме того не было зарегистрировано серьезных эпидемий, за исключением вспышки желтой лихорадки в Уилмингтоне в 1862 г. Однако смертность была все же довольно высокой, и количество жертв среди гражданского населения, о котором можно говорить с уверенностью, составляет не менее 50 тысяч, которые можно безоговорочно прибавить к 260 тысячам павших на поле брани, чтобы получить полное представление о людских потерях южан.

52 CWL. IV. P. 269.

контакты между противоборствующими сторонами продолжались, причем в таких формах, которые ни Линкольн, ни кто-либо другой не могли предположить. Юг нуждался в соли, обуви, одежде, мясе, муке, лекарствах, порохе, свинце и других необходимых для войны товарах. Так как блокада препятствовала получению этих товаров из-за рубежа, пронирливые южане искали способы обойти эмбарго и торговать с Севером напрямую. Предприимчивые янки с охотой поставляли эти товары в обмен на хлопок. Оба правительства запрещали торговлю с врагом, но когда цена фунта хлопка на Севере подскочила с 10 центов до доллара, а цена мешка соли взлетела в некоторых регионах Юга с 1,25 доллара до 60 долларов, те из торговцев, кто не боялся рисковать, стали искать способ обменять хлопок на соль. По замечанию проживавшего в Конфедерации англичанина, «целая Великая китайская стена от атлантического до тихоокеанского побережья» не смогла бы пресечь эту торговлю⁵³.

В первый год войны значительные объемы контрабанды перевозились через линию фронта в Кентукки и через южные округа Мэриленда, однако подлинный расцвет сомнительной коммерции начался после завоевания федералами долины Миссисипи в 1862 году. Сначала Нашвилл, а потом Новый Орлеан и Мемфис превратились в крупные региональные торговые центры. Некоторые операции были легальными. Министерство финансов, желая возродить коммерческие операции на оккупированных территориях и обратить их жителей в юнионизм, выдавало разрешение на торговлю тем коммерсантам и плантаторам, которые принесли присягу в верности. Дав такую присягу, торговец, например, из Мемфиса мог продавать хлопок за наличные или в кредит, на который он потом приобретал соль, муку или обувь в Цинциннати для последующей продажи на оккупированной северянами территории. В министерстве финансов рассчитывали, что по мере продвижения армии Союза на Юг торговля будет набирать обороты, и южные штаты, таким образом, будут подвергнуты коммерческой «реконструкции».

Проблема была в том, что коммерсанты норовили бежать впереди паровоза. Некоторые южане лицемерно давали клятву верности Союзу с внутренними оговорками. Другие подкупали сотрудников министерства финансов, чтобы получить заветное разрешение на торговлю. Продав хлопок и приобретя соль или обувь, эти люди в свою очередь тайно переправляли их в расположение армии

53 Coulter E. M. Confederate States... P. 287.

Конфедерации или перепродавали южным торговцам. Некоторые северные коммерсанты расплачивались за хлопок золотом, которое впоследствии выплывало на Багамских островах, где им расплачивались за винтовки, провозимые сквозь блокаду. Иногда торговцы давали взятки солдатам северян, чтобы те не обращали внимания на то, что хлопок или соль свободно проходят через линию фронта. Многие солдаты не могли устоять перед соблазном. «Страсть к быстрому обогащению на операциях с хлопком, — писал из Мемфиса Чарльз Дейна в январе 1863 года, — приводит к коррупции и деморализации армии. Каждый полковник, капитан или интендант находится в тайных сношениях с продавцом хлопка, а каждый солдат спит и видит, как бы прибавить к своему месячному жалованью кипу-другую. Я не имел представления о распространенности этого зла, пока не убедился в этом воочию»⁵⁴.

По другую сторону некий офицер Конфедерации жаловался, что торговля хлопком «деморализовала южан, превратив их во взяточников», что конфедераты мало-помалу поддаются на посулы Союза, вместо того чтобы сжечь свой хлопок и не отдать его врагу. *Richmond Examiner* в июле 1863 года с горечью говорила о «хлопковых и сахарных магнатах, которые с давних времен были яростными сторонниками сецессии, [ныне же,] дав клятву верности янки, выращивают хлопок вместе со своими северными защитниками и продают его на северные рынки... [Их] бесстыдство... наносит непоправимый урон делу Юга, который эти отступники бросили на произвол судьбы»⁵⁵.

Теоретически военное министерство Конфедерации соглашалось, что «всякая торговля с врагом» является «деморализующей и незаконной, и, естественно, должна осуждаться, но исходя из сложившейся ситуации... обмен или торговля ради пополнения припасов населения практически неизбежны». Даже неподкупный Джефферсон Дэвис признал: «В самом крайнем случае отклонение от нашей стратегии может быть оправдано... [но при торговле с врагом] необходимость этого должна быть очевиднейшей»⁵⁶. Для Конфедерации необходимость была очевиднейшей почти всегда. Торговля с янки позволила в некоторых районах избежать голода и спасла Миссисипскую армию Ван Дорна осенью 1862 года. Как жестко выразил свою позицию военный министр Конфедерации: «Альтернатива одна: либо

54 O. R. Ser. I. Vol. 52, pt. 1. P. 331.

55 O. R. Ser. IV. Vol. 3. P. 646—648; *Richmond Examiner*. 1863. July 21.

56 O. R. Ser. IV. Vol. 2. P. 334—335, 175.

отказаться от своей позиции не отдавать хлопок врагу, либо уморить наши армии голодом»⁵⁷.

Будучи убежденными в невозможности «вести войну и одновременно торговать с неприятелем», Шерман и Грант делали все возможное, чтобы прекратить нелегальную торговлю хлопком через Мемфис и Западный Теннесси в 1862 году⁵⁸. Оба генерала издали целый ряд предписаний, ужесточивших выдачу разрешений на торговлю, высылали тех южан, которые отказывались приносить присягу, и заключали в тюрьму тех, кто ее нарушал. Они требовали, чтобы оплата хлопка совершалась только «гринбеками» Соединенных Штатов (а не золотом, которое могло превратиться на Багамах в пушки), и пытались не допустить в Мемфис беспринципных торговцев с Севера. Но большая часть их усилий была тщетна. Приказ, запрещающий платежи золотом, был отменен в Вашингтоне, как и еще одна запретительная директива Гранта, приобретающая печальную известность.

Несколько крупных торговцев, игнорировавших приказы Гранта, были евреями. Грант и другие союзные генералы часто жаловались на еврейских «спекулянтов, чья любовь к деньгам больше их любви к стране»⁵⁹. Когда отец самого Гранта привез с собой трех евреев, просивших об особых привилегиях, в Мемфис, терпение сына-генерала лопнуло, и 17 декабря 1862 года он выпустил следующий приказ: «Евреи, как категория людей, нарушающих правила торговли, установленные министерством финансов, а также приказы по военному округу, подлежат немедленной высылке из округа». Еврейские общественные деятели единогласно осудили «неслыханный произвол», по которому целая нация наказывалась за предполагаемые грехи некоторых ее представителей. Почувствовав момент, демократы внесли в Палате представителей соответствующую резолюцию, но республиканцы положили ее под сукно. Линкольн аннулировал приказ Гранта, объяснив тому через Хэллека, что не возражает против высылки нечистоплотных торговцев, но приказ «очерняет целую

57 Johnson L. H. Trading with the Union: The Evolution of Confederate Police // The Virginia Magazine of History and Biography. 1970. 78. P. 314.

58 O. R. Ser. I. Vol. 17, pt. 2. P. 141.

59 Хотя большинство торговцев на самом деле и не были евреями, уставшие бороться с ними союзные офицеры стали употреблять слово «еврей» в том же смысле, в каком многие южане употребляли слово «янки», то есть называя так любого, кого считали изворотливым, жадным, предприимчивым и, вероятно, нечистым на руку.

нацию, представители которой сражаются в наших рядах»⁶⁰. Грант больше ничего не говорил о евреях, но полгода спустя выразил свое разочарование провалом попыток регулировать торговлю, «лишающую нас по крайней мере трети нашего потенциала»: «Я позволю себе заметить, что в прошлом году в Западном Теннесси не разбогател ни один честный человек, а ведь там в то время наживались крупные состояния»⁶¹.

Состояния наживались и в Новом Орлеане, где Бенджамин Батлер управлял своенравным городом с помощью обоюдоострого меча. Циничный, пронизательный и неразборчивый в средствах Батлер вел себя в Новом Орлеане парадоксально. С одной стороны, его «приказ о женщинах», повешение при самом начале оккупации одного южанина, демонстративно сжегшего флаг Соединенных Штатов, и распоряжение заключить в тюрьму нескольких горожан, которые вели себя слишком независимо или просто не понравились ему, снискали ему вечную ненависть южан и прозвище «бестия Батлер». В декабре 1862 года Джефферсон Дэвис даже издал прокламацию, объявлявшую Батлера вне закона и приказывающую любому офицеру Конфедерации при удобном случае повесить его на месте. С другой стороны, военное положение, введенное Батлером, дало городу самую эффективную и честную администрацию за все время его существования. Неуклонное соблюдение санитарных мер и карантина помогло очистить обычно донельзя грязные улицы и избежать ежегодной эпидемии желтой лихорадки. «[Батлер был] нашим самым лучшим мусорщиком», — с кривой усмешкой заметил один местный житель. Перед войной, признавала местная газета, Новым Орлеаном заправляли уличные банды, «самые безбожные, свирепые и невежественные преступники, каких только видел свет». Спустя три месяца после введения военного положения даже проконфедеративная *Pisquille* вынуждена была признать, что еще никогда город не был «настолько свободен от грабителей и головорезов»⁶².

Парадоксальность поведения Батлера распространялась и на экономические мероприятия. Блокада северянами морского побережья и ответная блокада конфедератами речной торговли с Севером привела

60 Свидетельства об этом инциденте см.: *Simon J. Y. The Papers of Ulysses S. Grant. 14 vols. Carbondale (Ill.), 1967—1985. VII. P. 50—56.* См. также: *Catton B. Grant Moves South. Boston, 1960. P. 352—356.*

61 *O. R. Ser. I. Vol. 24, pt. 3. P. 538.*

62 Цит. по: *Capers G. M. Occupied City: New Orleans under the Federals 1862—1865. Lexington (Ky.), 1965. P. 89, 73, 71.*

к коллапсу экономики города. К моменту захвата Нового Орлеана Фаррагутом большинство населения составляли безработные. Батлер раздал пайки федералов беднякам и начал интенсивные общественные работы, частично финансируемые за счет налога на богатство и конфискации имущества некоторых состоятельных мятежников, отказавшихся присягнуть на верность Союзу. За это генерал заслужил еще одно прозвище — «Батлер Серебряная ложка», так как южане предполагали, что он крадет их серебро для собственного и своих друзей обогащения. В этих обвинениях был резон, потому что офицеры и другие северяне, стекавшиеся в город, покупали на аукционах конфискованные ценности по символической стоимости. Среди этих северян были родной брат Батлера Эндрю и ряд других бизнесменов, помогавших генералу в его стремлении раздобыть хлопок для ткацких фабрик Севера. Эти дельцы подкупили чиновников министерства финансов и армейских офицеров и начали вести торговлю с плантаторами и их доверенными лицами за линией фронта, обменивая соль и золото на хлопок и сахар. Обе стороны иногда прибегали к услугам посредников-французов, сохраняя иллюзию того, что торгуют не с врагом, а с представителями нейтральной страны. Самому Батлеру ничего инкриминировать не удалось: недружелюбно настроенный к нему чиновник министерства финансов описывал его как «чрезвычайно изворотливого человека, о котором сложно что-либо узнать, если он сам этого не хочет», но вот его брат Эндрю вернулся домой богаче на несколько сотен тысяч долларов⁶³.

Дурная слава Батлера вынудила Линкольна отозвать его с должности в декабре 1862 года. Вместо него был назначен Натаниэл Бэнкс, оправившийся от той трепки, что задал ему в Виргинии «Каменная Стена» Джексон. Бэнкс попытался прикрыть торговлю с врагом и смягчить чрезмерно жесткую политику Батлера по отношению к местным жителям, но с переменным успехом в обоих начинаниях. Распоряжения министерства финансов и законы Конгресса в 1863—1864 годах значительно урезали возможности выдачи разрешений на торговлю. Также Север стал получать больше хлопка с плантаций, обрабатываемых освобожденными рабами на оккупированных территориях. Однако сократить объемы торговли через линию фронта было нельзя. Администрация Дэвиса действовала из соображений необходимости, а Линкольна — из стратегических соображений. Северянам хлопок был нужен как для собственных нужд, так и на

63 Ibid. P. 79—94, 161—167.

экспорт. Одному недовольному генералу, который не мог понять смысл такой политики, Линкольн указал на то обстоятельство, что во время войны цена за хлопок в золоте выросла в шесть раз относительно довоенного уровня, что позволяет южанам выручать от продажи одной кипы хлопка, проскользнувшей через кольцо блокады, столько же, сколько они выручали от продажи шести кип в мирное время. Каждая кипа, отправлявшаяся на Север, даже для удовлетворения «частных интересов и жажды наживы», лишала врагов средств, вырученных от ее экспорта. «Пусть в этом случае они получают орудия, но хоть без боеприпасов к ним»⁶⁴.

Доводы Линкольна не удовлетворили генерала, равно как не удовлетворяют они и историков. Хлопок стал крупнейшим взяточдателем Гражданской войны; как заметил один из генералов Конфедерации, он породил «больше негодяев с обеих сторон, чем что-либо еще»⁶⁵. Эта «ржавчина» в тылу, как и антивоенное движение, была вызвана болезнью плоти испытывавшего нехватку всех ресурсов Юга и болезнью духа Севера, чей недуг, спровоцированный военными неудачами, зимой 1862—1863 годов казался опаснее страданий Юга. Успехи на фронте умеряли чувство голода. Воодушевленные победами в Виргинии и провалом наступления Гранта на Виксберг, южане встретили начало весенних кампаний с оптимизмом. «Если мы в этом году сможем расстроить все их планы, — писал Роберт Ли в апреле 1863 года, — то уже осенью на Севере ожидается огромная перемена в общественном мнении. Республиканцы будут низвергнуты, и я надеюсь, что позиции сторонников мира окажутся настолько сильны, что следующая администрация будет состоять из них. Нам нужно лишь мужественно сопротивляться... [и] тогда нас ждет несомненный успех»⁶⁶.

64 CWL. VIII. P. 163—164. За все время войны из Конфедерации на Север было отправлено около 900 тысяч кип хлопка, что почти вдвое превысило количество хлопка, прорвавшегося через блокаду на импорт. Около трети этого объема дала легальная торговля по разрешениям, выданным на оккупированной территории, остальные две трети были вывезены противозаконно (*Lebergott S. Why the South Lost: Commercial Purpose in the Confederacy, 1861—1865 // JAH. 1983. 70. P. 72—73*).

65 *Capers G. M. Occupied City...* P. 164.

66 Цит. по: *Dowdey C., Manarin L. H. The Wartime Papers of R. E. Lee. NY, 1961. P. 438.*

21.

Незабываемое лето 1863 года

I

Провал попыток Гранта зимой 1862—1863 годов повести армию маршем на Вicksберг укрепил веру конфедератов в неприступность «Западного Гибралтара». Будучи уверен в том, что янки махнули на крепость рукой, Пембертон 11 апреля сообщил Джонстону: «Войска Гранта отходят к Мемфису». Пембертон уже отправил большую часть своей кавалерии на помощь Брэгу в Теннесси, где опасность выглядела куда более значительной, и был готов отправить туда и 8-тысячную пехотную дивизию. 16 апреля *Vicksberg Whig* с торжеством писала, что вражеские орудия «имеют различные повреждения, а люди разочарованы и деморализованы... Непосредственная опасность миновала». Жители города и офицеры ночью 16 апреля устроили по этому случаю торжественный бал. В тот момент, когда вальс сменился котильоном, небо вспороли сполохи огня и разрывы снарядов. Танцующих охватили «замешательство и тревога». Канонерки северян проходили мимо батарей защитников: Грант и не думал возвращаться в Мемфис — он просто отступил для лучшего разбега¹.

1 Carter S. *The Final Fortress: The Campaign for Vicksburg 1862—1863*. NY, 1980. P. 155; Walker P. F. *Vicksburg: A People at War, 1860—1865*. Chapel Hill, 1960. P. 151, 152.

Грант был единственным северянином, который никогда не терял уверенности в том, что Виксберг рано или поздно будет взят. После того как все его замысловатые попытки пробиться к городу по каналам, речным рукавам и болотам потерпели неудачу, он разработал рискованный план по переброске сухопутных сил на западный берег Миссисипи ниже Виксберга, в то время как флот должен был прорваться навстречу армии сквозь оружейный огонь противника. В пункте встречи река была всего милоу шириной: армия могла переправиться через нее и начать сухопутную кампанию по захвату «Гибралтара» с юго-востока. Казавшийся простым, этот план, тем не менее, был весьма рискованным. Флот мог понести серьезный ущерб или быть уничтожен. Даже если бы канонеркам удалось переправить армию Гранта через реку, та оказалась бы отрезана от своих баз: если броненосцы и даже некоторые транспортные суда могли прорваться мимо Виксберга вниз по течению скоростью в четыре узла, по пути назад они бы представляли собой легкую мишень. Армии пришлось бы действовать глубоко на вражеской территории, в отрыве от своих баз и против сил неизвестной численности, к которым по внутренним коммуникациям легко могли быть доставлены подкрепления.

Штаб Гранта, а также его самые близкие помощники Шерман и Макферсон были против плана. Шерман советовал Гранту вернуться в Мемфис и начать все заново, опираясь на прочные коммуникации. Ответ Гранта явил собой образец истинной храбрости. Подобно Ли, он был убежден, что победы не достигаются без риска, и решил доказать это, поставив на кон свою карьеру. Шерману он возразил в следующих словах: «Все общество разочаровано тщетностью усилий наших армий... Если мы отойдем в Мемфис, это расстроит всех до такой степени, что никакой нужды в базах и коммуникациях уже не будет. Не понадобится ни людей, ни боеприпасов. Задача в том, чтобы добыть решительную победу, или война будет нами проиграна. Нигде, ни на одном участке фронта нет никакого прогресса, поэтому нам нужно только наступать»².

Первая по-настоящему рискованная ставка Гранта сыграла полностью: канонерки прорвались сквозь огонь. Пикеты мятежников заметили медленно плывшие по течению канонерки безлунной ночью 16 апреля и зажгли вдоль берегов костры, чтобы осветить мишени для канониров, но те, выпустив 525 снарядов, 68 из которых попали

2 The Personal Memoirs of U. S. Grant. 2 vols. NY, 1885. I. P. 542—543n.

в цель, потопили лишь один из трех транспортов и не причинили серьезного ущерба ни одной из восьми канонерок. Несколько ночей спустя команды добровольцев провели мимо батарей еще шесть транспортных судов, потеряв опять же одно. К концу апреля в распоряжении Гранта оказался мощный флот, и два из трех его корпусов в тридцати милях к югу от Викасберга были готовы форсировать реку.

Чтобы отвлечь силы Пембертона от переправы, Грант предпринял кавалерийский рейд по тылам мятежников и ложный маневр пехоты севернее Викасберга. Спустя день после того как флот Портера столь бесцеремонно прервал бал в Викасберге, один бывший учитель музыки из Иллинойса начал свой рейд, которому суждено было стать самой блестящей кавалерийской эскападой всей войны. Бенджамин Грирсон терпеть не мог лошадей с тех пор, как одна из них в детстве лягнула его прямо в голову. Когда разразилась война, он записался в пехоту, но вскоре губернатор Иллинойса определил бывшего капельмейстера в кавалерию. Это было поистине провидческим решением, ибо Грирсон вскоре превратился в одного из лучших кавалеристов на Западе, где в 1862 году уже получил под свое начало бригаду. Весной 1863 года Грант взял пример с южан и приказал бригаде Грирсона, состоявшей из 1700 всадников, отправиться в самое сердце штата Миссисипи, чтобы нарушить коммуникации Пембертона и отвлечь внимание конфедератов от союзной пехоты, медленно продвигавшейся на западном берегу реки. Сочетая скорость передвижения, отвагу и хитрость, отряд Грирсона во второй половине апреля промчался по всему штату Миссисипи. Он вышел победителем из нескольких стычек, в которых было убито и ранено с сотню мятежников, а 500 взяты в плен; сами северяне потеряли лишь две дюжины солдат. Они вывели из строя пятьдесят миль полотна трех железных дорог, снабжавших армию Пембертона, сожгли множество повозок и складов, и, наконец, после шестнадцати дней и 600 миль рейда измученные кавалеристы присоединились к союзным войскам в Батон-Руж. Им удалось втянуть большую часть кавалерии Пембертона и целую пехотную дивизию в бесплодную погоню (бесплодную потому, что Грирсон, рассылая мелкие отряды в различных направлениях, никогда не оказывался там, где его ждали мятежники). Грирсон дал более чем достойный ответ Форресту и Моргану: янки действовали на вражеской территории, тогда как южане — в Теннесси и Кентукки, где им помогало дружественно настроенное население. К тому же стратегические последствия набега

Грирсона были куда заметнее, чем любого другого кавалерийского рейда, так как он сыграл важную роль в захвате Висксберга Грантом.

Благодаря рейду Грирсона, а также ложному маневру к северу от Висксберга со стороны одной из дивизий Шермана, никто не смог помешать переправе Гранта 30 апреля. Шерман высадил свою дивизию у рукава Чикасо, откуда он вынужден был отойти в декабре. В течение двух дней артиллерия Шермана и несколько малых канонеров обстреливали позиции конфедератов, а пехота имитировала подготовку к наступлению. Пембертон проглотил наживку. В ответ на паническую депешу командующего противостоящими Шерману силами («Перед нами враг в таком количестве, в каком его еще никогда не видели под Висксбергом. Пошлите мне подкрепление!») Пембертон перебросил ему на помощь трехтысячный отряд, который уже шел было навстречу Гранту³.

23 тысячи «синих мундиров» во главе с Грантом быстро двинулись в сторону единственного отряда мятежников в окрестностях — 6000 пехоты в Порт-Гибсоне в десяти милях к востоку от реки. 1 мая после ожесточенного боя янки отбросили этот отряд. Получив надежный плацдарм, Грант присоединил группу Шермана и остальные войска; число солдат под его командованием превысило 40 тысяч. Им противостояли 30 тысяч Пембертона, рассредоточенные по различным пунктам. В конце концов Пембертон понял, что Грант переправил всю свою армию южнее Висксберга, но он не знал, как на это реагировать, так как намерения Гранта оставались неясными. Наиболее логичным для северян было направиться прямо на Висксберг, причем их левый фланг мог взаимодействовать с речным флотом, который снабжал бы сухопутные войска боеприпасами. Однако Гранту было известно, что Джозеф Джонстон пытается собрать армию в столице штата, Джэксоне, расположенном лишь в 40 милях к востоку от Висксберга. Если бы он не обратил внимания на этот факт и продолжил искать встречи с Пембертоном, то его правый фланг мог подвергнуться внезапному нападению. Поэтому Грант решил направиться на восток и разбить Джонстона, прежде чем угроза эта обретет реальные очертания и прежде чем Пембертон поймет, что происходит, а затем повернуть обратно на запад, чтобы атаковать Висксберг.

Что касается провианта, Грант вспомнил урок, данный ему в декабре Ван Дорном, уничтожившим его базу. На этот раз он наме-

3 Carter S. Final Fortress... P. 182.

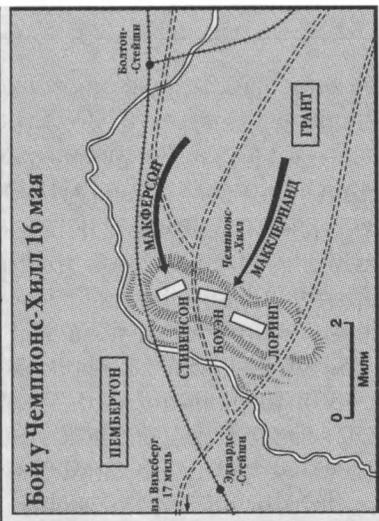
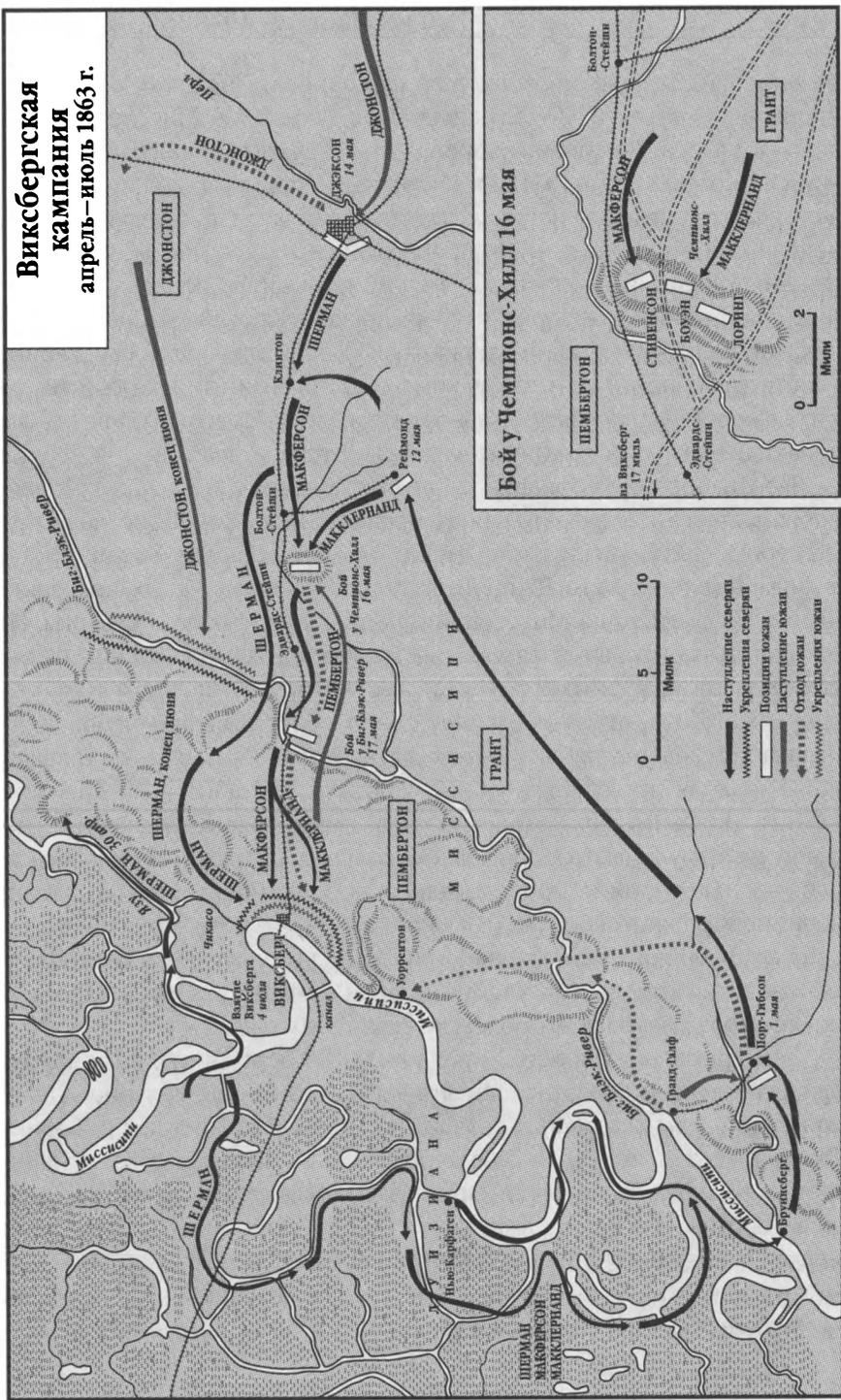
ревался оторваться от своих баз, маршировать налегке и добывать пропитание по пути. Хотя гражданское население Миссисипи страдало от голода, Грант был уверен, что его солдаты найдут чем поживиться. Мощная армия может захватить те припасы, которые нищие женщины и дети не могут позволить себе купить. Следующие две недели солдаты Гранта жили припеваючи, питаясь мясом, домашней птицей, овощами, молоком и медом и разоряя попадавшие на пути плантации. Некоторые из фермерских сыновей со Среднего Запада оказались умелыми фуражирами. Когда один раздосадованный плантатор приехал на муле к командиру дивизии с жалобой на то, что его обобрали до нитки, генерал произнес: «Ну что вы, это не мои солдаты! Мои не оставили бы вам даже этого мула»⁴.

Противоречивые приказы и паралич, охвативший южан при виде неожиданного и стремительного продвижения Гранта, не дали возможности дать адекватный отпор. 9 мая военное министерство в Ричмонде приказало Джонстону принять верховное командование над всеми войсками в Миссисипи и пообещало прислать резервы. Но Джонстон не продвинулся дальше Джэксона, где обнаружил 25 тысяч уверенных в своем превосходстве янки, обрушившихся на столицу штата, после того как они смяли сопротивление небольшого отряда конфедератов близ Реймонда (в 12 милях к западу от Джэксона). Невзирая на ливень и ураган, корпуса Шермана и Макферсона 14 мая атаковали 6000 конфедератов, защищавших Джэксона, и погнали их по улицам города. Затем солдаты Шермана принялись за работу, в которой скоро сделались профессионалами: разрушали железнодорожные сооружения, жгли литейные цеха, оружейные арсеналы, фабрики и мастерские, причем под горячую руку пострадали многие дома горожан. Огонь не выбирал, что ему жечь, и Джэксона после этого называли «городом печных труб».

Тем временем Джонстон предложил Пембертону подойти для соединения с 6000 солдат, оставшимися от его армии, севернее Джэксона, где (с ожидавшимися резервами) можно было встретить Гранта. Такой шаг оставил бы Виксберг безо всякой защиты, однако Джонстона это мало беспокоило. Он хотел сосредоточить превосходящие силы против Гранта и разбить его, после чего конфедераты вновь могли занять Виксберг. Пембертон возражал: у него был приказ удерживать Виксберг, и он намеревался сделать это силами своей армии. Однако еще до того, как два генерала достигли согласия, северяне

4 Catton B. Grant Moves South. Boston, 1960. P. 438.

Виксбергская кампания апрель – июль 1863 г.

- ← Наступление северян
- ~~~~~ Укрепления северян
- ▭ Позиция южан
- ▭ Наступление южан
- ⊕ Отход южан
- ~~~~~ Укрепления южан

упростили им задачу, разбив 16 мая армию Пембертона в битве при Чемпион-Хилл на полпути между Джэксоном и Виксбергом.

Эта битва стала решающей в этой кампании: 29 тысяч федералов против 20 тысяч конфедератов. Союзные войска включали в себя корпуса Макферсона и Макклернанда (солдаты Шермана все еще разоряли Джэксона); мятежники заняли позицию в четыре мили по фронту на 70-футовом склоне Чемпион-Хилла. Пока обычно агрессивно настроенный Макклернанд проявлял нехарактерную для него нерешительность, Макферсон обрушился на левый фланг противника и после нескольких часов кровопролитного боя обратил его в бегство. Если бы, как рассчитывал Грант, вступил в бой и Макклернанд, янки могли окружить большую часть армии Пембертона; но и так южане потеряли убитыми и ранеными 3800 человек; северяне потеряли 2400 человек и отрезали целую дивизию противника от основных сил. Большая часть армии Пембертона, утратив всякий боевой дух, отошла к реке Биг-Блэк-Ривер в десяти милях к востоку от Виксберга. Выходцы из северо-западных регионов, сражавшиеся у Гранта, 17 мая начали дерзкое преследование. Позиции мятежников вдоль реки были сильны, однако стремительная бригада корпуса Макклернанда, не участвовавшая в событиях предыдущего дня и потому жаждавшая славы, без приказа атаковала и обратила в бегство левый фланг конфедератов, защищавший мост, который Пембертон приказал сохранить для своей заблудившейся дивизии (которая, к большому сюрпризу для него, двигалась в противоположном направлении, навстречу войскам Джонстона). Уже павшие духом мятежники уступили и в этой стычке, потеряв 1750 человек (большинство из них пленными), тогда как потери союзных войск составили лишь 200 солдат. Пембертон вернулся в Виксберг, жители которого пришли в ужас при виде измученных солдат. «Я никогда не забуду это печальное зрелище, — писала одна горожанка вечером 17 мая. — Бледные, с потухшими глазами, одетые в лохмотья, с мозолями на ногах, с кровоточащими ранами, солдаты брели мимо нас. Разоруженная... агонизирующая толпа»⁵.

Так Грант закончил свою семнадцатидневную кампанию, во время которой его армия преодолела 180 миль, выиграла все пять сражений против разрозненных соединений врага (которые, случись им объединиться, почти сравнялись бы с ней по численности), лишила противника 7200 солдат и офицеров, сама потеряв при этом

5 Цит. по: Walker P. F. Vicksburg... P. 161.

4200 человек, и заперла абсолютно деморализованных южан в Виксберге. Самой дорогой наградой для Гранта стали слова его друга Шермана. «До этого момента я не верил в успех твоей экспедиции, — сказал Гранту Шерман 18 мая, смотря вниз с высоты, откуда его корпус был выбит еще в декабре. — До сих пор мне был неясен ее исход. Но теперь я вижу, что это успех, даже если мы не возьмем город»⁶.

Но Грант надеялся взять Виксберг немедленно, пока его защитники пребывали в прострации. Без всякой передышки он 19 мая приказал перейти в наступление силами всей армии. С уверенностью, питаемой успехом, северяне преодолели лабиринт траншей, окопов и артиллерийских редутов, опоясывавших Виксберг с суши. Но как только «синие мундиры» вышли на открытое пространство, очнувшиеся стрелки южан заставили атаку захлебнуться. Мятажники, укрывшиеся за самыми мощными укреплениями времен Гражданской войны, воспряли духом. Они лишний раз доказали справедливость высказывания, что один солдат в укрытии стоит по меньшей мере трех на открыгом пространстве.

Израненные, но не желавшие отступить федералы собирались предпринять вторую попытку. Грант назначил наступление на 22 мая, потратив время на поиск слабостей в оборонительных линиях противника (несколько ему удалось найти) и артиллерийскую подготовку силами 200 орудий с суши и 100 — с реки. И вновь янки были встречены градом пуль; на этот раз им удалось захватить несколько плацдармов, но контратаки южан выбили их оттуда. Спустя несколько часов подобных действий Макклернанд с левого фланга запросил подкрепления для прорыва. Как обычно не доверяя Макклернанду, Грант тем не менее приказал Шерману и Макферсону возобновить атаки и послать резервы на левый фланг. Однако эти усилия, как позже признался Грант: «Только увеличили количество жертв, не принеся нам никаких выгод»⁷. Второй раз за четыре дня южане отразили генеральное наступление врага, расплатившись за недавнее унижение и нанеся противнику потери, сопоставимые с теми, что были понесены в пяти предыдущих сражениях.

Несмотря на неудачу, Грант не считал свои попытки ошибочными. Он надеялся взять Виксберг прежде, чем Джонстон сможет подтянуть резервы из тыла, а летняя жара и сопутствующие ей болезни

6 Цит. по: Carter S. Final Fortress... P. 208.

7 Grant U. Memoirs. I. P. 531.

истошат его армию. Более того, как он объяснял, солдаты «верили, что могут довести дело до победы, и [впоследствии] не будут терпеливо ждать своего часа в траншеях, если им не дать шанса покончить с врагом сейчас»⁸. После майских неудач «синие мундиры» вырыли собственные траншеи и приготовились к осаде. Грант послал за резервами в Мемфис и другие пункты, доведя численность войск до 70 тысяч человек. Несколько дивизий наблюдали за маневрами Джонстона, который мешкал на северо-востоке со своими 30 тысячами стянутых отовсюду бойцов, среди которых было немало необученных новобранцев. Грант не сомневался в окончательном успехе. 24 мая он сообщал Хэллеку: «Враг в наших руках. Падение Викасберга и пленение гарнизона — только вопрос времени»⁹.

Пембертон держался того же мнения, уповая лишь на помощь извне. Считая Викасберг «самым важным опорным пунктом Конфедерации», он извещал Джонстона, что собирается удерживать его «до последней капли крови», как было сказано в его письме, доставленном через линии федералов отважным курьером. Однако сопротивляться Пембертон мог только в том случае, если бы Джонстону удалось прорвать синее кольцо, все теснее смыкавшееся вокруг него. «Солдаты воодушевлены сообщением о том, что вы рядом с многочисленной армией». Еще полтора месяца люди Пембертона и три тысячи жителей города, заточенных в Викасберге, надеялись, что Джонстон придет к ним на выручку. «Мы, без сомнения, находимся в критической ситуации, — писал военный врач южан, — мы будем держаться, пока Джонстон не ударит янки в тыл... Дэвис не может просто так принести нас в жертву»¹⁰.

Но у Дэвиса не было больше резервов. Брэкстон Брэгг уже выделил Джонстону две свои дивизии и более ничем помочь не мог. Роберт Ли настаивал на том, что у него в Виргинии перед готовящимся вторжением в Пенсильванию на счету каждый солдат. В Луизиане генерал Ричард Тейлор (сын героя мексиканской кампании Закари Тейлора), начавший наступление на армию Бэнкса, с неохотой согласился на переброску двух своих бригад под Викасберг, но его единственным достижением, впрочем, оказалась демонстрация «неоднозначного» отношения к бывшим рабам, служащим теперь в армии противника. Тщетно пытавшаяся перерезать надежные

8 Ibid. P. 530—531.

9 Цит. по: Foote S. Civil War. II. P. 388.

10 Ibid. P. 387; Carter S. Final Fortress... P. 207, 223.

коммуникации армии Гранта одна из бригад Тейлора 7 июня атаковала гарнизон Союза в Милликенз-Бенд на реке Миссисипи, севернее Виксберга. Этот пункт в основном защищали два недавно образованных из «контрабанды» полка. Необученные, вооруженные устаревшими ружьями, в большинстве своем они сражались отчаянно. С помощью двух канонерок им удалось отбить атаку врага. Для новобранцев чернокожие, по словам Гранта, «вели себя достойно». Помощник военного министра Дейна, по-прежнему находившийся в расположении армии, был настроен еще оптимистичнее. «Отвага чернокожих, — заявил он, — полностью поменяла отношение к формированию негритянских полков. Мне довелось слышать, как видные офицеры, в частных беседах насмехавшиеся над такой политикой, после этого боя с таким же энтузиазмом поддерживали этот шаг»¹¹. Но в среде конфедератов, добавляет Дейна, «отношение было совсем иным». Разъяренные тем, что их бывшим рабам дали оружие, отряды южан с криками: «Пощады не будет!» убили, как сообщалось, нескольких пленных негров. Такое отношение к рядовым чинам передалось сверху: командующий бригадой мятежников «считал прискорбным обстоятельством, что негров вообще брали в плен», а генерал Тейлор сообщал: «Весьма значительное количество негров убито и ранено и, к сожалению, около пятидесяти, включая двух белых офицеров, взяты в плен». Военное министерство в Вашингтоне навело справки и узнало, что некоторые из пленников затем были проданы в рабство¹².

Поражение при Милликенз-Бенд положило конец попыткам южан деблокировать Виксберг с западного берега Миссисипи. Все надежды на спасение отныне были связаны только с Джонстоном. Виксбергская газета (чья площадь сократилась до квадратного фута, а печатали ее на обоях) пыталась укреплять дух горожан оптимистичными прогнозами вроде: «Бесстрашный Джонстон стоит у ворот», «Он может спасти нас в любой момент», «Продержимся еще несколько дней, и к нам пробьются, враг будет оттеснен и осада снята»¹³. В течение первого месяца боевой дух защитников Виксберга оставался высоким, несмотря на непрерывный обстрел союзной артиллерии и залпы канонерок, заставлявшие жителей укрываться в пещерах, вырытых в склонах холма.

11 Grant U. Memoirs. I. P. 545; Dana Ch. A. Recollections of the Civil War. NY, 1899. P. 86.

12 O. R. Ser. I. Vol. 24, pt. 2. P. 466, 459.

13 Walker P. F. Vicksburg... P. 187—188.

Однако время шло, Джонстон не появлялся, и энтузиазм испарился. Солдатский паек был урезан в три раза, а к концу июня едва ли не половина бойцов болела, многие цингой. На рынках наряду с мясом мулов стали продавать освежеванные тушки крыс. С улиц странным образом исчезли собаки и кошки. Трудности осадной жизни доводили людей до помешательства: если так пойдет и дальше, писал один офицер южан, то «придется устроить дом для умалишенных». Газетный тон из уверенного стал жалобным: всю последнюю неделю июня вместо бодрого: «Джонстон приближается!» звучало тревожное: «Где же Джонстон?»¹⁴

Джонстон и не стремился выступить в роли спасителя. «Я считаю удержание Виксберга бессмысленным», — телеграфировал он военному министерству 15 июня. Правительству такое поведение генерала казалось повторением его действий на Виргинском полуострове в 1862 году, когда он с неохотой двигался на защиту Ричмонда. «Виксберг нельзя отдавать без борьбы, — писал в ответной телеграмме военный министр. — Так поступить не позволяют интересы и честь Конфедерации... Вы должны решиться на наступление... Все надежды Конфедерации сейчас связаны только с вами»¹⁵. Однако Джонстон считал свои силы недостаточными. Он переложил ответственность на Пембертона, предлагая тому организовать вылазку или спастись бегством по реке (через строй федеральных броненосцев!). В конце июня, уступая беспрецедентному давлению из Ричмонда, Джонстон отважился на невнятную демонстрацию силами своих пяти дивизий против семи дивизий северян под командованием Шермана, которого Грант отправил от стен Виксберга оберегать тыл. Выступление Джонстона было слишком ограниченным и слишком запоздалым. К тому времени, когда оно только началось, Пембертон успел сдать.

К этому его вынудили непреодолимые обстоятельства, хотя многие южане и тогда и впоследствии были убеждены, что виной его северное происхождение. Весь июнь союзные войска вели осаду по всем канонам военного искусства, устраивая подкопы под укрепления противника. Инженеры северян 25 июня и 1 июля взорвали мины, проделав бреши в укреплениях, но пехоте конфедератов удалось их заделать. Янки подготовили мину большего размера, которую

14 Catton B. *Never Call Retreat*. NY, 1967. P. 195—196; Walker P. F. *Vicksburg...* P. 192—196.

15 O. R. Ser. I. Vol. 24, pt. 1. P. 227—228.

намеревались пустить в дело 6 июля, после чего должен был последовать всеобщий штурм. Но дело решилось раньше. «Многочисленные» умирающие от голода солдаты 28 июня подали Пембертону «петицию», где говорилось: «Если вам нечем кормить нас, лучше сдаться (как ни ужасна мысль об этом), чем позволить доблестной армии запятнать себя позором дезертирства... Если не дать солдатам вдоволь еды, начнется бунт»¹⁶. Пембертон посоветовался со своими дивизионными командирами, которые доложили ему, что больные и истощенные солдаты не способны на вылазку. 3 июля Пембертон запросил Гранта об условиях сдачи. Оправдывая свою репутацию, сложившуюся после Донелсона, Грант поначалу настаивал на сдаче без всяких условий, но, представив себе все трудности транспортировки 30 тысяч пленных в лагеря военнопленных на Севере, для чего ему потребовался бы весь его транспорт, Грант решил отпустить пленных под честное слово¹⁷. Он имел все основания надеяться, что многие из них, досыта хлебнув лишений в осажденном городе, разойдутся по домам, разнося с собой пораженческие настроения.

4 июля 1863 года стал самым запоминающимся Днем независимости в истории Соединенных Штатов после первого 87 лет назад. Далеко в Пенсильвании волна наступавших конфедератов разбилась о Геттисберг. Здесь же, в Миссисипи, над окопами мятежников взвились белые флаги, измученные солдаты сложили оружие, а дивизия федералов вошла в Виксберг и водрузила звездно-полосатый флаг над зданием администрации города. «Это самое славное четвертое июля в моей жизни», — писал рядовой из Огайо, но для многих южан горечь от сдачи Виксберга именно в этот день оказалась только сильнее. Впрочем, достойное поведение оккупационных войск несколько подсластило пилюлю. Северяне не позволили себе никакого глумления; наоборот, вошедшие в город солдаты проявляли уважение к его защитникам и делились с ними своими пайками. Янки к тому же сделали то, о чем многие горожане мечтали уже много недель — они ворвались в лавки спекулянтов, припрятывавших провизию, чтобы взвинтить цены на нее. Как описывает сержант из Луизианы: «[Федералы вынесли эти] яства [на улицу] и созывали нас: „Эй, сюда, мятежники, угощайтесь! Вы голы, босы и умираете

16 O. R. Navy. Ser. I. Vol. 25. P. 118.

17 «Честное слово» представляло собой обещание пленного солдата не брать больше в руки оружие до официального обмена пленными. Годом ранее, в июле 1862 г., правительства Союза и Конфедерации договорились о таком обмене.

с голоду, так что это для вас". Что за причудливая картина для тех, кто еще недавно был смертельным врагом друг друга!»¹⁸

Одна жительница Виксберга, наблюдавшая вступление союзных войск в город, произнесла над всей кампанией своего рода надгробное слово: «Как же отличались крепкие, откормленные солдаты в блестящей экипировке... от измученных людей в серых мундирах, которых бездумно бросили против этого воплощения современной мощи». Но в Ричмонде раздраженный и уязвленный Джефферсон Дэвис приписал потерю Виксберга не мощи врага, а трусости Джо Джонстона. Когда чиновник военного министерства сообщил, что гарнизон был обречен вследствие недостатка продовольствия, Дэвис ответил ему: «Да, из-за отсутствия провианта в городе и генерала, желавшего сражаться, — снаружи»¹⁹.

Захват Виксберга был важнейшей стратегической победой северян, заслужившей позднейшую оценку, данную Грантом: «С падением Виксберга судьба Конфедерации была предрешена»²⁰. Однако командующий союзными войсками и не думал почивать на лаврах, добытых 4 июля. Его тылам по-прежнему угрожали соединения Джонстона, а гарнизон конфедератов в Порт-Хадсоне (в 240 милях вниз по течению реки) продолжал сопротивляться осаждавшей его армии Натаниэла Бэнкса. Грант направил Шермана во главе 50 тысяч солдат преследовать Джонстона, приказав ему «действовать без всякой пощады»²¹. Также Грант планировал послать одну-две дивизии на помощь Бэнксу.

Однако лучшей помощью последнему послужило взятие Виксберга. Печальные новости убедили командующего гарнизоном в Порт-Хадсоне сдать свою, ставшую бесполезной, твердыню. После двухмесячной кампании по установлению господства северян над богатыми районами производства сахара и хлопка солдаты Бэнкса при поддержке флота под командованием Фаррагута начали осаду Порт-Хадсона в конце мая. Превосходя гарнизон южан в живой силе почти в три раза (20 тысяч против семи), Бэнкс тем не менее был остановлен такой же системой искусственных и естественных укреплений, какую имел и Виксберг. Две лобовые атаки федералов 27 мая и 14 июня

18 Цит. по: Carter S. Final Fortress... P. 297—298, 301.

19 Richards D. M. A Woman's Diary of the Siege of Vicksburg // Century Magazine. 1885. 30. P. 775; The Civil War Diary of General Josiah Gorgas. University (Ala.), 1947. P. 50.

20 Grant U. Memoirs. I. 567.

21 O. R. Ser. I. Vol. 24, pt. 3. P. 473.

привели только к напрасным жертвам, которых среди нападавших было в двенадцать раз больше. В первой из этих атак два союзных полка, составленные из негров Луизианы, доказали, что могут принимать смерть с тем же мужеством, как и белые. После этих неудачных штурмов Бэнкс был вынужден брать гарнизон измором. Защитники Порт-Хадсона рассчитывали, что Джонстон спасет их после того, как разберется с Грантом под Виксбергом. Когда же пришла весть, что Виксберг пал, гарнизон Порт-Хадсона, питавшийся к тому времени мулами и крысами, 9 июля также сложил оружие. Неделю спустя в Новый Орлеан из Сент-Луиса по Миссисипи без всяких затруднений проследовал невооруженный торговый корабль. «Отец Вод опять беспрепятственно впадает в открытое море», — объявил Линкольн. Территория Конфедерации оказалась разрезана на две части²².

Вскоре решилась судьба и самого Джонстона. Отойдя к укрепленным позициям под Джэксоном, осторожный командующий южан рассчитывал увлечь Шермана заманчивой перспективой фронтальной атаки, но тот, наученный горьким опытом подобных атак под Виксбергом, отклонил «предложение». Вместо этого он начал окружать город. Ночью 16 июля Джонстон ускользнул из ловушки по реке Пёрл, сохранив, в отличие от Пембертона, свою армию. Это любят упоминать его апологеты, но они забывают, что отход Джонстона к Алабаме оставил плантации и железные дороги центральной части штата Миссисипи на милость не очень доброжелательных войск Шермана. Отступление Джонстона стало настоящей вишенкой на торте всей виксбергской кампании Гранта, которую Линкольн назвал «одной из самых блестящих в мире»; эта оценка была подхвачена многими позднейшими военными аналитиками. «Грант — мой верный союзник, — заявил 5 июля президент, — и я вплоть до конца войны также буду союзником ему»²³.

II

Несмотря на всю свою значительность, успехи Гранта в Миссисипи оставались на втором плане по сравнению с событиями на виргинском театре. Союз выиграл войну благодаря победам на западном фронте, но Конфедерация не один раз была близка к победе

22 CWL. VI. P. 409. Эта удачная фраза Линкольна не вполне соответствовала действительности, так как партизаны продолжали досажать движению северных пароходов по Миссисипи.

23 CWL. VI. P. 230; Williams T. H. Lincoln and His Generals. NY, 1952. P. 272.

на фронте восточном. Весной и летом 1863 года Роберт Ли достиг своего наивысшего успеха, за которым последовало самое крупное фиаско.

Впрочем, в апреле 1863 года казалось невероятным, что Ли вообще может перехватить инициативу. Продовольствие и фураж в его армии были на исходе; чтобы избежать цинги, солдаты ели сассафрас и дикий лук, а лошади гибли от недостатка сена. Две дивизии под командованием Лонгстрита отправились к Норфолку и побережью Северной Каролины, чтобы противостоять нападениям северян. Нападения эти оказались незначительными, но Лонгстрит вынужден был оставаться на юго-востоке Виргинии весь апрель, чтобы докучать врагу и запастись припасами в этом не разоренном войной крае. Без этих дивизий в распоряжении Ли было лишь 60 тысяч человек против превосходящих его вдвое федеральных сил, возглавляемых новым энергичным командующим Джозефом Хукером. Кавалерия конфедератов вынуждена была рассеяться по огромной территории в поисках травы для лошадей, что еще больше ослабляло армию южан, тогда как Хукер как раз реорганизовал конницу, выделив ее в отдельный корпус, лучше вооруженный и экипированный, чем отряд Джеба Стюарта. Это знаменовало собой конец превосходства легкой кавалерии южан.

Тем не менее боевой дух Виргинской армии оставался высоким, припасы, поступавшие от Лонгстрита, увеличили солдатский паек, а тщательно обустроенная сеть окопов, растянувшаяся вдоль Раппаханнока в районе Фредериксберга, придавала им уверенность в том, что они смогут отразить атаки врага любой численности. Однако в планах Хукера не значился штурм этих линий. Наоборот, после укрепления и переоснащения Потомакской армии он рассчитывал с помощью маневров вынудить Ли выйти на открытое пространство и навязать ему решающее сражение. Дерзкому и самоуверенному Хукеру приписывают такие слова: «Пусть Господь проявит милость к генералу Ли, ибо с моей стороны ее ждать не приходится»²⁴.

На протяжении нескольких дней в конце апреля Хукер, казалось, мог подкрепить свои хвастливые слова делом. Он разделил свою огромную армию на три части. 10 тысяч всадников переправились через Раппаханнок далеко на севере и повернули на юг, чтобы перерезать коммуникации Виргинской армии. 70 тысяч пехотинцев также двинулись вверх по течению и пересекли реку в нескольких милях

24 Williams T. H. Lincoln and His Generals. P. 232.

от левого фланга Ли, в то время как оставшиеся 40 тысяч предприняли отвлекающий маневр под Фредериксбергом, чтобы удержать южан на месте, пока их позиции обходили с фланга и тыла. Все эти сложные маневры были выполнены весьма быстро. К вечеру 30 апреля 70 тысяч пехотинцев Хукера подошли к перекрестку у поместья Ченселлорсвилл в девяти милях к западу от Фредериксберга, посреди густого вторичного (поднявшегося на месте сведенного) леса, который местные жители называли «Глушь». На этот раз янки перехитрили Ли и практически взяли уступавших им по численности южан в клещи. В приказе по армии Хукер торжествовал: «Враг должен или позорно бежать, или покинуть свои укрытия и дать сражение на нашей позиции, где его ждет неминуемое уничтожение»²⁵.

Несмотря на свое прозвище «Задира Джо» Хукер скорее ожидал (и надеялся), что Ли предпочтет «позорно бежать». Когда же выяснилось, что Ли решил «дать сражение», то боевой настрой Хукера волшебным образом улетучился. Не исключено, что его решение завязать со спиртным, принятое три месяца назад, было ошибочным, так как ему сейчас явно не помешало бы взбодриться. Также возможно, что в очередной раз проявилась особенность его натуры, которую подметил его товарищ еще по довоенной армии: «Хукер играл в покер лучше всех, кого я только знал, пока партия не доходила до момента, когда надо было резко повышать ставки. Тут он пасовал»²⁶. Словом, какой бы ни была причина, когда Ли 1 мая сделал свою ставку, Хукер тут же отдал инициативу в самой смертоносной из игр самому дерзкому из игроков.

Верно рассудив, что главную угрозу представляют войска у Ченселлорсвилла, Ли оставил для защиты укреплений Фредериксберга всего 10 тысяч пехоты под командованием склочного Джубала Эрли, а остальные силы 1 мая повел маршем в Глушь. В полдень они вступили в схватку с авангардом Хукера в паре миль к востоку от Ченселлорсвилла. На этом месте густой подлесок превращался в открытое пространство, на котором превосходство северян в живой силе и артиллерии становилось ощутимым. Однако вместо того чтобы усилить давление, Хукер отвел войска на оборонительные позиции к Ченселлорсвиллу, где толстые стволы деревьев полностью уравнивали шансы. Ошеломленные командующие корпусами союзной армии

25 O. R. Ser. I. Vol. 25, pt. 1. P. 171.

26 McClure A. K. Recollections of Half a Century. Salem (Mass.), 1902. P. 348.

протестовали, но подчинились приказу. Годы спустя командир второго корпуса генерал Дариус Коуч писал: «[Когда Хукер известил меня, что] все успешные действия его помощников увенчаются оборонительным сражением в самой чаще леса... я вышел от него с убеждением, что мой командир потерпел поражение еще до битвы»²⁷.

Чувствуя свое психологическое преимущество, Ли решил атаковать, несмотря на практически двукратное превосходство противника в живой силе. Ночью 1 мая Джексон и Ли сидели на пустых ящиках из-под галет и при отсветах костра обсуждали тактику битвы. Линия федеральных траншей на возвышенности вокруг Ченселлорсвилла выглядела слишком прочной. Левый фланг северян упирался в Раппаханнок, и его нельзя было обогнуть. Пока два генерала держали совет, как им одолеть «этих людей», разведчики Стюарта принесли ему известие о том, что правый фланг Хукера «висит в воздухе» в трех милях западнее Ченселлорсвилла. Это было шансом для Ли, а Джексон был тем человеком, который мог этот шанс использовать. Единственной проблемой было пройти незамеченными через дубовую рощу и колючий подлесок, чтобы войска могли обойти врага. Один из офицеров штаба Джексона решил эту проблему, найдя местного жителя, проводшего южан по тропе, по которой возили древесный уголь для плавильной печи.

Под прикрытием кавалерии Стюарта 30-тысячный корпус Джексона утром 2 мая начал обходной маневр с целью выхода на атакующие позиции, а для отражения возможной атаки основных сил Хукера в распоряжении Ли было лишь 15 тысяч человек. Это было настоящей авантюрой, самой отчаянной за всю предыдущую карьеру генерала. Фланговый марш Джексона вдоль вражеского строя — один из самых рискованных маневров войны — превратил растянутую колонну в очень удобную для удара мишень. Группировка Ли также находилась в большой опасности, если бы Хукеру удалось узнать о ее численности. Наконец, Эрли оставался лицом к лицу с троекратно превосходящим врагом под Фредериксбергом (даже после того, как Хукер перебросил к Ченселлорсвиллу один из корпусов). Однако Ли положился на бездействие Хукера, пока Джексон заканчивает свой маневр, и командующий Потомакской армией оправдал ожидания.

Хукер не мог обвинять свою кавалерию за то, что та прозвала Джексона, так как он сам послал большую ее часть в рейд,

27 Couch D. The Chancellorsville Campaign // Battles and Leaders. III. P. 161.

нагнавший страху на Ричмонд, но не принесший осязаемых результатов. Более того, пехотные дозоры обнаружили движение южан и доложили об этом Хукеру, но тот неверно истолковал сообщение. Две дивизии 3-го корпуса, которым командовал Дэниел Сайклз, атаковали арьергард колонны Джексона. Сайклз пользовался дурной славой: он был единственным «генералом от политики» среди командиров армии Хукера, до войны являлся завзятым демократом и имел репутацию донжуана. Его жена (возможно, в отместку) завела любовника, которого Сайклз в 1859 году застрелил прямо на улице в Вашингтоне. После первой в истории американской юриспруденции успешной апелляции с мотивировкой «временное помешательство» он был оправдан. Став из полковника генерал-майором еще в старой дивизии Хукера, Сайклз превратился в одного из фаворитов командующего. Его разведка боем 2 мая должна была предупредить Хукера о движении Джексона на юго-запад. В голове «Задиры Джо» пронеслась было мысль, что неуловимый «Каменная Стена» опять прибег к своим излюбленным трюкам, но он поспешил выдать желаемое за действительное и убедил себя в том, что вся армия Ли «позорно бежит». Поэтому Хукер не принял никаких мер против удара южан по своему правому флангу.

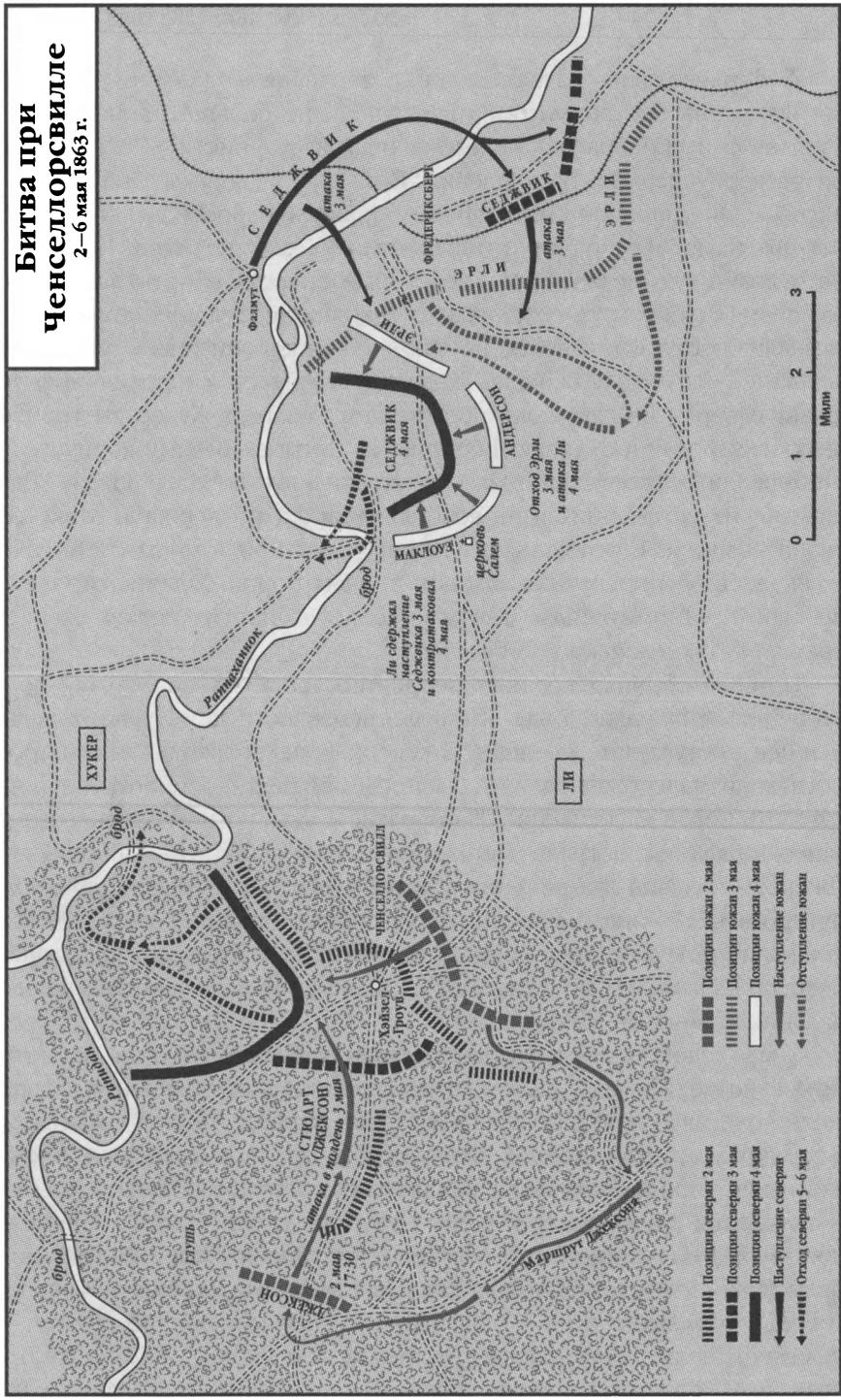
Командиром 11-го корпуса, находившегося на правом фланге, был Оливер Ховард — полная противоположность Сайклзу. Профессиональный военный, выпускник Вест-Пойнта, уже отличившийся в боях этой войны и потерявший руку при Фэйр-Оукс, Ховард был примерным семьянином, трезвенником, убежденным конгрегационалистом и имел прозвище «Солдат-Христианин». У него было мало общего с солдатами немецкого происхождения, составлявшими большую часть его корпуса. Этот корпус, насчитывавший всего 12 тысяч человек, имел неважную репутацию после действий под командованием Фримонта в долине Шенандоа и Франца Зигеля во время второй битвы под Булл-Раном. То, что произошло под Ченселлорсвиллом, эту репутацию никак не улучшило. Всю первую половину дня встревоженные дозоры сообщали Ховарду, что мятежники что-то готовят на западе. Тот уверял Хукера, что его войска готовы к отражению атаки, однако большинство его полков были развернуты на юг, так как Ховард был уверен в непроходимости зарослей на западе. К тому же он разделял мнение Хукера о том, что такие действия противника — не что иное, как прикрытие его отступления. Наступило время ужина и многие из людей Ховарда отдыхали или готовили пищу.

А в нескольких сотнях ярдов к западу измочаленные ветераны Джексона (их форма была изодрана еще больше обычного, поскольку они продирались через колючий кустарник) в 5.15 пополудни развернулись для наступления. Выйдя из-за деревьев на участке в две мили шириной, мятежники с криком набросились на смотревших на юг федералов и опрокинули их словно кегли. Несмотря на чудовищную неразбериху, некоторые бригады и артиллерийские батареи 11-го корпуса сохраняли дисциплину и отчаянно сражались, замедлив наступление врага, но в конце концов они также поддались всеобщей панике и бежали. К вечеру Джексон отбросил правый фланг северян на две мили, прежде чем Ховард и Хукер выстроили импровизированную линию обороны из четырех разных корпусов и остановили торжествовавших, но утративших порядок южан. Две дивизии из оставшихся в распоряжении Ли поддержали атаку со своей позиции. В течение нескольких часов при лунном свете продолжались беспорядочные стычки, причем порой солдаты стреляли по своим же товарищам. Так завершалось одно из редких ночных сражений Гражданской войны.

Помимо обычных военных неприятностей в эту ночь южан подстерегала еще одна беда. Полные решимости продолжать дальнейшее наступление на янки, Джексон и несколько его офицеров поскакали далеко вперед, чтобы провести рекогносцировку и подготовить новое наступление. На обратном пути по ним открыл огонь занервничавший патруль мятежников, принявший их за северян. Джексон получил два ранения в левую руку, которую пришлось ампутировать. Командование корпусом принял Стюарт, который довел сражение до успешного конца, однако потеря Джексона оказалась невозполнимой. Из-за развившейся пневмонии знаменитый военачальник скончался восемь дней спустя.

3 мая, следующий день после ранения Джексона, стал поворотным в битве. На двух участках, разделенных расстоянием в девять миль, шли ожесточенные схватки. Ночью Хукер приказал командиру 6-го корпуса, стоявшему в Фредериксберге — «Дядюшке» Джону Седжвику (прозванному так солдатами за его добродушие) — занять высоты на окраинах города и ударить в тыл Ли около Ченселлорсвилла. На рассвете «Дядюшка» Джон бросил три свои дивизии против окопов и каменной ограды Мэрис-Хайтс, где в декабре потерпели неудачу войска Бернсайда. История могла повториться — дивизия Джубала Эрли дважды отражала их наскоки, — но на третий раз в ходе одной из немногочисленных штыковых атак этой войны

Битва при Ченселлорсвилле 2—6 мая 1863 г.

первая волна «синих мундиров» ворвалась на высоты, захватив в плен тысячи конфедератов и обратив в бегство остальных.

Тем временем Хукер оставался на удивление инертным, ожидая, по-видимому, что Седжвик один решит все наступательные задачи. Хукер даже приказал корпусу Сайклза отойти на рассвете с занятого им плацдарма на высоте Хэйзел-Гроув в миле к западу от Ченселлорсвилла. Это дало возможность Ли и Стюарту соединить два крыла своей армии и сосредоточить артиллерию около Хэйзел-Гроув — единственного места в Глуши, где она могла быть эффективной. После этого конфедераты начали общую атаку на три корпуса, удерживавших окрестности Ченселлорсвилла. Хукер так и не ввел в бой три других корпуса, несмотря на то что они могли атаковать фланги армии Ли. Командующий северян находился в каком-то оцепенении еще до того, как в его ставку попало ядро и он получил контузию. Однако он оправился и сохранил за собой командование, к досаде некоторых подчиненных, которые надеялись, что оставшийся вместо него старший корпусной командир возьмет управление армией на себя и начнет контрнаступление. Но Хукер приказал отступить на одну-две мили к северу, сокращая линию обороны.

Измотанные, но ликующие южане, сражавшиеся с воодушевлением, невиданным даже у этой победоносной армии, бурно приветствовали Ли, въехавшего на пепелище поместья Ченселлор. Этот момент был величайшим триумфом генерала, но битва еще не завершилась. Пока в районе Ченселлорсвилла обе армии словно по взаимному согласию прекратили сражение, чтобы спасти от начавшихся из-за бомбардировки лесных пожаров сотни раненых, Ли получил известие о прорыве Седжвика под Фредериксбергом. Возникла серьезная угроза тылам южан, даже с учетом того, что перед Ли находился перепуганный Хукер. Не теряя ни минуты, Ли направил к месту прорыва одну дивизию, затормозившую наступление Седжвика около сельской церкви на полпути между Фредериксбергом и Ченселлорсвиллом. На следующий день Ли перебросил туда еще одну дивизию, чтобы на этот раз уже атаковать федералов. После этого перед 75-тысячной армией Хукера остались лишь 25 тысяч южан под командованием Стюарта, но Ли словно знал, что его оцепеневший визави останется пассивен. Во второй половине дня 4 мая разрозненная атака 21 тысячи конфедератов против равной по численности группировки Седжвика была отражена, однако последний, узнав о фактическом поражении Хукера, под покровом ночи отвел свои войска назад за Раппаханнок.

На ночном военном совете командование северян высказалось за контрнаступление, однако Хукер, что стало для него характерно, пренебрег мнением подчиненных и решил отступить за реку. Под ливнем следующей ночью Потомакская армия выполнила эту нелегкую задачу. На утро 6 мая Ли, полный решимости действовать, планировал новое наступление и выразил сожаление, что, как и прошлым летом, федеральная армия избежала уничтожения. В любом случае, он одержал несомненную победу, что признали и на Севере. Без поддержки Лонгстрита, уступая в численности фактически вдвое, попавшись сперва на хитрость противника, генерал Ли перехватил инициативу, перешел в наступление и перегруппировал свои войска так, что на участке атаки у него было превосходство или, по крайней мере, равенство в силах. Хукер, словно кролик, загипнотизированный удавом, замер в неподвижности и не использовал и половины из вверенных ему сил.

Однако триумф при Ченселлорсвилле дался дорогой ценой. Конфедераты потеряли 13 тысяч человек (22% своей армии), тогда как потери федералов составили 17 тысяч (15%). Самой тяжелой потерей была гибель Джексона, так много сделавшего для победы. К тому же эмоциональный подъем, который испытал Юг, оказался даже пагубным, так как породил самоуверенность и презрение к потерпевшему поражение врагу. Уверовав в непобедимость своих сил, Ли готовился потребовать от них невозможного.

Во время битвы Линкольн фактически обосновался на телеграфе военного министерства. В течение нескольких дней он получал только обрывочные и противоречивые сведения. Когда 6 мая картина прояснилась, лицо президента, по выражению находившегося рядом с ним репортера, стало «мертвенно-бледным». «Боже мой! — воскликнул Линкольн, — что скажет общество?» Сказано было немало, и все сказанное было нелицеприятным. «Медянки» увидели в поражении лишнее доказательство того, что Север никогда не сможет подчинить себе Юг силой. Республиканцы пришли в отчаяние. «Все, абсолютно все потеряно!» — вскричал узнавший о Ченселлорсвилле Чарльз Самнер²⁸.

Весной 1863 года боевой дух северян упал до последнего предела. Известия об успехах Гранта в Миссисипи доходили медленно, и общая картина выглядела туманно, особенно в свете неудачного

28 Brooks N. *Washington in Lincoln's Time*. NY, 1896. P. 57—58; *Diary of Gideon Welles*. 3 vols. NY, 1960. I. P. 293.

штурма Виксберга 19 и 22 мая. Роузкранс топтался на месте в центральной части Теннесси, ничего не предприняв со времен своей достигнутой большой кровью новогодней победы при Стоунз-Ривер. Атака на форт Самтер, предпринятая 7 апреля восемь якобы непобедимыми броненосцами-мониторами, была с легкостью отбита, что подмочило репутацию флота. Эта атака должна была стать первым шагом к захвату Чарлстона, чье символическое значение заметно превосходило стратегическое. Провал броненосцев вновь подчеркнул, что при всей защищенности их эффективность остается весьма ограниченной. С одной стороны, артиллерия мятежников произвела более 2200 выстрелов, поразила корабли 440 раз и потопила только один из них, но с другой — большинство броненосцев получили повреждения орудийных башен, что ограничило их возможности наносить удары. Флот ответил 140 выстрелами и произвел только 40 попаданий. Большие надежды, связанные со штурмом колыбели мятежа, были разбиты. Союзная армия начала медленное, унылое и в конечном счете безуспешное продвижение вдоль береговой линии через болота в попытке взять Чарлстон измором.

III

В Конфедерации не могли долго поживать на лаврах побед Ли в Виргинии или Борегара под Чарлстоном. Армия Хукера близ Раппаханнока, хотя и побежденная, по-прежнему составляла 90 тысяч человек. Грант завоевывал Миссисипи. Роузкранс начал подавать признаки жизни в центральной части Теннесси. Юг, испытывавший давление со всех сторон, нуждался как в успешных оборонительных, так и в наступательных действиях, и Лонгстрит решил внести свою лепту. По дороге к реке Раппаханнок он, находясь во главе двух не участвовавших в битве дивизий, 6 мая остановился в Ричмонде для встречи с военным министром Джеймсом Седдоном. Лонгстрит предлагал перебросить свои дивизии на помощь Брэггу в Теннесси, который тогда смог бы отбросить армию Роузкранса назад в Огайо. Это вынудило бы Гранта свернуть осаду Виксберга и отправиться на выручку Камберлендской армии. Седдон в целом не возражал против предложения Лонгстрита, но предложил тому отправиться в Миссисипи на помощь Джонстону и Пембертону, а после того как они разобьют Гранта, уже заняться Роузкрансом. Джефферсон Дэвис также одобрил этот план, так как его беспокоила судьба родного

штата; ко всему прочему, он считал оборону Виксберга важнейшей задачей.

Однако Ли наложил на эту инициативу свое вето. Дивизиям Лонгстрита потребовалось бы несколько недель, чтобы покрыть тысячу миль до Миссисипи по разбитым дорогам. Если бы Виксберг был способен продержаться столь долгое время, то, по мнению Ли, можно было бы обойтись и без посылки подкреплений, так как «июньский климат вынудит врага уйти». Вместо этого Потомакская армия могла бы перейти в наступление на ослабленные позиции южан. Хотя Ли и удалось сдержать Хукера без двух дивизий, ему их недоставало, как недоставало и резервов. В общем, подвел итог Ли, «выбор лежит между Виргинией и Миссисипи»²⁹.

Мнение Ли было настолько веским, что Дэвис не мог не согласиться с ним. Президента по-прежнему беспокоили вести из Миссисипи, и он вызвал Ли на совещание в Ричмонд 15 мая. Там генерал увлек Дэвиса и Седдона новым планом: он собирался с мощной армией вторгнуться в Пенсильванию и нанести поражение северянам на их территории. Это могло бы отвлечь армию противника от Раппаханнока, войска ушли бы из разоренной войной Виргинии и нашли бы пропитание на вражеской земле. Также этот шаг усилил бы позиции «мирных» демократов, дискредитировал республиканцев, вновь открыл бы возможности для признания Конфедерации внешним миром и, возможно, даже форсировал бы мирные переговоры и признание Конфедерации со стороны Союза.

Кабинет министров внимал Ли как зачарованный. Единственным, кого не впечатлил этот план, был генеральный почтмейстер Джон Рейган. Только он представлял в кабинете земли западнее Миссисипи (а именно Техас), и только он полагал, что для Конфедерации важнее сохранить Виксберг как связующее звено двух ее частей³⁰. Однако Ли удалось убедить остальных, что даже если погода не изгонит янки из Миссисипи, то это сделает успешное вторжение Виргинской армии в Пенсильванию. После Ченселлорсвилла возможным казалось буквально все. «В армии еще никогда не собирались подобные люди, — говорил Ли о своих солдатах. — Они пойдут куда угодно и выполнят что угодно, если дать им умелых командиров». Авторитет Ли, чья слава, по словам одного из членов кабинета

29 O. R. Ser. I. Vol. 25, pt. 2. P. 790. Анализ этих событий см.: Jones A. Confederate Strategy from Shiloh to Vicksburg. Baton Rouge, 1961. P. 206—214.

30 Reagan J. H. Memoirs, with Special Reference to Secession and the Civil War. Austin, 1906. P. 120—122, 150—153.

министров, «распространилась во всем мире», был настолько высок, что ему удалось настоять на своем. Даже Лонгстрит согласился с его мнением и писал сенатору от Техаса Уигфоллу: «Когда я выражал согласие с Седдоном и с Вами по вопросу о переброске войск на запад, мне казалось, что на востоке нас ждет только оборона. Однако заманчивые перспективы наступления изменили положение вещей»³¹.

Итак, Ли занялся реорганизацией пополненной армии, разбив ее на три пехотных корпуса и шесть кавалерийских бригад — всего 75 тысяч человек. Командующим нового (3-го) корпуса стал Эмброуз Хилл, а 2-й корпус Джексона перешел к Ричарду Юэллу, чья деревянная нога напоминала о ранении во втором сражении при Булл-Ране. Северовиргинская армия, использовав целый месяц для отдыха и переформирования, была готова к вторжению значительно лучше, чем в сентябре 1862 года. Боевой дух был высок, большинство солдат получили хорошую обувь, от маршевой колонны почти никто не отстал: так началось наступление через долину Шенандоа. В авангарде шел корпус Юэлла, овеянный славой успешной прошлогодней кампании в долине под командованием Джексона; уже в этом году ему удалось захватить в плен 3500 человек — гарнизоны северян в Уинчестере и Мартинсберге.

Этот успех и оказавшийся беспрепятственным марш доблестных южан на Пенсильванию посеял панику на Севере и усилил эйфорию на Юге. «С самого начала войны истинным стремлением южан было вторжение, — заявила *Richmond Examiner*, после того как из Пенсильвании пришли первые вести о победе. — Марш армии генерала Ли... имеет колоссальную важность, так как он покажет... легкость, с которой будет захвачен Север... Даже китайцы больше

31 The Wartime Papers of R. E. Lee. Boston, 1961. P. 490; Foote S. Civil War. II. P. 432; Jones A. Confederate Strategy... P. 208. После войны между Лонгстритом и некоторыми виргинскими генералами возникла полемика касательно ответственности за поражение при Геттисберге. Виргинцы критиковали Лонгстрита за его равнодушие к вторжению в Пенсильванию и особенно за его, как им казалось, медлительность и неумелое командование войсками при наступлении 2—3 июля. В лучшем случае такие заявления делались по недоразумению, а в худшем — злонамеренно. Как показывает приведенное письмо, Лонгстрит поддерживал вторжение, хотя позже и говорил, что, одобряя стратегическое наступление, выступал за оборонительную тактику на вражеской территории, при этом Лонгстрит утверждал, что Ли согласился с его доводами, однако других свидетельств того, что командующий собирался наступить на горло собственной песне, нет. См.: Tucker G. Lee and Longstreet at Gettysburg. Indianapolis, 1968; Connelly Th. L. The Marble Man: Robert E. Lee and His Image in American Society. NY, 1977. Ch. 3.

готовы к вооруженному сопротивлению, чем янки с их привычками и воспитанием... Наши армии... вторгнутся далеко вглубь вражеской территории, где с помощью разрушения жизненно важных центров северян мы принудим их к миру». Эта передовица датирована 7 июля 1863 года³².

А пока успешное вторжение омрачал лишь один инцидент. 9 июня союзная кавалерия большой массой пересекла Раппаханнок в 25 милях севернее Фредериксберга, чтобы выяснить намерения Ли. Воспользовавшись тем, что Стюарт позволил себе короткий отдых, «синие мундиры» убедились: враг начал движение на Север. Кавалерия мятежников взяла себя в руки и отбросила противника на исходные позиции в результате битвы при Бренди-Стейшн, которая стала крупнейшим кавалерийским сражением войны. Южная пресса критиковала Стюарта за то, что его «обленившуюся кавалерию» удалось застать врасплох³³. Стюарт был уязвлен и рассчитывал вновь снискать славу в ходе вторжения на Север. Его войска умело прикрывали действия пехоты, но поднимавшаяся на новый уровень кавалерия северян также не дала Стюарту возможности узнать о планах Хукера. Чтобы найти выход из этого тупика, Стюарт возглавил рейд трех своих лучших бригад в обход арьергарда пехоты противника, шедшей на Север по следам Ли. В своей начальной стадии набег этот встревожил Вашингтон и посеял панику в Пенсильвании. Однако Стюарт отсутствовал в расположении Северовиргинской армии целую неделю, что в решающий момент лишило Ли сведений о передвижениях врага.

Тем не менее именно в эти безмятежные июньские дни Конфедерация достигла своих наибольших успехов. Ли запретил грабить население Пенсильвании, чтобы продемонстрировать миру, что южане не являются такими же вандалами, как федералы, опустошавшие Юг. Справедливости ради скажем, что не все мятежники воздерживались от грабежей и поджогов. Так, они разрушили металлургический завод, принадлежавший Тадеусу Стивенсу, повредили значительную часть железнодорожного полотна, провели принудительные реквизиции денежных средств у банкиров и торговцев (например, 28 тысяч долларов в одном только Йорке), а также брали все, что могло быть им

32 То есть спустя четыре дня после поражения конфедератов при Геттисберге. Весть об этом достигла Ричмонда лишь 9 июля, и еще день-два потребовалось, чтобы постичь смысл произошедшего и оставить оптимистичный тон.

33 *Freeman D. S. Lee's Lieutenants: A Study in Command*. 3 vols. NY, 1942—1944. III. P. 19.

полезно (обувь, одежду, лошадей, скот и продовольствие), выдавая взамен долговые расписки. Вторжение армии Ли обернулось опустошением южных и центральных районов Пенсильвании. В Чеймберсберге интендант корпуса Лонгстрита приказал крушить лавки тополами, пока владельцы не отдали ему ключи от своих складов. Одной фермерше, протестовавшей против угона свиней и скота, Лонгстрит отвечал: «Согласен, мадам, это очень и очень печально; вы только представьте, такое происходит в Виргинии уже два года! Очень, очень печально». Также солдаты южан захватили в Пенсильвании сотни чернокожих и продали их на Юг в рабство³⁴.

Сдержанность Ли в отношении белого населения объяснялась еще и его стремлением завоевать симпатии «медянок». Он питал большие надежды на «становление мирной партии на Севере» как на средство «внесения раскола в ряды врагов и их ослабления». Действительно, писал Ли Дэвису 10 июня, «медянки» выступают за восстановление Союза посредством мирных переговоров, тогда как Юг ставит целью полную независимость, но, по мнению Ли, хуже не будет, если заигрывать с выразителями юнионистских устремлений, так как это ослабит поддержку войны на Севере: «В конце концов, в этом мы и заинтересованы. Когда нам предложат мирные переговоры, можно будет выиграть время, обсуждая их условия. Неблагоразумно будет с ходу отвергнуть это предложение только потому, что те, кто внес его, полагают, что результатом станет возрождение Союза». Если Дэвис согласен с доводами Ли, то, как сказал последний, «президент лучше всех знает, как осуществить этот план»³⁵.

Дэвис и в самом деле считал, что Ли несет на кончике своей обнаженной шпаги мирные предложения Северу. В середине июня Александр Стивенс высказал мнение, что в свете «неудач Хукера и Гранта», возможно, настало время сделать некоторые шаги в сторону переговоров о мире. Стивенс также предлагал отправиться к своему старому другу Линкольну в качестве парламентаря и обсудить возобновление обмена военнопленными, приостановившегося вследствие отказа конфедератов обменивать чернокожих. Этот вопрос мог бы

34 Цит. по: *Lord W. The Fremantle Diary: Being the Journal of Lieutenant Colonel James Arthur Lyon Fremantle, Coldstream Guards, on his Three Months in the Southern States.* Boston, 1954. P. 224. См. также: *Coddington E. B. The Gettysburg Campaign: A Study in Command.* NY, 1968. P. 153—179. Одна жительница Чеймберсберга так описывала захват конфедератами нескольких женщин и детей в этом городе: «Их гнали в точности так, как мы гоним скот». *Mohr J. C. The Company Diaries: A Northern Family in the Civil War.* Pittsburgh, 1982. P. 328—330.

35 *Wartime Papers of Lee.* P. 507—509.

послужить началом для выдвижения мирных инициатив. Такая идея заинтересовала Дэвиса — он издал официальное распоряжение, назначив Стивенса ответственным за обмен военнопленными и другие процедурные вопросы. Какие неофициальные полномочия при этом получил вице-президент, осталось тайной. 3 июля он сел на корабль, который под парламентарским флагом отправился вниз по реке Джемс в распоряжение северян в Норфолке — таким был первый этап его вояжа, на который он возлагал столь большие надежды³⁶.

Марш армии Ли также возродил надежды конфедератов на признание Юга со стороны европейских держав. Вслед за победой при Ченселлорсвилле Джон Слайделл, находившийся в Париже, осведомился при французском дворе, «не настало ли время вернуться к вопросу о признании Конфедерации». Наполеон, разумеется, согласился, но не собирался действовать независимо от Великобритании. А в этой стране слухи об успехах Ли побудили сторонников Конфедерации к энергичным действиям. Весь июнь по обе стороны Ла-Манша проходили бесконечные консультации дипломатов-южан и их союзников, в ходе которых был разработан план, как добиться от парламента одобрения совместных англо-французских действий по признанию Юга. Наполеон III поддержал это начинание. Однако член парламента, выступивший с данным предложением — миниатюрный и импульсивный Джон Роубак, которого Джон Адамс называл «сумасшедшим больше чем на три четверти», — в своей речи от 30 июня наговорил много лишнего. Он неосторожно раскрыл все детали своей встречи с французским императором. Сама мысль о том, что «лягушатники» будут диктовать британцам их внешнюю политику, была для Джона Булля как красная тряпка для настоящего быка. Инициатива Роубака потонула в антифранцузской риторике, но британские сторонники признания Конфедерации с нетерпением ждали новостей о триумфе Ли в Пенсильвании. «Дипломатические средства исчерпаны, — писал 11 июля из Лондона журналист-конфедерат Генри Хотце, — и все мы ждем, что Ли завоюет для нас признание Европы»³⁷.

Северяне за пределами Соединенных Штатов также слишком хорошо понимали, что было поставлено на карту в эти июньские дни

36 *Stephens A. H. A Constitutional View of the Late War Between the States. 2 vols. Chicago, 1868—1870. II. 557—568; Davis. V. 513—519.*

37 *Owsley F. L. King Cotton Diplomacy. Chicago, 1931. P. 465; A Cycle of Adams Letters 1861—1865. 2 vols. Boston, 1920. II. P. 40; Jenkins B. Britain and the Civil War for the Union. 2 vols. Montreal, 1974—1980. II. P. 313.*

1863 года. «Истина в том, — писал Генри Адамс, — что все теперь зависит от нашей армии». В самом Вашингтоне Линкольн был недоволен темпами реорганизации армии Хукера. Когда Хукер в начале июня узнал о передвижениях Ли, он поначалу хотел форсировать Раппаханнок и напасть на арьергард южан. Линкольн не одобрил этот план и предложил Хукеру дать сражение главным силам южан, не пересекая реку, иначе армия окажется «зажата у реки, словно бык у забора: собаки кусают его спереди и сзади, а он не может ни бодаться ни лягаться». На Хукера это не произвело впечатления, и несколько дней спустя он предложил: раз Северовиргинская армия движется на север, то Потомакская армия должна двинуться на Юг и атаковать Ричмонд! Линкольн начал подозревать, что Хукер попросту боится новой встречи с Ли. «Я думаю, что вашей истинной целью является армия Ли, а вовсе не Ричмонд, — телеграфировал он Хукеру. — Если Ли двинется к верховьям Потوماка, следуйте параллельным курсом... и дайте сражение при первой же удобной возможности». Голова вражеской колонны была уже в Уинчестере, а хвост — еще во Фредериксберге: «Так что шкура чудовища в каком-то месте весьма уязвима. Прошу вас, разбейте их!»³⁸

Хотя Хукеру со скрипом удалось привести свою армию в движение, он все же не успел воспрепятствовать форсированию южанами Потوماка. Однако эта новость даже воодушевила Линкольна. Он написал Хукеру: «[Судьба] возвращает вам шанс [уничтожить вражеские войска вдали от их баз], шанс, который, как я полагал, Макклеллан безвозвратно упустил прошлой осенью». Военно-морскому министру Уэллсу Линкольн сказал: «Мы не можем не разбить их, если у нас будет подходящий командир». К тому времени президент убедился, что Хукер таковым не является: генерал начал выражать беспокойство, что противник превосходит его по численности, что ему нужно больше солдат и что правительство не поддерживает его. Выглядевший «грустным и озабоченным», президент сообщил членам своего кабинета, что Хукер превратился в подобие Макклеллана. 28 июня он освободил Хукера от должности и назначил на его место Джорджа Гордона Мида³⁹.

Если бы спросили мнение простых солдат, то большинство из них, вполне возможно, высказалось бы за возвращение Макклеллана. Хотя Мид прошел путь от командира бригады до командира корпуса

38 Cycle of Adams Letters. II. P. 40—41; CWL. VI. P. 249, 257, 273.

39 CWL. VI. P. 281; Diary of Gideon Welles. I. P. 340, 344, 348.

и имел хороший послужной список, для тех, кто ранее не служил под его началом, его имя ничего не говорило. Впрочем, к тому времени, набив шишек под командованием неумелых военачальников, солдаты обрели такую уверенность в себе, что им по большому счету было наплевать на личность командира. По наблюдению одного офицера, «в солдатах появилось что-то от английского бульдога». «Вы можете бить их снова и снова, но на каждый следующий бой они выходят с такой же уверенностью, как и прежде. Они привыкли к поражениям и не вспоминают о них. Не в этот день, так в другой настанет и наш черед»⁴⁰. По мере продвижения армии вглубь Пенсильвании мирное население все больше приветствовало их как друзей, а не поносило как врагов. Их боевой дух рос буквально с каждым шагом. «Энтузиазм наших ребят выше раза в три по сравнению с теми временами, когда мы стояли в Виргинии, — писал военный врач. — Мысль о том, что Пенсильвания подверглась вторжению и мы сражаемся на своей земле, влияет на них очень сильно. Они настроены гораздо более решительно, чем когда-либо»⁴¹.

Когда Мид принял командование, 90 тысяч боеспособных солдат и офицеров были расквартированы в районе Фредерика (Мэриленд). Вражеские корпуса Лонгстрита и Хилла находились в сорока милях к северу близ Чеймберсберга (Пенсильвания). Часть корпуса Юэлла стояла в Йорке, угрожая захватить железнодорожный мост через реку Саскуэханна, а другая — в Карлайле, готовясь двинуться на Гаррисберг с целью перерезать основную ветку Пенсильванской железной дороги и захватить столицу штата. Как и надеялся Линкольн, Ли с армией оторвался от тыловых баз, но он сделал это сознательно. Подобно армии Гранта в Миссисипи, южане имели с собой достаточное количество боеприпасов, а провиант добывали на месте. Впрочем, основной проблемой для Ли были не припасы, а отсутствие Стюарта, без которого невозможно было выяснить точное местонахождение врага. В противовес южанам, Мид имел точные сведения об их передвижениях и быстро двигался навстречу.

Ночью 28 июня один из разведчиков Лонгстрита доложил, что Потомакская армия находится к северу от одноименной реки. Встревоженный близостью сил противника, тогда как его части были раскиданы то тут то там, Ли решил вызвать дивизии корпуса Юэлла

40 War Diary and Letters of Stephen Minot Weld 1861—1865. Boston, 1912. P. 213 (Уэлд был капитаном 18-го Массачусетского пехотного полка).

41 Wiley B. I. Billy Yank. P. 283.

из Йорка и Карлайла. Тем временем одна из дивизий корпуса Хилла узнала о возможной доставке партии обуви в Геттисберг, процветающий город, находившийся на перекрестке множества дорог. Так как Ли намеревался объединить свою армию именно возле Геттисберга, Хилл приказал этой дивизии выступить туда 1 июля, чтобы «получить свои башмаки».

Когда «обувщики» Хилла прибыли утром в Геттисберг, перед ними оказались не только дозоры и ополченцы. Накануне город заняли две бригады союзной кавалерии. Командовал ими побывавший во многих переделках опытный вояка Джон Буфорд, который, как и Линкольн, родился в Кентукки, а карьеру сделал в Иллинойсе. Буфорд оценил стратегическую важность этого перекрестка дорог, удобство холмистой местности для обороны. Ожидая, что мятежники пойдут именно этим путем, Буфорд расположил свои бригады, вооруженные казнозарядными карабинами, на высотах к северо-западу от города, и послал курьера к Джону Рейнольдсу, уроженцу Пенсильвании, командовавшему ближайшим пехотным корпусом, с просьбой поспешить к Геттисбергу. По его словам, если битве и суждено состояться, то удобнее места не найти. Когда первая дивизия Эмброуза Хилла утром следующего дня подходила к городу с запада, кавалеристы Буфорда были готовы ее встретить. Спешившись, они отстреливались из-за оград и деревьев, сдерживая втрое превосходившего их врага в течение двух часов, пока в обе стороны не поскакали курьеры за подкреплением. Ли приказал своим подчиненным не ввязываться в генеральное сражение до окончания концентрации всей армии, но сражение превратилось в генеральное само по себе, так как пехота обеих армий, услышав канонаду, стала подтягиваться к Геттисбергу.

Уставшие люди Буфорда уже готовы были податься назад, как в город быстрым шагом вошла головная дивизия 1-го корпуса Рейнольдса и остановила наступление мятежников. Одним из подразделений этой дивизии была «Железная бригада» — пять полков, сформированных из уроженцев Среднего Запада, носивших особые черные шляпы. Бригада и здесь подтвердила свою славу лучшей части Потомакской армии и вновь понесла гигантские потери: две трети наличного состава. Самой тяжелой для северян в первый день битвы была потеря Джона Рейнольдса, которого многие считали лучшим генералом в армии: он пал, сраженный пулей снайпера. 11-й («немецкий») корпус генерала Ховарда прибыл к полю боя, развернулся к северу от города и тут же встретился лицом к лицу с передовыми частями 2-го корпуса Юэлла, подошедшего после

форсированного марша от Саскуэханны. После полудня около 24 тысячи конфедератов стояли напротив 19 тысяч «синих мундиров» вдоль полукруга длиной в три мили к западу и северу от Геттисберга. К полю битвы не прибыл еще ни один главнокомандующий, да они и не предполагали давать здесь сражение. Однако независимо от их намерений битва, которой суждено было стать крупнейшей и самой важной в этой войне, началась.

Ли прибыл в тот момент, когда сходились дивизии Юэлла и Ховарда. Быстро оценив ситуацию, он изменил свое намерение, решив не ждать по-прежнему находившийся достаточно далеко корпус Лонгстрита, и приказал Хиллу и Юэллу послать в бой все имевшиеся у них силы. Издав свой клич, четыре дивизии южан бросились в атаку со ставшей уже привычной неотразимой страстью. Правый фланг корпуса Ховарда дрогнул, так же как при Ченселлорвилле. Поскольку 11-й корпус в беспорядке отступал через город к холму Семетри-Хилл в полумиле к югу от Геттисберга, правое крыло 1-го корпуса осталось без прикрытия, и эти опытные солдаты также вынуждены были ярд за ярдом отступать к холму, где союзная артиллерия и дивизия, предусмотрительно оставленная Ховардом в резерве, приостановили атаку мятежников. В этот момент можно было предсказать очередную блестящую победу конфедератов.

Но Ли прекрасно видел, что, пока противник удерживает высоту к югу от города, о завершении битвы говорить рано. Он также знал, что оставшаяся часть Потомакской армии спешит к Геттисбергу, поэтому лучший шанс выиграть битву состоял в том, чтобы занять все возвышенности до подхода основных сил врага. Ли отдал Юэллу приказ действовать по своему усмотрению и «по возможности» взять Семетри-Хилл. Был бы жив Джексон, он, безусловно, нашел бы эту возможность. Но Юэлл не был Джексонем. Сочтя оборону северян слишком прочной, он не решился атаковать, создав тем самым одно из многочисленных «если бы» Геттисберга, которые поминались еще долгие годы. Когда уже стужались сумерки, на поле боя прибыл 2-й федеральный корпус генерала Уинфилда Скотта Хэнкока и образовал оборонительную линию по холмам Калпс-Хилл и Семетри-Хилл, протянувшуюся на две мили по хребту Семетри-Ридж вплоть до холма Литтл-Раунд-Топ. После того как прибыли еще три союзных корпуса вместе с самим Мидом, «синие мундиры» сделали эту линию неприступной. Северяне не только заняли господствующие высоты, но благодаря выпуклому характеру своего фронта могли легко перебрасывать бойцов с одного участка на другой.

Изучив эту укрепленную линию через полевой бинокль вечером 1 июля и утром следующего дня, Лонгстрит пришел к выводу, что она неприступна для атаки. Он предложил Ли сдвинуться к югу и расположиться между северянами и Вашингтоном. Это бы вынудило Мида атаковать Северовиргинскую армию на ее условиях. Лонгстрит был сторонником тактической обороны: он брал за образец Фредериксберг, где федеральные дивизии были растерзаны в клочья, тогда как потери южан оказались минимальны. Лонгстрит не сражался под Ченселлорсвиллом, не было его и при начале сражения при Геттисберге — он появился только после того, как улюлюкающие мятежники вытеснили федералов из города. Ли помнил свои предыдущие битвы. Он не довершил долгожданное «уничтожение» армии противника ни во время Семидневной битвы, ни под Ченселлорсвиллом, и сейчас Геттисберг предоставлял ему третий шанс⁴². Боевой дух его ветеранов был высок как никогда — они, как полагал Ли, сочли бы маневр, предлагаемый Лонгстритом, отступлением и потеряли бы свой наступательный кураж. Согласно отчету британского наблюдателя, сопровождавшего конфедератов в этом походе, солдаты не могли дождаться, когда же им прикажут атаковать врага, «которого они постоянно громили» и к боевым качествам которого питали «глубокое презрение». Ли решил спустить их с цепи. Указывая на Семетри-Хилл, он сказал Лонгстриту: «Враг находится там, и именно там я собираюсь атаковать его». Лонгстрит возразил: «Раз враг там, то это значит, что он насторожен и ждет атаки; мне кажется, разумно будет от нее воздержаться». Однако Ли уже принял решение, и Лонгстрит удалился в расстроенных чувствах, будучи убежден, что грядет катастрофа⁴³.

Зная о недовольстве Лонгстрита, Ли тем не менее именно ему поручил возглавить решающую атаку 2 июля. Две из трех дивизий

42 Двадцать лет спустя Айзек Тримбл, один из дивизионных командиров южан при Геттисберге, «почти дословно» пересказал отрывок своей беседы с Ли, состоявшейся 27 июня, за четыре дня до битвы. Когда Поттомаская армия пошла в Пенсильванию по следам южан, Ли сказал Тримблу: «Я брошу на них все свои силы, сокрошу, разовью успех, уничтожив один корпус за другим, действуя мощно и внезапно... посею в их рядах панику и лишу Север армии... [Тогда] война закончится, и мы добьемся признания нашей независимости» (*Freeman D. S. R. E. Lee: A Biography*. 4 vols. NY, 1934—1935. III. P. 58—59).

43 Lord W. The Fremantle Diary. P. 205; сообщение Лонгстрита о его разговоре с Ли появилось в двух статьях, написанных годы спустя: Lee in Pennsylvania // *Annals of the War*. Philadelphia, 1879. P. 421; Lee's Right Wing at Gettysburg // *Battles and Leaders*. III. P. 339—340.

корпуса Хилла понесли накануне тяжелые потери и не могли продолжать бой. Юэлл по-прежнему считал позиции северян на Семетри-Хилл и Калпс-Хилл неприступными. Ли неохотно согласился с его доводами и потому приказал двум свежим дивизиям Лонгстрита (третья, под командованием Джорджа Пикетта, находилась в арьергарде и не смогла прибыть на поле боя вовремя) атаковать левый фланг северян, удерживавший южную оконечность хребта Семетри-Ридж. В наступлении должна была участвовать и свежая дивизия Хилла, в то время как Юэлл должен был осуществить отвлекающую демонстрацию на правом фланге федералов, а когда Мид ослабит этот фланг путем переброски войск на левое крыло, демонстрация должна была превратиться в полноценную атаку. Если бы этот план сработал, то оба фланга врага были бы смяты и Ли записал бы на свой счет вторые Канны⁴⁴.

Сложно понять душевное состояние Лонгстрита, пока он готовил эту атаку. Он был единственным неvirгинцем, занимавшим высокий командный пост в Северовиргинской армии (и единственным видным генералом Конфедерации, ставшим после войны членом Республиканской партии). После войны Лонгстрит стал объектом ожесточенной критики со стороны виргинцев за неповиновение приказу и медлительность в битве при Геттисберге. Его вину в поражении в этой битве и, косвенно, во всей войне. В чем-то эта критика имела целью обелить Ли и других виргинцев (прежде всего Стюарта и Юэлла). Но Лонгстрит и вправду медлил под Геттисбергом. Хотя Ли хотел атаковать как можно раньше, корпус Лонгстрита смог начать движение лишь в четыре часа пополудни. Для такой задержки, впрочем, имеются и смягчающие обстоятельства: две его дивизии были на марше всю ночь, чтобы успеть к Геттисбергу, а затем их послали на позиции окольным путем, чтобы они не были замечены сторожевым постом северян на Литтл-Раунд-Топ — высоком холме на южном окончании позиции федералов. Кроме этого, самолюбие Лонгстрита могло быть задето отказом Ли от его предложения, а в успех атаки, которую ему поручили возглавить, он не верил. Как

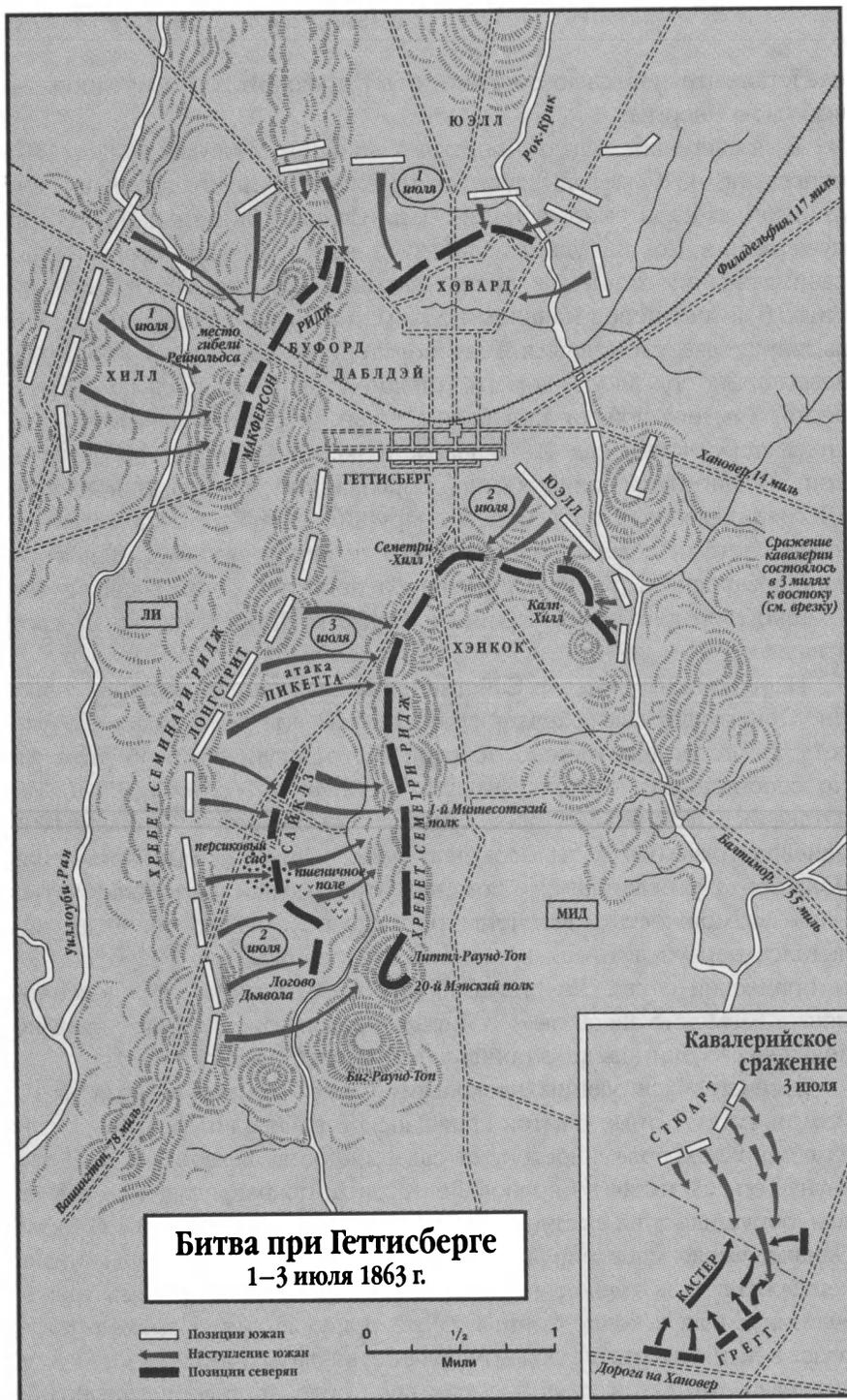
44 Битва при Каннах состоялась в 216 г. до н. э. В результате этой битвы карфагенский полководец Ганнибал разбил и практически полностью уничтожил армию Рима (которая, по случайному совпадению, имела почти такую же численность, что и Потомакская армия под Геттисбергом), применив стратегию двойного охвата и уничтожив оба фланга неприятеля. В военном искусстве Канны служат нарицательным символом полной тактической победы с причинением большого ущерба живой силе врага.

следствие, трудно было ожидать, что он вложит в это предприятие всю свою энергию.

В довершение всего Лонгстрит обнаружил левый фланг янки отнюдь не на Семетри-Ридж, где их видели разведчики южан. Это произошло из-за самоуправства Дэна Сайклза, командира 3-го корпуса армии Союза, удерживавшего левый фланг. Встревоженный своим расположением в низине у южной оконечности Семетри-Ридж (как раз перед началом подъема на Литтл-Раунд-Топ), Сайклз выдвинул две свои дивизии на полмили вперед, заняв крохотную возвышенность вдоль дороги, шедшей на юго-запад от Геттисберга. Там его войска заняли выступ, на вершине которого находился персиковый сад, а на левом краю, как раз под Литтл-Раунд-Топ, — нагромождение камней, прозванное местными жителями «Логово дьявола». Этот маневр нарушил связь корпуса с остальными частями северян и сделал его позицию уязвимой для атаки с обоих флангов. Когда Мид узнал о поступке Сайклза, было уже слишком поздно его возвращать, так как Лонгстрит начал свою атаку.

Необдуманный маневр Сайклза непреднамеренно нарушил планы Ли. Обнаружив левый фланг врага не там, где он ожидал его увидеть, Лонгстрит, возможно, должен был предупредить об этом Ли. По сообщениям разведки, высоты Литтл-Раунд-Топ и Биг-Раунд-Топ оставались незанятыми, предоставляя возможность для флангового маневра и выхода в тыл союзных войск. Дивизионные командиры Лонгстрита предлагали ему поменять схему атаки и воспользоваться такой возможностью. Но Лонгстрит уже по меньшей мере дважды пытался переубедить Ли, и ему не хотелось слышать очередной категорический отказ. Ли приказал ему вести атаку в определенном месте, и именно здесь он и собирался атаковать. В четыре часа полудни его бригады построились и пошли в наступление.

В течение следующих нескольких часов произошли одни из самых кровопролитных схваток Гражданской войны: в персиковом саду, на пшеничном поле к востоку от сада, в «Логове дьявола» и на Литтл-Раунд-Топ. 15 тысяч ветеранов Лонгстрита, подбадривавших себя ревом, обрушились на выступ и привели в смятение пехотинцев Сайклза. Однако, умело маневрируя, Мид и его подчиненные заткнули брешь, перебросив туда свежие части трех других корпусов. Часть свежей дивизии Хилла в конце концов также присоединилась к Лонгстриту, тогда как на противоположном фланге солдаты Юэлла пошли в запоздалую атаку и, к тому времени как контрнаступление федералов

и опустившаяся темнота остановили их, сумели достичь весьма немногочисленного.

Самая отчаянная схватка проходила на участке наступления Лонгстрита, где два полка Союза, 20-й Мэнский и 1-й Миннесотский, покрыли себя неувядаемой славой. Возвышаясь над окружающим ландшафтом, два холма Раунд-Топ господствовали над южной оконечностью Семетри-Ридж. Если бы мятежникам удалось установить на них артиллерию, они могли бы обстреливать левый фланг федералов. Выдвижение вперед Сайклза оставило холмы без защиты. Алабамская бригада южан отправилась брать Литтл-Раунд-Топ. Еще несколько минут назад на нем не было никого, кроме одинокого сторожевого поста северян, но начальник инженерной службы Мида генерал Гувернер Уоррен успел оценить эту ситуацию до подхода вражеских войск. Галопом спустившись с холма, он убедил командующего 5-м корпусом послать форсированным маршем бригаду на вершину холма, и это было как раз вовремя.

На левом фланге этой бригады двигался 20-й Мэнский полк под командованием полковника Джошуа Чемберлена. Годом ранее Чемберлен еще был профессором риторики и современных языков в Бюден-колледже в Мэне. Взяв отпуск под предлогом обучения в Европе, он вместо этого вступил в армию и в нужный момент со своими земляками оказался в нужном месте. На протяжении почти двух часов они выдерживали непрерывные наскоки полков южан, уцепившись за скалистый, поросший лесом склон, в царстве гари, криков и ужаса. Казалось, что все их усилия пропадут даром. Более трети полка выбыло из строя, а остальные расстреляли все боеприпасы, и с учетом того, что «серые мундиры» готовили новую атаку, Чемберлен оказался перед нелегким выбором. Сохранив хладнокровие, он приказал своим солдатам начать штыковую атаку. Подбадрывая себя криками, прокопченные янки устремились вниз по склону прямо на изумленных южан. Измученные боем на вершине холма, в который пришлось вступить сразу после 25-мильного марша к полю битвы, и потрясенные отчаянной храбростью уроженцев Мэна, алабамцы десятками сдавались в плен. Литтл-Раунд-Топ остался в руках северян. Хотя корпус Сайклза шаг за шагом отходил через персиковый сад, пшеничное поле и «Логово дьявола», левому флангу союзных войск на Литтл-Раунд-Топ больше ничего не угрожало.

Однако в миле к северу другая бригада из Алабамы угрожала прорвать оборонительную линию на Семетри-Ридж примерно в ее центре. Атака южан пришлась прямо в брешь, оставшуюся после движения

Сайклза к персиковому саду. Брешь эту попытались заткнуть части 2-го корпуса Хэнкока, но пока тот перебрасывал резервы, Алабамской бригаде противостояли лишь восемь рот одного-единственного полка. Правда, полк этот был 1-й Миннесотский, состоявший из ветеранов всех сражений, начиная с Булл-Рана. Хэнкок приказал этим 262 солдатам задержать 1600 алабамцев до прихода подкреплений. 1-й Миннесотский выполнил приказ, но живыми остались лишь 47 человек. Когда Хэнкок заткнул брешь, наступление конфедератов на южной части поля битвы выдохлось.

На северном участке переброска федеральных войск от холмов Семетри-Хилл и Калпс-Хилл навстречу Лонгстриту давала корпусу Юэлла шанс превратить свой ложный маневр в настоящую атаку, на что и рассчитывал Ли. Но шанс не был использован. Уже в сумерках несколько бригад Юэлла все же начали атаку и захватили несколько оставленных северянами окопов, но при дальнейшем движении столкнулись с решительным сопротивлением. Две другие бригады южан отгеснили части злополучного 11-го корпуса на Семетри-Хилл, но подошедшая бригада 2-го корпуса отбросила их назад.

Локальные атаки конфедератов 2 июля были плохо организованы и разрознены. Умелое оперативное командование, которым так славилась Северовиргинская армия, отсутствовало в этот день напрочь. Со стороны же северян, напротив, командиры, начиная с Мида и заканчивая полковниками, действовали инициативно и сохраняли хладнокровие. Они перебрасывали свои части на нужные участки и своевременно контратаковали. Как результат, к ночи оборонительная линия федералов оставалась столь же прочной, если не считать потерю Сайклзом созданного им самим плацдарма. Каждая из сторон потеряла не менее 9000 человек, а общее количество потерь за два дня достигло 35 тысяч убитых, раненых и взятых в плен.

Количество жертв уже превзошло все предыдущие сражения этой войны, а битва еще не была закончена. Несмотря на упорное сопротивление врага, Ли верил, что его упрямые ветераны стоят на пороге победы. Еще одно усилие, считал он, и «эти люди» сломаются. Вообще Ли выглядел окрыленным сомнительными успехами прошедших дней, что было нехарактерно для него. В то же время ему досаждал приступ диареи, к тому же раздражало долгое отсутствие Стюарта (измотанные кавалеристы которого только этим днем присоединились к основным силам). Как бы то ни было, решение Ли в создавшейся ситуации было не лучшим. Он пришел в Пенсильванию за безоговорочной победой и не собирался уходить, не добив

шись ее. Он атаковал оба фланга противника, чтобы Мид ослабил центр. 3 июля Ли надеялся силами трех дивизий, со свежей дивизией Пикетта на острие удара, под прикрытием ураганного огня артиллерии прорвать этот ослабленный центр. Стюарт в тылу и Юэлл на правом фланге северян должны были помочь сомкнуть клещи после прорыва Пикеттом фронта. При надлежащей организации и умелом управлении непобедимые войска Ли не могли потерпеть неудачу.

Полуночный военный совет северных генералов также высказался за то, чтобы остаться на поле боя. Предвидя развитие событий, Мид сказал генералу, командовавшему на центральном участке: «Если Ли и будет атаковать завтра, то именно по *центру*»⁴⁵. На рассвете, однако же, начался бой на крайнем правом фланге союзных позиций, у подножия Калпс-Хилла. Соединения 12-го федерального корпуса, переброшенные накануне на левый фланг, ночью вернулись обратно и атаковали с целью вернуть захваченные мятежниками траншеи. В ходе семичасовой перестрелки они одержали верх, что ухудшило шансы Ли на поражение правого фланга противника одновременно с запланированным наступлением по центру.

Пока шла эта схватка, Лонгстрит вновь предложил своему начальнику совершить обход левого фланга Мида. Ли опять ответил отказом и приказал Лонгстриту атаковать по центру силами одной дивизии Пикетта и двух дивизий корпуса Хилла (в общей сложности менее 15 тысяч человек), которые должны были преодолеть 3/4 мили по открытому пространству и штурмовать позиции надежно окопавшихся пехотинцев, поддержанных достаточным количеством артиллерии. Впоследствии Лонгстрит вспоминал, что сказал тогда: «Генерал Ли, в истории еще не было такого, чтобы отряд в 15 тысяч человек смог выполнить подобную задачу». Ли нетерпеливо ответил, что его доблестная армия уже выполняла такие задания и сможет сделать это снова. «Я ушел с тяжелым сердцем, — писал потом Лонгстрит, — предвидя отчаянное и безнадежное наступление и ужасную бойню, которой оно закончится... Этот день под Геттисбергом стал одним из самых горьких в моей жизни»⁴⁶.

С этими мыслями Лонгстрит начал сосредотачивать артиллерию (всего около 150 орудий) для самой масштабной бомбардировки в истории войны, чтобы подготовить прорыв. В 13.07 пушки Лонгстрита разорвали звенящую тишину, наступившую после завершения

45 Gibbon J. The Council of War on the Second Day // Battles and Leaders. III. P. 314.
46 Longstreet J. Lee's Right Wing at Gettysburg // Ibid. P. 343, 345.

утреннего боя на правом фланге северян. Артиллерийская дуэль из 300 орудий велась на протяжении почти двух часов; звуки канонады разносились по пенсильванской земле вплоть до Питтсбурга. Несмотря на неистовый обстрел, пехота северян, укрытая за каменными оградами и брустверами, почти не пострадала — мятежники в основном целились выше их.

Дивизия Пикетта, состоявшая исключительно из виргинцев, с волнением и нетерпением ожидала своего часа. 38-летний Джордж Пикетт был последним в том же выпуске Вест-Пойнта, что и Джордж Макклеллан (выпущенный вторым). Пикетт хорошо проявил себя в войне с Мексикой, но в Гражданской войне держался очень скромно. Его дивизия не сражалась при Ченселлорсвилле и топталась на месте, охраняя обоз в первые два дня битвы при Геттисберге. Носивший длинные курчавые волосы, вислые усы и эспаньолку, Пикетт напоминал то ли типичного южного джентльмена, то ли парходного карточного игрока. Ему были по нраву романтический стиль а-ля сэра Вальтер Скотт, и он надеялся стяжать славу под Геттисбергом.

Наконец, в три часа пополудни Лонгстрит с неохотой отдал приказ о наступлении. В тот момент казалось, что артподготовка конфедератов вывела из строя неприятельские орудия, поэтому вопрос стоял так: сейчас или никогда. С точностью, уместной лишь на парадах, три бригады Пикетта, поддержанные шестью бригадами дивизии Хилла на левом фланге (две находились в резерве), двинулись вперед. Колонна наступавших, растянувшаяся на целую милю, являла собой величественное зрелище, классическую иллюстрацию для учебников по военному искусству. Очевидцы с обеих сторон с трепетом вспоминали эту картину до своего последнего вздоха (многие, впрочем, издали этот вздох в течение ближайшего часа). Атака Пикетта представляла собой миниатюрное отражение всей войны, которую вела Конфедерация: беспримерная храбрость, очевидный первоначальный успех и катастрофа в итоге. Когда казавшаяся непобедимой пехота южан миновала слегка пересеченную местность, артиллерия федералов внезапно проснулась и по мере приближения южан перешла на картечь. Оказалось, что орудия вовсе не были выведены из строя — дальновидный начальник артиллерии генерал Генри Хант приказал прекратить огонь, чтобы сбить южан с толку, сберечь боеприпасы и встретить врага как полагается. Союзная пехота начала стрелять с 200 ярдов, а Вермонтский, Огайский и Нью-Йоркский полки ударили по наступавшим

с флангов. Под невыносимым огнем атака конфедератов захлебнулась. Две-три сотни виргинцев и теннессицев во главе с генералом Льюисом Армистедом прорвали первую линию обороны, после чего Армистед получил смертельные ранения, а его солдаты падали один за другим, как листья на осеннем ветру. Через полчаса все было кончено. Из 14 тысяч конфедератов, пошедших в атаку, едва половина вернулась обратно. Дивизия Пикетта потеряла две трети своего состава; три командира бригад и все тринадцать полковников были убиты или ранены.

Когда те, кто выжил, вернулись к месту, откуда начиналась их самоубийственная авантюра, они увидели Ли и Лонгстрита, формировавших линию обороны на случай предполагаемой контратаки Мида. «Это полностью моя вина, — промолвил Ли, оказавшись среди солдат. — Именно я проиграл эту битву, но вы должны приложить все силы и помочь мне выйти из этого трудного положения. Все добрые солдаты должны сплотиться»⁴⁷. Они и сплотились, по крайней мере часть из них, но Мид не начал контрнаступления. За это его критиковали еще долгие годы. Хэнкок, несмотря на ранение, полученное при атаке Пикетта, предлагал Миду преследовать разбитые бригады Ли силами не участвовавших в битве 5-го и 6-го корпусов. Но на плечах Мида лежала большая ответственность. Он был командующим армии всего шесть дней, три из которых эта армия сражалась за спасение государства (как он представлял свою миссию) и едва преуспела в этом. Мид не мог знать масштабов потерь в стане южан, а также того, что их артиллерия расстреляла почти все свои снаряды. Однако он знал, что Стюарт находится где-то в его тылу — ему еще не сообщили, что кавалерийская дивизия северян остановила Стюарта в трех милях к востоку от Геттисберга, расстроив тем самым и третью часть плана Ли по уничтожению армии Мида. Тем временем два союзных кавалерийских полка на левом фланге к югу от холмов Раунд-Топ напали на пехоту мятежников, опережая ожидаемый приказ о контрнаступлении, однако получили жестокий отпор от готового к такому повороту событий врага. Ближе к вечеру несколько частей 5-го и 6-го корпусов продвинулись дальше «Логова дьявола» и пшеничного поля. Там они отбросили арьергард дивизий Лонгстрита, который отошел на новый оборонительный рубеж. Мид подумывал о наступлении в этом районе на следующий день, 4 июля,

47 Dowdey C. *Death of a Nation: The Story of Lee and His Men at Gettysburg*. NY, 1958. P. 341; Foote S. *Civil War*. II. P. 567—568.

но начавшийся вскоре после полудня ливень не позволил этому плану осуществиться.

Другой причиной недостаточной агрессивности Мида стало его уважение к противнику. Он с трудом мог поверить, что разбил триумфаторов Ченселлорсвилла. Также генерал впоследствии объяснял, что не хотел следовать «плохому примеру [Ли] и вести на смерть собственную армию, атакуя хорошо укрепленные позиции». «Мы сделали достаточно», — сказал он некоему кавалерийскому офицеру, недовольному результатами. В поздравительной телеграмме бывший командир корпуса выразил всеобщее удивление тем фактом, что долгое время терпевшая неудачи Потомакская армия одержала очень важную победу: «Блестящий успех Потомакской армии вдохнул жизнь во всех нас. Я не мог поверить, что такого врага можно разбить»⁴⁸.

Север действительно вдохнул полной грудью. «ПОБЕДА! НОВОЕ ВАТЕРЛОО!» — кричал заголовок в *Philadelphia Inquirer*. Волна ликования захлестнула Вашингтон на следующий день после отражения атаки Пикетта, превратив празднование Дня независимости в самое памятное в истории. «Мне еще никогда не приходилось видеть такие торжества в Вашингтоне», — писал очевидец событий. Когда три дня спустя пришли известия о падении Виксберга, ликование удвоилось. Линкольн вышел на балкон Белого дома и сообщил толпе, выкрикивавшей здравицы в его честь, что «чудовищному мятежу», поставившему цель «низвергнуть принцип равенства всех людей», нанесен сокрушительный удар⁴⁹. Джон Темплтон Стронг из Нью-Йорка с радостью отмечал в своем дневнике: «Результаты этой победы поистине бесценны... Чары непобедимого Роберта Ли развеяны. Потомакская армия наконец обрела генерала, который смог руководить ею, и храбро выдержала все атаки, несмотря на длинный и печальный перечень прошлых неудач... „Медянок” будто парализовало, по крайней мере на какое-то время... Престиж нашего правительства как в стране, так и в мире вырос в несколько раз»⁵⁰.

Стронг и сам не предполагал, насколько верна его последняя фраза. Вице-президент Конфедерации Стивенс, исполнявший парламентерскую миссию, как раз находился в пути, когда битва при Геттисберге достигла кульминации. Джефферсон Дэвис рассчитывал, что

48 O. R. Ser. I. Vol. 27, pt. 3. P. 539; Foote S. Civil War. II. P. 575; Cleaves F. Meade of Gettysburg. Norman (Okla.), 1960. P. 172.

49 Cleaves F. Meade of Gettysburg. P. 171; CWL. VI. P. 319—320.

50 Strong G. T. Diary. P. 330.

Стивенс прибудет в Вашингтон с юга, когда победоносная армия Ли будет маршировать на него с севера. Сообщения о миссии Стивенса и исходе битвы поступили в Белый дом одновременно. Линкольн тут же послал Стивенсу резкий отказ на просьбу о пересечении линии фронта⁵¹. В Лондоне вести из-под Геттисберга и Виксберга стали смертельным ударом для сторонников признания Конфедерации. «Катастрофу, постигшую мятежников, не искупить никакими надеждами на их успех, — ликовал Генри Адамс. — Все признали, что любым помыслам об интервенции положен конец»⁵².

Победа под Геттисбергом досталась дорогой ценой: Союз потерял убитыми и ранеными 23 тысячи человек — более четверти армии. Однако потери южан были еще более тяжелыми: 28 тысяч убитых, раненых и пропавших без вести, что превышает треть армии Ли. Когда 4 июля под проливным дождем остатки армии начали отход в Виргинию, тысячи раненых испытывали нечеловеческие страдания, трясаясь в реквизированных санитарных повозках по разбитым дорогам. 7000 раненых конфедератов были оставлены под присмотром врачей и медсестер федералов в Геттисберге. Ли пребывал в глубокой депрессии, связанной с итогами его «похода за миром». Спустя месяц он подал Дэвису прошение об отставке. «Никто лучше меня не сознает полную неспособность исполнять мой долг на этом посту. Я не могу даже завершить то, что хотел сам, как же я могу оправдать ожидания других?»⁵³ Так говорил человек, чьи блестящие достижения годом ранее заставили восхищаться весь Запад. Естественно, Дэвис отказался принять его отставку и предложил Ли и его подчиненным ковать дальнейшие победы. Но уже никогда им не удалось создать такую мощную силу и добиться той репутации, с которыми они вошли в Пенсильванию благословенными летними днями 1863 года. Хотя кровопролитная война продолжалась еще два года, Геттисберг и Виксберг знаменовали ее переломный момент.

Проницательные наблюдатели из лагеря южан признали это. «[Падение Виксберга —] сокрушительный удар, ввергший нас в отчаяние», — писал чиновник военного министерства Джон Джонс, узнав 8 июля о том, что произошло. На следующий день его настроение ухудшилось еще больше: «Новости из стана Ли кошмарны... Это самый мрачный день войны». «Пламенный оратор» Эдмунд Раффин

51 Diary of Gideon Welles. I. P. 358—362.

52 Cycle of Adams Letters. II. P. 59—60.

53 Wartime Papers of R. E. Lee. P. 589—590.

признавался: «Я никогда еще до такой степени не терял веру в наше дело». А обычно неутомимый Джошуа Горгас, глава артиллерийско-технической службы Конфедерации, 28 июля записал в своем дневнике слова, боль которых доносится к нам сквозь годы: «События сменялись с ужасающей быстротой. Еще месяц назад мы были на верном пути к победе. Ли стоял в Пенсильвании, угрожая Гаррисбергу и даже Филадельфии. Защитники Виксберга смеялись над попытками Гранта взять город... Порт-Хадсон отбил натиск Бэнкса... Сейчас картина настолько же мрачна, насколько светлой была ранее... Кажется невероятным, что человеческими усилиями можно было сменить декорации в столь краткий срок. Вчера мы парили на гребне успеха, сегодня же наш удел — полное разочарование. Юг идет к гибели»⁵⁴.

54 Jones J. War Clerk's Diary (Miers). P. 238, 239; Mitchell B. L. Edmund Ruffin: A Biography. Bloomington, 1981. P. 231; The Civil War Diary of General Josiah Gorgas. P. 55.

22.

«Чаттануга-блюз» мятежника Джонни

I

Линкольн также был уверен, что победы под Геттисбергом и Висксбергом приблизили падение Конфедерации. Еще одного удара Юг мог не перенести. «Если генералу Миду удастся довершить начатое... полностью разбив Ли или хотя бы нанеся ему серьезный урон, с мятежом будет покончено», — писал президент 7 июля¹. Но Линкольна ждало разочарование. Хотя после Геттисберга Ли находился в очень трудном положении, старому лису в очередной раз удалось ускользнуть от гончих в синих мундирах.

Однако он, что называется, прошел по лезвию. В результате рейда союзной кавалерии наведенный конфедератами понтонный мост через Потомак был разрушен, а разлившуюся от непрерывных дождей реку стало невозможно перейти вброд. Мятежники были вынуждены готовиться к обороне, будучи прижатыми к Потوماку, пока их инженеры разбирали деревянные склады, чтобы построить новый мост. Усталые солдаты закрепились близ Уильямспорта и стали ждать атак янки. Однако никаких атак не было. Предоставив Ли двухдневный гандикап, Мид никак не разворачивал свою армию в боевые порядки. Он встретил южан около Уильямспорта только 12 июля. В Вашингтоне «встревоженный и нетерпеливый» Линкольн

1 CWL. VI. P. 319.

ждал известий о полном уничтожении Северовиргинской армии. Дни шли, вестей не было, и президент разгневался. Когда Мид 12 июля наконец телеграфировал о том, что собирается «атаковать завтра, если ничего не помешает», президент с раздражением прокомментировал: «Армия будет замечательно готова к сражению, особенно если учесть, что воевать будет не с кем»². Дальнейшие события показали, что президент как в воду глядел. Фальшивый дезертир (любимая уловка южан), оказавшись в расположении северян, сообщил что армия Ли пребывает в бодром духе и рвется в бой. Это усилило осторожность Мида. Он позволил своим корпусным командирам отговорить себя от атаки 13 июля, но когда 14 июля Потомакская армия наконец двинулась вперед, ее глазам предстал лишь арьергард противника. Ночью неуловимые мятежники перешли реку по сделанному на скорую руку мосту и скрылись.

«Великий Боже! — вскричал Линкольн, узнав эту новость. — Что это значит? Где-то измена... Наша армия держала победу в руках, она не могла просто взять и упустить ее». Оценка Линкольном ситуации в Уильямспорте была не вполне точной. Атака хорошо укрепленных позиций конфедератов могла стать успешной (при большом числе жертв), а могла провалиться. В любом случае, разгром ветеранов Ли не мог считаться гарантированным. Когда вспыльчивый генерал Мид узнал о недовольстве Линкольна, он подал прошение об отставке, но Линкольн не мог отстранить от должности героя Геттисберга и отказал. 14 июля он решил написать ему примирительное письмо. «Я очень, очень благодарен вам за великую победу, которую вы добились для страны при Геттисберге», — начал президент. Но дальше сожаление от упущенной возможности взяло верх. «Дорогой генерал, я не уверен, что вы осознаете всю степень нашего разочарования от того, что Ли удалось уйти. Он был в ваших руках, и его уничтожение означало бы, в связи с другими недавними успехами, конец войны. Теперь же война может продолжаться бесконечно». Поразмыслив над текстом, Линкольн пришел к выводу, что такое письмо вряд ли можно назвать примирительным, и решил не отсылать его адресату. А война тем временем продолжалась³.

Настроение Линкольна, впрочем, скоро улучшилось. В начале августа его секретарь Джон Хэй писал: «Босс в хорошем расположении

2 Lincoln/Hay. P. 66; O. R. Ser. I. Vol. 22, pt. 1. P. 91; Bates D. H. Lincoln in the Telegraph Office. NY, 1907. P. 157.

3 The Diary of Gideon Welles. 3 vols. NY, 1960. I. P. 370; Lincoln/Hay. P. 69, 67; CWL. VI. P. 327—328.

духа. Редко когда доводилось мне видеть его более умиротворенным»⁴. Президента обрадовали те самые «другие недавние успехи», о которых он упоминал в неотправленном письме Миду. Среди успехов этих были победы к западу от реки Миссисипи, достижения Роузкранса, выдавившего Брэга из центральной части Теннесси, а также взятие Виксберга и Порт-Хадсона.

Переброска армии Ван Дорна в Миссисипи весной 1862 года оставила почти без защиты Северный Арканзас. Небольшой отряд федералов под командованием Сэмюэла Кертиса начал двигаться на Литтл-Рок, сдерживаемый лишь нестойким ополчением и докучливыми партизанами. Заткнуть брешь был призван «генерал от политики» Томас Хайндмен, человек всего пяти футов ростом, успешно компенсировавший этот недостаток избытком энергии. Хайндмен принял деятельное участие в призыве и сформировал 20-тысячную армию из вялых арканзасцев, закаленных в боях техасцев и партизан из Миссури. Это соединение отвлекло янки от Литтл-Рока, а осенью южане и вовсе перешли в наступление, отбросив федералов на север, почти до самого Миссури. После этого, впрочем, инициатива опять перешла к войскам Союза. Ими командовал генерал Джеймс Блант, родившийся в Мэне канзасский аболиционист, постигавший боевую науку еще в отряде Джона Брауна. Пока Блант и Хайндмен в первую неделю декабря боролись друг с другом в северо-западной части Арканзаса, на помощь первому из Миссури двинулись две небольшие федеральные дивизии, пройдя 110 миль за три дня. 7 декабря, изготовившись атаковать эту группировку у Прейри-Гроув, Хайндмен внезапно обнаружил, что его с фронта и фланга атакуют три объединившиеся дивизии неприятеля. Вынужденный отступать в промозглую погоду, генерал Хайндмен беспомощно наблюдал за тем, как тает его набранная с бору по сосенке армия.

Весной 1863 года Джефферсон Дэвис реорганизовал Трансмиссисипский округ, вручив общее командование Эдмунду Кирби Смитту и послав Стерлинга Прайса в Литтл-Рок. Оба генерала умело распорядились своими ограниченными ресурсами. Смит превратил регион за Миссисипи в практически автономную провинцию после того, как он был отрезан от остальной территории Конфедерации падением Виксберга. Прайс же не мог остановить захватчиков в синих мундирах, в середине лета продвигавшихся к Литтл-Року с двух сторон. Блант возглавлял смешанный отряд из белых, черных и индейских

4 Lincoln/Hay. P. 76.

полков, направлявшийся вниз по реке Арканзас от Хани-Спрингс на Индейской Территории, где 17 июля он разгромил группировку конфедератов, состоящую из белых и индейцев. В начале сентября Блант занял Форт-Смит, а другая союзная армия приблизилась к Литтл-Року с востока и 10 сентября взяла его. Мятежники отступили на юго-запад штата, уступив врагу $\frac{3}{4}$ его территории, хотя южные партизаны и небольшая численность оккупационных войск делали этот контроль неустойчивым.

Успехи в Арканзасе, безусловно, радовали Линкольна, но их отодвинули на задний план события в Теннесси. Активность северян в этом регионе была крайне низка. Всю весну 1863 года администрация побуждала Роузкранса действовать согласованно с наступлением Гранта в Миссисипи и Хукера — в Виргинии. Это позволило бы реализовать стратегию Линкольна по оказанию синхронного давления на все основные армии конфедератов и предотвращению переброски ими войск с одного проблемного участка на другой. Но Роузкранс упорствовал, не желая рисковать. Воспоминания о боине при Стоунз-Ривер в новогоднюю ночь убеждали его в том, что не нужно наступать, не имея достаточно ресурсов, способных гарантировать успех. Его замешательство позволило Брэгу перебросить резервы в Миссисипи, что только усилило раздражение Линкольна. Однако когда Роузкранс 24 июня решился наконец выступить, его тщательная подготовка привела к быстрой и почти бескровной победе. Все четыре пехотных и один кавалерийский корпус двинулись разными проходами через предгорья плато Камберленд к югу от Мерфрисборо. Сбив Брэга с толку ложными маневрами, Роузкранс сосредоточил ударные силы на обоих флангах конфедератов в долине реки Дак. Даже постоянный дождь, превративший дороги в кашу, не смог помешать движению северян. Одна из пехотных бригад, пересаженная на лошадей и вооруженная семизарядными магазинными карабинами Спенсера, появилась в тылу врага и угрожала перерезать железную «дорогу жизни». В начале июля Брэгт решил отойти по всему фронту к Чаттануге, не осмелившись дать бой.

За неделю с небольшим, проведенную в маршах и маневрах, Камберлендская армия отбросила противника на 80 миль, потеряв всего 570 человек. Роузкранса заметно раздражало, что его заслуги остаются без признания в Вашингтоне. 7 июля военный министр Стэнтон писал Роузкрансу: «Армия Ли разбита, Грант одержал победу. У вас и вашей доблестной армии есть все шансы нанести по мятежникам окончательный удар. Неужели вы упустите эту возможность?»

Роузкранс парировал: «Сдается мне, вы не отметили тот факт, что эта доблестная армия изгнала мятежников из Центрального Теннесси... От лица этой армии я нижайше прошу, чтобы военное министерство не уделяло столь большого внимания этому событию, раз уж оно не вписано в историю кровавыми буквами»⁵.

Южная пресса признавала, что Роузкранс «мастерски» провел свою молниеносную кампанию. Брэгг называл ее «великой катастрофой» для Конфедерации⁶. Его отступление могло принести федералам два важных трофея: Ноксвилл и Чаттанугу, если бы удалось воспользоваться удобным моментом. Первый населенный пункт был центром юнионистского движения в восточной части Теннесси, которую Линкольн пытался освободить вот уже два года. Чаттануга имела огромное стратегическое значение, так как именно здесь, в горном проходе, пробитом рекой Теннесси через Камберлендский горный массив, проходила единственная железная дорога, соединявшая восточную и западную части Конфедерации. Уже разрезав территорию Конфедерации захватом Виксберга, федеральные войска могли отрезать и восточные районы, пройдя в Джорджию через Чаттанугу. По этим причинам Линкольн предлагал Роузкрансу двинуться на этот город, пока силы неприятеля разобщены. Генерал Бернсайд, ныне командующий небольшой Огайской армией, должен был прикрыть левый фланг Роузкранса от 10 тысяч конфедератов, защищавших Ноксвилл. Но Роузкранс вновь заупрямился. Он не мог начать наступление, пока не отремонтировали железную дорогу и мосты в его тылу, не устроили передовую базу и не подвезли боеприпасы. Прошел июль, в течение которого главнокомандующий Хэллек сперва просил, а потом уже приказывал Роузкрансу выступить, и только 16 августа, после разных проволочек, тот перешел в наступление.

Роузкранс вновь прибег к своей стратегии запутывания противника, которую использовал в предыдущей кампании, сделав вид, что собирается форсировать Теннесси к северу от Чаттануги (где его и ждал Брэгг). Вместо этого он решил переправиться через реку в трех практически незащищенных местах южнее города. Целью Роузкранса была железная дорога, ведущая из Атланты. Его 60-тысячная армия, разбившаяся на три колонны, двинулась маршем через горные проходы к югу от Чаттануги. В то же самое время в сотне миль к северу 24-тысячная армия Бернсайда, разделившись

5 O. R. Ser. I. Vol. 23, pt. 2. P. 518.

6 Foote S. Civil War. II. P. 674, 675.

на четыре колонны, собиралась взять Ноксвилл. Серьезно уступавшие в численности защитники города, имея федералов по фронту и партизан-юнионистов в тылу, сдали город без единого выстрела. 3 сентября Бернсайд вошел в город под приветственные возгласы многих его жителей. Его войска патрулировали границы Северной Каролины и Виргинии, оберегая захваченную восточную часть Теннесси, а эвакуировавшаяся из Ноксвилла дивизия мятежников отошла на Юг навстречу Брэггу, как раз для того, чтобы помочь эвакуации Чаттануги 8 сентября. Имея Роузкранса на своем южном фланге, Брэгг решил отойти в северные районы Джорджии, чтобы не быть пойманным в этом городе, зажатом между рекой и горами.

«Когда же закончатся бедствия этого года?» — в отчаянии спрашивал себя чиновник Конфедерации 13 сентября. В южных армиях наблюдался всплеск дезертирства. Один такой дезертир из Джорджии писал после эвакуации Чаттануги: «Сражаться больше незачем, потому что все пошло прахом». Джефферсон Дэвис признавался, что находится «в полном отчаянии»: «Сейчас настали самые мрачные дни существования нашего государства»⁷.

Но почти таким же было положение и после побед северян в начале 1862 года, когда Джексон и Ли мало-помалу возродили надежды Юга. Дэвис был преисполнен решимости повторить те события. Ли повернул течение войны, атаковав армию Макклеллана; Дэвис приказал Брэггу поступить так же с Роузкрансом. На помощь прибыли две дивизии из простаивавшей без дела армии Джонстона, что практически уравнило силы Брэгга и Роузкранса. Однако Дэвис, видя упадок духа Теннессийской армии, понимал, что этого недостаточно. Призвав однажды Ли к командованию армией в дни величайшего кризиса, президент попытался повторить этот ход. Однако Ли сомневался в пользе принятия командования над пополненной армией Брэгга. Также он сначала возражал и Лонгстриту, вновь предложившему усилить Брэгга силами своего корпуса. Вместо этого Ли хотел предпринять наступление на позиции Мида на Раппаханноке, где Северовиргинская и Потомакская армии вели после Геттисберга бои с теньями друг друга. На этот раз, впрочем, Дэвис настоял на своем и перебросил две дивизии Лонгстрита (дивизия Пикетта еще не отправилась после Геттисберга) в Джорджию. Первая партия из 12 тысяч ветеранов Лонгстрита погрузилась в эшелоны 9 сентября. Из-за того,

7 Jones J. War Clerk's Diary (Swiggett). II. P. 43; Wiley B. I. Johnny Reb. P. 131; Davis. V. P. 548, 554.

что Бернсайд занял восточную часть Теннесси, прямой маршрут длиной в 550 миль был перекрыт, и солдаты вынуждены были ехать кружным 900-мильным путем через обе Каролины и Джорджию по десяти различным веткам. Только половина людей Лонгстрита прибыла к Чикамога-Крик до сражения, но именно они помогли одержать блестящую победу над старым однокашником Лонгстрита по Вест-Пойнту Роузкрансом.

Брэгг, пока к нему направлялась помощь, перешел к наступательным действиям. Чтобы выманить колонны Роузкранса из гор на долину и разбить их поодиночке, Брэгг отправил в расположение союзных войск фальшивых дезертиров, призванных убедить врага в отходе южан. Роузкранс проглотил наживку и двинулся вперед слишком стремительно для себя, но подчиненные Брэгга упустили благоприятную возможность. С 10 по 13 сентября Брэгг трижды приказывал атаковать двумя или большим количеством дивизий изолированные соединения уступавшего по численности врага, но всякий раз ответственный за атаку генерал толковал приказы по-своему и находил причины не вступать в бой. Обеспокоенный этими маневрами, Роузкранс в третью неделю сентября начал концентрировать свою армию в долине Вест-Чикамога-Крик.

Раздраженный неуправляемостью собственных генералов (в свою очередь, не доверявших ему) Брэгг, тем не менее, задумал новый план, заключавшийся в том, чтобы охватить левый фланг Роузкранса, отрезать врага от Чаттануги и оттеснить на юг в изолированную от внешнего мира долину. После прибытия 18 сентября передовых частей корпуса Лонгстрита под командованием воинственного техасца Джона Белла Худа с перевязанной после Геттисберга рукой Брэгг убедился в своем численном превосходстве. Если бы ему удалось начать атаку в тот же день, он, возможно, и смял бы фланг Роузкранса, так как на его пути находился лишь один федеральный корпус. Однако кавалерия северян, вооруженная магазинными карабинами, замедлила и без того неторопливое наступление южан, а ночью крупный союзный корпус уроженца Виргинии Джорджа Томаса после форсированного марша занял позиции на левом фланге северян. Вскоре после рассвета 19 сентября патрули с обеих сторон вступили в перестрелку к западу от Чикамога-Крик, переросшую в самую кровопролитную битву на западном театре военных действий.

Брэгг упорствовал в атаке левого фланга противника. Весь день мятежники героически атаковали корпус Томаса, продвигаясь по лесу и такому густому подлеску, что их части не могли не то что

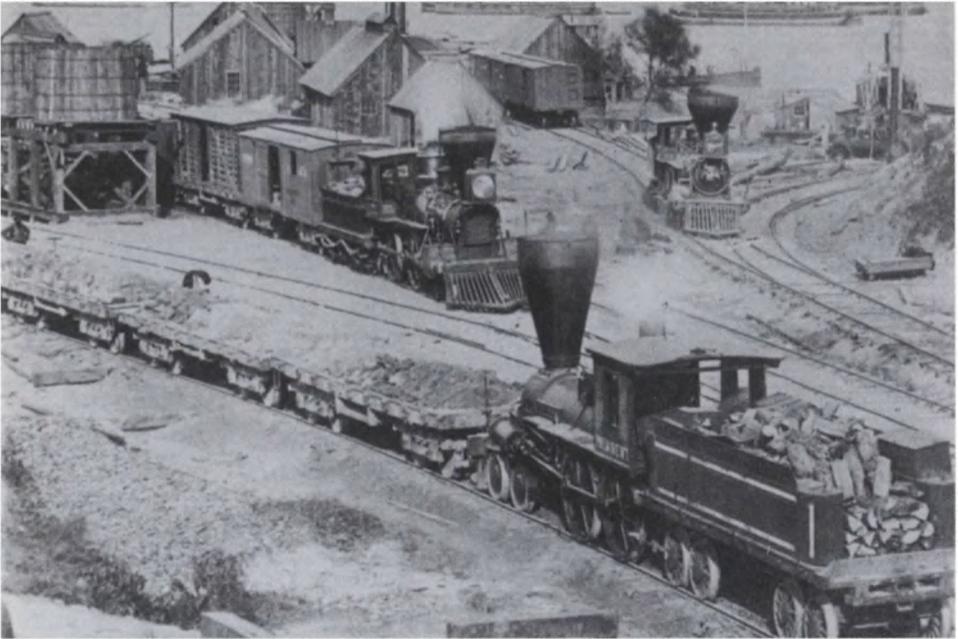
Погибшие северяне и южане у подножия холма Литтл-Граунд-Топ
(битва при Геттисберге)

U.S. Army Military History Institute

Бойцы 1-й роты 57-го Массачусетского полка, оставшиеся в строю после
шести недель боевых действий от второго сражения в Глуши до осады
Питерсберга в 1864 г. (из 86 первоначального состава)

Library of Congress

Порт на реке Джеймс и подъездные пути в Сити-Пойнт (Виргиния) — база снабжения войск Союза во время осады Питерсберга

Library of Congress

Перед выступлением в поход к морю солдаты Шермана разрушают железную дорогу в Атланте

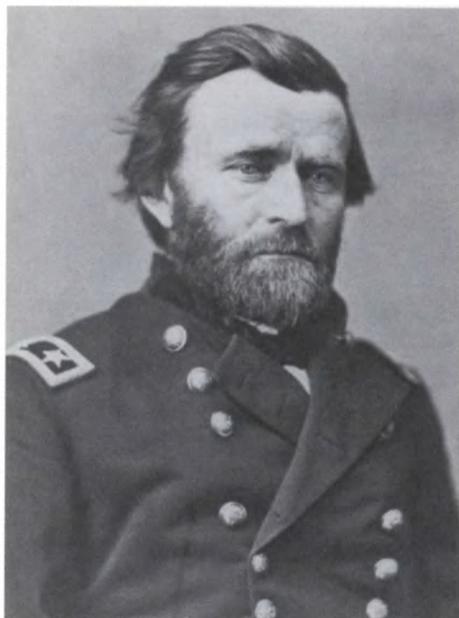
Library of Congress

Пленные под Геттисбергом конфедераты
U.S. Army Military History Institute

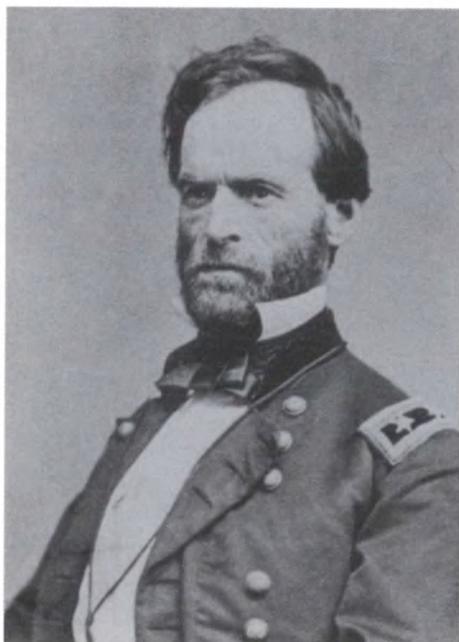
Лагерь для военнопленных в Андерсонвилле: на окружающей лагерь стене
видны охранники, на переднем плане — отхожее место
U.S. Army Military History Institute

Улисс Грант
Library of Congress

Дэвид Фаррагут
Library of Congress

Уильям Текумсе Шерман
Louis A. Warren Lincoln Library and Museum

Джозеф Джонстон
Louis A. Warren Lincoln Library and Museum

На мостике «Хартфорда» — флагманского корабля адмирала Фаррагута.
За рулевым колесом Джон Макфарланд, удостоенный Почетной медали
Конгресса за сражение в заливе Мобил

U.S. Naval Historical Center

Чернокожие артиллеристы в сражении при Нашвилле

Chicago Historical Society

Окопы федеральных войск под Питерсбергом
Library of Congress

Окопы конфедератов под Питерсбергом,
взятые штурмом 2 апреля 1865 г.
U.S. Army Military History Institute

Солдат-южанин, убитый в окопах под Питерсбергом
Library of Congress

Окопы конфедератов под Питерсбергом после штурма
2 апреля 1865 г.
Minnesota Historical Society

Плоды войны: руины плантаторской усадьбы около Фредериксберга
Library of Congress

Ричмонд, 4 апреля 1865 г. Вид от здания Казначейства Конфедерации;
к ограде привязаны лошади северян, занятых тушением подожженных
отступавшими южанами домов
U.S. Army Military History Institute

взаимодействовать, но даже и видеть друг друга. Роузкранс послал Томасу подкрепление, с помощью которого тот не дал далеко продвинуться южанам; это обошлось очень дорого обеим сторонам. Этим вечером на поле боя прибыл и сам Лонгстрит в сопровождении двух свежих бригад. Брэгг разделил свою армию на два крыла (Лонгстрит командовал левым, Полк — правым) и приказал им следующим утром начать эшелонированную атаку по всему фронту. Фланг Полка начал наступление несколькими часами позже (такая несогласованность уже вошла в привычку) и практически не преуспел против Томаса, чьи солдаты упорно защищались, используя брустверы, построенные ими за ночь. Разочарованный Брэгг отменил приказ об эшелонированной атаке и попросил Лонгстрита атаковать всеми имевшимися у того силами. В 11.30 Лонгстрит внял его просьбе, и в этом сражении ему сопутствовала небывалая удача.

Тем временем Роузкранс перебрасывал подкрепления на подвергавшийся сильному давлению левый фланг. Во время этого не самого упорядоченного процесса некий штабной офицер, не заметивший в роще федеральную дивизию, доложил о разрыве строя в добрые четверть мили. Чтобы заткнуть казавшуюся опасной брешь, Роузкранс приказал двинуться туда другой дивизии, действительно сделал в линии своей армии брешь, в которую, сами того не подозревая, вошли ветераны Лонгстрита из Северовиргинской армии, атаковав фланг янки и спровоцировав жуткую панику. Брешь наводняло все больше южан, опрокинувших правый фланг Роузкранса и вынудивший добрую треть его армии (вместе с четырьмя дивизионными и двумя корпусными командирами и с контуженным Роузкрансом, чья ставка была захвачена) бежать к Чаттануге, находившейся в восьми милях от поля боя. На горизонте стало всходить солнце победы, которого западные армии Конфедерации не видели уже более двух лет.

Увидев представившуюся возможность, Лонгстрит послал в бой резервы и потребовал у Брэгга подкреплений. Но командующий ответил, что не может послать ни единого человека с истерзанного правого фланга, и крайне недовольный этим Лонгстрит вынужден был обойтись теми, кто был в его распоряжении. Однако к тому времени федералы уже выстроили новую линию обороны под прямым углом к старой. Джордж Томас возглавил остатки армии. За свой героизм в этот день он заслужил прозвище «Чикамогская Скала». К тому же Томас получил своевременную поддержку от другого героя этой битвы — командира резервной дивизии, находившейся в нескольких милях от поля боя, Гордона Грейнджера. По собственной

инициативе Грейнджер двинулся на звуки стрельбы и как раз успел встать на пути Лонгстрита. Как только зашло солнце, Томас отвел свои измученные войска назад в Чаттанугу. Там обе части армии — и те, кто бежал, и те, кто выстоял — объединились для выполнения неизвестной до сих пор федеральным силам задачи обороны осажденного города.

Лонгстрит и Форрест хотели возобновить наступление на следующее утро, чтобы завершить уничтожение армии Роузкранса, прежде чем та успеет скрыться за укреплениями Чаттануги. Брэгга же, в отличие от них, не впечатлило величие победы и ужаснули потери. За два дня он потерял 20 тысяч убитыми, ранеными и пропавшими без вести, что составило более 30% всего наличного состава. Десять генералов были убиты или ранены, включая Худа, который едва выжил после ампутации ноги. Первоочередной заботой Брэгга стало поле боя, покрытое убитыми и ранеными, вповалку лежавшими на земле. Половина артиллерийских лошадей также были убиты. Поэтому командующий отказал настойчивым подчиненным в немедленном преследовании врага, что послужило основанием для жестких обвинений и контробвинений в последующие дни и недели. «Для чего он сражается?» — спрашивал разъяренный Форрест, и вскоре уже многие на Юге стали повторять этот вопрос. Тактическая победа под Чикамогой не принесла никаких стратегических дивидендов, пока федералы удерживали Чаттанугу⁸.

Брэгг надеялся взять янки измором и к середине октября едва не преуспел в этом. Конфедераты установили артиллерию на господствующей высоте Лукаут-Маунтин к югу от Чаттануги, пехота расположилась на хребте Мишенери-Ридж на востоке, а также встала на дорогах к реке на западе. Это позволило им перекрыть все маршруты для подвоза припасов, за исключением извилистой дороги, пересекавшей Камберлендское плато к северу от города. Мулы потребляли примерно столько же пищи, сколько могли перевезти, и вдобавок кавалеристы южан столкнули в пропасть сотни повозок. Лошади федеральной армии в Чаттануге околели от голода, а пайки осажденных уменьшились наполовину или даже больше.

Роузкранс, очевидно, не мог справиться с кризисной ситуацией. Катастрофа под Чикамогой и стыд от того, что он бежал с поля боя,

8 Цит. по: Henry R. S. „First with the Most” Forrest. Indianapolis, 1944. P. 193. Потери Союза под Чикамогой составили почти 16 тысяч человек (Tucker G. Chickamauga: Bloody Battle in the West. Indianapolis, 1961. P. 388—389).

пока Томас дрался до последнего, лишили его мужества. Линкольн называл Роузкранса «потерянным и оглушенным, словно подбитая утка»⁹. Камберлендская армия, безусловно, нуждалась в помощи. Еще до Чикамоги Хэллек приказал Шерману перебросить четыре дивизии от Висксберга к Чаттануге, восстановив железную дорогу. Однако выполнение последней задачи потребовало бы несколько недель, поэтому 23 сентября Стэнтон вынудил недовольного этим Линкольна разрешить переброску на выручку Роузкрансу по железной дороге неполных 11-го и 12-го корпуса Потомакской армии. Президент протестовал, говоря, что такой шаг нанесет ущерб операциям Мида на Раппаханноке. Стэнтон возражал, что, коль скоро Мида никак не получается убедить начать наступление, надо перебросить эти корпуса туда, где они смогут принести какую-то пользу. Линкольн в конце концов сдался и назначил Джо Хукера командующим экспедиционными силами. Стэнтон вызвал к себе управляющих железными дорогами, во все концы полетели приказания, были сформированы десятки эшелонов, и уже спустя 40 часов после принятия решения первые части покинули Калпепер, чтобы преодолеть 1233 мили. Маршрут проходил по занятой союзными армиями территории через Аппалачи, пришлось дважды пересекать реку Огайо, через которую еще не было перекинуто мостов. Одиннадцать дней спустя более 20 тысяч человек покинули вагоны близ Чаттануги со всей своей артиллерией, лошадьми и снаряжением. Этот анабазис был настоящим подвигом тыловых служб: до XX столетия никакая столь же крупная группировка войск не проделывала такой долгий путь так быстро¹⁰.

Но не было бы никакого смысла везти этих людей в Чаттанугу, где ее защитникам нечего было бы есть. Спасти их могло только назначение нового командующего. В середине октября Линкольн занялся проблемой вплотную. Он создал Миссисипский округ, включавший территорию между одноименной рекой и Аппалачами, и назначил его командующим Гранта «со штаб-квартирой там, где жарко»¹¹. Жарко в данный момент было под Чаттанугой, поэтому туда Грант и отправился. По пути он издал указ о замене Роузкранса

9 Lincoln/Hay. P. 106

10 Turner G. E. Victory Rode the Rails. Indianapolis, 1953. P. 288—294; Weber Th. The Northern Railroads in the Civil War. NY, 1952. P. 181—186. Переброска на 900 миль 12 тысяч пехотинцев Лонгстрита потребовала двенадцать дней, а артиллерии и лошадей — еще четыре. Обоз и тягловые лошади были оставлены Лонгстритом в Виргинии.

11 O. R. Ser. I. Vol. 30, pt. 4. P. 404.

на посту командующего Камберлендской армией Томасом. В течение недели после прибытия Гранта 23 октября на место, федеральные войска разжали тиски мятежников на дороге и реке к западу от Чаттануги и проложили в осажденный город так называемую «галетную дорогу», как ее окрестили голодные солдаты. Хотя эту операцию планировал еще штаб Роузкранса, именно Грант отдал приказ о ее осуществлении. Один союзный офицер вспоминал впоследствии, что, когда на сцену вышел Грант, «все оживились»: «Мы почувствовали, что все идет по плану»¹². Воодушевление от присутствия Гранта передалось даже 11-му корпусу, который опозорился при Ченселлорсвилле и Геттисберге, но показал себя с лучшей стороны во время ночной операции 28—29 октября, когда была открыта «галетная дорога». К середине ноября из расположения Теннессийской армии прибыл Шерман с 17-тысячной группировкой, а также Хукер с 20 тысячами солдат Потомакской армии. Эти силы вдвое увеличили 35-тысячную Камберлендскую армию Томаса. Хотя Брэгг по-прежнему удерживал Лукаут-Маунтин и Мишенери-Ридж, его будущее становилось сомнительным.

Неопределенности добавляли непрекращавшиеся трения в штабе Брэгга. Вскоре после Чикамоги Брэгг временно отстранил Полка и еще двух генералов за медлительность или отказ подчиняться важным приказам до и во время битвы. Вспыльчивый Форрест, расстроенный неудачей преследования разбитого врага, отказался служить под началом Брэгга и вернулся к независимым действиям в Миссисипи. На прощание он бросил Брэггу в лицо: «Невыносимо видеть посредственность вроде вас. Вы вели себя как законченный мерзавец... Если вы еще когда-нибудь осмелитесь перейти мне дорогу, я не поручусь за вашу жизнь». Несколько генералов подписали рапорт на имя Дэвиса с просьбой отстранить Брэгга. Лонгстрит с мрачным предчувствием писал военному министру: «Ничто, кроме Божьего провидения, не спасет нас, пока у нас будет такой командующий»¹³.

Такая грызня уже дважды, после Перривилла и Стоунз-Ривер, разлагала Теннессийскую армию. 6 октября потерявший терпение Джефферсон Дэвис сел в специальный поезд и отправился в долгое путешествие в ставку Брэгга, где рассчитывал исправить положение. В присутствии самого Брэгга все четыре корпусных командира за-

12 Catton B. Grant Takes Command. Boston, 1969. P. 56.

13 Henry R. S. „First with the Most” Forrest. P. 199; O. R. Ser. I. Vol. 30, pt. 4. P. 706.

явили Дэвису, что командующий должен уйти. Президент имел беседу с глазу на глаз с Лонгстритом, в ходе которой, возможно, выяснял возможность назначения его командующим Теннессийской армией. Но, будучи лишь временно откомандированным из армии Ли, Лонгстрит не жаждал этого поста и рекомендовал вместо себя Джозефа Джонстона. Дэвис резко возразил, так как считал Джонстона виновным в потере Виксберга. Другим кандидатом на этот пост был Борегар. Хотя тот сейчас умело сдерживал атаки федералов на Чарлстон, Дэвис ранее уже пробовал его в роли командующего Теннессийской армией и считал не слишком подходящим для этой должности. Так что альтернативы Брэгу не нашлось. В попытке сгладить конфликт Дэвис перевел некоторых генералов на другие участки фронта. Также он рекомендовал Брэгу послать Лонгстрита во главе 15-тысячной армии отбить Ноксвилл. Эта бессмысленная авантюра лишила Брэга доброй четверти его сил. Вообще, ни одно из решений Дэвиса в ходе этого злополучного визита не принесло положительного результата. Отбыв назад в Ричмонд, президент оставил армию в весьма мрачном расположении духа.

С уходом Лонгстрита в начале ноября конфедераты уступили инициативу Гранту. Как только прибыли части Шермана, Грант начал претворять в жизнь план по выдавливанию мятежников из окрестностей Чаттануги, что открыло бы ему дорогу в Джорджию. Как обычно, наступательные планы молчаливого генерала увенчались успехом, но на этот раз не совсем так, как он сам ожидал. Грант отверг как самоубийственную мысль о лобовой атаке тройной линии укреплений на Мишенери-Ридж. Вместо этого он собирался атаковать ее края и охватить Брэга с флангов. Полагая, что Камберлендская армия Томаса все еще не отошла от поражения при Чикамоге и «ее нельзя выгнать из окопов и принудить к наступлению», Грант отвел ей второстепенную роль — обозначать угрозу центру конфедератов на Мишенери-Ридж, пока солдаты Шермана и Хукера из Теннессийской и Потомакской армий будут вести главный бой на флангах¹⁴. Этим планом Грант, как ни странно, возбудил честолюбие армии Томаса, которая добилась блестящего, но совершенно не прогнозирувавшегося успеха.

Хукер выполнил первую часть своей задачи с блеском. 24 ноября он отправил отборные части трех своих дивизий против трех бригад южан, удерживавших северный склон Лукаут-Маунтин. Федеральная

14 Memoirs of General William T. Sherman. 2 vols. NY, 1886. I. P. 390.

пехота с трудом лезла на вершину холма через валуны и поваленные деревья в непроницаемом тумане; годы спустя эти события получат романтическое название «Битва над облаками». С неожиданно небольшими потерями (менее 500 человек) войска Хукера оттеснили мятежников с противоположного склона, вынудив Брэгга этой же ночью отвести тех, кто уцелел, обратно к Мишенери-Ридж.

Ночью небо расчистилось и взорам сражавшихся предстало полное лунное затмение. Следующим утром Кентуккийский союзный полк водрузил на вершине Лукаута огромный американский флаг, который видели обе армии. Для южан и флаг, и затмение стали дурными предзнаменованиями, хотя первоначально так не казалось. На противоположном фланге Шерман столкнулся с ожесточенным сопротивлением. В результате натиска четыре дивизии 24 ноября быстро захватили указанный им для атаки холм на северном краю Мишенери-Ридж, но вскоре убедились, что он не являлся частью хребта, а был изолированным отрогом, отделенным от основного массива ущельем. Сам хребет был подвергнут яростной атаке на следующее утро, но от нападавших раз за разом успешно отбивалась усиленная дивизия ирландца Патрика Клеберна — лучшая в армии Брэгга. Тем временем наступление Хукера на правом фланге затормозилось из-за перегороженной дороги и разрушенного моста.

План Гранта был нарушен, и в полдень он приказал Томасу предпринять ограниченное наступление на первую линию окопов южан с целью не позволить Брэггу перебросить Клеберну подкрепление. Томас сделал практически все от него зависящее, чтобы вернуть доброе имя своей армии. Он бросил четыре дивизии — 23 тысячи человек, развернувшихся по фронту на две мили, через открытую местность прямо на укрепления конфедератов. Это выглядело повторением атаки Пикетта в Геттисберге с той лишь разницей, что на солдатах вместо серых мундиров были синие. Эта попытка казалась даже более безнадежной, так как у мятежников было два месяца на то, чтобы окопаться, да и Мишенери-Ридж был выше и круче хребта Семетри-Ридж. Однако янки поразительно легко прорвали первую линию и отогнали деморализованных врагов вверх ко второй и третьей линиям укреплений, расположенных посередине и на вершине гребня.

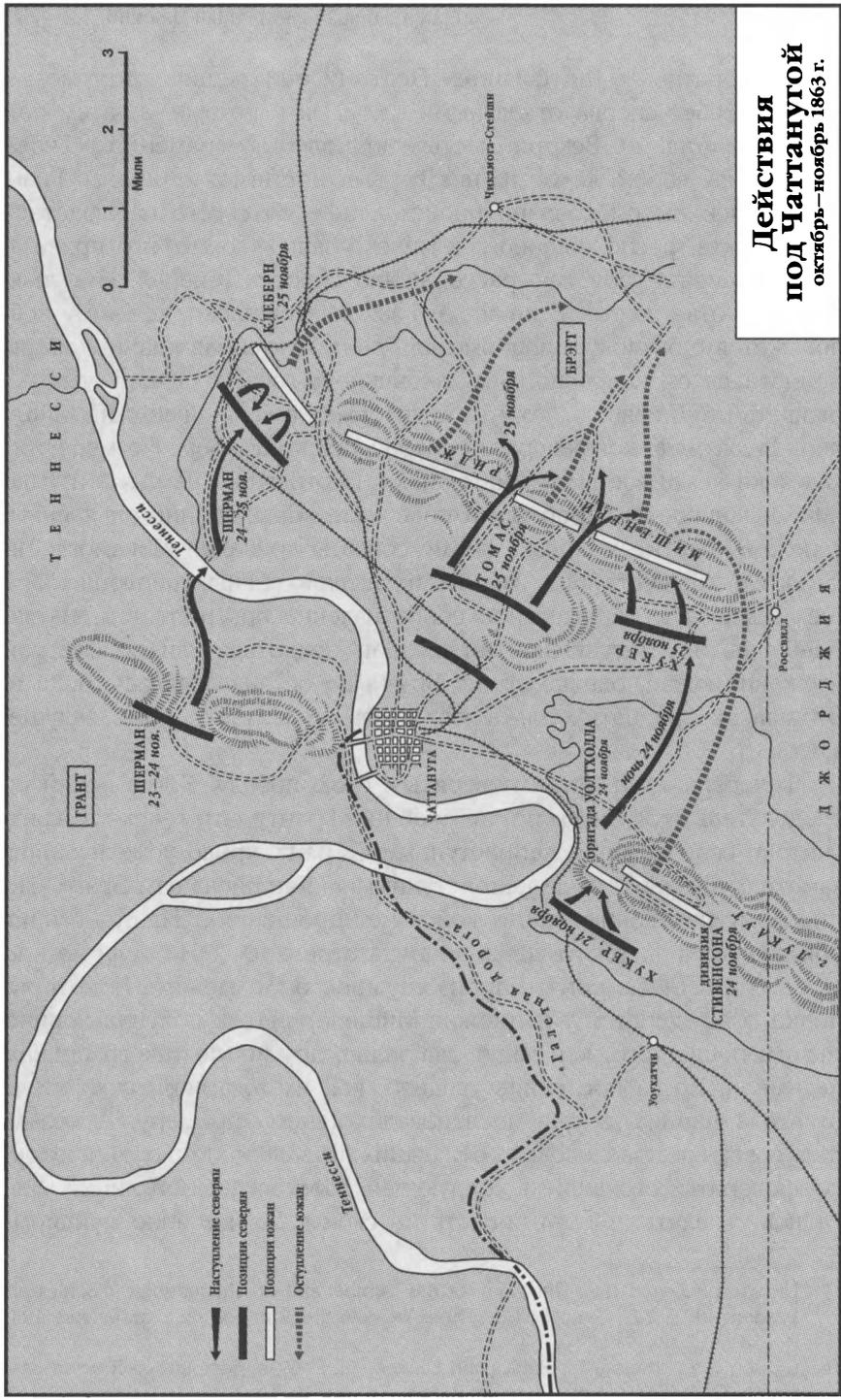
Выполнив свою задачу, солдаты Томаса не остановились в ожидании дальнейших распоряжений. С одной стороны, они представляли собой легкие мишени для южан, поливавших их огнем с вершины. С другой же, эти люди рвались кое-что доказать и врагам против

них, и соратникам на флангах. Поэтому они решили штурмовать крутой хребет сперва отдельными взводами и ротами, а затем полками и бригадами. Вскоре шестьдесят полковых знамен соревновались между собой, какое из них первым достигнет вершины. Грант с недоумением смотрел на происходящее со своего наблюдательного пункта, расположенного в миле позади. «Томас, кто приказал им штурмовать гору?» — рассерженно спросил генерал. «Не знаю. Не я», — ответил тот. Если все это закончится плохо, кое-кому небо покажется с овчинку, пробормотал Грант, откусывая кончик сигары. Волновался он напрасно. Все закончилось гораздо лучше, чем мог ожидать штаб северян; то, что некоторые назвали «чудом на Мишенери-Ридж», для конфедератов обернулось кошмаром. По мере того как янки лезли все выше, мятежники, смотревшие на них в изумлении, запаниковали, дрогнули и побежали. «Совершенно опьяненные успехом», одетые в синюю форму солдаты кричали: «Чикамога! Чикамога!», торжествуя хохоча и глядя в спины убегающих врагов. Темнота и решительное сопротивление арьергардной дивизии Клеберна, не отступившей ни на шаг, предотвратили полное уничтожение южан, однако армия Брэга не останавливалась, пока не отошла на тридцать миль к югу вдоль железной дороги, ведущей в Атланту¹⁵.

Федералы едва могли поверить в свою победу. Когда некий исследователь этой битвы позже сообщил Гранту, что генералы южан считали свои позиции неприступными, Грант, криво усмехнувшись, заметил: «Да они и были неприступными». Как писал сам Брэгг: «Постыдному поведению наших войск нет прощения... Нашу позицию обязана была удержать даже цепочка стрелков»¹⁶. Но если не простить, то хотя бы понять произошедшее было можно. Некоторые полки конфедератов у подножия Мишенери-Ридж получили приказ отойти после того, как дадут два залпа; другие же такого приказа не имели. Когда последние увидели, как их товарищи отходят, их охватила паника, и они последовали общему примеру. Атаковавшие северяне преследовали бежавших буквально по пятам, поэтому конфедераты, стоявшие в следующей оборонительной линии, опасались стрелять, рискуя попасть по своим. Да и «синие мундиры»,

15 Цит. по: Fullerton J. S. The Army of the Cumberland at Chattanooga // Battles and Leaders. III. P. 725; Connolly J. A. Three Years in the Army of the Cumberland. 1959. P. 158.

16 Grant U. S. Chattanooga // Battles and Leaders. III. P. 693n; официальный отчет Брэга см.: O. R. Ser. I. Vol. 31, pt. 2. P. 666.

**Действия
под Чатанугой
октябрь—ноябрь 1863 г.**

ТЕННЕССИ

ГРАВУ

ШЕРМАН
23—24 ноя.

ШЕРМАН
24—25 ноя.

КЛЕБЕРН
25 ноября

Чизагоа-Стэйшн

БРЭГГ

ТОМАС
25 ноября

М.И. ВЕЛЛ

ХУКЕР
25 ноября

Бригада УОЛХОЛДА
24 ноября

ХУКЕР
24 ноября

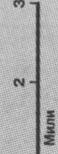
ПЕРКИНС
24 ноября

СТИВЕНСОН
24 ноября

РОССВЕЛД

ДЖОРДЖИЯ

- ← Наступление северян
- ▬ Позиция северян
- ▬ Позиция южан
- ▬ Остатки южан

Чатануга

ТАГНА АПОЛА

Олактон

взбираясь по склону, использовали рельеф местности для укрытия от пуль. Инженеры Брэгга ошибочно расположили стрелков на *топографической*, а не на *тактической* вершине холма, откуда пространство могло хорошо простреливаться. Возможно, самым исчерпывающим объяснением было угнетенное состояние Теннессийской армии, передававшееся от высших чинов к низшим. Брэгг признал в личном письме к Дэвису, прося об отставке: «Это поражение — катастрофа, и незачем смягчать определения. Я боюсь, мы оба заблуждались в нашем решении оставить меня во главе армии после шквала возмущений в мой адрес»¹⁷. Как только армия отошла на зимние квартиры, Дэвис с неохотой вверил командование армией Джонстону.

Тем временем 29 ноября атака Лонгстрита на Ноксвилл была отражена, что усугубило напасти конфедератов. В Виргинии серия маневров, предпринятая Ли после того как 11-й и 12-й корпуса покинули Потомакскую армию, также завершилась неудачей. В октябре он пытался обойти северян и встать между Мидом и Вашингтоном. Расстроив этот план, Мид сам в ноябре постарался обойти Ли, но с тем же успехом. В ходе этих маневров, однако, федералы нанесли противнику в два раза больший урон, чем он им: Северовиргинская армия потеряла 4000 человек, что едва ли могла себе позволить.

Всплеск оптимизма южан, наблюдавшийся после Чикамоги, к ноябрю сошел на нет. Когда служащий военного министерства Джон Джонс узнал о событиях при Чикамоге, он написал: «Воздействие этой великой победы будет сродни электрическому... Юг опять исполнится патриотического духа, а Север соответственно будет в подавленном состоянии... [Они] должны наконец понять невозможность закабаления народа Юга». Однако два месяца спустя он признавал, что в отчаянии от «ужасного поражения» Брэгга. Другой чиновник Конфедерации писал о «бедствии... поражении... всеобщей катастрофе»: «Если что-нибудь не произойдет... мы неминуемо погибнем». В конце 1863 года хроникер Юга Мэри Чеснат наблюдала «уныние и невысказанное отчаяние, висящее повсюду как удушливая пелена»¹⁸.

17 O. R. Ser. I. Vol. 52, pt. 2. P. 745. Лучший анализ внутренних противоречий в Теннессийской армии см.: *Connelly Th. L. Autumn of Glory: The Army of Tennessee, 1862—1865. Baton Rouge, 1971. Ch. 10; McDonough J. L. Chattanooga — A Death Grip on the Confederacy. Knoxville, 1984.*

18 *Jones J. War Clerk's Diary (Swiggett). II. P. 50, 106; Wiley B. I. The Road to Appomattox. NY, 1973. P. 65; Chesnut's Civil War. P. 501.*

II

Во внешней политике вторая половина 1863 года также была для южан временем сплошных разочарований. После Виксберга и Геттисберга растаяли надежды не только на признание Конфедерации Великобританией, но и на новое сверхоружие, призванное прорвать блокаду.

Небрежность британцев, позволивших рейдерам «Флорида» и «Алабама» ускользнуть из Ливерпуля, позволила представителю военно-морских сил Юга Джеймсу Баллоку ставить перед собой более смелые цели. Летом 1862 года он заключил договор с компанией Лэрда о сооружении двух обшитых броней судов с башнями для девятидюймовых орудий и с семифутовым тараном для нанесения пробоин деревянным кораблям ниже ватерлинии. Наводящие страх «тараны Лэрда», как ожидалось, должны были посеять панику в блокадном флоте, а может быть, даже войти в гавань Нью-Йорка и угрожать городу до получения выкупа.

Если такие экстравагантные мечты были и несбыточными, то спровоцированный злосчастными таранами дипломатический кризис — вполне реальным. Чарльз Фрэнсис Адамс бомбардировал Форин-офис протестами и предупреждениями. В ответ Баллок сделал владельцами этих судов некую французскую компанию, которая якобы покупала их для египетского паши. Эта увертка обманула лишь тех, кто желал быть обманутым. Дипломатические страсти разгорались по мере того, как строительство кораблей в середине лета 1863 года подходило к концу.

Решение британского суда по другому вопросу воодушевило Баллока. В апреле правительство Пальмерстона арестовало рейдер «Александр», построенный для нужд Конфедерации, на основании его воинственного внешнего вида, несмотря на то что пушек на борту не было. Однако в июне суд казначейства вынес решение против правительства по этому делу. Благодаря этому Баллок надеялся вновь использовать лазейку в британском законодательстве и отправить свои не имевшие вооружения таранные суда из Ливерпуля. Адамс слал министру иностранных дел Великобритании Расселлу все более и более язвительные протесты, кульминацией которых стала нота от 5 сентября: «Будет совершенно излишним с моей стороны давать вашей светлости понять, что это — война». Адамс не знал, что кабинет Пальмерстона еще до получения его ноты решил задержать эти корабли. Когда впоследствии дипломатическая переписка была опубликована,

Адамс превратился в одного из героев Севера, заставившего Джона Булля отступить. Хотя Пальмерстон был возмущен тоном Адамса («Нам бы следовало, — говорил премьер-министр Расселлу, — сказать ему в цивилизованных выражениях: „Идите к черту!“»), союзная дипломатия одержала победу, которую Генри Адамс охарактеризовал как «второй Виксберг»¹⁹.

Разочарованный Джеймс Баллок перенес свои усилия во Францию, где в 1863 году конфедератам удалось заключить контракты на постройку четырех торговых рейдеров и двух броненосцев с таранами. Наполеон III продолжал поддерживать надежды южан на признание Конфедерации. Он по-прежнему мечтал восстановить Французскую империю в Новом Свете, и в июне 1863 года 35-тысячная французская армия захватила Мехико и свергла республиканское правительство Бенито Хуареса. Тем временем конфедераты заключили союз с враждебными Хуаресу главами провинций близ границы с Техасом, чтобы стимулировать контрабандную торговлю через Рио-Гранде. Осознавая общность интересов с клерикальными монархистами и владельцами асьенд, на которых работали батраки-неоны, лидеры южан от лица этих групп приветствовали французскую интервенцию. Когда Наполеон ясно обозначил свои намерения сделать эрцгерцога Фердинанда Максимилиана Габсбурга императором Мексики, посланцы Конфедерации вступили в контакт с последним и предложили признать его притязания, если он поможет обеспечить признание Юга Францией. Максимилиан был согласен, но к январю 1864 года Наполеон, очевидно, потерял к этому интерес.

К такому развитию событий привело сочетание усилий дипломатии северян и политики великих держав. Соединенные Штаты были дружественно настроены к правительству Хуареса. Когда оно было свергнуто, администрация Линкольна отозвала американского посланника и отказалась признать учрежденное французами временное правительство. Линкольн также изменил военную стратегию Союза, проведя операцию в Техасе и предупредив тем самым французов. После захвата Виксберга и Порт-Хадсона Грант и Бэнкс собирались повести наступление на Мобил, однако из соображений дипломатии правительство приказало Бэнксу вместо этого двинуться на Техас. Первая попытка федералов предпринять активные действия в этом направлении в сентябре 1863 года потерпела фиаско — единственная

19 Цит. по: Crook D. P. The North, the South and the Powers 1861—1865. NY, 1974; A Cycle of Adams Letters 1861—1865. 2 vols. Boston, 1920. II. P. 82.

батарея южан отбила попытки канонерок северян обеспечить высадку пехотного десанта. В ноябре Бэнкс достиг больших успехов, захватив Браунсвилл и закрепившись около мексиканской границы, что заставило Наполеона задуматься о происходящем.

Императору не нужны были новые осложнения с Соединенными Штатами в то время, когда замысловатый карточный домик его дипломатических интриг в Европе был готов рассыпаться. Замысел Наполеона короновать Максимилиана одной из целей имел приобретение расположения Австрии в тонкой, но смертельно опасной дипломатической игре континентальных держав. Каждая из них хотела прикрыть тылы, одновременно пытаясь защитить или, наоборот, урвать кусок территории Польши, Италии или Дании. Альянс Австрии с Пруссией в войне против Дании, по итогам которой Пруссия включила в свой состав Шлезвиг-Гольштейн, охладил стремление Наполеона заключить союз с Габсбургами. В начале 1864 года он сократил масштабы помощи Максимилиану и отверг попытку южан использовать Мексику в торговле за признание Конфедерации Францией. Министерство иностранных дел Франции также разрушило планы постройки флота Конфедерации на французских верфях. Шесть кораблей, предназначавшихся для Юга, были проданы Перу, Пруссии и Дании. Но Баллок не сдался без боя. Путем умелого жонглирования юридическими тонкостями, в чем он изрядно поднаторел, он в конце концов добился передачи одного броненосца от Дании Конфедерации. Названный «Каменная Стена», этот корабль пересек Атлантику и прибыл к берегам Соединенных Штатов через месяц после того, как Ли сдался при Аппоматтоксе. В конечном итоге «Каменная Стена» оказалась в японском флоте²⁰.

III

Администрации Линкольна победы на поле боя в 1863 году принесли и политические дивиденды, причем как внутри страны, так и за рубежом. Осенью прошла череда выборов в различных штатах, самыми важными из которых стали выборы губернаторов в Огайо и Пенсильвании. Годом ранее после выборов в Конгресс наблюдался

20 Owsley F. L. *King Cotton Diplomacy*. Chicago, 1931. P. 88—145, 438—442, 447—449, 527—549; Crook D. P. *The North, the South, and the Powers*. P. 333—343; Case L. M., Spencer W. F. *The United States and France: Civil War Diplomacy*. Philadelphia, 1970. P. 427—480.

откат республиканцев с завоеванных позиций. Проблемные вопросы в 1863 годы оставались теми же: ведение войны, освобождение рабов, гражданские свободы и призыв. По первому вопросу республиканцы были на коне — Чикамога лишь немного затмила блеск Геттисберга, Висксберга и других битв. Тем не менее Линкольн беспокоился об итогах выборов в Огайо и Пенсильвании. Он даже говорил Гидеону Уэллсу, что «испытывает сейчас большее беспокойство относительно этих выборов, чем в 1860 году», когда избрали его самого, так как демократы в обоих штатах выдвинули на губернаторский пост «медянок», чья победа могла возродить боевой дух конфедератов и одновременно ослабить волю северян к победе²¹.

Клемент Валландигэм вел свою кампанию в Огайо из канадской ссылки в Виндзоре. Джордж Вудворд хранил величественное молчание, восседая в кресле члена верховного суда штата Пенсильвания, пока его однопартийцы делали за него всю черновую работу. Но республиканцам не потребовалось много усилий, чтобы выяснить его взгляды на войну, которые были схожи со взглядами Валландигэма. «Рабство предопределено было стать величайшим благом для народа Соединенных Штатов», — был убежден Вудворд. «Сецессия не является противозаконным актом», — писал он в 1860 году, указывая, что избрание Линкольна уничтожило старый Союз, основанный на согласии и уважении прав. — Я, говоря по совести, не могу осудить Юг за выход из состава Соединенных Штатов... Я бы хотел, чтобы и Пенсильвания поступила так же». Хотя два его сына воевали в Поттомаской армии, Вудворд не считал, что воссоздание Союза возможно военным путем. Будучи судьей штата, он вынес решение, что указ о призыве является неконституционным и недействительным на территории Пенсильвании. Один видный член Демократической партии, участвовавший в кампании Вудворда, заявлял, что после своего избрания тот объединится с губернаторами Огайо и Нью-Йорка (а эти штаты составляли почти половину всего населения Севера) Валландигэмом и Сеймуром «и они отзовут из армии войска своих штатов с целью принудить администрацию созвать национальный конвент для обсуждения всех спорных вопросов»²².

И Вудворд, и Валландигэм были выдвинуты еще до триумфов северян под Геттисбергом и Висксбергом. Итоги этих битв не позволили

21 Diary of Gideon Welles. I. P. 470.

22 Shankman A. For the Union as It Was and the Constitution as It Is: A Copperhead Views the Civil War // Rank and File: Civil War Essays in Honor of Bell Irvin Wiley. San Rafael (Cal.), 1976. P. 97—98, 104.

им разыграть карту неудач Севера в войне. Хотя ни один из кандидатов не изменил своих взглядов, в партии осознали, что чрезмерная антивоенная риторика может отпугнуть «военных демократов», чьи голоса были необходимы для общей победы. На эту приманку нельзя было поймать Валландигэма, но Вудворд оказался более гибким и даже опубликовал заявление с осуждением мятежа. Накануне выборов демократы сделали сильный ход: они убедили Макклевеллана (жившего в соседнем Нью-Джерси) написать письмо, где тот уверял, что если бы мог голосовать в Пенсильвании, то непременно бы «отдал голос за судью Вудворда»²³.

Из-за неоспоримого преимущества республиканцев при дискуссии по военным вопросам демократы предпочли сконцентрировать усилия на проверенном времени пункте: освобождении рабов. В Огайо они говорили о «неотвратимом конфликте между белыми и черными работниками»: «Пусть каждый голос отдается за *белого* человека против аболиционистских орд, которые хотят, чтобы дети негров учились с вашими детьми, присяжные-негры сидели в одной коллегии с вами, а голоса негров стояли в ваших избирательных бюллетенях!» Партийные ораторы высмеивали дородного кандидата от республиканцев Джона Брафа, называя его «толстым рыцарем африканских войск». Похожие, хотя и не такие резкие нападки вызвала идея «политического и социального равенства», оказавшаяся в центре кампании в Пенсильвании²⁴.

Но неприятие аболиционизма и расизм — эти заклинания демократов, — пожалуй, уже потеряли свою силу. Два почти одновременно произошедших в июле 1863 года события заставили их потерять силу. Первым был бунт против призыва, случившийся в Нью-Йорке и потрясший многих северян, заставив их отреагировать на звериные проявления расизма. Вторым была небольшая стычка в кампании против Чарлстона. Поздним вечером 18 июля две союзные бригады штурмовали форт Вагнер — земляное укрепление конфедератов, защищавшее вход в гавань Чарлстона. Атаку возглавлял 54-й Массачусетский пехотный полк. В этом факте не было ничего удивительного: полки из Массачусетса часто сражались в самом пекле многих

23 Shankman A. M. The Pennsylvania Antiwar Movement, 1861—1865. Cranbury (NJ), 1980. P. 133, 139.

24 Klement F. L. The Limits of Dissent: Clement L. Vallandigham and the Civil War. Lexington (Ky.), 1970. P. 245, 243; Gray W. The Hidden Civil War: The Story of the Copperheads. New York, 1964. P. 150; Shankman A. M. Pennsylvania Antiwar Movement... P. 103—104.

битв, и их потери были одними из самых высоких у федералов. Но 54-й был особым, «черным» полком. Командир полка и его офицеры были выходцами из известных аболиционистских семейств. Взятие форта — первое крупное дело полка — было бы важно само по себе, однако полковник Роберт Гоулд Шоу просил у своего бригадного командира дать его полку шанс выказать свою отвагу. Генерал приказал Шоу возглавить лобовую атаку по узкой песчаной косе на сильно укрепленном участке. Предсказать результат было легко: мятежники отбили атакующие бригады, нанеся им тяжелые потери.

54-й полк понес наибольшие утраты, лишившись почти половины своего состава, включая полковника Шоу, пораженного пулей прямо в сердце. Чернокожие солдаты добрались до бруствера Вагнера и удерживали его целый час в ночи, озаряемой вспышками пламени, пока их не выбили оттуда. Достижения и потери этого образцового негритянского полка, многократно описанные в аболиционистской прессе, вызвали перемену в отношении жителей Севера к чернокожим солдатам. «Сквозь пушечный дым этой темной ночи, — заявила *Atlantic Monthly*, — мужество наших цветных солдат сияет даже перед глазами тех, кто не хочет его замечать». А *New York Tribune* выразила уверенность, что эта битва «превратила форт Вагнер в такое же памятное для черной расы место, каким Банкер-Хилл уже девяносто лет является для белых янки». Когда офицер-конфедерат, как сообщалось, ответил северянам на их просьбу выдать тело Шоу словами: «Мы уже похоронили его рядом с его черномазыми», отец полковника пресек другие попытки северян вернуть тело его сына: «Мы считаем, что лучшая могила для солдата — то поле боя, где он пал»²⁵.

Прославление Шоу и его солдат началось как раз после того, как бунтари-демократы в Нью-Йорке линчевали нескольких чернокожих жителей и сожгли приют для цветных сирот. Многие республиканские газеты отметили: чернокожие, сражавшиеся за Союз, заслуживают больше уважения, чем белые, сражавшиеся против. Линкольн выразил такую точку зрения 26 августа в открытом письме, адресованном демократам. «Вы недовольны моим отношением к черной расе, — писал президент. — [Но] некоторые из командиров нашей армии, которые принесли нам самые важные победы, убеждены, что политика

25 Lader L. *The Bold Brahmins*. New York, 1961. P. 290; *New York Tribune*. 1865. Sept. 8; Emilio L. F. *A Brave Black Regiment: History of the Fifty-Fourth Regiment of Massachusetts Volunteer Infantry 1863—1865*. Boston, 1894. P. 102—103.

по освобождению рабов и использование негритянских полков нанесли самый тяжелый удар по мятежникам²⁶. Вы говорите, что не желаете сражаться за свободу негров. Некоторые из них, однако же, выражают готовность сражаться за вас; впрочем, но не будем об этом. Вы, стало быть, сражаетесь исключительно за сохранение Союза. Я выпустил эту Прокламацию с целью помочь вам сохранить Союз... [Когда война будет выиграна,] — подвел итог президент, — найдутся те черные, которые вспомнят, как молча, стиснув зубы, вглядываясь во тьму и держа наготове штыки, они помогли всем нам достичь нашей великой цели. Также, боюсь, найдутся и те белые, которые не смогут забыть, как со злобой в сердце и с ложью на устах они пыгались помешать этому»²⁷.

Письмо Линкольна задавало тон республиканской кампании 1863 года. Многие из республиканцев сами до сих пор боялись, что случится, когда бывшие рабы станут свободными; теперь же они могли заставить защищаться демократов. Оппозиция свободе рабов превратилась в оппозицию победе Севера. Проведя параллель между аболиционизмом и Союзом, республиканцы смогли обуздать расизм демократов в Огайо, Пенсильвании и Нью-Йорке (где в 1863 году прошли выборы в легислатуру). Республиканцы победили в двух третях избирательных округов Нью-Йорка. В Огайо был побежден Валландигэм, набравший на 100 тысяч голосов меньше, чем республиканский кандидат, закончивший гонку с беспрецедентным результатом в 61% голосов. Особенно удовлетворили Республиканскую партию отданные за ее кандидата 94% голосов заочного солдатского голосования. Усилия, направленные на агитацию солдат «голосовать так, как они стреляют», дали потрясающий результат. Интересно, что постановление Верховного суда Пенсильвании, написанное в прошлом году ни кем иным, как Джорджем Вудвордом, запрещало солдатам голосовать за пределами места их проживания. Так как увольнительные смогли получить лишь несколько тысяч уроженцев Пенсильвании, то их вклад в победу республиканцев над Вудвордом в этом штате (51,5% голосов; на 15 тысяч голосов больше, чем у демократов) оказался небольшим.

26 Это была ссылка на слова Гранта, который писал Линкольну 23 августа: «Вооружив негров, мы получили могучего союзника... Наряду с освобождением рабов эта мера является самым тяжелым ударом из всех, нанесенных Конфедерации... Они станут хорошими солдатами, а то, что мы взяли их у врага, ослабляет южан и усиливает нас» (Lincoln Papers. Library of Congress).

27 CWL. VI. P. 401—410.

Вдобавок республиканцы везде добились весомых успехов на местных выборах. Эти результаты были ими интерпретированы как признаки изменения общественного мнения в сторону признания освобождения негров. Республиканская газета в Спрингфилде, родном городе Линкольна, заметила, что если бы по Прокламации об освобождении был проведен референдум год назад, то «мало сомнений в том, что большинство проголосовало бы против. Однако не прошло и года, а она уже одобрена подавляющим большинством населения». Один республиканец из Нью-Йорка сделал вывод: «Изменения общественного мнения по вопросу о рабстве... великий исторический факт... Кто мог предсказать... столь значительную и благословенную революцию?.. Да простит нам Бог нашу слепоту трехлетней давности». В своем ежегодном послании Конгрессу 8 декабря 1863 года Линкольн признал, что за объявлением Прокламации об освобождении рабов «последовали мрачные дни, полные сомнений». Но сейчас «кризис, угрожавший всем сторонникам Союза, миновал»²⁸. Если оптимизм Линкольна и оказался преждевременным, то он, тем не менее, стал зеркальным отражением того отчаяния, которое грозило раз и навсегда подорвать решимость южан продолжать войну.

28 Voegeli V. J. *Free But Not Equal: The Midwest and the Negro during the Civil War*. Chicago, 1967. P. 131; Strong G. T. *Diary*. P. 408; CWL. VII. P. 49—50.

23.

«Когда эта ужасная война закончится...»

I

К сожалению для Джефферсона Дэвиса, выборы в Конгресс Конфедерации состоялись осенью 1863 года, когда боевой дух южан пребывал где-то у нижней отметки. Администрация Дэвиса заслужила куда меньше доверия избирателей, чем ее северные коллеги годом раньше в схожей ситуации. Разница была не только в масштабе поражений Конфедерации, но и в различной политической структуре Севера и Юга.

На Юге не существовало официальных политических партий. Такое положение вещей имело под собой две причины: развал двухпартийной системы в 1850-е годы и потребность в создании единого фронта для сессии и ведения войны. Хотя виги в 1860 году на короткое время возродились под именем «конституционной партии», во время кризиса 1861 года они опять исчезли с политической арены. На периферии политической жизни Юга философия вигов существовала скорее в виде воспоминаний и сантиментов, и даже самые дотошные исследователи, использовавшие данные поименных голосований, не смогли выявить партийные организации или сколько-нибудь важные партийные тенденции при голосованиях в Конгрессе Конфедерации с 1861 по 1863 год¹.

1 Alexander Th. B. Persistent Whiggery in the Confederate South, 1860—1877 // JSH. 1961. 27. P. 305—310; Beringer R. E. The Unconscious 'Spirit of Party' in the Confederate Congress // CWH. 1972. 18. P. 312—316; Alexander Th. B., Beringer R. E. The Anatomy of the Confederate Congress. Nashville, 1972. P. 35—57.

Южане видели в этом дополнительный источник своей силы. Временный председатель Конгресса поздравил его членов с тем, что они «в своих прениях никогда до сей поры не руководствовались партийными интересами»². Но, как сейчас признают историки, отсутствие партий на самом деле подрывало позиции Юга. Двухпартийная система на Севере держала политическую жизнь страны в определенных рамках. Республиканская партия стала инициатором мобилизации военной промышленности, поднятия налогов, создания новой финансовой системы, освобождения рабов и проведения призыва. Демократы противостояли большинству этих мер; и противостояние позволило республиканцам сомкнуть свои ряды в дни испытаний. Вследствие того, что конкретные меры предлагались или отвергались *партиями*, избиратели могли определить ответственных за эти решения и отреагировать на избирательных участках. Разумеется, обе партии активно использовали свои хорошо отлаженные механизмы для привлечения электората на свою сторону, тогда как в Конфедерации, наоборот, администрация Дэвиса не обладала такими рычагами. Отсутствие партий подразумевало и отсутствие формальной дисциплины конгрессменов и губернаторов — Дэвис, в отличие от Линкольна, не мог требовать партийной лояльности или поддержки своей политики. Оппозиция администрации Дэвиса была персональной или групповой, поэтому иметь с ней дело было очень трудно.

На Севере, где почти все губернаторы были республиканцами, партийная принадлежность делала их вклад в войну согласованным. На Юге обструкционистская деятельность некоторых губернаторов препятствовала концентрации усилий, ибо центробежные тенденции соблюдения прав штатов не были уравновешены центростремительной силой партийной принадлежности. Конституция Конфедерации ограничила президентские полномочия одним шестилетним сроком, поэтому Дэвису не было нужды строить партийную организацию для собственного переизбрания. Такие шаги правительства, как введение призыва, реквизиции собственности, натуральный налог и управление финансами, были основным предметом споров во время выборов в Конгресс в 1863 году. Оппозиционные кандидаты шли на выборы на индивидуальной, а не на партийной основе, и правительство

2 Journal of the Congress of the Confederate States of America, 1861—1865. Washington, 1904—1905. I. P. 846.

не могло из своих политических орудий расстрелять множество мелких мишеней³.

Историки зафиксировали появление в Конфедерации в 1863 году так называемых «протопартий». В зарождавшейся оппозиции наиболее видную роль должны были играть виги, но отсутствие четкой платформы иллюстрируют популярность Луиса Уигфолла и личный авторитет генерала Джозефа Джонстона как противников Дэвиса. Демократ из когорты «пламенных ораторов», недолго служивший под началом Джонстона и бывший генералом в Виргинии, перед тем как быть избранным в Сенат от Техаса в 1862 году, Уигфолл к следующему году превратился в жесткого критика «тупости и упрямства» президента Дэвиса. Если Дэвис обвинял Джонстона в потере Виксберга, то Джонстон и Уигфолл обвиняли президента в невнятной структуре командования на Западе, что и привело к катастрофе. Хотя Джонстон не выражал подобных мыслей публично, его письма к друзьям не оставляют сомнений на этот счет. К осени 1863 года Джонстон, по словам другого южного генерала, стал «щитом», за которым прятались критики администрации «и пускали стрелы в президента Дэвиса»⁴.

Инфляция и нехватка самых необходимых товаров подбросили дров в костер оппозиции. Через четыре месяца после Геттисберга цены подскочили почти на 70%. «Вчера на аукционе бочонок муки стоил 100 долларов, сегодня он стоит уже 120, — писал в ноябре житель Ричмонда. — Прилично одеться будет стоить не меньше 700 долларов... Мы выглядим потрепанными, чтобы не сказать запущенными или ободранными... Каждую ночь то тут то там воруют птицу, солонину, даже коров и свиней... Так дело скоро дойдет до волнений». Глава тыловой службы военного министерства, человек, преданный Дэвису, признавался в ноябре: «Неотвратимое банкротство финансовой системы, упорство, с которым президент полагается на людей, утративших на самом деле всякое доверие общества, скудость средств к существованию... вызывают глубокое разочарование... Я никогда не впал в отчаяние по поводу перспектив нашего святого и праведного дела, но моя вера... уступает безнадежности»⁵.

3 Многим из этих выводов я обязан чрезвычайно любопытной работе: McKittrick E. L. Party Politics and the Union and Confederate War Efforts // The American Party System. NY, 1967. P. 117—151.

4 McMurry R. M. The Enemy at Richmond: Joseph E. Johnston and the Confederate Government // CWH. 1981. 27. P. 15—16.

5 Jones J. War Clerk's Diary (Miers). P. 302, 303, 304, 309; Younger E. Inside the Confederate Government: The Diary of Robert Garlick Hill Kean. NY, 1957. P. 119.

В такой атмосфере и состоялись выборы. Они привели к росту числа представителей, открыто настроенных против действующей власти (с 26 до 41 при общем числе в 106); 12 из 26 сенаторов следующего Конгресса отождествлялись с оппозицией. Число бывших вигов и «условных» юнионистов в Конгрессе выросло с трети до половины. Бывшие виги выиграли в 1863 году и некоторые губернаторские выборы, включая Алабаму и Миссисипи, где они победили впервые в истории. Администрации удалось сохранить незначительный перевес в Конгрессе по парадоксальной причине: наиболее рьяно Дэвиса поддерживали конгрессмены от оккупированных Союзом штатов Кентукки, Миссури (оба считались штатами Конфедерации и имели представительство в ее Конгрессе), Теннесси и тех частей Луизианы, Арканзаса, Миссисипи и Виргинии, в которых, естественно, невозможно было провести нормальные выборы (поэтому те, кто уже исполнял свои обязанности, остались на своих местах или были «переизбраны» горсткой беженцев из их округов). Эти «ирредентисты» громче всех поддерживали требование «вести войну до последнего вздоха». Они сформировали подобие «партии власти» в Конфедерации. Они голосовали за повышение налогов, которые невозможно было взимать в их избирательных округах, и за ужесточение законов о призыве, причем из мест их проживания не взято было ни одного человека. Те же регионы, что оставались под контролем южан, наоборот, избрали большинство противников администрации. Из двух крупнейших избирательных округов, Северной Каролины и Джорджии, 16 из 19 новых конгрессменов находились в оппозиции к правительству⁶.

Как и на Севере, оппозиция была двух видов. Большинство противников правительства разделяли его военные цели, не соглашались с некоторыми мерами в русле «тотальной войны», с помощью которых эти цели можно было достичь. Другие же оппоненты называли войну провалом и требовали мирных переговоров, даже если они и подвергали риску декларируемые цели войны. На Севере таких людей называли «медянками», на Юге они стали известны как «реконструкционисты» или «тори». И на Севере и на Юге влияние мирной фракции усиливалось, когда ухудшалось положение на фронте.

6 *Yeams W. B. The Confederate Congress. Athens (Ga.), 1960. P. 49—59; Beringer R. E. The Unconscious 'Spirit of Party'... P. 314—323; Alexander Th. B. Persistent Whiggery in the Confederate South... P. 308—309; Alexander Th. B., Beringer R. E. Anatomy of the Confederate Congress....*

Сторонники войны, но противники администрации были наиболее заметны в Джорджии. В этом штате триумvirат в лице вице-президента Александра Стивенса, бывшего генерала Роберта Тумбса и губернатора Джозефа Брауна объявил Дэвису личную вендетту. Стивенс сравнивал президента со своим «бедным, старым, слепым и глухим псом». Обиженный на «вест-пойнтскую клику», лишившую его воинской славы, Тумбс в 1863 году обрушился на Дэвиса, назвав его «лицемерным... негодяем», у которого нет «ни моральных качеств, ни способностей возглавлять революцию». Финансовая политика правительства, по словам Тумбса, была «разорительной, губительной и несносной»; реквизиции сельскохозяйственной продукции — «принудительными и обманными»; указ о призыве «грубо нарушил справедливость и Конституцию». «Дорога к свободе белого человека не лежит через рабство, — метал молнии Тумбс в ноябре 1863 года. — Текущая политика мистера Дэвиса приведет революцию к поражению в течение полугода». Губернатор Браун не только высказывался против призыва, но и принимал свои меры: назначил несколько тысяч новых констеблей, офицеров ополчения, мировых судей, коронеров и окружных инспекторов, избавив их от службы в армии⁷.

В феврале 1864 года в Джорджии разразился кризис, когда завершавший свою деятельность старый Конгресс позволил президенту приостановить действие *habeas corpus*, чтобы подавить недовольство и провести призыв⁸. Оба сенатора от Джорджии голосовали против этого законопроекта. Вице-президент Стивенс осудил этот проект как удар по свободе, нанесенный президентом, «добивающимся абсолютной власти»: «Много лучше, если страна завоевана врагом, города ее разграблены и сожжены, а поля опустошены, чем страдать от того, что цитадель нашей свободы захвачена тем, кто прикидывался другом». Стивенс также помог Брауну написать воззвание к легислатуре, осуждавшее этот закон как шаг к «военной диктатуре». «Чего мы добьемся, получив независимость от Соединенных Штатов, — риторически вопрошал Браун, — если все наши усилия приведут к тому, что мы... потеряем конституционные свободы на своей родине?» Легислатура приняла

7 O. R. Ser. IV. Vol. 3. P. 278—280; The Correspondence of Robert Toombs, Alexander H. Stephens, and Howell Cobb. Washington, 1913. P. 608, 611, 619, 623, 627, 628, 629; Moore A. B. Conscriptio and Conflict in the Confederacy. New York, 1924. P. 256—70.

8 Некоторые судьи в Северной Каролине, Джорджии и других штатах выдавали эти приказы тем, кто их испрашивал, чтобы воспрепятствовать отправке этих людей в армию.

резолюцию, написанную братом Стивенса, заклеившую приостановление действия *habeas corpus* как антиконституционную меру⁹.

Из Ричмонда все это казалось, конечно, тревожным, но куда тревожнее было предложение Брауна о начале мирных переговоров. Александр Стивенс в общем поддержал это предложение в ходе своей трехчасовой речи перед членами легислатуры, а его брат внес дополнительную резолюцию, призывающую все население «через органы управления штатами и народные собрания» оказать давление на правительство с требованием покончить с войной. Это было злобещим сигналом — в воздухе запахло изменой. В действительности Браун и Стивенс хотели начать переговоры после следующей победы Конфедерации, причем их непременным условием было требование независимости. Ни один человек, включая Стивенса, не ожидал, что Линкольн вступит в переговоры на таких условиях. Принятые резолюции имели цель расколоть северян и усилить фракцию «мирных» демократов, у которых должно было создаться впечатление, будто южане готовы к переговорам. Но эта тонкость ускользнула от внимания многих южан, считавших Брауна и Стивенса реконструкционистами и сторонниками мира любой ценой. Вместо того чтобы расколоть и завоевать Север, их «мирная авантюра» сыграла на руку янки, надеявшимся расколоть и завоевать Юг.

Большая часть южной прессы, даже в Джорджии, подвергла вице-президента критике. Полки из этого штата на фронте приняли резолюции, осуждавшие Брауна и легислатуру. Сенаторы от Джорджии также упрекнули Стивенса, хотя и достаточно мягко. «Ваша антипатия к Дэвису повела вас по неверному пути, — высказал вице-президенту сенатор Хершел Джонсон. — Вы неправы, потому что занимаете официальный пост. Вы неправы, потому что способствовали созданию целого движения, чья сумасбродная цель — объявить войну Дэвису и Конгрессу. Вы неправы, потому что это движение выгодно нашему врагу, и они уже используют это в своих газетах». Легислатура в спешном порядке приняла новую резолюцию, заверяющую, что Джорджия полностью поддерживает войну¹⁰.

9 Rabun J. Z. Alexander H. Stephens and Jefferson Davis // AHR. 1953. 58. P. 308; Moore A. B. Conscription and Conflict in the Confederacy. P. 270—271; Robbins J. B. The Confederacy and the Writ of Habeas Corpus // Georgia Historical Quarterly. 1971. 55. P. 93—94.

10 Rabun J. Z. Alexander H. Stephens and Jefferson Davis. P. 311. См. также: Brumgardt J. R. The Confederate Career of Alexander H. Stephens: The Case Reopened // CWH. 1981. 27. P. 64—81; Moore A. B. Conscription and Conflict in the Confederacy. P. 272—273.

Пока оппозиционеры из Джорджии надеялись на заключение мира, победив в войне, часть противников Дэвиса из Северной Каролины желала реконструкции. В этом последнем отделившемся штате верность Конфедерации всегда оставалась под вопросом, несмотря на то, что он дал фронту больше солдат, чем любой другой штат, за исключением Виргинии. Впрочем, Северная Каролина была и родиной наибольшего числа дезертиров¹¹. Западная часть этого штата по социально-экономическим показателям и симпатиям к юнионизму напоминала восточную часть Теннесси и Западную Виргинию. Однако недоступность этого региона для действий федеральных сил замедлила становление там сколько-нибудь заметного юнионистского движения до 1863 года, когда «Орден героев Америки» — тайное общество сторонников мира — получил значительную поддержку во внутренних районах штата, что явилось реакцией на усталость от войны и пораженческие настроения, ставшие заметными после Геттисберга. Домой вернулись тысячи дезертиров, и в союзе с «тори» и уклонистами от призыва они установили своего рода контроль над целыми округами¹².

Самыми влиятельными политиками Северной Каролины были Зебулон Вэнс и Уильям Холден. Вэнс, бывший до войны вигом, а в 1861 году «условным» юнионистом, до своей победы на губернаторских выборах 1862 года командовал полком в Северовиргинской армии. Хотя Вэнс и враждовал с Дэвисом в вопросах соотношения полномочий штата и центральной власти, он поддерживал войну и до самого конца продолжал «сражаться с янки и ссориться с Конфедерацией»¹³. Холден был сделан из другого теста. Начав свою карьеру как виг, он в 1850-х годах превратился в демократа и сецессиониста, но потом порвал с этой партией и до последнего момента оставался противником отделения. Будучи редактором издававшейся в Роли *North Carolina Standard*, он выступал поборником гражданских свобод и критиковал политику администрации во время войны. Делая акцент на различии

-
- 11 Большинство источников, посвященных этой проблеме, сходятся на 23 тысячах — это больше одной пятой всех дезертиров Конфедерации и едва ли не вдвое больше любого другого штата.
 - 12 *Tatum G. L. Disloyalty in the Confederacy.* Chapel Hill, 1934. P. 107—135; *Auman W. T., Scarboro D. D. The Heroes of America in Civil War North Carolina* // *North Carolina Historical Review.* 1981. 58. P. 327—363; *Auman W. T. Neighbor against Neighbor: The Inner Civil War in the Randolph County Area of Confederate North Carolina* // *North Carolina Historical Review.* 1984. 61. P. 59—92.
 - 13 *Barrett J. G. The Civil War in North Carolina.* Chapel Hill, 1963. P. 242.

устремлений богатых и бедных в войне, Холден завоевал симпатии большого количества мелких фермеров и рабочих. Его «консервативная партия», куда в основном вошли старые виги и «условные» юнионисты, поддерживала Вэнса как кандидата в губернаторы, причем в ее программе было требование о суверенитете штата в рамках Конфедерации. К лету 1863 года Холден убедился, что южанам не удастся выиграть войну, а воинская повинность, реквизиции, «военная диктатура» и экономический коллапс являют собой большее зло для жителей Северной Каролины, чем воссоединение с Соединенными Штатами.

При поддержке «Героев Америки» Холден и его сторонники провели более сотни антивоенных собраний, где были приняты резолюции, позаимствованные из передовиц *Standard* с призывами начать переговоры о «почетном мире». Что значил этот термин, понять было нелегко, но ярым конфедератам он очень напоминал измену. Один наблюдатель, неприязненно относившийся к Холдену, сообщал в августе 1863 года о том, что на нескольких мирных митингах, проходивших в западной части штата, «произносили изменнические речи и даже водружали флаг Союза». В сентябре 1863 года чиновник военного министерства отмечал, что сторонники Холдена «перестали действовать тайно и начали проводить „просоюзные“ митинги в некоторых западных округах... За Реконструкцию теперь агитируют в открытую»¹⁴. Бригада корпуса Лонгстрита на пути в армию Брэгга остановилась в Роли и 9 сентября разгромила редакцию газеты Холдена. В ответ на это толпа его сторонников на следующий день уничтожила редакцию проправительственной газеты.

На фоне этих событий по меньшей мере пять, а может быть, и восемь конгрессменов от Северной Каролины, избранных в 1863 году, были, «как сообщается, сторонниками заключения мира». Смысл этой характеристики неясен, но после выборов Холден начал призывать жителей Северной Каролины объявить о суверенитете и начать сепаратные переговоры с Севером. Он настаивал на том, что такая мера укрепит независимость Конфедерации, но мало кто принимал эти слова всерьез. Как писал в своем письме губернатору Вэнсу один из последователей Холдена: «Мы хотим прекратить войну, и мы заключим мир на любых почетных условиях. Мы бы предпочли

14 O. R. Ser. I. Vol. 29, pt. 2. P. 660; Younger E. Inside the Confederate Government. P. 103—104.

сохранить независимость, если бы это было возможно, но теперь, конечно же, предпочтем *реконструкцию порабощению*»¹⁵.

Вэнс ранее ручался за лояльность Холдена, но к концу 1863 года начал убеждаться в том, что редактор хочет выхода Северной Каролины из Конфедерации. Этого он потерпеть не мог. «Скорее консервативная партия разлетится на тысячу частей, а Холден и его подпевалы будут гореть в аду, чем я соглашусь на шаги, которые, по моему мнению, станут катастрофой как для штата, так и для всей Конфедерации!» — воскликнул губернатор. Однако Вэнс не мог рубить сплеча, так как подозревал, что большинство жителей штата поддерживают Холдена, поэтому обратился за поддержкой к Джефферсону Дэвису. В своем письме президенту от 30 декабря Вэнс предлагал «пойти на определенные шаги в плане мирных переговоров с врагом», чтобы успокоить «недовольных в Северной Каролине». Разумеется, поспешно добавлял Вэнс, Юг должен вести эти переговоры только с позиции независимости. Если же эти «справедливые условия будут отвергнуты» (как он, Вэнс, и ожидает), то «можно будет укрепить провоенные настроения и призвать все слои населения к более горячей поддержке правительства»¹⁶.

От Дэвиса ускользнула эта подоплека письма Вэнса, сделавшая бы честь Макиавелли¹⁷. Какое благо может принести предложение мира? Оно может рассматриваться только как признание собственной слабости. «Этот деспот [Линкольн уже ясно дал понять, что мир на Юге возможен только после] освобождения всех рабов, принесения клятвы верности и покорности лично ему и его прокламациям, и фактического превращения нас в рабов наших же негров». Истинным путем к миру, наставлял Вэнса Дэвис, является продолжение войны до тех пор, «пока из врагов не выбьют их напрасную уверенность в том, что южане покорятся им». Северная Каролина должна вносить свой вклад в эту борьбу, и, не заигрывая с предателями, Вэнсу следует «перестать следовать тактике примиренчества и бросить им вызов»¹⁸.

15 Tatum G. L. Disloyalty. P. 125; Yearns B. W., Barrett J. G. North Carolina Civil War Documentary. Chapel Hill, 1980. P. 296.

16 Yates R. E. The Confederacy and Zeb Vance. Tuscaloosa (Ala.), 1958. P. 95; Davis. VI. P. 141—142.

17 Она также ускользнула и от обычно пронизательной Мэри Бойкин Чеснат и ее мужа Джеймса, бывшего адъютантом Дэвиса. Они увидели в письме Вэнса предложение заключить мир, не одержав победу, что стало бы предвестником гибели Конфедерации (Chesnut's Civil War. P. 257).

18 Davis. P. 143—146.

Дэвис сам поступал в соответствии с собственным советом. В своем послании Конгрессу 3 февраля 1864 года, предлагая принять закон о приостановлении действия *habeas corpus*, он заметил, что такой закон необходим, чтобы бороться с «гражданами, чья нелояльность хорошо известна» и кто стремится «осуществить измену под видом соблюдения закона». Холден понимал, что президент имеет в виду его. 24 февраля он объявил, что приостанавливает выпуск *Standard*, потому что, как он объяснял впоследствии: «Если я не мог продолжать печатать газету как свободный человек, я перестал делать это вовсе»¹⁹. Однако это не положило конец мирному движению; наоборот, неделю спустя Холден объявил о желании противостоять Вэнсу на губернаторских выборах, намеченных на середину лета.

Такое намерение стало самой серьезной внутренней угрозой для Конфедерации за все время. Большинство наблюдателей сходилось во мнении, что Холден должен победить. Но Вэнс перехватил инициативу и во время умело проведенной предвыборной кампании перетянул на свою сторону голоса многих противников войны. «Мы все хотим мира», — гипнотизировал аудиторию губернатор. Проблема в том, как его достичь. План Холдена по созыву независимого конвента штата толкнул бы Северную Каролину обратно в объятия Союза. «Вместо возвращения ваших сыновей к родному очагу их призовут в ту армию, и они будут сражаться бок о бок с негритянскими войсками, которые стремятся уничтожить все белое население Юга». Единственной возможностью достичь настоящего мира будет «довести начатое до конца» и выиграть войну, несмотря на неумелое ведение ее из Ричмонда²⁰.

Вэнсу удалось наклеить на Холдена ярлык «реконструкциониста». Своевременное начавшееся шельмование «Героев Америки» как кружка изменников, тайно помогавшего Холдену, нанесло тому последний удар. Немногие верили словам Холдена о том, что он никак не связан с этим обществом. Солдаты из северокаролинских полков проклинали Холдена за то, что он позорит родной штат. «Немало северокаролинцев было расстреляно за дезертирство, — писал один рядовой. — За большинство их смертей должен ответить известный предатель Холден. Я считаю, что те солдаты из Северной Каролины,

19 Ibid. P. 165; *Raper H. W. William W. Holden and the Peace Movement in North Carolina // North Carolina Historical Review. 1954. 31. P. 509—510.* Выпуск *Standard* Холден прекратил лишь в мае.

20 North Carolina Civil War Documentary. P. 302—304.

которые поедут в отпуск через Роли, должны выйти там и повесить старого сукина сына». В день выборов Вэнс разгромил Холдена, завоевав 88% голосов солдат и 77% — гражданских лиц. Северная Каролина осталась лояльной Конфедерации²¹.

II

Признаки разочарования южан текущим положением вещей побудили Линкольна осенью 1863 года объявить о политике «реконструкции» для раскаявшихся конфедератов. «Ввиду того, что некоторые лица, ранее участвовавшие в указанном мятеже, выражают желание вновь выказать лояльность Союзу и вернуть законные органы управления в штатах», объявил президент в своей прокламации от 8 декабря, он предлагает прощение и амнистию тем, кто принесет клятву верности Соединенным Штатам и всем их законам и прокламациям, включая законодательство о рабстве. Впрочем, на правительственных чиновников и высокопоставленных военных право на такую амнистию не распространялось. Если количество лиц, дававших такую клятву, в каждом штате достигало 10%, эта группа могла образовать правительство штата, которое могло быть признано президентом. Естественно, право решать, принимать ли в свой состав сенаторов и представителей, избранных в этих штатах, оставалось за Конгрессом²².

Этот на первый взгляд простой документ явился результатом многочисленных экспериментов и дебатов, шедших последние два года. К концу 1863 года среди республиканцев существовала договоренность, что осколки старого Союза склеить невозможно. Одним из утерянных (впрочем, без всякого сожаления) осколков было рабство; другим должно было стать лишение бывших сецессионистов лидирующей роли в политической жизни Юга. Вне этой конвенции в недрах Республиканской партии можно было наблюдать спектр различных мнений в отношении как процесса, так и сущности реконструкции.

Линкольн никогда не отступал от своей доктрины, что сецессия является незаконной, и южные штаты, таким образом, не выходили из состава Союза. Так как мятежники создали собственные, времен-

21 *Bardolph R. Inconstant Rebels: Desertion of North Carolina Troops in the Civil War // North Carolina Historical Review. 1964. 41. P. 184. См. также: Kruman M. W. Parties and Politics in North Carolina, 1836—1865. Baton Rouge, 1983. P. 249—265.*

22 *CWL. VII. P. 53—56.*

ные органы управления, задачей реконструкции было возвращение «законных» должностных лиц. С одной стороны, все республиканцы поддерживали эту доктрину нерушимости штатов в неделимом Союзе — верить в иное значило бы отрицать цели войны. С другой — никто не мог отрицать, что южные штаты покинули Союз и образовали новое правительство со всеми государственными атрибутами. Некоторые радикалы во главе с Тадеусом Стивенсом настаивали на том, что тем самым эти штаты перестали существовать как законные образования. Когда союзная армия оккупирует и установит контроль над ними, они превратятся в «завоеванные провинции», зависимые от воли завоевателя. Однако большинство республиканцев не готовы были зайти так далеко. Многие из них в том или ином виде разделяли точку зрения, что, совершив изменнический акт сепаратизма, южане совершили «самоубийство штатов» (термин Чарльза Самнера) или же «лишились» прав штата, вернувшись, таким образом, к состоянию территории²³.

Обсуждение таких точек зрения заняло в Конгрессе много времени и сил. Не одобряя «пагубные абстракции», Линкольн не придавал большого значения «сугубо метафизическому вопросу», находятся ли «так называемые отделившиеся штаты в составе Союза или нет». Все согласны, говорил он, что эти штаты «находятся в ненадлежащих отношениях с Союзом; единственной задачей правительства является сделать так, чтобы эти отношения снова стали надлежащими»²⁴. Линкольн отлично понимал, хотя и не признавался в этом, что «метафизический вопрос» о путях реконструкции подразумевает борьбу между Конгрессом и исполнительной властью за контроль над этим процессом. Если южные штаты вновь превратятся в территории, то Конгресс получит право выработать условия их повторного принятия в рамках своих конституционных полномочий по управлению территориями и принятию в состав Союза новых штатов. Если, с другой стороны, признать сепаратизм делом отдельных лиц, а статус штатов — незывлемым, то такое право получит президент в рамках уже своих конституционных полномочий по подавлению мятежа и дарованию прощения и амнистии.

23 Краткий обзор этих теорий см.: *McCarthy C. H. Lincoln's Plan of Reconstruction*. New York, 1901. P. 190—217; *McKittrick E. L. Andrew Johnson and Reconstruction*. Chicago, 1960. P. 96—119; *Belz H. Reconstructing the Union: Theory and Policy during the Civil War*. Ithaca, 1969. P. 7—13.

24 CWL. VIII. P. 402—403.

Наличие подспудного конфликта по такой процедуре служило причиной множества различных мнений о сути вопроса. Будучи уроженцем Кентукки и умеренным аболиционистом, Линкольн и сам был вигом, и поддерживал теплые отношения с южными вигами и юнионистами до конца 1861 года. Он верил в то, что эти лица были вовлечены в процесс сецессии вопреки своим убеждениям и к 1863 году блудные сыновья будут готовы вернуться в лоно Союза. Предложив им прощение на условиях клятвы верности Союзу и признания освобождения рабов, Линкольн надеялся на своего рода «эффект домино», когда один штат за другим начнут выходить из Конфедерации и вновь присоединяться к Союзу.

Несмотря на исключение лидеров Конфедерации из списков всеобщей амнистии, план президента во многом сохранял их ведущее положение в южном обществе. Для большинства аболиционистов и радикальных республиканцев это было неприемлемым. Они утверждали, что просто упразднить рабство, не уничтожив заодно экономическую и политическую структуру старого Юга, значило бы превратить чернокожих из рабов в безземельных крепостных и оставить политическую власть классу плантаторов. Сохранение собственности и права голоса за конфедератами, как предполагал проект амнистии Линкольна, «оставляло бы, — по словам Уэнделла Филлипса, — крупных земельных собственников Юга на господствующих позициях и делало бы свободу негров фикцией». Когда получившие прощение конфедераты восстановят контроль над своими штатами, продолжал Филлипс, «революция будет остановлена, причем с помощью администрации, желающей для негров свободы, но более ничего для них не делающей... Девиз Маккелллана на поле боя: „Причиняйте как можно меньше вреда!“ практически совпадает с девизом Линкольна в гражданских делах: „Производите как можно меньше перемен!“»²⁵

Филлипс и другие радикалы расценивали реконструкцию именно как революцию. «Вся структура штатов Мексиканского залива [должна] быть разобрана на части, — говорил Филлипс. — Войну можно закончить, только уничтожив эту олигархию, которая образовала Юг в таком его виде, управляет им и ведет войну, — уничтожив сам тип этого общества». Тот же пафос содержался и во взглядах председателя бюджетного комитета Палаты представите-

25 Benjamin Butler Papers. Library of Congress; Giddings-Julian Papers. Library of Congress; Liberator. 1864. May 20.

лей Тадеуса Стивенса, которого один иностранный репортер назвал «одновременно Робеспьером, Дантоном и Маратом» второй американской революции. «[Реконструкция обязана] революционизировать южные институты, привычки и обычаи, — заявлял Стивенс. — Основы этих институтов необходимо разрушить и создать вновь, иначе все наши жертвы, человеческие и финансовые, будут напрасны»²⁶.

Хотя у Стивенса и Линкольна были различные взгляды на будущее Юга, Конгресс и глава исполнительной власти не разошлись по разным полюсам по этому вопросу. Линкольн оставался таким же гибким в вопросе реконструкции, каким проявил себя ранее в вопросе освобождения рабов. Если его проект амнистии и восстановления Юга «является лучшим, что президент может предложить, исходя из своих соображений, то не стоит думать, будто никакой другой способ не имеет права на существование». Большинство республиканцев — членов Конгресса выражали более осторожные мнения, чем Филлипс и Стивенс, но и радикалы и умеренные считали, что необходимо найти способ привести к политической власти на Юге истинных юнионистов. Они не верили в искренность некоторых раскаявшихся мятежников. К тому же все большее число республиканцев поддерживало введение (по крайней мере, ограниченного) избирательного права для освобожденных рабов. В конце 1863 года Салмон Чейз писал: «Я полагаю, что практически все, кто голосовал за формирование негритянских полков, выступают и за предоставление неграм избирательного права»²⁷. Республиканское большинство, убежденное в том, что воззрения Линкольна всего на несколько месяцев отстают от их собственных (как было с вопросом об освобождении рабов), приветствовало его прокламацию об амнистии и реконструкции. Действительно, примерно месяц спустя Линкольн в частном письме писал республиканцу из Нью-Йорка, что, предложив амнистию для белых, он также поддерживает и избирательное право для черных, «по крайней мере для тех из них, кто получил основное образование или находился на

26 *Liberator*. 1862. Aug. 8; *New York Tribune*. 1863. Jan. 23; *Foner E. Thaddeus Stevens, Confiscation, and Reconstruction // The Hofstadter Aegis: A Memorial*. New York, 1974. P. 154; *Brodie F. M. Thaddeus Stevens: Scourge of the South*. NY, 1959. P. 231—232.

27 *CWL*. VII. P. 56; *Trefousse H. L. The Radical Republicans: Lincoln's Vanguard for Radical Justice*. NY, 1969. P. 285.

воинской службе»²⁸. Однако и президент, и умеренные члены Конгресса на публике вели себя осторожнее. Чернокожие имели право голоса только в шести северных штатах, и возможное предоставление им этого права во всех остальных было не по сердцу многим избирателям, как и перспектива освобождения рабов год или два назад.

Линкольн и республиканские члены Конгресса к 1863 году сблизили позиции и по теоретическим, и по процедурным вопросам. Предыдущий Конгресс рассматривал несколько проектов по обеспечению управления мятежными штатами. Концепцию возврата к статусу территорий поддерживали две трети республиканцев в Палате представителей. Однако оставшиеся, блокировавшись с демократами и юнионистами из пограничных штатов, набрали достаточно голосов, чтобы провалить это предложение. Отрезвленное неудачей республиканское большинство обратилось к новому проекту, сочетавшему доктрину незыблемости статуса штатов с положением о праве Конгресса вмешиваться в дела этих штатов при исключительных обстоятельствах. Раздел 4 статьи IV Конституции говорит, что «Соединенные Штаты гарантируют каждому штату в настоящем Союзе республиканскую форму правления». Такая концепция была двойственной, призванной привлечь сторонников различных точек зрения. Формулировка «республиканская форма правления» могла означать избирательное право для негров; ее можно было использовать для запрещения рабства; наконец, она безусловно осуждала мятеж. Что было привлекательнее всего, в Конституции не указывалось прямо, кто несет основную ответственность за исполнение этой статьи — Конгресс или президент, а прежние решения Верховного суда говорили о двойной ответственности. Хотя теории о завоеванных провинциях, самоубийстве штатов и подобные им никуда не делись, концепция «республиканской формы правления» к 1863 году стала основной как для исполнительной,

28 CWL. VII. P. 101. Насчет подлинности этого письма имеются сомнения, связанные с возможностью подделки других абзацев, не цитирующихся здесь. Даже те, кто сомневается в подлинности письма, признают руку Линкольна в первых двух абзацах, включая и вышеприведенную цитату. См.: *Johnson L. E. Lincoln and Equal Rights: The Authenticity of the Wadsworth Letter* // JSH. 1966. 32. P. 83—87; *Hyman H. M. Lincoln and Equal Rights for Negroes: The Irrelevancy of the 'Wadsworth Letter'* // CWN. 1966. 12. P. 258—266. Письмо адресовано Джеймсу Водсворту, который был генерал-майором Поттомаской армии и лидером нью-йоркских республиканцев, потерпевшим поражение на губернаторских выборах 1862 г. Он погиб в бою 6 мая 1864 г.

так и для законодательной власти при рассмотрении вопросов процесса реконструкции.

В ходе войны президент как главнокомандующий вооруженными силами имел безусловное преимущество перед Конгрессом в вопросе вмешательства в дела штатов. Пока Конгресс в 1862 году вяз в дебатах, Линкольн действовал. Он назначил военных губернаторов контролируемых федералами частей Теннесси, Луизианы и Арканзаса, обязав их подготовить почву для восстановления гражданской власти. Продолжение активных боевых действий во всех трех штатах оставляло такие перспективы туманными год или даже более, однако после взятия Викасберга, выдворения Брэга из Теннесси и оккупации Литтл-Рока во второй половине 1863 года Линкольн предложил этим губернаторам начать процесс реконструкции. Он намеревался превратить прокламацию об амнистии и появление слоя 10% лояльного населения в своего рода «сборный пункт и план действия»²⁹.

Лучшим испытательным полигоном для эксперимента выглядела Луизиана. Еще с весны 1862 года союзные войска контролировали два из четырех избирательных округов в Конгресс. В Новом Орлеане проживало многонациональное и политически активное население, в 1860 году в большинстве своем голосовавшее за Белла или Дугласа. Многие сахарные и хлопковые магнаты, жившие вдоль рукавов Миссисипи, были вигами или «условными» юнионистами. Они с готовностью принесли клятву верности Союзу, чтобы получить разрешение на торговлю хлопком. Община свободных мулатов и кварталонов Нового Орлеана состояла из образованных и состоятельных людей, спонсировавших выходившую во время оккупации двуязычную республиканскую газету, а также снарядивших два полка, которые сражались под Порт-Хадсоном. В командующем оккупационными силами Натаниэле Бэнксе, ветеране республиканского движения, и бывшем демократе из Мэна Джордже Шепли, ставшем радикальным республиканцем и военным губернатором оккупированной части Луизианы, Линкольн видел «генералов от политики», готовых претворить в жизнь процесс реконструкции.

Однако процесс этот был замедлен броском Бэнкса в Техас, где он провел демонстрацию мощи Союза перед французскими войсками, и расколом юнионистов на две группировки. Меньшей из них были плантаторы, многие из которых с неохотой приняли квази-освобождение рабов, производимое армией (оккупированная часть

29 CWL. VII. P. 52.

Луизианы была исключена из Прокламации об освобождении). Эта фракция в июне 1863 года послала в Вашингтон делегацию, чьей просьбой были выборы нового правительства Луизианы в рамках существовавшей конституции штата. Подозревая, что целью делегации является сохранение рабства, Линкольн отказался встречаться с ней. Однако эти консерваторы не оставили своих попыток: идея реконструкции штата в рамках старой конституции продолжала жить.

Во главе второй, более динамичной группы, стояли юристы, врачи и предприниматели, многие из которых родились на Севере или за границей, но долгие годы перед войной проживали в Новом Орлеане. Они были противниками сецессии, а некоторые даже эмигрировали, чтобы не подчиняться Конфедерации. Они организовали «Союзную ассоциацию» и предложили создать конвент штата для принятия новой конституции, отменявшей рабство и устранявшей многие другие консервативные черты. По окончании этого процесса можно было провести выборы должностных лиц и конгрессменов, и «очищенная» Луизиана могла вернуться в лоно Союза.

Летом 1863 года Линкольн одобрил этот план, но регистрация избирателей шла очень медленно, так как ни Бэнкс, ни Шепли не занимались этим вопросом. «Это крайне расстраивает меня», — писал Бэнксу президент в ноябре. Хотя под контролем Союза было менее половины территории штата, Линкольн не считал это веской причиной для проволочек. «Не ожидая дальнейших территориальных приобретений, — приказывал он Бэнксу, — принимайтесь за работу и сформируйте реальное ядро, вокруг которого скорее сгруппируется население штата и которое я тотчас же смогу поддержать и признать истинным правительством Луизианы»³⁰. Именно желанием начать процесс как можно быстрее и объясняется, почему Линкольн установил размеры «реального ядра» в 10% от избирателей, голосовавших в 1860 году.

Уязвленный неодобрительным тоном Линкольна, Бэнкс решил действовать быстро, с помощью военных указов. Вместо выборов делегатов на конституционный конвент, как того хотела «Союзная ассоциация», он в феврале 1864 года приказал избрать должностных лиц штата, после чего в апреле должен был состояться конвент. Чтобы решить проблему рабства, Бэнкс просто издал указ, объявлявший этот институт «не имеющим законной силы». Плантаторы, как он объяснял Линкольну свою логику в письме, скорее согласятся

30 Ibid. P. 1—2.

с освобождением рабов в приказном порядке, чем признают его в новой конституции. Что касалось первоначального созыва конвента, то Бэнкс боялся, что делегаты начнут обсуждать «всевозможные юридические тонкости», что приведет к «опасному, если не фатальному промедлению». Генерал настаивал, что если Линкольн желает провести быструю реконструкцию, гарантированно освободить рабов и привлечь искомые 10% избирателей, то выборы должностных лиц следует провести до выборов делегатов на конвент. Президента убедили эти аргументы, и он приказал Бэнксу «приступить к делу как можно быстрее»³¹.

Радикальные юнионисты Луизианы были потрясены этим решением. Они считали, что Вашингтон выбил почву из-под их ног и насаждает в Луизиане по-настоящему новый порядок. Это действительно было частью замысла Бэнкса, так как он считал генеральный комитет «свободного штата», недавно организованный этими юнионистами, чрезмерно радикальным. Комитет этот отстаивал ограниченное избирательное право негров, и в одном из его собраний приняли участие делегаты от общины свободных чернокожих жителей города. Комитет заходил дальше, чем того хотело большинство белых жителей Луизианы, и, соответственно, дальше, чем могли позволить белые северяне. На заседаниях комитета «свободного штата» преобладала революционная риторика. Лидер движения, родившийся в Филадельфии, но проживший почти всю жизнь в Новом Орлеане, адвокат Томас Дюран соперничал с Уэнделлом Филлипсом в энтузиазме по поводу «великих принципов равенства и братства», на которых должен основываться новый порядок. «Революция не признает компромиссов. Она должна произвести в обществе радикальные перемены, как и подобает каждой великой революции». Однако Бэнкс изучал историю революций и почерпнул из прошлого ряд уроков. «Мировая история учит нас тому, что неконтролируемые революции, выходящие за грань разумного, вызывают контрреволюции, — писал он Линкольну. — Мы не станем исключением... Если предлагаемая [в Луизиане] политика является... слишком радикальной, реакцией на нее будет контрреволюция»³².

Программа Бэнкса разделила комитет «свободного штата» на радикалов и умеренных. На выборах 22 февраля каждая фракция,

31 Lincoln Papers. Library of Congress; CWL. VII. P. 123—124.

32 Цит. по: McCrary P. Abraham Lincoln and Reconstruction: The Louisiana Experiment. Princetonn 1978. P. 197, 228; Lincoln Papers.

а также консервативные плантаторы выдвинули своих кандидатов на пост губернатора и другие официальные должности. Бэнкс и большинство федеральных чиновников в Новом Орлеане поддерживали умеренных, которые и выиграли выборы, набрав больше голосов, чем радикалы и консерваторы вместе взятые. Число голосов, поданных на этих выборах, составило почти четверть от уровня выборов 1860 года.

Этот итог выглядел триумфальным для Линкольна и установленного им нижнего предела в 10%. Тем временем в Арканзасе конвент юнионистов, представлявших половину избирательных округов штата, принял новую конституцию, отрицавшую сецессию и упразднявшую рабство. Уровень голосования в Арканзасе также составил 25% от выборов 1860 года; конвент ратифицировал новую конституцию, а в марте избрал правительство штата. Однако это достижение прошло почти незамеченным в тени событий в Луизиане и Теннесси, где распри между «железобетонными» юнионистами и раскаявшимися конфедератами затянули процесс почти до конца 1864 года. Эта проблема плюс непрекращающиеся споры в Луизиане вбили клин между республиканцами, что угрожало серьезным расколом между президентом и Конгрессом. В ходе этого конфликта обсуждались четыре взаимосвязанных вопроса: судьба рабовладения; политическая роль черного населения в ходе реконструкции; определение «лояльности»; статус свободного труда черных в условиях нового общества. Вследствие того что каждый вопрос подогревал обстановку в Луизиане, градус напряженности поднимался и в Конгрессе, где республиканские законодатели пытались сформулировать собственное понимание реконструкции.

Их первоочередной заботой была судьба рабства. Будучи мерами военного времени, и Прокламация об освобождении, и указ Бэнкса, объявлявший рабство в Луизиане «несуществующим», после войны приобретали сомнительную законность. Именно поэтому луизианские радикалы видели во введении новой конституции, упразднявшей рабство, меру, которая должна предшествовать выборам нового правительства штата. Многие республиканцы в Конгрессе также опасались реставрации рабства, если к власти в реконструированной Луизиане придут консерваторы. Лучшим решением этой проблемы было бы принятие запрещающей рабство поправки к Конституции Соединенных Штатов. Все республиканцы, включая Линкольна, в 1864 году объединились в поддержку такого шага. В Сенате большинство в две трети голосов, необходимое для принятия упразд-

няющей рабство Тринадцатой поправки, образовалось быстро, но из-за противодействия демократов, укрепивших позиции на выборах в Конгресс в 1862 году, подобное же голосование в Палате представителей 15 июня закончилось с результатом 93 к 65 в пользу сторонников поправки, то есть поправка набрала на тринадцать голосов меньше требуемого. Чтобы гарантировать освобождение рабов как неотъемлемую часть процесса реконструкции, 2 июля Конгресс принял законопроект Уэйда — Дэвиса³³, содержавший требование о признании незаконности рабства в штатах Конфедерации как залог их возвращения в Союз.

Опасения, что умеренные и консервативные круги Луизианы вступят в сговор ради сохранения рабства, оказались беспочвенными. Несмотря на отказ многих радикалов от участия в мартовских выборах в конвент (1864), этот орган, заседавший с апреля по июль, включил пункт об отмене рабства в основной закон Луизианы. Он также санкционировал создание средних школ для всех детей, дал неграм возможность вступать в ополчение штата и гарантировал равноправие при обращении в суд для лиц всех рас. В контексте всей предыдущей истории Луизианы эти достижения были поистине революционными. Линкольн сказал про эту конституцию: «Превосходная... лучшая для несчастных чернокожих, чем, например, в моем Иллинойсе»³⁴.

Но по вопросу, который должен был выйти на первый план, а именно по избирательному праву для чернокожих, конвент не высказался. Некий умеренный политик из Луизианы скорее всего был прав, говоря, что едва ли хоть один белый из двадцати поддерживает введение избирательного права даже для грамотных, получивших образование мулатов, что же говорить о только что ставших свободными сельскохозяйственных рабочих! Тем не менее требования о предоставлении избирательного права всем неграм раздавались все громче. Аболиционисты и радикалы приобретали сторонников среди заседавших в Конгрессе республиканцев, убеждая их, что даровать право голоса бывшим мятежникам и лишить его лояльных

33 Назван по имени Бенджамин Уэйда, председателя сенатского комитета по территориям, и Генри Уинтера Дэвиса, председателя особого комитета Палаты представителей по реконструкции. Оба были радикалами. Дэвис представлял Мэриленд — важный нюанс в понимании того, насколько война революционизировала этот пограничный штат. 24 июня 1864 г. конституционный конвент Мэриленда принял поправку, упразднявшую рабство, утвержденную незначительным большинством избирателей 13 октября.

34 CWL. VIII. P. 107.

чернокожих будет не только безнравственно, но и недальновидно. В январе 1864 года «свободные цветные жители» Нового Орлеана составили петицию, в которой просили предоставить им избирательное право. Под этим документом подписалось больше тысячи человек. Двадцать семь из них еще с Эндрю Джексоном защищали Новый Орлеан от британцев в 1815 году, братья или сыновья многих других сражались в союзной армии. Два делегата отвезли петицию в Вашингтон, где их приветствовали радикальные конгрессмены, и сам Линкольн оказал им теплый прием в Белом доме. Под впечатлением от их манеры держаться президент написал только что избранному губернатору Луизианы Майклу Хану письмо, где за весьма кроткими формулировками скрывалась четкая директива. Имея в виду момент, когда будущий конвент перейдет к рассмотрению вопроса об избирательном цензе, Линкольн писал: «Я просто предлагаю лично вам подумать, не заслуживают ли и некоторые цветные того, чтобы быть включенными в списки избирателей. Например, образованная прослойка, а особенно те, кто доблестно сражался в наших рядах. Возможно, они смогут когда-нибудь в будущем помочь нам сохранить сокровище свободы в свободной семье». Хан и Бэнкс поняли намек. Однако убедить конвент, состоявший из белых жителей Луизианы (даже юнионистов, послушно проглотивших Прокламацию об освобождении), в необходимости политического равенства было крайне трудно. Самое большее, что удалось сделать губернатору и генералу (где лестью, где угрозами, где обещанием покровительства), было изменение первоначального решения, которым неграм *отказывалось* в праве голоса, на предложение, согласно которому полномочия предоставить им это право или отказать в нем оставались за легислатурой³⁵.

Не зная об усилиях Бэнкса и Хана, некоторые радикалы осуждали конституцию Луизианы за «дух кастовости». Описывая Луизиану как «образец для реконструкции, предложенный мистером Линкольном... где вся власть находится в руках все той же белой расы», ряд конгрессменов от Республиканской партии весной 1864 года перешли в оппозицию политике президента³⁶. Однако Конгресс больше ничего не мог сделать в отношении избирательного права

35 CWL. VII. P. 243. См. также: McCrary P. Lincoln and Reconstruction... P. 256—263; Cox L. Lincoln and Black Freedom: A Study in Presidential Leadership. Columbia (SC), 1981. P. 92; Tunnell T. Crucible of Reconstruction: War, Radicalism and Race in Louisiana 1862—1877. Baton Rouge, 1984. P. 36—65.

36 Cox L. Lincoln and Black Freedom... P. 104; McCrary P. Lincoln and Reconstruction... P. 271—272.

для негров. Первая версия законопроекта нижней палаты о реконструкции включала требование регистрации «всех лояльных власти граждан мужского пола». Эта фраза стала настоящим лозунгом республиканцев в вопросе о праве голоса. Но умеренные не готовы были пойти на этот шаг, поэтому они видоизменили проект, добавив слово «белых». Когда законопроект поступил в Сенат, комитет по территориям Бенджамин Уэйд вычеркнул это слово. Однако, прикинув возможные результаты голосования, Уэйд вновь вписал слово «белых» перед принятием проекта 2 июля: «Потому что, мне кажется, упоминание [избирательного права для черных] погубило бы весь законопроект»³⁷. Некоторые радикалы выражали возмущение подобным здравомыслием: «И это называется „гарантией республиканской формы правления“?», — иронизировал один аболиционист, а радикальная бостонская газета заметила: «Пока в Конгрессе не возобладают здравый смысл и элементарные приличия, позволяющие принимать законы, не ущемляя прав цветного населения, нас не будет заботить, насколько быстро эти законы теряют силу»³⁸.

Вопрос об избирательном праве для негров был лишь частью споров среди тех, кто формировал «лояльное» население штата с целью его реконструкции. По мнению радикалов, только чернокожие и те белые юнионисты, которые никогда не поддерживали Конфедерацию, могли считаться по-настоящему верными Союзу. Некоторые умеренные разделяли взгляды Линкольна, желая включить в их ряды и тех белых, которые отреклись от Конфедерации и принесли клятву верности Союзу. Однако юнионизм этих «обновленных» мятежников был в глазах многих республиканцев ненадежным, вот почему последние хотели предоставить право голоса неграм, гарантировав юнионистское большинство. Если не давать права голоса черным, то тогда не должны его иметь и раскаявшиеся белые, по крайней мере до тех пор, пока война не будет выиграна и не исчезнет опасность нового мятежа. Более того, конгрессмены-республиканцы считали 10 или даже 25% белых избирателей штата слишком шаткой основой для реконструкции, особенно тогда, когда этот процесс «диктуется военными властями под прикрытием выборов». По словам Генри Уинтера Дэвиса, председателя комитета Палаты представителей по реконструкции, правительство в Новом

37 CG, 38 Cong., 1 Sess. P. 3449. См. также: *Belz H. Reconstructing the Union...* P. 183, 201—202, 217.

38 *Principia*. 1864. May 12; *Boston Commonwealth*. 1864. July 15.

Орлеане представляет собой «гермафродита, наполовину военного, наполовину республиканца; оно выражает лишь интересы аллигаторов и лягушек штата Луизиана»³⁹.

Четвертым предметом спора была степень свободы в системе свободного труда, призванной заменить рабство. «Любой [предложенный новыми правительствами штатов] законопроект... касающийся освобожденных рабов, — заявлял Линкольн в своей прокламации об амнистии и реконструкции, — признающий их неременную свободу, обеспечивающий их образование и временно сочетающийся на данном этапе с их настоящим положением трудящегося, безземельного и бездомного класса, не будет вызывать возражений со стороны главы исполнительной власти»⁴⁰. Здесь в двух словах была изложена проблема, занимавшая Юг в течение еще многих лет после войны. Насколько «временной» должна быть такая система образования? Какого рода образование получают освобожденные рабы? Как долго будет сохраняться их статус «трудящегося, безземельного и бездомного класса»? Все это были вопросы, которые невозможно было решить до конца войны (да вряд ли и после), но они уже стояли перед военными властями, имевшими дело с беглыми рабами на оккупированном Юге.

Во время войны под защитой федеральной армии на пространстве от Мэриленда до Луизианы проживало несколько сотен тысяч беглецов. Многие из них покинули или были вынуждены покинуть места постоянного проживания. Первоочередной задачей стало предоставление им пропитания и крыши над головой. Армия слишком плохо снабжалась, чтобы нести еще и функцию благотворительного учреждения. Ее главной работой было сражаться с мятежниками; немногие солдаты желали иметь что-то общее с беглецами, разве только заставляли их работать и всячески демонстрировали свое недружелюбие. Тысячи чернокожих скапливались в зловонных лагерях, где их убивали болезни, ночевки под открытым небом, плохое питание и антисанитария. Эти колоссальные жертвы составили огромную часть жертв среди гражданского населения южан.

Из этого хаоса постепенно выкристаллизовывалось какое-то подобие порядка. Филантропические общества Севера стали посылать в лагеря одежду, медикаменты, товары первой необходимости и отправлять учителей. При поддержке Американской миссионерской

39 New York Tribune. 1864. Aug. 5; CG, 38 Cong., 1 Sess. P. 682.

40 CWL. VII. P. 55.

ассоциации, Национальной ассоциации помощи освобожденным рабам, Новоанглийского общества помощи освобожденным рабам, Западного комитета помощи освобожденным рабам и многих других религиозных и светских организаций сотни миссионеров и школьных учителей шли на Юг вместе с федеральной армией, принося материальную помощь, духовное утешение, а также обучая бывших рабов грамоте. Предвестники масштабного послевоенного вторжения, носители ценностей янки (большинство из них были женщины) рассматривали себя как мирную армию, идущую поднимать освобожденных с колен и помогать им переходить от рабства к свободе и процветанию.

Будучи в большинстве своем выходцами из Новой Англии и убежденными аболиционистами, эти реформаторы имели значительное влияние на некоторых членов кабинета министров. В 1863 году они убедили военное министерство создать комиссию по делам освобожденных, чьи рекомендации привели к учреждению в последние дни войны Бюро по делам освобожденных рабов. Им также удалось содействовать назначению сочувствовавших неграм армейских офицеров на посты, связанные с управлением делами освобожденных рабов в различных регионах оккупированного Юга. Этими офицерами, в частности, были генерал Руфус Сакстон (прибрежные острова Северной Каролины) и полковник Джон Итон, которого Грант назначил ответственным за беглых рабов долины Миссисипи в ноябре 1862 года. К 1863 году армейское начальство выпустило многих беглецов из лагерей и отправило их работать на «домашних фермах», чтобы они обеспечивали себя пропитанием. Также армия нанимала крепких мужчин как рабочих или сводила их в негритянские полки, одной из задач которых была охрана поселений беглецов и плантаций от набегов партизан-мятежников или от противоправных действий союзных солдат.

Нужда северных и британских фабрик в хлопке также заставила армию отправлять многих освобожденных собирать хлопок, часто на те же самые плантации, где они выполняли ту же самую работу, будучи рабами. Некоторые из этих плантаций перешли в руки государства, которое назначило «трудовых управляющих», присланных северными обществами помощи освобожденным. Некоторые были сданы в аренду предпринимателям-янки, надеявшимся сколотить большие состояния, используя свободный труд. Ряд плантаций остался в управлении бывших хозяев, которые принесли клятву верности и обещали платить тем, кто еще недавно был их рабами. Наконец,

часть земли взяли в аренду сами освобожденные рабы: они обрабатывали участки без прямого надзора белых и в некоторых случаях получали большие доходы, позволявшие им выкупать землю в свое полное владение. Выдающимся примером самоуправлявшегося негритянского поселения служил Дэвис-Бенд (штат Миссисипи), где бывшие рабы президента Конфедерации и его брата взяли в аренду плантации у захватившей их союзной армии и получали хорошие урожаи. Руководство «контрабандным» трудом со стороны северных управляющих, арендаторов-янки и плантаторов-южан колебалось от мягкого до жесткого патернализма, что послужило прообразом спектра послевоенных трудовых отношений. Часть жалованья освобожденных рабов нередко удерживалась до окончания полевого сезона для гарантии того, что они не уйдут с работы, еще большая часть вычиталась за пищу и кров. Многие беглецы, естественно, не видели большой разницы между системой такого «свободного» и прежнего подневольного труда. Нигде эта ситуация не была заметнее, чем в оккупированной Луизиане, где многие плантаторы приняли присягу и продолжали собирать хлопок и сахар в рамках директив генерала Бэнкса. Из-за того, что Луизиана превратилась в объект пристального внимания со стороны общества, эти директивы стали еще одним камнем преткновения между радикальными и умеренными республиканцами, а также предметом противоречий между Конгрессом и президентом. Своим военным указом Бэнкс зафиксировал размер жалованья для работников плантации и обещал, что армия позаботится о «справедливом обращении, полноценном питании, удобной одежде, жилище, дровах, медицинском уходе и обучении детей». Но последующие распоряжения показали, что многие из обещаний были даны для проформы. Работник не мог покинуть плантацию без разрешения и обязан был подписать договор о том, что остается со своим работодателем в течение целого года, причем работодатель мог обратиться к военной полиции, чтобы та обеспечила «непрерывную и верную службу, уважительное отношение, надлежащую дисциплину и безукоризненное подчинение». Возмущенные аболиционисты называли такую систему «вторым рождением рабства». «Она превращает Прокламацию [об освобождении рабов] 1863 года в насмешку и обман», — указывал Фредерик Дуглас. «Любой белый человек, подчиняющийся этим запретительным и унижительным мерам, безусловно, мог бы называть себя рабом», — писала «черная» нью-орлеанская газета. «Если это и есть определение [свободы], которое предпочитают администрация и народ, — замечала радикаль-

ная газета из Бостона, — то нам предстоит еще более длительная и жестокая борьба»⁴¹.

Так и вышло, но основная борьба развернулась все же после войны. В 1864 году противоречия по вопросу о политике в отношении освобожденных луизианских рабов наложились на процесс обсуждения законопроекта по реконструкции. После казавшихся бесконечными дебатов проект Уэйда — Дэвиса 4 июля лег на стол Линкольну. Ограничивая избирательное право для белых, он не шел вразрез с политикой президента. В другой важной своей части — отмене рабства — отличия были кажущимися. Если законопроект гарантировал освобождение, то президентское предложение об амнистии требовало от кандидатов на нее поклясться в верности всем шагам правительства в вопросе о рабстве, и два уже «реконструированных» штата, Луизиана и Арканзас, отменили этот институт. Тем не менее у некоторых республиканцев оставались опасения, что в любом мирном предложении, выработанном Линкольном, могут сохраниться какие-то элементы рабства, поэтому они считали его законодательную отмену жизненно важной мерой.

Более существенными были другие разногласия между исполнительной и законодательной властью: проект Уэйда — Дэвиса говорил не о 10, а о 50% избирателей, которые должны были принести присягу, требовал созыва конституционного конвента до выборов должностных лиц штатов, причем право голосовать за кандидатов конвента получали только поклявшиеся на Библии в том, что никогда добровольно не поддерживали мятежников. Ни один штат Конфедерации (за исключением, возможно, Теннесси) не удовлетворял таким условиям, и настоящей целью проекта Уэйда — Дэвиса было отложить реконструкцию до послевоенного периода. Линкольн же, наоборот, хотел начать реконструкцию немедленно, чтобы превратить

41 O. R. Ser. I. Vol. 15. P. 666—667; Vol. 34, pt. 2. P. 227—231. Ответы abolitionистов и чернокожих цит. по: *McPherson J. M. The Struggle for Equality: Abolitionists and the Negro in the Civil War and Reconstruction*. Princeton, 1964. P. 290, 293; *McPherson J. M. The Negro's Civil War*. NY, 1965. P. 129—130. Свидетельства в предыдущих параграфах о политике военного времени в отношении освобожденных рабов основаны на собственных изысканиях автора и исследованиях других ученых, в особенности: *Wiley B. I. Southern Negroes 1861—1865*. New Haven, 1938; *Rose W. L. Rehearsal for Reconstruction: The Port Royal Experiment*. Indianapolis, 1964; *Gerteis L. S. From Contraband to Freedman: Federal Policy Toward Southern Blacks 1861—1865*. Westport (Conn.), 1973; *Powell L. N. New Masters: Northern Planters During the Civil War and Reconstruction*. New Haven, 1980; *Ripley C. P. Slaves and Freedmen in Civil War Louisiana*. Baton Rouge, 1976; *McCrary P. Abraham Lincoln and Reconstruction*; *Cox L. Lincoln and the Freedmen...*

колеблющихся конфедератов в юнионистов и таким образом выиграть войну⁴².

Президент решил наложить вето на этот билль. Учитывая то, что Конгресс принял его в конце своей сессии, ему достаточно было лишь повременить с его подписанием, не превращая, таким образом, его в закон (так называемое «карманное вето»). Так он и поступил, но сделал также и заявление о причинах своего поступка. Линкольн отрицал право Конгресса упразднить рабство законодательно. Применить такое право значило бы «сделать фатальное допущение», что эти штаты не входят в состав Союза, а сецессия была законным шагом. Готовящаяся к принятию Тринадцатая поправка, говорил президент, остается единственным конституционным путем к отмене рабства. Линкольн также отказался «слепо следовать одному-единственному проекту реконструкции», как того требовал законопроект, потому что это может упразднить «конституции и правительства свободных штатов, уже принятые и избранные в Арканзасе и Луизиане»⁴³.

Так как Конгресс не мог формально преодолеть такое подобие вето, Уэйд и Дэвис решили опубликовать в газетах свое собственное заявление. По мере написания едва сдерживаемый ими гнев из-за «узурпации исполнительной власти» побудил к риторическим преувеличениям. «Этот необдуманный, губительный акт со стороны президента, — заявили они, — является ударом по всем друзьям его администрации, по правам человека и по принципам республиканской формы правления». Билль Конгресса, в отличие от документа Линкольна, защищает «лояльных государству людей» от «огромной опасности возвращения к власти преступных лидеров мятежа» и «продолжения существования рабства». Демонстративное пренебрежение, с которым этот проект был отклонен президентом, явилось «предумышленным и грубым попранием полномочий законодательной власти». Если Линкольн хочет получить поддержку республиканцев на своих вторых выборах, то «он должен сосредоточиться на обязанностях главы исполнительной власти, то есть не создавать законы, а подчиняться им и исполнять их, а также подавлять вооруженный мятеж. Политическая же реорганизация должна остаться в ведении Конгресса»⁴⁴.

42 CG, 38 Cong., 1 Sess. P. 2107—2108, 3518; Belz H. Reconstructing the Union... P. 241—242.

43 CWL. VII. P. 433.

44 New York Tribune. 1864. Aug. 5.

Последняя фраза проливает свет на причины беспримерной атаки на президента лидеров его собственной партии. Проблема реконструкции оказалась увязана с внутривнутрипартийными трениями республиканцев перед президентской кампанией 1864 года. Манифест Уэйда — Дэвиса был частью движения за замену Линкольна кандидатом, более подходящим радикальной фракции партии.

III

Выдвижение кандидатуры Линкольна на второй срок и его переизбрание вовсе не были решенным вопросом, несмотря на народную мудрость о том, что коней на переправе не меняют. Начиная с 1840 года ни один действующий президент не был выдвинут повторно, и ни один не выигрывал такие выборы с 1832 года. Даже война не обязательно должна была сломать эту традицию. Если дела на фронте шли плохо, избиратели могли предъявить счет тому, кто находился у власти. А если глава государства не действовал в интересах своей партии, та могла отказать ему в повторной номинации на пост. В Республиканской партии имелось несколько деятелей, которые в 1860 году считали себя более достойными занять президентское кресло, чем тот, кому оно досталось в итоге. В 1864 году по крайней мере один из них не изменил своего мнения — Салмон Чейз.

В конце 1863 года он писал: «Я считаю, что на следующее четырехлетие потребуется человек, чьи качества отличны от качеств действующего президента... Я не рвусь стать таким человеком; я вполне готов оставить этот вопрос на усмотрение тех, кто согласится со мной в том, что такого кандидата необходимо найти». Это было обычным эзоповым языком выставлявшего свою кандидатуру политика. Чейз был столь же амбициозен, сколь и талантлив. Страна доверяла ему множество важных постов: он был губернатором, сенатором, министром финансов, председателем Верховного суда. Но высший пост в этом государстве ускользал от него, несмотря на неустанное стремление его занять. У Чейза не было никаких сомнений насчет своей компетентности; как о нем говорил его друг Бенджамин Уэйд: «Чейз отличный малый, но его богословие ошибочно. Он верит, что в Троице есть и четвертая сущность»⁴⁵.

45 Schnuckers J. W. *Life and Public Services of Salmon Portland Chase*. NY, 1874. P. 494; слова Уэйда цит. по: Lincoln/Hay. P. 53.

Чейз использовал министерство финансов как политический аппарат для выдвижения своей кандидатуры. Неудовлетворенность линкольновским видением реконструкции лишь укрепило его решимость. В декабре 1863 года в Вашингтоне возник комитет в поддержку Чейза, возглавляемый сенатором от Канзаса Сэмюэлом Помроем. Приняв ропот в Конгрессе за широкое недовольство Линкольном, Помрой выпустил «циркуляр», где заявлял, что «выраженное стремление Линкольна к полумерам» делает «„принцип одного срока“ абсолютно необходимым» для того, чтобы гарантировать победоносное окончание войны и справедливый мир. Человеком, способным достичь этих целей, был Чейз⁴⁶.

Эта попытка создать ажиотаж вокруг имени Чейза неожиданно привела к обратным результатам. Снова, как и во время правительственного кризиса 1862 года, президент оказался гораздо искуснее министра в политической игре. Если Чейз вербовал своих сторонников в министерстве финансов, то и Линкольн не брезговал сомнительными приемами. Здесь ему оказал немалую помощь генеральный почтмейстер Монтгомери Блэр, чей брат Фрэнк, сменивший командование корпусом в армии Шермана на место в Конгрессе, выступил в роли того, кого позже станут называть «политическими киллерами» администрации. Через неделю после появления «циркуляра» Помроя Фрэнк Блэр произвел скандал, выступив в нижней палате с гневной речью против Чейза, где в числе прочего обвинил министерство финансов в коррупции при выдаче разрешений на торговлю хлопком. Многие радикальные республиканцы так и не простили семейству Блэров их решающей роли в серии внутрипартийных схваток, в ходе которых Блэр возглавил консервативное крыло. Тем временем республиканские комитеты штатов, legislatures, газеты и союзные лиги по всему Северу, включая родной штат Чейза Огайо, приняли резолюции, одобряющие выдвижение Линкольна. Ошеломленный внезапным крахом своих надежд, Чейз лицемерно заявил о том, что не имеет ничего общего с циркуляром Помроя, вычеркнул свое имя из числа возможных кандидатов в президенты и подал прошение об отставке со своего поста. Со своей стороны, Линкольн (возможно, столь же лицемерно) дистанцировался от эскапады Блэра и отказался принять отставку Чейза. Называя президентские амбиции Чейза одним из видов «легкого помешательства»,

46 *Randall J. G., Current R. N. Lincoln the President: Last Full Measure. NY, 1955. P. 99.*

Линкольн считал его менее опасным в составе правительства, чем вне его⁴⁷.

Хотя большинство республиканцев вскочило на подножку «омнибуса» Линкольна, некоторые из них расценивали это как компромисс со своими убеждениями. По мере того как проблема реконструкции все глубже раскалывала партийное единство, некоторые радикалы продолжали надеяться, что «омнибус» можно остановить. Хорас Грили тщетно предлагал перенести национальный конвент партии с июня на сентябрь в легкомысленной надежде на какой-нибудь случай. Другие запускали пробные шары, называя самых невероятных кандидатов, таких как Грант, Батлер и Фримонт. Из них только кандидатура Фримонта являлась абсолютно непроходной, и ее поддерживали только самые большие оригиналы, в которых, впрочем, в американской политике за всю ее историю никогда не замечалось недостатка.

Обиженный на президента, который не доверял ему важных командных должностей, Фримонт (как и Макклеллан) с 1862 года пребывал «в ожидании дальнейших распоряжений». Эти два раздраженных генерала представляли для Линкольна главную политическую угрозу. Макклеллан выглядел более опасным, так как летом с большой вероятностью должен был стать кандидатом от демократов. Тем временем Фримонт сколотил коалицию аболиционистов и радикально настроенных выходцев из Германии и попытался создать третью партию. Ряд республиканцев оказывал закулисную поддержку этому движению, рассчитывая с его помощью удалить Линкольна из кандидатских списков и вернуть из небытия Чейза. Однако немногочисленный конвент, собравшийся в Кливленде 31 мая, чтобы объявить о кандидатуре Фримонта, не почтил своим внимание ни один влиятельный республиканец. Наиболее известным сторонником кандидатуры Фримонта был Уэнделл Филлипс, в своем письме конвенту заявлявший, что политика реконструкции по Линкольну «превращает свободу негров в фикцию и увековечивает рабство под более приличным названием». Конвент выработал безусловно радикальную программу, призывавшую к принятию поправки к Конституции, запрещающей рабство и «гарантирующей всем людям абсолютное равенство перед законом». Также программа выражала уверенность

47 CWL. VII. P. 200—201, 212—213; *Belden T. G. So Fell the Angels*. Boston, 1956. P. 108—117; *Randall J. G., Current R. N.* Op. cit. P. 95—110; *Zornow W. F. Lincoln and the Party Divided*. Norman (Okla.), 1954. P. 23—56.

в том, что ход реконструкции должен контролировать не президент, а Конгресс, и предлагала конфисковать землю, которой владели «мятежники», для распределения ее среди военнослужащих и переселенцев. В то же время программа осуждала приостановление действия *habeas corpus* и подавление Линкольном свободы слова, в чем, по сути, повторяла главное обвинение администрации со стороны демократов. Вице-президентом конвент выдвинул демократа, и новая партия назвала себя радикально-демократической⁴⁸.

Дальновидные демократы не прошли мимо возможности посеять смуту в стане своих политических противников. Они просочились в конвент и предложили наивному Фримонту перспективу коалиции с демократами, чтобы нанести поражение Линкольну. «Безработный» генерал проглотил наживку. В письме, где он принимал предложение, Фримонт отказался от пункта о конфискации имущества, от «всеобщего равенства перед законом», но весьма подробно остановился на ненадлежащем ведении войны Линкольном и попрании им гражданских свобод. После того как игра демократов, ставившая целью увести у республиканцев несколько тысяч голосов к «третьей силе», большинство радикалов (за исключением Филлипса) отказались от участия в этой аванюре и пришли к выводу, что их единственной кандидатурой может быть только Линкольн.

Конвент республиканцев в Балтиморе, собравшийся во вторую неделю июня, представлял собой шумную дружескую встречу, как обычно и бывает в партии, выставившей кандидатуру действующего президента. Собрание приняло имя Национального союзного конвента, чтобы привлечь «военных» демократов и южных юнионистов, которых могло оттолкнуть слово «республиканский». Конвент этот, тем не менее, принял полностью республиканскую программу, включавшую одобрение непрерывной войны до «безоговорочной капитуляции» армии Конфедерации и принятие поправки к Конституции, запрещающей рабство. Когда прозвучал этот пункт, «все делегаты в едином порыве вскочили со своих мест... и разразились ликующими возгласами, — прокомментировал Уильям Ллойд Гаррисон, присутствовавший в качестве репортера своей газеты *Liberator*. — Не является ли такая чудесная картина достаточной компенсацией за более чем тридцать лет оскорблений?»⁴⁹

48 New York Tribune. 1864. June 1; Zornow W. F. Lincoln and the Party Divided. P. 72—86; McPherson J. M. The Struggle for Equality. P. 267—278.

49 Liberator. 1864. June 24.

Программа решила вопрос о реконструкции, ставший предметом борьбы, очень просто — она проигнорировала его. На конвент были допущены делегаты из реконструируемых Линкольном Луизианы, Арканзаса и Теннесси, а по тайному указанию президента конвент сделал и шаг к примирению с радикалами: там присутствовала настроенная против Блэра делегация Миссури, символически проголосовавшая за Гранта, а затем изменившая свое решение; таким образом, выдвижение Линкольна было единогласным. Единственным реальным вопросом конвента стал выбор вице-президента. Безликий действующий вице-президент Ганнибал Хэмлин никак не мог усилить список кандидатов. Попытка сохранить имидж юнионистской партии привела к выдвижению на этот пост «военного демократа» из южных штатов. Лучше всех для этого подходил Эндрю Джонсон. После закулисной борьбы, детали которой до сих пор неизвестны публике, Джонсон получил пост вице-президента в первом же раунде голосования⁵⁰. Эта кандидатура оказала противоречивое действие на трения радикалов и умеренных: с одной стороны, Джонсон сурово обходился с мятежниками в Теннесси, с другой — олицетворял подход Линкольна к вопросу о реконструкции.

Единодушие, проявленное в Балтиморе, лишь на время сгладило остроту противоречий в партии. С момента манифеста Уэйда — Дэвиса, поносившего президентскую политику реконструкции, минуло два месяца, а трещина стала настолько сильной, что зародилось даже серьезное движение за замену Линкольна другим кандидатом. Однако мотивом образования этого движения был не вопрос о том, что делать с Югом после победы в войне, а вопрос: когда же эта война закончится? Конфедерация, совсем, казалось, сокрушенная в конце 1863 года, воспряла духом и уцелела в огне нескольких кровавых сражений, по количеству жертв с обеих сторон превзошедших даже ужасы лета 1862 и 1863 годов.

50 После войны разгорелся спор, оставался ли Линкольн при этом безучастным или же содействовал назначению Джонсона. Два наиболее скрупулезных исследования пришли к выводу, что роль Линкольна была решающей (Randall J. G., *Current R. N. Lincoln the President...* P. 13—34; Zornow W. F. *Lincoln and the Party Divided*. P. 99—103).

24.

«Если это займет все лето...»

I

«Все по-прежнему зависит от успеха нашего оружия», — говорил Линкольн в конце войны¹. Это утверждение было как никогда справедливым в 1864 году, когда «все» включало в себя и отмену рабства, и судьбу Союза, и переизбрание самого Линкольна.

Весной 1864 года успехи союзных армий казались несомненными. Конгресс возродил звание генерал-лейтенанта (последним его носил Джордж Вашингтон), и Линкольн тут же присвоил его Гранту, попутно сделав его и главнокомандующим. Генри Хэллек занял пост начальника генерального штаба. Грант назвал своим преемником на посту командующего западными армиями Шермана и прибыл на восток, обосновавшись в расположении Потомакской армии. Хотя Мид остался во главе этой армии, подчиняясь лишь стратегическим приказам Гранта, на восток также прибыл и Фил Шеридан, приняв командование кавалерией. Конфедерация, получив в противники трех лучших генералов противника — Гранта, Шермана и Шеридана, казалось, могла уже и не оправиться.

После всех неудач второй половины 1863 года армия мятежников пострадала еще и от суровой зимы и нехватки продовольствия. Людские резервы Юга также были почти исчерпаны. Конгресс

1 CWL. VII. P. 332.

Конфедерации отменил привилегию замены (превратив тех, кто уже воспользовался ею, в потенциальных призывников) и потребовал от солдат-«трехгодичников», чей срок службы подходил к концу, остаться в армии. Также Конгресс расширил возрастные границы призывников: с 17 до 50 лет. Несмотря на все усилия, к тому моменту, когда весеннее солнце начало сушить дороги из красной глины в Виргинии и Джорджии, армия южан уступала неприятелю по численности более чем вдвое.

Но карающий меч федералов был не таким уж острым, а щит конфедератов — не таким уж хрупким. Парадоксально, но успехи северян становились причиной их военной слабости. Одна за другой федеральные дивизии превращались в оккупационные силы, вынужденные охранять порядок на 100 000 квадратных милях занятой территории. Другие войска занимались тем же в пограничных рабовладельческих штатах. Также армия вторжения должна была выделять значительные соединения для охраны своих коммуникаций от кавалерийских и партизанских набегов. Например, во время наступления Шермана на Атланту число людей, охранявших железнодорожные коммуникации на протяжении 450 миль до Луисвилла, почти равнялось числу солдат, принимавших участие в боевых действиях.

Такие «изъятия» из действующей армии, разумеется, были на руку южанам. Несмотря на поражение под Геттисбергом и последовавшие испытания, боевой дух Северовиргинской армии оставался довольно высоким. Многие из этих исхудавших, но закаленных в боях ветеранов завербовались в армию на новый срок даже до указа Конгресса от 17 февраля. Они превратились в братство, сражающееся из гордости за самих себя, за своих товарищей и за обожаемого «мистера Роберта». Многие из них разделяли настроения самого Ли, выраженные им накануне кампании 1864 года: «Если мы победим, то можем надеяться на все, что угодно. Если потерпим поражение, жить нам будет незачем»². Джозеф Джонстон был неспособен привить своей унаследованной от Брэкстона Брэгга армии такой же боевой дух, но к маю 1864 года, но делал в этом отношении все, что мог. Во всяком случае, нынешнее состояние его армии вряд ли могли представить себе те, кто был свидетелем панического бегства южан с Мишенери-Ридж.

2 *Dowdey C. Lee's Last Campaign: The Story of Lee and His Men against Grant — 1864. Boston, 1960. P. 60.*

Большинство конфедератов были заслуженными ветеранами. Ветераны Севера должны были в 1864 году отправиться по домам после окончания трехлетнего срока службы. Если бы такое произошло, южане получили бы шанс превратить свое поражение в победу. Союзные конгрессмены не стали следовать примеру своих южных коллег и требовать от ветеранов продолжения службы. Не покушаясь на трехлетний контракт, Вашингтон предпочел действовать силой убеждения и стимулирования. Оставшиеся на передовой ветераны получали особый шеврон на рукав, 30-дневный отпуск, 400 долларов премии плюс надбавки от властей штата и округа, а также славословия политиков в тылу. Если в полку на сверхсрочную службу оставалось три четверти его состава, полк не переименовывался, сохраняя, таким образом, свою боевую славу. Это предложение послужило причиной весьма действенного давления на тех, кто не хотел воевать дальше, со стороны однополчан. «Они обращаются с людьми так же, — писал измученный ветеран из Массачусетса, — как с индюками на учебных стрельбах — палят по ним почем зря весь день, а если не могут попасть, то разыгрывают вечером в лотерею. Так же и с нами: если они не смогли прикончить вас за три года, то предлагают вам задержаться еще на три... Но все же я останусь»³.

В армии остались около 136 тысяч ветеранов, а примерно 100 тысяч решили вернуться домой. Вторая группа в последние дни своего пребывания на фронте, разумеется, избегала всяческого риска, уменьшая таким образом мощь армии и подводя своих товарищей во время решающих битв лета 1864 года. Чтобы заменить убитых, раненых и демобилизовавшихся солдат, под ружье были поставлены призывники, «замены» и все получатели премий. Главным образом они были направлены в Потомакскую армию, пострадавшую больше других (лишь 50% ее ветеранов выразили желание продолжить службу). Старослужащие офицеры и рядовые относились к большей части новобранцев с презрением. «Испорченные, порочные, совершенно безнадежные люди. Армия еще не видывала такого позора», — с отвращением писал один ветеран из Нью-Хэмпшира. Солдат из Коннектикута описывал полковых новобранцев как «охотников за премиями, воров и головорезов»; офицер из Массачусетса сообщал, что 40 из 186 «лиц, призванных на замену, охотников за премиями... воров и скандалистов», приписанных к его полку, исчезли в первый же вечер после прибытия. Впрочем, он считал их побег благом, как

3 Catton B. A Stillness at Appomattox. Garden City (NY), 1957. P. 36.

и офицер из Пенсильвании, писавший, что «игроки, мошенники, карманники и жулики всех мастей», присланные в его подразделение, «останься они в полку, совершенно опозорили бы его... но, хвала Провидению... они дезертировали целыми десятками, пока почти все и не сбежали»⁴. Таким образом, бо́льшая часть преимущества северян в живой силе в 1864 году улетучилась. «Солдаты, набираемые таким путем, в массе своей становятся дезертирами, — жаловался в сентябре Грант. — Из пяти таких вот новобранцев пригодным к службе оказывается только один»⁵.

Лидерам южан удалось заметить эту тенденцию в лагере врага. Они надеялись использовать ее, повлияв на исход президентских выборов на Севере. Прусский военный теоретик Карл фон Клаузевиц определял войну как достижение политических целей другими методами, и стратегия Конфедерации в 1864 году полностью соответствовала этому определению. Если бы южанам удалось продержаться до выборов, усталость от войны могла побудить избирателей на Севере голосовать за «мирного» демократа, который вступил бы в переговоры о признании Конфедерации. Будет ли Линкольн «переизбран или нет, зависит от... сражений 1864 года, — предсказывала газета из Джорджии. — Если вашингтонский тиран падет, вместе с ним закончится и его отвратительная политика». Уже знакомый нам чиновник военного министерства из Ричмонда верил: «Если мы сможем просто выжить [до выборов на Севере,] дав демократам шанс провести своего кандидата... то нас, возможно, ждет мир»⁶. Сознвая «важность этой [военной] кампании для мистера Линкольна», Ли намеревался «оказывать мужественное сопротивление», чтобы подорвать могущество северных «ястребов». «Если нам удастся сорвать планы врага на раннем этапе и отбросить его назад, — рассуждал Лонгстрит, — то он не сможет восстановить свои позиции и боевой дух до президентских выборов, а после этого мы уже будем иметь дело с новым президентом»⁷.

4 Ibid. P. 25, 26; Wiley B. I. *Billy Yank*. P. 343—344; Pullen J. J. *The Twentieth Maine: A Volunteer Regiment in the Civil War*. Philadelphia, 1957. P. 154.

5 O. R. Ser. I. Vol. 42, pt. 2. P. 783.

6 Nelson L. E. *Bullets, Ballots, and Rhetoric: Confederate Policy for the United States Presidential Contest of 1864*. University (Ala.), 1980. P. 14, 51; Jones J. *War Clerk's Diary* (Swiggett). II. P. 229.

7 Freeman D. S. *Lee's Dispatches: Unpublished Letters of General Robert E. Lee... to Jefferson Davis*. NY, 1915. P. 185; Hattaway H., Jones A. *How the North Won: A Military History of the Civil War*. Urbana (Ill.), 1983. P. 532; O. R. Ser. I. Vol. 32, pt. 3. P. 588.

Грант был отлично осведомлен о надеждах южан, но собирался разгромить противника и закончить войну еще до ноября. Янки из восточных штатов, желавшие постичь секрет успехов этого генерала с запада, полагали, что все дело в его скромном, но решительном поведении. Этот «невысокий, сутулый человек» со «слегка уставшим взглядом», как отзывался о нем впервые увидевший его наблюдатель в Вашингтоне, имел тем не менее «ясные голубые глаза» и «выражение лица такое, что как будто готовился пробить лбом каменную стену». Даже некий многого повидавший житель Нью-Йорка, бывший свидетелем того, как с полдюжины союзных генералов погубили свою репутацию, «не зная, как пройти через Виргинию к Ричмонду», был уверен, что «Грант притягивает удачу»⁸.

Грант обращал свое внимание не только на Виргинию. Будучи убежден, что раньше различные федеральные армии действовали несогласованно, разрозненно, он разработал план координированного наступления на нескольких фронтах, чтобы ни одна конфедеративная армия не могла усилить другую. Грант инструктировал Мида: «Вашей главной целью будет армия Ли. Куда бы Ли ни пошел, вы всегда должны следовать за ним». Шерман получил приказ «выступить против армии Джонстона, разбить ее и углубиться во вражескую территорию так далеко, как это возможно, попутно нанося ущерб ее военным ресурсам»⁹. Эти две крупнейшие союзные армии и так имели почти двукратное превосходство над противостоявшими им силами, но Грант приказал еще больше усилить их. На мало-значимых направлениях действовали три армии под командованием «генералов от политики», чье влияние не позволяло даже Гранту избавиться от них: армия Бенджамина Батлера на реке Джемс на Полуострове; разрозненные соединения Франца Зигеля в Западной Виргинии и долине Шенандоа; армия Натаниэла Бэнкса в Луизиане. Грант приказал последнему захватить Мобил, после чего повернуть на Север и не дать мятежникам в Алабаме усилить армию Джонстона. В то же самое время Батлер должен был продвинуться вверх по Джемсу, перерезать железную дорогу между Питерсбергом и Ричмондом и создать угрозу столице Конфедерации с юга, пока Зигель выдавливал защитников долины Шенандоа и перерезал коммуникации Ли в этом районе. Линкольн был в восторге от стратегического гения Гранта. Прибегнув к своим любимым просторечным

8 Foote S. Civil War. III. P. 4—5; Strong G. T. Diary. 416.

9 O. R. Ser. I. Vol. 46, pt. 1. P. 11; Vol. 33. P. 827—828; Vol. 32, pt. 3. P. 426.

выражениям, он так охарактеризовал вспомогательную роль Бэнкса, Батлера и Зигеля: «Шкуру не снимут, так хоть тушу придержат»¹⁰.

Но те, кто держал тушу, делали свою работу плохо. Первым потерпел неудачу Бэнкс. За это, впрочем, должна нести ответственность и администрация, так как Бэнкс, выполняя ее пожелание, повернул к реке Ред-Ривер в Луизиане, чтобы захватить груз хлопка и упрочить контроль Союза над штатом. Только после выполнения этой задачи он повернул на восток к Мобилу. Итогом стало то, что Бэнксу не удалось ни то ни другое (кроме экспроприации небольшого количества хлопка), к тому же его поход ознаменовался беспричинным уничтожением имущества гражданского населения, что вряд ли расположило жителей Луизианы к северянам.

Отомстил Бэнксу Ричард Тейлор (сын Закари Тейлора), еще в 1862 году постигавший боевую науку под руководством «Каменной Стены» Джексона в качестве командира бригады. Во главе 15-тысячной армии Тейлор готовился защищать то, что осталось от штата Луизиана, где он некогда процветал как плантатор. В Виргинии Бэнкс был буквально унижен Джексонем; в тысяче миль оттуда его постигла та же судьба от рук протеже «Каменной Стены». 8 апреля Тейлор нанес удар по авангарду Бэнкса близ Сэбин-Кроссрудс, в 35 милях к югу от цели федералов — Шривпорта. Отбросив запаниковавших янки назад, Тейлор не успокоился и атаковал их и на следующий день при Плезант-Хилле. На сей раз «синие мундиры» выдержали, вынудив мятежников в свою очередь отойти, понеся тяжелые потери.

Несмотря на этот успех, Бэнкс пал духом из-за неприбытия двигавшихся к нему на юг от Литтл-Рока федеральных соединений (их отвлекли партизаны и кавалерийские рейды), а также из-за необычно обмелевшей Ред-Ривер, угрожавшей заблокировать и без того потрепанные союзные канонерки выше порогов реки у Александрии. В этой ситуации Бэнкс предпочел отступить. Катастрофу канонерок предотвратила смекалка одного полковника из Висконсина, который, вспомнив свой опыт лесоруба, соорудил несколько дамб, с помощью которых флот прорвался через пороги. Пребывавшая не в лучшем состоянии армия не возвращалась в Южную Луизиану до 26 мая, то есть на месяц позже начала прерванной кампании по взятию Мобила. Как следствие, Джозеф Джонстон успел получить 15 тысяч человек из Алабамы. Более того, 10 тысяч солдат, которых Бэнкс «одолжил» у Шермана для кампании у Ред-Ривер, так никогда

10 Lincoln/Hay. P. 178—179.

и не вернулись обратно в Джорджию. Вместо этого они остались на театре Теннесси — Миссисипи противостоять рейдам Форреста, направленным против железнодорожных коммуникаций Шермана. Бэнкс был заменен на посту командующего округом и вернулся к своим обязанностям военного руководителя процесса реконструкции в Луизиане¹¹.

Батлер и Зигель проявили себя несколько не лучше Бэнкса. У Батлера был реальный шанс повернуть к себе лицом удачу, избегавшую его с начала войны. 5 мая он во главе 30-тысячной группировки, бросившей прибрежные операции в Северной и Южной Каролине, поднялся на пароходах по Джемсу и высадился на полпути между Ричмондом и Питерсбергом. Оба города защищало пятитысячное войско плюс спешно мобилизованные правительственные чиновники, выступившие в роли ополчения. Их командир, не кто иной как Пьер Борегар, переброшенный из Чарлстона в южную часть Виргинии, еще не прибыл к месту событий. Если бы Батлер быстро принял решение перерезать железную дорогу между Питерсбергом и Ричмондом, то мог бы ворваться в столицу, подавив слабое сопротивление. Ли никак не мог воспрепятствовать этому, так как противостоял Потомакской армии в 60 милях к северу. Однако страдавший косоглазием командир северян свой шанс упустил. Вместо того чтобы быстро перейти в наступление, используя превосходство в силах, он продвигался осторожно, а его солдаты смогли уничтожить лишь несколько миль железной дороги, постоянно ввязываясь в стычки с мятежниками. 12 мая, спустя неделю после высадки, Батлер так и не решился наступать на Ричмонд. К тому времени Борегар получил подкрепление из обеих Каролин и уже был готов встретиться с врагом почти на равных. 16 мая конфедераты перешли в наступление близ Дрюри-Блафф, в восьми милях к югу от Ричмонда. Обе стороны понесли жестокие потери, но мятежникам удалось отбросить Батлера на исходные позиции через перешеек между реками Джемс и Аппоматокс. Там южане закрепились и заперли армию Батлера, по едкому замечанию Гранта, «как в накрепко закупоренной бутылке»¹².

Грант получил известие о «закупорке» Батлера примерно в то же время, когда узнал и о фиаско, постигшем Франца Зигеля в «юдоли скорби» северян — долине Шенандоа. Зигель и его 6,5-тысячный

11 Johnson L. H. *Red River Campaign: Politics and Cotton in the Civil War*. Baltimore, 1958.

12 O. R. Ser. I. Vol. 46, pt. 1. P. 20.

отряд двигались на север, чтобы взять Стонгтон, через который армия Ли получала свои скудные припасы. Однако прежде чем Зигель смог взять город, бывший вице-президент США Джон Брекинридж, ныне командир сводного 5-тысячного отряда мятежников, 15 мая атаковал Зигеля у Ньюмаркета и отбросил его назад. Эта незначительная в общем-то битва, с одной стороны, выделяется искусным отступлением Зигеля, а с другой — вдохновенной атакой 247 кадетов Виргинского военного института. Всем им было от 15 до 17 лет, и впоследствии они стали кумирами Юга. Убежденные в том, что Зигель «только отступал, впрочем, он никогда ничем иным и не занимался», Хэллек и Грант уговорили Линкольна отстранить того от командования¹³.

Итак, работу Гранта в Виргинии поддерживать оказалось некому, что затруднило задачу «снять шкуру» с армии Ли. Потомакская и Северовиргинская армии расположились на зимних квартирах в нескольких милях напротив друг друга на противоположных берегах реки Рапидан. С первыми признаками весны Грант решил форсировать реку и обойти правый фланг южан. Он рассчитывал вынудить мятежников принять открытый бой к югу от Глуши, мрачного массива дубового и соснового леса, где годом ранее Ли поймал в ловушку Джо Хукера. Ли решил не препятствовать переправе неприятеля, а атаковать его во фланг, пока северяне будут продираться через Глушь, где их численное превосходство (115 тысяч против 64) было бы не так заметно, как на открытом пространстве.

Итак, 5 мая два корпуса армии Ли напали с запада на три союзных корпуса, двигавшихся к югу от Рапидана. Такое выступление было для Ли несколько преждевременным, так как корпус Лонгстрита только что вернулся из Теннесси и не мог принять участие в первом дне битвы в Глуши. Это дало федералам возможность ввести в бой 70 тысяч человек против 40 тысяч у мятежников. Однако южанам была знакома местность, а численное превосходство янки лишь тормозило их движение в густых, окутанных дымом зарослях. Солдаты едва могли разглядеть врага, целые части блуждали как по джунглям, бреши в построении врага оставались незамеченными, а винтовочные выстрелы и разрывы снарядов подожгли подлесок, что грозило раненым смертью в огне. Ужасная бойня шла с переменным успехом; «синие мундиры» должны были удерживать перекресток двух дорог, чтобы продолжать движение на юг. В конце

13 О. R. Ser. I. Vol. 36, pt. 2. P. 840.

концов они его удержали и к сумеркам вышли на позицию, позволявшую атаковать правый фланг южан.

Грант приказал наступать на рассвете следующего дня. Ли планировал наступление на том же участке Лонгстрита, чей корпус приближался и должен был достичь поля боя еще ночью. Янки атаковали первыми и едва не достигли блестящего успеха. После того как они оттеснили южан сквозь чащу примерно на милю, они вышли прямо к небольшой пустоши, где находилась ставка Ли. В запале командующий попытался лично возглавить контратаку во главе одной из частей прибывающего корпуса Лонгстрита — тexasской бригады. «Возвращайтесь назад, генерал Ли, возвращайтесь!» — кричали тexasцы, бросаясь вперед. Когда значительная часть войск Лонгстрита, ускорив шаг, ворвалась на пустошь и остановила продвижение северян, Ли удалось вернуться в тыл.

Инициатива перешла в руки конфедератов. К полудню свежие бригады Лонгстрита отбросили сбитых с толку противников практически к исходному рубежу атаки. Сыграло южанам на руку и знание ими местности. Вдоль левого фланга федералов проходила трасса недостроенной железной дороги, не помеченная ни на одной карте. По обочине трава и подлесок разрослись настолько, что обнаружить выемку можно было только случайно. Один из бригадных командиров Лонгстрита знал про эту просеку и предложил использовать для тайного сосредоточения с целью фланговой атаки противника. На эту операцию Лонгстрит выделил четыре бригады. Незадолго до полудня они выскочили из зарослей и набросились на ошеломленных северян. Но здесь с конфедератами случилась трагедия, подобная той, что произошла в той же самой Глуши год назад всего лишь в трех милях отсюда. Подбадривавшие себя криками южане, нападавшие с фланга, сошлись под прямым углом с другими частями корпуса, атаковавшими с фронта. В этот момент Лонгстрит упал с пулей, застрявшей в его плече. Как и в случае с Джексонном, она была выпущена собственным солдатом. Лонгстрит выжил, но не принимал участие в военных действиях целых пять месяцев.

После ранения Лонгстрита из атаки южан как будто выпустили пар. Ли выправил строй и ближе к вечеру возобновил атаку. Бой проходил около перекрестка дорог, в дыму лесного пожара. Федералы держались, и в сумерках битва прекратилась сама собой, потому что тем, кто остался невредим, нужно было спасать раненых от кремации. На другом фланге генерал Джон Гордон, перспективный командир бригады из Джорджии, обнаружил, что правый фланг

Гранта также уязвим. Гордон потратил часы на то, чтобы уговорить командующего корпусом Ричарда Юэлла начать атаку, и, не добившись своего, отправился к Ли и получил разрешение. Это вечернее наступление началось успешно, и войска южан на этом фланге продвинулись на милю; кроме того, удалось взять в плен двух генералов. Ряды северян охватила паника, в ставку Гранта на взмыленной лошади примчался бригадный генерал и заявил главнокомандующему, что битва проиграна, что Ли применил ту же тактику, что и Джексон в этом же лесу годом ранее. Однако Грант не разделял веру в сверхчеловеческие качества Ли, которая буквально парализовала многих федеральных офицеров. «Мне чертовски надоело слушать о том, что собирается сделать Ли, — ответил он бригадиру. — Некоторые из вас постоянно твердят, что он вот-вот сделает двойное сальто и приземлится у нас в тылу и на обоих флангах одновременно. Возвращайтесь к вашей бригаде и подумайте, что можем предпринять мы, и не пытайтесь предугадать план Ли»¹⁴.

Грант вскоре показал, что он имел в виду. Оба фланга были серьезно потрепаны, а общие потери северян за два дня составили 17 500 человек, что превысило количество потерь у конфедератов по крайней мере на 7000 человек. Предыдущие командующие союзными армиями в Виргинии в таких ситуациях предпочитали отходить за ближайшую реку, и солдаты думали, что сейчас все будет точно так же. Но Грант сообщил Линкольну: «Что бы ни случилось, назад дороги нет»¹⁵. 7 мая, пока велась вялая перестрелка, Грант готовил движение для обхода правого фланга южан и захвата деревушки Спотсильвания, находившейся на пересечении дорог в дюжине миль к югу. Если бы этот маневр завершился успешно, союзные войска расположились бы ближе к Ричмонду, чем армия Ли, и вынудили бы ее принять бой или отступить. Весь день обоз и резервная артиллерия федералов отходили в тыл, подтверждая догадки усталых солдат об отступлении. С наступлением темноты «синие мундиры» полк за полком отошли с поля боя. Но вместо того чтобы направиться на север, они двинулись на юг. Их озарила внезапная мысль: это не был «очередной Ченселлорсвилл... очередное бегство». «Наш дух укрепился», — вспоминал один ветеран, увидевший здесь поворотный пункт всей войны. Несмотря на ужасы прошедших трех дней и бог знает скольких последующих, они «маршировали с легкой душой;

14 Porter H. Campaigning with Grant. NY, 1897. P. 69—70.

15 Foote S. Civil War. III. P. 186.

в колонне даже начали петь». Впервые за всю Виргинскую кампанию Потомакская армия наступала после первого сражения¹⁶.

Кавалерия Шеридана пока мало участвовала в кампании — ее начальник, обладавший походкой истинного кавалериста, мечтал перехватить неуловимый отряд Джеба Стюарта. Грант решил оказать ему услугу, послав его в рейд по тылам противника, чтобы перерезать его коммуникации, пока сам Грант будет выманивать южан из окопов. Как всегда агрессивный, Шеридан во главе 10 тысяч всадников, впрочем, двинулся неторопливо, вызывая на атаку Стюарта, который преследовал янки с половиной своего отряда (вторая половина патрулировала фланги Ли у Спотсильвании), идя по следам Шеридана, но не успел предотвратить уничтожение двадцати миль железнодорожного полотна, немалого количества подвижного состава и трехнедельного запаса провизии для армии южан. 11 мая Стюарт остановился в Йеллоу-Таверн, всего в шести милях к северу от Ричмонда. Превосходя мятежников вдвое и имея на вооружении скорострельные карабины, кавалеристы северян обрушились на некогда непобедимых южан и рассеяли их по округе. Зловещим трофеем их победы стала жизнь Стюарта, смертельно раненного в бою. Это был еще один сокрушительный удар по командованию конфедератов, уступавший по силе лишь гибели Джексона один год и один день назад.

Пока кавалерия играла в свою смертоносную игру под Ричмондом, пехотинцы обеих армий сцепились под Спотсильванией как два неуклюжих великана. На данном этапе войны лопата стала почти таким же незаменимым в обороне оружием, как и винтовка. Где бы солдаты ни останавливались, они быстро рыли сложную сеть траншей и вторую линию окопов в тылу, насыпали брустверы, оборудовали артиллерийские позиции, расчищали сектора для стрельбы. Под Спотсильванией мятежники соорудили самую прочную линию укреплений за всю войну. Грант стоял перед выбором: обойти эту линию с флангов или прорвать ее по фронту; в итоге он решил сочетать оба варианта. 9 мая он послал 2-й корпус Уинфилда Скотта Хэнкока обойти конфедератов слева. Однако этот маневр потребовал дважды пересечь извилистую реку, что позволило Ли на следующий день силами двух дивизий воспрепятствовать ему. Решив, что это ослабило фронт южан и сделало укрепления уязвимыми, Грант 10 мая приказал пяти своим дивизиям атаковать левый фланг и центр

16 Ibid. P. 189—191; Catton B. A Stillness at Appomattox. P. 91—92.

неприятеля. Но и это направление оказалось надежно прикрыто, так как Ли успел перебросить войска с правого фланга обратно.

Однако неподалеку от центра линии обороны на западной стороне выступа, протянувшегося на полмили вдоль возвышенности и прозванного за свою форму Подковой Мула, штурм северян едва не увенчался успехом. На этом участке полковник Эмори Аптон, молодой и способный выпускник Вест-Пойнта, нередко громко возмущавшийся некомпетентностью своих коллег, дал наглядный урок того, как надо преодолевать окопы. Собрав двенадцать отборных полков и построив их в четыре линии, Аптон вместе с ними преодолел 200 ярдов открытого пространства и засеку. Не переставая стрелять, пока они не достигли траншей, разъяренные и подгонявшие себя криками солдаты первой линии проделали в рядах защищавшихся брешь и стали расширять ее влево и вправо, пока полки второй линии брали вторую линию укреплений, расположенную в ста ярдах впереди. Третья и четвертая линии вступили в бой и взяли в плен целую тысячу обескураженных южан. Никогда еще дорога на Ричмонд не выглядела столь свободной, однако дивизия, посланная на помощь Аптону, двинулась в бой очень нерешительно, зато весьма решительно отступила, оказавшись под сильным артиллерийским обстрелом. Отрезанные на полмили от своих порядков, полки Аптона не смогли сдержать губительную контратаку резервов врага. В сумерках «синим мундирам» удалось вернуться к своим, потеряв примерно четверть состава.

Временный успех тем не менее привел к присвоению Аптону очередного чина и убедил Гранта в возможности подобной атаки силами целого корпуса, поддержанной по всему фронту. 11 мая зарядил холодный, нудный дождь, положив конец двухнедельной жаре, а дозоры мятежников сообщили о передвижении обоза Гранта в тыл, что заставило Ли сделать неправильный вывод о намерениях федералов. Уверенный в том, что такое передвижение является предвестником нового флангового маневра, Ли приказал подготовить контрудар и отвести 22 орудия с передовой. Эти пушки защищали вершину выступа, как раз и бывшую целью атаки корпуса Хэнкока на заре 12 мая. Возвращать орудия на место оказалось поздно: их захватили части Хэнкока — 15 тысяч внезапно вынырнувших из тумана и наводнивших окопы южан солдат. Продвинувшись еще на полмили и взяв в плен большую часть знаменитой дивизии «Каменной Стены», Хэнкок разделил армию Ли на две части. В этот решающий момент главнокомандующий южан бросил в бой резервную дивизию. Как и шесть

дней назад в Глуши, Ли возглавил эту отчаянную контратаку лично. И снова солдаты, на сей раз уроженцы Виргинии и Джорджии, кричали: «Генерал Ли, возвращайтесь в укрытие!» и клялись отбросить «этих людей», если только любимый командир уйдет с передовой. Контрнаступлению южан способствовало то, что янки в результате успеха своей быстрой атаки превратились в плохо управляемую (из-за дождя и тумана) массу. Оттесненные к носку Подковы Мула, «синие мундиры» закрепились в траншеях, лишь недавно захваченных у врага, и начали бесконечную перестрелку с южанами через узкую — в несколько ярдов шириной — полосу ничейной земли.

Пока это все происходило, 5-й и 9-й союзные корпуса безуспешно атаковали левый и правый фланги конфедератов, а 6-й корпус присоединился к Хэнкоку, чтобы усилить давление на Подкову Мула. Так проходило сражение за знаменитый «Кровавый выступ» Спотсильвании. Восемнадцать часов под дождем, с раннего утра до полуночи, на участке всего в несколько сотен ярдов шла одна из самых жестоких битв войны. «Флаги обеих армий развевались над одними и теми же брустверами, — вспоминал ветеран 6-го корпуса, — где федералы и конфедераты пытались просунуть штыки между кольями»¹⁷. Обезумев от ярости, и те и другие вскакивали на брустверы и стреляли вниз из винтовок с примкнутыми штыками, которые им подавали товарищи, а когда патроны заканчивались, то метали пустую винтовку во врага как копьё. Потом они брали следующую, и так продолжалось до тех пор, пока храбрецов не убивали выстрелом или штыком. Огонь велся столь интенсивно, что в какой-то момент позади окопов южан рухнул дуб толщиной в два фута, не выдержавший попаданий пуль Минье¹⁸.

Рукопашный бой обычно заканчивается быстро, когда одна из сторон бежит с поля боя, но в тот раз никто не хотел уступать. Кровь текла рекой, смешиваясь со струями дождя и образуя липкую жижу, в которой лежали убитые и раненые, а на их телах оставшиеся сражались за свою жизнь. «Мне никто не верил до конца, когда случалось рассказывать про бойню у Спотсильвании, — писал

17 Cullen J. P. Where a Hundred Thousand Fell: The Battles of Fredericksburg, Chancellorsville, the Wilderness, and Spotsylvania Court House. Washington, 1966. P. 52—53.

18 В своих послевоенных воспоминаниях ветераны нескольких союзных полков говорят, что это было делом их рук. Впоследствии пень этого дуба демонстрировался на выставке Столетия в Филадельфии в 1876 г. и хранился в Смитсоновском институте. Шепки дерева стали такими же реликвиями, как и останки Креста Господнего (Battles and Leaders. IV P. 173, 176, 177).

офицер северян, — но ведь и я бы не поверил в такое, окажись я на месте слушателей». Уже глубокой ночью Ли наконец отдал своим истощенным войскам приказ отойти к новой линии обороны, находившейся в полумиле (которую лихорадочно оборудовали саперы). Наутро «Кровавый выступ» представлял собой кладбище. Похоронная команда федералов, обнаружившая 150 трупов южан, лежавших в траншее всего 200 футов протяженностью, предала их земле, просто обрушив на них сверху бруствер¹⁹.

Пока армии избивали друг друга в Виргинии, в тылу жители осаждали редакции газет и телеграф, пребывая в «состоянии ожидания чего-то страшного, непостижимого рассудком». Это были «решающие дни, полные страха и тревог, — писал житель Нью-Йорка, — решалась судьба целого континента». В Ричмонде эйфория от первых сообщений об успехах Ли в Глуши сменилась «мрачными предчувствиями» и «горячей тревогой» после его отступления к Спотсильванию в тот момент, когда Батлер и Шеридан приближались к Ричмонду²⁰. За день до сражения у «Кровавого выступа» Грант послал депешу в Вашингтон, где заявил: «Я намерен сражаться на этом рубеже, даже если это займет все лето». Газеты подхватили эту фразу и сделали ее столь же знаменитой, как и требование Гранта о безоговорочной капитуляции гарнизона форта Донелсон. В сочетании с сообщениями о наступлении северян от Глуши на юг депеша Гранта породила торжествующие заголовки: «Доблестные победы!», «Ли разбит!», «Конец войны близок!». Один газетчик со стажем вспоминал: «Все сходились во мнении, что Грант закончит войну и возьмет Ричмонд раньше, чем начнется осенний листопад»²¹.

Линкольн опасался, что такие завышенные ожидания ударят по его войскам бумерангом, если что-то пойдет не так, и это случилось. «Население настроено излишне оптимистично, — говорил он в интервью, — люди ожидают всего и сразу». Группе политиков, приветствовавших его в Белом доме, он ответил: «Я очень рад тому, что произошло, но сделать нужно еще не меньше». Когда к 17 мая стало ясно, что Гранту не удалось прорвать порядки Северовиргин-

19 Catton B. A Stillness at Appomattox. P. 127. Catton B. Grant Takes Command. Boston, 1968. P. 235; Galloway G. N. Hand-to-Hand Fighting at Spotsylvania // Battles and Leaders. IV. P. 174.

20 Diary of Gideon Welles. 3 vols. NY, 1960. II. P. 33; Strong G. T. Diary. P. 449; Jones J. War Clerk's Diary (Swiggett). P. 213, 219.

21 O. R. Ser. I. Vol. 36, pt. 2. P. 672; Nevins A. War... IV. P. 35; Brooks N. Washington in Lincoln's Time. NY, 1895. P. 148—149.

ской армии у Спотсильвании, а Батлер заперт к югу от Ричмонда, настроение изменилось «на 180 градусов»²². Цена на золото — извечный барометр общественного мнения — за две последние недели мая выросла со 171 до 191²³. Ужасающие отчеты о потерях, которые начали поступать из Виргинии, не способствовали улучшению настроения. С 5 по 12 мая Потомакская армия потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести около 32 тысяч человек — никогда федеральные армии (все вместе!) не несли таких потерь за одну неделю. По мере того как встревоженные родственники изучали списки погибших, сотни северных городов погружались в траур.

Потери Ли были в пропорциональном отношении столь же велики (около 18 тысяч человек), а потеря 20 из 57 командиров корпусов, дивизий и бригад опустошила командный состав. Не погрешив против истины, можно, однако, сказать, что обе стороны только начинали битву. Противники возместили почти половину своих потерь, подтянув резервы. К Ли присоединились шесть бригад, защищавших Ричмонд, и еще две из долины Шенандоа. Грант получил несколько тысяч новобранцев, а также перевел личный состав нескольких полков тяжелой артиллерии, оборонявших Вашингтон, в пехотные части. Хотя пополнения южан уступали количественно, качеством они превосходили, так как в Северовиргинскую армию влились ветераны, а артиллеристы из Вашингтона за два-три года несения гарнизонной службы ни разу не вступали в бой. Как только началось наступление армии Союза, уже первый из 36 полков, срок службы в которых истек в ближайшие полтора месяца, начал разбегаться²⁴. Следовательно, хотя Север превосходил человеческими ресурсами, в эти решающие дни мая и июня ветераны Ли оказались более надежны.

После сражения на «Кровавом выступе» Грант не стал тратить время на зализывание ран. На протяжении следующих недель он предпринял несколько маневров против флангов южан и попытку лобовой атаки. С помощью дождей, замедливших темп движения северян, мятежники отразили все эти действия. Все, что янки смогли получить после шести дней маневрирования и стычек, — это еще

22 *Brooks N.* Washington in Lincoln's Time. P. 149; *CWL*. VII. P. 334. *Strong G. T.* Diary. P. 447.

23 Цена на золото означала, за сколько «гринбеков» можно было купить 100 золотых долларов.

24 Бежали не все солдаты этих полков — некоторые уже записались в армию повторно, а срок службы других еще не истек. Такие солдаты зачислялись в другие полки, сформированные в тех же штатах.

3000 убитых и раненых. Признав невозможность взять твердыню конфедератов у Спотсильвании фронтальными атаками или фланговыми маневрами, Грант решил выманить Ли с помощью рейда на 25 миль к югу, где его целью стал железнодорожный узел за рекой Норт-Анна. Ли выяснил намерения противника, проведя 19 мая разведку боем, в которой потерял тысячу человек, а бывшие артиллеристы Гранта получили боевое крещение.

Двигаясь более короткой дорогой, южане перешли Норт-Анну раньше, чем туда подоспел авангард федералов. Капитально окопавшись на южном берегу, конфедераты отбили несколько атак, которыми прощупывалась их оборона. Грант принял решение пройти двадцать миль вниз по течению и еще раз попытаться обойти правый фланг Ли. Северяне благополучно форсировали реку Паманки, но и там наткнулись на мятежников, которые закрепились около Тотопотоми-Крик, в 9 милях к северо-востоку от Ричмонда. Южане умирали от голода, но по-прежнему были полны решимости сражаться. В конце мая после двух дней бесконечных стычек федералы продвинулись еще дальше на юг, чтобы получить короткую линию снабжения через приливные реки, охраняемую флотом.

Целью Гранта был Колд-Харбор — непримечательный перекресток дорог близ поля битвы при Гейнс-Милл в 1862 году. 31 мая в ходе ожесточенного боя с конницей южан под командованием Фицью Ли (племянника генерала) кавалерия Шеридана захватила этот узловый пункт. На следующий день отряд Шеридана сдерживал атаки пехоты противника, пока подошедшие пехотные части федералов не отбросили южан. В ночь с 1 на 2 июня подошли оставшиеся силы и вырыли окопы друг напротив друга на протяжении семи миль от Тотопотоми до Чикахомини. Грант перебросил к себе один из корпусов армии Батлера, так что у Колд-Харбора 59 тысяч конфедератов противостояли 109 тысячам северян (то есть численность обеих армий практически вернулась к той, с которой начиналась кампания четыре долгие недели назад).

Этот месяц был донельзя изматывающим и кровопролитным. Федералы потеряли около 44 тысяч человек, конфедераты — около 25 тысяч²⁵. Война перешла в новую стадию. Раньше обе стороны вступали в генеральные сражения, за которыми следовал отход той или иной армии за ближайшую реку, после чего войска отдыхали,

25 Точных данных об общих потерях южан во время этой кампании нет, и выкладки по Северовиргинской армии в лучшем случае приблизительны.

получали пополнение и начинали новый виток кампании. Однако с начала этой кампании армии не выходили из боя друг с другом. Почти каждый день и ночь солдаты сражались, маршировали либо рыли окопы. Психологическая и физическая усталость делали свое дело: рядовые и офицеры страдали от того, что позднее назовут «военным неврозом». Два корпусных командира армии Ли — Эмброуз Хилл и Ричард Юэлл — хоть и не были ранены, но серьезно подорвали здоровье, и Юэлла даже заменил Джубал Эрли. Сам Ли неделю был болен. С противоположной стороны один офицер замечал, что спустя три недели непрерывных сражений его люди «похудели и осунулись. События этих двадцати дней как будто состарили их на двадцать лет». Капитан Оливер Уэнделл Холмс-младший писал: «Многие солдаты буквально сходили с ума, так как эта кампания произвела колоссальное давление на их тело и рассудок»²⁶.

Грант, размышлявший над своим следующим шагом, все прекрасно понимал. Еще один фланговый маневр мог бы привести его армию в пойму Чикахомини, где потерпел неудачу Макклеллан. А Ли бы тем временем отошел под защиту стен Ричмонда, который за прошедшие два года были укреплены настолько, что обычное преимущество обороняющихся в полевых укреплениях перед наступающими в данном случае только удвоилось бы. Еще дюжина федеральных полков собиралась покинуть армию, так как срок их службы истекал в июле — этот фактор не позволял отложить решающую битву. Стратегия Гранта отнюдь не предполагала ведение войны на истощение противника (хотя многие историки ошибочно приписывают ему такие намерения). С самого начала он пытался вынудить Ли принять бой на открытом пространстве, где должно было сказаться превосходство северян в живой силе и огневой мощи. Именно Ли вел войну на истощение, умело предвидя каждый шаг Гранта. Хотя самого командующего южан уступка инициативы раздражала, его оборонительная тактика приводила к тому, что на каждого потерянного им бойца приходилось два солдата противника. Такая тактика могла посеять в душах северных избирателей нежелание переизбрать Линкольна и стремление закончить войну. Чтобы избежать таких последствий, Грант обещал прорвать линию обороны, даже если придется потратить на это все лето. Сейчас эта линия проходила у Колд-Харбора, и результатом

26 Catton B. A Stillness at Appomattox. P. 138; Howe M. D. Touched with Fire; Civil War Letters and Diary of Oliver Wendell Holmes, Jr., 1861—1864. Cambridge (Mass.), 1946. P. 149—150.

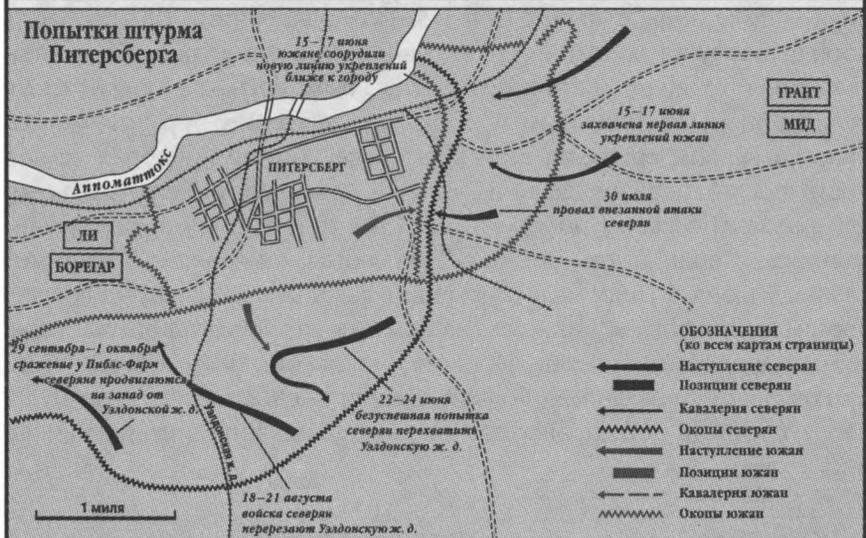
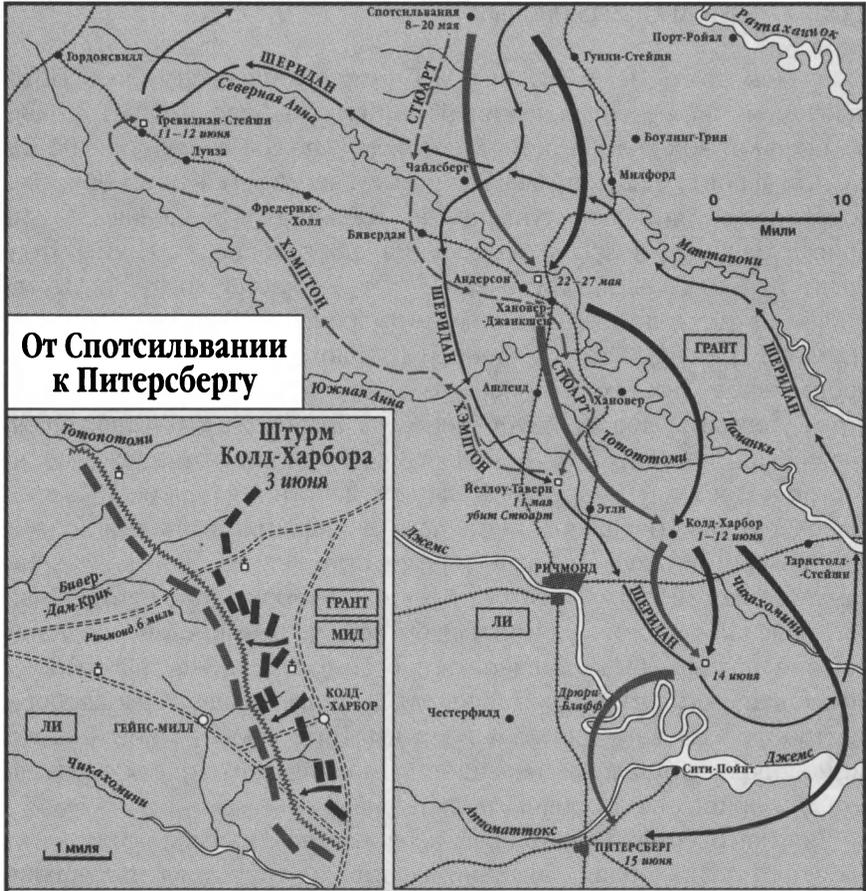
успешного ее прорыва могла стать победа в войне. Если конфедератов удастся разбить, они отойдут за Чикагомини, где их можно будет уничтожить окончательно. Грант знал, что мятежников терзают усталость и голод; то же можно было сказать и про его солдат, но он верил в их более высокий моральный дух. «Армия Ли морально готова к поражению, — писал он Хэллеку несколькими днями ранее. — Пленные, которые попадают в наши руки, явно показывают это, как и все действия его армии. Мы просто не можем проиграть им битву, если вытащим их из укреплений. Мои солдаты чувствуют свое моральное превосходство над врагом и пойдут в битву уверенно»²⁷. Исходя из всего этого, Грант назначил наступление на 3 июня.

Исход его выявил две основные ошибки Гранта. Южане не были морально готовы к поражению, федералы не были так уж уверены в себе. Сотни северян нашли на мундиры записки с именем и адресом, чтобы их тела можно было опознать после битвы. На рассвете началась лобовая атака, осуществленная главным образом силами трех корпусов на левом фланге и в центре. «Синие мундиры» с нашитыми записками встретил шквал огня. Мятежники сражались в траншеях, которые газетный репортер описал как «замысловатые, зигзагообразные линии внутри линий, линии, защищавшие другие линии с флангов, линии, выстроенные для стрельбы по линиям противника... словом, сооружения внутри и за пределами других сооружений»²⁸. Несмотря на то что несколько полков 2-го корпуса Хэнкока — того самого, который пробил брешь в обороне южан на Подкове Мула, — проникли за первую линию окопов, их быстро выбили оттуда, причем атаковавшие потеряли 8 полковников и 2500 других офицеров и солдат. На остальных участках урон был еще сильнее: федералы понесли самые тяжелые потери со времен штурма высот Мэри-Хайтс под Фредериксбергом. Всего янки потеряли 7000 человек, конфедераты — менее 1500. На следующий день Грант признал свою неудачу и прекратил дальнейшие попытки. «Я сожалею о приказе наступать сегодняшним утром больше, чем о каком-либо другом, — сказал он вечером. «Я полагаю, что у Гранта наконец открылись глаза, — отчеканил Мид в письме своей жене, — и он начал понимать, что Виргиния и армия Ли — это совсем не Теннесси и не армия Брэгга»²⁹.

27 O. R. Ser. I. Vol. 36, pt. 3. P. 206.

28 Catton B. A Stillness at Appomattox. P. 159.

29 Porter H. Campaigning with Grant. P. 179; Meade G. Life and Letters of George Gordon Meade. 2 vols. NY, 1913. II. P. 201.

Ужасы этого дня и бойни под Спотсильванией создали в Потомакской армии нечто вроде синдрома Колд-Харбора. Солдаты узнали об окопной войне то, с чем европейские армии столкнутся на Западном фронте лишь полвека спустя. «Рядовые сейчас смертельно боятся снова идти в наступление на земляные укрепления», — так описал царящие в армии настроения один офицер³⁰. После этого Грант наметил новый, состоявший из трех частей план по выходу южанам в тыл и по выманиванию их из траншей. Он приказал армии в долине Шенандоа, возглавленной Дэвидом Хантером, возобновить проваленное Зигелем наступление к югу по долине и вывести из строя железную дорогу, затем пересечь Блу-Ридж, уничтожить базу снабжения конфедератов в Линчберге и продолжить движение на восток к Ричмонду, разрушая железные дороги и канал реки Джеймс. Одновременно Шеридан с двумя кавалерийскими дивизиями должен был совершить рейд на запад, разрушить другие участки тех же самых железных дорог и встретиться с Хантером на полпути. После того как вместе они уничтожили бы все, что не смогли поодиночке, они должны были соединиться с Потомакской армией южнее Ричмонда, поскольку Грант собирался снять осаду Колд-Харбора, быстро форсировать Джеймс и захватить Питерсберг — крупный железнодорожный узел, связывавший Ричмонд с югом страны; в результате Ли пришлось бы покинуть свое укрытие.

Войска блестяще выполнили первые этапы каждой части этого сложного плана, но впоследствии энергичное сопротивление противника в сочетании с нерешительностью подчиненных Гранта застопорили развитие операции. 15-тысячная армия в долине Шенандоа, вверенная генералу Хантеру, была первым крупным оперативным соединением, поступившим под его команду с тех пор, как он был ранен в первом сражении при Манассасе. Хантер приобрел известность после своей неудачной попытки отменить рабство по всему южноатлантическому побережью в 1862 году и создать первый негритянский полк в этом регионе. Разумеется, он жаждал и воинской славы. 5 июня в Пидмонте (Виргиния), на полпути между Гаррисонбергом и Стонтоном, казалось, начинается второй этап его карьеры: его армия разбила уступавших ей по численности мятежников, убила их командира и захватила больше тысячи пленных. Хантер двинулся через Стонтон к Лексингтону, где находился Виргинский военный институт.

30 Catton B. A Stillness at Appomattox. P. 159.

По дороге его солдаты уничтожали далеко не только военное имущество. Многие из них имели большой опыт сражения с партизанами в западной части Виргинии. Их злейшим врагом был Джон Синглтон Мосби — низкорослый, но бесстрашный человек, десятью годами ранее исключенный из Виргинского университета и посаженный в тюрьму за убийство однокашника. В тюрьме Мосби изучал юриспруденцию и после получения помилования от губернатора стал адвокатом. Поначалу он служил конным разведчиком у Джеба Стюарта, а после закона о рейнджерах, принятого в апреле 1862 года, сформировал партизанский отряд. Его слава росла, особенно после таких предприятий, как захват генерала северян прямо в постели в десяти милях от Вашингтона в марте 1863 года. Отряд Мосби никогда не насчитывал больше 800 человек, партизаны действовали группами по 20—80 рейнджеров, нападая на федеральные аванпосты, караваны повозок и заблудившихся солдат с такой яростью и эффективностью, что целые округа в северной части Виргинии стали именоваться «Конфедерацией Мосби». Перевозка припасов союзных войск по этой территории была возможна только под усиленной охраной.

Южане преклонялись перед рейнджерами Мосби и другими партизанскими отрядами, отличавшимися отвагой и решительностью на грани безрассудства. Северяне придерживались противоположного мнения. По словам одного негодующего федерала, рейнджеры Мосби были «„честными фермерами“, которые несколько раз давали клятву верности [Союзу], а потом вооружались всем, что попадало под руку — пистолетами, саблями, карабинами, охотничьими ружьями, — и поджидали несчастных в синих мундирах. Если им удавалось поймать безоружных бедняг, пошедших в лес по ягоды, для них высшая доблесть — расстрелять таких на месте... Но стоит появиться карательному отряду, как они бросаются в леса, прячут оружие и залегают на дно... Галантный южный кавалер Мосби по-прежнему нападает на обозы, оставшиеся без всякой защиты, и обычно захватывает их, не теряя ни одного человека. Время от времени он не брезгует и санитарными повозками, полными раненых»³¹.

Союзные войска не были склонны щадить партизан, которых им удавалось схватить, или гражданское население, среди которого партизаны исчезали, словно рыба в море. Во время марша Хантера

31 Цит. по: Swinfen D. B. Ruggles' Regiment: The 122nd New York Volunteers in the American Civil War. Hanover (NH), 1982. P. 91.

по долине партизаны кружили рядом с его обозом, и чем дальше он продвигался, тем более уязвимыми становились его коммуникации. В течение месяца после 20 мая к армии прорвался только один караван повозок. Федералы начали испытывать недостаток провианта, что подстегивало их ярость: они жестоко грабили местных жителей и жгли то, что не могли взять с собой. К 12 июня, когда солдаты вошли в Лексингтон, настроение армии упало до нуля. Мародерство постепенно вылилось в репрессии против населения, а уничтожение военного имущества — в сожжение здания военного института и особняка действующего губернатора, который призвал горожан взять в руки оружие и действовать как партизаны. Оправдывая поведение войск, один солдат писал: «Многие женщины боятся того, что происходит, и оплакивают свое имущество. Мы же считаем, что войну развязал Юг, и теперь штат Виргиния просто платит по счетам»³².

Нехватка продовольствия вынудила Хантера покинуть сожженный Лексингтон и двинуться на Линчберг. Ли считал эту угрозу самой серьезной из всех, поэтому он отрядил туда Джубала Эрли во главе бывшего корпуса Джексона, вернувшегося в места своих великих побед. Хотя после понесенных потерь корпус насчитывал всего 10 тысяч человек, с ним число защитников Линчберга выросло до 15 тысяч и сравнялось с силами Хантера. 17—18 июня последний осмотрел укрепления Линчберга, узнал о прибытии Эрли, посетовал на скудость припасов и решил отступить. Причем он отступил на запад, в Западную Виргинию, предпочтя не возвращаться в долину Шенандоа в сопровождении партизан на флангах и корпуса Эрли в тылу. Таким образом, дорога в долину оказалась открыта для южан. Веря в то, что Эрли отвлечет больше сил северян, если останется там, а не вернется к Ричмонду, Ли предложил ему повторить маневр Джексона, используя долину Шенандоа как плацдарм для создания угроз Мэриленду и Вашингтону. Хантер пытался оправдать свое отступление в Западную Виргинию, но вскоре потерял как свой пост, так и репутацию.

Рейд Шеридана окончился лишь немногим благополучнее экспедиции Хантера. Ли выделил 5000 кавалеристов против семитысячного отряда Шеридана. Всадниками мятежников командовал Уэйд Хэмптон — южнокаролинский плантатор и, по слухам, один из самых богатых граждан Конфедерации, уже трижды раненный в ходе войны.

32 Jones V. C. *Gray Ghosts and Rebel Raiders*. 2 vols. Atlanta, 1973. II. P. 73.

Догнав федералов в 60 милях к северо-западу от Ричмонда, «серые мундиры» вступили с ними в двухдневное сражение при Трэвилльян-Стейшн 11—12 июня. Каждая из сторон потеряла 20% личного состава, в результате чего битва стала самым кровопролитным кавалерийским сражением войны. Со стороны северян в самом пекле оказалась Мичиганская бригада Джорджа Армстронга Кастера. Шеридану удалось сдержать южан, пока его части демонтировали железную дорогу, но его план встречи с Хантером потерпел неудачу, и это позволило конфедератам быстро ее восстановить.

На фоне этих событий Потомакская армия ночью с 12 на 13 июня сняла осаду с Колд-Харбора. Пока один корпус посадили на корабли и отправили по Джемсу, остальные четыре под прикрытием кавалерийской дивизии, не ушедшей с Шериданом, двигались по суше. Операция была проведена филигранно, а ложные маневры на подступах к Ричмонду вынудили Ли несколько дней гадать о планах командующего северян. Между тем союзные инженеры построили (возможно, самый длинный — 2100 футов — во всей военной истории) понтонный мост, способный противостоять сильному приливному течению и четырехфутовым волнам. 14 июня «синие мундиры» начали форсировать Джемс, и на следующий день два корпуса приблизились к Питерсбергу, 2,5-тысячным гарнизоном которого командовал Борегар. Грант повторил свой маневр времен Виксбергской кампании и вышел врагу в тыл, прежде чем тот осознал, что произошло.

Однако развязка отличалась от того, что случилось под Виксбергом, так как Гранта подвели его корпусные командиры, да и Борегар и Ли отличались от Пембертона и Джонстона. Первым корпусом, подошедшим к Питерсбергу, был 18-й, позаимствованный Грантом у Батлера двумя неделями раньше перед штурмом Колд-Харбора. Им командовал «Плешивый» Уильям Смит, бывший у Батлера в немилости и не проявивший своих качеств на этом театре. Получив шанс восстановить свою репутацию, Смит на подходе к Питерсбергу сделался очень осторожным: ему предстояло штурмовать великолепную оборонительную линию, состоявшую из десяти миль массивных, двадцати футов толщиной, брустверов и траншей, связанных сорока пятью реданами, готовыми в любой момент изрыгнуть огонь, а также дополнительно защищенную с фронта пятнадцатифутовыми рвами. Будучи свидетелем того, что стало с солдатами, атаковавшими гораздо менее внушительные редуты Колд-Харбора, Смит выжидал, не подозревая, что в распоряжении Борегара находится лишь горстка людей. Ближе к вечеру северяне все же перешли в наступление и

легко захватили больше мили укреплений и 16 орудий. Одна из трех дивизий Смита состояла из негров, которые получили здесь боевое крещение и выглядели достойно. Яркая луна озаряла захваченные окопы. Смит поверил слухам о том, что к защитникам крепости прибыло подкрепление от Ли и отказался продвигаться дальше. Борегар писал после войны: «В этот час Питерсберг был полностью в руках командира северян, который так и не решился его взять»³³.

Следующие три дня вместили в себя еще больше упущенных возможностей. Ночью 15 июня оставшиеся у Борегара солдаты лихорадочно сооружали новую линию укреплений, когда к ним из-за Джемса подошли еще две дивизии. На следующий день к Питерсбергу прибыли еще два союзных корпуса, и во второй половине дня 48 тысяч федералов захватили еще часть укреплений, но так и не прорвали их. К 17 июня Ли уже догадался, что к югу от Джемса находится почти вся армия Гранта. Хотя союзные войска в этот день упустили шанс обойти правый фланг конфедератов, их несогласованные атаки все же вынудили Борегара отойти в предместья Питерсберга, произнеся мелодраматическую фразу о том, что «пробил последний час Конфедерации»³⁴. На заре 18 июня около 70 тысяч федералов начали новую волну атаки, но не обнаружили перед собой ничего, кроме пустых окопов, а когда перегруппировали силы для атаки новой линии обороны, то на ее защиту уже прибыл Ли во главе большей части своей армии.

«Синдром Колд-Харбора» помешал союзным войскам завершить начатое. Командиры корпусов исполняли приказы в замедленном темпе, предпочитая пропускать вперед соседей справа или слева, так что в результате вперед не двигался никто. Всем известный темперамент генерала Мида проявился днем 18 июня. «Я не понимаю, каких еще дополнительных приказов о наступлении вы просите?» — вопрошал он одного подчиненного по полевому телеграфу. «Найдя невозможным эффективное взаимодействие во время атаки, я разослал приказы по всем корпусам начинать наступление в любом случае, не сообразуясь с другими частями», — втолковывал он другому³⁵. Но подчиненные, едва выжившие после прошлого штурма окопов, не горели желанием повторять попытку. В одной из бригад 2-го корпуса ветераны еще соглашались ползти вперед под при-

33 *Beauregard P. G. T. Four Days of Battle at Petersburg // Battles and Leaders. IV. P. 541.*

34 *Catton B. A Stillness at Appomattox. P. 196.*

35 *O. R. Ser. I. Vol. 40, pt. 2. P. 179, 205.*

крытием, но отказывались вставать и бежать в лобовую атаку под градом пуль. Рядом с ней один из бывших артиллерийских полков, 1-й Мэнский, решил наступать как на пропагандистском плакате 1861 года. «Ложитесь, идиоты, — кричали им ветераны, — вы не сможете взять их укрепления!» Однако те не слушались и продолжали маршировать вперед. Их расстреляли в упор — полк потерял 632 из 850 человек в одном только этом бою. Мид в конечном итоге прекратил бесплодные попытки, заявив: «Наши солдаты устали и атаки ведутся не так энергично и стремительно, как это было в Глуши. Если бы они велись как тогда, то, я полагаю, мы бы достигли большего успеха». Грант соглашался с ним: «Дадим отдохнуть нашим людям и используем окопы для их защиты, пока у них не поднимется боевой дух»³⁶.

Так закончилась семинедельная кампания маневров и сражений, невероятная по жестокости схваток и интенсивности передвижений. Не удивительно, что Потомакская армия не сражалась под Питерсбергом так же «энергично и стремительно», как в Глуши, потому что это была уже не та армия. Многие из ее лучших и самых храбрых воинов были убиты или ранены; у тысяч других истекали сроки найма (они либо уже покинули войска, либо просто не желали рисковать жизнью в последние дни службы). С 4 мая около 65 тысяч военнослужащих были убиты, ранены или пропали без вести. Это число равно трем пятым всех боевых потерь Потомакской армии за три предыдущих года. Ни одна армия в мире, понеся такие потери, не могла сохранять неизменно высокий боевой дух. «Последние тридцать дней были одной нескончаемой похоронной процессией, идущей мимо меня, — ужасался командир 5-го корпуса генерал Гурнер Уоррен. — С меня хватит!»³⁷

Мог ли Север переварить подобные жертвы и продолжать поддерживать войну? Финансовые рынки реагировали пессимистично: цена золота подскочила до катастрофических 230. Один союзный генерал, бывший в отпуске по ранению, отмечал «глубокое разочарование в тылу, стойкое нежелание вербоваться в армию и упорное стремление к миру»³⁸. Демократы начали навешивать ярлыки на Гранта,

36 Catton B. A Stillness at Appomattox. P. 198—199; O. R. Ser. I. Vol. 40, pt. 2. P. 156—157.

37 Meade's Headquarters, 1863—1865; Letters of Colonel Theodore Lyman. Boston, 1922. P. 147.

38 Private and Official Correspondence of General Benjamin F. Butler during the Period of the Civil War. 5 vols. Norwood (Mass.), 1917. V. P. 5.

называя его «мясником» и «упрямым Суворовым», приносящим цвет американской нации в жертву злобному божеству аболиционистов. «Патриотизм иссяк, — провозвестила демократическая газета. — С каждым часом мы все глубже погружаемся в пучину разорения». Даже жена Бенджамина Батлера задалась вопросом: «Ради чего вся эта борьба? Это горе для тысяч и тысяч семей?.. Какой прогресс человечества способен искупить эти бедствия?»³⁹

Линкольн попытался ответить на эти мучительные вопросы в своей речи на открытии ярмарки по сбору средств для армии, организованной Санитарным комитетом в Филадельфии 16 июня. Он признал, что эта «ужасная война принесла горестную весть почти в каждый дом, и можно даже сказать, что „небеса окрасились в черный цвет”». На общий вопрос: «Когда закончится война?» — президент ответил так: «Мы приняли вызов, сражаясь за единство нации... и война закончится тогда, когда мы достигнем этой цели. Если на то будет воля Божья, я надеюсь, что она не продлится долго (*бурные аплодисменты*)... Как нам сообщают, генерал Грант высказался в том духе, что собирается преодолеть оборону врага, даже если это займет у него все лето (*аплодисменты*)... Я бы добавил, что мы преодолеем ее, даже если нам понадобится еще три года (*аплодисменты*)». Несмотря на овации, этот спартанский призыв к битве до последнего стал слабым утешением для многих из присутствовавших⁴⁰.

В своей речи Линкольн также похвалил Гранта за то, что тот занял «позицию, откуда его невозможно оттеснить, пока Ричмонд не будет взят». И в самом деле, несмотря на леденящие душу потери, Поттомаская армия причинила такой же (пропорционально) ущерб меньшей по численности вражеской армии (потери южан составляли как минимум 35 тысяч человек), отбросила ее на 80 миль к югу, частично перерезала коммуникации, приковала Ли к защите Ричмонда и Питерсберга; Северовиргинская армия утратила свою мобильность. Ли признавал значимость достижений противника. В конце мая он сказал Джубалу Эрли: «Мы должны уничтожить Гранта, пока он не вышел к реке Джемс. Если он выйдет к ней, начнется осада, и тогда наше падение — лишь вопрос времени»⁴¹.

39 Klement F. L. *The Copperheads in the Middle West*. Chicago, 1960. P. 233; Correspondence of Benjamin Butler... IV. P. 418.

40 CWL. VII. P. 394—395.

41 Ibid. P. 396. Foote S. *Civil War*. III. P. 442.

II

Разумеется, Юг не мог выдержать осаду этих двух пунктов в течение длительного времени, но короткий промежуток (три-четыре месяца) время работало на конфедератов, так как приближались президентские выборы на Севере. Как в Виргинии, так и в Джорджии мятежники всячески тянули время. В конце июня Джо Джонстон и Атланта все еще сопротивлялись Шерману, даже притом что янки углубились в Джорджию на 80 миль, координируя свои действия с Потомакской армией.

Пока Грант и Ли искали возможности уничтожить армии друг друга или хотя бы нанести серьезный урон, Шерман и Джонстон втянулись в маневренную войну, пытаясь получить преимущество над врагом, чего им никак не удавалось. Если Грант пытался обойти Ли справа после каждой схватки, то Шерман предпринимал похожие маневры по охвату левого фланга Джонстона, однако столкновения избегал. Такой контраст в тактике был обусловлен как различным рельефом местности, так и несходством личностей самих командующих. В отличие от Ли, принужденного обороняться под воздействием обстоятельств, Джонстон даже по темпераменту своему предпочитал действовать от обороны. Казалось, что он разделял взгляды своего довоенного друга Джорджа Макклеллана, неохотно вводившего в битву все войска (возможно, именно по этой причине «серые мундиры» обожали Джонстона, так же как «синие» — Макклеллана). В 1862 году в Виргинии Джонстон отступил от Манассаса без боя, а от Йорктауна — почти до самого Ричмонда, дав лишь видимость сражения. На Западном фронте он так и не вступил в открытое противоборство с Грантом под Виксбергом. Причину такого нежелания сражаться в надежде, что все как-нибудь утрясется само собой, нужно искать в характере Джонстона. В войсках гуляла байка о том, как Джонстон еще до войны ходил на утиную охоту. Хотя у него была репутация меткого стрелка, он так ни разу не спустил курок. «Птицы летели то слишком высоко, то слишком низко; собаки были слишком далеко или слишком близко — в общем, все шло не так, как надо. Он... боялся промахнуться и подмочить свою блестящую репутацию»⁴². Весной 1864 года Джефферсон Дэвис предложил Джонстону начать наступление на Шермана, пока тот не начал атаковать сам, но Джонстон предпочел ждать на заранее

42 Chesnut's Civil War. P. 268.

подготовленных позициях, чтобы Шерман подошел так близко, что промахнуться будет уже невозможно.

Шерман, впрочем, не оказал ему такую услугу. Несмотря на репутацию безжалостного, «дядюшка Билли» (как его называли солдаты) не любил авантюры: «Их почет и слава — вздор. Даже самый блестящий успех покоится на растерзанных в клочья телах, горе в семьях погибших»⁴³. Силы вторжения Шермана составляли три армии, находившиеся под его командованием: Камберлендская армия генерала Джорджа Томаса, насчитывавшая 60 тысяч человек, в том числе части бывших 11-го и 12-го корпусов Потомакской армии, сведенные в новый 20-й корпус; 25-тысячная Теннессийская армия, которой сначала командовал сам Грант, потом Шерман, а сейчас — их молодой протеже Джеймс Макферсон; наконец, 13-тысячная Огайская армия Джона Шофилда, участвовавшая прошлой осенью в освобождении Восточного Теннесси. Весь этот контингент был связан с тылами единственной и уязвимой однопутной железной дорогой. Условия местности в северной части Джорджии благоприятствовали обороне даже больше, чем в Виргинии. Пространство между Чаттанугой и Атлантой пересекают крутые, труднопроходимые горные хребты и бурные реки. 50-тысячная армия Джонстона (к которой вскоре подошли резервы из Алабамы, увеличившие ее численность до 65 тысяч человек) заняла оборону на хребте Роки-Фейс-Ридж, прикрывая флангом железную дорогу, проходившую в 25 милях к югу от Чаттануги, и приглашала янки атаковать.

Шермана не прельстила перспектива воспользоваться этой «дверью к смерти». Вместо этого он, подобно боксеру, нанес пробный удар слева (силами Томаса и Шофилда), чтобы выяснить намерения Джонстона, а Макферсона послал в глубокий рейд через горные проходы с целью разрушить железную дорогу в районе Ресаки — в 15 милях в тылу у конфедератов. Благодаря недосмотру кавалерии южан, перевал Снейк-Крик остался практически без охраны, и 9 мая пехота Макферсона прошла по нему. Обнаружив, что Ресака защищена внушительной линией окопов, Макферсон вступил в перестрелку и, переоценив силы защитников (там было всего две бригады), вернулся, не достигнув железной дороги. Встревоженный угрозой своим тылам, Джонстон послал в Ресаку часть армии, а затем и сам отошел туда с основными силами в ночь с 12 на 13 мая. Шерману так и не удалось совершить нокаутирующий удар: «Ну,

43 Liddell Hart B. H. Sherman: Soldier, Realist, American. NY, 1929. P. 402.

Мак, — сказал он раздосадованному Макферсону, — ты упустил шанс, какие выпадают раз в сто лет»⁴⁴.

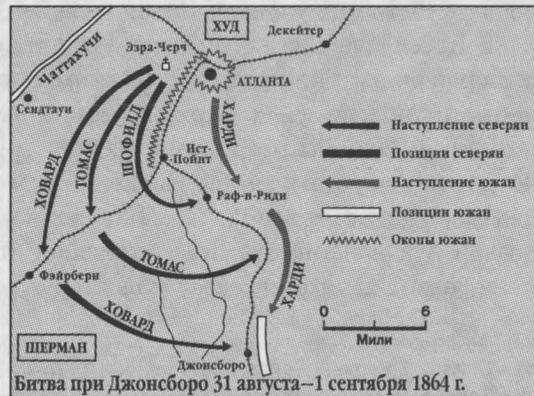
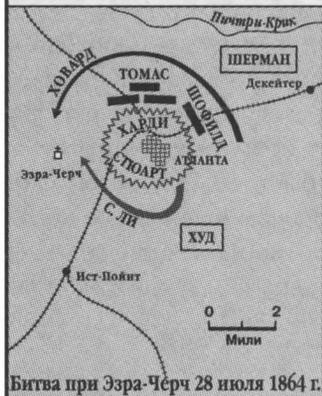
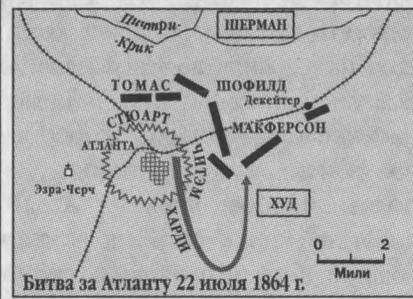
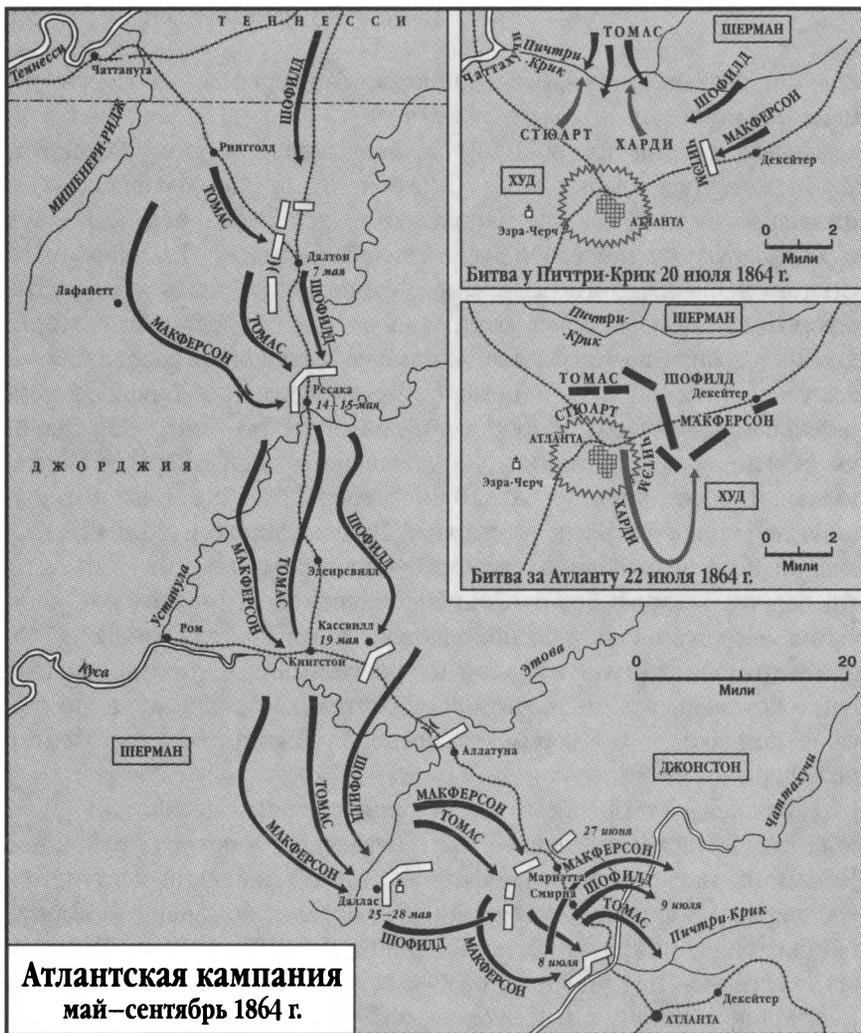
Целых три дня армия Шермана испытывала оборону Ресаки, но так и не нашла слабых мест. Снова часть армии Макферсона пустилась в обход в южном направлении, пересекла реку Устанаула и создала угрозу железной «дороге жизни» южан. Те, однако, выскользнули из трудного положения, отойдя на 15 миль к югу, затем какое-то время собирались контратаковать, но передумали и отошли еще на 10 миль до Кассвилла. Отступая, мятежники разрушили железную дорогу, но инженерные команды «дядюшки Билли» в течение нескольких часов возобновили движение по ней, и снабжение его войск не прекратилось. За двенадцать дней Шерман покрыл половину расстояния до Атланты, причем обе стороны потеряли лишь по четыре-пять тысяч человек. Правительство и общественное мнение Юга выражали растущее беспокойство тем, что Джонстон отдавал территорию без боя. Начали беспокоиться и солдаты. «Дело в том, — писал своей жене рядовой 29-го Джорджианского полка, — что мы отступаем, и это не радует меня. Скоро мы должны будем остановиться, иначе армия окажется деморализована, но пока все в порядке, и мы верим, что генерал Джонстон... вытрясет из янки душу»⁴⁵.

Наиболее нетерпеливым из подчиненных Джонстона был Джон Белл Худ. Изувеченная левая рука (Геттисберг) и потеря правой ноги (Чикамога) нисколько не умерили его пыл. Усвоивший наступательную тактику под руководством Ли, Худ остался командиром корпуса в Теннессийской армии после ранения под Чикамогой, где его дивизия довершила наступление, разбив войска Роузкранса. Желая преподать такой же урок и Шерману, Худ за спиной своего командира писал в Ричмонд, упрекая Джонстона за фабиеву тактику.

В Кассвилле Джонстон наконец пришел к мысли о необходимости сражения, и по иронии судьбы именно Худ проявил нерешительность и спутал ему все карты. Шерман преследовал южан, растянув походные колонны на добрый десяток миль и к тому же пустив их по разным дорогам, чтобы движение шло быстрее. Джонстон сконцентрировал большую часть своих сил на правом фланге, где командовали Худ и Леонидас Полк, стоявшие против двух корпусов Шермана, находившихся в семи милях друг от друга. 19 мая Джонстон

44 *Lewis L. Sherman: Fighting Prophet.* NY, 1932. P. 357.

45 *Carter S. The Siege of Atlanta, 1864.* NY, 1973. P. 125.

- ← Наступление северян
- ▬ Позиции северян
- ← Наступление южан
- ▬ Позиции южан
- ~~~~~ Окопы южан

отдал приказ, призванный вдохновить армию: «Сейчас настало время повернуться лицом к наступающим колоннам врага... Солдаты, я поведу вас в битву». Поначалу это произвело ожидаемый эффект. «Солдаты ликовали, — вспоминал рядовой из 1-го Теннессийского полка. — Мы могли разгромить янки и обратить их в бегство»⁴⁶. Но уверенность вскоре уступила место беспокойству. Встревоженный сообщениями, что враг проводит операции на его фланге, Худ приказал остановить наступление. Вскоре выяснилось, что угроза исходила лишь от небольшого кавалерийского подразделения, но момент уже был упущен. После этого мятежники вновь перешли к обороне, отойдя еще на десять миль к новой укрепленной линии (заблаговременно обустроенной рабами), позади прохода Аллатуна и реки Этова.

Это отступление тяжело сказалось на энтузиазме конфедератов. Обвиняя во всем Худа, начальник штаба Джонстона писал: «Я не мог сдержать слез, узнав о том, что наступление не состоится. Взаимные обвинения Джонстона и его корпусных командиров начали разлагать армию, деля ее на группировки, что раньше едва не погубило армию Брэгга. Мнения в администрации и в прессе также были полярными: сторонники Дэвиса критиковали Джонстона, тогда как группировка противников президента порицала правительство за потворство интригам против генерала. Население северных районов Джорджии поняло, к чему все идет, и начало покидать родные места. «Почти все уходят и уводят своих негров на юг, — писал житель Джорджии. — В этом году едва ли здесь соберут большой урожай, который мог бы помочь нам выжить в следующем году, вне зависимости от того, продолжится война или нет»⁴⁷. В газетах Атланты стали проскальзывать пессимистичные нотки, хотя большинство из них по-прежнему прославляли Джонстона как «блестящего стратега», увлекающего Шермана еще глубже в ловушку, чтобы наверняка его уничтожить.

Но Джонстон не мог поставить капкан близ Аллатуна, так как Шерман попросту не пошел туда. Вместо этого он дал своим людям отдохнуть, отремонтировал железную дорогу, обеспечил армию припасами на двадцать дней и отошел от железной дороги, чтобы еще

46 Govan G. E., Livingood J. W. A Different Valor: The Story of General Joseph E. Johnston, CSA. Indianapolis, 1956. P. 274; Watkins S. R. „Co. Aytch”: A Side Show of the Big Show. NY, 1962. P. 169.

47 Govan G. E., Livingood J. W. A Different Valor. P. 277; Carter S. The Siege of Atlanta, 1864. P. 130.

раз попытаться обойти левый фланг Джонстона. Целью Шермана был дорожный узел в сосновом лесу вблизи городка Даллас, в двадцати милях в тылу южан и уже совсем недалеко от Атланты. Однако кавалерия Джонстона вовремя заметила этот маневр, и мятежники успели своевременно отступить и занять новый оборонительный рубеж, прежде чем янки достигли этого пункта. 25 и 27 мая близ церкви Нью-Хоуп шли ожесточенные бои, после чего обе армии на протяжении нескольких недель лишь вступали в короткие стычки и вели снайперские дуэли (в ходе одной из них был убит Леонидас Полк), тщетно изыскивая возможность для атаки или флангового маневра. «Одна большая война с индейцами», — так описал разочарованный Шерман эту кампанию, когда дожди превратили дороги из красной глины в жидкое месиво. Обе армии постепенно передвигались на восток, пока не оказались по разные стороны железной дороги к северу от городка Мариэтта, где конфедераты окопались на превосходной позиции вдоль горы Кеннесо-Маунтин и ее отрогов.

Шермана раздражала эта безвыходная ситуация. Он принимал во внимание не только тех мятежников, что находились прямо перед ним, но и тех, что стояли в трехстах милях от него в тылу. Любое значительное происшествие с железнодорожными коммуникациями в Теннесси нанесло бы Шерману столь же серьезный урон, сколь и поражение здесь, в Джорджии, а ввиду того, что Бедфорд Форрест действовал на просторах Миссисипи, случиться могло всякое. Этот прирожденный кавалерист уже причинил такой ущерб янки, что, как сам хвалился, «пустил их по миру». Последним «подвигом» Форреста было уничтожение союзного гарнизона в Форт-Пиллоу на реке Миссисипи, где его люди расстреляли чернокожих солдат, когда те сдались в плен⁴⁸. Когда Шерман начал кампанию в Джорджии, Джонстон ратовал за «немедленное движение отряда Форреста в центральные районы Теннесси», чтобы разрушить железную дорогу. Чтобы это предотвратить, Шерман приказал командующему гарнизоном в Мемфисе послать 8-тысячный отряд Форресту на перехват. Федералы вторглись в Миссисипи, обнаружили местонахождение

48 Хотя этот факт раньше и оспаривался южанами, избиение нескольких десятков чернокожих и некоторых белых во главе с их командиром майором Уильямом Бредфордом, который был взят в плен и убит «при попытке к бегству», сейчас полностью доказано. Подробнее об этом событии см.: Henry R. S. „First with the Most” Forrest. Indianapolis, 1944. P. 248—269; Castel A. The Fort Pillow Massacre: A Fresh Examination of the Evidence // CWH. 1958. 4. P. 37—50; Cimprich J., Mainfort R. C. Fort Pillow Revisited: New Evidence about an Old Controversy // CWH. 1982. 28. P. 293—306.

ние Форреста, вступили с ним в бой, но 10 июня у Брисез-Кроссроудс были обращены в бегство силами, практически вдвое уступавшими им по численности. Это было, пожалуй, самое унижительное поражение северян на западном театре военных действий, но этой ценой им удалось отвлечь Форреста от железной дороги в Теннесси. Тем не менее разгневанный Шерман приказал отправить из Мемфиса более крупный отряд и «прикончить Форреста, даже если это будет стоить десяти тысяч жизней и полностью разорит казначейство. Пока он жив, покоя в Теннесси не будет»⁴⁹. На этот раз 14 тысяч федералов 14 июля позволили мятежникам атаковать их в Тьюпело (Миссисипи) и отразили нападение, нанеся южанам тяжелый урон и ранив самого Форреста.

Это позволило Шерману какое-то время меньше беспокоиться за свои базы в Теннесси. Дозоры, отправляемые им вдоль железной дороги между Чаттанугой и Мариэттой, также не позволяли кавалерии Джонстона, возглавляемой Джо Уилером, причинить большой ущерб. Однако основные силы мятежников на Кеннесо-Маунтин препятствовали его планам, так же как Ли мешал Гранту под Питерсбергом. Очередной фланговый маневр по бездорожью был невозможен — крайне тяжело было даже доставлять припасы со станции снабжения, находившейся всего в шести милях от правого фланга северян. Шерман также опасался, что бесконечные маневры и сооружение укреплений ослабят энтузиазм его армии: «Свежая борозда на вспаханном поле останавливает целую колонну, и все тут же начинают рыть траншеи, — ворчал он. — Мы наступаем и... должны атаковать, а не защищаться». Рассудив, что Джонстон ожидает от него нового передвижения на фланге, Шерман решил «сымитировать атаку на обоих флангах и прорваться по центру»: «Это может дорого нам обойтись, но удача должна принести больше, чем все попытки маневрирования»⁵⁰.

Атака обошлась ему дорого, а результата не дала никакого. 27 июня несколько союзных дивизий штурмовали отроги Кеннесо-Маунтин на участках, где горные речушки отделяли центр армии Джонстона от флангов. После того как температура поднялась до 40°C в тени, янки откатились от брустверов, сравнимых с теми, что были сооружены под Питерсбергом. Атака была отбита; один конфедерат оглядел своих товарищей. «Я никогда еще не видел столько

49 Henry R. S. „First with the Most” Forrest. P. 277; O. R. Ser. I. Vol. 39, pt. 2. P. 121.

50 O. R. Ser. I. Vol. 38, pt. 4. P. 507, 492.

измученных и сломленных людей, — вспоминал он годы спустя. — Я чувствовал себя совершенно больным, пропитавшимся насквозь кровью и потом. Многих солдат тошнило от хронического переутомления и солнечного удара; наши языки потрескались от жажды, лица почернели от пороха и гари, а мертвые и раненые лежали в окопах вперемешку»⁵¹. В середине дня Шерман признал поражение и приказал прекратить атаку. Федералы потеряли убитыми и ранеными 3000 человек — немного по сравнению с потерями в Виргинии, но за всю кампанию в Джорджии таких потерь не было, особенно если учесть, что враг потерял в четыре раза меньше.

Что было еще хуже для северян, исход битвы при Кеннесо-Маунтин поднял настроение южан и усилил чувство разочарования северян. «Сейчас все абсолютно уверены в генерале Джонстоне», — писала одна жительница Атланты, а городская газета объявила, что армия Шермана «разбита» и в ближайшем будущем будет «уничтожена до основания»⁵². По общим оценкам, оккупанты во время марша по Джорджии потеряли 17 тысяч человек, а Джонстон — всего 14 тысяч, в отличие от 35 тысяч в Северовиргинской армии, плюс ко всему боевой дух в Теннессийской армии «был таков, что лучше нельзя было и пожелать». После двух месяцев боев, потеряв в общей сложности 90 тысяч человек на всех фронтах, союзные армии ни на шаг не приблизились к победе в войне. «Кому суждено возродить увядшие надежды, расцветшие в начале кампании Гранта?» — задавалась вопросом демократическая *New York World*. Житель Нью-Йорка заметил в своем дневнике, что даже республиканцы выглядят «разочарованными, уставшими и разуверившимися в успехе. Они печально вопрошают: „Почему бы Гранту и Шерману не предпринять что-нибудь?“»⁵³

51 Watkins S. R. „Co. Aytch“... P. 160.

52 Carter S. The Siege of Atlanta. 1864. P. 141; Hoehling A. A. Last Train from Atlanta. NY, 1958. P. 23.

53 Carter S. The Siege of Atlanta, 1864. P. 141. New York World. 1864. July 12; Strong G. T. Diary. P. 467.

25.

После четырех лет неудач

I

Грант и Шерман, естественно, собирались «предпринять что-нибудь», но на протяжении двух долгих, изматывающих месяцев их попытки не приносили ничего, кроме еще бóльших жертв. Впрочем, в июле Шерман все-таки приблизился к взятию Атланты; эта задача стала превалировать даже над уничтожением армии Джонстона. Атланта и в самом деле была бы важным трофеем. Во время войны ее население удвоилось до 20 тысяч человек, так как в этом крупном железнодорожном узле сосредоточились литейные цеха, военные заводы и интендантские склады. «[Падение Атланты] — считал Дэвис, — откроет федеральной армии путь к Мексиканскому заливу с одной стороны и к Чарлстону с другой, а также передаст в руки врага контроль над богатыми зерном регионами, ныне поставляющими припасы в армию Ли. Также враг получит наши железные дороги и парализует всю экономику»¹. Поскольку Конфедерация всеми силами пыталась удержать Атланту, этот город стал вторым после Ричмонда символом сопротивления и государственности. После того как фронт под Питерсбергом, где началась окопная война, стабилизировался, главные заботы южан оказались связаны с Джорджией, где по окончании дождей возобновилась маневренная война.

1 Hoehling A. A. Last Train from Atlanta. NY, 1958. P. 17.

Рабы соорудили еще две оборонительные линии между Кеннесо-Маунтин и рекой Чаттахучи, протекавшей с северо-востока на юго-запад всего в восьми милях от Атланты. Джонстон заверил одного из сенаторов, приехавшего в его ставку 1 июля, что он может удерживать Шермана на северном берегу Чаттахучи в течение двух месяцев. К 10 июля, когда Дэвису передали эти слова, янки уже пересекли реку. Шерман вновь послал армию Макферсона в обход левого фланга Джонстона, вынудив мятежников отойти на шесть миль 3 июля, и еще на шесть — на следующий день. На этот раз Шерман подошел к делу с большей фантазией. Запланировав, как обычно, обход именно левого фланга, сейчас он приказал Макферсону сделать в этом направлении лишь ложный маневр, тогда как кавалерийская дивизия и пехотный корпус Шофилда должны были тайно подняться вверх по реке и форсировать ее неожиданно для немногочисленных конных дозоров южан. Янки перемахнули через реку без всякой одежды, если не считать патронташи, и взяли ошеломленных неприятелей в плен. Другой брод «синие мундиры» преодолевали спешившись, по горло в воде, неся спенсеровские карабины в вытянутых над головой руках. «Когда пули мятежников стали свистеть рядом слишком уж часто», вспоминал офицер северян, солдаты обнаружили, что могут заряжать карабины прямо под водой, пользуясь тем, что их патронташи водонепроницаемы. «Вся цепочка подняла ружья, вылила из дула воду, затем быстро прицелилась, выпалила и вновь опустила карабины под воду». Пораженные мятежники кричали друг другу: «Гляньте-ка на этих чертовых янки, они заряжают ружья прямо под водой! Разве люди так могут?»² Пикеты южан сдались «подводной пехоте», а Шерман к 9 июля переправил часть своей армии через реку на фланг конфедератов. Последние отошли на другую укрепленную позицию за Пичтри-Крик, всего в четырех милях от центра Атланты. Жители штурмовали отходившие в южном направлении поезда. Городские газеты по-прежнему призывали к сопротивлению, но типографские станки уже упаковывались для немедленной отправки.

Ричмонд был охвачен ужасом. Внеочередные заседания правительства не имели других последствий, кроме выражения обеспокоенности «печальным положением в Джорджии». Дэвис обдумывал шаги «предотвращения катастрофы»³, но один из таких шагов,

2 Ibid. P. 58—59.

3 Yonger E. Inside the Confederate Government: The Diary of Robert Garlick Hill Kean. NY, 1957. P. 165; Davis. VI. P. 283.

а именно отправка Брэкстона Брэгга (который стал военный советником президента, после того как покинул Теннессиюскую армию) в Джорджию для расследования причин отступления, оказался явно недальновидным. Брэгг нисколько не стал популярнее со времен своего командования. В качестве посредника он не улаживал проблемы, а, скорее, становился их источником. Советовался он главным образом с Худом, явно метившим в командуемые. Тот заявлял: «Мы должны наступать. Я считаю, что для нас было большим несчастьем отказаться от битвы с врагом гораздо севернее тех позиций, что мы занимаем сейчас. Пожалуйста, передайте президенту, что я буду продолжать безропотно исполнять свой долг... и делать все от меня зависящее для блага нашей страны». Брэгг предложил Дэвису назначить Худа вместо Джонстона. Дэвис почти согласился, несмотря на то, что Ли выступил против, мотивируя это опрометчивостью Худа («В нем все от льва и ничего от лисицы»)⁴. Президент решил дать Джонстону последний шанс: 16 июля он попросил генерала «представить план операций». Тот ответил, что его план «должен зависеть от действий противника»: «Мы пытаемся сделать так, чтобы Атланту могло защищать ополчение штата, в таком случае действия армии будут смелее и масштабнее»⁵. На следующий день Джонстона сменил 33-летний генерал Худ.

Этот шаг породил массу противоречивых отзывов, споры о нем не утихали очень долго. Как и отставка Макклеллана, смещение Джонстона одобрялось кабинетом и проправительственной фракцией в Конгрессе, но осуждалось оппозицией и вызвало настоящую скорбь в армии⁶. Со своей стороны, Шерман признался, что «удо-

4 O. R. Ser. I. Vol. 38, pt. 5. P. 879—880; *Dowdey C. The Wartime Papers of R. E. Lee.* NY, 1961. P. 821—822; *Hattaway H., Jones A. How the North Won: A Military History of the Civil War.* Urbana, 1983. P. 607.

5 O. R. Ser. I. Vol. 38, pt. 5. P. 882—883.

6 Газеты противников администрации видели причины поступка Дэвиса в его «змеиной ненависти» к генералу. Один армейский ветеран вспоминал, что несколько солдат дезертировали, едва узнав об отставке Джонстона. Однако другие подписались бы под словами одного лейтенанта артиллерии: «[Никто] и помыслить не мог, что Джонстон отступит настолько далеко... Я не верю, что Джонстон когда-либо сражался раньше или будет сражаться в дальнейшем». *Connelly Th. L. Autumn of Glory: The Army of Tennessee, 1862—1865.* Baton Rouge, 1971. P. 405; *Watkins S. R. „Co. Aytch“: A Side Show of the Big Show.* NY, 1962. P. 172; *Hoehling A. A. Last Train from Atlanta.* P. 49, 77; *Govan G. E., Livingood J. W. A Different Valor: The Story of General Joseph E. Johnston.* Indianapolis, 1956. P. 308—336; *McMurry R. M. John Bell Hood and the War for Southern Independence.* Lexington (Ky.), 1982. P. 116—124.

влетворен произошедшим». После войны он писал: «Правительство Конфедерации оказало нам весьма ценную услугу [заменяв осмотрительного стратега отчаянным храбрецом]... «Именно это нам и было надо, — заметил Шерман, — сражаться на открытой местности, в равных условиях, вместо того чтобы раз за разом пытаться преодолеть укрепленные валы»⁷. Впрочем, он произнес эти слова уже после окончания кампании, а Дэвис (как, кстати, и Линкольн) предпочитал генералов, которые желали сражаться. Отдать Атланту без боя значило бы ввергнуть весь Юг в уныние, поэтому, какими бы ни были качества Худа, потребовалась уверенность в том, что хоть кто-то не сделает это без боя.

Разумеется, сразу же после принятия командования Худ попытался разбить янки, добившись противоположного результата. После форсирования Чаттахучи Шерман вновь направил Макферсона на фланг (на сей раз на левый), чтобы перерезать последнюю железнодорожную ветку, связывавшую Атланту со штатами Верхнего Юга. Шофилд следовал за ним по более короткой дуге, а Камберлендская армия Томаса готовилась переправиться через Пичтри-Крик непосредственно напротив Атланты. Худ увидел здесь возможность разбить Томаса до подхода основных сил, но атака 20 июля началась на несколько часов позже необходимого, когда «синие мундиры» уже успели выйти на берег. В самом кровопролитном сражении этой кампании пять союзных дивизий отбросили равные им силы мятежников.

Не добившись успеха, Худ предпринял вторую попытку. 21 июля он отвел армию на укрепленные позиции, опоясывавшие город, а поздно вечером отправил один корпус в изнурительный марш-бросок, чтобы напасть на далеко выдвинувшийся на юг фланг Теннессийской армии Макферсона. Корпус атаковал, но фланг этот оказался выдвинут совсем не так далеко, как они рассчитывали. Оправившись от неожиданности, федералы стали яростно сражаться, и за один день потери южан составили половину от тех, что они понесли за два с половиной месяца под командованием Джонстона. Однако северянам пришлось заплатить за это гибелью генерала Макферсона, отказавшегося сдаться, когда он по ошибке заехал в расположение южан, пытаясь выправить строй своих войск.

7 Sherman W. T. The Grand Strategy of the Last Year of the War // Battles and Leaders. IV. P. 253; Memoirs of General William T. Sherman. 2 vols. NY, 1886. II. P. 72.

Хотя Шерман горевал о гибели своего лучшего командира, он не стал терять время. Командование Теннессийской армией перешло к Оливеру Ховарду, переведенному из Потомакской армии. Однорукый «Солдат-Христианин» из Мэна повел богохульствовавших уроженцев Среднего Запада в очередной обход позиций конфедератов, направившись на юг, чтобы перехватить единственную действовавшую железную дорогу из Атланты. Худ выслал навстречу ему один корпус и готовил другой, чтобы перейти в контратаку, однако федералы 28 июля неласково обошлись с ними в битве при Эзра-Черч в двух милях к западу от города, так что вместо контратаки мятежники были вынуждены вновь рыть окопы. Единственным их достижением было то, что они все же не пропустили врага к железной дороге.

В трех сражениях за восемь дней потери Худа составили 15 тысяч человек против 6000 у Шермана, но отвага южан, казалось, остановила неумолимое движение «синих мундиров» к Атланте. Союзные артиллерия и пехота приготовились к осаде, а кавалерия совершила бросок далеко в тыл врага, чтобы все-таки разрушить железную дорогу. Одна конная дивизия северян направилась к Андерсонвиллу, чтобы освободить томящихся там в ужасных условиях пленных, но кавалерия мятежников остановила их на полпути. В Андерсонвилл так-таки попали 600 солдат, но только в качестве пленных. Кавалерия и ополчение южан не позволили врагу нанести серьезный ущерб железной дороге, а рейды южан по тылам Шермана досаждали северянам даже больше.

Жители продолжали бежать из города; некоторые нашли свою смерть от осколков снарядов федеральной артиллерии, разрывавшихся на улицах. «На войне как на войне, здесь не ищут популярности», — объяснял впоследствии Шерман то, что в Джорджии он уже не был больше желанным гостем⁸. Храбрость упорно сопротивлявшихся защитников Атланты передалась южанам на всех фронтах. Большинство газет Конфедерации видели в атаках Худа признак силы. *Atlanta Intelligencer* (издававшаяся в тот момент в Мейконе) предсказывала, что «Шерман потерпит самое ужасное поражение из всех, которые в этой войне терпели генералы янки... Еще до конца августа янки уберутся из-под Атланты». «Бодрящие» новости из Джорджии убедили чиновника военного министерства из Ричмонда в том, что

8 *Memoirs of Sherman*. II. 111. Стоит заметить, что заводы, железнодорожные депо, склады и другие военные объекты, включая даже артиллерийские позиции, располагались в Атланте вперемешку с жилыми зданиями.

«армия Шермана обречена»⁹. Ричмондские газеты ликовали: «Атланта может чувствовать себя в безопасности, и Джорджия скоро вздохнет свободно... Этот штат выплыл из пучин безысходности»¹⁰.

Севернее Потомака общественное мнение смотрело на вещи с противоположной стороны. По мере продвижения Шермана к Атланта в июле газеты предсказывали падение города еще до следующего выпуска. К началу августа прогнозы стали более осторожными: «в течение нескольких дней»; один обозреватель признался, что «несколько озадачен столь упорным сопротивлением врага». К середине месяца бостонская газета поделилась «дурными предчувствиями», а *New York Times* предостерегла от «ужасных приступов отчаяния, в которое мы всегда впадаем, узнав о наших неудачах». Один солдат из Висконсина, ранее полностью уверенный в успехе, писал домой 11 августа: «Нам почти не удастся продвинуться к Атланта, для ее взятия потребуется еще время». В Нью-Йорке же видный деятель Санитарного комитета высказывал опасение, что «как Грант, так и Шерман стоят на пороге катастрофы»¹¹.

II

Осада Грантом Питерсберга в эти удушающе жаркие дни выглядела даже менее успешной, чем действия Шермана против Атланты. Солдаты с обеих сторон все глубже зарывались в землю, чтобы избежать пуль снайперов и орудийных снарядов. Грант не прекращал попыток нарушить взаимодействие южан с тылами и прорвать линию обороны. Во второй половине июня мятежникам удалось отбить кавалерийский рейд и наступление пехоты, имевшие целью перерезать три остававшиеся в руках конфедератов железные дороги на Ричмонд, хотя северянам удалось частично повредить их. В этих операциях как прошедшие огонь и воду ветераны, так и необстрелянные новобранцы Потомакской армии показали себя не с лучшей стороны. Хваленый 2-й корпус выглядел бледной тенью самого себя. А вскоре Грант был вынужден расстаться и с элитным своим подразделением — 6-м корпусом.

9 *Intelligencer* цит. по: *Hoehling A. A. Last Train from Atlanta*. P. 325 и по *Carter S. The Siege of Atlanta, 1864*. NY, 1873. P. 275; *Jones, War Clerk's Diary (Swiggett)*. II. P. 259.

10 Цит. по: *Hoehling A. A. Last Train from Atlanta*. P. 167, 251.

11 Северные газеты цит. по: *Ibid.* P. 92, 99, 107, 126, 221, 278, 330; слова солдата из Висконсина цит. по: *Ibid.* P. 290; *Strong G. T. Diary*. P. 474.

Ему пришлось сделать это, так как 15 тысяч мятежников под командованием Джубала Эрли, оттеснив от Линчберга Дэвида Хантера, прошли по всей долине Шенандоа и 6 июля пересекли Потомак. 9 июля они разметали немногочисленные отряды федералов у реки Монокейси к востоку от Фредерика и, не встречая сопротивления, двинулись на Вашингтон. Казалось, что ход войны чудесным образом меняется. Надежды северян на захват Ричмонда внезапно сменились страхом потерять собственную столицу. 11 июля мятежники появились в виду Вашингтонских бастионов всего в пяти милях от Белого дома. Кроме выздоравливавших, ополченцев и остатков регулярных частей, столицу никто не защищал, так как Грант забрал гарнизон в Виргинию. Однако, к счастью для Севера, укрепления были поистине неприступными, а Грант в ответ на иступленные просьбы военного министерства быстро перебросил под Вашингтон 6-й корпус. Испытанные ветераны прибыли к столице как раз вовремя, и Эрли не решился штурмовать город.

Во время перестрелки 12 июля в форт Стивенс прибыл особенный гость, на голове которого возвышался цилиндр. Первый раз он своими глазами смотрел на один из тех боев, куда росчерк его пера за последние три года отправил целый миллион солдат. Игнорируя предостережения, президент Линкольн выходил к парапету, глядя вдаль, хотя рядом свистели пули снайперов. Краем глаза капитан 6-го корпуса Оливер Уэнделл Холмс-младший заметил пристально смотрящую на поле боя нескладную фигуру в штатском. Не узнав президента, Холмс крикнул: «А ну пригнись, недоумок, пока тебя не пристрелили!» Линкольна позабавил столь непочтительный приказ, но он все же пригнулся и больше не рисковал¹². Имея перед собой 6-й корпус и подтягивавшиеся из тыла резервы федералов, Эрли мудро счел, что настало время вернуться в Виргинию. Это ему удалось, причем, к немалому неудовольствию Гранта и Линкольна, практически без потерь, потому что его преследователей возглавляли четыре командира, которые так и не смогли согласовать свои маневры.

В ходе рейда некоторые солдаты Эрли не делали различия между военной и гражданской собственностью, в точности как и их северные братья. Они даже перещеголяли северян, так как те реквизировали или сжигали имущество, но почти никогда не брали валюту

12 *Randall J. G., Current R. N. Lincoln the President: Last Full Measure. NY, 1955. P. 200; Thomas B. J. Abraham Lincoln: A Biography. NY, 1952. P. 434.*

Конфедерации, для них совершенно бесполезную. «Гринбеки» Союза — совсем другое дело; мятежники изъяли 20 тысяч долларов в Хейгерстауне и 200 тысяч — в Фредерике, опустошили содержимое винного погреба Фрэнсиса Престона Блэра, сожгли дотла особняк его сына Монтомери (генерального почтмейстера) в Силвер-Спринг и частную резиденцию губернатора Мэриленда. Вдобавок к этой вакханалии 30 июля две кавалерийские бригады Эрли вторглись в Пенсильванию, потребовав 500 тысяч долларов от жителей Чеймберсберга в качестве компенсации за бесчинства Хантера в Виргинии, и сожгли город, когда те отказались платить.

Набег Эрли на окрестности Вашингтона заставил лондонскую *Times* высказаться в том духе, что «Конфедерация теперь более опасна, чем когда-либо», с чем согласились многие впавшие в уныние жители Севера. Цена на золото подскочила до 285. «Нет ни одного светлого пятна, — записал в дневнике житель Нью-Йорка Джордж Темплтон Стронг, — только унижения и катастрофы... Человеческие жизни и материальные средства, брошенные на алтарь летней кампании, почти не помогли нашей стране»¹³. 18 июля Линкольн объявил о новом наборе 500 тысяч призывников как раз перед осенними выборами. «Линкольн мертвее мертвого», — презрительно бросил один редактор-демократ¹⁴.

Раздраженный неспособностью разрозненных союзных войск настичь Эрли, Грант решил преодолеть бюрократическую волокиту в столице и поставил Филипа Шеридана во главе новой армии Шенандоа, куда влились 6-й корпус, несколько бригад бывшей Западно-виргинской армии Дэвида Хантера, две дивизии, недавно переброшенные из Луизианы, и две старые кавалерийские дивизии Шеридана. Грант приказал Шеридану отправиться вслед отряду Эрли и «преследовать его до полного уничтожения»¹⁵. Шеридан был подходящей кандидатурой для этого задания, но и ему требовалось время, чтобы привести в порядок свою разношерстную армию. Тем временем Гранта постигло новое разочарование, когда он в очередной раз не смог прорвать оборону Ли под Питерсбергом.

Речь идет о знаменитом «бое у Воронки». По замыслу это был самый блестящий прорыв укреплений в ходе войны, при исполнении же он превратился в трагедию. Участок в центре союзных порядков

13 Foote S. Civil War. III. P. 461; Strong G. T. Diary. P. 467, 474.

14 CWL. VII. P. 448—449;

15 O. R. Ser. I. Vol. 37, pt. 2. P. 558.

под Питерсбергом, занятый 9-м корпусом генерала Бернсайда, находился в 150 ярдах от выступа, где южане выстроили мощный редут. Как-то июньским днем полковник Генри Плезантс из 48-го Пенсильванского полка, набранного в округе Скулкилл, где проживало много шахтеров, случайно услышал ворчание одного из своих солдат: «Мы могли бы стереть этот чертов форт с лица земли, если бы прорыли шахту и заложили под него мину». Плезантсу, бывшему до войны горным инженером, эта мысль пришла по душе, он поделился своими соображениями с командиром дивизии, а затем и с Бернсайдом, который одобрил идею. Плезантс отправил свой полк рыть тоннель длиной более пятисот футов. Работа шла безо всякой помощи со стороны армейских инженеров, считавших проект «показухой и нелепицей», потому что на протяжении всей военной истории проблемы с вентиляцией не позволяли прорывать тоннели длиннее четырехсот футов¹⁶. Как следствие, Мид не испытывал особенной веры в это предприятие, тем не менее 48-й Пенсильванский нашел инструменты и древесину для крепления. У одного из местных жителей Бернсайд одолжил теодолит, так что Плезантс мог производить триангуляцию, вычисляя расстояние и направление взрыва. Также он оборудовал вентиляционный ствол, внизу которого горел огонь, что создавало тягу и прогоняло свежий воздух через трубу. Таким образом, полковник посрамил скептиков. Его люди прорыли под позициями конфедератов шахту длиной в 511 футов с боковыми галереями в ее конце (каждая длиной около 40 футов), куда поместили четыре тонны пороха. Неохотно согласившись, Грант и Мид позволили Бернсайду взорвать подкоп и бросить свой корпус в образовавшуюся брешь.

Энтузиазм генерала, обладателя модных бакенбард, рос с начала подкопа 25 июня. У него появился шанс искупить свою вину за поражение при Фредериксберге, взяв Питерсберг и выиграв войну. Корпус Бернсайда состоял из четырех дивизий. Три из них потерпели большой ущерб еще в битве в Глуши, а четвертая была свежей, задействованной только при охране тыловых коммуникаций. Дивизия эта была негритянской, и немногие офицеры Потомакской армии (начиная с самого Мида) верили в ее боевые качества. Бернсайд же был другого мнения, поэтому и возложил на эту дивизию обязанность возглавить штурм после взрыва. Чернокожие солдаты для

16 *Pleasants H. The Tragedy of the Crater. Washington, 1938. P. 32; Powell W. H. The Battle of the Petersburg Crater // Battles and Leaders. IV. P. 545.*

этого проводили специальные тактические учения; их боевой дух был высоким, они, по словам одного из их офицеров, были полны желания «продемонстрировать своим белым товарищам, на что способны цветные»¹⁷. Грант приказал корпусу Хэнкока, стоявшему на северном берегу Джемса, совершить ложный маневр, чтобы отвлечь часть сил Ли от защиты Питерсберга. Утром 30 июля, на которое был назначен взрыв шахты, казалось, что успех обеспечен.

Однако всего за несколько часов до этого Мид (с санкции Гранта) приказал Бернсайду пустить вперед одну из «белых» дивизий. Скорее всего, Мидом руководила недостаточная вера в неопытные негритянские части, хотя впоследствии, давая показания на заседании Комитета по ведению войны, Грант привел другую причину: «[Если бы события пошли не по тому руслу,] то сказали бы, что мы послали этих людей вперед на верную смерть потому, что нам плевать на их жизни. Но если бы мы послали вперед белых, так бы не сказали»¹⁸.

Очевидно, сбитый с толку изменением плана в последнюю минуту, Бернсайт утратил контроль над операцией. Джеймс Ледли, командир дивизии, которой жребий (!) определил начинать атаку, имел весьма посредственный послужной список и вдобавок проблемы со спиртным. Во время наступления он остался в тылу, в окопах, потягивая ром, выпрошенный им у врача. Безо всякой подготовки и руководства его дивизия начала разрозненную атаку. Взрыв образовал воронку 170 футов в длину, 60 в ширину и 30 в глубину. Целый полк и артиллерийская батарея мятежников оказались погребены в этом котловане. Прочие части в радиусе двухсот ярдов от воронки в ужасе бежали. Когда дивизия Ледли достигла места взрыва, открывшееся зрелище заворожило солдат. Ими овладело подобие гипноза при виде того, что, возможно, казалось им адом, и многие из них спустились *внутрь* воронки, вместо того чтобы пройти по обе ее стороны и ударить врагу во фланги. Две другие «белые» дивизии повели себя немногим лучше, превратившись в неуправляемую толпу и сделавшись легкой мишенью для вражеской артиллерии, которая, отрегулировав прицел, стала бить по скоплению «синих мундиров» в воронке. Разъяренным офицерам, не имевшим никаких приказов ни от Бернсайда, ни от дивизионных командиров, удалось выправить строй и кое-как продолжить наступление. Однако уже днем дивизия южан под командованием Уильяма Мэхона была готова перейти

17 Thomas H. C. The Colored Troops at Petersburg // Battles and Leaders. IV. P. 563.

18 Powell W. H. The Battle of the Petersburg Crater // Battles and Leaders. IV. P. 548.

в контратаку. Ее главный удар приняла на себя негритянская дивизия, наконец проложившая себе путь к полю боя сквозь массу отступавших белых. Как и в других случаях, озверевшие южане, увидев негров во вражеской форме, убили некоторых из тех, кто пытался сдаться в плен. Когда все было закончено, 9-му корпусу нечем было похвастаться, кроме 4000 убитых и раненых (вновь их было вдвое больше, чем у врага), колоссальной ямой в земле, ожесточенными препирательствами среди начальства и новыми командующими корпуса и одной из дивизий. В своем письме Хэллеку Грант произнес своего рода эпитафию: «Это было самое печальное зрелище, что я видел за всю войну. Такой возможности взять укрепления у меня еще никогда не было и, думаю, что не будет»¹⁹.

III

В июле-августе 1864 года кризис общественного мнения на Севере был сильнее, чем летом 1862 года. Ура-патриотические темы военных песен (популярность их в годы войны была невероятной — сборники продавались миллионными тиражами) сменились мечтами о мире. Бестселлером 1864 года стала «Когда эта ужасная война закончится» с навязчивым припевом: «Разбитые, в тоске и печали...», а слова в песне «В палатках старого лагеря» как никогда лучше отражали нынешние настроения северян: «Многие солдаты устали от войны. / Хотим, чтобы закончилась она». Из печати выходили все новые сборники, названия песен которых едва ли могли возбудить воинственный дух: «Отвези это моей матери», «Как бы я хотел, чтобы война закончилась», «Вернешься ли ты, брат?», «Кто мне скажет, вернется ли мой отец?»...

Даже потрясающий успех флота Дэвида Фаррагута в заливе Мобил не мог поначалу развеять подавленное состояние жителей Севера. Как только утром 5 августа туман рассеялся, Фаррагут повел 14 деревянных кораблей и 4 броненосца мимо самого крупного из трех фортов, охранявших вход в бухту. Во время захватывающей дуэли между фортом и флотом Фаррагут взобрался на грот-мачту своего флагманского корабля «Хартфорд», чтобы оценить обстановку за клубами дыма от взрывов. Матрос привязал адмирала к мачте, тем самым поучаствовав в создании великолепной картины, обогатившей историю американского флота. Фаррагут вскоре произнес

19 O. R. Ser. I. Vol. 40, pt. 1. P. 17.

и знаменитую фразу. Мятежники заминировали канал, одна из мин столкнулась с головным броненосцем и потопила корабль, на котором было более 90 членов команды. Это остановило движение флота, и он стал удобной мишенью для пушек форта. Отказавшись давать приказ об отходе, Фаррагут прокричал: «Плевать на мины! Полный вперед!» Он провел свой флагман через мины целым и невредимым, и его примеру последовал остальной флот. Когда суда достигли бухты, они принудили к сдаче вражескую флотилию во главе с гигантским броненосцем «Теннесси», наиболее грозным, но и наиболее неповоротливым из действовавших судов южан. В течение следующих трех недель совместная операция флота и пехотной дивизии позволила захватить все три форта. Хотя сам Мобил, расположенный в тридцати милях к северу от них, оставался в руках конфедератов, последний порт восточнее Техаса, где находили прибежище корабли, прорывавшие блокаду, перешел к северянам.

Масштаб победы флота Фаррагута Север осознал позже, а пока, в августе, его внимание было сосредоточено на отсутствии перемен в Виргинии и Джорджии. Пораженческие настроения и требования мира распространялись от «медянок» как крути по воде от брошенного камня. «Прекратите войну! — кричали демократические газеты. — Если ничто иное не может доказать людям абсолютную необходимость прекратить войну, то достаточно взглянуть на отсутствие успехов на фронте». К началу августа ветеран республиканского движения Терлоу Уид был убежден, что «переизбрание Линкольна невозможно... Народ неистово жаждет мира»²⁰.

В июне Клемент Валландигэм вернулся из канадской ссылки и принял участие в конвенте демократов штата Огайо, осудившем «войну, ведущуюся без всякой необходимости» и принявшем резолюцию, призывающую к «немедленному прекращению вооруженных действий» и переговорам о «справедливом и прочном мире». Не желая второй раз делать из Валландигэма мученика, Линкольн решил оставить его в покое. Зная о том, что этот лидер «медянок» из Огайо избран «великим командором» таинственного ордена, известного как «Сыны свободы» (который республиканская пропаганда считала частью масштабного заговора в пользу Конфедерации), администрация, скорее всего, надеялась, что если Валландигэму развязать руки, то он задушит себя сам. Вместо этого возвращение Валландигэма

20 Gray W. *The Hidden Civil War: The Story of the Copperheads*. NY, 1942. P. 174; Kirkland E. C. *The Peacemakers of 1864*. NY, 1927. P. 108.

спровоцировало залп мирных резолюций, которым разрядились демократические конвенты по всему Северу. Казалось неизбежным, что мирная фракция возьмет верх и на национальном конвенте партии, который должен был состояться 29 августа в Чикаго²¹.

Импульсивный Хорас Грили, убежденный, что все пропало, написал в июле президенту письмо. «Наша истекающая кровью, разоренная, умирающая страна, — текли пафосные строки, — жаждет мира; она вздрагивает при мысли о новом призыве, истощении всех средств и новых реках крови». Грили стало известно о прибытии двух эмиссаров Конфедерации в Ниагара-Фоллс с канадской стороны (вероятно, с мирными инициативами Джефферсона Дэвиса). «Я умоляю вас, — писал далее Грили, — представить мятежникам и свои мирные предложения». Президент откликнулся немедленно, поручив Грили привезти в Вашингтон в целостности и сохранности «любого, кто говорит, что имеет при себе в письменном виде предложения Джефферсона Дэвиса о мире, признающие восстановление Союза и упразднение рабства»²².

Линкольн прекрасно знал, что Дэвис не согласился бы вести мирные переговоры на таких условиях. Также ему было известно, что агенты мятежников прибыли в Канаду вовсе не зондировать почву о таких переговорах, а всколыхнуть антивоенную оппозицию на Севере. Шпионы северян проникли в состав групп «медянок», вступивших в контакт с этими эмиссарами в Канаде. Также они раскрыли целый ряд экстравагантных заговоров, нити которых вели в Ричмонд. Республиканцы разделяли с вождями Конфедерации уверенность в существовании потенциальной «пятой колонны» на Среднем Западе, которая только и ждет того, чтобы вывести свои штаты из состава Союза и заключить с Конфедерацией сепаратный мир. Тот факт, что подобный «северо-западный заговор» существовал только в воображении маргинальной части «мирных» демократов, вовсе не помешал ему стать решающим фактором в расчетах обоих правительств в 1864 году.

В военное министерство и Государственный департамент в Ричмонде стекались сведения от шпионов, где сообщалось о «великолепно действующей... многочисленной организации» на нижнем Среднем Западе, широко известной как «Рыцари Золотого круга»,

21 *Klement F. L. The Limits of Dissent: Clement L. Vallandigham and the Civil War. Lexington (Ky.), 1970. P. 262—278; Gray W. Hidden Civil War... P. 172—174.*

22 *CWL. VII. P. 435.*

или «Орден американских рыцарей», или «Сыны свободы», насчитывавшей полмиллиона членов, «выступавших за революцию и изгнание либо истребление аболиционистов и свободных негров»²³. Наиболее правдоподобный отчет принадлежал капитану Томасу Хайнсу, уроженцу Кентукки и разведчику кавалерийской дивизии Джона Ханта Моргана, которая причинила огромный ущерб союзным войскам в Кентукки в 1862—1863 годах. В июле 1863 года Морган возглавил рейд вдоль реки Огайо на север. После долгой погони через южную часть Индианы и Огайо союзная кавалерия наконец пленила Моргана и большинство его подчиненных, включая Хайнса. В ноябре 1863 года Морган, Хайнс и еще несколько офицеров совершили удивительный побег через подкоп из тюрьмы в Огайо. После захватывающих приключений им удалось вернуться на Юг. Благодаря этому Хайнс заслужил доверие лидеров Конфедерации и предложил план диверсионных операций против Севера, направлявшихся из Канады. На секретной сессии 15 февраля 1864 года Конгресс Конфедерации выделил для этой цели 5 миллионов долларов. Джефферсон Дэвис направил Хайнса в Канаду с инструкциями собрать других беглых офицеров и провести «надлежащие операции против наших врагов». На своем пути через северные штаты Хайнс должен был «вступать в контакт с влиятельными лицами, приверженцами Конфедерации или дружественно настроенными к ней, или же со сторонниками мира, и делать все зависящее, чтобы побудить наших друзей подготовиться к оказанию такой помощи, которую потребуют обстоятельства»²⁴.

Южное правительство также отправило в Канаду (через кольцо блокады) целый ряд гражданских лиц. Возглавляли эту группу Джейкоб Томпсон, бывший министр внутренних дел Соединенных Штатов в администрации Бьюкенена, и Клемент Клэй, бывший до войны сенатором от Алабамы. Оба имели друзей среди северных демократов. Летом 1864 года эмиссары мятежников встречались с десятками «мирных» демократов (включая Валландигэма, еще не вернувшегося в США) в различных канадских городах, особенно в Сент-Кэтрин, что рядом с Ниагара-Фоллс. Они вынашивали колоссальное количество замыслов,

23 Kinchen O. A. Confederate Operations in Canada and the North. North Quincy (Mass.), 1970. P. 29—30; Nelson L. E. Bullets, Ballots, and Rhetoric: Confederate Policy for the United States Presidential Contest of 1864. University (Ala.), 1980. P. 19—20; Jones J. War Clerk's Diary (Swiggett). II. P. 155.

24 Journal of the Confederate Congress. Washington, 1905. VI. P. 845; Horan J. D. Confederate Agent: A Discovery in History. NY, 1954. P. 72—73.

начиная с выплаты южанам субсидий демократическим газетам и кандидатам на государственные должности от «мирных» демократов и заканчивая захватом союзной канонерки на озере Эри и освобождением пленных конфедератов из тюрьмы на острове Джонсон на этом озере и из Кемп-Дугласа близ Чикаго. Некоторые из замыслов, впрочем, воплотились в жизнь. Томпсон тайно финансировал газеты, организацию митингов в поддержку мира и кампанию демократического кандидата в губернаторы Иллинойса. Агенты мятежников раздавали оружие и канистры с «греческим огнем» представителям «медянок». Отряд поджигателей, сформированный из беглых южан, просочился обратно в Соединенные Штаты; ему удалось уничтожить или повредить полдюжины военных пароходов в Сент-Луисе, склад в Маттунет (Иллинойс) и несколько отелей в Нью-Йорке. Хайнс предпринял смелый рейд через границу, чтобы ограбить банки города Сент-Олбанс в Вермонте. В официальном отчете о своей миссии Джейкоб Томпсон указал, что снабженные деньгами «медянки» сожгли «огромное количество собственности» в городах Союза. «[Мы должны продолжать] поджоги там, где это возможно, чтобы владельцы имущества не чувствовали себя в безопасности и перестали поддерживать войну»²⁵.

Однако успех базировавшейся в Канаде агентуры и проводимых ею операций, уравновешивался двумя противоречивыми моментами. Во-первых, Хайнс и его соратники пытались вовлечь мирных демократов в войну против собственного правительства. Очень немногие воинствующие «медянки» действительно копили оружие в предвкушении славного дня захвата арсеналов и освобождения военнопленных. Однако день этот так и не настал, поскольку «вожди» не могли завербовать достаточно сторонников. Огромная армия «Сынов свободы», готовых поднять восстание и низвергнуть тирана Линкольна, оказалась призраком. Не меньше пяти таких «восстаний» закончились не начавшись.

25 O. R. Ser. I. Vol. 43, pt. 2. P. 930—936; Kinchen O. A. Confederate Operations in Canada...; Nelson L. E. Bullets, Ballots and Rhetoric...; Horan J. D. Confederate Agent... Даже Фрэнк Клемент, ведущий исследователь деятельности «медянок», считающий большинство сведений об их связи с мятежниками «слухами, предположениями и фантазиями», высказанными республиканцами в политических целях, признает, что эмиссары южан в 1864 году снабжали некоторых «мирных» демократов деньгами и оружием (Klement F. L. Dark Lanterns: Secret Political Societies, Conspiracies, and Treason Trials in the Civil War. Baton Rouge, 1984. P. 33, 154—177).

Первое должно было вспыхнуть одновременно с возвращением Валландигэма в Огайо в июне. Сигналом должен был стать его ожидаемый арест, но администрация не применила против него никаких санкций. Затем надежды возлагались на конвент демократов в Чикаго, намеченный на 4 июля. Предвкушая попытки правительства или членов республиканских «комитетов бдительности» воспрепятствовать мероприятию, канадские заговорщики намеревались превратить потенциальный бунт в полноценное восстание. Однако неопределенность на фронтах вынудила национальный комитет Демократической партии перенести начало конвента на 29 августа. Нетерпеливые агенты Конфедерации теперь запланировали выступление на 20 июля, в первый день нового этапа призыва. Хайнс и его бывшие солдаты должны были выступить застрельщиками мятежа, а легионы «медянок» по всему Северу — достать оружие из тайников и присоединиться к ним. Томпсон был уверен в успехе; один демократ из Чикаго обещал два «рвущихся в бой, подготовленных, организованных и хорошо вооруженных» полка; «Сыны свободы» из Индианы готовы были «захватить и удерживать Индианаполис, а также освободить тамошних военнопленных». Линкольн действительно объявил о призыве 18 июля, но вожди «медянок» дрогнули. Один из них признался, что его «придавило чувство ответственности за принятие быстрого решения по такому важному вопросу»²⁶. Другие выражали схожие мысли. Не скрывая своего разочарования, агенты мятежников свернули операцию и вызвали несколько «сынов свободы» в Сент-Кэтрин для консультаций.

Южане настаивали на 16 августа как на окончательной дате восстания. «Медянки» вновь колебались, опасаясь быстрого разгрома федеральными войсками, если в это же время не произойдет вторжения конфедератов в Кентукки или Миссури. Эмиссары Дэвиса не могли пообещать такую поддержку, поэтому согласились на последнюю отсрочку до 29 августа, когда суэта вокруг конвента демократов должна была послужить надежным прикрытием для диверсантов Хайнса и «сынов свободы», собиравшихся напасть на Кемп-Дуглас и освободить заключенных. Хайнс направил 70 вооруженных револьверами агентов в Чикаго, где те смешались с толпой, тщетно разыскивая в ней своих союзников. Им удалось найти только нескольких, которые рассказали, что проникновение в заговор агентов северян привело к аресту лидеров «медянок» и усилению охра-

26 Kinchen O. A. Confederate Operations in Canada... P. 55.

ны Кемп-Дугласа. Все рухнуло. Один разочарованный представитель «медянок» в сердцах бросил, что «среди „сынов свободы” было слишком много политиков. А превратить политика в настоящего солдата так же трудно, как сделать шелковый кошелек из свиного уха»²⁷.

«Мирные» демократы уклонились от насильственных действий частично из-за того, что постепенно шансы на устранение администрации Линкольна легитимным путем казались все выше. Агенты Конфедерации в Канаде согласились с этим и выделили средства на достижение этой цели. Однако отсюда происходило второе противоречие. Для конфедератов целью мира было достижение независимости, однако большинство северных демократов видели в перемирии лишь первый шаг к переговорам о возрождении Союза. Томпсон и его коллеги пытались замаскировать это противоречие с помощью туманных, двусмысленных фраз. Они упирали на необходимость немедленного перемирия, которое должно привести к «договору о добрососедских отношениях... и, возможно, к заключению оборонительного или (в некоторых аспектах) оборонительно-наступательного союза». Если бы «мирные» демократы поверили в то, что такой процесс постепенно приведет к возрождению Союза, то конфедераты не стали бы их разубеждать. Они отлично понимали, что прекращение огня в любом виде в сложившейся летом 1864 года ситуации было бы равносильно победе Конфедерации²⁸.

Понимал это и Линкольн, вот почему в своем ответе Грили он настаивал на возрождении Союза и признании освобождения рабов как на *предварительных условиях* мирных переговоров. Зная абсолютно точно, что Джефферсон Дэвис будет настаивать на независимости южных штатов и сохранении рабства в качестве своих предварительных условий, Линкольн надеялся вынудить агентов южан высказать это публично и тем самым продемонстрировать жителям Севера, что мир может быть достигнут только путем победы в войне. Однако в этом отношении мятежники перехитрили президента.

18 июля Грили и Джон Хэй, личный секретарь Линкольна, встретились в канадском Ниагара-Фоллс с представителями южан Клементом Клэем и Джеймсом Холкомбом. Хэй вручил им письмо от Линкольна, гарантировавшее безопасный проезд в Вашингтон для обсуждения «любых предложений, касающихся восстановления мира, целостности Союза и упразднения рабства». Клэй и Холкомб не были

27 Ibid. P. 72.

28 O. R. Ser. IV. Vol. 3. P. 585.

уполномочены обсуждать любые условия мира (не это было целью их пребывания в Канаде), а уж тем более те, которые фактически равнялись поражению Конфедерации. Поэтому встреча в Ниагара-Фоллс закончилась ничем. Однако южане получили возможность записать себе в актив дипломатический успех, «сделав очевидной враждебность федерального правительства, прекратившего всякие переговоры». Они послали отчет о встрече в *Associated Press*. Не упоминая об условиях Юга, они обвинили Линкольна в намеренном срыве переговоров путем выдвижения заведомо неприемлемых условий. «Если в Конфедеративных Штатах еще оставались те, кто надеялся на возможность заключения мира, — бряцали оружием Клэй и Холкомб, — [то ультиматум Линкольна] должен сорвать с их глаз пелену заблуждения». И если на Севере существуют «патриоты или добрые христиане, которых ужасает перспектива разорения народа и гибели государства», являющаяся целью политики постоянной войны Линкольна, то пусть они «сменят погрязшую в грехе власть и защитят погрязшие основы цивилизации своей страны»²⁹.

Реакция была в точности такой, какую и ожидали южане. Зебулон Вэнс использовал публикацию в своей кампании за пост губернатора Северной Каролины против сторонника мира Уильяма Холдена. Южные газеты благодаря ей добавили еще несколько зловещих штрихов к и без того отталкивающему портрету Линкольна. Клэй с удовлетворением отмечал: «[На Севере] вся демократическая пресса, не стесняясь в выражениях, осуждает манифест мистера Линкольна, и даже многие республиканские газеты (среди них и *New York Tribune*) признают, что была сделана грубая ошибка. Из всего, что я вижу и слышу, я делаю радующий меня вывод о том, что эта публикация в огромной степени повлияла на сплочение демократов и произвела раздор среди республиканцев». Грили действительно набросился на Линкольна за то, что тот искажил действительность: «[Создал впечатление, будто мятежники] искали возможности вступить в переговоры, а мы отклонили их инициативы... [Если не смягчить такое впечатление, то] в ноябре мы исчезнем с политического горизонта»³⁰.

Джефферсон Дэвис, впрочем, внес вклад в ослабление торжества собственной прессы, ответив на похожую, хотя и получившую меньшую огласку, мирную инициативу. Она была представлена

29 CWL. VII. P. 451; Nelson L. E. *Bullets, Ballots, and Rhetoric...* P. 67; *New York Tribune*. 1864. July 22.

30 O. R. Ser. IV. Vol. 3. P. 585—586; *Lincoln Papers*. Library of Congress.

в Ричмонде двумя северянами: независимым журналистом Джеймсом Гилмором и Джеймсом Жакессом, полковником Иллинойского полка и одновременно методистским проповедником, державшим меч в одной руке и оливковую ветвь в другой. Хотя Линкольн не наделил их никакими официальными полномочиями, он позволил им перейти линию фронта, вновь надеясь на то, что они смогут заставить Дэвиса изложить его бескомпромиссные условия переговоров. На этот раз его план сработал. Президент Конфедерации неохотно согласился встретиться с янки: он не ожидал от встречи никаких существенных результатов, но хотел представить собственное видение процесса переговоров и потому не стал отказываться от такой возможности. 17 июля Дэвис и государственный секретарь Джуда Бенджамин встретились с Гилмором и Жакессом. Северяне пересказали те условия, которые Линкольн обрисовал в декабрьской прокламации о реконструкции: воссоединение, освобождение рабов, амнистия. Дэвис с презрением их отверг. «Амнистия, господа, полагается преступникам, — заявил он. — Мы не совершили никакого преступления... Перед вашими глазами все страдания наших жителей и вся преступность войны... Мы сражаемся за независимость, и либо мы получим ее, либо погибнем... Вы можете „эмансипировать“ каждого негра в Конфедерации, но мы останемся свободны. Мы будем управлять своей страной... даже если вы разорите все наши плантации и сожжете все наши города»³¹.

С согласия Линкольна Гилмор опубликовал краткий отчет о своей миссии в северных газетах. Он появился в одно время с отчетом о встрече Грили с агентами мятежников в Ниагара-Фоллс. Сравнив эти отчеты, никто больше не мог сомневаться в том, что неизменным условием мира со стороны Дэвиса была независимость Юга, а со стороны Линкольна — стремление сохранить Союз. Таким образом, цель Линкольна по дискредитации «медянок», стремившихся к миру и воссоединению Союза посредством мирных переговоров, была достигнута. Впоследствии президент высказался в послании Конгрессу: «[Дэвис] не пытается обмануть нас. Он не позволяет нам обмануться самим. Он не может добровольно принять идею возрождения Союза, а мы по своей воле не можем отказаться от нее. Между ним и нами находится ясная, простая и неразрешимая

31 Strode H. Jefferson Davis, Tragic Hero: 1864—1889. NY, 1964. P. 76—81. Впоследствии в печати появились несколько версий сказанного Дэвисом, которые хотя и отличаются в словах, но тождественны по сути.

проблема. Способ решения этой проблемы — война, окончательное решение — победа»³².

Однако на фоне удрученного настроения северян в августе демократическим газетам удалось обойти проблему неуступчивости Дэвиса, указывая на второе условие Линкольна — освобождение рабов — как на камень преткновения, мешающий заключению мира. «Еще десятки тысяч белых людей должны погибнуть, чтобы потрогать болезненной привязанности президента к неграм», — вещала типичная передовица демократической газеты. «Найдется ли кто-нибудь, кто хочет умереть за черномазых? — задавал риторический вопрос солдат из Коннектикута. — Мы теперь сражаемся только за них и ни за что другое». Даже лояльные республиканцы осуждали «промах» Линкольна, сделавшего освобождение рабов «основным пунктом», так как он тем самым «вручил всем недовольным мощное оружие, удвоившее действенность их происков»³³. Генри Реймонд, редактор *New York Times* и председатель национального комитета Республиканской партии, говорил Линкольну 22 августа, что «события стремительно развиваются в неблагоприятную для нас сторону». Если бы выборы проводились в тот момент, партийные лидеры на местах были бы уверены в поражении. «На реакцию общественного мнения влияют два обстоятельства: отсутствие успехов на фронтах и впечатление... что мы могли бы заключить мир с Югом, если бы хотели, [но] сражение идет не за сохранение Союза, а за отмену рабства»³⁴.

Такие новости приводили Линкольна в смятение. Он отрицал, что «ведет войну исключительно ради освобождения рабов»: «Она идет и будет идти, пока я являюсь президентом, исключительно ради восстановления Союза. Но никто не сможет подавить мятеж, не используя такой мощный ресурс, как Прокламация об освобождении, что я и сделал». Линкольн заметил «военным» демократам, что около 130 тысяч цветных солдат и матросов сражаются за дело Союза: «Они жертвуют жизнями за нас, потому что их побуждает к тому самый верный мотив: обещание свободы. А сделанное обещание нужно выполнять... [Аннулирование указа об освобождении] положит конец нашему делу. Моментально прекратится запись в нашу армию всех цветных, а те из них, кто находится на фронте, немедленно дезертируют.

32 CWL. VIII. P. 151.

33 Jimerson R. C. *A People Divided: The Civil War Interpreted by Participants* (дисс.); Strong G. T. *Diary*. P. 474.

34 CWL. VII. P. 517—518.

И поступят справедливо! Почему они должны отдавать свои жизни ради тех, кто бесстыдно предает их?.. Упраздните все должности, ныне занимаемые чернокожими, и вы дадите самые крупные козыри нашим врагам, и уже через каких-то двадцать дней мы будем принуждены закончить войну». Помимо этого, существует и моральная проблема: «Некоторые люди предлагали мне вновь обратиться в рабство тех негров, которые сражались при Порт-Хадсоне и Оласти [во Флориде]. Я буду проклят отныне и вовек, если поступлю так. Все должны знать, что я верен как в отношении друзей, так и в отношении врагов, и будь что будет»³⁵.

Позиция президента была обозначена достаточно ясно, но давление, направленное на отказ от государственного курса на освобождение рабов, становилось нестерпимым. В это же время Линкольн узнал о намерении некоторых республиканцев созвать новый конвент и выдвинуть другого кандидата. Мотивом этого шага было убеждение в том, что Линкольн является заведомо непроходным кандидатом, однако большинство вовлеченных в заговор были радикалами, считавшими политику президента по реконструкции и амнистии слишком мягкой по отношению к мятежникам. Такое давление со всех сторон превратило август для Линкольна в настоящий ад, и неудивительно, что на фотографиях тех дней его лицо выражает крайнюю обеспокоенность, что он не мог убрать с чела «печать усталости» в эти решающие для него дни.

Линкольн почти поддался требованиям пожертвовать освобождением рабов как неперемным условием мира. 17 августа он набросал одному «военному» демократу письмо, где были такие строки: «Если Джефферсон Дэвис... хочет знать мою реакцию на его предложение о мире и возрождении Союза, ничего не говоря о рабстве, то пусть обратится ко мне». Пока он размышлял над тем, отправлять письмо или нет, 22 августа в Нью-Йорке собрался национальный комитет республиканцев. Устами Генри Реймонда комитет предложил Линкольну послать специального представителя «с четкими мирными предложениями... единственным условием которых будет признание Дэвисом верховенства Конституции, а все остальные вопросы должны быть рассмотрены на конвенте граждан всех штатов». По словам Реймонда, это станет только красивым жестом, а не официальным

35 Это цитаты из черновика письма президента одному «военному» демократу из Висконсина, датированного 17 августа, а также из записей двух висконсинских республиканцев, встречавшихся с Линкольном 19 августа (CWL. VII. P. 499—501, 506—507).

отказом от освобождения рабов, так как «если инициатива будет отвергнута (а так и должно произойти), это разочарует Юг, рассеет все иллюзии насчет мира, господствующие на Севере... примирит общественное мнение с войной, призывом, повышенными налогами как с необходимыми мерами». Линкольн назначил таким представителем самого Реймонда, дав ему полномочия «от лица правительства предложить, что в случае восстановления Союза и национального воссоединения война должна прекратиться тотчас же, а все спорные вопросы будут улаживаться мирными средствами»³⁶.

Пойдя на такой шаг, Линкольн вскоре сыграл отбой. 25 августа он встретился с Реймондом и убедил его, что «послать эмиссаров в Ричмонд будет еще хуже, чем просто проиграть президентскую гонку: это будет означать преждевременную и позорную сдачу». Какова бы ни была истинная цель этого двусмысленного заявления, зафиксированного одним из личных секретарей президента, Реймонд так и не отбыл в Ричмонд, а письмо с предложением Линкольна Дэвису «обратиться к нему» так и не было отправлено. Условиями мира со стороны Севера остались единство Союза и освобождение рабов. Выступая с такой программой, президент полностью отдавал себе отчет в неизбежности поражения на ноябрьских выборах. Так, он говорил одному армейскому офицеру: «Меня разобьют, и жестоко разобьют, если события не повернутся на 180 градусов». 23 августа он составил знаменитый «слепой меморандум» и предложил членам кабинета министров расписаться на нем не читая. Меморандум гласил: «Этим утром, по прошествии нескольких дней, я вижу более чем возможным, что данная администрация переизбрана не будет. Следовательно, моим долгом будет сотрудничать с избранным президентом для того, чтобы спасти Союз в период между выборами и инаугурацией, так как новый президент, возможно, построит свою кампанию так, что невозможно будет спасти его впоследствии»³⁷.

Линкольн ожидал, что следующим президентом станет Джордж Маккеллан. Тот был наиболее популярным демократом и наиболее видным символом оппозиции военной политике Линкольна. Единственной неясностью оставалось его отношение к пункту о мирных переговорах, внесенному Валландигэмом, к тому времени

36 CWL. VII. P. 501, 518n, 517.

37 Nicolay J., Hay J. Abraham Lincoln: A History. 10 vols. NY, 1890. IX. 221; Zornow W. F. Lincoln and the Party Divided. Norman (Okla.), 1954. P. 112; CWL. VII. P. 514.

уже вошедшим в его избирательный комитет. Хотя Макклеллан и поддерживал кандидата от «медянок» на выборах губернатора Пенсильвании в прошлом году, он также был широко известен как «военный» демократ, и в недавней речи в Вест-Пойнте высказался за победу в войне как гарантию торжества дела Союза. Это вынудило «мирных» демократов подбирать другого кандидата, но они не смогли найти никого, кроме уроженца Коннектикута Томаса Сеймура, проигравшего губернаторские выборы 1863 года, и губернатора Нью-Йорка Горацио Сеймура, отказавшегося стать кандидатом в президенты. Тем не менее фракция сторонников мира составляла около половины делегатов конвента и могла своим выходом из партии поставить под вопрос шансы Макклеллана, если конвент выдвинет его кандидатуру. За кулисами, впрочем, главный советник Макклеллана убеждал колеблющихся, что «генерал стоит за мир, а не за войну... Если его изберут, он предпочтет восстанавливать Союз мирными средствами, а не силой оружия». Сообщали, что и сам Макклеллан 24 августа пообещал некоему бизнесмену из Сент-Луиса: «Если меня изберут, то я выскажусь за немедленное перемирие и созыв конвента представителей всех штатов, а также буду настаивать на любых мерах по мирному урегулированию, избегая дальнейшего кровопролития»³⁸.

Сомнения в мирных намерениях генерала, однако, сохранялись, поэтому партия связала сторонников мира и войны, выдвинув генерала с программой достижения мира и номинировав на пост вице-президента конгрессмена от Огайо Джорджа Пендлттона, близкого соратника Валландигэма. Выходец из старой виргинской семьи, Пендлттон с самого начала был противником войны, всегда голосовал против военных ассигнований и выражал сочувствие Югу. Программа осуждала «беззаконную практику арестов военными властями» и «подавление свободы слова и прессы». Она также обещала сохранить «в неприкосновенности права штатов» (завуалированный сигнал сторонникам рабства). По этим вопросам демократы были единодушны. Большие споры вызвал предложенный Валландигэмом пункт, принятый потом, правда, почти единогласно: «После четырех лет неудач по восстановлению Союза силой... [мы] требуем немедленных мер по прекращению огня, имея целью созыв конвента всех штатов или

38 Kinchen O. A. Confederate Operations in Canada... P. 93. Если Макклеллан действительно говорил такое, то он переменял позицию, занятую всего две недели назад, когда он отверг предложение написать письмо в поддержку перемирия, прокомментировав свой отказ так: «Эти идиоты разрушат страну».

другие миротворческие шаги, с тем чтобы при первом же подходящем случае заключить мир на основе Федерального Союза»³⁹.

Эта ключевая резолюция делала приоритетом заключение мира, а восстановление Союза — вопросом отдаленного будущего. По крайней мере республиканцы и конфедераты интерпретировали резолюцию именно так, и ответы их были сходными. «Это подразумевает поражение и отказ от всех условий», — писал один республиканец из Нью-Йорка. «Такую резолюцию мог бы написать и сам Джефферсон Дэвис, — радовался Александр Стивенс, — это первый настоящий луч света, что я вижу с самого начала войны». *Charleston Mercury* заявила: «[Избрание Макклеллана с такой программой] должно привести к миру и нашей независимости... [при условии] что в течение ближайших двух месяцев мы удержим наши позиции и не позволим врагам одержать победу»⁴⁰.

Но!.. Запись из дневника Джорджа Темплтона Стронга от 3 сентября 1864 года: «Замечательные новости пришли этим утром: Атланта наконец-то пала!!! Это (в условиях текущего политического кризиса) является величайшим событием войны».

А шапка одной из республиканских газет гласила:

ПОБЕДА

Война близится к концу?

Ответ «старины Эйба» конвенту в Чикаго

Ужас и отчаяние среди «медянок»⁴¹

39 *McPherson E.* The Political History of the United States During the Great Rebellion. Washington, 1865. P. 419—420.

40 *Strong G. T.* Diary. P. 479; *Nelson L. E.* Bullets, Ballots and Rhetoric... P. 115, 113. Ни Стивенс, ни редактор *Mercury*, когда писали эти строки, еще не знали о падении Атланты.

41 *Strong G. T.* Diary. P. 480—481; *Gray W.* Hidden Civil War... P. 189.

26.

«Нас сотрут с лица земли»

I

Произошло это так. Пока кавалеристы Шермана и Худа в первой половине августа проводили тщетные рейды в тылу друг у друга, союзная пехота безуспешно подступалась к железной дороге к югу от Атланты. Когда 26 августа «синие мундиры» внезапно исчезли, оставив лишь один корпус, Худ торжественно заключил, что Шерман снял осаду. Однако радость защитников города была преждевременной. Шерман действительно вывел всю свою армию из окопов, но направил ее на юг, чтобы перерезать магистрали и железные дороги далеко позади укреплений конфедератов. В тот момент, когда демократы в Чикаго заявляли о неудаче в войне, в 700 милях от Иллинойса федералы сооружали так называемые «шермановские галстуки» на последней остававшейся открытой железной дороге в Атланту, нагревая рельсы кострами и завязывая их потом вокруг деревьев.

Худ сообразил, что произошло, на день позже, чем это было нужно. 30 августа он послал два корпуса навстречу врагу под Джонсборо, в двадцати милях к югу от Атланты. Однако янки оказались им не по зубам, и атака была отбита с серьезными потерями для них. На следующий день Шерман контратаковал и окончательно добил южан. Чтобы избежать полного окружения, Худ 1 сентября эвакуировал Атланту, предварительно разрушив в ней все военные объекты. На следующий день в город вошли северяне, оркестры

которых исполняли военные песни Союза, и водрузили над зданием мэрии звездно-полосатый флаг. Шерман послал в Вашингтон самодовольную телеграмму: «Атланта наша, и победа заслужена».

Значение этого события трудно переоценить. В северных городах пушки салютовали победителям сотней залпов. Газеты, досаждавшие Шерману долгие годы, теперь превозносили его как лучшего генерала после Наполеона. Битва в заливе Мобил внезапно обрела новый смысл как первый удар в смертельной «двойке»¹. «Шерман и Фаррагут, — ликовал госсекретарь Сьюард, — свели на нет положения чикагской программы». *Richmond Examiner* мрачно рассуждала о том, что «катастрофа в Атланте» случилась «как раз вовремя для того, чтобы спасти партию Линкольна от неминуемого исчезновения... [Она] сгущает тучи над перспективами заключения мира, до этого столь безоблачными»². Безнадежность чувствовалась повсеместно. «Никогда еще я не впадал в уныние, — писал один житель Северной Каролины, — но Господь отвернулся от нас, и я в отчаянии». Мэри Бойкин Чеснат из Южной Каролины в своем дневнике отразила наступление неизбежного: «После Атланты я чувствую, что во мне все умерло. Нас сотрут с лица земли»³.

Далеко на севере Джордж Макклееллан размышлял над сводками из Атланты, составляя меморандум, в котором соглашался быть кандидатом от Демократической партии. Если бы он одобрил программу или ничего не сказал о ней, тогда по умолчанию стал бы сторонником перемирия и переговоров. Макклееллан чувствовал большое давление со стороны «мирного» крыла партии, призывавшего его поступить именно так. «Не слушайте ваших друзей с Востока, — заклинал его Валландигэм, — которые, не дай бог, могут посоветовать вам включить *хотя бы намек* на войну в ваш меморандум... Если в нем будет содержаться что-то подобное, двести тысяч человек на Западе откажут вам в своей поддержке»⁴. Ранние варианты письма Макклееллана удовлетворили бы Валландигэма: они содержали призыв к перемирию с одной лишь оговоркой о возобновлении войны, если переговоры о возрождении Союза зайдут в тупик.

1 Боксерский термин, означающий нанесение двух быстрых и точных последовательных ударов с обеих рук. — *Прим. пер.*

2 *Lewis L. Sherman: Fighting Prophet*. NY, 1932. P. 409; *Richmond Examiner*. 1864. Sept. 5.

3 *Nelson L. E. Bullets, Ballots, and Rhetoric: Confederate Policy for the United States Presidential Contest of 1864*. University (Ala.), 1980. P. 119; Chesnut's *Civil War*. P. 648, 645.

4 Письмо от 4 сентября 1864 г. (McClellan Papers. Library of Congress).

Однако «друзья с Востока» — «военные» демократы, включая банкира Августа Бельмонта, председателя национального комитета Демократической партии — убеждали его, что война, единожды приостановленная, не может начаться вновь и что перемирие без всяких условий равносильно поражению Союза. После взятия Атланты подобное предложение только уменьшит шансы Макклеллана на президентское кресло. Меморандум Макклеллана, увидевший свет 8 сентября, отвергал пункт о «четырёх годах неудачи». «Я не смогу посмотреть в глаза своим храбрым товарищам в армии и на флоте... и сказать им, что их усилия и жертвы, кровь наших убитых и раненых братьев, были напрасны, — писал генерал. — [Только когда] наши противники будут готовы к миру [приняв идею Союза, только] тогда могут начаться переговоры... в духе примирения и компромисса... Наша единственная цель — сохранение Союза, и мы не просим ни о чем больше»⁵.

«Мирные» демократы были раздражены предательством Макклеллана. Они спешно начали консультации в поисках другого кандидата, но все, кого можно было выдвинуть, отказались от этой сомнительной чести, и волнение улеглось. Большинство «мирных» демократов, включая Валландигэма, в конце концов вернулись, хотя и вели кампанию главным образом за свою партию и ее программу, а не в интересах Макклеллана.

Схожий процесс шел и в Республиканской партии. Новости из Атланты расстроили планы по созыву нового конвента и замене Линкольна. Из дискредитированного аутсайдера президент в одночасье превратился в победоносного лидера. На пути к единству партии стояла только поддерживавшаяся раскольниками кандидатура Джона Фримонта. В ходе закулисных переговоров радикалы договорились о том, что Фримонт 22 сентября снимет свою кандидатуру в обмен на уход Монтгомери Блэра из кабинета. Хотя некоторых радикалов вовсе не прельщала перспектива переизбрания Линкольна, они охотно приняли участие в кампании. Двуличие демократов по вопросу о мире делало их удобной мишенью для республиканцев.

5 Анализ набросков меморандума см.: Wilson C. R. McClellan's Changing Views on the Peace Plank of 1864 // AHR. 1933. 38. P. 498—505. В первых трех набросках демонстрируется «сердечное согласие» с положением программы о «прекращении огня» и заявляется: «Мы сражались достаточно, для того чтобы удовлетворить честолюбие обеих сторон». Понадобилось два письма от влиятельных «военных» демократов (Августа Бельмонта и Стивена Барлоу), чтобы Макклеллан удалил эти фразы из конечной редакции меморандума.

«Ни я, ни вы, — говорил партийный оратор, — ни сами демократы не могут ответить, является ли их программа мирной или военной... Говоря в общем, они стоят и за мир, и за войну, причем за мир с мятежниками и за войну — с собственным правительством»⁶.

После промедления в долине Шенандоа Филип Шеридан вскоре стал присылать обнадеживающие известия. Помня о предписании Гранта преследовать Эрли «до полного уничтожения», Шеридан не забывал и о долгой полосе неудач северян в долине. Вот почему его армия в течение полутора месяцев выясняла намерения южан и не оттесняла их на юг дальше Уинчестера. Донесения разведки о прибытии к Эрли четырех дивизий от Ли (в действительности он получил лишь две) усилили небывалую осторожность Шеридана. Воспользовавшись этим ослаблением обороны Питерсберга, Грант в конце августа перерезал железную дорогу, связывавшую город с Уилмингтоном — прибежищем кораблей, прорывавших блокаду. Вынужденный растянуть фронт для прикрытия обозов, которые пришлось отправлять в обход перерезанного участка, Ли отозвал одну дивизию из долины Шенандоа. Узнав об этом от Ребекки Райт, учительницы-квакерши из Уинчестера, сочувствовавшей северянам, Шеридан решил действовать. 19 сентября 37 тысяч «синих мундиров» атаковали 15 тысяч конфедератов в Уинчестере. Обоз одного из союзных корпусов заблокировал движение другого, и наступление, не успев начаться, практически захлебнулось, однако Шеридан, энергично и не выбирая выражений, восстановил порядок и возглавил неотразимую атаку. Важную роль сыграла кавалерия с ее скорострельными карабинами; две кавалерийские дивизии даже пошли в старомодную сабельную атаку и взяли в плен две тысячи мятежников на левом фланге Эрли. «Мы заставили их крутиться волчком вокруг Уинчестера, — в броском газетном стиле телеграфировал начальник штаба Шеридана, — и завтра собираемся их преследовать»⁷.

Потеряв четверть своей армии, Эрли отошел на двадцать миль к хорошо укрепленной позиции на холме Фишерс-Хилл к югу от Страсберга. Шеридан действительно «собирался их преследовать». 22 сентября два корпуса провели демонстрацию против укреплений, в то время как третий (состоявший преимущественно из уроженцев Западной Виргинии и Огайо, сражавшихся в этой гористой местности уже три года) пробирался по козьим тропам вверх, чтобы смять

6 Zornow W. F. Lincoln and the Party Divided. Norman (Okla.), 1954. P. 139.

7 O. R. Ser. I. Vol. 43, pt. 2. P. 124.

левый фланг южан. Вынырнув из толщи деревьев в лучах заходящего солнца, они смели ошеломленных конфедератов как сухую листву. Шеридан вновь заставил Эрли «крутиться волчком», отступая к югу на протяжении 60 миль, пока конфедераты не достигли прохода через Блу-Ридж, где смогли наконец передохнуть.

«Шеридан обрушил золото и Дж. Б. Макклеллана в придачу, — писал один республиканец из Нью-Йорка. — Первое упало [в первый раз с мая] до 200, а второй — бог весть куда»⁸. Грант возобновил нажим на оба фланга армии Ли к югу и к северу от реки Джемс. Хотя союзным войскам не удалось совершить прорыв, они продвинулись еще на две мили к юго-западу от Питерсберга и захватили важный форт всего в шести милях от Ричмонда. Столицу Конфедерации охватила паника, военная полиция отправляла на рытье окопов всех трудоспособных мужчин, кто только попадался в ее поле зрения, включая двух негодующих членов правительства⁹. Однако ветеранам Ли удалось остановить янки до того, как те вышли к внутренней линии укреплений. Тем не менее северные газеты преподнесли эти события как блестящую победу, хотя по сравнению с триумфом Шеридана она выглядела бледно.

Почти уничтожив Эрли, Шеридан приступил к выполнению второй части приказа Гранта, а именно к превращению «долины Шенандоа [в] пустыню... где даже вороны, пролетающие над ней, вынуждены будут нести пропитание с собой»¹⁰. Помимо функции плацдарма для вторжения на Север, долина также служила источником провианта для армий южан в Виргинии. Уничтожение на корню урожая лишало долину Шенандоа обеих этих функций, и Шеридан как нельзя лучше подходил для выполнения этой задачи. По его словам, «населению не останется ничего, кроме как сокрушаться об ужасах войны». Союзная кавалерия опустошила долину как саранча. 7 октября Шеридан рапортовал о том, что «уничтожил свыше 2000 амбаров, заполненных зерном, сеном и сельскохозяйственным инвентарем, свыше 70 мельниц с мукой и пшеницей, реквизирует для армейских нужд свыше 4000 голов скота и забил для полевых кухонь не менее 3000 овец». И это было только начало. Шеридан обещал, что к моменту его ухода из Шенандоа «вся долина, 92 мили от Уинчестера

8 Strong G. T. Diary. P. 494. Одновременно по отношению к доллару Конфедерации золото выросло до 3000.

9 Jones J. War Clerk's Diary (Swiggett). II. P. 295—296.

10 O. R. Ser. I. Vol. 43, pt. 2. P. 202; Vol. 40, pt. 3. P. 223.

до Стонтоната будут опустошены до такой степени, что там не смогут жить ни люди, ни звери»¹¹.

Северяне были настроены весьма решительно — они не делали различий между фермерами, поддерживавшими мятежников, и теми, кто клялся в верности Союзу. И у тех и у других пшеницу и фураж забрали бы конфедераты или партизаны, рыскавшие в тылу и на флангах федералов и стремившиеся наносить им уколы побольнее. Так, они перерезали горло одному из адъютантов Шеридана, застрелили врача и убили другого любимого солдатами командира уже после того, как тот сдался. Разъяренные этими происшествиями, «синие мундиры» вымещали злобу на гражданском населении, которое они подозревали в укрывательстве «бродяг». Один союзный офицер заявлял, что тактика выжженной земли Шеридана наконец-то «очистила» долину Шенандоа от партизанских формирований: «Как говорят наши парни: „Мы сожгли осиное гнездо дотла“»¹².

Это была жестокая война, но вскоре она стала еще более жестокой, особенно в Джорджии и Южной Каролине. Между тем мятежники решили, что не могут уйти из долины Шенандоа без еще одного сражения. Ли послал Эрли пехотную дивизию и кавалерийскую бригаду, что заставило Шеридана отложить запланированное возвращение 6-го корпуса под Питерсберг. Оставив свою армию в лагере близ Сидар-Крик в 15 милях к югу от Уинчестера, Шеридан 16 октября отбыл в Вашингтон, чтобы принять участие в совещании о дальнейшей стратегии войны. В его отсутствие Эрли решил последовать примеру своего наставника — «Каменной Стены» Джексона — и предпринять внезапную атаку. В ночь с 18 на 19 октября четыре дивизии конфедератов скрытно вышли на позиции, позволявшие атаковать две дивизии левого фланга северян. Фактор внезапности сработал. Толком не проснувшиеся федералы дрогнули и увлекли за собой две другие дивизии, началась общая паника, и вся армия Шенандоа бежала на четыре мили вниз по долине, потеряв 1300 пленными и 18 орудий.

Эрли был уверен, что одержал безоговорочную победу. Так же считали и его голодные солдаты, которые разбрелись с целью поживиться припасами из вражеских обозов. Однако было всего десять часов утра. Союзная кавалерия и 6-й корпус не обратились в бегство, а задержали остатки разбитых дивизий. К тому же на поле боя воз-

11 Leonard T. C. *Above the Battle: War-Making in America from Appomattox to Versailles*. NY, 1978. P. 18; O. R. Ser. I. Vol. 43, pt. 1. P. 30—31.

12 Catton B. *A Stillness at Appomattox*. Garden City (NY), 1953. P. 286.

вратился и Шеридан. Он прибыл в Уинчестер накануне вечером, и за завтраком его весьма удивила стрельба, слышная с юга. Он вскочил в седло и поскакал к месту событий. Прибытие Шеридана вошло в легенду. По мере того как он приближался, ему встречались бежавшие солдаты, которые узнавали и приветствовали его. «Черт бы вас побрал, не надо меня приветствовать! — закричал им генерал. — Если вы любите свою страну, поворачивайте обратно!.. Вам предстоит еще много боев! Вперед, черт бы вас побрал, вперед!» Десятками, а затем и сотнями солдаты последовали за ним. Поведение Шеридана в этот день стало самым ярким примером проявления личных лидерских качеств полководца в этой войне. Ветеран 6-го корпуса вспоминал: «Видеть такое зрелище, как возвращение Шеридана, и чувствовать такой душевный подъем доводится лишь раз в жизни»¹³.

Пока Эрли упивался собственной «победой», Шеридан хмурым осенним днем развернул пришедшую в себя армию в боевой порядок и возглавил контрнаступление. Кавалерия нахлынула с флангов, пехота атаковала в центре, и «серые мундиры» Эрли опрометью бросились врассыпную с поля утренней битвы. Отбросив мятежников за Сидар-Крик, федералы захватили тысячу пленных и отбили 18 пушек, оставленных ими утром, прибавив к ним еще 23 вражеских орудия. Армия Эрли была фактически рассеяна, а союзная кавалерия захватила ее обоз. В течение нескольких часов Шеридан превратил унижительное поражение в одну из самых важных побед Севера.

Грант попытался закрепить успех, вновь ударив по флангам Ли. Попытка вновь не принесла успеха, но вынудила главнокомандующего южан еще больше растянуть линию обороны, которая теперь составляла 35 миль от Ричмонда до Питерсберга. Линия эта была настолько тонкой, сообщал Дэвису Ли, что если он не получит пополнения, то их «ждет величайшее бедствие»¹⁴.

Северяне начинали думать так же. В предвкушении близкой победы многие ветераны-«трехгодичники», разошедшиеся по домам весной, осенью вновь записались в армию. Они помогли заполнить квоты и облегчили бремя призыва, который на этот раз проходил неожиданно гладко. Также они восстановили костяк Потомакской армии, почти разрушившийся летом под дурным влиянием новобранцев, «заместителей» и «охотников за премиями».

13 Catton B. Never Call Retreat. NY, Pocket Books, 1967. P. 374; Catton B. Stillness at Appomattox. P. 314.

14 Dowdey C. The Wartime Papers of R. E. Lee. NY, 1961. P. 868.

Республиканские политики сумели превратить предвкушение победы в свое преимущество. Одним из интереснейших документов этой избирательной кампании можно считать поэму «Прибытие Шеридана», написанную после битвы при Сидар-Крик Томасом Ридом. Эти стихи, громко декламируемые в ритме галопа лошади (несущей Шеридана от Уинчестера к полю боя) много раз пробуждали патриотический раж на политических митингах:

На рассвете двинулся грозный Юг,
В Уинчестере паника и испуг...

Но из города на Север дорога ведет,
И по дороге широкой подмога идет...

Из-под копыт на Юг клубы пыли летят,
О грохоте пушек они говорят,
Шеридан мчится быстрее, чем комета,
Изменникам горе, их песенка спета...

II

Также республиканцы сумели извлечь выгоду из свидетельств, реальных или мнимых, о продолжающихся сношениях демократов с действовавшими из Канады мятежниками. Несостоявшееся восстание во время демократического конвента в Чикаго не положило конец их предприятиям. Наиболее эксцентричной была попытка захвата «Мичигана» — единственной канонерки северян на озере Эри, где она охраняла лагерь военнопленных на острове Джонсон близ города Сандаски, — и освобождения пленных конфедератов. 19 сентября около двадцати агентов мятежников захватили около Сандаски пароход с целью взять на abordаж «Мичиган», офицеров которого при этом должны были отравить сторонники южан в экипаже. Однако в группу проник агент военного министерства. Сторонники южан были арестованы, и команда «Мичигана» ждала нападавших во всеоружии. Конфедераты были вынуждены вернуться в Уинсор ни с чем и бросить захваченный пароход¹⁵.

Более амбициозным, но столь же неудачным был план восстания «медянок» в Чикаго и Нью-Йорке в день выборов. Ничего,

15 Kinchen O. A. Confederate Operations in Canada and the North. North Quincy (Mass.), 1970. P. 104—116.

по-видимому, не зная о фиаско на конвенте в Чикаго, агенты южан охотно внимали нескольким сорвиголовам из стана демократов, уверявших, что уж на этот раз могучая армия сторонников мира непременно будет действовать (если им дадут достаточно золота). И снова в Чикаго, Нью-Йорк и другие города за несколько дней до предполагаемого выступления явились бывшие солдаты конфедератов — и снова ничего не произошло, так как федеральные власти, предупрежденные агентами секретных служб, проникшими в структуру чрезмерно доверчивых «сынов свободы», арестовали больше сотни «медянок» и мятежников в Чикаго и захватили тайники с оружием. В Нью-Йорк в день выборов прибыл Бенджамин Батлер во главе отряда в 3,5 тысячи человек, чтобы обеспечить порядок. Каковы бы ни были его недостатки как военачальника, Батлер снова (как ранее в Балтиморе и Новом Орлеане) продемонстрировал свое умение внушать страх потенциальным бунтарям из числа гражданского населения. «Такого на выборах еще никогда не было», — писал удивленный житель Нью-Йорка¹⁶.

Из предполагаемого оплота «медянок» в Южной Индиане приходили впечатляющие известия (некоторые, возможно, правдивые) о предательстве и измене. Военная полиция обнаружила тайники с оружием и арестовала некоторых видных «сынов свободы». В октябре эти люди предстали перед военным трибуналом по обвинению в «заговоре, оказании помощи мятежникам, подстрекательстве к восстанию [и] предательству». В их деятельность, согласно показаниям просочившихся в орден союзных агентов, были вовлечены и известные демократы, включая Валландигэма. Республиканские газеты потчевали избирателей ежедневными заголовками: «ВОССТАНИЕ НА СЕВЕРЕ!! Невероятное разоблачение! Валландигэм планировал свержение правительства! Заговор „партии мира“!»¹⁷ Трибунал приговорил четырех обвиняемых к смертной казни. Отсрочки и апелляции привели к тому, что казнь не состоялась, а по окончании войны Верховный суд отменил приговор в отношении одного из них, Лэмдина Миллигана, на основании того, что гражданские лица не

-
- 16 Strong G. T. *Diary*. P. 510. О заговорах в Чикаго и Нью-Йорке см.: Kinchen O. A. *Op.cit.* P. 148—163; Horan J. D. *Confederate Agent: A Discovery in History*. NY, 1954. P. 181—198, 208—210; Brandt N. *The Man Who Tried to Burn New York*. Syracuse, 1986. Клемент считает эти заговоры вымыслом республиканской пропаганды (Klement F. L. *Dark Lanterns: Secret Political Societies, Conspiracies, and Treason Trials in the Civil War*. Baton Rouge, 1984).
- 17 Klement F. L. *The Copperheads in the Middle West*. Chicago, 1960. P. 190.

должны были предстать перед трибуналом в регионах, где не велись боевые действия и функционировали гражданские суды. В конечном итоге предполагаемые заговорщики, как и некоторые другие лица, обвиненные трибуналом, были отпущены на свободу.

Однако в октябре 1864 года все это еще было делом будущего. Одновременно с процессами «изменников» в Индиане главный военный прокурор Соединенных Штатов Джозеф Холт составил отчет, где описал «Сынов свободы» как дисциплинированную, могущественную организацию, вооруженную до зубов и состоящую на содержании Джефферсона Дэвиса, целью которой является уничтожение Союза. «Иудея породила лишь одного Иуду Искарриота, — вещал Холт, — а в нашей стране появилась целая свора предателей... злонамеренно пытающихся расчленить Союз»¹⁸. Отчет этот стал зерном для республиканской мельницы. Партия и союзные лиги напечатали тысячи копий; республиканские ораторы во время предвыборной кампании цитировали Холта, совершенно беззастенчиво ставя знак равенства между Демократической партией, движением «медянок» и изменой.

Демократы называли отчет Холта и показания правительственных агентов «от начала и до конца фальшивыми... смехотворными настолько, что в них нельзя поверить ни на секунду». Сам Линкольн не воспринимал угрозу заговора всерьез, считая «Сынов свободы» «сугубо политической организацией, у которой злонамеренности не больше, чем ребячества»¹⁹. Ряд современных историков разделяют такую точку зрения. Ведущий исследователь движения «медянок» в северо-западных штатах называет «великий миф Гражданской войны о заговорах и подрывных тайных обществах» «сказкой», «вымыслом республиканского воображения», рожденным из смеси «лжи, догадок и политической конъюнктуры»²⁰.

Это все-таки не так. Под дымовой завесой республиканской пропаганды полыхало и настоящее пламя. «Сыны свободы» и им подобные организации действительно существовали. Некоторые из их лидеров (возможно, лишь экстремисты) действительно тайно контактировали с эмиссарами южан в Канаде, получали оружие для противозаконных целей и плели заговоры против правительства.

18 O. R. Ser. II. Vol. 7. P. 930—953.

19 Klement F. L. Op. cit. P. 205, 201; Lincoln/Hay. P. 192.

20 Klement F. L. Op. cit. P. 202; Klement F. L. The Limits of Dissent: Clement L. Vallandigham and the Civil War. Lexington (Ky.), 1970. P. 293, 294. Также см.: Klement F. L. Civil War Politics, Nationalism, and Postwar Myths // Historian. 1976. 38. P. 419—438; Klement F. L. Dark Lanterns....

Хотя Валландигэм и другие видные демократы, скорее всего, не участвовали в этих заговорах лично, некоторые из них встречались с Джейкобом Томпсоном в Канаде. Валландигэм являлся «верховным великим командором» общества «Сынов свободы», и он лгал под присягой, когда в начале 1865 года судили чикагских конспираторов, утверждая, что не знал ни о каких заговорах. Как писал Томпсон в заключительном отчете о своей канадской миссии: «В моем распоряжении находится столько документов, что они могут полностью разрушить карьеры очень многих видных деятелей на Севере»²¹.

Что бы ни говорили о возможной деятельности в пользу Конфедерации на Старом Северо-Западе, никто не мог отрицать масштабы и опасность таковой в Миссури. Тайный «Орден американских рыцарей» установил там связи с различными партизанскими формированиями, опустошавшими штат. Генерал Конфедерации Стерлинг Прайс был назначен «военным командующим» Ордена²². Прайс координировал действия партизан с рейдами конфедератов в Миссури, что представляло собой большую угрозу контролю Союза над этой территорией, чем все туманные заговоры на остальном Северо-Западе.

Партизанская война вдоль границы Канзаса и Миссури явилась продолжением столкновений, начавшихся еще в 1854 году. Кровавые конфликты между «приграничными головорезами» и джейхокерами стали еще ожесточеннее после 1861 года, так как обе стороны получили благословение соответственно конфедеративного и союзного правительств. Партизанская война в Миссури приняла форму терроризма, превзошедшего по своему размаху волнения в других штатах. Канзасские джейхокеры и миссурийские «бродяги» не брали пленных, хладнокровно убивали, грабили и поджигали (но, что интересно, почти никогда не насиловали женщин). Джейхокеры начали применять тактику выжженной земли против тех, кто сочувствовал

21 O. R. Ser. I, Vol. 43, pt. 1. P. 935. Об этом см.: Starr S. Z. Was There a Northwest Conspiracy? // The Filson Club Historical Quarterly. 1964. 38. P. 323—341; Carleton W. G. Civil War Dissidence in the North: The Perspective of a Century // South Atlantic Quarterly. 1966. 65. P. 390—402.

22 Когда в начале 1864 г. Орден изменил свое имя на «Сыны свободы», в Миссури его название осталось прежним. Клемент (Klement F. L. Phineas C. Wright, the Order of the American Knights, and the Sanderson Expose // CWH. 1972. 18. P. 5—23) утверждает, что роль Прайса в деятельности Ордена была вымышлена агентами Союза, однако Кастель, признавая, что Орден добился очень немногого, все же считает Прайса его военным руководителем (Castel A. General Sterling Price and the Civil War in the West. Baton Rouge, 1968. P. 193—196).

южанам, еще за три года до Шеридана. Главари партизан противоположного лагеря, особенно печально известный Уильям Кларк Куонтрилл, резали пленных солдат и мирных жителей (как белых, так и черных) задолго до того, как войска Конфедерации начали убивать пленных негров. Именно из миссурийских «бродяг» сформировались знаменитые послевоенные банды, включая шайку братьев Джеймсов и братьев Янгеров.

Рейды и засады, практиковавшиеся в Миссури, имели мало общего с глобальным конфликтом, частью которого являлись эти события, но молниеносные набеги и отступления нескольких тысяч партизан сковывали силы десятков тысяч федеральных солдат и ополченцев, которые могли бы воевать в это время в другом месте. Нужда партизан в укрытиях и карательные армейские операции приводили к тому, что мирные жители должны были поддерживать ту или иную сторону или же страдать от последствий (на практике, впрочем, выходило и то и другое). Генералы южан зачастую делали отряды партизан частью своих формирований или же приказывали этим отрядам уничтожать коммуникации и базы союзных войск, когда сами вели традиционные военные действия против северян. В августе 1862 года Куонтрилл захватил город Индепенденс в штате Миссури в ходе рейда южной кавалерии из Арканзаса. В благодарность он получил чин капитана армии Конфедерации, а впоследствии называл себя полковником.

Как «бродяги», так и джейхокеры порой действовали просто ради грабежа, мести или из любви к насилию, однако идеологическая подоплека тоже существовала. Сражавшиеся почти десять лет со сторонниками рабства, многие джейхокеры превратились в убежденных аболиционистов, полных решимости уничтожить рабство и социальную структуру, его поддерживавшую. Сомнительную славу приобрел 7-й Канзасский кавалерийский полк — «Джейхокеры Дженнисона», — отметившийся грабежами и убийствами в западной части Миссури. Полком командовал аболиционист, подполковником был брат Сюзан Энтони²³, а командиром одного из эскадронов — капитан Джон Браун-младший. Все до единого солдаты полка были настроены подавить мятеж и уничтожить рабовладельцев в буквальном смысле слова. С другой стороны, настоящие преступники увековечены в легендах, голливудских фильмах, а также некоторыми учеными как своего рода «Робин Гуды» или «первобытные мятежники», защищавшие мелких

23 Одна из организаторов суфражистского движения. — Прим. пер.

фермеров от капитализма янки, банков и железнодорожных компаний. Однако в реальности, как показывают недавние исследования, партизаны были выходцами из южных фермерских и плантаторских семей, у которых было в три раза больше рабов и в два раза больше средств, чем у среднего жителя Миссури. Поэтому если искать за их грабежами идеологические причины, то сражались они за сохранение рабства и независимость Конфедерации²⁴.

Самой мрачной фигурой из главарей партизан был Уильям Кларк Куонтрилл. Сын школьного учителя из Огайо, Куонтрилл странствовал по западным штатам, пока война в полной мере не раскрыла его специфический талант. Не будучи никак связан ни с Югом, ни с рабовладельцами, он предпочел встать на сторону Конфедерации лишь потому, что в Миссури ситуация позволяла ему нападать на институты власти. В своей шайке он собрал некоторых из самых отчаянных головорезов во всей американской истории. В мгновение ока шайка эта распалась на мелкие отряды и объединялась лишь для дальнего рейда. Активизация деятельности банды на западной границе Миссури весной 1863 года приводила в ярость командующего союзными силами в этом районе Томаса Юинга. Шурин Уильяма Текумсе Шермана, Юинг уже понял то, что только начал понимать его знаменитый родственник — война велась не только между армиями, но и между простыми людьми. Жены и сестры партизан Куонтрилла давали пищу и кров его людям. Юинг арестовал их и поместил под домашний арест в Канзас-Сити. 14 августа здание, где находились многие из них, рухнуло; пять женщин погибли.

Эта трагедия повлекла за собой другую, еще более ужасную. Одержимые жаждой мести, люди Куонтрилла собрали шайку из 450 человек (включая братьев Янгеров и Фрэнка Джеймса) и направились в Лоуренс — ненавидимый ими еще со времен «окровавленного Канзаса» оплот фрисойлерства. Перейдя границу Канзаса, они захватили десять фермеров, сделав их проводниками и убив, когда они стали не нужны. Приблизившись к городу на рассвете 21 августа, Куонтрилл приказал своим людям: «Убивайте всех мужчин и поджигайте каждый дом». Они выполнили его приказ почти дословно. Первой жертвой был пастор «Церкви Объединения», убитый выстрелом в голову во время дойки коровы. За три часа банда Куонтрилла убила еще

24 Bowen D. Guerrilla Warfare in Western Missouri, 1862—1865: Historical Extensions of the Relative Deprivation Hypothesis // Comparative Studies in Society and History. 1977. P. 30—51.

182 мужчин и подростков и сожгла 185 домов. После этого «бродяги» ушли из города под носом у преследовавшей их союзной кавалерии и успели скрыться в Миссури, рассеявшись там в лесах²⁵.

Эта резня взбудоражила всю страну. Облава на банду привела к поимке нескольких ее членов, которые были повешены или расстреляны без суда и следствия. Взбешенный генерал Юинг издал свой знаменитый приказ № 11 о принудительном выселении жителей четырех округов штата Миссури, граничащих с Канзасом. Солдаты союзной армии безжалостно выполнили приказ, на долгие годы превратив эти округа в безлюдную землю. Однако даже такие драконовские меры не могли остановить партизан; наоборот, в следующем году их рейды стали еще более смелыми и разрушительными.

Генерал Стерлинг Прайс, мечтавший очистить Миссури от янки, был впечатлен удачей Куонтрилла. В ноябре 1863 года Прайс послал ему письмо, где выражал «восхищение мужественным преодолением... трудностей и доблестной борьбой против деспотизма и угнетателей нашего штата», а также «надежду», что их совместные «усилия вскоре увенчаются успехом»²⁶. Вожди партизан заверили Прайса, что если армия Конфедерации вторгнется в штат, откуда ушли боевые части северян, вызванные отражать рейд Форреста в Теннесси, то миссурийцы массово поддержат южан. Набрав 12-тысячный кавалерийский отряд из жителей Миссисипи, Прайс двинулся на север через Арканзас и в сентябре 1864 года вторгся в Миссури. Он дал партизанским шайкам задание посеять хаос в тылу у северян, а «Орден американских рыцарей» должен был мобилизовать жителей Миссури, чтобы те оказали южанам поддержку. Вторая инициатива закончилась ничем, так как после ареста армейскими властями федералов верхушки Ордена он превратился в фикцию. Партизаны — совсем другое дело. Разбившись на мелкие отряды в центральной части Миссури, они парализовали железнодорожное сообщение и гужевые перевозки и даже приостановили движение судов по реке Миссури.

Самым эффективным был отряд «Кровавого Билла» Андерсона, отделившегося от Куонтрилла с пятьюдесятью «бродягами», сплошь

25 *Monaghan J. Civil War on the Western Border 1854—1865. NY, 1955. P. 274—289; Brownlee R. S. Gray Ghosts of the Confederacy: Guerrilla Warfare in the West, 1861—1865. Baton Rouge, 1958. P. 110—157; Castel A. E. A Frontier State at War: Kansas, 1861—1865. Ithaca, 1950. P. 124—141. Лучшее исследование, посвященное Куонтриллу: Castel A. E. William Clarke Quantrill: His Life and Times. NY, 1962.*

26 *O. R. Ser. I. Vol. 53. P. 908.*

патологическими убийцами, каким был и их главарь. В августе и сентябре шайка Андерсона наносила удары по отдаленным гарнизонам и аванпостам, убивая и снимая скальпы с кучеров, поваров и другой невооруженной obsługi, а также с солдат. Кульминацией этой кровавой оргии стали события в Сентральной 27 сентября. В сопровождении тридцати всадников, включая Фрэнка и Джесси Джеймсов, «Кровавый Билл» ворвался в город, сжег поезд и ограбил его пассажиров, попутно убив 24 безоружных солдата федеральной армии, направлявшихся в отпуск. Выдавленные из города тремя ротами ополченцев, бандиты соединились со своими 175 товарищами, повернули обратно и убили 124 из 147 преследователей, добывая раненых выстрелами в голову.

В тот же день вторгшиеся войска Прайса постигла первая серьезная неудача в 140 милях к югу, в Пайлот-Ноб. Там союзный отряд из тысячи человек под командованием Томаса Юинга удерживал форт против 7000 мятежников и вывел из строя 1500 человек, потеряв лишь 200. Отвлеченный этой задачей от своей главной цели — взятия Сент-Луиса, в котором мало-помалу собирались федеральные войска, — Прайс повернул на запад к столице штата Джефферсон-Сити. Здесь он рассчитывал провести инаугурацию сопровождавшего его губернатора-конфедерата, однако «синие мундиры» защитили город, поэтому мятежники продолжали предаваться грабежу, двигаясь на запад вдоль южного берега Миссури. Новобранцы и партизаны увеличили состав армии Прайса (11 октября он встретился с «Кровавым Биллом» Андерсоном в Бунвилле), но им уже приходилось думать не о наступлении, а об отходе. Ополченцы из Миссури и Канзаса находились прямо перед ними, союзная кавалерия заходила в тыл, а ветеранская пехотная дивизия двигалась с максимальной скоростью, чтобы отрезать им отступление на юг. В стычках и более крупных сражениях, происходивших с 20 по 28 октября восточнее и южнее Канзас-Сити, союзные войска серьезно потрепали силы Прайса и вынудили его идти на юг в Арканзас через Индейскую территорию и Техас. Хотя Прайс в красках расписывал свой рейд, хвастаясь тем, что прошел 1400 миль (гораздо больше, чем любая другая армия Конфедерации), но его катастрофа была полной. Хотя он начал поход с 12 тысячами человек (да еще к нему присоединялись тысячи сторонников), он вернулся в Арканзас всего с 6000. Организованному сопротивлению южан и их приверженцев в Миссури пришел конец.

Самой большой удачей для северян стало то, что в этих боях в основном были уничтожены партизанские банды и их главари,

включая «Кровавого Билла» Андерсона. Куонтрилл покинул Миссури и отправился было на восток, поклявшись умертвить Линкольна, но наткнулся на патруль северян в Кентукки и тоже был убит. На президентских выборах Линкольн набрал в Миссури 70% голосов (большинство приверженцев Конфедерации не были допущены на участки, так как не пожелали или не получили возможности принести присягу в лояльности Союзу). Фракция радикальных республиканцев одержала триумфальную победу над консерваторами и созвала конституционный конвент, в январе 1865 года упразднивший в Миссури рабство. Впрочем, проблемы штата на этом не закончились, так как после войны братья Джеймсы и Янгеры вместе с другими оставшимися в живых партизанами были признаны военнопленными и отпущены с миром.

III

Сенсационные новости о подрывной деятельности «медянок» в Миссури помогли республиканцам заклеить оппозицию как изменников. Демократы отвечали с помощью своего испытанного и безотказного оружия — расизма. По этому вопросу партия оставалась едина и последовательна. 65 из 68 демократов Палаты представителей проголосовали против принятия Тринадцатой поправки, которая, таким образом, не набрала требуемых двух третей голосов. Эти конгрессмены также выпустили манифест, называвший призыв негров в армию злонамеренной республиканской уловкой, призванной укрепить «равенство белой и черной рас»²⁷. Оппозиция принудила республиканцев пойти на компромисс по вопросу о равном жалованье чернокожих и белых солдат. По условиям Акта об ополчении, принятого в июле 1862 года, служащие в армии негры считались «рабочими» и получали на несколько долларов в месяц меньше, чем белые. Являясь уступкой предрассудкам, это положение находилось в вопиющем несоответствии с боевым значением 100 тысяч чернокожих солдат в 1864 году. В ответ на горячие протесты аболиционистов и недовольство в негритянских частях республиканцы пытались протолкнуть закон об уравнивании жалованья задним числом, однако коалиция демократов, противившихся любому уравниванию прав, и консервативных республиканцев, оспаривавших правомерность при-

27 CG, 38 Cong., 1 Sess. 1995; Wood F. G. Black Scare: The Racist Response to Emancipation and Reconstruction. Berkeley, 1968. P. 42.

нятия законов с обратной силой, воспрепятствовала его принятию. Чтобы умиротворить последних и все-таки провести закон, Конгресс ввел равную оплату задним числом лишь с 1 января 1864 года (кроме тех чернокожих, которые были свободны уже до войны и получали равное с белыми жалование со дня зачисления в армию)²⁸.

Получив немало голосов в 1862 году за счет выставления республиканцев поборниками расового равенства, демократы ожидали повторения истории и два года спустя. Их неразборчивость в средствах была просто невероятной. Издатель и обозреватель *New York World* — наиболее значительной газеты, поддерживавшей Макклеллана, — в анонимном памфлете сказали новое слово: «Смешанные браки: теория соединения рас». Притворяясь республиканцами, авторы рекомендовали «смешанные браки» как решение расового вопроса. Это смешение, заявляли авторы памфлета, будет «особенно полезно ирландцам». Если республиканцы переизберут своего президента, они будут вести войну до «торжества их идеи — смешения белой и черной расы». Хотя демократическая пресса и пыталась выдать эту фальшивку за элемент настоящей программы республиканцев, ее восприняли всерьез только убежденные сторонники «медянок».

Тем не менее демократы эксплуатировали тему смешанных браков до тошноты. Прокламация об освобождении превратилась у них в Прокламацию о смешении кровей. Еще один памфлет, озаглавленный «Смешанные браки, одобренные Республиканской партией», имел очень широкое хождение. Многочисленные карикатуры изображали толстогубых, скалящихся, неотесанных негров, целующих розовощеких девушек «со снежно-белой грудью» или танцующих с ними на «смешанном балу», который устроят после переизбрания Линкольна. Среди «благ» листовка, называвшаяся «Молитва черного республиканца», указывала «благо освобождения негров на всей нашей многострадальной земле», что приведет к тому, что «славный, надушенный негр удобно устроится на груди аболиционистки, которую оживит чистая кровь величественного африканца»²⁹. Предвыборные памфлеты и газетные листки сообщали о «большом количестве косяглазых мулатов», родившихся в Новом Орлеане во время пребывания там Бенджамина Батлера; об учительницах из Новой Англии, обучавших освобожденных негров на прибрежных островах Южной

28 Freedom: A Documentary History of Emancipation 1861—1867. Series II: The Black Military Experience. Cambridge, 1982. P. 362—405.

29 Kaplan S. The Miscegenation Issue in the Election of 1864 // Journal of Negro History. 1949. 34. P. 274—343; Wood F. G. Black Scare... P. 53—76, 92—93.

Каролины и родивших мулатов там; о пяти тысячах таких детей, родившихся в Вашингтоне с 1861 года. Это, иронизировали памфлеты, и было то, «что президент имел в виду под словами „оказаться на высоте положения”»³⁰.

Конечно же, главной мишенью очернителей был «Авраам Первый Африканский». «Что касается возможного процента негритянской крови в нем самом, — рассуждал некий католический еженедельник, — то Эйб Линкольн... дик во всех своих пристрастиях. Он говорит непристойности... Он просто животное... Черные как трубочисты нигтеры, грязные, потные, сальные, отвратительные, вытесняют белых мужчин и дам отовсюду, даже с президентских приемов»³¹. Линкольна прозвали «Эйб-Плодящий-Вдов», так как он послал полмиллиона белых мужчин на верную смерть в безумной войне, чтобы освободить рабов, потому что он «любит негров больше, чем свою страну». Комментируя просьбы о прекращении призыва, одна пенсильванская газета призывала граждан: «Братья, сделайте еще один шаг и „прекратите” самого „старину Эйба”, повесив его, если это нужно, чтобы остановить резню наших граждан»³². А один из «медянок», редактор из Висконсина, опубликовал пародию на песню «Когда Джонни вернется домой»:

Плодящий вдов вот-вот падет,
Гип-гип-ура!
В обнимку с неграми помрет,
Гип-гип-ура!

Оторванный от мирных дел,
Солдат, призыва ль ты хотел?
Покончим с этим скоро мы
С «Маленьким Маком» во главе³³.

Несмотря на всю наглядность агитации, демократы почти не извлекли выгод из педалирования расового вопроса. Для большинства

30 Shankman A. M. The Pennsylvania Antiwar Movement, 1861—1865. Rutherford (NJ), 1980. P. 165; The Lincoln Catechism // Union Pamphlets of the Civil War. Cambridge (Mass.), 1967. P. 1000—1001. (Выражение *rise to the occasion* употребляется и в значении «испытать эрекцию в нужный момент». — Прим. пер.)

31 New-York Freeman's Journal and Catholic Register. 1864. Aug. 24, April 23.

32 Union Pamphlets... P. 983; Shankman A. M. Op.cit. P.192.

33 Baker J. H. Affairs of Party: The Political Culture of Northern Democrats in the Mid-Nineteenth Century. Ithaca, 1983. P. 40.

колебавшихся избирателей успех или провал на фронте был более существен, чем возможная женитьба негров на их родственниках. Республиканцы гораздо больше преуспели в навешивании ярлыков предателей на демократов, чем последние, называвшие республиканцев «кровосмесителями». Если на то пошло, тема расизма ударила по демократам бумерангом, потому что после побед Шермана и Шеридана многие избиратели стали поздравлять друг друга с тем, что их жертвы в славной войне за Союз и свободу оказались ненеприятными.

По другому вопросу, слегка касавшемуся межрасовых отношений, а именно по проблеме военнопленных, демократы потерпели несомненное поражение, ибо северяне, пришедшие в ужас от условий содержания своих солдат в тюрьмах Конфедерации, не были настроены голосовать за партию, ассоциирующуюся в массовом сознании с поддержкой южан. Программа демократов содержала пункт, осуждавший «постыдную безучастность» со стороны администрации «к судьбе сограждан, которые уже долгое время являются военнопленными и содержатся в ужасных условиях»³⁴. К моменту внесения этого пункта уже стали известны шокирующие обстоятельства пребывания в лагерях военнопленных, в частности в Андерсонвилле. Общество негодовало, и вопрос о содержании военнопленных вышел на первый план.

Немногие военнопленные с обеих сторон, попавшие в лагеря в 1861 году, не испытывали больших лишений. Обветшавших фортов, переоборудованных складов, окружных тюрем и других зданий было достаточно для приема пленных, пока те ожидали неофициальных обменов, которые производились время от времени. Иногда команды отпускали пленников под честное слово или проводили обмен сразу же после прекращения огня. Не желая кормить пленников, Конфедерация требовала заключения официальных соглашений об обмене, что не совпадало с намерениями администрации Линкольна. Однако после того как в результате многочисленных стычек — от взятия форта Донелсон до Семидневной битвы — тысячи военнопленных оказались в тяжелейших условиях, администрация уступила растущему давлению общественного мнения и санкционировала регулярные обмены. Особо оговорив, что ведет переговоры с воюющей армией, а не правительством, союзная армия вступила в соглашение

34 McPherson E. The Political History of the United States during the Great Rebellion. Washington, 1865. P. 420.

об обмене военнопленными 22 июля 1862 года. Согласно ему, сержант приравнивался к двум рядовым, лейтенант — к четырем, и так далее вплоть до генерала, за которого надо было отдать 60 рядовых. Оставшиеся отпускались под честное слово (то есть обещали не брать в руки оружие, пока их не обменяют официально). В течение десяти месяцев такое соглашение действовало безотказно, что позволило разгрузить тюрьмы, оставив там лишь серьезно больных и раненых солдат, не способных передвигаться самостоятельно³⁵.

Конец практике обменов положили два события, произошедшие в 1863 году. Первым была реакция Севера на действия южан, вновь обращавших в рабство или казнивших захваченных чернокожих солдат и их офицеров. Когда в мае 1863 года Конгресс Конфедерации принял эту меру, заявленную Джефферсоном Дэвисом еще четыре месяца назад, военное министерство Соединенных Штатов приостановило действие картеля, превратив таким образом пленных южан в заложников. Тонкий ручеек неофициальных обменов продолжал течь, но крупные сражения второй половины 1863 года вскоре переполнили импровизированные тюрьмы. Грант предотвратил еще большее бедствие, отпустив под честное слово 30 тысяч южан под Виксбергом, а Бэнкс последовал его примеру, дав свободу 7000 человек, захваченным в Порт-Хадсоне. Однако отношение конфедератов к таким солдатам привело ко второму, на сей раз окончательному прекращению переговоров об обмене. Придравшись к юридическим формальностям, южане в одностороннем порядке объявили многих из отпущенных под честное слово обменными (хотя никакого обмена на самом деле не было) и вернули их в строй. Грант пришел в ярость, когда союзная армия повторно взяла некоторых из них в плен под Чаттанугой³⁶.

Попытки возобновить картель ни к чему не привели из-за отказа южан обращаться с темнокожими солдатами как с военнопленными и признать свою вину в случае с отпущенными под честное слово в Виксберге. «Вооружение наших рабов — варварство. Никто... не станет терпеть... использование [против себя] дикарей... Мы никак не можем позволить, чтобы наша собственность получала какие-либо права на основании ее кражи». К концу 1863 года конфедераты выразили готовность обменять тех негров, которых они считали

35 Hesselstine W. B. Civil War Prisons: A Study in War Psychology. Columbus, Ohio, 1930. Гл. 1—5.

36 Ibid. P. 99—113; O. R. Ser. II. Vol. 5, 6.

свободными на момент их зачисления в армию³⁷. Но, как говорил уполномоченный по обмену, южане будут «стоять насмерть» в защиту своего права превратить обратно в рабов тех, кого захватили как свою бывшую собственность. Пусть будет так, ответил военный министр Союза Стэнтон, но тогда 26 тысяч военнопленных мятежников останутся в северных тюрьмах, так как уступить требованиям Конфедерации было бы «позором и бесчестьем»: «Когда [мятежники] согласятся обменять абсолютно всех, с нашей стороны провололочек не будет»³⁸. Когда Грант стал главнокомандующим, он также придерживался этой твердой линии: «Никакого различия между белыми и цветными пленниками делаться не будет, — гласил его приказ от 17 апреля 1864 года. — Нам также должны передать достаточное количество солдат и офицеров, захваченных и впоследствии отпущенных под Виксбергом и Порт-Хадсоном... Несогласие властей Конфедерации с одним или с обоими пунктами будет расцениваться как отказ от дальнейшего обмена пленными»³⁹. Власти Конфедерации конечно же не согласились.

Действительное отношение южан к черным пленникам выяснить сложно. Неизвестно даже их количество, так как конфедераты не вели учета, отказываясь считать их военнопленными. Многие чернокожие так и не добивались до лагеря. Согласно директиве военного министра Конфедерации Седдона: «Нам не стоит испытывать угрызения совести по отношению к таким пленникам... Их надлежит расстреливать без промедления», сотни негров были убиты в Форт-Пиллоу, Пойзон-Спринг, после сражения у «Воронки» и во многих других⁴⁰. Вот показания одного сержанта союзной армии, описывавшего, что произошло после того, как конфедераты в апреле 1864 года отвоевали Плимут на побережье Северной Каролины. «Все негры в синих мундирах или имевшие другие признаки принадлежности к нашим войскам были убиты, я лично видел, как некоторых отвели в лес и там повесили. Другие, как я видел, были раздеты догола; они стояли лицом к реке — так их и расстреляли. Третьи были забиты прикладами ружей — мятежники в буквальном смысле вышибли им мозги.

37 Inside the Confederate Government: The Diary of Robert Garlick Hill Kean. NY, 1957. P. 92—93; Civil War Collection, Henry E. Huntington Library; Cornish D. T. The Sable Arm: Negro Troops in the Union Army, 1861—1865. NY, 1956. P. 171.

38 O. R. Ser. II. Vol. 6. P. 441—442, 647—649, 226.

39 Ibid. Vol. 7. P. 62—63.

40 Ibid. Vol. 4. P. 954; Vol. 7. P. 204.

В день захвата города убили не всех — те, кого не казнили сразу, находились в специальном помещении вместе со своими офицерами. Офицеров перед этим протащили по улицам, повязав на шею веревку. В помещении этом они оставались до следующего утра, когда последние чернокожие были убиты»⁴¹.

Тех чернокожих пленников, кому удавалось выжить, часто возвращали бывшим или отдавали новым хозяевам, а в ожидании отправки использовали на строительстве укреплений. 15 октября *Mobile Advertiser and Register* опубликовала список из 575 пленных негров в этом городе, работавших на возведении стен, пока их не затребовали прежние хозяева⁴².

Перед союзным правительством встала дилемма: как реагировать на убийства и закабаление пленных чернокожих солдат. Поначалу Линкольн угрожал воздать око за око. Его приказ от 30 июля 1863 года гласил: «За каждого солдата федеральной армии, лишенного жизни в нарушение законов войны, необходимо казнить солдата мятежников. За каждого солдата федеральной армии, отданного в рабство, необходимо отправить солдата мятежников на каторжные работы». Но приказать было легче, чем исполнить, как признался сам Линкольн: «Трудность не в том, чтобы объявить об этом, а в том, чтобы следовать этому принципу на практике»⁴³. После резни в Форт-Пиллоу кабинет потратил два своих заседания на то, чтобы подобрать адекватный ответ. Предать казни соответствующее число пленных мятежников значило бы наказать невинных за преступления виновных. Правительство не должно идти на такой «варварский... негуманный шаг», заявил военно-морской министр Уэллс. Линкольн согласился, что «кровь не должна порождать кровь и правительство не должно прибегать к мести». Кабинет решил применить аналогичные меры в отношении людей из отряда Форреста, если таковых удастся поймать, а также предупредить Ричмонд, что в случае повторения таких действий южан ряд офицеров в северных тюрьмах будет считаться заложниками⁴⁴.

41 O. R. Ser. I. Vol. 7. P. 459—460.

42 Williams W. L. *Again in Chains: Black Soldiers Suffering in Captivity* // *Civil War Times Illustrated*. 1981. May 20. P. 40—43; Cornish D. T. *Sable Arm...* P. 177—178. Два распоряжения военного министра Седдона, связанные с возвращением в рабство захваченных негро, датированные 3 июня 1863 и 31 августа 1864 г., см.: O. R. Ser. II. Vol. 5. P. 966—67; Vol. 7. P. 703—704.

43 CWL. VI. P. 357; VII. 382.

44 *Diary of Gideon Welles*. 3 vols. NY, 1960. II. P. 24; CWL. VII. P. 329, 345—346; Nicolay J. G., Hay J. *Abraham Lincoln: A History*. 10 vols. NY, 1890. VI. P. 478—484.

Однако нет никаких свидетельств того, что какая-либо из мер была приведена в действие. Линкольн с грустью говорил Фредерику Дугласу: «Если начать возмездие, то непонятно, когда его заканчивать». Расстрелы невинных конфедератов (или даже виновных) приведут к симметричным ответным мерам со стороны южан, образовав порочный круг. В конце концов, по словам союзного уполномоченного по обмену, «эффективность подобных мер обусловлена успешным ведением войны. Мятеж зиждется на праве или власти Юга иметь чернокожих рабов, и Юг откажется от этого права только будучи побежден оружием». Поэтому «законопослушное население Соединенных Штатов [должно] вести войну со всей энергией, отпущенной ему Богом»⁴⁵.

Командование союзной армии в Южной Каролине и Виргинии предприняло единственную ответную меру в отношении южан: когда конфедераты в Чарлстоне и в окрестностях Ричмонда в 1864 году отправили пленных негров рыть окопы под огнем врага, генералы северян быстро послали равное количество южан для таких же работ. Это положило конец практике конфедератов. Некоторые чернокожие солдаты мстили по-своему. После резни в Форт-Пиллоу несколько негритянских частей поклялись не брать пленных и кричали: «Вспомните о Форт-Пиллоу», когда шли в бой. «Черные сражались яростно, — писал капитан Чарльз Фрэнсис Адамс-младший об атаке негритянской дивизии укреплений Питерсберга 15 июня 1864 года. — Если, как рассказывают, южане убивали пленных... то вряд ли негров можно за это винить»⁴⁶.

Хотя ответные меры федералов немногим помогли бывшим рабам, захваченным конфедератами, они, по крайней мере, заставили официальные лица Юга проводить различие между бывшими рабами и свободными чернокожими. Военный министр Седдон писал губернатору Южной Каролины: «Серьезные последствия, к которым может привести буквальное соблюдение указа Конгресса [требовавшего возвращения всех пленных негров в штаты Конфедерации для наказания за бунт], вынуждают нас проводить различие между неграми, которых можно идентифицировать как рабов, и теми, кто является свободными жителями Соединенных Штатов»⁴⁷. В целом

45 Life and Times of Frederick Douglass (reprint). 1962. P. 348—349; O. R. Ser. II. Vol. 6. P. 171.

46 A Cycle of Adams Letters 1861—1865. 2 vols. Boston, 1920. II. P. 154.

47 O. R. Ser. II. Vol. 7. P. 703—704. Также см.: Westwood H. C. Captive Black Union Soldiers in Charleston — What to Do? // CWH. 1982. 28. P. 30—31, 38, 41.

южане обращались с последними (как и с их белыми офицерами) как с военнопленными, но это не обязательно подразумевало равное отношение. Нередко надзиратели отряжали чернокожих заключенных на чистку отхожих мест, в похоронные команды и для другой грязной работы. В тюрьме Либби в Ричмонде десять белых офицеров и четыре солдата негритянского полка были посажены в тесную комнатку рядом с кухней, где им давали только хлеб и воду и где они едва не задохнулись от кухонных запахов. Другой заключенный писал: «На полу комнаты стоял открытый таз для экскрементов, который меняли лишь раз в несколько дней». В Южной Каролине чернокожие солдаты 54-го Массачусетского полка и других северных частей содержались в тюрьме Чарлстона, а не в лагерях для военнопленных⁴⁸.

Вполне возможно, что их пребывание в гражданских тюрьмах было таким же, если не лучшим, чем у их белых товарищей в тюрьмах военных. Общественное мнение Севера было возмущено условиями содержания не чернокожих, а вообще всех военнопленных армии Союза. Кампания 1864 года привела к попаданию большого количества пленных в наспех оборудованные лагеря, и сразу после этого появились леденящие душу истории о болезнях, голоде и издевательствах охраны. Символом варварства южан стал лагерь в Андерсонвилле, на юго-западе Джорджии. Андерсонвилльская тюрьма была устроена в начале 1864 года для заключенных, ранее взятых в плен на острове Белл-Айл на реке Джемс около Ричмонда. Близость союзных войск, постоянная угроза освобождения заключенных и перегруженность транспортной системы Виргинии, которая едва справлялась со снабжением жителей и собственной армии, не говоря уже о янки, не позволяли оборудовать тюрьму в этом штате. Огороженная частоколом тюрьма площадью 16 акров, рассчитанная на 10 тысяч заключенных, вскоре переполнилась, приняв пленных как из армии Шермана, так и с восточного фронта. Позже ее площадь увеличилась до 26 акров, на которых к августу 1864 года оказались втиснуты 33 тысячи человек — в среднем на каждого человека приходилось 34 квадратных фута. Людей донимало палящее южное солнце, никакого укрытия, кроме того, что они сами могли смастерить из веток, кусков брезента, одеял и остатков ткани, не было.

48 A General Behind Bars: Neal Dow in Libby Prison // *Civil War Prisons*. Kent (Ohio), 1962. P. 77; *Williams W. L. Again in Chains...* P. 41; *Westwood H. C. Captive Black Union Soldiers...* P. 39.

Для сравнения, в лагере в Эльмире (штат Нью-Йорк), считавшемся худшим на Севере, находилось максимум 9600 заключенных, живших в бараках. Территория лагеря составляла 40 акров, таким образом, на каждого человека приходилось 180 квадратных футов. Летом 1864 года каждый день в Андерсонвилле умирало более сотни пленных, а всего из 45 тысяч побывавших в этом лагере умерло от болезней, лишений и недостаточного питания 13 тысяч человек⁴⁹.

Андерсонвилл явил собой самый наглядный пример того, что многие на Севере считали дьявольским заговором по умерщвлению пленных янки⁵⁰. После войны федеральная военная комиссия предъявила обвинение и казнила коменданта лагеря Генри Вирца за военные преступления — единственный подобный процесс по итогам Гражданской войны. На сегодняшний день остается неясным, были ли Вирц виновен в чем-то большем, чем в своем дурном характере и неэффективном руководстве. В любом случае, он стал козлом отпущения за все грехи южан. Большое количество воспоминаний узников, не теряющих с годами своего мелодраматизма, хранили в памяти потомков все ужасы плена. В этой части историю и правда писали победители — добрых пять шестых всех мемуаров о заключении написано северянами.

В 1864 году на Севере все громче раздавались призывы отомстить пленным мятежникам, чтобы вынудить конфедератов лучше обращаться с северянами. «Принцип „око за око” порочен, — признавала *New York Times*, — но боль и страдание наших товарищей и братьев в этих ужасных тюрьмах — еще хуже. Никакое государство не может позволить, чтобы его солдаты хотя бы день провели в таких условиях, в каких наши воины находятся вот уже три года». Когда в результате специального обмена больными пленными на Север вернулись несколько живых скелетов, ксилографические копии их фотографий появились в иллюстрированных изданиях, произведя эффект разорвавшейся бомбы. Что можно ожидать от рабовладельцев, «родившихся для тирании и возвращенных для жестокостей»? —

49 Civil War Prisons. Ch. 7; Futch O. L. History of Andersonville Prison. Gainesville (Fla.), 1968.

50 Ни в одной южной тюрьме не содержалось и четверти узников Андерсонвилла (33 тысячи в августе 1864 г.). В крупнейшей северной тюрьме — Пойнт-Лукаут в южном Мэриленде — одновременно находилось 20 тысяч человек. Горькая пальма первенства здесь принадлежит лагерю в Солсбери (Северная Каролина), где умерло 34% из 10 321 заключенного (по сравнению с 29% в Андерсонвилле). На Севере самый высокий уровень смертности был зафиксирован в Эльмире — 24%.

задавалась вопросом умеренная обычно *Times*⁵¹. Комитет по ведению войны и Санитарный комитет опубликовали свои отчеты о состоянии южных тюрем, основанные на сообщениях лазутчиков и интервью с обменными или бежавшими пленниками. «Чудовищные преступления мятежников, — комментировал отчеты военный министр Стэнтон, — не могут не наполнить ужасом весь цивилизованный мир... Складывается впечатление, что на Юге выстроена варварская, людоедская система обращения с пленными». Августовская передовица одной из атлантических газет была подхвачена и растиражирована северной прессой: «В Андерсонвиллском лагере в течение одного чрезвычайно жаркого дня на прошлой неделе умерло более 300 больных и раненых янки. Мы благодарим Бога за такое благодеяние». Это было одним из тех штрихов, на основании которых северяне убеждались: «Политика Джефферсона Дэвиса — морить голодом и холодом наших заключенных, мало-помалу сводя в могилу тех, кого он не осмелился растерзать на месте... Говорят, что нам нельзя мстить, но почему?»⁵²

Военное министерство Соединенных Штатов все же нашло способ отомстить южанам. В мае 1864 года Стэнтон распорядился сократить пайки пленников до размера пайков солдат Конфедерации. В теории это ставило пленных мятежников на одну доску с узниками-янки, так как последние должны были получать такое же довольствие, как и конфедераты в действующей армии. На практике же мало кто из конфедератов получал в 1864 году официально положенный паек, стало быть, заключенным полагалось и того меньше, в то время как большинство узников-южан питались лучше, чем их товарищи на передовой. Тем не менее сокращение рациона пленников свидетельствовало об ужесточении политики Севера. В сочетании с колоссальным ростом числа пленных в 1864 году это привело к ухудшению условий содержания в северных тюрьмах, пока лишения, болезни и уровень смертности в некоторых из них не сравнялись с условиями в южных (за исключением Андерсонвилла, который выбивался из общего ряда)⁵³.

Такое положение вещей привело к усилению требований возобновить практику обменов. Многие заключенные Андерсонвилла и других тюрем подписывали петиции в адрес Линкольна, где про-

51 Цит. по: *Civil War Prisons*. P. 194, 195.

52 O. R. Ser. II. Vol. 7. P. 110; *Hoehling A. A. Last Train from Atlanta*. NY, 1958. P. 330; *Carter S. The Siege of Atlanta, 1864*. NY, 1973. P. 296; *Strong G. T. Diary*. P. 494.

53 O. R. Ser. II. Vol. 7. P. 150—151; *Civil War Prisons*. P. 172—209.

сили об этом, и даже власти Конфедерации пропускали делегации заключенных с этими петициями в Вашингтон. Из этой затеи, однако, ничего не вышло. Лето шло, и дневники узников Андерсонвилла становились все печальнее: «О чем думает правительство, позволяя солдатам гнить здесь?.. Может ли правительство существовать и наблюдать за тем, как мы постепенно умираем здесь?.. Я не верю, что наши правители способны вести себя столь подло по отношению к нам... Мы теряем веру в старину Эйба»⁵⁴. В сентябре 1864 года представитель делегации священников и врачей умолял Линкольна: «Ради всего святого, вмешайтесь!.. Мы знаем, что, если вы обратите внимание на эту проблему, вы сможете возобновить обмены. Игнорировать ее преступно». Местные республиканские лидеры предупреждали, что многие убежденные сторонники Союза «будут голосовать против президента, так как, по их мнению, сострадание к нескольким неграм, кстати также пленным, является истинной причиной отказа [от обменов]»⁵⁵.

Линкольн действительно мог бы возобновить обмены, если бы предпочел забыть о бывших рабах, однако он не хотел поступиться этим принципом, так же как не хотел и отказываться от освобождения рабов как от условия мирных переговоров. 27 августа Бенджамин Батлер, назначенный особым агентом по обменам, прояснил позицию администрации в длинном письме на имя уполномоченного Конфедерации; письмо это широко освещалось в прессе. Правительство Соединенных Штатов готово возобновить практику обменов, писал Батлер, если правительство Конфедерации согласится обменивать все категории пленных. «Несправедливости и лишения, испытываемые нашими солдатами, — писал Батлер, бывший искусным в риторике, — вынуждают меня пойти на любой шаг, чтобы инициировать их обмен, кроме торговли честью и справедливостью правительства Соединенных Штатов, торжественно взявшего на себя обязательства перед его цветными солдатами. Сообразно нашим убеждениям и справедливости мы не можем отказаться от такой позиции»⁵⁶.

Генерал Грант частным образом сформулировал и другой аргумент против обменов: они скорее усиливали врага, чем собственную армию. «Тяжело сознавать, что мы не обмениваем наших товарищей,

54 Futch O. L. History of Andersonville Prison. P. 43.

55 O. R. Ser. II. Vol. 7. P. 767—768, 787, 816.

56 O. R. Ser. II. Vol. 7. P. 687—691. Это письмо было опубликовано в *New York Times* 6 сентября 1864 г. и напечатано правительством в виде листовки массовым тиражом.

томящихся в тюрьмах южан, — говорил он в августе 1864 года, — но это было бы негуманно по отношению к тем, кто сейчас сражается в наших рядах». Большинство обменных южан, «здоровых, крепких и откормленных», какими сделали их федералы, стали бы «активными участниками сражений» с ними, тогда как «полуголодные, больные и изнуренные» узники-северяне никогда не смогут снова встать в строй. «Мы должны вести войну до полного истощения человеческих ресурсов Юга, а если мы начнем отпускать или обменивать пленников, то война превратится в войну на уничтожение»⁵⁷.

Немало историков (в основном уроженцев южных штатов) указывают на замечания Гранта как на истинную причину отказа северян от обменов. Забота о правах чернокожих солдат здесь, по их словам, присутствовала лишь для отвода глаз. Соответственно, ответственность за ужасы Андерсонвилла и страдания пленных с обеих сторон лежит на избранной северянами тактике войны на истощение противника⁵⁸. Такая точка зрения является несостоятельной. Грант выразил свое мнение больше чем через год после того, как картель об обмене перестал действовать из-за проблемы пленных негров. Кроме того, Грант не приказывал прекратить обмены с целью истощения сил врага, и все свидетельствует в пользу того, что, если бы конфедераты согласились с предложенным Севером решением вопроса о бывших рабах, обмены бы возобновились. В октябре 1864 года генерал Ли предложил неофициальный обмен пленными после недавних сражений на линии Питерсберг — Ричмонд. Грант согласился, выдвинув условие, чтобы черные были освобождены «так же, как и белые». Если бы генералы достигли соглашения, это могло бы стать прецедентом для выхода из тупика, вследствие которого более сотни тысяч военнопленных томились в лагерях. Но Ли ответил: «Негры, принадлежащие нашим гражданам, не могут служить предметом обмена и не подразумевались в моем предложении». После этого Грант прекратил переписку словами, что так как его «правительство связано обещанием предоставить права всем сражающимся за него солдатам», то отказ Ли даровать такие права бывшим рабам вынуждает Гранта «отклонить предложение об обмене»⁵⁹.

57 O. R. Ser. II. Vol. 7. P. 607, 615, 691.

58 См.: Civil War Prisons; Foote S. Civil War. III. P. 131. Эту точку зрения разделяли не только южане; ее также придерживался, например, и Джеймс Форд Роудс: Rhodes J. F. History of the United States from the Compromise of 1850... 7 vols. NY, 1920. V. P. 499.

59 O. R. Ser. II. Vol. 7. P. 906—907, 909, 914.

В январе 1865 года мятежники наконец сдались и предложили обменять «всех» пленных. Надеясь вскоре начать набор чернокожих в свою армию, Дэвис и Ли внезапно сочли политику янки не такой уж варварской. Соглашение об обменах было возобновлено, и в течение трех месяцев на свободу выходило по несколько тысяч военнопленных в неделю, пока Аппоматокс не освободил всех⁶⁰.

Очень немногие историки рискнут утверждать, что Конфедерация намеренно обращалась с пленными хуже, чем с животными. Скорее, стоит согласиться с мнением современников (причем, как южан, так и северян), что все дело было в нехватке ресурсов и серьезном ухудшении экономического положения Конфедерации. Южане не могли обеспечить пропитанием собственную армию и гражданское население, что уж тут говорить о пленных врагах! Конфедерация не могла снабдить палатками военных — как она могла предоставить их заключенным? Низкое качество кадров в администрации лагерей, отсутствие четкого планирования и эффективности также влияли на бедственное положение узников. Конфедераты, ожидавшие скорого возобновления обменов, не строили никаких долговременных планов. Ситуация в Андерсонвилле была обусловлена недостатком ресурсов и недальновидностью. Хотя на Юге было достаточно хлопка, там отсутствовала промышленность, способная превратить этот хлопок в брезент для палаток. На Юге было достаточно дерева для постройки барачков, но не хватало гвоздей, и никто в Андерсонвилле не озаботился заказать их в достаточном количестве. В этой части Джорджии было немного лесопилок, а те, что были, день и ночь работали для нужд железных дорог, где северяне жгли шпалы и подвижной состав. Пленники могли бы рубить себе хижинки из сосен, в изобилии росших вокруг Андерсонвилла, но никто не подумал о топорах, а пожилые мужчины и подростки, охранявшие заключенных, не смогли бы предотвратить побеги во время ломки сучьев вручную.

Таким образом, пленники жарились на солнце и мокли под дождем. Пленные федералы в других лагерях также страдали от отсутствия крыши над головой, в отличие от северных тюрем, в каждой из которых были сооружены бараки (за исключением Пойнт-Лукаута в Мэриленде, где стояли палатки). В ходе войны многие южане высказывали возмущение по этому поводу. Описывая условия содержания в лагере Флоренс, одна жительница Южной Каролины говорила губернатору штата: «Если такое положение вещей сохранится, то

60 Ibid. Vol. 8. P. 98, 123, 504; Civil War Prisons. P. 229—232.

о нас будут думать как о дикарях... Не стоит считать, что у меня какое-то сочувствие к янки, вовсе нет... но мое сердце еще не настолько очерствело, чтобы я, зная о страданиях людей, не пыталась ничего предпринять, хотя бы и ради янки». Молодая женщина из Джорджии выражала те же чувства после посещения Андерсонвилла: «Я боюсь, что Господь пошлет нам возмездие за то, что мы допускаем столь ужасные вещи. Если янки когда-нибудь дойдут до юго-западного края Джорджии... и увидят могилы, то спаси Бог нас и нашу землю!»⁶¹

«Но в самом деле что мы можем сделать? — спрашивала она себя дальше. — Сами янки виноваты больше нас за то, что они не обменивают этих пленных, в то время как бедная, стонущая под их ударами Конфедерация не может содержать их, когда наши солдаты голодают на передовой». После войны в среде южан возобладал тон самооправдания. «Чья вина в том, что обмены пленными не состоялись?» — спрашивал бывший стражник из Андерсонвилла. В любом случае, продолжал он, «в Андерсонвилле было не хуже, чем в северных лагерях. Жуткие условия были в Андерсонвилле, но такие же были и на острове Джонсон, и в других местах». В своих мемуарах Джефферсон Дэвис и Александр Стивенс утверждали, что уровень смертности в южных тюрьмах в действительности был ниже, чем на Севере, и ответственность за «все человеческие жертвы, — заявлял Стивенс, — целиком и полностью лежит на Вашингтоне», который отказался обменивать пленных⁶². Власти Джорджии соорудили близ Андерсонвилла две мемориальные доски, гласящие, что причиной этой драмы стала нехватка материальных ресурсов во время войны, поэтому в произошедшем никто не виноват, и что «смертность среди стражников была столь же высокой, что и среди узников». В 1909 году «Объединенные дочери Конфедерации» поставили памятник Генри Вирцу (до сих пор существующий в деревне Андерсонвилл), заявив, что этот «герой-мученик» был «убит по приговору суда» янки, чей главнокомандующий препятствовал обмену военнопленных.

Защитники южан зашли слишком далеко. Читатели данной книги, конечно же, составят собственное мнение о том, на ком лежит ответственность за прекращение практики обменов. Что же касается

61 O.R. Ser. II. Vol. 7. P. 976; Andrews E. F. The War-Time Journal of a Georgia Girl, 1864—1865. NY, 1908. P. 78—79.

62 Jones J. D. Recollections of a Young Confederate Officer // Andersonville. P. 1; Davis J. The Rise and Fall of the Confederate Government. 2 vols. NY, 1881. II. P. 607; Stephens A. H. A Constitutional View of the Late War Between the States. 2 vols. Chicago, 1868—1870. II. P. 507—509.

сравнения Андерсонвилла и острова Джонсон, то уровень смертности пленных южан на последнем составил всего 2%, тогда как в Андерсонвилле — 29%, и смертность среди узников Андерсонвилла была в действительности в 5—6 раз выше, чем у их охранников⁶³. Из-за утери или уничтожения многих записей точное число погибших в лагерях северян установить невозможно. Наиболее вероятная приближенная оценка — 30 218 (15,5%) из 194 743 северян умерли в южных тюрьмах и 25 976 (12%) из 214 865 южан умерли в северных. Количество северян здесь, безусловно, занижено⁶⁴. В любом случае, обращением с заключенными во время Гражданской войны не может гордиться ни одна из сторон.

IV

В конечном счете, положение военнопленных не сыграло большой роли в итогах президентских выборов. Основной проблемой была сама война и то, как она должна закончиться. В этом вопросе республиканцам удалось получить патент на решение задачи путем победы на фронте. Даже Макклеллану не удалось отмежеваться от сторонников мира. Большинство конфедератов видели в кандидатуре генерала именно такого человека, несмотря на его воинственный меморандум. Агент южан Клемент Клэй выражал из Канады обеспокоенность этим письмом, однако пришел к выводу, что «программа демократов однозначно высказывается за мир». «Макклеллан будет находиться под контролем истинных приверженцев мира... В любом случае, он является сторонником прекращения огня и начала переговоров... Перемирие неизбежно приведет к заключению мира, а затем войну уже не начать, прервав ее хотя бы на короткое время». В случае избрания Макклеллана, предсказывал чиновник военного министерства в Ричмонде, «будет обретен мир и независимость»⁶⁵.

Уставшие от войны солдаты Конфедерации мечтали о победе Макклеллана и о мире. «Враг больше всего обеспокоен тем, чтобы продержаться до президентских выборов, — сообщал из-под Питерсберга Грант. — В расположение наших войск ежедневно

63 Downer E. T. Johnson's Island // Civil War Prisons. P. 105; Futch O. L. History of Andersonville Prison. P. 106—107.

64 Rhodes J. F. History... V. P. 507—508. В апреле и осенью 1864 г. был произведен обмен нескольких тысяч больных заключенных. Сотни этих пленников умерли вскоре после обмена, но они не включаются в список погибших узников.

65 O. R. Ser. IV. Vol. 3. P. 637—638; Jones J. War Clerk's Diary (Swiggett). II. P. 285.

бегут дезертиры, которые говорят, что почти всем солдатам надоело воевать, и дезертирство увеличилось бы во много раз, если бы не вера в заключение мира после осенних выборов»⁶⁶. Подобные настроения провоцировали противоположные чувства у северян. Хотя, по словам генерала другой союзной армии, «многие высшие офицеры» Потомакской армии по-прежнему были сторонниками Макклеллана, большинство простых солдат больше не поддерживали своего бывшего командующего. «Солдаты не столько против него самого, сколько против тех, с кем он идет под одним флагом, — писал один фронтовик. — Много солдат готовы голосовать за Макклеллана, но они не переваривают Валландигэма». Триумф демократов будет означать «бесславный, постыдный мир, покорность ярму южан», заявил офицер «Железной бригады». «Я скорее останусь в окопах всю жизнь (хотя я бы совсем не хотел этого), — писал другой солдат, бывший демократ, — чем соглашусь на разделение страны... Все мы хотим мира, но не *абы* какого, а почетного для нас»⁶⁷.

Многие солдаты Союза получили возможность выразить свое мнение с помощью бюллетеня. Это был смелый демократический эксперимент: сражающиеся люди получали на своеобразном референдуме право голосовать за то, желают ли они продолжать сражаться. Но, по словам Гранта, «они — американские граждане, и имеют такое же право голосовать, как и те, кто остался дома, да, пожалуй, даже большее, так как они больше отдали родине»⁶⁸. К 1864 году девятнадцать штатов гарантировали своим полкам участие в голосовании. Из оставшихся штатов самыми важными были Индиана, Иллинойс и Нью-Джерси, где контролируемые демократами legislatures заблокировали это предложение. Хотя этот шаг сопровождали обвинения в «проконсульском праве» и «цезаризме», истинной причиной было понимание демократами того факта, что подавляющая часть армии настроена прореспубликански или, на худой конец, «просоюзно» (в 1864 году Республиканская партия называла себя Союзной).

Двенадцать штатов, разрешивших заочное голосование, вели отдельный счет для голосовавших в армии: Линкольн получил 78% голосов военных (119 754 против 34 291 за Макклеллана) и 53% голосов гражданских лиц этих штатов. В остальных семи штатах большинство солдат также голосовали за республиканцев, и, вероятнее всего, в та-

66 Catton B. Grant Takes Command. Boston, 1969. P. 355; O. R. Ser. III. Vol. 4. P. 713.

67 Catton B. Stillness at Appomattox. P. 303, 324, 323; Barlow Papers. Henry E. Huntington Library.

68 O. R. Ser. I. Vol. 42, pt. 2. P. 1045—1046.

кой же пропорции. Из штатов, не разрешивших заочное голосование, конкуренция была наиболее острой (и важной) в Индиане. Будучи верховным главнокомандующим, Линкольн мог вмешаться в события в этом штате и поддался искушению так поступить. «Потеря [Иниданы] для нашего государства, — писал он генералу Шерману в Атланту, — подвергнет серьезному риску дело Союза», поэтому президент был бы доволен, если бы генерал нашел возможность предоставить отпуск как можно большему числу солдат из этого штата для участия в голосовании⁶⁹. И несколько тысяч солдат из Индианы отправились домой на избирательные участки. Военное министерство также прочесало лазареты в поисках выздоравливавших солдат из Индианы, способных передвигаться. Некоторые солдаты Массачусетского полка, временно расквартированного в Индиане, скорее всего тоже внесли свою лепту в копилку республиканцев в этом штате⁷⁰.

Ни в одном из штатов с отдельными списками солдатского голосования оно не изменило общей картины президентских выборов — Линкольн в любом случае должен был победить во всех этих штатах, кроме Кентукки. Но в двух «проблемных» штатах, где голоса солдат учитывались вместе с прочими, возможно, именно они обеспечили ему победу. «Синие мундиры» также решили исход голосования в некоторых избирательных округах по выборам в Конгресс, а голоса солдат из Мэриленда, высказавшихся за поправку к конституции штата, отменяющую в нем рабство, компенсировали голосование гражданских лиц, незначительным большинством проголосовавших против нее.

Набранное Линкольном большинство голосов избирателей трансформировалось и в большинство выборщиков: 212 против 21. Президент победил во всех штатах, кроме Кентукки, Делавэра и Нью-Джерси; Республиканская партия также получила губернаторские

69 CWL. VIII. P. 11.

70 В некоторых случаях демократы выдвигали обвинения в подтасовке результатов и запугивании избирателей в ходе армейского голосования. Хотя нечестная игра, безусловно, случалась, выгоды, полученные от нее обеими партиями, нивелируют друг друга. Самая наглядная подтасовка была допущена уполномоченными демократов, посланными получить голоса солдат от Нью-Йорка. Два уполномоченных были впоследствии обвинены (один дал признательные показания) в фальсификации в пользу Макклеллана. Голосование солдат в 1864 г. было честным и справедливым в той же мере, как и любые выборы в XIX в., поэтому большинство, полученное Линкольном, вероятнее всего, отражало настроения в армии. Военное министерство действительно делало со своей стороны все, чтобы склонить отпускников голосовать за республиканцев. Лучшие исследования этого вопроса: Winther O. O. *The Soldier Vote in the Election of 1864* // *New York History*. 1944. 25. P. 440—458; Benton J. H. *Voting in the Field: A Forgotten Chapter of the Civil War*. Boston, 1915.

посты и контроль над легислатурами во всех штатах, кроме перечисленных. Следующий Конгресс должен был стать на три четверти республиканским. Сходство между голосованием за «Союзную» партию в 1864-м и Республиканскую — в 1860 году было значительным. Линкольн получил почти те же 55% в тех же регионах и избирательных округах тех же штатов, что и четыре года назад. Республиканцы продолжали находить поддержку в основном в среде фермеров-протестантов, квалифицированных рабочих и «белых воротничков» из Новой Англии и прилегающих к ней районов Верхнего Севера. Позиции демократов оставались сильны среди неквалифицированных рабочих, иммигрантов-католиков и «серых», живших в южных районах Среднего Запада. В качестве «Союзной» партии республиканцы по сравнению с 1860 годом расширили свою базу за счет пограничных штатов (включая Западную Виргинию), где они набрали 54% голосов (и всего 9% четыре года назад), и городского среднего класса, а также процветающих фермеров, не использовавших рабский труд. Оплотом демократов оставались рабовладельцы, иммигранты и беднейшие фермеры.

Современники расценивали выборы 1864 года как триумф политики Линкольна по принуждению Юга к безоговорочной капитуляции. «Я поражен, — писал американский корреспондент *London Daily News*, — степенью и глубиной их решимости... сражаться до последнего... [Северяне] настроены очень серьезно; такого молчаливого, спокойного, но решительного устремления мир еще никогда не видел»⁷¹.

Однако Джефферсон Дэвис также был настроен очень решительно. Он никогда не разделял надежд своих сограждан на избрание Макклеллана и мирные переговоры. «Мы сражаемся за само наше существование, и только на поле боя мы можем завоевать независимость», — говорил Дэвис перед публикой во время своего «ободряющего» турне по Нижнему Югу после падения Атланты. «[Конфедерация остается столь же] стойкой и непокорной, как и раньше, — сообщил он Конгрессу в ноябре. — Не изменились ни намерения правительства, ни упорство наших доблестных войск, ни неукротимый дух нашего народа»⁷². Именно с целью укрощения духа южан Шерман и собирався предпринять марш от Атланты к морю.

71 Цит. по: Nevins A. War... IV. P. 141.

72 Nelson L. E. Bullets, Ballots, and Rhetoric... P. 132; Davis. VI. P. 386.

27.

«Южная Каролина должна быть разрушена»

I

После падения Атланты Теннессийская армия Джона Худа и не думала тихо разбежаться по лесам. Наоборот, воодушевленный визитом Джефферсона Дэвиса, полный энергии Худ планировал обойти арьергард Шермана, перерезать железную дорогу, снабжавшую его припасами из Чаттанути, и спокойно добить фрагменты голодающей армии северян. Между тем Форрест вернулся к своему привычному занятию — уничтожению железных дорог федералов и складов в Теннесси. Президент Дэвис говорил восторженным толпам в Джорджии и Северной Каролине, чего им ожидать: «Я не вижу для Шермана иного выхода, кроме поражения или бесславного отступления, — заявил он через месяц после падения Атланты. — Он повторит судьбу французской императорской армии во время ее отступления от Москвы. Наша кавалерия и наш народ будут преследовать его армию и уничтожат ее, как казаки сделали с войсками Наполеона, и генерал Шерман сбежит, как и корсиканец, в сопровождении лишь одного телохранителя... [После этого] мы войдем в Теннесси, [где] привлечем от 20 до 30 тысяч под наши знамена и... отбросим врага назад к берегам Огайо, что обеспечит партии мира на Севере такой приток приверженцев, какой не сможет дать ни одна газетная передовица»¹.

1 — Davis. VI. P. 341—342, 353, 358.

Эти блестящие перспективы были сравнимы с дуновением свежего ветра в поникшие стяги южан, но, когда с речами Дэвиса ознакомился Грант, он только съязвил: «А кто подвезет снег для „отступления из Москвы“?»² Ответ был остроумным, но тылы Шермана и вправду были уязвимы для операций врага. Добившись одной из своих целей — взятия Атланты, он не достиг другой — уничтожения армии Худа. 40 тысяч уставших, но воинственно настроенных мятежников весь октябрь двигались вдоль железной дороги к Чаттануге, нападая на подворачивавшиеся под руку соединения северян. Шерман оставил один из корпусов в Атланте и отправился на поиски Худа во главе остальных сил. В ходе перестрелок и локальных сражений янки прошли через разоренные ими же четыре месяца назад земли и, оттеснив «серые мундиры» Худа в Алабаму, отремонтировали железную дорогу.

Шермана стал раздражать подобный метод ведения войны. Продолжать погоню за Худом значило плясать под дудку мятежников. «Физически невозможно защитить все [железные] дороги сейчас, когда Худ, Форрест, Уилер и прочие разбойники с большой дороги рыщут по округе. Пытаясь удерживать дороги, мы потеряем тысячи людей, а результат будет нулевым», — объяснял Гранту Шерман. Вместо этого он предлагал не обращать внимания на Худа и направиться через центральную часть Джорджии к побережью. «Я бы мог прорубить дорогу к океану, — уверял он Гранта, — разделить территорию Конфедерации на две части и выйти Ли в тыл»³. Поначалу Линкольн, Хэллек и даже сам Грант сопротивлялись этому плану — оставить армию Худа у себя в тылу, оторвавшись от баз снабжения и находясь в самом сердце врага, казалось вдвойне рискованным. Но Шерман намеревался оставить в Теннесси Джорджа Томаса с 60-тысячной армией, что было более чем достаточно для отражения любых попыток врага, а сам во главе 62 тысяч проверенных бойцов отправился бы во внутренние районы Джорджии, где было вдоволь продовольствия. «Если я сейчас поверну назад, пропадет весь эффект от моей кампании, — настаивал генерал, — [но если я] двинусь через Джорджию, сметая в море все на своем пути... то вместо обороны я перейду в наступление». К тому же психологический эффект от такой кампании может быть действеннее материального ущерба. «Если наша хорошо вооруженная армия пройдет через

2 Porter H. Campaigning with Grant. NY, 1897. P. 313.

3 O. R. Ser. I. Vol. 39, pt. 32. P. 162; Porter H. Op. cit. P. 292—293.

вотчину Джефферсона Дэвиса, мы продемонстрируем всем дома и за рубежом, что представляем собой такую силу, противиться которой Дэвис не может... Я могу осуществить такой марш, и я заставлю Джорджию стонать от боли!»⁴

Шерману удалось убедить Гранта, а тому, в свою очередь, скептически настроенного Линкольна. Шерман вернулся в Атланту и готовился выступить уже через неделю после президентских выборов. Подобно Линкольтну, он придерживался убеждения, что добрая ссора лучше худого мира. «Война — это жестокость, и вы не можете облагородить ее, — сказал Шерман мэру Атланты, после того как приказал гражданскому населению покинуть оккупированный город. — Когда настанет мир, вы можете просить у меня все, что угодно. Тогда я сам отдам вам последнюю рубашку... [А пока] мы не только представляем враждующие армии, но и враждующие народы и должны заставить богачей и бедняков, всех, от мала до велика, понять, насколько жестока война». Союзные армии должны вывести из строя все ресурсы Конфедерации, ее заводы, железные дороги, фермы; сама ее воля к сопротивлению должна быть сломлена. «Мы не можем изменить души жителей Юга, но мы можем вести войну с такой жестокостью, что они возненавидят ее и пройдут целые поколения, прежде чем они захотят вновь к ней прибегнуть»⁵.

Солдаты Шермана разделяли философию «тотальной войны» своего лидера. Действуя в соответствии с ней, они сожгли все военные объекты (в широком их понимании), оставленные Худом в Атланте, и отправились в поход 15 ноября. По мере выдвижения Шермана на юг Худ готовился пойти на север из Алабамы в Теннесси — обе армии представляли собой странное зрелище, развернувшись друг от друга и маршируя в противоположные стороны. Время показало, что в безумном поступке Шермана было больше логики, чем у Худа.

Между армией Шермана и Саванной, находившейся в 285 милях от нее, не было вражеских войск за исключением нескольких тысяч ополченцев из Джорджии и 3,5-тысячного кавалерийского отряда Джозефа Уилера. Союзная кавалерия держала оппонентов поодаль, маневрируя вдоль флангов четырех пехотных корпусов, шедших фронтом, колебавшимся от 25 до 60 миль в ширину. 22 ноября

4 Foote S. Civil War. III. P. 613; O. R. Ser. I. Vol. 39, pt. 3. P. 161, 202, 595, 660.

5 Sherman W. T. Memoirs. 2 vols. NY, 1886. II. P. 126—127; Davis B. Sherman's March. NY, 1980. P. 109; Walters J. B. General William T. Sherman and Total War // JSH. 1948. 14. P. 463, 470.

ополченцы атаковали бригаду арьергарда федералов, но, потеряв 600 человек (в десять раз больше, чем янки), впредь не пускались в такие авантюры. Южане разрушали мосты, сжигали продовольствие, валили деревья и минировали дороги на пути янки, но все это только разжигало у северян жажду мести. В общем, ничто не могло остановить уверенную поступь «синих мундиров», покрывавших дюжину миль в день. Для большинства солдат поход превратился в развлекательное путешествие по стране, в течение которой они «безнаказанно грабили» и уничтожали все, что хотя бы относительно напоминало военные объекты и что они не могли прихватить с собой. «Пожалуй, это самая долгая увеселительная прогулка на моей памяти, — писал один офицер всего на второй день выхода из Атланты. — Она уже превзошла все, что я видел в свою бытность в армии, и обещает стать еще веселее»⁶.

Так и произошло. Фуражиры северян, вскоре прозванные «паразитами» (*bummers*), бродили по населенным пунктам и собирали гораздо больше, чем было необходимо их полкам. Дисциплина в войсках хромала, поэтому солдаты брали то, что плохо лежало, на фермах, плантациях, даже в хижинах рабов. Мародерство армии Шермана вошло в легенду, и, как в каждой легенде, дыма без огня не было. Впрочем, не все мародеры были янки: на флангах и в арьергарде армии подвизались юнионисты из Джорджии и освобожденные рабы, не упускавшие шанса ограбить своих соседей и бывших хозяев. Пожалуй, еще отвратительнее вели себя дезертиры и отставшие солдаты из кавалерии Уилера. Южные газеты жаловались на «гибельное беззаконие» людей Уилера. «Я не думаю, что наши собственные войска в чем-либо уступают янки, — говорил один из конфедератов. — Они беззастенчиво крадут и грабят, не смотря, мужчины перед ними или женщины»⁷.

Тем не менее наибольшее опустошение произвели все же солдаты Шермана, которые, по словам одного из них, «уничтожали все, что не могли съесть, крали их черномазых, сжигали их хлопок и очистительные машины, рассыпали их сорго, разрушали железные дороги и вообще превратили их жизнь в ад». Ситуация обострилась еще больше после инцидента в Милледжвилле — столице штата. Пиршество солдат, отмечавших День благодарения, было прерва-

6 *Davis B. Sherman's March*. P. 42.

7 *Charleston Courier*. 1865. Jan. 10; *My Dear Nellie: The Civil War Letters of William L. Nugent to Eleanor Smith Nugent*. Jackson (Miss.), 1977. P. 211.

но появлением нескольких северян, бежавших из Андерсонвилла. Со впадшими щекнами, изнуренные до крайности, одетые в жалкие лохмотья, эти люди рыдали при виде пищи и американского флага. Это зрелище «наполнило отвращением и яростью» солдат, которые думали «о десятках тысяч своих товарищей, медленно погибающих от голода посреди... амбаров, ломящихся от зерна, и гор продовольствия, которого было достаточно, чтобы прокормить десяток армий»⁸.

Родившийся в Алабаме майор штаба Шермана осуждал вандализм мародеров, но признавал, что грабежи и разрушение военных объектов, призванное подорвать боевой дух и способность врага вести войну, отделяет очень тонкая грань. «Грабить и разорять тысячи мирных жителей — ужасно, — писал майор в своем дневнике. — Хотя я осуждаю эту необходимость и мне невыносимо видеть, как солдаты гурьбой бродят по полям и огородам... *ничто не может закончить эту войну, кроме демонстрации беззащитности населения...* Этот Союз и это правительство нужно поддержать любой ценой, а чтобы их поддержать, мы должны уничтожать организованные соединения мятежников, лишать их припасов, разрушать их коммуникации [и] непреклонно убеждать население Джорджии в несчастьях, которые приносит война, и в полной неспособности их „вождей“, властей штата или Конфедерации, защитить их... Если ужас, лишения и нужда, испытываемые женщинами, помогут парализовать волю сражающихся против нас мужчин... тогда, в конце концов, мы окажем им добрую услугу»⁹.

Когда в середине декабря янки приблизились к Саванне, защищавшие ее 10 тысяч мятежников решили, что осмотрительность — лучший вид храбрости, и спаслись бегством, чтобы не попасть в ловушку в городе. Шерман послал телеграмму Линкольну в своем обычном шутиливом тоне: «В качестве рождественского подарка прошу вас принять город Саванну со 150 тяжелыми орудиями и... 25 тысячами кип хлопка». Президент «выразил огромную благодарность» Шерману и его армии за «великий успех», особенно «принимая во внимание и действия генерала Томаса», которые заставили «сидящих во тьме увидеть свет великий» (Мф. 4:16)¹⁰.

8 Catton B. Never Call Retreat. NY, 1967. P. 395; Lewis L. Sherman: Fighting Prophet. NY, 1932. P. 448.

9 Marching with Sherman: Passages from the Letters and Campaign Diaries of Henry Hitchcock. New Haven, 1927. P. 82, 125, 168.

10 O. R. Ser. I. Vol. 44. P. 783; CWL. VIII. P. 181—182.

Томасу действительно удалось сравняться в успехе с Шерманом — он практически уничтожил Теннессийскую армию Худа. Действия Худа, после того как Шерман покинул Атланту, могли бы стать сценарием фантастического романа. Хотя его сорока тысячам, четверть из которых носила полусгнившие ботинки, которым не суждено было дожить до декабря, противостояли шестьдесят с лишним тысяч северян Томаса, Худ надеялся пройти через Теннесси в Кентукки, набрать там 20 тысяч добровольцев и разбить Томаса. Затем его воображение рисовало поход на восток, в Виргинию, где он должен был соединиться с армией Ли и по очереди разбить Гранта и Шермана.

Начиналось все хорошо. Двинувшись в Теннесси в последнюю неделю ноября, Худ попытался вклиниться между авангардом Томаса (30 тысяч под командованием Джона Шофилда) в Пьюласки и оставшейся армией, находившейся в Нашвилле, в 75 милях к северу. Шофилд вовремя обнаружил этот маневр и отошел к реке Дак и городу Колумбия, где Худ с 24 по 27 ноября вступал в стычки с его войсками. Не желая рисковать в лобовой атаке, Худ послал кавалерию Форреста и два пехотных корпуса в глубокий фланговый обход тыла Шофилда, надеясь получить «великолепные результаты, как и бессмертный Джексон при подобных маневрах»¹¹. Однако союзная конница разгадала этот маневр, и Шофилд выдвинул в район деревни Спринг-Хилл две дивизии, чтобы удержать дорогу, проходящую у него в тылу. Нескоординированным атакам мятежников не удалось выбить янки с этой позиции, и с этих пор для Худа все пошло не так, как он рассчитывал.

Ночью с 29 на 30 ноября Шофилд отвел свои войска назад и укрепился на линии, включавшей переправы через Харпет-Ривер у Франклина в 15 милях южнее Нашвилла. Рассерженный Худ обвинял в неудаче у Спринг-Хилла своих подчиненных и даже своего предшественника Джозефа Джонстона. Приняв армию четыре месяца назад, Худ не переставал жаловаться на ее оборонительный менталитет, привитый, как он полагал, еще Джонстоном. 30 ноября он последовал за Шофилдом к Франклину и приказал пехоте атаковать укрепленную позицию, словно пытаясь вытравить из нее робость перед активными действиями. Командиры корпусов протестовали против этого приказа атаковать равного по силам не-

11 Hood J. B. *Advance and Retreat: Personal Experiences in the United State and Confederate State Armies*. New Orleans, 1880. P. 283.

приятеля, сидящего в окопах и поддержанного большим количеством артиллерии, тогда как почти вся артиллерия и часть пехоты южан находились далеко в тылу и не успели бы прибыть вовремя в течение короткого ноябрьского дня. Их протесты только лишний раз убедили Худа в плачевном состоянии боевого духа его армии и преисполнили его решимостью атаковать. Он прорывал оборону врага при Гейнс-Милл и Чикамоге, ничто не помешает ему прорвать ее и сейчас.

В неверном солнечном свете этого еще теплого дня 22 тысячи южан бросились на штурм. Части закаленной в боях дивизии Патрика Клеберна и еще одной дивизии кое-где прорвали линию обороны северян, но были отброшены с тяжелыми потерями в результате рукопашной схватки, столь же бескомпромиссной, сколь и знаменитая битва при «Кровавом выступе» Спотсильвании. Стрельба продолжалась еще несколько часов после наступления темноты, пока, наконец, «синие мундиры» не отошли на север к Нашвиллу. Однако Худ вряд ли мог считать себя победителем, так как 7000 убитых и раненых южан втрое превышали потери противника. Он потерял под Франклином больше, чем Грант при Колд-Харборе или Макклеллан во время всей Семидневной битвы. Под Франклином пострадали двенадцать генералов Конфедерации, шесть из них были убиты, включая Клеберна и «пламенного оратора» из Южной Каролины по имени Стэйтс Райтс (Права Штатов) Гист. Убиты или ранены были 54 полковых командира — половина их общего количества. Доказав, к вящему удовлетворению Худа, свою способность штурмовать брустверы, Теннессийская армия навсегда лишилась возможности повторить такой штурм. Общественное мнение на Юге пришло в ужас, получив из Франклина вести о «колоссальных потерях и нулевых результатах»¹².

Отсутствие результатов бесило и Худа, поэтому он повел своих измученных солдат на север к Нашвиллу, где они окопались вдоль холмов всего в четырех милях к югу от столицы Теннесси. Худ в это время оптимистично ждал благоприятного для него поворота событий, в частности прихода резервов из-за Миссисипи, однако флот северян на реке воспрепятствовал этому. Опасаясь, что отход в Алабаму вызовет повальное дезертирство теннессийских солдат,

12 Цит. по: Inside the Confederate Government: The Diary of Robert Garlick Hill Kean. NY, 1957. P. 181. Недавнее скрупулезное исследование битвы при Франклине см.: McDonough L., Connelly Th. L. Five Tragic Hours: The Battle of Franklin. Knoxville, 1983.

Худ остановился здесь и стал ждать атак Томаса. Этому же ждал и нетерпеливый генерал Грант. Не зная о плачевном состоянии армии Худа и не владея оперативной обстановкой, вожди северян боялись, что этот новый набег южан, подобно рейду Джубала Эрли прошлым летом, перечеркнет все недавние успехи союзных войск. Пока Томас методично готовился к наступлению, Стэнтон ворчал, что «это напоминает ничегонеделание Макклеллана и Роузкранса»¹³. Грант забрасывал Томаса телеграммами, повелевавшими действовать, и даже сам собрался выехать под Нашвилл, чтобы отстранить медлительного подчиненного от командования, когда до него дошли вести о том, что Томас наконец двинулся вперед.

Начавшуюся тогда схватку можно смело назвать своего рода прообразом второго поединка Джо Луиса с Максом Шмелингом¹⁴, и закончилась она ошеломляющим нокаутом. Аналогия тем точнее, что план Томаса предусматривал маневр одной дивизии (включавшей две негритянские бригады) против правого фланга Худа (левый джеб), а три пехотных корпуса и кавалерия нанесли зубодробительный апперкот по его левому флангу. Все прошло как по маслу, хотя и заняло целых два зимних дня. 15 декабря в рассеивавшемся тумане 50 тысяч «синих мундиров» набросились на вдвое уступавшего им в численности противника (большая часть кавалерии Форреста находилась в тридцати милях от места событий, выслеживая небольшой федеральный отряд у Мерфрисборо). Весь день мятежники из последних сил отбивались от обманных ударов слева и сокрушительных — справа. С наступлением темноты удары слева ослабли, что позволило Худу отвести свою армию на две мили назад и занять новую оборонительную линию, обоими концами упиравшуюся в холмы.

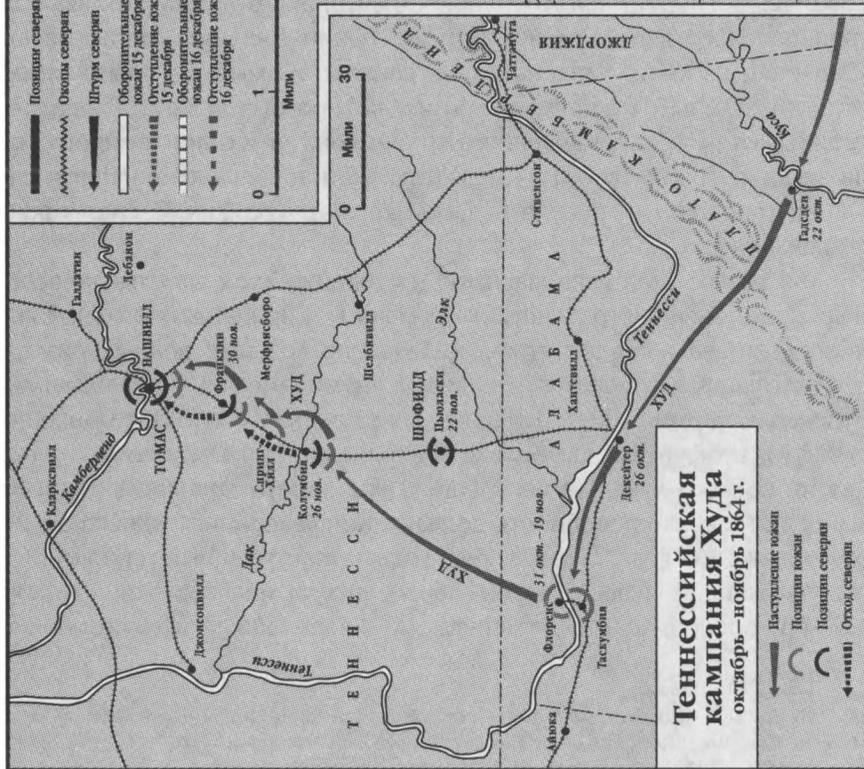
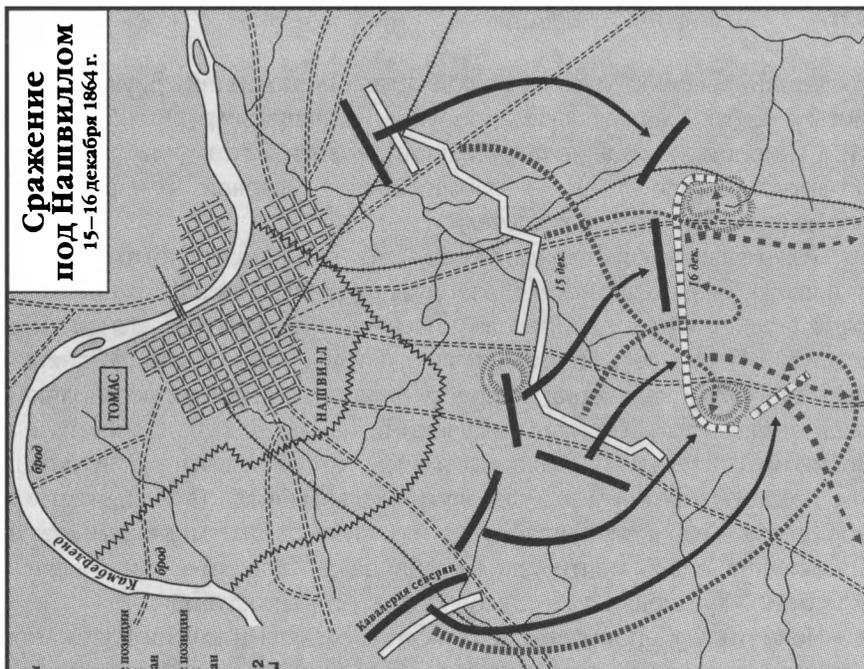
На следующее утро федералы неумолимо продолжили прижимать противника к канатам, используя все ту же тактику джебов и апперкотов, которые конфедераты до конца дня худо-бедно парировали. Однако потом союзная кавалерия, вооруженная скорострельными карабинами, спешила и прошла в тыл левого крыла южан, а пехота в тот же момент предприняла лобовую атаку. Сгущались сумерки, лил непрерывный дождь, и развязка наступила с пугающей внезапностью. Слева направо целые бригады южан падали как

13 O. R. Ser. I. Vol. 45, pt. 2. P. 15—16.

14 Боксерский поединок за звание чемпиона мира в супертяжелом весе 1938 г., в котором афроамериканец Джо Луис отвоевал потерянный им в 1936 г. титул у немецкого боксера Макса Шмелинга. — *Прим. пер.*

Сражение под Нашвиллом

15–16 декабря 1864 г.

Теннессийская кампания Худа

октябрь—ноябрь 1864 г.

косяшки домино. Тысячи солдат сдавались в плен, другие опрометью бежали на юг, бросая оружие и экипировку, чтобы увеличить скорость. Офицеры пытались остановить бегство, «но их усилия по выравниванию строя, — вспоминал один рядовой, — напоминали попытки носить воду в решете»¹⁵

Федеральные кавалеристы сели на своих лошадях и отправились в погоню, насколько позволяла вязкая грязь. Преследование продолжалось добрых две недели, мятежников гнали от одной реки к другой через весь Теннесси в Алабаму и Миссисипи. У каждой реки или ручья кавалерия Форреста делала остановку и разворачивалась назад, в то время как измученные пехотинцы (половина из них босиком) отставали от колонны и дезертировали сотнями. К началу 1865 года остатки армии Худа очутились в Тьюпело (Миссисипи), где переключка зафиксировала всего половину от 40 тысяч, вышедших в поход на север почти два месяца назад. Разбитый физически и морально, Худ подал в отставку 13 января — в пятницу.

Новости о «непоправимой катастрофе» Худа и взятии Шерманом Саванны погрузили Юг в глубокое уныние. 19 декабря глава артиллерийского департамента Конфедерации Джошуа Горгас писал: «Это один из самых мрачных дней войны». «Самый ужасный, самый тягостный день... настоящий кризис, которого еще не приходилось испытывать», — сокрушался в этот же день чиновник военного министерства Джон Джонс. «Воды глубокой пучины сомкнулись над нашей головой», — писала в дневнике Мэри Бойкин Чеснат также 19 декабря¹⁶.

Как только стал ясен масштаб поражения Худа, а нехватка всего и вся, усугубленная грабежами Шермана и Шеридана, очевидной как никогда, глава конфедеративного Бюро по ведению войны признал, что «ситуация ухудшается с каждым днем»: «Десять дней назад мы отправили [армии Ли] последнюю партию мяса, и в Ричмонде не осталось ни фунта... По правде говоря, мы прижаты к земле, у нас нет ни боевого духа, ни ресурсов». Цена золота поднялась до 5000, а покупательная способность доллара Конфедерации рухнула до 2% от уровня 1861 года. Прежде решительно настроенный генерал Горгас, творивший чудеса, чтобы обеспечить армии мятежников оружием и боеприпасами, спрашивал в январе 1865 года: «Когда это

15 Watkins S. R. «Co. Aytch»: A Side Show of the Big Show. NY, 1962. P. 241.

16 The Civil War Diary of General Josiah Gorgas. University (Ala.), 1947. P. 156; Jones J. War Clerk's Diary (Swiggett). II. P. 357, 359; Chesnut's Civil War. P. 694.

кончится? В казне нет денег, нет провизии, чтобы отправить генералу Ли, нет войск, чтобы противостоять Шерману... Неужели мы проиграли? Неужели все кончено?.. Мы с женой всерьез обсуждаем план уехать в Мексику и жить там до конца наших дней»¹⁷.

Приподнятый тон ежегодного послания Линкольна Конгрессу 6 декабря контрастировал с похоронным настроением южан. «Стремление нации... сохранить целостность Союза никогда не было столь твердым и единодушным, как сейчас», — говорил Линкольн. Ресурсы для продолжения войны «не исчерпаны и, как кажется, неисчерпаемы». 671 военный корабль сделал флот Соединенных Штатов крупнейшим в мире. Миллионная армия была больше и лучше вооружена, чем когда-либо. Наконец, несмотря на гибель 300 тысяч человек, иммиграция и естественный прирост населения более чем компенсировали потери. «[Таким образом, наряду с тем, что] наши материальные ресурсы изобильны и поистине нескончаемы, у нас также больше людей сейчас, чем было в начале войны... Мы только набираем силу и сможем, если возникнет необходимость, продолжать борьбу неограниченно долго»¹⁸.

Эти слова заставили Юг вздрогнуть. Джошуа Горгас записал в своем дневнике, что «послание Линкольна недвусмысленно подразумевает порабощение»¹⁹. Слова президента об изобилии и неисчерпаемости ресурсов не были бахвальством. Наоборот, военные нужды спровоцировали рост северной экономики, пришедший на смену временному спаду 1861—1862 годов, вызванному сецессией Юга с его рынками сбыта и сырьем. Добыча угля и выплавка железа после упадка первого года войны к 1864 году достигли невиданных прежде показателей. Производство железа в штатах Союза в 1864 году было на 29% выше, чем во всей стране в 1856 году; добыча угля на Севере за четыре военных года оказалась на 21% выше, чем за четыре самых успешных мирных года для южных и северных штатов вместе. В войну со стапелей северных верфей сошло больше торговых судов, чем вся страна производила в мирное время, несмотря на прекращение трансатлантической торговли из-за каперов южан и на рост доли военных кораблей, требовавшихся военно-морскому флоту. Хотя строительство новых железных дорог во время войны замедлилось, интенсивность использования уже

17 Inside the Confederate Government. P. 181, 184; The Civil War Diary of General Josiah Gorgas. P. 163—164, 166.

18 CWL. VIII. P. 144, 149—151.

19 The Civil War Diary of General Josiah Gorgas. P. 155.

существующих возросла не менее чем на 50%, сделав полезными и «лишние» ветки, появившиеся во время железнодорожного бума 1850-х годов. Также в военные годы вдвое выросла интенсивность использования канала Эри. Несмотря на катастрофический (72%) упадок хлопчатобумажной промышленности (основной индустрии Севера), валовой продукт союзных штатов в 1864 году был на 13% выше, чем в 1860 году по всей стране. Первые год-два Север был вынужден импортировать сотни тысяч ружей, а к 1864 году оружейная промышленность выпускала более чем достаточно винтовок и орудий для колоссальной федеральной армии.

Надо сказать, что экономика Севера, отливая пушки, «заботилась» и о достатке масла. Несмотря на сецессию Юга, ведение войны в пограничных штатах и уход в армию до полумиллиона фермеров, урожай пшеницы в Соединенных Штатах в 1862 и 1863 годах был больше, чем во всей стране в 1859 году. Не поступаясь нуждами армии и гражданского населения, США удвоили экспорт пшеницы, зерновых, свинины и говядины, чтобы помочь Западной Европе, страдавшей в начале 1860-х годов от неурожая. В 1864 году президент Сельскохозяйственного общества Иллинойса гордился: «Железные дороги изнемогают под тяжестью вагонов с продукцией наших граждан... еще больше количество плодородных земель, засеянных различными культурами... и более высоки, чем раньше, урожаи... по северным озерам снуют наши торговые суда. А теперь представьте, если сможете, что все это произошло и происходит в разгар войны, одной из самых важных в истории человечества». Действительно, это были впечатляющие достижения, которые стали возможны вследствие стимулирования военного производства, механизации сельского хозяйства и промышленности и вовлечения женщин в производство. Разнонаправленное влияние, которое война оказала на экономику Севера и Юга, помогало спрогнозировать не только конечный итог этой войны, но и будущие векторы экономического развития этих макрорегионов²⁰.

Север сохранил и человеческий ресурс, и энергию для продолжения экспансии на запад. Как указывал Линкольн в своем послании

20 Цит. по: Fite E. D. *Social and Industrial Conditions in the North during the Civil War*. NY, 1910. P. 23. Статистические данные в этих двух абзацах позаимствованы из этой работы, а также из: Historical Statistics of the United States. Washington, 1975; Adriano R. *The Economic Impact of the American Civil War*. Cambridge (Mass.), 1962.

1864 года, на восточном участке трансконтинентальной железной дороги уже было уложено сто миль полотна, а в Калифорнии, на другом ее конце, двадцать. Добыча золота осталась на довоенном уровне, меди — выросла в два раза, серебра — в четыре раза после открытия новых рудников, особенно в Неваде, получившей статус штата и вошедшей в Союз в 1864 году. У такой экспансии, разумеется, были и минусы, ведь многие новые поселенцы были уклонистами от призыва в штатах, лежавших восточнее Миссисипи. Что хуже всего, шло безжалостное присвоение прав индейцев на землю, сопровождавшееся кровавыми побоищами в Миннесоте, Колорадо и других штатах²¹.

В горячем воздухе военной экономики Юга также развивались новые отрасли промышленности. Фабрики по производству пороха, оружейные заводы, механические мастерские и т. д. появлялись в Огасте, Селме, Атланте и множестве других городов, а завод Тредегар в Ричмонде выплавлял железо для любых нужд армии. Однако в результате вторжений и рейдов федеральных войск большинство этих предприятий, равно как и других близко расположенных объектов, имевших экономическое значение, было уничтожено, поэтому к концу войны значительная часть территории Юга была опустошена. Война не только унесла жизни четверти всех белых мужчин призывного возраста, но было потеряно две пятых поголовья скота, половина сельскохозяйственного оборудования, разрушено несколько тысяч миль железнодорожного полотна, десятки тысяч ферм и плантаций заросли бурьяном. Была уничтожена сама система трудовых отношений, на которой зиждилась экономика Юга. В войне растворилось две трети всех материальных богатств Конфедерации. Крах Юга привел к тому, что 1860-е годы стали десятилетием самого медленного экономического роста в американской истории вплоть до 1930-х годов. Также следствием войны было резкое перераспределение богатств и доходов от Юга к Северу. По данным переписей населения, между 1860 и 1870 годами южный сельскохозяйственный и промышленный капитал сократился на 46%, а северный вырос на 50%²². В 1860 году в южных штатах было сосредоточено 30% всего национального богатства страны, в 1870-м — всего 12%. В 1860 году объем товарной продукции (включая сельскохозяйственную) на душу

21 Краткий отчет о положении индейцев в годы Гражданской войны см.: *Utley R. M. The Indian Frontier of the American West 1846—1890. Albuquerque, 1984. Ch. 3.*
22 Если считать капиталом и рабов, то сокращение на Юге составит 74%.

населения на Юге и на Севере был примерно равным, а к 1870 году этот показатель на Севере был выше на 56%. В 1860 году средний подушный доход южан (включая рабов) составлял около двух третей среднего от северного, после войны этот показатель упал до двух пятых и оставался на этом уровне до конца XIX столетия. Таковы были экономические последствия борьбы южных штатов за независимость²³.

II

Несмотря на поражения Конфедерации в последние месяцы 1864 года, война еще не была окончена, по крайней мере это отказывались признавать Джефферсон Дэвис и его окружение. Чтобы убедить их в обратном, янки внесли последние штрихи в план «Анаконда», разработанный Уинфилдом Скоттом еще четыре года назад, захватив в январе 1865 года форт Фишер. К тому времени Северовиргинская армия Роберта Ли оставалась единственной значительной силой Конфедерации, но снабжаться она могла только с территории Северной и Южной Каролины. Немало поставок по-прежнему осуществлялось нарушителями блокады, попадавшими в Уилмингтон мимо форта Фишер, отстоявшего от порта на двадцать миль вниз по течению реки Кейп-Фир. Этот внушительный L-образный форт, обращенный к морю почти милей укреплений, представлял собой новое слово в древнем искусстве фортификации. Он был построен не из камня, а из песка и глины, покрывавших деревянный каркас. Стены имели 35 футов в толщину и 10—30 футов в высоту, песок и глина были намешаны с болотной травой так, чтобы поглощать пули и снаряды, подобно тому как подушка амортизирует удары. (Каменный форт Самтер оказался легкой добычей для флота Союза.) 47 крупнокалиберных орудий Фишера грозили каждому военному кораблю федералов, который осмеливался приблизиться к нарушителям блокады, сновавшим вдоль предательских отмелей и каналов близ устья Кейп-Фир.

23 См.: *Dodd D. B., Dodd W. S. Historical Statistics of the South 1790—1970.* University (Ala.), 1973; *Soltow L. Men and Wealth in the United States 1850—1870.* New Haven, 1975; *Engerman S. Some Economic Factors in Southern Backwardness in the Nineteenth Century // Essays in Regional Economics.* Cambridge (Mass.), 1971. P. 291, 300—302; *Sellers J. L. The Economic Incidence of the Civil War in the South // MVHR.* 1927. 14. P. 179—91.

Стратеги Союза долго не обращали должного внимания на этот объект. В 1863 году тщетные усилия по захвату Чарлстона отложили взятие этого форта. Наконец осенью 1864 года адмирал Дэвид Портер, собрав крупнейший за всю войну флот — около 60 военных кораблей, а также транспорты с 6500 солдат, — отправился на захват Фишера. Командиром пехотного соединения был назначен Бенджамин Батлер, который, благодаря давнему производству (по политическим мотивам) в генерал-майоры, был по службе старше всех генералов на восточном театре военных действий, за исключением Гранта. Батлер вынашивал идею нагрузить старое судно 215 тоннами пороха, подвести его на мелководье под стены форта и взорвать в надежде, что это разрушит форт и приведет в панику гарнизон. Постоянные шторма отложили реализацию этого проекта до Рождественского сочельника, однако взрыв корабля не причинил практически никакого ущерба, так как на открытом пространстве взрывная волна не приобрела большой силы. Затем флот произвел самую мощную за всю войну бомбардировку, но вывел из строя лишь несколько орудий. Батлер высадил часть пехоты на берег, но, столкнувшись с мощной обороной и заминированными подходами, не стал рисковать и вернул войска на корабли.

Это фиаско дало Гранту долгожданный повод избавиться от Батлера. После благополучного завершения президентской кампании Линкольн мог более не обращать внимания на политический вес Батлера в армии, и 8 января 1865 года генерал из Массачусетса был отстранен от командования. Грант приказал начать второй штурм форта Фишер; на сей раз усиленным до 8 тысяч отрядом пехоты командовал способный молодой генерал Альфред Терри. 13 января пехотинцы высадились на берег, преодолев прибой, и продвинулись по узкому полуострову к северному фасу форта, а флот тем временем открыл огонь, обрушив по защитников крепости 800 тонн снарядов. На этот раз крупнокалиберные орудия вывели из строя почти всю артиллерию южан и перебили детонационные шнуры, ведущие к минам. 15 января 4500 пехотинцев начали штурм северного фаса, их поддержали 2000 матросов и морских пехотинцев со стороны моря. Потери составили тысячу человек, но атакующим удалось прорвать оборону и захватить форт вместе с его двухтысячным гарнизоном. Уилмингтон оказался отрезанным от моря, и солдаты Ли в окопах под Питерсбергом вынуждены были еще туже затянуть ремни.

Вскоре пал и Уилмингтон, и побережье Северной Каролины оказалось в основном в руках янки. Бегство из армии Ли, особенно

из северокаролинских частей, достигло катастрофических размеров. «Каждую ночь бегут сотни солдат», — сообщал Ли в феврале. За один только месяц из-за дезертирства армия потеряла 8% личного состава. Большинство возвращались домой, чтобы помочь своим семьям, некоторые перебежали к врагу, так как знали, что могут получить там еду и кров. Один солдат из Массачусетса писал из-под Питерсберга своим родителям: «Мои товарищи говорят о „джонни“ так, как мы дома говорим о рыбе или углях. Парни осматривают округу и уверенно говорят, что вечером у нас будет целый косяк мятежников»²⁴. Офицеры южан признавали, что одной из основных причин дезертирства являлось «бедственное положение солдатских семей», но «первопричиной — убеждение солдат в том, что дело проиграно и дальнейшие жертвы бессмысленны». Каковы бы ни были причины «эпидемии» дезертирства, Ли считал: «Если бегство не удастся остановить, это приведет нас к катастрофе»²⁵.

Официальные лица Конфедерации расценивали потерю форта Фишер как «сокрушительный» удар. Александр Стивенс назвал ее «одним из величайших бедствий», постигших конфедератов с начала войны²⁶. Конгресс Конфедерации, сессия которого как раз проходила в те дни, усилил свои нападки на администрацию. Уступая давлению, подал в отставку военный министр Седдон. Некоторые конгрессмены даже призывали Дэвиса покинуть свой пост и передать генералу Ли диктаторские полномочия. Конгресс принял закон, введший должность верховного главнокомандующего. Хотя Дэвис и расценил этот шаг как вотум недоверия лично ему, он все же назначил Ли на эту должность. Дэвис и Ли сохраняли полное согласие по всем вопросам, и оба поклялись продолжать войну до победного конца. Однако падение Фишера убедило многих членов Конгресса в том, что они больше не могут «продолжать войну [и должны] вступить в переговоры с врагом на условиях восстановления старого Союза»²⁷.

24 O. R. Ser. I. Vol. 46, pt. 2. P. 1258; Catton B. A Stillness at Appomattox. Garden City (NY), 1957. P. 330—331.

25 Catton B. Never Call Retreat. P. 414; Lonn E. Desertion During the Civil War. NY, 1928. P. 28.

26 Jones J. War Clerk's Diary (Swiggett). II. P. 389; Stephens A. H. A Constitutional View of the War between the States. 2 vols. Philadelphia, 1868—1870. II. P. 619.

27 The Civil War Diary of General Josiah Gorgas. P. 166. См. также: Inside the Confederate Government. P. 187—188.

Была предпринята очередная попытка начать переговоры, но и она ни к чему не привела. Ее осуществил старый соратник президента Джексона Фрэнсис Престон Блэр — такой же идеалист, как и Хорас Грили, пытавшийся устроить встречу Линкольна с представителями Конфедерации. Убежденный в том, что можно примирить Север с Югом, направив их совместные усилия на выдавливание французов из Мексики, Блэр изводил президента просьбами разрешить ему пересечь линию фронта и донести свое предложение до Джефферсона Дэвиса. Линкольн и слышать не хотел о вздорном плане Блэра, но все же позволил ему поехать в Ричмонд и стал ждать развития событий. Со своей стороны Дэвис тоже не ожидал от переговоров ничего лучше всегдашнего предложения «безоговорочного подчинения», но рассчитывал, что публичные заявления об этом, сделанные врагом, укрепят тающий на глазах энтузиазм сограждан. Поэтому он поручил Блэру информировать Линкольна о своей готовности «участвовать в конференции, имеющей цель установить мир между двумя странами». Тот незамедлительно ответил, что также готов увидеть свидетельства о «желании установить мир между гражданами нашей общей страны»²⁸.

Надеясь дискредитировать «партию мира», выставив ее членов приверженцами унижительных требований северян, Дэвис назначил своими представителями трех видных сторонников переговоров: вице-президента Стивенса, временного председателя Сената Роберта Хантера и заместителя военного министра Джона Кэмпбелла, бывшего председателя Верховного суда Соединенных Штатов. Их предполагаемая встреча с Уильямом Сьюардом в Хэмптон-Роудс сразу же попала под угрозу срыва из-за непреодолимых противоречий по вопросу, идет ли речь о «двух странах» или о «нашей общей стране». Однако переговорив со Стивенсом и Хантером и убедившись в их искреннем стремлении к миру, генерал Грант телеграфировал в Вашингтон, что отменить встречу значило бы произвести не лучшее впечатление. После этого Линкольн принял спонтанное решение отправиться в Хэмптон-Роудс и лично встретиться с представителями Дэвиса.

Свидание состоялось 3 февраля на борту союзного парохода «Ривер-Куин». Инструкции Линкольна, данные им Сьюарду, формировали четкую позицию Союза в ходе четырех часов переговоров: 1) Восстановление власти национального правительства во всех

28 CWL. VIII. P. 275—276.

штатах. 2) Президент Соединенных Штатов не изменяет свои взгляды на вопрос о рабстве. 3) Никакого временного перемирия — только мирный договор и разоружение всех враждебных правительству формирований. Стивенс тщетно пытался заинтересовать Линкольна мексиканским проектом Блэра, столь же напрасными были и усилия Хантера инициировать перемирие и созвать национальный конвент представителей всех штатов. Линкольн не допускал мысли о каком-либо перемирии, единственным средством прекратить войну могла стать только капитуляция. По словам Хантера, даже Карл I подписывал соглашения с вооруженными мятежниками во время гражданской войны в Англии. На это Линкольн ответил: «Я не спорю, что не слишком сведущ в истории, но четко помню одно: Карл I в конце концов лишился головы»²⁹.

По вопросу о наказании лидеров мятежников и конфискации их имущества президент обещал быть гуманным, используя свое право на помилование. Что касается бывших рабовладельцев, он даже предложил им компенсацию в размере 400 миллионов долларов (около 15% от стоимости всех рабов в 1860 году)³⁰. Не до конца ясно, что именно имел в виду Линкольн, говоря о «неизменности... взглядов на вопрос о рабстве». Как минимум, подразумевалась невозможность отменить Прокламацию об освобождении рабов или другие постановления военного времени. Рабы, освобожденные в рамках этих постановлений, не могли вновь стать рабами. Но скольких рабов освободили такие указы, спрашивали южане? Всех рабов Конфедерации или только тех, которые оказались на оккупированных Союзом территориях после объявления Прокламации? Будучи мерой военного времени, прекратит ли она свое действие в условиях мира? По словам Линкольна, решать это предстояло суду, а Сьюард тем временем уведомил эмиссаров Дэвиса, что Палата представителей только что приняла Тринадцатую поправку. Это порождало и другие юридические вопросы. Если южные штаты вернуться в лоно Союза и проголосуют против ратификации поправки, отклонив, таким образом, ее принятие, будет ли такое действие

29 Ibid. P. 279; Stephens A. H. Constitutional View... II. P. 613.

30 Вернувшись в Вашингтон, Линкольн составил план послания Конгрессу, в котором просил ассигнований на компенсации рабовладельцам после капитуляции Конфедерации и ратификации Тринадцатой поправки. Однако кабинет не одобрил этот проект, поэтому президент так и не направил его в Конгресс, который, впрочем, почти наверняка отказал бы Линкольну в ассигнованиях для таких нужд (CWL. VIII. P. 260—261).

законным? Это будет обсуждаться, отвечал Сьюард³¹. В любом случае, оговаривался Линкольн, рабство, равно как и мятеж, обречено. Лидеры южан должны смириться с убытками, вновь принести клятву верности и спасти тысячи молодых людей от гибели в случае продолжения войны. Вне зависимости от личных предпочтений, представители Конфедерации не имели полномочий соглашаться на такие условия, поэтому они, разочарованные, вернулись в Ричмонд³².

Выспренние заявления южан об испытанном ими шоке от предательства северян, требовавших «безоговорочной капитуляции», были наигранными, так как Линкольн никогда не давал им повода ожидать чего-то другого. Три представителя написали сжатый, основанный на голых фактах отчет о своей миссии. Когда Дэвис попытался заставить их добавить фразы, выражавшие негодование «оскорбительным требованием покорности» и «унизительной капитуляцией», они отказались, зная, что президент хотел бы использовать их миссию для дискредитации самой идеи мирных переговоров. Тогда Дэвис в своем послании Конгрессу от 6 февраля добавил эти

-
- 31 Некоторые историки интерпретируют такое изменение взглядов как свидетельство того, что Сьюард и Линкольн готовы были к мирным переговорам, на которых вопрос о полном освобождении рабов не стоял бы: *Current R. N. The Lincoln Nobody Knows*. NY, 1958. P. 243—247; *Johnson L. H. Lincoln's Solution to the Problem of Peace Terms, 1864—1865 // JSH*. 1968. 34. P. 581—586. Однако эти дискуссии носили неофициальный характер, и никаких протоколов не велось, поэтому единственным источником являются послевоеенные мемуары Александра Стивенса: *Stephens A. H. Constitutional View... II*. P. 612. Возможно, Стивенс искал в замечаниях Сьюарда подтверждение собственных взглядов. Также Стивенс сообщает, что Линкольн предлагал ему отправиться в родную Джорджию и убедить легислатуру вывести штат из войны и в будущем ратифицировать Тринадцатую поправку, которая бы вступила в действие через пять лет, смягчив, таким образом, тяготы немедленного освобождения рабов (*Op. cit.* P. 614). Это также кажется невероятным. Линкольн был слишком компетентным юристом, чтобы не понимать невозможность «отдаленной» ратификации. Линкольн и Сьюард выступали за скорейшую ратификацию Тринадцатой поправки, президент гордился тем, что его родной Иллинойс ратифицировал ее первым, и приветствовал успешные действия по немедленному упразднению рабства в Мэриленде, Миссури и Теннесси. По дороге в Хэмптон-Роудс Сьюард сделал остановку в Аннаполисе и успешно пролоббировал ратификацию поправки легислатурой Мэриленда.
- 32 *Stephens A. H. Op. cit.* P. 584—619 (подробнейший отчет о встрече). Линкольн представил Конгрессу всю переписку о переговорах (*CWL*. VIII. P. 274—286). Наиболее детальные позднейшие свидетельства см.: *Nicolay J. G., Hay J. Abraham Lincoln: A History*. 10 vols. New York, 1890. X. 91—129; *Kirkland E. Ch. The Peacemakers of 1864*. New York, 1927. 197—251; *Randall J. G., Current R. N. Lincoln the President: Last Full Measure*. New York, 1955. P. 326—340.

слова сам, присовокупив их к отчету своих эмиссаров. Юг должен продолжать борьбу, говорил тем же вечером Дэвис в публичной речи, озаренной, по свидетельству газетчиков, светом «несокрушимого сопротивления». «Мы никогда не пойдем на позорную капитуляцию», — заявил лидер южан. Заклеймив Линкольна как «Его величество Авраама Первого», Дэвис предсказал, что Линкольн и Сьюард скоро поймут, что «разговаривали со своими хозяевами»: «[Южные армии] менее чем через год заставят янки просить нас о мире на наших условиях»³³.

Пресса и общественное мнение (по крайней мере в Ричмонде) следовали примеру Дэвиса. «Говорить о любом другом выходе, кроме продолжения войны, — трусость или измена», — провозгласила *Whig*. Глава артиллерийского департамента Джошуа Горгас сообщал, что «воинственность вновь охватила Ричмонд», и наш давний знакомый Джон Джонс также отметил «приподнятое» настроение. «Спасти нас теперь может только наша храбрость, — писал Джонс. — Все считают, что Конфедерация соберется с силами и нанесет такой удар, который заставит мир вздрогнуть»³⁴.

III

Если бы Уильяму Текумсе Шерману довелось прочитать эти слова, он бы, пожалуй, пришел в раздражение. Надломив «несокрушимое сопротивление» Юга, его армия огнем и мечом пробивала себе путь в Южную Каролину, чтобы довершить разгром врага.

В начале 1865 года единственными значительными территориями Конфедерации, куда не ступала нога захватчиков, были внутренние районы Южной и Северной Каролины, а также большая часть Алабамы. Чтобы занять Алабаму, Грант и Томас планировали войти в нее с двух сторон. Используя армию Мексиканского залива и часть соединений Томаса в Теннесси, генерал Кэнби должен был вторгнуться в южную Алабаму через Мобил. Одновременно 27-летний Джеймс Уилсон, дослужившийся до командования кавалерией в армии Томаса, должен был возглавить 13-тысячный отряд, вооружен-

33 *Inside the Confederate Government*. P. 196; *Strode H. Jefferson Davis: Tragic Hero*. NY, 1964. P. 140—143; *Randall J. G., Current R. N. Lincoln the President...* P. 336—337; *Rowland. Davis*. VI. P. 465—467; *Jones J. War Clerk's Diary (Swiggett)*. II. P. 411; *Nicolay J. G., Hay J. Lincoln...* X. P. 130.

34 *Kirkland E. Ch. Peacemakers...* P. 254; *The Civil War Diary of General Josiah Gorgas*. P. 168; *Jones J. War Clerk's Diary (Swiggett)*. II. P. 411.

ный скорострельными карабинами, и перейти с ним из Теннесси в Алабаму, чтобы уничтожить комплекс военных складов в Селме и захватить Монтгомери — первую столицу Конфедерации. Обе операции прошли в марте, обе закончились успешно, особенно рейд Уилсона. Отбросив малочисленную и плохо вооруженную кавалерию Форреста, «синие мундиры» сожгли огромное количество хлопка, взорвали железные дороги, мосты и вагоны, уничтожили заводы, селитряные заводы, прокатные станы, арсеналы, судостроительные доки и взяли Монтгомери, а Мобил в апреле пал под ударами пехоты Кэнби.

Несмотря на весь масштаб этих операций, они остались на периферии событий по сравнению с маршем Шермана через Южную Каролину. Жители Джорджии по мере приближения федералов к Саванне в декабре 1864 года говорили Шерману: «Почему бы вам не отправиться в Южную Каролину и не показать свою силу там? Это ведь они заварили всю кашу». Шерман хотел двинуться туда с самого начала. Ему удалось убедить Гранта, и 1 февраля 60 тысяч преисполненных мести «синих мундиров» оставили Саванну и во второй раз двинулись вглубь вражеской территории. Этот рейд преследовал две стратегические цели: уничтожить все военные объекты и ресурсы на пути Шермана и выйти в тыл Северовиргинской армии, зажать ее в тиски между двумя крупными союзными армиями и «покончить с Ли», как лаконично выразился Грант³⁵.

У солдат Шермана была и еще одна цель — наказать жителей штата, породившего нечестивый мятеж. «Дело в том, — уведомлял Хэллека Шерман, — что вся армия снедаема ненасытным чувством мести Южной Каролине. Меня несколько беспокоит ее судьба, но в то же время я считаю, что она заслуживает того, что ее ожидает». Пыл солдат, разумеется, не смягчали колкости южной прессы, насмевавшейся над „скопищем босяков”. Один из таких «босяков», рядовой из Огайо, поклялся заставить Южную Каролину «страдать больше, чем она пострадала во время Войны за независимость»: «Мы покажем ей, что выходить из состава Союза нельзя так легко и безнаказанно, как ей казалось»³⁶. Другой солдат воскликнул: «Здесь измена зародилась, и здесь же, клянусь всеми святыми, она

35 Lewis L. Sherman... P. 446; Hattaway H., Jones A. How the North Won: A Military History of the Civil War. Urbana (Ill.), 1983. P. 656—657; Foote S. Civil War. III. P. 737—738.

36 O. R. Ser. I. Vol. 44. P. 799; Barrett J. Sherman's March Through the Carolinas. Chapel Hill, 1956. P. 44; Davis B. Sherman's March. P. 142.

и прекратится!» Одна жительница штата, чей дом был разграблен, вспоминала, что солдаты «порой останавливались и признавались, что им жаль женщин и детей, но Южная Каролина должна быть разрушена»³⁷.

Она и была разрушена — северяне проложили с юга на север своеобразный коридор, более узкий, чем в Джорджии, но интенсивнее опустошенный. После триумфального марша янки в деревнях, через которые прошли войска, уцелели немногие дома. «В Джорджии некоторые дома были сожжены, — писал один офицер, — здесь же некоторые уцелели». Некий солдат выражал уверенность в том, что Южная Каролина «никогда больше не посмеет и думать о сецессии»: «Я думаю, этот штат наконец получил свои „права“». Когда армия пересекла границу Северной Каролины, уничтожение собственности мирных жителей прекратилось. «На горизонте не видно ни сполохов огня, ни клубов дыма, по которым еще несколько дней назад можно было определять местонахождение головной части колонны, — замечал один офицер спустя два дня пребывания в Северной Каролине. — Мы не сожгли ни одного дома, а армия больше отдавала жителям, чем брала у них»³⁸.

Грабежи и поджоги в Южной Каролине были неприглядным и вряд ли доблестным делом, но Шерман верил в их эффективность. Ужас, вселяемый его мародерами, «был проявлением силы»: «И я был намерен использовать ее... Моей целью было разгромить мятежников, унижить их гордость, последовать за ними в самые укромные уголки и заставить их бояться нас пуще всего на свете». Такая тактика сработала: «Мрак, отчаяние и паралич, — писал 28 февраля житель Южной Каролины. — Наша армия деморализована, население охвачено паникой... Всякая энергия оставила нас... Продолжать сражаться — полное безумие»³⁹.

Возможно, еще более значительным фактором деморализации армии южан, чем месть и разрушения, была потеря большой территории. Сам Шерман позже оценивал марш в Южную и Северную Каролину как гораздо более важный для победы в войне, чем поход

37 *Lewis L. Sherman...* P. 489; *Randall J. G., Donald D. The Civil War and Reconstruction.* Boston, 1969. P. 432.

38 *Lewis L. Sherman...* P. 493; *Glatthaar J. T. The March to the Sea and Beyond: Sherman's Troops in the Savannah and Carolinas Campaigns.* NY, 1985. P. 146; *Walters J. B. Merchant of Terror: General Sherman and Total War.* Indianapolis, 1973. P. 203.

39 *Foote S. Civil War. II.* P. 753; *Sherman W. T. Memoirs. II.* P. 249; *Barrett J. Sherman's March Through the Carolinas.* P. 95.

от Атланты к океану. Этот марш также дался намного тяжелее. «Марш к морю получил такой резонанс, потому что по сравнению с походом в Каролину он был увеселительной прогулкой», — говорил Шерман после войны⁴⁰. Особенности местности и погодные условия доставили северянам в Южной Каролине гораздо больше проблем, чем в Джорджии. 285 миль из Атланты в Саванну были пройдены вдоль полноводных рек в сухую осеннюю пору при практически полном отсутствии сопротивления. Бросок на север из Саванны в Голдсборо (Северная Каролина) требовал пройти 425 миль; в конце пути Шерман рассчитывал получить пополнение, двигавшееся из Уилмингтона вглубь штата. Федералы должны были пересечь девять довольно крупных рек и массу их притоков, к тому же зима выдалась самой дождливой за последние двадцать лет. Конфедераты надеялись, что болота в приморской части Южной Каролины остановят Шермана и он не пройдет достаточно далеко. «Мои инженеры, — сообщил Джозеф Джонстон, — заявили, что пройти зимой по болотистым низинам штата — дело абсолютно невозможное». И правда, дороги в этих районах настолько скрылись под водой, что разведчики федералов вынуждены были искать их в лодках. Однако Шерман сформировал «передовые батальоны» из солдат и освобожденных рабов (нанятых из тысяч беглых негров, сопровождавших армию в Саванну), чьей задачей было рубить молодые деревья, сооружать мосты, строить бревенчатые и насыпные дороги. Столкнувшись с сопротивлением кавалерии Уилера, на некоторых разлившихся от дождей реках «синие мундиры» вынуждены были формировать отряды флангового охранения, которые, почти полностью уходя под воду и воюя с аллигаторами и змеями, смогли прогнать мятежников. Самой тяжелой задачей было форсирование реки Салкехатчи, имевшей множество рукавов, в пятидесяти милях к северу от Саванны. «Река непроходима», — заявил генерал южан Уильям Харди. В ответ на это янки соорудили мосты длиной в несколько миль и пересекли ее. «Я бы ни за что не поверил в это, если бы не был очевидцем произошедшего», — комментировал позже Харди. Синяя волна текла все дальше на север, покрывая десять миль в день, периодически вступая в стычки и перестрелки. Из 45 дней похода дождь шел 28, но не потушил факелы поджигателей Шермана. «Когда я узнал, что армия Шермана марширует через болота Салкехатчи со скоростью 12 миль в день, строя бревенчатые дороги, — говорил Джозеф

40 Barrett J. Sherman's March Through the Carolinas. P. VII.

Джонстон, — то я подумал, что такой армии не бывало в истории со времен Юлия Цезаря»⁴¹.

Вскоре Джонстон снискал сомнительную славу строителя плотины, пыгавшейся остановить эти современные легионы. Одним из первых шагов Ли на посту главнокомандующего было согласование с Дэвисом назначения Джонстона командиром всех сил Конфедерации в Северной и Южной Каролине. Они были немногочисленны, и к тому же Шерман уже обошел их с помощью ложных маневров и быстрого продвижения. Четыре федеральных корпуса двигались на север по разным дорогам, образуя букву Y; передовые корпуса нацеливались на Огасту и Чарлстон, а тыловые готовы были поддержать их в случае опасности. Мятежникам удалось поставить под ружье 20 тысяч человек, не считая кавалеристов Уилера. Эти силы состояли из деморализованных остатков Теннессийской армии Худа, гарнизона Чарлстона, усиленного частями Харди, оставившего Саванну, и бригадой южнокаролинской кавалерии, посланной Ли из Виргинии, возглавлял которую Уэйд Хэмптон, призванный укрепить пошатнувшийся боевой дух в своем родном штате. Одна половина этих войск была сосредоточена в Огасте, а другая — в Чарлстоне, ожидая атак Шермана на один или оба этих города: в Огасте находились пороховые и оружейные заводы, а Чарлстон имел символическое значение. Шерман провел демонстрацию против обоих городов, но не появился ни под одним. Вместо этого он двинулся вглубь штата, уничтожил железную дорогу между Огастой и Чарлстоном и направился к столице Южной Каролины Колумбии. Отрезанные от внешнего мира и имея в тылу 60-тысячную армию, защитники Чарлстона 18 февраля эвакуировали город. Войска, стоявшие в Огасте, также покинули ее и отошли на север, чтобы соединиться с дивизиями Харди (уже под общим командованием Джонстона) и оказать Шерману какое-то сопротивление на границе Северной Каролины.

Жителям Чарлстона повезло, что его заняли войска Южного военного округа (в том числе негритянские полки), тушившие военные склады, которые поджигали уходившие южане. «Паразиты» Шермана, безусловно, не преминули бы устроить новые пожары, как и произошло в Колумбии. Части Шермана 17 февраля заняли столицу штата, и уже наутро город представлял собой пепелище. Шермана обвиняли в этом уничтожении Колумбии, впрочем, обвинение доказать

41 *Lewis L. Sherman...* P. 484; *Cox J. D. Military Reminiscences of the Civil War.* 2 vols. NY, 1900. II. P. 531—532.

так и не удалось. Сам Шерман и другие офицеры утверждали, что огонь зародился из-за тлевших кип хлопка, подожженных отступавшей кавалерией мятежников. Южане, наоборот, полагали, что город подожгли пьяные федералы. Существуют также свидетельства, что поджог был делом рук военнопленных, сбежавших из расположенного неподалеку лагеря, и присоединившихся к ним местных уголовников, а также негров, опьяненных свободой, алкоголем или и тем и другим одновременно. Подробный и беспристрастный анализ произошедшего не позволяет возложить ответственность на какую-то одну сторону. Местные власти, эвакуировавшие Колумбию, также должны взять на себя часть вины, так как бросили на произвол судьбы тысячи тлеющих кип хлопка и множество литров спиртного, вывезенного из Чарлстона торговцами и богатыми горожанами, считавшими, что Колумбия находится в безопасности. Как чернокожие, так и белые жители Колумбии поили этим спиртным пришедших солдат, пытаясь таким образом задобрить их, но это лишь спровоцировало пьяные поджоги. Сам Шерман не отдавал приказ сжечь город, но некоторые из его людей, бесспорно, поучаствовали в этом, а все попытки офицеров воспрепятствовать этому запоздали. С другой стороны, многие военные, включая самого Шермана, всю ночь пытались тушить пожары, а вовсе не носились с факелами. Лишь подувший в три часа ночи штормовой ветер спас значительную часть города от пожара. В любом случае, Колумбия разделила бы участь других районов Южной Каролины, подвергшихся тотальному опустошению⁴².

Шерман оставлял врага в неведении относительно своих планов до середины марта, когда стало ясно, что он направляется в Голдсборо на соединение с 30-тысячной армией, шедшей от побережья. К тому времени южане перешли к отчаянным наскокам — Джонстон рассчитывал разбить один из флангов армии Шермана, прежде чем основная часть его сил успеет прийти на помощь. 16 марта две дивизии Джонстона вступили в бой с вдвое превосходившим их противником около Эверисборо, в тридцати с небольшим милях от Роли. После этого сражения южане убедились, что два фланга армии Шермана разошлись на дюжину или более миль друг от друга. 19 марта Джонстон сконцентрировал свою пехоту (17 тысяч человек) против не уступавших ей сил противника близ Бентонвилла. Для

42 Lucas M. B. Sherman and the Burning of Columbia. College Station (Tex.), 1976. Этот блестящий анализ сокращает приблизительный ущерб, нанесенный Колумбии, до одной трети ее зданий, в основном деловых, а не жилых кварталов.

конфедератов все началось хорошо, но янки возвели укрепления и отразили последующие атаки. Ночью и весь следующий день Шерман активно перебрасывал свои войска на левый фланг. 21 марта одна дивизия северян прорвала левый фланг противника, но Шерман не стал развивать наступление и под покровом ночи позволил Джонстону отойти.

Что же было причиной такого нежелания покончить с врагом, которого федералы превосходили втрое? Шерман хотел отвести свои утомленные войска в Голдсборо, где они могли пополнить припасы после семи недель непрерывных маршей и стычек. Кроме того, несмотря на свою репутацию, Шерман весьма бережно относился к солдатам. «Я не хочу терять людей в лобовой атаке, когда этой атаки вполне можно избежать», — говорил он — и предпочитал побеждать стратегическим маневрированием, а не в сражениях⁴³. Шерман сознавал, что война почти окончена и уничтожение ресурсов противника его армией внесло в это дело немалый вклад. Слабая и деморализованная армия Джонстона не могла, по мнению Шермана, долго противостоять ему, поэтому самым важным было позволить войскам отдохнуть и получить пополнение, а потом двинуться в Виргинию, чтобы помочь Гранту «покончить с Ли».

43 O. R. Ser. I. Vol. 47, pt. 2. P. 910.

28.

«Мы все американцы»

I

У Конфедерации оставался последний ресурс — рабы. В начале войны только единицы южан предлагали вооружить рабов, чтобы те сражались за своих хозяев — большинству такая мысль казалась в лучшем случае нелепой, а в худшем — изменнической. При наличии президента, осуждавшего освобождение и вооружение рабов северянами как «самое отвратительное событие за всю историю человеческих грехов», требовалась отчаянная смелость, чтобы предположить, что Конфедерация когда-нибудь вручит оружие своим рабам¹.

Однако после падения Вилксберга и поражения при Геттисберге эти голоса уже не были такими редкими. Некоторые газеты в Миссисипи и Алабаме стали высказываться парадоксальным образом. «События вынуждают нас пойти на шаг, попирающий нашу гордость и все устои, которые были у нас до войны... [Враг] крал наших рабов и превращал их в своих солдат... Для нас будет лучше использовать негров для самозащиты, чем превратить их в орудие янки... мы можем принудить их воевать лучше, чем это делают янки. Хозяева и надсмотрщики могут заставить их воевать благодаря своему положению и привычки рабов к покорности, так же как они заставляют

1 Durden R. The Gray and the Black: The Confederate Debate on Emancipation. Baton Rouge, 1972. P. 24.

их трудиться». Конечно, писала Jackson Mississippian, «такой шаг произведет революцию в системе нашей промышленности» и, возможно, приведет к повсеместному освобождению рабов, «великому бедствию как для черной, так и для белой расы». Но если война будет проиграна, с рабовладением так или иначе придется расстаться: «Поэтому настала необходимость выбрать меньшее из двух зол... Мы обязаны... спастись от ненасытного Севера любой ценой»².

Генерал Патрик Клеберн думал так же. Уже в январе 1864 года он довел эти идеи до сведения дивизионных и корпусных командиров Теннессийской армии. Юг проигрывает войну, утверждал Клеберн, потому что уступает Северу по человеческим ресурсам: «А рабство, в начале войны бывшее одним из главных источников нашей силы, сегодня с военной точки зрения превратилось в один из главных источников нашей слабости». Прокламация об освобождении, продолжал Клеберн, дала противникам моральное право обосновать свои территориальные завоевания, превратила рабов в их союзников, поставила под вопрос безопасность внутренних районов Юга и отвратила европейские державы от Конфедерации. «[Ныне нам угрожает] потеря всего для нас святого: не только рабов и другого личного имущества, но и земель, усадеб, свободы, правосудия, безопасности, гордости и мужества». Чтобы спасти последние, нужно поступиться первым. В конце Клеберн предложил сформировать армию рабов, «гарантировав свободу в недалеком будущем каждому рабу, оставшемуся верным Конфедерации»³.

Проект Клеберна одобрили двенадцать бригадных и полковых командиров его дивизии. Это грозило потенциальной революцией, так как инициатива о вооружении рабов перестала быть фантазией редакторов газет, а исходила уже от действующей армии, без которой невозможно было спасение Конфедерации. Аргументы Клеберна задели за живое лидеров Конфедерации, так как указывали на коренную неопределенность смысла ее существования. Была ли сецессия средством увековечивания рабства, или, наоборот, рабство было средством сохранения Конфедерации, которым можно пожертвовать, если оно перестало преследовать такую цель? В 1861 году немногие южане видели здесь дилемму — рабство и независимость были одновременно и средством и целью в едином симбиозе, и одно было необходимым для существования другого. Однако через три года все больше и

2 Durden R. The Gray and the Black... P. 30—35, 42—44.

3 O. R. Ser. I. Vol. 52. pt. 2. P. 586, 592.

больше конфедератов стали интересоваться, не настала ли для них пора сделать выбор. «Рабство не должно стать препятствием к нашей независимости, — затянула новую песню *Jackson Mississippian*. — Хотя рабство и было одним из тех принципов, ради которых мы начали нашу борьбу... если оно стало непреодолимой помехой нашей свободе и государственности, тогда надо отменить его!»⁴

Впрочем, когда Клеберн вынашивал свои планы, такие мысли все еще считались опасными. Генералитет Теннессийской армии в массе своей возражал против предложения Клеберна, некоторые военачальники негодовали. «Чудовищное предложение, — писал командир одной из дивизий, — ниспровергающее все помыслы, гордость и честь Юга». Командующий одного из корпусов возненавидел такой план: «Он объявил войну моим общественным, моральным и политическим принципам». Ошеломленный и возмущенный командир бригады уверял: «Мы не побеждены, нас просто нельзя победить. Сложившаяся ситуация отнюдь не требует столь сильных средств... Это предложение противоречит принципам, за которые мы сражаемся»⁵.

Убежденный в том, что «обнаrodование таких высказываний» приведет к «упадку духа, разброду и шатанию» в армии, Джефферсон Дэвис приказал генералам прекратить обсуждение этого вопроса⁶. Их согласие с президентом было настолько единодушным, что эти разговоры не вышли за пределы узкого круга офицеров-южан, пока правительство Соединенных Штатов через четверть века не опубликовало «Официальные отчеты» о войне. Единственным следствием выступления Клеберна было прекращение продвижения по служебной лестнице этого самого талантливого из дивизионных командиров Юга, погибшего десять месяцев спустя в битве под Франклином.

К тому времени незавидные перспективы Конфедерации вновь заставили зазвучать голоса, выступавшие за вооружение негров. В сентябре 1864 года губернатор Луизианы заявил, что «настало время призвать в армию всех способных держать оружие чернокожих мужчин». Месяц спустя на встрече губернаторов шести других штатов, было выдвинуто довольно туманное предложение мобилизовать негров «для общественных работ, которые могут потребоваться». Когда это стало известно, все губернаторы кроме двух (Виргинии

4 Durden R. The Gray and the Black... P. 31—32.

5 O. R. Ser. I. Vol. 52, pt. 2. P. 598—599.

6 O. R. Ser. I. Vol. 52, pt. 2. P. 608.

и Луизианы) поспешили заверить, что не имели в виду вооружение рабов. 7 ноября Джефферсон Дэвис предложил Конгрессу купить 40 тысяч рабов, чтобы те исполняли функции кучеров, саперов и подсобных работников, обещав им свободу за «верную службу». Однако и это весьма осторожное предложение оказалось чрезмерно радикальным для прессы и большей части Конгресса. *Richmond Whig* объявила, что такая мера — предвестник аболиционизма. Идея освобождения рабов за безупречную службу основана на ложном доводе, «что свобода для раба предпочтительнее подневольного состояния, и поэтому может быть дарована ему как награда». «Это игнорирование мнения всех нас... которые считают рабство божественно вдохновленным установлением, введенным для блага самих рабов»⁷.

Конгресс не откликнулся на просьбу президента, но проблема никуда не делась. Хотя в своем послании от 7 ноября Дэвис выступал против вооружения рабов *сейчас*, он также многозначительно добавил: «Если в будущем не будет другой альтернативы, кроме как отправить рабов сражаться, не приходится сомневаться, каким будет наше решение». Не прошло и трех месяцев, как необходимость пойти на это возникла. Президенту и кабинету пришлось делать выбор. «Мы вынуждены, — говорил Дэвис в 1865 году, — выбирать, будут ли негры сражаться за нас или против нас»⁸. И в первом случае, тут же отозвались некоторые газеты, это совсем не обязательно приведет к полному их освобождению. Возможно, тех, кто сражался, и следует освободить, но эта мера «коснется отдельных представителей расы, а не самого института». Если этот шаг позволит южанам разбить янки, это будет единственным способом спасти институт рабства. «Если освобождение части рабов приведет к сохранению прежнего статуса для остальных, то такое частичное освобождение — очевидная мера для укрепления рабовладения». Некоторые сторонники такого шага пошли еще дальше и заявили, что для принуждения рабов сражаться достаточно простой дисциплины, а не обещания свободы. Генерал Фрэнсис Шауп уверял: «Чтобы сделать из них хороших солдат, совсем необязательно давать им свободу или обещать ее в будущем... Это как если обещать отпустить на волю повара... чтобы обеспечить себе вкусные ужины»⁹.

7 O. R. Ser. I. Vol. 41, pt. 3. P. 774; Davis. VI. P. 394—397; Durden R. The Gray and the Black... P. 110.

8 Davis. VI. P. 396; O. R. Ser. IV. Vol. 3. P. 1110.

9 Durden R. The Gray and the Black... P. 79, 121, 214.

Такие рассуждения побудили одного разочарованного происходящим редактора написать: «Мы так и не смогли избавиться от вредной привычки не верить в то, во что не хотим верить»¹⁰. Большинство принимавших участие в дискуссии признавали, что если рабы превратятся в солдат, то им и, может быть, даже их семьям следует пообещать свободу, иначе они перебегут к врагу при первой же возможности. Если вооружить сто или двести тысяч рабов (чаще всего назывались именно такие цифры), то освободить пришлось бы по меньшей мере полмиллиона. Помня о миллионе уже освобожденных северянами, трудно рассчитывать на сохранение института рабства, возражали их оппоненты.

Эти оппоненты оставались в большинстве до февраля 1865 года, когда стучавшиеся в ворота Ричмонда федералы превратили их аргументы в чистое теоретизирование. Мы можем победить без помощи негров, говорили они, если в строй вернутся все уклонисты и дезертиры, а вся нация с новой силой посвятит себя общему делу. «Свободные люди Конфедеративных Штатов должны сражаться за свое спасение, или они превратятся в рабов своих рабов», — возвестила издаваемая старыми сецессионистами — двумя Робертами Барнуэллами Реттами, отцом и сыном — *Charleston Mercury*. «День, когда армия Виргинии допустит в свои ряды первый негритянский полк, станет днем ее падения, позора и деградации», — бушевал Роберт Тумбс. Его земляк из Джорджии Хауэлл Кобб соглашался с ним: «В тот момент, когда вы прибегнете к помощи негров, белые солдаты будут для вас потеряны... День, когда рабы превратятся в солдат, станет началом конца нашей независимости. Если рабы могут стать хорошими солдатами, то нужно выбросить в утиль всю идеологию рабства»¹¹.

А разве не за эту идеологию сражались южане? Вооружить и освободить рабов «будет самым вопиющим случаем выставления себя дураками», заявляли отец и сын Ретты. «Это и есть аболиционизм... та самая доктрина, ради ниспровержения которой мы начинали войну», — утверждала газета из Северной Каролины. Освобождение рабов «будет предательством самой сущности цивилизации Юга», вторила ей *Richmond Examiner*¹². Многие южане вообще предпочитали проиграть войну, чем победить в ней с помощью чернокожих.

10 Ibid. P. 147.

11 *Durden R. The Gray and the Black...* P. 99; *Foote S. Civil War. III.* P. 860; *O. R. Ser. IV. Vol. 3.* P. 1009—1010.

12 *Durden R. The Gray and the Black...* P. 99, 114, 177; *Escott P. D. After Secession: Jefferson Davis and the Failure of Confederate Nationalism. Baton Rouge, 1978.* P. 154.

«Сама победа будет бесславной, если радость от нее придется разделить с рабами», — отрезал конгрессмен от Миссисипи. «Бедняки... будут приравнены к черномазым, — негодовала *Charleston Mercury*. — Их жен и дочерей будут толкать на улице бывшие служанки, а развязные похотливые нигтеры станут пожирать их глазами». Сенатор от Техаса Луис Уигфолл «не хотел бы жить в стране», где тот, кто начищал ему сапоги и скреб его лошадь, «внезапно стал бы ему ровней». «Если нам уготована ужасная судьба, — подытожила *Lynchburg Republican*, — то мы предпочтем, чтобы орудием ее стал Линкольн, нежели мы сами, наносящие себе предательский и самоубийственный удар»¹³.

Однако шокирующий эффект ультиматума Линкольна о безоговорочной капитуляции на встрече в Хэмптон-Роудс способствовал тому, что администрация Дэвиса нашла возражения на аргументы своих оппонентов. Весь февраль из окопов под Питерсбергом солдаты писали петиции, ставящие под сомнение категорическое нежелание белых воевать бок о бок с неграми. «[Безусловно,] рабство является обычным состоянием для негра... неотделимым от [его] благополучия и счастья... как свобода для белого человека, — писали из 56-го Виргинского полка, — но если необходимость требует того, чтобы некоторое количество наших рабов было призвано в армию для [поддержки] нашего правительства, мы готовы уступить заблуждениям о пользе свободы для раба»¹⁴.

Мнение генерала Ли должно было стать решающим. Несколько месяцев ходили слухи, что он одобряет призыв рабов, и он действительно выражал частное мнение: «Мы должны незамедлительно дать им оружие, [даже] ценой риска для наших общественных институтов». 18 февраля он нарушил молчание, обратившись с письмом к лоббисту законопроекта о призыве негров. «[Этот шаг] не только целесообразен — он необходим, — писал Ли. — При определенных обстоятельствах негры могут принести пользу на передовой. Я считаю, что мы должны поступить с ними по крайней мере так же, как и враги... Те, кто будет сражаться, должны получить свободу. Будет несправедливо и недальновидно... требовать от них служить на положении рабов»¹⁵.

13 Durden R. *The Gray and the Black...* P. 94, 140; Wiley B. I. *Southern Negroes 1861—1865*. New Haven, 1938. P. 156—157; Coulter E. M. *The Confederate States of America 1861—1865*. Baton Rouge, 1950. P. 268.

14 Durden R. *The Gray and the Black...* P. 222—223.

15 O. R. Ser. IV. Vol. 3. P. 1012—1013; Durden R. *The Gray and the Black...* P. 206.

Огромный авторитет Ли с трудом, но все же склонил чашу весов на сторону тех, кто ратовал за призыв рабов. Хотя влиятельная *Richmond Examiner* и выражала сомнения в том, что Ли является «добрым южанином», раз уж он не вполне разделяет мнение о «справедливости и благословенности рабства для негров», даже эта антиправительственная газета признавала, что «страна не может отказать генералу Ли... ни в какой его просьбе»¹⁶. 40 голосами против 37 нижняя палата приняла проект, поручавший президенту составить квоты рабов для каждого штата. Соблюдая принцип прав штатов, в законопроекте не было сказано о даровании будущим солдатам свободы. Тем не менее Сенат с перевесом в один голос отклонил проект, причем оба сенатора из родного штата Ли проголосовали против. Тем временем легислатура Виргинии приняла собственный закон о призыве чернокожих солдат, опять-таки не гарантируя предоставление им свободы, и призвала своих сенаторов все же проголосовать «за». Те подчинились, обеспечив победу сторонников проекта (9 против 8 при нескольких воздержавшихся). 13 марта законопроект превратился в закон. За несколько оставшихся недель существования Конфедерации ни один штат не последовал примеру Виргинии. Две негритянские роты, спешно сформированные в Ричмонде, так и не вступили в бой. Большинство этих людей так и не получили свободу до вступления янки (во главе с негритянским кавалерийским полком) в столицу Конфедерации 3 апреля¹⁷.

Предсмертная дипломатическая уловка, призванная обеспечить признание Конфедерации со стороны Великобритании и Франции, также оказалась безрезультатной. Эту попытку совершил Дункан Кеннер, конгрессмен от Луизианы и один из крупнейших рабовладельцев Юга. Он еще с 1862 года был убежден в том, что рабство тянет ко дну внешнюю политику Конфедерации, и обдумывал планы более гибкого дипломатического поведения. Все его предложения повисали в пустоте до декабря 1864 года, когда Кеннера пригласил Дэвис и согласился, что настало время выложить на стол последний

16 Durden R. *The Gray and the Black...* P. 199, 226.

17 Инструкции военного министерства, руководившего процессом набора рабов, предлагали некое квазиосвобождение. В них говорилось, что раб может быть призван в армию со своего согласия и с согласия своего хозяина, который был обязан дать рабу письменное подтверждение того, что тот «наделается правами свободного гражданина». Значила ли эта туманная директива фактическое освобождение, как утверждают иные историки, не прояснится уже никогда. См.: Durden R. *The Gray and the Black...* P. 268—270; Escott P. D. *After Secession...* P. 252; Thomas E. *The Confederate Nation 1861—1865*. NY, 1979. P. 296—297.

kozyрь. Кеннер отправился в Париж и Лондон в качестве специального посланника, уполномоченного предложить освобождение негров в обмен на признание со стороны Европы. Дэвис, естественно, не мог предложить это Конгрессу, а законодатели, в свою очередь, — штатам, имевшим конституционное право отменить рабство, но расчет был на то, что европейские державы не обратят внимания на такие тонкости.

Судьбу миссии Кеннера определили трудности с его отбытием. Падение форта Фишер делало невозможным его посадку на контрабандное судно, поэтому Кеннер был вынужден тайно выехать в Нью-Йорк и сесть там на корабль, шедший во Францию. Наполеон III, как обычно, отказался предпринимать что-либо без оглядки на Лондон, поэтому Джеймсу Мэйсону пришлось сопровождать Кеннера в Англию, где 14 марта они представили свое предложение Пальмерстону. В который раз конфедераты получили суровый урок дипломатии: ничто так не помогает делу, как военные успехи. «По вопросу о признании Конфедерации, — сообщал Мэйсон государственному секретарю Бенджамину, — правительство Великобритании никогда не было вполне убеждено в том, что мы достигнем безусловной независимости, и не собирается признавать нас [сейчас], когда события последних недель развиваются крайне неудачно для нас... Наши морские порты попали в руки врага, марш Шермана состоялся практически беспрепятственно и т. д. Все это скорее усилило их опасения, нежели развеяло их»¹⁸.

II

Пока Юг вел дискуссии о взаимосвязи рабства и дела Конфедерации, Север действовал. Линкольн воспринял свое переизбрание как мандат на принятие Тринадцатой поправки и бесповоротное упразднение рабства. Избиратели отправили многих конгрессменов-демократов в отставку, но до истечения полномочий 38-го Конгресса 4 марта 1865 года они сохраняли свои места и могли предотвратить принятие поправки необходимыми двумя третями голосов. В следующем составе Конгресса республиканцы имели три четверти мест и легко могли принять ее, поэтому президент в случае необходимости намеревался созвать в марте Конгресс на специальную сессию по

18 Owsley F. L. *King Cotton Diplomacy: Foreign Relations of the Confederate States of America*. Chicago, 1931. P. 550—561.

этому вопросу. Однако он предпочел бы принять поправку раньше, двухпартийным большинством, демонстрирующим единство в годы войны, которое Линкольн считал очень важным для общей победы. «В эпоху великих кризисов, таких как наш, — говорил он в своем послании Конгрессу от 6 декабря 1864 года, — единодушие среди союзников по главному вопросу не то что желательно — оно просто необходимо». Это было скорее идеальным, чем реальным представлением, так как большинство военных законов, особенно касавшиеся рабства, были приняты исключительно голосами республиканцев, однако Линкольн, говоря о историческом значении победы над рабовладением, призывал демократов согласиться с «волей большинства», выраженной на выборах¹⁹.

Впрочем, большинство демократов предпочло остаться на прежних позициях. Даже если войне суждено было погубить рабство, они отказывались участвовать в его похоронах. Демократическая партия официально осталась в оппозиции к Тринадцатой поправке как к «недалновидной, неразумной, жестокой и недостойной поддержки со стороны цивилизованных людей». Но в партии нашлись те, кто думал иначе. По словам одного из таких людей, катастрофа демократов в 1864 году была обусловлена тем, что они «не решились освободиться от омертвевшего остова рабства негров». Другой заявил, что настаивать на неприятии поправки значит «просто превращаться в группу оторванных от реальности лиц, способных на дельные решения не больше чем старый джентльмен из „Дэвида Копперфильда“»²⁰. Воодушевленная такими настроениями, администрация Линкольна обрушила на десяток уходивших из Конгресса демократов потоки лести — кампания проходила под чутким руководством госсекретаря Сьюарда. Одним конгрессменам или их родственникам были обещаны видные посты, другим — преференции иного рода²¹.

Политика кнута и пряника в итоге сработала, хотя до голосования в Палате представителей 31 января 1865 года никто не брался предсказать его итог. После того как на поименном голосовании обнаружилось, что некоторые демократы голосуют за поправку,

19 CWL. VIII. P. 149.

20 Dell C. Lincoln and the War Democrats. Rutherford (NJ), 1975. P. 290; CG, 38 Cong., 2 Sess., P. 525; Silbey J. H. A Respectable Minority: The Democratic Party in the Civil War Era, 1860—1868. New York, 1977. P. 183.

21 Randall J. G., Current R. N. Lincoln the President: Last Full Measure. New York, 1955. P. 307—313; Cox L., Cox J. H. Politics, Principle, and Prejudice 1865—1866: Dilemma of Reconstruction America. New York, 1963. P. 1—30.

настроение республиканцев улучшилось. В конечном итоге за проголосовали 16 из 80 демократов, причем полномочия 14 из них вскоре прекращались. Еще восемь демократов не участвовали в голосовании. Все это позволило принять поправку 119 голосами против 56. После объявления результата республиканцы и их сторонники из числа зрителей устроили беспрецедентно бурное ликование, а на улицах Вашингтона был дан салют из ста залпов. «Сцена совершенно не поддавалась описанию, — зафиксировал в своем дневнике один конгрессмен-республиканец. — Торжествующие крики моих коллег не смолкали несколько минут. Одни обнимались, другие плакали как дети. После голосования я почувствовал себя живущим в новой стране». В единодушном порыве нижняя палата проголосовала прервать заседание «в ознаменование этого незабываемого и величественного события»²².

Весть о принятии Тринадцатой поправки быстро распространилась по республиканским легислатурам штатов, заседания которых проходили в те же сроки. Восемь штатов ратифицировали поправку в первую же неделю, одиннадцать — в течение следующих двух месяцев. Еще пять штатов обязательно должны были ратифицировать ее, как только их легислатуры соберутся на заседание. Из всех штатов Союза воздержались от принятия поправки только те, в которых победил Макклеллан: Нью-Джерси, Кентукки и Делавэр²³. «Реконструированные» Луизиана и Арканзас также с готовностью ратифицировали ее. Администрация Линкольна, ведшая войну с позиции непризнания сецессии, требовала ратификации поправки тремя четвертями всех штатов, включая членов Конфедерации, поэтому одной из первейших задач реконструкции было заручиться согласием еще трех штатов, чтобы поправку можно было включить в Конституцию.

Среди радовавшихся и плакавших очевидцев принятия Палатой представителей Тринадцатой поправки было много чернокожих. Их присутствие было наглядным символом революционных перемен, закрепленных поправкой, так как до 1864 года в галереи Конгресса негры не допускались. В 1865 году чернокожие также были допущены и на мероприятия Белого дома, а президент во время инаугурационного приема 4 марта особенно отличал Фредерика Дугласа. Конгресс и северные штаты вводили законы, начавшие менять ситу-

22 George W. Julian's Journal // Indiana Magazine of History, 11, 1915. P. 327; CG, 38 Cong., 2 Sess. P. 531.

23 Нью-Джерси ратифицировал поправку в 1866 г., после установления контроля республиканцев над легислатурой.

ацию с «гражданством второго класса», которым обладали негры на Севере: чернокожим разрешалось свидетельствовать в федеральных судах; отменялся старый закон, запрещавший им разносить почту; воспрещалась сегрегация на общественном транспорте округа Колумбия; в некоторых северных штатах отменялись «законы о неграх», носившие дискриминационные черты или запрещавшие чернокожим занимать государственные должности; делались шаги к проведению в нескольких штатах референдумов с целью предоставления неграм избирательного права (первый такой состоялся лишь в 1868 году).

Едва ли не самое драматичное событие, свидетельствовавшее о произошедших переменах, состоялось 1 февраля, то есть на следующий день после принятия поправки нижней палатой. В этот день сенатор Чарльз Самнер представил в Верховном суде для утверждения кандидатуру бостонского судьи Джона Рока, и председатель суда Салмон Чейз принял его клятву. В этом не было бы ничего необычного, не будь Джон Рок чернокожим, первым негром, признанным высшим судом США, восемью годами ранее отказавшим представителям его расы в правах гражданства. Сам суд, конечно, за это время претерпел полную реконструкцию: Линкольн назначил пятерых новых судей, включая Чейза. Смена Роджера Тони на Салмона Чейза на посту председателя сама по себе была решительным переворотом американской судебной системы²⁴.

Новый состав суда неминуемо должен был столкнуться с важными вопросами освобождения рабов и реконструкции. Поставить эти вопросы должны были действия, предпринятые в отношении беглых рабов зимой 1864—1865 годов. Тысячи их сопровождали войска Шермана во время его марша от Атланты к морю. По сообщениям очевидцев, Шерман проявлял равнодушие к их судьбе, а некоторые офицеры и солдаты обращались с ними дурно. Для того чтобы покончить с проблемой и сопутствующими ей слухами, в январе в Саванну отправился военный министр Стэнтон, переговорил с Шерманом и лидерами чернокожих, большинство из которых раньше были рабами. Среди вопросов, заданных им Стэнтоном, был и такой: как они собираются содержать свои семьи в изменившихся условиях. Он услышал: «Лучше всего мы можем позаботиться о себе, если будет земля, которую мы будем брать в аренду и обрабатывать сами... Мы

24 В июне 1864 г. Линкольн наконец принял третье прошение Чейза об отставке. В октябре умер Тони, и два месяца спустя президент назначил Чейза председателем Верховного суда; отчасти это было проявлением признательности за свертывание оппозиционной деятельности радикального крыла партии.

хотим работать на земле, пока не сможем выкупить ее и сделать нашей собственностью»²⁵.

Стэнтон и Шерман одобрили эту мысль, и консервативно в общем-то настроенный генерал отдал самое радикальное распоряжение. В изданном 16 января «Особом боевом приказе № 15» Шерман предоставил в распоряжение бывших рабов земли прибрежных островов и богатые плантации от Чарлстона до Джэксонвилла во Флориде в 30-мильной зоне от побережья. Каждому главе семейства отводилось сорок акров земли, и он наделялся «правом собственности на нее», пока Конгресс «не установит иное»²⁶. Угодья эти принадлежали, естественно, рабовладельцам. Лишение их земель приказом Шермана, равно как и лишение их рабов Прокламацией об освобождении было мерой военного времени, санкционированной «военными властями». Тринадцатая поправка придавала намерениям Линкольна силу закона — оставалось только ждать, как Верховный суд, Конгресс и президент отреагируют на последствия приказа № 15. Однако армия ждать не желала. В течение нескольких следующих месяцев генерал Руфус Сэкстон — аболиционист, командовавший оккупационными силами Союза на прибрежных островах Южной Каролины, — лично руководил расселением 40 тысяч освобожденных негров на землях, указанных в приказе Шермана.

Военные мероприятия офицеров, управлявших оккупированными территориями, деятельность представителей Министерства финансов, наблюдавших за покинутыми плантациями, и обществ помощи освобожденным рабам, посылавших миссионеров и учителей, сделали необходимым создание правительственного органа для координации их усилий. К сожалению, эти группы работали вразнобой. В 1863 году Конгресс впервые принял закон об учреждении Бюро по делам освобожденных негров. Разногласия по поводу того, должно ли это агентство быть частью военного или финансового ведомства, отложили введение закона в действие до 3 марта 1865 года. К тому времени Чейз уже не возглавлял министерство финансов, поэтому радикальные республиканцы, желавшие, чтобы он руководил работой этого офиса, были согласны считать его подразделением военного министерства. Функциями Бюро (официально именовавшегося Бюро по делам беженцев, освобожденных рабов и пустующих земель) было предоставление материальной и духовной помощи сотням

25 *Liberator*. 1865. Feb. 24.

26 *O. R. Ser. IV. Vol. 47, pt. 2. P. 60—62.*

тысяч белых и черных беженцев, которых война сорвала с родных мест, и содействие освобожденным рабам в их непростом переходе от рабства к свободе. Также Конгресс предоставил Бюро контроль над «пустующими» землями, оговорив, что каждый отдельный освобожденный «должен получить не более сорока акров» такой земли в аренду на три года с возможностью ее выкупа по истечении данного срока, получая на нее такое право, «какое определит правительство Соединенных Штатов»²⁷. Это было расширенное толкование приказа № 15 Шермана. Сможет ли Конгресс установить какое-либо право на землю, оставалось пока неясным, но в любом случае создание Бюро по делам освобожденных стало беспрецедентным обращением федерального правительства к темам социального обеспечения и трудовых отношений. Здесь правительство ждали столь же беспрецедентные проблемы, порожденные освобождением четырех миллионов рабов и строительством нового общества на развалинах старого.

Успех или провал деятельности Бюро частично зависел от политических условий реконструкции. Этот вопрос поднимался на большей части заседаний Конгресса зимой 1864—1865 годов. Перспективы достижения компромисса с президентом казались благоприятными. Послевкусие от убедительной победы республиканцев сгладило противоречия, нараставшие после применения Линкольном «карманного вето» по законопроекту Уэйда — Дэвиса. Перевод Чейза в Верховный суд был еще одним шагом в русле сближения позиций президента и радикалов. Касаясь вопросов реконструкции в своем послании Конгрессу от 6 декабря, Линкольн намекнул на вероятность «более жестких мер, чем приняты к настоящему дню»²⁸. Такая готовность прислушаться к мнению Конгресса уже наполовину подготавливала почву для принятия нового билля о реконструкции. Контуры этого закона были вскоре намечены в ходе переговоров Линкольна с лидерами парламентского большинства: Конгресс соглашался с проведенной реконструкцией Луизианы и Арканзаса (к которым вскоре должен был присоединиться Теннесси) в обмен на обещание президента подписать закон, касавшийся остальных штатов бывшей Конфедерации, близкий к варианту Уэйда — Дэвиса.

Представленный нижней палате, этот новый билль гарантировал избирательное право «для всех мужчин», включая чернокожих.

27 U. S. Statutes at Large. XIII. P. 507—509.

28 CWL. VIII. P. 152.

Линкольну удалось убедить председателя комитета, ответственного за доработку этого проекта, ограничить это право, даровав его только тем чернокожим, кто сражался в армии. Следующие два месяца билль непрерывно правился как в самом комитете, так и на заседаниях палаты. На одном этапе вместе с солдатами в привилегированную категорию попадали и все грамотные негры, на другом вообще снимались все расовые ограничения, на третьем — положения законопроекта опять распространились на Луизиану с Арканзасом. Демократы блокировались с умеренными республиканцами, чтобы провалить более радикальные варианты билля, и с радикальными — чтобы не прошли консервативные, так что законопроект не имел шанса быть принятым. Не желая способствовать росту сторонников президентского варианта реконструкции, радикалы объединились с демократами и не допустили в состав Конгресса сенаторов и представителей от Луизианы. Таким образом, 38-й Конгресс завершил свою деятельность, не предприняв дальнейших шагов по вопросу реконструкции. Радикальные республиканцы сочли, что это даже к лучшему. В следующий состав Конгресса прошло больше радикалов и меньше демократов, заметил один из них: «А пока, я надеюсь, народ лучше поймет наши требования всеобщего избирательного права»²⁹.

Перспектива «растолковать» эти требования и Линкольну казалась заманчивой. Политические взгляды президента в ходе войны неуклонно дрейфовали влево: сначала он не признавал освобождения рабов, потом склонялся к ограниченному освобождению и возможности колонизации, а затем — к всеобщему освобождению и ограниченному избирательному праву. Такой тренд вполне мог привести его на момент окончания войны к признанию всеобщего избирательного права. Призывы Линкольна во второй инаугурационной речи о «недопустимости мщения» и о «милосердии для всех» не оставляли сомнений в этом, несмотря на то что в этих словах имелось в виду скорее гуманное обращение с бывшими мятежниками. В то же время эта речь свидетельствовала о решимости президента продолжать войну, пока с рабством не будет покончено. «Мы искренне надеемся и истово верим, что этот Божий бич — война — закончится как можно скорее, — сказал шестнадцатый президент

29 Слова конгрессмена Джеймса Эшли цит. по: Boston Commonwealth. 1865. March 4. Тщательный анализ запутанных дебатов и голосований по реконструкции см.: Belz H. Reconstructing the Union: Theory and Policy during the Civil War. Ithaca, 1969. P. 244—276.

Соединенных Штатов в начале своего второго срока. — Однако если Господу угодно, чтобы она продолжалась, пока все богатства, созданные двухсотпятидесятилетним безвозмездным трудом рабов не обратятся в пыль, пока за каждую каплю крови от удара хлыста не воздастся каплей крови от удара меча, как было сказано три тысячи лет назад, пусть так же будет сказано и сейчас: „Суды Господни истина, все праведны”» (Пс. 19:9)³⁰.

III

Улисс Грант был уверен, что Судный день не заставит себя долго ждать. Зимой союзные войска под Питерсбергом продвигались на запад, чтобы перерезать последнюю дорогу, ведущую в город с юга, и угрожали последней находившейся в распоряжении южан железнодорожной линии. 55-тысячная армия Ли таяла из-за дезертирства, весеннее солнце сушило дороги после необычайно сырой и дождливой зимы, и успех 120-тысячной армии Гранта был лишь вопросом времени. Ожидалось, что Шерман выйдет в тыл Ли к концу апреля, но Грант хотел, чтобы Потомакская армия «победила своего извечно-го соперника» без посторонней помощи, чтобы избежать в будущем насмешек шермановских ветеранов. «Я хочу покончить с этим делом здесь», — говорил главнокомандующий Филипу Шеридану. Больше всего Гранта беспокоило то, что одним прекрасным утром он не увидит против себя южан, ушедших на соединение с 20-тысячным войском Джонстона для совместного нападения на Шермана³¹. Ли, совершенно очевидно, обдумывал подобный план, но таким образом он давал Гранту долгожданную возможность выманить южан из окопов на открытую местность.

К марту Ли убедился в том, что вскоре ему придется оставить укрепления Питерсберга, чтобы избежать окружения. Это бы означало и падение Ричмонда, но это было бы не так фатально, как поражение армии — единственной силы, оставшейся у Конфедерации. Для того чтобы вынудить Гранта сократить фронт и ослабить мертвую хватку, препятствовавшую отходу южан, Ли запланировал неожиданную атаку на позиции врага к востоку от Питерсберга. В ночь на 25 марта командующий корпусом южан Джон Гордон

30 CWL. VIII. P. 333.

31 *Catton B. Grant Takes Command*. Boston, 1969. P. 437; *Personal Memoirs of U. S. Grant*. 2 vols. NY, 1886. II. P. 424—425, 430—431, 459—461.

послал фальшивых дезертиров, сначала побратавшихся с дозорными янки напротив форта Стедман, а затем повязавших их, после чего дивизии Гордона ворвались в сонный форт. Захватив несколько артиллерийских батарей и полмили траншей, конфедераты, казалось, совершили блестящий прорыв, однако северяне в ходе контратаки вернули все потерянное, присовокупив к этому передовые окопы конфедератов, окружив там многих мятежников и вынудив их сдать-ся. Южане потеряли около 5000 человек, федералы лишь 2000. Вместо того чтобы вынудить Гранта сузить фронт, Ли пришлось растянуть свой до предела, и Грант не замедлил воспользоваться этим.

29 марта он приказал одному из пехотных корпусов и кавалерии Шеридана, недавно вернувшейся из долины Шенандоа, обойти правый фланг конфедератов в десяти милях к югу от Питерсберга. Ли послал Джорджа Пикетта во главе двух пехотных дивизий под проливным дождем, чтобы помочь измотанной кавалерии остановить их движение. В ходе ожесточенного боя на размокшей земле в последний день марта федералы действительно были ненадолго задержаны, однако на следующее утро они стали окружать изолированный отряд Пикетта у перекрестка дорог, известного под названием Файв-Форкс. Спешившиеся солдаты Шеридана, вооруженные скорострельными карабинами, пошли в лобовую атаку, пока 5-й корпус Гувернера Уоррена медленно обходил Пикетта с фланга. Появляясь то тут, то там, уговорами и проклятиями призывая пехоту двигаться быстрее и бить сильнее, Шеридан наконец сумел скоординировать наступление, завершившееся самой крупной победой в начавшейся в Глуши почти год назад этой долгой кампании. Дивизии Пикетта были разгромлены, половина солдат сдалась торжествующим янки, а другая обратилась в беспорядочное бегство. Когда весть об этом достигла ставки Гранта, он приказал начать наступление по всему фронту на следующий день — 2 апреля.

Оно началось на заре, причем Потомакская армия атаковала с таким воодушевлением, какого за ней уже давно не замечалось. В свою очередь Северовиргинская армия, усталая, голодная, потерявшая свыше одной пятой своих сил в сражениях 25 марта и 1 апреля, больше не могла сдерживать янки. Шеридан взял под контроль последнюю железную дорогу на Питерсберг, а пехота прорвала фронт конфедератов в нескольких местах к юго-востоку от города. Мятежники вели ожесточенные арьергардные бои, целью которых было лишь успеть до темноты отойти к внутренним укреплениям — а затем отходить дальше.

Ли знал, что должен оставить город. В этот теплый воскресный день Джефферсон Дэвис находился на службе в церкви Св. Павла в Ричмонде, когда ему передали телеграмму. Ли сообщал о том, что Ричмонд невозможно отстоять. Побледнев, президент покинул церковь, не обмолвившись словом, но прихожане, глядя на него, обо всем догадались; новость быстро распространилась по городу. Все, кто мог выпросить, одолжить или попросту украсть транспортные средства, покинули Ричмонд. Правительственные чиновники заполняли ветхие вагоны остатками казначейского золота и архивами, которые могли взять с собой (остальные пришлось сжечь). Огню также были преданы все военные и экономические объекты Ричмонда. Ночью армия ушла из города, и толпы начали поджигать то, что не успели сжечь солдаты. Южане оставили от своей столицы меньше, чем северяне от Атланты или Колумбии. Когда янки на следующее утро вошли в Ричмонд, их первоочередными задачами стали наведение порядка и тушение пожаров. Среди частей, исполнявших в Ричмонде роли пожарных и полицейских, был полностью сформированный из чернокожих 25-й корпус.

За военными в Ричмонд прибыло и гражданское лицо № 1 — Авраам Линкольн. Президент взял короткий отпуск от дел в Вашингтоне, чтобы побывать в расположении Потомакской армии как раз перед тем, как та отбила атаку конфедератов у форта Стедман. Желая остаться в ставке до конца, который казался неминуем, Линкольн стал гостем генерала Гранта. Главнокомандующий и верховный главнокомандующий въехали в Питерсберг 3 апреля, спустя лишь несколько часов, как Северовиргинская армия оставила город. Вскоре Грант отправился на запад, чтобы преградить путь Ли, а президент вернулся на союзную базу на реке Джеймс и сказал адмиралу Дэвиду Портеру: «Хвала небесам, я дожил до этого дня. Мне кажется, что все четыре года я видел ужасный сон, и вот кошмар отступил. Я хочу видеть Ричмонд»³². Портер отвез Линкольна во вражескую столицу, где президент Соединенных Штатов вошел в кабинет президента Конфедеративных Штатов лишь через сорок часов после того, как Дэвис его покинул.

Визит Линкольна в Ричмонд стал одной из самых ярких сцен этой навечно оставшейся в памяти войны. Сопровождаемый лишь десятью матросами, президент гулял по улицам города, пока Портер с беспокойством всматривался в каждое окно, за которым могли

32 Foote S. Civil War. III. P. 896.

прятаться убийцы. Однако вскоре Освободителя окружила плотная толпа чернокожих, кричавших: «Слава Богу! Слава! Слава! Благослови его Господь! Великий Мессия! Я узнал его, как только увидел! Его образ хранился в моем сердце эти четыре долгих года! Приди и освободи своих детей из рабства! Слава, аллилуйя!» Некоторые освобожденные рабы дотрагивались до Линкольна, чтобы убедиться в его реальности. «Я знаю, что я свободна, — кричала одна старая негритянка, — потому что я увидела Отца Авраама и прикоснулась к нему». Ошеломленный таким неистовым проявлением чувств, Линкольн обратился к одному чернокожему, который пал перед ним ниц: «Не стоит преклонять колени передо мной. Это неправильно. Ты должен простираться лишь перед Господом и Его благодарить за ту свободу, которой будешь наслаждаться в будущем»³³. Среди репортеров северных газет, описавших это событие, находился и тот, чье присутствие стало символом совершившейся революции. Это был Моррис Честер, писавший корреспонденцию для *Philadelphia Press* за столом в Капитолии Конфедерации. «Никогда еще Ричмонд не давал такого торжественного спектакля, — писал он. — Какая восхитительная смена декораций после расставания со всеми грезами Юга!»³⁴ Честер был чернокожим.

Для Роберта Ли и его солдат грезы обернулись кошмаром. Уменьшившаяся до 35 тысяч человек, потрепанная армия, отошедшая из Питерсберга и Ричмонда, сосредоточилась в городке Амелия в 35 милях к западу, где голодные солдаты рассчитывали найти запасы продовольствия. Из-за общей неразберихи они нашли только боеприпасы — последнее, что им было нужно, так как их изможденные лошади едва могли тащить орудия. Задержка для поиска пропитания в окрестностях стала фатальной. Ли намеревался пойти вдоль железной дороги на юг к Дэнвиллу, где он мог объединиться с Джонстоном и откуда 4 апреля Джефферсон Дэвис обратился к нации с воодушевляющим призывом: «Избавленная от необходимости защищать города... наша армия свободно передвигается от одного пункта до другого... Здесь враг отрезан от своих баз... для окончательного триумфа нам нужно проявить... лишь неумолимую решительность»³⁵. Однако враг был ближе к Дэнвиллу, чем

33 Davis B. *To Appomattox: Nine April Days, 1865*. NY, 1959. P. 184; Foote S. *Civil War*. III. P. 897; Coffin C. C. *The Boys of '61*. Boston, 1896, P. 538—542.

34 Philadelphia Press. 1865. April 11, 12.

35 Davis. VI. P. 529—531.

армия Ли. Преследуя отступавших мятежников, в нескольких милях к югу находились кавалерия Шеридана и три пехотных корпуса. 5 апреля они перерезали железную дорогу, ведущую в Дэнвилл, вынудив Ли избрать целью Линчберг и перевал через Блу-Ридж.

Но и эта цель не была достигнута измотанными и павшими духом южанами из-за стремительности их преследователей, почувывших близость конца войны. Разящие атаки союзной кавалерии всякий раз приносили десятки пленных; сотни южан в изнеможении валялись на обочину и ждали, когда их подберут янки. 6 апреля около мутного ручья Сейлерс-Крик три федеральных корпуса отрезали четверть армии Ли, взяли в плен 6000 человек и уничтожили большую часть обоза. «Господи, — воскликнул Ли, узнав об этом, — неужели армии больше нет?»³⁶

Армия еще существовала, но дни ее были сочтены. Пока уцелевшие мятежники пробирались на запад, 7 апреля Грант послал Ли предложение сдаться. Тот сначала решил выяснить условия северян. Федеральный командующий предложил те же условия, что и под Висксбергом: освобождение под честное слово до обмена. Так как капитуляция Ли означала фактический конец войны, пункт об обмене был простой формальностью. 8 апреля напряжение нарастало, Грант свалился в приступом мигрени, а Мид — тошноты. К тому же Ли ответил размытым предложением обсудить условия общего «мирного соглашения», что было политическим вопросом, лежавшим вне компетенции Гранта. Услышав об этом, Грант покачал головой и заявил: «Похоже, Ли собирается драться»³⁷.

У Ли действительно был такое намерение: утром 9 апреля он хотел атаковать Шеридана, заблокировавшего дорогу около здания суда города Аппоматокс. Мирную атмосферу вербного воскресенья последний раз за эту войну нарушил клич южан — одетые в лохмотья «серые мундиры» отбросили кавалеристов, но обнаружили за ними разворачивающийся фронт двух пехотных корпусов янки. Два других корпуса приближались к позициям Ли с тыла. Окруженный почти со всех сторон в пять-шесть раз превосходящим его противником, Ли примирился с неизбежным. Один из его подчиненных предложил альтернативное решение: солдаты могли рассеяться по лесам и превратиться в партизан. Однако Ли отказался — он не хотел, чтобы вся Виргиния стала такой же пустыней, как и долина

36 Freeman D. S. R. E. Lee: A Biography. 4 vols. NY, 1934—1935. IV. P. 84.

37 Catton B. Grant Takes Command. P. 460.

Шенандоа. «[Партизаны] превратятся в обыкновенные банды мародеров, и вражеская кавалерия будет преследовать их, заглядывая в такие места, которые [при других обстоятельствах] она никогда бы не заметила. Этим мы затянем страну в такой омут, из которого она будет выбираться годами». С тяжелым сердцем Ли признал: «Мне ничего не остается, кроме как встретиться с генералом Грантом, хотя вместо этого я предпочел бы умереть тысячу раз»³⁸.

Ли послал Гранту письмо с предложением капитуляции. Мигрень Гранта и тошнота Мида мгновенно прошли — крови и смерти больше не будет, они победили. Для подписания акта о капитуляции Ли и Грант выбрали дом Уилмера Маклина. В 1861 году Маклин жил около Манассаса, где его дом служил штаб-квартирой конфедератов, а снаряд, выпущенный федералами, разворотил столовую. Впоследствии он перебрался в глухой уголок на юге Виргинии, чтобы спастись от ужасов войны, но финальный акт этой драмы разыгрался опять-таки в его доме, на сей раз в гостиной. Победенный, шести футов ростом, с величественной осанкой, прибыл в парадном облачении, с позолоченной шпагой на перевязи; невысокий и сутулый победитель появился в обычном кителе и заляпанных грязью брюках, заправленных в столь же грязные сапоги — штабной экипаж по дороге перевернулся. Именно здесь, в гостиной Маклина, сын дубильщика из Огайо продиктовал условия капитуляции отпрыску одной из первых виргинских семей.

Условия эти были гуманными: офицеры и солдаты могли разойтись по домам; «власти Соединенных Штатов обязались не преследовать их, пока они держат свое слово и соблюдают действующие законы». Это положение имело колоссальную важность. Оно послужило шаблоном для условий капитуляции прочих формирований конфедератов и гарантировало южанам то, что их по крайней мере не будут преследовать за измену. Ли просил еще об одной уступке. В армии Конфедерации, объяснил он, кавалеристы и артиллеристы призывались со своими лошадьми, поэтому могут ли они взять их обратно? Грант согласился: рядовые и офицеры, чьи лошади были в личном владении, могли отправиться на них домой «чтобы использовать их на полевых работах и прокормить себя и свои семьи зимой». «Это придется по душе моим людям, — сказал Ли, — и сможет в какой-то степени их утешить». После подписания документов Грант представил Ли своему штабу. Пожав руку личному адъютанту

38 Freeman D. S. Op. cit. P. 120—123.

Гранта, индейцу-сенека Илаю Паркеру, Ли взгляделся в черты его лица и произнес: «Рад видеть здесь одного истинного американца». Паркер ответил: «Мы все американцы»³⁹.

Акт о капитуляции был подписан, два генерала хмуро отсалютовали друг другу и разъехались. «Это останется в веках», — высокопарно выразился один из помощников Гранта, но сам командующий выглядел расстроенным. Только что воссоединив страну, он испытывал душевную пустоту. «Я чувствовал себя... потерянным и опечаленным, — писал Грант, — из-за поражения врага, который столь долго и столь храбро сражался и претерпел столько страданий за „правое дело“, хотя, по моему мнению, дело это было одним из худших, за которые можно было проливать кровь». Как только новости о капитуляции распространились по частям, начались салюты, но Грант распорядился прекратить их. «Война окончена, — сказал он, — и мятежники вновь стали нашими соотечественниками. Поэтому лучшим проявлением радости после победы будет воздержание от всяких проявлений»⁴⁰. Чтобы помочь бывшим мятежникам скорее проникнуться идеей Союза, Грант приказал выдать трехдневный паек 25 тысячам человек на линии фронта. Это, возможно, облегчило душевные и физические страдания солдат Ли.

Такое же действие возымел и символический жест три дня спустя на официальной церемонии, когда проходившие части конфедератов складывали оружие и свои флаги. В этой печальной колонне многие, должно быть, мысленно произносили слова, сказанные одним офицером вслух: «Неужели это конец наших маршей и сражений? Я не в силах сдержать слез». Со стороны северян ответственным за эту церемонию был Джошуа Чемберлен, бывший преподаватель Боуден-колледжа, получивший Почетную медаль Конгресса за Литтл-Раунд-Топ, два ранения и чин генерал-майора. Колонну, двигавшуюся навстречу двум стоявшим навытяжку бригадам Чемберлена, возглавлял Джон Гордон, один из самых боевых подчиненных Ли, принявший командование корпусом «Каменной Стены» Джексона. Первой в колонне шла бригада «Каменная Стена» — пять полков, в которых осталось всего 210 человек, прошедших через все сражения. Как только Гордон «с опущенным на грудь подбородком, упавшим сердцем и отчаянием во взоре» приблизился к северянам, Чемберлен

39 O. R. Ser. I. Vol. 46, pt. 1. P. 57—58; Porter H. The Surrender at Appomattox Courthouse // Battles and Leaders. IV. P. 739—740; Davis B. To Appomattox... P. 386.

40 Davis B. To Appomattox... P. 387; Personal Memoirs of Grant. II. P. 489.; Porter H. The Surrender at Appomattox Courthouse... P. 743.

отдал короткий приказ, вслед за которым раздался звук сигнальной трубы. По этому сигналу федералы перевели винтовки, бывшие в положении «к ноге», в положение «в руке» — знак почетного приветствия. Услышав звук трубы, генерал Гордон изумленно поднял голову и, поняв, что произошло, быстро обернулся к Чемберлену и поднял шпагу в приветственном жесте, после чего приказал своим людям взять на караул. Так враги, бывшие по разные стороны баррикад в многочисленных сражениях, окончили войну не со стыдом на одних лицах или ликованием на других, а «взаимным солдатским прощанием»⁴¹.

Новость о капитуляции Ли разнеслась по Северу, едва успевшему отойти от бурного празднования взятия Ричмонда. В честь падения столицы Конфедерации в Вашингтоне был устроен салют из 900 залпов; капитуляция Северовиргинской армии прибавила к ним еще 500. «На протяжении всей Пенсильвания-авеню, — сообщал один репортер, — воздух словно горел от ярких цветов нашего флага... Будто по мановению волшебной палочки улицы наполнились толпами людей, которые разговаривали, смеялись, произносили здравницы и кричали от счастья, обнимались, предлагали друг другу выпивку, забывали старые ссоры, мирились, ходили в обнимку, распевая песни». Та же картина была и на Уолл-стрит в Нью-Йорке: «Люди сжимали друг друга в объятиях, целовались, отбегали в дверные проемы, чтобы украдкой смахнуть слезу, и вновь принимались размахивать шляпами и кричать: „Ура!“», — писал очевидец событий. — Они пели „Старый сотый“ псалом, „Слава в вышних Богу“, „Тело Джона Брауна“ и гимн... снова и снова; толпа издавала многоголосый рев, а в конце каждого куплета в воздух взлетало облако шляп». «Только один раз прежде я видел такое яркое проявление чувств, — писал в дневнике другой очевидец, — на митинге сторонников Союза на Юнион-сквер в апреле 1861 года». Но в этот раз эмоции били через край: «Миновали четыре года неудач, когда нам оставалось только надеяться на лучшее, и наступило сознание того, что наконец одержана безоговорочная победа»⁴².

Линкольн также отдался радостному чувству освобождения от былых тягостных раздумий, но уже думал о будущем. Находясь в Ричмонде, он встречался с Джоном Кэмпбеллом, одним из предста-

41 Davis B. To Appomattox... P. 362; Chamberlain J. The Last Salute of the Army of Northern Virginia // Southern Historical Society Papers. 1904. 32. P. 362.

42 Foote S. Civil War. III. P. 900; Strong G. T. Diary. P. 574—575.

вителей Конфедерации на недавней конференции в Хэмптон-Роудс. Сейчас Кэмпбелл выражал готовность вернуться в Союз на условиях Линкольна. Он предложил напрашивавшийся шаг к окончательному прекращению сопротивления южан: позволить собраться легислатуре Виргинии, чтобы та смогла отозвать войска штата из армии Конфедерации. Президент одобрил эту идею и 6 апреля дал необходимое разрешение. Но Кэмпбелл неверно истолковал позицию Линкольна как признание этой легислатуры законным правительством штата. В действительности Линкольн вовсе так не считал. Он санкционировал собрание «джентльменов, выступавших как легислатура Виргинии... и имеющих полномочия издать особый указ де-факто», но не намерен был рассматривать их как «законную легислатуру». Капитуляция армии Ли, состоявшей из жителей Виргинии, сделала вопрос чисто теоретическим, поэтому Линкольн отозвал свое разрешение на собрание легислатуры. А 11 апреля он выступил перед торжествующей толпой с балкона Белого дома с тщательно продуманной речью, посвященной миру и реконструкции. «Нет никакого официального органа, с которым мы можем иметь дело, — сказал он, не принимая, таким образом, во внимание ни правительства штатов, ни кабинет Джефферсона Дэвиса в изгнании. — Мы просто должны начать работать с неорганизованными и противоречивыми элементами». Так Линкольн поступал в Луизиане, Арканзасе и Теннесси. Защитив от нападков правительство Луизианы, президент признал, что хотел бы, чтобы оно предоставило право голоса образованным неграм и чернокожим ветеранам. Впрочем, он надеялся, что в Луизиане скоро прислушаются к его просьбе. Что же касалось еще не подвергшихся реконструкции штатов, Линкольн обещал вскоре объявить о новой политике принятия их в Союз⁴³.

По меньшей мере один слушатель истолковал эту речь как сближение Линкольна с радикальными республиканцами. «Это означает государство черномазых, — бросил Джон Уилкс Бут своему спутнику. — Клянусь Богом, теперь уж я заставлю его замолчать.

Это была последняя речь, которую он произнес»⁴⁴.

43 CWL. VIII. P. 406—407, 399—405.

44 Hanchett W. The Lincoln Murder Conspiracies. Urbana (Ill.), 1983. P. 37.

Эпилог.

Подводные камни победы

Несколько недель после того, как Бут в Страстную пятницу сдержал свое обещание, вместили в себя длинную череду событий. Ужас и эйфория сменяли друг друга с калейдоскопической быстротой. Прощание с Линкольном в Белом доме 19 апреля, и плачущий у гроба генерал Грант. Отряды конфедератов, складывающие оружие один за другим, и Джефферсон Дэвис, бегущий на юг в надежде образовать новое правительство в Техасе и продолжать войну до победного конца. Бут, застреленный в горящем амбаре в Виргинии. Семь миллионов подавленных мужчин, женщин и детей, вышедших к дороге, по которой назад в Спрингфилд двигался погребальный поезд Линкольна. Пароход «Султана» с освобожденными военнопленными-северянами на борту, идущий вверх по Миссисипи и взорвавшийся 27 апреля — потери были сопоставимы с жертвами при крушении «Титаника» полвека спустя. Джефферсон Дэвис, захваченный 10 мая в Джорджии, обвиненный (несправедливо) в соучастии в убийстве Линкольна, заключенный под стражу и даже на какое-то время закованный в кандалы в форте Монро (Виргиния), где томился два года. После этого его без суда отпустили на свободу, и он дожил до 81 года, пополнив перечень литераторов из среды бывших конфедератов, написавших увесистые тома, в которых они пытались оправдать свое дело. 200 тысяч солдат Потомакской армии и армии Шермана, промаршировавшие во всем своем блеске по Пенсильвания-авеню 23 и 24 мая; через год их численность с одного миллиона сократится до 80 тысяч, а год спустя после полного умиротворения — до 27 тысяч. Измученные, одетые в лохмотья конфедераты, пробирающиеся домой, просящие милостыню или ворующие еду у таких же подавленных жителей, которые и сами не знали, когда им доведется поесть в следующий раз. Торжествующие негры, празднующие получение свободы, границ которой они еще не в состоянии были разглядеть.

Банды дезертиров-южан, партизан и уголовных преступников, опустошающих регион, который еще долгие годы не будет знать покоя.

Условия этого мира и масштабы предоставленной чернокожим свободы оставались краеугольными вопросами внутренней политики страны не меньше десяти лет. Тем временем начался процесс описания войны и оценки ее последствий, не прекращенный до сих пор. За четыре года войны погибло больше 620 тысяч солдат с обеих сторон: 360 тысяч янки и как минимум 260 тысяч мятежников. Жертвы среди гражданского населения Юга, явившиеся прямым или косвенным результатом военных действий, исчислить невозможно. Было ли освобождение четырех миллионов рабов и сохранение Союза достаточным возмещением за это? Вопрос этот, возможно, будет дебатироваться вечно, но в 1865 году немногие чернокожие и жители северных штатов сомневались бы в том, какой ответ следует дать.

Спустя какое-то время даже многие южане склонны были согласиться с суждениями Вудро Вильсона (уроженца Виргинии, проведшего детство в охваченной войной Джорджии), высказанными им в 1880 году, когда он изучал право в Виргинском университете: «Именно потому, что я люблю Юг, меня радует поражение Конфедерации... Представьте себе Союз, разделенный между двумя независимыми государствами!.. Рабство лишь ослабляло наше южное общество... [Тем не менее] я признаю и отдаю должное личным качествам вождей сецессии... тому, как они боролись за правое в их представлении дело, и бессмертному мужеству солдат Конфедерации»¹. Слова Вильсона направили чувства по руслу, примирившему многие поколения южан с поражением: их славные предки храбро сражались за дело, в правоту которого верили; возможно, они показали себя достойными победы, но в исторической перспективе поражение явилось лучшим выходом. «Проигранное дело» стало героической легей: дой, южной версией «Сумерек богов» с Робертом Ли в роли современного Зигфрида.

Однако как историкам, так и любителям мистики не дает покоя следующий вопрос: если генерал был гением, а его армии — непобедимыми, то почему же они потерпели поражение? Ответы на него хотя столь же неисчислимы, как легионы самого Ли, все же их можно разделить на несколько основных групп. Один популярный ответ, отражающий точку зрения северян, цитирует афоризм Наполеона: «Бог всегда на стороне того, у кого больше солдат». Южане этот

1 Pressly Th. J. *Americans Interpret Their Civil War*. Princeton, 1962. P. 199—200.

афоризм обычно передают словами самого Ли: «Они бы никогда не победили нас, не имей они четырехкратного превосходства. Если бы с нами была удача или же численное неравенство не было столь значительным, мы бы победили и остались независимой страной»².

Север имел более чем трехкратный потенциальный перевес в человеческих ресурсах (считая только белое население) и реальный двукратный перевес в живой силе во время войны. Что касается экономических ресурсов и транспортных возможностей, то в этом преимущество северян было еще существеннее. Таким образом, согласно этому объяснению, Конфедерация сражалась в неравных условиях, и ее поражение было предreshено.

Но это объяснение не устроило многих аналитиков. Мировая история изобилует примерами того, как народы завоевывали или отстаивали независимость перед лицом превосходящих сил противника: Нидерланды от Филиппа II Испанского; Швейцария от империи Габсбургов; американские повстанцы в 1776 году от могущественной Британии; Северный Вьетнам от Соединенных Штатов в 1970 году. При условии преимуществ, предоставляемых ведением оборонительной войны на своей территории, с внутренними линиями обороны, защита которых от прорыва приравнивалась к победе, трудности, с которыми столкнулся Юг, не являлись непреодолимыми.

Другая группа ответов называет причинами поражения внутренние противоречия, ослабившие Конфедерацию: конфликт по вопросу о правах штатов между некоторыми губернаторами и Ричмондом; разочарование не имевших невольников южан по поводу «войны богатей и бедняков»; либеральная оппозиция таким жизненно необходимым мерам как призыв и приостановление действия *habeas corpus*; равнодушие к делу Конфедерации бывших вигов и юнионистов; предательство рабов, при каждом удобном случае перебежавших в стан врага; растущие сомнения самих рабовладельцев в справедливости института рабства и отстаиваемых ими принципов. Согласно многим историкам, «Конфедерация пала не от внешних, а от внутренних причин». Юг пострадал от «слабости боевого духа», «потери воли к борьбе». У Конфедерации все было в порядке «с ресурсами, позволявшими продолжать сражение», но не доставало «воли к победе»³.

2 Donald D. Why the North Won the Civil War. Baton Rouge, 1960. P. IX.

3 Beringer R. E., Hattaway H., Jones A., Still W. N. Why the South Lost the Civil War. Athens (Ga.), 1986. P. 439, 55; Stamp K. M. The Imperiled Union: Essays on the Background of the Civil War. NY, 1980. P. 255; Eaton C. A History of the Southern Confederacy. NY, 1961. P. 250.

Для иллюстрации своего аргумента, что Юг мог вести войну еще много лет, если бы сражался более упорно, четыре историка приводят поучительный пример Парагвая. Это крошечное государство шесть лет (1865—1871) вело войну против альянса Бразилии, Аргентины и Уругвая, причем население этих стран превосходило парагвайское в соотношении 30 к 1. Едва ли не каждый мужчина от 12 до 60 лет сражался в рядах парагвайской армии; страна потеряла 56% всего населения и 80% мужчин призывного возраста. Действительно, «усилия Конфедерации выглядят в сравнении с этим жалкими», так как погибло лишь 5% белых мужчин и 25% белых мужчин призывного возраста. Естественно, Парагвай проиграл войну, но «стойкость его граждан... являет собой наглядный пример того, как народ может сражаться в условиях всеобщей воинской повинности»⁴.

Остается не вполне ясно, считали ли эти четыре историка, что Юг должен был последовать примеру Парагвая, или нет. В любом случае, «внутренним противоречиям» и «недостатку воли» как причинам поражения Конфедерации явно не хватает убедительности. Проблема в том, что внутренние противоречия на Севере были не меньшими, и если бы война развивалась по-иному, то отсутствие единства среди янки и нехватка воли к победе также могли быть названы среди причин возможного поражения федералов. На Севере было немало людей, возмущенных разницей в отношении к войне со стороны богачей и бедняков; действовала сильная оппозиция призыву, дополнительному налогообложению, приостановке действия *habeas corpus* и другим мерам военного времени; существовали губернаторы, члены легислатур и конгрессмены, пытавшиеся помешать проведению политики администрации. Если на Юге среди и белых и черных росло недовольство войной за сохранение рабовладельческого уклада, то на Севере также немалое число населения не соглашалось с такой целью войны, как упразднение рабства. Единственным существенным различием между Союзом и Конфедерацией была системная оппозиция со стороны Демократической партии на Севере, заставившая республиканцев сплотиться в поддержку военного решения конфликта, чтобы преодолеть и в конечном счете дискредитировать оппозицию. На Юге такая системная структура, борьба с которой могла укрепить государственную волю, отсутствовала.

Тем не менее наличие внутренних противоречий по обе стороны Потомака нивелирует этот фактор, поэтому ряд историков

4 Beringer et al. *Why the South Lost...* P. 440—442.

предпочитает сравнивать гражданских и военных вождей Юга и Севера. Существует несколько вариантов интерпретации этой темы. В лице Борегара, Ли, обоих Джонстонов, а также Джексона Юг в первые два года войны имел более способных командиров, а военная подготовка и опыт Джефферсона Дэвиса делали его более подходящей кандидатурой на роль вождя нации в условиях войны, чем Линкольн. Однако основной заботой Ли был виргинский театр военных действий, в то время как западу уделялось недостаточное внимание. Именно там союзные армии начали действовать, руководствуясь стратегическими замыслами, и выдвинули из своей среды генералов, способных воплотить их в жизнь, тогда как южане находились под командованием некомпетентных военачальников, проигравших войну на Западе. К 1863 году выдающиеся способности Линкольна превратили его в фигуру, затмившую лидерские качества Дэвиса, а в лице Гранта и Шермана Север обрел командующих, взявших на вооружение концепцию тотальной войны и обладавших решимостью вести ее до конца. В то же время Эдвин Стэнтон и Монтгомери Мейгс при помощи талантливых предпринимателей Севера проявили недюжинные организаторские способности в деле мобилизации огромных ресурсов и их вложения в победу в современном конфликте производственных потенциалов, в какой превратилась Гражданская война⁵.

Такая точка зрения тоже «обратима»: если бы исход войны оказался другим, тем же самым можно было объяснять победу конфедератов. Если у Юга были такие неудачливые генералы, как Брэгг, Пембертон и Худ, проигравшие Запад, а также Джозеф Джонстон, везде опаздывавший и сражавшийся слишком осторожно, то и у Севера нашлись Макклеллан и Мид, упустившие свои шансы на Востоке, Поуп, Бернсайд и Хукер, чуть не проигравшие войну в Виргинии, где гений Ли и его помощников едва не взял верх, несмотря на все недостатки конфедеративной армии. Если на Севере успешно действовали Стэнтон и Мейгс, то Конфедерация должна была молиться на Джошуа Горгаса и других скромных героев, творивших чудеса

5 Williams T. H. The Military Leadership of North and South; Potter D. M. Jefferson Davis and the Political Factors in Confederate Defeat // *Why the North Won*. P. 23—48, 91—114; Connolly Th. L. Robert E. Lee and the Western Confederacy: A Criticism of Lee's Strategic Ability // *Battles Lost and Won: Essays from Civil War History*. Westport (Conn.), 1975. P. 197—214; Nevins A. The War for the Union. 4 vols. NY, 1959—1971; Hattaway H., Jones A. How the North Won: A Military History of the Civil War. Urbana, 1983.

организации и импровизации. Если бы Линкольн проиграл выборы 1864 года, как он сам предсказывал в августе, то Дэвис вошел бы в историю как величайший военный лидер, а Линкольн был бы ославлен как аутсайдер.

Большинство попыток объяснить поражение южан или победу северян не учитывают такой фактор, как *игра случая*. Надо понимать, что во многих поворотных пунктах войны события могли пойти совершенно по другому сценарию. Первой такой вехой стало лето 1862 года, когда контратаки Джексона и Ли в Виргинии и Брэгта и Кирби Смита на Западном фронте поставили под сомнение казавшуюся неминуемой победу федералов. Это привело к продолжению и дальнейшей эскалации конфликта, а также создало предпосылки для успеха Конфедерации, который казался гарантированным накануне каждого из трех следующих поворотных пунктов.

Первый имел место осенью 1862 года, когда итоги битв при Энтитеме и Перривилле затормозили вторжение конфедератов, предотвратили посредничество и признание Конфедерации со стороны европейских держав, с высокой долей вероятности воспрепятствовали победе демократов в череде выборов 1862 года, после чего они могли бы помешать правительству эффективно вести войну, а также подготовили почву для Прокламации об освобождении, углубившей конфликт и поменявшей цели северян. Второй переломный момент произошел летом и осенью 1863 года, когда Геттисберг, Виксберг и Чаттануга окончательно склонили чашу весов в пользу федералов.

Еще раз события могли потечь по другому руслу летом 1864 года, когда гигантские потери северян и отсутствие каких-либо видимых успехов (особенно в Виргинии) подвели Север к мирным переговорам и избранию президента-демократа. Однако взятие Атланты Шерманом и уничтожение армии Эрли Шериданом в долине Шенандоа решили исход событий в пользу Севера. Только с этого момента стало возможным говорить о неизбежности победы Союза, и только с этого момента Юг стал испытывать невозместимый «недостаток воли к борьбе».

Из всех факторов, призванных объяснить поражение Конфедерации, тезис о нехватке воли является самым спорным, так как нарушает причинно-следственную связь. Поражение приводит к деморализации и упадку духа, а победа воодушевляет солдат и зовет к новым подвигам. Ничто не иллюстрирует этот постулат лучше, чем радикальное преобразование северян в августе 1864 года, перешедших от пораженческих настроений к «глубокой решимости... сражаться

до последнего», что так «поразило» британского журналиста месяц спустя. Потеря воли южанами была лишь зеркальным отражением решимости северян, а эти перемены настроения в основном порождались событиями на фронтах. Победа Севера и поражение Юга нельзя рассматривать отдельно от непредвиденных обстоятельств, сопровождавших каждую кампанию, каждую битву, каждые выборы, каждое важное решение. Вскрыть эти обстоятельства лучше всего помогает нарративный метод, с позиций которого и написана данная монография.

Споры о причинах и последствиях Гражданской войны и победы Севера будут идти до тех пор, пока жива историческая наука и перо историков оказывается могущественнее меча. Однако определенные последствия бесспорны. Мятеж был подавлен, а рабство за прошедшие после Аппоматокса 125 лет упразднено безвозвратно. Эти итоги знаменовали глубокую трансформацию американского общества, намеченную войной, а может, и полностью обеспеченную ею. До 1861 года слова «Соединенные Штаты» обычно использовались во множественном числе: *the United States are a republic*. После войны выражение *United States* стало употребляться в единственном числе. Слово *Union* стало означать государство, и современные американцы редко употребляют это слово не в историческом его смысле. Такая смена трактовки основополагающих понятий начала происходить еще в выступлениях Линкольна во время войны. В своей первой инаугурационной речи он употребил слово «Союз» двадцать раз, а «государство» (*nation*) — ни разу. В первом послании Конгрессу 4 июля 1861 года он использовал «Союз» 32 раза, а «государство» — всего три. В своем письме Хорасу Грили от 22 августа 1862 года касательно связи рабства и войны президент говорит о «Союзе» восемь раз, вовсе не упоминая о «государстве». Прошло немногим больше года, и в Геттисбергском послании Линкольн вообще не говорит о «Союзе», в то время как «государство» упомянуто пять раз, чтобы подчеркнуть возрождение свободы и национального единства Соединенных Штатов. Во второй инаугурационной речи, подводя итоги прошедшего четырехлетия, Линкольн, с одной стороны, искал возможность оставить старый Союз в 1861 году, а с другой — принимал вызов войны, чтобы сохранить *государственность*.

Старая федеративная республика, где центральное правительство почти не вмешивалось в жизнь обывателя, напоминая о себе лишь почтальонами, уступила место более централизованной модели государства, которое облагало население прямыми налогами и учредило

для их сбора налоговую службу, призывало людей в армию, расширило юрисдикцию федеральных судов, ввело национальную валюту и создало систему национальных банков, а также образовало первое государственное агентство социального обеспечения — Бюро по делам освобожденных рабов. Одиннадцать из первых двенадцати поправок в Конституцию ограничивали власть федеральных властей; шесть из семи последующих, начиная с Тринадцатой поправки, принятой в 1865 году, существенно расширяли полномочия центра за счет штатов.

Изменения в структуре полномочий федеральной и местной власти происходили параллельно с радикальным переходом политической власти от Юга к Северу. За первые 72 года существования республики 49 из них (свыше двух третей) президентами Соединенных Штатов становились рабовладельцы, проживавшие в одном из тех штатов, которые впоследствии образовали Конфедерацию. В Конгрессе 23 из 36 спикеров нижней палаты и 24 временных председателя Сената были южанами. В Верховном суде южане исторически были многочисленнее: 20 из 35 судей до 1861 года были выходцами из рабовладельческих штатов. После войны прошло сто лет, прежде чем президентом страны был избран житель бывшего конфедеративного штата. Целых полвека ни один спикер Палаты представителей и ни один временный председатель Сената не говорил с южным акцентом, и лишь 5 из 26 членов Верховного суда в этот промежуток времени представляли Юг.

Эти данные символизируют резкую и необратимую перемену вектора развития Америки. На протяжении большей части американской истории Юг отличался от прочих регионов Соединенных Штатов своим «независимым, уникальным характером... который отличался от господствующего американского духа»⁶. Но когда, собственно, северный дух стал общеамериканским? Анализируя эту проблему, можно сказать, что до Гражданской войны именно Север был исключителен и уникален. Юг был гораздо сильнее похож на большинство европейских государств, чем стремительно менявшийся накануне войны Север. Несмотря на отмену узаконенного рабства или крепостного права почти во всем Западном полушарии и в Западной Европе, в большинстве стран мира, как и на Юге, сохранялась система подневольного или псевдосвободного труда. Мировой уклад оставался сельскохозяйственным, основанным на тяжелом

6 The South: A Central Theme? Huntington (NY), 1976. P. 1.

труде; доля неграмотных в большинстве стран, включая даже некоторые европейские, не превышала 45% (показатель рабовладельческих штатов); как и на Юге, значительная часть населения исповедовала традиционные ценности и была связана узами семьи, родства, иерархии и патернализма. Север же, наряду с некоторыми государствами Северо-Западной Европы, семимильными шагами шел к промышленному капитализму, который южане не принимали: до 1861 года Юг гордо и даже демонстративно декларировал свою приверженность прошлому.

Таким образом, когда сецессионисты заявляли, что их целью является сохранение традиционных прав и ценностей, они говорили правду. Они вели борьбу, чтобы защитить свои конституционные свободы от предполагаемой угрозы со стороны Севера, который хотел их упразднить. Южное видение республиканизма за три четверти века осталось неизменным, северное же трансформировалось. Южане абсолютно искренне пытались защитить свою модель республики, доставшейся от отцов-основателей: федеральное государство с ограниченными полномочиями, гарантировавшее право собственности; общество, состоящее из белых независимых аристократов и фермеров, не развращенных соблазнами больших городов, бездушными машинами, беспокойными свободными работниками и классовыми конфликтами. Переход власти к Республиканской партии с ее идеологией конкурентного эгалитарного капитализма, основанного на свободном труде, стал сигналом того, что большинство северян шагнули навстречу пугающему, революционному будущему. В самом деле, «черные республиканцы» в глазах многих южан выглядели «крайне революционной партией», «пестрой толпой санкюлотов... безбожников и развратников, разбавленной суфражистками, беглыми рабами и сторонниками смещения рас»⁷. Сецессия, таким образом, рассматривалась как упреждающая контрреволюция, предотвращающая республиканскую революцию, призванную поглотить Юг. «Мы не революционеры, — настаивали во время Гражданской войны Джеймс Де Боу и Джефферсон Дэвис, — мы консерваторы»⁸.

Победа Союза уничтожила южную модель Америки и сделала северную модель общеамериканской, однако до 1861 года на периферии исторического развития пребывал именно Север, а не Юг.

7 New Orleans Daily Delta. 1860. Nov. 3; Channing S. A. Crisis of Fear: Secession in South Carolina. New York, 1970. P. 287.

8 DeBow's Review, 33, 1862. P. 44; Davis. VI. P. 357.

Разумеется, северные штаты, наряду с Великобританией и некоторыми государствами Северо-Западной Европы уже рыли новый канал, по которому суждено было направиться реке мировой истории даже в том случае, если бы никакой Гражданской войны не было. Россия отменила крепостное право в 1861 году, после чего древний институт подневольного труда в Европе исчез полностью. Однако для американцев поворотным пунктом стала именно Гражданская война. В 1865 году один луизианский плантатор, вернувшись домой, писал: «Война полностью изменила наше общество. [Французская] революция 1789 года изменила Старый режим не сильнее, чем закончившаяся война». А четыре года спустя отставной профессор Гарварда Джордж Тикнор пришел к выводу, что Гражданская война стала «величайшим разломом между прошлым и настоящим»: «Сейчас мне кажется, что я живу не в той стране, в какой родился»⁹. Именно с эпохи Гражданской войны американская история двинулась по новой дороге и своеобразным стал выглядеть уже не Север, а Юг.

Какое место надлежало занять освобожденным рабам и их потомкам в новом общественном укладе? В 1865 году один чернокожий солдат в толпе охраняемых им пленных узнал своего бывшего хозяина и приветствовал его словами: «Ну что, масса, последние стали первыми!»¹⁰ Сохранится ли впредь такое положение вещей? На этот вопрос постараются ответить следующие книги нашей серии.

9 Ричард Тэйлор Сэмюэлу Барлоу, 13 декабря 1865 г. (Barlow Papers. Henry E. Huntington Library); слова Тикнора цит. по: Keller M. *Affairs of State: Public Life in Late Nineteenth Century America*. Cambridge (Mass.), 1977. P. 2.

10 Litwack L. F. *Been in the Storm So Long: The Aftermath of Slavery*. NY, 1979. P. 102.

Послесловие

Перечитывать свою книгу, написанную пятнадцать лет назад, — сомнительное удовольствие. Поневоле подмечаешь детали, которые можно было подвергнуть более тщательной отделке еще в то время, и существенные моменты, которые, несомненно, звучали бы по-другому, если бы я писал книгу сейчас. Большое количество и высокое качество научной литературы о Гражданской войне, появившейся за эти пятнадцать лет, расширило горизонты наших знаний о событиях той эпохи. Работай я над монографией сейчас, то мог бы включить некоторые выводы этих исследований как в повествование, так и в оценки событий.

Но как выразился прозаик Томас Вулф: «Домой возврата нет». Книга — уникальный продукт времени и обстоятельств, при которых автор писал ее. Вернуться к ее содержанию много лет спустя и пытаться пересмотреть этот продукт определенной культурной среды было бы ошибкой. Кроме того, мне льстит, что в мой адрес приходят письма из-за рубежа от разных людей, уверяющих меня, что именно «Боевой клич...» пробудил в них интерес к эпохе Гражданской войны и что это лучшее однотомное изложение тех событий, которое им доводилось читать. Книга по-прежнему находится в учебной программе многих колледжей и курсов последипломного образования университетов.

Год спустя после выхода в свет первого издания «Боевого клича...» историк Марис Виновскис опубликовал статью с двусмысленным названием «Социальные историки проиграли Гражданскую войну?»¹. С 1960-х годов социальная история была наиболее современным и бурно развивающимся направлением американской историографии,

1 Have Social Historians Lost the Civil War? Some Preliminary Demographic Speculations // JAH. June 1989. 76. P. 34—58.

но уделяла мало внимания Гражданской войне, остававшейся вотчиной военных историков и исследователей политической жизни. С 1989 года социальные историки принялись за изучение Гражданской войны и, вполне возможно, дело закончится их победой.

С той поры вышло огромное количество книг и статей по социальной истории Гражданской войны и другим ее аспектам, упомянуть в нашем кратком послесловии лишь некоторые из них было бы несправедливым². Скажу лишь то, что настроения гражданского населения в тылу, особенно женщин и даже детей, стали для исследователей благодатной нивой. Важным направлением в изучении Гражданской войны является гендерная история, социальное происхождение и убеждения бойцов также стали предметом исследования многих авторов. Несколько сотен женщин, переодетшихся в мужское платье и сумевших попасть в действующую армию, также удостоились самого пристального внимания. Даже описания военных кампаний и сражений, до сих пор составляющие значительный процент исследований Гражданской войны, в наше время все больше делают акцент на происхождении и переживаниях простых солдат. Лагеря для военнопленных и сами пленники привлекли, наконец, то внимание, в котором они давно нуждались. Историки обратились и к изучению роли религиозных воззрений в ту эпоху. Жизнь рабов во время войны, позволившей им обрести свободу, была предметом исследований и до 1988 года, но в последнее время стала объектом куда более пристального изучения.

Нужно сказать и о том, что за последние пятнадцать лет не были забыты и многие традиционные направления научной работы. Новые исследования личности Авраама Линкольна появляются практически каждый год, также увидели свет и три фундаментальных биографии Джефферсона Дэвиса. Несколько новых биографий Улисса Гранта представили долгожданную позитивную переоценку его деятельности как командующего и даже как президента. И наоборот, с 1988 года из печати вышло несколько трудов, критикующих ранее неприкосновенного Роберта Ли, на которые немедленно откликнулись его многочисленные апологеты. Количество новых книг об Уильяме Шермане почти сравнялось с числом биографий Гранта и Ли, а литература, посвященная Джошуа Лоуренсу Чемберлену издается едва ли не кустарным способом.

2 Обзор исследований до 1998 года см.: *McPherson J. M., Cooper W. J. Writing the Civil War: The Quest to Understand. Columbia (SC), 1998.*

Да, если бы я писал «Боевой клич...» сегодня, я бы многое позаимствовал из этих трудов. Но я приятно удивлен тем, что моя книга предвосхитила некоторые новейшие находки, и что многие мои взгляды смотрятся вполне солидно в свете позднейших исследований. Однако я понял, что одну из тем оставил раскрытой не до конца. Это заглавие книги, песня, название которой и стало этим заглавием, а также предисловие, где формулируется изменчивое и противоречивое видение Свободы: как цели, за которую сражались и Союз и Конфедерация, и как свободы рабов, ставшей целью их самих, а затем и северян. Поэтому я хотел бы несколько развить эту многослойную проблему свободы.

Как обычно, лучше всех выразился Авраам Линкольн. В апреле 1864 года он посетил Балтимор — впервые после того как три года назад тайно проследовал через этот город под покровом ночи, избежав покушения. В этот раз он прибыл при свете дня и произнес одну из немногих своих публичных речей во время войны. «За всю мировую историю так и не появилось наилучшего определения слова „свобода“, а американскому народу сейчас оно нужно как никогда, — сказал Линкольн. — Мы все призываем к свободе, используя одно и то же понятие, но не все из нас имеют в виду одинаковое его наполнение. Для одних слово „свобода“ может означать свободу поступать как заблагорассудится с самим собой и продуктами своего труда. Для других — обращаться по своему усмотрению с остальными людьми и продуктами чужого труда. Вот две не только различных, но и несовместимых модели поведения, объединенных одним и тем же словом: свобода». Далее Линкольн проиллюстрировал свои слова притчей. «Пастух вырывает овцу из волчьей пасти, за что овца благодарит пастуха как освободителя, а волк в то же время прокликает его как душителя свободы, особенно если овца — черная. Очевидно, что овца и волк по-разному истолковывают понятие свободы; то же самое наблюдается сегодня и среди людей, даже на Севере, где все мы клянемся в любви к свободе. Сейчас мы являемся свидетелями процесса, когда каждый день тысячи людей избавляются от ярма рабства, что приветствуется одними как торжество свободы и оплакивается другими как ее уничтожение»³.

Пастухом в этой замечательной притче был, конечно же, сам Линкольн, черной овцой — раб, а волком — рабовладелец. Этими словами Линкольн предсказал неминуемое торжество свободы в по-

3 CWL. VII. P. 301—302.

нимании пастуха и овцы. Но он сделал даже больше: подчеркнул глубокую трансформацию понятия «свобода», завершённую Гражданской войной. Это была трансформация того, что покойный Исайя Берлин назвал «отрицательной свободой», в свободу «положительную»⁴. Идея «отрицательной свободы», возможно, более распространена. Ее можно описать как отсутствие ограничений, как свободу от вмешательства репрессивных факторов в мысли или поведение отдельной личности. Закон, обязывающий мотоциклистов надевать шлем, согласно такому определению, будет препятствовать им наслаждаться свободой езды с непокрытой головой. Таким образом, «отрицательная свобода» — это «свобода от». «Положительную свободу» лучше всего воспринимать как «свободу на». Она не является несовместимой с «отрицательной свободой», она просто делает упор на другое. Свобода прессы обычно понимается как пример отрицательной свободы — свободы от вмешательства в то, что пишет автор и читает читатель. Однако неграмотный человек страдает от недостатка свободы положительной: он не может насладиться свободой читать или писать, что сочтет нужным, не потому что некая власть запрещает ему это, а просто потому что он неграмотен. Он страдает от отсутствия не отрицательной свободы — свободы от чего-либо — а положительной — свободы на чтение и письмо. И лекарство здесь не в устранении запретов, а в получении возможности читать и писать.

Другим способом установить различие между двумя концепциями свободы является определение их отношения к власти. Отрицательная свобода диаметрально противоположна власти, особенно власти, сосредоточенной в руках центрального правительства. Именно такой власти больше всего опасались отцы-основатели. Вот почему они тщательно распределили полномочия в Конституции и законах, регламентирующих федеральную систему управления. Вот почему они составили Билль о правах, ограничивающий вмешательство государства в свободу личности. В первых десяти поправках к Конституции, обычно и называемых Биллем о правах, оборот «не должны» появляется снова и снова как напоминание об ограниченности полномочий федерального правительства.

Весь довоенный период сторонники рабства на Юге ссылались на концепцию «отрицательной свободы», чтобы предотвратить вмешательство центральной власти в их право на рабовладение и распространение рабства на новые территории. «Идеал свободы, о котором они мечтают, — говорил Линкольн еще в 1854 году, — это

4 Berlin I. Four Essays on Liberty. NY, 1970. P. 118—172.

свобода превращения других людей в рабов»⁵. Крайней формой выражения отрицательной свободы стала сецессия, превратившаяся в глазах многих северян, включая Линкольна, в измену.

«Положительная свобода» в виде силы союзных армий стала новой доминантой американского понимания свободы. Свобода и власть более не находились в конфликте. Будучи в 1864 году верховным главнокомандующим миллионной армии, пастух Линкольн нуждался в каждой боевой единице, чтобы защитить свободу черной овцы от волка-рабовладельца. Эта новая концепция «положительной свободы» постепенно видоизменяла Конституцию Соединенных Штатов, начиная с 13-й, 14-й и 15-й поправок, упразднивших рабство и предоставивших равные гражданские и политические права освобожденным рабам. Вместо многочисленных «не должны» первых поправок в этих трех содержится оборот «Конгресс правомочен исполнять настоящую статью». Такие же слова мы видим в 16-й, 18-й и 19-й поправках.

Даже несмотря на то, что при жизни трех поколений (начиная с 1877 года) государство не выполняло свои обещания предоставить гражданские и политические права, гарантированные 14-й и 15-й поправками, решения Верховного суда и движение за гражданские права во второй половине XX столетия вдохнули новую жизнь в линкольновскую концепцию «положительной свободы». Либертарианцы и южные консерваторы, в 1980-х и 1990-х годах желавшие возродить исключительно отрицательную форму свободы, бытовавшую до Гражданской войны, совершенно справедливо избрали Линкольна мишенью своих интеллектуальных атак⁶. В отличие от этих «линейных» мыслителей, Линкольн прекрасно понимал, что сецессия и война послужили толчком для революции, навсегда изменившей Америку. Естественно, неусыпная бдительность в отношении любых тиранических замыслов государства остается наследием нашей отрицательной свободы, но также справедливо и то, что атрибуты государства и власти являются необходимыми для того, чтобы отстоять равные права перед законом в рамках свободы положительной.

Джеймс Макферсон
Принстон, 23 апреля 2003 года

5 CWL. II. P. 250.

6 Hummel J. R. *Emancipating Slaves, Enslaving Free Men: A History of the American Civil War*. Chicago, 1996; DiLorenzo Th. J. *The Real Lincoln: A New Look on Abraham Lincoln, His Agenda, and an Unnecessary War*. NY, 2002; Bradford M. E. *Remembering Who We Are: Observations of a Southern Conservative*. Athens (Ga.), 1985; Bradford M. E. *The Reactionary Imperative: Essays Literary and Political*. Peru (Ill.), 1990.

Список сокращений

- AHR** — American Historical Review
- Battles and Leaders** — Battles and Leaders of the Civil War, 4 vols. New York, 1888
- CG** — Congressional Globe
- CWH** — Civil War History
- CWL** — The Collected Works of Abraham Lincoln. 9 vols. New Brunswick (NJ), 1952—1955
- Davis** — Jefferson Davis, Constitutionalist: His Letters, Papers, and Speeches. 10 vols. Jackson (Miss.), 1923
- Foote S. Civil War** — Foote S. The Civil War: A Narrative. 3 vols. New York, 1958, 1963, 1974
- Jones J. War Clerk's Diary (Miers)** — Jones J. B. A Rebel War Clerk's Diary / Ed. Earl Schenck Miers. New York, 1958
- Jones J. War Clerk's Diary (Swiggett)** — Jones J. B. A Rebel War Clerk's Diary at the Confederate States Capitol / Ed. Henry Swiggett. New York, 1935
- JAH** — Journal of American History
- JSH** — Journal of Southern History
- Lincoln/Hay** — Lincoln and the Civil War in the Diaries and Letters of John Hay. New York, 1939
- MVHR** — Mississippi Valley Historical Review
- Nevins A. Ordeal** — Nevins A. Ordeal of the Union. 2 vols. New York, 1947. Vol. I. Fruits of Manifest Destiny. 1847—1832. Vol. II. A House Dividing, 1852—1857
- Nevins A. Emergence** — Nevins A. The Emergence of Lincoln. 2 vols. New York, 1950. Vol. I. Douglas, Buchanan, and Party Chaos 1857—1859. Vol. II. Prologue to Civil War, 1859—1861
- Nevins A. War** — Nevins A. The War for the Union. 4 vols. New York, 1959, 1960, 1971. Vol. I. The Improvised War, 1861—1862. Vol. II. War Becomes Revolution. Vol. III. The Organized War, 1863—1864. Vol. IV. The Organized War to Victory, 1864—1865
- O. R.** — War of the Rebellion... Official Records of the Union and Confederate Armies. 128 vols. Washington, 1880—1901
- O. R. Navy** — Official Records of the Union and Confederate Navies in the War of the Rebellion. 30 vols. Washington, 1894—1922
- Potter D. Impending Crisis** — Potter D. M. The Impending Crisis 1848—1861. New York, 1976
- Strong G. T. Diary** — The Diary of George Templeton Strong. Vol. 3. The Civil War 1860—1865. New York, 1952
- Wiley B. I. Johnny Reb** — Wiley B. I. The Life of Johnny Reb: The Common Soldier of the Confederacy. Indianapolis, 1943
- Wiley B. I. Billy Yank** — Wiley B. I. The Life of Billy Yank: The Common Soldier of the Union. Indianapolis, 1952

Научно-популярное издание

Джеймс Макферсон

Боевой клич свободы

Гражданская война

1861—1865

Редактор *К. Жвакин*

Дизайнер *А. Шатунов*

Художественный редактор *С. Сакнынь*

Корректор *Н. Шевченко*

Оператор компьютерной верстки *Т. Упорова*

Подписано в печать 17.10.2011.

Формат 70×100¹/₆. Гарнитура OsvaldLight.

Печать офсетная. Бумага писчая. Усл. печ. л. 78,7+1,29 вкл.

Тираж 3000 экз. Заказ № 663.

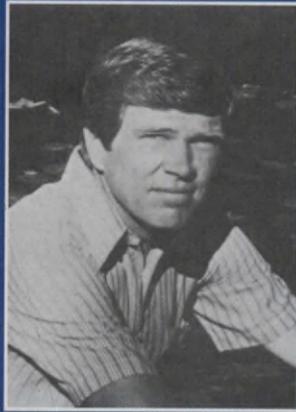
ООО «Издательство Гонзо»

620026, Екатеринбург, ул. Декабристов, 51а

Тел./факс: (343)228-09-16

e-mail: izdatelstvo-gonzo@yandex.ru

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru>, e-mail: sales@uralprint.ru

Джеймс Макферсон (р. 11 октября 1936 года) — историк, почетный профессор американской истории Принстонского университета. За «Боевой клич свободы» — самую известную свою работу — был в 1989 году удостоен Пулитцеровской премии в номинации «За книгу по истории Соединенных Штатов». В 1998 году за другую свою работу получил Премию Линкольна, присуждаемую за лучшее исследование по истории Гражданской войны.

В 2000 году Национальный фонд гуманитарных наук выбрал его для прочтения ежегодной Джефферсоновской лекции — честь, которой удостоиваются только выдающиеся ученые. «Джеймс Макферсон помог миллионам американцев лучше понять значение и наследие Гражданской войны в США. Установив высочайшие стандарты научного и общественного понимания Гражданской войны, он внес исключительный вклад в историческое самосознание американцев» (У. Феррис, глава Фонда).

Джеймс Макферсон входил в состав редакционной коллегии Британской энциклопедии, что также свидетельствует о признании его высоких научных заслуг, в 2003 году избирался президентом Американской исторической ассоциации, а в 2007 году стал первым лауреатом литературной премии Военной библиотеки Притцкера, вручаемой за совокупный вклад в изучение военной истории.